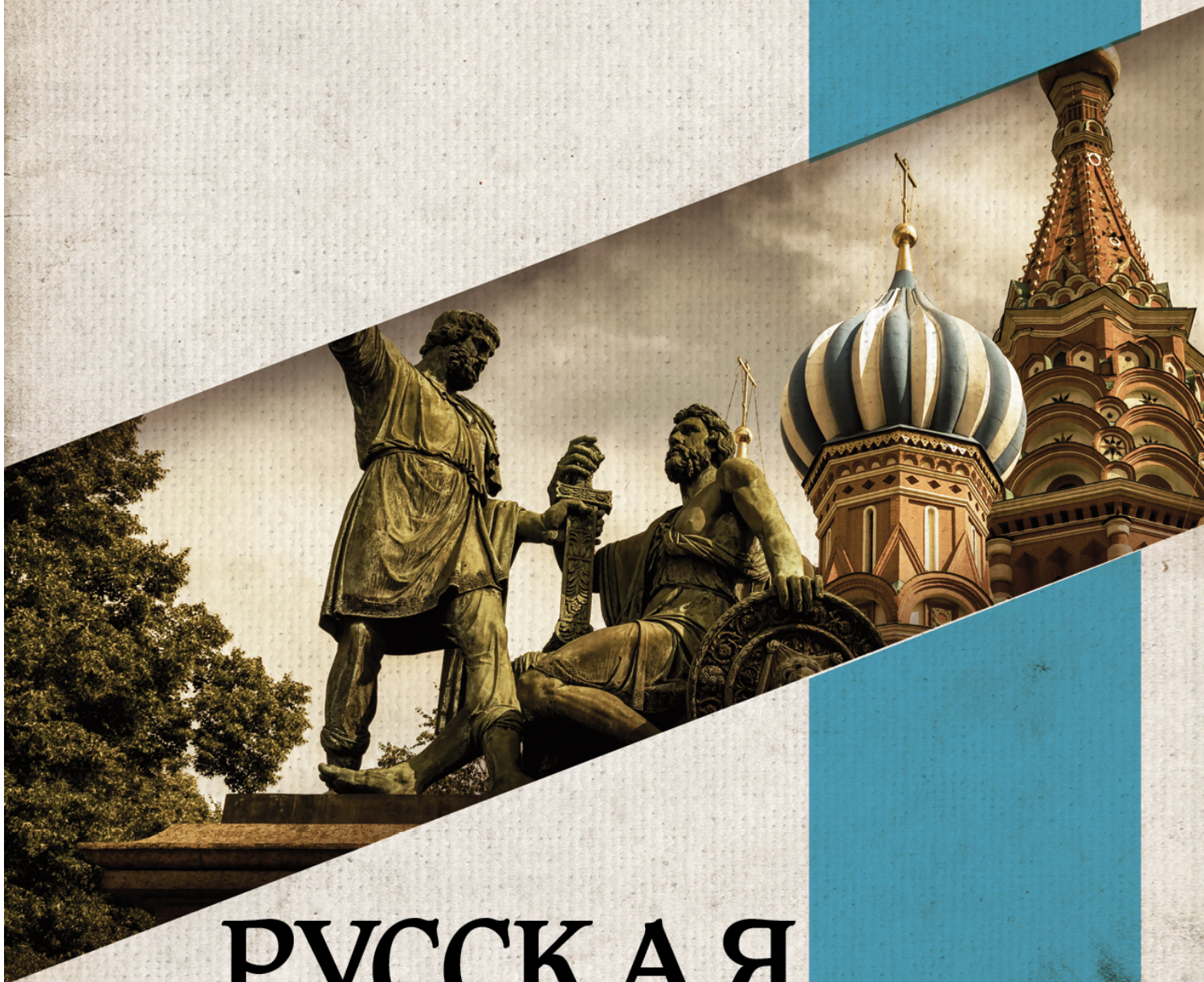

Николай Иванович

КОСТОМАРОВ

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

в жизнеописаниях
ее главнейших деятелей

вся история
в одном томе

Вся история в одном томе

Николай Костомаров

**Русская история в
жизнеописаниях ее
главнейших деятелей**

«Издательство АСТ»

до 1885 г.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4

Костомаров Н. И.

Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей /
Н. И. Костомаров — «Издательство АСТ», до 1885 г. — (Вся
история в одном томе)

ISBN 978-5-17-107838-6

«Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» –
фундаментальный труд выдающегося историка, этнографа, писателя, критика
XIX века Николая Ивановича Костомарова (1817–1885). В него вошли статьи
о виднейших отечественных государственных деятелях, начиная с Владимира
Святого и заканчивая Елизаветой Петровной. Образный язык, богатейший
фактический материал, критическое отношение к официозу, придают трудам
Костомарова непреходящее значение.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4

ISBN 978-5-17-107838-6

© Костомаров Н. И., до 1885 г.
© Издательство АСТ, до 1885 г.

Содержание

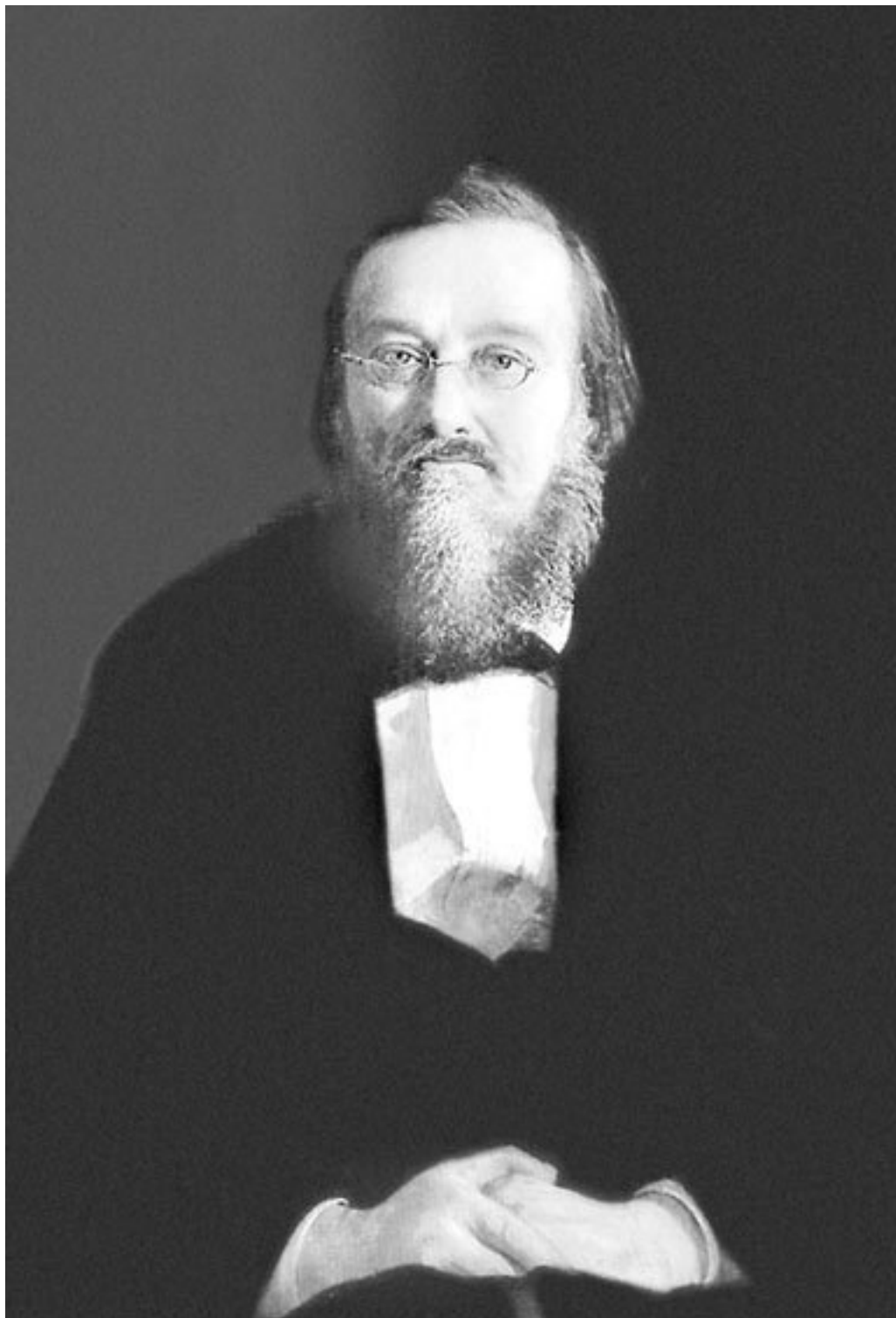
Князь Владимир Святой	8
Киевский князь Ярослав Владимирович	19
Князь Владимир Мономах	33
Князь Андрей Боголюбский	62
Князь Александр Невский	89
Московские князья Даниловичи	111
Великий князь Дмитрий Донской	138
Великий князь и государь Иван Васильевич	168
Сильвестр и Адашев	241
Царь Иван Васильевич Грозный	283
Борис Годунов	364
Василий Шуйский	420
Козьма Минин и Дмитрий Пожарский	451
Царь Михаил Федорович	465
Царь Алексей Михайлович	518
Патриарх Никон	575
Сибирские землеискатели XVII века	632
Царь Федор Алексеевич	639
Царевна Софья	651
Ростовский митрополит Димитрий Туптало	690
Петр Великий	707
I. Детство и юность Петра до начала шведской войны	707
II. Внутренние и политические события от начала Северной войны до Альтранштадтского мира	741
III. От Альтранштадтского мира до Прутского мира России с Турцией	774
IV. Внутренние дела после Прутского договора до Ништадтского мира со Швецией	801
V. Политические события от Прутского до Ништадтского мира	869
VI. Внутренние события после Ништадтского мира	893
VII. Политические события после Ништадтского мира до кончины Петра Великого	921
Царевич Алексей Петрович	935
Князь Александр Данилович Меншиков	955
Императрица Анна Ивановна и ее царствование[201]	975
I. Анна Ивановна до призвания на царство	975
II. Избрание Анны Ивановны на престол	985
III. Анна Ивановна в домашней жизни	1003
IV. Ход государственной жизни при Анне Ивановне	1008
V. Внутренняя политика при Анне Ивановне	1022
VI. Образованность, промышленность и торговля	1031
VII. Церковь	1043
VIII. Внешняя политика России при Анне Ивановне	1049
IX. Окончание царствования Анны Ивановны	1054
Императрица Елисавета Петровна	1063
I. Цесаревна Елисавета	1063

II. Достижение престола	1074
III. Эпоха силы и влияния Лестока	1084
IV. Могущество Бестужева	1093
V. Эпоха событий, подготовлявших Семилетнюю войну	1099
VI. Эпоха Семилетней войны	1106
VII. Государственное управление при императрице Елисавете Петровне	1131
VIII. Церковь и просвещение	1146
IX. Внутренний быт при Елисавете Петровне. Хозяйство, ремесла и торговля	1161
X. Болезнь и кончина императрицы Елисаветы Петровны	1171

Николай Костомаров
Русская история в жизнеописаниях
ее главнейших деятелей

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Николай Иванович Костомаров

Князь Владимир Святой

Наша история о временах, предшествовавших принятию христианства, темна и наполнена сказаниями, за которыми нельзя признать несомненной достоверности. Этому причиной то, что наши первые летописцы писали не раньше второй половины XI века и о событиях, происходивших в их отечестве в IX и X веках, и за исключением немногих письменных греческих известий не имели других источников, кроме изустных народных преданий, которые по своему свойству подвергались вымыслам и изменениям. С достоверностью можно сказать, что, подобно всем северным европейским народам, и русский народ только с христианством получил действительные и прочные основы для дальнейшего становления гражданской и государственной жизни, основы, без которых собственно для народа нет истории. С давних времен восточная половина нынешней европейской части России была населена народами племен чудского и тюркского, а в западной половине кроме народов литовского и чудского племен, примыкавших своими поселениями к Балтийскому побережью, жили славяне под разными местными названиями, держась берегов рек: Западной Двины, Волхова, Днепра, Припяти, Сожа, Горыни, Стыри, Случи, Буга, Днестра, Сулы, Десны, Оки с их притоками. Они жили небольшими общинами, которые имели свое средоточие в городах – укрепленных пунктах защиты, народных собраний и управления. Никаких установлений, связующих между собой племена, не было. Признаков государственной жизни мы не замечаем. Славяно-русские племена управлялись своими князьками, вели между собой мелкие войны и не в состоянии были охранять себя взаимно и общими силами против иноплеменников, а потому часто были покоряемы. Религия их состояла в обожании природы, в признании мыслящей человеческой силы за предметами и явлениями внешней природы, в поклонении солнцу, небу, воде, земле, ветру, деревьям, птицам, камням и т. п. и в разных баснях, верованиях, празднествах и обрядах, создаваемых и учреждаемых на основании этого обожания природы. Их религиозные представления отчасти выражались в форме идолов, но у них не было ни храмов, ни жрецов, а потому их религия не могла иметь признаков повсеместности и неизменяемости. У них были неясные представления о существовании человека после смерти; загробный мир представлялся их воображению продолжением настоящей жизни, так что в том мире, как и в здешнем, предполагались одни рабами, другие господами. Они чествовали умерших прародителей, считали их покровителями и приносили им жертвы. Верили они также в волшебство, то есть в знание тайной силы вещей, и питали большое уважение к волхвам и волхвицам, которых считали обладателями такого знания; с этим связывалось множество суеверных приемов: гаданий, шептаний, завязывания узлов и тому подобного. В особенности была велика вера в тайное могущество слова, и такая вера выражалась во множестве заговоров, уцелевших до сих пор у народа. Соответственно такому духовному развитию было состояние их житейской умелости: они умели строить себе деревянные жилища, укреплять их деревянными стенами, рвами и земляными насыпями, делать ладьи и рыболовные снасти, возделывать землю, разводить домашних животных, прясть, ткать, шить, готовить кушанья и напитки – пиво, мед, брагу, ковать металлы, обжигать глину для домашней посуды; знали употребление веса, меры, монеты; имели свои музыкальные инструменты; на войну выходили с метательными копьями, стрелами и отчасти мечами. Все познания их переходили от поколения к поколению, подвигаясь вперед очень медленно, но сношения с Византийской империей и отчасти с арабским Востоком мало-помалу оказывали на русских славян образовательное влияние. Из Византии приходило к ним христианство. В половине IX века русские после неудачного похода на Византию, когда буря истребила их суда, приняли крещение, но вслед за тем язычество опять взяло верх в стране; однако и после того многие из русских служили на службе византийских императоров в Греции, принимали там христианство и приносили его в свое отечество. В половине X века киевская кня-

гиня Ольга приняла святое крещение. Все это, однако, были только подготовительные явления. При князьях так называемого Рюрикова дома господствовало полное варварство. Они облагали русские народы данью и, до некоторой степени подчиняя их себе, объединяли; но их власть имела не государственные, а наезднические или разбойничьи черты. Они окружали себя дружиной, шайкой удалцов, жадных до грабежа и убийств, составляли из охотников разных племен рать и совершали набеги на соседей – на области Византийской империи, на восточные страны прикаспийские и закавказские. Цель их была приобретение добычи. Также они относились и к подчиненным народам: последние присуждались платить дань; и чем более можно было с них брать, тем более брали; за эту дань бравшие ее не принимали на себя никаких обязательств оказывать какую-нибудь выгоду со своей стороны подданным. С другой стороны, князья и их дружинники, имея в виду только дань и добычу, не старались вводить чего-нибудь в жизнь плативших дань, ломать их обычаев и оставляли им их внутренний строй, лишь бы только они давали дани и поборы.

Великий князь Владимир Святославич. Титулярник 1672 г.

Князь Рюрик. Гравюра 1805 г.

Княгиня Ольга. Гравюра 1805 г.

Такой варварский склад общественной жизни изменяется с принятием христианской религии, с которой из Византии – самой образованной в те времена державы – перешли к нам как понятия юридические и государственные, так и начала умственной и литературной деятельности. Принятие христианства было переворотом, обновившим и оживотворившим Русь и указавшим ей историческую дорогу.

Этот переворот был совершен Владимиром, получившим прозвание Святого, человеком великим по своему времени. К сожалению, его жизнь нам мало известна в подробностях, и летописи, сообщающие его историю, передают немало таких черт, в достоверности которых можно скорее сомневаться, чем принимать их на веру. Откидывая в сторону все, что подвергается сомнению, мы ограничимся короткими сведениями, при всей своей скудости все-таки достаточно показывающими чрезвычайную важность значения Владимира в русской истории.

Владимир был сыном воинственного Святослава, киевского князя, который предпринял поход на хазар, господствовавших в Юго-Восточной России, взял их город Саркел на Дону, победил прикавказские народы – ясов и касогов, завоевал Болгарию на Дунае, но должен был после упорной защиты уступить ее греческому императору. На обратном пути из Болгарии в Русь он был убит печенегами, народом тюркского племени. Будучи еще в детском возрасте, Владимир был призван новгородцами на княжение и уехал в Новгород вместе со своим дядей Добрыней, братом его матери Малуши, ключницы его бабки Ольги. После смерти Святослава между его детьми начались усобия. Киевский князь Ярополк убил своего брата, древлянского князя Олега. Владимир со своим дядей убежал в Швецию и возвратился в Новгород с чужеземной ратью. Вражда у них с Ярополком возникла оттого, что дочь полоцкого князя Рогнеда, руки которой просил Владимир, отказала ему такими словами: «Не хочу разуть (разуть жениха – обряд свадебный; «разуть» значит «выйти замуж») сына рабы», – попрекнув его низостью происхождения по матери, и собиралась выходить за Ярополка. Владимир завоевал Полоцк, убил Рогволода, полоцкого князя, и женился насильно на Рогнеде. Вслед за тем он овладел Киевом и убил своего брата Ярополка. Летописец наш изображает вообще Владимира жестоким, кровожадным и женолюбивым; но мы не можем доверять этому, так как по всему видно, что летописец с намерением хочет наложить на Владимира-язычника как можно больше черных красок, чтобы тем ярче указать на чудотворное действие благодати крещения, представить того же князя в самом светлом виде после принятия христианства.

Князь Игорь. Гравюра 1805 г.

С большей достоверностью можно принять вообще известие о том, что Владимир, будучи еще язычником, был повелителем большого пространства нынешней России и стремился как к распространению своих владений, так и к укреплению своей власти над ними. Таким образом, он повелевал Новгородской землей – берегами рек Волхова, Невы, Меты, Луги, – землей Белозерской, землей Ростовской, землей Смоленской в верховьях Днепра и Волги, землей Полоцкой на Двине, землей Северской по Десне и Семи, землей полян или Киевской, землей Древлянской (восточной частью Волыни) и, вероятно, также Западной Вольнью. Радимичи, жившие на Соже, и вятичи, жители берегов Оки и ее притоков, хотели отложиться от подданства и были укрощены. Владимир подчинил дани даже отдаленных ятвягов, полудикий народ, живший в лесах и болотах нынешней Гродненской губернии. Не должно, однако, думать, чтобы это обладание имело характер государственный: оно ограничивалось собиранием дани, где можно было собирать ее, и такое собирание имело вид грабежа. Сам Владимир укрепился в

Киеве с помощью чужеземцев – скандинавов, называемых у нас варягами, и роздал им города, откуда со своими вооруженными дружинами они могли собирать дани с жителей.

В 988 году Владимир принял христианство. Обстоятельства, предшествовавшие этому событию и сопровождавшие его, рассказываются с баснословными чертами, которые вполне свойственны изустным преданиям, записанным спустя уже довольно долгое время после означенного события. Достоверно только то, что Владимир крестился и в то же время вступил в брак с греческой царевной Анной, сестрой императоров Василия и Константина. Его крещение, вероятно, происходило в Корсуне, или Херсоне, греческом городе на юго-западном берегу Крыма; и оттуда Владимир привез в Киев первых духовных и необходимые принадлежности для христианского богослужения. В Киеве он крестил своих сыновей и народ. Жители без явного противодействия крестились в Днепре, отчасти потому, что в самом Киеве уже значительно распространено было христианство и христиане не составляли там незначительного меньшинства, а более всего оттого, что у русских язычников не было жреческого сословия, которое бы разъяснило народу преступность такого переворота с языческой точки зрения и призывало бы толпу к сопротивлению. Самое древнее русско-славянское язычество не имело определенного характера, общего для всех, в смысле положительной религии, и состояло из множества суеверий и представлений, которые при невежестве и впоследствии легко уживались с внешним принятием христианства. Большинство вступало в новую веру и совершало обряд крещения, не понимая, что делает. Борьба язычества с христианством выражалась в продолжительном соблюдении языческих приемов жизни и сохранении языческих суеверий; такая борьба происходила в течение многих веков после Владимира, однако она не мешала русскому народу принять крещение, в котором сначала он не видел ничего противного, потому что не понимал его смысла. Только постепенно и для немногих открывался действительно свет нового учения.

Князь Святослав. Гравюра 1805 г.

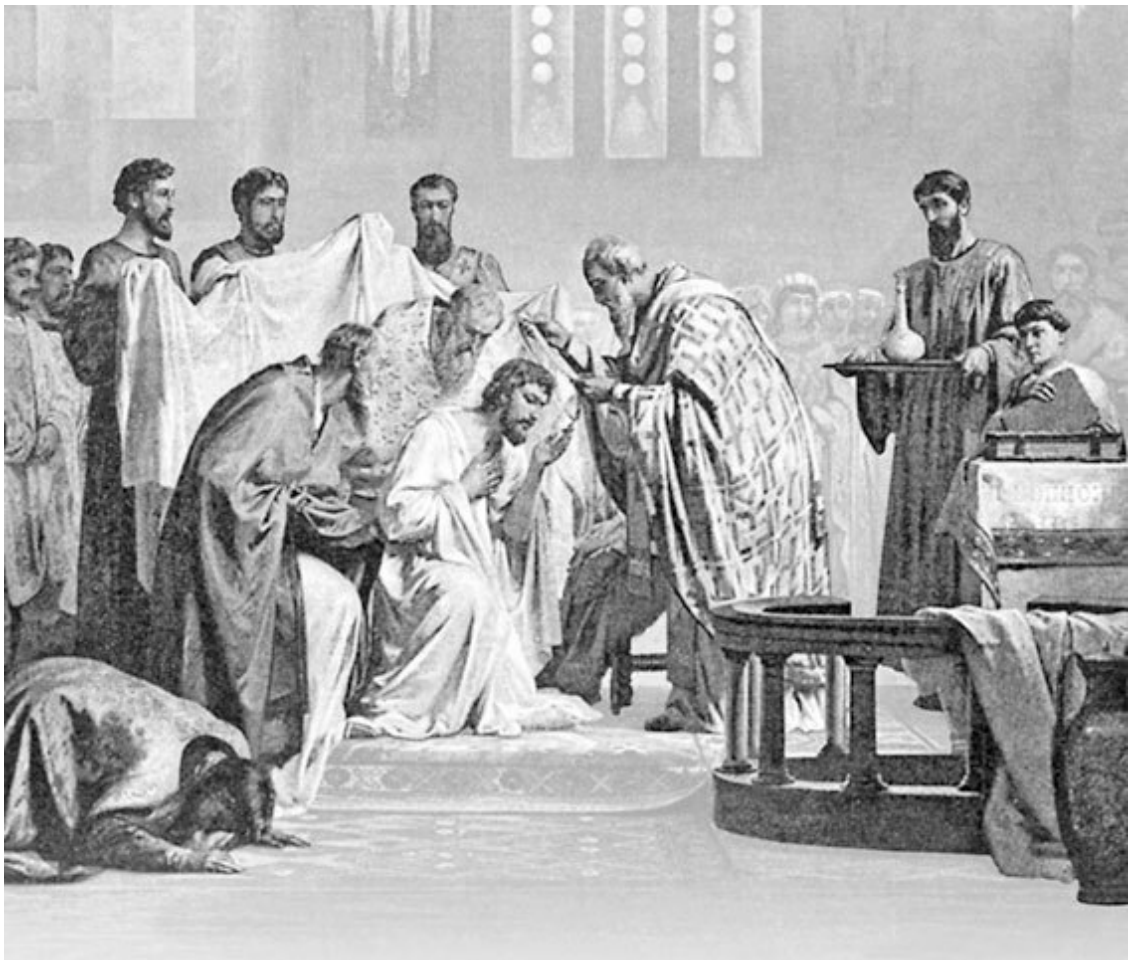
Владимир деятельно занимался распространением веры, крестил народ по землям, подвластным ему, строил церкви, назначал духовных. В самом Киеве он построил церковь Св. Василия и церковь Богородицы, или «Десятинную», так названную оттого, что князь назначил на содержание этой церкви и ее духовенства десятую часть княжеских доходов. Для прочного укрепления новопринятой веры Владимир вознамерился распространить книжное просвещение и с этой целью в Киеве и в других городах приказал набирать у значительных домохозяев детей и отдавать их в обучение грамоте. Таким образом на Руси за какие-нибудь лет двадцать выросло поколение людей, по уровню своих понятий и по кругозору своих сведений далеко шагнувших вперед от того состояния, в каком находились их родители; эти люди стали не только основателями христианского общества на Руси, но также проводниками переходившей вместе с религией образованности, борцами за начала государственные и гражданские. Одна

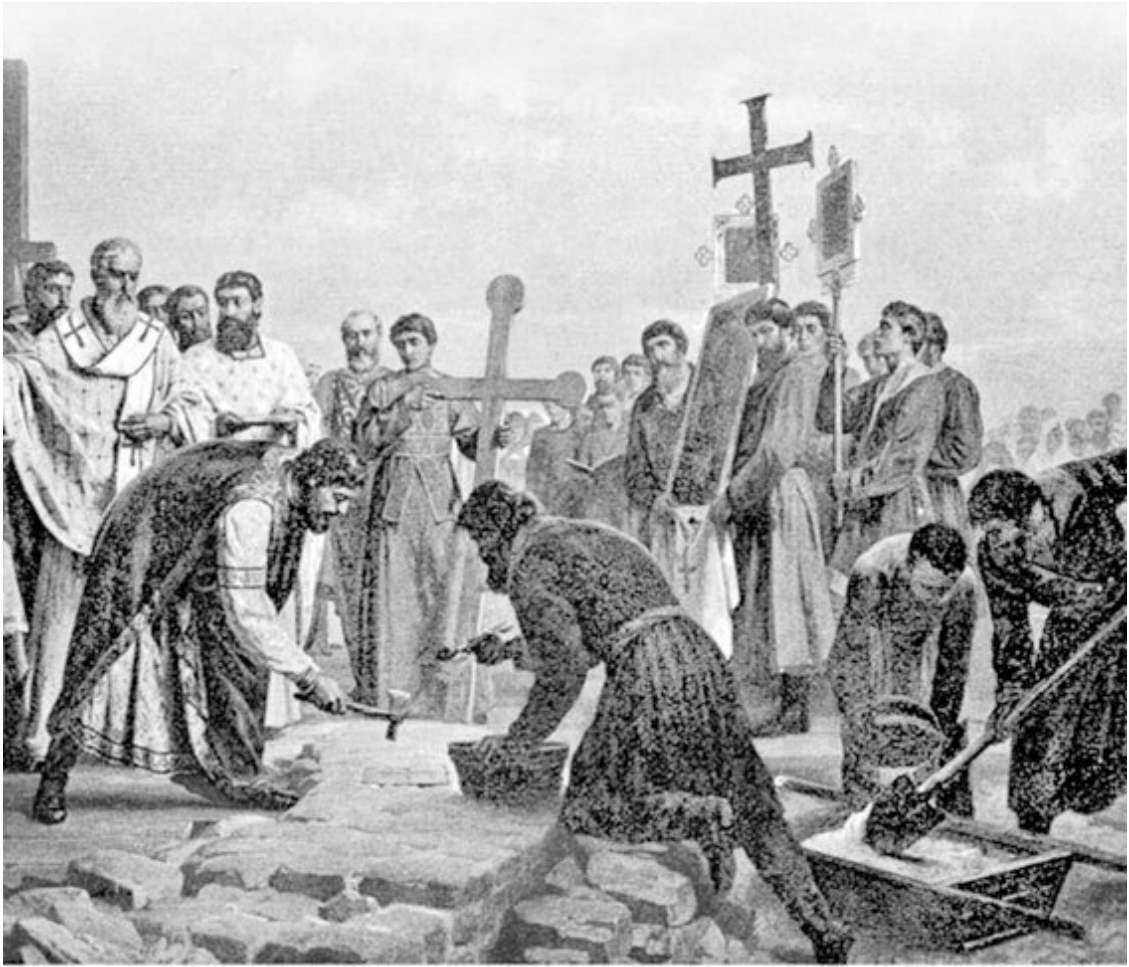
эта черта уже показывает во Владимире истинно великого человека: он вполне понял самый верный путь к прочному водворению начал новой жизни, которые хотел привить своему полудикому народу, и проводил свое намерение, несмотря на встречаемые затруднения. Летописец говорит, что матери, отпуская детей в школы, плакали о них, как о мертвых.

Владимир после крещения является чрезвычайно благодушным. Проникнутый духом христианской любви, он не хотел даже казнить злодеев и, хотя сначала согласился было на увещания корсунских духовных, находившихся около него в Киеве, но потом, по совету бояр и городских старцев, установил наказывать преступников только денежной пеней – вирой, по старым обычаям, рассуждая при этом, что такого рода наказание будет способствовать умножению средств для содержания войска.

Сохраняя племенную славянскую веселость, Владимир примирял ее с требованиями христианского благочестия. Князь любил пиры и празднества, но пировал не с одними своими боярами, а хотел делиться своими утехами со всем народом – и со старыми и малыми; он отправлял пиршества преимущественно в большие церковные праздники или по случаю освящения церквей (что в то время было памятным событием).

В.П. Верещагин. Крещение Святого Владимира

В.П. Верещагин. Закладка Десятинной церкви в Киеве

Владимир созывал народ отовсюду, кормил, поил всех пришедших, раздавал неимущим потребное и, заботясь даже о тех, которые почему-нибудь сами не в состоянии были явиться на княжий двор, приказывал развозить по городу пищу и питье. Но такое мирное препровождение времени не мешало ему, однако, воевать против врагов. Тогда Киевскую Русь беспокоили печенеги, народ кочевой и наезднический. Уже около столетия нападали они на русский край и при отце Владимира, во время его отсутствия, чуть было не взяли Киев. Владимир отразил их с успехом и, заботясь как об умножении ратной силы, так и об увеличении населения в крае, прилежащем Киеву, населял построенные им по берегам рек Сулы, Стугны, Трубежа, Десны города или укрепленные места переселенцами из разных земель не только русско-славянских, но и чудских. В 992 году он отнял у польского короля червенские города, нынешнюю Галицию, и присоединил к Руси этот край, населенный хорватами, ветвью русско-славянского племени.

Перед концом жизни Владимир понес сильное огорчение: его сын Ярослав оказал непослушание отцу, и Владимир готовился идти на него. «Теребите путь и мостите мосты», – приказывал он; однако смерть застигла его в этих сборах. Князь умер 15 июля 1015 года в своем подгородном селе Берестове.

Киевский князь Ярослав Владимирович

Княжение Ярослава может называться продолжением княжения Владимира как по отношениям киевского князя к подчиненным землям, так и по содействию к расширению в Руси новых начал жизни, внесенных христианством. Ярослав появляется первый раз в истории мятежным сыном против отца. По известиям летописи, будучи на княжении в Новгороде в качестве подручника киевского князя, Ярослав собирал с Новгородской земли три тысячи гривен, из которых две тысячи должен был отсылать в Киев своему отцу. Ярослав не стал доставлять этих денег, и разгневанный отец собирался идти с войском наказывать непокорного сына. Ярослав убежал в Швецию набирать иноплеменников против отца. Смерть Владимира помешала этой войне. По соображениям с тогдашними обстоятельствами можно, однако, полагать, что были еще более глубокие причины раздора, возникшего между сыном и отцом. Дети Владимира были от разных матерей¹.

Владимир перед кончиной более всех сыновей любил Бориса. Вместе со своим младшим братом Глебом он в наших летописях называется сыном «болгарыни», а по другим, позднейшим, известиям – сыном греческой царевны. Наши историки, желая согласовать эти известия, полагали, что царевна, отданная в замужество за Владимира Святого, была не родная, а двоюродная сестра греческих императоров, дочь болгарского царя Петра. Была ли она двоюродной сестрой Василия и Константина или же родной – до сих пор не решено, но во всяком случае очень вероятно, что Борис и Глеб были дети этой царевны, и Владимир как христианин оказывал им предпочтение перед другими сыновьями, считая их более законными по рождению, так как с их матерью он был соединен христианским браком, и они, кроме того, предпочтительно перед другими имели право на знатность происхождения по матери от царской крови.

Владимир, разместив сыновей по землям, держал близ себя Бориса, явно желая передать ему после себя Киевское княжество. Это, видимо, и вооружало против отца Ярослава, который по возрасту был старше Бориса, однако еще более вооружало это обстоятельство Святополка, князя, который был по годам старше Ярослава. В летописи Святополк признается сыном монахини гречанки, жены Ярополка, которую Владимир взял себе после брата, как говорят, беременной, и потому неизвестно, был ли Святополк сын Ярополка или Владимира; но в том или в другом случае Святополк по возрасту был старше всех прочих сыновей Владимира. Смерть не допустила Владимира до войны с сыном. Бориса в то время не было в Киеве: отец отправил его на печенегов. Бояре, благопритествовавшие Борису, три дня скрывали смерть Владимира, вероятно, до того времени, пока может возвратиться Борис, но, не дождавшись Бориса, должны были похоронить Владимира. Святополк дарами и ласкательством расположил к себе киевлян;

---

¹ Одни летописные известия называют Ярослава сыном Рогнеды, но другие противоречат этому, сообщая, что Владимир имел от несчастной княжны полоцкой одного только сына Изяслава и отпустил Рогнеду с сыном в землю ее отца Рогволода; с тех пор потомки Рогнеды княжили особо в Полоцке, и между ними и потомством Ярослава существовала постоянно родовая неприязнь, поддерживаемая преданиями о своих предках. Из рода в род переходило такое предание: прижив от Рогнеды сына Изяслава, Владимир покинул ее, увлекаясь другими женщинами. Рогнеда из мщения за своего отца и за себя попыталась умертвить Владимира во время сна, но Владимир успел проснуться вовремя и схватил ее за руку в ту минуту, когда она заносила над ним нож. Владимир приказал ей одеться в брачный наряд, сесть в богато убранном покое и ожидать его: он обещал собственноручно умертвить ее. Но Рогнеда научила своего малолетнего сына Изяслава взять в руки обнаженный меч и, выйдя навстречу отцу, сказать: «Отец, ты думаешь, что ты здесь один!» Владимир был тронут видом сына: «Кто бы думал, что ты будешь здесь!» – сказал он и бросил меч, затем, призвав «бояр», передал на их суд свое дело с женой. «Не убивай ее, – сказали бояре, – ради ее дитяти; возврати ей с сыном отчину ее отца». Так рассказывает предание, без сомнения, общераспространенное в древние времена. Внуки Рогволода, помня, по преданию, об этом событии, находились во враждебных отношениях к внукам Ярослава, сына Владимира, которым кроме Полоцкой земли, оставшейся в руках потомков Рогволода с материнской стороны, досталась в княжение вся остальная Русская земля. При существовании такого предания, подтверждаемого вековым обособлением полоцких князей от рода Ярослава, едва ли можно считать Ярослава сыном Рогнеды. Но, не будучи единоутробным братом полоцкого князя, отделенного уже при жизни Владимира, Ярослав не был единоутробным братом и других сыновей своего отца.

они признали его киевским князем: хотя старшинство рождения давало ему право на княжение, но нужно было еще утвердить его и народным согласием, особенно в такое время, когда существовали другие соискатели. Положение его, однако, и при этом было не твердо. Купленное расположение киевлян могло легко измениться. Дети христианской царицы имели перед ним нравственное преимущество, могли, кроме того, призвать чужеземцев, и особенно Борис мог во всяком случае быть для него опасным соперником. Святополк избавился от обоих, подослав тайных убийц. Борис был умерщвлен на берегах Альты близ Переяславля; Глеб – на Днепре близ Смоленска. Такая же участь постигла и третьего брата, Святослава Древлянского, который, услышав об опасности, бежал в Венгрию, но был настигнут в Карпатских горах и убит. Двух первых впоследствии причислили к лику святых: описание их смерти послужило предметом риторических повествований. Эти князья долго считались покровителями княжеского рода и охранителями Русской земли, так что многие победы русских над иноплеменниками приписывались непосредственному вмешательству Святых сыновей Владимира. Третий брат, Святослав, не удостоился такой чести, вероятно, оттого, что первых возвысило в глазах церкви рождение от матери, принесшей с собой христианство в Русскую землю.

Великий князь Ярослав Владимирович. Титулярник 1672 г.

Ярослав, ничего не зная о смерти отца, привел в Новгород варягов и расставил их по дворам². Пришельцы начали бесчинствовать; составился против них заговор, и последовало избиение варягов во дворе какого-то Поромони. Ярослав в отмщение за это зазвал к себе в

---

² Варягами (Varingiar) назывались жители скандинавских полуостровов, служившие у византийских императоров и перешедшие из отечества в Грецию через русские земли водным путем, по рекам от Балтийского до Черного моря. Так как русские в образе этих людей познакомились со скандинавами, то перенесли их сословное прозвание на название вообще обитателей скандинавских полуостровов, а впоследствии это название расширилось в своем значении, и под именем «варягов» стали подразумевать вообще западных европейцев, подобно тому как в настоящее время простой народ называет всех западных европейцев «немцами».

Раком (близ Новгорода, за Юрьевым монастырем) зачинщиков заговора под видом угощения и приказал перебить. В следующую ночь за тем пришло ему из Киева известие от сестры Предславы о смерти отца и об избиении братьев. Тогда Ярослав явился на вече (народная сходка), изъявлял сожаление о своем вероломном поступке с новгородцами и спрашивал: согласятся ли ему помочь. «Хотя, князь, ты и перебил нашу братию, но мы можем за тебя бороться», – отвечали ему. У новгородцев был расчет помогать Ярославу; их тяготила зависимость от Киева, которая стала бы еще тягостнее при Святополке, судя по его жестокому нраву; новгородцев оскорбляло и высокомерное поведение киевлян, считавших себя их господами. Они поднялись за Ярослава, но вместе с тем поднялись и за себя, и не ошиблись в расчете, так как впоследствии Ярослав, обязанный новгородцам своим успехом, дал им льготную грамоту, освобождавшую их от непосредственной власти Киева и возвращавшую Новгороду с его землей древнюю самобытность.

А.Д. Кившенко. Ярослав Мудрый. Чтение народу «Русской Правды»

Новгородская торговля

Ярослав выступил в поход против киевского князя в 1016 году с новгородцами, которых летописец насчитывает до 40 000; с ним было также до 1000 варягов под начальством Эймунда, сына норвежского князя Ринга. Святополк выступил против него осенью с киевлянами и печенегами. Враги встретились под Любечем и долго (по летописям, три месяца) стояли друг против друга на разных берегах Днепра; ни те, ни другие не смели первыми перебраться через реку; наконец киевляне раздражили новгородцев презрительными насмешками. Воевода Святополка, выехав вперед, кричал: «Ах вы, плотники этакие, чего пришли с этим хоромцем (охотником строить); вот мы заставим вас рубить нам хоромы!» – «Князь, – закричали новгородцы, – если ты не пойдешь, то мы сами ударим на них», – и они переправились через Днепр. Ярослав, зная, что один из воевод киевских расположен к нему, послал к этому воеводе ночью отрока и приказал сказать ему такого рода намек: «Что делать? Меду мало варено, а дружины много». Киевлянин отвечал: «Хотя меду мало, а дружины много, но к вечеру нужно дать». Ярослав понял, что следует в ту же ночь совершить нападение, и двинулся в битву, отдав такой приказ своей дружине: «Повяжите свои головы платками, чтобы отличать своих!» Святополк заложил свой стан между двумя озерами и, не ожидая нападения, всю ночь пил и веселился с дружиной. Новгородцы внезапно ударили на него. Печенеги стояли за озером и не могли помочь Святополку. Новгородцы притиснули киевлян к озеру. Киевляне бросились на лед, но лед был еще тонок, и многие утонули в озере. Разбитый Святополк бежал в Польшу к своему тестю Болеславу, а Ярослав вступил в Киев.

Великий князь Владимир Мономах

Болеслав, прозванный Храбрым, стремился к расширению своих польских владений. Он увидел благоприятный случай вмешаться в междоусобия русских князей ради своей выгоды и в 1018 году пошел вместе со Святополком на Ярослава. Ярослав, предупреждая врагов, двинулся против них на Волынь и встретился с ними на берегах Буга. Тут опять повторился русский обычай поддразнивать врагов. Кормилец и воевода Ярослава Будый, скача по берегу, кричал, указывая на Болеслава: «Вот мы тебе щепкою проколем череву твою толстую». Не стерпел такого оскорбления храбрый Болеслав: «Если вас не трогает такой укор, – сказал он своим, – я один погибну», – и бросился вброд через Буг, а поляки за ним. Ярослав не был готов к бою, не выдержал напора и убежал с четырьмя из своих людей в Новгород.

Болеслав овладел Киевом, не возвратил его Святополку, а засел в нем сам и приказал развести свою дружину по городам. Киев представлял много привлекательного для завоевателей. Дань с подчиненных русских земель обогащала этот город; торговля с Грецией и Востоком накапливала в нем произведения тогдашней образованности. Жить в нем было весело. Болеслав хотел, пребывая в Киеве, править своим государством и отправлять оттуда посольства в Западную и Восточную империи. Но такое поведение вскоре раздражило как Святополка, так и

киевлян. Святополк очутился в своем княжестве подручником иноземного государя, а поляки начали обращаться с киевлянами, как господа с рабами. Тогда с согласия Святополка русские начали избивать поляков. Расставленные по городам поляки не в силах были помогать друг другу. Болеслав убежал, но успел захватить с собой княжеское имущество и сестер Ярослава. Он прежде сватался за одну из его сестер, Предславу, но, получив отказ, в отместку взял ее теперь к себе насильно.

Великий князь Мстислав Владимирович

Тем временем Ярослав, прибежав впопыхах в Новгород, хотел бежать дальше, за море. Но бывший тогда новгородским посадником Коснятин, сын Добрыни, не пустил его и велел разрубить лодки; новгородцы кричали: «Будем еще биться за тебя с Болеславом и Святополком». Наложили поголовную подать: с каждого человека по четыре куны; однако старосты платили по 10 гривен, а бояре по восемнадцати³; наняли варягов, собрали многочисленную рать и двинулись на Киев.

---

³ Куна, первоначально куница; куний мех, так как меха были мерилем ценности вещей, отсюда слово «куна» стало означать

Святополк, освободившись от Болеслава вероломным образом, не мог уже более на него надеяться. Будучи не в силах удержать Киев, Болеслав все-таки захватил червенские города, отнятые у Польши Владимиром. Святополк обратился к печенегам: на помощь киевлян, видимо, он также не рассчитывал. Ярослав остановился на берегу Альты, на том месте, где был убит его брат Борис. Там в одну из пятниц 1019 года на восходе солнца произошла кровавая сеча. Святополк был разбит и бежал. По известиям нашей летописи, на него нашел какой-то безумный страх; он так ослаб, что не мог сидеть на коне и его тащили на носилках. Так достиг он Берестья (Брест). «Бежим, бежим, за нами гонятся!» – кричал Святополк в беспомощности. Бывшие с ним отроки посылали разведать, не гонятся ли кто за ними; но никого не было, а он все кричал: «Вот, вот, гонятся, бежим!» – и не давал остановиться ни на минуту; и убежал он куда-то «в пустыню между чехов и ляхов» и там окончил жизнь. «Могила его в этом месте и до сего дня, – говорит летописец, – и из нее исходит смрад»⁴. В памяти потомков имя Святополка покрылось позором, и прозвище «Окаянного» осталось за ним в истории.

монетную единицу. Гривна – собственно весовая единица, но в перенесении понятия сделалась крупной монетной единицей вроде английского фунта стерлингов. Первоначально гривна серебра – фунт, потом, уменьшаясь, – около полфунта; гривна кун приблизительно в семь с половиной раз меньше гривны серебра.

⁴ По скандинавским известиям, Святополк погиб в пределах Руси, убитый варягами.

Интерьер киевского Софийского собора

Ярослав сел на столе⁵ в Киеве и должен был выдержать борьбу и с другими родичами. Полоцкий князь Брячислав, сын его брата Изяслава, в 1021 году напал на Новгород, ограбил, взял в плен многих новгородцев и ушел к Полоцку; но Ярослав догнал его на реке Судомири, отбил новгородских пленников, отнял награбленное в Новгороде, но потом помирился с ним, уступив ему во владение Витебск и Усвят.

В 1023 году Ярославу пришлось бороться с братом Мстиславом. Этот князь, по древним известиям, плотный телом, краснолицый, с большими глазами, отважный в битве, щедрый к

---

⁵ С этих пор о вступающем на княжение князе почти всегда в летописях говорится, что «он сел на стол». Выражение это согласовывалось с обрядом: нового князя действительно сажали на стол в главной соборной церкви, что и знаменовало признание его князем со стороны земли.

дружине, получил от отца удел в отдаленной Тмутаракани, прославился своей богатырской удачью и особенно единоборством с касожским князем Редедей, которое долго помнилось на Руси и составляло один из любимых предметов старинных песнопений. Русские, владея Тмутараканской страной, часто воевали со своими соседями касогами. Касожский князь по имени Редедя предложил Мстиславу единоборство с тем, чтобы тот из них, кто в борьбе останется победителем, получил имущество, и жену, и детей, и землю побежденного. Мстислав принял предложение. Редедя был исполинского роста и необыкновенный силач; Мстислав изнемогал в борьбе с ним, но взмолился к Пресвятой Богородице и дал обет построить во имя ее церковь, если одолеет своего врага. Затем он собрал все свои силы, повалил Редедию на землю и зарезал ножом. Согласно сделанному условию, Мстислав после того овладел его имуществом, женой, детьми и наложил на касогов дань, а в благодарность Пресвятой Богородице, оказавшей ему помощь свыше в минуту опасности, построил храм во имя ее в Тмутаракани. Этот-то князь-богатырь поднялся на своего брата Ярослава с подчиненными ему касогами и призвал на помощь хазар. Пользуясь отъездом Ярослава в Новгород, Мстислав хотел сначала овладеть Киевом, но киевляне его не приняли; насильно покорять их он, видимо, не хотел или не мог. Ярослав пригласил из-за моря варягов. Достоинно замечания, что почти всегда в междоусобиях князей того времени они вынуждены были приглашать каких-нибудь чужеземцев. Так было и в этом случае. Приглашенными варягами предводительствовал Якун (Гакон), который оставил по себе на Руси память тем, что на нем был плащ, затканый золотом. Мстислав и Ярослав вступили в бой в Северной земле близ Листвена. Ночью была страшная гроза. Бой был жестоким. Мстислав выставил против варягов северян; варяги одолевали северян, но бросился на варягов отважный князь Мстислав со своей удалой дружиной – и побежали варяги; Якун потерял даже свой золототканый плащ. Утром, обзревая поле битвы, Мстислав говорил: «Ну как этому не порадоваться! Здесь лежит варяг, там северянин, а своя дружина цела!» Русские князья еще долго проявляли свое древнее значение предводителей воинственных шаек, и только принятое христианство мало-помалу преобразовало их в земских правителей.

Победитель не стал более вести войну с братом. Он послал Ярославу, забежавшему в Новгород, такое слово: «Ты, старейший брат, сиди в Киеве, а мне пусть будет левая сторона Днепра!» Ярослав должен был согласиться. Мстислав избрал себе столицей Чернигов и заложил там церковь Св. Спаса. С тех пор братья жили между собой душа в душу и в 1031 году, пользуясь слабостью преемника Болеслава Храброго Мечислава, возвратили отнятые Болеславом червенские города (Галичину); тогда Ярослав привел из Польши много пленников и поселил их у себя по берегам Роси; Мстиславу также достались пленники для поселения в своем уделе. Таким образом в народонаселение Киевской земли вливалась, между прочим, польская народная стихия.

В 1036 году Мстислав умер, выехав на охоту. Он не оставил после себя детей. Его удел достался Ярославу, и с тех пор киевский князь остался до смерти единым властителем русских земель за исключением Полоцкой. Был кроме него жив еще один сын Владимира Святого, Судислав, княживший во Пскове, но Ярослав по какому-то оговору тотчас после смерти Мстислава посадил его в тюрьму в том же Пскове, и несчастный сидел там безвыходно до кончины Ярослава. В Новгород сначала Ярослав часто наезжал и жил там подолгу, а в свое отсутствие управлял им через посадников. Коснятин, сын Добрыни, не пустивший Ярослава бежать за море, впоследствии подвергся его гневу, был сослан в Ростов, а потом убит в Муроме. В 1038 году Ярослав посадил в Новгород своего сына Владимира, а после его смерти в 1052 году – сына Изяслава, и с тех пор в Новгороде постоянно уже были особые князья; преимущественно же в первое время выбирались старшие сыновья киевского князя.

Ярослав расширял область русского мира подчинением новых земель. Кроме приобретения червенских городов от Польши он успешно воевал с Чудью и в 1030 году основал в Чудской земле город Юрьев, названный таким образом по христианскому имени Ярослава,

нареченного Юрием в крещении. В 1038 и 1040 годах он предпринимал походы на ятвягов и Литву и заставил их платить дань. Червенские города все еще составляли спорную область между Польшей и Русью, но Ярослав укрепил их за Русью тем, что помирился и породнился с польским князем Казимиром. Ярослав отдал за него свою сестру. Казимир возвратил вместо вена⁶ восемьсот русских пленных, некогда захваченных Болеславом: в те времена очень дорожили людьми по скудости рук, необходимых для обработки полей и для защиты края. Вероятнее всего, в то время Казимир уступил русскому великому князю окончательно и червенские города, а за то Ярослав помог ему подчинить себе Мазовию. Не так счастливо закончилась морская война Ярослава с Грецией, последняя в русской истории. Раздор произошел по поводу ссоры между русскими купцами и греками, во время которой убили одного русского. Ярослав в 1043 году отправил против Византии своего сына Владимира и воеводу Вышату, но буря разбила русские суда и выбросила на берег Вышату с шестью тысячами воинов. Греки окружили их, взяли в плен и привели в Царьград. Там Вышате и многим русским выкололи глаза. Но Владимир на море успешно отбил нападение греческих судов и вернулся в отечество. Через три года был заключен мир; слепцов отпустили со всеми пленными, а в утверждение мира греческий император Константин Мономах отдал свою дочь за сына Ярослава Всеволода. Это было не единственное родство Ярослава с иноземными государями своего времени. Одна его дочь, Елизавета, была за норвежским королем Гаральдом, оставившим даже потомству стихотворение, в котором, воспевая свои бранные подвиги, жаловался, что русская красавица холодна к нему. Другая дочь, Анна, вышла замуж за французского короля Генриха I и в новом отечестве присоединилась к римско-католической церкви, тогда еще только что отпавшей от единения с Восточной. Сыновья Ярослава (вероятно, Вячеслав и Святослав) были женаты на немецких княжнах.

Ярослав более всего оставил о себе память в русской истории своими делами внутреннего устройства. Недаром во время борьбы со Святополком киевляне называли его «хоромцем», охотником строить. Он действительно имел страсть к сооружениям. В 1037 году напали на Киев печенеги. Ярослав был в Новгороде и поспешил на юг с варягами и новгородцами. Печенеги огромной силой подступили к Киеву, но были разбиты наголову. (С тех пор уже набеги их не повторялись. Часть печенегов поселилась в Русской земле, и мы в последующие времена видим их наравне с русскими в войсках русских князей). В память об этом событии Ярослав воздвиг церковь Святой Софии в Киеве на том месте, где происходила самая жестокая сеча с печенегами.

Храм Святой Софии был построен греческими зодчими и украшен греческими художниками. Несмотря на все последующие перестройки и пристройки, храм этот до сих пор может служить образцом византийского зодчества того времени не только на Руси, но и во всей Европе. У нас это единственное здание XI века, сохранившееся сравнительно в большей целости. В первоначальном своем виде это было продолговатое каменное здание, сложенное из огромных кирпичных плит и отчасти дикого камня. Длина его составляла пятьдесят два аршина, ширина – около семидесяти шести аршин, высота – от шестидесяти до семидесяти аршин. На северной, западной и южной сторонах сооружены были каменные хоры, поддерживаемые толстыми столбами с тремя арками внизу и вверху на южной и северной сторонах; алтарь троечастный, полукруглый, с окнами, а рядом с ним – два придела. Здание освещалось пятью куполами, из которых самый большой приходился над серединой церкви, а четыре – над хорами. Алтарные стены, алтарные столбы и главный купол украшали мозаики, а прочие стены – фресковая живопись⁷. Снаружи церковь была обведена папертью, из которой на двух

⁶ Плата, даваемая женихом родителям или братьям невесты по древнему обычаю.

⁷ В настоящее время от прежней мозаики остались на главном алтарном своде изображение Богородицы с поднятыми руками, внизу на той же стене – часть Тайной Вечери, а еще ниже под ней – часть изображений разных святых; на алтарных столбах – изображение Благовещения (на левой стороне – ангел с ветвью, а на противоположном столбе – прядущая Богоро-

сторонах, южной и северной, шли две витые лестницы на хоры. Эти лестницы расписали изображениями разных случаев из светской жизни: княжеской охоты, княжеского суда, народных увеселений и т. п. (фрески эти существуют и до сих пор, хотя несколько подправленные).

Софийский собор в Киеве. Реконструкция

Кроме храма Св. Софии Ярослав построил в Киеве церковь Св. Ирины (теперь уже не существующую), монастырь Св. Георгия, распространил Киев с западной стороны и построил так называемые Золотые Ворота с церковью Благовещения над ними. По повелению Ярослава его сын Владимир в 1045 году воздвиг в Новгороде церковь Св. Софии по образцу киевской, хотя меньших размеров. Церковь эта сделалась главной святыней Новгорода.

Время Ярослава ознаменовалось распространением христианской религии по всем русским землям. Тогда уже выросло поколение тех детей, которых Владимир отдавал в книжное учение. Ярослав в этом отношении продолжал дело своего отца; по крайней мере мы имеем известие, что он в Новгороде собрал 300 детей у старост и попов и отдал их «учиться книгам». В Суздальской земле в 1024 году сам Ярослав боролся против язычества. Случился в этой стране голод. Волхвы говорили людям, будто старые бабы скрывают в себе жито и всякое обилие. Народ волновался, и несколько женщин было убито. Ярослав прибыл в Суздаль, казнил волхвов, их соумышленников посадил в тюрьмы и поучал народ, что голод происходит от кары Божией, а не от чародейства старых баб. Христианство сильнее стало распространяться в этой земле среди Мери. Глубже всего пустила свои корни новая вера в Киеве, и потому там строились один за другим монастыри. Умножение епископских кафедр потребовало установления главной кафедры над всеми, или митрополии. Ярослав положил начало русской митрополии вместе с основанием Св. Софии. Первым митрополитом при нем является Феопемпт,

---

дица). Кроме того уцелела часть мозаики в куполе. Древняя стенная живопись в XVII веке была заштукатурена, и на штукатурке нарисовали другие изображения; в XIX столетии эту штукатурку отбили, открыли прежнюю и подправили, однако не совсем удачно и в некоторых местах слишком произвольно.

освящавший в 1039 году Десятинную церковь, вновь перестроенную Ярославом. В 1051 году вместо Феопемпта поставлен был собором русских епископов Иларион, родом русский, человек замечательно ученый для своего времени, как показывает оставшееся от него сочинение «О благодати и законе». Сам Ярослав любил чтение и беседы с книжными людьми: он собрал знатоков и поручил переводить с греческого на русский язык разные сочинения духовного содержания и переписывать уже переведенные; таким образом составила библиотека, которую Ярослав приказал хранить в храме Св. Софии. Киевский князь, видимо, имел намерение освятить в глазах народа свой княжеский род и с этой целью вскоре после своего утверждения в Киеве перенес тело Глеба и положил рядом с телом Бориса в Вышгороде: с этих пор они начали привлекать к себе народ на поклонение; говорили, что тела их были нетленны и у гроба их совершались исцеления. В 1044 году Ярослав совершил странный обряд: он приказал выкопать из земли и крестить в Десятинной церкви кости своих дядей Олега и Ярополка, а потом похоронить их в церкви.

Оранта. Мозаичное изображение в апсиде центрального алтаря Софийского собора в Киеве. Рисунок Ф.Г. Солнцева

Ярославу принадлежит начало сборника древних законов под названием «Русской Правды». Сборник этот, существующий в нескольких различных, то более, то менее полных редакциях, включает законоположения, установленные в разные времена и в разных местах, чего в точности определить невозможно. Самая старейшая дошедшая до нас редакция не восходит ранее конца XIII века. Несомненно, что некоторые из статей были составлены при сыновьях и внуках Ярослава, о чем прямо говорится в самих статьях. Ученые признают принадлежащими времени Ярослава первые семнадцать статей этого сборника, хотя нельзя отрицать, что, быть может, многие из последующих статей первоначально относятся к его же времени. Главный предмет законоположений Ярослава – случаи обид и вреда, наносимых одними лицами другим. Вообще как за убийства, так и за увечье и побои предоставлялась месть; за убийство могли законно мстить брат за брата, сын за отца, отец за сына и племянник за дядю. Если же мести не было, тогда платилась князю «вира», имевшая разные размеры, смотря по свойству обиды и по званию обиженного: таким образом, за убийство всякого свободного человека платилось 40 гривен, а за княжеского мужа – 80. Вероятно, ко временам Ярослава можно отнести постановление о «дикой вире», которая платилась князю всей общиной или вервью (от названия веревки, которой обмерялась принадлежавшая общине земля) в том случае, когда на земле общины совершено было убийство, но на убийцу не было предоставлено иска. Нашедший у кого-нибудь украденную у него вещь мог взять ее тотчас, если объявил предварительно о краже на торгу, а если не объявил, то должен был вести вора на свод, то есть доискиваться, каким путем пришла к нему вещь. Такой же порядок соблюдался по отношению к беглому или украденному холопу. В случае несогласия ответчика дело решалось судом 12 выбранных человек.

Еще перед смертью Ярослав разместил по русским землям своих сыновей. В Новгороде сначала был его старший сын Владимир (умерший еще при жизни отца в 1052 году); в Турове – второй сын, Изяслав, которому отец после смерти Владимира отдал новгородское княжение и назначил после своей смерти киевское; в Чернигове – Святослав, в Переяславе – Всеволод, во Владимире-Волынском – Игорь, а в Смоленске – Вячеслав.

Ярослав скончался 20 февраля 1054 года на руках у любимого сына Всеволода и погребен в церкви Св. Софии в мраморной гробнице, уцелевшей до сих пор.

Князь Владимир Мономах

Из древних князей дотатарского периода после Ярослава никто не оставил о себе такой громкой и доброй памяти, как Владимир Мономах, князь деятельный, сильный волей, выделявшийся здравым умом среди своей братии князей русских. Около его имени вращаются почти все важные события русской истории во второй половине XI – первой четверти XII века. Этот человек может по справедливости назваться представителем своего времени. Славяно-русские народы, с незапамятных времен жившие отдельно, мало-помалу подчинились власти киевских князей, и, таким образом, задачей их совокупной истории стало постепенное и медленное образование государственной цельности. В каких формах и в какой степени могла проявиться эта цельность и достигнуть полного своего осуществления – это зависело уже от последующих условий и обстоятельств. Общественное устройство у этих народов имело те общие для всех признаки, что они составляли земли, которые тянули к городам, пунктам своего средоточия, и в свою очередь дробились на части, хотя сохраняли до известной степени связь как между частями дробления, так и между более крупными единицами, и отсюда происходило, что города были двух родов: старейшие и меньшие; последние зависели от первых, но с признаками внутренней самобытности. Члены земли собирались в городах совещаться о своих делах, а творить расправу, защищать землю и управлять ею должен был князь. Сначала политическая власть киевских князей выражалась только тем, что они собирали дань с подчиненных, потом шагом к более прочному единству и связи между землями явилось размещение сыновей киевского князя в разных землях, а следствием этого было разветвление княжеского рода на линии, более или менее соответствовавшие расположению и разветвлению земель.

Это размещение княжеских сыновей началось еще в язычестве, но грубые варварские нравы не допускали развиваться какому-нибудь новому порядку; сильнейшие братья истребляли слабейших. Так, из сыновей Святослава остался только один Владимир; у Владимира было много сыновей, и всех их он разместил по землям; однако Святополк по примеру языческих предков начал истреблять братьев, и дело окончилось тем, что за исключением особо выделенной Полоцкой земли, которая досталась старшему сыну Владимира Изяславу как удел его матери, вся остальная Русь находилась под властью одного киевского князя Ярослава. Это не было единодержавие в нашем смысле слова и вовсе не вело к прочному сцеплению земель между собой, а напротив, чем более земель могло скопиться под властью единого князя, тем менее было возможности этой единой власти наблюдать над ними и иметь влияние на течение событий в этих подвластных землях. Напротив, когда после принятия христианства вместе с одной верой входили в Русь и единый письменный язык, и одинаковые нравственные, политические и юридические понятия, если в различных землях и пребывали свои князья, то эти князья, происходя из единого княжеского рода, сохраняя более или менее одинаковые понятия, привычки, предания, воззрения, руководимые при этом единой церковью, своим управлением способствовали распространению таких свойств и признаков, которые были одинаковы во всех землях и, следовательно, вели их к единению между собой.

Великий князь Владимир Мономах. Титулярник 1672 г.

После Ярослава начинается уже тот непрерывный период, который обычно называют удельным. Особые князья появились в земле северян или черниговцев, в земле смоленских кривичей, в земле Волынской, в земле Хорватской или Галицкой. В земле Новгородской сначала как бы соблюдалось правило, что там князем должен быть старший сын киевского князя, но это правило очень скоро уступило силе народного выбора. Земля Полоцкая уже раньше имела особых князей. В земле Русской, или Киевской, выделилось княжество Переяславское, и к этому княжеству по разделу Ярослава присоединена отдаленная Ростовская область. Собственно, не было ни правил для размещения князей, ни порядка их преемственности, ни даже прав каждого лица из княжеского рода на княжение где бы то ни было, а потому, естественно,

должен был возникать ряд недоразумений, которые приводили неизбежно к междоусобиям. Само собой разумеется, что это задерживало ход развития тех начал образованности, которые Русь получила вместе с христианской верой. Но еще более препятствовали этому развитию соседство с кочевыми народами и непрерывные столкновения с ними. Русь как будто приговором судьбы осуждена была видеть у себя приходивших с востока гостей, сменявших друг друга: в X веке и в первой половине XI века она терпела от печенегов, а с половины XI века их сменили половцы. При внутренней безладнице и княжеских усобицах Русь никак не могла оградить себя и избавиться от такого соседства, тем более когда князья сами приглашали иноплеменников в своих междоусобиях друг против друга.

При таком положении дел важнейшей задачей тогдашней политической деятельности было, с одной стороны, установление порядка и согласия между князьями, а с другой – дружное обращение всех сил Русской земли на свою защиту против половцев. В истории дотатарского периода мы не видим ни одной такой личности, которой бы удалось совершить прочно и плодотворно такой великий подвиг; но из всех князей никто не стремился к этой цели с такой ясностью взгляда и с таким, хотя временным, успехом, как Мономах, и потому его имя долго пользовалось уважением. Кроме того, о его жизни сложилось понятие как об образцовом князе.

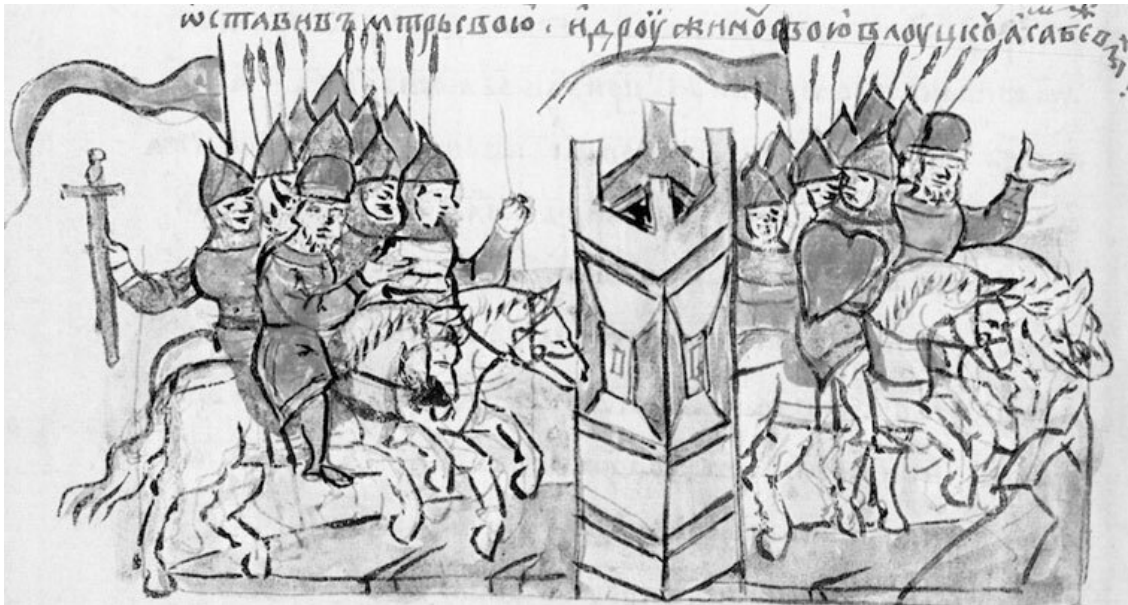
Владимир родился в 1053 году, за год до смерти своего деда Ярослава. Он был сыном Всеволода, любимейшего из сыновей Ярослава; тогда как прочих сыновей Ярослав разместил по землям, назначив им уделы, Всеволода отец постоянно держал возле себя, хотя дал ему в удел близкий от Киева Переяславль и отдаленный Ростов. Ярослав умер на руках у Всеволода. Мать Владимира, последняя супруга Всеволода, была дочерью греческого императора Константина Мономаха; Владимир по деду со стороны матери получил имя Мономаха. Таким образом, у него было три имени: одно княжеское – Владимир, другое крестное – Василий, третье дедовское по матери – Мономах.

Киевская Русь в X–XII вв.

Будучи тринадцати лет от роду, он начал заниматься войной и охотой, которые, по тогдашним понятиям, были приличны княжескому званию. Владимир в этом случае не был исключением, так как в те времена князья вообще очень рано делали то, что, по нашим понятиям, прилично только возмужавшим; их даже женили в отрочестве. Отец послал Владимира в Ростов, и путь его лежал через землю вятичей, которые тогда еще не хотели спокойно подчиняться княжеской власти Рюрикава дома. Владимир недолго был в Ростове и вскоре появился в Смоленске. На Руси тем временем случились одна за другой две беды, терзавшие страну целые века. Сначала поднялись княжеские междоусобия. Начало им было положено тем, что Ростислав, сын умершего Ярослава сына Владимира, бежал в Тмутаракань, город, находившийся

на Таманском полуострове и принадлежавший тогда черниговскому князю, который поместил там своего сына Глеба. Ростислав выгнал Глеба, но и сам не удержался после него. Это событие, само по себе одно из множества подобных в последующие времена, кажется замечательным именно потому, что было тогда первым в этом роде. Затем прорвалась вражда между полоцкими князьями и Ярославичами. В 1067 году полоцкий князь Всеслав напал на Новгород и ограбил его; за это Ярославичи пошли на него войной, разбили и взяли в плен.

Выступление Ярополка Изяславича Волынского с дружиной против Всеволода Ярославича Киевского и Владимира Всеволодича Мономаха (Черниговского); бегство Ярополка к полякам. Миниатюра из Радзивилловской летописи

В следующем году (1068) беда другого рода. Нахлынули с востока половцы, кочевой народ тюркского племени; они стали нападать на русские земли. Первое столкновение с ними оказалось неудачным для русских. Киевский князь Изяслав был разбит и вслед за тем прогнан самими киевлянами, с которыми он и прежде не ладил. Изяслав возвратился в Киев с помощью чужеземцев-поляков, а его сын варварски казнил и мучил киевлян, изгнавших его отца; потому-то киевляне при первой же возможности опять избавились от своего князя. Изяслав снова бежал, и вместо него сел на киевский стол его брат Святослав, княживший прежде в Чернигове; тогда Черниговской землей стал управлять Всеволод, а его сына Владимира Мономаха посадили на княжение в Смоленске.

Приход Владимира Всеволодича Мономаха (Черниговского) в Луцк; отправка матери и жены Ярополка Изяславича Волынского – Гертруды и Ирины – в Киев. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Во все продолжение княжения Святослава Владимир служил ему, как старейшему князю, так как отец Владимира Всеволод находился в согласии со Святославом. Таким образом, Владимир по поручению Святослава ходил на помощь полякам против чехов, а также в интересах всего Ярославова племени воевал против полоцких князей. В 1073 году Святослав умер, и на киевский стол опять сел Изяслав, на этот раз, как кажется, поладивший с киевлянами и со своим братом Всеволодом. Этот князь вывел прочь из Владимира-Волынского Олега, сына Святослава, с тем чтобы там посадить своего собственного сына. Олег, оставшись без удела, прибыл в Чернигов к Всеволоду: Владимир находился тогда в дружеских отношениях с этим князем и, приехав из Смоленска в Чернигов, угощал его вместе со своим отцом. Но Олегу досадно было, что земля, где княжил его отец и где протекало его детство, находится не у него во власти. В 1073 году он убежал из Чернигова в Тмутаракань, где после Ростислава жил уже подобный ему князь, беглец Борис, сын умершего Вячеслава Ярославича. Не следует думать, чтобы такого рода князья действительно имели какие-нибудь права на то, чего добивались. Тогда еще не было установлено и не вошло в обычай, чтобы все лица княжеского рода непременно имели удел, как равным образом не утвердилось правило, чтобы во всякой земле были князьями лица, принадлежавшие к одной княжеской ветви в силу своего происхождения. В самом распоряжении Ярослава не видно, чтобы, размещая своих сыновей по землям, он заранее имел в виду распространить право посаженных сыновей на их потомство. Сыновья Ярослава также не установили такого права, как это видно в Смоленске и на Волыни⁸. Только ветвь полоцкая держалась упорно и последовательно в своей Кривской земле, хотя Ярославичи хотели ее оттуда вытеснить. При совершенной неопределенности отношений, при отсутствии общепринятых и освященных временем прав князей на княжение понятно, что всякий князь, как только обстоятельства давали ему силу, старался устроить своих ближних, главное – сыно-

⁸ Еще раньше Вячеслав, княживший в Смоленске, умер; князья перевели туда из Волыни Игоря, а после смерти Игоря назначили в Смоленск князем Владимира Мономаха помимо детей Игоря. Равным образом на Волыни не было наследственной преемственности между князьями, а киевские князья помещали там своих сыновей; так что когда княжил в Киеве Изяслав, на Волыни был его сын, а когда Святослав овладел Киевом, то поместил там своего сына; когда же Святослав умер и Изяслав опять сделался князем в Киеве, на Волыни стал княжить сын Изяслава.

вей, если у него они были, и в таком случае не стеснялся столкнуть с места иного князя, который был ему менее близок: от таких поступков не могла останавливать князей мысль о нарушении чужого права, потому что такого права еще не существовало. Со своей стороны очень естественно было князю искать княжения так же, как княжили его родитель и родные, и преимущественно там, где был князем его отец, где, быть может, он сам родился и где с детства привыкал к мысли заступить место отца. Такой князь легче всего мог найти себе помощь у воинственных иноплеменников. И вот бежавшие в Тмутаракань Олег и Борис обратились к половцам. Не они первые вмешали этих врагов Руси в ее внутренние междоусобия. Насколько нам известно, первым, показавшим им дорогу к такому вмешательству, был Владимир Мономах, так как по его собственному известию, помещенному в его поучении, он еще прежде них, при жизни своего дяди Святослава Ярославича, водил половцев на Полоцкую землю.

Уход Владимира Всеволодича Мономаха из Чернигова в Переяславль на отцовский стол; приближение к Чернигову Олега Святославича Тмутараканского. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Олег и Борис с половцами бросились на Северскую землю. Всеволод вышел против них из Чернигова и был разбит. Олег легко овладел Черниговым; черниговцы приняли его сами, так как знали его издавна: вероятно, он и родился в Чернигове. Когда после того Всеволод вместе с киевским князем Изяславом хотел отнять Чернигов у Олега, черниговцы показали себя преданными Олегу, и после того как Всеволод и Изяслав успели овладеть стенами окольного города и сожгли строения, находившиеся в черте, образуемой этим окольным городом, жители не сдавались, ушли во внутренний город, так называемый «большой», и защищались в нем до последних сил. Олега с ними в городе не было: упорство, с которым тогда стояли за него черниговцы, не поддерживалось его присутствием или стараниями и, вероятно, происходило от искренней привязанности к нему черниговцев.

Выдача Владимиром Всеволодичем Мономахом (Переяславским) своего сына Святослава в заложники половецкому князю Кытану; пребывание половецкой дружины во главе с Итларем в Переяславле. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Владимир был тогда с отцом. Услышав, что Олег с Борисом идут против них на выручку Чернигова и ведут с собой половцев, князья оставили осаду и пошли навстречу врагам. Битва произошла на Нежатиной Ниве близ села этого имени. Борис был убит, Олег бежал. Но их победители дорого заплатили за свою победу. Киевского князя Изяслава убили в этой сече.

Смерть Изяслава доставила Киев Всеволоду. Чернигов, потеряв надежду на Олега, сдался, и в этом городе посадили Владимира Мономаха. Олег и его брат Роман Святославич в 1079 году попытались выгнать Владимира из Чернигова, но безуспешно. Владимир предупредил их, вышел с войском к Переяславлю и без битвы избавился от соперников; он заключил мир с половцами, помогавшими Святославичам. Половцы и находившиеся с ними хазары предательски поступили со своими союзниками: Олега отправили в Царьград, а Романа убили. Умение рассорить своих противников показывает большую сметливость Владимира.

Оставшись на княжении в Чернигове, Владимир со всех сторон должен был справляться с противниками. Тмутаракань опять ускользнула из-под его власти: там утвердились два другие безудельные князя, сыновья Ростислава Владимировича. Половцы беспрестанно беспокоили Черниговскую землю. Союз с ними, устроенный Владимиром под Переяславлем, не мог быть прочен: во-первых, половцы – народ хищнический, не слишком свято держали всякие договоры; во-вторых, половцы разбивались на орды, находившиеся под предводительством разных князьков или ханов и называемые в наших летописях «чадью»; тогда как одни мирились с русским князем, другие нападали на его область. Владимир справлялся с ними, насколько это было возможно. Таким образом, когда двое половецких князьков опустошили окрестности северского пригорода Стародуба, Владимир, пригласив на помощь другую орду, разбил их, а потом под Новым Городом (Новгородом-Северским), рассеял орду другого половецкого князя и освободил пленников, которых половцы уводили в свои становища, называемые в летописях «вежами». На севере у Владимира были постоянные враги – полоцкие князья. Князь Всеслав напал на Смоленск, который оставался во власти Владимира и после того, как отец посадил его в Чернигове. В отмщение за это Владимир нанял половцев и водил их опустошать землю Полоцкую; тогда досталось Минску: там, по собственному свидетельству Владимира, не оставлено было ни челядина (слуги), ни скотины. С другой стороны Владимир вое-

вал с вятичами: этот славянский народ все еще упорно не поддавался власти Рюрика дома, и Владимир два раза ходил войной на Ходоту и его сына – предводителей этого народа. По приказанию отца Владимир занимался делами и на Волыни: сыновья Ростислава овладели было этой страной; Владимир выгнал их и посадил Ярополка, сына Изяслава, а когда этот князь не поладил с киевским, то Владимир по велению отца прогнал его и посадил на Волыни князя Давида Игоревича, а в следующем за тем году (1086) опять посадил Ярополка. Тогда власть киевского князя в этом крае была еще сильна, и князья ставились и сменялись по его верховной воле.

В 1093 году умер Всеволод. Владимир не захотел воспользоваться своим положением и овладеть киевским столом, так как предвидел, что от этого произойдет междоусобие; он сам послал звать на киевское княжение сына Изяслава Святополка (княжившего в Турове), который был старше Владимира и за которого, по-видимому, была значительная партия в Киевской земле. Во все продолжение княжения Святополка Владимир оставался его верным союзником, действовал с ним заодно и не показал ни малейшего покушения лишить его власти, хотя киевляне уже не любили Святополка, а любили Владимира.

Владимир сделался, так сказать, душой всей Русской земли; вокруг него вращались все ее политические события.

Едва только уселся Святополк в Киеве, как половцы прислали к нему послов с предложением заключить мир. Святополк привел с собой из Турова дружину, людей ему близких. С ними он во всем совещался, и они посоветовали ему засадить половецких послов в погреб; когда после того половцы начали воевать и осадили один из пригородов Киевской земли – Торцкий, Святополк выпустил задержанных послов и сам предлагал мир, но половцы уже не хотели мира. Тогда Святополк начал совещаться с киевлянами; советники его разделились во мнениях: одни, более отважные, порывались на бой, хотя у Святополка было наготове с оружием только восемьсот человек; другие советовали быть осторожнее; наконец порешили на том, чтобы просить Владимира помогать в обороне Киевской земли от половцев.

Владимир отправился со своей дружиной, пригласил также своего брата Ростислава, бывшего на княжении в Переяславле. Ополчение трех князей сошлось на берегу реки Стугны, и там собрался совет.

Владимир держался того мнения, что лучше, как бы то ни было, устроить мир, потому что половцы были тогда соединены силами; то же доказывали боярин по имени Ян и еще кое-кто из дружины, но киевляне горячились и хотели непременно биться. Им уступили.

Ополчение перешло реку Стугну, пошло тремя отрядами, соответственно трем предводительствовавшим князьям, прошло Триполье и остановилось между валами. Это было 20 мая 1093 года.

Здесь половцы наступили на русских, гордо выставив в их глазах свои знамена. Сначала пошли они на Святополка, смяли его, потом ударили на Владимира и Ростислава. У русских князей силы было мало в сравнении с неприятелем; они не выдержали и бежали. Ростислав утонул при переправе через Стугну; Владимир сам чуть не пошел ко дну, бросившись спасать утонувшего брата. Тело утонувшего привезли в Киев и погребли у Св. Софии. Смерть Ростислава была приписана к Божию наказанию за жестокий поступок с печерским иноком старцем Григорием. Встретив этого старца, о котором тогда говорили, что он имеет дар предвидения, Ростислав спросил его: от чего приключится ему смерть. Старец Григорий отвечал: от воды. Ростиславу это не понравилось, и он приказал бросить Григория в Днепр; и за это злодеяние, как говорили, Ростислава постигла смерть от воды.

Дело этим не окончилось. Половцы дошли до Киева и между Киевом и Вышгородом на урочище Желани еще раз жестоко разбили русских 23 июля того же года.

После этой победы половцы рассеялись по русским селам и пленили много людей. Современник в резких чертах описал состояние бедных русских, которых толпами гнали враги в

свои вежи: «Печальные, измученные, истомленные голодом и жаждою, нагие и босые, черные от пыли, с окровавленными ногами, с унылыми лицами шли они в неволю и говорили друг другу: я из такого-то города, я из такой-то деревни, рассказывали о родных своих и со слезами возводили очи на небо к Всевышнему, ведущему все тайное».

В следующем году (1094) Святополк надеялся приостановить бедствия русского народа, заключил с половцами мир и женился на дочери половецкого хана Тугоркана. Но и этот год был не менее тяжел для Русской земли: саранча истребила хлеб и траву на полях, а родство киевского князя с половецким не спасло Руси и от половцев. Когда одни половцы мирились и роднились с русскими, другие вели на Владимира его неумолимого соперника Олега. Олег, высланный византийцами на Родос, недолго там оставался. В 1093 году он уже был в Тмутаракани, выгнал оттуда двух князей, таких же безместных, как и он (Давида Игоревича и Володаря Ростиславича), и сидел некоторое время спокойно в этом городе, но в 1094 году, пригласив половцев, отправился добывать ту землю, где княжил его отец. Владимир не дрался с Олегом, уступил ему добровольно Чернигов, вероятно, потому, что в Чернигове, как и прежде, были сторонники Олега. Сам Владимир уехал в Переяславль.

Тогда уже, видимо, выработался вполне характер Владимира; у него созрела мысль действовать не для личных своих выгод, а для пользы всей Русской земли, насколько он мог понимать ее пользу; главное же – энергично соединенными силами избавить Русскую землю от половцев. До того времени мы видели, что Владимир, насколько было возможно, старался устроить мир между русскими и половцами, но с той поры он становится постоянным и непримиримым врагом половцев, воюет против них, подвигает на них всех русских князей и с ними все силы русских земель. Вражду эту он открыл поступком с двумя половецкими князьями – Китаном и Итларем. Эти князья прибыли к Переяславлю договариваться о мире, разумеется, с намерением нарушить этот мир, как делалось прежде. Китан остановился между валами за городом, а Итларь со знатнейшими лицами приехал в город; с русской стороны отправился к половцам заложником сын Владимира Святослав.

Объяснение причин ослепления Василька Ростиславича Теребоелгского Владимиру Всеволодичу Мономаху (Переяславскому) послами Святополка Изяславича Киевского; уход послов Святополка от Владимира. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Тогда же прибыл от Святополка киевлянин Славята и стал советовать убить Итляря, приехавшего к русским. Владимир сначала не решался на такое вероломство, но к Славяте пристали дружинники Владимира и говорили: «Нет греха в том, что мы нарушим клятву, потому что сами они дают клятву, а потом губят Русскую землю и проливают христианскую кровь».

Славята с русскими молодцами взялся проникнуть в половецкий стан за городом и вывести оттуда Святослава, сына Владимира Мономаха, посланного к половцам заложником. С ним вместе взялись за это дело торки (народ того же племени, к которому принадлежали и половцы, но, будучи поселены на Киевской земле, они верно служили Руси). В ночь 24 февраля они не только успешно освободили Святослава, но умертвили Китана и перебили его людей.

Встреча Владимира Всеволодича Мономаха (Переяславского) с отрядами князей Давида Святославича Черниговского и Олега Святославича Муромского для совета о совместных действиях против Давида Игоревича Волынского и Святополка Изяславича Киевского. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Итлярь находился тогда во дворе у боярина Ратибора; поутру 24 февраля Итляря с его дружиной пригласили завтракать к Владимиру; но только что половцы вошли в избу, куда их позвали, как за ними затворили двери, и сын Ратибора Ольбег перестрелял их сверху через отверстие, сделанное в потолке избы. После такого вероломного поступка, который русские оправдывали тем, что их враги были так же вероломны, Владимир начал созывать князей против половцев, и в том числе Олега, от которого потребовал выдачи сына убитого Итляря. Олег не выдал его и не пошел к князьям.

Киевский князь Святополк и Владимир звали Олега в Киев на совет об обороне Русской земли. «Иди в Киев, – говорили ему князья, – здесь мы положим поряд о Русской земле пред епископами, игуменами, перед мужами отцов наших и перед городскими людьми, как нам оборонять Русскую землю». Но Олег высокомерно ответил: «Не пристало судить меня епископам, игуменам и смердам» (то есть мужичью, переводя на наш способ выражения).

Тогда князья, пригласившие Олега, послали ему от себя такое слово: «Если ты не идешь на неверных и не приходишь на совет к нам, то, значит, ты мыслишь на нас худое и хочешь помогать поганым. Пусть Бог нас рассудит».

Это было объявление войны. И так, вместо того чтобы идти соединенными силами на половцев, Владимиру приходилось идти войной на своих. Владимир со Святополком выгнали Олега из Чернигова, осадили его в Стародубе и держали в осаде до тех пор, пока Олег не попросил мира. Ему даровали мир, но с условием, чтобы он непременно прибыл в Киев на совет. «Киев, – говорили князья, – старейший город на Русской земле; там надлежит нам сойтись и положить поряд». Обе стороны целовали крест. Это было в мае 1096 года.

Между тем раздраженные половцы совершали набеги на Русь. Хан половецкий Боняк со своей ордой жег окрестности Киева, а тесть Святополка Тугоркан, несмотря на родство с киевским князем, осадил Переяславль. Владимир со Святополком разбили его 19 мая; сам Тугоркан пал в битве, и его зять Святополк привез тело тестя в Киев. Похоронили его между двумя дорогами: одной, ведущей в Берестово, и другой – в Печерский монастырь. В июле Боняк повторил свое нападение и 20 числа утром ворвался в Печерский монастырь. Монахи, отстояв заутреню, почивали в кельях; половцы выломали ворота, ходили по кельям, брали что попадалось под руки, сожгли церковные южные и северные двери, вошли в церковь, таскали из нее иконы и произносили оскорбительные слова над христианским Богом и законом. Тогда половцы сожгли загородный княжеский двор, называемый красным, построенный Всеволодом на Выдубичском холме, где впоследствии выстроен был Выдубицкий монастырь.

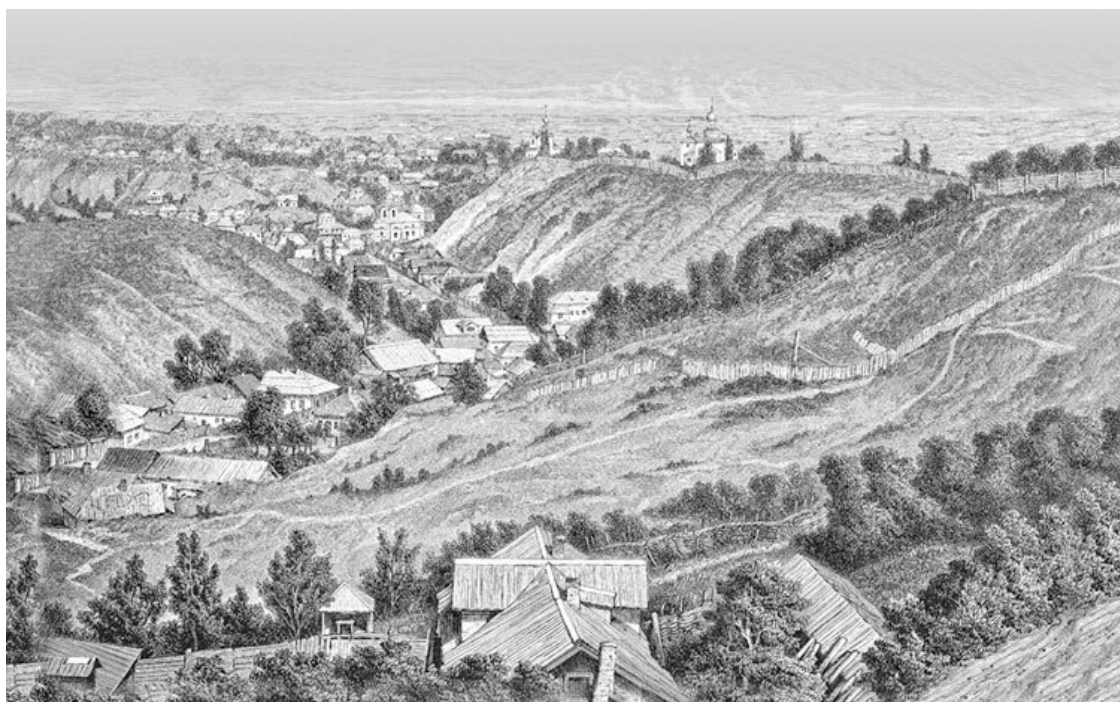
Олег не собирался исполнять договор и являться в Киев на княжеский съезд. Вместо того он явился в Смоленск (где тогда неизвестно каким путем сел брат его Давид), набрал там войска и, выйдя оттуда, пошел вниз по Оке, ударил на Муром, который достался в управление сыну Мономаха Изяславу, посаженному на княжение в соседней Ростовской земле. (Отец Олега Святослав, сидя в Чернигове, был в то же время на княжении и в Муроме, и потому Олег считал Муром своей отчиной). 6 сентября 1096 года Изяслав был убит в сече. Олег взял Муром и оковал всех найденных там ростовцев, белозерцев и суздальцев: видимо, князь Изяслав управлял муромцами при помощи людей своей земли. В Муроме и его волости в то время еще господствовало язычество; край был населен народом финского племени, муромой, и держался за князьями только посредством дружины, составлявшей здесь, вероятно, еще единственное славянское население в те времена. В Ростове, Суздале и Белозерске, напротив, славяно-русская стихия уже прежде пустила свои корни, и эти края имели свое местное русское население.

Олег, отвоевав Муром, взял Суздаль и поступил сурово с его жителями: одних взял в плен, других разослал по своим городам и отнял их имущество. Ростов сдался Олегу сам. Возгордившись успехами, Олег затевал подчинить своей власти и Новгород, где на княжении был другой сын Мономаха – Мстислав, молодой князь, очень любимый новгородцами. Новгородцы предупредили покушение Олега и, прежде чем он мог встать с войском на Новгородской земле, сами отправились на него на Ростовско-Суздальскую землю. Олег убежал из Суздаля, приказав в досаде сжечь за собой город, и остановился в Муроме. Мстислав удовлетворился тем, что выгнал Олега из Ростовско-Суздальской земли, которая никогда не была уделом ни Олега, ни его отца; он предложил Олегу мир и предоставил возможность снестись со своим отцом. Мстислава располагало к уступчивости то, что Олег был его крестным отцом. Олег притворно согласился, а сам собрался внезапно напасть на своего крестника; но новгородцы узнали об его намерении заблаговременно и вместе с ростовцами и белозерцами приготовились к бою. Враги встретились друг с другом на реке Колакше в 1096 году. Олег увидел у противников распущенное знамя Владимира Мономаха, подумал, что сам Владимир Мономах пришел с большой силой на помощь сыну, и убежал. Мстислав с новгородцами и ростовцами пошел по его следам, взял Муром и Рязань, мирно обошелся с муромцами и рязанцами, освободил людей Ростовско-Суздальской области, которых Олег держал в городах Муроме и Рязани пленниками; после того Мстислав послал к своему сопернику такое слово: «Не бегай более, пошли с мольбой к

своей брати; они тебя не лишат русской земли». Олег обещал сделать так, как предлагал ему победитель.

Мономах дружелюбно обошелся со своим соперником, и памятником тогдашних отношений его к Олегу осталось современное письмо Владимира Олегу, очень любопытное не только потому, что во многом объясняет личность князя Владимира Мономаха, но и потому, что вообще оно составляет один из немногих образцов тогдашнего способа выражения: «Меня, – пишет он, – принудил написать к тебе сын мой, которого ты крестил и который теперь недалеко от тебя; он прислал ко мне мужа своего и грамоту и говорит так: сладимся и примиримся, а братцу моему суд пришел; не будем ему мстителями; возложим все на Бога; пусть они станут пред Богом, мы же Русской земли не погубим. Я послушался и написал; примешь ли ты мое писание с добром или с поруганием – покажет ответ твой. Отчего, когда убили мое и твое дитя перед тобою, увидав кровь его и тело его, увянувшее подобно едва распустившемуся цветку, отчего, стоя над ним, не вник ты в помыслы души своей и не сказал: зачем это я сделал? Зачем ради кривды этого мечтательного света причинил себе грех, а отцу и матери слезы? Тебе было бы тогда покаяться Богу, а ко мне написать утешительное письмо и прислать сноху мою ко мне... Она тебе не сделала ни добра, ни зла; я бы с нею оплакал мужа ее и свадьбу их вместо свадебных песен. Я не видел прежде их радости, ни их венчания; отпусти ее как можно скорее, я поплачу с нею заодно и посажу на месте, как грустную горлицу на сухом дереве, а сам утешусь о Боге. Так было и при отцах наших. Суд пришел ему от Бога, а не от тебя! Если бы ты, взяв Муром, не трогал Ростова, а прислал бы ко мне, мы бы уладились; рассуди сам, тебе ли следовало послать ко мне или мне к тебе? Если пришлешь ко мне посла или попа и грамоту свою напишешь с правдою, то и волость свою возьмешь, и сердце наше обратится к тебе, и будем жить лучше, чем прежде; я тебе не враг, не мститель».

Тогда наконец состоялось то, что долго замышлялось и никак не могло прийти к исполнению. В городе Любече съехались князья Святославичи – Олег, Давид и Ярослав, киевский Святополк, Владимир Мономах, волынский князь Давид Игоревич и червонорусские князья Ростиславичи – Володарь и Василько. С ними были их дружинники и люди их земель. Цель их совещания была устроить и принять меры к охране русских земель от половцев. Всем делом заправлял Мономах.

Урочища киевские: Кожемяки

«Зачем губим мы Русскую землю, – говорили тогда князья, – зачем враждуем между собою? Половцы разоряют землю; они радуются тому, что мы друг с другом воюем. Пусть же с этих пор будет у всех нас единое сердце; соблюдаем свою отчину».

На этом съезде князья решили, чтобы все они владели своими волостями: Святополк – Киевом; Владимир – уделом отца своего Всеволода (Переяславлем, Суздалем и Ростовом); Олег, Давид и Ярослав – уделом Святослава, их отца (Северской землей и Рязанской); Давид Игоревич – Волынью, а Василько и Володарь – городами Теревовлем и Перемышлем с их землями, составлявшими тот край, который впоследствии назовется Галичиной. Все целовали крест на том, что если кто-нибудь из князей нападет на другого, то все должны будут ополчиться на зачинщика междоусобия. «Да будет на того крест честный и вся земля Русская», – такой приговор произнесли они в то время.

До тех пор Владимир находился в самых приятельских отношениях к Святополку Киевскому. Последний был человек ограниченного ума и слабого характера и подчинялся Владимиру, как вообще люди с подобными чертами подчиняются лицам, более их сильным волей и более их умным. Но известно, что такие люди склонны подозревать тех, кому они невольно повинуются. Они им покорны, но в душе ненавидят их. Давид Игоревич был заклятый враг теревовльского князя Василька и хотел присвоить себе его землю. Возвращаясь на Волынь из Любеча через Киев, он уверил Святополка, что у Василька с Владимиром составилась злой умысел лишить Святополка Киевской земли. Сам Василько был человек предприимчивого характера; он уже водил половцев на Польшу; затем, как он сам потом признавался, думал идти на половцев, но, если верить ему, не думал делать ничего дурного русским князьям.

Натравленный Давидом Святополк звал к себе Василька на именины в то время, когда последний, возвращаясь из Любеча домой, проезжал мимо Киева и, не заезжая в город, остановился в Выдубицком монастыре, отослав свой обоз вперед. Один из слуг Василька, или подозревая коварство, или, быть может, даже предостерегаемый кем-то, не советовал своему князю ехать в Киев: «Тебя хотят схватить», – говорил он. Но Василько понадеялся на крестное целование, немного подумал, перекрестился и поехал.

Было утро 5 ноября. Василько вошел в дом к Святополку и застал у него Давида. После первых приветствий они сели. Давид молчал. «Оставайся у меня на праздник», – сказал Святополк. «Не могу, брат, – отвечал Василько, – я уже отослал свой обоз вперед». – «Ну так позавтракай с нами», – сказал Святополк. Василько согласился. Тогда Святополк сказал: «Посидите здесь, а я пойду велю кое-что приготовить». Василько остался с Давидом и стал было вести разговор с ним, но Давид молчал и как будто ничего не слышал. Наконец Давид спросил слуг: «Где брат?» – «Стоит на сенях», – отвечали ему. «Я пойду за ним, а ты, брат, посиди», – сказал он Васильку и вышел. Тотчас слуги наложили на Василька оковы и приставили к нему стражу. Так прошла ночь.

На другой день Святополк созвал вече из бояр и людей Киевской земли и сказал: «Давид говорит, что Василько убил моего брата Ярополка и теперь совещается с Владимиром; хотят убить меня и отнять мои города». Бояре и люди киевские сказали: «Ты, князь, должен охранять свою голову. Если Давид говорит правду, пусть Василько будет казнен, а если неправду, то пусть Давид примет месть от Бога и отвечает перед Богом».

Ответ был двусмысленный и увертливый. Игумены были смелее и стали просить за Василька. Святополк ссылался на Давида. Сам Святополк готов был отпустить Василька на свободу, но Давид советовал ослепить его и говорил: «Если ты его отпустишь, то не будет княжения ни у меня, ни у тебя». Святополк колебался, но потом совершенно поддался Давиду и согласился на гнусное злодеяние.

В следующую ночь Василька повезли в оковах в Белгород, ввели в небольшую избу. Василько увидел, что ехавший с ним торчин стал точить нож, догадался, в чем дело, начал кричать и взывать к Богу с плачем. Вошли двое конюхов: один Святополка, по имени Сновид Изечевич, другой Давида – Дмитрий; они постлали ковер и взялись за Василька, чтобы положить его на ковер. Василько стал с ними бороться; он был силен; двое не могли с ним справиться; подоспели на помощь другие, связали его, повалили и, сняв с печи доску, положили на грудь; конюхи сели на эту доску, но Василько сбросил их с себя. Тогда подошли еще двое людей, сняли с печи другую доску, навалили ее на князя, сами сели на доску и придавили так, что у Василька затрещали кости на груди. Вслед за тем торчин Беренда, овчар Святополка, приступил к операции: намереваясь ударить ножом в глаз, он сначала промахнулся и порезал Васильку лицо, но потом уже вынул у него оба глаза один за другим. Василько лишился чувств. Его взяли вместе с ковром, на котором он лежал, положили на воз и повезли дальше по дороге во Владимир.

Проезжая через город Звиждень, привезли его к какой-то попадье и отдали ей мыть окровавленную сорочку князя. Попадья вымыла, надела на Василька и горько плакала, тронутая этим зрелищем. В это время Василько очнулся и закричал: «Где я?» Ему отвечали: «В Звиждене городе». – «Дайте воды!» – сказал Василько. Ему подали воды, он выпил и мало-помалу совсем пришел в себя, вспомнил, что с ним происходило и, ощутив на себе сорочку, спросил: «Зачем сняли? Я бы в этой окровавленной сорочке принял смерть и стал перед Богом».

Пообедав, злодеи повезли его во Владимир, куда прибыли на шестой день. Давид поместил Василька на дворе какого-то владимирского жителя Вакея и приставил к нему тридцать сторожей под начальством двух своих княжеских отроков, Улана и Колчка.

Услышал об этом прежде других князей Владимир Мономах и ужаснулся. «Этого не бывало ни при дедах, ни при прадедах наших», – говорил он. Немедленно позвал к себе черниговских князей Олега и Давида на совещание в Городец. «Надобно поправить зло, – говорил он, – а иначе еще большее зло будет, начнет брат брата умерщвлять, и погибнет земля Русская, и половцы возьмут землю Русскую». Давид и Олег Святославичи также пришли в ужас и говорили: «Подобного не бывало еще в роде нашем». Действительно не бывало: в княжеском роде раньше случались варварские братоубийства, но ослеплений еще не было. Этот вид злодеяния принесла в варварскую Русь греческая образованность.

Перемирие Святополка Изяславича Киевского, Владимира Всеволодича Мономаха (Переяславского), Давида Святославича Черниговского и Олега Святославича Муромского на съезде в Уветичах. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Переговоры Святополка Изяславича Киевского и Владимира Всеволодича Мономаха (Переяславского) в шатре в Долобске перед походом на половцев. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Все три князя отправили к Святополку своих мужей с таким словом: «Зачем наделал ты зла в Русской земле, зачем вверг нож в братью? Зачем ослепил брата? Если бы он был виноват перед тобою, ты бы должен был обличить его перед нами и доказать вину его; он был бы наказан, а теперь скажи: в чем его вина?» Святополк отвечал: «Мне сказал Давид Игоревич, что Василько убил брата моего Ярополка и меня хочет убить, чтобы захватить волость мою: Туров, Пинск, Берестье и Погорынье, говорил, что у него положена клятва с Владимиром: чтобы Владимиру сесть в Киеве, а Васильку в городе Владимире. Я поневоле оберегал свою голову. Не я его ослепил, а Давид; он его и увез к себе».

«Этим не отговаривайся, – отвечали князья, – Давид его ослепил, но не в Давидовом городе, а в твоём».

Владимир с князьями и дружинами хотел переходить через Днепр против Святополка; Святополк в страхе собирался бежать, но киевляне не пустили его и послали к Владимиру его мачеху и митрополита Николая с таким словом: «Молим тебя, князь Владимир, и вместе с тобою братию твою князей, не губите Русской земли; если вы начнете воевать между собою, поганые возрадуются и возьмут землю нашу, которую приобрели отцы ваши и деды ваши трудом и храбростью; они боролись за Русскую землю и чужие земли приобретали, а вы хотите погубить Русскую землю».

Владимир очень уважал свою мачеху и склонился на ее мольбы. «Правда, – сказал он, – отцы и деды наши соблюдали Русскую землю, а мы хотим ее погубить».

Княгиня, возвратившись в Киев, принесла радостную весть киевлянам, что Владимир склоняется на мир.

Князья стояли на левой стороне Днепра, в бору, и пересылались со Святополком. Наконец последнее их слово было таково: «Если это преступление Давидово, то пусть Святополк идет на Давида, пусть либо возьмет его, либо сгонит с княжения».

Святополк целовал крест поступать по требованию Владимира и его товарищей.

Князья собрались идти на Давида, а Давид, узнав об этом, стал пытаться поладить с Васильком и заставить его самого отклонить от Давида опасность, которой подвергался Давид за Василька.

Призвал ночью Давид какого-то Василия, рассказ которого включен в летопись целиком. Давид сказал ему: «Василько в эту ночь говорил Улану и Колчке, что ему хочется послать от себя мужа своего к князю Владимиру. Посылаю тебя, Василий, идти к одноименнику своему и скажи ему от меня: если ты пошлешь своего мужа к Владимиру и Владимир воротится, я дам тебе какой хочешь город: либо Всеволож, либо Шепель, либо Перемиль».

Василий отправился к Васильку и передал ему речь Давида. «Я ничего такого не говорил, – сказал Василько, – но готов послать мужа, чтобы не проливали из-за меня крови; дивно только, что Давид дает мне города свои, а мой Теребовль у него. Ступай к Давиду и скажи, пусть пришлет ко мне Кульмея. Я пошлю его к князю Владимиру». Василий сходил к Давиду и, вернувшись, сказал, что Кульмея нет.

Василько сказал: «Посиди со мной немного». Он велел слуге выйти вон и говорил Василию: «Слышу, что Давид хочет меня отдать ляхам, не насытился он еще моей кровью; еще больше хочет упиться ею. Я много зла наделал ляхам и хотел еще наделать и мстить им за Русскую землю. Пусть выдает меня ляхам, смерти я не боюсь. Скажу только тебе по правде. Наказал меня Бог за мое высокомерие; ко мне пришла весть, что идут ко мне берендичи, печенеги, торки, и я сказал себе в уме: как будут у меня берендичи, печенеги, торки, скажу я брату своему Володарю и Давиду: дайте мне свою меньшую дружину, а сами пейте себе и веселитесь; я же зимою пойду на ляхскую землю, а на лето завоюю ляхскую землю и отомщу за Русскую землю. Потом я хотел овладеть дунайскими болгарам и поселить их у себя, а потом хотел проситься у Святополка и Владимира идти на половцев: либо славу себе найду, либо голову сложу за Русскую землю; иного помышления у меня в сердце не было ни на Святополка, ни на Давида. Клянусь Богом и его пришествием, не мыслил я никакого зла брату; но за мое возношение низложил меня Бог и смирил!» Неизвестно, чем закончились эти сношения Давида с Васильком, но, вероятно, Василько остановил Владимира, потому что в том году не было от него нападения на Давида. Наступала Пасха. Давид не выпустил Василька и, напротив, хотел захватить волость ослепленного; он пошел туда с войском, но у Божска встретил его Володарь. Давид был такой же трус, как и злодей. Он не осмелился вступить в бой и заперся в Божске. Володарь осадил его и послал к нему такое слово: «Зачем наделал зла и еще не каешься. Опомнись!» – «Разве я это сделал, – отвечал Давид, – разве в моем городе это случилось? Виною всему Святополк: я боялся, чтобы и меня не взяли и не сделали со мною того же; поневоле пришлось мне пристать к нему в совет, был у него в руках».

Володарь не перечил ему, стараясь только о том, как бы выручить брата из неволи. «Бог свидетель всему этому, – послал он сказать Давиду, – а ты выпусти моего брата, и я с тобой примирюсь».

Давид обрадовался, приказал привести слепого и отдал его Володарю. Они заключили мир и разошлись.

Но на другую весну (1098) Володарь и Василько с войском отправились на Давида и подошли к городу Всеволожу, взяли его приступом и зажгли; жители бежали, Василько приказал всех их истребить и мстил за себя невинным людям, как замечает летописец. Василько показал, что хотя он и был несчастен, но вовсе не любил Русскую землю в той мере, как говорил. Братья подошли к Владимиру. Трусливый Давид заперся в нем. Братья князя послали к владимирцам такое слово: «Мы пришли не на ваш город и не на вас, а пришли мы на врагов своих: на Туряка, Лазаря и Василия – они подговорили Давида; он их послушал и сделал зло. Если хотите биться за них – и мы готовы; а не хотите – так выдайте врагов наших».

Владимирские граждане собрались на вече и так сказали Давиду: «Выдай этих мужей, мы за них не бьемся; за тебя же биться можем; если не выдашь – мы отворим город, а ты сам о себе промышляй как знаешь».

Давид отвечал: «Их нет здесь, я послал их в Луцк; Туряк бежал в Киев, Василий и Лазарь в Турийске».

«Выдай тех, кого они хотят, – крикнули горожане, – а не то мы сдадимся!»

Давиду нечего было делать. Он послал за своими любимцами Василием и Лазарем и выдал их.

Братья Ростиславичи по заре повесили Василия и Лазаря перед городом, а сыновья Василька расстреляли их стрелами. Совершив казнь, они отступили от города.

После этой расправы на Давида пошел Святополк, который до сих пор медлил исполнением княжеского приговора наказать Давида за его злодеяние. Давид искал помощи у польского князя Владислава Германа, но последний взял с него деньги за помощь и не помог. После семинедельной осады во Владимире Давид сдался и уехал в Польшу.

В великую субботу 1098 года Святополк вошел во Владимир. Овладев Волынью, киевский князь думал, что не худо таким же способом овладеть и волостями Ростиславичей, за которые он начал войну с Давидом. Володарь, предупреждая нападение, вышел против киевского князя и взял с собой слепого брата. Враги встретились на урочище, называемом Рожново поле. Когда рати готовы были ударить друг против друга, вдруг явился слепой Василько с крестом в руке и кричал, обращая речь свою к Святополку: «Вот крест, который ты целовал перед тем, как отнял у меня зрение! Теперь ты хочешь отнять у меня душу. Этот честный крест рассудит нас!»

Произошла жестокая битва. Ростиславичи победили. Святополк бежал во Владимир. Победители не погнались за ним. «С нас довольно стать на своей меже», – говорили они.

Тогда у Ростиславичей и у их врага Давида появилось общее дело: защищать себя от Святополка, тем более что киевский князь не думал оставлять их в покое и, посадив одного из своих сыновей, Мстислава, во Владимире-Волинском, другого – Ярослава – послал к уграм (венграм) подвигать их на Володаря, а сам ушел в Киев, вероятно, замышляя посадить этого самого Ярослава в уделе Ростиславичей, выгнав последних, подобно тому как он уже выгнал Давида. Святополк хотел воспользоваться вспыхнувшей враждой между Давидом и Ростиславичами для того, чтобы доставить на их счет владения своим сыновьям. Давид прибыл из Польши и сошелся с Володарем. Заклятые враги помирились, и Давид оставил свою жену у Володаря, а сам отправился нанимать половецкую орду, которой управлял воинственный и свирепый хан Боняк. Вероятно, Давид успел уверить Володаря, что в самом деле виной злодеяния, совершенного над Васильком, был не он, а Святополк.

Володарь сидел в Перемышле. Пришли венгры со своим королем Коломаном, приглашенные Ярославом Святополковичем, и осадили Перемышль. На счастье Володаря Давиду не пришлось далеко ездить за половцами: он встретил Боняка где-то недалеко и привел его в Перемышль.

Накануне ожидаемой битвы с венграми Боняк в полночь отъехал от войска в поле и стал выть по-волчьи. Ему вторили голоса множества волков. Таково было половецкое гаданье. «Завтра, – сказал Боняк, – мы победим угров». Дикое предсказание половецкого хана сбылось. «Боняк, – говорит современный летописец, – сбил угров в мяч так, как сокол сбивает галок». Венгры бежали. Много их утонуло и в Вагре, и в Сане. Давид двинулся к Владимиру и овладел Владимирской волостью. В самом городе сидел Мстислав Святополкович с засадой (гарнизон), состоявшей из жителей владимирских пригородов: берестьян, пинян и выгошевцев. Давид начал делать приступы: дождем сыпались с обеих сторон стрелы; осаждавшие закрывались подвижными вежами (башнями); осажденные стояли на стенах за досками; таков был тогдашний способ войны. В одну из таких перестрелок, 12 июня 1099 года, стрела сквозь скважину доски поразила насмерть князя Мстислава. Осажденные после его смерти терпели тягостную осаду до августа, наконец Святополк прислал к ним на выручку войско. 5 августа Давид не устоял в битве с присланным войском и бежал к половцам. Победители ненадолго овладели Владимиром и Луцком. Давид, пришедший с Боняком, отнял у них и тот и другой город.

Отправка Владимиром Всеволодовичем Мономахом (Переяславским) отрока Бяндюка заИтларем; беседа Бяндюка сИтларем. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Целование креста Владимиром Всеволодовичем Мономахом (Переяславским) и Святополком Изяславичем Киевским в знак примирения. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Намерение Мономаха соединить князей на единое дело против половцев не только не привело к желанной цели, а напротив, повело к многолетней войне между князьями; для Русской земли от этого умножилось горе. Однако на следующий год (1100) Мономаху удалось-таки опять устроить между князьями совещание и убедить Давида Игоревича отдаться на княжеский суд. Давид сам прислал к князьям послов по этому делу. К сожалению, мы не

знаем подробностей подготовки к этой встрече. 10 августа князя Владимир Мономах, Святополк, Олег с братом Давидом сошлись в Витичеве, а через двадцать дней, 30 августа, они снова сошлись на том же месте, и уже тогда был с ними Давид Игоревич.

«Кому есть на меня жалоба?» – спросил Давид Игоревич. «Ты присылал к нам, – сказал Владимир, – объявил, что хочешь жаловаться перед нами за свою обиду. Вот теперь ты сидишь с братьей на одном ковре. На кого у тебя жалоба?»

Давид ничего не отвечал.

Тогда князя сели на лошадей и стали врознь каждый со своей дружиной. Давид Игоревич сидел особо. Князя рассуждали о Давиде: сначала каждый князь со своей дружиной, а потом совещались между собой и послали Давиду от каждого князя мужей. Эти мужи сказали Давиду такую речь: «Вот что говорят тебе братья: не хотим тебе дать стола Владимирского за то, что ты вверг нож между нас, сделал то, чего еще не бывало в Русской земле; но мы тебя не берем в неволю, не делаем тебе ничего худого, сиди себе в Бужске и в Остроге; Святополк придает тебе Дубен и Чарториск, а Владимир дает тебе 200 гривен да еще Олег и Давид дают тебе 200 гривен». Потом князя послали к Вол одарю такое слово: «Возьми к себе брата своего Василька; будет вам обоим Перемышль. Хотите – живите вместе, а не хотите – отпусти Василька к нам; мы будем его кормить!»

Володарь с гневом принял такое предложение; Святополк и Святославичи хотели выгнать Ростиславичей из их волости и послали приглашать к участию в этом предприятии Владимира, который после съезда в Витичеве поехал в свои северные области и был на Волге, когда пришел к нему вызов от Святополка идти на Ростиславичей: «Если ты не пойдешь с нами, то мы будем сами по себе, а ты сам по себе». Видно, что и на витичевском съезде Владимир не ладил с князьями и не совсем одобрял их постановления: «Я не могу идти на Ростиславичей, – отвечал он им, – и преступать крестное целование. Если вам не нравится последнее, принимайте прежнее» (то есть постановленное в Любече). Владимир был тогда огорчен, как показывают и слова в его духовной, касающиеся описываемого события. По этому поводу он счел уместным привести выражение из Псалтиря: «Не ревнуй лукавствующим, не завиди творящим беззаконие!»

В самом деле, то, чем покончили князья свои междоусобия, мало представляло справедливости. Владимир не противоречил им во многом, потому что желал как бы то ни было прекратить междоусобия, чтобы собрать силы русских земель против общих врагов – половцев.

Святополку как киевскому князю хотелось, подобно своим предшественникам, власти над Новгородом, и для этого желал он посадить в Новгороде своего сына, между тем там уже был князем сын Мономаха Мстислав. Владимир уступил Святополку, а вместо новгородского княжения Святополк обещал Мстиславу владимирское.

Мономах призвал Мстислава из Новгорода в Киев, но вслед за Мстиславом приехали новгородские послы и повели такую речь Святополку: «Приславшие нас велели сказать: не хотим Святополка и сына его; если у него две головы, то посылай его. Нам дал Мстислава Всеволод, мы его вскормили, а ты, Святополк, уходил от нас».

Святополк не мог их переспорить и не в состоянии был принудить новгородцев исполнить его волю. Мстислав опять вернулся в Новгород. Новгород благодаря местоположению за неприступными болотами и дремучими лесами чувствовал свою безопасность. Туда нельзя было навести ни половцев, ни ляхов; нельзя было с иноземной помощью овладеть Новгородом.

С тех пор Владимир непрерывно обращал свою деятельность на ограждение Русской земли от половцев. В 1101 году Владимир поднял князей против них, но половцы, услышав о сборах русских князей, одновременно от разных орд прислали просьбы о мире. Русские согласились на мир, готовые наказать половцев за первое вероломство. В 1103 году этот мир был нарушен половцами, и Мономах побудил русских князей предпринять первый наступательный поход на Половецкую землю соединенными силами. В летописи этот поход описан с большим сочувствием, и видно, что он произвел впечатление на современников. Киевский князь

со своей дружиной и Владимир со своей сошлись на Долобске (на левой стороне Днепра близ Киева). Князья совещались в шатре. Дружина Святополка была против похода. Тогда раздавались такие голоса: «Теперь весна, как можно отрывать смерда от пашни; ему надобно пахать».

Но Владимир на это возразил: «Удивительно, что вы не жалеете смерда, а жалеете лошадь, на которой он пашет. Начнет смерд пахать, прибежит половчин и отымет у него лошадь, и его самого ударит стрелой, и ворвется в село, и жену и детей его возьмет в полон».

Дружина Святополка ничего на это не могла возразить, и Святополк сказал: «Я готов».

«Ты много добра сделаешь», – сказал ему на это Мономах.

После долобского совещания князья стали приглашать черниговских князей принять участие в походе, а за ними и других князей. Давид послушался, а Олег отговорился нездоровьем. Он неохотно ссорился с половцами, которые помогли ему взять Чернигов, и, быть может, рассчитывал, что дружба с ними пригодится ему и его детям. Прибыл со своей дружиной полоцкий князь Давид Всеславич, прибыли и некоторые другие князья. Русские шли конные и пешие: последние на ладьях по Днепру до Хортицы. После четырехдневного пути степью от Хортицы на урочище, называемом Сутень, русские 4 апреля встретили половцев и разбили их наголову. Половцы потеряли до двадцати князей. Один из их князей, Белдюзь, попался в плен и предлагал за себя большой выкуп золотом, серебром, лошадьми и скотом, но Владимир сказал ему: «Много раз поставляли вы с нами договор, а потом ходили воевать Русскую землю; зачем ты не учил сынов своих и род свой не преступать договора и не проливать христианской крови?» Он приказал затем убить Белдюзя и рассечь по членам его тело. Русские набрали тогда много овец, скота, верблюдов и невольников.

В 1107 году воинственный Боняк и старый половецкий князь Шарукан задумали отомстить русским за прежнее поражение, но были разбиты наголову под Лубнами. В 1109 году Владимир посылал воеводу Дмитрия Иворовича к Дону: русские нанесли большое разорение половецким вежам. За это на другой год половцы опустошили окрестности Переяславля, а в следующем году Владимир опять с князьями предпринял поход, который более всех других облекся славой в глазах современников. Предание связало с ним чудодейственные предзнаменования. Рассказывают, что 11 февраля ночью над Печерским монастырем появился огненный столб: сначала он стал над каменной трапезной, перешел оттуда на церковь, потом стал над гробом Феодосия, наконец поднялся по направлению к востоку и исчез. Явление это сопровождалось молнией и громом. Грамотеи растолковали, что это был ангел, возвещавший русским победу над неверными. Весной Владимир с сыновьями, киевский князь Святополк со своим сыном, Ярослав и Давид с сыном на второй неделе поста отправились к Суле, перешли через Псёл, Ворсклу и 23 марта пришли к Дону, а 27-го, в страстной понедельник, разбили наголову половцев на реке Сальнице и вернулись обратно со множеством добычи и пленников. Тогда, как говорит летопись, слава о подвигах русских прошла ко всем народам: грекам, ляхам, чехам – и дошла даже до Рима. С тех пор надолго половцы перестали тревожить Русскую землю.

В 1113 году умер Святополк, и киевляне, собравшись на вече, избрали Владимира Мономаха своим князем; но Владимир медлил; между тем киевляне, недовольные поборами своего покойного князя, напали на дом его любимца Путяты и разграбили жидов, которым потакал Святополк во время своего княжения и поверял сбор доходов. В другой раз послали киевляне к Владимиру послов с такой речью: «Иди, князь, в Киев, а не пойдешь, так разграбят и княгиню Святополкову, и бояр, и монастыри; и будешь ты отвечать, если монастыри ограбят». Владимир прибыл в Киев и сел на столе по избранию Киевской земли.

Время его княжения до смерти, последовавшей в 1125 году, было самым цветущим периодом в древней истории Киевской Руси. Уже ни половцы и никакие другие иноплеменники не беспокоили русского народа. Напротив, сам Владимир посылал своего сына Ярополка на Дон, где он завоевал у половцев три города и привел себе жену, дочь ясского князя, необычно-

венную красавицу. Другой сын Владимира, Мстислав, с новгородцами нанес поражение Чуди на Балтийском побережье; третий сын, Юрий, победил на Волге болгар. Удельные князья не смели заводить междоусобиц, повиновались Мономаху и в случае строптивости чувствовали его сильную руку. Владимир прощал первые попытки нарушить порядок и строго наказывал вторичные. Так, например, когда Глеб Мстиславич, один из кривских князей, напал на Слуцк и сжег его, Владимир пошел на Глеба войной, но Глеб поклонился Владимиру, просил мира, и Владимир оставил его княжить в Минске; но спустя несколько лет, вероятно, за такой же проступок, Владимир вывел Глеба из Минска, где он и умер. Точно так же в 1118 году Владимир, собрав князей, пошел на волынского князя Ярослава Святополковича, и когда Ярослав покорился ему и ударил челом, он оставил его во Владимире, сказав ему: «Всегда иди, когда я тебя позову». Но потом Ярослав напал на Ростиславичей и навел на них ляхов; кроме того, он дурно обращался со своей женой; Владимир сердился на него и за это. Владимир выгнал Ярослава, отдав Владимир-Волынский своему сыну Андрею. Ярослав покушался возвратить себе Владимира с помощью ляхов, венгров и чехов, но не успел и был изменнически убит ляхами.

Не так удачны были дела Мономаха с Грецией. Он отдал свою дочь за Леона, сына византийского императора Диогена, но вслед за тем в Византии произошел переворот. Диоген был низвергнут Алексеем Комнином. Леон с помощью тестя хотел приобрести себе независимую область в греческих владениях на Дунае, но был умерщвлен убийцами, подосланными Комнином. Леон оставил сына, для которого Мономах хотел приобрести то же самое владение в Греции, которого добивался Леон, и сначала воевода Владимира Войтишич посадил было посадников Владимира в греческих дунайских городах, но греки прогнали их, а в 1122 году Владимир помирился с преемником Алексея Иоанном Комнином и отдал за него свою внучку, дочь Мстислава.

Владимир Мономах является в русской истории законодателем. Еще ранее его, при детях Ярослава, в «Русскую Правду» вошли важные изменения и дополнения. Важнейшее из изменений было то, что месть за убийство была устранена, а вместо нее введено наказание платежом вир. Это повлекло к усложнению законодательства и к установлению многих статей, касающихся разных случаев обид и преступлений, которые влекли за собой платеж вир в различном размере. Таким образом, различные размеры вирных платежей назначались за разного рода оскорбления и побои, наносимые одними лицами другим, как равно и за кражу разных предметов. Независимо от платежа виры за некоторые преступления, как, например, за разбойничество и поджигательство, виновный подвергался потоку и разграблению – древнему народному способу наказания преступника. Убийство вора не считалось убийством, если было совершено при самом воровстве, когда вор еще не был схвачен. При Мономахе на совете, при званном им и составленном из киевского, белгородского, переяславского тысяцких и людей своей дружины, постановлено было несколько важных статей, клонившихся к ограждению благосостояния жителей. Ограничили произвольное взимание рез (процентов), которое при Святополке доходило до больших злоупотреблений и вызвало после смерти этого князя преследование жидов, бывших ростовщиками. При Владимире установили, что ростовщик может брать только три раза проценты, и если возьмет три раза, то уже теряет самый капитал. Кроме того, установлен был дозволенный процент: 10 кун за гривну, что составляло около трети или несколько более, если принимать упоминаемую гривну гривной куна⁹.

⁹ Гривна была – гривна серебра и гривна кун. Гривна серебра была двоякая: гривна большая, состоявшая в серебряных кусках, которые попадают весом от 43 до 49 золотников, и гривна малая – в кусках от 35 до 42 золотников. Семь гривен кун равнялись гривне серебра, следовательно, гривна кун составляла приблизительно от 6 до 7 или от 5 до 6 золотников серебра.

Византийский император Константин Мономах. Фрагмент росписи Грановитой палаты Московского Кремля

Частые войны и нашествия половцев разоряли капиталы, являлись неоплатные должники, а под их видом были и плуты. Торговые предприятия подвергали купца опасностям; от этого и те, которые давали ему деньги, также находились в опасности потерять свой капитал. Отсюда и высокие проценты. Некоторые торговцы брали у других купцов товары, не платя за них деньги вперед, а выплачивали после выручки с процентами; по этому поводу возникали обманы. При Владимире положено было различие между тем неоплатным купцом, который пострадает нечаянно от огня, воды или неприятеля, и тем, который испортит чужой товар, или пропьет его, или «пробьется», то есть заведет драку, а потом должен будет заплатить виру или «продажу» (низший вид виры). При несостоятельности купца следовало принимать во вни-

мание: от какой причины он стал несостоятелен. В первых случаях, то есть при нечаянном разорении, купец не подвергался насилию, хотя не освобождался от платежа долга. Некоторые брали капитал от разных лиц, а также и у князей. В случае несостоятельности такого торговца его вели на торг и продавали его имущество. При этом гость, то есть человек из иного города или чужеземец, имел первенство перед другими займодавцами, а за ним князь, потом уже прочие займодавцы получали остальное. Набеги половцев, процентщина, корыстолюбие князей и их чиновников – все способствовало тому, что в массе народа умножались бедняки, которые, не будучи в состоянии прокормить себя, шли в наемники к богатым. Эти люди назывались тогда «закупами». С одной стороны, эти закупы, взяв от хозяина деньги, убегали от него, а с другой – хозяева возводили на них разные траты по хозяйству и на этом основании притесняли и даже обращали в рабство. Закон Мономаха позволял закупу жаловаться на хозяина князю или судьям, налагал определенную пеню за сделанные ему обиды и притеснения, охранял его от притязания господина в случае пропажи или порчи какой-нибудь вещи, когда на самом деле закуп был не виноват; но зато, с другой стороны, угрожал закупу полным рабством в случае, если он убежит, не выполнив условия. Кроме закупов, служащих во дворах хозяев, были закупы «ролей-ные» (поселенные на землях и обязанные работой владельцу). Они получали плуги и бороны от владельца, что показывает обеднение народа; хозяева нередко придирались к таким закупам под предлогом, что они испортили данные им земледельческие орудия, и обращали в рабство свободных людей. Отсюда возникла необходимость определить: кто именно должен считаться холопом. Законодательство Владимира Мономаха определило только три случая обращения в холопство: первый случай – когда человек сам добровольно продавал себя в холопы или когда господин продавал его на основании прежних прав над ним. Но такая покупка должна была непременно совершаться при свидетелях. Второй случай обращения в рабство – принятие в супружество женщины рабского происхождения (вероятно, случалось, что женщины искали освобождения от рабства посредством замужества). Третий случай – когда свободный человек без всякого договора делается должностным лицом у частного человека (тиунство без ряду или привяжет ключ к себе без ряду). Вероятно, это было принято потому, что некоторые люди, приняв должность, позволяли себе разные беспорядки и обманы, и за неисполнением условий хозяева не могли искать на них управы. Только перечисленные здесь люди могли быть обращены в холопы. За долги нельзя было обращать в холопство, и всякий, кто не имел возможности заплатить, мог отработать свой долг и отойти. Военнопленные, по видимому, также не становились холопами, потому что об этом нет речи в «Русской Правде» при перечислении случаев рабства. Холоп был тесно связан с господином: господин платил его долги, а также выплачивал цену украденного его холопом. Прежде, при Ярославе, за побои, нанесенные холопом свободному человеку, следовало убить холопа, но теперь постановили, что в таком случае господин платил за раба пеню. Холоп вообще не мог быть свидетелем, но когда не было свободного человека, тогда принималось и свидетельство холопа, если он был должностным лицом у своего господина. За холопа и рабу вира не полагалась, но убийство холопа или рабы без вины наказывалось платежом князю «продажи». По некоторым данным, ко временам Мономаха следует отнести постановления о наследстве.

Князь Владимир Мономах. Фрагмент росписи Грановитой палаты Московского Кремля

Вообще, по тогдашнему русскому обычному праву, все сыновья наследовали поровну, а дочерям обязывались выдавать приданое при замужестве; меньшему сыну доставался отцовский двор. Каждому, однако, предоставлялось распорядиться своим имуществом по завещанию. В правах наследства бояр и дружинников и в правах смердов существовала та разница, что наследство бояр и дружинников ни в каком случае не переходило к князю, а наследство смерда (простого земледельца) доставалось князю, если смерд умирал бездетным. Имение жены оставалось неприкосновенным для мужа. Если вдова не выходила замуж, то оставалась полной хозяйкой в доме покойного мужа, и дети не могли удалить ее. Замужняя женщина пользовалась

одинаковыми юридическими правами с мужчиной. За убийство или оскорбления, нанесенные ей, платилась одинаковая вира, как за убийство или оскорбления, нанесенные мужчине.

Местом суда в древности были княжеский двор и торг, и это означает, что был суд и княжеский, но был суд и народный – вечевой, и, вероятно, постановления «Русской Правды», имеющие главным образом в виду соблюдение княжеских интересов, не обнимали всего вечевого суда, который придерживался давних обычаев и соображений, внушенных данными случаями. Доказательствами на суде служили показания свидетелей, присяга и, наконец, испытание водой и железом; но когда было введено последнее – мы не знаем.

А.Д. Кившенко. Владимир Мономах: Долобский съезд в 1103 г.

В.М.Васнецов. Отдых Владимира Мономаха после охоты

Эпоха Владимира Мономаха была временем расцвета состояния художественной и литературной деятельности на Руси. В Киеве и в других городах воздвигались новые каменные церкви, украшенные живописью: так, при Святополке построен был в Киеве Михайловский Златоверхий монастырь, стены которого существуют до сих пор, а близ Киева – Выдубицкий монастырь на месте, где был загородный двор Всеволода; кроме того, Владимир перед смертью построил прекрасную церковь на Альте, на том месте, где был убит Борис. К этому же времени относится составление нашей первоначальной летописи. Игумен Сильвестр (около 1115 года) соединил в один свод уже прежде существовавшие отрывки и, вероятно, сам прибавил к ним сказания о событиях, которых был свидетелем. В числе вошедших в его свод сочинений были и писания летописца Печерского монастыря Нестора, отчего весь летописный свод Сильвестра носил потом в ученом мире название «Несторовой летописи», хотя и неправильно, потому что далеко не все в ней написал Нестор, и притом не все могло быть написано одним только человеком. Мысль описывать события и расставлять их последовательно по годам появилась вследствие возникшего знакомства с византийцами-летописцами; некоторые из них, как, например, Амартол и Малала, были тогда известны в славянском переводе. Сильвестр положил начало русскому летописанию и указал путь другим после себя. Его свод продолжили другие летописцы по годам, и он разветвился на многие отрасли, соответственно различным землям русского мира, имевшим свою отдельную историю. Непосредственным и ближайшим по местности продолжением летописного свода Сильвестра была летопись, занимающаяся преимущественно киевскими событиями и написанная в Киеве разными людьми, сменявшими друг друга. Летопись эта называется «Киевской»; она захватывает время Мономаха, идет через все XII столетие и прерывается на событиях начальных годов XIII столетия. Во времена Мономаха, вероятно, было переведено многое из византийской литературы, как показывают случайно уцелевшие рукописи, которые относят именно к концу XI – началу XII

века. Из нашей первоначальной летописи видно, что русские грамотные люди могли читать на своем языке Ветхий Завет и жития разных святых. Тогда же по образцу византийских жизнеописателей стали составлять жития русских людей, которых уважали за святость жизни и смерти. Так, в то время уже были написаны жития первых основателей Печерской обители, Антония и Феодосия, и преподобный Нестор, печерский летописец, положил начало Патерика, или сборника житий печерских святых, – сочинения, которое, расширяясь в объеме от новых добавлений, составляло впоследствии один из любимых предметов чтения благочестивых людей. В этот же период написаны были жития Святой Ольги и Святого Владимира монахом Иаковом, а также два отличных одно от другого повествования о смерти князей Бориса и Глеба, из которых одно приписывается тому же монаху Иакову. От современника Мономаха, киевского митрополита Никифора, родом грека, остались одно Слово и три Послания: из них два обращены к Владимиру Мономаху, одно из которых – обличительное против латин. Тогда уже окончательно образовалось разделение церквей; вражда господствовала между писателями той и другой церкви, и греки старались привить русским свою ненависть и злобу к Западной церкви. Другой современник Мономаха, игумен Даниил, совершил путешествие в Иерусалим и составил описание этого путешествия. Несомненно, кроме оригинальных и переводных произведений собственно религиозной литературы тогда на Руси была еще поэтическая самобытная литература, носившая на себе более или менее отпечаток старинного язычества. В случайно уцелевшем поэтическом памятнике конца XII века «Слово о полку Игореве» упоминается о певце Бояне, который прославлял события старины и между прочим события XI века; по некоторым признакам можно предположить, что Боян воспевал также подвиги Мономаха против половцев. Этот Боян был так уважаем, что потомки прозвали его «Соловьем старого времени». Сам Мономах написал «Поучение своим детям», или так называемую «Духовную». В ней Мономах излагает подробно события своей жизни: свои походы, свою охоту на диких коней (зубров?), вепрей, туров, лосей, медведей, свой образ жизни, занятия, в которых видна его неутомимая деятельность. Мономах дает детям своим советы, как вести себя. Эти советы кроме общих христианских нравоучений, подкрепляемые множеством выписок из Священного Писания, свидетельствующих о начитанности автора, содержат в себе несколько черт, любопытных для характеристики как личности Мономаха, так и его века. Он вовсе не велит князьям казнить смертью кого бы то ни было. «Если бы даже преступник и был достоин смерти, – говорит Мономах, – то и тогда не следует губить души». По-видимому, князья в то время не были окружены царственным величием и являлись доступными для всех, кто в них нуждался: «Да не посмеются приходящие к вам ни дому вашему, ни обеду вашему». Мономах поучает детей все делать самим, во все вникать, не полагаться на тиунов и отроков. Он завещает им самим судить и защищать вдов, сирот и убогих, не давать сильным губить слабых, приказывает кормить и поить всех приходящих к ним. Гостеприимство считается у него первой добродетелью: «Более всего чтите гостя, откуда бы он к вам ни пришел: посол ли, знатный ли человек или простой, всех угощайте брашном и питием, а если можно, дарами. Этим прославится человек по всем землям»; завещает им посещать больных, отдавать последний долг мертвым, помня, что все смертны, всякого встречного обласкать добрым словом, любить своих жен, но не давать им над собой власти, почитать старших как отцов, а младших – как братьев, обращаться к духовным за благословением, отнюдь не гордиться своим званием, помня, что все поручено им Богом на малое время, и не хоронить в земле богатств, считая это великим грехом. Относительно войны Мономах советует детям не полагаться на воевод, самим наряжать стражу, не предаваться пирам и сну в походе, и во время сна в походе не снимать с себя оружие, а проходя с войском по русским землям ни в каком случае не позволять причинять вред жителям в селах или портить хлеб на полях. Наконец он велит им учиться и читать и приводит пример своего отца Всеволода, который, сидя дома, выучился пяти языкам.

Мономах скончался близ Переяславля, у любимой церкви, построенной на Альте, 19 мая 1125 года, семидесяти двух лет от роду. Тело его привезли в Киев. Сыновья и бояре понесли его к церкви Святой Софии, где он и был погребен. Мономах оставил о себе память лучшего из князей. «Все злые умыслы врагов, – говорит летописец, – Бог дал под руки его; украшенный добрым нравом, славный победами, он не возносился, не величался, по заповеди Божией добро творил врагам своим и паче меры был милостив к нищим и убогим, не щадя имения своего, но все раздавая нуждающимся». Монахи прославляли его за благочестие и за щедрость монастырям. Это благодушное, соединенное в нем с энергичной деятельностью и умом, вознесло его так высоко и в глазах современников, и в памяти потомков.

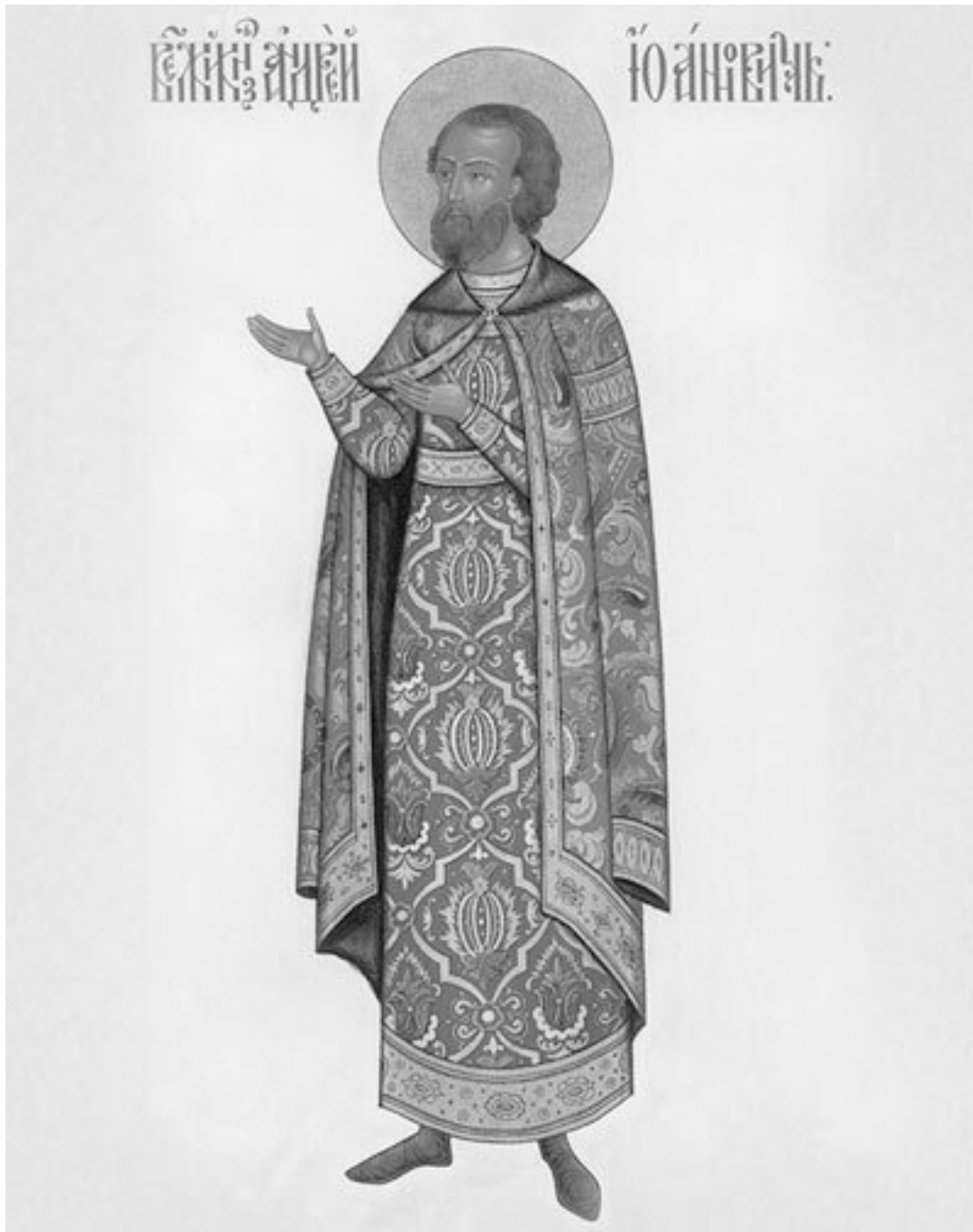
Вероятно, народные эпические песни о временах киевского князя Владимира Красное Солнышко, так называемые былины Владимирового цикла, относятся не к одному Владимиру Святому, но и к Владимиру Мономаху, так что в поэтической памяти народа эти два лица слились в одно. Наше предположение может подтверждаться следующим: в Новгородской летописи под 1118 годом Владимир со своим сыном Мстиславом, княжившим в Новгороде, за беспорядки и грабежи призвал из Новгорода и посадил в тюрьму сотского Ставра с несколькими его соумышленниками, новгородскими боярами. Среди былин Владимирового цикла есть одна былина о Ставре боярине, которого киевский князь Владимир посадил в погреб (тюрьмами в то время служили погреба), но Ставра освободила его жена, переодевшись в мужское платье. Имя Владимира Мономаха было до того уважаемо потомками, что впоследствии сложили сказку о том, будто византийский император прислал ему знаки царского достоинства, венец и бармы, и в течение нескольких столетий после него московские государи венчались венцом, который называли «шапкою» Мономаха.

Рассуждая беспристрастно, нельзя не заметить, что Владимир Мономах в своих наставлениях и в отрывках о нем летописцев является более безупречным и благодушным, чем в своих поступках, в которых проглядывают пороки времени, воспитания и среды, в которой он жил. Таков, например, поступок с двумя половецкими князьями, убитыми с нарушением данного слова и прав гостеприимства; завещая сыновьям умеренность в войне и человеколюбие, сам Мономах, однако, мимоходом сознается, что при взятии Минска, в котором он участвовал, не оставили в живых ни челядина, ни скотины. Наконец, Владимир, хотя и радел о Русской земле, однако и себя не забывал и, наказывая князей действительно виноватых, отбирал их уделы и отдавал своим сыновьям. Но за ним в истории останется то великое значение, что, живя в обществе, едва вышедшем из самого варварского состояния, вращаясь в такой среде, где всякий гонялся за узкими своекорыстными целями, еще почти не понимая святости права и договора, один Мономах держал знамя общей для всех правды и собирал под него силы Русской земли.

Князь Андрей Боголюбский

Во второй половине XII века русской истории появляются зародыши того хода событий, который развился и установился уже под влиянием татарского завоевания. Наш древний летописец, перечисляя ветви славяно-русского племени, указывает на полян, древлян, северян и т. д., но уже говоря по преданиям о событиях IX и X веков, причисляет к системе русского мира Мерю, страну, населенную финским племенем того же имени, занимавшую пространство в нынешних губерниях Владимирской, Ярославской, Костромской и отчасти Московской и Тверской, относя наравне с этим народом соплеменные и соседние ему племена: Мурому на юг от Мери и Весь на севере от той же Мери по течению Шексны и около Белоозера. Уже в незапамятные времена славянские поселенцы проникали в страны этих народов и селились там, как это показывают славянские названия города Ростова в земле Мери и Белоозера в земле Веси. Нам, к сожалению, неизвестен ход славянской колонизации в этих землях; несомненно, что с принятием христианства она усиливалась, возникали города с русскими жителями, а самые туземцы, принимая христианство, утрачивали вместе с язычеством свою народность и постепенно сливались с русскими, некоторые же покидали свое прежнее отечество и убежали далее к востоку. Раскопки могил, произведенные графом Уваровым в земле Мери, показывают, что язычество и древняя народность уже угасали в XII веке, по крайней мере позднейшие могилы с признаками мерянской народности могут быть отнесены к этому периоду. По письменным памятникам, в XII столетии мы встречаем в этих местах значительное количество городов, без сомнения, русских: Ростов, Суздаль, Переяславль-Залесский, Дмитров, Углич, Зубцов, Мологу, Юрьев, Владимир, Москву, Ярославль, Тверь, Галич-Мерьский, Городец и др. Беспokoйства в Южной Руси побуждали ее тамошних жителей переселяться в эту страну. Народ Меря стоял на низкой степени образованности, не составлял самобытного политического тела и притом не был воинственным, как показывает скудость оружия в его могилах; оттого-то он легко подчинился власти и влиянию русских. В этом крае, колонизованном пришельцами из разных славяно-русских земель, образовалась новая ветвь славяно-русской народности, положившая начало великорусскому народу; ветвь эта в течение последующей истории охватила все другие народные ветви в Русской земле, поглотила многие из них совершенно и елила с собой, а другие ветви подчинила своему влиянию. Недостаток сведений о ходе русской колонизации в этом крае составляет важнейший, ничем не заменимый пробел в нашей истории. Тем не менее, однако, можно даже в отдаленные времена подметить те свойства, которые вообще составляли отличительные признаки великорусской народности: сплочение сил в собственной земле, стремление к расширению своего местожительства и к подчинению себе других земель. Это проглядывает уже в истории борьбы Юрия Суздальского за Киев с Изяславом Мстиславичем. То был первый зачаток стремления подчинить русские земли первенству восточнорусской земли. Юрий хотел утвердиться в Киеве, потому что, по видимому, тяготился пребыванием в восточной стране; но если мы вникнем в смысл событий того времени, то увидим, что уже тогда вместе с этим соединялось стремление русских жителей Суздальской земли властвовать в Киеве. Это видно из того, что Юрий, овладев Киевом, держался в нем с помощью пришедших с ним суздальцев. Киевляне смотрели на княжение Юрия, как на чуждое господство, а потому после смерти Юрия, в 1157 году, перебили всех суздальцев, которым Юрий поверил управление края. Впоследствии сын Юрия Андрей не думал уже переселяться в Киев, а хотел, оставаясь в Суздальской земле, властвовать над Киевом и прочими русскими землями таким образом, чтобы Суздальская земля приобрела то значение первенствующей земли, какое было прежде за Киевом. С Андрея начинают обозначаться яркими чертами самобытность Суздальско-Ростовской земли и вместе с тем стремление к первенству в русском мире. В эту эпоху выступил в первый раз на историческое поприще народ велико-

русский. Андрей был первый великорусский князь; он своей деятельностью положил начало и показал образец своим потомкам; последним, при благоприятных обстоятельствах, предстояло совершить то, что намечено было их прауродителем.

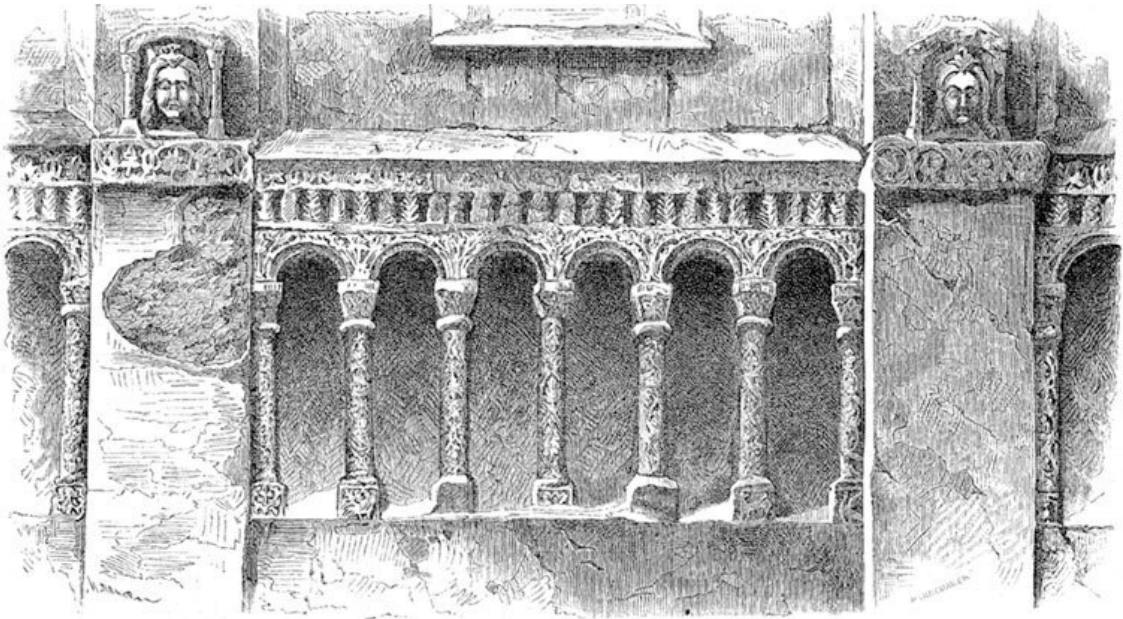
Князь Андрей Боголюбский

Андрей родился в Суздальской, или точнее, Ростовско-Суздальской земле, там провел он детство и начало юности, там усвоил первые впечатления, по которым сложились у него взгляды на жизнь и понятия. Судьба бросила его в омут безвыходных междоусобий, господствовавших в Южной Руси. После Мономаха, который был киевским князем по выбору земли, в Киеве княжили один за другим два сына его, Мстислав и Ярополк; спора у них за землю не было, и их можем мы причислить к истинным земским избранным князьям, как и отца их, потому что киевляне дорожили памятью Мономаха и любили его сыновей. Но в 1139 году

черниговский князь Всеволод Ольгович выгнал третьего сына Мономаха, слабого и ограниченного Вячеслава, и овладел Киевом посредством оружия. Этим открыт был путь нескончаемой неурядице в Южной Руси. Всеволод держался в Киеве при помощи своих черниговцев. Ему хотелось упрочить за своим родом Киев: Всеволод предложил киевлянам выбрать его брата Игоря. Киевляне поневоле согласились. Но как только Всеволод умер, в 1146 году киевляне избрали себе князем Изяслава Мстиславича, сына старшего Мономаховича, низложили Игоря; потом, когда за последнего подняли войну его братья, киевляне убили Игоря всенародно, несмотря на то что он уже отрекся от мира и вступил в Печерский монастырь.

Изяслав успешно разделался с Ольговичами, но против него поднялся новый неутомимый соперник, его дядя, князь суздальский Юрий Долгорукий, младший сын Владимира Мономаха. Началась долголетняя борьба, и в этой борьбе участвовал Андрей. Дела запутывались так, что междоусобию, казалось, не будет конца. Киев несколько раз переходил то в руки Изяслава, то в руки Юрия; киевляне совершенно сбились с пути: уверят Изяслава в своей готовности умирать за него, а потом перевозят Юрия через Днепр к себе и заставляют бежать Изяслава; принимают к себе Юрия и вслед за тем сносятся с Изяславом, призывают Изяслава к себе и прогоняют Юрия; вообще, однако, легко уступают всякой силе. Киевляне, несмотря на такое непостоянство, вынуждаемое обстоятельствами, неизменно любили Изяслава и ненавидели Юрия с его суздальцами. В течение этой усобицы Андрей не раз показывал храбрость в битвах, но также не раз пытался установить мир между раздраженными спорившими сторонами: все было напрасно. В 1151 году, когда Изяслав временно взял решительный перевес, Андрей убеждал отца удалиться в Суздальскую землю и сам прежде него поторопился уйти в этот край – во Владимир-на-Клязьме, пригород, данный ему отцом в удел. Но Юрий ни за что не хотел оставлять юга, опять начал добиваться Киева, наконец, после смерти Изяслава, в 1154 году овладел им и посадил Андрея в Вышгороде. Юрию хотелось иметь этого сына близ себя, вероятно, потому, чтобы передать ему киевское княжение, и с этой целью он назначил отдаленные от Киева города Ростов и Суздаль своим меньшим сыновьям. Но Андрея не пленяли никакие надежды в Южной Руси. Андрей был настолько же храбр, насколько и умен, настолько же расчетлив в своих намерениях, насколько и решителен в исполнении. Он был слишком властолюбив, чтобы поладить с тогдашним складом условий в Южной Руси, где судьба князя постоянно зависела и от покушений других князей, и от своенравия дружин и городов; притом соседство половцев не давало и впредь никакого ручательства на установление порядка в южнорусском крае, потому что половцы представляли собой удобное средство князьям, замышлявшим добывать себе силой города. Андрей решился самовольно бежать навсегда в Суздальскую землю. Шаг был важный; современник летописец счел нужным особенно заметить, что Андрей решился на это без отцовского благословения.

Резной пояс, уцелевший на стенах Суздальского собора

Строительство Успенского собора во Владимире по повелению Андрея Юрьевича Боголюбского (Ростовского). Миниатюра из Радзивилловской летописи

У Андрея, по-видимому, созрел тогда план не только удалиться в Суздальскую землю, но утвердить в ней средоточие, из которого можно будет вершить дела Руси. Летопись говорит, что с ним в соумышлении были его свойственники бояре Кучковы. Мы думаем, что у него было тогда много сторонников как и в Суздальской земле, так и в Киевской. Первое показывается тем, что в Ростовско-Суздальской земле любили его и вскоре выказали эту любовь, посадив князем по избранию; о втором свидетельствуют признаки значительного переселения жителей из Киевской земли в Суздальскую; однако Андрею, действовавшему в этом случае против отцовской воли, нужно было освятить свои поступки в глазах народа каким-нибудь правом. До сих пор в сознании русских для князей существовало два права – происхождения и избрания,

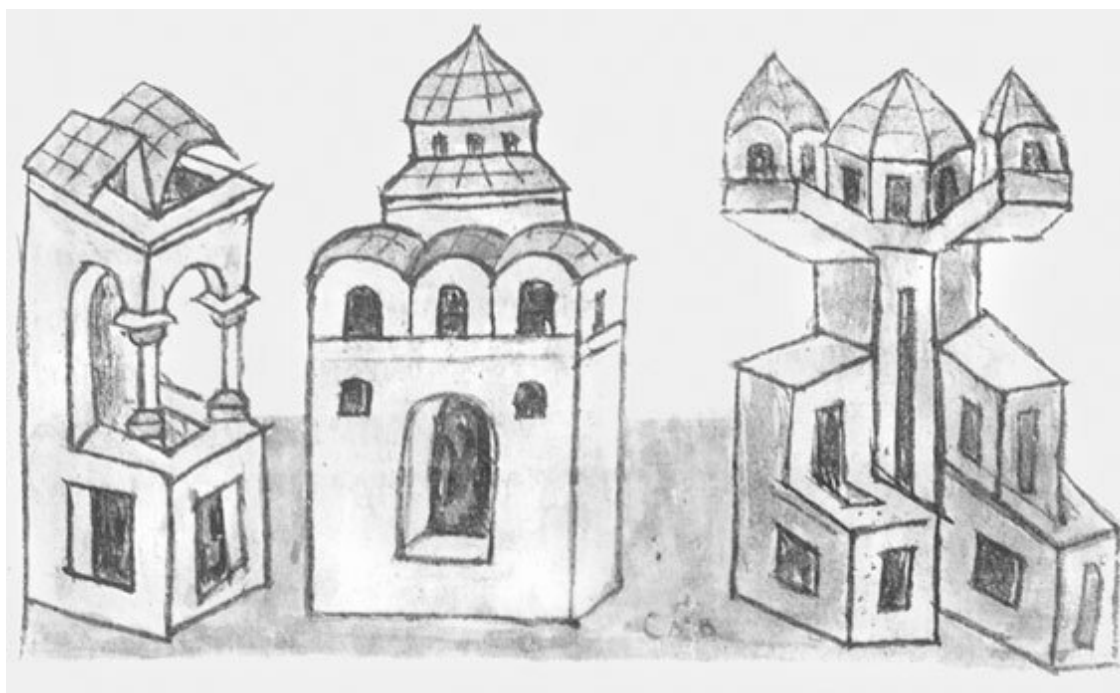
но оба эти права перепутались и разрушились, особенно в Южной Руси. Князя, игнорируя старейшинство по рождению, добивались княжеских столов, а избрание перестало быть единоклубным выбором всей земли и зависело от военной толпы – от дружин, так что в сущности удерживалось еще только одно право – право быть князьями на Руси лицам из Рюрикава дома; но какому князю где княжить – для того уже не существовало никакого другого права, кроме силы и удачи. Необходимо было создаться новому праву. Андрей нашел его – этим правом стало высшее непосредственное благословение религии.

Была в Вышгороде в женском монастыре икона Святой Богородицы, привезенная из Царьграда и написанная, как гласит предание, евангелистом Лукой. Рассказывали о ней чудеса, говорили между прочим, что, будучи поставлена у стены, она ночью сама отходила от стены и становилась посреди церкви, как будто показывая, что желает уйти в другое место. Взять ее явно было невозможно, потому что жители не позволили бы этого. Андрей задумал похитить ее, перенести в Суздальскую землю, даровать таким образом этой земле святыню, уважаемую на Руси, и тем показать, что на эту землю распространяется особое благословение Божие. Подговорив священника женского монастыря Николая и дьякона Нестора, Андрей ночью унес чудотворную икону из монастыря и вместе с княгиней и соумышленниками тотчас после того убежал в Суздальскую землю. Путешествие этой иконы в Суздальскую землю сопровождалось чудесами: на своем пути она творила исцеления. Уже в голове Андрея родилась мысль поднять город Владимир выше старейших городов Суздаля и Ростова, но он хранил эту мысль до поры до времени втайне, а потому проехал с иконой мимо Владимира и не оставил ее там, где, по его плану, ей впоследствии быть надлежало. Но не хотел Андрей везти ее ни в Суздаль, ни в Ростов, потому что, по его расчету, этим городам не следовало давать первенства. За десять верст от Владимира по пути в Суздаль произошло чудо: кони под иконой вдруг стали; запрягают других, посильнее, – и те не могут сдвинуть воз с места.

Поставление Андреем Юрьевичем Боголюбским (Владимирским) иконы Богоматери, вывезенной из Киева, во Владимирской Богородицкой церкви. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Князь остановился; раскинули шатер. Андрей заснул, а поутру объявил, что ему являлась во сне Божия Матерь с хартией в руке, приказала не везти ее икону в Ростов, а поставить во Владимире; на том же месте, где произошло видение, соорудить каменную церковь во имя Рождества Богородицы и основать при ней монастырь. В память такого видения написана была икона, изображавшая Божию Матерь в том виде, как она явилась Андрею с хартией в руке. Тогда на месте видения заложено было село, называемое Боголюбовым. Андрей построил там богатую каменную церковь; ее утварь и иконы украшены были драгоценными камнями и финифтью, столпы и двери блистали позолотой. Там поставил он временно икону Св. Марии; в окладе, сделанном для нее Андреем, было пятнадцать фунтов золота, много жемчуга, драгоценных камней и серебра.

Условное изображение города Владимира (справа), Успенского собора в архитектурных формах времени Андрея Боголюбского и великокняжеского терема (слева). Миниатюра из Радзивилловской летописи

Заложенное им село Боголюбово стало его любимым местопребыванием и усвоило ему в истории прозвище Боголюбского.

Мы не знаем, что делал Андрей до смерти отца, но, без сомнения, он в то время вел себя так, что угодил всей земле. Когда отец умер в Киеве после пира у какого-то Петрила, 15 мая 1157 года, ростовцы и суздальцы со всей землей, нарушив распоряжение Юрия, отдававшего Ростов и Суздаль меньшим сыновьям, единодушно избрали Андрея князем всей своей земли. Но Андрей не поехал ни в Суздаль, ни в Ростов, а основал свою столицу во Владимире, построил там великолепную церковь Успения Богородицы с позолоченным верхом¹⁰ из белого камня, привезенного по воде из Болгарии. В этом храме поставил он похищенную из Вышгорода икону, которая с того времени начала носить имя Владимирской.

С той поры Андрей явно показал свое намерение сделать Владимир, бывший до того времени только пригородом, главным городом всей земли и поставить его выше старых городов, Ростова и Суздаля. Андрей имел в виду то, что в старых городах были старые предания и при-

¹⁰ По одним известиям, был один купол, по другим – пять; вероятнее первое, потому что в те времена обычно строились церкви с одним верхом.

вычки, которые ограничивали власть князя. Ростовцы и суздальцы избрали Андрея на вече. Они считали власть князя ниже своей вечевой власти; живя в Ростове или Суздале, Андрей мог иметь постоянные пререкания и должен был подлаживаться к горожанам, которые гордились своим старейшинством. Напротив, во Владимире, который ему обязан был своим возвышением, своим новым старейшинством над землей, воля народная должна была идти об руку с волей князя. Город Владимир, прежде малый и незначительный, сильно разросся и населился при Андрее. Жители его состояли в значительной степени из переселенцев, ушедших к Андрею из Южной Руси на новое жительство. На это явно указывают названия урочищ во Владимире; там были река Лыбедь, Печерный город, Золотые Врата с церковью над ними, как в Киеве, и Десятинная церковь Богородицы: Андрей из подражания Киеву дал построенной им во Владимире церкви десятину от своих стад и от торгового города Гороховец и села. Андрей строил много церквей, основывал монастыри, не жалел издержек на украшение храмов. Кроме церкви Успения, вызывавшей удивление современников великолепием и блеском иконостаса, паникадил, стеной живописью и обильной позолотой, он построил во Владимире монастыри Спасский, Вознесенский; соборный храм Спаса в Переяславле, церковь Св. Федора Стратилата, которому он приписывал свое спасение во время одной битвы, когда вместе с отцом участвовал в княжеских междоусобиях на юге; церковь Покрова при устье Нерли и много других каменных церквей. Андрей приглашал для этого мастеров с Запада, а между тем начало развиваться и русское искусство, так что при преемнике Андрея русские мастера уже без помощи иностранцев строили и расписывали свои церкви.

Вокняжение Мстислава Изяславича в Киеве; отъезд Мстислава во Владимир-Волынский после передачи Киевского княжения Ростиславу Мстиславичу. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Сооружение богатых церквей указывает столько же на благосостояние края, сколько и на политический такт Андрея. Всякая новая церковь была важным событием, вызывавшим внимание народа и уважение к ее строителю. Понимая, что духовенство составляло тогда единственную умственную силу, Андрей умел приобрести его любовь, а тем самым укреплял свою власть в народе. В приемах жизни князя современники видели набожного и благочестивого

человека. Его всегда можно было увидеть в храме на молитве, со слезами умиления на глазах, с громкими воздыханиями. Хотя его княжеские тиуны и даже покровительствуемые им духовные позволяли себе грабительства и бесчинства, но Андрей всенародно раздавал милостыню убогим, кормил чернецов и черниц и за то слышал похвалы своему христианскому милосердию. Нередко по ночам он входил в храм, сам зажигал свечи и долго молился перед образами.

В то время к числу благочестивых подвигов князя, составлявших его славу, относились и его войны с неверными. По соседству с волостью Андрея, на Волге, было царство Болгарское. Болгары, народ финского, или, вероятнее, смешанного племени, еще в десятом веке приняли магометанство. Они давно уже жили не в ладах с русскими, делали набеги на русские области, и русские князья не раз ходили биться против них: такие битвы считались богоугодным делом. Андрей два раза воевал с этим народом и первый раз отправился с войском против него в 1164 году. Он взял с собой икону Св. Богородицы, привезенную из Вышгорода; духовенство шло пешком и несло ее под знаменами. Сам князь и все войско перед походом причащались Св. Тайн. Поход окончился удачно; князь болгарский бежал; русские взяли город Ибрагимов (в наших летописях – Бряхимов). Князь Андрей и духовные приписывали эту победу чудотворному действию иконы Богородицы; событие это поставлено было в ряду многочисленных чудес, истекавших от этой иконы, и в память его было установлено празднество с водосвятием, совершаемое до сих пор 1 августа. Патриарх царьградский по желанию Андрея утвердил этот праздник тем охотнее, что русское торжество совпало с торжеством греческого императора Мануила, одержавшего победу над сарацинами, которую приписывали действию Животворящего Креста и хоругви с изображением Христа Спасителя.

Но не так благосклонно отнесся к желаниям Андрея патриарх Лука Хризотерх, когда Андрей обратился к нему с просьбой посвятить в митрополиты во Владимир своего любимца Феодора. Этим нововведением Андрей хотел решительно возвысить Владимир, зависевший от ростовской епархии; тогда Владимир не только стал бы выше Ростова и Суздаля, а получил бы еще первенствующее духовное значение в ряду русских городов иных земель. Но патриархи, следуя давнему обычаю Восточной церкви, нелегко и не сразу соглашались на всякие изменения в порядке церковного управления. И на этот раз не согласился патриарх на такую важную перемену, тем более что ростовский епископ Нестор был еще жив и, преследуемый не любившим его Андреем, бежал тогда в Царьград. Через несколько лет, однако, в 1168 году, любимец Андрея Феодор, съездив в Царьград, выхлопотал себе посвящение если не в сан митрополита, то в сан епископа ростовского. По желанию Андрея он, хотя и числился ростовским, должен был жить во Владимире, так как на это патриарх дал дозволение. Таким образом, его любимый Владимир если и не мог в духовном управлении получить того первенства на Руси, которое принадлежало Киеву, по крайней мере делался выше Ростова как местопребывание епископа. Любимец Андрея Феодор до того возгордился, что подобно своему князю, ни во что ставившему Киев, не хотел знать киевского митрополита: не поехал к нему за благословением и считал для себя достаточным поставление в епископы от патриарха. Так как это было нарушением давнего порядка на Руси, то владимирское духовенство не хотело ему повиноваться; народ волновался. Феодор закрыл церкви и запретил богослужение. Если верить летописям, то Феодор по этому поводу, принуждая повиноваться своей верховной власти, позволял себе ужасные варварства: мучил непокорных игуменов, монахов, священников и простых людей, рвал им бороды, рубил головы, выжигал глаза, резал языки, отбирал имения у своих жертв. Хотя летописец и говорит, что он поступал таким образом, не слушая Андрея, послывшего его ставиться в Киев, но трудно допустить, чтобы все это могло происходить при таком властолюбивом князе против его воли. Если подобные варварства не плод преувеличения, то они могли совершаться только с ведома Андрея, или по крайней мере Андрей смотрел сквозь пальцы на проделки своего любимца и пожертвовал им только тогда, когда увидел, что народное волнение возрастает и может иметь опасные последствия. Как бы то ни было, Андрей наконец отправил

Феодора к киевскому митрополиту, который приказал отрубить злодею правую руку, отрезать язык и выколоть глаза. Это – по византийскому обычаю.

Андрею не удалось возвысить свой Владимир в церковном отношении на степень митрополии. Тем не менее князь в этом отношении наметил заранее то, что совершилось впоследствии, при его преемниках.

Андрей был посажен на княжение всей землей в ущерб правам меньших братьев, которые должны были княжить там по распоряжению родителя. Решительный в своих действиях, Андрей предупредил всякие с их стороны попытки к междоусобиям, разом выгнал своих братьев Мстислава, Василька, восьмилетнего Всеволода (1162) и удалил от себя двух племянников Ростиславичей. Братья вместе со своей матерью, греческой царевной, отправились в Грецию, где император Мануил принял их дружелюбно. Это изгнание не только не было событием, противным земле, но даже в летописях оно приписывается как бы земской воле. Андрей выгнал также и бояр, которых не считал себе достаточно преданными. Подобные меры сосредоточивали в его руках единую власть над всей Ростовско-Суздальской землей и таким образом давали этой земле значение самой сильнейшей земли среди русских земель, тем более, что будучи избавлена от междоусобий, она была в то время спокойна от всякого внешнего вторжения. Но, с другой стороны, эти же меры увеличивали количество врагов Андрея, готовых при случае погубить его всеми возможными средствами.

Боголюбов монастырь близ Владимира-на-Клязьме

Древние фрески Дмитриевского собора во Владимире-на-Клязьме

Забрав в свои руки власть в Ростовско-Суздальской земле, Андрей ловко пользовался всеми обстоятельствами, чтобы показывать свое первенство во всей Руси; вмешиваясь в междоусобия, происходившие в других русских землях, он хотел разрешать их по своему произволу. Главной и постоянной целью его деятельности было унижить значение Киева, лишить древнего старейшинства над русскими городами, перенести это старейшинство на Владимир, а вместе с тем подчинить себе вольный и богатый Новгород. Он добивался того, чтобы по своему желанию отдавать эти два важнейших города с их землями в княжение тем князьям, которых он захочет посадить и которые в благодарность за то будут признавать его старейшинство. Когда после смерти Юрия Долгорукого возник спор за Киев между черниговским князем Изяславом Давидовичем и Ростиславом, братом Изяслава Мстиславича, Андрей мирволил Изяславу, хотя прежде этот князь был врагом его отца. В 1160 году он съехался с ним на Волоке и замыслил выгнать Святослава, сына Ростислава, из Новгорода. В Новгороде уже несколько лет происходили неурядицы; призывали и выгоняли то тех, то других князей. Незадолго до того, еще при Юрии, княжил там брат Андрея Мстислав. В 1158 году новгородцы прогнали его и призвали сыновей Ростислава, Святослава и Давида: из них первого посадили в Новгороде, а другого – в Торжке, но и против них вскоре образовалась в Новгороде враждебная партия. Рассчитывая на помощь этой партии, Андрей послал в Новгород такое требование: «Да будет вам ведомо, я хочу искать Новгорода добром или злом; чтобы вы целовали мне крест иметь меня своим князем, а мне вам добра хотеть». Такой отзыв усилил волнение в Новгороде, часто стали собираться бурные вече. Сначала новгородцы, руководимые благоприятелими Андрея, придрались к тому, что Новгород содержит одновременно двух князей, и требовали удаления Давида из Торжка. Святослав исполнил требование и выслал брата из Новгородской земли, но после того противники его не оставили Святослава в покое, подучали против него народ и довели до того, что толпа схватила Святослава на Городище, отправила под стражей в Ладогу; его жену заключили в монастырь Св. Варвары; перековали лиц, составлявших княжескую дру-

жину, имение их разграбили, а потом послали просить у Андрея сына на княжение. Андрей рассчитывал давать им по возможности не тех князей, каких они пожелают, а тех, каких он сам им дать захочет. Андрей послал им не сына, а своего племянника Мстислава Ростислав ича. Но в следующем году (1161), когда Изяслав Давидович был побежден Ростиславом и убит, а Ростислав укрепился в Киеве, Андрей поладил с ним и приказал новгородцам взять опять к себе на княжение того Святослава Ростиславича, которого они недавно выгнали, и притом, как выражается летописец, «на всей воле его». Андрею, очевидно, было все равно, тот или другой князь будет княжить в Новгороде, лишь бы только этот князь был посажен от его руки, чтобы таким образом для новгородцев вошло в обычай получать себе князей от суздальского князя. В 1166 году умер киевский князь Ростислав, человек податливый, под конец поладивший с суздальским князем и угождавший ему. На киевское княжение был избран Мстислав Изяславич. Кроме того, что этот князь был сыном ненавистного Андрею Изяслава Мстиславича, с которым так упорно боролся его отец, Андрей лично ненавидел этого князя, да и Мстислав был не из таких, чтобы угождать кому бы то ни было, кто бы вздумал показать над ним власть. У покойного Ростислава было пять сыновей: Святослав, княживший в Новгороде, Давид, Роман, Рюрик и Мстислав. Сначала Мстислав Изяславич был с этими своими двоюродными братьями заодно, но потом, к большому удовольствию Андрея, между ними дружба стала нарушаться. Началось из-за Новгорода. Новгородцы по-прежнему не поладили со своим князем Святославом и прогнали его, а потом послали к киевскому Мстиславу просить у него сына. Мстислав, не желая ссориться с Ростиславичами, медлил решением. Тем временем оскорбленный Святослав обратился к Андрею; за Святослава встали смоленские князья, его братья. К ним присоединились и полочане, которые прежде не ладили с Новгородом. Тогда Андрей решительно потребовал от новгородцев, чтобы они вновь приняли изгнанного ими Святослава. «Не будет вам иного князя, кроме этого», – приказал он сказать им и прислал на помощь Святославу и его союзникам войско против Новгорода. Союзники сожгли Новый Торг, опустошали новгородские села и отрезали сообщение Новгорода с Киевом, чтобы не дать новгородцам сойтись с Мстиславом Киевским. Новгородцы почувствовали оскорбление своих прав, увидели чересчур решительное посягательство на свою свободу, разгорячились и не только не сдались на требования Андрея, но убили посадника Захария и некоторых других лиц, сторонников Святослава, за тайные сношения с этим князем, выбрали другого посадника по имени Якуна, нашли возможность дать знать обо всем Мстиславу Изяславичу и еще раз просили у него сына на княжение. В то время, кстати, киевские бояре Бориславичи успели поссорить Мстислава с двумя Ростиславичами – Давидом и Рюриком¹¹. Когда вслед за тем новгородцы снова прислали к Мстиславу просить сына, он уже не колебался и послал к ним своего сына Романа. Ростиславичи после этого поступка сделались отъявленными врагами Мстислава. Андрей тотчас воспользовался этим, чтобы идти на Мстислава. Рязанские и муромские князья уже прежде были с Андреем заодно, соединенные войной против болгар. Полочане вошли с ним в союз по вражде к Новгороду; на Волыни был у него союзник дорогобужский князь Владимир, дядя Мстислава, бывший его соперник за Киев. Андрей тайно снесся с северскими князьями Олегом и Игорем; в Переяславле Русском княжил брат Андрея Глеб, неизменно ему преданный; с Глебом был

¹¹ Ссора началась из-за того, что слуги Ростиславичей украли коней Мстислава и наложили на них свои клейма. Бояре Бориславичи, Петр и Нестор, уверили Давида, что Мстислав в отмщение за то хочет, зазвав их на обед, взять под стражу. Через некоторое время Мстислав действительно призвал на обед Давида и Рюрика. Эти князья, возбужденные наговорами бояр, прежде всего потребовали, чтобы Мстислав поцеловал крест, что им не будет ничего дурного. Мстислав обиделся; оскорбилась за него и его дружина. «Не годится тебе крест целовать, – говорили его дружинники, – без нашего ведома тебе нельзя было ни замыслить, ни сделать того, что они говорят, а мы все знаем твою истинную любовь к братьям, ведаем, что ты прав перед Богом и людьми. Пошли им и скажи: я целую вам крест в том, что не мыслил ничего дурного против вас, только вы мне выдайте того, кто на меня клеветает». Обе стороны поцеловали на этом друг другу крест, но Давид потом не исполнил желания Мстислава. «Если я выдам тех, которые мне говорили, – сказал он, – то вперед мне никто ничего не скажет». От этого возникла холодность в отношениях Мстислава и Ростиславичей.

также другой брат, молодой Всеволод, вернувшийся из Царьграда и получивший княжение в Остерском Городце в Южной Руси. Всего, таким образом, было до одиннадцати князей с их дружинами и ратью. Суздальским войском предводительствовали сын Андрея Мстислав и боярин Борис Жидиславич. На стороне Мстислава был брат Андрея Михаил, княживший в Торжке; не предвидя против себя ополчения, Мстислав Изяславич отправил его с берендеями на помощь к сыну в Новгород; но Роман Ростиславич перерезал ему путь и взял в плен.

Посольство новгородцев к Андрею Юрьевичу Боголюбскому (Ростовскому) с просьбой о присылке князя и выбор князя из предложенных Андреем кандидатов: Мстислава Юрьевича и Мстислава Ростиславича. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Подручники Андрея с войсками разных русских земель сошлись в Вышгороде и в начале марта заложили стан под Киевом, близ Кирилловского монастыря, и, раздвигаясь, окружили весь город. Вообще киевляне никогда и прежде не выдерживали осады и обычно сдавались князьям, приходившим добывать Киев силой. И теперь у них хватило выдержки только на три дня. Берендеи и торки, стоявшие за Мстислава Изяславича, склонны были к измене. Когда враги стали сильно напирать в тыл Мстиславу Изяславичу, киевская дружина сказала ему: «Что, князь, стоишь, нам их не пересилить». Мстислав бежал в Василев, не успев взять с собой жену и сына. За ним гнались; по нему стреляли. Киев был взят 12 марта, в среду на второй неделе поста 1169 года, весь разграблен и сожжен в продолжение двух дней. Не было пощады ни старым, ни малым, ни полу, ни возрасту, ни церквям, ни монастырям. Зажгли даже Печерский монастырь. Вывезли из Киева не только частное имущество, но иконы, ризы и колокола. Такое свирепство становится понятным, когда мы вспомним, как за двенадцать лет перед тем киевляне перебили у себя всех суздальцев после смерти Юрия Долгорукого; конечно, среди суздальцев были люди, мстившие теперь за своих родственников; что же касается черниговцев, то у них уже была давняя вражда к Киеву, возраставшая от долгой вражды между Мономаховичами и Ольговичами.

Андрей достиг своей цели. Древний Киев потерял свое вековое старейшинство. Некогда город богатый, заслуживавший от посещавших его иностранцев название второго Константинополя, он уже и прежде постоянно утрачивал свой блеск от междоусобий, а теперь был ограблен, сожжен, лишен значительного количества жителей, перебитых или отведенных в неволю, поруган и посрамлен от других русских земель, которые как будто мстили ему за прежнее господство над ними. Андрей посадил в нем своего покорного брата Глеба с намерением и впредь сажать в Киеве такого князя, какого ему будет угодно дать.

Захват полна в Волжской Болгарии дружиной Мстислава Андреевича, посланной Андреем Юрьевичем Боголюбским. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Князь Георгий (Юрий) Долгорукий. Гравюра 1805 г.

Разделавшись с Киевом, Андрей последовательно хотел поступить так же и с Новгородом. Те же князья, которые ходили с ним на Киев, с теми же ратями, уничтожившими древнюю столицу Русской земли, пошли на север с тем, чтобы приготовить ту же судьбу и Новгороду, какая постигла Киев. «Не будем говорить, – рассуждает суздальский летописец, преданный Андрею и его политике, – что новгородцы правы, что они издавна от прародителей князей наших свободны; а если б и так было, то разве прежние князья велели им преступать крестное целование и ругаться над внуками и правнуками их?» Уже в трех церквах новгородских на трех иконах плакала Пресвятая Богородица: она предвидела беду, собиравшуюся над Новгородом и его землей; она молила Сына своего не предавать новгородцев погибели, как Содом и Гоморру, но помиловать их, как ниневитян. Зимой 1170 года появилась грозная рать под Новгородом – суздальцы, смольняне, рязанцы, муромцы и полочане. В течение трех дней они устраивали острог около Новгорода, а на четвертый начали приступ. Новгородцы бились храбро, но потом стали ослабевать. Враги Новгорода, надеясь на победу, заранее в предположениях делили между собой по жребью новгородские улицы, жен и детей новгородских подобно

тому, как это сделали с киевлянами; но в ночь со вторника на среду второй недели поста – как гласит предание – новгородский архиепископ Иоанн молился перед образом Спаса и услышал глас от иконы: «Иди на Ильину улицу в церковь Спаса, возьми икону Пресвятой Богородицы и вознеси на забрало (платформу) стены, и она спасет Новгород». На другой день Иоанн с новгородцами вознес икону на стену у Загородного конца между Добрыниной и Прусской улицами. Туча стрел посыпалась на него; икона обратилась назад; из глаз ее потекли слезы и упали на фелонь епископа. На суздальцев нашло одурение: они пришли в беспорядок и стали стрелять друг в друга. Так гласит предание. Князь Роман Мстиславич к вечеру 25 февраля с новгородцами победил суздальцев и их союзников. Современный летописец, рассказывая об этом событии, ничего не говорит об иконе, но приписывает победу «силе честного креста, заступлению Богородицы и молитвам владыки». Враги бежали. Новгородцы поймали так много суздальцев, что продавали их за бесценок (по 2 нагаты)¹². Легенда об избавлении Новгорода имела важное значение на будущие времена, поддерживая нравственную силу Новгорода в его борьбе с суздальскими князьями. Впоследствии она приняла даже общее церковное во всей Руси значение: икона, которой приписывали чудотворное избавление Новгорода от рати Андрея, стала под именем Знаменской одной из первоклассных икон Божией Матери, уважаемых всей Русью. Праздник в ее честь был установлен новгородцами 27 ноября и до сих пор соблюдается православной русской церковью.

---

¹² В гривне 20 нагат. По исчислению Карамзина, 6 нагат приблизительно равняются 50 копейкам. Т. II. Прим. 79.

Князь Андрей Боголюбский. Гравюра 1805 г.

Вскоре, однако, вражда поостыла, и новгородцы поладили с князем Андреем. На следующий же год они невзлюбили Романа Мстиславича и прогнали его от себя. Тогда был неурожай и сделалась дороговизна в Новгороде. Новгородцам нужно было получать хлеб из Суздальской области, и это явилось главной причиной скорого мира с Андреем. С его согласия они взяли себе в князя Рюрика Ростиславича, а в 1172 году, прогнав его от себя, выпросили у Андрея сына Юрия. Новгород все-таки остался в выигрыше в том отношении, что Андрей должен был показывать уважение к правам Новгорода и хотя посылал ему князей, но уже не иначе, как на всей воле новгородской.

Князь Михаил. Гравюра 1805 г.

Несмотря на поражение, нанесенное Киеву, Андрею пришлось еще раз посылать туда войско с целью удержать его в своей власти. Посаженный им князь Глеб умер. С согласия Ростиславичей Киев захватил было их дядя Владимир Дорогобужский, бывший союзник Андрея, но Андрей приказал ему немедленно выехать и объявил, что уступает Киев Роману Ростиславичу, князю кроткого и покорного нрава. «Вы назвали меня своим отцом, – приказал Андрей сказать Ростиславичам, – хочу вам добра и даю Роману, брату вашему, Киев». Через некоторое время Андрей задумал прогнать Романа Ростиславича: был ли он недоволен Ростиславичами, находя, что они зазнаются, или же просто намеревался посадить туда брата, и потому нужно было ему их выгнать, – как бы то ни было, только он придрался к этим князьям, послал к ним своего мечника Михна с требованием выдачи Григория Хотовича и двух других лиц. «Они, – говорил он, – уморили брата моего Глеба; они все нам враги». Ростиславичи, зная, что со стороны Андрея это не более как придирка, не решились выдать людей, которых считали невиновными, и дали им средства спастись. Этого только и нужно было Андрею. Он написал им такие грозные слова: «Если не живете по моей воле, то ты, Рюрик, ступай вон из Киева,

а ты, Давид, ступай из Вышегорода, а ты, Мстислав, из Белгорода; остается вам Смоленск: там себе делитесь как знаете». Роман повиновался и уехал в Смоленск. Андрей отдал Киев брату Михаилу, с которым помирился. Михаил остался пока в Торческе, где находился прежде на княжении, и послал в Киев своего брата Всеволода с племянником Ярополком Ростиславичем. Однако другие Ростиславичи не были так безгласны, как Роман. Они отправили к Андрею посла с объяснениями; но Андрей не дал ответа. Тогда они ночью вошли в Киев, схватили Всеволода и Ярополка, осадили самого Михаила в Торческе, вынудили его отказаться от Киева и довольствоваться Переяславлем, который ему уступили, а сами возвратились в Киев и посадили на киевском столе одного из своей среды – Рюрика Ростиславича. Непостоянный Михаил, которого Андрей прочил в Киев, отступил снова от Андрея и пристал к Ростиславичам, так же как он против Андрея и Ростиславичей уже стоял за Мстислава Изяславича. Андрей, услышав обо всем этом, сильно разгневался, а тут кстати пришло к нему предложение подать помощь против Ростиславичей: черниговский князь Святослав Всеволодич, помышлявший во время сумятицы овладеть Киевом, подстрекал Андрея на Ростиславичей; заодно с ним были и другие князья Ольговичи. Посол, присланный от имени этих князей, говорил Андрею: «Кто тебе враг, тот и нам враг; мы с тобой готовы».

Гордый Андрей призвал своего мечника Михна и сказал: «Поезжай к Ростиславичам, скажи им вот что: вы не поступаете по моей воле; за это ты, Рюрик, ступай в Смоленск к брату в свою отчину, а ты, Давид, ступай в Берлад, не велю тебе быть в Русской земле; а Мстиславу скажи так: ты всему зачинщик, я не велю тебе быть в Русской земле».

Михно передал Ростиславичам поручение своего князя. Всех более не стерпел этой речи Мстислав. «Он, – говорит современник, – от юности своей не привык никого бояться, кроме единого Бога». Мстислав приказал остричь Михну волосы на голове и бороде и сказал: «Ступай к своему князю и передай от нас своему князю вот что: мы тебя до сих пор считали отцом и любили, ты же прислал к нам такие речи, что считаешь меня не князем, а подручником и простым человеком; делай что замыслил. Бог всему судья!»

Князь Всеволод III. Гравюра 1805 г.

Андрей пришел в ярость, когда увидел остриженного Михна и услышал, что сказал Мстислав. Большое ополчение Суздальской земли – ростовцы, суздальцы, владимирцы, переяславцы, белозерцы, муромцы и рязанцы – под главным начальством сына Андрея Юрия и боярина Жидиславича пошло в путь. Андрей, отправляя их, говорил: «Изгоните Рюрика и Давида из моей отчины, а Мстислава возьмите: ничего ему не делайте и привезите ко мне». К ним присоединились новгородцы. Они шли через Смоленскую землю; бедный Роман, видя у себя таких гостей, не мог сопротивляться и должен был по требованию Андрея послать с ними своих смольнян. Вся эта сила вступила в Черниговскую землю, и там соединился с ней Святослав Всеволодич с братьями. С другой стороны Андрей подвинул на Киев силы Полоцкой земли: туровских, пинских и городенских князей, подчиненных Полоцку. Михаил Юрьевич отступил от Ростиславичей и вместе со Всеволодом и двумя племянниками поспешил овладеть Киевом. Ростиславичи не препятствовали ему. Рюрик заперся в Белгороде, Мстислав – в Вышгороде, а Давида послали в Галич просить помощи у Ярослава (Осмомысла). Все ополчение главным образом напирало на Вышгород, чтобы взять Мстислава, как приказал Андрей.

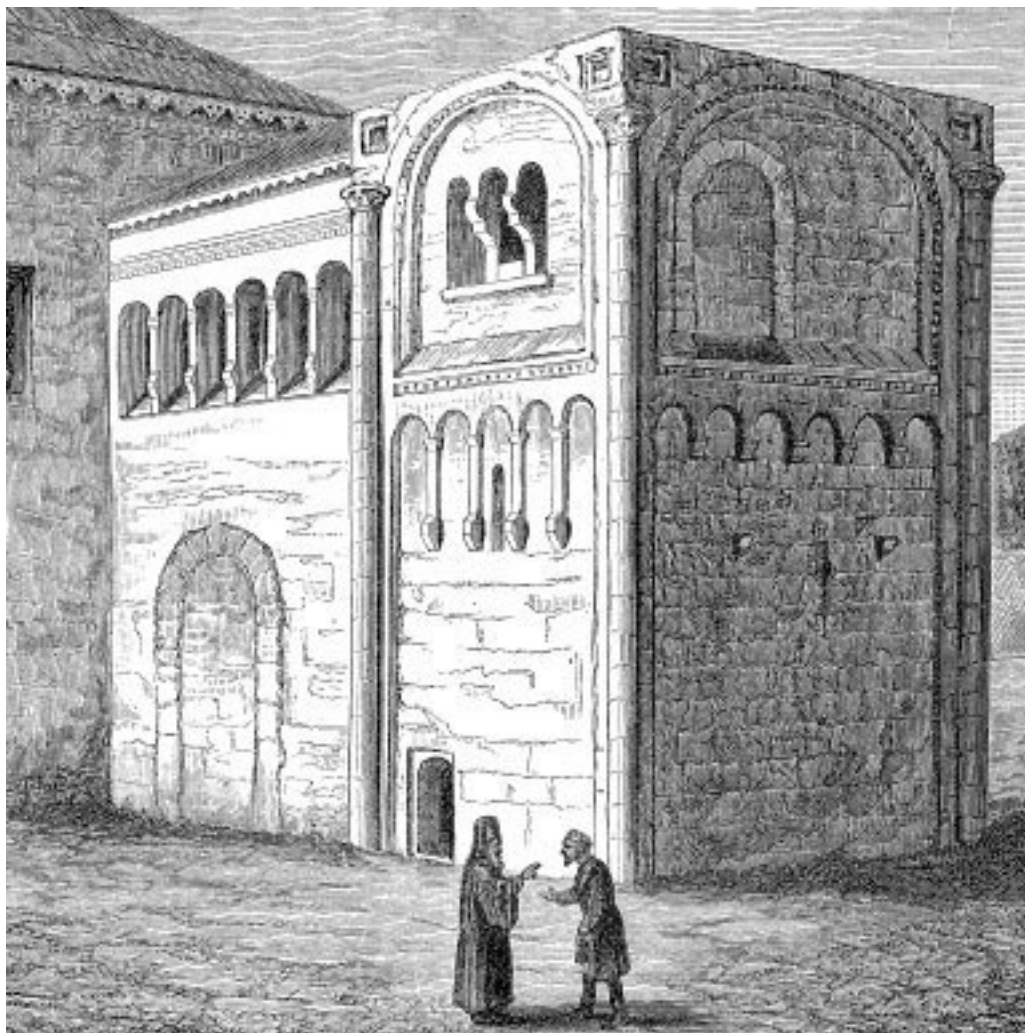
Много было крику, шуму, треску, пыли, мало убитых, но много раненых. 9 недель стояло это ополчение. Двоюродный брат Ростиславичей, Ярослав Изяславич Луцкий, пришедший со всей волынской землей, искал для себя старейшинства и киевского стола, чего добивался также Святослав Всеволодич Черниговский, старейший князь в ополчении. Самого Андрея здесь не было, чтобы решить возникший спор своей могучей волей; а все эти князья, сами того не сознавая, только за тем и явились под Вышгород, чтобы дать возможность Андрею назначить в Киев такого князя, какого ему будет угодно. Ярослав, не поладив со Святославом Всеволодичем, отступился от союзников, передался к Ростиславичам и двинулся к Белгороду, чтобы, соединившись с Рюриком Ростиславичем, ударить на осаждавших. В то же время союзникам угрожало прибытие галичан по призыву Давида на помощь Ростиславичам. Со своей стороны большая часть союзников не имела ни поводов, ни охоты продолжать упорную войну. Смольняне завлечены были совершенно поневоле. Новгородцы, всегда беспокойные и переменчивые, легко охладели к делу, к которому приступили мимоходом; вероятно, также полочане и другие ополчения из белорусских городов не отличались особым рвением, так как для них в то время был совершенно безразличен вопрос, кому будет принадлежать Киев. Все это вместе было причиной того, что как только союзники увидели, что сила их врагов возрастает, то в стане их сделался переполох, и они ночью, перед рассветом, бежали в таком беспорядке, что многие, переправляясь через Днепр, утонули. Мстислав сделал вылазку, погнался за ними, овладел их обозом и захватил пленных. Эта победа над двадцатью князьями и силами стольких земель прославила Мстислава Ростиславича среди своих современников и дала ему прозвание Храброго. «Так-то, – говорит летописец, – князь Андрей какой был умник во всех делах, а погубил смысл свой невоздержанием: распалился гневом, возгордился и напрасно похвалился; а похвалу и гордость дьявол вселяет в сердце человеку».

Киев Ростиславичи уступили Ярославу Луцкому, который, как и следовало ожидать, недолго просидел в нем, и бедная старая столица опять начала переходить из рук в руки. Но судьба ее не зависела уже от воли суздальских князей, как это хотелось Андрею. В следующем году Ростиславичи готовы были помириться с Андреем, если только на киевском престоле сядет брат их Роман. Андрею, конечно, было бы приятнее видеть там покорного себе Романа, чем ненавистную ветвь Изяслава Мстиславича или Ольговичей, родовых врагов Мономахова племени; вероятно, и Ростиславичи имели это в виду, вступив с Андреем в сношения. Но Андрей медлил решительным ответом. «Подождите немного, – сказал он, – пошлю к братьям своим на Русь». Андрей, по-видимому, не решил еще, в чью пользу высказать приговор. Неожиданная насильственная смерть пресекла все его планы.

При всем своем уме, хитрости, изворотливости Андрей не установил ничего прочного в русских землях. Единственным побуждением всей его деятельности было властолюбие; ему хотелось создать около себя такое положение, в котором бы он мог перемещать князей с места на место, как пешки, посылать их с дружинами туда и сюда, по своему произволу принуждать дружить между собой и ссориться и заставить их всех волей-неволей признавать себя старейшим и первенствующим. Для этой цели он довольно ловко пользовался неопределенными и часто бессмысленными отношениями князей, существовавшей рознь между городами и землями, возбуждал и разжигал страсти партий; в этом случае ему оказывали услуги и новгородские внутренние неурядицы, и неурожаи новгородской земли, и давнее отчуждение Полоцкой земли от других русских земель, и родовая неприязнь Ольговичей и Мономаховичей, и неожиданные вспышки вроде ссоры Ростиславичей со Мстиславом Изяславичем, и более всего те дикие противогражданственные свойства еще неустановившегося общества, при которых люди не умеют согласовывать личные цели с общественными, и легко можно расшевелить страсти надеждой на взаимный грабеж; все это, однако, были временные средства и имели временный характер. Кроме желания лично властвовать над князьями у Андрея едва ли был какой-нибудь идеал нового порядка для русских земель. Что же касается его отношений к собственно Суз-

дальско-Ростовской волости, то Андрей смотрел на нее как на особую землю от остальной Руси, которая, однако, должна властвовать над Русью. Таким образом он заботился о благосостоянии своей земли, старался обогатить ее религиозной святыней и в то же время предал на разорение Киев со всем тем, что было там исстари святого для всей Руси. В какой степени оценила его заботы сама Суздальско-Ростовская земля, показывает его смерть.

Властолюбивый князь, изгнав братьев и тех бояр, которые недостаточно ему повиновались, правил в своей земле самовластно, забыв, что он был избран народом, отягощал народ поборами через своих посадников и тиунов и по произволу казнил смертью всякого, кого хотел. Ужасные варварства, сообщаемые летописями об епископе Феодоре, его любимце, достаточно бросают мрачную тень на эпоху княжения Андрея, если бы даже половина из того, что рассказывалось, была правдой. Андрей, как видим, час от часу становился более и более жестоким. Он постоянно жил в селе Боголюбове; там постиг его конец. Был у него любимый слуга Яким Кучкович. Князь приказал казнить его брата. Яким стал говорить своим приятелям: «Сегодня того, другого казнил, а завтра казнит и нас: разделаемся-ка с этим князем!» В пятницу 28 июня 1175 года собрался совет в доме Петра, Кучкова зятя. Было там человек 20, и в их числе – ключник Андрея Амбал, родом ясин (ясы – народ кавказского племени: предполагают, что это кабардинцы), и еврей Ефрем Моизич. Замечательно (как вообще черта подобных людей), что приближенными Андрея были иноземцы: полагая, что свои имеют повод не любить его, он, конечно, надеялся обезопасить себя этим средством – и ошибся. На совете решили убить князя в эту же ночь. Андрей, по известию одной летописи, спал один, заперев дверь, а по другим – близ него находился кощей (мальчик). Заговорщики, отправляясь на свое дело, зашли прежде в медушу (погреб), напились для смелости вина и потом направились к ложнице Андрея.

Сени и переходы палат князя Андрея в Боголюбовом монастыре

«Господине, господине!» – сказал один, толкаясь в дверь.

«Кто там?» – откликнулся Андрей.

«Прокопий», – отвечали ему. Прокопий был верный слуга Андрея.

«Нет, паробче, ты не Прокопий», – ответил, догадавшись, Андрей и бросился искать меч. Был у него меч Св. Бориса, которому он приписывал особую силу, но меча при нем не оказалось: ключник Амбал заранее унес его.

Заговорщики выломали дверь и бросились на Андрея. Князь был силен, начал бороться с ними. Впотьмах убийцы ранили одного из своих, но потом, различив князя, поражали его мечами, саблями и копьями. Думая, что уже покончили с ним, они ушли, но князь, собрав последние силы, выскочил за ними, спустился с лестницы и спрятался под сени. Убийцы услышали его стоны. «Князь сошел с сеней вниз», – закричал один.

«Посмотрим», – сказали другие и бросились назад в ложницу. Андрея там не было.

«Мы погибли, – закричали они, – скорее, скорее ищите его!»

Зажгли поспешно свечи и по следам крови на лестнице нашли князя: он сидел, прижавшись за лестничным столбом, и молился.

Петр Кучкович отсек ему руку. Андрей успел проговорить: «Господи, в руки твои передаю дух мой!» – и окончил жизнь.

Уже рассветало. Убийцы нашли Прокопия, княжеского любимца, и убили его. Оттуда опять взошли они на сени, набрали золота, драгоценных камней, жемчуга, разного имущества и отправили, возложив на приготовленных их соумышленниками коней, а сами, надев на себя

княжеское вооружение, собрали своих: «Что, – говорили они, – если на нас приедет дружина владимирская?» – «Пошлем во Владимир», – решили злоумышленники.

Они послали к владимирцам, извещали о случившемся и велели сказать: «Если кто из вас что-нибудь помыслит на нас, то мы с теми покончим. Не у вас одних была дума; и ваши есть в одной думе с нами».

Владимирцы отвечали: «Кто с вами в думе, тот с вами пусть и будет, а наше дело сторона».

Весь дом Андрея был разграблен. Так поступали соответственно тогдашним обычаям и понятиям. Все имущество казненного общей волей отдавалось на «поток и разграбление». Обнаженное тело князя выбросили в огород.

Был среди слуг Андрея один киевлянин – Кузьмище. Узнав, что князя убили, он ходил и спрашивал то того, то другого: «Где мой господин?»

Ему отвечали: «Вон там в огороде лежит, да не смей его трогать. Это тебе все говорят; хотим его бросить собакам. А кто приберет его, тот наш враг и того убьем».

Но Кузьмище не испугался угроз, нашел тело князя и начал голосить над ним. К нему шел Амбал.

«Амбал, враг, – закричал, завидев его, Кузьмище, – сбрось ковер или что-нибудь постлать и прикрыть нашего господина!»

«Прочь, – сказал Амбал, – мы его выбросим псам».

«Ах ты еретик, – воскликнул Кузьмище, – как псам выбросить? А помнишь ли, жид, в каком платье ты пришел сюда? Ты весь в бархате стоишь, а князь лежит голый! Сделай же милость, брось что-нибудь».

Амбал бросил ему ковер и корзно (верхний плащ). Кузьмище обернул ими тело убитого и пошел в церковь.

«Отоприте божницу!» – сказал Кузьмище людям, которых там встретил. Эти люди были уже на радости пьяны. Они отвечали: «Брось его тут в притворе. Вот нашел еще себе печаль с ним!»

Кузьмище положил тело в притворе, покрыв его корзном, и причитал над ним так: «Уже, господине, тебя твои паробки не знают, а прежде, бывало, гость придет из Царьграда или из иных сторон Русской земли, а то хоть и латинин, христианин ли, поганый, ты, бывало, скажешь: поведите его в церковь и на полаты, пусть видят все истинное христианство и крестятся; и болгары, и жида, и всякая погань – все, видевшие славу Божию и церковное украшение, плачут о тебе; а эти не велят тебя в церкви положить».

Тело Андрея лежало два дня и две ночи в притворе. Духовенство не решалось отпереть церковь и совершать над ним панихиды. На третий день пришел игумен монастыря Козьмы и Дамиана, обратился к боголюбским клирошанам и говорил: «Долго ли нам смотреть на старейших игуменов? Долго ли этому князю так лежать? Отомкните божницу, я отпою его; вложим его в гроб, пусть лежит здесь, пока злоба перестанет: тогда приедут из Владимира и понесут его туда».

По его совету отперли церковь, положили тело в каменный гроб, пропели над ним панихиду. Этому, видимо, никто уже не мешал.

Между тем оказалось, что убийцы совершили поступок, угодный очень многим. Правление Андрея было ненавидимо. Народ, услышав, что его убили, бросился не на убийц, а напротив, стал продолжать начатое ими. Боголюбцы разграбили весь княжий дом, в котором накоплено было золота, серебра, дорогих одежд, перебили его детских и мечников (посыльных и стражу), досталось и мастерам, которых собирал Андрей, заказывая им работу.

Грабеж происходил и во Владимире, но там один из духовных по имени Микулица (быть может, тот самый поп Никола, который помог в 1155 году Андрею похитить в Вышгороде икону Богородицы) в ризах прошел по городу с чудотворной иконой; это произвело такое впечатле-

ние, что волнение улеглось. Весть об убиении Андрея скоро разошлась по земле: везде народ волновался, нападал на княжеских посадников и тиунов, которые всем омерзели способами своего управления; их дома ограбили, а иных и убили.

Не ранее как через шесть дней после смерти князя владимирцы, как бы опомнившись, решили привезти тело убитого. 5 июля они отправили игумена Богородицкого монастыря Феодула с деместником (уоставщиком) Лукой и с носильщиками за телом в Боголюбово, а Микулице сказали: «Собери всех попов, облачитесь в ризы, станьте с образом Богородицы перед Серебряными воротами и ждите князя!» Серебряными воротами назывались те ворота города, которые выходили на дорогу в Боголюбово; с противоположной стороны были Золотые ворота.

Народная толпа вышла из города. Когда похоронное шествие стало приближаться, показалось княжеское знамя, слышалось погребальное пение, тогда злоба уступила место печали; вспомнили, что за умершим были не одни дурные дела, но были и хорошие, вспомнили его усердие к храмам и оплакивали князя.

Его погребли в церкви Св. Богородицы. Несомненно, что ненависть к Андрею не была делом одной незначительной партии, а разделялась и народом. Иначе нельзя объяснить того обстоятельства, что тело князя оставалось непогребенным целую неделю, и народ, услышав о насильственной смерти своего князя, обратился не на убийц его, а на его доверенных и слуг. Но, с другой стороны, если поступки этого князя, руководимого безмерным властолюбием, вызывали злобу у народа, то все-таки его деятельность в своем основании согласовывалась с духом и характером той земли, правителем которой он был. Это всего яснее можно увидеть из последующих событий и всей истории Ростовско-Суздальского края до самого татарского нашествия.

Отсечение руки и убийство Андрея Юрьевича Боголюбского заговорщиками-боярами при активном участии злокозненной жены князя. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Отпевание и погребение убитого Андрея Юрьевича Боголюбского. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Ростовцы и суздальцы, в особенности первые, были недовольны Андреем за предпочтение, оказываемое городу Владимиру, и чувство досады тотчас прорвалось после смерти Андрея. Первые пригласили племянников Андрея, Ростиславичей, которые, не смея явиться во владения дяди, проживали в Рязанской земле; а владимирцы пригласили брата Андрея Михаила, проживавшего в Чернигове. Дошло было дело до междоусобия; ростовцы взяли верх, принудили владимирцев принять одного из Ростиславичей, Ярополка, и отзывались о Владимирцах так: «Они наши холопы и каменщики: мы их город сождем или посадника в нем от себя посадим». Но посаженные князья Ростиславичи, угождая одним ростовцам, вооружили против себя несправедливыми поборами и владимирцев, и всю землю. «Мы вольных князей принимаем к себе», – говорили владимирцы. По этой причине, когда владимирцы прогнали от себя Ярополка Ростиславича и снова пригласили к себе Михаила, то вся земля была на стороне города Владимира. Михаил вскоре умер, и владимирцы на вече выбрали меньшого сына Юрия Долгорукого Всеволода (крестное имя его было Димитрий). Ростовцы попытались подняться против него с Ростиславичами, но неудачно. За Ростиславичей пошел против Всеволода рязанский князь Глеб, однако был разбит наголову и взят в плен вместе с Ростиславичами и ростовскими боярами, которые их поддерживали. Глеб умер в тюрьме. Озлобление владимирцев против Ростиславичей было так велико, что они покусились было ослепить их против воли Всеволода. Причина этого озлобления объясняется тем, что Ростиславичи вместе с рязанцами навели на землю половцев. С тех пор волнения надолго утихают в Ростовско-Суздальской земле. По всему видно, что и в Ростове партия, ненавидевшая город Владимир, искавшая власти и первенства над всей землей, состояла главным образом из бояр, которые не могли приобрести любви всего народа и увлечь его за собой. В самом Ростове жители вязали бояр и отдавали их Всеволоду. После того как с поражением рязанцев рассеяна была партия ростовских бояр, враждебная Всеволоду, Ростов оставался спокоен. Всеволод княжил долго (до 1212 года) и во многом продолжал политику Андрея, хотя поступал с гораздо большей умеренностью и мягкостью. В Ростовско-Суздальской земле Всеволод был вообще любим народом. По отношению к Новгороду он пользовался всеми обстоятельствами, чтобы поддерживать свое

первенство и влияние над ним. Но он уступал новгородцам в случае крайнего упорства с их стороны и всегда показывал, что уважает новгородскую волю. Замечательно при этом, что Всеволод в делах с Новгородом должен был прибегать к крутым мерам не по личному побуждению, а по желанию дружины. Таким образом, когда он, не поладив с новгородцами, осадил Торжок и уже готов был отступить и помириться, дружина кричала: «Князь, мы не целоваться с ними пришли», – и Торжок был взят и сожжен. По многим признакам видно, что мысль о подчинении Новгорода была мыслью всей Ростовско-Суздальской земли, а не одних ее князей, и оттого-то впоследствии новгородцы с таким озлоблением воевали не с одними князьями, а вообще с суздальцами, и ненавидели их даже тогда, когда ладили с их князьями. С другой стороны, Всеволод поддерживал первенство над рязанскими князьями, а в 1208 году, воспользовавшись неурядицами в Рязанской земле, посадил там своего сына Ярослава. Но так как вместе с этим князем наводнили Рязанскую землю суздальцы и взяли в свои руки все управление, то рязанцы, которые сами прежде выдали Всеволоду своих князей и добровольно выбрали Ярослава, вышли из терпения, поднялись всей землей, заковали суздальцев и посадили в погреба, где многие задохнулись. Поэтому Всеволод не в состоянии был удержать Рязанской земли за собой.

Князь Всеволод пользовался уважением и в Южной Руси, мирил между собой ссорившихся южнорусских князей, и даже в отдаленном Галиче один князь отдавался ему под покровительство. После смерти Всеволода произошло короткое междоусобие, вызванное главным образом новгородцами. Однако в 1219 году, после смерти старшего сына Всеволода Константина, был посажен во Владимире на княжение второй его сын, Юрий, и Ростовско-Суздальская земля до самого татарского нашествия избавилась от княжеских междоусобий. Достоинно замечания, что в этой земле княжило сразу несколько князей, братьев и племянников Юрия, но все они действовали заодно. Все они управляли в согласии с народом, и самая власть их зависела от народа. Таким образом, когда Всеволод распределил уделы между своими сыновьями и Ярославу отдал Переяславль-Залесский, то Ярослав, приехав в этот город и созвав народ в соборной церкви Св. Спаса, сказал: «Братья переяславцы! Отец мой отошел к Богу, вас отдал мне, а меня отдал вам на руки. Скажите, братья, желаете ли иметь меня своим князем?» Переяславцы отвечали: «Очень хотим, пусть так будет. Ты наш господин». И все целовали ему крест.

Это был период благосостояния Восточной Руси. Земля населялась; строились церкви и монастыри; искусство поднялось до такой степени, что русские не нуждались более в иностранных мастерах: у них были свои зодчие и иконописцы. Вместе с тем распространялось там и книжное просвещение. Ростовский владыка Кирилл составил книгохранилище; под его руководством переводились с греческого языка и переписывались разные сочинения, принадлежащие духовной литературе. Несколько рукописей, уцелевших от той эпохи, показывают, что искусство переписывания доходило до значительного изящества. Княжна черниговская Евфросинья, дочь Михаила Всеволодича, завела в Суздале училище для девиц, где учила грамоте, письму и церковному пению. Правда, книжная образованность была односторонняя и вела к монастырской жизни, а потому вращалась только в избранном кругу духовных, мало проникала в народную массу, не обнимала жизненных потребностей, но при всем том нельзя не заметить, что Ростовско-Суздальская земля и с этими бедными начатками просвещения стояла тогда выше южных земель, где прежде появившиеся зачатки всякой умелости погибали от внутренних неурядиц и половецких разорений. Время Юрия было также периодом значительного расширения Руси на северо-востоке. На месте соединения рек Сухони и Юга построен был город Устюг, вскоре получивший важное торговое значение. Камские болгары были завладел им, но Юрий разбил их, заставил заключить мир, отпустить всех пленников, дать заложников и утвердить мир клятвой. С другой стороны русские двигались по Волге, вошли в землю Мордовскую и при слиянии Оки с Волгой основали Нижний Новгород. Управляемая многими

князьками, Мордва не в силах была устоять против натиска русского племени; тогда как одни мордовские князьки искали помощи болгар против русских, другие, захваченные врасплох, отдавались русским князьям в подручники и назывались «ротниками» (потому что произносили «роту», то есть присягу). Так, в 1228 году князья двух мордовских племен, Мокши и Эрзи, Пуреша и Пургас отчаянно воевали между собой. Пуреша стал ротником князя Юрия и просил у него помощи против своего соперника, а Пургас приглашал к себе на помощь против Пуреша болгарского князя, но болгарский князь не успел ничего сделать, а русские вошли в землю Пургаса Эрзю (называемая в летописи Русь Пургасова), опустошили ее и загнали Мордву в неприступные дремучие леса. В 1230 году Пургас покушался на Нижний Новгород, но был отбит, а сын Пуреша напал на него с половцами и вконец опустошил его волость. Эти события сильно способствовали русской колонизации на востоке. Инородцы покидали свои прежние жилища, бежали на юг или удалялись за Волгу, а остатки их, удерживаясь в прежней земле, принимали крещение и вскоре превращались в русских. Восточнорусская народная стихия, расширяясь далее на восток, вместе с тем принимала в себя иноплеменную кровь и таким образом, сохраняя основание славянской народности, становилась все более и более смешанной с другими. Так развивался и устанавливался тип великорусского народа.

Князь Александр Невский

Тринадцатый век был периодом самого ужасного потрясения для Руси. С востока на нее нахлынули монголы с бесчисленными полчищами покоренных татарских племен, разорили, обезлюднили большую часть Руси и поработили остаток народонаселения; с северо-запада угрожало ей немецкое племя под знаменем западного католичества. Задачей политического деятеля того времени было поставить Русь по возможности в такие отношения к разным врагам, при которых она могла удержать свое существование. Человек, который принял на себя эту задачу и положил твердое основание на будущие времена дальнейшему исполнению этой задачи, по справедливости может назваться истинным представителем своего века.

Таким является в русской истории князь Александр Ярославич Невский.

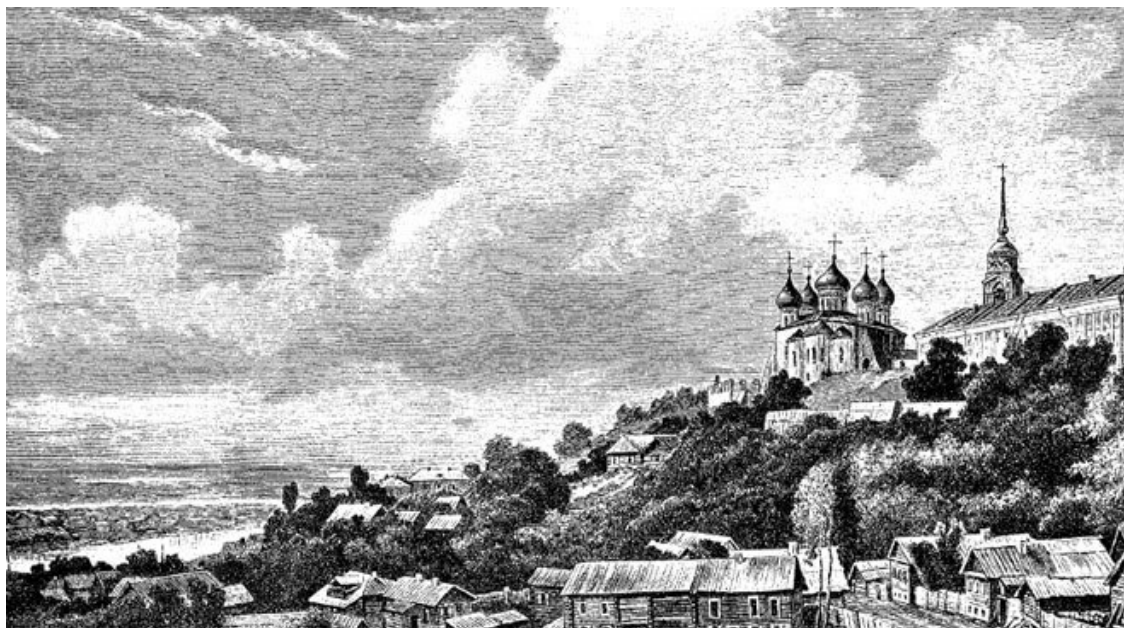
Его отрочество и юность большей частью протекали в Новгороде. Отец Александра Ярослав всю жизнь то ссорился с новгородцами, то опять ладил с ними. Несколько раз новгородцы прогоняли его за крутой нрав и насилие и несколько раз приглашали снова, как бы не в состоянии обойтись без него. Князь Александр уже в молодости подвергался тому же вместе с отцом. В 1228 году, оставленный со своим братом Федором и с двумя княжескими мужами в Новгороде, он должен был бежать, не выдержав поднявшегося в то время междоусобия – явления обычного в вольном Новгороде. В 1230 году юноша снова вернулся в Новгород с отцом и с тех пор, как кажется, долго не покидал Новгорода. С 1236 года начинается его самостоятельная деятельность. Ярослав уехал в Киев, а Александра посадил князем в Великом Новгороде. Через два года (1238) Новгород праздновал свадьбу своего молодого князя: он женился на Александре, дочери Брячислава Полоцкого, как кажется, последнего из Рогволодичей, вскоре замененных в Полоцке литовскими князьками. Венчание происходило в Торопце. Князь отпраздновал два свадебных пира, называемых тогда «кашею», – один в Торопце, другой в Новгороде, как бы для того, чтобы сделать новгородцев участниками своего семейного торжества. Молодой князь был высок ростом, красив собой, а голос его, по выражению современника, «гремел перед народом как труба». Вскоре важный подвиг предстоял ему.

Великий князь Александр Ярославич Невский. Титулярник 1672 г.

Вражда немецкого племени со славянским принадлежит к таким всемирным историческим явлениям, начало которых недоступно исследованию, потому что скрывается во мраке доисторических времен. При всей скудости наших сведений мы не раз видим в отдаленной древности признаки давления немецкого племени над славянским. Уже с IX века в истории открывается непрерывное многовековое преследование славянских племен; немцы поработали их, теснили к востоку и сами двигались за ними, поработая их снова. Просторный Прибалтийский край, некогда населенный многочисленными славянскими племенами, подпал насильственному немецкому игу для того, чтобы потерять до последних следов свою народность. За прибалтийскими славянами к востоку жили литовские и чудские племена, отделяв-

шие первых от их русских соплеменников. К этим племенам в конце XII и начале XIII века проникли немцы в образе воинственной общины под знаменем религии, и, таким образом, стремление немцев к порабощению чужих племен соединилось с распространением христианской веры среди язычников и с подчинением их папскому престолу. Эта воинственная община была рыцарским орденом крестоносцев, разделившимся на две ветви: орден Тевтонский, или Св. Марии, и позднее его основанный (в 1202 году) орден Меченосцев, предназначенный для поселения в чудских и леттских краях, соседних с Русью. Оба эти ордена впоследствии соединились для совместных действий.

Вид на Успенский собор во Владимире со стороны Клязьмы. Гравюра XIX в.

Полоцкий князь Владимир по своей простоте и недалёковидности сам уступил пришельцам Ливонию (нынешние прибалтийские губернии) и этим поступком навел на Северную Русь продолжительную борьбу с исконными врагами славянского племени.

Властолюбивые замыслы немцев после уступки им Ливонии обратились на Северную Русь. Возникает предположение, что призыванием ливонских крестоносцев было не только крестить язычников, но и обратить к истинной вере русских. Русские представлялись на Западе врагами Св. отца и римско-католической церкви, даже самого христианства.

Борьба Новгорода с немцами была неизбежной. Новгородцы еще прежде владели значительным пространством земель, населенных чудью, и постоянно, двигаясь на запад, стремились к подчинению чудских племен. Вместе с тем они распространяли среди последних православие более мирным, хотя и более медленным путем, чем западные рыцари. Как только немцы утвердились в Ливонии, тотчас начались нескончаемые и непрерывные столкновения и войны с Новгородом; и так продолжалось до самой войны Александра. Новгородцы подавали помощь язычникам, не желавшим креститься от немцев, и потому-то в глазах западного христианства сами представлялись поборниками язычников и врагами Христовой веры. Такие же столкновения происходили у новгородцев с католической Швецией по поводу Финляндии, куда с одной стороны проникали новгородцы с православным крещением, а с другой – шведы с западным католичеством; спор между обеими сторонами был также и за земное обладание Финляндской страной.

Папа, покровительствуя ордену, побуждал как немцев, так и шведов к такому покорению Северной Руси, каким уже было покорение Ливонии и Финляндии. В завоеванной Ливонии

немцы насильно обращали в христианство язычников, точно так же приневоливали принимать католичество крещенных в православную веру туземцев; этого мало: они насильствовали совесть и тех коренных русских поселенцев, отцы которых еще прежде прибытия рыцарей водворились в Ливонии.

Силы ордена Меченосцев увеличились от соединения с Тевтонским орденом. Между тем рыцари по решению папы должны были уступить датчанам часть Ливонии (Гаррию и Вирландию), а папа предоставил им право вознаградить себя за это покорением русских земель. Вследствие этого по призыву дерптского епископа Германа рыцари и с ними толпа немецких охотников бросились на Псков. Один из русских князей, Ярослав Владимирович, вел врагов на своих соотечественников. В 1240 году немцы овладели Псковом: среди псковитян нашлись изменники; один из них, Твердила Иванкович, стал управлять городом от немецкой руки.

Древний собор Святой Софии в Новгороде

Немецкие рыцари

Между тем на Новгород ополчились шведы. Папская булла поручала шведам начать поход на Новгород, на мятежников, непокорных власти наместника Христова, на союзников язычества и врагов христианства. В Швеции вместо больного короля управлял тогда его зять Биргер. Этот правитель сам взял начальство над священным ополчением против русских. В войске его были шведы, норвежцы, финны и много духовных особ с их вассалами. Биргер прислал в Новгород князю Александру надменное и грозное объявление войны: «Если можешь, сопротивляйся, знай, что я уже здесь и пленю землю твою». У новгородцев война также приняла религиозный характер. Дело шло о защите православия, на которое посягали враги, побуждаемые благословением папы. Александр Ярославич помолился у Св. Софии и выступил с новгородской ратью к устью Волхова. К нему пристали ладожане, подручники Великого Нов-

города. Шведы вошли в Неву и бросили якорь в устье Ижоры. Вероятно, это был отдых: они намеревались плыть через озеро и незамеченными достичь Ладоги; прежде всего следовало взять этот новгородский пригород, а потом вступить в Волхов и идти на Великий Новгород. В Новгороде уже знали о них. Александр не медлил и, опередив их, приблизился к Ижоре в воскресенье 15 июля (1240). Шведы не ждали неприятеля и расположились спокойно; их шнеки стояли у берега; раскинуты были на побережье их шатры. Часов в одиннадцать утра новгородцы внезапно появились перед шведским лагерем, бросились на врагов и начали рубить их топорами и мечами, прежде чем те успевали брать оружие. Немало было молодцов, которые отличились здесь своей богатырской удачью: один из них, новгородец Савва, бросился на шатер Биргера, что красовался посреди лагеря своим золотым верхом. Савва подсек столб у шатра. Новгородцы очень обрадовались, когда увидели, как упал этот шатер златоверхий. Сам Александр нагнал Биргера и ударил его острым копьем по лицу. «Возложил ему печать на лицо», – говорит повествователь. У шведов было много убитых и раненых. Похоронили они наскоро часть убитых на месте, свалили остальных на свои шнеки, чтобы похоронить в отечестве, и в ночь до света все уплыли вниз по Неве в море¹³.

Велико было торжество новгородцев. Но вскоре не поладил с ними Александр и ушел в Переяславль.

А тем временем на Новгород шли другие такие же враги. Немцы, завоевав Псков, заранее считали уже своим приобретенным достоянием Водь, Ижору, берега Невы, Карелию (края нынешней Петербургской и отчасти Олонецкой губерний); они отдавали эти страны католичеству, и папа присудил их церковному ведомству эзельского епископа. 13 апреля 1241 года эзельский епископ Генрих заключил с рыцарями договор: себе брал десятину от десятины со всех произведений, а им отдавал все прочее, рыбные ловли, управления и все вообще мирские доходы с будущих владений.

---

¹³ У новгородцев был обычай ставить стражу при впадении Невы в море. Начальство над этой стражей было тогда поручено какому-то крещеному вожанину (принадлежавшему к Води, народу чудского или финского племени, населявшему нынешнюю Петербургскую губернию) Пельгусию, получившему в крещении имя Филиппа. Пельгусий был очень благочестив и богоугоден, соблюдал посты и потому сделался способным видеть видения. Когда шведы явились, он пошел к Александру известить об их прибытии и рассказал ему, как расположились шведы. «Мне было видение, – сказал он, – когда я еще стоял на краю моря; только что стало восходить солнце, услышал я шум страшный по морю и увидел один насад; посреди насада стояли Святые братья Борис и Глеб; одежда на них была вся красная, а руки держали они на плечах; на краю их ладьи сидели гребцы и работали веслами, их одевала мгла, и нельзя было различить лика их, но я услышал, как сказал Борис мученик брату своему Святому Глебу: “Брате Глебе! Вели грести, да поможем мы сроднику своему, великому князю Александру Ярославичу!” И я слышал глас Бориса и Глеба; и мне стало страшно, так что я трепетал; и насад отошел из глаз у меня». – «Не говори же этого никому другому», – сказал ему Александр. Такое благочестивое предание осталось об этом событии.

Немецкие рыцари

Немцы и покоренные ими латыши и эсты бросились на новгородские земли, предавали их опустошению, взяли пригород Лугу, Тесово, построили укрепление в погосте Копорье. Вожане поневоле приставали к ним; те, которые не хотели, – разбежались в леса и умирали с голода. Неприятельские шайки металась в разные стороны, приближались на расстояние тридцати верст к Новгороду и убивали новгородских гостей, ездивших за товарами. В таких обстоятельствах новгородцы послали к Ярославу просить князя. Ярослав прислал им сына Андрея. Немцы причиняли им все более и более зла: у поселян по Луге отобрали всех коней и скот, и не на чем было пахать поселянам. Новгородцы рассудили, что один Александр может их выручить, и отправили к нему владыку Спиридона. Дело касалось не одного Новгорода, а всей Руси, – Александр не противился.

Немедленно отправился он с новгородцами очищать Новгородскую землю от врагов, разогнал их отряды, взял Копорье, милостиво обращаясь с пленниками, перевешал, однако, изменников Новгороду из числа вожан и чуди. Затем он достиг Пскова, освободил его от немцев, отправил в оковах в Новгород двух немецких наместников Пскова.

Оставаясь во Пскове, Александр ждал против себя новой неприятельской силы и вскоре услышал, что она идет на него. В первых числах апреля 1242 года Александр двинулся навстречу врагам, и у скалы, называемой Вороний Камень на Узмени, произошла другая битва, знаменитая не менее Невской, известная в истории под названием «Ледовое побоище». Враги встретились в субботу 5 апреля при солнечном восходе. Увидев приближавшихся врагов, Александр поднял руки вверх и громко сказал: «Рассуди, Боже, спор мой с этим высокомерным народом!» Битва была упорной и жестокой. С треском ломались копья. Лед побагровел от крови и местами начал трескаться. Многие утонули. Потерявшие строй немцы бежали: русские с торжеством гнали за ними семь верст до Суболичского берега.

Г.И. Угрюмов. Торжественный въезд Александра Невского в город Псков после одержанной им победы над немцами

С торжеством возвращался Александр в освобожденный Псков. Близ его коня вели знатных рыцарей, за ним гнали толпу простых пленных. Навстречу ему вышло духовенство. Народ приветствовал победителя радостными кликами.

Эти две победы имеют важное значение в русской истории. Правда, проявления вражды немцев с русскими не прекращались и после того, в особенности для Пскова, который не раз вступал с орденом в кровавые столкновения, но уже мысль о покорении северных русских земель, о порабощении их наравне с Ливонией, которое подвергло бы их участи прибалтийских славян, навсегда оставила немцев. Сами папы вместо грозных булл, призывавших к крестовым походам на русских наравне с язычниками, избрали другой путь в надежде подчинить себе Русь – путь посольств и убеждений, оказавшийся, как известно, настолько же бесплодным, как и прежние воинственные буллы.

Таким образом, папа Иннокентий IV прислал к Александру в 1251 году (булла написана в 1248 году) кардиналов Гальда и Гемонта. Папа уверял Александра, будто отец Алек-

сандра изъявлял обещание монаху Платону Карпини подчиниться римскому престолу, но смерть не допустила его до исполнения этого намерения. Папа убеждал Александра идти по следам отца, представлял выгоды, какие русский князь и Русь получают от этого подчинения, и обещал против татар помощь тех самых рыцарей, от которых недавно Александр освобождал русские земли. В летописях есть ответ Александра папе, явно сочиненный впоследствии, но не подлежит сомнению, что Александр не поддавался увещаниям и отказал наотрез. Посольство это повлекло за собой в последующей русской истории множество подобных посольств, столь же бесполезных.

Александр мог оружием переведаться с западными врагами и остановить их покушения овладеть Северной Русью; но не мог он с теми же средствами действовать против восточных врагов. Западные враги только намеревались покорить Северную Русь, а восточные уже успели покорить прочие русские земли, опустошить и обезлюдить их. При малочисленности, нищете и разрозненности остатков тогдашнего русского населения в восточных землях нельзя было и думать о том, чтобы выбиться оружием из-под власти монголов. Надо было выбирать другие пути. Руси предстояла другая историческая дорога, для русских политических людей – другие идеалы. Оставалось отдаться на великодушные победителей, кланяться им, признать себя их рабами и тем самым как для себя, так и для своих потомков усвоить рабские черты. Это было тем легче, что монголы, безжалостно истреблявшие все, что им сопротивлялось, были довольно великодушны и снисходительны к покорным. Александр как передовой человек своего века понял этот путь и вступил на него. Еще его отец Ярослав отправился в Орду, однако не вернулся оттуда. Путешествие Ярослава не могло служить образцом, потому что оно не было успешным: говорили даже, что его отравили в Орде. Александр совершил свое путешествие с таким успехом, что оно послужило образцом и примером для поведения русских князей.

Наши летописцы говорят, что Батый сам приказал Александру в качестве князя новгородского явиться к себе и сделал это в таких выражениях: «Мне покорил Бог многие народы: ты ли один не хочешь покориться державе моей? Но если хочешь сохранить за собой землю свою, приходи ко мне: увидишь честь и славу царства моего». Александр приехал в Волжскую Орду вместе с братом Андреем в 1247 году. В то время, после смерти Ярослава, достоинство старейшего князя оставалось незанятым и от воли победителей зависело, кто его получит.

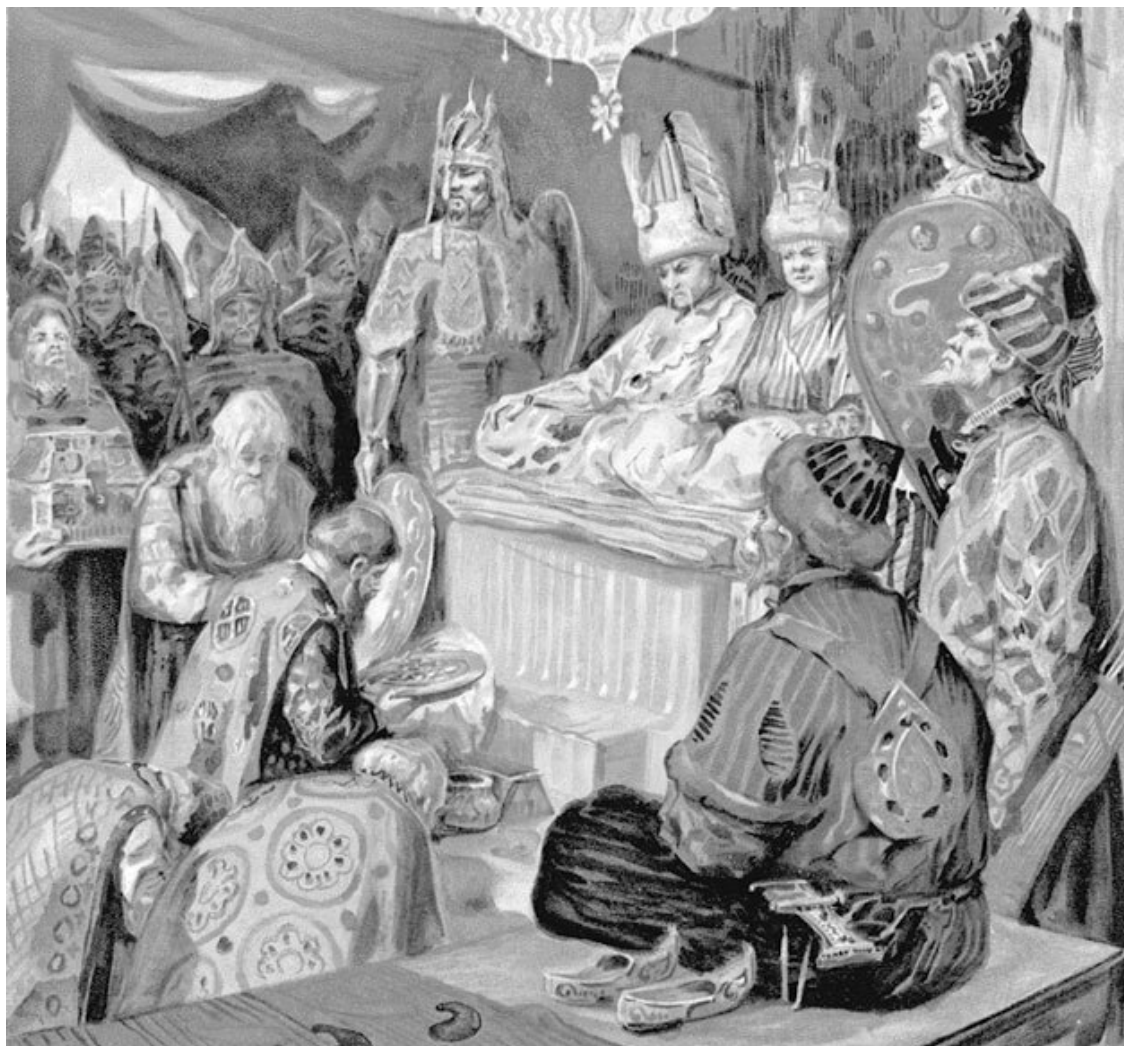

Невская битва 1240 года

Монголы жили тогда еще совершенно кочевой жизнью, хотя и окружали себя роскошью цивилизации тех стран, которые они покорили и опустошили. Еще постоянных городов у них на Волге не было; зато имелись, так сказать, подвижные огромные города, состоявшие из киби-ток, перевозимых на телегах с места на место и разбиваемых по прихоти властелина. Где пожелает хан, там устраивался и существовал более или менее долгое время многолюдный кочевой город. Появлялись ремесла и торговля; потом – по приказанию хана – все укладывалось, и огромный обоз в несколько сот и тысяч телег, запряженных волами и лошадьми, со стадами овец, скота, с табунами лошадей, двигался для того, чтобы через несколько дней пути опять расположиться станом. В такой стан прибыли наши князья. По обычаю их заставили пройти между двумя огнями для очищения от зловредных чар, которые могли пристать к хану. Выдержав это очищение, они допускались к хану, перед которым должны были появиться с обычными земными поклонами. Хан принимал завоеванных подручников в разрисованной войлочной палатке, на вызолоченном возвышении, похожем на постель, с одной из своих жен, окруженный своими братьями, сыновьями и сановниками; по его правую руку сидели мужчины, по левую – женщины. Батый принял наших князей ласково и сразу понял, что Александр, о котором уже он много слышал, выделяется по уму своему из ряда прочих русских князей.

С.В. Иванов. Сбор дани баскаками

В. Курдюмов. Александр Невский в Орде

По воле Батыея Ярославичи должны были отправиться в Большую Орду к великому хану. Путь нашим князьям лежал через необозримые степные пространства Средней Азии. Ханские чиновники сопровождали их и доставляли переменных лошадей. Ярославичи видели разоренные города и остатки цивилизации народов, поработанных варварами. До монгольского погрома многие из этих стран находились в цветущем состоянии, а после него оказались в развалинах и покрытыми горами костей. Поработанные остатки народонаселения должны были служить завоевателям. Везде была крайняя нищета, и нашим князьям не раз приходилось переносить голод; немало терпели они там от холода и жажды. Только немногие города, в том числе Ташкент, уцелели. У самого великого хана столицей являлся Кара-Корум, город многолюдный, обнесенный глиняной стеной с четырьмя воротами. В нем имелись большие здания для ханских чиновников и храмы разных вероисповеданий. Тут толпились пришельцы всевозможных наций, покоренных монголами; были и европейцы: французы и немцы, прибывавшие сюда с европейским знанием ремесел и художеств, – самая пестрая смесь племен и языков. За городом находился обширный и богатый ханский дворец, где хан зимой и летом на торжественные празднества являлся как божество, сидя с одной из своих жен на возвышении, украшенном массой золота и серебра. Но оседлое житье в одном месте было не во вкусе монголов. Посещая только временами столицу, великий хан, как и волжские ханы, проводил жизнь, переезжая с места на место с огромным обозом: там, где ему нравилось, располагались станом, раскидывали бесчисленные палатки, и одна из них, обитая внутри листовым золотом и

украшенная драгоценностями, отнятыми у побежденных народов, служила местопребыванием властелина. Возникал многолюдный город и исчезал, появляясь снова в ином месте. Все носило вид крайнего варварства, смешанного с нелепой пышностью. Безобразные и нечистоплотные монголы, считавшие опрятность даже пороком, питавшиеся такой грязной пищей, одно описание которой вызывает омерзение, безвкусно украшали себя несметными богатствами и считали себя по воле Бога обладателями всей вселенной.

Нам неизвестно, где именно Ярославичи поклонились великому хану, но они были приняты ласково и возвратились благополучно домой. Андрей получил княжение во Владимире, Александру дали Киев; по-видимому, в этом было предпочтение Александру, так как Киев был старше Владимира, но Киевская земля была в те времена до такой степени опустошена и малолюдна, что Александр мог быть только по имени великим князем. Вероятно, монголы сообразили, что Александр, будучи умнее других, мог быть для них опасен, и потому, не испытывая его верности, не решились дать ему тогда Владимир, с которым соединилось действительное старейшинство над покоренными русскими землями.

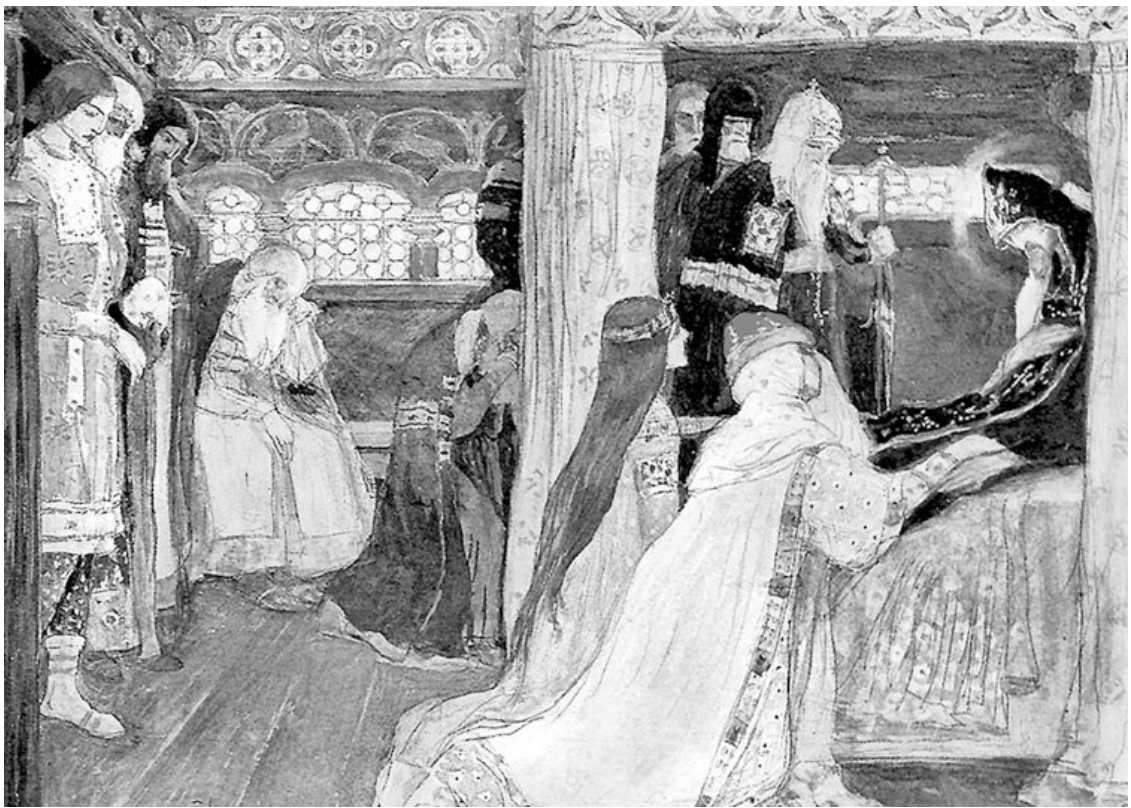
Посещение монголов должно было многому научить Александра и во многом изменить его взгляды. Он познакомился близко с завоевателями Руси и понял, с какой стороны с ними можно ужиться. Свирепые ко всему, что сопротивлялось им, монголы требовали одного – раболепного поклонения. Это было в их нравах и понятиях, как и вообще у азиатских народов. Чрезвычайная сплоченность сил, безусловное повиновение старшим, совершенная безгласность отдельной личности и крайняя выносливость – вот качества, способствовавшие монголам совершать свои завоевания, качества, совершенно противоположные свойствам тогдашних русских, которые, будучи готовы защищать свою свободу и умирать за нее, еще не умели сплотиться для этой защиты. Чтобы ужиться теперь с непобедимыми завоевателями, оставалось и самим усвоить их качества. Это было тем удобнее, что монголы, требуя покорности и дани, считая себя вправе жить на счет побежденных, не думали насиловать ни их веры, ни их народности. Напротив, они оказывали какую-то философскую терпимость к вере и приемам жизни побежденных, но покорных народов. Поклоняясь единому Богу с примесью грубейших суеверий, естественно, свойственных варварскому состоянию умственного развития, они не только позволяли свободное богослужение иноверцам, но и отзывались с известным уважением о всех верах вообще. Проницательный ум Александра, вероятно, понял также, что покорность завоевателю может доставить такие выгоды князьям, каких они не имели прежде.

До тех пор наши князья волей-неволей должны были разделять власть свою с народной властью веча или подбирать себе сторонников в рядах народа. Собственно, они были только правителями, а не владельцами, не вотчинниками, не государями. Монголы как по своим понятиям, так и по расчету, естественно, усиливали власть и значение князей за счет веча: легче и удобнее им было вести дело с покорными князьями, чем с непостоянными собраниями веча. Вот отчего все русские князья, побив челом хану, получали тогда свои княжения в вотчину, и власть их в большей части русских земель очень скоро подавила древнее вечевое право. Звание старейшего князя было прежде почти номинальным: его слушались только тогда, когда хотели, теперь же это звание вдруг получило особую важность потому, что старейшего сам хан назначал быть выше прочих князей.

Александр не поехал в данный ему Киев, а отправился в Новгород. Пока он не был старейшим, он еще ладил с новгородской вольностью. Новгородцы считали себя независимыми от татар, но через два года произошел на Руси переворот.

Андрей не удержался на владимирском княжении. Этот князь не мог так скоро изменить понятий и чувствований, свойственных прежнему русскому строю и шедших вразрез с потребностями новой политической жизни. Ему тяжело было сделаться рабом. В то время он женился на дочери Даниила Галицкого, который еще не кланялся хану, не признал себя его данником и искал средств избавиться от такой тяжелой необходимости. Летописные известия

об этих событиях до того сбивчивы, что не дают возможности выявить, как и чем Андрей восстановил против себя победителей. Однако известно, что в 1252 году Александр отправился в Волжскую Орду и там получил старейшинство и владимирское княжение от Сартака, управлявшего делами за дряхлостью своего отца Батыея. Андрей, посоветовавшись со своими боярами, счел лучшим бежать в чужую землю, нежели «служить царю». Но татары уже шли на него под начальством Неврюя и других предводителей, догнали его под Переяславлем и разбили. Андрей убежал в Новгород; там его не приняли; изгнанник через Псков и Кольвань (Ревель) убежал с женой в Швецию. Татары опустошили Переяславль и рассеялись по земле, истребляя людей и жилища, увозя пленных и скот, так как по правилу монгольскому, да и вообще как везде делалось в те времена, за вину князя должна была расплачиваться вся земля. В то время схватили и убили жену князя Ярослава Ярославича. Александр, получив старейшинство, сел во Владимире и на первый раз пришлось ему отстраивать церкви и людские жилища, разоренные полчищем Неврюя.

М.В. Нестеров. Александр Невский на смертном одре

Князь Ярослав Ярославич

С этих пор Александр, чувствуя свое старейшинство и силу, готовый найти поддержку в Орде, поднял голову и иначе показал себя, что особенно видно в его отношениях к Новгороду. Живя во Владимире, Александр поставил князем в Новгороде сына своего Василия. В 1255 году новгородцы невзлюбили Василия и прогнали его, призвав вместо него брата Александра Ярослава, князя тверского, жившего тогда во Пскове. Явление совершенно обычное, множество раз повторявшееся; и сам Александр, испытывая то же в былое время, уходил из Новгорода, когда его прогоняли, и опять являлся в Новгород по призыву и мирился с новгородцами. Но на этот раз Александр уже не спустил Великому Новгороду. Василий убежал в Торжок, где жители были за него. Отец тотчас собрал в своей Владимирской земле рать и отправился в Торжок с тем, чтобы по своей воле опять восстановить сына на княжении. Призванный князь Ярослав убежал из Новгорода. Новгород остался без князя, и какой-то переветчик Ратишка дал об этом знать великому князю. Александр с Василием пошел на Новгород.

Князь Михаил Ярославич

Между тем внутри Новгорода происходила безледица. Прорвалась не раз проявлявшаяся в его истории вражда лучших, или вящих, людей и меньших, иначе – бояр и черни. Посадником был тогда Анания, представитель и любимец меньших людей, прямодушный ревнитель новгородской старины и вольности. Ожидая приближения великого князя, новгородцы вооружились и выставили полки за церковью Рождества и от Св. Ильи напротив Городища, ограждая Торговую (на правом берегу Волхова) сторону, которая была главным образом местопребыванием меньших людей. Но некоторые вящие люди замыслили иное: из них составила партия под начальством Михалки Степановича, человека коварного и своекорыстного, смекнувшего, что наступают иные времена, и сообразившего, на чьей стороне сила. В тревоге собрались новгородцы на вече на обычном месте у Св. Николая (Дворищенского). «Братья, – говорили они между собой, – а что если князь скажет: выдайте моих врагов?» Тогда меньшие по прадедовскому обычаю «целовали Богородицу» на том, чтобы стоять всем на живот и на смерть за правду новгородскую, за свою отчину. Но Михалка, замышлявший убить Ананию и какими бы то ни было путями сделаться самому посадником, убежал со своими единомышленниками в Юрьев монастырь. Разнеслась весть, что вящие хотят напасть на Новгород и бить меньших. Новгородцы кричали, что нужно убить Михалку и ограбить его двор, но тут заступился за

него посадник Анания. Он послал предостеречь своего тайного врага, и когда рассвирепевшие новгородцы кричали: «Убить Михалку», – Анания сказал им: «Братья, если его убьете, убейте прежде меня».

Приехал в Новгород посол от Александра с такими словами: «Выдайте мне Ананию посадника, а не выдадите, я вам не князь: иду на город ратью!» Новгородцы послали к Александру владыку Далмата и тысяцкого Клима: «Князь, иди на свой стол, а злодеев не слушай; не гневайся на Ананию и на всех мужей новгородских».

Владыка и тысяцкий возвратились с отказом. Александр упорно добивался своего. Тогда новгородцы приговорили на вече: «Если князь такое задумал с нашими клятвopепреступниками – пусть их судит Бог и Святая София, а на князя мы не кладем греха!» Все вооружились и три дня стояли наготове. Выдавать миром своих было для новгородцев неслыханным бесчестным делом. Александр рассудил, что раздражать далее народ и доводить дело до драки нет нужды, когда главная цель его может быть достигнута более мирным соглашением, и послал сказать новгородцам: «Я не буду держать на вас гнева; пусть только Анания лишится посадничества».

Князь Андрей Ярославич

Анания лишился посадничества, и новгородцы примирились с Александром. Александр прибыл в Новгород и был радушно встречен народом, издавна знавшим его. Василий был восстановлен на княжении. Новгородцы в угоду Александру поставили посадником Михалку.

Это событие, несмотря на черты, слишком обычные в новгородском строе жизни, имело, однако, важное и новое значение в новгородской истории. Новгородцы выгоняли своих князей, иногда терпели от них и, забывая старое, опять приглашали, как, например, было с Ярославом, отцом Александра; но то делалось по новгородской воле, при обычном непостоянстве новгородцев. Не было еще примера, чтобы великий князь силой заставил принять только что изгнанного ими князя. Александр показал новгородцам, что над их судьбой есть внешняя сила, повыше их веча и их партий – сила власти старейшего князя всей Руси, поставленного волей могущественных иноземных завоевателей и владык Русской земли. Правда, Александр, вступив в Новгород, обласкал новгородцев, заключил с ними мир на всей вольности новгородской, однако в проявлении его могучей воли слышались уже предвестники дальнейшего наложения на Новгород великокняжеской руки.

Через некоторое время Новгород увидел в своих стенах того же Александра, уже не так мирно улаживающего недоразумения с новгородской вольностью. В Орде произошел переворот: Батый умер. Его сына Сартака умертвил дядя Берке, объявивший себя ханом. Последний вверил дела Руси своему наместнику Улагчи. Тогда пришла весть, что хан посылает своих чиновников для переписи народа и собирания дани. Александр поспешил в Орду, думая предотвратить грядущие бедствия; русских страшил не сам платеж дани; они покорялись необходимости платить ее через своих князей, но долгое пребывание татар в земле Русской навредило всеобщий страх. Александр не успел умиловить хана. В земли Рязанскую, Муромскую и Суздальскую явились татарские численники, поставили своих десятников, сотников, тысячников, темников, переписывали жителей для обложения их поголовной данью, не включали в перепись только духовных лиц. Вводилось таким образом чуждое управление внутри Руси. Народу было очень тяжело. В следующем году (1257) Александр вновь отправился в Орду со своими братьями Ярославом Тверским и Андреем Суздальским, с которыми, прежде не ладив, помирился. Улагчи требовал, чтобы Новгород также подвергся переписи и платежу дани. Как ни близок был Александру Новгород, но он счел за лучшее покориться. Между тем Новгорода уже достигла весть о том, что туда идут татарские численники. Все лето там царили тревога и смятение. Новгород не был до сих пор покорен, подобно прочим русским землям, татарским оружием и не помышлял, чтобы ему добровольно пришлось платить постыдную дань наравне с покоренными. Вящие люди, и в том числе посадник Михалка, готовые угождать силе ради своей выгоды и сохранения своих богатств, уговаривали новгородцев покориться, но меньшие слышать об этом не хотели. Их любимец Анания скончался в августе. Волнение после его смерти усилилось, и ненавистный для меньших, насильно поставленный против их воли, Михалка был убит. Князь Василий разделял чувства новгородцев. Наконец прибыл в Новгород Александр с татарскими послами требовать десятины и тамги. Василий, с одной стороны, не смел противиться отцу, с другой – стыдился изменить новгородскому делу и бежал во Псков. Новгородцы наотрез отказались платить дань, но ласково приняли ханских послов и отпустили домой с честью и дарами. Этим Великий Новгород заявлял, что он относится с уважением к ханской власти, но не признает ее над собой. Тогда Александр выгнал своего сына из Пскова и отправил на Суздальскую землю, а некоторых новгородских бояр, стоявших заодно с меньшими и имевших, по его мнению, влияние на Василия, схватил и наказал бесчеловечным образом: иным обрезаю носы, другим выколол глаза и т. п.

Князь Андрей Александрович

Такова была награда, какую получили эти защитники новгородской независимости в угоду поработителям от того самого князя, который некогда так блистательно защищал независимость Новгорода от других врагов.

Зимой (с 1258 на 1259 год) прибыл с низу Михайло Пинещинич и объявил новгородцам, что ханские полки идут на Новгород и будут добывать его оружием, если новгородцы не согласятся на перепись. Весть эта была несправедлива, но правдоподобна. Само собой разумеется, что хан не согласился бы удовольствоваться дарами. Весть эта нагнала такой страх, что с первого раза новгородцы согласились. Вероятно, об этом было дано знать в Орду, потому что той же зимой прибыли в Новгород ханские чиновники Беркай и Касачик с женами и множество татар. Они остановились на Городище¹⁴ и стали собирать тамгу по волости. Новгородцы, увидев необычное зрелище, снова возмутились. Бояре, соблюдая свои корыстные цели, уговаривали народ смириться и быть покорным, но меньшие собирались у Св. Софии и кричали: «Умрем честно за Святую Софию и дома ангельские». Тогда татары стали бояться за свою жизнь, и Александр приставил посадничьего сына и боярских детей стеречь их по ночам. Такое поло-

---

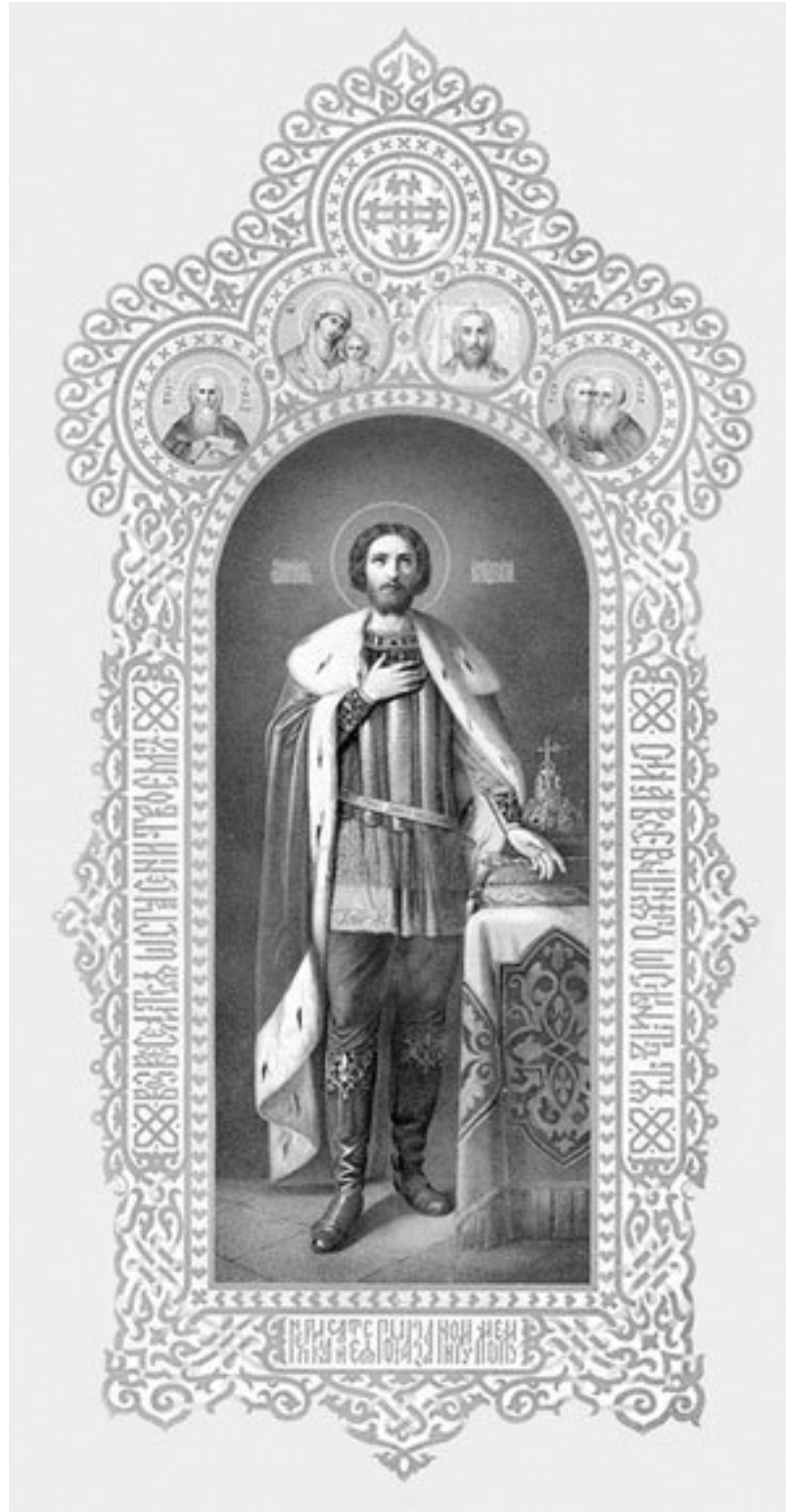
¹⁴ В двух с половиной верстах от Новгорода, где, по преданию, был город прежде Новгорода.

жение вскоре наскучило татарам, и они объявили решительно: «Давайте нам число, или мы побежим прочь». Вящие люди стали добиваться уступки. Тогда в Новгороде распространилась молва, что вящие хотят вместе с татарами напасть на Новгород. Толпы народа собирались на Софийской стороне поближе к Св. Софии и кричали: «Положим головы у Святой Софии». Наконец на другой день Александр выехал из Городища с татарами. Тогда вящие люди смогли убедить меньших не противиться и не навлекать на Новгород неминуемой беды. Они, как говорит летописец, себе делали добро, а меньшим людям зло: дань одинаково распределялась как на богатых, так и на бедных! Александр прибыл в город с татарами. Ханские чиновники ездили по улицам, переписывали дворы и, сделав свое дело, удалились. Александр посадил на княжение сына своего Дмитрия и уехал во Владимир.

С тех пор Новгород, хотя не видел потом у себя татарских чиновников, но участвовал в платеже дани, доставляемой великими князьями хану от всей Руси. Эта повинность удерживала Новгород в связи с прочими русскими землями.

Но не в одном Новгороде – и в покоренных русских землях прежние свободные привычки не вынесли еще рабства и утеснения. Монгольскую дань взяли тогда на откуп хивинские купцы, носившие название «бесермен», – люди магометанской веры. Способ сбора дани был очень отяготителен. В случае недоимок откупщики насчитывали большие проценты, а при совершенной невозможности платить брали людей в неволю. Кроме того, они раздражали людей неуважением к христианской вере. Народ вскоре пришел в ожесточение; в городах Владимире, Суздале, Ростове, Переяславле, Ярославле и других по старому обычаю зазвонили на вече и по народному решению перебили откупщиков дани. В их числе в Ярославле был Изосим, русский по происхождению. Прежде он был монах, пьяный и развратный; съездив в Орду, принял там магометанство и, вернувшись в отечество, стал откупщиком дани, безжалостно утеснял своих соотечественников и нагло ругался над святыней христианской церкви. Ярославцы убили его и бросили труп на растерзание собакам и воронам. Зато в Устюге один природный татарин, будучи также сборщиком дани, спасся от общей беды. Его звали Буга. В Устюге он взял себе наложницу, дочь одного тамошнего обывателя, по имени Мария, которая полюбила его и заранее известила о грозившей ему опасности. Буга изъявил желание креститься. Народ простил его. Он был назван в крещении Иоанном, женился на Марии, навсегда остался на Руси и приобрел всеобщую любовь. Память о нем осталась навсегда в местных преданиях, а воспоминание о бесерменах до сих пор слышится в бранном слове «басурман», которым русский человек называл некрещеных, а иногда только неправославных людей.

Само собой разумеется, что это событие вызвало гнев властителей Руси. В Орде уже собирали полки наказывать мятежников; Александр поспешил в Орду. Кроме сбора дани русским угрожала еще иная тягость: войском помогать татарам в их войнах с другими народами.

Св. благоверный князь Александр Невский. Гравюра XIX в.

Тогда в Волжской Орде происходило важное преобразование. Хан Берке принял магометанство, которое быстро распространилось в его народе, тем легче, что и прежде в полчищах монголов большинство народов, ими покоренных и за них воевавших, исповедовало магометанство. В то же время кочевая жизнь мало-помалу начала сменяться оседлой. На Волге строился Кипчак, обширный город, который хан украшал всем великолепием, какое только было возможно при его могуществе. Хан Берке оказался более милостив к русским, чем можно

было даже ожидать. Он не только простил русским избиение бесерменов (погибель которых как народа подвластного не могла раздражать его в той мере, в какой подействовало бы на него избиение ханских чиновников), но по просьбе Александра освободил русских от обязанности идти на войну. Александр, однако, прожил тогда в Орде всю зиму и лето, и это заставляет предполагать, что не сразу удалось ему приобрести такую милость для своих соотечественников. Возвращаясь оттуда по Волге больным, он остановился в Нижнем Новгороде, через силу продолжал путь далее, но, приехав в Городец, окончательно слег и, приняв схиму, скончался 14 ноября 1263 года. Тело Александра было встречено народом близ Боголюбова и погребено во Владимире в церкви Рождества Богородицы. Говорят, что митрополит Кирилл, услышав во Владимире о смерти Александра, громко сказал: «Зашло солнце земли Русской». Духовенство более всех уважало и ценило этого князя. Его угодливость хану, умение ладить с ним, твердое намерение держать Русь в повиновении завоевателям и тем самым отклонять от русского народа бедствия и разорения, которые постигали бы его при всякой попытке к освобождению и независимости, – все это вполне согласовывалось с учением, всегда проповедуемым православными пастырями: считать целью нашей жизни загробный мир, безропотно терпеть всякие несправедливости и угнетения, покоряться всякой власти, хотя бы иноплеменной и поневоле признаваемой.

Московские князья Даниловичи

У Александра Невского было четыре сына: старший, Василий, княжил в юности в Новгороде, а впоследствии в Костроме, где и умер. Дмитрий и Андрей вели между собой кровавый спор за великое княжение; последний отличился тем, что дважды наводил на Русь татар, которые произвели в ней ужаснейшие опустошения (в 1282 и 1294 годах), отозвавшиеся на целые десятилетия. Четвертый сын Невского, Даниил, остался после отца ребенком. Ему в удел досталась Москва.

Даниил был первым князем, поднявшим значение этого города, являвшегося до тех пор незначительным пригородом Владимира. Участвуя в междоусобиях своих братьев, Даниил хитростью взял в плен рязанского князя Константина, воспользовавшись изменой рязанских бояр, и держал его в неволе. Это событие было первым проявлением тех приемов самоусиления, которыми так отличалась Москва, в то время только что возникавшая. Вместе с тем Даниил положил зачаток тому расширению владений, которое так последовательно вели все его преемники. Племянник Даниила Иван Дмитриевич Переяславский, умирая бездетным, завещал ему Переяславль. Даниил тотчас захватил его и отстоял от посягательств своего брата Андрея. Даниил умер в 1303 году, приняв перед смертью схиму. По летописным известиям, он был погребен в деревянной церкви Св. Михаила, которая стояла на месте нынешнего Архангельского собора в Москве; однако предание, записанное в его Житии, помещает его могилу в Данииловом монастыре, будто бы им основанном. Как бы то ни было, имя Даниила как родоначальника дома московских князей находилось в большом уважении у его потомков¹⁵.

Даниил оставил сыновей Юрия, Ивана, Александра, Бориса и Афанасия. Из них Юрий и Иван по своей деятельности были важнейшими людьми в истории Руси в XIV веке. Они подняли значение Москвы и твердо поставили историческую задачу, которую предстояло постепенно разрешить их преемникам в последующие времена.

---

¹⁵ Рассказывают, что после того как сын Даниила Иван перенес построенную его отцом обитель внутрь Кремля при сооруженной им церкви Спаса на Бору, могила Даниила оставалась неизвестной до самого Ивана III. Этот великий князь ехал однажды со своей дружиной вдоль Москвы-реки, мимо того места, где прежде был положен Даниил; вдруг под одним из отроков споткнулся конь, и перед ним явился неведомый ему князь и сказал: «Я господин месту сему, князь Даниил Московский, здесь положенный; скажи великому князю Ивану: ты сам себя утешаешь, а меня забыл». С тех пор московские князья начали совершать панихиды по своему прародителю. Вслед за тем, как рассказывает предание, были и другие видения. Князь Иван Васильевич построил Даниилов монастырь на месте, где считали погребенным Даниила и где, по преданию, стоял прежде монастырь, поставленный Даниилом, а при царе Алексее Михайловиче открыты были его мощи.

Князь Даниил Александрович. Титулярник 1612 г.

Князь Дмитрий I Александрович. Гравюра 1850 г.

Умер великий князь Андрей Александрович в 1304 году. Звание великого князя, которое при новых условиях татарского господства сделалось гораздо важнее и знаменательнее, чем было прежде, зависело исключительно от воли хана, верховного повелителя и истинного государя Русской земли. Собственно никаких прав, принадлежавших в этом отношении тому или другому князю, той или другой княжеской ветви, не существовало. Князья могли считаться между собой старейшинством; но эти счеты уже и в прежние времена, до татар, перестали быть обязательными, так что действительное старейшинство признавалось несомненным только по отношению к возрасту. В Орде эти счеты еще менее могли быть обязательными. Кто приходился по нраву властителю, того он, не стесняясь ничем, мог назначить великим князем. Но в Орде, как вообще в азиатских деспотических государствах, милость властителя и доступ к нему покупались угождением и задариванием близких к царю вельмож; и русский князь, искавший в Орде какой бы то ни было ханской милости, а тем более первенствующего сана, должен был достигать своей цели, во-первых, обещанием большого выхода (дани) хану, а во-вторых,

подарками и подкупом разных лиц, имевших при ханском дворе влияние. Поэтому выходило, что собственно звание великого князя было продажным. Его мог приобрести тот из князей, у кого в руках было более богатств и кто обладал умением употребить эти богатства кстати. Не переставая зависеть от произвола хана, звание великого князя могло, однако, утвердиться в одной княжеской линии и сделаться фактически наследственным. Нужно было только, чтобы овладевший этим званием умел накапливать в своих руках богатства, поддерживать постоянно дарами доброе расположение к себе влиятельных лиц в Орде и подготовить своему сыну приобретение этого звания после своей смерти. Вместе с таким возвышением одной княжеской ветви неизбежно поднималась бы и получала в ряду русских земель первенство та земля, где княжила эта более удачливая княжеская ветвь. Город Владимир почти потерял уже признаки первенства: князья, получавшие от хана старейшинство, не обязаны были пребывать во Владимире; они могли быть великими князьями и жить в прежних своих уделах. В то время перед Русью стоял важный вопрос: в каком городе утвердится великокняжеское достоинство, переходя от одного князя к другому князю той же земли? В будущем этому городу предстояло великое значение. Орда, несмотря на все свое видимое могущество, уже пошатнулась, признаки разложения стали ощутимыми. Уже на берегах Черного моря возникла другая Орда, отложившаяся от Волжской, иначе Золотой, – Орда Ногая, не хотевшая признавать власти волжских ханов. Это было началом дальнейших отложений и распада монгольской монархии. В Волжской Орде достоинство хана перестало переходить правильным путем и подвергалось насильственным переворотам. Хан Тудай-Менгу был умерщвлен своими племянниками, которых в свою очередь умертвил их двоюродный брат Тохта, сын Менгу-Тимура. Эти события явились предвестниками того, что впоследствии сделалось в Орде обычным делом. Пока еще Орда была сильна, власть великого князя могла утвердиться в одной княжеской ветви и в одной из русских земель именно только при посредстве этой ордынской силы; но раз получив в Руси твердость, великокняжеская власть не должна была уже потерять ее и тогда, когда Орда совершенно ослабнет, потому что в самой Руси должен был устроиться такой порядок, который получит значение обычая. Одним из способов усиления такой власти являлось то неперемное условие, что с возвышением князей неизбежно должны были приливать в их землю военные силы из других земель, а следовательно, другие земли ослабевали и их князья невольно должны были уступать тому, кто становился сильнее благодаря их средствам. Русские бояре приняли обычай переходить туда, где князь был сильнее и где, следовательно, им предстояло больше выгоды. Бояре приходили в таком случае не одни, а тянули за собой и людей, составлявших их дружину и получивших в те времена название детей боярских. Естественно, с падением Орды хана для Руси должен был заменить тот князь, которому прежние ханы во время своего могущества передали свою силу, лишь бы только те, кто получал эту силу, умели усвоить от поколения к поколению искусство поддерживать свое значение. Начало XIV века было той роковой эпохой, когда был поставлен к разрешению вопрос: какая из княжеских линий выдвинется выше всех и какая русская земля со своим главным городом делается средоточием русского мира и будет стягивать к себе разрозненные его части?

Князь Михаил III. Гравюра 1850 г.

После смерти Андрея тотчас начал добиваться великокняжеского достоинства его двоюродный брат Михаил Ярославич Тверской, сын Ярослава – брата Александра Невского. Но ему объявился соперник – московский князь Юрий Данилович. Тверские бояре по повелению своего князя хотели заступить Юрию путь в Орду и схватить его на дороге, но не успели в этом; Юрий пробрался в Орду иным путем.

Пока два соперника боролись в Орде за великое княжение, на Руси во имя их уже происходили усобицы. Князь Иван Данилович отстаивал Переяславль от тверичей. Против него пошел с тверичами его бывший боярин Акинф, который не захотел в Москве быть ниже другого боярина – Родиона Нестеровича, прибывшего в Москву из Киева с тысячью семьями человек дружины, или детей боярских. Акинф с сыновьями перешел к тверскому князю. Произошла кровопролитная схватка; москвичи одержали верх, и Родион собственноручно убил своего личного врага Акинфа, воткнул его голову на копье и принес своему князю Ивану Даниловичу.

Князь Даниил Московский. Гравюра 1850 г.

В Орде взял верх тверской князь Михаил; Юрий тогда не в состоянии был обещать хану выходу больше, чем его соперник. Михаил по возвращении в Русь (1305) тотчас пошел войной к Москве на Юрия: вероятно, его побуждали к этому и дети убитого Акинфа. Тверской князь не мог взять Москвы и заключил мир с московскими князьями. Но взаимная злоба от этого не улеглась.

Не сумев добиться великого княжения, Юрий выбирал другие пути к усилению своей власти и самой Москвы. Вскоре после смерти отца он захватил Можайск и привел пленным в Москву тамошнего князя Святослава. В 1306 году Юрий задушил рязанского князя Константина, взятого в плен его отцом Даниилом и содержавшегося в Москве в неволе. Московский князь думал вместе с тем присвоить себе и Рязань; но это ему не удалось: молодой рязанский

князь Ярослав выпросил у хана ярлык на рязанское княжение. Юрий все-таки не остался в проигрыше и присоединил к Москве Коломну, принадлежавшую до того времени Рязанской земле. Со своим братом Иваном Юрий всегда жил дружно, но с другими братьями, Александром и Борисом, не ладил до того, что они убежали в Тверь к его непримиримому врагу. Тверской князь Михаил в 1308 году еще раз покусился на Москву и опять не взял ее. Взаимная злоба еще более усилилась после нового нападения на Москву и, наконец, прорвалась отчаянной борьбой по поводу Новгорода.

Со времени татарского завоевания Новгород, пользуясь своей внутренней самостоятельностью, принужден был допускать у себя пребывание на Городище великокняжеских наместников и платить великому князю дань в качестве участия в общем платеже выхода хану. С той поры отношения между Новгородом и великим князем всегда были натянутыми и нередко становились открыто враждебными. Великие князья, пользуясь правом взимания выхода, старались как можно больше сорвать с Новгорода и как можно тяжелее наложить на него свою руку. Со своей стороны Новгород старался допустить у себя как можно меньше влияния и власти великого князя. Отсюда ряд договоров Новгорода с великими князьями: в этих договорах мы видим постоянное стремление Новгорода всеми силами избавиться от их притязаний и ограбить свою самостоятельность. Вопросы были до того усложнены, что кто бы ни был великим князем, отношения между ним и Новгородом являлись в сущности почти одинаковыми, и до самого падения Великого Новгорода в конце XV века не было ни одного великого князя, за исключением Юрия Даниловича, с которым бы новгородцы находились в дружеской и искренней связи. Новгородцам трудно было поладить с Михаилом Тверским по причине его придирчивого и корыстолюбивого характера. Видимо, они с самого начала не любили этого князя, не хотели, чтобы он получал великое княжение, и выразили это нежелание перед его поездкой в Орду. Когда Михаил возвратился из Орды, новгородцы приняли его наместников и заключили с ним договор, по которому великому князю, по старине, не дозволялось управлять новгородскими волостями посредством своих, а не новгородских мужей, не дозволялось, кроме того, приобретать в Новгородской области как князю, так и его княгине, боярам и всем подданным сел и угодий, выводить новгородских людей в свою волость, брать их в залог, давать без посадника грамоты, раздавать волости, творить суд без посадника, отнимать волости у новгородских мужей, стеснять новгородскую торговлю и т. п. Эта грамота определяла также и доходы, собственно предоставленные великому князю.

Князь Георгий (Юрий) III. Гравюра 1850 г.

Но в 1312 году Михаил Тверской поссорился с Новгородом, вывел оттуда своих наместников, захватил пограничные новгородские волости Торжок и Бежичи (Бежецк) и не допускал в Новгород подвоз хлеба, в котором была большая нужда в Новгороде, незадолго до того пострадавшем от сильного пожара. Новгородцы послали своего владыку Давида в Тверь. Михаил согласился на мир только тогда, когда новгородцы заплатили ему 1500 гривен (около 700 фунтов серебра). По заключении мира Михаил вновь отправил к новгородцам своих наместников. Новгородцы, поплатившись такой данью, окончательно озлобились против Михаила и в следующем году (1313), когда Михаил поехал в Орду поклониться новому хану Узбеку, решились поступить так, как делалось у них встарь: призвать к себе иного, вольного князя; они обратились к Юрию Даниловичу. Московский князь отправил к ним предвзвременно своего боярина Феодора Ржевского, который схватил наместников Михаила, поса-

дил их под стражу на владычном дворе, а сам повел новгородцев на Волгу против Твери. В отсутствие Михаила вышел против них с войском его сын Дмитрий. Обе стороны, простояв до заморозков друг против друга на противоположных берегах Волги, заключили мир. Условия этого мира неизвестны, но они были выгодны для Новгорода. Перед заговеньем прибыл в Новгород избранный князь Юрий со своим братом Афанасием. Новгородцы посадили его на стол и радовались – в этом видели они возрождение своей вольности.

Князь Дмитрий II Михайлович. Гравюра 1850 г.

Но недолго довелось им радоваться. Весной 1315 года пришло Юрию от хана приказание явиться в Орду. Должно быть, Михаил нажаловался на него хану. Юрий не посмел послушаться и поехал, а в Новгороде оставил своего брата Афанасия.

Тем временем Михаил возвращался на Русь не только обласканный ханом, но и вел с собой татар карать непокорный Новгород. К ним присоединилась по ханскому приказанию рать Низовской земли. Михаил осадил Торжок. Новгородцы с князем Афанасием отправились к Торжку. Произошла кровопролитная сеча. Новгородцы потеряли много убитыми и наконец, не выдержав, заперлись в Торжке. «Выдайте мне князя Афанасия и князя Феодора Ржевского, а потом я с вами стану мириться», – послал сказать новгородцам Михаил. Новгородцы отвечали: «Не выдадим князя Афанасия, но умрем честно за Святую Софию». Михаил вторично послал к ним требование: «Так выдайте князя Феодора Ржевского». Новгородцы, как говорит летописец, не хотели выдавать его, а выдали поневоле и заключили мир, обязавшись заплатить двенадцать тысяч гривен серебра. После этого Михаил пригласил к себе князя Афанасия и новгородских бояр и вероломно отправил их в Тверь заложниками платежа. Вдобавок Михаил ограбил остальных новгородцев и новоторжцев, отняв у них доспехи, оружие и коней. После такого притеснения новгородцы отправили своих послов в Орду жаловаться на Михаила, но тверичи переловили этих послов на дороге.

Такой мир мог только еще больше раздражить новгородцев. Война с тверским князем вспыхнула в 1317 году. Наместники Михаила выехали из Новгорода. Михаил пошел на Новгород со всей низовской землей¹⁶, а новгородцы укрепили свой город острогом по обеим сторонам Волхова и подняли на ноги свою землю: вооружились псковичи, ладожане, корела, жители Русы, ижора и воль. Но до Новгорода из-за неудобства путей Михаилу было трудно добраться. Дойдя до Устьян, Михаил повернул назад и был жестоко наказан за свою смелость. Войско его заблудилось среди озер и болот и умирало от голода. Воины съели всех своих лошадей, грызли ремни, голенища, кожу со щитов, многие умерли от стужи, и только жалкие остатки вернулись домой со своим князем, пешие и больные. Думая, что великий князь будет теперь сговорчивее, новгородцы отправили к нему владыку Давида и умоляли отпустить их коварно задержанных братьев. Михаил сначала упрямылся, но потом помирился с новгородцами в Торжке, когда услышал, что Юрий возвратился из Орды и идет на него. Новгородцы со своей стороны заключили мир, потому что не знали, где Юрий, и не догадывались, что он близко. В договоре, заключенном в то время, говорится о возвращении пленных, но не упоминается о платеже серебра, так что, вероятно, дань, наложенная Михаилом на Новгород под Торжком, не была ему никогда уплачена.

---

¹⁶ Низовской землей назывался в собственном смысле край вниз по течению Волги, но новгородцы придавали этому названию более широкое значение, включая в него Суздальско-Ростовскую землю с разветвлениями, а впоследствии даже Москву.

Князь Иван Калита. Гравюра 1850 г.

Юрий, отправившись в Орду по приказанию Узбека еще в 1315 году, прожил там более двух лет. К сожалению, мы не знаем, что он там делал, но последствием такого долгого пребывания было то, что Юрий вошел в милость к Узбеку и женился на его сестре Кончаке, которая приняла в крещении имя Агафьи. Сам Узбек был магометанином, но, верный преданиям предков, оказывал уважение ко всяким верам, а с христианами был особенно милостив; при нем в Сарае проживало много христиан: они отправляли свободно свое богослужение и имели там местного епископа. С такой терпимостью вполне согласовывалось то обстоятельство, что он породнился с русским князем и позволил своей сестре принять веру своего мужа.

Юрий вел теперь (в 1317 году) на своего врага татар под начальством татарского князя Кавгадыя, ехавшего с ним в качестве посла. Послы от хана бывали часто на Руси в те времена, а иные только под видом послов шатались по Руси. Все они были настоящими бичами для жителей. Когда послы со своими татарами проходили среди русского населения, то на каж-

дом шагу желали показать, что они – господа, а русские – рабы, грабили, совершали всякого рода насилия жителям. Так было и в этом случае. Суздальские князья, сообразив, что Юрий в милости у царя, присоединились к нему; но это не помешало татарам бесчинствовать на пути в Костроме, Ростове, Дмитрове и Клину. С татарами были хивинцы и мордва. Путь их лежал в Тверскую землю. Юрий хотел наказать своего противника. Если, проходя по Суздальской земле, татары не слишком уважали собственность и личность русского человека, то, вступив в Тверскую землю, они без разбора жгли всякое жилье, попадавшееся на пути, и мучили разными муками людей, которых захватывали в свои руки. Михаил выступил против них и 22 декабря 1317 года встретился с ними за сорок верст от Твери на урочище, называемом Борте-нево. Рать Юрия была разбита. Сам Юрий ушел в Торжок, а его брат Борис, жена Агафья и Кавгадый попали в плен.

Юрий из Торжка прибежал в Новгород. Если известие о походе Юрия на Тверь не могло вовремя прийти к новгородцам и побудить их подать помощь Юрию, то теперь они дружно принялись за дело своего союзника; к ним присоединились псковичи. С новгородским ополчением пошел и новгородский владыка Давид. Не так давно был заключен новгородцами мир с Михаилом; нападать на Михаила было бесчестно; поэтому новгородцы решили прежде послать к Михаилу требование сделать все угодное Юрию, а вступить с ним в войну предполагали только тогда, когда он откажет.

Михаил был сговорчив, потому что боялся ханского гнева. Отпустить жену Юрия было невозможно: она умерла в плену; говорили, что ее там отравили зельем. Михаил выдал Юрию только ее тело, которое отвезли для погребения в Ростов, в церковь Пресвятой Богородицы. При посредничестве новгородцев соперники порешили на том, чтобы им обоим идти в Орду. Кавгадый, находясь в плену у Михаила, уверил его, что он помогал Юрию и напал на Михаила без ханского дозволения.

После своего освобождения из тверского плена Кавгадый соединился с Юрием, и они положили между собой совет собрать всех князей низовских (то есть Суздальско-Ростовской земли), пригласить бояр от русских городов, особенно от Новгорода, и ехать в Орду с обвинением на Михаила. Так и сделали. Все они поехали к Узбеку. Михаил, услышав, что на него собирается такая гроза, послал в Орду своего сына Константина, а сам в течение некоторого времени раздумывал, что ему делать, и наконец решился пуститься в путь. Он отправился с сыновьями Дмитрием и Александром. Во Владимире встретил он ханского посла Ахмыла, который ехал к нему.

«Зовет тебя царь, – сказал Ахмыл, – ступай скорее. Если не поспеешь через месяц, то хан уже назначил послать войско на тебя и на твой город. Кавгадый оговорил тебя перед ханом, уверяет, что ты не приедешь в Орду».

Бояре и сыновья уговаривали Михаила не ездить, а послать в Орду еще одного из сыновей. «Не вас, детей моих, требует царь к себе, – сказал Михаил, – головы моей он хочет. Если я уклонюсь, вотчина моя будет полонена и множество христиан перебито. И после того придется мне умереть, так уж лучше положить свою душу за многие души!» Он отправился и 6 сентября 1318 года достиг устья Дона, где находился тогда хан Узбек с ордой, по обычаю предков странствовавший передвижными городами. Там встретил Михаила его сын Константин. Михаил по обычаю поднес дары царю, царице и вельможам. Узбек приказал приставить к Михаилу, как к подсудимому, приставов, но велел обращаться с ним почтительно.

Так прошло полтора месяца. Наконец хан приказал князьям рассудить дело Михаила Ярославича с Юрием и представить ему: тогда хан оправданного пожалует, а виновного казнит. И вот по такому повелению собрались в кибитку князья и положили разные грамоты, свидетельствующие о преступности Михаила. Его обвиняли в том, что он брал дани с городов,

управляемых этими князьями, и не отдавал царю¹⁷. На этом суде был и Кавгадый и старался всеми способами очернить Михаила. Через неделю Михаила поставили на другом суде (должно быть, уже только татарском) и тут ему произнесли такое обвинение: «Не давал царевой дани, бился против царского посла и уморил княгиню жену Юриеву».

После этого осуждения к Михаилу приставили стражу, состоявшую из семи человек от семи князей. Князю Михаилу на шею надели тяжелую колоду, которая столько же причиняла мучения, сколько означала поругание. Хан отправился в поход против Персии; Михаила потащили за ним в обозе. Когда хан в степи во время похода расположился станом и в стане открылся торг, Кавгадый приказал поставить всенародно Михаила с колодой и созвать заимодавцев, то есть тех, кто жаловался на его несправедливые поборы. Это был правеж, обычай, который впоследствии вошел в русское судопроизводство: неисправного должника выставляли на торгу и били по ногам. Не видно, чтобы Михаила при этом били; но колода на шее имела смысл муки правежа. «Знай, Михаил, – сказал ему Кавгадый, – таков у нашего царя обычай: как рассердится на кого-нибудь, хоть бы на своего племянника, прикажет положить на него колоду, а как гнев его минет, то по-прежнему чтит его; так и с тобой будет: минет твоя тягота, и ты будешь у царя еще в большей чести». Кавгадый велел сторожам поддерживать колоду, висевшую на шее Михаила, чтобы облегчить его. Наконец после двадцатishестидневного томления за рекой Тереком, по ту сторону гор, 22 ноября в среду, Кавгадый и Юрий Данилович со своими людьми подъехали к веже (кибитке), где находился несчастный Михаил; в кибитку вошли убийцы, повалили князя на землю, и один русский по имени Романец вонзил нож в сердце страдальца. Когда Юрий и Кавгадый вошли в кибитку и увидели обнаженное тело Михаила, Кавгадый с суровым видом сказал Юрию: «Ведь он тебе старейшим братом был, словно отец; для чего же тело его лежит брошенное и голое!» Юрий приказал прикрыть труп епанчей. Видимо, хан колебался исполнить приговор суда, но Юрий настаивал и добивался смерти Михаила.

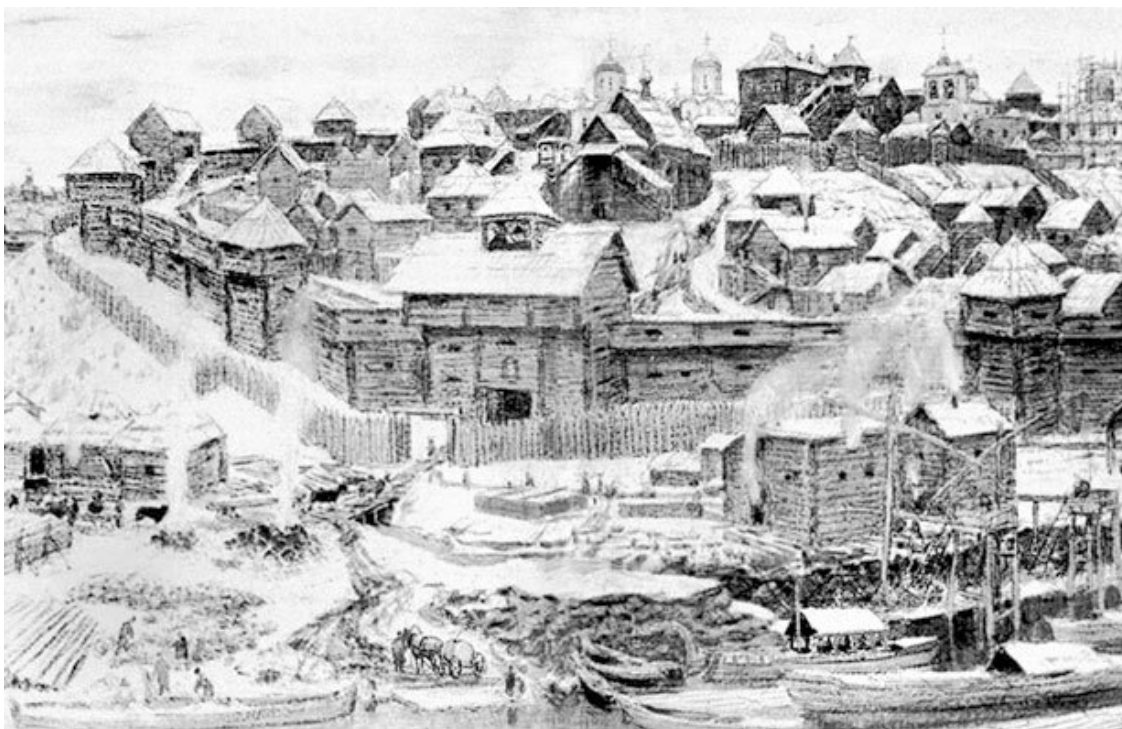
¹⁷ Хотя в сказании об убиении Михаила эти князья называются ордынскими и наши историки полагают, что Михаила судили татарские вельможи, но по смыслу выходит, что слово «ордынские» прибавлено позднее, и здесь идет речь о русских князьях. Татарские князья не могли обвинять Михаила в том, что он брал с их городов дань, так как Михаил не мог брать дани ни с каких татарских городов, тогда как действительно с русских городов брал Михаил дань в звании великого князя для выхода в Орду. Кроме того, в этом же сказании говорится, что Юрий, уезжая судиться с Михаилом, пригласил князей низовских и бояр от городов, которые должны были судить Михаила.

А.М.Васнецов. Основание Москвы. Постройка первых стен Кремля в XII в.

Юрий мстил Михаилу и после его смерти: бояре Юрия, которые повезли на Русь тело убитого, не допускали ставить тело Михаила в церквах, а ставили в хлеву. Его привезли в Москву и погребли в Спасском монастыре.

Юрий, получив от хана великое княжение, возвратился в Русь с большой честью; он вез с собой, как пленных, Константина – сына Михаила, его бояр и слуг. Вдова Михаила и другие его сыновья, узнав о печальном конце тверского князя, обратились к Юрию с просьбой отдать им тело убитого для погребения в Твери. Юрий согласился, но прежде поглумился над ними. Один из сыновей убитого князя, Александр, ездил за телом отца в Москву. Михаила погребли в церкви Спаса в Твери.

А. М. Васнецов. Московский Кремль при Иване Калите

Церковь Спаса на Бору

Старший сын Михаила Дмитрий (названный в родословной «Грозные Очи») злобствовал на Юрия за смерть отца, но вынужден был до поры до времени смириться. В 1321 году при посредничестве тверского епископа Варсонофия между Дмитрием и Юрием заключен был мир; тверской князь заплатил две тысячи гривен серебра и обязался не искать великого княжения.

Юрий, став великим князем, послал в Новгород своего брата Афанасия, но после смерти последнего в 1322 году сам переехал в Новгород и остался в нем. Он, по-видимому, уступил Москву брату Ивану и, считаясь великим князем, жил в Новгороде. Юрий любил Новгород, и новгородцы любили Юрия. Он воевал за новгородцев со шведами, построил город Орешек (ныне Шлиссельбург), заключил от имени Новгорода мир со шведским королем и успешно прогонял литву, совершавшую частые набеги на новгородские владения; в 1324 году по поводу оскорблений, причиненных новгородским промышленникам устюжанами, Юрий с новгородцами ходил в Устюг, взял этот город и заключил с устюжанами мир, выгодный для новгородцев. Здесь он навсегда простился с ними: они отправились домой, а Юрий, доехав до Камы, спустился вниз по этой реке в Орду. Его позвали.

Дмитрий Михайлович Тверской обвинял Юрия в том, что он, взяв выход с тверских князей, не отдал его татарскому послу, а уехал с деньгами в Новгород¹⁸. Юрий, прибыв в Орду 21 ноября 1325 года, был умерщвлен князем Дмитрием Михайловичем. Тело Юрия привезли в Москву и предали земле митрополит Петр и архиепископ новгородский Моисей. Хан казнил убийцу, но не ранее как спустя десять месяцев после убийства.

Брат Юрия Иван по прозванию Калита (от обычая носить с собой кошелек с деньгами для раздачи милостыни) оставался долго в тени при старшем брате, но когда Юрий получил великое княжение и уехал в Новгород, Москва осталась в полном управлении Ивана; с этого пор он вступает на историческое поприще. Восемнадцать лет его правления были эпохой первого прочного усиления Москвы и ее возвышения над русскими землями. Главным способом к этому усилению было то, что Иван особенно умел ладить с ханом, часто ездил в Орду, приобрел особое расположение и доверие Узбека и оградил свою Московскую землю от вторжения татарских послов, которые – как уже сказано выше, – называясь этим именем, ездили по Руси, творили бесчинства и опустошения. В то время, когда другие русские земли поражены были этим несчастьем и, кроме того, подвергались другим бедствиям, владения московского князя оставались спокойными, наполнялись жителями и по сравнению с другими русскими землями находились в цветущем состоянии. «Перестали поганые воевать Русскую землю, – говорит летописец, – перестали убивать христиан; отдохнули и опочили христиане от великой истомы и многой тягости, и от насилия татарского; и с этих пор наступила тишина по всей земле».

Город Москва расширился в княжение Ивана. Кроме Кремля, составлявшего ее центр или внутреннее укрепление, посад за пределами Кремля уже при Иване был обнесен дубовой стеной. Вокруг Москвы одно за другим возникали села.

Бояре оставляли других князей, переходили к московскому князю и получали от него земли с обязанностью службы; за боярами следовали вольные люди, годные к оружию. Таким образом, соседние князья слабели и поневоле должны были угождать московскому князю и подчиняться ему. В Москву переселялись и иноземцы, и даже татары приходили на поселение не врагами, не господами, а принимали крещение и становились русскими. В числе таких татарских выходцев был мурза Чет, родоначальник фамилии Годуновых и предок Бориса, царствовавшего на русском престоле. Иван заботился о внутренней безопасности, строго преследовал и казнил разбойников и воров; и тем самым он дал возможность ездить торговым людям по дорогам. Москва тогда уже наполнялась торговцами с разных сторон. На устье Мологи возникла славная в те времена молодежская ярмарка, куда съезжались купцы с востока и запада. Оживляя народное благосостояние, эта ярмарка доставляла доходы великому князю.

---

¹⁸ Вообще события того времени и отношения к Орде как Юрия, так и Дмитрия для нас остаются неясными по причине скудости источников. Есть известие, что Дмитрий получил великое княжение; мы не знаем достоверно: утвердил ли хан Узбек на княжении Дмитрия, рассердившись на Юрия, сам ли Дмитрий присвоил себе имя великого князя или его ошибочно так называли летописцы.

В первые же годы своего правления Иван придал Москве нравственное значение переводом митрополичьей кафедры из Владимира в Москву. Еще в XIII столетии русские первосвятители нашли невозможным оставаться в Киеве, в крае малолюдном, в опустошенном и обнищавшем городе, где древняя святыня находилась в запустении, где Десятинная церковь лежала в развалинах, где от Св. Софии оставались одни стены, а Печерская обитель стояла безлюдная. Митрополиты Кирилл и Максим, хотя и считались киевскими, но не жили в Киеве, вели странническую жизнь и более всего пребывали во Владимире. После смерти митрополита Максима было два соискателя митрополичьего престола: один из Северной Руси, владимирский игумен Геронтий, другой из Южной Руси – Петр, игумен ратский, родом волынец. Галицкий князь Юрий Львович, внук Даниила, послал Петра в Константинополь для посвящения с целью утвердить у себя митрополию в Галичине. Петр был предпочтен Геронтию, получил сан митрополита (1308), но вместо того чтобы жить в Южной Руси, удержав титул киевского митрополита, переселился на север во Владимир; однако и тут не жил постоянно, а переезжал с места на место, поставляя духовных. Вместе с князем Михаилом Ярославичем Тверским Петр совершил поездку в Орду к Узбеку и получил от него знаменитую грамоту, по которой православное русское духовенство со своими семействами и со всеми лицами, принадлежавшими к духовному ведомству, освобождалось от всякой дани и ограждалось от каких бы то ни было обид и притеснений со стороны ханских чиновников и подданных.

Митрополит Петр закладывает Успенский собор в Московском Кремле

Князь Симеон Гордый. Гравюра 1850 г.

Во время своих обычных переездов с места на место Петр сошелся с князем Иваном Даниловичем и полюбил более всех других городов его Москву. Здесь он стал проживать подолгу, заботился об украшении Москвы святынями храмов и 4 августа 1325 года вместе с князем Иваном заложил первую каменную церковь в Москве Успения Богородицы (нынешний Успенский собор). Этот храм должен был сделаться главной святыней Москвы и перенести на нее то благословение, которое некогда давала городу Владимиру построенная Андреем подобная церковь Богоматери во Владимире. Близ места, на котором должен был стоять жертвенник, Петр собственноручно устроил себе гроб. «Бог благословит тебя, – говорил он Калите, – и поставит выше всех других князей, и распространит город этот паче всех других городов; и будет род твой обладать местом сим вовеки; и руки его взыдут на плечи врагов ваших; и будут жить в нем святители; и кости мои здесь положены будут». Эти пророческие слова, переходя по преданию от поколения к поколению, помнились и приводились для поддержания могущества

и величия Москвы. В следующем году (1326) 21 декабря Петр скончался, оставшись навсегда в воспоминаниях потомков святым покровителем Москвы, первым виновником ее нравственного возвышения. Иван, исполняя завещание Петра, окончил постройку храма Успения; кроме этого храма он построил каменную церковь Архангела Михаила на месте прежней, деревянной, и завещал себя похоронить в ней: это был нынешний Архангельский собор, послуживший местом погребения для всех потомков Ивана. Близ своих палат Иван основал монастырь Св. Преображения и построил в нем каменную церковь (единственную из московских церквей, стены которой до сих пор существуют от тех времен в церкви Спаса на Бору) и кроме того церковь Иоанна Лествичника на месте нынешней колокольни Ивана Великого. Стремлению Ивана поднять церковное значение Москвы способствовало то, что преемник Петра, Феогност, поселился в Москве, а за ним впоследствии все митрополиты один за другим пребывали в этом городе и таким образом сообщили ему значение столицы всей русской церкви.

Князь Иван Красный. Гравюра 1850 г.

Иван Данилович во все продолжение своего княжения ловко пользовался обстоятельствами, чтобы, с одной стороны, увеличить свои московские владения, а с другой – иметь первенствующее влияние на князей в прочих русских землях. В этом случае помогла ему более всего вновь вспыхнувшая вражда с Тверью. Там княжил другой сын Михаила Тверского – Александр. После казни брата Александр, как говорит летописец, носил имя великого князя¹⁹. Татары, видимо, не доверяли Александру и находили нужным особенно наблюдать над Тверью. В 1327 году приехал в Тверь ханский чиновник Чолкан с вооруженной толпой татар, выгнал Александра с его двора и расположился в нем, как хозяин. Это, естественно, возбудило страх и ропот в народе. Начали толковать, что татары хотят перебить русских князей, управлять Русью посредством своих чиновников и насильно обращать христиан в басурманскую веру. Татары по привычке обращаться с русскими, как с рабами, совершали в Твери разные бесчинства. 15 августа поднялся мятеж против татар. По одним известиям, сам Александр возбуждал тверичей из мести за своего отца и брата, по другим же – он, напротив, приказывал им терпеть, но неожиданный случай произвел вспышку в народе. Татары хотели отнять у диакона Дюдка молодую и жирную кобылу. Диакон сделал клич к народу, который уже прежде был раздражен наглостью татар. Ударили в вечерней колокол, народ собрался и перебил Чолкана и его татар. Только немногие табунщики успели уйти и дали знать в Орде о происшествии.

Мщение было неизбежно. Князь Иван Данилович, услышав о том, что сделалось в Твери, наскоро побегал в Орду и оттуда в звании старейшего князя шел с татарами наказывать Тверь. Татарская рать была под предводительством пяти темников. Иван Данилович потребовал, чтобы суздальский князь присоединился к нему. Суздальский князь не посмел ослушаться. Рать зимой вошла в Тверскую землю, жгла города, села, убивала жителей и старых, и малых; иных брала в неволю; другие, лишённые приюта, замерзали. Так разорены были Кашин и Тверь. Князь Александр с братом Константином ушел в Новгород; новгородцы не приняли Александра; он бежал в Псков. Тем временем татары, вероятно, не зная, что новгородцы прогнали Александра, напали на Новоторжскую землю, принадлежавшую Новгороду, и опустошили ее. Дело разъяснилось тогда, когда монгольские послы прибыли в Новгород и получили там 2000 гривен серебра и много даров.

Тверская область была до того опустошена и обезлюдела, что в течение целого столетия носила на себе следы этого погрома.

Расправившись с Тверью, Иван поехал в Орду явиться к Узбеку. Узбек очень хвалил его, и с тех пор положение Ивана стало еще крепче. Тогда же прибыл к Узбеку с поклоном брат Александра Константин. Узбек принял и его милостиво, не помянул вины, которую считал за его братом, утвердил на тверском княжении, но приказал Ивану и с ним всем русским князьям отыскать Александра и представить в Орду на расправу. По ханскому приказу Иван в 1329 году с митрополитом, суздальским князем и двумя тверскими князьями, братьями Александра, прибыл в Новгород и оттуда послал к Александру послов. В Псков поехал сам новгородский владыка Моисей с некоторыми знатными новгородцами; он убеждал Александра ехать добровольно в Орду, «не давать христиан на погибель поганым». Александр совсем было согласился, но псковичи удержали его и говорили: «Не езд, господине, в Орду; что бы с тобою ни было, заодно умрем с тобою!»

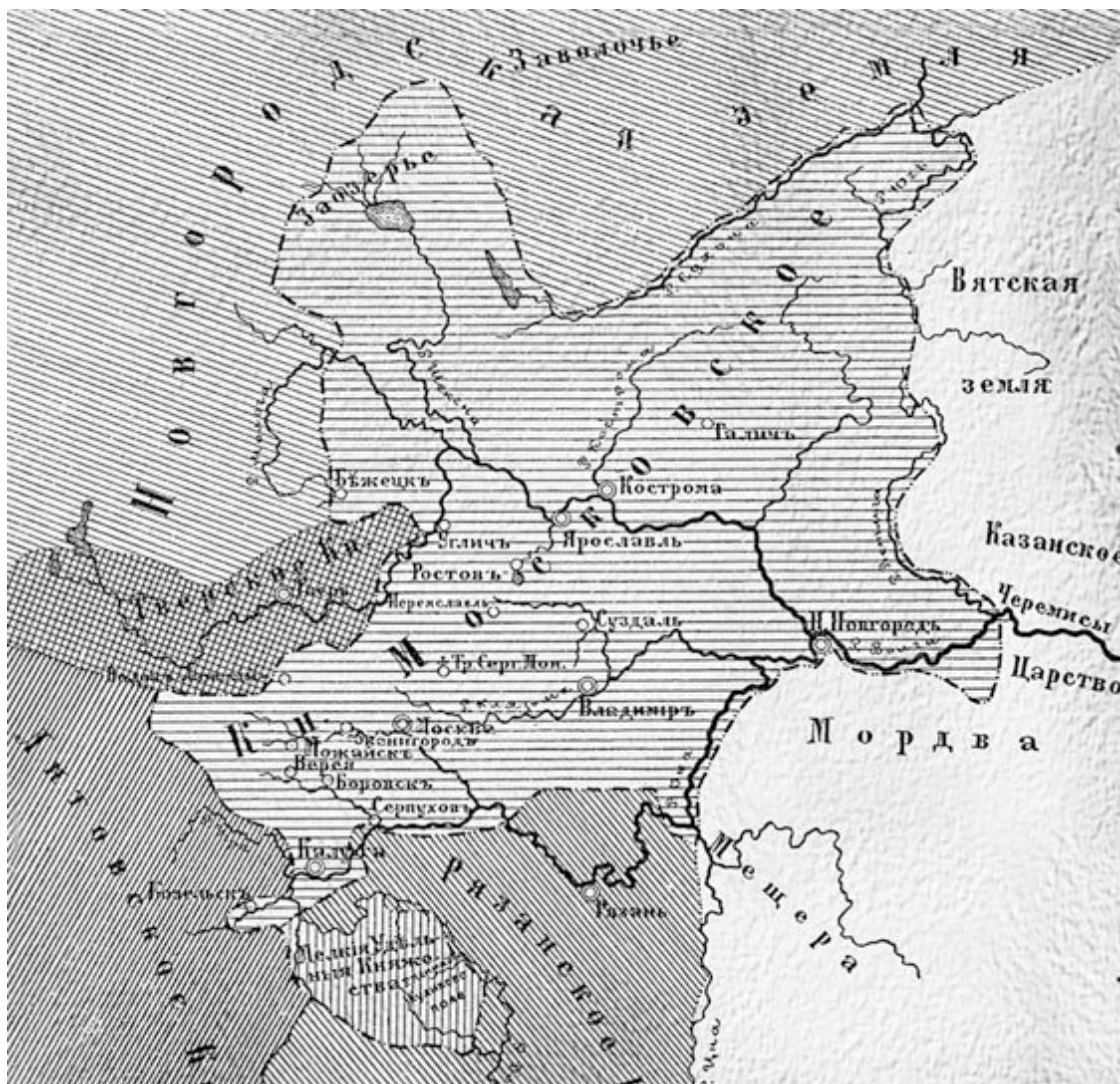
¹⁹ Факт этот представляется нам до крайности странным: каким образом Узбек, убив отца и брата Александра, мог доверить этому князю старейшинство на Руси? Так как более старые редакции наших летописей ничего ровно не говорят о назначении его великим князем, а известия об этом назначении находятся только в позднейших редакциях, то мы бы отвергли этот факт как ложный, если бы нас в этом случае не останавливала новгородская грамота, из которой видно, что новгородцы в 1327 году признавали над собой власть Александра в качестве старейшего, или великого, князя. Во всяком случае в этом есть что-то для нас неизвестное и непонятное.

Иван Данилович, получив отказ, поднял всю землю Новгородскую и пошел ратью на Псков, а митрополит Феогност в угоду Ивану наложил на псковичей проклятие и отлучение от церкви.

Тогда Александр сказал псковичам: «Братья и друзья мои! Пусть не будет на вас из-за меня проклятия и отлучения; я уеду, а вы целуйте крест не выдавать моей княгини».

Александр уехал в Литву, а псковичи послали послов к Ивану с таким словом: «Князь Александр уехал, весь Псков кланяется тебе, князю великому, от мала до велика: и попы, и чернецы, и черницы, и сироты, и жены, и малые дети». Это было первое заявление покорности Пскова Москве, новый шаг к возвышению значения московского князя.

Иван удовольствовался этим заявлением, и митрополит снял со псковичей проклятие, употребив свою духовную власть в пользу московского князя. Обстоятельства продолжали благоприятствовать Москве. Александр хотя вернулся во Псков и прожил там десять лет, но был уже бессилён; его брат Константин, управляя разоренной Тверской землей, угождал московскому князю, любимцу царя, так как страшился повторения над своей областью того, что она испытала при его брате. В собственно Московской земле Иван уже владел Можайском, Коломной, Рузой, Звенигородом, Серпуховым, к ней присоединился и Переяславль со своей властью. Князья других русских земель оказались поставленными в такое положение, что должны были подчиняться Ивану со своими землями. Суздальский князь Александр Васильевич и все другие удельные князья Ростовско-Суздальской земли стали его подручниками. После смерти Александра Васильевича Иван удержал за собой Владимир, а новый суздальский князь Константин Васильевич должен был довольствоваться тем, что ему оставил московский князь. Иван отдал одну из своих дочерей за Василия Давидовича Ярославского, а другую – за Константина Ростовского и самовластно распоряжался уделами своих зятьев. «Горе, горе городу Ростову и князьям его, – говорит одно старинное сказание, – отнялась у них власть и княжение; и немало было ростовцев, которые поневоле отдавали москвичам имущество свое, терпели побои и язвы на теле своем». Посланный в Ростов от Ивана Даниловича боярин Кочевяков свирепствовал над жителями, как будто над завоеванными, и одного старейшего боярина, Аверкия, приказал при всем народе повесить за ноги и нещадно бить палками. Подобные поступки совершались не в одном Ростове, но и во всех местах, подпавших под власть москвичей, которые, где только могли, показывали себя высокомерными господами над прочими русскими людьми. Эти поступки вывели из терпения ярославского князя; несмотря на свое родство с московским князем, он соединился против него с Александром Михайловичем Тверским. Князья рязанские поневоле должны были повиноваться Ивану Даниловичу и ходить со своей ратью, куда он им прикажет: Иван был в чести у хана, а Рязанская земля находилась на пути из Орды в Москву и за строптивость своих князей первой могла подвергнуться жестокой каре от Орды, требовавшей повиновения Москве. Города Углич, Галич и Белозерск были приобретены Иваном посредством купли от князей. Кроме того, он покупал и променивал села в разных местах: около Костромы, Владимира и Ростова, на реках Маса, Киржаче и даже в Новгородской земле вопреки новгородским грамотам, запрещавшим князьям покупать там земли. Он заводил в Новгородской земле слободы, населял их своими людьми и таким образом имел возможность внедрять там свою власть и подобным путем.

Карта Московского княжества

Новгород, находившийся пока в дружбе с Москвой, вскоре испытал на себе плоды ее усиления, которому он так содействовал. Новгородцы слишком много оказали услуг московским князьям: казалось, нужно было пройти долгому времени и явиться очень важным причинам и непредвиденным столкновениям, чтобы между Новгородом и Москвой могло вспыхнуть несогласие. Но Иван не задумывался в выборе средств для своей выгоды. В 1332 году он возвратился из Орды, где достаточно поистратился на подарки, и стал приискивать средств, как бы и чем ему вознаградить себя. Он вспомнил, что у новгородцев есть закамское серебро. В сибирских странах с незапамятных времен велось добывание руды и обрабатывались металлы. До сих пор так называемые чудские копи по берегам Енисея служат памятниками древней умелости народов алтайского племени. Новгород, владевший северо-востоком нынешней европейской России под названием Заволочья (берегов Двины), Печоры и Перми и частью азиатской России под именем Югры, получал отсюда серебро отчасти путем торговых сношений, отчасти же посредством дани, вносимой туземцами подчиненной Новгороду Пермской страны. Иван Данилович потребовал от Новгорода это серебро, которое в то время называлось закамским серебром, и, чтобы иметь в своих руках залог этого требования, захватил Торжок и Бежецкий Верх с их волостями неожиданно и вероломно, не объявив Новгороду, что он считает мирный договор почему-нибудь нарушенным. В Новгороде тогда происходили внутренние смятения: в один год сменили двух посадников, ограбили дворы и села двух бояр; вероятно, эти волне-

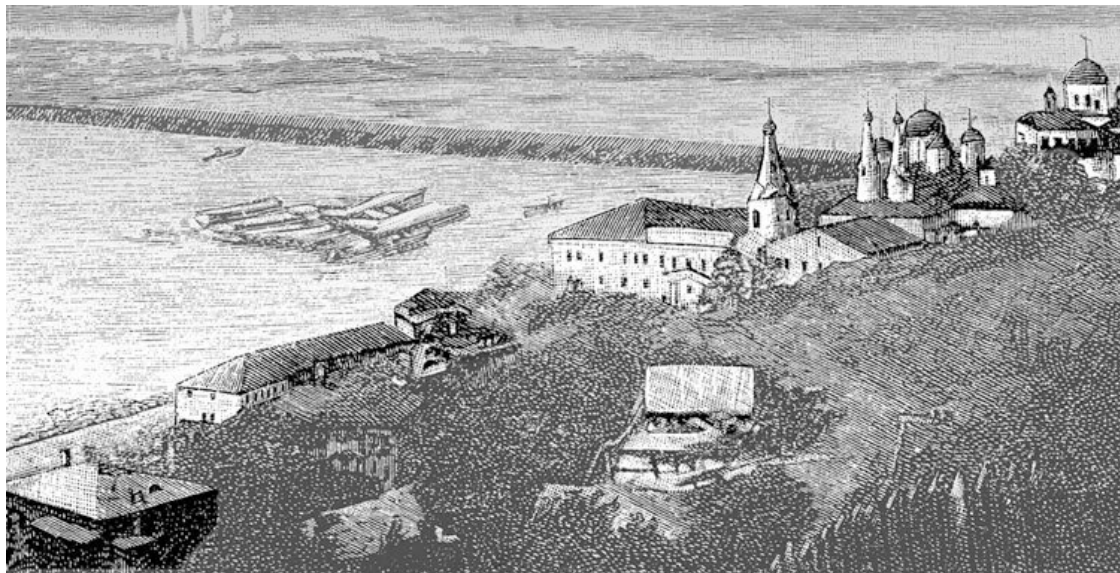
ния состояли в связи с тогдашними неприязненными поступками московского князя, так как всегда во время размолвок с великими князьями в Новгороде были лица, считавшиеся их сторонниками и благоприятелями и за то испытывавшие озлобление раздраженного народа. На другой год Иван Данилович повторил свое требование, вошел в Торжок с подручными себе князьями земель Суздальской и Рязанской и сидел в Торжке около двух месяцев. Новгородцы посылали к нему дружественное посольство, просили приехать в Новгород мирно, но Иван не хотел слушать их и уехал прочь. Новгородским волостям нелегко было от его посещения. Иван вывел своих наместников из Городища и таким образом находился уже в открытой вражде с Новгородом, «в розратье», как тогда говорили.

Тогда новгородцы принялись укреплять свой город; владыка строил каменные стены детинца; юрьевский архимандрит возводил около своего монастыря стены, а между тем еще раз новгородцы пытались поладить с московским князем. Владыка Василий поехал к нему с двумя новгородскими боярами и застал его в Переяславле. От лица Новгорода он предлагал великому князю пятьсот рублей серебра и просил, чтобы великий князь отступился от слобод, заведенных им на Новгородской земле вопреки договору, им же утвержденному крестным целованием. Иван Данилович не послушал его.

Тогда новгородцы пожалели, что в угоду московской власти так преследовали тверского князя. Александр жил в Пскове: новгородцы из-за него были не в ладах со Псковом; новгородский владыка семь лет не бывал в Пскове и наказывал своим пастырским неблагословением Псков, непослушный Новгороду и великому князю; теперь он отправился в Псков, был там принят с честью, благословил князя Александра и крестил у него сына Михаила. Этого было недостаточно. Новгороду нужен был сильный союзник, который бы мог составить противовес могуществу московскому, и Новгород сошелся тогда с литовским князем Гедимином, завоевавшим почти всю Западную Русь: он, заступившись за Новгород, один мог остановить Ивана. В октябре 1333 года приехал в Новгород сын Гедимины Наримонт, нареченный при крещении Глебом и избранный новгородцами на княжение. По обычаю своих дедов новгородцы посадили его на столе у Св. Софии и дали ему в отчину и дедину Ладогу, Ореховский город, Корельск и половину Копорья.

Иван Данилович между тем снова съездил в Орду и, вернувшись назад в 1334 году, стал податливее. Если путешествие московского князя в Орду пугало новгородцев, так как они думали, что князь хочет подвинуть на них татарскую силу, то со своей стороны Иван, человек характера невоинственного, хотя и хитрый, тревожно смотрел на дружбу новгородцев с его заклятым врагом Александром и еще более на союз их с Гедимином. Новгород, хотя и готовился отразить насильственные покушения Москвы, был не прочь помириться с ней: новгородцы не могли быть уверены, что Гедимин заступится за них в такой мере, чтобы воевать с ханом, да и при помощи Гедимины нелегко было отважиться Новгороду на борьбу с Ордой и с силами русских земель, находившихся под рукой Ивана Даниловича; к тому же призванный новгородцами Наримонт оказывался малоспособным к доблестным подвигам и к героической защите земли, пригласившей его так радушно. Владыка Василий еще до возвращения Ивана из Орды ездил к митрополиту Феогносту, виделся с ним во Владимире и располагал его действовать на Ивана примирительно. После своего возвращения из Орды Иван Данилович, кроме других соображений, побуждаемый к миру и митрополитом, принял новгородского посла Варфоломея Юрьевича уже не так, как он принимал прежних послов, не высокомерно, а любовно, и вслед за тем сам приехал в Новгород 16 февраля 1334 года. В Новгороде примирение с великим князем произвело большую радость. Люди, расположенные к Москве и не смевшие до тех пор проявить своего расположения, теперь взяли верх и оказывали влияние на народ. В угоду московскому князю новгородцы готовы были вместе с москвичами идти войной на Псков и доставать оттуда князя Александра Михайловича. Они забыли и незадолго до того показанное неуважение московского князя ко всякого рода договорам и крестному целованию, и свою

недавнюю дружбу со псковичами, вынужденную поступками московского князя. До войны со Псковом не дошло, но после этого новгородцы со псковичами остались не в мирных отношениях. Иван Данилович позвал к себе в Москву новгородского владыку, посадника, тысяцкого, бояр и оказывал им большие почести. Казалось, восстановились самые прочные дружеские отношения между Новгородом и Москвой.

Благовещенский монастырь в Нижнем Новгороде

Но прошло три года, и в 1337 году Иван Данилович, опять нарушив договор, послал свое войско в Двинскую землю с целью овладеть этим важным краем; покушение его не удалось; посланное войско вернулось оттуда пораженное со срамом. Новгородцы тогда обратились к псковичам, владыка Василий отправился во Псков, но уже его приняли там не так, как прежде; псковичи научены были опытом, как новгородцы в беде обращаются к ним, а потом, когда думают, что беда для них минула, готовы идти на них вместе с теми, против которых прежде искали опоры. Они не хотели дать владыке «подъезда» или части судных пошлин, которые собирал владыка в свою пользу. Архиепископ проклял псковичей.

Десять лет прожил Александр Михайлович во Пскове, и несозна была ему изгнанническая судьба. Думал он и передумывал, что делать ему. Жаль ему было детей и потомков своих, которые должны были не только лишиться владения, но мало-помалу выйти из рода князей. Продолжало, вероятно, томить его и то, что псковичи, даровавшие ему приют у себя, из-за него подвергались проклятию от своего архиепископа. Еще в 1336 году отправил он в Орду сына своего Федора узнать: есть ли надежда ему получить прощение и милость хана Узбека. Федор, возвратившись из Орды, принес утешительные известия. Тогда в 1337 году Александр отправил посольство к митрополиту Феогносту и просил от него благословения идти в Орду. Феогност дал ему благословение, вероятно, в то время, когда не было рядом Ивана Даниловича, иначе последний не допустил бы этого. Александр отправился в Орду и явился прямо перед Узбеком.

Наши летописи представляют Александра, произносящего такую речь перед своим царем: «Господин самовластный (вольный) царь! Если я и много дурного сделал тебе, то теперь пришел к тебе принять от тебя либо жизнь, либо смерть. Как Бог тебе на душу положит, а я на все готов!»

Узбеку очень понравились такая прямота и вместе рабская покорность. «Видите ли, – сказал Узбек окружающим его (так передают летописи), – как Александр Михайлович смиренную мудростью избавил себя от смерти».

Князь Иван Данилович. Титулярник 1672 г.

Узбек простил Александра, оказал ему большой почет у себя и отпустил на Русь с правом сесть на столе в отеческой Твери. Двое вельмож татарских, Киндяк и Авдул, провожали его. Брат Константин, владевший Тверью, добровольно уступил ее Александру.

Возвращение Александра было страшным ударом для московского князя. Если его заклятый враг, которого он по приказанию хана преследовал и добивался взять живьем для

казни, теперь приобрел милость того же хана, то отсюда могло произойти то, что помилованный князь войдет в доверие к хану и постарается в свою очередь насолить своему сопернику. Иван Данилович поспешил в Орду, взял с собой сыновей, чтобы представить хану как будущих вернейших его слуг, и старался всеми мерами очернить и оклеветать тверского князя. Ему это удалось. Узбек послал одного из своих приближенных, Истрочей, звать Александра.

Истрочей по приказанию Узбека и по наставлению Ивана принял перед Александром самый ласковый вид и говорил: «Самовластный царь Узбек зовет тебя с сыном Федором; царь сделает для тебя много хорошего; ты примешь великое княжение, и большой почет тебе будет».

Но Александр догадался, что тут что-то не так. «Если я пойду в Орду, – говорил он своим, – то буду предан смерти, а если не пойду, то придет татарская рать и много христиан будет убито и взято в плен, и на меня вина падет: лучше мне одному принять смерть».

Он начал снаряжаться в Орду и послал вперед своего сына Федора узнать, что значит этот призыв и чего он может ждать в Орде. А между тем тверские бояре, рассудив, что служить московскому князю выгоднее, отъезжали от Александра к его врагу. К этому, быть может, побуждало их еще и то, что Александр вернулся из Пскова с новыми боярами и между прочим с иноземцами; так был у него в чести немец Матвей Доль; и старым боярам пришлось не по сердцу стать ниже этих новичков и пришельцев.

Федор не приехал обратно; его удержали в Орде, но он известил отца, что царь Узбек гневается на него. Возврата не было Александру. Если он решится бежать куда-нибудь по-прежнему, то сын в Орде должен будет выпить за него горькую чашу. Князь поехал в Орду. Иван Данилович, решив свои дела, вернулся домой и наблюдал, что станется с его соперником, которому он, насколько сил его было, подготовил гибель.

Осталось предание, что когда Александр Михайлович плыл по Волге, тогда поднимался противный ветер и относил его судно назад, как будто давая несчастному князю предсказание, что будет ему беда там, куда он держит путь. Когда Александр Михайлович проплыл с большим трудом через русские земли, ветер перестал обращать его судно назад. Поехали одновременно с ним князья ярославский и белозерский, ненавидевшие Ивана Даниловича и готовые защищать Александра Михайловича; однако никто не мог ему тогда помочь: Ивану Даниловичу больше всех верил властитель Руси, и, вероятно, Иван Данилович представил этому властителю какие-то убедительные доводы против тверского князя, если Узбек так скоро изменил к последнему свою милость.

Когда заранее осужденный на смерть князь прибыл в Орду, сын Федор первый со слезами известил его, что дела плохи. Затем татары, расположенные к нему, сказали: «Царь хочет тебя убить! Тебя крепко оклеветали перед ним!» – «Что же я буду делать! – отвечал Александр. – Если Бог захочет предать меня смерти, кто же может меня избавить?»

Александр привез дары царю, царице, вельможам. Прошел месяц в тревожном ожидании. 26 ноября 1338 года сказали Александру, что через три дня ему будет конец. Александр употребил это время на молитву. Наконец настал роковой день. Отслушав заутреню, Александр послал к царице узнать, что его ожидает, а сам сел на коня и ездил, расспрашивая: долго ли ему ждать смерти. Князю сообщили, что через час придет его смерть. Александр вернулся в свой шатер, обнял сына и своих бояр и причастился Св. Тайн. Его слуги прибежали с известием, что идут палачи, ханские посланцы Беркан и Черкас. Александр вышел к ним навстречу. Его схватили, сорвали с него одежды и повели нагого со связанными руками к ханскому вельможе Тавлугбегу, сидевшему на коне. «Убейте!» – крикнул Тавлугбег. Татары повалили на землю Александра и его сына Федора, убили их, а потом отрубили им головы. Бояре и слуги Александра в страхе разбежались, но потом с дозволения татар взяли тела убитых своих князей и повезли в Тверь, где оба князя положены были рядом с другими двумя, также убитыми в Орде.

Иван Данилович радовался. Смерть Александра не только избавляла его от непримиримого врага, но была новым свидетельством чрезвычайного доверия к нему хана Узбека. Иван

Данилович мог быть спокоен не только за себя, но и за своих сыновей. Он оставил их в Орде. После смерти Александра они вернулись из Орды с большой честью. Великая радость и великое веселье были тогда в Москве. Иван Данилович, унижая ненавистную Тверь, приказал снять с тверской церкви Спаса колокол и привезти в Москву.

Когда Александр Михайлович вошел было в милость у хана, Иван Данилович, испугавшись этого, постарался поладить с новгородцами и отправил к ним сына Андрея. Все притязания его на Заволочье были тогда оставлены; но когда Александра убили, Иван, уверившись, что он более, чем когда-нибудь, крепок ханским благоволением, опять заговорил иным языком с новгородцами. Новгородцы привезли ему свою часть ордынского выхода. «Этого мало, – сказал им Иван, – царь с меня еще больше запросил, так вы мне дайте запрос царев!» – «Так и сначала никогда не бывало, – отвечали новгородцы. – Ты, господин, целовал крест Новгороду поступать по старым пошлинам новгородским, по грамотам прадеда своего Ярослава Владимировича». Иван не слушал, приказал своим наместникам уехать с Городища и готовился идти на Новгород. Призванного новгородцами князя Наримонта (Глеба) уже не было там; ему не по вкусу был новгородский хлеб; он ушел в свою Литву и утвердился князем в Пинске. Новгородцам пришлось искать другого князя. Но опасность войны с Москвой на этот раз миновала Новгород.

Получил Иван ханское приказание идти с войском в другую сторону, против смоленского князя Ивана Александровича (племени Ростислава Мстиславича от его сына Давида), не желавшего повиноваться хану. С этой целью прибыл в Москву ханский посол Тавлугбег. По его требованию Иван Данилович послал на Смоленск разных подручных князей и московскую рать под начальством своих воевод, но сам не пошел на войну. Этот поход окончился ничем; хорошо укрепленный Смоленск не был взят; осаждавшее его полчище отступило через несколько дней осады. Иван опять стал помышлять о Новгороде, но тут постигла его смертельная болезнь. 31 марта 1341 года он умер, приняв перед смертью схиму, и на другой день был погребен в построенной им церкви Архангела Михаила, оставив своим преемникам из рода в род завет продолжать прочно поставленное им дело возвышения Москвы и распространения ее власти над всеми русскими землями.

Великий князь Дмитрий Донской

Первенство Москвы, которому начало положили братья Даниловичи, опиралось главным образом на покровительство могущественного хана. Иван Калита был силен среди князей русских и заставлял их слушаться себя благодаря тому, что все знали об особой милости к нему хана и потому боялись его. Он умел воспользоваться как нельзя лучше таким положением. При двух его преемниках условия были все те же. Хан Узбек и затем его сын Джанибек давали старейшинство московским князьям одному за другим. С 1341 по 1353 год был великим князем старший сын Калиты Симеон, а с 1353 по 1359 год – другой сын, Иван. Оба князя ничем важным не ознаменовали себя в истории. Последний как по уму, так и по характеру был личностью совершенно ничтожной. Но значение Москвы для прочих князей держалось в продолжение этих двух княжений временной милостью хана к московским князьям. После смерти Ивана Москва подверглась большой опасности потерять это значение. Преемником Ивана был девятилетний Дмитрий; тут-то оказалось, что стремление к возвышению Москвы не являлось делом одних князей, что понятия и поступки московских князей стали выражением той среды, в которой они жили и действовали. За малолетнего Дмитрия стояли московские бояре; в основном это были люди, по своему происхождению не принадлежавшие Москве; отчасти они сами, а отчасти их отцы и деды пришли с разных сторон и нашли себе в Москве общее отечество; вот они и ополчились дружно за первенство Москвы над Русью. То обстоятельство, что они приходили в Москву с разных сторон и не имели между собой иной политической связи, кроме той, что всех их приютила Москва, способствовало их взаимному содействию в интересах общего для них нового отечества. В это же время в Орде произошел перелом, с которого началось ее быстрое окончательное падение. Джанибека убил его сын Бердибек, а Бердибека – полководец Наврус, объявивший себя ханом. Суздальский князь Дмитрий Константинович отправился в Орду и получил там великое княжение. За него стояли новгородцы, чувствовавшие тягость московского первенства, так как по следам Калиты его сын Симеон теснил и обирал Новгород, придумав новый вид поборов с черных людей Новоторжской волости под названием «черного бора» (то есть побора). Суздальский князь, приехав с ханским ярлыком, сел на великокняжеском столе во Владимире, и этому городу опять, по видимому, предстояло возратить себе отнятое Москвой первенство. Но покровитель суздальского князя Наврус был в свою очередь убит другим полководцем, Хидырем, и последний объявил себя ханом. Московские бояре повезли к нему десятилетнего Дмитрия Ивановича. Было естественно новому повелителю изменить распоряжения прежнего: он дал ярлык на княжение Дмитрию. Таким образом, на этот раз уже не московский князь, неспособный по малолетству управлять, а сама Москва как одна из земских единиц приобретала первенствующее значение среди других земель и городов на Руси; прежде ее возвышало то, что московский князь был по воле хана старейшим, а теперь наоборот – малолетний князь делался старейшим именно потому, что являлся московским князем. Но Хидырь был вскоре умерщвлен своим сыном, которого также немедленно убили. Орда разделилась. Сильный темник Мамай поставил ханом какого-то Абдула, а сарайские вельможи – брата Хидыря Мюрида. Москвичам показалось сначала, что партия Мюрида сильнее, и они выхлопотали у него ярлык для Дмитрия, но в следующем году (1362) они увидели, что партия Мамаю берет верх, и тотчас обратились к нему и получили для Дмитрия ярлык на великое княжение от имени Абдула. Таким образом, несовершеннолетний московский князь был утвержден сразу двумя соперниками, готовыми растерзать друг друга. Мюрид, узнав, что московский князь получил ярлык от его врага, послал ярлык суздальскому князю. Началась было междоусобная война между двумя соискателями. Однако у Дмитрия Суздальского в то же время произошла ссора с братом Борисом за Нижний Новгород, и Дмитрий Константинович, желая после смерти своего брата Андрея овладеть

Нижним Новгородом, помирился с Москвой и с ее помощью утвердил за собой Нижний Новгород. В 1365 году пятнадцатилетний Дмитрий сочетался браком с его дочерью Евдокией.

Великий князь Дмитрий Иванович Донской. Титулярник 1672 г.

Митрополит Петр

Уже во время несовершеннолетия Дмитрия бояре от его имени распоряжались судьбой удельных князей. В 1363 году они стеснили ростовского князя и выгнали галицкого и стародубского князей из их волостей. Гонимые и теснимые Москвой, князья обращались к суздальскому князю, но после примирения с Москвой сам суздальский князь признал над собой первенство московского.

Среди руководителей делами в то время важное место, бесспорно, занимал митрополит Алексей, уважаемый не только Москвой, но и в Орде, так как еще прежде он исцелил жену Джанибека Тайдулу, и на него смотрели как на человека, обладающего высшей чудотворной силой. Под его благословением составлен был в 1364 году договор между Дмитрием Московским и его двоюродным братом Владимиром Андреевичем, получившим в удел Серпухов. Этот договор может до известной степени служить образцом тогдашних отношений зависимых князей к старейшему: Владимир Андреевич имел право распоряжаться своей властью как вотчинник, но обязан был повинаться Дмитрию, давать ему дань, следуемую хану,

считать врагами врагов великого князя, участвовать со своими боярами и слугами во всех походах, предпринимаемых Дмитрием, получая от него во время походов жалованье. Бояре из уделов обоих князей могли переходить свободно; но это позволение не простиралось на остальных жителей; князья не имели права покупать имений в чужом уделе, и в случае тяжб между жителями того и другого удела производился совместный суд, как бы между особыми государствами, а если судьи обеих сторон не могли между собой согласиться, то назначался суд третейский. Таким образом, в то время, когда Москва возвышалась над прочими русскими землями и распоряжалась их судьбой, в самой Московской земле возникало удельное дробление, естественно замедлявшее развитие единовластия, но в то же время и принимались меры, чтобы при таком дроблении сохранялась верховная власть лица, княжившего в самой Москве.

Митрополит Алексий

Личность великого князя Дмитрия Донского представляется по источникам неясной. Мы видим, что во время его отрочества, когда он никак не мог действовать самостоятельно, бояре вели дела точно в таком же духе, в каком бы их вел и совершеннолетний князь. Летописи, уже описывая его кончину, говорят, что он во всем советовался с боярами и слушался их, что бояре были у него как князья; также завещал он поступать и своим детям. От этого невозможно отделить: что из его действий принадлежит собственно ему и что – его боярам; по некоторым чертам можно даже допустить, что он был человек малоспособный и потому руководимый другими и этим отчасти объяснить те противоречия в его жизни, которые бросаются в глаза, то смешение отваги с нерешительностью, храбрости с трусостью, ума с бестактностью, прямодушия с коварством, что выражается во всей его истории.

Из князей других русских земель всех опаснее для Москвы казался Михаил, сын Александра Михайловича Тверского. Он естественно питал родовую ненависть к московским князьям и был при этом человеком предприимчивым, упрямого и крутого нрава. Будучи сначала князем в Микулине, он овладел Тверью, назывался великим князем тверским и в качестве старейшего хотел подчинить своей власти ближайших родственников, князей Тверской земли. Между ним и его дядей Василием Кашинским возник спор за владение умершего князя Семена Константиновича, который завещал его Михаилу Александровичу. Так как дело по завещанию касалось церкви, то его разбирал тверской епископ Василий и решил в пользу Михаила Александровича. Первопрестольник русской церкви митрополит Алексей, сильно радевший о величии Москвы и ее выгодах, был очень недоволен таким решением и призвал Василия в Москву. Современники говорят, что тверской епископ потерпел там большие «протори». Между тем Василию Кашинскому послали из Москвы рать на помощь против Михаила Александровича, и Василий отправился силой выгонять своего племянника из Твери, однако у Михаила Александровича также был могучий покровитель, его зять, литовский великий князь Ольгерд, женатый на его сестре Иулиании. Кашинцы и москвичи не взяли Твери, а только успели наделать разорения Тверской волости, как явился Михаил с литовской помощью. Дядя и стоявший за дядю племянник князь Иеремий уступили во всем Михаилу и целовали крест повиноваться ему, но Иеремий немедленно после того бежал в Москву и умолял московского князя распорядиться тверскими уделами.

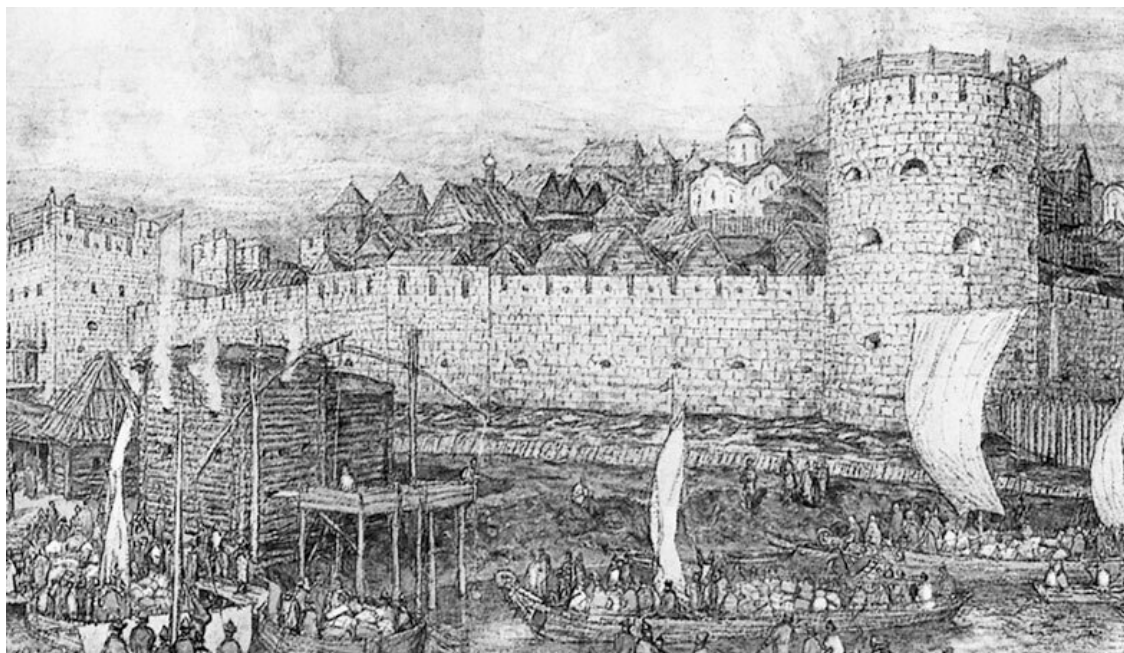
Москвичи придумали иным способом расправиться с Михаилом. Митрополит Алексей и великий князь приглашали «любовно» Михаила приехать в Москву на третейский суд. Митрополит уверил его своим пастырским словом в безопасности. Михаил приехал: его взяли под стражу и разлучили с боярами, которых также заточили. Но Москва не воспользовалась этим поступком, а напротив, только повредила себе. Вскоре после того прибыли из Орды татарские послы; неизвестно, требовали ли они освобождения Михаила или же москвичи боялись, что татарам будет неприятен этот поступок, только Михаил был выпущен и, как говорят, его принудили целовать крест на том, чтобы повиноваться московскому князю. Москва тем временем овладела Городком (на реке Старице). Московский князь послал туда князя Иеремию, а вместе с этим князем и своего наместника.

С этих пор Михаил решил во что бы то ни стало отомстить Москве и нанести ей жестокий удар. Он в особенности обвинял митрополита Алексея: «Я всего больше любил митрополита и доверял ему, – говорил Михаил, – а он так посрамил меня и поругался надо мною».

Михаил отправился в Литву к Ольгерду и побудил его идти на Москву. Разгневав Михаила, москвичи не сообразили, что он может нанести на Москву опасного врага, и не приняли никаких мер обороны. В Москве узнали о нашествии Ольгерда только тогда, когда литовский князь уже приближался с войском к границе вместе со своим братом Кейстутом, племянником Витовтом, разными литовскими князьями, смоленской ратью и Михаилом Тверским. В обычае этого воинственного князя было не сообщать заранее никому, куда собирается идти на войну, совершать походы скорые и нападать внезапно. Князья, подручные Дмитрию, не успели

по его призыву прибыть на защиту Москвы. Оставалось обороняться силами одной Московской земли: Дмитрий выслал против врага воеводу Дмитрия Минина, а Владимир Андреевич – Акинфа Шубу. Литовцы на своем пути жгли, грабили селения, истребляли людей; высланная московская рать была ими разбита в прах, 21 декабря 1368 года на реке Тростне воеводы пали в битве. «Где есть великий князь со своею силою?» – спрашивал Ольгерд пленных. Все в один голос давали такой ответ: «Князь в городе своем Москве, а рати не успели собраться к нему». Ольгерд поспешил прямо к Москве. Великий князь Дмитрий, князь Владимир Андреевич, митрополит, бояре со множеством народа заперлись в Кремле, который был незадолго перед тем укреплен каменной стеной. Москвичи сами сожгли посад около Кремля. Ольгерд три дня и три ночи простоял под стенами Кремля. Взять его приступом было трудно, а морить осажденных голодом Ольгерд не решался, так как зимой стоять долгое время в открытом поле было бы слишком тяжело для осаждающих; притом же на выручку Москве могли подоспеть рати подручных князей. Ольгерд приказал сжечь вокруг Москвы все, что еще не сожгли сами русские. Тогда кроме посада, обнесенного дубовой стеной, за его пределами было поселение, носившее название Загородье, а за Москвой-рекой – другое, называемое Заречье. Литовцы сожгли все, не щадя ни церквей, ни монастырей; возвращаясь назад, они разоряли Московскую волость, жгли строения, грабили имущества, забирали скот, убивали или гнали в плен тех людей, которые не успевали спастись от них в леса. По известию современника, Москва потерпела от Ольгерда такое бедствие, какого не испытывала со времени нашествия Батыя. Таковы были последствия неловкой московской политики: хотя москвичи и действовали в духе, указанном Калитой, но до крайности неудачными способами; думая сломить силу опасного тверского князя, они сделали его еще опаснее для себя и легкомысленно навлекли на свою землю беду от нового врага, который, до того времени постоянно занятый другими войнами и делами собственной страны, не делал никаких покушений на Московскую землю.

Этим дело не окончилось. Москва за разорение, нанесенное ей литовцами, хотела вознаградить себя разорением Тверской и Смоленской земель. Сначала москвичи и с ними волочане (то есть жители Волока-Ламского) разграбили Смоленскую волость в отмщение за то, что смольняне ходили с литовцами на Москву; а потом московский великий князь послал объявить войну тверскому. Михаил Александрович тотчас убежал в Литву. Московская рать два раза вступала в Тверскую землю, разоряла села и волости, взяла под начальством самого Дмитрия Зубцов и Микулин. Москвичи пригнали тогда из Тверской земли множество пленных и скота в свою разоренную литовцами землю. Пленные из Тверской земли заменяли в Московской земле тех людей, которых угнали литовцы. Тверичи были «смирены до зела», по выражению летописца.

А.М. Васнецов. Московский Кремль при Дмитрие Донском

Ольгерд на этот раз не мог оказать скорой помощи шурина, потому что был занят войной с Орденом. Михаил Тверской, услышав о бедствии своей земли, сильно опечалился и принял решение, вероятно, с согласия Ольгерда, иным способом отомстить своему врагу. Он отправился в Орду и без труда выхлопотал себе там великокняжеское достоинство от Мамант-Салтана, хана, посаженного Мамаем, но об этом узнали в Москве и поставили заставы, чтобы изловить Михаила на обратном пути. К счастью, у Михаила были доброжелатели в Москве; они дали ему знать, и он опять пробрался в Литву. По усиленной просьбе своей жены Ольгерд решился наконец помогать ее брату. Он двинулся на Московскую землю с братом Кейстутом, литовскими князьями, Святославом Смоленским и Михаилом Тверским. Простояв несколько дней у Волока и не взяв его, литовцы пришли к Москве 6 декабря 1370 года. Дмитрий заперся в Кремле, а Владимир Андреевич, собрав свою рать, стоял в Перемышле. С ним были заодно рязанская и пронская рати. Литовцы сожгли часть только что возобновленного посада и окрестные села, но, простояв 8 дней под Кремлем, Ольгерд заключил с московским князем перемирие до Петрова дня; он хотел даже вечного мира и предлагал родственный союз, обещая выдать свою дочь Елену за князя Владимира Андреевича. Но дело на этот раз пока ограничилось одним перемирием. В том году была необыкновенно теплая зима, преждевременно наступила оттепель и распустились реки; пути испортились; отступать было трудно; а между тем на Ольгерда русские готовились ударить с тыла. Кроме того, Ольгерда торопили домой дела с немецким Орденом. Все эти обстоятельства побудили его оставить Михаила.

Лишенный помощи зятя, тверской князь опять отправился в Орду. На этот раз ему предлагали там татарское войско, но он не решился подвергать русские земли разорению, сообразив, что в таком случае вызовет к себе всеобщую ненависть русских. Михаил думал, что достаточно будет одного ханского посла с ярлыком, повелевающим русским признавать Михаила великим князем, но Орда до того ослабела от внутренних междоусобий, что ее уже не боялись, как прежде, и Дмитрий Московский приводил к присяге владимирцев и жителей других городов сохранять ему верность, не обращая внимания на татарские ярлыки, повелевающие повиноваться тверскому князю; сам Дмитрий остановился с войском в Переяславле вместе с Владимиром Андреевичем. Михаил с ханским послом Сарыходжой прибыл к городу Владимиру; владимирцы не пустили их. Сарыходжа звал Дмитрия во Владимир слушать ярлык;

Дмитрий отвечал ему так: «К ярлыку не еду, на великое княжение не пушу, а тебе, послу цареву, путь чист». Вместе с тем он послал дары Сарыходже. Сарыходжа оставил Михаила и поехал в Москву. Его приняли там с таким почетом и так щедро одарили, что он окончательно перешел на сторону Дмитрия, уговорил его ехать к Мамаю и обещал ходатайствовать за него.

Битва русских с ордынцами на реке Божье в 1378 г. Миниатюра XVI в.

Н. Некрасов. Куликовская битва

Михаил с досады разорил Мологу, Углич, Бежецкий Верх и вернулся в Тверь, а в Орду выслал своего сына Ивана. Тогда по общему совету с митрополитом и боярами Дмитрий сам отправился вместе с Андреем Ростовским и московскими боярами и слугами искать милости Мамаю. Митрополит Алексей проводил его до Оки и благословил на путь. Несмотря на то что Дмитрий уже раздражал Мамаю, еще нетрудно было приобрести его благосклонность, потому что Мамай был милостив к тому, кто давал ему больше. Дмитрий привез ему обильные дары; притом же Сарыходжа настраивал его в пользу Дмитрия. Москва, несмотря на разорение, нанесенное Ольгердом, была все еще очень богата в сравнении с прочими русскими землями; сборы ханских выходов обогащали ее казну. Дмитрий не только имел возможность подкупить Мамаю, но даже выкупил за 10 000 рублей серебра²⁰ Ивана, сына Михаила, удержанного в Орде за долг, и взял его себе в заложники в Москву: там этот князь находился в неволе на митрополичьем дворе до выкупа. Дмитрий получил от хана ярлык на княжение, и даже Мамай сделал ему такую уступку, что положил брать дань в меньшем размере, чем платилось при Узбеке и Джанибеке; а Михаилу Мамай послал сказать так: «Мы дали тебе великое княжение; мы давали рать и силу, чтобы посадить тебя на великом княжении; а ты рати и силы нашей не взял, говорил, что своею силою сядешь на великом княжении; сиди теперь с кем любо, а от нас помощи не ищи!»

²⁰ Тогдашний рубль приблизительно равнялся гривне, то есть полфунту серебра.

Михаил снова обратился в Литву. На Ольгерда была, по-видимому, надежда плоха: во время поездки Дмитрия в Орду прибыли в Москву послы Ольгерда и обручили с Владимиром Андреевичем дочь Ольгерда Елену, а следующей зимой совершилась их свадьба. Зато Михаил уговорил Кейстута, его сына Витовта, Андрея Ольгердовича Полоцкого и других литовских князей идти с ним на Московскую землю. Дмитрий в то время расправлялся с Олегом Рязанским, вероятно, благоприяствовавшим Михаилу. Этот князь не менее тверского питал родовую неприязнь к московскому княжескому роду, преемственно переходившую от прадеда, некогда задушенного в Москве Юрием Даниловичем. Рязанцы ненавидели москвичей за их надменность и высокомерное обхождение с русскими из других земель. Москвичи называли их «полуумными людищами»; рязанцы обзывали москвичей «трусами» и говорили, что «против них надо брать на войну не оружие, а веревки, чтоб вязать их». Олег потерпел поражение при Скорнищеве; Дмитрий овладел Рязанью и отдал ее князю Владимиру Пронскому в надежде, что новый князь будет ему повиноваться, но от этого не произошло никакой пользы для Москвы: Дмитрий должен был обратиться на Михаила, который приближался с литовской ратью, а Олег, воспользовавшись этим обстоятельством, выгнал пронского князя и стал по-прежнему княжить в Рязани.

Куликовская битва. Поединок Пересвета с Челубеем

Весной 1372 года Михаил с литовцами захватил по дороге у новгородцев Торжок, посадил там своего наместника, а потом ворвался в Московскую землю, покушался взять Переяславль, но был отбит, захватив, однако, Дмитров. Литовцы сожгли много селений, наловили пленников... Тем дело окончилось.

Михаил возвратился в Тверскую землю и принудил кашинского князя действовать с ним заодно, потом двинулся на Торжок, узнав, что новгородцы выгнали оттуда его наместников, которых он там только что посадил. Его союзники литовцы не слишком дружелюбно обраща-

лись с Тверской землей, когда проходили через нее: Михаил должен был все терпеть и спешил только поскорее вывести их из своих владений в Новоторжскую волость.

У новгородцев были с Михаилом давние недоразумения. Тверские бояре покупали земли в Новгородской земле, а тверской князь, считая себя господином над этими боярами, показывал притязания на их владения, несмотря на то что они находились в черте Новгородской волости. Новгород долго и напрасно добивался прекращения этих злоупотреблений. Кроме того, когда Михаил собирался искать великого княжения в Орде, новгородцы, недовольные Москвой, обещали признать его великим князем, если его утвердит хан, но теперь не хотели знать его, когда услышали, что великим князем остается Дмитрий. Поэтому Михаил захватил Торжок. Когда до него дошла весть, что новгородцы не только выгнали его наместников, но и ограбили тверских купцов, Михаил сильно озлобился на Новгород и, оставив войну с Москвой, устремил все свои силы против новгородцев. 31 мая 1372 года он подошел к Торжку, требовал выдать тех, которые ограбили тверских купцов, и принять вновь его наместников. Начальствовал в Торжке новгородский воевода Александр Абакумович, удалой предводитель ушкуйников²¹; он отказал Михаилу наотрез, вышел на битву против него и пал в ней со многими товарищами. Новгородцы покинули Торжок и бежали в Новгород, а тверичи и литовцы в это время успели зажечь посад. Случилась буря, множество новоторжцев погибло в пламени, другие бросались в воду, а тех, которые попадались в плен неприятелю, убивали и мучили с особенным поруганием. «Тверичи, – говорит летописец, – обнажали честных женщин и девиц и заставляли их от стыда бросаться в воду». Тогда ограбили и сожгли все церкви, и весь Торжок был стерт с лица земли. Варварски мстил Михаил новгородцам, но зато нажил себе в них опасных мстителей на будущее время.

Михаил возвратился с добычей в Тверь, должен был дожидаться прихода Дмитрия и опять умолял Ольгерда о помощи. Сестра его еще раз уговорила мужа заступиться за брата, несмотря на родство его с московским князем, тем более, что выданная за Владимира Андреевича Елена была дочерью Ольгерда от первого брака. Ольгерд пошел с войском на Москву летом 1373 года. Этим походом он временно приостановил поход Дмитрия на Тверь. Михаил присоединился к Ольгерду. Москвичи на этот раз не сплеховали, как прежде, и не допустили врагов к Москве. Они встретили Ольгерда у Любутска (близ Калуги). Обе рати долго простояли по обеим сторонам крутого оврага, но битвы между ними не произошло. Великие князья московский и литовский заключили перемирие. Дмитрий обязался не беспокоить Михаила в Твери, а Михаил не должен был искать великого княжения, обязался возвратить все похищенное в земле Дмитрия и вывести оттуда своих наместников, а если тверской князь не выполнит своих обещаний и если на него окажется какая-нибудь жалоба в Орде, то Ольгерд не будет за него заступаться.

---

²¹ Ушкуйники были удалые новгородские молодцы, ездившие разбойничать по Каме и Волге.

О.А. Кипренский. Дмитрий Донской на Куликовом поле

Михаил, лишившись в очередной раз помощи Ольгерда, по-видимому, уже не мог вскоре надеяться на нее, однако все-таки он не оставил своей борьбы с Москвой. Получилось, что люди, пришедшие из Москвы, сами подстрекали его. В Москве умер последний тысяцкий Василий Вельяминов. Великий князь решился упразднить этот важный древний сан вечевого Руси. Тысяцкий выбирался землей, минуя князя, предводительствовал земской ратью, был представителем земской силы, опорой вечевого строя. Эта старинная должность с ее правами стояла вразрез с самовластными стремлениями князей; она также была не по сердцу и боярам, которые окружали князя, хотели быть его единственными советниками и разделять с ним управление землей, не обращаясь к воле народной громады. У последнего тысяцкого остался старший сын Иван, недовольный новыми распоряжениями. С ним заодно был богатый купец Некомат, торговавший так называемым суровским товаром (то есть дорогим, красным). Они оба убежали в Тверь к Михаилу и побуждали его опять добиваться великого княжения. Михаил препоручил им же выхлопотать для него новый ярлык в Орде, а сам уехал в Литву, пытаясь все-таки найти там себе помощь. Из Литвы Михаил вскоре вернулся с одними обещаниями, но 14 июля 1375 года Некомат привез ему ярлык на великокняжеское достоинство, и Михаил, недолго думая, послал объявить войну Дмитрию. Он надеялся сокрушить московского князя силами Орды и Литвы и обманулся жестоко.

За Дмитрия кроме сил Московской и Владимирской волостей ополчились подручные Москве князя, обязанные помогать ей в войне. Его тесть, князь суздальский, с братьями и детьми вел рати суздальские, нижегородские и городецкие, шли князя ростовские, ярославские; кроме того к Москве пристали тогда князя смоленский и южные, из древней земли вятичей, – новосильский, оболенский, тарусский. Последние не хотели подчиняться власти литовской и потому добровольно признали над собой первенство Москвы и вступили в число ее подручников. Были еще в этом ополчении и князя только «по имени», называвшиеся по бывшим своим уделам, так как их уделы находились в руках других князей, поставленных

Ольгердом, как, например, стародубский и брянский; а иные, как белозерский и моложский, не были уже владельцами своих уделов, непосредственно присоединенных к Москве, и состояли на службе у московского великого князя; такая участь впоследствии постигла без различия и всех удельных князей. Наконец, за Дмитрия был тогда Новгород, с радостью увидевший возможность отомстить Михаилу за разорение Торжка. Новгородцы так горячо бросились помогать Москве, что на призыв Дмитрия в три дня собрали свою рать. Русские князья, как и вообще русские люди в то время, негодовали на тверского князя за то, что он поднимает смуту, призывает на Русь литовцев и, главное, возбуждает Мамаю; уже тогда на Руси созрело сознание, что приходит пора не кланяться татарам, а помериться с ними силами. «Мамай дышит яростью на всех нас, – говорили тогда. – Если мы спустим тверскому князю, то он, соединившись с Мамаем, наделает нам беды».

Чудов монастырь Московского Кремля

В августе 1375 года Дмитрий с союзниками вступил в Тверскую землю, взял Микулин, осадил Тверь. Он простоял там четыре недели, а между тем его воины жгли в Тверской области селения, травили на полях хлеб, убивали людей или гнали их в плен. Михаил, не дождавшись ниоткуда помощи, выслал владыку Евфимия к Дмитрию просить мира. Казалось, пришла самая благоприятная минута покончить навсегда тяжелую и разорительную борьбу с неприимимым врагом, уничтожить тверское княжение, присоединить Тверскую землю непосредственно к Москве и тем самым обеспечить с этой стороны внутреннее спокойствие Руси. Но Дмитрий удовольствовался вынужденным смирением врага, который в крайней беде готов был согласиться на какой угодно унижительный договор, лишь бы оставалась возможность его нарушить в будущем. Михаил обязался за себя и своих наследников находиться в таких отношениях к Москве, в каких был Владимир Андреевич, считать московского князя старейшим, ходить на войну или посылать своих воевод по приказанию московского князя, не искать и не принимать от хана великокняжеского достоинства, отречься от союза с Ольгердом и не помогать ему, если он пойдет на смоленского князя за его участие в войне против Твери. Михаил обязывался не вступаться в дела Кашинской земли, и, таким образом, Тверская земля разделялась с этих пор на две независимые половины, и власть Михаила Александровича простиралась только на одну из них. В удовлетворение Новгороду тверского князя обязали возратить цер-

ковное и частное имущество, награбленное в Торжке, и освободить всех новгородских людей, которых он закабалил себе посредством грамот. Михаил обязался возвратить Новгороду все земли, купленные его боярами, и все товары, когда-либо захваченные у новгородских гостей. Наконец, что важнее всего в этом договоре, постановлено было по отношению к татарам: если решено будет жить с ними в мире и давать им выход, то и Михаил должен давать, а если татары пойдут на Москву или на Тверь, то обеим сторонам быть заодно против них; если же московский князь сам захочет идти против татар, то и тверской должен идти вместе с московским. Таким образом, Москва, возвысившись прежде исключительно татарской силой, теперь уже имела настолько собственной силы, что обязывала князей других земель повиноваться ей и в войне против самих татар. Несчастные беглецы, подстрекавшие Михаила на новую борьбу с Дмитрием, были, по договору, преданы Михаилом на произвол судьбы. Всем другим боярам и слугам обеих земель предоставлялся вольный отъезд, и князья не должны были «вступаться» в их села, а имения Ивана и Некомата предоставлялись без изъятия московскому князю. Через несколько лет после того их самих заманили хитростью и привезли в Москву. Там, на Кучковом поле (где теперь Сретенский монастырь), 30 августа 1379 года над ними была совершена публичная смертная казнь, насколько известно – первая в Москве. Народ с грустью смотрел на смерть Ивана, красивого молодца; вместе с головой Ивана отсекались для народа все заветные предания старинной вечевой свободы. Казнь Ивана, однако, не помешала его братьям служить Дмитрию и воеводствовать у него.

Русские воины XI–XIV вв.

Усмирение тверского князя возмутило Ольгерда, но не против Дмитрия, а против смоленского князя, потому что последний, которого он считал уже своим подручником, участвовал в войне против Михаила. Ольгерд опустошил в отместку Смоленскую землю и взял много людей в плен. Гораздо сильнее разгневался за Тверь Мамай, и притом на всех вообще русских князей: он видел явное пренебрежение к своей власти; его последний ярлык, данный Михаилу, был поставлен русскими ни во что. Тогда один татарский отряд напал на Нижегородскую землю, объявляя ей наказание за то, что ее рать ходила на Тверскую землю; другой отряд за то же самое опустошил землю Новосильскую. Вслед за тем в 1377 году татарский царевич Арапша из Мамаевой Орды опять совершил нападение на Нижегородскую землю. Соединен-

ные суздальская и московская рати по собственной оплошности были разбиты у реки Пьяны, и последствием этого поражения явились взятие и разорение Нижнего Новгорода. Наконец в 1378 году Мамай послал мурзу Бегича на великого князя. Ополчение его шло через Рязанскую землю. Великий князь упредил Бегича, перейдя Оку, вступил в Рязанскую землю и здесь, на берегах реки Вожи, 11 августа разбил татар наголову.

В то время сподвижником Дмитрия являлся сын Ольгерда Андрей. Ольгерда уже не было в живых. Воинственный князь не только принял христианство, но перед смертью постригся в монахи и умер, как говорят, схимником. Андрей Ольгердович не поладил с преемником отца, своим единокровным братом Ягеллом, и бежал в Псков, где был посажен князем, а потом со псковичами служил Москве против татар. После битвы на Воже этот князь вместе с Владимиром Андреевичем и с воеводой (называемым в летописях иногда и князем) Дмитрием Михайловичем Боброком, волынцем, взяли бывшие под властью Литвы города Трубчевск и Стародуб в Северской земле с их волостями. Брат Андрея Дмитрий Ольгердович, княживший в Брянске и Трубчевске, также недовольный Ягеллом, перешел добровольно под руку великого князя, который дал ему Переяславль-Залесский со всеми пошлинами, то есть доходами княжескими. Эти недружеские отношения к Литве вызвали со стороны преемника Ольгерда Ягелла вражду против Москвы и заставили его войти в союз против нее с Мамаем.

Русские воины XIV–XVI вв.

После битвы на Воже Мамай прежде всего подверг каре Рязанскую землю за то, что поражение татар произошло в Рязанской земле. Татарские полчища ворвались туда, разорили много сел, угнали в плен много людей и сожгли Переяславль-Рязанский. Олег не успел собрать своих сил и убежал, а потом, чтобы не подвергать вновь опасности свою волость, поехал к хану, поклонился ему и обещал верно служить Мамаю против Москвы.

Мамай перестал уже возводить на престол призрачных ханов для того, чтобы управлять под их именем: он сам назвался ханом. Дмитрий не повиновался ему; русские оказывали явное пренебрежение к татарскому могуществу: это раздражало Мамаю до крайности. Он замыслил проучить непокорных рабов, напомнить им батыевщину, поставить Русь в такое положение,

чтобы она долго не посмела помышлять об освобождении от власти ханов. Мамай собрал всю силу Волжской Орды, нанял хивинцев, буртасов, ясов, вошел в союз с генуэзцами, основавшими свои поселения на Черном море, и заключил с литовским князем Ягеллом договор заодно напасть на московского великого князя. И Олег Рязанский посылал от себя своего боярина к Ягеллу, совещался о том, чтобы литовский князь прибыл в срок на Дон для соединения с Мамаем; однако в то же время Олег Рязанский отправлял сообщения Дмитрию о замыслах Мамаю и Ягелла. Дмитрию уже прежде стало известно об этих замыслах. Когда Мамай, летом 1380 года заложив свой стан при устье реки Воронеж, назначил там место сбора для своих полчищ и ждал Ягелла, Дмитрий собирал подручных князей на общее дело защиты Руси. Желание разделаться с поработителями настолько уже созрело и овладело чувствами русского народа, что московскому князю не предстояло необходимости ждать ратных и понуждать к скорейшему прибытию. Кроме тверского князя, непримиримого врага Москвы, да Олега, который поневоле должен был держаться Мамаю из расчета спасти свою землю, все русские князья и все русские земли охотно готовились участвовать в предстоящей борьбе русского народа с татарами. С Дмитрием были силы земель Московской, Владимирской, Суздальской, Ростовской, Нижегородской, Белозерской, Муромской; псковичи со своим князем Андреем Ольгердовичем и брянцы с братом Андрея Дмитрием Ольгердовичем. Летопись говорит, что у Дмитрия набралось тогда 150 000 воинов. Если это количество и преувеличено, то все-таки ополчение, готовое выступить против Мамаю, было, вероятно, очень велико, как можно судить по всеобщему сочувствию русских к этому делу.

Успенский Дубенский монастырь в 1765 г.

Митрополита Алексия уже не было в живых. Он скончался в 1378 году. Этот архипастырь, главнейший советник Дмитрия, во все время своего первосвятительства употреблял свою духовную власть для возвышения Москвы и служил ее интересам. Такой образ действий навлек на него врагов. После задержания Михаила Александровича в Москве тверской князь жаловался на коварство Алексия царьградскому патриарху Каллисту и требовал над ним соборного суда. Со своей стороны Ольгерд жаловался тому же патриарху, что Алексий, посвятив себя исключительно Москве, не желает вовсе знать ни Киева, ни всего Литовского княжества. Патриарх требовал Алексия к себе на суд, но вместе с тем советовал ему во избежание такого суда помириться с Михаилом и Ольгердом. «Мы, – писал он Алексию, – рукоположили тебя митрополитом всей Руси, а не одной какой-нибудь ее части». Митрополит не обращал внимания на эти убеждения. После смерти Каллиста такие же жалобы на Алексия обращались и преемнику Каллиста патриарху Филофею. Ольгерд среди прочего обвинял митрополита в том, что он разрешает от крестного целования тех, кто убегает из Литвы в Москву, и наоборот, предает проклятию тех, которые не хотят служить московскому князю, а последнего благослов-

ляет на кровопролитие. Филофей и писал Алексею увещания, и требовал его на суд: все было напрасно. Алексей твердо служил московским видам, не хотел посещать ни Киева, ни литовских владений; наконец по просьбе Ольгерда в 1376 году патриарх посвятил в сан киевского митрополита серба Киприана, который еще прежде, будучи послан от патриарха для проверки жалоб на Алексея, заявил себя недоброжелателем последнего. Новый митрополит намеревался было оторвать Новгород от власти Алексея, но это ему не удалось: новгородцы сказали, что они тогда признают митрополитом Киприана, когда его признает московский великий князь. Киприан жил в Киеве, управлял церковью в областях, подчиненных литовскому великому князю, а после смерти Алексея попытался было приехать в Москву, но Дмитрий прогнал его. Великий князь представил для рукоположения в митрополиты прирожденного москвича, давнего своего любимца архимандрита Михаила, известного под именем Митяя. Московскому князю не хотелось иметь в Москве иных первосвященителей, кроме таких, каких само московское правительство будет представлять патриарху для посвящения. Но тогдашнее московское духовенство не терпело Митяя; сам преподобный Сергей не благоволил к нему; несмотря, однако, на это, Дмитрий все-таки отправил Митяя в Царьград в полной надежде на успех, потому что преемник Филофея патриарх Макарий не терпел Киприана и готов был исполнить желание московского великого князя. Таким образом, в то время, когда приходилось Дмитрию идти на войну, Москва оставалась без митрополита: и это обстоятельство лишало предпринимаемый поход обычного первосвященительского благословения; однако Дмитрий обратился за благословением к преподобному Сергию, хотя и был с ним в размолвке по поводу Митяя. Сергей пользовался всеобщим уважением; его молитвам приписывали большую силу; за ним признавали дар пророчества. Сергей не только ободрил Дмитрия, но и предсказал ему победу. Такое предсказание, ставшее известным, вызвало в войске отвагу и надежду на победу.

Дмитрий выступил из Москвы в Коломну в августе; русские силы отовсюду присоединялись к нему. В это же время пришли к нему послы от Мамаю с требованием «выхода» в том размере, в каком русские платили дань при Узбеке и Джанибеке, но Дмитрий отвечал, что он готов дать только такую дань, какую постановил в свою последнюю поездку в Орду. 20 августа коломенский епископ Герасим благословил Дмитрия идти против «окаянного сыроядца Мамаю, нечестивого Ягелла и отступника Олега», и Дмитрий двинулся из Коломны на устье Лопасни; здесь присоединились к нему Владимир Андреевич и остальные отряды московского ополчения. 26 и 27 августа русские переправились через Оку и пошли по Рязанской земле к Дону. На пути прискакал к Дмитрию гонец от преподобного Сергия с благословенной грамотой: «Иди, господин, – писал Сергей, – иди вперед. Бог и Св. Троица поможет тебе!»

Вид Серпуховского Владычного девичьего монастыря с северо-восточной стороны

6 сентября русские увидели Дон. Мамай уже шел от Воронежа навстречу русской рати. Все русские полки со своими князьями и воеводами выстроились в боевом порядке в своих местных одеждах. Тогда князья, бояре и воеводы стали держать совет. Одни говорили: «Перейдем через Дон»; другие: «Не ходи, князь, враг силен; с татарами литва и рязанцы». Больше всех побуждали русских идти вперед литовские князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи. «Если, – говорили они, – останемся здесь, то слабо будет войско русское, а перейдем через Дон, так все будут биться мужественно, не надеясь спастись бегством: одолеем татар – будет тебе, князь, и всем слава, а если они перебьют нас, то все умрем одною смертью!» Дмитрий согласился с ними. 7 сентября он приказал наскоро мостить мосты через Дон и искать брод, а 8-го, в субботу, на заре русские уже были на другой стороне реки и при солнечном восходе двигались стройно вперед к устью реки Непрядвы.

День был пасмурный; густой туман расстилался по полям, но часу в десятом стало ясно. Около полудня показалось несметное татарское полчище. Сторожевые (передовые) полки русских и татар сцепились между собой, и сам Дмитрий выехал вместе со своей дружиной «на первый суйм» открывать битву. По старинному прадедовскому обычаю следовало, чтобы князь как предводитель собственным примером вызывал у воинов отвагу. Побившись недолго с татарами, Дмитрий вернулся назад устраивать полки к битве. В первом часу началась сеча, какой, по выражению летописца, не бывало на Руси. На десять верст огромное Куликово поле покрылось воинами. Кровь лилась, как дождевые потоки; все смешалось; битва превратилась в рукопашную схватку, труп валился на труп, тело русское на татарское, татарское на русское; там татарин гнался за русским, там – русский за татариним. В московской рати было много не бывавших в бою; на них нашел страх, и они пустились в бегство. Татары со страшным криком ринулись за ними и били их наповал. Дело русских казалось проигранным, но к трем часам пополудни все изменилось.

В дубраве на западной стороне поля стоял избранный русский отряд, отъехавший туда заранее для засады. Им предводительствовали князь Владимир Андреевич и волынец Дмитрий Михайлович Боброк, прибывший из литовских областей служить Москве. Увидев, что русские пустились бежать, а татары погнались за ними, Владимир Андреевич порывался ударить на врагов, но рассудительный Боброк удерживал его до тех пор, пока татарская рать, устремившись в погоню за русскими, окончательно не повернулась к ним тылом. Тогда на счастье рус-

ским ветер, дувший до того времени в лицо сидевшим в засаде, изменил свое направление. «Вот теперь час пришел, господин князь, – сказал Боброк, – подвизайтесь, отцы и братья, дети и друзья». Весь отряд стремительно бросился на татар, которые никак не ожидали нападения сзади²². Убегающие русские ободрились и бросились на татар. Тогда в свою очередь на полчище Мамай нашел панический страх. Поражаемые с двух сторон татары бросали свое оружие, покинули свой стан, обоз и бежали опрометью. Множество их утонуло в реке. Бежал сам тучный Мамай, бежали все его князья. Русские гнали татар верст на тридцать до реки Красивой Мечи.

Победа была совершенная, но за то много князей, бояр и простых воинов пало на поле битвы²³. Сам великий князь хотя не был ранен, когда открывал битву с татарами «на первом суйме», но доспехи на нем были помяты²⁴. Похоронив убитых, великий князь со своим ополчением не преследовал более разбитого врага, а вернулся с торжеством в Москву и хотел немедленно послать войско в Рязанскую землю, чтобы разорить ее за измену Олега; но рязанцы приехали к нему с поклоном, извещали, что князь их бежал, и изъявляли желание быть в послушании у московского князя. Дмитрий отправил к ним своих наместников.

Мамай, убежавший в свои степи, столкнулся там с новым врагом: то был Тохтамыш, хан Заяицкой Орды, потомок Батыея. Он шел отнимать у Мамаея престол Волжской Орды как похищенное достояние потомков Батыея. Союзник Мамаея Ягелло, не успевший вовремя на помощь ему против Дмитрия, услышал о куликовском поражении, поспешно вернулся в Литву и оставил Мамаея на произвол судьбы. Тохтамыш разбил Мамаея на берегах Калки и объявил себя владетелем Волжской Орды. Мамай бежал в Кафу (нынешняя Феодосия на восточном берегу Крыма) и там был убит генуэзцами.

Тохтамыш, воцарившись в Сарае, отправил дружественное посольство к Дмитрию объявить, что общего врага их нет более и что он, Тохтамыш, теперь владыка Кипчакской Орды

²² Известие о засаде взято из «Повести о Мамаевом побоище», которая существует во множестве отдельных списков и также вошла целиком в Никоновский свод летописи. Повесть эта заключает в себе множество явных выдумок, анахронизмов, равным образом и преданий, образовавшихся в народном воображении о Куликовской битве уже позднее. Эта повесть вообще в своем составе никак не может считаться достоверным источником, но известие о засаде мы считаем себя вправе признавать достоверным не только по своему правдоподобию, но по совпадению с рассказом в старейших списках летописи. В последних так же, как и в повести, говорится, что русские обратились в бегство и татары гнались за ними, а потом в девятом часу дня (то есть в третьем или в три часа по нашему времяисчислению) дело изменилось внезапно, и, неизвестно по какой причине, татары в свою очередь обратились в бегство. Летописец приписывает такую перемену заступничеству ангелов с архистратигом Михаилом и Святым воинам – Георгию, Димитрию, Борису и Глебу. Рассматривая события с земной точки зрения, мы невольно должны прийти к такому заключению, что подобная перемена обстоятельств могла всего скорее произойти от движения русских в тыл неприятеля, и таким образом известие о засаде дополняет для нас то, о чем мы и без того должны были догадываться, тем более что в описании самой битвы в старейших списках ничего не говорится о действиях Владимира Андреевича, тогда как и по предыдущим событиям мы знаем, что он был храбрейшим из тогдашних князей.

²³ Князь Феодор Романович Белозерский и сын его Иван, князь Феодор Тарусский, брат его Мстислав, князь Димитрий Монастырев, Семен Михайлович Микула, сын Василья тысяцкого, Михайло, Иван, сыны Акинфовичи, Иван Александрович, Андрей Серкизов, Тимофей Васильевич (другой сын тысяцкого), Акатьевичи, называемые Волюи, Михайло Бренок, Лев Морозов, Семен Мелисов, Дмитрий Минич, Александр Пересвет, бывший прежде боярин брянский, и многие другие.

²⁴ В «Повести о Мамаевом побоище» рассказывается, будто Дмитрий еще перед битвой надел свою княжескую «подволоку» (мантию) на своего любимца Михаила Бренка, сам же в одежде простого воина замешался в толпе, а впоследствии, когда Бренок в великокняжеской одежде был убит и битва закончилась, Дмитрия нашли лежавшим в дубраве под срубленным деревом, покрытым его ветвями, едва дышавшим, но без ран. Такое переодевание могло быть только из трусости, с целью подставить на место себя другого во избежание опасности, грозившей великому князю, которого черное знамя и особая одежда издали отличали от других; естественно, врагам было всего желательнее убить его, чтобы лишить войско главного предводителя. Если принимать это сказание, то надо будет допустить, что Дмитрий оделся, как простой воин, под предлогом биться с татарами вместе с другими, а на самом деле для того, чтобы скрыться от битвы в лесу. Судя по поведению Дмитрия во время случившегося позднее нашествия татар на Москву, можно было бы допустить правдивость такого рассказа; но следует обратить внимание на то, что в той повести говорится, будто русские гнали татар до реки Мечи и начали искать великого князя, уже возвратившись из погони. Искали его долго, наконец нашли лежавшим под ветвями срубленного дерева. От места побоища до реки Мечи верст тридцать с лишком; неужели пока русские гнали татар до Мечи и возвращались оттуда (вероятно, возвращались они медленно вследствие усталости и обремененные добычей), Дмитрий, не будучи раненым, все это время пролежал под «срубленным деревом»? Очевидная нелепость!

и всех подвластных ей стран. Дмитрий отпустил этих послов с большой честью и дарами, но не изъявлял знаков рабской покорности. На другой год Тохтамыш отправил ко всем русским князьям царевича Акхозя с требованием покорности и дани; Акхозя, доехав до Нижнего, не посмел ехать в Москву. Это показывает, что в Москве считали дело с Ордой поконченным и не боялись ее: там после сокрушения Мамаю не предпринималось никаких мер ни к дальнейшему истреблению татар, ни даже к собственной обороне.

В следующем году (1382) Тохтамыш двинулся наказывать Русь за попытку освободиться от татар. Он начал с того, что послал слуг своих в Булгар, приказал ограбить там русских купцов и задержать, чтобы они не отправили вести в Москву, а суда их доставить к себе на перевоз. Переправившись через Волгу, Тохтамыш намеревался совершить такой быстрый набег, чтобы захватить Москву врасплох; по-видимому, он принял в соображение оплошность русских, слишком возгордившихся своими победами. Путь татар шел к Рязанской земле; князь суздальский, чтобы избавить свою Нижегородскую землю от разорения, отправил к Тохтамышу своих сыновей Василия и Семена изъявить покорность; но Тохтамыш не позволял татарам тратить время на обычные разорения по пути и так спешил, что нижегородские князья с трудом успели догнать его. На границах Рязанской земли встретил Тохтамыша рязанский князь Олег, бил ему челом и изъявлял готовность вести татарское войско, указывать ему пути и переправы; он уверял, что есть полная возможность взять Москву и захватить в ней Дмитрия. Ставший проводником у татар, Олег намеренно повел их так, чтобы миновать Рязанскую землю, и навел на Серпухов, который был истреблен.

Князь Дмитрий Иванович Донской. Гравюра 1850 г.

Весть о походе Тохтамыша, однако, хотя поздно, но все-таки дошла к Дмитрию прежде, чем татары приблизились к Москве. Дмитрий с воеводами и ратью выехал из столицы, соединился с некоторыми князьями и совещался, как им отражать врага. Внезапность нашествия произвела такое впечатление, что князья, воеводы и бояре совсем потеряли голову. Между ними началась рознь, взаимное недоверие; великий князь побоялся идти навстречу хану, повернул назад и, покинув Москву на произвол судьбы, бежал в Переяславль, оттуда в Ростов, а затем в Кострому.

Отправленный Дмитрием в Царьград для посвящения в митрополиты Митяй утонул на пути, а один из его спутников, Пимен, составив подложную грамоту от имени великого князя, был посвящен царьградским патриархом, но по прибытии в Москву подвергся гневу Дмитрия и был сослан в Чухлому. Тогда великий князь пригласил в Москву Киприана и признал его первосвященником: это было в 1381 году. Теперь, во время нашествия татар, этот митрополит оставался в Москве. Киприан был чужеземцем, не мог иметь на народ такого влияния, какое оказал бы митрополит, русский по происхождению, да и сам Киприан был чужд национальных русских интересов и думал прежде всего о себе. Когда в Москву дошла весть о том, что вели-

кий князь убежал, народ пришел в ужас и смятение. Грозный враг не сегодня-завтра должен появиться, а в столице не было ни князя, ни воевод. Одни кричали, что надо затвориться в Кремле, другие хотели бежать. Зазвонили во все колокола на вече. Поднялся вопль. Народ кричал: затворять ворота и не пускать никого из города. Митрополит и бояре бросились первыми из города: их выпустили, но ограбили; а когда за ними стали убегать другие, то ворота закрыли; одни встали у ворот с рогатинами и обнаженными саблями, угрожали бить бегущих, а другие метали в них камни со стен. Наконец это смятение несколько утихомирил приехавший в Москву князь Остей, внук Ольгерда. Он убедил москвичей выпустить часть народа и затворился в Кремле с теми, кто решил остаться; бояре, купцы, суконники и сурожане сносили в Кремль свои товары; кроме москвичей в город набежал народ из окрестностей: все надеялись на крепость каменных стен и спешили в Кремль со своими пожитками; женщины с детьми толпами бежали туда же. По позднейшим спискам летописи, сами москвичи сожгли тогда посад около Кремля.

Князь Василий I. Гравюра 1850 г.

23 августа, в понедельник, подъехали передовые татарские конники к кремлевским стенам. Москвичи смотрели на них со стен. «Здесь ли великий князь Дмитрий?» – спрашивали татары. Им отвечали: «Нет». Татары объехали вокруг Кремля, осматривали рвы, стены, бой-

ницы, заборолы, ворота. В городе благочестивые люди молились Богу, наложили на себя пост, каялись в грехах, причащались Св. Тайн, а удалые молодцы вытаскивали из боярских погребов меда, доставали из боярских кладовых дорогие сосуды и напивались из них для бодрости. «Что нам татары, – говорили они во хмелю, – не боимся поганых; у нас город крепок, стены каменные, ворота железные. Недолго простоят под городом! Страх на них найдет с двух сторон: из города мы их будем бить, а сзади князья наши на них устрелятся».

Пьяные влезали на стены, кричали на татар, ругались, плевали и всячески оскорбляли их и их царя; а раздраженные татары махали на них саблями, показывая, как будут рубить русских. Москвичи расхрабрились так, думая, что татар всего столько и пришло, сколько они их видели под стенами. Но к вечеру появилась вся ордынская громада с их царем, и тут многие храбрецы пришли в ужас. Началась перестрелка; стрелы в изобилии летали с обеих сторон, словно дождь. Татарские стрелки были искуснее русских; наездники на своих легких конях скакали взад и вперед, то приближаясь к стенам, то удаляясь от них, на всем скаку пускали стрелы в стоявших на стенах москвичей и не делали промаха; много русских на заборолах падало от стрел татарских. Другие татары тащили лестницы, приставляли к стенам и лезли на них; москвичи обдавали их кипятком, бросали на татар камни, бревна, поражали самострелами. Один из москвичей, суконник, по имени Адам, заметив татарина, знатного по виду, ударил его из самострела стрелой прямо в сердце. Этот татарин был сыном мурзы, любимец хана. Его смерть вызвала большую скорбь у Тохтамыша. Три дня повторяли татары свои приступы; граждане упорно отбивали их. Наконец Тохтамыш сообразил, что не взять ему Кремля силой, и решил взять его коварством. На четвертый день в полдень подъехали к стенам знатнейшие мурзы и просили слова. С ними стояли двое сыновей суздальского князя, шурины великого князя. Мурзы сказали: «Царь наш пришел показнить своего холопа Дмитрия, а он убежал; приказал вам царь сказать, что он не пришел разорять своего улуса, а хочет соблюсти его и ничего от вас не требует – только выйдите к нему с честью и дарами. Отворите город; царь вас пожалует!» Суздальские князья говорили: «Нам поверьте: мы ваши христианские князья; мы ручаемся за то, что это правда». Москвичи положились на слово русских князей, открыли ворота и вышли мерным ходом: впереди князь Остей, за ним несли дары, потом шли духовные в облачении, с иконами и крестами, а за ними – бояре и народ. Татары, дав москвичам выйти из ворот, бросились на них и начали рубить саблями без разбора. Прежде всех пал Остей. Духовные, умирая, выпускали из рук кресты и иконы: татары топтали их ногами. Истребляя кого попало направо и налево, ворвались они внутрь Кремля: одни через ворота, другие по лестницам через стены. Несчастные москвичи – мужчины, женщины, дети – метались в беспомощности туда и сюда; напрасно думали они избавиться от смерти; множество их искало спасения в церквах, однако татары разбивали церковные двери, врвались в храмы и истребляли всех от мала до велика. По известию летописца, резня продолжалась до тех пор, пока у татар не утомились плечи, не притупились сабли. Церковные сокровища, великокняжеская казна, боярское имущество, купеческие товары – все было ограблено. Тогда множество книг, снесенных со всего города в соборные церкви, оказалось уничтоженным; вероятно, в это же время безвозвратно утрачены многие памятники древней литературы, которые представили бы нам в гораздо более ясном свете прошлую духовную жизнь русского народа, если бы уцелели до нашего времени. Наконец город был зажжен. В огне погибали те немногие люди, которые успели избежать татарского меча. Так покарал Москву, татары отступили от нее.

Страшное зрелище представляла собой русская столица, незадолго до этого еще многолюдная и богатая. Не было в ней ни одной живой души; кучи трупов лежали повсюду на улицах среди обгорелых бревен и пепла, и растворенные церкви были завалены телами убитых.

Некому было ни отпевать мертвых, ни оплакивать их, ни звонить по ним.

Татары рассеялись и по другим городам: одни разоряли волости Звенигорода, Юрьева, другие шли к Дмитрову, иные – к Волоку и Можайску; полчище татарское зажгло Переяславль:

жители, покинув свой город, спаслись на судах посреди озера. Повсюду татары убивали людей или гнали их толпами в плен. Припомнились давно забытые времена Батгя с той разницей, что в батыевщину русские князья умирали со своим народом, а теперь глава Руси сидел, запершись в Костроме со своей семьей, другие князья или также прятались, или спешили раболепством получить пощаду у разгневанного владыки. Только один Владимир Андреевич не изменил себе: выехав из Волока, ударил он на татарский отряд, разбил его наголову и взял много пленников. Этот подвиг так подействовал на хана, что он начал отступать назад к Рязанской земле, опасаясь, чтобы русские, собравшись с силами, не ударили на него: вот доказательство, что это нашествие не имело бы такого печального исхода для Москвы и всей Руси, если бы русские не были так оплошны и великий князь своим постыдным бегством не предал своего народа на растерзание варварам. Татары, возвращаясь в Орду через Рязанскую землю, не пощадили владений своего союзника, разорили их и увели из Рязанской земли много пленных. Олег бежал.

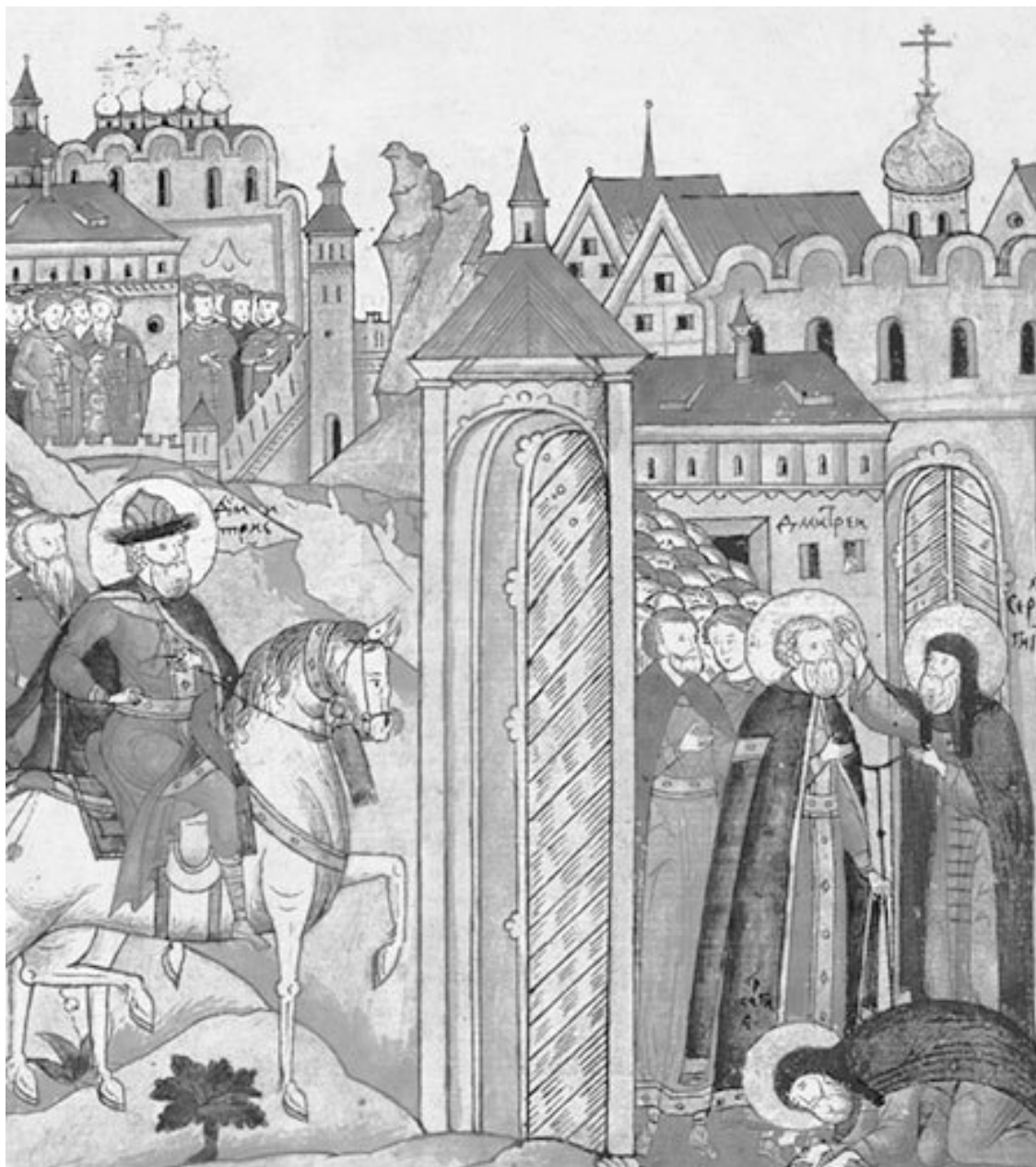
Дмитрий вместе с Владимиром Андреевичем, прибыв в Москву, тотчас занялся погребением мертвых, чтобы предупредить распространение заразы. Он давал за восемьдесят погребенных тел по рублю, и пришлось ему заплатить 300 рублей. Этот счет показывает, что в Кремле погибли от татарского меча 24 000 человек, не считая сгоревших и утонувших. Потом мало-помалу начали собираться остатки населения и отстраивать сожженный город. Тогда за невозможностью мстить татарам Дмитрий обратил мщение на Рязанскую землю: московская рать вступила в эту землю и вконец разорила ее без всякого милосердия, хуже татар. Олега в ней не было.

Киприана вызвали из Твери. Он прибыл 7 октября; великий князь Дмитрий укорял митрополита за малодушное бегство, хотя сам был виновен в этом более Киприана. Прежняя ненависть великого князя к митрополиту возобновилась не столько оттого, что Киприан бежал, как оттого, что он убежал именно в Тверь к заклятому врагу Дмитрия. Киприан покинул Москву и уехал в Киев, а Дмитрий позвал на русскую митрополию сосланного Пимена; но через несколько месяцев, опять невзлюбив Пимена, отправил для посвящения в митрополиты епископа суздальского Дионисия и вместе с ним послал просьбу о низложении Пимена. В этом случае впервые проявляется произвол московского великого князя в духовных делах. Как самовластный государь он считает себя вправе выбирать по своему нраву кандидатов в митрополиты, отправлять в заточение, возводить их на кафедру снова, когда захочет почтить своей милостью, и опять подвергать опале.

Князья русские, напуганные страшной карой под Москвой, один за другим ездили в Орду кланяться хану. Надежда на свободу блеснула для русских на короткое время и была уничтожена малодушием Дмитрия. Хан, уходя из Москвы, задержал при себе одного из сыновей суздальского князя Василия, а другого отправил к отцу; он, по-видимому, не доверял покорности тестя князя Дмитрия и потому счел нужным взять к себе его сына в заложники. Дмитрий Константинович, чтобы показать свою покорность, весной отправил Симеона к хану с поклоном и дарами. Туда же поехал сын Бориса Городецкого Иван, а за ним поехал и его отец Борис и выпросил себе нижегородское княжение после скончавшегося в то время Дмитрия Константиновича (1383). Затем Михаил Александрович Тверской с сыном Александром отправился в Орду окольной дорогой, чтобы не попасть в руки Дмитрия: он надеялся вновь выпросить себе великое княжение. Но Дмитрий весной отправил к хану своего сына Василия, который был удержан в Орде заложником верности и долга в 8000 рублей, насчитанного на Дмитрия. Московский князь так усердно унижался тогда перед Тохтамышем, что хан объявил ему свою царскую милость, однако в наказание наложил на его владения тяжелую дань в таком большом размере, что со всякой деревни приходилось платить по полтине, а в те времена деревня состояла порой из двух дворов, иногда даже из одного. Городам приходилось давать золото. Но этого было мало: по-прежнему стали шататься на Руси ханские послы и бесчинствовать над

жителями. Уступчивость московского князя Дмитрия являлась причиной того, что тверской князь, несмотря на все свои старания, не мог добиться великого княжения. «Я свои улусы знаю сам, – сказал ему Тохтамыш, – каждый князь русский пусть служит мне по старине, а что мой улусник провинился предо мною, так я его поустрашил, а теперь он мне служит правдою». Хан никому не хотел потакать и не доверял тверскому князю, несмотря на все его поклоны; отпустив его в Тверь, он удержал в Орде его сына Александра. Должно быть, Тохтамыш рассчитывал, что князь Дмитрий, проявивший себя таким малодушным трусом во время нашествия татарского хана на Москву, управляя разоренной землей, менее представлял опасности, чем предприимчивый и упрямый тверской князь. Через несколько лет (в 1385 году) сын Дмитрия Донского Василий убежал из Орды, пробрался в Молдавию, а оттуда в Литву; однако не таким удачным оказался побег Василия, сына суздальского князя: он был пойман татарами, приведен в Орду и там, по выражению летописца, «принял большую истому».

Вражда московского князя с Олегом прекратилась в 1385 году. Поводом к уступчивости со стороны Дмитрия было то, что Олег, овладев снова Рязанской землей, взял Коломну, и посланная против него московская рать ничего не могла с ним сделать. Мир был заключен при посредничестве преподобного Сергия. В утверждение этого мира, названного «вечным», сын Олега Федор женился на дочери Дмитрия. Летописцы наши постоянно рисуют этого Олега самыми черными красками и наделяют его всякими ругательствами, однако, рассуждая беспристрастно, мы должны признать, что этот князь оказался ничем не хуже других. Он скорее был несчастен, чем преступен перед судом истории. Ни одна русская земля в то время не терпела столько разорений, как Рязанская. Ее, как мы видели, беспрестанно опустошали то татары, то москвичи. Олегу приходилось выбирать из двух зол меньшее. После того как Рязанскую землю разорили татары за поражение при Воже, нанесенное им москвичами, Олег примкнул к Мамаю поневоле, потому что иначе, прежде чем бы пришли к нему на помощь русские из других земель, он был бы вынужден с одними силами своей земли выдерживать напор всей Орды Мамаю. То же повторялось и с Тохтамышем. Заботливость, с какой удалил татар от своей земли Олег во время этого нашествия, показывает его любовь к своим подчиненным. За то рязанцы и любили его.

Благословение Дмитрия Донского Сергием. Миниатюра из «Жития преподобного Сергия Радонежского». Конец XVI в.

Разорение татарами Москвы и обязанность платить тяжелую дань, естественно, довели казну великого князя до оскудения, и Дмитрий задумал поправить ее за счет Новгорода. Были благовидные причины напасть на новгородцев. В последнее время сильно разгулялась новгородская вольница: ушкуйники два раза ограбили Кострому, напали на Ярославль, на Нижний, на Вятку и не только наживались чужим добром, но хватали людей и продавали их в неволю восточным купцам. Эти поступки вызывали по всей Руси негодование, и потому-то под знаменами великого князя с охотой встали против Новгорода рати 29 городов; даже из волостей новгородских – Торжка, Бежичей, Вологды – были рати с Дмитрием, и только большие люди новоторжские (вероятно, и из других волостей) оставались верны Новгороду и убежали в Новгород. Поход был предпринят в 1386 году зимой, перед праздником Рождества Христова. Великий князь двинулся со всеми своими ратями, на пути сжигая и разоряя села Новгородской земли. Новгородцы послали к нему своих послов просить мира. Дмитрий не

хотел их слушать, шел дальше и в начале января 1387 года расположился за пятнадцать верст от Новгорода. Новгородцы в отчаянии зажгли около города посады. Сгорели 24 монастыря. Сам город наскоро укрепили острогом по земляному валу. Новгородцы еще раз послали к великому князю посольство с владыкой Алексием. «Господин князь, – говорил Алексей, – я тебя благословляю, великий Новгород бьет тебе челом: пусть не будет кровопролития между нами, а за вину людей своих, что ходили на Волгу, Новгород заплатит тебе 8000 рублей». Дмитрий не принял просьбы, грозил идти далее и взять Новгород. Страшный переполох произошел тогда в Новгороде, когда прибыл туда владыка Алексей с таким известием. Все решились защищаться до последнего. В Новгороде начальствовал в то время призванный новгородцами на княжение литовский князь Патрикий Наримонтович (племянник Ольгерда). 10 января разнесся слух, что великий князь приблизился к Жилотугу (одному из протоков Волхова на восточной стороне города). Все годные к войне – и пешие и конные – бросились за город, а между тем еще раз послали к Дмитрию двух архимандритов, семь попов и пять человек от житых людей пяти концов города. Дмитрий, рассудив, что его упорство доведет Новгород до отчаяния, перестал сопротивляться и согласился на мир.

Новгород положил заплатить 8000 рублей, из которых 3000 рублей отсчитали тотчас же, а остальные предоставили великому князю взять с Заволочья (Двинская земля), потому что заволочане также участвовали в поволжских разбоях и посылали туда своих новгородских бояр для сбора этих денег. Это была пеня за разбой, но, кроме того, великий князь выговорил для себя еще и «черный бор» (ежегодную подать с черных людей, собираемую великокняжескими наместниками через особых чиновников, называемых «черноборцами»). Заключив мир на таких условиях, великий князь Дмитрий повернул назад, но его посещение тяжело отозвалось на всей Новгородской земле: много мужчин, женщин и детей увели москвичи в неволю; много ограбленных ратными людьми и выгнанных из своих пепелищ новгородцев погибло от стужи.

Тогда как Москва прикрепляла к себе Новгород наложением на него дани, на западе отнимали у Москвы власть над Смоленском. В Литве произошел важный переворот: сын Ольгерда, литовский великий князь Ягелло, в 1386 году женился на польской королеве Ядвиге, принял католичество, крестил в римско-католическую веру своих языческих литовских подданных и сделался главой как Польши, так и всей Литвы и Западной Руси с ее удельными князьями. С этого времени начинаются постепенное соединение Великого княжества Литовского с Польшей и распространение католичества в Западной Руси в ущерб православию. Подручник Ягелла, его брат Скрыгайло, человек свирепый, получивший от Ягелла право на Полоцк, схватил находившегося там князя Андрея Ольгердовича и убил его сына; тогда друг Андрея Святослав, смоленский князь, стал мстить за Андрея и совершать жестокие разорения в Литве, но потом был разбит Скрыгайлом и его братьями и пал в битве. Победители хотя и дали княжение на Смоленской земле сыну Святослава Юрию, но с условием, чтобы он был подручником Ягелла. Это было предвестием дальнейшего покорения Смоленска: оно совершилось уже после смерти Дмитрия (в 1404 году), когда Витовт прогнал князя Юрия и посадил в Смоленске своих наместников. (При Дмитрии Смоленск со своей землей в течение некоторого времени признавал первенство Москвы, но со вступлением на княжение Василия Москва надолго лишилась его).

Дмитрий скончался 19 мая 1389 года на сороковом году от рождения. Он оставил великим князем сына Василия, наделил других сыновей уделами и обязал их находиться под рукой старейшего брата, великого князя.

Княжение Дмитрия Донского принадлежит к самым несчастным и печальным эпохам истории многострадального русского народа. Беспрестанные разорения и опустошения то от внешних врагов, то от внутренних усобиц следовали одни за другими в громадных размерах. Московская земля, не считая мелких разорений, была два раза опустошена литовцами, а потом

потерпела нашествие Орды Тохтамыша; Рязанская – страдала два раза от татар, два раза от москвичей и была приведена в крайнее разорение; Тверская – несколько раз разорялась москвичами; Смоленская – терпела и от москвичей, и от литовцев; Новгородская – понесла разорение от тверичей и москвичей. К этому присоединялись физические бедствия. Страшная зараза, от которой Русская земля пострадала в сороковых и пятидесятых годах XIV века наравне со всей Европой, повторялась и в княжение Дмитрия с большой силой в разных местах Руси. В 1363–1364 годах она поражала Нижний Новгород с его волостью, потом Переяславль, Владимир, Тверь, Суздаль, Дмитров, Ростов, Можайск, Волок и другие города. Из описаний признаков, сопровождавших смерть пораженных заразой, видно, что в те времена свирепствовало сразу несколько эпидемических болезней. У одних больных опухали железы на разных частях тела; у других появлялось кровохарканье; третьи чувствовали сначала жар, потом озноб. Смерть постигала больного обычно в течение одного или двух дней болезни: редкие доживали до третьего дня. Живые не успевали хоронить мертвых. В одну могилу приходилось сваливать по сто и полтораста трупов. В Белозерске вымерли все жители; земля опустела. Подобное бедствие повторялось и в другие годы. В 1387 году в Смоленске – если только верить рассказу летописи, вероятно, преувеличенному, – случился такой сильный мор, что осталось в живых всего пять человек, которые вышли из города и закрыли за собой ворота. Вслед за тем мор поразил Псков, потом Новгород. К заразе присоединялись неоднократные засухи, как, например, в 1365, 1371 и 1373 годах, которые повлекли за собой голод, и, наконец, пожары – обычное явление на Руси. Если принять во внимание эти бедствия, соединявшиеся с частыми разорениями жителей от войн, то должны представить себе Восточную Русь того времени страной малолюдной и обнищавшей. Сам Дмитрий не был князем, способным мудростью правления облегчить тяжелую судьбу народа; действовал ли он от себя или по внушениям бояр своих – в его действиях виден ряд промахов. Следуя задаче подчинить Москве русские земли, он не только не умел достигать своих целей, но даже упускал из рук то, что ему доставляли сами обстоятельства; он не уничтожил силы и самостоятельности Твери и Рязани, не умел и поладить с ними так, чтобы они были заодно с Москвой для общих русских целей; Дмитрий только раздражал их и подвергал напрасному разорению ни в чем не повинных жителей этих земель; раздражал Орду, но не воспользовался ее временным разорением, не предпринял мер к обороне против опасности; и последствием всей его деятельности стало то, что разоренная Русь опять должна была ползать и унижаться перед издыхающей Ордой.

Великий князь и государь Иван Васильевич

Эпоха великого князя Ивана Васильевича составляет перелом в русской истории. Эта эпоха завершает собой все, что выработали условия предшествовавших столетий, и открывает путь тому, что должно было выработаться в последующие столетия. С этой эпохи начинается бытие самостоятельного монархического Русского государства.

После смерти Дмитрия Донского великим князем стал сын его Василий (1385–1425), который, насколько мы его понимаем, превосходил своего отца умом. При нем значительно двинулось расширение московских владений. Москва приобрела земли Суздальскую и Нижегородскую. Получив от хана великое княжение, Василий Дмитриевич настолько впал к нему в милость, что получил от него еще Нижний Новгород, Городец, Мещеру, Тарусу и Муром. Москвичи взяли Нижний изменой: нижегородский боярин Румянец предал своего князя Бориса Константиновича; Василий Дмитриевич приказал взять под стражу этого князя, его жену и детей; Нижний Новгород навсегда присоединился к московским владениям. Племянники Бориса, суздальские князья, были изгнаны, и Суздаль также достался Василию. Впоследствии, хотя суздальские князья помирились с московским великим князем и получили от него вотчины, но уже из рода в род оставались московскими слугами, а не самобытными владельцами. В 1395 году случилось событие, поднявшее нравственное значение Москвы: по поводу ожидаемого нашествия Тамерлана, которое, однако же, не состоялось, Василий Дмитриевич приказал перенести из Владимира в Москву ту знаменитую икону, которую Андрей некогда унес из Киева в свой любимый город Владимир; теперь эта икона служила освящением первенства и величия Москвы над другими русскими городами.

По следам своих предшественников Василий Дмитриевич притеснял Новгород, однако не достиг цели своих замыслов. Два раза он покушался отнять у Новгорода его двинские колонии, пользуясь тем, что на Двинской земле образовалась партия, предпочитавшая власть московского великого князя власти Великого Новгорода. Новгородцы благополучно отстояли свои колонии, но заплатили за это недешево: великий князь произвел опустошение в Новгородской волости, приказал передуть новгородцев, убивших в Торжке одного доброжелателя московского великого князя, заставил новгородцев давать «черный бор», захватил в свою пользу имения в волостях Бежецкого Верха и Вологды, а главное, Новгород сам не мог обойтись без великого князя и должен был обращаться к нему за помощью, так как другой великий князь, литовский, собирался овладеть Новгородом.

Великий князь и государь Иван Васильевич. Титулярник 1672 г.

Орда в то время до того уже разлагалась от внутренних междоусобий, что Василий несколько лет не платил выхода хану и считал себя независимым; но в 1408 году на Москву неожиданно напал татарский князь Эдигей, который подобно Мамаю, не будучи сам ханом, помыкал носившими имя хана. Василий Дмитриевич не остерегался, рассчитывая, что Орда ослабела, и не предпринял заранее мер против хитрого врага, обольстившего его лицемерным благорасположением. Подобно отцу, Василий Дмитриевич бежал в Кострому, но лучше своего отца распорядился защитой Москвы, поручив ее дяде, храброму серпуховскому князю Владимиру Андреевичу. Москвичи сами сожгли свой посад. Эдигей не мог взять Кремля, зато Орда опустошила много русских городов и сел. Москва испытала, что если Орда не в силах была держать Русь в порабощении, как прежде, зато еще долго могла оставаться страшной для нее своими внезапными набегами, разорениями и уводом в плен жителей. Уже впоследствии, в 1412 году, Василий ездил в Орду, поклонился новому хану Джелаледдину, принес ему выход, одарил вельмож, и хан утвердил за московским князем великое княжение, тогда как перед тем

намеревался отдать его изгнанному нижегородскому князю. Власть ханов над Русью висела уже на волоске; однако московские князья еще в течение какого-то времени могли пользоваться ею для усиления своей власти на Руси и прикрывать свои поползновения значением ее старинной силы, но между тем должны были принимать меры обороны против татарских вторжений, которые могли быть тем беспокойнее, что делались с разных сторон и от разных обломков разрушающейся Орды.

Великий князь Василий Дмитриевич. Титулярник 1672 г.

На западе литовское могущество, возникшее при Гедимине и выросшее при Ольгерде, достигло своих высших пределов при Витовте. По праву верховная власть над Литвой и поко-

ренной ею Русью находилась в руках Ягелла, польского короля; но Литвой в звании его наместника самостоятельно управлял его двоюродный брат Витовт, сын Кейстута, некогда задушенного Ягеллом. Витовт по примеру своих предшественников стремился расширить пределы Литовского государства за счет русских земель и постепенно подчинял себе последние одну за другой. Василий Дмитриевич был женат на дочери Витовта Софье; в продолжение своего княжения он должен был соблюдать родственные отношения и вместе с тем был настороже против покушений тестя. Московский князь вел себя с большой осторожностью, насколько возможно было, уступал тестю, но охранял себя и Русь от него. Он не помешал Витовту овладеть Смоленском; это происходило главным образом потому, что последний смоленский князь Юрий был злодеем в полном смысле слова, и сами смольняне предпочитали отдаться Витовту, чем повиноваться своему князю. Когда же Витовт показал слишком явно свое намерение овладеть Псковом и Новгородом, московский великий князь открыто вооружился против тестя, так что дошло было до войны, однако в 1407 году дело окончилось между ними миром, по которому река Угра поставлена была границей между московскими и литовскими владениями.

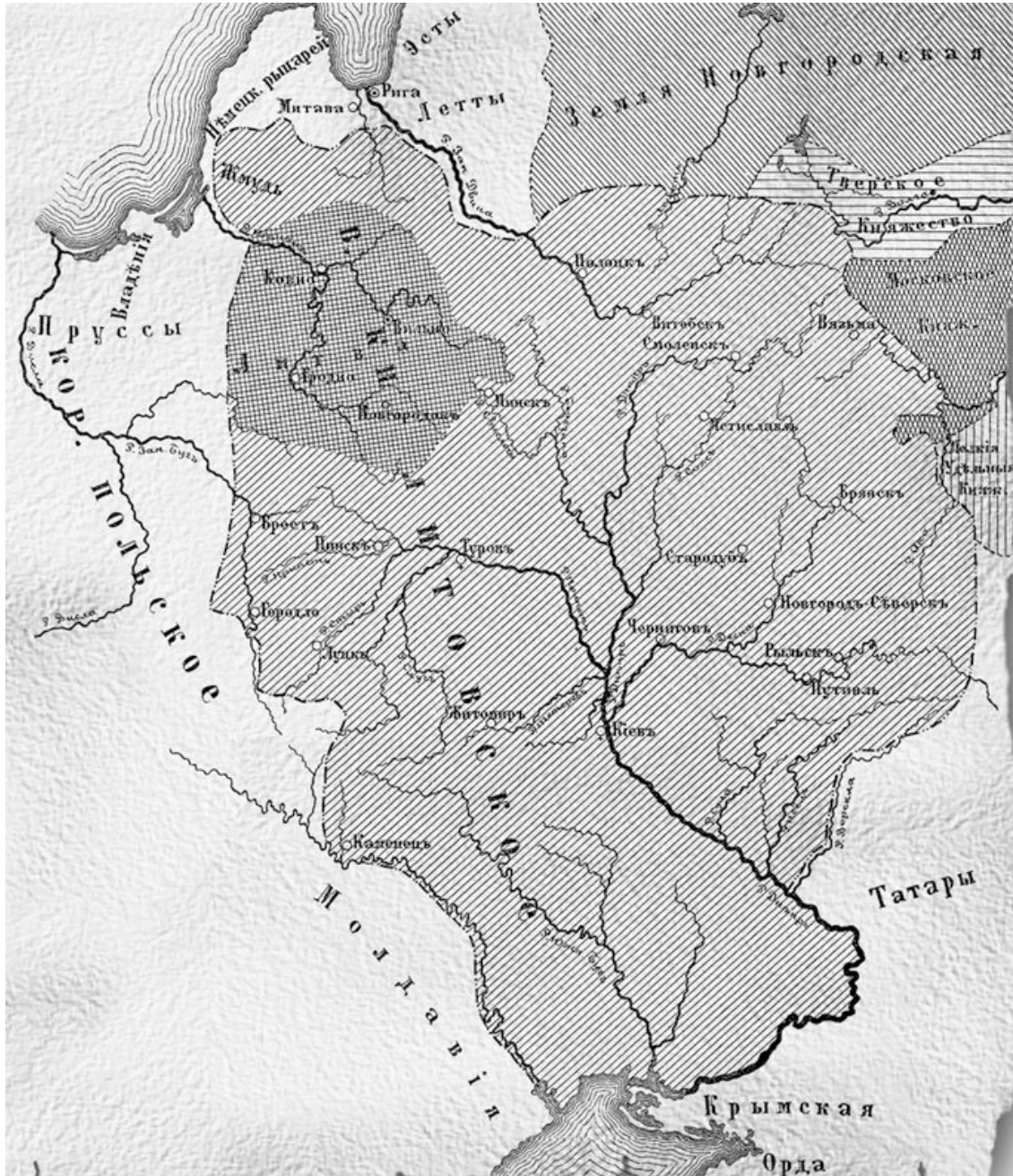
Великий князь Василий Васильевич. Титулярник 1672 г.

Тесть пережил зятя, и при малолетнем наследнике Василии спор за первенство над Русью в течение какого-то времени склонялся на сторону Литвы. Татарское порабощение образовало в русских княжествах такой строй, который несколько походил на феодальный, господствовавший в Западной Европе: князья, получившие свои владения от ханов в качестве вотчин, находились в подчинении одни у других, и само это подчинение, смотря по обстоятельствам, имело разные степени. Московский князь стал великим князем всей Руси, но на его земле, в его княжестве были князья подручные, обязанные ему повиноваться: одни сохраняли больше самостоятельности над своими уделами, другие становились уже его слугами. За пределами Московского княжества были князья, также называвшиеся великими, считавшие подручни-

ками князей своей земли. Таким образом, после уничтоженного Великого княжества Суздальского оставались еще довольно сильные великие князья – тверской и рязанский; кроме того, пронский князь, подручник рязанского, также начал называться великим. Тот же титул носил старейший из ярославских князей. Эти так называемые великие князья, будучи старейшими над подручными князьями, сами должны были признавать над собой старейшинство московских великих князей и, видя со стороны Москвы дальнейшее посягательство на свою независимость, естественно, искали ей противовес в Литве. Таким образом, после смерти Василия Дмитриевича рязанский великий князь Иван Федорович, а за ним и князь пронский отдалась на службу Витовту (1427). Одновременно с ними тверской великий князь Борис также отдался литовскому великому князю, выговорив себе право власти над своими подручниками, князьями Тверской земли. Сама Москва, находясь под властью несовершеннолетнего князя, мать которого была дочерью Витовта, очутилась под рукой литовского великого князя; по крайней мере, сам Витовт именно так смотрел на нее и писал немцам, что Софья с сыном и со всем Великим княжеством Московским отдалась ему в опеку и охранение. Витовту недоставало только полной независимости и королевского венца; он усиленно добивался его и склонил уже на свою сторону императора Сигизмунда, но польские прелаты и вельможи не допустили такой опасной новизны, представив папе, что отделение Литвы и Руси от Польши может поставить преграду распространению римского католичества среди православных. Папа отказал дать корону Витовту. Витовт умер в 1430 году, не достигнув своих целей, а после его смерти в Литве начались междоусобия. Долгое время и в Москве происходили беспорядки.

Преемник Василия Дмитриевича Василий Васильевич был человеком ограниченных дарований, слабого ума и слабой воли, но вместе с тем способным на всякие злодеяния и вероломства; члены московского княжеского дома находились в полном повиновении у Василия Дмитриевича, а после его смерти подняли голову. Дядя Василия Васильевича Юрий добивался в Орде великого княжения. Хитрый и ловкий боярин Иван Дмитриевич Всеволожский в 1432 году сумел устранить Юрия и доставить великое княжение Василию Васильевичу. Когда Юрий ссылался на свое родовое старейшинство (как дядя) и когда по этому поводу указывал на прежние примеры предпочтения дядей племянникам как старших годами и степенью родства, Всеволожский указал хану, что Василий уже получил княжение по воле хана, и эта воля должна быть выше всяких законов и обычаев: ничем не стесняясь, хан может кому угодно отдать свой улус. Это признание безусловной воли хана понравилось последнему – Василий Васильевич был оставлен великим князем. Через некоторое время этот же боярин рассердился на Василия (он, обещав жениться на его дочери, женился на внучке Владимира Андреевича Серпуховского Марии Ярославне) и сам побудил Юрия отнять у племянника княжение. Тогда возобновились на Руси междоусобия, ознаменованные на этот раз гнусными злодеяниями. Юрий, захватив Москву, снова был изгнан из нее и вскоре умер. Сын Юрия Василий Косой заключил с Василием мир, а потом, вероломно нарушив договор, напал на Василия, но был побежден, взят в плен и ослеплен (1435). Через несколько лет в Золотой Орде случилось такое событие: хан Улу-Махмет лишился престола и искал помощи московского великого князя. Великий князь не только не подал ему помощи, но еще прогнал его из пределов Московской земли; тогда Улу-Махмет со своими приверженцами основался на берегах Волги в Казани и положил начало татарскому Казанскому царству, которое в продолжение целого столетия причиняло Руси опустошения. Улу-Махмет уже в качестве казанского царя мстил московскому государю за прошлое, победил его в битве и взял в плен. Василий Васильевич освободился от плена не иначе, как заплатив огромный выкуп. Вернувшись на родину, он поневоле должен был облагать народ большими податями и, кроме того, начал принимать в свое княжество татар и раздавать им поместья. Это вызвало против него ропот, которым воспользовался брат Косого, галицкий князь Дмитрий Шемяка; соединившись с тверским и Можайским князьями, он в 1446 году приказал вероломно схватить Василия в Троицком монастыре и ослепить. Шемяка овла-

дел великим княжением и держал слепого Василия в заточении, но, видя в народе волнение, уступил просьбе рязанского епископа Ионы и отпустил пленного Василия, взяв с него клятву не искать великого княжения. Василий не сдержал клятвы: в 1447 году приверженцы слепого князя опять возвели его на княжение.

Карта Великого княжества Литовского в XIV–XV вв.

Примечательно, что характер княжения Василия Васильевича с этих пор совершенно изменяется. Пользуясь зрением, Василий был самым ничтожным государем, но с тех пор, как он потерял глаза, остальное время его правления отличается твердостью, умом и решительностью. Очевидно, что именем слепого князя управляли умные и деятельные люди. Таковы были бояре князя Патрикеевы, Ряполовские, Кошкины, Плещеевы, Морозовы, славные воеводы Стрига-Оболенский и Федор Басенок, но более всех митрополит Иона.

П.П. Чистяков. Великая княгиня Софья Витовтовна на свадьбе великого князя Василия Темного в 1433 году срывает с князя Василия Косого пояс, принадлежавший некогда Дмитрию Донскому

Духовные власти всегда благоприятствовали стремлению к единой державе. Во-первых, оно сходилась с их церковными понятиями: церковь русская, несмотря на политическое раздробление Русской земли, была всегда единая и неделимая и постоянно оставалась образцом для политического единства. Во-вторых, духовные как люди, составлявшие единственную умственную силу страны, лучше других понимали, что раздробление ведет к беспрестанным междоусобиям и ослабляет силы страны, необходимые для защиты от внешних врагов: только при сосредоточении верховной власти в одних руках представлялась им возможность безопасности для страны и ее жителей. Пока сан митрополита возлагался на людей нерусских, понятно, что, будучи чужды русскому краю по рождению и по связям, они не принимали слишком близко к сердцу его интересов, ограничиваясь преимущественно областью церковных дел; но не так относились к Русской земле урожденные русские, достигшие высшей духовной власти. Митрополиты Петр и Алексей показали уже себя политическими деятелями; еще более проявил себя в этом отношении умный митрополит Иона, которому пришлось занимать важное место при слепом и ничтожном Василии.

Иона, по прозвищу Одноуш, был родом из Костромской земли. Достигнув сана рязанского епископа, он не стал, однако, приверженцем местных рязанских выгод; сочувствие его клонилось к Москве, потому что Иона, соответственно тогдашним условиям, в одной Москве видел центр объединения Руси. В 1431 году, после смерти митрополита Фотия, Иона был избран митрополитом, но царьградский патриарх вместо него еще раньше назначил грека Исидора. Этот Исидор в звании русского митрополита был на Флорентийском соборе, где провозгласили унию, или соединение греческой церкви с римской на условиях признания римского первосвященника главой вселенской церкви. Исидор вместе с царьградским патриархом

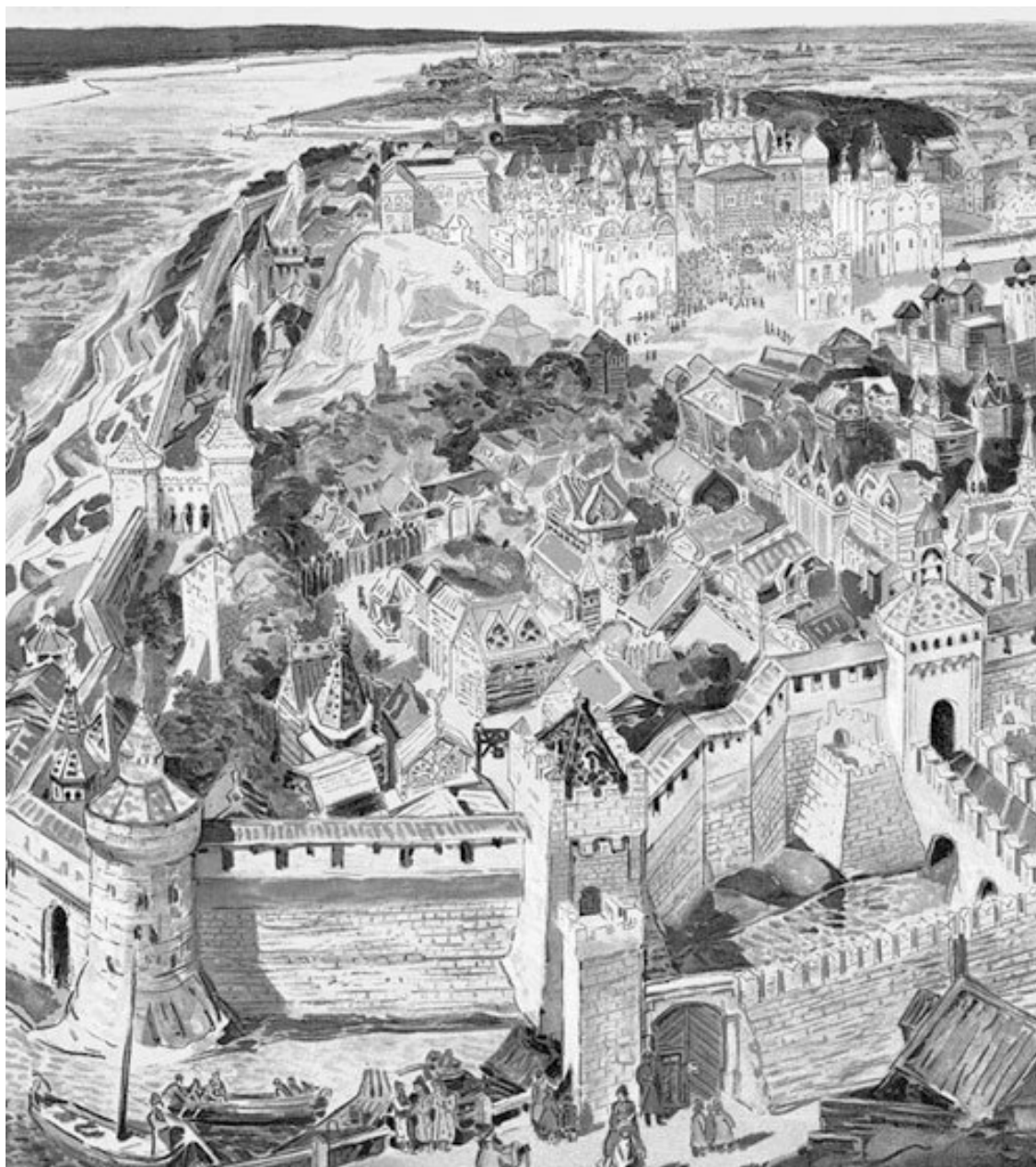
и византийским императором подчинился папе: Исидор был грек душой; все цели он обращал на спасение своего погибающего отечества и, как и некоторые другие греки, надеялся при посредничестве папы поднять силы Европы против турок. Эти виды и побуждали тогдашних греков жертвовать вековой независимостью своей церкви. Русь в глазах Исидора должна была служить орудием греческих патриотических целей. Но в Москве не приняли унии и прогнали Исидора. Несколько лет место московского митрополита оставалось незанятым. В Киеве после учреждения Витовтом отдельной митрополичьей кафедры были свои митрополиты, но Москва не хотела их знать. Рязанский епископ Иона, как уже нареченный русскими духовными митрополит, имел среди них главенствующее значение и влияние. Наконец в 1448 году этого архиерея возвел в сан митрополита собор русских владык, минуя патриарха. Событие это было решительным переворотом: с того времени восточнорусская церковь перестала зависеть от царьградского патриарха и получила полную самостоятельность. Средоточие ее верховной власти было в Москве. Обстоятельство это окончательно подняло то нравственное значение Москвы, которое намечено было еще митрополитом Петром, поддерживалось Алексием, получило большой блеск от перенесения иконы Богородицы из Владимира. С тех пор русские земли, еще непокорные Москве и надеявшиеся оградить от нее свою самобытность – Тверь, Рязань, Новгород – привязывались крепче к Москве духовной связью.

К.В. Лебедев. Ушкуйники. (Поселение вольной новгородской дружины в финском Заволжье)

Усевшись в Москве, слепой великий князь назначил своим соправителем старшего сына Ивана, который с тех пор стал называться, как и отец его, великим князем: так показывают договорные грамоты того времени. Тогда началась и постепенно расширялась политическая деятельность Ивана; достигнув совершеннолетия, он, без сомнения, вместо слепого родителя еще при его жизни руководил совершавшимися событиями, которые клонились к укреплению Москвы. Князь Дмитрий Шемяка, вынужденный дать так называемую «проклятую грамоту», в которой клятвенно обещал отказаться от всяких покушений на великое княжение, не переставал показывать враждебность к Василию Темному. Духовенство писало Шемяке увещательную грамоту; Шемяка не слушал нравоучений, и московское ополчение, напутствуемое благословениями Ионы, двинулось на Шемяку в Галич вместе с молодым великим князем. Шемяка потерпел поражение и бежал в Новгород, где новгородцы дали ему приют. Галич со своей властью был вновь присоединен к Москве. Шемяка продолжал злоумышлять против Василия, взял Устюг и там было утвердился, но молодой великий князь Иван Васильевич выгнал его оттуда; Шемяка опять бежал в Новгород. Митрополит Иона своей грамотой объявил Шемяку отлученным от церкви, запрещал православным людям с ним есть и пить и обвинял новгородцев за то, что они приняли его к себе. Тогда в Москве решили расправиться с Шемякой тайным убийством: дьяк Степан Бородатый при посредничестве боярина Шемяки Ивана Котова в 1453 году подговорил повара Шемяки приправить ему курицу ядом. Вслед за тем, в 1454 году, союзник Шемяки князь Иван Андреевич Можайский, не дожидаясь прибытия московского войска, бежал в Литву. Великие князья тверской и рязанский, искавшие против Москвы опоры в Литве, увидели, что на Литву надежды мало, и пристали к Москве заблаговременно, прежде чем Москва употребила против них насилие. Первый отдал свою дочь Марию за молодого московского великого князя Ивана Васильевича, а в 1454 году при посредничестве митрополита Ионы заключил договор, в котором обещал со своими детьми быть во всем заодно с Москвой; последний же в 1456 году, перед своей смертью, отдал восьмилетнего сына на попечение московскому великому князю. Московский великий князь перевез отрока в Москву, а в Рязанскую землю послал своих наместников. В то же время князь московской Серпуховской земли Василий Ярославич, ревностный слуга и товарищ в несчастье Василия Темного, по какому-то наговору был схвачен и заточен в Вологде, где и умер со своими детьми, а его старший сын убежал в Литву. Затем суздальские князья, получившие от московского великого князя вотчины, почуяв над собой беду, сами убежали из дарованных им вотчин, чтобы избежать опасных столкновений с Москвой.

Н. Некрасов. Московский Кремль при Иване III

Русский боярин

В 1456 году расправилась Москва с Новгородом. Еще ранее этого времени великий князь наложил на Новгород 8000 рублей. Прием, оказанный Шемяке Новгородом, раздражал московских великих князей. Новгородцы досадовали на то, что Москва их обирает, не хотели платить наложенной по договору суммы; кроме того, между Москвой и Новгородом возникали поземельные недоразумения: новгородские бояре покупали себе владения в Ростовской и Белозерской землях, а Новгород оказывал притязание, чтобы эти владения новгородцев тянули (подчинялись) к Новгороду. Московский великий князь объявил Новгороду войну. Московские подручные князья Стрига-Оболенский и Федор Басенок овладели Русой; новгородцы, успешные на вырубку Русы, были разбиты. Великий князь с сильным войском пошел к Новгороду и остановился в Яжелбицах. Тогда Новгород выслал к нему епископа Евфимия со старыми посадниками, тысяцкими и житыми (то есть зажиточными домовладельцами) от пяти концов Нов-

города. Заключили договор. Новгород кроме прежних 8000 рублей должен был заплатить великому князю еще 8500 рублей, вернуть все земли, приобретенные новгородцами в областях, тянувших к Москве, давать великому князю «черный бор» в своих волостях и судные пени; но главное – Новгород обязался отменить «вечные» (вечевые, исходившие от веча) грамоты, писать грамоты от имени великого князя и употреблять великокняжескую печать. Последним условием поражаюсь сущность новгородской свободы и предвещалось скорое падение независимости Новгорода.

Новгородцы чувствовали свою близкую беду и ненавидели московского государя. В 1460 году Василий Темный прибыл в Новгород с сыновьями Юрием и Андреем. Новгородцы собрались на вече у Св. Софии и собирались убить его с детьми, но владыка новгородский Иона отговорил их: «Из этого нам не будет пользы, – представлял он, – останется еще один сын, старший, Иван: он выпросит у хана войско и разорит нас».

Притесняя Новгород, Москва налагала тяжелую руку и на две его самостоятельные колонии – Псков и Вятку.

Псков не проявлял по отношению к Москве никакой враждебности, хотя московским князьям не могло нравиться то, что псковичи в 1459 году встретили сына Шемяки с крестным ходом и в продолжение трех недель оказывали ему почести. Псков как земля вольная по-прежнему принимал к себе князей отовсюду, и таким князем был там Александр Черторижский, из литовского княжеского рода.

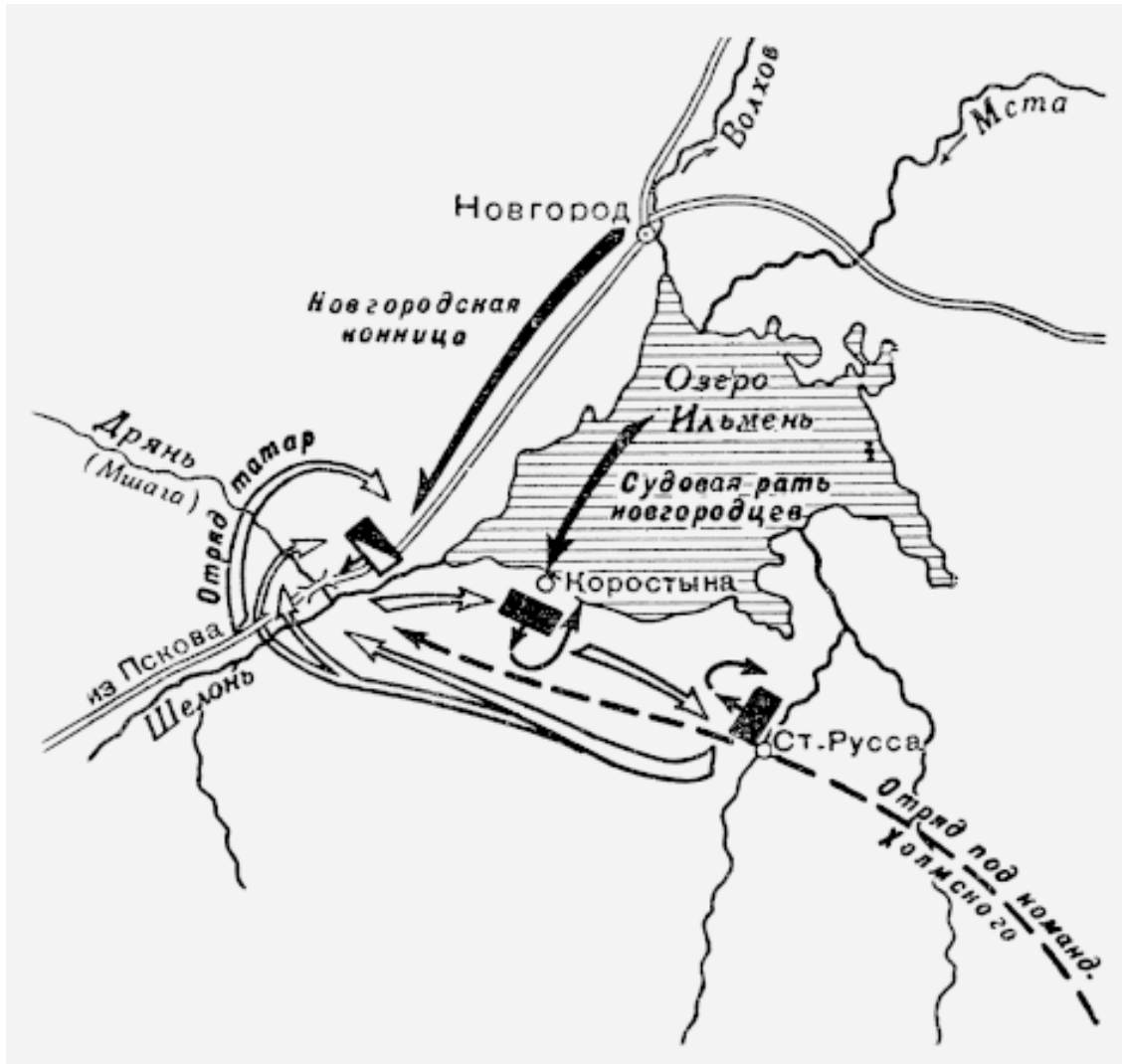
Русский боярин

В 1460 году московский великий князь потребовал, чтобы Черторижский, если желает оставаться псковским князем, присягнул в верности Москве. Черторижский не захотел присягать и уехал из Пскова, а псковичи с тех пор стали принимать себе князьями наместников московского государя.

Вятка, новгородская колония, основанная в XIII веке выходцами, недовольными Новгородом, и потому постоянно остававшаяся независимой от Новгорода и даже враждебной к нему, помогала Шемяке в его борьбе с Василием Темным. За это она понесла наказание, когда Василий вышел из борьбы победителем. Два раза отправлялось против нее московское войско – в 1458 и 1459 годах. Первый поход был неудачным; во второй – московские воеводы князья Ряполовский и Патрикеев взяли вятские города Орлов и Котельнич и заставили вятичей признать над собой верховную власть Василия.

Василий Темный скончался 5 марта 1462 года от неудачного лечения тела зажженным трупом. Он на один год пережил своего важнейшего советника, митрополита Иону, умершего 31 марта 1461 года.

Сын Василия Иван, и без того уже управлявший государством, остался единовластным великим князем. Начало его княжения не представляло в сущности никакого нового поворота против прошлых лет. Ивану оставалось идти по прежнему пути и продолжать то, что было им уже сделано при жизни Василия. Печальные события, связанные с его отцом, внушили ему с детства непримиримую ненависть ко всем остаткам старой удельно-вечевой свободы и сделали его поборником единодержавия. Это был человек крутого нрава, холодный, рассудительный, с черствым сердцем, властолюбивый, непреклонный в преследовании избранной цели, скрытный, чрезвычайно осторожный; во всех его действиях видна постепенность, даже медлительность; он не отличался ни отвагой, ни храбростью, зато умел превосходно пользоваться обстоятельствами; он никогда не увлекался, зато поступал решительно, когда видел, что дело созрело до того, что успех несомненен. Забирание земель и возможно прочное присоединение их к Московскому государству было заветной целью его политической деятельности; следуя в этом деле за своими прародителями, он превзошел всех их и оставил пример подражания потомкам на долгие времена. Вместе с расширением государства Иван хотел дать этому государству строго самодержавный строй, подавить в нем древние признаки земской раздельности и свободы, как политической, так и частной, поставить власть монарха единым самостоятельным двигателем всех сил государства и обратить всех подвластных в своих рабов, начиная от близких родственников до последнего земледельца. И этому Иван Васильевич положил твердые основы; его преемникам оставалось дополнять и вести дальше его дело.

Схема битвы на реке Шелони в 1471 г.

В первые годы своего единовластия Иван Васильевич не только уклонялся от резких проявлений своей главной цели – полного объединения Руси, но оказывал при всяком случае видимое уважение к правам князей и земель, представляя себя ревнителем старины, и в то же время заставлял чувствовать как силу тех прав, какие уже давала ему старина, так и ту степень значения, которую ему обеспечивал его великокняжеский сан. У Ивана Васильевича, как показывают его поступки, было правилом прикрывать все личиной правды и законности, казаться противником насильственного введения новизны; он вел дела свои так, что полезная для него новизна вызывалась не им самим, а другими.

Решительный и смелый, Иван был до крайности осторожен там, где могло возникнуть какое-нибудь противодействие его предприятиям. Он не затруднился вскоре после смерти отца, в 1463 году, покончить с ярославским княжеством, потому что там не могло быть никакого сопротивления. До тех пор Ярославль со своей волостью находился во власти особых князей, хотя уже давно подручных московскому великому князю. Эти князья происходили из рода Федора Ростиславича, князя племени смоленских князей, жившего в XIII веке и причисленного к лику святых; в описываемое нами время их род разделился на многие княжеские фамилии – Курбские, Засекины, Прозоровские, Львовы, Шехонские, Сонцевы, Щетинины, Сицкие, Шаховские, Кубенские, Трокуровы, Шастуновы, Юхотские и др. Все их владения составляли Ярославскую землю, и над всеми ними, точно как в других землях, например в Тверской или в Рязанской, был из их рода главный старейший князь, носивший титул «великого»: ему принад-

лежал Ярославль. Таким великим князем Ярославской земли был в то время князь Александр Федорович. Этот ярославский великий князь оказался столь же бессилён, как и его многочисленные подручники. Иван Васильевич приобрёл Ярославль со всей землёй старанием дьяка Алексея Полуэктова; неизвестно, все ли князья Ярославской земли подчинились московскому государю добровольно: мы не знаем обстоятельств этого события; само собой разумеется, что волей-неволей эти князья должны были делать все, чего хотел от них сильный властитель, и все они поступили в число его слуг.

Но не так относился Иван Васильевич к более сильным князьям – тверскому и рязанскому. С тверским, своим шурином, он тотчас после смерти своего отца заключил договор, в котором положительно охранялось владетельное право тверского князя над своей землёй; не в политике Ивана Васильевича было раздражать без нужды соседа, жившего на перепутье между Москвой и Новгородом, в то время, когда московский великий князь предвидел неминуемую развязку с Новгородом и должен был подготавливать союзников себе, а не Новгороду против себя. Рязанский великий князь уже прежде был в руках Москвы. Иван Васильевич не отнял у него земли, а в 1464 году женил его на своей сестре, признал самостоятельным владетелем, однако совершенно взял в свои руки; никогда уже после того Иван Васильевич не имел повода обращаться со своим зятем иначе, так как рязанский князь не выходил из повиновения московскому.

Возникло у Ивана дело со Псковом; и тут-то Иван показал столько же внешнего уважения к старине, насколько и псковичей заставил уважать свою власть и значение своего сана. В 1463 году псковичи прогнали от себя присланного к ним против их воли великокняжеского наместника и отправили к Ивану послов просить другого. Иван Васильевич разгневался, три дня не пускал к себе на глаза псковских послов; наконец на четвертый день как бы смиростивился и, допустив их, сначала пригрозил им, а потом сказал: «Я хочу жаловать отчину Псков по старине: какого князя хотите, такого вам и дам!» И отдал им тогда того самого (звенигородского) князя, которого псковичи сами желали. Иван Васильевич в этом случае, хотя и сделал угодное псковичам по обычаям старины, однако вместе с тем внушил им, что они обязаны этим соблюдением их старинных прав единственно его воле и милости, а если бы он захотел, то могло быть и иначе. Сделав псковичам угодное как бы из уважения к старине, он потом поступил и против их желания, также из уважения к старине. Псковичи, недовольные новгородским владыкой, затевали отложиться от этого владыки и просили себе особого епископа. Иван Васильевич, опираясь на старину, отказал им в их просьбе вместе с митрополитом Феодосием, заступившим на место Ионы. Не в видах московской политики было восстанавливать против московского великого князя высшую новгородскую духовную власть, которая, напротив, склоняясь в силу своих интересов к Москве, могла обессиливать новгородские стремления, противодействовавшие московскому единовластию. Псковичи в этом деле вынуждены были согласиться с волей великого князя и отказались от своих планов именно потому, что в Москве решили так великий князь и митрополит. Но не давал московский государь по этому делу слишком зазнаваться и Новгороду. Когда Новгород попросил у него воевод, чтобы действовать оружием против Пскова за то, что Псков не повинуется новгородскому владыке, Иван Васильевич сделал новгородцам выговор за такую просьбу.

Иосифо-Волоколамский монастырь

В 1467 году наступило тяжелое время для Руси. Открылась повальная болезнь, так называемая в те времена «железа» (чума); она свирепствовала в Новгородской и Псковской землях, захватила зимой и Московскую землю: множество людей умирало и по городам, и по селам, и по дорогам.

Умами овладели уныние и страх. Толковали о близком конце мира; говорили, что вскоре окончится шестая тысяча лет существования мира и тогда настанет страшный суд; рассказывали о чудных явлениях в природе, предзнаменующих что-то роковое: ростовское озеро две недели выло по ночам, не давая спать людям, а потом был слышен в нем странный стук. Посреди этой всеобщей тревоги и уныния умерла жена Ивана, тверская княжна Мария. Говорили, что она была отравлена²⁵. Смерть княгини остается темным событием: она освободила Ивана и дала ему возможность вскоре вступить в другой брак, важный по своим последствиям.

Служил у Ивана в то время какой-то итальянец; его называют в современных летописях Иван Фрязин²⁶; он занимал при дворе московского великого князя должность денежника (то есть чеканщика монет). Вероятно, именно ему принадлежала идея сочетать великого князя с греческой царевной, и он дал знать в свое отечество, что московский государь овдовел. Через два года, в 1469 году, явилось в Москву посольство от римского кардинала Виссариона. Этот кардинал, по происхождению грек, был прежде митрополитом никейским и на Флорентийском соборе вместе с русским митрополитом Исидором принимал унию. Тогда как его товарищ Исидор вернулся в отечество и погиб, сражаясь против турок, в роковой день взятия Константинополя, Виссарион остался в чести в Риме. От него с посольством приехали грек по имени Юрий и два итальянца: один Карл, старший брат денежника Ивана, а другой – их племянник по имени Антоний. Они по поручению своего кардинала сообщили великому князю, что в Риме проживает племянница последнего греческого императора Константина Палеолога, дочь

²⁵ Видели доказательство этому в том, что ее тело необычно раздулось, так что положенный на него покров сначала висел до земли, а потом оказался недостаточным для прикрытия. После ее погребения в Вознесенском монастыре в Кремле великий князь разгневался на жену дьяка Алексея Полуэктова Наталью, которая послала к ворожее пояс покойной княгини, и самого ее мужа Алексея Иван Васильевич шесть лет не пускал к себе на глаза.

²⁶ Прозвище «фрязин» означало не более как принадлежность к западным европейцам: «фрягами» называли вообще последних, и название это, как кажется, было не что иное, как переиначенное с течением веков древнее слово «варяг», сначала означавшее северных скандинавов, а впоследствии получившее значение «европеец» вообще.

его брата Фомы, который, продержавшись в течение некоторого времени в Пелопоннесе в звании деспота морейского, был вынужден, наконец, по примеру многих своих соотечественников искать убежища в чужой земле, перешел в Италию с сыновьями Андреем и Мануилом и умер в Риме. Его дочь Зинаида-Софья (ставшая известной более под последним именем), не хотела выходить замуж за принца римско-католической веры. Ее сватали французский король и миланский герцог, но она отказала обоим; и было бы подручно – представляли послы кардинала – московскому великому князю как государю православной Восточной церкви сочетаться с ней браком. Иван Васильевич в 1469 году послал сватом к папе Павлу II и кардиналу Виссариону своего денежника Ивана, прозываемого Фрязином.

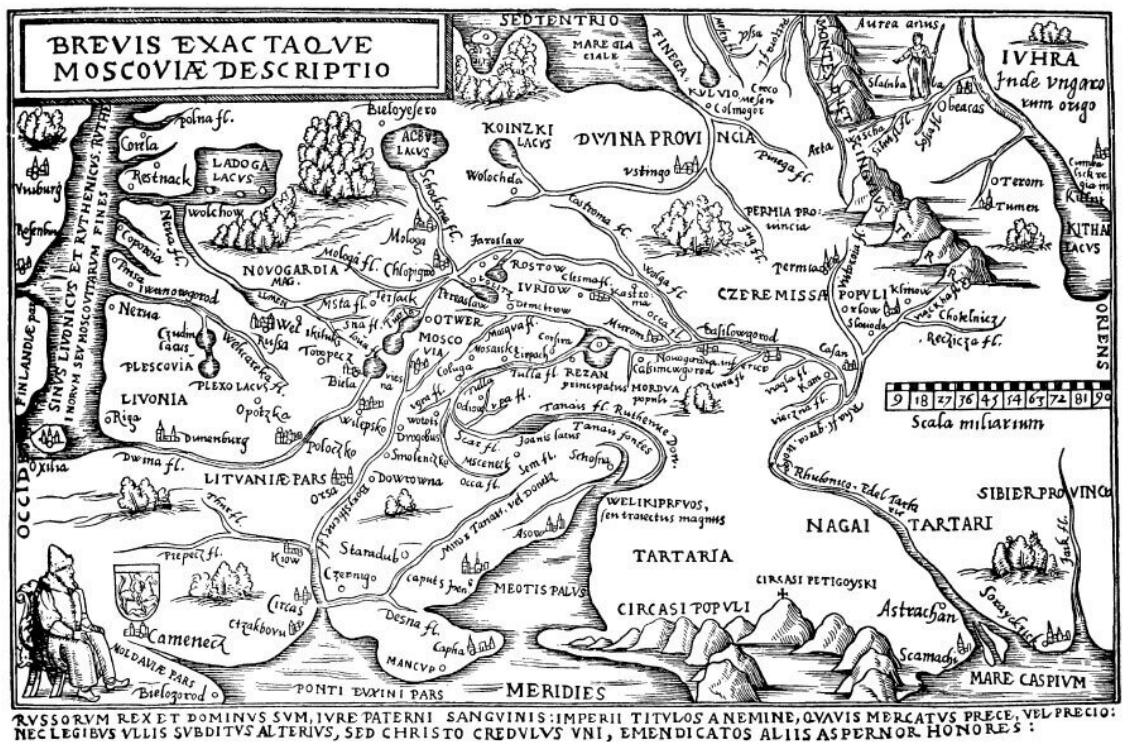
А.Д. Кившенко. Покорение Великого Новгорода: Марфу посадницу и вечевой колокол отпращивают в стан Иоанна III. 1478 г.

Между тем политическая деятельность московского государя обратилась тогда на восток. Казанское царство, недавно только основанное и так грозно заявившее себя при Василии Темном, сильно беспокоило Русь: из его пределов совершались беспрестанные набеги на русские земли; туда уводились русские пленники. Набеги эти осуществляли татары и подвластные им черемисы – самое свирепое из финско-татарских племен, населявших восток нынешней европейской части России. Иван отправлял отряды разорять Черемисскую землю, а в 1468 году ему представился случай посадить в Казани своего подручника и таким образом сделать ее подвластной себе. Некоторые казанские вельможи, недовольные своим тогдашним ханом Ибрагимом, приглашали к себе Касима, одного из тех царевичей, которым еще Василий Темный дал приют и поместья на Русской земле. Иван Васильевич отправил два войска против Казани. Предприятие не удалось, отчасти потому, что Вятка боялась усиления Москвы и не хотела помогать ей против Казани, а встала на сторону последней. Иван не остановился на первых неудачах и в 1470 году послал снова под Казань рать со своими братьями. Хан Ибрагим заключил мир с Москвой, освободив всех русских пленников, какие находились в неволе за истекшие сорок лет. Современные известия сообщают, что Ибрагим заключил мир на всей воле

великого князя; условия этого мира нам неизвестны, но, вероятно, мир этот служил подготовкой к тому, что с большим успехом было достигнуто Иваном позднее.

Карта Московии конца XV в. Якова Гастольди

Карта Московии по С. Герберштейну. Из Антверпенского издания 1557 г.

Затем ввиду обстоятельств деятельность Ивана Васильевича обратилась к северу. Целые полтора века Москва подтачивала самостоятельность и благоденствие Новгорода; Новгород терпел частые вымогательства денег, захваты земель, разорение новгородских волостей, и потому было вполне естественно, что в Новгороде издавна ненавидели Москву. Озлобление к Москве достигло высшей степени в княжение Василия Темного. Самостоятельность Великого Новгорода висела на волоске. Пришла пора прибегнуть к последним средствам. В Новгороде, как часто бывало в купеческой республике, количество людей, которые личную выгоду предпочитали всему на свете и подчиняли ей патриотические побуждения, было очень велико. Еще за двадцать пять лет до того летописец жаловался, что в Новгороде не найдешь ни правды, ни суда; ябедники сталкивались между собой, поднимали тяжбы, целовали ложно крест; в городе, по селам и волостям – грабеж, неумеренные поборы с народа, вопли, рыдания, проклятия на старейших и на весь Новгород, поэтому стали новгородцы предметом поругания для соседей. Такие явления неизбежны там, где выше всего ценятся своекорыстные интересы. Но когда слишком очевидно приближалась опасность падения независимости, в Новгороде образовался кружок лиц, соединившихся во имя общего дела и думавших во что бы то ни стало спасти свое отечество от московского самовластия. Душой этого кружка была женщина, вдова посадника, Марфа Борецкая. К сожалению, источники дают нам чрезвычайно мало сведений для определения ее личности; во всяком случае несомненно, что она оказывала тогда важнейшее влияние на ход событий. Она имела двух взрослых женатых сыновей, а также внука²⁷. Марфа была очень богата; в своем новгородском дворе на Софийской стороне, который современники прозвали «чудным», она привлекала своим хлебосольством и собирала около себя людей, готовых стоять за свободу и независимость отечества. Кроме сыновей Марфы с ней заодно были люди знатных боярских фамилий того времени: Арбузовы, Афанасьевы, Астафьевы, Григоровичи, Лошинские, Немиры и др. Люди этой партии имели влияние на громаду простого народа и могли, по крайней мере до первой неудачи, управлять вечем. Так как им ясно казалось, что Великий Новгород не в силах сам защитить себя от Москвы, которая могла двинуть на него кроме своих сил еще силы других, уже подчиненных ей, земель, то патриоты пришли к убеждению, что лучше всего отдаться под покровительство литовского великого князя и короля польского Казимира. Иван Васильевич узнал обо всем, что делается и замышляется в Новгороде, не заявил гнева Новгороду, напротив, кротко послал сказать: «Люди новгородские, исправьтесь, помните, что Новгород – отчина великого князя. Не творите лиха, живите по старине!»

---

²⁷ Двое других ее сыновей утонули в море, и в память об этом грустном событии Мария основала монастырь на Белом море (Корельский монастырь в 34 верстах от Архангельска).

Рынды в XV–XVII столетиях

Новгородцы на вече оскорбили послов великого князя и дали такой ответ на увещание Ивана Васильевича: «Новгород не отчина великого князя, Новгород сам себе господин!»

И после того не показал гнева великий князь, но еще раз приказал сказать Великому Новгороду такое слово: «Отчина моя, Великий Новгород, люди новгородские! Исправьтесь, не вступайтесь в мои земли и воды, держите имя мое честно и грозно, посылайте ко мне бить челом, а я буду жаловать свою отчину по старине».

Русский боярин

Бояре замечали великому князю, что Новгород оскорбляет его достоинство. Иван хладнокровно сказал: «Волны бьют о камни и ничего камням не сделают, а сами рассыпаются пеной и исчезают как бы в посмеяние. Так будет и с этими людьми новгородцами».

В конце 1470 года новгородцы пригласили к себе князя из Киева, Михаила Олельковича. Это был так называемый «кормленный» князь, каких прежде часто приглашали к себе новгородцы, уступая им известные доходы с некоторых своих волостей. В то время скончался владыка новгородский Иона. Избранный на его место по жребию Феофил был человек слабый и бесхарактерный; он колебался то на ту, то на другую сторону; патриотическая партия взяла тогда верх до того, что заключен был от всего Великого Новгорода договор с Казимиром: Новгород поступал под верховную власть Казимира, отступал от Москвы, а Казимир обязывался охранять его от покушений московского великого князя.

Узнав об этом, Иван Васильевич не изменил своему прежнему хладнокровию. Он отправил в Новгород кроткое увещание и припоминал, что Новгород от многих веков знал один только княжеский род – Владимира Святого: «Я, князь великий, – приказал он сказать Новгороду через своего посла, – не чиню над вами никакого насилия, не налагаю на вас никаких тягостей более того, сколько было налагаемо при моих предках, я еще хочу больше вас жаловать, свою отчину».

Вместе с этим послал новгородцам увещание и митрополит Филипп, заступивший место Феодосия, удалившегося в монастырь. Архипастырь представлял им, что отдача Новгорода под власть государя латинской веры есть измена православию. Это увещание расшевелило было религиозное чувство многих новгородцев, однако ненависть к Москве на время взяла верх. Патриотическая партия пересилила. «Мы не отчина великого князя, – кричали новгородцы на вече, – Великий Новгород извека вольная земля! Великий Новгород сам себе государь!»

Великокняжеских послов отправили с бесчестьем.

Иван Васильевич и после этого не разгневался и еще раз послал в Новгород своего посла, Ивана Федоровича Торопкова, с кротким увещанием: «Не отступай, моя отчина, от православия; изгоните, новгородцы, из сердца лихую мысль, не приставайте к латинству, исправьтесь и бейте мне челом; я вас буду жаловать и держать по старине».

Улица в Москве XVI в.

И митрополит Филипп еще раз послал увещание; насколько хватало у него учености, обличал он латинское неверие и убеждал новгородского владыку удерживать свою паству от соединения с латинами.

Это было весной 1471 года. Ничто не помогло, хотя в то время призванный новгородцами из Киева князь ушел от них и оставил по себе неприятные воспоминания, так как его дружина позволяла себе разные бесчинства. Партия Борецких поддерживала надежду на помощь со стороны Казимира.

Только тогда Иван Васильевич решился действовать оружием.

31 мая он отправил свою рать под начальством воеводы Образца на Двину отнимать эту важную волость у Новгорода; 6 июня двинул другую рать в двенадцать тысяч под предводительством князя Даниила Дмитриевича Холмского к Ильменю, а 13 июня отправил за ним на побе-

режье реки Меты третий отряд, под начальством князя Василия Оболенского-Стриги. Великий князь дал приказание сжигать все новгородские пригороды и селения и убивать без разбора и старых, и малых. Цель его была обессилить до крайности Новгородскую землю. Одновременно с этими войсками подвигнуты были великим князем на Новгород силы Пскова и Твери.

Московские ратные люди, исполняя приказание Ивана Васильевича, вели себя бесчеловечно; разбив новгородский отряд у Коростыня, на берегу Ильменя, московские военачальники приказывали отрезать пленникам носы и губы и в таком виде отправляли их показаться своим собратьям. Главное новгородское войско состояло в основном из непривычных к битве людей: из ремесленников, земледельцев, чернорабочих. В этом войске не было согласия. 13 июля на берегу реки Шелони, близ устья впадающей в Шелонь реки Дряни, новгородцы были разбиты наголову. Иван Васильевич, прибыв с главным войском вслед за высланными им отрядами, остановился в Яжелбицах и приказал отрубить головы взятым в плен четверым предводителям новгородского войска и в их числе сыну Марфы Борецкой Дмитрию Исаакиевичу²⁸. Из Яжелбиц Иван двинулся в Русу, оттуда к Ильменю и готовился добывать Новгород оружием.

Поражение новгородского войска произвело переворот в умах. Народ в Новгороде находился в уверенности, что Казимир явится или пришлет войско на помощь Новгороду; но из Литвы не было помощи. Ливонские немцы не пропустили новгородского посла к литовскому государю. Народ завопил и отправил своего архиепископа просить у великого князя пощады.

Владыка с послами от Великого Новгорода прежде всего одарил братьев великого князя и его бояр, а потом был допущен в шатер великого князя и в таких выражениях просил его милости: «Господине великий князь Иван Васильевич вся Руси, помилуй, Господа ради, виновных перед тобою, людей Великого Новгорода, своей отчины! Покажи, господине, свое жалованье, уйми меч и огонь, не нарушай старины земли своей, дай видеть свет безответным людям твоим. Пожалуй, смилуйся, как Бог тебе на сердце положит».

Братья великого князя, а за ними московские бояре, принявшие подарки от новгородцев, кланялись своему государю и просили за Новгород.

Перед этим Иван Васильевич получил от митрополита грамоту: московский архипастырь просил оказать пощаду Новгороду. Как бы снисходя усиленному заступничеству за виновных митрополита, своих братьев и бояр, великий князь объявил новгородцам свое милосердие: «Отдаю нелюбие свое, унимаю меч и грозу в земле Новгородской и отпускаю полон без окупа».

---

²⁸ Кроме него Василию Селезеву-Губе, Киприану Арбузьеву (или Арзубьеву) и Иеремею Сухошоку, архиепископскому чашнику.

Свадебный пир (по А. Олерию)

Заключили договор. Новгород отрекся от связи с литовским государем, уступил великому князю часть Двинской земли, где новгородское войско было разбито московским. Вообще в Двинской земле (Заволочье), которую Новгород считал своей собственностью, издавна была чересполосица. Посреди новгородских владений были населенные земли, на которые предъявляли права другие князья, особенно ростовские. Это было естественно, так как население подвигалось туда из разных земель Руси. Московский великий князь как верховный глава всех удельных князей и обладатель их владений считал все такие спорные земли своей отчиной и отнял их у Новгорода, как бы опираясь на старину. Новгород, кроме того, обязался заплатить «копейное» (контрибуцию). Сумма «копейного» означалась в пятнадцать с половиной тысяч, но великий князь скинул одну тысячу. Во всем остальном договор этот был повторением того, какой заключили при Василии Темном. «Вечные» грамоты также уничтожались.

Верный своему правилу действовать постепенно, Иван Васильевич не уничтожил самобытности Новгородской земли, а предоставил новгородцам подать ему вскоре повод сделать дальнейший шаг к тому, чего веками домогалась Москва над Великим Новгородом. Ближайшим последствием этой несчастной войны было то, что Новгородская земля была так разорена и так обезлюдела, как еще не бывало никогда во время прошлых войн с великими князьями. Этим разорением московский государь обессилил Новгород и на будущее время подготовил себе легкое уничтожение всякой его самобытности.

Иван Васильевич удержал за собой Вологду и Заволочье, а в следующем году (1472) отнял у Великого Новгорода Пермь. Эта страна управлялась под верховной властью Новгорода своими князьями, принявшими христианство, которое с XIV века, со времени проповеди Св. Стефана, распространилось в этом крае. В Перми обидели каких-то москвичей. Иван Васильевич придрался к этому и отправил в Пермскую землю рать под начальством Федора Пестрого. Московское войско разбило пермскую военную силу, сожгло пермский город Искор и другие городки; пермский князь Михаил был схвачен и отослан в Москву. Пермская страна признала

над собой власть московского великого князя. Иван Васильевич и здесь поступил согласно своей обычной политике: он оставил Пермь под управлением ее князей, но уже в подчинении Москве, а не Новгороду; по крайней мере до 1500 года там управлял сын Михаила князь Матвей и только в том году был сведен с княжения и заменен русским наместником.

Между тем посланный в Рим Иван Фрязин выполнил данное ему поручение. Папа отпустил его, дав полное согласие на брак московского великого князя с греческой царевной, и вручил грамоту на свободный проезд московских послов за невестой. Возвращаясь назад, Иван Фрязин заехал в Венецию, назвался там большим послом московского великого князя и был принят с честью венецианским правителем (дожем) Николаем Троне. Венеция вела тогда войну с Турцией; представилось соображение отправить вместе с московским послом посла от Венецианской республики к хану Золотой Орды, чтобы подвигнуть его на турок. Послом для этой цели избран был Джованни Баттиста Тревизано. Иван Фрязин почему-то счел за лучшее скрыть перед великим князем цели этого посольства и настоящее звание посла, которого назвал купцом, своим родственником. Он отправил его частным образом в дальнейший путь.

Сражение на реке Угре, положившее конец ордынскому игу. Миниатюра из Лицевого летописного свода. XVI в.

Иван Васильевич, получив с Фрязином от папы согласие на брак, немедленно отправил за невестой в Рим того же Ивана Фрязина с другими лицами. Когда же Иван Фрязин уехал, вдруг открылось, что Тревизано не купец, а посол: за ним отправили погоню, догнали в Рязани и привезли в Москву. Великий князь естественно подозревал, что тут кроется что-то дурное, и приказал посадить Тревизано в тюрьму. Ивану Фрязину по возвращении в Москву готовилась заслуженная кара за обман.

С. Герберштейн в жалованном русском платье, полученном им при втором посольстве в 1526 г.

Иван Фрязин явился в Рим уполномоченным представлять своего государя. Папой вместо недавно умершего стал тогда Сикст IV. Этот папа и все его кардиналы увидели в сватовстве московского великого князя случай провести заветные цели римской церкви: во-первых, ввести в Русской земле Флорентийскую унию и подчинить русскую церковь папе, во-вторых – двинуть силы Русской земли против турок, так как в тот век мысль об изгнании турок из Европы являлась популярной на Западе. У римского двора было вообще в обычае, что если к нему

обращались или хотели с ним сблизиться те, которые не признавали власти папы, то это толковалось готовностью со стороны последних добровольно подчиниться власти римского первосвященника. И теперь достаточно было одного сватовства московского великого князя и отправки посольства в Рим по поводу этого сватовства, чтобы в таком событии видеть не только желание присоединения, но уже как бы совершившееся присоединение московского государя к римско-католической церкви. Папа в своем ответе Ивану Васильевичу прямо хвалил его за то, что он принимает Флорентийскую унию и признает римского первосвященника главой церкви; папа, как будто по желанию московского великого князя, отправлял в Москву легата исследовать на месте тамошние религиозные обряды и направить на истинный путь великого князя и его подданных. Вероятно, Иван Фрязин со своей стороны подал к этому повод неосторожным заявлением преданности папе от лица великого князя; наши летописи уверяют, что он сам прикидывался католиком, тогда как, находясь в Русской земле, уже принял восточное православие.

24 июня 1472 года нареченная невеста под именем царевны Софьи выехала из Рима в сопровождении папского легата Антония. С ней отправилась толпа греков: среди них был Дмитрий – посол от братьев Софьи. Она плыла морем, высадилась в Ревеле и 13 октября прибыла во Псков, а оттуда в Новгород. В обоих городах встречали ее с большим почетом; во Пскове пробыла Софья пять дней, благодарила псковичей за гостеприимство и обещала ходатайствовать перед великим князем об их правах; однако псковичи с удивлением смотрели на папского легата в красной кардинальской одежде, в перчатках; более всего поражало их то, что этот высокопоставленный духовный сановник не оказывал уважения к иконам, не полагал на себя крестного знамения и, только подходя к образу Пречистой Богородицы, перекрестился, но и то, как было замечено, сделал это по указанию царевны.

Такое поведение легата еще соблазнительнее должно было показаться в Москве, где менее, чем во Пскове и в Новгороде, имели возможность знать приемы западных католиков. Уже невеста приближалась к Москве, как туда дошла весть о том, что везде, где невеста останавливается, перед папским легатом, который сопровождал ее, несли серебряное литое распятие – «латинский крыж»; великий князь стал советоваться со своими боярами: можно ли допустить такое шествие легата с его распятием по Москве? Некоторые полагали, что не следует ему препятствовать; другие говорили: «На земле нашей никогда того не бывало, чтобы латинская вера была в почете». Великий князь послал спросить об этом митрополита. «Нельзя тому стать, – сказал митрополит, – чтоб он так входил в город, да и приближаться к городу ему так не следует: если ты его почтишь, то он – в одни ворота в город, а я – в другие ворота вон из города! Не только видеть, и слышать нам о том не годится; кто чужую веру хвалит, тот над своей верою ругается». Тогда великий князь послал к легату сказать, чтобы он спрятал свое литое распятие. Легат, подумав, повинился. Иван Фрязин при этом усиленно доказывал, что следует оказать честь папе в лице его легата, так как папа оказывал у себя честь русскому посольству. Бедный итальянец был слишком смел, надеялся на свои услуги, оказанные великому князю, и не знал, что его ожидает. За пятнадцать верст от Москвы выехал навстречу невесте боярин великого князя Федор Давидович: тут Ивана Фрязина заковали и отправили в Коломну; его дом и имущество разграбили, а жену и детей взяли в неволю.

12 ноября прибыла невеста в Москву; там все уже было готово к бракосочетанию. Митрополит встретил ее в церкви; он благословил крестом как царевну, так и православных людей, сопровождавших ее. Из церкви она отправилась к матери великого князя; туда прибыл Иван Васильевич. Там происходило обручение. Летописец говорит, что и венчание совершилось в тот же день²⁹. Митрополит служил литургию в деревянной церкви Успения, поставленной вре-

²⁹ День был четверток.

менно вместо обвалившейся каменной, до постройки новой, а после литургии коломенский протопоп Иосия обвенчал московского великого князя с греческой царевной.

Посольство пробыло в Москве одиннадцать недель. Великий князь угощал его, честил и щедро дарил, но легат увидел, что не было надежды на подчинение русской церкви папе. Великий князь предоставлял это церковное дело митрополиту; митрополит выставил против легата для состязания о вере какого-то Никиту, книжника поповича. Но из этого состязания не вышло ничего. Русские говорили, будто легат сказал книжнику: «Нет книг со мною», – и потому не мог с ним спорить.

Иван Васильевич отправил в Венецию Антона Фрязина за объяснением по поводу Тревизано: «Что это делают со мной, – укорял он венецианское правительство, – с меня честь снимают: через мою землю посылают посла, а мне о том не объявляют!» Венецианский дож отправил Антона назад с извинениями и с убедительной просьбой отпустить задержанного Тревизано. Иван Васильевич по этой просьбе освободил венецианского посла и не только отпустил его исполнить свое поручение в Орде, но еще придал ему и своего собственного посла: вступив в брак с греческой царевной, Иван Васильевич, так сказать, взял с нею в приданое неприязнь к Турции и потому со своей стороны желал побуждать Ахмата к войне против Турции. Посольство это не имело успеха.

Иван Васильевич, отпуская венецианского посла, дал ему на дорогу семьдесят рублей, а потом отправил своего посла в Венецию и велел сказать, что венецианскому послу дано семьсот рублей. Этот посол Ивана Васильевича, Толбузин, был первый московский посол русского происхождения на Западе и открыл собой ряд русских посланников. Посольство это еще замечательно и тем, что Иван Васильевич поручил Толбузину найти в Италии мастера, который бы мог строить церкви. Много было тогда в Италии архитекторов, но не хотели они ехать в далекую неведомую землю; сыскался один только Фиораванти, названный Аристотелем за свое искусство, родом из Болоньи. За десять рублей жалованья в месяц отправился он в Москву с Толбузиным и взял с собой сына Андрея и ученика по имени Петр. Этот Аристотель был первый, открывший дорогу многим другим иноземным художникам. Ему поручили строить Успенский собор. Церковь эта была построена еще при Калите; она обветшала, была разобрана; вместо нее русские мастера Кривцов и Мышкин взялись строить новую, да не сумели вывести свод. Аристотель нашел, что русские не умеют ни обжигать кирпичей, ни приготавливать извести. Он приказал все построенное разбить стенобитной машиной, которая вызывала простодушное удивление у русских. «Как это, – говорили они, – три года церковь строена, а он ее меньше чем в неделю развалил!» Еще больше удивлялись русские колесу, которым Аристотель поднимал камни при постройке верхних стен здания. Церковь окончена была в 1479 году и освящена с большим празднеством. Аристотель стал полезным человеком в Москве не только по строительному делу: он умел лить пушки, колокола и чеканить монету.

Максим Грек. Неизвестный художник начала XIX в.

Брак московского государя с греческой царевной был важным событием в русской истории. Собственно как родственный союз с византийскими императорами это не было новостью: много раз русские князья женились на греческих царевнах и такие браки кроме первого из них, брака Владимира Святого, не имели важных последствий, существенно не изменяли ничего в русской жизни. Брак Ивана с Софьей заключен был при особых условиях. Во-первых, невеста его прибыла не из Греции, а из Италии, и ее брак открыл путь сношениям московской Руси с Западом. Во-вторых – Византийского государства уже не существовало; обычаи, госу-

дарственные понятия, приемы и обрядность придворной жизни, лишенные прежней почвы, искали себе новой и нашли ее в единой Руси. Пока существовала Византия, Русь хотя усваивала всю ее церковность, но в политическом отношении оставалась всегда только Русью, да и у греков не было помысла переделать Русь в Византию; теперь же, когда Византии не стало, возникла мысль, что Греция должна была воплотиться в Руси и Русское государство будет преемственно продолжением Византийского настолько, насколько русская церковь преемственно была костью от кости и плотью от плоти греческой церкви. Кстати, Восточная Русь освобождалась от порабощения татарского именно в ту эпоху, когда Византия порабощена была турками. Появлялась надежда, что молодая Русская держава, усилившись и окрепнув, послужит главным двигателем освобождения Греции. Брак Софьи с русским великим князем имел значение передачи наследственных прав потомства Палеологов русскому великокняжескому дому. Правда, у Софьи были братья, которые иначе распорядились своими наследственными правами: один из ее братьев, Мануил, покорился турецкому султану; другой, Андрей, два раза посещал Москву, оба раза не ужился там, уехал в Италию и продавал свое наследственное право то французскому королю Карлу VIII, то испанскому – Фердинанду Католику. Православным людям передача прав византийских православных монархов какому-нибудь латинскому королю не могла казаться законной, и в этом случае гораздо более права представлялось за Софьей, которая оставалась верна православию, была супругой православного государя, должна была сделаться и сделалась матерью и праматерью его преемников и при своей жизни заслужила укор и порицания папы и его сторонников, которые очень ошиблись в ней, рассчитывая через ее посредничество ввести в Московскую Русь Флорентийскую унию. Первым видимым знаком той преемственности, которая образовалась в отношении Московской Руси к Греции, было принятие двуглавого орла, герба Восточной Римской империи, ставшего с того времени русским гербом. С этих пор многое на Руси изменяется и принимает подобие византийского. Это делается не вдруг, происходит во время княжения Ивана Васильевича, продолжается и после его смерти. В придворном обиходе появляются громкий титул царя, целование монаршей руки, придворные чины ясельничего, конюшого, постельничего (появившиеся, впрочем, к концу княжения Ивана); значение бояр как высшего слоя общества падает перед самодержавным государем; все делались равны, все одинаково были его рабами. Почетное наименование «боярин» становится саном, чином: в бояре жалует великий князь за заслуги; кроме боярина был уже другой, несколько меньший, чин – окольничего. Таким образом положили начало чиновной иерархии. К эпохе Ивана Васильевича, как должно думать, следует отнести начало учреждения приказов с их дьяками. По крайней мере тогда уже был «разряд», наблюдавший над порядком службы, был и Посольский приказ: последнее можно заключать из того, что существовал посольский дьяк. Но всего важнее и существеннее была внутренняя перемена в достоинстве великого князя, сильно ощущаемая и наглядно видимая в поступках медлительного Ивана Васильевича. Великий князь сделался государем-самодержцем. Уже при его предшественниках видна достаточная подготовка к этому, но московские великие князья все еще не были вполне самодержавными монархами. Первым самодержцем стал Иван Васильевич, особенно после брака с Софьей. Вся его деятельность с этих пор была последовательнее и неуклоннее посвящена укреплению единовластия и самодержавия.

И ближайшие к его времени потомки сознавали это. При его сыне Василии, который так последовательно продолжал отцовское дело, русский человек Берсень сказал греку Максиму: «Как пришла сюда мати великого государя, то наша земля замешалася». Грек заметил, что Софья была особа царского происхождения. Берсень на это сказал: «Максиме господине, какая бы она ни была, да к нашему нестроению пришла; а мы от разумных людей слышали: которая земля переставляет свои обычаи, и та земля не долго стоит, а у нас князь великий обычаи переменил». Главная сущность таких перемен в обычаях, как показывают слова того же Берсени, состояла во введении самодержавных приемов, в том, что государь перестал по старине

советоваться со старейшими людьми, а запершись у постели, все дела сам-третей делал. Позднее Берсеня, спустя столетие после брака Ивана Васильевича с Софьей, Курбский, ненавидевший самовластие внука этой четы, приписывал начало противного ему порядка вещей Софье, называл ее чародейницей, обвинял в злодеяниях, совершенных над членами семьи великого князя. Несомненно, что сама Софья была женщина сильная волей, хитрая и имела большое влияние как на своего мужа, так и на ход дел в Руси.

Одним из важнейших событий после брака с Софьей была окончательная расправа с Новгородом. Иван воспользовался давним правом княжеского суда, чтобы лишить Новгород некоторых лиц, в которых видел противников своих самодержавных стремлений. В 1475 году он отправился в Новгород и был принят там с большим почетом. В Новгороде, как всегда бывало, происходили несогласия; в нем не было недостатка в лицах, готовых своими жалобами возбуждать великого князя к производству суда над новгородскими людьми. Появились жалобщики (старосты Славковой и Никитиной улицы и два боярина); так случилось, что они жаловались на тех именно лиц, которые были особенно ненавистны великому князю по прежней его ссоре с Новгородом. Великий князь, как будто уважая новгородскую старину, дав на обвиняемых своих великокняжеских приставов, велел дать на них же еще приставов от веча и, назначив день суда на Городище, приказал быть при своем суде новгородскому владыке и посадникам. Иван Васильевич признал тех, которых противная сторона обвиняла, виновными в наездах на дворы, в грабежах и убийствах и приказал своим боярам взять под стражу из числа обвиненных четырех человек (Василья Онаньина, Богдана Есипова, Федора Борецкого и Ивана Лошинского), противников Москвы, какими они показали себя в 1471 году. Великий князь тут же приказал присоединить к ним еще двух человек, не подвергавшихся его суду (Ивана Афанасьева и его сына Елевферия), припомнив им, что они затевали отдать Новгород польскому королю. Но на этом суде только для вида присутствовали посадники, и только по форме суд этот был, сообразно старине, двойственным, то есть и княжеским и вместе народным; на самом деле суд этот был судом одного только великого князя, как видно из того, что впоследствии и владыка, и посадники несколько раз просили московского великого князя, чтобы он выпустил задержанных новгородцев. Великий князь был неумолим: шестерых взятых под стражу приказал отправить в Москву, а оттуда на заточение в Муром и Коломну; прочих же обвиненных этим судом отдал на поруки, наложив на них в уплату истцам и себе за их вину большую сумму в полторы тысячи рублей. Затем Иван Васильевич пировал у новгородцев, и эти пирушки тяжело ложились на их карманы: не только те, которые устраивали пиры для великого князя, одаривали его деньгами, вином, сукнами, лошадьми, серебряной и золотой посудой, рыбьим зубом; даже те, которые не угощали его пирами, приходили на княжеский двор с подарками, так что из купцов и житых людей не осталось никого, кто бы тогда не принес великому князю от себя даров. По возвращении Ивана Васильевича в Москву в конце марта 1476 года приехал к нему новгородский архиепископ с посадниками и житыми людьми бить челом, чтобы он отпустил задержанных новгородцев. Иван Васильевич взял от них дары, но не отпустил взятых в неволю новгородцев, о которых они просили. Великокняжеский суд, произведенный на Городище, естественно, понравился тем, которые были оправданы этим судом; это побуждало некоторых новгородцев явиться в Москву и также искать великокняжеского суда на свою братию. Издавна одним из важнейших прав новгородской вольности было то, что великому князю нельзя было вызывать новгородца из его земли и судить не в новгородской земле. Это право теперь нарушалось. Великий князь выслушивал новгородских истцов в Москве и отправлял в Новгород своих московских, а не новгородских приставов за ответчиками. В числе таких челобитчиков и ответчиков были двое чиновников новгородского веча: подвойский (чиновник по поручениям) по имени Назар и дьяк веча (секретарь) Захар Овинов. В Москве их разумели как послов от веча. Вместо того чтобы по старине назвать великого князя и его сына (имя которого уже ставилось в грамотах как имя соправителя) господами,

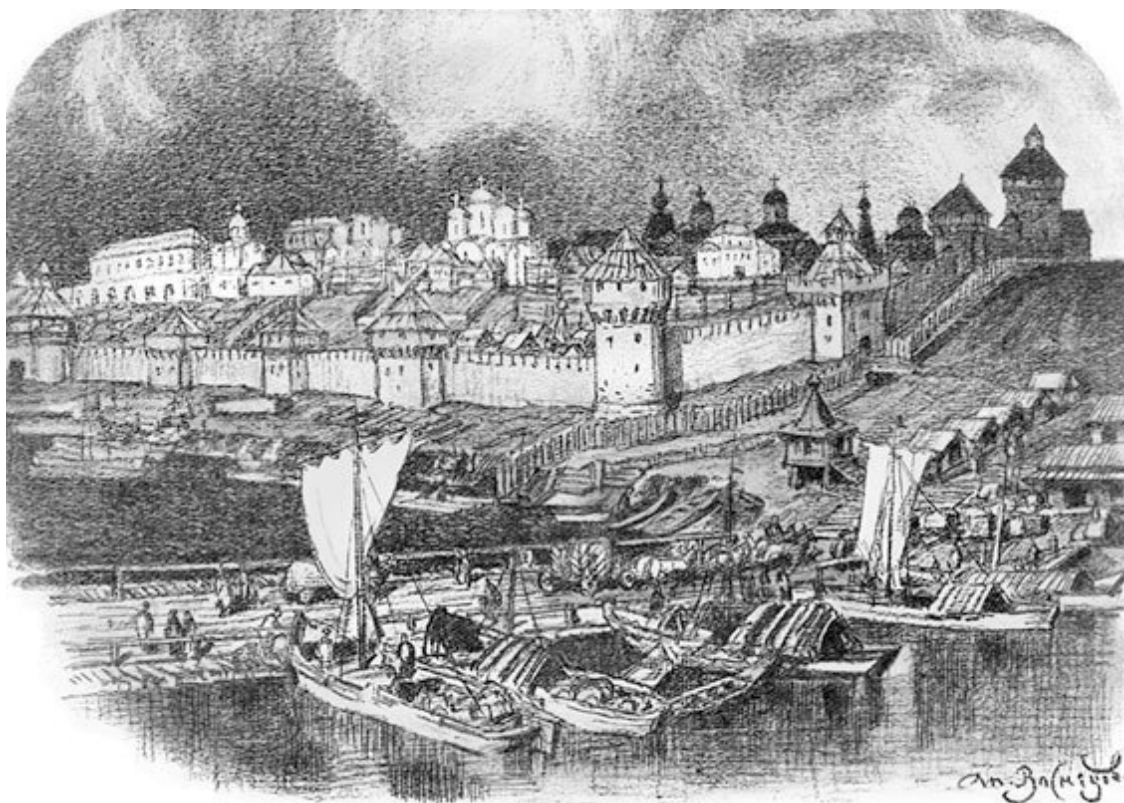
они назвали их государями. Великий князь ухватился за это и 24 апреля 1477 года отправил своих послов спросить: какого государства хочет Великий Новгород, так как об этом государстве говорили в Москве приехавшие от всего Великого Новгорода послы.

Вид Нижнего Новгорода (по А. Олеарию)

Новгородцы на вече отвечали, что не называли великого князя государем и не посылали к нему послов говорить о каком-то новом государстве; весь Новгород, напротив, хочет, чтобы все оставалось без перемены – по старине.

Еще послы великого князя не успели уехать из Новгорода, как там поднялось волнение: 31 мая вече казнило троих лиц – Василия Никифорова, Захара Овинова и его брата Козьму. Услыхав об этом, великий князь испросил благословения у митрополита Геронтия, заступившего на место умершего Филиппа, и в начале октября 1477 года двинулся с войском наказывать Новгород огнем и мечом. И Тверь, и Псков должны были посылать свои рати на Новгород. К ополчению московского великого князя присоединись люди из новгородских волостей – бежечане, новоторжцы, волочане (жители Волока-Ламского), так как в этих пограничных волостях имелись в чересполосности владения неновгородские. Неприятельские отряды распущены были по всей Новгородской земле от Заволочья до Наровы и должны были жечь людские поселения и истреблять жителей. Для защиты своей свободы у новгородцев не было ни материальных средств, ни нравственной силы. Они отправили владыку с послами просить у великого князя мира и пощады.

А.М. Васнецов. Московский Кремль при Иване III

Послы встретили великого князя в Сытынском погосте близ Ильменя. Великий князь не принял их, а велел своим боярам представить им на вид вину Великого Новгорода: «Сами новгородцы послали в Москву послов, которые назвали великого князя государем, а теперь Новгород отрекается от этого!» В заключение бояре сказали: «Если Новгород захочет бить челом, то он знает, как ему бить челом».

Вслед за тем великий князь 27 ноября переправился через Ильмень и остановился за три версты от Новгорода в селе, принадлежавшем опальному Лошинскому, близ Юрьева монастыря. Новгородцы еще раз отправили своих послов к великому князю, но московские бояре, не допустив их, как и прежде, до великого князя, сказали им все те же загадочные слова: «Если Новгород захочет бить челом, то он знает, как ему бить челом».

Великокняжеские войска, захватив подгородные монастыри, окружили весь город; Новгород оказался замкнутым со всех сторон.

Опять отправился владыка с послами. Великий князь и на этот раз не допустил их к себе; но бояре теперь не говорили им загадок, а объявили напрямик: «Вечу и колоколу не быть, посаднику не быть, государство Новгородское держать великому князю точно так же, как он держит государство в Низовой земле, а управлять в Новгороде его наместникам». За это их обнадеживали тем, что великий князь не станет отнимать у бояр земель и не будет выводить жителей из Новгородской земли.

Русское посольство

Шесть дней прошли в волнении. Новгородские бояре ради сохранения своих вотчин решились пожертвовать земской свободой, хотя в сущности с потерей этой свободы не оставалось никакого ручательства целостности достояния частных лиц. Народ не в силах был защищаться оружием; не у кого было просить помощи, и не могла она ниоткуда прийти к Новгороду: город был отрезан от всего.

Владыка с послами снова поехал в стан великого князя и объявил, что Новгород соглашается на все. Послы предложили написать договор в этом же смысле и утвердить его с обеих сторон крестным целованием. Но бояре сказали, что великий князь не станет целовать креста.

«Пусть бояре поцелуют крест», – сказали новгородские послы.

«И боярам не велит государь целовать креста», – отвечали бояре, доложив прежде об этом великому князю.

«Так пусть наместник великого князя поцелует крест», – говорили новгородцы.

«И наместнику не велит государь целовать креста», – отвечали бояре.

Новгородские послы с таким ответом хотели идти в Новгород, но их задержали, не сообщив причины, за что задерживают.

Иван Васильевич нарочно медлил для того, чтобы тем временем новгородцы в осаде дошли до крайнего состояния от голода и распространившихся болезней, а Новгородская земля потерпела бы еще сильнее от его рати. Наконец в январе 1478 года потребовали от послов, чтобы Новгород отдал великому князю половину владычных и монастырских волостей и все новоторжские волости, чьи бы они ни были.

Новгород на все согласился, выговорив только льготу для бедных монастырей. Условились, чтобы с каждой сохи, то есть с пространства в три обжи или в три раза более того, сколько один человек может вспахать одной лошадью, брать дань по полугривне.

15 января все новгородцы были приведены к присяге на полное повиновение великому князю. По этой присяге каждый новгородец был обязан доносить на своего брата новгородца,

если услышит от него что-нибудь о великом князе хорошего или худого. В тот же день снят был вечевой колокол и отвезен в московский стан.

Несмотря на обещание никого не выводить с Новгородской земли, великий князь в феврале того же года приказал схватить, заковать и отправить в Москву несколько лиц, стоявших еще прежде во главе патриотического движения. В их числе была Марфа Борецкая с внуком, сыном уже умершего тогда в заточении в Муроме Федора. Имущество опальных досталось великому князю – было «отписано на государя», как тогда начали выражаться.

Великий князь назначил в Новгороде четырех наместников и уехал в Москву. Современники говорят, что по его приказанию отправилось туда триста возов с добычей, награбленной у новгородцев. Повезли в Москву и вечевой колокол Великого Новгорода; и «вознесли его на колокольницу, – говорит летописец, – с прочими колоколами звонити».

Москва, расширяя пределы своей волости, со времен Ивана Калиты еще не приобретала такой важной добычи: все огромное пространство севера нынешней Европейской России, от Финского залива до Белого моря, теперь принадлежало ее государю. Но этот успех навлек на нее бурю. Казимир пропустил удобное время, не помог Новгороду тогда, когда бы еще мог овладеть им и тем поставить преграду распространявшемуся могуществу Москвы; теперь, казалось, он испугался этого могущества и думал исправить испорченное дело. Он отправил посла к хану Золотой Орды возбуждать его на Москву, обещал действовать с ним заодно со своими литовскими и польскими силами. В то же время он стал ласкать и обнадеживать новгородцев. Естественно, в Новгороде после покорения должна была оставаться партия, готовая на всякие действия ради восстановления павшего здания. Составился заговор. Заговорщики вошли в сношения с Литвой. У новгородцев явились союзниками даже братья великого князя, Андрей Старший и Борис; они были недовольны Иваном Васильевичем: с ним заодно покоряли они Новгород, однако Иван Васильевич присоединил покоренную землю к своей державе, а братьям не дал части в добыче³⁰.

Иван Васильевич узнал вовремя об опасности и поспешил в Новгород осенью 1479 года. Он утаивал свое настоящее намерение и пустил слух, будто идет на немцев, нападавших тогда на Псков; даже его сын не знал истинной цели этого похода. Между тем новгородцы, понадеявшись на помощь Казимира, прогнали великокняжеских наместников, возобновили вечевой порядок, избрали посадника и тысяцкого.

Великий князь подошел к городу со своим иноземным мастером Аристотелем, который поставил напротив Новгорода пушки; его пушкари стреляли метко. Тем временем великокняжеская рать захватила посады, и Новгород оказался в осаде. Поднялась в Новгороде безланица; многие сообразили, что нет надежды на защиту, и поспешили заранее в стан великого князя с поклоном. Наконец патриоты, будучи не в силах обороняться, послали к великому князю просить «опаса», то есть грамоты на свободный проезд послов для переговоров. Но времена переговоров с Москвой уже минули для Новгорода.

«Я вам опас, – сказал великий князь, – я опас невинным; я государь вам, отворяйте ворота, войду – никого невинного не оскорблю».

Новгород открыл ворота; архиепископ вышел с крестом; новый посадник, новый тысяцкий, старосты от пяти концов Новгорода, бояре, множество народа – все пали на землю и молили о прощении. Иван пошел в храм Св. Софии, молился, потом разместился в доме новоизбранного посадника Ефрема Медведева.

Доносчики представили Ивану Васильевичу список главных заговорщиков. По этому списку он приказал схватить пятьдесят человек и пытаться. Они под пытками показали, что вла-

---

³⁰ Кроме того, он не позволил боярам отъезжать к его братьям: одного из них, князя Оболенского-Лыка, приказал схватить во владениях Бориса. Младший брат Андрей не пристал к своим братьям, когда они сговаривались против Ивана; он задолжал великому князю 30 000 рублей и впоследствии завещал ему за это свой удел.

дыка с ними был в соумышлении; владыку схватили 19 января 1480 года и без церковного суда отвезли в Москву, где заточили в Чудовом монастыре. «Познаваю, – написал он, – убожество моего ума и великое смятение моего неразумения». Архиепископская казна досталась государю. Обвиненные наговорили на других, и таким образом схвачены были еще сто человек; их пытали, а потом всех казнили. Имение казненных отписано было на государя.

Вслед за тем более тысячи семей купеческих и детей боярских было выслано и поселено в Переяславле, Владимире, Юрьеве, Муроме, Ростове, Костроме, Нижнем Новгороде. Через несколько дней после того московское войско погнало более семи тысяч семей из Новгорода на Московскую землю. Все недвижимое и движимое имущество переселяемых становилось достоянием великого князя. Многие из сосланных умерли на дороге, так как их погнали зимой, не дав собраться; оставшихся в живых расселили по разным посадам и городам; новгородским детям боярским давали поместья, а вместо них поселяли на Новгородскую землю москвичей. Точно так же вместо купцов, сосланных на Московскую землю, отправили других из Москвы в Новгород.

Расправившись с Новгородом, Иван поспешил в Москву; приходили вести, что на него двигается хан Золотой Орды.

Собственно говоря, московский великий князь на деле уже был независим от Орды: она тогда настолько ослабла, что вятские удалыцы, спустившись по Волге, могли разграбить Сарай, столицу хана. Великий князь перестал платить вынужденную определенную дань, ограничиваясь одними дарами; а это не могло уже иметь смысл подданства, так как подобным образом дары от московских государей и впоследствии долго давались татарским владетелям во избежание разорительных татарских набегов. Итак, освобождение Руси от некогда страшного монгольского владычества совершилось постепенно, почти незаметно. Бывшую державу Батыева, распавшуюся на многие царства, постоянно раздирали междоусобия, и если одно татарское царство угрожало Москве, то другое мешало ему поработить Москву; хан Золотой Орды досадовал, что раб его предков, московский государь, не повинуется ему; но Иван Васильевич нашел себе союзника в крымском хане Менгли-Гирее, враге Золотой Орды. Только после новгородского дела обстоятельства временно сложились так, что хан Золотой Орды увидел возможность попытаться восстановить свои древние права над Русью. Союзник Ивана Васильевича Менгли-Гирей был изгнан и заменен другим ханом – Зенибеком. Литовский великий князь и польский король Казимир побуждал Ахмата против московского государя, обещая ему большую помощь, да вдобавок московский государь поссорился со своими братьями³¹; для Ахмата представлялись надежды на успех; но многое изменилось, когда Ахмат собрался в поход; Менгли-Гирей прогнал Зенибека и снова овладел крымским престолом; московский государь помирился с братьями, дав им обещание сделать прибавку к тем наследственным уделам, которыми они уже владели; наконец, когда хан Золотой Орды шел из волжских стран степью к берегам Оки, Иван Васильевич отправил вниз по Волге на судах рать под начальством звенигородского воеводы Василия Ноздреватого и крымского царевича Нордоулата, брата Менгли-Гирея, чтобы потревожить Сарай, оставшийся без обороны.

---

³¹ Существуют такие известия: ханы, отправляя своих послов в Москву, передавали с ними свое изображение, называемое «басма»; великие князья должны были кланяться этому изображению и выслушивать ханскую грамоту, стоя на коленях. Иван Васильевич уклонялся от этой церемонии, сказываясь больным; наконец, когда Ахмат послал потребовать дани, Иван Васильевич изломал ханскую басму, растоптал ее ногами и велел умертвить послов: вследствие этого Ахмат пошел на Москву. Сказание это не имеет достоверности; гораздо правдоподобнее, что Ахмат был настроен против московского государя Казимира, как объясняют другие современные известия.

Старая карта Европы Николая Вишера

Несмотря на все эти меры, показывающие благоразумие Ивана Васильевича, нашествие Ахмата сильно беспокоило его: он по природе не был храбр; память о посещении Москвы Тохтамышем и Эдигием сохранялась в потомстве. Народ был в тревоге; носились слухи о разных зловещих предзнаменованиях: в Алексине, куда направлялись татары, люди видели, как звезды, словно дождь, падали на землю и рассыпались искрами, а в Москве ночью колокола звонили сами собой; в церкви Рождества Богородицы упал верх и сокрушил много икон – все это было сочтено за предвестие беды, наступавшей от татар. Иван Васильевич отправил вперед войско с сыном Иваном, а сам оставался шесть недель в Москве, между тем его супруга выехала из Москвы в Дмитров и оттуда водным путем отправилась на Белоозеро. Вместе с ней великий князь отправил свою казну. Народ с недовольством узнал об этом; народ не терпел Софьи, называл ее римлянкой; тогда говорили, что от сопровождавших ее людей и боярских холопов, «кровопийц христианских», хуже было русским жителям, чем могло быть от татар. Напротив того, мать великого князя инокиня Марфа изъявила решимость остаться с народом в осаде, и за то приобрела общие похвалы от народа, который видел в ней русскую женщину в противоположность чужеземке. Побуждаемый матерью и духовенством, Иван Васильевич оставил Москву под управлением князя Михаила Андреевича Можайского и своего наместника Ивана Юрьевича Патрикеева, а сам поехал к войску в Коломну; но там окружили его такие же трусы, каким был он сам: то были, как выражается летописец, «богатые сребролюбцы, брюхатые предатели»; они говорили ему: «Не становись на бой, великий государь, лучше беги; так делали прадед твой Димитрий Донской и дед твой Василий Димитриевич». Иван Васильевич поддался их убеждениям, которые сходились с теми ощущениями страха, какие испытывал он сам. Князь решил последовать примеру прародителей, уехал обратно в Москву и встретил там народное волнение; в ожидании татар толпы перебирались в Кремль; народ с ужасом

увидел неожиданно своего государя в столице, в то время, когда все думали, что он должен был находиться в войске. Народ и без того не любил Ивана, а только боялся его; теперь этот народ дал волю долго сдержанным чувствам и завопил: «Ты, государь, княжишь над нами так, что пока тихо и спокойно, то обираешь нас понапрасну, а как придет беда, так ты в беде покидаешь нас. Сам разгневал царя, не платил ему выходу, а теперь нас всех отдаешь царю и татарам!»

Духовенство со своей стороны подняло голос; всех смелее заявил себя ростовский архиепископ Вассиан Рыло: «Ты боишься смерти, – говорил он Ивану, – но ведь ты не бессмертен! Ни человек, ни птица, ни зверь не избегнут смертного приговора. Если боишься, то передай своих воинов мне. Я хотя и стар, но не пощажу себя, не отвращу лица своего, когда придется стать против татар». Невыносимы были эти обличительные слова великому князю: он и в Москве трусил, но уже не врагов, а своих, боялся народного восстания, уехал из столицы в Красное Село и послал сыну Ивану приказание немедленно приехать к нему. К счастью, сын был храбрее отца и не послушался его. Иван Васильевич, раздраженный этим непослушанием, приказал князю Холмскому силой привезти к нему сына; но и Холмский не послушался его и не решился употребить силу, когда сын великого князя сказал ему: «Лучше здесь погибну, чем поеду к отцу». Время было роковое для самодержавных стремлений Ивана; он чувствовал, что народная воля способна еще проснуться и показать себя выше его воли. Опаснее было оставаться или куда-нибудь бежать, чтобы скрыться от татар, чем отправиться на войну с татарами. Иван уехал к войску, в сущности побуждаемый той же трусостью, которая заставила его покинуть войско.

Н. Некрасов. Вече в Новгороде

Между тем хан Ахмат шел медленно по окраине Литовской земли, мимо Мценска, Любутска, Одоева, и остановился у Воротынска, ожидая помощи от Казимира. Литовская помощь не пришла к нему; союзник Ивана Васильевича Менгли-Гирей напал на Подол и тем отвлек литовские силы. Московский великий князь пришел с войском в Кременец, где соединился с братьями. Ахмат двинулся к реке Угре: начались стычки с передовыми русскими отрядами; тем временем река стала замерзать. Великий князь перешел от Кременца к Боровску, объявив, что здесь, на просторном поле, намерен вступить в бой; но тут на него опять напал страх. Были у него приближенные советники, которые поддерживали в Иване Васильевиче трусость и побуждали вместо битвы просить милости у хана. Иван Васильевич отправил к Ахмату Ивана Товаркова с челобитьем и дарами, просил пожаловать его и не разорять своего «улуса», как он называл перед ханом свои русские владения. Хан отвечал: «Я пожалую его, если он придет ко мне бить челом, как отцы его ездили к нашим отцам с поклоном в Орду». В это время пришло к Ивану послание от ростовского архиепископа Вассиана, один из красно-

речивых памятников нашей древней литературы: пастырь ободрял Ивана Васильевича примерами из Священного Писания и из русской истории, убеждал не поддаваться коварным советам трусов, которые покроют его срамом. Видимо, тогда некоторые представляли великому князю такой довод, что татарские цари – законные владыки Руси, и русские князья, прародители Ивана Васильевича, завещали потомкам не поднимать рук против царя. Вассиан по этому вопросу говорит: «Если ты рассуждаешь так: прародители заклинали нас не поднимать руки против царя, – то слушай, боголюбивый царь: клятва бывает невольная, и нам повелено прощать и разрешать от таких клятв; и святейший митрополит, и мы, и весь боголюбивый собор разрешаем тебя и благословляем идти на него, не так как на царя, а как на разбойника, и хищника, и богоборца. Лучше солгать и получить жизнь, нежели истинствовать и погибнуть, отдав землю на разорение, христиан на истребление, святые церкви на запустение и осквернение, и уподобиться окаянному Ироду, который погиб, не хотя преступить клятвы. Какой пророк, какой апостол, какой святитель научил тебя, христианского царя великих русских стран, повиноваться этому богостудному, скверному и самозванному царю? Не только за наше согрешение, но и за нашу трусость и ненадеяние на Бога попустил Бог на твоих прародителей и на всю землю Русскую окаянного Батыея, который пришел, разбойнически попленил нашу землю, поработил нас и воцарился над нами: тогда мы прогневали Бога и Бог Но Бог, потопивший Фараона и избавивший Израиля, все тот же Бог вовеки! Если ты, государь, покаешься от всего сердца и прибегнешь под крепкую руку Его и дашь обет всем умом и всею душою своею перестать делать то, что ты прежде делал, будешь творить суд и правду посреди земли, любить ближних своих, никого не будешь насиловать и станешь оказывать милость согрешающим, то и Бог будет милостив к тебе в злое время; только кайся не одними только словами, совсем иное помышляя в своем сердце. Такого покаяния Бог не принимает: истинное покаяние состоит в том, чтобы перестать делать дурное».

Не знаем, подействовала ли эта смелая обличительная речь, или, быть может, гордое требование Ахмата задело за живое Ивана, или, как говорят летописцы, страх опасности лично явиться к хану не допустил Ивана до последнего унижения. Ахмат прислал к нему с таким словом: «Если не приедешь сам, то пришли сына или брата». Иван не сделал этого. Тогда Ахмат прислал к нему еще раз: «Если не пришлешь ни сына, ни брата, то пришли Никифора Басенкова». Этот Никифор бывал в Орде, и хан знал его. Великий князь не послал Басенкова, а быть может, только не успел послать его, прежде чем пришла к нему неожиданная весть: хан бежал со всеми татарами от Угры. В то время, когда великий князь и его советники были одержимы страхом перед татарскими силами, сами татары боялись русских. Ахмат решился предпринять свой поход потому, что надеялся на помощь Казимира; но Казимир не приходил, наступали морозы: татары, по выражению современников, были и босы, и ободраны. Челобитье великого князя сначала ободрило Ахмата, но когда после того московский князь не исполнил его требования, Ахмат понял дело так, что русские не боятся его, а между тем посланный вниз по Волге отряд под начальством Ноздреватого и Нордоулата напал на Сарай, разграбил его, и до Ахмата, быть может, дошли об этом слухи. Ахмат, повернув назад, шел по Литовской земле и с досады разорял ее за то, что Казимир не помог ему вовремя.

Иван Васильевич с торжеством вернулся в Москву. Москвичи радовались, но говорили: «Не человек спас нас, не оружием избавили мы Русскую землю, а Бог и Пречистая Богородица». Тогда вернулась и Софья с Белоозера со своей свитой. «Воздай им, Господи, по делам их и по лукавству их», – говорит по этому поводу летописец.

К большому торжеству Москвы вскоре пришла весть, что у реки Донец на Ахмата напал Ивак, хан Шибанской или Тюменской Орды, соединившись с ногайскими мурзами; он собственноручно убил сонного Ахмата 6 января 1481 года и известил об этом московского великого князя, который за то послал ему дары.

Вид Ярославля

Базлика св. Марии в Риме

Эту эпоху обычно считают моментом окончательного освобождения Руси от монгольского ига, но в сущности, как мы заметили выше, Русь на самом деле уже прежде стала независимой от Орды. Во всяком случае событие это важно в нашей истории как эпоха окончательного падения той Золотой Орды, ханы которой держали в порабощении Русь и назывались в Руси ее царями. Преемники Ахмата были уже совершенно ничтожны. Достоинно замечания, что Казимир, подвигнувший последние силы Золотой Орды, не только не достиг цели своего

желания – остановить возрастающее могущество Москвы, но еще навлек на свои собственные области двойное разорение: и от Менгли-Гирея, и от самого Ахмата, а тем самым способствовал усилению враждебного Московского государства. Вскоре после того, думая поправить испорченное дело, Казимир пытался поднять на Москву бессильных сыновей Ахмата и в то же время выставил против Москвы свое войско в Смоленске; но прежде чем он мог нанести московским владениям какой-либо вред, союзник Москвы Менгли-Гирей напал на Киев, опустошил его, сжег кроме прочего Печерский монастырь, ограбил церкви и прислал в дар своему приятелю, московскому государю, золотую утварь – потир и дискос из Софийского храма. Между тем подручные Казимиру князья передавались Ивану Васильевичу. Трое из них – Ольшанский, Михаил Олелькович и Федор Вельский – намеревались отторгнуть от Литвы русские Северские земли вплоть до Березины и передать во владение московскому великому князю. Казимир успел схватить двух первых и казнил, а Вельский ушел в Москву и получил от Ивана Васильевича в вотчину на Новгородской земле Демон и Мореву; Казимир отомстил беглецу тем, что задержал его жену, с которой Вельский только что вступил в брак.

Тогда же неприятель Казимира, венгерский владетель Матфей Корвин, завел сношения с московским государем, и московский великий князь через посланного к Матфею дьяка Курицына просил его прислать в Москву инженеров и горных мастеров: в последних московский государь видел нужду, потому что узнал о существовании металлических руд на севере, но не было у него в Московском государстве людей, умеющих добывать руду и обращаться с ней. В то же время молдавский господарь Стефан, который боялся Казимира и хотел оградить свое владение от властолюбивых покушений Литвы и Польши, вступил в родственную связь с Иваном Васильевичем. Он предложил свою дочь Елену за Ивана Ивановича, сына московского государя. Иван Васильевич послал за Еленой своего боярина Плещеева. Елена ехала через Литву, и Казимир не только не остановил ее, но послал ей дары. Таким образом, втайне покушаясь навредить московскому государю и терпя за такие покушения вред, наносимый своим областям, Казимир явно боялся своего соперника и оказывал ему внешние знаки дружбы.

Сын Ивана Васильевича обвенчался с Еленой 6 января 1483 года, а в октябре того же года родился у них сын по имени Дмитрий: Иван Васильевич очень радовался рождению внука, не предвидев, что настанет время, когда он сделается мучителем этого внука.

Заметно возростала жестокость характера московского государя по мере усиления его могущества. Тюрьмы наполнялись; битье кнутом, позорная торговая казнь, стало частым повсеместным явлением; этого вида казнь была неизвестна в Древней Руси; насколько можно проследить по источникам, она появилась в конце XIV века и стала входить в обычай только при отце Ивана Васильевича; теперь от нее не избавлялись ни мирские, ни духовные, навлекшие на себя гнев государя. Страшные пытки сопровождали допросы. Иван Васильевич признавал нужду в иноземцах, и вслед за Аристотелем появилось их уже несколько в Москве; но московский властитель не слишком ценил их безопасность, когда что-нибудь было не по его нраву. У него был врач – немец по имени Антон; он пользовался почетом у великого князя. В то время, когда совершалась свадьба сына Ивана, этот врач лечил татарского князька Каракуча, находившегося при царевиче Даниаре, который служил Москве: вылечить его не удалось. Великий князь не только выдал бедного немца сыну умершего князька, но когда последний, помучив врача, хотел отпустить его, взяв с него окуп, Иван Васильевич настаивал, чтобы татары убили Антона; и татары, исполняя волю московского великого князя, повели Антона под мост на Москву-реку и там на льду зарезали ножом, как овцу, по выражению летописца. Это событие навело такой страх на Аристотеля, что он стал просить Ивана Васильевича отпустить его на родину, но московский властитель считал своим рабом всякого, кто находился у него в руках; он приказал ограбить все имущество архитектора и посадил в заключение на дворе немца Антона. Итальянец был выпущен для того, чтобы поневоле продолжать службу на земле, на которую он имел легкомыслие захватить добровольно.

Чем дальше, тем последовательнее и смелее прежнего Иван Васильевич занялся расширением пределов своего государства и укреплением своего единовластия. Разделался он с верейским князем по следующему поводу. После рождения внука Дмитрия Иван Васильевич хотел подарить своей невестке, матери новорожденного, жемчужное украшение, принадлежавшее некогда его первой жене Марии. Вдруг он узнал, что Софья, которая вообще не щадила великокняжеской казны на подарки своим родным, подарила это украшение своей племяннице гречанке Марии, вышедшей за Василия Михайловича Верейского. Иван Васильевич до того рассвирепел, что приказал отнять у Василия все приданое его жены и хотел взять под стражу его самого. Василий убежал в Литву вместе с женой. Отец Василия Михаил Андреевич вымолил себе самому пощаду единственно тем, что отрекся от сына, обязался не сноситься с ним и выдавать великому князю всякого посланца, которого вздумает его сын прислать к нему; наконец, написал завещание, по которому отказывал великому князю после своей смерти свои владения – Ярославль, Верей и Белоозеро – с тем, чтобы великий князь со своим сыном поминали его душу. Смерть не замедлила постигнуть этого князя (весной 1485 года); говорили впоследствии, что Иван Васильевич втайне ускорил ее.

Упрочив за собой владения верейского князя, в 1484 году великий князь обратился еще раз к Новгороду: нашлись такие новгородцы, которые подали ему донос на богатых людей, будто они хотят обратиться к Казимиру. Московскому властелину хотелось приобрести имущество обвиненных: предлог был благовиден. По такому доносу привезли из Новгорода человек тридцать самых «больших» из житейных людей и отписали на государя их дома и имущества в Новгороде. Привезенных посадили во дворе Товаркова, одного из приближенных Ивана Васильевича; великокняжеский подьячий Гречневик по приказанию государя принялся мучить их, чтобы вынудить сознание в том, в чем их оговорили. Новгородцы под пытками оговорили друг друга. Великий князь приказал их повесить. Когда обреченных повели к виселице, они стали просить взаимно друг у друга прощения и сознались, что напрасно наговорили друг на друга, не в силах будучи вытерпеть мук пытки. Услышав об этом, Иван Васильевич не велел их вешать; он поступил тогда так, как часто поступали самовластители, когда, отменяя смертную казнь и заменяя ее томительным пожизненным заключением, на самом деле усиливали кару своим врагам, а чернь прославляла за то милосердие своих владык. Иван Васильевич приказал посадить новгородцев в тюрьму в оковах, и они вместо коротких смертных страданий на виселице должны были многие годы томиться в тюрьме; жен их и детей Иван отправил в заточение.

В 1485 году, похоронив свою мать, инокиню Марфу, Иван Васильевич расправился с Тверью. Зимой в начале того же года московский великий князь обвинил тверского великого князя в том, что он сносится с Казимиром. Сначала Иван Васильевич взял с тверского князя договорную запись, в которой еще как будто признавал тверского князя владельцем лицом, только обязал его не сноситься с Литвой. Потом дело умышленно велось так, чтобы можно было опять придрасться. Князя Тверской земли, подручники тверского великого князя Андрей Микулинский и Иосиф Дорогобужский оставили службу своему великому князю и передались московскому; Иван Васильевич обласкал их и наделил волостями: первому дал город Дмитров, другому – Ярославль. По их примеру тверские бояре один за другим стали переходить к Москве; им нельзя уже было, как говорит современник, терпеть обиды от московского великого князя, его бояр и детей боярских: где только сходились их межи с межами московскими, там московские землевладельцы обижали тверских, и не было нигде на московских управы; у Ивана Васильевича в таком случае свой московский человек оказывался всегда прав; а когда московские жаловались на тверских, то Иван Васильевич тотчас посылал к тверскому великому князю с угрозами и не принимал в уважение его ответов. Наконец в конце августа того же года Иван Васильевич двинулся на Тверь ратью вместе со своими братьями; он взял и своего поработанного итальянца Аристотеля с пушками. Предлог был таков: перехватили тверского гонца с грамотами к Казимиру. Михаил Борисович присылал оправдываться своего подруч-

ного князя Холмского, но московский государь не пустил его к себе на глаза. 8 сентября Иван Васильевич подступил к Твери; 10 сентября тверские бояре оставили своего князя, приехали толпой к Ивану Васильевичу и били челом принять их на службу. Несчастный Михаил Борисович в следующую за тем ночь бежал в Литву, а 12 сентября оставшийся в Твери его подручник князь Михаил Холмский со своими братьями и с сыном, остальными боярами, земскими людьми, владыкой Кассианом приехали к Ивану Васильевичу; они ударили московскому государю челом и просили пощады. Иван Васильевич послал в город своих бояр и дьяков привести к целованию всех горожан и охранить от разорения. Потом московский государь сам въехал победителем в Тверь, так долго соперничествовавшую с Москвой. Он отдал Тверь своему сыну Ивану Ивановичу и тем как будто все еще сохранял уважение к наследственным удельным правам: Иван Иванович был сыном тверской княжны и по матери происходил от тех тверских князей, память которых еще могла для тверичей быть исторической святыней. Михаил Борисович напрасно просил помощи у Казимира; польский король дал приют изгнаннику, но отказался помогать ему и заявил об этом Ивану Васильевичу.

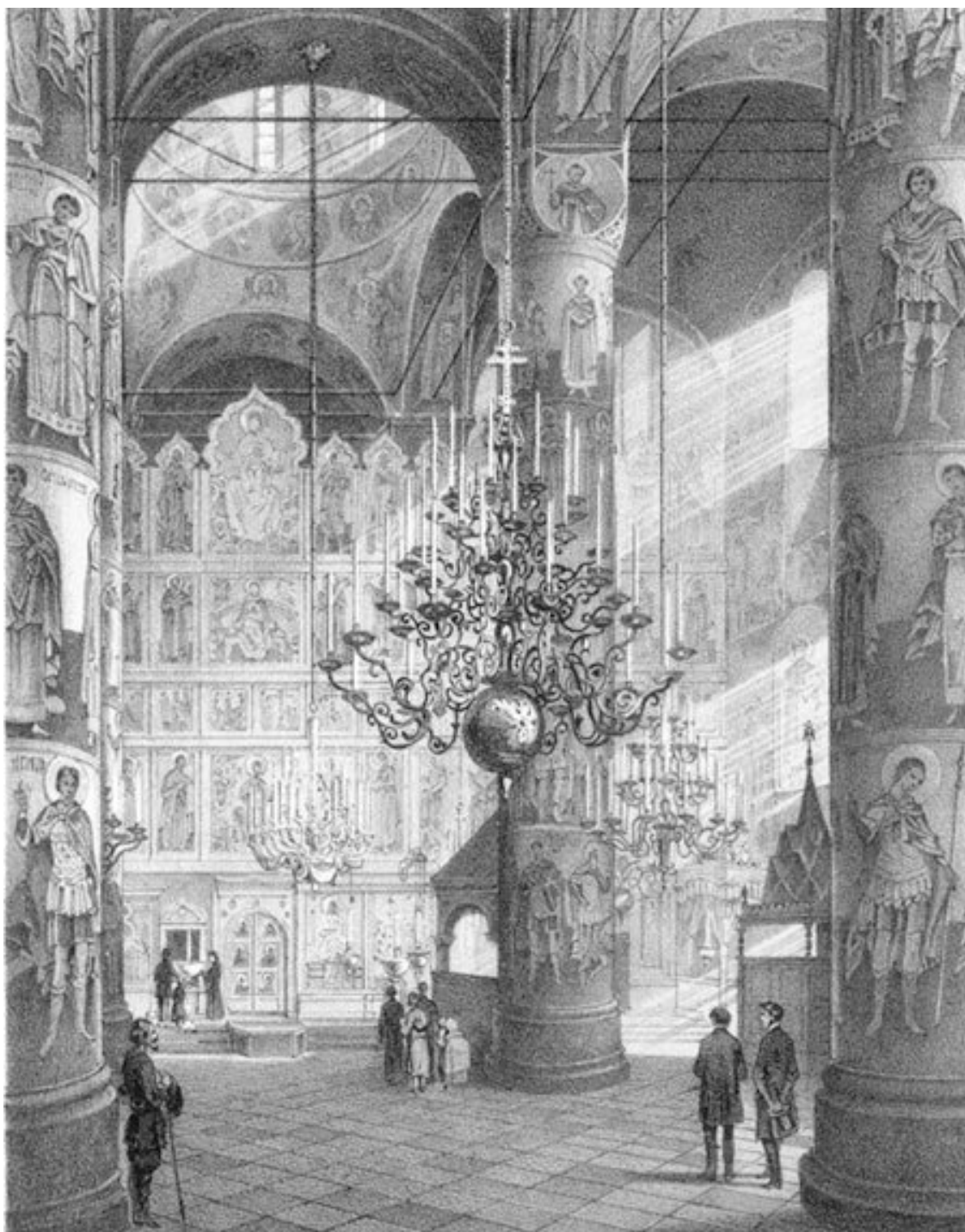

Успенский собор в Московском Кремле

В 1487 году московский государь снова обратился на Казань, на этот раз удачнее, чем прежде. Партия вельмож, недовольная своим царем Алегамом, обратилась к московскому

великому князю. Она хотела возвести на престол меньшого брата Алегама Махмет-Аминя, мать которого Нурсалтан после смерти своего мужа, казанского царя Ибрагима, вышла замуж за крымского хана Менгли-Гирея, друга и союзника Ивана. По приказанию московского государя русские после полуторамесячной осады взяли Казань и посадили там Махмет-Аминя. Это подчинение Казани, еще далеко не полное, сопровождалось со стороны московского государя жестокостями; он приказал передуть князей и уланов казанских, державшихся Алегама; самого плененного Алегама с женой заточил в Вологде, а его мать и сестер сослал на Белоозеро.

Овладевая новыми землями, Иван Васильевич продолжал добывать Новгород. Там состоялся заговор против наместника Якова Захарьевича; подробности его неизвестны, но по этому поводу схватили множество лиц: иным отрубили головы, других повесили, а затем более семи тысяч житых людей было выведено из Новгорода. На другой год вывели и поселили в Нижнем еще до тысячи житых людей. Иван Васильевич вывел с Новгородской земли тамошних землевладельцев и раздавал им поместья в Нижнем, Владимире, Муроме, Переяславле, Юрьеве, Ростове, Костроме, а в Новгородскую землю переводил так называемых детей боярских с Московской земли и там раздавал им поместья. Первоначально дети боярские были действительно потомки бояр, обедневшие и лишенные возможности поддерживать значение, какое имели их предки, но помнившие свое знатное происхождение, и потому вместо того, чтобы по примеру предков называться боярами, назывались только детьми их. Впоследствии этим именем стали называться служилые люди, получавшие земли с обязанностью нести службу; такое получение земли называлось «испомещением». Этой системой испомещений Иван Васильевич устроил новый род военного сословия; получавшие земли от великого князя приобретали их не в потомственную собственность, а пожизненно, с условием являться на службу, когда прикажут. Учреждение поместного владения не стало новостью: по своему основанию оно существовало издавна, но Иван Васильевич дал ему более широкий размах, заменяя таким образом господство вотчинного права господством поместного. Мера эта являлась выгодной для самодержавных целей: помещики были обязаны куском хлеба исключительно государю; земля их каждую минуту могла быть отнята, и они должны были заботиться заслужить милость государя для того, чтобы избежать несчастья потерять землю; дети их не могли по праву наследства надеяться на средства к существованию и, подобно своим отцам, должны были только в милости государя видеть свою надежду.

Интерьер Успенского собора Московского Кремля

А.М. Васнецов. У стен деревянного города

В 1489 году окончательно присоединена была Вятка. Сначала митрополит написал вятчанам грозное пастьерское послание, в котором укорял их за образ жизни, несообразный с христианской нравственностью; потом великий князь отправил туда войско под начальством Даниила Щени (из рода литовских князей) и Григория Морозова. Они взяли Хлынов почти без сопротивления. Иван Васильевич приказал сечь кнутом и казнить главных вятчан, которые имели влияние на народ и отличались приверженностью к старой свободе; с остальными жителями московский государь сделал то же, что с новгородцами: он вывел с Вятской земли землевладельцев и поселил в Боровске, Алексине, Кременце, а на их место послал помещиков Московской земли; вывел он также оттуда торговых людей и поселил в Дмитрове.

Иван Васильевич щадил Псков, потому что Псков боялся его. Не раз испытывал он терпение псковичей и приучал их к покорности. Перед покорением Новгорода псковичи были очень недовольны московским наместником князем Ярославом Васильевичем: «От многих времен, – говорит местный летописец, – не бывало во Пскове такого злосердного князя». Четыре года тяготились им псковичи, умоляли Ивана Васильевича переменить его; долго все было напрасно: Иван Васильевич то нарочно тянул дело и откладывал свое решение, то брал сторону своего наместника. Когда вражда к этому наместнику во Пскове дошла наконец до драки между его людьми и псковичами, тогда великий князь обвинил псковичей, хотя и видел, что виноват был наместник. Вслед за тем он вывел этого наместника и положил на него свой гнев, но давал псковичам знать, что делает это по своему усмотрению, а не по просьбе псковичей. После покорения Новгорода Иван Васильевич обещал псковичам держать их по старине, «а вы, наша отчина, – прибавил он, – держите слово наше и жалование честно над собою, знайте это и помните». И действительно, псковичи старались помнить это и заслужить милость великого князя. Братья великого князя, призванные псковичами для защиты от немцев, прибыли во Псков со своими ратями. Вдруг псковичи узнали, что они поссорились со старшим братом.

Тогда псковичи не только просили их удалиться, но даже не позволили оставить во Пскове их жен и детей. Иван, однако, не выказал псковичам большой благодарности за такое послушание: псковичи жаловались на бесчинные поступки великокняжеских послов, а Иван Васильевич сделал псковичам же за эту жалобу строгий выговор и оправдал своих послов.

В 1485 году возникло во Пскове волнение между черными и большими людьми. Князь Ярослав Владимирович, наместник великого князя, составил с посадниками грамоту, как кажется, определявшую работу смердов. Грамота эта не понравилась черным людям. Они взволновались, убили одного посадника, на лиц, убежавших от народной злобы, написали мертвую грамоту, то есть осуждавшую их на смерть, опечатали дворы и имущества своих противников, а несколько человек посадили в тюрьму. Иван Васильевич по жалобе больших людей и своего наместника рассердился за такое самовольство, приказал немедленно уничтожить постановления веча, состоявшего из черных людей, и всем велел просить прощения у наместника. Черные люди не поверили, что действительно такое решение дал великий князь, и отправили к нему посольство со своей стороны. Иван Васильевич не хотел слушать никаких объяснений, требовал, чтобы псковские черные люди немедленно исполнили его волю и просили прощения у наместника. Псковичи сделали все угодное князю, а потом послали в Москву просить у него прощения. Дело это тянулось целых два года и стоило Пскову до тысячи рублей. Таким образом, Иван давал чувствовать псковичам, как разорительно для них ослушиваться распоряжений московских наместников. После того псковичи приносили жалобы на великокняжеского наместника и на наместников последнего, которых тот рассадил по пригородам и волостям. Жалоб этих было такое множество, что, по словам летописца, и счесть их было невозможно. Иван Васильевич не принял этих жалоб, а сказал, что пошлет бояр разузнать обо всем. Великокняжеский наместник вслед за тем умер от мора, свирепствовавшего во Пскове, и дело это прекратилось само собой; но с тех пор великий князь назначал и сменял наместников уже не по просьбе псковичей, а по своей воле, и псковичи не смели на них жаловаться; так было до самой смерти великого князя. Из всех русских земель единственно в одном Пскове существовало еще вече и звонил вечевой колокол, но то была только форма старины, в сущности являвшаяся безвредной для власти Ивана над Псковом. Псковичам дозволялось совещаться об одних внутренних земских делах, но и то в своих решениях они должны были сообразоваться с волей наместников. Присылаемые против воли народа, эти наместники и их доверенные по пригородам позволяли себе разные насилия и грабительства, подстрекали ябедников подавать на зажиточных людей доносы, самовольно присваивали одним себе право суда вопреки вековым местным обычаям, обвиняли невинных с тем, чтобы сорвать что-нибудь с них; при требовании с жителей повинностей обращались с ними грубо; их слуги делали всякого рода бесчинства, и не было на их слуг управы. Даже те, которые были менее нахальны в своем обращении с жителями, не приобретали их любви. Псковичи не могли освоиться с московскими приемами, но с болью терпели тяжелую руку Ивана Васильевича.

Утверждая свою власть внутри Русской земли, великий князь заводил первые дипломатические сношения с Немецкой империей. Русская земля, некогда, в дотатарский период, известная Западной Европе, мало-помалу совершенно исчезла для нее и явилась как бы новооткрытой землей наравне с Ост-Индией. В Германии знали только, что за пределами Польши и Литвы есть какая-то обширная земля, управляемая каким-то великим князем, который находится, как думали, в зависимости от польского короля. В 1486 году один знатный господин, кавалер Поппель, приехал в Москву с целью узнать об этой загадочной для немцев стране. Но в Москве не слишком любили, чтобы иноземцы приезжали узнавать о житье-бытье русских людей и о силах государства. Несмотря на то что Поппель привез грамоту от императора Фридриха III, в которой Поппель рекомендовался как человек честный, ему не доверяли и выпроводили от себя. Через два года тот же Поппель прибыл уже послом от императора и его сына римского короля Максимилиана. На этот раз его приняли ласково, хотя все-таки не совсем

доверчиво. Поппель облакал свое посольство таинственностью, просил, чтобы великий князь выслушал его наедине, и не мог добиться этого. Иван Васильевич дал ему свидание не иначе, как в присутствии своих бояр князя Ивана Юрьевича Патрикеева, князя Даниила Васильевича Холмского и Якова Захарьевича.

Поппель предлагал от имени императора и его сына дружбу и родственный союз: отдать дочь московского государя за императорского племянника маркграфа баденского. На это отвечал не сам государь, а от имени государя дьяк Федор Курицын, что государь пошлет к цезарю своего посла. Поппель еще раз просил дозволения сказать государю несколько слов наедине и на этот раз добился только того, что государь отошел с ним от бояр, которые до тех пор находились вместе с ним, однако все-таки был не один на один с Поппелем, а приказал записывать своему посольскому дьяку Курицыну то, что будет говорить иноземный посол. Тайна, с которой тогда носился Поппель, заключалась в следующем: «Мы слышали, – говорил посол, – что великий князь посылал к римскому папе просить себе королевского титула, а польский король посылал от себя к папе большие дары и упрашивал папу, чтобы папа этого не делал и не давал великому князю королевского титула. Но я скажу твоей милости, что папа в этом деле власти не имеет; его власть над духовенством, а в светском имеет власть возводить в короли, князья и рыцари только наш государь цезарь римский: так если твоей милости угодно быть королем в своей земле, и тебе, и детям твоим, то я буду верным служебником твоей милости у цезаря римского. Только прошу твою милость молчать и ни одному человеку об этом не говорить, а иначе твоя милость и себе вред сделаешь, и меня погубишь. Если король польский об этом узнает, то будет денно и ночью посылать к цезарю с дарами и просить, чтоб цезарь этого не делал. Ляхи очень боятся, чтоб ты не стал королем на Руси; они думают, что тогда вся Русская земля, которая теперь находится под польским королем, от него отступит».

Поппель рассчитывал на простоту московского государя и очевидно пытался вкрасься к нему в доверие, но ошибся, не поняв ни местных обычаев и преданий, ни характера Ивана Васильевича. Великий князь похвалил его за готовность служить ему, а насчет королевского титула дал такой ответ: «Мы, – говорил он, – Божию милостию государь на своей земле изначала, от первых своих прародителей, и поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы, и просим Бога, чтоб и вперед дал Бог и нам и нашим детям до века так быть, как мы теперь есть государи на своей земле, а поставления ни от кого не хотели и теперь не хотим».

В переговорах с Курицыным Поппель еще раз заговорил о сватовстве и предлагал в женихи двум дочерям великого князя саксонского курфюрста и маркграфа бранденбургского, но на это не получил никакого ответа. 22 марта 1489 года Иван Васильевич отправил к императору и к его сыну Максимилиану послом Юрия Траханиота, грека, приехавшего с Софьей: своих русских людей, способных составлять посольство к иноземным государям, у московского великого князя было немного; нравы московских людей были до того грубы, что и впоследствии, когда посылались русские послы за границу, нужно было им писать в наказе, чтобы они не пьянствовали, не дрались между собой и тем не срамили Русской земли. И на этот раз только в товарищах с греком отправились двое русских. Подарки, посланные императору, были скупы и состояли только в сороке соболей и двух шубах: одной – горностаевой, а другой – беличьей. Грек повез императору от московского великого князя желание быть с императором и его сыном в дружбе, а относительно предложения о сватовстве грек должен был объяснить, что московскому государю отдавать дочь свою за какого-нибудь маркграфа не пригоже, потому что от давних лет прародители московского государя были в приятельстве и в любви со знатнейшими римскими царями, которые Рим отдали папе, а сами царствовали в Византии; но если бы захотел посватать дочь московского государя сын цезаря, то посол московский должен был изъявить надежду, что государь его захочет вступить в такое дело с цезарем. Иван Васильевич перед чужеземцами ценил важность своего рода и сана более, чем у себя дома, так как он впоследствии отдал дочь свою за своего подданного князя Холмского.

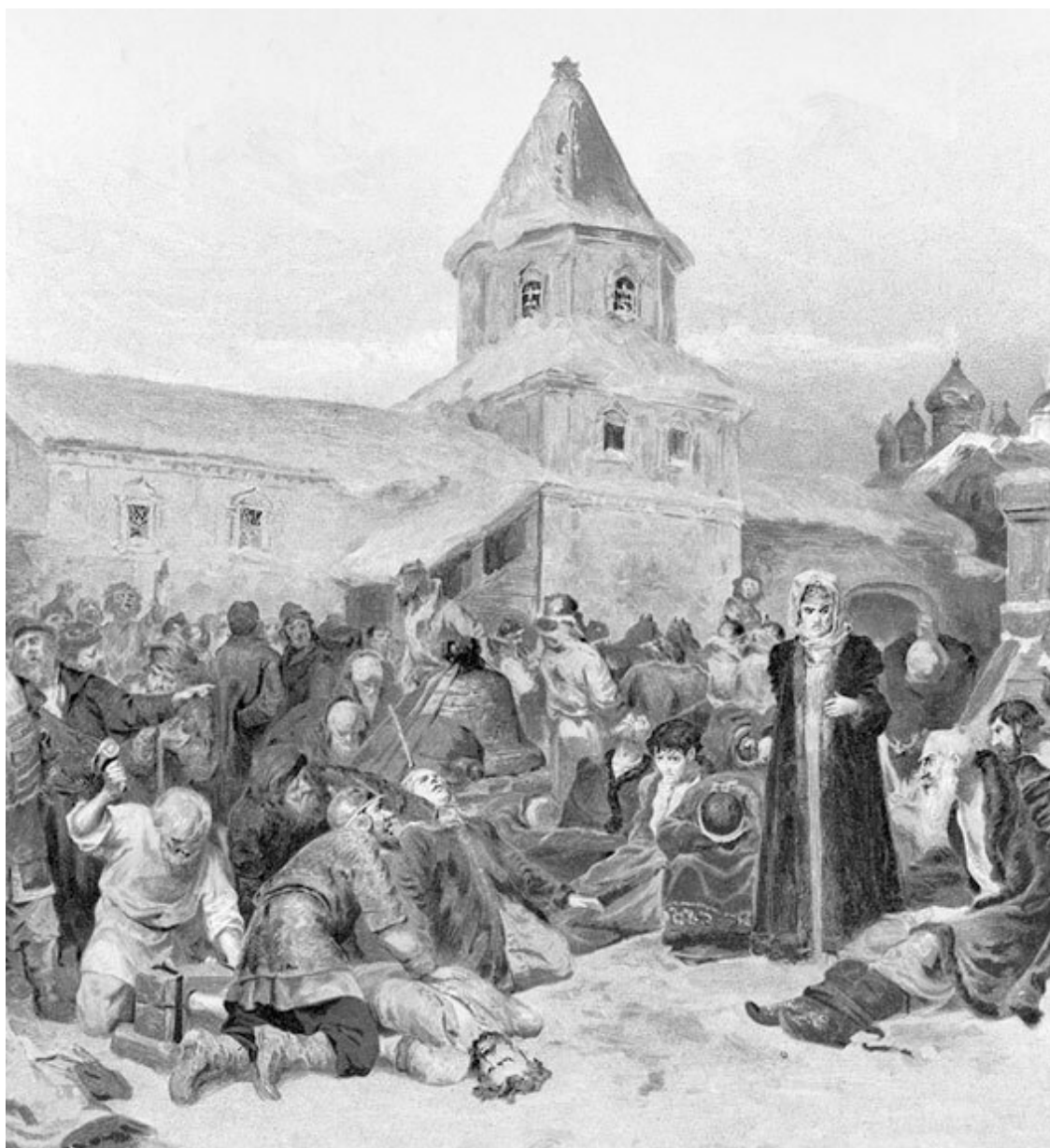

А.П. Рябушкин. Русские женщины в церкви

Посольство Траханиота имело еще и другую цель. Великий князь поручил ему отыскать в чужих землях такого мастера, который бы умел находить золотую и серебряную руды; и другого мастера, который бы знал, как отделять руду от земли; и еще такого хитрого мастера, который бы умел к городам приступать, да такого, который бы умел стрелять из пушек; сверх того – каменщика, умеющего строить каменные палаты, и наконец «хитрого» серебряного мастера, умеющего отливать серебряную посуду и кубки, чеканить и делать на посуде надписи. Юрий Траханиот имел поручение подрядить их и дать им задаток: для этой цели из-за недостатка в тогдашнем Московском государстве монеты он получил два сорока соболей и три тысячи белок; если же не нашлись бы такие мастера, согласившиеся приехать в Москву, то посол мог продать меха и привезти великому князю червонцев, которыми тогда дорожили, как редкостью.

Еще Траханиот не возвратился из своего посольства, как в семье Ивана Васильевича произошла важная перемена: у его старшего сына, соправителя и наследника, тридцати двух лет от роду, началась болезнь ног, которую в то время называли «камчюгом». Был тогда при дворе лекарь, незадолго перед тем привезенный из Венеции, мистер Леон, родом иудей. Он стал лечить сына князя прикладыванием «сткляниц», наполненных горячей водой, давал ему пить какую-то траву и говорил Ивану Васильевичу: «Я непременно вылечу твоего сына, а если не вылечу, то вели казнить меня смертною казнью». Больной умер 15 марта 1490 года, а спустя сорок дней Иван Васильевич приказал за неудачное лечение отрубить врачу голову на Болвановке. Через три недели после такого поступка, служившего образцом тому, чего могли ожидать приглашаемые иностранцы в Москве, вернулся Траханиот из Германии и привез с собой нового врача и разных дел мастеров: стенных, палатных, пушечных, серебряных и даже «арганного играца». Вместе с ним прибыл посол от Максимилиана Юрий Делатор с предложением дружбы и сватовства Максимилиана к дочери Ивана Васильевича. Ивану Васильевичу было

очень лестно отдать дочь за будущего императора, но он не показывал слишком явно радости, а напротив, по своему обычаю прибегнул к таким приемам, которые только могли затягивать дело. Когда посол пожелал видеть дочь Ивана и заговорил о приданом, государь приказал дать ему такой ответ через Бориса Кутузова: «У нашего государя нет такого обычая, чтобы раньше дела показывать дочь, а о приданом мы не слыхивали, чтобы между великими государями могла быть рья об этом». Московский государь в течение всей жизни любил брать, но не любил давать. Со своей стороны Иван Васильевич задал послу такое условие, которое поставило его в тупик. Князь требовал от Максимилиана обязательства, чтобы у его жены были греческая церковь и православные священники. Делатор отвечал, что у него на это нет наказа. Тогда был заключен между Максимилианом и московским государем дружественный союз, направленный против Литвы и Польши. Посольство повело к дальнейшим сношениям. Траханиоту еще два раза приходилось ездить в Германию, а Делатор еще раз приезжал в Москву. Максимилиан между тем посватался к Анне Бретанской, и московский государь так сожалел о прежнем, что наказывал Траханиоту узнать: не расстроится ли как-нибудь сватовство Максимилиана с бретанской принцессой, чтобы снова начать переговоры о своей дочери; но Максимилиан женился на Анне и с 1493 года сношения с Австрией прекратились надолго. Достоин замечания, что в этих сношениях великому князю давали титул царя и даже цезаря, и он сам называл себя «государем и царем всея Руси»; но иногда титул царя опускался, и он именовал себя только государем и великим князем всея Руси.

К.В. Лебедев. Уничтожение новгородской вольницы при Иоанне III

С.А. Кириллов. Погост Малы

Во время этих сношений Иван разделался со своим братом Андреем. Помирившись с братьями после их возмущения, Иван долго не трогал их, однако не доверял им, обязывал новыми договорными грамотами и крестным целованием сохранять ему верность и не сноситься ни с внутренними, ни с внешними врагами. Братья боялись его и постоянно ждали над собой беды. Однажды Андрей Васильевич уже собрался бежать, но при посредничестве боярина князя Патрикеева объяснился с братом: Иван Васильевич успокоил его и приказал высечь кнутом слугу, предостерегавшего Андрея. Великий князь только же ждал предлога, чтобы сделать с Андреем то, чего он боялся. В 1491 году разнесся слух, что сыновья Ахмата идут на союзника Ивана Менгли-Гирея. Государь отправил против них свои войска и приказал братьям послать против них своих воевод. Борис повиновался; Андрей не исполнил приказания. Этого ослушания было достаточно. Андрея позвали в Москву. Великий князь принял его ласково; целый вечер они беседовали и расстались дружески. На другой день дворецкий князь Петр Шестунов пригласил Андрея на обед к великому князю вместе с его боярами. Когда Андрей вошел во дворец, его попросили в комнату, называемую «западню», а бояр Андрея отвели в столовую гридню: там их схватили и развели по разным местам. Андрей ничего не знал о судьбе своих бояр. Великий князь, войдя в «западню», повидался с братом очень ласково, потом вышел в другую комнату, называемую «повалушу», а вместо него вошел в «западню» боярин князь Ряполовский и сквозь слезы сказал: «Государь князь Андрей Васильевич, пойман еси Богом и государем великим князем Иваном Васильевичем всея Руси, твоим старшим братом!» Андрей на это ответил: «Волен Бог да государь, Бог нас будет судить, а я неповинен». Его оковали цепями и посадили в тюрьму. Иван Васильевич послал в Углич боярина Патрикеева схватить двух сыновей Андрея, Ивана и Дмитрия, заковать и отправить в Переяславль в тюрьму. Андрей умер в темнице в 1493 году; его сыновья томились долго в тяжелом заключении, никогда уже не получив свободы. Другой брат был пощажен, потому что во всем повиновался великому князю наравне с прочими служебными князьями и боярами, но пребывал постоянно в страхе.

Со времени сношений с Австрией развились дипломатические сношения с другими странами; так в 1490 году чагатайский царь, владевший Хивой и Бухарой, заключил с московским государем дружественный союз. В 1492 году обратился к Ивану иверский (грузинский) царь Александр, прося его покровительства в письме, в котором, рассыпаясь на восточный лад в самых изысканных похвалах величию московского государя, называл себя его холопом. Это было первое сношение с Москвой той страны, которой впоследствии суждено было присоединиться к России. В том же году начались сношения с Данией, а в следующем – был заключен дружественный союз между Данией и Московским государством. Наконец в 1492 году было первое обращение к Турции. Перед этим временем Кафа и другие генуэзские колонии на Черном море подпали под власть Турции; русских купцов стали притеснять в этих местах. Московский государь обратился к султану Баязету с просьбой о покровительстве русским торговцам. То было началом сношений; через несколько лет при посредничестве Менгли-Гирея начались взаимные посольства. В 1497 году Иван посылал к Баязету своим послом Плещеева. Тогда, хотя Баязет и заметил Менгли-Гирею, что московский посол поразил турецкий двор своей невежливостью, но в то же время отвечал Ивану очень дружелюбно и обещал покровительство московским купцам. Все эти сношения пока не имели важных последствий, но они замечательны как первые в своем роде в истории возникшего Московского государства.

Важнее всех были сношения с Литвой. Казимир во все время своего царствования старался, насколько возможно, вредить своему московскому соседу, однако уклонялся от явной открытой вражды; под конец его жизни враждебные действия открылись сами собой между подданными Москвы и Литвы. Несмотря на крутое обращение Ивана со служебными князьями, власть Казимира для некоторых православных князей не казалась лучше власти Ивана, и вслед за князем Вельским передались московскому государю со своими вотчинами князья Одоевские, князь Иван Васильевич Белевский, князья Иван Михайлович и Дмитрий Федорович Воротынские; став подданными московского великого князя, они нападали на владения своих родичей князей, остававшихся под властью Казимира, отнимали у них волости. Их противники делали с ними то же. Кроме этих пограничных столкновений были еще и другие: в пограничных местах как Московского, так и Литовского государства развелось такое множество разбойников, что купцам не было проезда, а в то время вся торговля Московского государства с югом шла через литовские владения и через Киев, так как прямой путь из Москвы к Азовскому морю лежал через безлюдные степи, по которым бродили хищнические татарские орды, и был совершенно непроходим. Москвичи жаловались на литовских разбойников, литовские подданные – на московских. Эти взаимные жалобы, продолжавшиеся уже значительное время после смерти Казимира, в 1492 году привели наконец к войне. Польша и Литва разделились между сыновьями умершего Казимира: Альбрехт избран польским королем; Александр оставался наследственным литовским великим князем. Иван рассчитал, что теперь держава Казимира ослабела, послал на Литву своих воевод и направил на нее своего союзника Менгли-Гирея с крымскими ордами. Дела пошли успешно для Ивана. Московские воеводы взяли Мещовск, Серпейск, Вязьму; Вяземские и Мезецкие князья и другие литовские владельцы волей-неволей переходили на службу московского государя. Но не всем приходилось там хорошо: в январе следующего 1493 года один из прежних перебежчиков, Иван Лукомский, был обвинен в том, будто покойный Казимир присылал ему яд для отравления московского государя; Лукомского сожгли живьем в клетке на Москве-реке вместе с поляком Матвеем, служившим латинским переводчиком. С ними вместе казнили двух братьев Селевиных, обвинив в том, что они посылали вести на Литву: одного засекли кнутом до смерти, другому отрубили голову. Досталось и прежнему беглецу Федору Вельскому, обласканному Иваном: его ограбили и заточили в тюрьму в Галиче. Литовский великий князь Александр сообразил, что трудно будет ему бороться сразу с Москвой и с Менгли-Гиреем; он задумал жениться на дочери Ивана Елене и таким образом устроить прочный мир между двумя соперничествова-

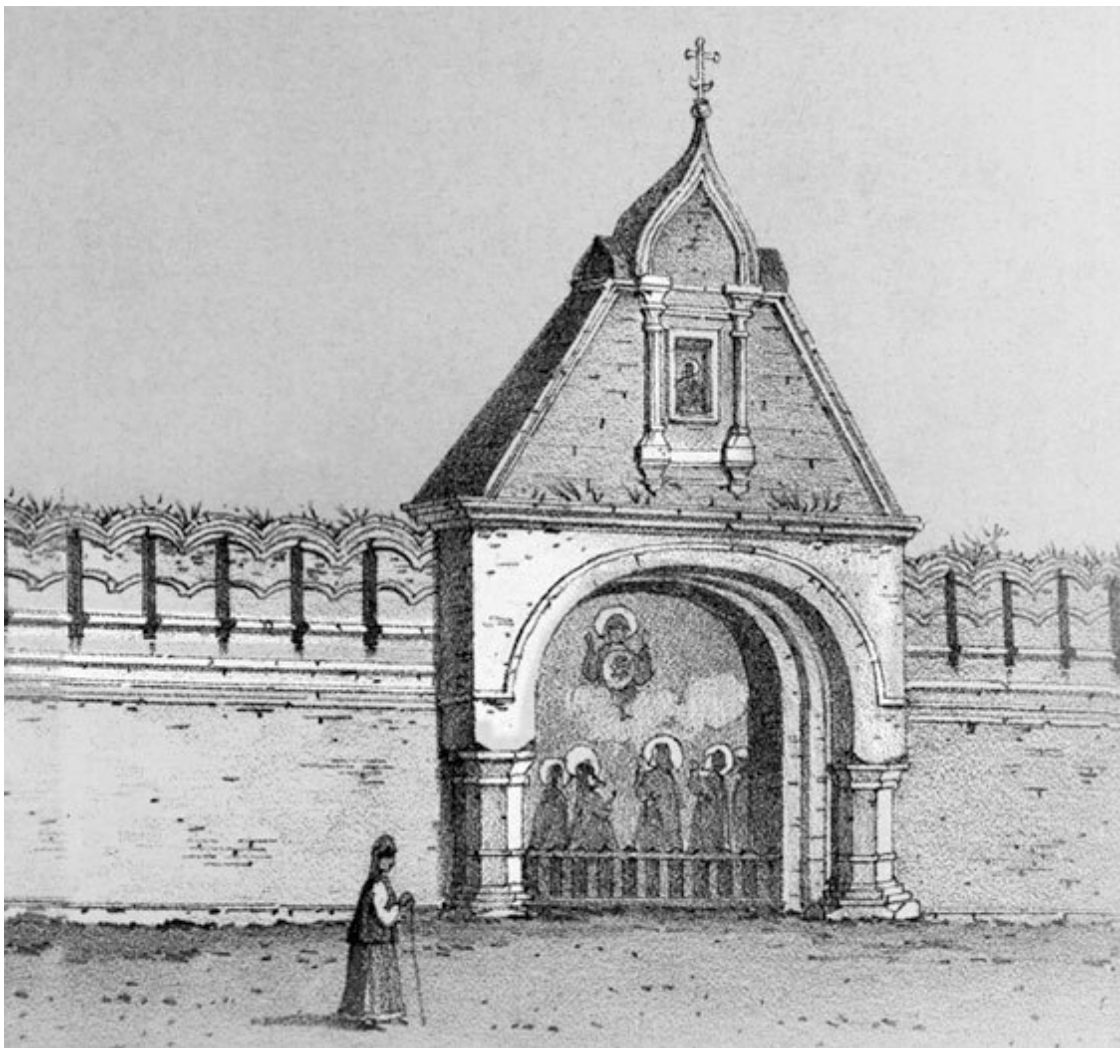
шими государствами. Переговоры о сватовстве начались между литовскими панами и главнейшим московским боярином Иваном Патрикеевым. Эти переговоры шли вяло до января 1494 года; наконец в это же время присланные от Александра в Москву послы заключили мир, по которому уступили московскому государю волости перешедших к нему князей. Тогда Иван согласился выдать дочь за Александра с тем, чтобы Александр не принуждал ее к римскому закону. В январе 1495 года Иван отпустил Елену к будущему мужу с литовскими послами, но с условием, чтобы Александр не позволял ей приступить к римскому закону даже и тогда, когда бы она сама этого захотела, и чтобы построил для нее греческую церковь у ее хором.

Иван III отказывается платить дань хану

Для Ивана Васильевича выдача дочери замуж была только средством, которым он надеялся наложить свою руку на Литовское государство и подготовить в будущем расширение пределов своего государства за счет русских земель, подвластных Литве. С той поры начался ряд разных придирок со стороны Ивана. Александр не стеснял своей жены в вере и жил с нею в любви, однако не построил для нее особой православной церкви, предоставляя ей посещать церковь, находившуюся в городе Вильне; светские паны-католики и преимущественно католические духовные и так были недовольны, что их великая княгиня не католичка, и пуще бы зароптали, если бы король построил для нее особую православную церковь. Кроме того, Александр не хотел держать при Елене московского священника и московскую прислугу, как этого требовал тесть с явной целью иметь при дворе зятя соглядатаев. Сама Елена не только не жаловалась отцу на мужа, как бы этого хотелось Ивану, но уверяла, что ей нет никакого притеснения, что священника московского ей не нужно, что есть другой православный священник в Вильне, которым она довольна; что ей также не нужно московской прислуги и боярынь, поскольку они не умеют себя держать прилично, да и жаловать их нечем, так как она не получила от отца никакого приданого. Иван этим не довольствовался, придирался по-прежнему ко всему, к чему только мог придраться, и среди прочего требовал, чтобы зять титуловал его государем всея Руси. Само собой разумеется, что Александру нельзя было согласиться на последнее, потому что сам Александр владел значительной частью Руси, а Иван, опираясь на титул,

мог заявить новые притязания на русские земли, состоявшие под властью Литвы. В то же время Иван сохранял прежние отношения с Менгли-Гиреем и не только не жертвовал ими ради зятя, а давал своим послам, отправляемым в Крым, наказ не отговаривать Менгли-Гирея, если он захочет идти на Литовскую землю, и объяснить ему, что у московского государя нет прочного мира с литовским, потому что московский государь хочет отнять у литовского всю свою отчину Русскую землю. Таким образом, относясь двоедушно к зятю, Иван Васильевич был искреннее и откровеннее с крымским ханом, который платил ему верной службой.

Восточные ворота Рождественского монастыря

Таковыми были отношения Ивана Васильевича к зятю и Литве вплоть до 1500 года.

Последние годы XV века особенно ознаменовались многими новыми явлениями внутренней жизни. Дипломатические сношения сближали мало-помалу с европейским миром Восточную Русь, долгое время отрезанную и отчужденную от него; появлялись начатки искусств, служившие главным образом государю, укреплению его власти, удобствам его частной жизни, а также и благолепию московских церквей. Вслед за церковью Успения, построенной Аристотелем, сооружали одну за другой каменные церкви в Кремле и за пределами Кремля в Москве. В 1489 году был окончен и освящен Благовещенский собор, имевший значение домового храма великого князя; примерно в то же время воздвигли церковь Риз Положения. До тех пор великие князья московские жили не иначе, как в деревянных домах, да и вообще на всем Русском Севере каменными зданиями были только церкви, жилые строения – исключи-

тельно деревянными. Иван Васильевич, слышав, что в чужих краях, куда ездили его послы, владельцы живут в каменных домах, что у них есть великолепные палаты, где они дают торжественные празднества и принимают иноземных послов, приказал построить и себе каменную палату для торжественных приемов и собраний; она была сооружена (1487–1491) венецианцем Марком и другими итальянцами, его помощниками, и до сих пор сохранилась под названием Грановитой палаты. В 1492 году Иван Васильевич приказал построить для себя каменный жилой дворец, который вскоре после того был поврежден пожаром, а в 1499 году возобновлен миланским мастером Алевизом³². Кремль вновь обвели каменной стеной; итальянцы соорудили в разные годы башни и ворота и устроили посреди Кремля подземные тайники, в которых государи скрывали свои сокровища. Между Москвой-рекой и Неглинной проведен был ров, выложенный камнем. Следуя примеру государя, митрополиты Геронтий и Зосима построили себе кирпичные палаты, а также трое бояр построили для себя каменные дома в Кремле. Но это являлось исключением: каменные дома не вошли в обычай у русских. На Руси сложилось убеждение, что жить в деревянных домах – полезнее для здоровья. Сам государь и его преемники в течение долгого времени разделяли это мнение и держали у себя каменные дворцы только для пышности, а жить предпочитали в деревянных домах.

Иван Васильевич имел особую любовь к металлическому делу во всех его видах. Иноземные мастера лили для него пушки (таковы были среди прочих итальянцы Дебосис, Петр и Яков; Дебосис в 1482 году отлил знаменитую Царь-пушку, которая и теперь изумляет своей огромностью). В 1491 году Траханиот вывез из Германии рудокопов Иогана и Виктора. Вместе с русскими людьми они нашли серебряную и медную руды на реке Цильме в трех верстах от Печоры; однако местонахождение этих руд оказалось невелико – не более десяти верст.

Тогда же начали плавить металлы и чеканить серебряные мелкие монеты *из русского серебра*. Великий князь любовался серебряными и золотыми изделиями, и при его дворе работало несколько иноземных мастеров серебряных и золотых дел: итальянцев, немцев и греков.

Но собственно для распространения всякого рода уменности в русском народе не сделано было ничего. Достоинно замечания, что в тот век, когда греки, рассеявшись по Западной Европе, обновляли ее, знакомив с плодами своего древнего просвещения, и положили начало великому умственному перевороту, известному в истории под именем эпохи Возрождения, в Московском государстве, где исповедовалась греческая вера и где государь был женат на греческой царевне, они почти не оказали образовательного влияния. Долговременное азиатское варварство не давало для этого плодотворной почвы; к тому же деспотические наклонности Ивана Васильевича и бесцеремонное обращение с иноземцами не привлекали последних в значительном количестве в Москву и не предоставляли им необходимой свободы для деятельности. Торговля при Иване вовсе не находилась в цветущем состоянии; хотя в Москву и приезжали иноземные купцы, привлекаемые желанием великого князя иметь редкие изделия, неизвестные в Руси, однако народ русский почти не покупал их товаров. Торговля вообще в то время упала против прежнего. На юге Кафа, бывшая некогда средоточием черноморской торговли, досталась в руки турок. При новых владельцах она не могла уже так процветать, как при генуэзцах; купцы не пользовались там прежней безопасностью, а сообщение Москвы с Черным морем чрезмерно было затруднено по причине татарских орд и враждебных столкновений Литвы с Москвой. На севере Новгород лишился своего прежнего торгового населения, своей свободы, благоприятствовавшей торговле, и наконец в 1495 году Иван Васильевич окончательно добил тамошнюю торговлю. Придравшись к тому, что немцы в Ревеле сожгли русского человека, пойманного на совершении гнусного преступления, Иван Васильевич приказал схватить в Новгороде всех немецких купцов, и притом не из одного Ревеля, а из разных

³² Достоинно замечания, что во время построек дворца государь некоторое время проживал в частных домах: в доме боярина Патрикеева и в домах московских жителей у Николы Подкопай и близ Яузы.

немецких городов, посадить в погреба, запечатать новгородские гостиные дворы (их было два – готский и немецкий), все имущество и товары этих купцов отписать на государя. Через год их выпустили (всего 49 человек) и отпустили на родину, совершенно ограбленных. Само собой разумеется, что подобные поступки не могли благоприятствовать ни развитию торговли, ни благосостоянию русской страны.

В Московском государстве при Иване ввели правильное земельное устройство: земли были разбиты на сохи. Эта единица не являлась новой, но теперь вводилась с большей правильностью и однообразием; итак, в 1491 году Тверская земля была разбита на сохи, подобные московской; в Новгородской – оставлялась своя соха, по размеру отличная от московской. Московская соха разделялась на три вида в зависимости от качества земли. Поземельной мерой была четь, то есть такая площадь земли, на которой можно было посеять четверть бочки зерна. Таким образом, на соху доброй земли полагалось 800, средней – 1000, а худой – 1200 четвертей. В соответствии с трехпольным хозяйством принималось количество земли тройное. Так, например, если говорилось «800 четей», то под этим подразумевалось 2400. Сенокосы и леса не входили в этот расчет, а приписывались особо к пахотной земле. В сохи входили села, сельца и деревни, которые были очень малолюдными, так что деревня состояла из двух-трех и даже одного двора. Населенные места, где занимались промыслами, назывались «посадами»: это были города в нашем смысле слова. Они также включались в сохи, но считались не по «четям», а по дворам. Для приведения в известность населения, имуществ посылались чиновники, называемые «писцами»: они составляли писцовые книги, в которые записывали по именам жителей, их хозяйства, размер обрабатываемой земли и получаемые доходы. В соответствии с доходами налагались подати и всякие повинности; в случае нужды с сох бралось определенное количество людей в войско, и это называлось «посошной службой». Кроме налагаемых податей жители платили чрезвычайное множество различных пошлин. Внутренняя торговля облагалась также множеством мелких поборов. При переезде из земли в землю, из города в город торговцы вынуждены были платить таможенные и проезжие пошлины, так называемые тамгу и мыт, не считая других, более мелких, поборов, взимаемых при покупке и продаже разных предметов. Все устраивалось таким образом, чтобы жители при каждом своем шаге доставляли доход государю. Иван Васильевич, уничтожая самобытность земель, не уничтожал, однако, многих частностей, принадлежавших древней раздельности, но обращал их исключительно в свою пользу. Оттого соединение земель под одну власть не избавляло народ от тех невыгод, которые он терпел прежде вследствие раздробленности Русской земли.

Русский боярин с XIV до XVIII столетия в горлатной шапке

1497 год ознаменовался в истории государственного управления Ивана Васильевича изданием Судебника, заключавшего в себе разные отрывочные правила о суде и судопроизводстве. Суд поручался от имени великого князя боярам и окольным. Некоторым детям боярским давали «кормление», то есть временное владение населенной землей с правом суда. В городах суд поручался наместникам и волостелям с разными ограничениями; им придавались «дворские», старосты и выборные из так называемых лучших людей (то есть зажиточных). При судьях состояли дьяки, занимавшиеся делопроизводством, и «недельщики» – судебные приставы,

исполнявшие разные поручения по приговору суда. Судьи получали в вознаграждение с обвиненной стороны судные пошлины в виде известного процента с рубля (различавшиеся в зависимости от существа дела) и не должны были брать «посулы» (взятки). Тяжбы решались посредством свидетелей и судебного поединка или «поля», а в уголовных делах допускалась пытка, но только в том случае, когда на преступника будут улики, а не по одному наговору. Судебный поединок облагался высокими пошлинами в пользу судей; побежденный, называемый «убитым», считался проигравшим процесс. В уголовных преступлениях только за первое воровство, и то кроме церковного и головного (кража людей), назначалась торговая казнь, а за все другие уголовные преступления определялась смертная казнь. Свидетельство честных людей ценилось так высоко, что показаний пяти или шести детей боярских или черных людей, подтверждаемых крестным целованием, было достаточно к обвинению в воровстве.

Относительно холопов оставались прежние условия, то есть холопом был тот, кто сам себя продал в рабство, или был рожден от холопа, или сочетался браком с лицом холопского происхождения. Холоп, попавший в плен и убежавший из плена, становился свободным. Но в быте сельских жителей произошла перемена: Судебник определил, чтобы поселяне (крестьяне) переходили с места на место, из села в село, от владельца к владельцу только однажды в год в продолжение двух недель около осеннего Юрьева дня (26 ноября). Это был первый шаг к закрепощению.

В 1498 году начался в великокняжеском семействе раздор, стоивший жизни многим из приближенных Ивана. Прошло более семи лет после смерти его старшего сына, оставившего сына Дмитрия. Мы не знаем подробностей, как держал себя великий князь по отношению к вопросу о том, кто после него должен быть наследником: второй ли его сын Василий от Софьи или внук Дмитрий, отец которого уже был объявлен соправителем государя. Всеобщее мнение современников и потомков приписывало смерть старшего сына великой княгине Софье; несомненно, что она не любила ни сына первой супруги Ивана, ни ее внука и желала доставить престол своему сыну Василию. Но против Софьи существовала сильная партия, во главе которой стояли два могучих боярина: князь Иван Юрьевич Патрикеев и его зять князь Семен Иванович Ряполовский; они были самыми доверенными и притом самыми любимыми людьми государя: все важнейшие дела проходили через их руки. Они употребляли все усилия, чтобы охладить Ивана к жене и расположить к внуку. Со своей стороны действовала на Ивана невестка Елена: свекор в то время очень любил ее. Но и противная сторона имела своих ревностных слуг. Когда Иван, еще не совершив решительного шага, оказывал больше ласки Дмитрию, сторонники Софьи стали пугать Василия, что его отец вскоре возведет на великое княжение внука и от этого Василию придется со временем плохо. Составился заговор, к которому присоединились князь Иван Палецкий, Хруль, Скрябин, Гусев, Яропкин, Поярок и др. Решено было, что Василий убежит из Москвы; у великого князя кроме Москвы сберегалась казна в Вологде и на Белоозере: Василий захватит ее, а потом погубит Дмитрия. Заговор этот, неизвестно каким образом, открылся в декабре 1497 года; в то же время государь узнал, что к его жене приходили какие-то лихие бабы с зельем. Иван Васильевич рассвирепел, не хотел видеть жену, приказал взять под стражу сына; всех поименованных выше главных заговорщиков казнили, отрубали сперва руки и ноги, потом головы; женщин, приходивших к Софье, утопили в Москве-реке и многих детей боярских заточили в тюрьмы. Наконец, назло Софье и ее сыну 4 января 1498 года Иван Васильевич торжественно венчал своего пятнадцатилетнего внука в Успенском соборе так называемой шапкой Мономаха и бармами. Это было первое коронование на Руси.

Но прошел год, и все изменилось. Иван Васильевич помирился с женой и сыном, охладил к Елене и внуку, разгневался на своих бояр, противников Софьи. Самолюбие его было оскорблено тем, что Патрикеев и Ряполовские взяли большую силу; вероятно, Иван Васильевич хотел показать и себе самому, и всем другим свою самодержавную власть, перед которой все без изъятия должны преклоняться. 5 февраля 1498 года князю Семену Ряполовскому отрубили

голову на Москве-реке за то, что он «высокоумничал» с Патрикеевым, как выражался Иван. Та же участь суждена была Патрикеевым, но митрополит Симон выпросил им жизнь. Князь Иван Юрьевич Патрикеев и его старший сын Василий должны были постричься в монахи, а младшего Ивана посадили под стражу.

Вид Златоустовского монастыря в Москве

После того Иван Васильевич провозгласил своего сына великим князем государем Новгорода и Пскова. Такое странное выделение двух земель поразило псковичей, недавно признавших своим будущим государем Дмитрия Ивановича. Они не понимали, что все это значит, и решили послать троих посадников и по три боярина с конца к великому князю за объяснениями. «Пусть, – били они челом, великий государь держит свою отчину по старине: который будет великий князь на Москве, тот и нам был бы государем». В то же время псковичи не дозволили приехавшему к ним владыке Геннадию поминать на ектениях Василия. Великий князь принял псковских послов гневно и сказал: «Разве я не волен в своих детях и внуках? Кому хочу, тому и дам княжение». С этим ответом он послал назад во Псков одного из посадников, а прочих послов посадил в тюрьму. Псковичи покорились, позволили поминать в церкви Василия и отправили новых послов с полной покорностью воле великого князя.

Тогда Иван Васильевич переменял тон, сделался ласковым и отпустил заключенных.

Венчанный Дмитрий продолжал в течение некоторого времени носить титул владимирского и московского великого князя, но находился с матерью в отдалении от деда; наконец 11 апреля 1502 года государь вдруг положил опалу на него и его мать. Видимо, в этом случае действовали внушения не только Софьи, но и духовных лиц, обвинявших Елену в том,

что она принимала участие в появившейся в то время «жидовской ереси». Василий был объявлен великим князем всея Руси. Запретили помянуть Дмитрия на ектениях. Через два года Елена умерла в тюрьме, в то самое время, когда только что в Москве совершены были (в 1504 году) жестокие казни над еретиками. Несчастный сын ее должен был пережить мать и деда и изнывать в тяжком заключении по воле своего дяди, преемника Ивана. Событие с Дмитрием и Василием стало проявлением самого крайнего, небывалого еще на Руси самовластия; семейный произвол соединялся вместе с произволом правительственным. Ничем не осенялся тот, кто был в данное время государем; не существовало права наследия; кого государь захочет – того и облечет властью, тому и передаст свой сан; венчаный сегодня преемник завтра томился в тюрьме; другой, сидевший в заключении, возводился в сан государя; подвластные земли делились и соединялись по произволу властелина и не смели заявлять своего голоса. Государь считал себя вправе раздать по частям Русскую землю, кому он захочет, как движимое свое имущество. В то время Иван Васильевич, привыкший так долго повелевать и приучивший так долго и многообразно всех повиноваться себе, превратился окончательно в восточного властелина: одно его появление наводило трепет. Женщины, по словам современников, падали в обморок от его гневного взгляда; придворные со страхом за свою жизнь должны были в часы досуга забавлять его, а когда он, сидя в креслах, предавался дремоте, они раболепно стояли вокруг него, не смея кашлянуть или сделать неосторожно движения, чтобы не разбудить его. Таков был Иван Васильевич, основатель московского единоначалия.

В последние годы XV века Иван Васильевич, заключив союз с Данией, в качестве помощи союзникам вел войну со Швецией: эта война кроме взаимных разорений не имела никаких последствий. Важнее был в 1499 году поход московского войска в отдаленную Югру (в северо-западный угол Сибири и восточный край Архангельской губернии). Русские построили крепость на Печоре, привезли взятых в плен югорских князей и подчинили Югорский край Москве. Это стало первым шагом к тому последовательному покорению Сибири, которое решительно началось уже с конца XVI века.

В 1500 году вспыхнула война с Польшей и Литвой. Натянутые отношения между тестем и зятем разразились явной враждой по поводу новых переходов на сторону Москвы князей, подручных Литве. Сначала отрекся от подданства Александру князь Семен Иванович Вельский и поступил к Ивану Васильевичу на службу, за ним передались потомки беглецов из Московской земли – внук Ивана Андреевича Можайского Семен и внук Шемяки Василий; они отдавали под верховную власть московского государя пожалованные их отцам и дедам владения: первый обладал Черниговом, Стародубом, Гомелем и Любечем, второй – Новгородом-Северским и Рыльском. Так же поступили князья Мосальские, Хотетовские, мценские и серпейские бояре. Предлогом выставлялось гонение православной веры. Александр позволял римско-католическим духовным совращать православных и хотел посадить на упраздненный престол киевской митрополии смоленского епископа Иосифа, являвшегося ревностным сторонником флорентийского соединения церквей вопреки прежним митрополитам, из которых все, кроме Григория, преемника Исидора, сохраняли восточное православие. Иван Васильевич нарушил договор с зятем; по этому договору запрещено было принимать с обеих сторон князей с вотчинами, а Иван Васильевич их принял.

Литовцы на охоте. Гравюра XVII в.

Иван Васильевич послал зятю разметную грамоту и вслед за тем отправил на Литву войско. Русская военная сила в те времена делилась на отделы, называемые полками: большой или главный полк, по бокам его – полки правой и левой руки, передовой и сторожевой. Ими начальствовали воеводы. Среди начальников уже в то время существовал обычай местничества: воеводы считали долгом своей родовой чести находиться в такой должности, которая бы не была ниже по разряду другой, занимаемой лицом, отец или дед которого были ниже отца или деда первого. Это счет переходил и на родственников, а также принимались во внимание случаи, когда другие, посторонние, но равные по службе, занимали места выше или ниже. В татарский период между князьями нарушилось древнее равенство: одни стали выше, другие ниже; то же, вероятно, перешло и к боярам; когда же князья и бояре сделались слугами московского государя, тогда понятие об их родовой чести стало измеряться службой государю. Обычай этот, впоследствии усложнившийся в том виде, в каком мы застаем его в период Московского государства, мог быть еще недавним при Иване Васильевиче. С одной стороны, он был полезен для возникавшего самодержавия, так как потомки людей свободных и родовитых стали более всего гордиться службой государю, и потому понятно, отчего все государи до конца XVII века не уничтожали его; но, с другой стороны, этот обычай приносил также много вреда государственным делам, потому что начальники спорили между собой в такое время, когда для успеха дела нужно было дружно действовать и сохранять дисциплину. Иван Васильевич, конечно, мог бы уничтожить местничество в самом его зародыше. Он этого не сделал, но умерял его своей самодержавной волей. Таким образом, когда в походе против Литвы боярин Кошкин, начальствуя сторожевым полком, не хотел быть ниже князя Даниила Щени, то государь приказал ему сказать: «Ты стережешь не Даниила Щеню, а меня и мое дело. Каковы воеводы в большом полку, таковы и в сторожевом. Это тебе не позор». Итак, Иван Васильевич на этот раз лишил местничество своей силы на время войны. Этим он оставил пример

своим преемникам в известных случаях прекращать силу местничества, объявляя наперед, что все начальники будут без мест, но все-таки не уничтожая местничества в своем основании. Кроме русского войска московский государь отправил на Литву татарскую силу под начальством бывшего казанского царя Махмет-Аминя, которого он по желанию казанцев недавно заменил другим. Со своей стороны неизменный союзник Ивана Менгли-Гирей совершил нападение на Южную Русь. Война шла очень успешно для Ивана; русские брали город за городом; многие подручные Александру князья попали в плен или же сами предавались Москве: так сделали князья трубчевские (Трубецкие). 14 июля 1500 года князь Даниил Щеня поразил наголову литовское войско и взял в плен гетмана (главного предводителя) князя Острожского, потомка древних волынских князей: Иван силой заставил его поступить на русскую службу. Владения Александра страшно потерпели от разорения. Мало помогло Александру то, что в следующем году, после смерти брата Альбрехта, он был избран польским королем и заключил союз с Ливонским орденом. Ливонские рыцари под начальством своего магистра Плеттенберга сначала, вступив в русские края, одерживали было верх над русскими, но потом в их войске началась жестокая болезнь; рыцари, потеряв множество людей, ушли из Псковской области, а русские воеводы вслед за ними ворвались в Ливонскую землю и опустошили ее. Так же мало помощи оказал Александру союз с Шиг-Ахметом, последним ханом, носившим звание царя Золотой Орды. Шиг-Ахмет колебался и, служа Александру, в то же время предлагал свои услуги московскому государю против Александра, если московский государь отступит от Менгли-Гирея. Однако Иван Васильевич нашел, естественно, более выгодным дорожить союзом с крымским ханом. Менгли-Гирей поразил Шиг-Ахмета и вконец разорил остатки Золотой Орды. Шиг-Ахмет бежал в Киев, но Александр, вероятно, узнав об его предательских намерениях, заточил его в Ковно, где он и умер.

Свадебные обряды (по А. Олерию)

Положение дочери Ивана, жены Александра, было самое печальное. Она не могла отвратить войны, несмотря на все благоразумие, которое она до сих пор выказывала в сношениях с отцом, всеми средствами стараясь уверить его, что ей нет никакого оскорбления и притеснения в вере, что ему, следовательно, нет необходимости защищать ее. Польские и литовские паны не любили ее, называли причиной несчастья страны, подозревали ее в сношениях с отцом, вредных для Литвы. До нас дошли ее письма отцу, матери и братьям, очень любопытные, так как в них выявляются и личности Елены и ее отца, и дух того времени, когда они были написаны. «Вспомни, господин государь, отец, – писала она, – что я служебница и девка твоя и ты отдал меня за такого же брата, как и ты сам. Ведаешь государь, отец мой, что ты за мною дал и что я ему принесла; однако государь и муж мой король и великий князь Александр, ничего того не жалуячи, взял меня с доброю волею и держал в чести и в жаловании и в той любви, какая прилична мужу к своей подруге; и теперь держит в той же мере, ни мало не нарушая первой ласки и жалованья, позволяет мне сохранять греческую веру, ходить по своим церквам, держать на своем дворе священников, дьяконов и певцов для совершения литургии и другой службы божией как в Литовской земле, так и в Польше, и в Кракове, и по всем городам. Мой государь, муж не только в этом, да и в других делах, ни в чем перед тобой не отступил от своего договора и крестного целования; слыша великий плач и доuku украинных людей своих, он много раз посылал к тебе послов, но не только, господин, его людям никакой управы не было, а еще пушена тобою рать, города и волости побраны и пожжены. Король, его мать, братья, зятя, сестры, паны-рада, вся земля – все надеялись, что со мною из Москвы в Литву пришло все доброе, вечный мир, любовь кровная, дружба, помощь на поганство; а ныне, государь отец, видят все, что со мной все лихо к ним пришло: война, рать, осада, сожжение городов и волостей; проливается христианская кровь, жены остаются вдовами, дети сиротами, плен, плач, крик, вопль. Вот каково жалованье, какова любовь твоя ко мне... Чего на всем свете слыхом не слышать, то нам, детям твоим, от тебя, государя христианского, деется: если бы государь мой у кого другого взял себе жену, то оттого была бы дружба и житье доброе и вечный покой землям... Коли, государь отец, Бог не положил тебе на сердце жаловать своей дочери, зачем меня из земли своей выпускал и отдавал за такого брата, как ты сам? Люди бы из-за меня не гибли и кровь христианская не лилась бы. Лучше бы мне под ногами твоими в твоей земле умереть, нежели такую славу о себе слышать; все только то и говорят: затем отдал дочь свою в Литву, чтобы беспечнее было землю высмотреть... Писала бы я и шире, да от великой беды и жалости ума не могу приложить, только с горькими и великими слезами тебе, государю отцу, челом бью. Опомнись Бога ради, помяни меня, служебницу и кровь свою. Оставь гнев безвинный и нежитье с сыном и братом своим, соблюди прежнюю любовь и дружбу, какую сам записал ему своим крепким словом в dokonчальных грамотах, чтобы от вашей нелюбви не лилась христианская кровь и поганство бы не смеялось, и не радовались бы изменники предатели ваши, которых отцы изменяли предкам нашим в Москве, а дети их делают то же в Литве. Дай Бог им, изменникам, того, что родителю нашему было от их отцов. Они-то промеж вас государей замутили, а с ним Семен Вельский иуда, который, будучи здесь на Литве, братью свою князя Михаила и князя Ивана переел, а князя Феодора на чужую сторону загнал. Сам смотри, государь, годно ли таким верить, которые государям своим изменили и братью свою перерезали, и теперь по шею в крови ходят, вторые каины, а между вас государей мутят... Вся вселенная, государь, ни на кого, а только на меня вопиет, что это кровопролитие случилось от моего прихода в Литву, будто я государю моему пишу и тебя на это привожу; коли б, говорят, она хотела, никогда бы того лиха не было! Мило отцу дитя; какой отец враг детям своим! И сама разумею и вижу по миру, что всякий печалуется детками своими, только одну меня по моим грехам Бог забыл. Слуги наши через силу свою, трудно поверить какую, казну дают за дочерьми своими, и не только дают, но потом каждый месяц навещают и посылают, и дарят, и тешат, и не одни паны, все простые люди деток своих утешают; только на одну меня Господь Бог разгневался, что пришло

твое нежалование. Я, господин государь, служебница твоя, ничем тебе не согрубила, ничем перед тобою не согрешила и из слова своего не выступила. А если кто иное скажет – пошли, господин, послов своих, кому веришь: пусть обо всем испытно доведаются и тебе откажут... За напрасную нелюбовь твою нельзя мне и лица своего показать перед родными государя моего мужа, и потому с плачем тебе, государю моему, челом бью, смилуйся над убогою девкою своей. Не дай недругам моим радоваться о беде моей и веселиться о плаче моем. Когда увидят твое жалованье ко мне, то я всем буду и грозна и честна, а не будет ласки твоей – сам, государь отец, можешь разуметь, что все родные и подданные государя моего покинут меня... Служебница и девка твоя, королева польская и великая княгиня литовская Олена со слезами тебе, государю отцу своему, низко челом бьет».

В таком же смысле и почти в таких же выражениях писала она своей матери Софье и братьям. Письма доставлены были через королевского посла, канцлера Ивана Сапегу. Ответ Ивана Васильевича также очень характерен. «Что ты, дочка, к нам писала, то тебе не пригоже было нам писать, – отвечал Иван. – Ты пишешь, будто тебе о вере греческого закона не было от мужа никакой посылки, а нам гораздо ведомо, что муж твой не раз к тебе посылал отметника греческого закона владыку смоленского и бискупа виленского и чернецов бернардинов, чтобы ты приступила к римскому закону. Да не к тебе одной посылал, а ко всей Руси посылал, которая держит греческий закон, чтоб приступали к римскому закону. А ты бы, дочка, помнила Бога и наше родство и наш наказ, и держала бы греческий закон крепко, и к римскому закону не приступала, и римской церкви и папе не была бы послушна ни в чем, и не ходила бы к римской церкви, и не норовила бы никому душою, и мне и себе и всему роду нашему не чинила бы бесчестия. Хотя бы тебе, дочка, пришлось за это и до крови пострадать – пострадай. Бей челом нашему зятю, а своему мужу, чтобы тебе церковь греческого закона поставил на сенех и панов и паней дал бы тебе греческого закона, а панов и паней римского закона от тебя отвел. А если ты поползнешься и приступишь к римскому закону волею или неволею, погибнет душа твоя от Бога и быть тебе от нас в неблагословении, и я тебя не благословлю и мать тебя не благословит, а зятю своему мы того не спустим. Будет у нас с ним непрерывная рать».

Вид Смоленска

Одновременно с Еленой папа Александр VI и король венгерский Владислав, брат Александра, ходатайствовали у московского государя о примирении с Литвой. Польские послы от имени Александра просили вечного мира с тем, чтобы Иван возвратил Александру завоеванные места. Иван отказал. Заключено было только перемирие на шесть лет. Иван Васильевич удержал земли князей, передавшихся Москве, и тогда уже ясно заявил притязание на то, что Москва, сделавшись средоточием русского мира, будет добиваться присоединения древних русских земель, доставшихся Литве. «Отчина королевская, – говорил он, – земля Польская и Литовская, а Русская земля наша отчина. Киев, Смоленск и многие другие города – давнее наше достояние, мы их будем добывать». В том же смысле через год отвечал он послам своего зятя, приехавшим хлопотать о превращении перемирия в вечный мир: «Когда хотите вечного мира, отдайте Смоленск и Киев».

7 апреля 1503 года скончалась Софья, а 27 декабря того же года произведена была в Москве жестокая казнь над приверженцами «жидовской ереси». В числе пострадавших был дьяк Курицын, один из способнейших слуг Ивана и один из немногих русских, которым можно было давать дипломатические поручения. Между тем Иван слабел здоровьем и, чувствуя, что ему жить осталось недолго, написал завещание. В нем он назначил преемником старшего сына Василия, а трем остальным сыновьям – Юрию, Семену и Андрею – дал по несколько городов, но уже далеко не на правах независимых владетелей. Братья великого князя не имели права в своих уделах ни судить уголовных дел, ни чеканить монеты, ни вступаться в государственный откуп; только старший брат обязан был давать младшим по сто рублей с таможенных сборов. Меньшие братья должны были признавать старшего своим господином *честно и грозно*. Младшие братья московского государя являлись теперь не более как богатыми владельцами, такими же подданными, как прочие князья и бояре. Единственное, чем обеспечивал их отец, было то,

что великий князь не должен был покупать в их уделах земель и вообще не вмешиваться в управление их владениями. Но то же предоставлялось по духовной всем боярам, и князьям, и детям боярским, которым государь дал свои жалованные грамоты, – и в их села не должен был вступаться новый государь. Таким образом, при укреплении единовластия и самодержавия не уничтожалось, однако, право свободной частной собственности, хотя на деле самодержавный государь всегда имел возможность и всегда мог иметь поползновение под любым предлогом нарушить его. Назначив определенным способом достояние своим младшим сыновьям, Иван Васильевич отдавал исключительно старшему сыну все свое богатое движимое имущество, состоявшее в дорогих каменных, золотых, серебряных вещах, мехах, платье и вообще в том, что тогда носило название *казны*. Все это хранилось у разных лиц – у казначеев, дворецких, дьяков, приказчиков – и кроме Москвы в Твери, Новгороде и Белоозере.

Василию между тем приходило время жениться. Отцу хотелось женить его на какой-нибудь особе царственного рода. В этих видах он поручил своей дочери королеве Елене найти для брата невесту. Но Елена прежде всего заметила, что ей самой трудно взять на себя хлопоты по этому делу, так как отец не заключил с ее мужем прочного мира, а кроме того извещала, что на Западе не любят греческой веры, считают православных нехристями и не отдадут дочери за православного государя. Иван Васильевич пытался сватать за сына дочь датского короля, своего постоянного союзника, которому в угоду он совершил вторжение в Швецию. Но датский король, ставший и шведским королем после Кольмарской унии, отказал ему. Пришлось брать Василию жену из числа дочерей его подданных. Говорят, что первый совет к этому дал один из греков, живших при дворе Ивана, Юрий, по прозванию Малый (вероятно, Траханиот). Пример им был взят из византийской истории: императоры не раз собирали ко двору девиц для выбора из них себе жены. Грек Юрий надеялся, что Василий женится на его дочери. Вышло не так. Ко двору велели привезти 1500 девиц на смотр. Из них выбрали наилучших; их приказано было осмотреть повивальным бабкам; вслед за тем из числа таким образом освидетельствованных Василий выбрал Соломонию, дочь незнатного дворянина Юрия Сабурова. Этот брак имеет вообще важное историческое значение по отношению к положению женщины в Московском государстве. Брак этот способствовал тому унижению и затворничеству, которое составляло резкий признак домашней жизни высших классов в XVI и XVII веках. Прежде князья женились на равных себе по сословию, но с тех пор как государи стали выбирать себе жен стадным способом, жены их, хотя и облекались высоким саном, в сущности не были уже равны мужьям; брак не имел значения связи между двумя равными семействами, не существовало понятия о приличии или неприличии соединиться браком с особой того или иного рода, не знали того, что на Западе называлось *mesalliance*. Жена государя, взятая из какой бы то ни было семьи, отрешалась от своих родных; отец не смел называть ее дочерью, братья – сестрой. Она не приносила с собой никакого родового достоинства; с другой стороны, о выборе жены по сердцу не могло быть и речи. Государь не знал ее нравственных качеств и не нуждался в этом; свидетельствовали только ее тело; она была в сущности не более, как самкой, обязанной производить детей для государя. Как подданная по происхождению она постоянно чувствовала себя рабой того, кто был ее супругом. Государь выбирал ее по произволу, государь мог и прогнать ее: вступаться за ее права было некому. Но будучи вечной рабой своего мужа, вместе с тем она была царицей, и по возложенному на нее сану ей не было ровни между окружающими; таким образом, она всегда была одинока и находилась в затворничестве. Зато самовластный супруг ее был так же одинок на своем престоле; избранная жена не могла быть ему равной подругой. В монархических государствах приемы и нравы двора всегда перенимаются подданными, преимущественно высшими классами. В Москве, где все уже начали называться холопами государя, такое влияние придворных нравов было неизбежнее, чем где-нибудь. Помимо прочего то время было по существу эпохой, когда утвердилось всеобщее порабощение, обезличение

и крайнее самоунижение русских людей: понятно, что и женщина должна была переживать период своего крайнего семейного порабощения.

Брак Василия совершился 4 сентября 1505 года; сам митрополит Симон венчал его в Успенском соборе, а 27 октября умер Иван Васильевич на 67 году своей жизни, прогосударствовав 43 года и 7 месяцев. Тело его было погребено в каменной церкви Михаила Архангела, которую он в последние годы своего царствования построил на месте прежней.

Русские историки называют Ивана «Великим». Действительно, нельзя не удивляться его уму, сметливости, устойчивости, с какой он умел преследовать избранные цели, его умению кстати пользоваться благоприятными обстоятельствами и выбирать надлежащие средства для достижения своих целей; но не следует, однако, упускать из вида при суждении о заслугах Ивана Васильевича того, что истинное величие исторических лиц в том положении, которое занимал Иван Васильевич, должно измеряться степенью благотворного стремления доставить своему народу возможно большее благосостояние и способствовать его духовному развитию: государственное Ивана Васильевича с этой стороны представляет мало данных. Он умел расширять пределы своего государства и скреплять его части под своей единой властью, жертвуя даже своими отеческими чувствами, умел наполнять свою великокняжескую сокровищницу всеми правдами и неправдами, но эпоха его мало оказала хорошего влияния на благоустройство подвластной ему страны. Сила его власти переходила в азиатский деспотизм, превращающий всех подчиненных в боязливых и безгласных рабов. Такой строй политической жизни завещал он сыну и дальнейшим потомкам. Его варварские казни развивали в народе жестокость и грубость. Его безмерная алчность способствовала не обогащению, а обнищанию русского края. Покоренный им Новгород был ограблен точно так, как будто его завоевала разбойничья орда, вместо того, чтобы с приобретением спокойствия под властью могучего государя ему получить новые средства к увеличению своих экономических богатств. Поступки Ивана Васильевича с немецкими купцами, как и с иноземцами, приглашаемыми в Москву, могли только отстранять от сношений с Русью и от прилива в нее полезных людей, в которых она так нуждалась. Ни малейшего шага не было сделано Иваном ко введению просвещения в каком бы то ни было виде, и если в последних годах XV и в первой четверти XVI века замечается некоторого рода оживленная умственная и литературная деятельность в религиозной сфере, то это вызвано было не им. На народную нравственность Иван своим примером мог оказывать скорее зловерное, чем благодетельное влияние. Был единственный случай в его жизни, когда он мог показать собой пример неустрашимости, твердости и готовности жертвовать жизнью за отечество; но тут он явился трусом и себялюбцем: князь отправил прежде всего в безопасное место свою семью и казну, а столицу и всю окрестную страну готов был отдать на расхищение неприятелю, покинул войско, с которым должен был защищать отечество, думал униженным миром купить себе безопасность, и за то сам вытерпел нравственное унижение, выслушивая резкие замечания Вассиана. До какой степени Иван Васильевич понимал честные отношения между людьми и какой пример мог подавать своим подданным в их взаимных делах, показывает его проделка с представителем Венецианской республики, когда, выдав ему 70 рублей, приказал сказать посланному его государству, что дал 700, – плутовство, достойное мелкого торгаша. Бесчисленные случаи его грабительства прикрывались разными благовидными предложениями, но современники очень хорошо понимали настоящую их цель. Поступки государя распространяли в нравах подданных пороки хищничества, обмана и насилия над слабейшим. Возвышая единовластие, Иван не укреплял его чувством законности. По произволу заключил он сначала в тюрьму сына, венчал на царство внука, потом заточил внука и объявил наследником сына; этим поступком он создал правило, что престол на будущее время зависит не от какого-нибудь права, а от своенравия лица, управляющего в данное время государством, правило, свойственное самому деспотическому строю и вовсе не представлявшее прочного залога государственного благоустройства и безопасности. При таких порядках мог господство-

вать бессмысленный рабский страх перед силой, а не сознательное уважение к законной власти. Можно было бы поставить в похвалу ему то, что он, как пишут иностранцы, хотел уменьшить пьянство в народе; но этот факт неясен, так как из сообщающих о нем иностранцев один говорит, что Иван совсем запретил частным лицам варить пиво и мед с хмелем, а другой – что он позволял это не всем. Мы знаем, что впоследствии в Московской земле продажа хмельных напитков производилась от казны, а в виде исключения дозволялось разным лицам и в разных случаях варить их в частных домах; это дает нам повод предположить, что и при Иване стеснительные меры по отношению к производству горячих напитков, вероятно, предпринимались более в видах обогащения казны, чем с целью улучшения народной нравственности. Да и само известие о господствовавшем тогда пьянстве едва ли не преувеличено, так как в то время еще не было распространено хлебное вино, которое впоследствии спoiло русский народ.

Истинно великие люди познаются тем, что опережают свое общество и ведут его за собой; созданное ими имеет прочные задатки не только внешней крепости, но духовного саморазвития. Иван в области умственных потребностей ничем не стал выше своей среды; он создал государство, завел дипломатические сношения, но это государство без задатков самоулучшения, без способов и твердого стремления к прочному народному благосостоянию, не могло двигаться вперед на поприще культуры, простояло два века, верное образцу, созданному Иваном, хотя и дополняемое новыми формами в том же духе, но застылое и закаменелое в своих главных основаниях, представлявших смесь азиатского деспотизма с византийскими, пережившими свое время, преданиями. И ничего не могло произвести оно, пока могучий ум истинно великого человека – Петра – не начал пересоздавать его в новое государство уже на иных культурных началах.

Сильвестр и Адашев

После смерти Василия ввиду малолетства нового государя правление перешло в руки вдовствующей великой княгини; дела решались под ее властью Боярской думой. В Московском государстве в первый раз верховная власть сосредоточилась в руках женщины. Это, однако, не противоречило русским понятиям, по которым после смерти отца семейства вдова вполне заменяла мужа на время малолетства детей. Елена совершенно отдалась своему любимцу Ивану Овчине-Телепневу-Оболенскому. Он был человек крутого нрава, не останавливался ни перед какими злодеяниями. Именем Елены правил он государством; бояре должны были сносить его произвол. Совершались варварства, превосходившие все, что представляла в этом отношении прежняя московская история. Одного брата покойного государя, Юрия, по подозрению засадили в тюрьму и там уморили голодом. Другой брат, Андрей, испугавшись той же участи, убежал; ради собственного спасения он замыслил восстание, но был схвачен и задушен; жену его и сына засадили в тюрьму. Вместе с ним было казнено много бояр и детей боярских, которых обвинили в расположении к Андрею; других били кнутом. Дядя Елены Михаил Львович Глинский стал укорять племянницу за ее связь с Телепневым; за это его посадили в тюрьму и уморили голодом. Знатные бояре за противоречие любимцу тотчас подвергались тяжелому тюремному заключению. Но во внешних делах Телепнев поддерживал достоинство Московского государства. Открывшаяся по истечению перемирия война с Литвой проведена была успешно и окончилась в 1537 году новым перемирием на пять лет с уступкой Москве двух крепостей: Себежа и Заволочья, построенных на Литовской земле. Татарские нападения были отражены. Такие успехи еще больше возвышали любимца Елены, но это возвышение ускорило его гибель. Враги отравили Елену 3 апреля 1538 года.

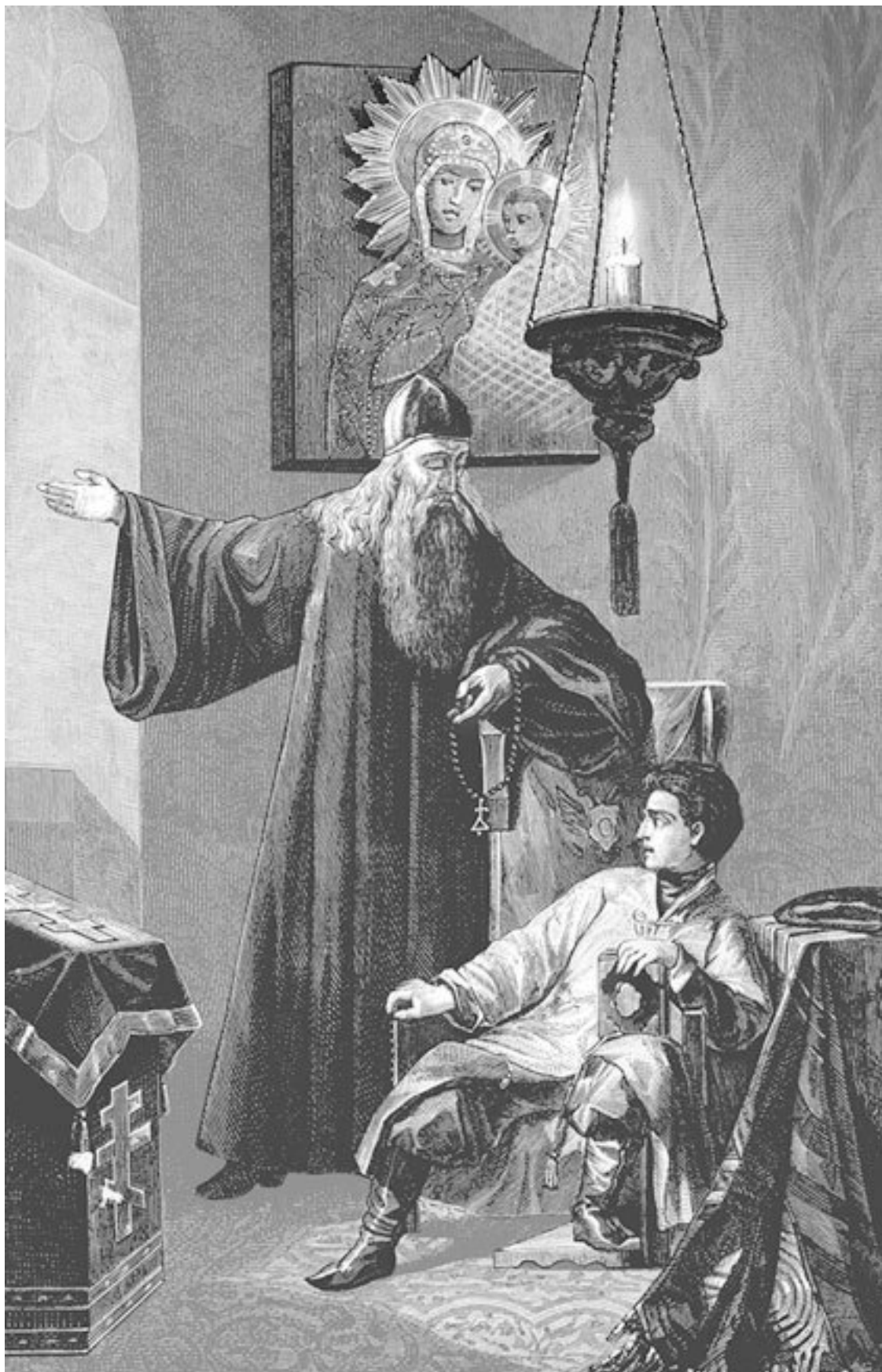
Правлением овладели князья Шуйские. Телепнева уморили в тюрьме голодом. Сестру его Аграфену заковали и засадили в тюрьму. Вслед за ними низложили митрополита Даниила, угождавшего Елене, а на его место возвели троицкого игумена Иоасафа.

В 1540 году при содействии нового митрополита его благодетель, глава правительства Иван Шуйский, был низвержен. На место Шуйского поставлен его враг боярин князь Иван Вельский, сидевший до того времени в тюрьме. Этот новый правитель не поступал подобно прежнему, оставил на свободе своих врагов Шуйских, выпустил из тюрьмы племянника покойного государя Владимира Андреевича с матерью, освободил других узников, возвратил Пскову его старинный самосуд, дозволив судить уголовные дела выборным целовальникам, минуя великокняжеских наместников и их тиунов. Крымский хан Саип-Гирей, услышав, что в Москве нет больше единодержавной власти, попытался сделать нашествие на пределы Московского государства, однако был отбит. Правление Вельского обещало много хорошего, но вскоре пало. Князь Иван Шуйский, склонив на свою сторону некоторых бояр и детей боярских, 3 января 1542 года схватил Вельского и потом велел задушить, а его сторонников засадил в тюрьму. Митрополит Иоасаф был низложен; на его место возведен новгородский архиепископ Макарий, один из знаменитых духовных деятелей русской истории. Князь Иван Шуйский, захвативший верховную власть, по болезни вскоре удалился от двора, передав правление своим родственникам Ивану и Андрею Михайловичам Шуйским и Федору Ивановичу Скопину-Шуйскому³³. Но недолго пришлось править и этим Шуйским. Молодому государю исполнилось в 1544 году тринадцать лет. Он находился под влиянием братьев Елены: Юрия и Михаила Васильевичей Глинских. Митрополит Макарий принял их сторону, изменив Шуйским, подобно тому как им изменил его предшественник. По наущению своих дядей отрок Иван приказал схватить Андрея Шуйского и отдать своим псарям, которые тотчас же растер-

---

³³ Деду знаменитого героя Смутного времени Михаила Скопина-Шуйского.

зали его. Федора Скопина-Шуйского и других бояр его партии сослали. Правлением овладели Глинские.

Царь Иван IV и Сильвестр

Царь Иван IV Грозный. Гравюра 1850 г.

Следствием смут, происходивших во время малолетства Ивана, было то, что отрок-государь получил самое дурное воспитание. Он от природы не имел большого ума, но зато был одарен в высшей степени нервным темпераментом и, как всегда бывает с подобными натурами, чрезмерной страстностью и до крайности впечатлительным воображением. В младенчестве с ним как будто умышленно поступали так, чтобы образовать из него необузданного тирана. С молоком кормилицы всосал он мысль о том, что рожден существом высшим, что со временем будет самодержавным государем, что могущественнее его нет никого на свете; и в то же время его постоянно заставляли чувствовать свое настоящее бессилие и унижение. Его разлучили с мамкой, к которой он был привязан; убили Телепнева, к которому он привык; на его глазах его именем бояре свергали друг друга, а зазнавшиеся Шуйские обращались с ним высокомерно и нагло. «Помню, – писал впоследствии Иван Васильевич, – как бывало мы с братом Юрием

играем по-детски, а князь Иван Шуйский сидит на лавке, локтем опершись на постель отца нашего, да еще ногу на нее положит, а с нами не то по-родительски, а по-властелински обращается, как с рабами. Ни в одежде, ни в пище не было нам воли; а сколько-то казны отца нашего и деда они перебрали, да на наш счет сосуды себе золотые и серебряные поделали и на них имена родителей своих подписали, будто это их родительское достояние! Всем людям ведомо, как при матери нашей у князя Ивана Шуйского была шуба кунья, покрыта зеленым мухояром, да и та ветха: если бы у них было прежде столько богатств, чтобы сделать сосуды, так лучше было шубу переменить!» Отрок-государь привязался было к боярину Семену Воронцову. Андрей Шуйский из опасения, чтобы Воронцов не взял на себя слишком многого, приказал схватить его в присутствии государя, и только слезные прошения Ивана да ходатайство митрополита спасли Воронцова от смерти, но все-таки его сослали. Раздражая такими поступками отрока, бояре в то же время дозволяли ему усваивать самые вредные привычки: молодой Иван для забавы бросал с крыльца или с вышек животных и тешился их муками; а когда власть перешла в руки Глинских, то Иван набрал около себя отроков из знатных семейств и с их толпой скакал верхом во всю прыть по городу, топтал и бил людей, а опекуны и их угодники похваливали его за это и говорили: «Вот будет храбрый и мужественный царь!» Со вступлением в юношеский возраст все более и более развивались в Иване дикие наклонности. К делу его никто не приучал. Он то ездил по монастырям, предпринимая для этой цели даже отдаленные путешествия, как, например, на Белоозеро, в Новгород, Вологду, Тихвин, Псков и т. п., то увлекался охотой или же пьянствовал и буйствовал со своими удалцами. Его шатания по Русской земле, как благочестивые, так и грешные, тяжело отзывались на жителях. Между тем, отведав крови на Шуйском, он получал к ней вкус, а Глинские пользовались этим и подстрекали его давать волю своей впечатлительной натуре. По минутному расположению духа он то клал опалы на сановников, то прощал их. Однажды, когда четырнадцатилетний Иван выехал на охоту, к нему явились пятьдесят новгородских пищальников жаловаться на наместников. Ивану стало досадно, что они прерывают его забаву; он приказал своим дворянам прогнать их; но когда дворяне принялись их бить, пищальники стали им давать сдачи, и несколько человек легло на месте. Взбешенный Иван приказал расследовать, кто подучал пищальников. Дьяк Василий Захаров, сторонник Глинских, которому дано было это поручение, обвинил князя Кубенского и двух Воронцовых; один из последних был Федор, любимец царя. Иван немедленно приказал отрубить им головы. Он неспособен был к долгим привязанностям, и для него ничего не значило убить человека, которого еще не так давно считал своим другом. Молодым сверстникам государя, разделявшим его забавы, была небезопасна его милость. Иван, рассердившись на них, не затруднялся изрекать им смертные приговоры. По его приказанию были задушены один из князей Трубецких и сын любимца Елены Федор.

Правительница Елена Глинская. Гравюра 1850 г.

Так достиг Иван семнадцати лет. 16 января 1547 года он венчался царским венцом в Успенском соборе. Уже прежде московские властители считали себя преемственно царями, с одной стороны, потому что заступили для Руси место ханов Золотой Орды, которых русские в течение веков привыкли называть царями, а с другой, потому что считали себя по женской линии преемниками византийских императоров, титул которых по-русски издавна переводился словом «царь». Выдумана была сказка о присылке царского венца византийским императором Константином Мономахом внуку своему Владимиру Мономаху, на которого будто бы возложил царский венец, цепь и бармы ефесский митрополит. Говорили, что Владимир Мономах завещал эти регалии своему сыну Юрию Долгорукому и приказал хранить из поколения в поколение до тех пор, пока Бог не воздвигнет на Руси достойного самодержца. Митрополит Макарий венчал на царство Ивана так называемыми шапкой, бармами и цепью Мономаха. Для придания большей важности царскому роду придумали вывести происхождение прадеда Вла-

димира Святого, Рюрика, от Цезаря Августа. Для этого воспользовались сочиненной в Литве сказкой, будто брат римского императора Октавия Августа переселился в Литву; признали потомками этого вымышленного Августа брата трех братьев – Рюрика, Синеуса и Трувора, которых, по нашим древним летописям, новгородцы вместе с другими русскими племенами призвали к себе на княжение в половине IX века.

Сказания эти составлялись, вероятно, с участием митрополита Макария: его время особенно отпечатлелось составлением всяких подложных сказаний о событиях давних веков. Вслед за венчанием Ивана Макарий с собором причислил к лику святых целый ряд русских князей, епископов и отшельников, уважаемых более или менее народной памятью; и так как жизнь многих из них оставалась неизвестной или малоизвестной, то сочинены были разными духовными лицами их биографии. Макарий был большой любитель старины, собирал памятники древней письменности и древней истории, сам продолжал Степенную Книгу – историческое сочинение, начатое митрополитом Киприаном, – и составил огромный сборник биографий, сказаний, поучений и богословских сочинений, как оригинальных, так и переводных, расположив их по месяцам и дням года, и дал этой книге название «Минеи Четьи». В своих ученых трудах Макарий не только не руководствовался ни малейшей критикой в признании подлинности собираемых сочинений, но допускал всякие вымыслы и не заботился о правильности редакции сочинений, помещенных в его Великих Минеях. В начале 1547 года по царскому повелению собраны были со всего государства девицы, и молодой царь выбрал из них дочь умершего окольного Романа Юрьевича Захарьина. Имя царской невесты было Анастасия. Свадьба происходила 3 февраля. Женильба не изменила характер царя. Он продолжал свою буйную, беспорядочную жизнь, не занимался делами правления, но постоянно заявлял, что он самодержавный государь и может делать, что ему угодно. Всем заправляли его родные Глинские, повсюду сидели их наместники, не было нигде правосудия, везде происходили насилия и грабежи. Сам царь не терпел, чтобы его беспокоили жалобами. 3 июня семьдесят псковских людей прибыли в Москву жаловаться на своего наместника князя Турунтая-Пронского, угодника Глинских. Они явились к царю в его сельце Островке. Ивану Васильевичу до того не понравилось это, что он велел раздеть псковичей, положить на земле, поливать горячим вином и палить им свечами волосы и бороды. Во время такого занятия государю пришла неожиданная весть, что в Москве, когда начали благовестить к вечерне, упал колокол. Иван бросил свои жертвы и поспешил в Москву.

Падение колокола считалось на Руси – как и теперь считается – предвестием общественного бедствия. Последовало и другое предвестие перед свершением ожидаемой уже беды. Был в Москве юродивый по имени Василий. О нем ходили чудные слухи. Он являлся на московских улицах и в летний зной, и в зимнюю стужу нагишом, «как Адам первозданный». 20 июня в полдень увидели его близ церкви Воздвижения на Арбате. Он смотрел на церковь и горько плакал. Все догадывались, что он чувствует что-то недоброе. На другой день, 21 июня, в этой самой церкви вспыхнул пожар и распространился с чрезвычайной быстротой по деревянным зданиям города; сильная буря помогла ему. В продолжение часа все Занеглинье³⁴ и Чертолье (нынешняя Пречистенка) обратились в пепел. Буря понесла пламя на Кремль: загорелся верх соборной церкви, а потом занялись деревянные кровли на царских службах (палатах); сгорели оружничья палата, постельная палата с домашней казной, царская конюшня и разрядные избы (где велось дело-производство о всяких назначениях по службе); огонь даже проник в погреба под палатами. Пострадала придворная церковь Благовещения: внутри нее сгорел иконостас работы знаменитого русского художника Андрея Рублева. Митрополичий двор и Успенский собор остались целы. Митрополит чуть было не задохнулся в церкви и едва успел убежать из Кремля через подземный ход (тайник). Сгорели монастыри и многие дворы в Кремле. Пожар сделался еще

³⁴ Место по ту сторону от Кремля, за рекой Неглинной, теперь заложеной сводом и застроенной зданиями.

ужаснее, когда дошел до пороха, хранившегося в стенах Кремля, и произошли взрывы. Огонь распространился по Китай-городу; и эта часть города сгорела, кроме двух церквей и десяти лавок. Пожар охватил большой посад вплоть до Воронцовского сада на Яузе. Тогда, говорят, сгорели тысяча семьсот взрослых людей и несчетное множество детей. Царь с супругой и с приближенными не был в Москве во время пожара, а после пожара проживал в своем загородном селе Воробьево; он мало заботился о потерпевших жителях столицы и велел прежде всего поправлять церкви и палаты на своем царском дворе.

М.И. Авилов. Царевич Иван на прогулке

Между тем большая часть москвичей находилась в ужасном положении, без хлеба, без крова; многие не могли отыскать своих ближних, пропавших без вести. Отчаяние овладело народом. В те времена всегда готовы были приписать общественное бедствие лихим людям и колдовству. Разнеслась молва, что лихие люди вражьи наветом вынимали из человеческих трупов сердца, мочили их в воде и этой водой кропили московские улицы, и оттого Москва сгорела. Донесли об этом царю. Царь сам поверил такой причине пожара и приказал своим боярам сделать розыск.

Тогда знатные люди, ненавидевшие Глинских, воспользовались случаем погубить их. Эти враги Глинских были брат царицы Анастасии Григорий, благовещенский протопоп Федор Бирлин, боярин Иван Федоров, князь Федор Скопин-Шуйский, князь Юрий Темкин, Федор Нагой и др. Они пустили в народе слух, что злодеи, учинившие своим чародейством пожар в Москве, были не кто иные, как Глинские. Легко было убедить народ, так все не любили Глинских и были недовольны их могуществом. У Глинских в милости было много людей не московского происхождения – переселенцев из Северной земли и Южной Руси; Глинские некоторым из них раздавали должности. Любимцы эти пользовались своим возвышением; где только могли, доставляли они себе выгоды на счет народа; другие, опираясь на покровительство Глинских, позволяли себе в Москве разные своеволия и бесчинства. На пятый день после пожара настроенная заговорщиками народная толпа бросилась к Успенскому собору и кричала: «Кто зажи-

гал Москву?» На этот вопрос последовал из толпы такой ответ: «Княгиня Анна Глинская со своими детьми и со своими людьми вынимала сердца человеческие и клала в воду, да тою водою, ездячи по Москве, кропила, и оттого Москва выгорела». Толпа, услышав такую речь, пришла в неистовство. Из двух Глинских, братьев умершей великой княгини Елены, Михаил с матерью Анной, бабкой государя, был во Ржеве, а другой, Юрий, не подозревая, какие сети ему сплели бояре, приехал к Успенскому собору вместе со своими тайными врагами. Услышал он страшные крики и вопли против его матери и всего их рода и скрылся в церкви. Народ вломился за ним в церковь. Его вытащили оттуда, убили дубьем, повлекли труп его по земле и бросили на торгу.

Н.С. Самокиш. Церковь Вознесения в Коломенском, построенная в честь рождения Ивана IV

Русские бояре в XVI–XVII столетиях

Истребили всех людей Глинских. Досталось и таким, которые вовсе не принадлежали к их числу. В Москве были тогда на службе дети боярские из Северной земли. Народ перебил их потому только, что в их речи слышался тот же говор, как и у людей Глинского. «Вы все их люди, – кричала толпа, – вы зажигали наши двory и товары».

Так прошло два дня. Народ не унимался. Из Глинских погиб только один; народу нужны были еще жертвы. Раздались такие крики: «Государь спрятал у себя на Воробьева княгиню Анну и сына ее Михаила!» Толпа хлынула на Воробьево.

Событие было поразительное. Самодержавие верховной власти, казалось, в эти минуты утрачивало свое обаяние над народом, потерявшим терпение. Иван до сих пор слишком верил в свое всемогущество и потому держал себя нагло и необузданно; теперь он впал в крайнюю трусость и совершенно растерялся. Тут явился перед ним человек в священнической одежде по имени Сильвестр. Нам неизвестна прежняя жизнь этого человека. Говорят только, что он был пришлец из Новгорода Великого. В его речи было что-то потрясающее. Он представил царю печальное положение Московской земли, указывал, что причиной всех несчастий пороки царя: небесная кара уже висела над Иваном Васильевичем в образе народного бунта. В довершение всего Сильвестр поразил малодушного Ивана какими-то чудесами и знаменами. «Не знаю, – говорит Курбский, – истинные ли то были чудеса... Может быть, Сильвестр выдумал это, чтобы ужаснуть глупость и ребяческий нрав царя. Ведь и отцы наши иногда пугают детей

мечтательными страхами, чтобы удержать их от зловредных игр с дурными товарищами». Царь начал каяться, плакать и дал обещание с этих пор во всем слушаться своего наставника.

Толпу разогнали выстрелами, несколько человек убили. Остальные разбежались.

С тех пор Иван Васильевич очутился под опекой Сильвестра и в то же время сдружился с Алексеем Адашевым, одним из молодых людей, уже известных царю. Адашев случайно попал в число тех, которых Иван приближал к себе ради забавы. Это был человек большого ума и в высокой степени нравственный и честный. «Если бы, – говорит Курбский, – все подробно писать об этом человеке, то это показалось бы совсем невероятным посреди грубых людей; он, можно сказать, был подобен ангелу». Под влиянием Сильвестра Иван предался Адашеву всей душой. Сильвестр и Адашев подобрали кружок людей, более других отличавшихся широким взглядом и любовью к общему делу. То были люди знатных родов: князь Дмитрий Курлятов, князь Андрей Курбский, Воротынский, Одоевский, Серебряный, Горбатый, Шереметевы и др. Кроме того, Адашев и Сильвестр стали выбирать из толпы людей незнатных, но честных, и поручали им разные должности. Таким образом, из детей боярских возвышались люди, какие нужны были Сильвестру и Адашеву: для этого употребили они существовавший уже обычай раздавать поместья и вотчины; а владея всеми помыслами царя, любимцы могли приближать к царю и возвышать кого хотели. Несмотря на то что в кругу людей, окруживших тогда царя, были знатные потомки удельных князей, возвышение новых людей вначале не оскорбляло их гордости. Сам Алексей Адашев, всеми уважаемый и несколько лет всеми заправлявший, был человек незнатного происхождения и небогатый. «Я из батожников его поднял, от гноища учинил наравне с вельможами», – говорил о нем впоследствии Иван.

И вот государство стало управляться кружком любимцев, который Курбский называет «Избранною радою». Без совещания с людьми этой Избранной рады Иван не только ничего не устраивал, но даже не смел мыслить, Сильвестр до такой степени напугал его, что Иван не делал шагу, не спросив у него совета; Сильвестр вмешивался даже в его супружеские отношения. При этом опекуны Ивана старались по возможности вести дело так, чтобы он не чувствовал тягости опеки и ему бы казалось, что он по-прежнему самодержавен. Впоследствии, когда Иван сбросил с себя власть этих людей, он в таких словах изображал горькое унижение своего самодержавия: «Они отняли у нас данную нам от прародителей власть возвышать вас, бояр, по нашему изволению, но все положили в свою и вашу власть; как вам нравилось, так и делалось; вы утвердились между собою дружбою, чтобы все содержать в своей воле; у нас же ни о чем не спрашивали, как будто нас на свете не было; всякое устройство и утверждение совершалось по воле их и их советников. Мы, бывало, если что-нибудь и доброе посоветуем, то они считают это ни к чему не нужным, а сами хоть что-нибудь неудобное и развращенное выдумают, так ихнее все хорошо! Во всех малых и ничтожных вещах, до обувания и до спанья, мне не было воли, а все по их хотению делалось. Что же тут неразумного, если мы не захотели остаться в младенчестве, будучи в совершенном разуме?»

Избранная рада не ограничивалась исключительно кружком бояр и временщиков; она призывала к содействию себе и целый народ. «Царь, – говорит один из членов этой неофициальной Избранной рады, Курбский, – должен искать совета не только у своих советников, но у всенародных человек». С таким господствующим взглядом тогдашние правители именем государя собрали земский собор или земскую думу из выборных людей всей Русской земли. Явление было новое в истории. В старину существовали вече в землях поодиночке, но никто не додумался до великой мысли образовать одно вече всех русских земель, вече веч. Раздоры между землями и князьями не допускали этого. Теперь, когда уже столько русских земель собрано было воедино, естественно было появиться такому учреждению. К большому сожалению, мы не знаем не только подробностей, но даже главных черт этого знаменитого события. Мы не знаем, как избирали выборных, кого выбирали, с каким полномочием посылали – все это для нас остается безответным; перед нами только блестящая картина народа, собранного

на площади, и образ царя посреди этого народа. Было это в один из воскресных дней. После обедни царь с митрополитом и духовенством вышел на площадь, кланялся народу, каялся в том, что правление его было дурно, приписывал это боярам и вельможам, пользовавшимся его юностью, и говорил: «Люди Божий, дарованные нам Богом! Умоляю вас ради веры к Богу и любви к нам! Знаю, что нельзя уже исправить тех обид и разорений, которые вы понесли во время моей юности, и пустоты и беспомощества моего, от неправедных властей, неправосудия, лихоимства и сребролюбия; но умоляю вас: оставьте друг к другу вражды и взаимные неувольствия, кроме самых больших дел; а в этом, как и во всем прочем, я вам буду, как есть моя обязанность, судьей и обороною». Тогда Иван пожаловал в окольные Адашева и повелел ему принимать и рассматривать челобитные, сказав (вероятно, по мысли других): «Не бойся сильных и славных, насилующих бедняков и погубляющих немощных. Но не верь и ложным слезам бедного, который напрасно клеветает на богатого. Все рассматривай с испытанием и доноси мне истину».

Тогда были избраны и «судьи правдивые»: вероятно, под этим следует подразумевать составителей будущего Судебника. Мы, к сожалению, не знаем, как и кем составлялись последовавшие за этим земским собором законоположения. Нам остались только редакция Судебника (собрания светских законоположений), Стоглав и Уставные грамоты – плод законодательной деятельности этого славного времени.

Недаром Иван жаловался на неправду, укоренившуюся в управлении. Летописцы того времени свидетельствуют то же. Из Судебника и Уставных грамот видно, что составление их вызвано насущной потребностью охранить народ от произвола правителей и судей. Более всего резко поражает нас в этих памятниках развитие двоевластия и двоесудия, что по очень малым признакам видно даже в Судебнике Ивана III, однако глубоко заметно во всей жизни древней удельно-вечевой Руси. Появляются две отличные, хотя взаимно действующие стихии: государство и земщина. Дело может быть государственное, но может быть и земское. Свадьба государя или венчание его на царство есть дело государево, поход под Казань – дело земское. Служба может быть государева, может быть земская. Много раз можно встретить и в последующие времена эту двоякость общественной жизни; но она проявляется всего ярче в то время, когда самовластие Ивана подпало под влияние Адашева и Сильвестра.

В Судебнике ощутительны два источника судопроизводства: государственный и земский.

Государственное правосудие и управление сосредотачиваются в столице, где существуют чети или приказы, к которым приписаны русские земли. В них судят бояре или окольные; дьяки ведут дела, а под ведомством дьяков состоят подьячие. В областях – судебное и административное деление на города и волости. При городах обычно посады (города в нынешнем смысле); иногда и без города посады: они составляли до известной степени особое управление, так как посадские люди, занимающиеся ремеслами, промыслами и торговлей, отличались от волостных. Волости были собранием земледельческих сел. Город с волостями составлял уезд, разделявшийся в полицейском отношении на станы. Уезд заменил старинное понятие о земле: как прежде городу нельзя было быть без земли, так теперь городу нельзя было быть без уезда, по выражению одного акта XVI века, подобно тому, как деревне нельзя быть без полей и угодьев. В городах и волостях управляли наместники и волостели, которые могли быть с боярским судом (с правом судить подведомственных им людей подобно боярам в своих вотчинах) или без боярского суда. Они получали города и волости себе «в кормление», то есть в пользование. Суд был для них доходной статьей, но это был собственно доход государя, который передавал его своим слугам вместо жалованья за службу. Там, где они сами не могли управлять, посылали своих доверенных и тиунов. На суде наместников были дьяки и разные судебные приставы с названиями «праветчиков» (взыскателей), «доводчиков» (зававших к суду и также производивших следствие), «приставов» (которые стерегли обвиненных) и «недельчиков» (посылаемых от суда с разными поручениями).

К.Б. Вениг. Царь Иван Грозный и его мамка

А.М. Васнецов. На крестце в Китай-городе

Рядом с этим государевым судебным механизмом существовал другой – выборный, народный. Представителями последнего были в городах городовые приказчики и дворские, а в волостях (впоследствии и в посадах) – старосты и целовальники. Старосты были двоякого рода: выборные полицейские и выборные судебные. Общества были разделены на сотни и десятки и выбирали себе блюстителей порядка: старост, сотских и десятских; они распоряжались раскладкой денежных и натуральных повинностей и вели разметные книги, где записаны были все жители с дворами и имуществами. Старосты и целовальники, которые должны были сидеть на суде наместников и волостелей, выбирались волостями или же вместе с ними и теми городами, где не было дворского. Всякое дело, производившееся в суде, писалось в двух экземплярах, и в случае надобности поверялось тождество между ними; как у наместников и волостелей были свои дьяки, так у старост – свои земские дьяки, занимавшиеся письмоводством, а у этих дьяков – свои земские подьячие.

Важные уголовные дела подлежали особым лицам – губным старостам, избранным всем уездом из детей боярских; в описываемое время их суду подлежали только разбойники. Это учреждение появилось в некоторых местах еще во время малолетства Ивана и вызвано было усилившимися разбоями. В некоторых уездах было по два губных старосты. Власть их была велика, и все равно должны были подчиняться их суду.

Судебник заботился об ограждении народа от тягости государственного суда и от произвола наместников и волостелей; последние в случае жалоб на них подвергались строгому суду. Выборные судьи могли посылать приставов за людьми наместников и волостелей; и если бы наместники и волостели взяли кого-либо под стражу и заковали, не заявив о том выборным судьям, последние имели право силой освободить арестованных. Только служилые государевы люди подлежали одному суду наместников и волостелей.

Желая обезопасить народ от произвола, законодатели, составляя Судебник, уже имели в виду постепенное устранение земства от суда наместников и волостелей и замену чем-нибудь другим отдачу им в кормление городов и волостей. Это отчасти видно из того, что в 1550 году раздавали во множестве детям боярским земли в поместья, разделяя их на три статьи и принимая во внимание, чтобы получали поместья те, которые своих отчин не имели. Современное известие объясняет, что это делалось именно для того, чтобы заменить доходы кормления наместников и волостелей дачей им земельных угодий. Мера эта, принятая в то время, вообще значительно увеличила военную силу. К этому времени относится и образование стрельцов из прежних пищальников; они составляли особый военный класс, жили при городах слободами, разделялись на приказы и вооружены были огнестрельным оружием и бердышами.

Русский ратник в XIV – второй половине XVII в.

Что намечено было Судебником, то продолжали и доканчивали Уставные грамоты того времени. Судебник пока только вводил двоесудие. Уставные грамоты дали перевес в суде выборному началу. Это доказывается историей Уставных грамот. По одной из них, устюженской, видно, что прежде наместники и волостели судили-рядили произвольно. При Василии

Ивановиче дана Уставная грамота, определяющая обязанности волостелей; в 1539 году – при боярском управлении – дана другая грамота, где доходы волостелей определялись несколько точнее; а в 1551 году, соответственно Судебнику, волостелям запрещалось творить суд без участия старосты и целовальников. Мало-помалу управление наместников и волостелей совершенно заменялось предоставлением жителям права самим управляться и судиться посредством выборных лиц за вносимую в царскую казну, как бы откупную, сумму оброка. В 1552 году дана грамота Важской земле. Заметим, что в этом крае древнее понятие о выборном праве могло укорениться более, чем во многих местах, так как это была исстари Новгородская земля. Жители сами подали об этом челобитную, жаловались на тягости, которые терпели они от наместников и волостелей; последние в этой челобитной изображаются покровителями воров и разбойников; многие из жителей, не находя возможным сносить такое управление, разбежались, а на оставшихся ложилось все бремя налогов, в которых уже не участвовали убежавшие. Жители просили дозволить им избрать десять излюбленных судей, чтобы бы они вместо наместников судили у них как уголовные дела (в душегубстве, и татьбе, и в разбое с поличным и костьюрем³⁵), так и земские, а за это жители будут ежегодно вносить в царскую казну оброка полторы тысячи рублей за все судные наместничьи пошлины, не отказываясь, однако, при этом от исполнения государственных повинностей и взносов (*посошной службы*, то есть обязанности идти в рать; *городового дела*, то есть постройки укреплений; *денег полоняночных*, то есть на выкуп пленных, и *ямских*, то есть на содержание почт). Правительство дало согласие на такую перемену управления с тем, что весь валовой сбор оброка будет разложен по имуществу и по промыслам жителей как посадских, так и волостных. Вместо наместников появились излюбленные головы или земские старосты, имевшие право суда и смертной казни, а для предотвращения злоупотреблений должны были выбираться целовальники, заседавшие в суде, – свидетели и участники суда. Управление в крае поручалось сотским, пятидесятским и десятским, которые обязаны были наблюдать за благочинием, хватать подозреваемых и отдавать суду излюбленных судей или голов. Вслед за тем одни уезды за другими стали получать подобные грамоты. Так, в той же Устюжне, упомянутой выше, вместо прежнего двоесудия по Судебнику появилась грамота, по которой устюжане вовсе освобождались от суда волостеля. Наконец в 1555 году эта мера сделалась всеобщей, как показывает одна грамота того времени, в которой говорится, что правительство совсем изъяло посадских и волостных людей от суда наместников и волостелей, предоставив им выбрать излюбленных старост с платежом за то оброка в казну. Но разбойные дела были изъяты от нового выборного суда и оставлялись за другими выборными судьями – губными старостами. Впоследствии мы опять встречаем признаки строя, противного этому нововведению, из чего следует заключить, что распространение выборного самосуда не на долгое время принялось в своей полноте, хотя измененные признаки его видимы и позднее того, даже в XVII столетии. Во время господства этого учреждения оно неодинаково применялось в вотчинных владениях – монастырей, церковных властей и частных собственников; видоизменения его зависели от местных владельцев, которые вводили среди крестьян, поселенных в их землях, выборное самоуправление с разными отличиями.

---

³⁵ Судить игроков в кости и карты.

Русские ратники в XIV – второй половине XVII в.

Выборное право суда и управления развивало общественные сходбища, которые, по закону, отправлялись в уездах с целью принятия мер общей безопасности. Все сословия – князья, дети боярские, крестьяне всех ведомств – присылали из своей среды выборных на сходбища, где председательствовал губной староста. Каждый мог и должен был говорить на этих сходбищах, указывать на лихих людей и предлагать меры к их обузданию. Дьяк записывал

такие речи, и они принимались в руководство при поисках и следствиях. Все члены общества обязаны были принимать деятельное участие в благоустройстве и содействовать своим выборным лицам в отправлении их должности. Очень важное значение получил тогда обыск. От него зависел способ суда над подсудимым. Если по обыску показывали, что подсудимый человек дурного поведения, то его подвергали пытке; также показание преступника о соучастии с ним в преступлении какого-нибудь лица поверялось обыском, и обвиняемый предавался пытке в таком случае, если по обыску оказывался худым человеком, а в противном случае речам преступника не давали веры. В сомнительных положениях, когда не было ни сознания, ни улики, судебное дело по жалобе истца решалось в его пользу тогда, когда обыск давал неудовлетворительный отзыв о поведении ответчика.

Судебник допускал поле, или судный поединок, но обыск в значительной степени вытеснял его из судопроизводства, так как во многих случаях, когда прежде прибегали к полю, теперь решали дело посредством обыска. Несмотря, однако, на уважение к форме обыска, законодатели сознавали, конечно, по опыту и по близкому знакомству с нравами своего народа, что обыск будет производиться со злоупотреблениями, а поэтому для предотвращения этих злоупотреблений установлено было жестокое наказание наравне с разбойниками (следовательно, смертная казнь³⁶) тем, которые окажутся солгавшими по обыску; кроме того, самим старостам и целовальникам обещано наказание, если они окажутся нерадивыми в преследовании и открытии такого рода преступления; в той же степени отвечали бояре и дети боярские за своих людей (холопов и служителей) и крестьян, живших на их землях, если последние окажутся виновными в даче ложного показания по обыску. Впоследствии, когда уже минуло господство Сильвестра и Адашева, значение обыска совершенно упало, хотя форма его не уничтожалась; отзывы, собранные по обыску, не служили уже главной нитью для избрания способов суда и почти не имели значения, так как одобренных по обыску можно было предавать пытке и казнить на основании показаний, вынужденных пыткой. В описываемую нами эпоху пытка допускалась единственно только в том случае, когда приговор по обыску признавал подсудимого худым человеком, если не причислять к пытке (так как не причислялся он к пытке в свое время) правежа – варварского обычая, возникшего в татарские времена, по которому неоплатного должника в определенное время всенародно били палками по ногам, чтобы истребовать лежащий на нем долг: по Судебнику, самый высший срок держания на правеже мог продолжаться месяц за сто рублей долга, а по истечении этого срока должник выдавался заимодавцу головою и должен был отслужить свой долг работой. Вскоре вместо месяца за сто рублей долга назначено было два месяца правежа. Одним из отличительных признаков выборного судопроизводства было то, что здесь не существовало никаких судных пошлин; правосудие уделялось прибегавшим к нему безденежно.

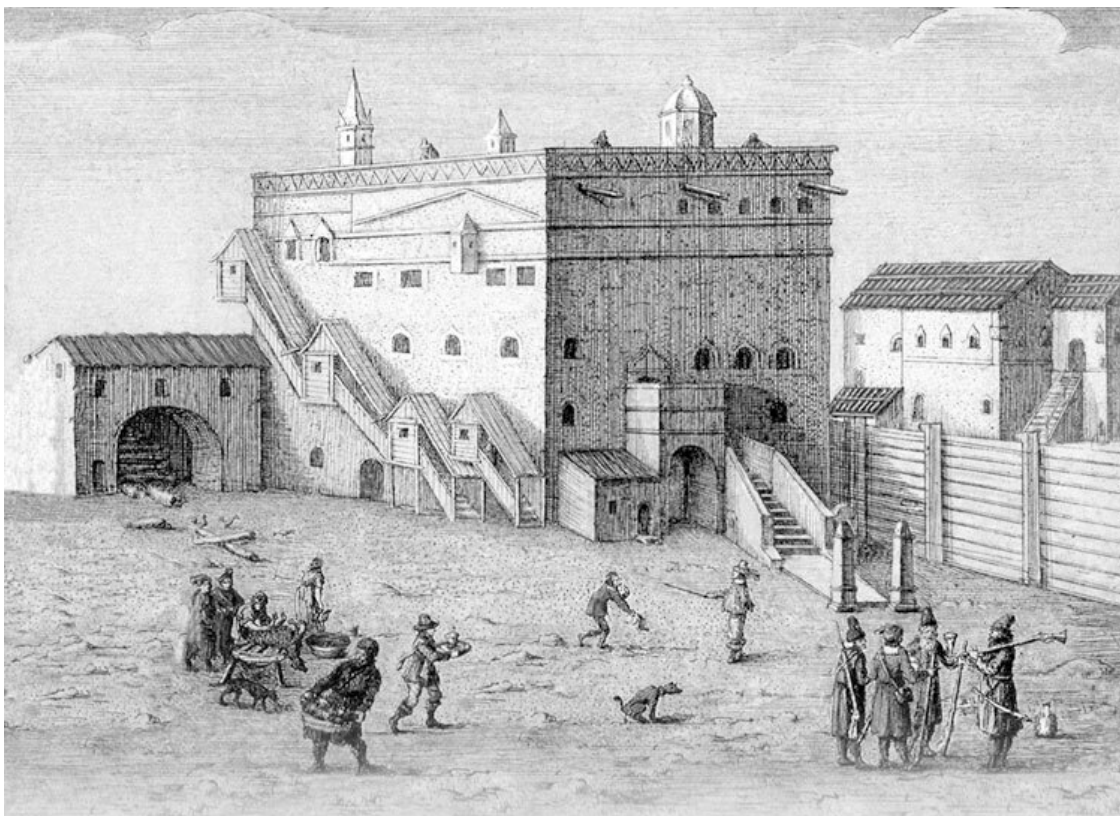
Из всего этого можно видеть, что характер законодательной деятельности той эпохи отличается духом общинности, намерением утвердить широкую общительность и самостоятельность русского народа и дать ему возможно большие льготы, способствующие его благоденствию. При ближайшей оценке этих учреждений нельзя не заметить влияния старых земских преданий, подавленных предшествовавшими обстоятельствами, но еще не совершенно исчезнувших из народной жизни. Тогдашнее земское самоуправление было не чем-нибудь новым, а старым, существовавшим прежде повсюду и долее сохранявшимся в землях Новгородской и Псковской. В Судебнике Ивана III уже видно участие земских лиц на суде наместников и волостелей, но это участие не имело силы, так как мы встречаем постоянные жалобы на то, что наместники и волостели судили произвольно. Василий Иванович возвратил Новгороду тень его прежних учреждений, установив в нем судных целовальников, хотя назначаемых, а не выби-

³⁶ По Судебнику наказания за уголовные преступления были следующие: денежная пеня, заключение в тюрьму, торговая казнь (кнут) и смертная казнь, постигавшая разбойников, государевых изменников, поджигателей, церковных татей и пр.

раемых; а во Пскове сделал подобное князь Иван Вельский во время своего непродолжительного правления государством (во время малолетства Ивана) и в большем размере, чем то было сделано Василием для Новгорода. Наконец, как мы видели, первая грамота такого рода дана была земле, некогда принадлежавшей Новгороду, и притом по просьбе жителей; само собой разумеется, что этим жителям уже было известно то, о чем они просили, а из этого можно заключить, что сущность того устройства, которое вводилось грамотами, еще ранее существовала в землях, подвластных Новгороду. Недаром Сильвестр, дававший всему почин в то время, был новгородец.

А.П. Рябушкин. Московская улица XVII века в праздничный день

Посольский двор в Москве (по рисунку А. Олария)

Храм Василия Блаженного

По Судебнику, кроме духовных лиц все прочие составляли два отдела: служилых и неслужилых. Первые делились на два разряда: высших и низших. К высшим принадлежали князья, бояре, окольные, дьяки и дети боярские, ко вторым – простые ратные люди, ямщики и все казенные служители разных наименований (пушкарники, воротники, кузнецы и т. п.). К неслужилым или земским причислялись купцы, посадские и волостные крестьяне, жившие как на казенных землях (черносошные), так и на дворцовых и на частных землях. Служилые первого разряда пользовались явными преимуществами. Они занимали видные места и должности, владели поземельной собственностью, имели преимущество в судебных процессах: так, если кто в суде ссылался на их свидетельство, то оно считалось сильнее свидетельства простых людей. Бояре, окольные и дьяки освобождались от позорной торговой казни. Оттенки сословий изображались установленными размерами «бесчестия» за оскорбление. Боярин получал

600 рублей, дьяк – 200, дети боярские – соответственно получаемому на службе доходу. Из торговых людей гость (первостатейный купец) считался вдесятеро выше обыкновенного торговца и получал 50 рублей, тогда как всякий посадский получал только 5 рублей. Волостной человек, крестьянин, был поставлен в пять раз ниже посадского, получая «бесчестия» всего один рубль; но находясь на должности, получал наравне с посадским. Женщине платилось «бесчестие» вдвое против мужчины ее звания.

Во всяком судебном иске бралось в соображение имущество истца и ответчика и количество платимых ими податей. В тяжбах между посадскими и крестьянами вовсе не допускались иски на такую сумму, которой не имел тот, кто подавал жалобу или искал на том, кто не мог ее иметь. Это совпадало со способом наложения податей и повинностей: облагались не лица, а имущества и доходы, причем руководством служили писцовые книги, в которых в точности приводились в известность промыслы, средства и доходы жителей. Старое значение боярина как землевладельца еще удерживалось в то время, хотя слово «боярин» имело смысл сановника. Как владетель вотчины назывался боярином тот, кто не носил боярского сана в царской службе. Вотчины были боярские (вообще частных служилых владельцев) и монастырские; к ним следует причислить еще и владения новгородских земцев (крестьяне-собственники). Поземельные владения, как боярские вотчины, так и все поместья, делали службу обязательной для их владельцев. Кроме последних все земледельцы не владели землями в качестве частной собственности; у черносошных земли были в общинном владении. Крестьянам вообще предоставлялось прежнее право перехода с земли на землю в Юрьев день.

Святитель Макарий, митрополит московский. Икона конца XX в.

Относительно холопства в то время сделано было несколько распоряжений, видимо, направленных на уменьшение количества холопов. Таким образом, отменилось древнее правило, что поступивший в должность к хозяину без ряда делался его холопом. Детям боярским запрещалось продаваться в холопство не только во время службы, но и ранее. (Впоследствии это распоряжение было отменено для тех из них, которые еще не поступили в действительную службу). Судебник запрещал отдаваться в холопство за рост, следовательно, предотвращал случаи, когда человек в нужде делался рабом. Впрочем, неоплатный должник после правежа отдавался головою займодавцу, но чтобы меньше было таких случаев, постановлено было давать на себя кабалы не более, как на пятнадцать рублей. Кроме того, при всякой отдаче

головою излюбленные судьи должны были делать особый доклад государю. Наконец, беглый кабальный холоп не возвращался прямо хозяину, а ему предлагали прежде заплатить долг и только в случае решительной несостоятельности выдавали его головою.

Замечательно, что в совете людей, правивших тогда на деле государством, очевидно, были разногласия, проистекавшие от различных взглядов. Это особенно ощутимо в вопросе о местничестве. Таким образом, в 1550 году появляются распоряжения, показывающие намерение вовсе уничтожить местничество: например, было постановлено, чтобы в полках князьям, воеводам и детям боярским ходить без мест, «и в том отечестве их унижения нет». Один только первый воевода большого полка считался выше прочих; все же остальные были между собой равны. Но в следующем году другим распоряжением устанавливалась разница в достоинстве воевод между собой, и в одном современном списке летописи по этому поводу сказано: «А воевод государь прибирает, рассуждая отечество» (то есть подбирает воевод, принимая во внимание службу их отцов). Видно, что люди с более широкими взглядами не могли сразу сладить с предрассудками; впоследствии, когда господство Сильвестра и Адашева закончилось, местничество водворилось опять во всей силе.

Выборное земское начало, так широко развившееся в этот короткий промежуток времени, естественно, не могло достигнуть полной независимости, и только с течением времени могли разрешиться чрезвычайно сложные вопросы по управлению, вызывавшие вмешательство царских чиновников. Еще большая масса служилых подлежала суду наместников и волостелей. Когда происходили ссоры между волостями и частными владельцами и волости обращались с жалобой к царю, то царь, естественно, возлагал разбирательство дела на таких лиц, от которых выборное право освобождало посадских и крестьян. То же было и тогда, когда волостные крестьяне тягались между собой; тогда малые деревни, не будучи в состоянии противостоять большинству, обращались сами под защиту суда наместников. Наконец, люди, управлявшиеся выборными властями, находились во власти царских чиновников по государственным повинностям, какими, например, были городское дело, посошная служба и т. п. При этом следует заметить, что везде принимались во внимание местные условия, права и обязанности, чрезвычайно разнообразившие отношения жителей как к государству, так и взаимно между собой.

Вслед за земскими учреждениями приступили к церковному устройству. В 1551 году собрался собор для пересмотра порядков церкви, ее управления и религиозных обычаев. При открытии собора Иван говорил длинную речь, каялся в своем прежнем поведении и приглашал содействовать ему в управлении государством как духовенство, так и светских людей. Иван был настроен тогда в духе крайнего смирения и говорил совершенно противоположное тому, что он высказывал впоследствии в защиту своего самодержавия. Выше всего он почитал тогда церковь и отдавал ей на рассмотрение даже все земское устройство, составленное по Судебнику и Уставным грамотам. Акты этого знаменитого собора дошли до нас в форме вопросов, предлагаемых от имени царя на соборе, и ответов на эти вопросы, заключающих в себе соборные приговоры. Так как этих вопросов и ответов было сто, то и собор получил в истории название Стоглава.

По отношению к церковному управлению предложено было исправить порядок, схожий с управлением наместников и волостелей в земском деле. Владыка в своей епархии в соборе напоминал собой удельного князя. У него был совет из собственных бояр, которые управляли и судили в епархии с докладом владыке. Судьями от владыки были его наместники и десятильники; при них были, как и в земстве, «недельщики» и «доводчики». Белое духовенство и монастыри были обложены множеством разнообразных пошлин³⁷, от которых некоторые осво-

---

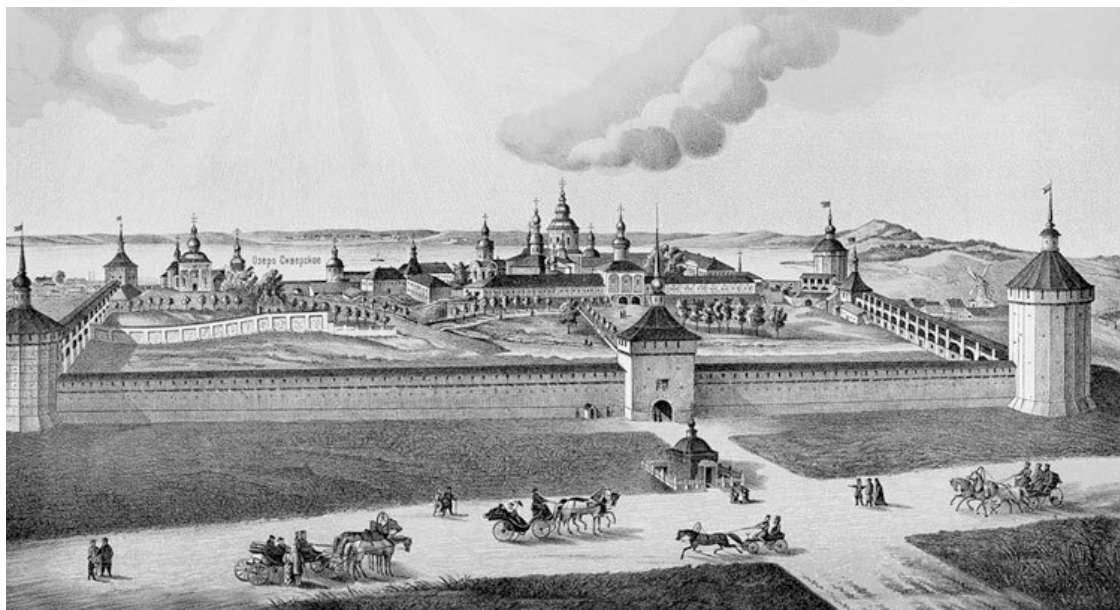
³⁷ Например, дани зимняя и летняя, заездничье, въездное, благословенная куница (подать со священника при вступлении в должность), переходная куница (при переходе из одного прихода в другой), явленная куница (при явке ставленной гра-

божались по благоволению владыки. Владыки раздавали свои земли в поместья детям боярским – эти земли переходили от владельца к владельцу не по наследству, а по воле архиерея. Дети боярские были обязаны службой владыке, хотя в то же время призывались и на государственную службу. Суд у святителей, соответственно подлежащим этому суду предметам, был двух видов: духовный – в делах, относившихся к области веры и благочестия, как над духовенством, так и над мирскими людьми, и мирской – над лицами, исключительно состоявшими в церковном ведомстве. Вообще как суд, так и управление в церковном ведомстве страдали в те времена большими злоупотреблениями. Владычные бояре, дьяки и десятильники всеми неправдами притесняли сельских священников. Собор не решился отменить суда бояр и десятильников, потому что и при великих чудотворцах Петре, Алексии и Ионе были десятильники, но учредил из священников, старост и десятских, которые помимо прочих обязанностей должны были присутствовать на суде десятильников; кроме того, на этот суд допускались еще и земские старосты и целовальники вместе с земским дьяком. Всякое дело писалось в двух экземплярах, и одна сторона поверяла другую. Избираемые из священников поповские старосты и десятские должны были, каждый в своем пределе, наблюдать за церковным благочинием и за исполнением обязанностей духовенством. Они же собирали и доставляли к владыке все установленные сборы и пошлыны. Собор обратил внимание и на книги. Издавна переводились книги с греческого языка, отчасти с латинского, переписывались старые сочинения и переводы и продавались. Как переводы, так и переписки исполнялись плохо³⁸. Тогда все письменное без разбора относили к церкви; и оттого-то книги отреченные и апокрифы считались (по невежеству) наравне с каноническими книгами Священного Писания, и нередко приписывалось отцам церкви то, чего те никогда не писали. Это неизбежно вело к заблуждениям. Собор устанавливал род духовной цензуры, поверяя ее поповским старостам и десятским. Книгописцы состояли под их надзором. Старосты и десятские имели право просматривать и одобрять переписанные книги и отбирать из продажи неисправленные. Так как в те времена во всеобщем понятии учение грамоте связывалось с благочестием, то это учение вообще поставлено было в зависимость от духовных властей. Во времена Стоглава оставалась память, что некогда на Руси существовали училища, но потом исчезли; немногие теперь знали вполне грамоту, учились как-нибудь, и святители поневоле посвящали в священники людей малограмотных. Собор постановил завести училища и поверил их устройство избранным духовным, которые должны были открывать училища в своих домах; православные христиане приглашались отдавать детей своих в обучение грамоте, письму и церковному пению. Занимаясь вопросом о писании книг, Стоглавый собор коснулся вопроса об иконописании, заметил большие злоупотребления и определил установить особый класс иконописцев под надзором святителей так, чтобы кроме них никто не смел заниматься иконописанием.

моты), соборная куница, людское, полудная пшеница, казенные алтыны, вечная пошлына (с невесты), новоженный убрus (с жениха), десятильничьи пошлыны и пр.

³⁸ До сих пор в наших библиотеках можно видеть старые переводы с греческого языка, в которых нельзя добраться до смысла.

Вид первоклассного Кирилло-Белозерского монастыря

Монастыри с существовавшими в них злоупотреблениями составили одну из главных забот Стоглавого собора. Наделенные селами и пользуясь большими доходами, монастыри были земным раем для своих начальствующих лиц, которые всегда могли принудить к молчанию своих подчиненных лиц, если бы со стороны последних раздавались обличения. Архимандриты и игумены окружали себя своими родными и клевретами и превращали монастырское достояние в выгодные для себя аренды. Их родня под именем племянников поселялась в монастырях; настоятель раздавал им монастырские села, посылая их туда в качестве приказчиков. Управление монастырскими имениями, вместо того чтобы производиться собором старцев, зависело от произвола одного настоятеля. В его безусловной власти находились и братия, и священнослужители монастырских сел и часто терпели нужду, хотя и находились в ведомстве очень богатого монастыря, так как никто из них не пользовался доходами и не смел требовать участия в пользовании. Зато настоятели жили в полном удовольствии. В редких монастырях удерживалось общежитие в строгой его форме; если где и была скудная трапеза, то разве для бедняков, питавшихся от крупниц, падавших со стола властей. Нередко вкладчики в порыве благочестия отдавали в монастырь все свое достояние с тем, чтобы там доживать свою старость; лишившись добровольно имущества, они терпели и голод, и холод, и всяческие оскорбления от властвующих, которые не дорожили ими, зная, что с них после отдачи всего в монастырь уже более нечего взять. Зато те, которые хотя и отдали в монастырь часть своего достояния, но оставили значительный запас у себя, пользовались вниманием и услужливостью. В монастырях курили вино, варили пиво и меды, отправлялись пиры; в монастыри приезжали знатные и богатые господа, и настоятели раболепствовали перед ними, стараясь что-нибудь выманить от них. Вольное обращение с женским полом доходило до большого соблазна: были монастыри, в которых чернецы и черницы жили вместе. Нередко можно было встретить в монастырях мальчиков, «ребят голоурых», как выражались в то время.

Казанский Иоанно-Предтеченский монастырь

Кирилло-Белозерский монастырь

От деспотизма и алчности настоятелей, вообще снисходительных к себе и строгих к другим, нередко братия уходила из монастыря; бедняки иногда скитались с места на место, не находя приюта; в других монастырях их принимали неохотно; иные находили убежище у мирских церквей, построенных христороубцами не для прихода, а для себя. Таких церквей было множество, но большая часть их стояла пустой. То была своеобразная черта русского благочестия: построить церковь ради спасения своей души вследствие какого-нибудь сна или видения, назначить «ругу» на содержание ее, то есть на свечи, просфоры и вино, договорить какого-нибудь бродячего монаха, а то и светского иерея, которых тогда также скиталось немало на Руси, а впоследствии порывы благочестия минут – в церкви нет служения, и договоренный священник не может служить и жить при церкви, потому что ему перестали давать содержа-

ние! Часто бродячие чернецы и в особенности черницы промышляли пророчествами и видениями; нагие, босые, с отросшими и нечесаными волосами ходили они по селам и погостам, привлекали своим появлением толпу, всенародно тряслись, бились, кричали, что им являлись Святая Пятница или Святая Анастасия и будто бы заповедали им объявить всем христианам, чтобы в среду и пятницу ничего не делали, чтобы женщины не пряли, белья не мыли и камня не разжигали и т. п. Случалось, что бродяга-чернец строил маленькую деревянную церковь, ходил просить милостыню, выпрашивал себе «ругу», постоянное содержание, а потом пропивал все собранное им.

У нас часто думают, что в древности господствовало благочестие, по крайней мере внешнее; но Стоглав представляет нам в этом отношении совсем иной образ. При невежестве духовенства богослужения происходили самым нестройным образом, особенно заутреня и вечерня; в одно и то же время один читал канон, другой кафизмы; духовные машинально исполняли заученное, не имея никакого внутреннего благочестия, и потому позволяли себе во время богослужения непристойные выходки, приходили в церковь пьяные, ругались и даже дрались между собой. Глядя на них, миряне не оказывали никакого уважения к церкви: входили в храм в шапках, громко разговаривали друг с другом, смеялись, перебранивались, нередко даже среди божественного пения можно было услышать срамные слова. В поминальные дни церковь представляла совершенный рынок – приносили туда яйца, калачи, пироги, печеную рыбу, кур, блины, караваи; попы уносили все это в алтарь и ставили даже на жертвенник. В монастырях в этом отношении было не лучше; ожиревшие от изобилия настоятели часто вовсе не священнодействовали, братия пьянствовала, и по целым неделям не бывало в монастыре богослужения. Собор осудил все эти злоупотребления, между прочим совсем запретил держать в монастырях «пьянственное» питье кроме «фрязских вин»; запрещалось совместное жительство чернецов и черниц; для сохранения монастырской казны собор определил давать по книгам отчеты царским дворецким. Издали постановление против заведения новых пустынь, которые тогда сильно размножились: велено было такие мелкие пустыни соединять между собой, подчинять монастырям или даже уничтожать их вовсе. Собор поставил предел увеличению церковных вотчин; хотя право владения за владыками и монастырями было оставлено, но впредь церковные власти без особого царского разрешения не могли уже покупать земель. Постановлено было также, чтобы люди служилые не давали по душе своих вотчин без воли государя, и все вотчины, отданные боярами в монастыри после смерти великого князя Василия, велено отобрать. Кроме того, оказывалось, что владыки и монастыри незаконно присвоили у детей боярских земли под предлогом долгов, и такие земли велено обратить в собственность тех лиц, за кем они были прежде.

Из Стоглава видно, что в то время в церковном порядке и в приемах благочестия существовали многие особенности, отличные от того, что мы видим в настоящее время. При крещении в некоторых местах соблюдалось вместо погружения обливание, которое и воспрещено было правилами Стоглавого собора. Обычай брать восприемниками мужчину и женщину, кума и куму, – в настоящее время всеобщий – тогда только начал входить и был запрещен Стоглавым собором, постановившим, чтобы восприемником было одно лицо мужского или женского пола. Венчание положено было совершать непременно после обедни, а венцы полагать только на первобрачных. Жениху должно было быть не менее пятнадцати, а невесте – не менее двенадцати лет от роду. Языческий обычай наговаривания применен к христианским обрядам: просфирни наговаривали на просфоры, и таким просфорам приписывалась особая лечебная сила; подобно тому в Великий четверг приносили в церковь соль, которую священники клали под престол и держали до седьмого четверга по Пасхе – день народного праздника семика: приписывалась этой соли целебная сила против болезни скота. Такие суеверия воспрещены были Стоглавым собором, как равно различные гадания и гадательные книги: рафли, Ари-

стотелевы врата, наблюдения по звездам и «планидам», «шестокрыл, воронограй, альманах» и иные «составные и мудрости еретические и коби бесовские».

П. Коровин. Взятие Казани Иваном Грозным

В вопросах, предложенных на этом соборе, встречается много любопытных черт, указывающих на языческие обычаи, еще довольно сильные в то время, например, следующие: на поминках мужчины и женщины сходились на кладбищах; туда приходили скоморохи и гудцы (музыканты); справлялось веселье, шла попойка, пляска, песни. Таким веселым днем была в особенности суббота перед Пятидесятницей; в Великий четверг отправлялся языческий обычай «кликать мертвых», теперь уже совершенно исчезнувший; он сопровождался сожжением соломы. В этот же день клали трут в расселину дерева, зажигали его с двух концов, полагали в воротах домов или раскладывали там и сям перед рынком и перескакивали через огонь с женами и детьми. Ночь накануне Рождества Иоанна Предтечи повсеместно проводилась народом в плясках и песнях: то было древнее празднество Ивана Купалы. Подобные языческие празднества указываются, кроме того, накануне Рождества Христова и Богоявления и в понедельник Петрова поста: в последний из этих дней был обычай ходить в рощу и там отправлять «бесовские потехи». Запрещая эти языческие увеселения, собор вообще осуждал всякие

забавы – шахматы, зернь (карты), гусли, сопели, всякое гуденье, позорища (сценические представления), переряживание и публичное плясанье женщин.

Стоглавый собор узаконил выкуп русских людей, попавших в плен татарам. Прежде таких пленников выкупали греки, армяне, а иногда и турки, и приводили в Московское государство, предлагая выкупить, но если не находилось охотников, то уводили их назад. Теперь же постановили выкупать их за счет казны и издержки на выкуп разложить по сохам на весь народ. Никто не должен увольняться от такой повинности, потому что это общая христианская милость. Мы не знаем, в какой мере введены были и удержались все преобразования Стоглава, тем более что до нас не дошли его ранние списки, а те, которыми мы вынуждены довольствоваться, написаны уже в XVII веке, и в них есть разноречия³⁹.

После внутренних преобразований правители занялись покорением Казанского царства. Прежде подручное московскому государю, это царство находилось теперь в руках злейшего врага русских – Сафа-Гирея. Тогда Казань, по выражению современников, «допекала Руси хуже Батыева разорения; Батый только один раз протек Русскую землю, словно горящая головня, а казанцы беспрестанно нападали на русские земли, жгли, убивали и таскали людей в плен». Их набеги сопровождалась варварскими жестокостями; они выкалывали пленникам глаза, обрезали им уши и носы, обрубали руки и ноги, вешали за ребра на железных гвоздях. Русских пленников у казанцев было такое множество, что их продавали огромными толпами, словно скот, разным восточным купцам, нарочно приезжавшим для этой цели в Казань. Но Сафа-Гирей не крепко сидел в Казани, которая была постоянно раздираема внутренними партиями. В 1546 году враждебная ему партия выгнала его и опять пригласила в цари Шиг-Алея, освобожденного Еленой из заточения. Не мог ужиться с казанцами этот новый царь и вскоре бежал от них. Сафа-Гирей опять сел на престол, но не надолго. Напившись пьян, он зацепился за умывальник и расшиб себе голову. Казанцы провозгласили царем его малолетнего сына Утемиш-Гирея под опекой матери Сююн-Беки⁴⁰. В то время русские последовали примеру Василия, построившего Васильсурск, и возвели в 1550 году в тридцати семи верстах от Казани крепость Свияжск. Последствием такой постройки было полное покорение горных черемисов, или чувашей. Этот народ, хотя и единоплеменный луговым, или настоящим черемисам, был, однако, совершенно отличен от последних по нравам. Тогда как черемисы, жившие на левой стороне Волги, отличались дикостью и воинственностью, чуваша были народом смиренным и земледельческим. Они легко покорились русской власти, особенно когда им дали льготу на три года от платежа ясака, а царь в Москве подарил их князьям шубы, крытые шелковой материей. Близость русского поселения и подчинение правого берега Волги, находившегося прежде под властью Казани, произвели такое волнение в столице Казанского царства, что казанцы в августе 1551 года выдали Сююн-Беку с сыном, отпустили часть содержавшихся у них русских пленников и снова призвали Шиг-Алея в надежде, что русские возвратят им владение над горным берегом Волги. Русские посадили Шиг-Алея на казанском престоле, но не думали отдавать горной страны. Шиг-Алей поэтому не ладил с казанцами; они беспрестанно требовали от него, чтобы он старался восстановить прежние пределы царства, не хотели отпускать оставшихся у них русских пленников и, наконец, составили заговор убить своего царя за его преданность Москве, однако царь предупредил врагов, зазвал значительнейших из них к себе и приказал их перебить находившимся при нем русским стрельцам. Тогда многие казанцы поспешили в Москву жаловаться на Шиг-Алея, и вследствие этих жалоб в Казань приехал Адашев.

³⁹ Сюда, например, включено постановление о сугубой аллилуйе, которое, очевидно, внесено раскольниками, так как в сочинениях Макария, председательствовавшего на этом соборе, признавалась правильной трегубая аллилуйя и т. п.

⁴⁰ До сих пор в Казани уцелела башня, называемая ее именем.

Иван IV водружает крест на том месте, которое он назначил под постройку первого православного храма в Казани

«Мне в Казани нельзя оставаться, – сказал Шиг-Алей Адашеву, – я согрубил казанцам: я обещал им выпросить у царя нагорную сторону; пусть государь пожалует нам нагорную сторону, тогда мне можно будет оставаться здесь; а пока я жив – царю Казань будет крепка».

«Тебе уже сказано, – отвечал Адашев, – что горной стороны государю тебе не отдавать, Бог нам ее дал. Сам знаешь, сколько бесчестия и убытка наделали государям нашим казанцы; и теперь они держат русский полон у себя, а ведь когда тебя на царство посадили, то с тем, чтобы весь полон отдать».

«Если горной страны не отдадут, – сказал Шиг-Алей, – то мне придется бежать из Казани».

«Коли тебе из Казани бежать, – возразил Адашев, – то лучше укрепи Казань русскими людьми».

«Я своему государю не изменю, – сказал Шиг-Алей, – но я мусульманин: на свою веру не встану. Если мне не в меру будет жизнь в Казани, я лихих людей еще изведу и сам поеду к государю».

Адашев с тем и уехал. Но вслед за тем прибыли в Москву враждебные Шиг-Алею казанские князья и просили, чтобы царь удалил Шиг-Алея, а на его место прислал своего наместника. В Москве это предложение, естественно, понравилось.

Адашев снова поехал в Казань, свел Шиг-Алея с престола, захватил восемьдесят четыре человека противной Шиг-Алею партии и уехал в Свяжск, объявив казанцам, что к ним будет прислан царский наместник. Казанцы показали вид согласия, но когда вслед за тем из Свяжска их известили, что к ним едет назначенный воеводой в Казань князь Семен Микулинский, они заперли город, не пустили русских и кричали им со стен: «Ступайте, дураки, в свою Русь, напрасно не трудитесь; мы вам не сдадимся, мы еще и Свяжск у вас отнимем, что вы поставили на чужой земле».

Пробудилось чувство национальности и веры. В крайнюю минуту все партии примирились. Вся земля казанская вооружалась, даже чувашаи изменили Москве, испытав над собой

управление воевод московских. Казанцы пригласили к себе в цари ногайского царевича Едигера, который прибыл в Казань с десятью тысячами ногайцев.

Опыт показывал, что Москве невозможно управлять Казанью посредством подручных князей, а предоставить ее на волю – значило подвергать Восточную Русь нескончаемым разорениям. В Москве решили идти с сильным ополчением, покончить навсегда с неприязненным царством и обратить его земли в русские области. Собрано было войско, огромное по тому времени, более 100 000. Сам царь должен был идти в поход, хотя ему этого очень не хотелось, как он впоследствии сознавался в своем письме Курбскому: «Вы меня, как пленника, посадивши в судно, повезли сквозь безбожную и неверную землю. Если бы не всемогущая десница Божия защитила мое смирение, то я бы непременно лишился жизни».

Заседание Боярской думы

Крымский хан Девлет-Гирей хотел было помогать Казани и напасть на Москву с юга, но был отбит от Тулы. Русские осадили Казань 20 августа 1552 года и вели осаду до 1 октября. Способ осады состоял в том, что русские вокруг города поставили деревянные туры на колеса и все ближе и ближе подвигались к стенам города; между тем их беспокоили с тыла отряды черемисов и чувашей, а казанцы со стен пугали своими чарами, будто бы наводившими дождь, докучавший осаждавшим. «Бывало, – говорит Курбский, – солнце восходит, день ясный; мы и видим: взойдут на стены старики и старухи, машут одеждами, произносят какие-то сатанические слова и неблагочинно вертятся; вдруг поднимется ветер и прольется такой дождь, что самые сухие места обратятся в болото». Против бесов оставалось употребить духовное оружие. Послали в Москву за крестом, в котором была вделана частичка Животворящего Древа. Дух войска ободрился, когда через двенадцать дней привезли это сокровище. Дело решил немецкий розмысл (инженер), который сделал подкоп и заложил под стены порох. 1 октября разрушена была взрывом стена; русские ворвались в город и взяли его. Сам царь не участвовал в битвах, а только торжественно въехал в покоренную Казань, наполненную трупами. Пленный казанский царь Едигер поклонился победителю, просил прощения и изъявил намерение кре-

ститься. Русские обращались милостиво с побежденными, но казнили тех, которые оказались виновными в вероломстве. В Казани нашли несколько тысяч христианских пленников, удержанных казанцами вопреки договору, по которому давно уже они были обязаны их отпустить. Иностранцы черемисы и чуваша покорились и обещали платить наложенный на них ясак. Замечательно, что бояре старались удержать на всю зиму Ивана в Казани и находили это необходимым для того, чтобы приучить к повиновению разнородные племена, населявшие обширное Казанское царство: мордву, чувашей, черемисов, вотяков и башкирцев. Но Иван на этот раз впервые не послушал своих опекунов. Царица Анастасия была на последних днях беременности; Ивану хотелось домой; шурья поддерживали его желание; и тут-то между ними и боярами произошло столкновение. «Шурья государя, – говорит Курбский, – направили к нему еще и других ласкателей вместе с попами». Иван не только уехал вопреки желанию бояр, но еще распорядился против их воли: он отправил конницу в осеннее время по такой дороге, на которой пропали чуть не все лошади.

Одежда русских и татар в XVII столетии. Одежния московского магната, знатного москвиты, воинское одежния москвиты, одежния татарина

В Москве царя ожидали торжественные встречи, поздравления. Царица Анастасия благополучно разрешилась от бремени сыном Дмитрием. Царь Едигер принял крещение и был наречен Симеоном. Тогда же крестилось много казанских князей, увеличивших количество татарских родов в русском дворянстве. В память завоевания Казани был заложен в Москве храм Покрова Богородицы на Красной площади, храм очень своеобразной и затейливой архитектуры (теперь известный под именем Василия Блаженного, от мошей этого юродивого, почивающих в этом храме). Строитель его, без сомнения, человек с большим талантом, остался неизвестен. В народе сохранилось предание, что царь в награду за построение храма приказал выколоть ему глаза для того, чтобы он уже не мог построить чего-нибудь подобного в ином месте.

Покорение Казанского царства подчинило Русской державе значительное пространство на востоке до Вятки и Перми, а на юг – до Камы и открыло путь дальнейшему движению русского племени. Но много еще нужно было труда, чтобы усмирить беспокойные племена этой

страны. Русь должна была несколько раз бороться с восстаниями татар и черемисов; но уже в следующем году (1553) учреждение казанской епархии послужило важным залогом господства русской стихии в новопокоренном крае. Первым архиепископом назначен был всеми уважаемый игумен селижарский⁴¹ Гурий. Начали строить церкви, монастыри, стали переселяться русские люди, и Казань мало-помалу приняла характер русского города.

В душе царя уже шевелилось чувство недовольства своим зависимым положением. Иногда в минуты своенравия он проявлял его. Так, однажды, вскоре после завоевания Казани, по поводу этого события он сказал своим опекунам: «Бог меня избавил от вас!» Наступили обстоятельства, которые еще более развивали и поддерживали это долго сдерживаемое чувство.

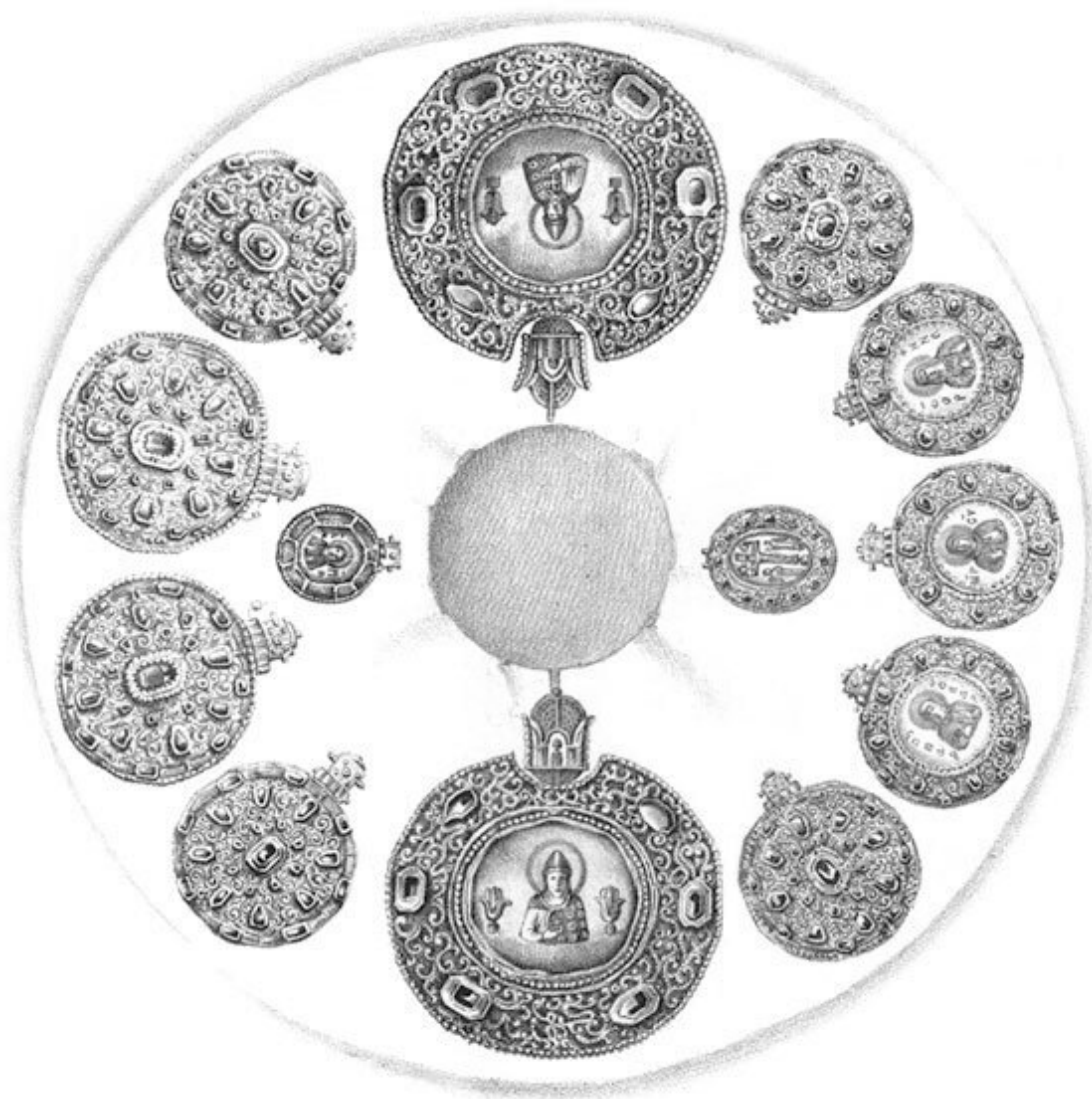
В 1553 году Иван заболел горячкой и, придя в себя после бреда, приказал написать завещание, в котором объявлял младенца Дмитрия своим наследником. Но когда в царской столовой палате собрали бояр для присяги, многие отказывались присягать. Отец Алексея Адашева смело сказал больному государю: «Мы рады повиноваться тебе и твоему сыну, только не хотим служить Захарьиным, которые будут управлять государством именем младенца, а мы уже испытали, что значит боярское правление». Спор между боярами шел горячий. В числе не желавших присягать был двоюродный брат государя Владимир Андреевич. И это впоследствии подало царю повод толковать, что отказ бояр в присяге происходил от тайного намерения после смерти его возвести на престол Владимира Андреевича. Спор о присяге длился целый день и ничем не решился. На другой день Иван, призвав к себе бояр, обратился к Мстиславскому и Воротыньскому, которые раньше всех присягнули и уговаривали присягнуть других: «Не дайте боярам извести моего сына, бегите с ним в чужую землю», а Захарьиным царь сказал: «А вы, Захарьины, чего испугались? Думаете, что бояре вас пощадят? Нет, вы будете первые у них мертвецы!» После этих слов царя все бояре один за другим присягнули, Владимир Андреевич тоже. Трудно решить: действительно ли было у некоторых намерение возвести Владимира на престол в случае смерти царя или упорство бояр происходило от нелюбви к Захарьиным, от боязни подпасть под их власть, и бояре искали только средства в случае смерти Ивана устроить дело так, чтобы не дать господства его шурыям. Владимиру Андреевичу поставили в вину то, что в то время, когда государь лежал больной, он раздавал жалованье своим детям боярским. Не любившие его бояре стали тогда же подозревать его и вздумали не пускать к больному государю. За Владимира заступился всемогущий тогда Сильвестр и этим поступком подготовил враждебное к себе отношение царя Ивана на будущее время.

Иван не умер, как ожидали; он выздоровел и сделал вид, что ничего не помнит, ни на кого не сердится, но в его сердце заронила ожесточенная злоба. Люди такого склада, как Иван Васильевич, столько же боязливы в начале всякого предприятия, пока не уверены в удаче, сколько неудержимо наглы впоследствии, когда перестают бояться. Зато чем долее боязнь заставляет их сдерживать свою страсть, тем сильнее эта страсть прорывается тогда, когда они освободятся от страха. Иван уже ненавидел Сильвестра и Адашева, не любил бояр, не доверял им, но у него не изгладились еще воспоминания об ужасных днях московского пожара, когда расшвирипевший народ не поцеремонился с государевой родней и не далек был, по-видимому, от того, чтобы идти на самого государя. Иван не был еще уверен, что с ним не сделают чего-нибудь подобного, если он пойдет против своих опекунов и раздражит их. Притом Сильвестр внушал ему суеверную боязнь и умел постоянно оковывать его волю «детскими страшилами», как сам царь признавался позднее. Бояре, хотя уже не отличались прежним согласием, не заявляли себя ничем таким, за что можно было бы их укорить в измене царю; напротив, когда один из них, князь Семен Ростовский, слишком резко говоривший против присяги во время болезни царя, испугался, бежал и был пойман, бояре единогласно осудили его на смертную казнь, и сам царь (вероятно, по ходатайству Сильвестра) ограничил ему наказание ссылкой в

⁴¹ Селижаров монастырь в Тверской губернии в Осташковском уезде.

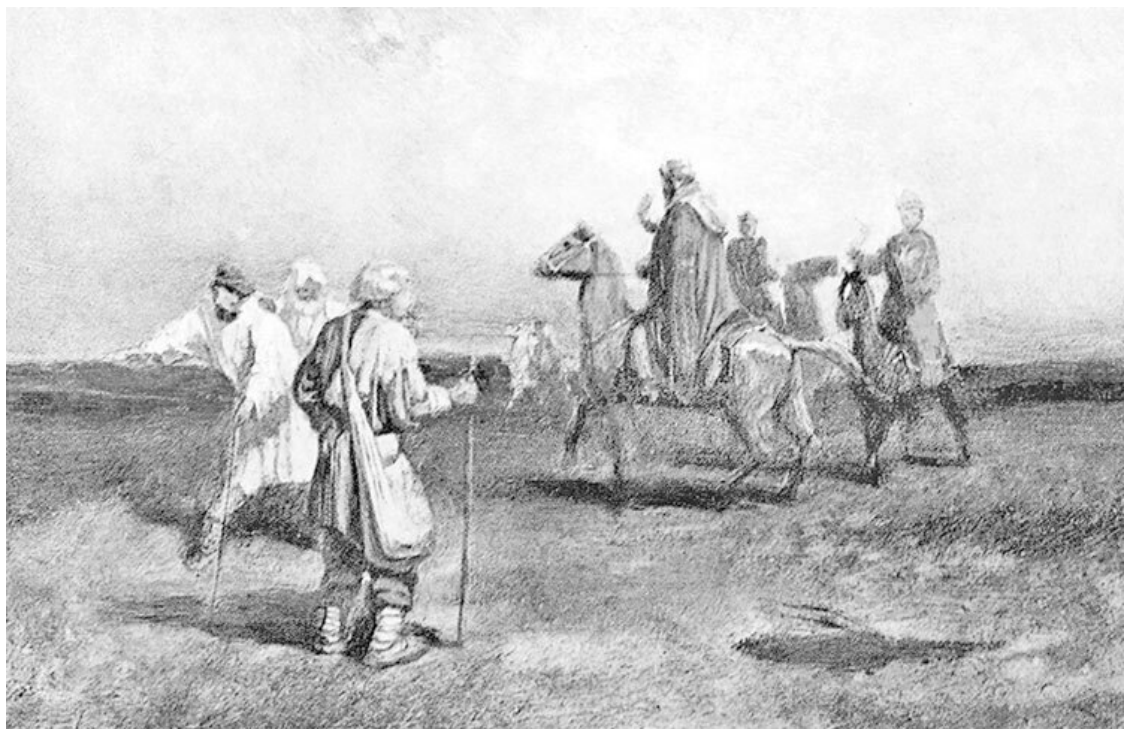
Белозерск. Иван еще несколько лет повиновался Сильвестру и его кружку, хотя все более и более ненавидел их, пока, наконец, уверившись в своей безопасности, мог дать своей злобе полную волю. Между тем произошли случаи, развившие в Иване сознание своего унижения и усилившие в нем желание освободиться от опеки. После выздоровления царь Иван Васильевич поехал с женой и ребенком по монастырям с целью, посещая их один за другим, доехать до отдаленного Кирилло-Белозерского монастыря. У Троицы жил тогда знаменитый Максим Грек, освобожденный при Иване из заточения. Иван посетил его. Максим откровенно сказал царю, что не одобряет его путешествия по монастырям. «Бог везде, – говорил он, – угождай лучше ему на престоле. После казанского завоевания осталось много вдов и сирот; надобно их утешать». Эти слова говорил Максим, вероятно, в согласии с Адашевым, Сильвестром и их сторонниками, которые все любили и уважали старца. Они боялись, чтобы царь, скитаясь по монастырям, не наткнулся на ненавистных для них осифлян, которые умели льстить и угождать властолюбию и щекотать дурные склонности сильных мира сего. Адашев и Курбский говорили Ивану, будто Максим им предрекал, что государь потеряет сына, если не послушает его и будет ездить по монастырям. Опасение их было не напрасно. Иван не послушался Максима Грека, продолжал свое набожное странствие и в Песношском монастыре (в нынешнем Дмитровском уезде) увиделся с одним из самых первостатейных осифлян – бывшим коломенским владыкой Вассианом. Этот Вассиан был когда-то в большой милости у Василия Ивановича, но во время боярского правления его удалили. «Если хочешь быть настоящим самодержцем, – сказал царю Вассиан, – не держи около себя никого мудрее тебя самого; ты всех лучше. Если так будешь поступать, то будешь тверд на своем царстве, и все у тебя в руках будет, а если станешь держать около себя мудрейших, то поневоле будешь их слушаться». Замечание попало в самое сердце. Царь поцеловал его руку и сказал: «Если бы отец родной был жив, так и тот не сказал бы мне ничего лучшего!» Предсказание Максима сбылось. Сын Ивана умер; это, без сомнения, должно было поразить Ивана и снова подчинить его своим опекунам, хотя он не переставал ими тяготиться. Пользуясь этим, они еще успели именем государя совершить несколько важных дел.

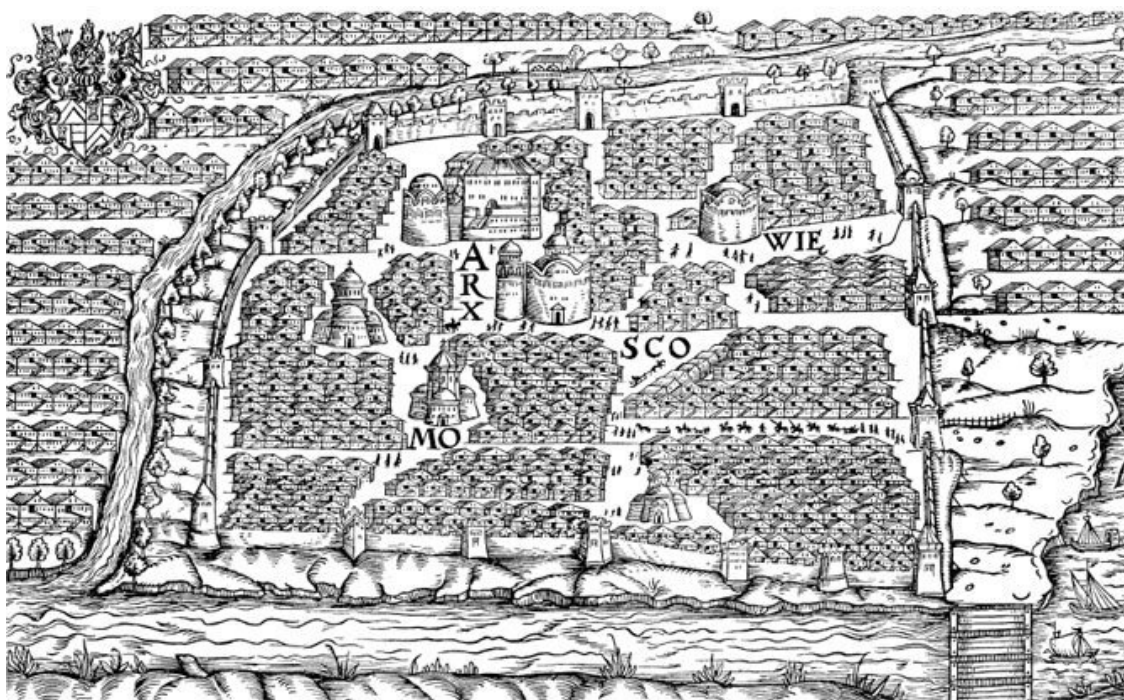
Бармы (или оплечия), найденные в 1822 г. на месте древней Рязани. Гравюра по рисунку Ф.Г. Солнцева

Необходимость сблизиться с Европой и усвоить ее культуру чувствовалась русскими. Еще в 1547 году, когда уже наступило влияние Сильвестра и Адашева, следовательно, с их участием от имени царя поручено было одному саксонцу Шлитту, знавшему по-русски, вызвать из Немецкой земли всякого рода умелых людей: ремесленников, художников, медиков, плавильщиков, юристов, аптекарей, типографов и даже богословов. Поручение это не удалось из-за зависти Ганзейского Союза и Ливонского ордена, которые полагали, что введение европейского образования, возвысив силы Московской земли, сделает ее опасной для Европы. Любекские сенаторы не пустили Шлитта в Москву, посадили его в тюрьму и разогнали толпу немцев, которых он вез с собой (123 человека). Обстоятельства неожиданно открыли путь к сближению с Европой совсем иным путем. В Англии образовалось общество под названием «The Mistry». Его основателем был знаменитый Себастьян Кабат, открывший материк Северной Америки. Ближайшей целью этой компании было открытие пути в Китай и Индию через северные страны старого полушария. Это общество снарядило три корабля: два из них были заперты льдом, их экипаж погиб вместе с адмиралом Гуго Виллоуби; третий корабль, «Эдуард Бонавентура», под начальством Ричарда Ченслера пристал 24 августа 1553 года к русским берегам у посада Неноксы в устье Двины. Ченслер с людьми отправился в Москву и представил

грамоту Эдуарда VI, написанную вообще ко всем владыкам северных стран. Англичане были приняты и обласканы как нельзя лучше. Царь отвечал Эдуарду дружелюбной грамотой, которой позволял англичанам приезжать свободно в его государство для торговли. В марте 1554 года Ченслер возвратился в отечество. Англичане смотрели на его путешествие как на открытие новой страны, наравне с открытиями, совершавшимися в Америке. Появились самые блестящие надежды на выгоды от торговли с неведомой Московскою землей. Устроилась компания уже специально с целью «торговли с Московиею, Персиею и северными странами»; она сокращенно называлась «русскою компаниею». Ее правление состояло из *governor'a* (первым пожизненно был назначен Кабат) и из двадцати восьми правительствующих членов, выбираемых ежегодно. Она получила право покупать земли, но не более как на 60 фунтов стерлингов в год, иметь свой самосуд, строить корабли, нанимать матросов, приобретать земли в новооткрытых странах и, торгуя в России при покровительстве русского государя, противодействовать совместничеству не только торгующих иностранцев, но и английских подданных, не принадлежащих компании. В 1555 году Ченслер снова прибыл в Москву, но уже в качестве посла, и выхлопотал льготную грамоту для английской компании. Ей дозволялась беспошлинная торговля оптом и в розницу, давалось право заводить дворы в Холмогорах и в Вологде, а в Москве ей был подарен двор от царя у церкви Максима Исповедника; в каждом дворе члены компании могли держать у себя по одному русскому приказчику; они имели свой суд и расправу; никакие царские чиновники не могли вмешиваться в их торговые дела, кроме царского казначея, которому принадлежал суд между компаниею и русскими торговцами. Когда Ченслер отправился в отечество, то с ним вместе отправился русский посол Непея. У берегов Шотландии Ченслер потерпел кораблекрушение, а Непея благополучно избежал опасности и был принят королевой Марией со знаками особого внимания. С тех пор между Англией и Россией завязались дружественные отношения и каждый год приходили к устью Двины английские корабли с товарами. Пустынные и дикие берега Северного моря оживлялись, населялись; Московская Русь разом познакомилась со множеством предметов, о которых не имела понятия; закипела новая торговая жизнь. Права английской компании и ее деятельность расширялись с каждым годом и превращались в монополию, которая отзывалась уже неприятно для русских, потому что выгода от торговли клонилась преимущественно на сторону иноземцев, особенно вследствие распоряжений, сделанных в последнее время царствования Ивана и после него. Во всяком случае завязавшаяся торговля с Англией имела чрезвычайно важное значение в истории русской культуры и составляет в ней перелом.

В.Т. Шварц. Иван Грозный на соколиной охоте, встречающий слепых

Вид города Москвы. Из «Записок» С.Герберштейна, изданных в Базеле в 1556 г.

Между тем правители продолжали расширение пределов государства за счет татарского племени и, как видно, признали настоящей задачей Руси подчинить татарские народы одних за другими. Покончили с Астраханью. Царство Астраханское было в руках ногайских князей, к которым принадлежал и Едигер, последний царь казанский. В Астрахани царем был Ямгурчей. Он дружил с Девлет-Гиреем и нанес оскорбление московскому послу. За это весной 1554 года отправлено было в Астрахань русское войско под начальством князя Пронского-Шемякина и Вешнякова. Они изгнали Ямгурчея и посадили в Астрахани царем дру-

гого ногайского князя, Дербыша, но уже в качестве московского подручника и оставив при нем русское войско. Дербыш на другой же год сошелся с Девлет-Гиреем и начал открытую войну против Москвы, но в марте 1556 года русские, находившиеся в Астрахани с головою Черемисиновым, разбили и прогнали Дербыша. Астрахань была непосредственно присоединена к Московскому государству и туда были назначены московские наместники. Это завоевание передало Московской державе огромные степи Поволжья, и вся Волга от истока до устья вошла во владение Москвы.

Оставалось разделаться с Крымом. Это было труднее, чем покорение Казани и Астрахани, но дело все-таки возможное. Удаче этого предприятия помешало то, что между советниками Ивана началась рознь. Тогда как Сильвестр и некоторые его единомышленники, в их числе Адашев и Курбский, были того мнения, что следует, не отвлекаясь ни на что, обратиться исключительно на Крым и уничтожить Крымское царство подобно Казанскому и Астраханскому, представилась возможность овладеть Ливонией. Ливонский орден был в полном разложении; немцы, избалованные долгим миром, отвыкли от войны, а большинство народонаселения, состоявшее из порабощенных чухон и латышей, готово было безропотно покориться власти Москвы. Иван Васильевич колебался между тем и другим предприятием и решился на то и другое разом, хотя сам более склонялся к последнему. Это раздвоение военных сил вредило расправе с Крымом, несмотря на то что обстоятельства благоприятствовали русским. В союзе с Москвой были днепровские казаки, которые тогда усиливались с каждым годом. Предводителем у них был князь Дмитрий Вишневецкий, один из потомков Гедимины, человек храбрый, предприимчивый и до чрезвычайности любимый подчиненными. Он просил прислать ему войско и предлагал московскому царю свою службу со всеми казаками, с Черкасами, Каневом, с казацкой Украиной на правом побережье Днепра, составлявшей ядро той Малой России, которая через столетие поклонилась другому московскому царю. Вишневецкий хотя считался подданным великого князя литовского и короля польского Сигизмунда-Августа, но не обращал внимания на запрещение последнего воевать с татарами и действовал совершенно независимо со своими казаками. В то время в Крыму и в степях у ногаев свирепствовали разные естественные бедствия: сначала жестокий холод, потом засуха, падеж скота и, наконец, мор на людей. Современники говорили, что во всей Орде не осталось десяти тысяч лошадей. Из Москвы в 1557 году к казакам был послан дьяк Ржевский с отрядом. Он соединился с тремястами казаков, разорил Ислам-Кермен и Очаков, разбил татар и бывших с ними турок. После удаления Ржевского Девлет-Гирей пошел с Ордой на Вишневецкого, который тогда укрепился на острове Хортице. (То был зародыш Запорожской Сечи, которая через несколько лет утвердилась ниже Хортицы, на другом острове – Томаковке). Вишневецкий двадцать четыре дня отбивался от хана и наконец прогнал его. В следующем году (1558) Сильвестр и бояре его партии убеждали Ивана двинуть все силы на Крым и самому идти во главе. Сильвестр, желая отвлечь его от Ливонской войны, резко осуждал ее, особенно за варварский образ, с каким она велась, за истребление старых и малых, за бесчеловечные муки над немцами, совершаемые татарами, распушенными по Ливонской земле под начальством Шиг-Алея; Сильвестр называл Ливонию «бедною, обижаемою вдовицею». Иван, как прежде, колебался, слушал с большей охотой советы противников Сильвестра, не думал в угоду последнему шадить Ливонию, однако не совсем решался действовать вразрез с ним и людьми его партии; он ограничился полумерами. Царь принял в свою службу Вишневецкого, подарил ему город Велев, но приказал ему сдать королю Черкасы и Канев, не желая принимать в подданство Украину и ссориться с королем. Он отправил брата Алексея Адашева Даниила с 5000 человек на Днепр против крымцев для содействия Вишневецкому, отправленному на Дон, но сам не двинулся с места и не посылал более войска. Между тем обстоятельства стали еще более благоприятствовать Москве. Черкесские князья, отдавшиеся московскому государю после завоевания Астрахани, собрались громить владения Девлет-Гирея с востока. В Крыму в довершение всех несчастий

поднялось междоусобие. Недовольные Девлет-Гиреем мурзы хотели его низвергнуть и возвести на престол Тохтамыш-Гирея. Покушение это не удалось. Тохтамыш бежал в Москву. Московскому государю было удобно покровительствовать этому претенденту и найти для себя партию в Крыму. Царь Иван этим не воспользовался. Даниил Адашев спустился на судах по Псе́лу, потом по Днепру, вошел в море и опустошил западный берег Крыма, а черкесские князья завоевали Таманский полуостров. Весь Крым был поражен ужасом. Но так как против него не было послано новых московских сил, то дело этим и ограничилось. Царь Иван имел тогда возможность уничтожить Девлет-Гирея, но только раздражил его и подготовил себе со стороны врага мщение на будущее время. Самая удобная минута к покорению Крыма была пропущена. Надо заметить, что для удержания Крыма в русской власти в те времена представлялось более удобства, чем впоследствии, потому что значительная часть тогдашнего населения Крыма состояла еще из христиан, которые, естественно, были бы довольны поступлением под власть христианского государя. Позднее потомки их перешли в мусульманство и превратились в татар.

С.В. Иванов. В Приказе Московского времени

Крымский вопрос еще более разъединил царя Ивана с людьми партии Сильвестра. Их влияние, видимо, падало. Ливонская война велась против желания многих, хотя некоторые из них, исполняя долг службы, не только участвовали в ней, но даже своими подвигами решали ее в пользу Москвы. Рыцари терпели поражение за поражением, город сдавался за городом; наконец в 1559 году Ливонский орден заключил с Сигизмундом-Августом договор, по которому отдавал ему часть своих владений и просил содействия против московского государя. Это событие готовило неизбежное столкновение с Польшей, и уже Сигизмунд-Август в следующем году (1560) писал царю Ивану, что должен будет оружием защищать страну, которая отдалась ему в подданство. Царь отвечал на это высокомерно: называл ливонцев, отдавшихся Сигизмунду-Августу, изменниками и требовал, чтобы Сигизмунд-Август вывел своих воевод

с Ливонской земли. Русские между тем успешно продолжали войну с Ливонией. В этой войне отличались преимущественно друзья Сильвестра: Курбский и Даниил Адашев.

В то время в московском правительстве совершился решительный перелом. Враги Сильвестра и Адашева постепенно довели царя до того, что он решился сбросить с себя опеку. Главными врагами Сильвестра были Захарьины и вооружили против него свою сестру царицу Анастасию. «Царь, – нашептывали Ивану, – должен быть самодержавен, всем повелевать, никого не слушаться; а если будет делать то, что другие постановят, то это значит, что он только почтен честию царского председания, а на деле не лучше раба. И пророк сказал: горе граду тому, им же мнози обладают. Русские владетели и прежде никому не повиновались, а вольны были поданных своих миловать и казнить. Священнику отнюдь не подобает властвовать и управлять; их дело священнодействовать, а не творить людского строения». В довершение всего Ивана убедили, что Сильвестр чародей, силой волшебства опутал его и держит в неволе. Сторонники Сильвестра сознаются, что Сильвестр обманывал царя, представлялся в глазах его богоугодным человеком, облеченным необыкновенной силой чудотворения, что он, одним словом, дурачил царя ложными чудесами, и оправдывают его поступки только тем, что все это делалось для хороших целей. Враги Сильвестра также представляли его царю чудотвором, но только получившим силу не от Бога, а от темных властей. Такой путь мог скорее всего поколебать суеверного царя. Сильвестра не терпели многие за его проницательность и желали удалить его для того, чтобы невозбранно можно было брать посулы и умножать всякими способами свое достояние. Уже охладевший к Сильвестру царь решительно разошелся с ним по случаю своего путешествия по монастырям с большой женой, предпринятого зимой в конце 1559 года. Тогда произошло у царя с Сильвестром и Адашевым какое-то крупное столкновение; подробностей его мы не знаем⁴²; известно только, что Сильвестр и его друзья старались удержать Ивана от путешествия по монастырям и от принесения благочестивых обетов; но после этого столкновения и Сильвестр, и Адашев сами нашли невозможным оставаться при царе. Сильвестр (вероятно, тогда уже овдовевший) удалился в какой-то отдаленный пустынный монастырь, а Алексей Адашев отправился к войску в Ливонию. В этом деле участие Анастасии почти несомненно; сторонники Сильвестра по поводу его удаления сравнивали его с Иоанном Златоустом, потерпевшим от злобы царицы Евдоксии. До царя доходили все эти толки и еще более раздражали его против прежних опекунов. Однако примирение с ними было бы еще возможно, если бы не случилось рокового обстоятельства: в июле 1560 года царица Анастасия, уже давно хворавшая, перепугалась пожара, опустошившего всю арбатскую часть в Москве. Болезнь ее усилилась, и она умерла 7 августа, оставив после себя двух сыновей – Ивана и Федора. Царь был в отчаянии; народ сожалел об Анастасии, считая ее добродетельной и святой женщиной, так как она отличалась набожностью и благотворительностью. Понятно, что с потерей любимой особы стали царю ненавистнее те, которые не любили ее при жизни. Этим воспользовались враги и начали уверять царя, что Анастасию извели лихие люди Сильвестр и Адашев своими чарами. Друзья сообщили об этом тотчас тому и другому; последние при посредничестве митрополита Макария просили суда над собой и дозволения прибыть в Москву для оправдания. Но враги не допустили этого. «Если ты, царь, – говорили ему, – допустишь их к себе на глаза, они очаруют тебя и детей твоих; да кроме того, народ и войско любят их, взбунтуются против тебя и нас перебьют камнями. Хотя бы этого не случилось – опять обойдут тебя и возьмут в неволю. Эти негодные чародеи уже держали тебя, как будто в оковах, повелевали тебе в меру есть и пить, не давали тебе ни в чем воли, ни в малых, ни в больших делах. Не мог ты ни людей своих миловать, ни царством своим владеть. Если бы не было их при тебе, при таком славном, храбром и мудром государе, если бы они не держали тебя, как на узде, ты бы почти всю вселенную обладал, а то они своим чародейством отводили тебе глаза, не давали тебе ни на что смотреть, сами

⁴² На него намекает царь в одном из своих писем Курбскому.

желали царствовать и всеми нами владеть. Только допусти их к себе, тотчас тебя ослепят! Вот теперь, отогнавши их от себя, ты истинно пришел в свой разум; открылись у тебя глаза; теперь ты – настоящий помазанник Божий; никто иной – ты сам один всем владеешь и правишь».

Пелевин. Царь и великий князь Иван IV Васильевич Грозный.

Так говорили не только шурья царя и некоторые бояре, но и те духовные, которые проповедовали из своекорыстных видов деспотизм всякого рода и старались угождать земной власти ради личных выгод. Это были все так называемые «осифляне». Всего более ярились против Сильвестра Вассиан, чудовский архимандрит Левкий и какой-то Мисаил Сукин. Царь созвал собор для осуждения Сильвестра. Епископы, завидовавшие возвышению Сильвестра, пристали к врагам его, когда увидели, что и царю угодно было, чтобы все выказали себя противниками павшего любимца. Один митрополит Макарий заявил, что нельзя судить людей заочно

и что следует выслушать их оправдание. Но угодники царя завопили против него: «Нельзя допускать ведомых злодеев и чародеев: они царя околдуют и нас погубят». Собор осудил Сильвестра на заточение в Соловки. Он был взят из своей пустыни, отвезен туда на тяжелое заключение. Но положение его там не могло быть очень тяжелым: игуменом в Соловках был Филипп Колычев, впоследствии митрополит, человек, как оказывается, сходящийся в убеждениях с Сильвестром. С тех пор имя Сильвестра уже не встречается в памятниках того времени. От Сильвестра осталось сочинение «Домострой», заключающее в себе ряд наставлений сыну – религиозных, нравственных, общежительных и хозяйственных. В этом сочинении, которое драгоценно как материал для знакомства с понятиями, нравами и домашним бытом древней Московской Руси, встречаются любопытные черты, объясняющие личность Сильвестра. Мы видим человека благодушного, честного, строго нравственного, доброго семьянина и превосходного хозяина. Самая характерная черта «Домостроя» – это заботливость о слабых, низших, подчиненных и любовь к ним, не теоретическая, не лицемерная, а чуждая риторике и педантизма, простая, сердечная, истинно христианская. «Как следует свою душу любить, – поучает он, – так следует кормить слуг своих и всяких бедных. Пусть хозяин и хозяйка всегда наблюдают и расспрашивают своих слуг и подчиненных об их нуждах, об еде и питье, об одежде, о всякой потребе, о скудости и недостатке, об обиде и болезни; следует помышлять о них, пещись сколько Бог поможет, от всей души, все равно как о своих родных». Вот такие-то правила внушались и царю по отношению к подвластным ему людям. Отсюда-то истекают грамоты и распоряжения лучших лет царствования Ивана, в которых явно видно желание дать народу как можно более льгот и средств к благосостоянию. Автор «Домостроя» сознает гнусность рабства, сам лично уже отрешился от владения рабами и то же заповедует сыну: «Я не только всех своих рабов освободил и наделил, но и чужих выкупал из рабства и отпускал на свободу. Все бывшие наши рабы свободны и живут добрыми домами; а домочадцы наши, свободные, живут у нас по своей воле. Многих оставленных сирых и убогих мужского и женского пола и рабов в Новгороде и здесь, в Москве, я вскормил и воспоил до совершенного возраста и выучил их, кто к чему был способен: многих выучил грамоте, писать и петь, иных писать иконы, иных книжному рукоделию, а некоторых научил торговать разной торговлей. Твоя мать воспитала многих девиц и вдов, оставленных и убогих, научила их рукоделию и всякому домашнему обиходу, наделила приданым и замуж выдавала, а мужеский пол поженила у добрых людей. И все те, дал Бог, – свободны: многие в священническом и дьяконском чине, во дьяках, в подьячих, во всяком звании, кто к чему способен по природе и чем кому Бог благословил быть; те рукодельничают, те в лавках торгуют, а иные ездят для торговли в различные страны со всякими товарами. И Божиею милостью всем нашим воспитанникам и послуживцам не было никакой срамоты, ни убытка, ни продажи от людей; и людям от нас не бывало никакой тягбы: во всем нас до сих пор соблюдал Бог; а от кого нам, от своих воспитанников, бывали досады и убытки – все это мы на себе понесли; никто этого не слышал, а нам Бог все пополнил! И ты, дитя мое, так же поступай: всякую обиду перетерпи – Бог тебе все пополнит!» Нигде у Сильвестра не видно того поклонения монастырю и безбрачию, которое, как известно, проповедовали благочестивцы. Если он советует давать милостыню в монастыри, то только на заключенных там, равно как на содержащихся в тюрьмах и больницах; однако он враг всякого разврата и бесчинства. «Я, – пишет Сильвестр, – не знал никакой женщины, кроме твоей матери. Как мы с ней обещались, так я и сдержал свое обещание; и ты, дитя мое, храни законный брак, и кроме жены своей не знай никого; берегись пьянственного недуга: от этого порока все зло». И царю Ивану, без сомнения, подавал Сильвестр такие советы; и они, конечно, тягостны были для горячей и порывистой природы Ивана. Идеалом государя, до которого хотел возвести Сильвестр Ивана, был трезвый, строго нравственный, деятельный и благодушный человек; после освобождения от уз учения Сильвестра Иван, пьяный, развратный, кровожадный, как мы увидим, показал собой прямую противоположность этому идеалу.

Вместе с падением Сильвестра постиг конец и Алексея Адашева. Сначала ему велели оставаться в недавно завоеванном Феллине, но вскоре царь приказал перевести его в Дерпт и посадить под стражу. Через два месяца после своего заключения Адашев заболел горячкой и скончался. Естественная смерть избавила его от дальнейшего мщения царя, но клеветники распустили слух, будто он от страха отравил себя ядом. Долговременная близость его к царю и управление государственными делами давали ему возможность приобрести большие богатства, но он не оставил после себя никакого состояния: все, что приобретал, раздавал он нуждающимся.

Царь Иван Васильевич Грозный

Иван Васильевич, одаренный, как мы уже сказали, в высшей степени нервным темпераментом и с детства нравственно испорченный, уже в юности начал привыкать ко злу и, так сказать, находить удовольствие в картинности зла, как показывают его вычурные истязания над псковичами. Как всегда бывает с ему подобными натурами, он был до крайности труслив в то время, когда ему представлялась опасность, и без удержу смел и нагл тогда, когда был уверен в своей безопасности: самая трусость нередко подвигает таких людей на поступки, на которые не решились бы другие, более рассудительные. Пораженный московским пожаром и народным бунтом, он отдался безответно Сильвестру, который умел держать его в суеверном страхе и окружил советниками. С тех пор Иван надолго становится совершенно безличным; Русская держава правится не царем, а советом людей, окружающих царя. Но мало-помалу, тяготясь этой опекой, Иван сначала робко освобождался от нее, подчиняясь влиянию других лиц, а затем, когда вполне почувствовал, что он сильнее и могущественнее своих опекунов, им овладела мысль поставить свою царскую власть выше всего на свете, выше всяких нравственных законов. Его мучил стыд, что он, самодержец по рождению, был долго игрушкой хитрого попа и бояр, что с правом на полную власть он не имел никакой власти, что все делалось не по его воле; в нем загорелась свирепая злоба не только против тех, которые прежде успели стеснить его произвол, но и против всего, что впредь могло иметь вид покушения на стеснение самодержавной власти и на противодействие ее произволу. Иван начал мстить тем, которые держали его в неволе, как он выражался, а потом подозревал в других лицах такие же стремления, боялся измены, создавал в своем воображении небывалые преступления и, смотря по расположению духа, то мучил и казнил одних, то странным образом оставлял целыми других после обвинения. Мучительные казни стали доставлять ему удовольствие: у Ивана они часто имели значение театральных зрелищ; кровь «разлакомила» самовластителя: он долго лил ее с наслаждением, не встречая противодействия, и лил до тех пор, пока ему не приелось этого рода развлечение. Иван не был безусловно глуп, но не отличался, однако, ни здравыми суждениями, ни благоразумием, ни глубиной и широтой взглядов. Воображение, как всегда бывает с нервными натурами, брало у него верх над всеми способностями души. Напрасно старались бы мы объяснить его злодеяния какими-нибудь руководящими целями и желанием ограничить произвол высшего сословия; напрасно пытались бы мы создать из него образ демократического государя. С одной стороны, люди высшего звания в Московском государстве совсем не относились к низшим слоям общества так враждебно, чтобы нужно было из-за народных интересов начать против них истребительный поход; наоборот, в период правления Сильвестра, Адашева и людей их партии, большей частью принадлежавших к высшему званию, мы видим мудрую заботливость о народном благосостоянии. С другой стороны, свирепость Ивана Васильевича постигала не одно высшее сословие, но и народные массы, как показывают бойня в Новгороде, травля народа медведями для забавы, отдача опричникам на расхищение целых волостей и т. п. Иван был человек в высшей степени бессердечный: во всех его действиях мы не видим ни чувства любви, ни привязанности, ни сострадания; если среди совершаемых злодеяний, по видимому, находили на него порывы раскаяния и он отправлял в монастыри милостыни на поминовение своих жертв, то это делалось из того же, скорее суеверного, чем благочестивого, страха Божиего наказания, которым, между прочим, пользовался и Сильвестр для обуздания его диких наклонностей. Будучи вполне человеком злым, Иван представлял собой также образец чрезмерной лживости, как бы в подтверждение того, что злость и ложь идут рука об руку. Таким образом, Иван Васильевич в своих письмах сочинял небывалые события, явно опровергаемые известным нам ходом дел, как, например, в своем завещании он говорил: «Изгнан есмь от бояр, самовольства их ради, от своего достояния и скитаюся по странам»; или в посла-

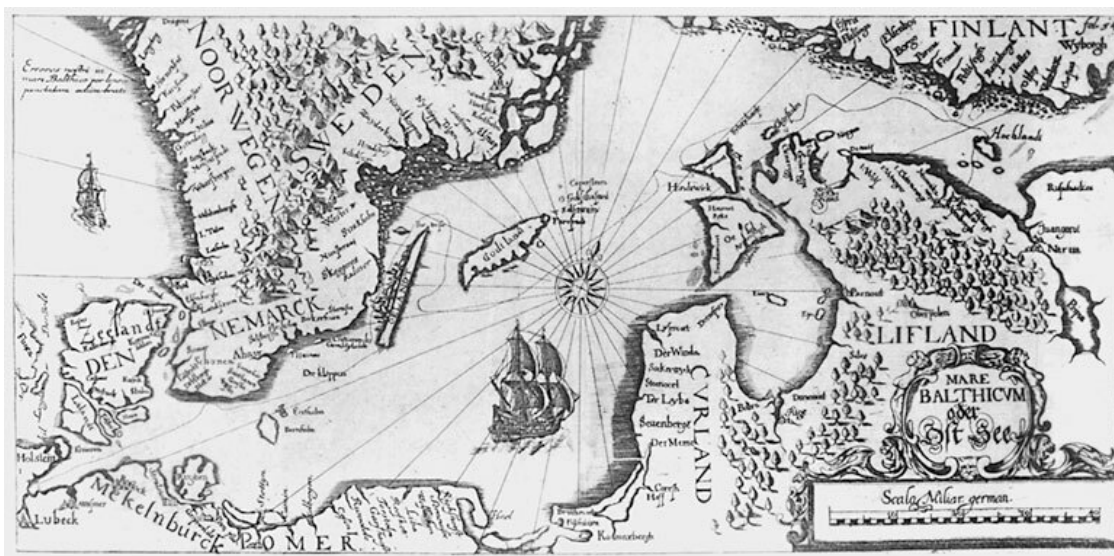
нии в Кирилло-Белозерский монастырь обвинял в измене своих бояр, которым в то же время поручал важные должности; или же перед польским послом сваливал вину разорения Москвы татарами на своих полководцев, а себя выставлял храбрецом, когда на деле было совсем не так.

Царь и великий князь Иван IV Васильевич. Титулярник 1672 г.

Обычно думают, что Иван горячо любил свою первую супругу; действительно, на ее погребении он казался вне себя от горести и спустя многие годы после ее кончины вспоминал о ней с нежностью в своих письмах. Но тем не менее оказывается, что через восемь дней после ее погребения Иван уже искал себе другую супругу и остановился на мысли сватать сестру Сигизмунда-Августа Екатерину, а между тем, как бы освободившись от семейных обя-

занностей, предался необузданному разврату: так не поступают действительно любящие люди. Царь окружил себя любимцами, которые расшевеливали его дикие страсти, напевали ему о его самодержавном достоинстве и возбуждали против людей партии Адашева.

Карта Балтийского моря. 1656 г.

Э. Соколовский. Иван Грозный в монашеском облачении

Главными из этих любимцев были боярин Алексей Басманов, его сын Федор, князь Афанасий Вяземский, Малюта Скуратов, Вельский, Василий Грязной и чудовской архимандрит Левкий. Они теперь заняли место прежней «Избранной рады» и стали царскими советниками в делах разврата и злодеяний. Под их наитием царь начал в 1561 году свирепствовать над друзьями и сторонниками Адашева и Сильвестра. Тогда казнены были родственники Адашева: брат Алексея Адашева Даниил с двенадцатилетним сыном, его тесть Туров, трое братьев жены

Алексея Адашева, Сатины, родственник Адашева Иван Шишкин с женой и детьми и какая-то знатная вдова Мария, приятельница Адашева, с пятью сыновьями: по известию Курбского, Мария была родом полька, перешедшая в православие, и славилась своим благочестием. Эти люди открыли собой ряд бесчисленных жертв свирепства Ивана. Сватовство Ивана Васильевича к польской принцессе не удалось. Король Сигизмунд-Август, хотя не отказывал решительно московскому государю в руке сестры, но отговаривался под разными предложениями и, наконец, прислав своего посла, поставил условием брака мирный договор, по которому Москва должна уступить Польше Новгород, Псков, Смоленск и Северские земли. Само собой разумеется, что подобные условия не могли быть приняты и заявление их могло повести не к союзу, а к вражде. Иван Васильевич перестал думать о польской принцессе и, намереваясь выбрать время отомстить соседу за свое неудачное сватовство, 21 августа 1561 года женился на дочери черкесского князя Темрюка, названной в крещении Марией. Брат новой царицы Михаил, необузданный и развратный, поступил в число новых любимцев царя.

Женитьба эта не имела хорошего влияния на Ивана, да и не могла иметь: сама новая царица оставила по себе память злой женщины. Царь продолжал вести пьяную и развратную жизнь и даже, как говорят, предавался разврату противоестественным образом с Федором Басмановым. Один из бояр, Дмитрий Овчина-Оболенский, упрекнул этим любимца: «Ты служишь царю гнусным делом содомским, а я, происходя из знатного рода, как и предки мои, служу государю на славу и пользу отечеству». Басманов пожаловался царю. Иван задумал отомстить Овчине, скрыв от него причину. Он ласково пригласил Овчину к столу и подал большую чашу вина с приказом выпить одним духом. Тот не смог выпить и половины. «Вот так-то, – сказал Иван, – ты желаешь добра своему государю! Не захотел пить, ступай же в погреб, там есть разное питье. Там напьешься за мое здоровье». Овчину увели в погреб и задушили, а царь, как будто ничего не зная, послал на другой день в дом Овчины приглашать его к себе и потешался ответом его жены, которая, не ведая, что случилось с ее мужем, отвечала, что он еще вчера ушел к государю. Другой боярин, Михаил Репнин, человек степенный, не позволил царю надеть на себя шутовской маски в то время, когда пьяный Иван веселился со своими любимцами. Царь приказал умертвить его. Люди из совета Адашева исчезали один за другим по царскому приказу: князь Дмитрий Курлятов, один из влиятельнейших людей прежнего времени, вместе с женой и дочерьми был сослан в каргопольский Челмский монастырь (в 1563 году), а через некоторое время, как говорит Курбский, царь вспомнил о нем и приказал умертвить со всей семьей. Другой боярин, князь Воротынский, также один из влиятельных лиц кружка Адашева, был сослан со всей семьей на Белоозеро: к нему царь был милостивее, приказывал содержать его хорошо и впоследствии освободил, чтобы снова замучить, как увидим ниже. Третий из опальных бояр, князь Юрий Кашин, был без ссылки умерщвлен вместе с братом. Тогда же Иван начал преследовать семейство Шереметевых: один из них, Никита, был умерщвлен; другой, Иван Васильевич (Старший), был сначала посажен в тюрьму, но потом выпущен; вместе с братом Иваном Васильевичем (Меньшим) он оставался в постоянном страхе – царь подозревал их в намерении бежать и изменить⁴³.

Разногласия с Польшей, естественно возникшие после неудачного сватовства Ивана, усилились от политических обстоятельств. Ливонский орден не в силах был бороться с Москвой; завоевывая город за городом, русские взяли крепкий Феллин, пленили магистра Фирстенберга и овладели почти всей Ливонской страной. Тогда новый магистр Готгард Кетлер с согласия всех рыцарей, архиепископа рижского и городов Ливонии отдался польскому королю Сигизмунду-Августу. Ливония признала польского короля своим государем; Орден прекращал свое

⁴³ Иван Васильевич (Старший) спасся тем, что постригся в Кирилло-Белозерском монастыре, но и там царь не оставлял его в покое и ставил на вид игумену, что Шереметеву делают послабления: и по прошествии многих лет царь не мог забыть в нем прежнего друга Сильвестра.

существование в смысле военно-монашеского братства (секуляризировался); Кетлер вступал в брак и становился наследственным владельцем Курляндии и Семигалии; Ревель с Эстляндией не захотел поступать под власть Польши и отдался Швеции; кроме того, остров Эзель в значении епископства эзельского отдался датскому королю, который посадил там своего брата Магнуса. Сигизмунд-Август, сознавая себя государем страны, которая ему отдавалась добровольно, возымел, естественно, притязания на города, завоеванные Иваном. Уже в 1561 году, до формального объявления войны, начались неприязненные действия между русскими и литовцами в Ливонии. Сигизмунд-Август подстрекал на Москву крымского хана, а между тем показывал вид, что не хочет войны с Иваном, однако требовал, чтобы московский государь оставил Ливонию, так как она отдалась под защиту короля. Московские бояре не только отвечали от имени царя, что он не уступит Ливонии, но припомнили польскому посольству, что все русские земли, находившиеся во власти Сигизмунда-Августа, были достоянием предков государя, киевских князей, и сама Литва платила дань сыновьям Мономаха, а потому все Великое княжество Литовское есть вотчина государя. После таких заявлений началась война.

В.М.Васнецов. Царь Иван Васильевич Грозный

В начале 1563 года сам царь двинулся с войском к Полоцку. В городе начальствовал королевский воевода Довойна. Замечая, вероятно, в народе сочувствие к московскому государю, он приказал сжечь посад и выгнал из него холопов, или так называемую чернь, то есть простой тамошний русский народ. Эти холопы перебежали в русский лагерь и указали большой склад запасов, сохраняемых в лесу в ямах. Овладев этим складом, московское войско приступило к замку, и вскоре от стрельбы произошел там пожар. Тогда Довойна в согласии с полоцким епископом Гарабурдой решились отдаться московскому царю. Находившиеся в городе поляки под предводительством Вершхлейского упорно защищались, но наконец сдались, когда московский государь обещал выпустить их с имуществом. 15 февраля 1563 года Иван въехал в Полоцк, именовал себя великим князем полоцким и милостиво отпустил поляков в количестве пятисот человек с женами и детьми, одарил их собольими шубами, но ограбил полоцкого воеводу и епископа и отправил их в Москву пленными с другими литовцами. Иван не упустил здесь случая потешиться кровопролитием и приказал перетопить всех иудеев с их семьями в Двине⁴⁴. Тогда же по приказанию Ивана татары перебили в Полоцке всех бернардинских монахов. Все латинские церкви были разорены⁴⁵. Царь оставил в Полоцке воеводой Петра Шуйского с товарищами, приказал укреплять город и не впускать в него литовских людей, но дозволил последним жить на посаде, находясь под судом воевод, которые должны были творить суд, применяясь к местным обычаям.

Царь Иван, сообразно своему характеру, тотчас же возгордился до чрезвычайности этой важной, но легко доставшейся победой, и в переговорах с литовскими послами, искавшими примирения по прежнему обычаю, запрашивал и Киева, и Волыни, и Галича; потом великодушно уступал эти земли, ограничиваясь требованием себе Полоцка и Ливонии, и чванился своим мнимым происхождением от Пруса, небывалого брата римского Цезаря Августа.

---

⁴⁴ Уже прежде Иван был предубежден против этого народа и не терпел его: когда-то в Москве приехавших для торговли иудеев выгнали за то, что они торговали «мумией», продавали отравные зелья и отводили людей от христианства.

⁴⁵ В числе убитых тогда Иваном в Полоцке был Фома, товарищ известного проповедника ереси Феодосия Косого, бежавший с ним из Москвы в Литву.

Присяга русских в XVII столетии. С современной гравюры

Примирение надолго не состоялось; война продолжалась, но шла очень вяло, так что в течение нескольких лет ни с той, ни с другой стороны не случилось ничего замечательного. Между тем произошли события, подействовавшие на Ивана и усилившие его кровожадные наклонности. Раздраженный против бояр, сторонников Адашева и Сильвестра, он боялся измены от всех тех, кого подозревал в дружбе со своими прежними опекунами. Ему казалось, что из-за невозможности овладеть снова царем они перейдут к Сигизмунду-Августу или к крымскому хану или же будут в соумышлении с врагами действовать во вред царю. При такой подозрительности царь брал с них поручные записи в том, чтобы служить верно государю и его детям, не искать другого государя и не отъезжать в Литву и иные государства. Подобные записи взяты были еще в 1561 году с князя Василия Глинского, с бояр князя Ивана Мстиславского, Василия Михайлова, Ивана Петрова, Федора Умного, князя Андрея Телятевского, князя Петра Горенского, Данила Романова и Андрея Васильева. Всего замечательнее дошедшие до нас поручные записи князя Ивана Дмитриевича Вельского. В марте 1562 года царь заставил поручиться за него множество знатных лиц с обязанностью уплатить 10 000 рублей в случае его измены, а в апреле 1563 года с этого же боярина взята новая запись, в которой он сознается, что преступил крестное целование, ссылаясь с Сигизмундом-Августом и хотел бежать к нему. Едва ли Вельский справедливо показал на себя; едва ли бы Иван мог простить такую измену, которую не простил бы и более добрый государь! Судя по тому, что делалось позднее, вероятно, в угоду подозрительному и жадному Ивану, боярин сам наговорил на себя, а поручники поплатились за него; царь же простил его, зная, что он не виноват. Подобная запись взята была с князя Александра Ивановича Воротынского, и в числе поручителей был обвиненный Иван Дмитриевич Вельский; но за самих поручителей Воротынского в случае несостоятельности в уплате за него 15 000 рублей взяты еще записи с разных других лиц в качестве поручителей за поручителей. Подозрительность и злоба царя естественно усилились, когда произошли случаи действительного, а не только воображаемого отъезда в Литву. Князь Дмитрий Вишневецкий, прибывший в Московское государство с целью громить Крым, увидел, что цель его не достига-

ется, ушел к Сигизмунду-Августу и примирился с ним⁴⁶. Иван притворялся, будто это бегство нимало его не тревожило, и в наказе своему гонцу велел говорить в Литве, когда спросят про князя Вишневецкого: «Притек он к нашему государю, как собака, и утек, как собака, и нашему государю и земле не причинил он никакого убытка». Но тогда же царь приказал разведывать о Вишневецком под рукой. В то же время бежали в Литву Алексей и Гаврило Черкасские. Царь так был занят их отъездом, что стороной разведывал, не захотят ли они опять воротиться, и обещал им милость. Все это показывает, как сильно его тревожила мысль о побегах из его государства. Особенно подействовало на Ивана бегство князя Курбского. Этот боярин, один из самых даровитых и влиятельных членов кружка Адашева, начальствуя войском в Ливонии, в конце 1563 года бежал из Дерпта в город Вольмар, занятый тогда литовцами, и отдался королю Сигизмунду-Августу, который принял его ласково, дал ему в поместье город Ковель и другие имения. Поводом к этому бегству было (как можно заключить из слов Курбского и самого Ивана) то, что Иван глубоко ненавидел этого друга Адашевых, взваливал на него подозрение в смерти своей жены Анастасии, ожидал от него тайных злоумышлений, всякого противодействия своей власти и искал только случая, чтобы погубить его. Курбский не ограничился бегством, но посылал из нового отечества царю укоризненные, едкие письма, дразнил его, а царь писал ему длинные ответы и, хотя называл в них Курбского «собакою», старался оправдать перед ним свои поступки. Переписка эта представляет драгоценный материал, объясняющий более, чем все другое, характер царя Ивана. Поступок Курбского, но более всего его письма и невозможность наказать «беглого раба» за дерзость довели раздражительного и подозрительного царя до высшей степени злости и тиранства, граничившего уже с потерей рассудка. В 1564–1565 годах царь продолжал брать поручные записи со своих бояр в том, чтобы они не бегали в Литву (см. записи, взятые с Ивана Васильевича Шереметева Большого, бояр Яковлева, Салтыкова, князя Серебряного и других, в С.Г.А., ч. 1, стр. 496–526), а между тем происходили новые побегии; бежали уже не одни знатные люди. Убежали в Литву первые московские типографы Иван Федоров и Петр Мстиславец; бежали многие дворяне и дети боярские, среди прочих Тетерин и Сарыхозин. Последние написали дерптскому наместнику боярину Морозову замечательное письмо, показывающее, какие перемены в тогдашнем управлении вызывали неудовольствие. Поставляя на вид боярам, что царь плохо ценит их службу и окружает себя новыми людьми, дьяками, Тетерин говорит: «Твое юрьевское наместничество не лучше моего Тимохина невольного чернечества (то есть что Тетерин был также неволей пострижен в монахи, как Морозов посажен наместником), тебя государь жалует так, как турецкий султан молдавского; жену у тебя взял в заклад, а дохода тебе не сказал ни пула (мелкая монета), повелел еще 2000 занять себе на еду, а заплатить-то нечем; невежливо сказать: чай не очень тебе верят. Есть у великого князя новые верники, дьяки: они его половиной кормят, а большую половину себе берут. Их отцы вашим отцам и в холопство не годились, а ныне не только землей владеют, а и головами вашими торгуют. Бог, видно, у вас ум отнял, что вы за жен и детей и вотчины головы свои кладете, а их губите, а себе все-таки не пособите!

⁴⁶ Через два года со своими казаками пустился на турок, овладел Молдавией, но был разбит, взят в плен и умер мученической смертью в Константинополе.

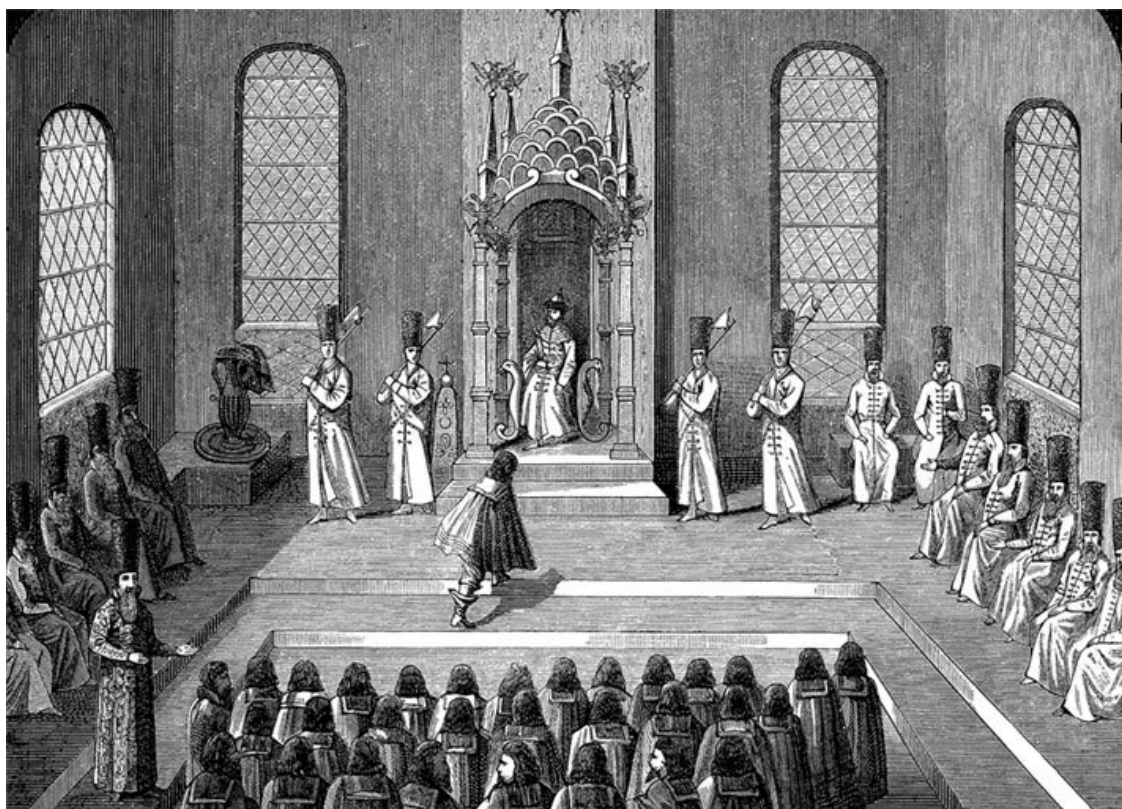
И.Е. Репин. Выбор невесты

Смею, государь, спросить: каково тем, у кого мужей и отцов различной смертью побили несправедно?..» Действительно, то была эпоха, когда значение породы уступало сильно значению службы. Из сословия детей боярских выдвигались прежде называемые дети боярские дворовые и стали называться дворянами: они составляли высший слой среди детей боярских и вскоре образовали отдельное сословие. Их значение состояло в относительной близости к царю; в звание дворян возводились из детей боярских по царской милости. Дьяки, прежде занимавшиеся письмоводством под начальством бояр и окольничих, стали важными людьми: царь доверял им больше, чем родовитым людям.

Курбский между тем давал Сигизмунду-Августу советы, как воевать московского царя, и сам предводительствовал отрядом против своих соотечественников. В конце 1564 года разнесся слух, что огромная сила движется из Литвы к Полоцку; а между тем Девлет-Гирей, побуждаемый Сигизмундом-Августом, идет в южные пределы Московского государства. Крымцам на этот раз не посчастливилось: они подходили к Рязани и отступили; но царь ожидал с двух сторон нового нашествия врагов, а внутри государства ему мерещились изменники. Он желал проливать кровь, но трусил, поэтому придумал такое средство, которое бы в народных глазах придавало законность самым необузданным его неистовствам. Трусость привела Ивана к мысли устроить, так сказать, комедию, в которой народу выпало бы на долю просить царя мучить и казнить, кого ему угодно.

В конце 1564 года царь приказал собрать из городов в Москву с женами и детьми дворян, детей боярских и приказных людей, выбрав их поименно. Разнесся слух, что царь собирался ехать неизвестно куда. Иван вот что объявил духовным и светским знатым лицам. Ему стало известно, что многие не терпят его, не желают, чтобы царствовали он и его наследники, злоумышляют на его жизнь; поэтому он намерен отказаться от престола и передать правление всей земле. Говорят, что с этими словами Иван положил свою корону, жезл и царскую одежду. На другой день со всех церквей и монастырей духовные привозили к Ивану образа; Иван кланялся перед ними, прикладывался к ним, брал от духовных благословение, потом несколько дней и ночей ездил по церквам; наконец 3 декабря приехало в Кремль множество

саней; начали из дворца выносить и укладывать всякие драгоценности: иконы, кресты, одежды, сосуды и пр. Всем прибывшим из городов дворянам и детям боярским приказано собираться в путь с царем. Выбраны были также для сопровождения царя некоторые из бояр и дворян московских с женами и детьми. В Успенском соборе велели служить обедню митрополиту Афанасию, заступившему на место Макария (31 декабря 1563 года). Отслушав литургию в присутствии всех бояр, царь принял благословение митрополита, дал целовать свою руку боярам и прочим, присутствовавшим в церкви; затем сел в сани с царицей и двумя сыновьями. С ним отправились его любимцы Алексей Басманов, Михаил Салтыков, князь Афанасий Вяземский, Иван Чоботов, избранные дьяки и придворные. Вооруженная толпа выборных дворян и детей боярских сопровождала их. Все в Москве были в недоумении. Ни митрополит, ни святители, съехавшиеся тогда в столицу, не смели просить у царя объяснения. Две недели из-за оттепели царь должен был пробыть в селе Коломенском, потом переехал со всем обозом в село Тайнинское, а оттуда через Троицкий монастырь прибыл в Александровскую слободу, свое любимое местопребывание.

Прием иноземных послов (по рисунку А. Оле ария)

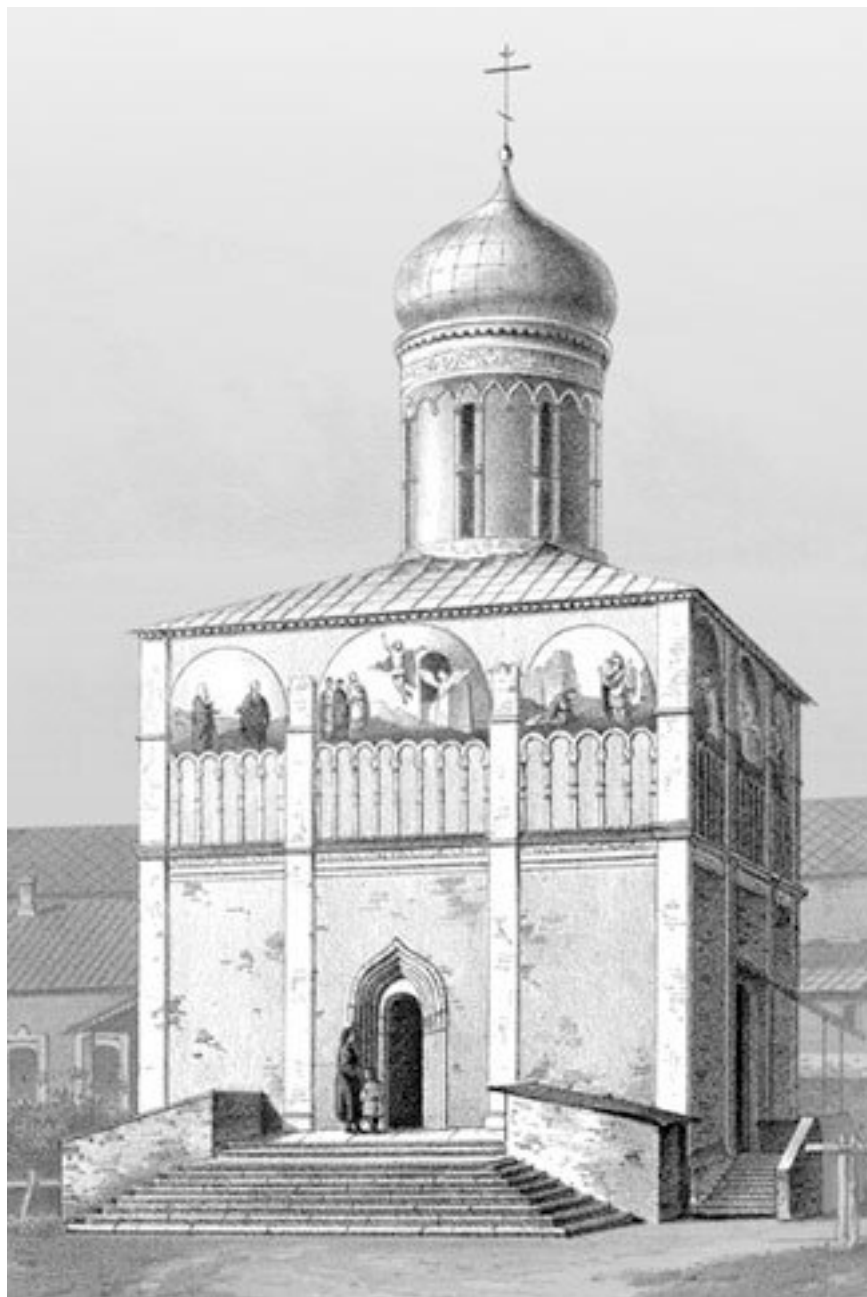

Сельский вид в окрестностях Нарвы (по А. Олеарию)

Никто из Москвы не осмелился обратиться к удалившемуся государю. Наконец 3 января приехал от него в столицу Константин Поливанов с грамотой к митрополиту. Иван объявлял, что он положил гнев свой на богомольцев своих, архиепископов, епископов и все духовенство, на бояр, окольных, дворецкого, казначея, конюшего, дьяков, детей боярских, приказных людей; припоминал, какие злоупотребления расхищения казны и убытки причиняли они государству во время его малолетства; жаловался, что бояре и воеводы разобрали себе, своим родственникам и друзьям государевы земли, собрали себе великие богатства, поместья, вотчины, не радят о государе и государстве, притесняют христиан, убегают от службы; а когда царь, – сказано было в грамоте, – захочет своих бояр, дворян, служилых и приказных людей понаказать, архиепископы и епископы заступаются за виновных; они заодно с боярами, дворянами и приказными людьми покрывают их перед государем. Поэтому государь от великой жалости не хочет более терпеть их изменных дел и поехал поселиться там, где его Господь Бог наставит.

К. Ф. Гун. Сцена из Варфоломеевской ночи

Церковь Чуда Архангела Михаила в Чудовом монастыре

Гонец привез от государя другую грамоту к гостям, купцам и ко всему московскому народу. В ней государь писал, чтобы московские люди нимало не сомневались: на них нет от царя ни гнева, ни опалы.

Понятно, что такое посольство произвело неописанный ужас в Москве; не говоря уже о том, что государство оставалось без главы в то время, когда находилось в войне с соседями, внутри него можно было ожидать междоусобий и беспорядков. Одним Иван объявлял гнев, другим – милость, таким образом разъединял народ, вооружал большинство против меньшинства, чернил перед толпой народа весь служилый класс и даже духовенство и тем самым заранее предавал огулом и тех и других народному суду, которого исполнителем должен быть он сам. Царь как бы становился заодно с народом против служилых. Само собой разумеется, что ни служилые, ни духовные не могли ни оправдываться, ни возвышать за себя голоса. Весь народ возопил: «Пусть государь не оставляет государства, не отдает на расхищение волкам, избавит нас из рук сильных людей. Пусть казнит своих лиходеев! В животе и смерти волен

Бог и государь!..» Бояре, служилые люди и духовные волей-неволей должны были произносить то же и говорили митрополиту: «Все своими головами едем за тобою бить государю челом и плакаться». Некоторые из простого народа говорили: «Пусть царь укажет своих изменников и лиходеев; мы сами их истребим».

Решили, чтобы митрополит остался в столице, где начинался уже беспорядок. Вместо него поехали святители, а главным среди них – новгородский архиепископ Пимен; в числе этих духовных был давний наушник Ивана, архимандрит Левкий; с духовенством отправились бояре князь Иван Дмитриевич Вельский, князь Иван Федорович Мстиславский и др. Были с ними дворяне и дети боярские. Как только они появились, то были тотчас по царскому приказанию окружены стражей. Царь принимал их, как будто врагов в военном лагере. Посольство в лстивых выражениях восхваляло его заслуги, его мудрое правление, величало его грозой и победителем врагов, распространителем пределов государства, единым правоверным государем во всей вселенной, обладающим богатой страной, над которой почиет свыше благословение Божие и явно показывающее свою силу во множестве святых, их же нетленные тела почивают в Русском царстве.

Богоматерь на престоле. Икона первой половины XVI в.

«Если, государь, – говорили они, – ты не хочешь помыслить ни о чем временном и преходящем, ни о твоей великой земле и ее градах, ни о бесчисленном множестве покорного тебе народа, то помысли о святых чудотворных иконах и единой христианской вере, которая твоим отшествием от царства подвергнется если не конечному разорению и истреблению, то осквернению от еретиков. А если тебя, государь, смущает измена и пороки в нашей земле, о которых мы не ведаем, то воля твоя будет и миловать и строго казнить виновных, все исправляя мудрыми твоими законами и уставами».

Царь сказал им, что он подумает, и через некоторое время призвал их снова и дал такой ответ: «С давних времен, как вам известно из русских летописцев, даже до настоящих лет русские люди были мятежны нашим предкам, начиная от славной памяти Владимира Мономаха, пролили много крови нашей, хотели истребить достославный и благословенный род наш. По кончине блаженной памяти родителя нашего готовили такую участь и мне, вашему законному наследнику, желая поставить себе иного государя; и до сих пор я вижу измену своими глазами;

не только с польским королем, но и с турками и крымским ханом входят в соумышление, чтоб нас погубить и истребить; извели нашу кроткую и благочестивую супругу Анастасию Романовну; и если бы Бог нас не охранил, открывая их замыслы, то извели бы они и нас с нашими детьми. Того ради, избегая зла, мы поневоле должны были удалиться из Москвы, выбрав себе иное жилище и опричных советников и людей».

Иван подал им надежду возвратиться и снова принять жезл правления, но не иначе как окружив себя особо wybranными «опричными» людьми, которым он мог доверять и с их помощью истреблять своих лиходеев и выводить измену из государства.

2 февраля царь прибыл в Москву и явился перед духовенством, боярами, дворянами и приказными людьми. Его едва узнали, когда он показался. Злоба исказила черты лица, взгляд был мрачен и свиреп; беспокойные глаза беспрестанно перебегали из стороны в сторону; на голове и бороде вылезли почти все волосы. Видно было, что перед этим он перенес потрясение, которое пагубно подействовало на его здоровье. С того времени поступки его показывают состояние души, близкое к умопомешательству. Вероятно, такой перемене в его организме содействовали его развратная жизнь и неумеренность во всех чувственных наслаждениях, которым он предавался в тот период своего царствования. Иван объявил, что он по желанию и челобитью московских людей, а наипаче духовенства, принимает власть снова с тем, чтобы ему на своих изменников и непослушников вольно было класть опалы, казнить смертью и отбирать на себя их имущество и чтобы духовные впредь не надоедали ему челобитьем о помиловании опальных. Иван предложил устав «Опричнины», придуманный им или, быть может, его любимцами. Он состоял в следующем: государь поставит себе особый двор и учинит в нем особый приход; выберет себе бояр, окольничих, дворецкого, казначея, дьяков, приказных людей; отберет себе особых дворян, детей боярских, стольников, стряпчих, жильцов; поставит в царских службах (во дворцах – Сытном, Кормовом и Хлебном) всякого рода мастеров и приспешников, которым он может доверять, а также особых стрельцов. Затем все владения Московского государства раздвигались: государь выбирал себе и своим сыновьям города с волостями⁴⁷, которые должны были покрывать издержки на царский обиход и на жалованье служилым людям, отобранным в Опричнину. В волостях этих городов поместья исключительно раздавались тем дворянам и детям боярским, которые были записаны в Опричнину в количестве 1000 человек; те из них, кого царь выберет в иных городах, переводятся в опричные города, а все вотчинники и помещики, имевшие владения в опричных волостях, но не выбранные в Опричнину, переводятся в города и волости за пределами Опричнины. Царь сделал оговорку, что если доходы с отделенных в Опричнину городов и волостей будут недостаточны, то он будет брать еще другие города и волости в Опричнину. В самой Москве взяты были в Опричнину некоторые улицы и слободы, из которых жители, не выбранные в Опричнину, выводились прочь.

Вместо Кремля царь приказал строить себе другой двор за Неглинной (между Арбатской и Никитской улицами), но главное местопребывание свое назначал он в Александровской слободе, где приказал также ставить дворы для своих выбранных в Опричнину бояр, князей и дворян. Вся остальная Русь называлась «Земщиной», поверялась земским боярам: Вельскому, Мстиславскому и др. В ней были старые чины с теми же названиями, как в Опричнине: конюший, дворецкий, казначей, дьяки, приказные и служилые люди, бояре, окольничий, стольники, дворяне, дети боярские, стрельцы и пр. По всем земским делам в Земщине относились к боярскому совету, а бояре в важнейших случаях докладывали государю. Земщина имела значение

⁴⁷ Города Можайск, Вязьму, Козелеск, Перемышль, два жеребья, Белев, Лихвин обе половины, Ярославец и с Суходровью, Медынь и с Товарковою, Суздаль и с Шуею, Галич со всеми пригородки, с Чухломою и с Унжею, и с Коряковым и с Белогородьем, Вологду, Юрьевец Повольской, Балахну и с Узолой, Старую Русу город, Вышегород на Поротве, Устюг со всеми волостями, гор. Двину, Каргополе, Вагу, а волости: Олешню, Хотунь, Гусь, Муромское сельцо, Аргуново, Гвоздну, Опаков на Угре, Круг Клинской, Числяки, Ординские деревни и стан Пахрянской в Московском уезде, Белгороде в Кашине, да волости Вселунь, Ошту, Порог Ладожской, Тотму, Прибут и иные волости.

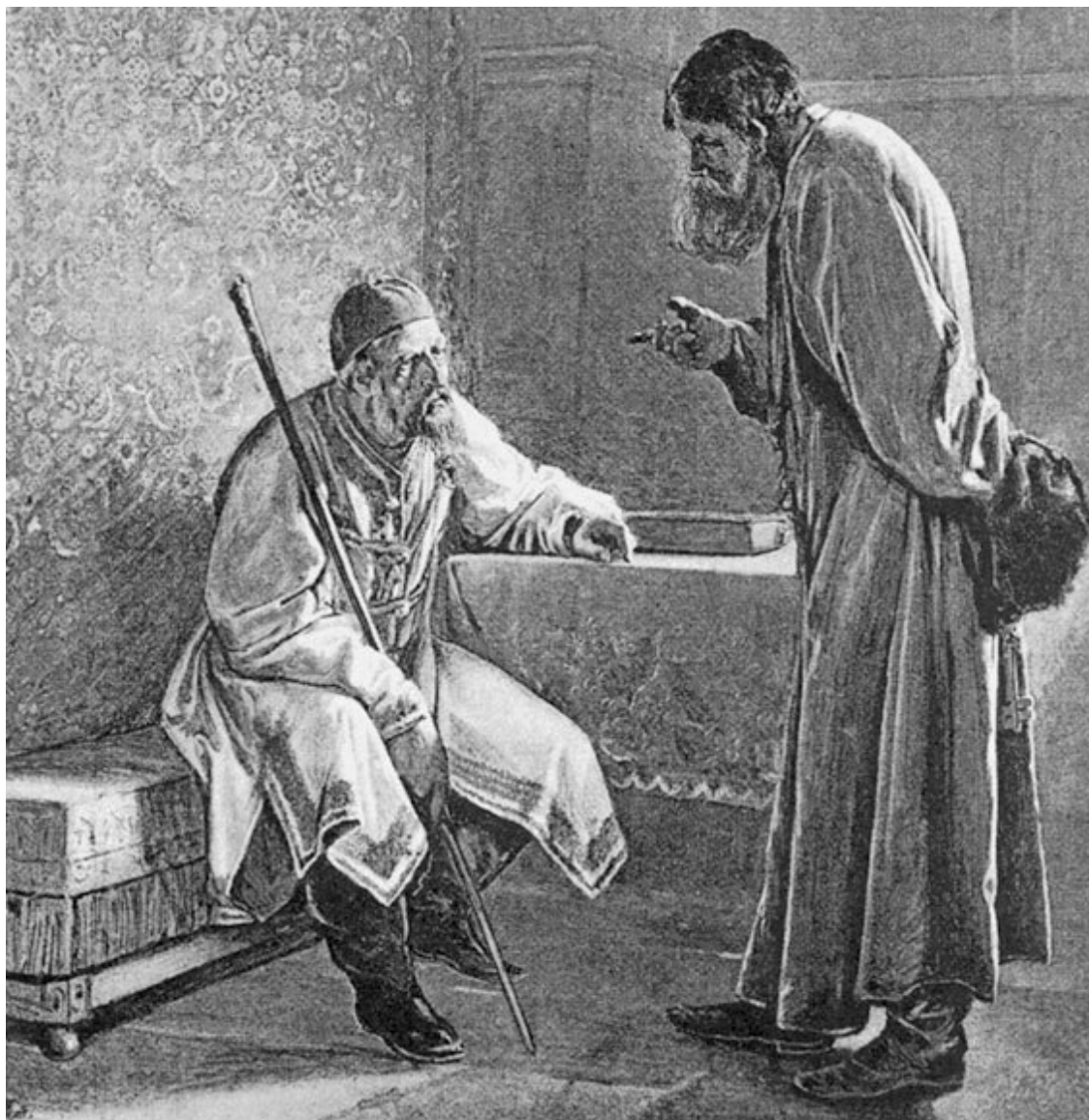
опальной земли, постигнутой царским гневом. За подъем свой государь назначил 100 000 рублей, которые надлежало взять из Земского приказа, а у бояр, воевод и приказных людей, заслуживших за измену гнев царский или опалу, определено было отбирать имения в казну.

Царь Иван Грозный

Царь уселся в Александровской слободе, во дворце, обведенном валом и рвом. Никто не смел ни выехать, ни въехать без ведома Ивана: для этого в трех верстах от Слободы стояла воинская стража. Иван жил тут, окруженный своими любимцами, среди которых Басмановы, Малюта Скуратов и Афанасий Вяземский занимали первое место. Любимцы набирали в Опричнину дворян и детей боярских, и вместо 1000 человек вскоре наверстали их до 6000, которым раздавались поместья и вотчины, отнимаемые у прежних владельцев, долженствовавших терпеть разорение и переселяться со своего пепелища. У последних отнимали не только земли, но даже дома и все движимое имущество; случалось, что их в зимнее время высылали пешком на пустые земли. Таких несчастных было более 12 000 семейств; многие поги-

бали на дороге. Новые землевладельцы, опираясь на особую милость царя, позволяли себе всякие наглости и произвол над крестьянами, жившими на их землях, и вскоре привели тех в такое нищенское положение, что казалось, как будто неприятель посетил эти земли. Опричники давали царю особую присягу, которой обязывались не только доносить обо всем, что они услышат дурного о царе, но не иметь никакого дружеского сообщения, не есть и не пить с земскими людьми. Им даже вменялось в долг, как говорят летописцы, насиловать, предавать смерти земских людей и грабить их дома. Современники иноземцы пишут, что символами опричников были изображение собачьей головы и метла в знак того, что они кусаются как собаки, оберегая царское здравие, и выметают всех лиходеев. Самые наглые выходки позволяли они себе против земских. Так, например, подошлет опричник своего холопа или молодца к какому-нибудь земскому дворянину или посадскому; подсланный определится к земскому хозяину в слуги и подкинет ему какую-нибудь ценную вещь; опричник нагрянет в дом с приставом, схватит своего мнимо беглого раба, отыщет подкинутую вещь и заявит, что его холоп вместе с этой вещью украл у него большую сумму. Обманутый хозяин безответен, потому что у него найдено поличное. Холоп опричника, которому для вида прежний господин обещает жизнь, если он искренно сознается, показывает, что он украл у своего господина столько-то и столько и передал новому хозяину. Суд изрекает приговор в пользу опричника; обвиненного ведут на правож на площадь и бьют по ногам палкой до тех пор, пока не заплатит долга, или же в противном случае выдают голову опричнику.

Г.С. Седов. Иван Грозный и Малюта Скуратов

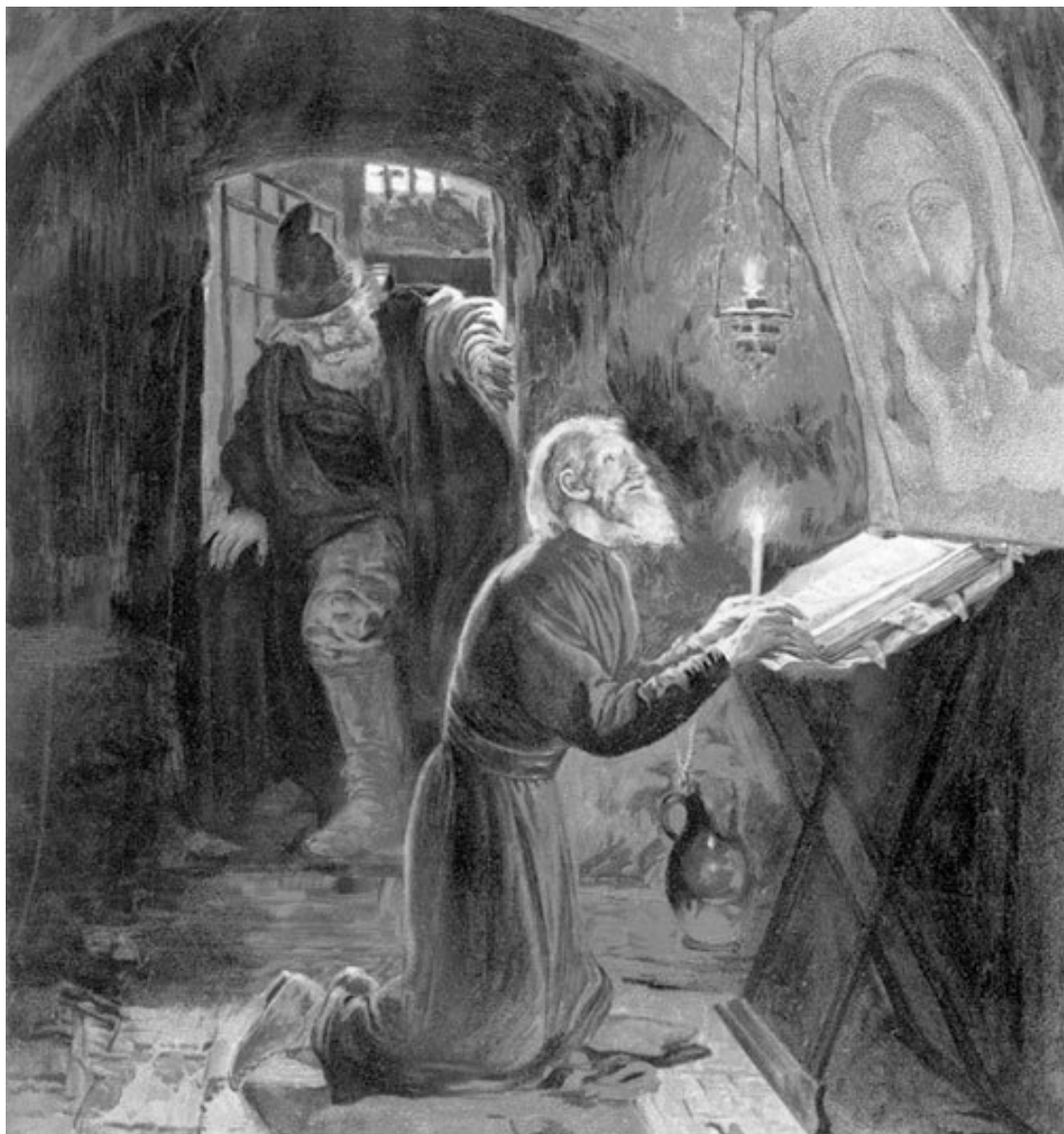

Н.В. Неврев. Опричники

Таким или подобным образом многие теряли свои дома, земли и обирались до ниточки; а иные отдавали жен и детей в кабалу и сами шли в холопы. Всякому доносу опричника на земского давали веру; чтобы угодить царю, опричник должен был отличаться свирепостью и бессердечием к земским людям; за всякий признак сострадания к их судьбе опричник был в опасности от царя потерять свое поместье, подвергнуться пожизненному заключению, а иногда и смерти. Случалось, едет опричник по Москве и завернет в лавку; там боятся его как чумы; он подбросит что-нибудь, потом придет с приставом и подвергнет конечному разорению купца. Случалось, заведет опричник с земским на улице разговор, вдруг схватит его и начнет обвинять, что земский ему сказал поносное слово; опричнику верят. Обидеть царского опричника было смертельным преступлением; у бедного земского отнимают все имущество и отдают обвинителю, а нередко сажают на всю жизнь в тюрьму, иногда же казнят смертью. Если опричник везде и во всем был высшим существом, которому надо угождать, то земский был существом низшим, лишенным царской милости, которое можно как угодно обижать. Так стояли друг к другу служилые, приказные и торговые люди на одной стороне в Опричнине, на другой – в Земщине. Что касается массы народа, крестьян, то в Опричнине они страдали от произвола новопоселенных помещиков; состояние рабочего народа в Земщине было во многих отношениях еще хуже, так как при всяких опалах владельцев разорение постигало массу людей, связанных с опальными условиями жизни, и мы видим примеры, что мучитель, казнив своих бояр, посылал разорять их вотчины. При таком новом состоянии дел на Руси чувство законности должно было исчезнуть. И в этот-то печальный период потеряли свою живую силу начатки общинного самоуправления и народной льготы, ранее установленные правительством Сильвестра и Адашева; правда, многие формы подобного рода оставались и позднее, но дух, оживлявший их, испарился под тиранством царя Ивана. Учреждение Опричнины, очевидно, было таким чудовищным орудием деморализации народа русского, с которым едва ли что-нибудь другое в его истории могло сравниться, и глядевшие на это иноземцы справедливо замечают: «Если бы сатана хотел выдумать что-нибудь для порчи человеческой, то и тот не мог бы выдумать ничего удачнее».

К.В. Неврев. Кончина митрополита Филиппа

А. Новоскодьцев. Убиение митрополита Филиппа Малютой Скуратовым

Свирепые казни и мучительства возрастали с введением Опричнины чудовищным образом. На третий день после появления царя в Москве казнены были зять Мстиславского, одного из первых бояр, которому поверена была Земщина, – Александр Горбатый-Шуйский с семнадцатилетним сыном и другие. Одни были насильно пострижены; иные сосланы. С некоторых Иван Васильевич брал новые записи в верности, а Михаила Воротынского освободил из ссылки, чтобы впоследствии замучить. Царский образ жизни стал вполне достоин полупомешанного. Иван завел у себя в Александровской слободе подобие монастыря, отобрал 300 опричников, надел на них черные рясы поверх вышитых золотом кафтанов, на головы – тафьи или шапочки; сам себя назвал игуменом, Вяземского назначил келарем, Малюту Скуратова – пономарем; сам сочинил для братии монашеский устав и сам лично с сыновьями ходил звонить на колокольню. В двенадцать часов ночи все должны были вставать и идти к продолжительной полуночнице. В четыре часа утра ежедневно по царскому звону вся братия собиралась к заутрене на богослужение, и кто не являлся, того наказывали восьмидневной епитимией. Утреннее богослужение, отправляемое священниками, длилось по царскому приказанию от четырех до семи часов утра. Сам царь так усердно клал земные поклоны, что у него на лбу образовались

пишки. В восемь часов шли к обедне. Вся братия обедала в трапезной; Иван как игумен не садился со всеми за стол, читал перед ними житие дневного святого, а обедал уже потом один. Все наедались и напивались досыта; остатки выносились нищим на площадь. Нередко после обеда царь Иван ездил пытать и мучить опальных; в них у него никогда не было недостатка. Их приводили целыми сотнями, и многих из них перед глазами царя замучивали до смерти. То было любимое развлечение Ивана: после кровавых сцен он казался особенно веселым. Современники говорят, что он всегда дико смеялся, когда смотрел на мучения своих жертв. Сама монашествующая братия служила ему палачами, и у каждого под рясой был для этой цели длинный нож. В назначенное время отправлялась вечерня, затем братия собиралась на вечернюю трапезу, отправлялось повечерие, и царь ложился в постель, а слепцы попеременно рассказывали ему сказки. Иван хотя и старался угодить Богу прилежным исполнением правил внешнего благочестия, но любил временами и иного рода забавы. Узнает, например, царь, что у какого-нибудь знатного или незнатного человека есть красивая жена, прикажет своим опричникам силой похитить ее в собственном доме и привезти к нему. Поиграв некоторое время со своей жертвой, он отдавал ее на поругание опричникам, а потом приказывал отвезти к мужу. Иногда из опасения, чтобы муж не вздумал мстить, царь отдавал тайный приказ убить его или утопить. Бывало, что царь потешался над опозоренными мужьями. Ходил в его время рассказ, что у одного дьяка (историк Гваньини называет его Мясоедовским) Иван таким образом отнял жену, потом, вероятно, узнав, что муж изъявлял из-за этого свое неудовольствие, приказал повесить изнасилованную жену над порогом его дома и оставить труп в таком положении на две недели; а у другого дьяка по царскому приказу была повешена жена над его обеденным столом. Нередки были также случаи изнасилования девиц, и он сам хвастался этим впоследствии.

Русский воевода в XIV–XVII вв.

Царю особенно хотелось уличить своих главных бояр в измене. И вот князья Вельский, Мстиславский, Воротынский и конюший Иван Петрович Челяднин получили от короля Сигизмунда и литовского гетмана Ходкевича письма, приглашавшие их перейти в Литву на службу. Бояре доставили эти письма Ивану и отвечали королю с ведома царя не только отказом, но даже с бранью и насмешками вроде следующих: «Будь ты на Польском королевстве, – пишет Вельский Сигизмунду, – а я на Великом княжестве Литовском и на Русской земле, и оба будем под властью царского величества»; или как написал конюший Иван Петрович: «Я стар для того, чтобы ходить в твою спальню с распутными женщинами и потешать тебя "машкарством" (от слова "маска")». Ответы эти от четырех лиц обличают одну и ту же сочинившую их руку и, вероятно, написаны под диктовку царя; сомнительно, чтобы в самом деле существовали приглашительные письма московским боярам, они по крайней мере не сохранились в польских делах, тогда как в последних есть боярские (разумеется, черновые) ответы; видимо, все это была хитрость Ивана, желавшего испытать своих бояр и при малейшем подозрении погубить их. Но бояре представили письма царю, а у него не было повода придрасться к ним; однако ему нетрудно было найти другую причину погубить конюшего, которого он особенно не терпел.

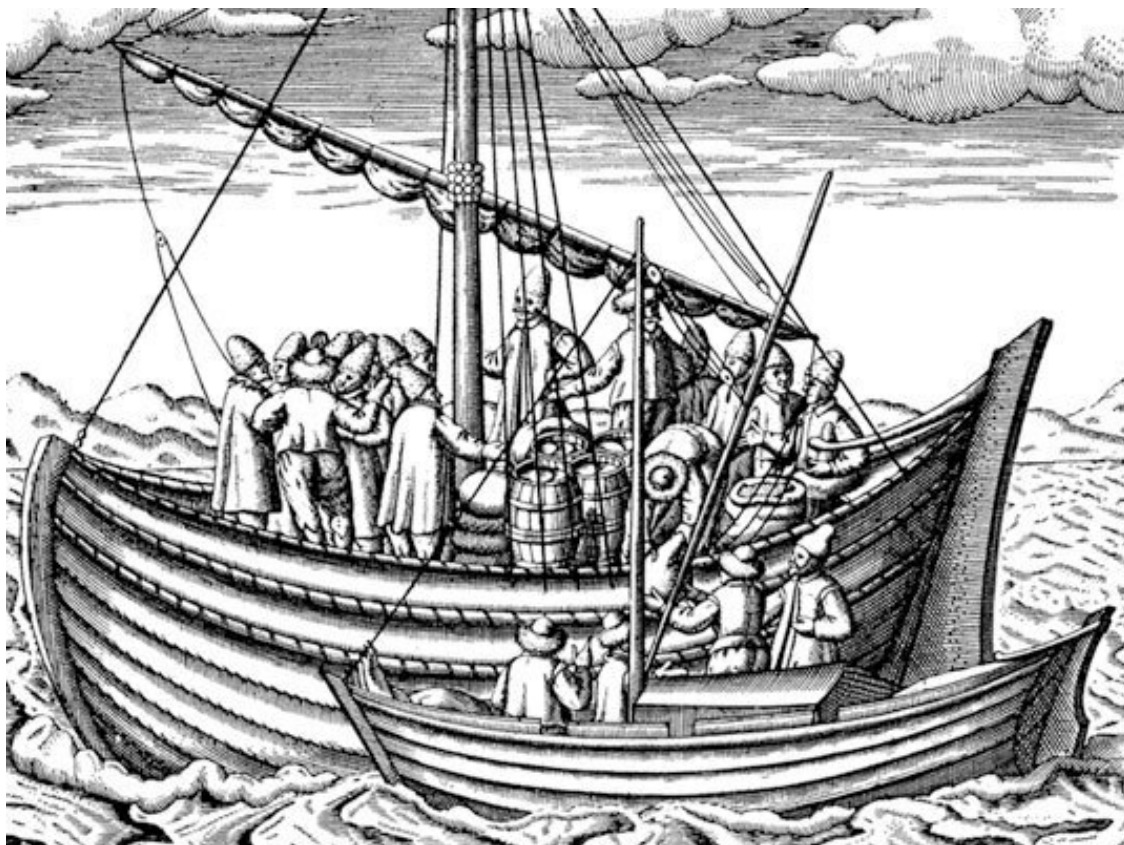
Иван обвинил несчастного старика, будто тот хочет свергнуть его с престола и сам сделаться царем, поэтому призвал конюшего к себе, приказал одеться в царское одеяние, посадил на престол, начал кланяться ему в землю и говорил: «Здрав буди, государь всея Руси! Вот ты получил то, чего желал; я сам тебя сделал государем, но я имею власть и свергнуть тебя с престола». С этими словами он вонзил нож в сердце боярина и приказал умертвить его престарелую жену. Вслед за тем Иван приказал замучить многих знатных лиц, обвиненных в соучастии с конюшим. Тогда погибли князья Куракин-Булгаков, Дмитрий Рязполовский, трое князей Ростовских, Петр Щенятев, Турунтай-Пронский, казначей Тютин, думный дьяк Казарин-Дубровский и много других. По приказанию царя опричники хватили жен опальных людей, насиловали их, некоторых приводили к царю, врываются в вотчины, жгли дома, мучили, убивали крестьян, раздевали донага девушек и в поругание заставляли их ловить кур, а потом стреляли в них. Тогда многие женщины от стыда сами лишали себя жизни.

Русский воевода в XIV–XVII вв.

Земщина представляла собой как бы чужую покоренную страну, преданную произволу завоевателей, но в то же время Иван допускал поразительную непоследовательность и проти-

воречие, вообще отличавшее его характер и соответствовавшее нездоровому состоянию души. Ту же Земщину, в которой он на каждом шагу видел себе изменника, царь собирал для совещания о важнейших политических делах. В 1566 году по поводу литовских предложений о перемирии царь Иван созвал земских людей разных званий и предложил им главным образом на обсуждение вопрос: уступать ли по предложению Сигизмунда-Августа Литве некоторые города и левый берег Двины, оставив за собой город Полоцк на правой стороне этой реки? Мнения отбирались по сословиям. Сначала подали свой голос духовные лица, начиная с новгородского архиепископа Пимена – три архиепископа, шесть епископов и несколько архимандритов, игуменов и старцев; потом – бояре, окольные, казначеи, печатник и дьяки, всего 29 человек, из них печатник Висковатый подавал особое мнение, впрочем, в сущности схожее в главном с остальными; за ними 193 человека дворян, разделенных на первую и вторую статью; за ними особо несколько торопецких и луцких помещиков; потом 31 человек от дьяков и приказных людей и, наконец, торговые люди, из которых отмечены 12 гостей, 40 торговых людей и несколько смолян, спрошенных особо, вероятно, по причине их близости к границе. Все они говорили в одном смысле: не отдавать ливонских городов и земли на правом берегу Двины, принадлежавшей Полоцку, но в сущности предоставляли государю поступить по своему усмотрению («ведает Бог да государь: как ему, государю, угодно, так и нам, холопом его»). В заключение все должны были целовать крест на том, чтобы служить царю, его детям и их землям, кто во что приходится, и стоять против государевых недругов. Дума эта, как нам кажется, была плодом подозрительности Ивана; везде видел он тайных изменников, мерещились ему тайные доброжелатели Литвы, которых он пытался подобным путем как-нибудь отыскать по их словам, если кто нечаянно проговорится, иначе трудно объяснить совещание с народом того царя, который предал уже этот народ своей опале. По крайней мере, нельзя предполагать, чтобы на соборе этом была одна Опричнина без Земщины. Созванные говорили то, что, по их соображению, было угодно Ивану.

Русский корабль в Ледовитом океане. Голландская гравюра 1598 г.

Вид Соловецкого монастыря

Замечательно, что во время сумасбродства московского царя в соседней стране, в Швеции, царствовал также полупомешанный сын Густава Вазы Эрик. Из страха за престол он посадил в тюрьму своего брата Иоанна, женатого на той самой польской принцессе Екатерине, за которую некогда сватался московский царь. Иван не мог забыть своего неудачного сватовства; неуспех этот он считал личным оскорблением. Царь сошелся с Эриком, уступал ему навеки Эстонию с Ревелем, обещал помогать против Сигизмунда и доставить выгодный мир с Данией и Ганзой, лишь бы только Эрик выдал ему свою невестку Екатерину. Эрик согласился, и в Стокгольм приехал боярин Воронцов с товарищами, а другие бояре готовились уже принимать Екатерину на границе. Но в Швеции члены государственного совета целый год не допускали русских до разговора с Эриком и не предоставляли им возможности исполнить такое незаконное дело; наконец в сентябре 1568 года они низложили своего сумасшедшего тирана и возвели на престол его брата Иоанна. Русские послы, задержанные еще на несколько месяцев в Швеции, как бы в неволе, со стыдом вернулись домой. Иван был вне себя от ярости и намеревался мстить шведам; а чтобы развязать себе руки со стороны Польши, он решился на перемирие с Сигизмундом-Августом, тем более, что война с Литвой велась до крайности лениво и русские не имели никаких успехов. Иван на этот раз сделал первый шаг к примирению, выпустил из тюрьмы польского посланника, задержанного ранее вопреки народным правам и, отправляя в Польшу своих гонцов, приказал им обращаться там вежливо, а не так грубо, как бывало прежде.

Филипп, митрополит московский и всея Руси

В то время Ивану пришлось вступить в борьбу с церковной властью за свой произвол, доведенный до сумасбродства. Иван задался убеждением, что самодержавный царь может делать все, что ему вздумается, что не должно быть на земле права, которое бы могло поставить преграды его произволу или даже осуждать его деяния, как бы они ни были безнравственны и неразумны. Митрополит Макарий был человек уклончивый. В прошлом он был заодно с партией Адашева, но когда государь разогнал ее, Макарий скромно глядел на то, что делал царь, и хотя не пристал из подобострастия к врагам своих прежних друзей, однако не пошел и с последними. Когда заочно судили Сильвестра, Макарий возвысил было за него голос, но очень слабый. Сильвестр был заточен, его друзья и сторонники подвергались гонениям или истреблялись. Макарий оставался митрополитом и только скромно и смиренно дерзал просить Ивана о милосердии к опальным; царю и это было не по сердцу. Преемник Макария Афанасий, бывший царский духовник, был, как кажется, еще покорнее, но царь был недоволен и им: он осмеливался иногда печалиться об опальных. Когда Иван оставлял Москву ради Александровской слободы и прикидывался, будто хочет покинуть престол, то в числе причин, побуждавших его к отречению, выставлял и то обстоятельство, что митрополит и епископы бьют ему челом за опальных. Опричнина была введена; Афанасий не смел прекословить. Но недолго этот пастырь выносил новый порядок вещей и удалился в Чудов монастырь на покой. Это было в 1566 году. Надлежало выбрать нового первопрестольника. Выбор пал на казанского архиепископа Германа из рода бояр Полевых, старца святой жизни, прославившегося своими подвигами распространения христианства в Казанской земле. Представившись первый раз царю, нареченный

митрополит хотя не укорял Ивана прямо за его жизнь, но начал с ним беседу о христианском покаянии; беседа его очень не понравилась царю. Воспользовавшись этим, Алексей Басманов досказал царю то, что было в душе Ивана: этот Герман походил на Сильвестра и говорил с царем, как Сильвестр. Иван прогнал Германа. Старец вскоре умер. Разнесся слух, будто царь приказал тайно спровадить его.

Тогда царь предложил в митрополиты соловецкого игумена Филиппа. Духовные чины и бояре единогласно говорили, что нет человека более достойного.

Филипп происходил из знатного и древнего боярского рода Колычевых. Его отец, боярин Стефан, был важным сановником при Василии Ивановиче. Мать Филиппа Варвара наследовала богатые владения Новгородской земли. Во время правления Елены Колычевы держались стороны князя Андрея, и трое из них были казнены с падением этого князя.

Царь Иван Васильевич Грозный

Сын Стефана Федор молодым служил в ратных и земских делах. Царь Иван, будучи малолетним, видел его и, как говорят, любил. Достигнув тридцатилетнего возраста, Федор Колычев удалился от мира и постригся в Соловецком монастыре. Что собственно побудило его к этому – неизвестно, но так как вопреки всеобщему обычаю жениться рано он оставался безбрачным, то должно думать, что причиной тому было давнее недовольство жизненной средой того времени и расположение к благочестию. Через десять лет Филипп был поставлен игуменом Соловецкой обители.

Во всей истории русского монашества нет другого лица, которое бы при обычном благочестии столько же помнило обязанность заботиться о счастье и благосостоянии ближних и умело соединять с примерной набожностью практические цели в пользу других. Филипп был образцовым хозяином, какому не было равного в Русской земле в его время. Дикие, неприступные острова Белого моря сделались в его время благоустроенными и плодородными. Пользуясь богатством, доставшимся ему по наследству, Филипп прорыл каналы между множеством озер, осушил их, образовал одно большое озеро, прочистил заросли, засыпал болота, образовал превосходные пастбища, удобрил каменистую почву, унавозил, где было нужно, землю, соорудил каменную пристань, развел множество скота, завел северных оленей и устроил кожевенный завод для выделки оленьих кож, построил каменные церкви, гостиницы, больницы, продвинул производство соли в монастырских волостях, ввел выборное управление среди монастырских крестьян, приучал их к труду, порядку, ограждал от злоупотреблений, покровительствуя трудолюбию, заботился об их нравственности, выводил пьянство и тунеядство, одним словом, был не только превосходным настоятелем монастыря, но выказал редкие способности правителя над обществом мирских людей.

Неудивительно, что этого человека везде знали и уважали, а потому естественно было всем считать его самым достойным человеком для занятия митрополичьего престола. Но выбор со стороны подозрительного царя человека из боярского рода, который некогда заявлял себя против его матери Елены, может быть отнесен к тем противоречиям, которые были так нередки в поступках полоумного Ивана. Как бы то ни было, Филиппа призвали в Москву. Когда он проезжал через Новгород, к нему сошлись жители и молили ходатайствовать за них перед царем, так как носился слух, что царь держит гнев на Новгород. При первом представлении царю Филипп только просил отпустить его назад в Соловки. Это имело вид обычного смирения. Царь, епископы и бояре уговаривали его. Тогда Филипп открыто начал укорять епископов, что они до сих пор, молча, смотрят на поступки царя и не говорят царю правды. «Не смотрите на то, – говорил он, – что бояре молчат; они связаны житейскими выгодами, а нас Господь для того и отрешил от мира, чтобы мы служили истине, хотя бы и души наши пришлось положить за паству, иначе вы будете истязаемы за истину в день судный». Епископы, непривычные к такой смелой речи, молчали, а те, которые старались угодить царю, восстали на Филиппа за это.

Никто не смел говорить царю правды; один Филипп явился к нему и сказал: «Я повинуюсь твоей воле, но оставь Опричнину, иначе мне быть в митрополитах невозможно. Твое дело не богоугодное; сам Господь сказал: аще царство разделится, запустеет! На такое дело нет и не будет тебе нашего благословения».

«Владыка святой, – сказал царь, – воссташа на меня «мнози», мои же меня хотят поглотить».

«Никто не замышляет против твоей державы, поверь мне, – ответил Филипп. – Свидетель нам всевидящее око Божие; мы все приняли от отцов наших заповедь чтить царя. Показывай нам пример добрыми делами, а грех влечет тебя в геенну огненную. Наш общий владыка Христос повелел любить Бога и любить ближнего как самого себя: в этом весь закон».

Иван рассердился, грозил ему своим гневом, приказывал ему быть митрополитом.

«Если меня и поставят, то все-таки мне скоро потерять митрополию, – говорил Филипп. – Пусть не будет Опричнины, соедини всю землю воедино, как прежде было».

Царь разгневался. Епископы, с одной стороны, умоляли Филиппа не отказываться, с другой – кланялись царю и просили об утолении его гнева на Филиппа. Царь требовал, чтобы Филипп непременно ставился в митрополиты и дал запись не вступаться в Опричнину. Филипп наконец согласился. Неизвестно, что было поводом к этой уступке, но всего менее ее можно объяснить трусостью, так как это не оправдывается ни предыдущим, ни последующим поведением Филиппа. Вернее всего, царь подал ему какую-нибудь надежду на свое исправление. Филипп дал грамоту не вступаться в царский домовый обиход и был поставлен в митрополиты 25 июля 1566 года. В течение некоторого времени после того царь действительно воздерживался от своей кровожадности, но потом опять принялся за прежнее, опять начались пытки, казни, насилия и мучительства. Филипп не требовал уже больше уничтожения Опричнины, но не молчал, являлся к царю ходатаем за опальных и старался укротить его свирепость своими наставлениями. Царь оправдывал себя тем, что вокруг него тайные враги. Филипп доказывал ему, что страх его напрасен. «Молчи, отче, – говорил Иван, – молчи, повторяю тебе, и только благословляй нас по нашему изволению!» – «Наше молчание, – отвечал Филипп, – ведет тебя к греху и всенародной гибели. Господь заповедал нам душу свою полагать за други свои». – «Не прекословь державе нашей, – сказал царь, – а не то гнев мой постигнет тебя, или оставь свой сан!» – «Я, – отвечал Филипп, – не просил тебя о сани, не посылал к тебе ходатаев, никого не подкупал; зачем сам взял меня из пустыни? Если ты дерзаешь поступать против закона – твори, как хочешь, а я не буду слабеть, когда приходит время подвига».

Царь Иван Грозный. Гравюра со статуи М. Антокольского

Пытка водой. С рисунка, сделанного шведом Пальмквистом в 1674 г.

Царь вскоре невзлюбил настойчивого митрополита и не допускал его к себе. Митрополит мог видеть царя только в церкви. Царские любимцы возненавидели Филиппа еще пуще царя. 31 марта 1568 года, в воскресенье, Иван приехал к обедне в Успенский собор с толпой опричников. Все были в черных ризах и высоких монашеских шапках. По окончании обедни царь подошел к Филиппу и просил благословения. Филипп молчал и не обращал внимания на присутствие царя. Царь обращался к нему в другой, в третий раз. Филипп все молчал. Наконец царские бояре сказали: «Святой владыка! Царь Иван Васильевич требует благословения от тебя». Тогда Филипп, взглянув на царя, сказал: «Кому ты думаешь угодить, изменивши таким образом благолепие лица своего? Побойся Бога, постыдись своей багряницы. С тех пор как солнце на небесах сияет, не было слышно, чтобы благочестивые цари возмущали так свою державу. Мы здесь приносим бескровную жертву, а ты проливаешь христианскую кровь твоих верных подданных. Доколе в Русской земле будет господствовать беззаконие? У всех народов, и у татар, и у язычников, есть закон и правда, только на Руси их нет. Во всем свете есть защита от злых и милосердие, только на Руси не милуют невинных и праведных людей. Опомнись: хотя Бог и возвысил тебя в этом мире, но и ты смертный человек. Взыщется от рук твоих

невинная кровь. Если будут молчать живые души, то камни возопиют под твоими ногами и принесут тебе суд».

«Филипп, – сказал царь, – ты испытываешь наше благодушие. Ты хочешь противиться нашей державе; я слишком долго был кроток к тебе, щадил вас, мятежников, теперь я заставлю вас раскаиваться».

«Не могу, – возразил ему Филипп, – повиноваться твоему повелению паче Божиего повеления. Я пришлец на земле и пресельник, как и все отцы мои. Буду стоять за истину, хотя бы пришлось принять и лютую смерть».

Казнь колесованием

Иван был взбешен, но отвел свой гнев на других и на другой же день, как бы в досаду Филиппу, замучил князя Василия Пронского, только что принявшего монашество. Свирепость царя в то время все более и более возрастала. В июле того же года происходили описанные нами выше отвратительные сцены разорения вотчин опальных бояр. Царь с пьяной толпой приехал

в Новодевичий монастырь. Там был храмовой праздник и совершался крестный ход. Служил митрополит. Когда по обряду, читая Евангелие, митрополит обратился, чтобы сказать: «Мир всем!», то, заметив, что один опричник стоял в тафье, воскликнул: «Царь, разве прилично благочестивому держать агарянский закон?» – «Как? что? кто?» – завопил ему в ответ царь. «Один из ополчения твоего, из лика сатанинского», – сказал всенародно Филипп. Опричник поспешно спрятал свою тафью. Царь был вне себя от злости и, вернувшись домой, собрал духовных для того, чтобы судить митрополита. Царский духовник протопоп Евстафий, враг Филиппа, чернил митрополита, стараясь угодить Ивану. Составился план произвести следствие в Соловках и собрать разные показания монахов, которые бы могли уличить бывшего игумена в разных нечистых делах. Царю хотелось, чтобы митрополит был низложен как будто за свое дурное поведение. В Соловки отправился за этим суздальский епископ Пафнутий с архимандритом Феодосием и князем Темкиным. Соловецкие иноки сначала давали только хорошие отзывы о Филиппе. Но Пафнутий соблазнил игумена Паисия обещанием епископского сана, если он станет свидетелем против митрополита. К Паисию присоединилось несколько старцев, склоненных угрозами. Пафнутий привез их к царю. Собрали собор. Из духовных первенствовал на нем новгородский Пимен: из угождения царю он заявил себя врагом Филиппа, не подозревая, что через два года и его постигнет та же участь, какую теперь готовил митрополиту. Призвали Филиппа. Он, не дожидаясь суда, сказал: «Ты думаешь, царь, что я боюсь тебя, боюсь смерти за правое дело? Мне уже за шестьдесят лет; я жил честно и беспорочно. Так хочу и душу мою предать Богу, судье твоему и моему. Лучше мне принять безвинно мучение и смерть, нежели быть митрополитом при таких мучительствах и беззакониях! Я творю тебе угодное. Вот мой жезл, белый клобук, мантия! Я более не митрополит. А вам, архиепископы, епископы, архимандриты, иереи и все духовные отцы, оставляю повеление: пасите стадо ваше, помните, что вы за него отвечаете перед Богом; бойтесь убивающих душу более, чем убивающих тело! Предаю себя и душу свою в руки Господа!» Он повернулся к дверям, намереваясь уйти, но царь остановил его и сказал: «Ты хитро хочешь избежать суда; нет, не тебе судить самого себя; дожидайся суда других и осуждения; надевай снова одежду, ты будешь служить на Михайлов день обедню». Митрополит молча повиновался, надел одежду и взял свой жезл. В день архангела Михаила Филипп в полном облачении готовился начинать обедню. Вдруг входит Басманов с опричниками; богослужение приостанавливается; читают всенародно приговор церковного собора, лишаящий митрополита пастырского сана. Вслед за тем воины вошли в алтарь, сняли с митрополита митру, сорвали облачение, одели в разодранную монашескую рясу, потом вывели из церкви, заметая за ним след метлами, посадили на дровни и повезли в Богоявленский монастырь. Народ бежал за ним следом и плакал: митрополит осенял его на все стороны крестным знаменем. Опричники кричали, ругались и били едущего митрополита своими метлами.

Русские бояре (по А. Олерию)

Через несколько дней привезли на телеге низложенного митрополита слушать окончательный приговор. Игумен Паисий проговорил ряд обвинений. Пимен также говорил против Филиппа. Филипп сказал: «Да будет благодать Божия на устах твоих. Что сеет человек, то и пожнет. Это не мое слово – Господне». Среди прочего его обвиняли в волшебстве и приговорили к вечному заключению. Филипп не оправдывался, не защищался, а только сказал царю: «Государь, перестань творить богопротивные дела. Вспомни прежде бывших царей. Те, которые творили добро, и по смерти славятся, а те, которые дурно правили своим царством, и теперь вспоминаются недобрым словом. Смерть не побоятся твоего высокого сана; опомнись и прежде ее немилостивого пришествия принеси плоды добродетели и собери сокровище себе на небесах, потому что все собранное тобою в этом мире здесь и останется».

Его увели. По царскому приказанию ему забили ноги в деревянные колодки, а руки – в железные кандалы, посадили в монастыре Св. Николая Старого и морили голодом.

Рассказывают, что царь приказал отрубить голову его племяннику Ивану Борисовичу Колычеву, зашить в кожаный мешок и принести к Филиппу. «Вот твой сродник, – сказали ему, – не помогли ему твои чары».

Через несколько дней царь приказал отправить Филиппа в Отрочь монастырь в Тверь; с досады он казнил еще нескольких Колычевых. Вместо Филиппа царь велел избрать митрополитом троицкого архимандрита Кирилла. Бедному Пимену не удалось сесть на митрополичий престол, на что он надеялся.

Мужество Филиппа раздражило Ивана; оно подействовало на него не менее писем Курбского; оно усилило в нем склонность искать измены и лить кровь мнимых врагов своих. В характере царя, как мы уже заметили, было медлить гибелью тех, которых он особенно ненавидел; его воображение как бы тешилось образами будущих мук, которые ожидали ненавистных ему людей, а между тем он срывал злобу на других. Уже давно не терпел он своего двоюродного брата Владимира Андреевича; последний в глазах подозрительного царя был для изменников готовым лицом, которого бы они, если б только была возможность, посадили на престол, низвергнув Ивана, но Иван не решался с ним покончить, хотя уже в 1563 году положил свою опалу как на него, так и на мать его; после того мать Владимира постриглась. Иван держал Владимира под постоянным надзором, отнял у него всех его бояр и слуг, окружил своими людьми, с тем чтобы знать о всех его поступках и замыслах. В 1566 году царь отнял у него удел и дал вместо него другой. Наконец в начале 1569 года, после суда над Филиппом, царь покончил с Владимиром. Было подозрение, быть может, и справедливое, что Владимир, постоянно стесняемый недоверием царя, хотел уйти к Сигизмунду-Августу. Царь заманил его с женой в Александровскую слободу и умертвил обоих. О роде смерти этих жертв показания современников не сходятся между собой: по одним – их отравили, по другим – зарезали. Во всяком случае, несомненно, что они были умерщвлены⁴⁸. Вслед за тем была утоплена в Шексне под Горицким монастырем мать Владимира монахиня Евдокия. Та же участь вместе с ней постигла инокиню Александру, бывшую княгиню Иулианию, вдову брата Ивана Юрия, какую-то инокиню Марию, также из знатного рода, и с ними двенадцать человек.

---

⁴⁸ Иностранцы говорят, что с ними убили и их детей, но это известие неверно: двое дочерей Владимира и единственный сын были живы через несколько лет после того. Правдоподобнее известие о том, что вместе с Владимиром и его женой истребили их слуг.

Русский боярин в XIV–XVII вв.

Прошло еще несколько месяцев. Жажда крови усиливалась в Иване. Его рассудок все более и более затмевался. В сентябре 1569 года умерла его вторая жена Мария Темрюковна, никем не любимая. Ивану вообразилось, что и она подобно Анастасии отравлена лихими людьми. Постоянный ужас, ежеминутная боязнь за свою жизнь все более и более овладевали царем. Он был убежден, что вокруг него множество врагов и изменников, а отыскать их был не в силах; он готов был то истреблять повально чуть не весь русский народ, то бежать от него в чужие края. Уже и своим опричникам он не верил; уже он чувствовал, что Басмановы, Вяземские и их братья овладели им не хуже Адашева и Сильвестра; ненавидел он и их: уже близок был их конец. В то же время царь приблизил к себе голландского доктора Бомелия. Из угождения Ивану этот пришлец поддерживал в нем страх астрологическими суевериями, предсказывал бунты и измены; он-то, как говорят, внушил Ивану мысль обратиться к английской

королеве. Иван писал Елизавете, что изменники составляют против него заговоры, соумышляют с враждебными ему соседями, хотят истребить его со всем родом. Иван просил английскую королеву дать ему убежище в Англии. Елизавета отвечала, что московский царь может приехать в Англию и жить там сколько угодно, на всем своем содержании, соблюдая обряды старогреческой церкви. Но в то же время, готовясь убежать от русского народа, Иван нашел предлог досыта удовлетворить свою кровожадность и совершить над русским народом такое чудовищное дело, равного которому мало можно найти в истории.

Русский боярин еXIV–XVII вв.

Вид Нарвы в начале XVIII столетия. С современной гравюры Мериана

Московский царь давно уже не терпел Новгорода. При учреждении Опричнины, как выше было сказано, он обвинял весь русский народ в том, что в прошедшие века этот народ не любил царских предков. Видимо, Иван читал летописи и с особым вниманием останавливался на тех местах, где описывались проявления древней вечевого свободы. Нигде, конечно, он не видел таких резких, ненавистных для него черт, как в истории Новгорода и Пскова. Понятно, что к этим двум землям, а особенно к Новгороду, развилась в нем злоба. Новгородцы уже знали об этой злобе и чуяли над собой беду, а потому и просили Филиппа ходатайствовать за них перед царем. Собственно, тогдашние новгородцы не могли брать на себя исторической ответственности за прежних, так как они происходили в основном от переселенных Иваном III в Новгород жителей других русских земель; но для мучителя это обстоятельство проходило бесследно. В 1569 году Иван начал выводить из Новгорода и Пскова жителей с их семьями: из Новгорода взял сто пятьдесят, из Пскова – пятьсот; Новгород и Псков были в большом страхе. В то время какой-то бродяга, родом волынец, наказанный за что-то в Новгороде, вздумал сразу и отомстить новгородцам, и угодить Ивану. Он написал письмо как будто от архиепископа Пимена и многих новгородцев Сигизмунду-Августу, спрятал это письмо в Софийской церкви за образ Богородицы, а сам убежал в Москву и донес государю, что архиепископ со множеством духовных и мирских людей отдается литовскому государю. Царь с жадностью ухватился за этот донос и тотчас отправил в Новгород искать указанные грамоты. Грамоты действительно отыскались. Чудовищно развитое воображение Ивана и любовь к злу не допустили его до каких-нибудь сомнений в действительности этой проделки.

В декабре 1569 года предпринял Иван Васильевич поход на север. С ним были все опричники и множество детей боярских. Он шел как на войну: то была странная, сумасбродная война с прошлыми веками, дикая месть живым за давно умерших. Не только Новгород и Псков, но и Тверь была осуждена на кару как бы в воспоминанье тех времен, когда тверские князья боролись с московскими предками Ивана. Город Клин, некогда принадлежавший Твери, должен был первым испытать гнев Ивана. По царскому приказанию опричники ворвались в город, били и убивали кого попало. Испуганные жители, ни в чем не повинные, не понимавшие, что все это значит, разбежались куда ни попало. Затем царь пошел на Тверь. На пути все разоряли и убивали всякого встречного, кто не нравился. Подступив к Твери, Иван повелел окружить город со всех сторон войском, а сам расположился в одном из ближних монастырей. Малюта Скуратов отправился по царскому распоряжению в Отроч монастырь к Филиппу и собствен-

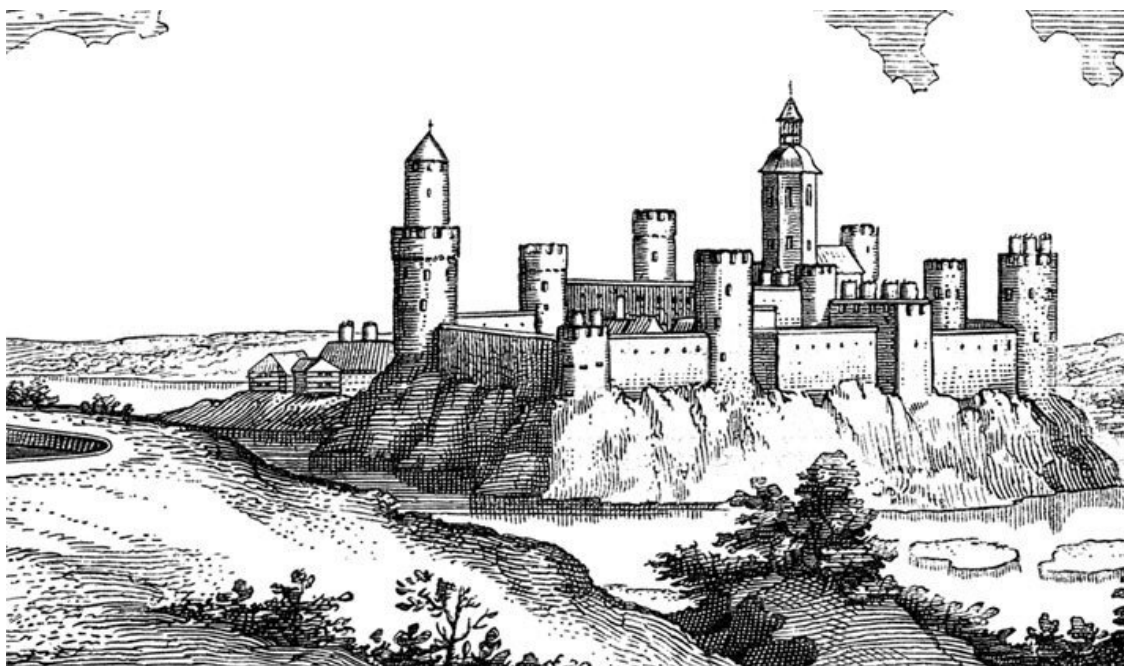
норучно задушил его, а монахам сказал, что Филипп умер от угара. Иноки погребли его за алтарем⁴⁹.

Иван стоял под Тверью пять дней. Сначала ограбили всех духовных, начиная с епископа. Простые жители думали, что тем дело и окончится, но через два дня по царскому приказанию опричники бросились в город, бегали по домам, ломали всякую домашнюю утварь, рубили ворота, двери, окна, забирали всякие домашние запасы и купеческие товары: воск, лен, кожи и прочее, свозили в кучи, сжигали, а потом удалились. Жители опять начали думать, что этим дело окончится, что, истребив их достояние, им по крайней мере оставят жизнь, как вдруг опричники опять врываются в город и начинают бить кого ни попало: мужчин, женщин, младенцев, иных жгут огнем, других рвут клещами, тащат и бросают тела убитых в Волгу. Сам Иван собирает пленный полочан и немцев, которые содержались в тюрьмах, а частью были помещены в домах. Их тащат на берег Волги, в присутствии царя рассекают на части и бросают под лед. Из Твери уехал царь в Торжок; и там повторялось то же, что делалось в Твери. В помяннике Ивана записано убитых там православных христиан 1490 человек. Однако в Торжке Иван едва избежал опасности. Там содержались в башнях пленные немцы и татары. Иван явился прежде к немцам, приказал убивать их перед своими глазами и спокойно наслаждался их муками; но, когда оттуда отправился к татарам, мурзы бросились в отчаянии на Малюту, тяжело ранили его, потом убили еще двух человек, а один татарин кинулся было на самого Ивана, но его остановили. Всех татар умертвили.

⁴⁹ В первый год после смерти Ивана гроб Филиппа перевезли в Соловки, где он долго был предметом народного почитания; в 1652 году, при царе Алексее Михайловиче, Филиппа причислили к лику святых, а открытые мощи его поставили в московском Успенском соборе, где они находятся до сих пор.

Вид крепости Копорья в конце XVII в. С современной гравюры

Вид Ивангорода в начале XVIII в. С современной гравюры Мериана

Из Торжка Иван пошел на Вышний Волочек, Валдай, Яжелбицы. По обе стороны от дороги опричники разбегались по деревням, убивали людей и разоряли их достояние.

Еще до прибытия Ивана в Новгород приехал туда его передовой полк. По царскому повелению тотчас окружили город со всех сторон, чтобы никто не мог убежать из него. Потом нахватили духовных из новгородских и окрестных монастырей и церквей, заковали в железа и в Городище поставили на правеж; каждый день били их на правеже, требуя по 20 новгородских рублей с каждого как бы на выкуп. Так продолжалось дней пять. Дворяне и дети боярские, принадлежащие к Опричнине, созвали в Детинец знатнейших жителей и торговцев, а также и приказных людей, заковали и отдали приставам под стражу, а дома их и имущество опечатали. Это происходило в первых числах января 1570 года.

6 января, в пятницу, вечером приехал государь в Городище с остальным войском и с 1500 московских стрельцов. На другой день было дано повеление перебить дубинами до смерти всех игуменов и монахов, которые стояли на правеже, и развезти тела их на погребение, каждого в свой монастырь. 8 января, в воскресенье, царь дал знать, что приедет к Св. Софии к обедне. По давнему обычаю архиепископ Пимен со всем собором, с крестами и иконами стал на Волховском мосту у часовни Чудного креста встречать государя. Царь шел вместе с сыном Иваном, не целовал креста из рук архиепископа и сказал так: «Ты, злочестивец, в руке держишь не крест животворящий, а вместо креста оружие; ты со своими злыми соумышленниками, жителями сего города, хочешь этим оружием уязвить наше царское сердце; вы хотите отчину нашей царской державы Великий Новгород отдать иноплеменнику, польскому королю Жигимонту-Августу; с этих пор ты уже не назовешься пастырем и сопрестольником Святой Софии, а назовешься ты волк, хищник, губитель, изменник нашему царскому венцу и багру досадитель!» Затем, не подходя к кресту, царь приказал архиепископу служить обедню.

Иван отслушал обедню со всеми своими людьми, а из церкви пошел в столовую палату. Там был приготовлен обед для высокого гостя. Едва уселся Иван за стол и отведал пищи, как вдруг завопил. Это был условный знак (ясак): архиепископ Пимен был схвачен; опричники бросились грабить его владычную казну; дворецкий Салтыков и царский духовник Евстафий с

царскими боярами овладели ризницей церкви Св. Софии, а отсюда отправились по всем монастырям и церквам забирать в пользу царя церковную казну и утварь. Царь уехал в Городище.

А.Д. Литовченко. Иван Грозный показывает сокровища английскому послу Горсею

Вслед за тем Иван приказал привести к себе в Городище тех новгородцев, которые до его прибытия были взяты под стражу. Это были владычные бояре, новгородские дети боярские, выборные городские и приказные люди и знатнейшие торговцы. С ними вместе привезли их жен и детей. Собрав всю эту толпу перед собой, Иван приказал своим детям боярским раздевать их и терзать «неисповедимыми», как говорит современник, муками, между прочим поджигать их каким-то изобретенным им составом, который у него назывался «поджар» («некоею составною мудростью огненною»), потом он велел измученных, опаленных привязывать сзади к саням, быстро везти вслед за собой в Новгород, волоча по замерзшей земле, и метать в Волхов с моста. За ними везли их жен и детей; женщинам связывали назад руки с ногами, привязывали к ним младенцев и в таком виде бросали в Волхов; по реке ездили царские слуги с баграми и топорами и добивали тех, которые всплывали. «Пять недель продолжалась неукротимая ярость царева», – говорит современник. Когда наконец царю надоела такая потеха на Волхове, он начал ездить по монастырям и приказал перед своими глазами истреблять огнем хлеб в скирдах и в зерне, рубить лошадей, коров и всякий скот. Осталось предание, что, приехав в Антониев монастырь, царь отслушал обедню, потом вошел в трапезную и приказал побить все живое в монастыре. Расправившись таким образом с иноческими обителями, Иван начал прогулку по мирскому жительству Новгорода, приказал истреблять купеческие товары, разметывать лавки, ломать дворы и хоромы, выбивать окна, двери в домах, истреблять домашние запасы и все достояние жителей. В то же самое время царские люди ездили отрядами по окрестностям Новгорода, по селам, деревням и боярским усадьбам разорять жилища, истреблять запасы, убивать скот и домашнюю птицу. Наконец 13 февраля, в понедельник на второй неделе поста, созвал государь оставшихся в живых новгородцев; ожидали они своей гибели, как вдруг царь окинул их милостивым взглядом и ласково сказал: «Жители Великого Новгорода, молитесь всемилостивого, всещедрого человеколюбивого Бога о нашем благочестивом

царском державстве, о детях наших и о всем христолюбивом нашем воинстве, чтоб Господь подаровал нам свыше победу и одоление на видимых и невидимых врагов! Судит Бог изменнику моему и вашему архиепископу Пимену и его злым советникам и единомышленникам; на них, изменниках, взыщется вся пролитая кровь; и вы об этом не скорбите: живите в городе сем с благодарностью; я вам оставляю наместника князя Пронского». Самого Пимена Иван отправил в оковах в Москву. Иностранные известия говорят, что он предавал его поруганию, сажал на белую кобылу и приказывал водить, окруженного скоморохами, игравшими на своих инструментах. «Тебе пляшущих медведей водить, а не сидеть владыкою», – говорил ему Иван. Несчастный Пимен был отправлен в Венев в заточение и жил там под вечным страхом смерти.

Количество истребленных показывается современниками различно и, вероятно, преувеличено⁵⁰. Псковской летописец говорит, что Волхов был запружен телами. В народе до сих пор осталось предание, что Иван Грозный запрудил убитыми новгородцами Волхов и с тех пор как бы в память этого события, от обилия пролитой тогда человеческой крови, река никогда не замерзает около моста, как бы ни были велики морозы. Последствия царского погрома еще долго отзывались в Новгороде. Истребление хлебных запасов и домашнего скота произвело страшный голод и болезни не только в городе, но и в его окрестностях; доходило до того, что люди поедали друг друга и вырывали мертвых из могил. Все лето 1570 года свозили кучами умерших к церкви Рождества в Поле вместе с телами утопленных, выплывавших на поверхность воды, и нищий старец Иван Жегальцо погребал их⁵¹.

К.В. Лебедев. К боярину с наветом

⁵⁰ Таубе и Крузе назначают до 15 000; Курбский говорит, будто бы он в один день умертвил 15 000 человек; у Гваньини показано 2770 кроме женщин и простого народа. В Псковском летописце количество казненных увеличено до 60 000; в Новгородской «повести» говорится, что царь топил в день по 1000 человек и в редкий – по 500. В помяннике глухо записано 1505 человек новгородцев, но ничто не дает повода заключить, что это было окончательное количество убитых.

⁵¹ Место погребения (скудельницу) и теперь легко приметить у церкви Рождества; стоит только слегка покопать палкой землю – тотчас оказывается, что она вся переполнена человеческими костями.

До той поры Новгород, оправившись после Ивана III, был сравнительно городом богатым; новый торговый путь через Белое море не погубил его; англичане сами посещали его и имели в нем, как в Ярославле, Казани, Вологде и Пскове, свое подворье. Новгород отправлял значительный отпуск воска, кож и льна. Новгородские купцы (а именно купцы из новгородских пригородов Орешка и Корелы) в большом количестве ездили в Швецию. Таким образом, в Новгороде были люди с капиталами и жители пользовались благосостоянием; с этим обстоятельством, конечно, совпадает и то, что Новгород перед другими краями русскими и в тот период славился преимущественно признаками умелости: так, в предшествовавшие годы приглашали в Москву из Новгорода каменщиков, кровельщиков, резчиков на камне и дереве, иконописцев и мастеров серебряных дел. С посещения Ивана Новгородский край упал, обезлюдел; недобитые им, ограбленные новгородцы стали нищими и осуждены были плодить нищие поколения.

Из Новгорода царь отправился во Псков с намерением и этому городу припомнить его древнюю свободу. Жители были в оцепенении, исповедовались, причащались, готовились к смерти. Псковский воевода князь Юрий Токмаков велел поставить на улицах столы с хлебом-солью и всем жителям земно кланяться и показывать знаки полнейшей покорности, как будет въезжать царь. Иван подъехал к Пскову ночью и остановился в монастыре Св. Николая на Любатове. Здесь он услышал звон в псковских церквях и понял, что псковичи готовятся к смерти. Когда утром он въехал в город, его приятно поразила покорность народа, лежавшего ниц на земле, но более всего подействовал на него юродивый Никола по прозвищу Салос (что значит по-гречески «юродивый»). Подобные люди, представлявшие из себя дурачков и пользовавшиеся всеобщим уважением, часто осмеливались говорить сильным людям то, на что бы не решился никто другой. Никола поднес Ивану кусок сырого мяса. «Я христианин и не ем мяса в пост», – сказал Иван. «Ты хуже делаешь, – сказал ему Никола, – ты ешь человеческое мясо». По другим известиям, юродивый предрекал ему беду, если он начнет свирепствовать во Пскове, и вслед за тем у Ивана издох его любимый конь. Это так подействовало на царя, что он никого не казнил, но все-таки ограбил церковную казну и частные имения жителей.

По возвращении Ивана в Москву заключено было, наконец, перемирие с Литвой литовскими послами. Срок перемирия назначен был три года, и в продолжение этого времени предполагали заключить окончательный мир. Один из находившихся в этом посольстве⁵² описывает выходы московского царя, подтверждающие наше убеждение, что он был тогда не в полном уме. Так, например, когда послы шли к нему на аудиенцию, государь стоял у окна с жезлом в руках, окруженный стрельцами, и громко закричал: «Поляки, поляки, если не заключите со мною мира, прикажу всех вас изрубить в куски». Взяв у одного из литовской свиты соболью шапку, Иван надел ее на своего шута, приказывал ему кланяться по-польски, приказал изрубить приведенных ему в подарок лошадей. Послы были свидетелями, как царь возвращался в Москву из своего новгородского похода: он сидел на коне с луком за спиной, а к шее коня была привязана собачья голова; возле него ехал шут на быке. Как бы желая опохмелиться от новгородской крови, он во время пребывания послов топил татарских пленников.

После новгородской бойни Ивану взбрело на ум, что в Москве были соучастники новгородской измены. Он начал розыск. Как мы сказали, он уже ненавидел Вяземского и Басмановых. Первый был перед тем до того любим царем, что Иван иногда ночью, встав с постели, приходил к нему побеседовать, а когда болел, то только от него принимал лекарство. Когда царь изменился к нему, благодетельствованный Вяземским и порученный им царской милости некто Федор Ловчиков донес на своего благодетеля, будто он предупредил архиепископа Пимена о грозившей Новгороду опасности от царя. Иван призвал к себе Вяземского, говорил

⁵² Английский приор, итальянец Джерио.

с ним очень ласково, а в это время по его приказанию были перебиты домашние слуги Вяземского. Ничего не подозревая, Вяземский вернулся домой, увидел трупы своих служителей и не показал вида, что это производило на него дурное впечатление. Вслед за тем его схватили, засадили в тюрьму, убили нескольких его родственников, а самого подвергли пытке, допрашивая, где его сокровища.

Вяземский отдал все, что наградил и нажил во времена своего благополучия, кроме того, показал на многих богатых людей, что они ему должны. Последние были ограблены царем. Вяземский умер в тюрьме, в невыносимых муках. Другой любимец, Иван Басманов, вместе с сыном также подверглись обвинению. Иван приказал сыну убить своего отца. К сыскному делу привлечено было множество лиц, в том числе знатные государственные люди, думный дьяк Висковатый, казначей Фуников, князь Петр Оболенский-Серебряный, Воронцов и др.

Стефан Баторий

25 июля на Красной площади поставлено было 18 виселиц и разложены разные орудия казни: печи, сковороды, острые железные когти («кошки»), клещи, иглы, веревки для перетирания тела пополам, котлы с кипящей водой, кнуты и пр. Народ, увидев все эти пригото-

ления, пришел в ужас и бросился в беспамятстве бежать куда попало. Купцы побросали в отворенных лавках товар и деньги. Выехал царь с опричниками, за ними вели 300 человек осужденных на казнь в ужасающем виде от следов пытки; они едва держались на ногах. Площадь была совершенно пуста, как будто все вымерло. Государю не понравилось это; он разослал гонцов по всем улицам и велел кричать: «Идите без страха, никому ничего не будет, царь обещает всем милость». Москвичи стали выползать, кто с чердака, кто из погреба, и сходиться на площадь. «Праведно ли я караю лютыми муками изменников? Отвечайте!» – закричал Иван народу. «Будь здоров и благополучен! – закричал народ. – Преступникам и злодеям достойная казнь!» Тогда царь велел отобрать 180 человек и объявил, что дарует им жизнь по своей великой милости. Остальных всех казнили мучительными казнями. Изобретательность Ивана была так велика, что почти каждому была особая казнь; так, например, Висковатого повесили вверх ногами и рассекали на части, Фуникова обливали попеременно то кипящей, то ледяной водой и т. п. На другой же день после казни потоплены были жены казненных⁵³, и некоторые перед тем подвергались изнасилованию и поруганию. Тела казненных лежали несколько дней на площади, терзаемые собаками.

Безумное бешенство, овладевшее Иваном, в то время приводило его в такое состояние, что, по словам иностранцев, он для забавы пускал медведей в народ, собравшийся на льду. Сказание это вероятно, так как нам известно, что Иван прибегал к такому способу мучений⁵⁴.

Русская земля, страдая от мучительства царя Ивана, терпела в то же время и от других причин: несколько лет подряд были неурожаи, свирепствовали заразные болезни, повсюду были нищета, смертность, всеобщее уныние («туга и скорбь в людях велия»). Ливонская война истощала силы и труд русского народа. Посошные люди, сгоняемые в Ливонию, погибали там от голода и мороза. Их высылали из далеких замосковских краев с запасами, заставляли тянуть байдаки и лодки, а средств к содержанию не давали. Они бросали работу, разбегались по лесам и погибали. Толпы русских насильно переселялись в ливонские города на жительство, заменяя переведенных в Московское государство немцев, и пропадали на новоселье от недостатка средств или от немецкого оружия. Народ русский проклинал Ливонскую войну, и современник летописец замечает по этому поводу, что через нее чужие города наполнялись русскими людьми, а свои пустели. К довершению всех бедствий недоставало давнего бича русского народа – татарского нашествия; и это суждено было испытать русскому народу.

Успенский Александровский монастырь. Вид с западной стороны

⁵³ Количество их, по словам Гваньини, доходило до восьмидесяти.

⁵⁴ Над архиепископом Леонидом, как мы увидим позже.

Не послушавшись своих советников и Вишневецкого, Иван пропустил удобный случай покончить с Крымом, но раздражил Девлет-Гирея. Крымский хан с тех пор постоянно злобствовал против Москвы и дожидался случая отомстить ей за прежнее самым чувствительным образом. Несколько лет он уговаривал турецкого падишаха Сулеймана Великолепного нагрянуть на Москву с турецкими и татарскими силами, отнять Казань и Астрахань. Сулейман был слишком занят другими делами, но его сын Селим в 1569 году послал вместе с крымцами турецкое войско для завоевания Астрахани. Этот поход был веден до того нелепо, что не мог иметь успеха. Турки доходили до Астрахани, но из-за недостатка припасов, при неурядицах, господствовавших между ними и татарами, чуть все не погибли. Девлет-Гирей после этого хотел во что бы то ни стало поправить неудачу успехом другого рода и нашел, что лучше всего последовать примеру предков и напасть прямо на Москву. Разбойник Кудеяр Тишенков да несколько детей боярских, вероятно, его шайки (в числе их были природные татары), сообщили хану о плачевном состоянии Русской земли, о варварствах Ивана, о всеобщем унынии русского народа, указывали ему, что наступает самое удобное время напасть на Москву. Тогда как силы Руси истощались, Орда, бывшая прежде в расстройстве, поправилась. Девлет-Гирей с необыкновенной скоростью собрал до ста двадцати тысяч крымцев и ногаев и весной 1571 года бросился в середину Московского государства. Земские воеводы не успели загородить ему путь через Оку. Хан обошел их и направился к Серпухову, где был в то время царь с опричниками.

Иван Васильевич бежал и оставил столицу на произвол судьбы, как в подобных случаях поступали и все его предшественники, прежние московские государи.

Земские воеводы (князья Вельский, Мстиславский и др.) приготовились отстаивать столицу. Но татары успели пустить огонь в слободы; пожар распространился с изумительной быстротой по сухим деревянным строениям; за какие-нибудь три-четыре часа вся Москва сгорела. Уцелел один Кремль, куда не пускали народ, – там сидел митрополит Кирилл с царской казной. Тогда в Москве погибло такое множество людей, что современники в своих известиях преувеличивали количество погибших до 80 000. Трудно было бежать из обширного города, куда кроме жителей набилось много народа из окрестностей; одних захватил пламень, другие задохнулись от дыма и жара. В числе последних был главный воевода князь Иван Вельский. Огромные толпы народа бросились в ворота, находившиеся в той стороне, которая была удалена от неприятеля; толпа напирала на толпу, передние попадали, задние пошли по ним, за ними другие повалили их, и таким образом многие тысячи были задавлены и задушены. Москва-река была запружена телами. «В два месяца, – говорил англичанин очевидец, – едва можно будет убрать кучи людских и конских трупов». Татары не могли ничего награть; все имущество жителей Москвы сгорело. Хан не стал осаждать Кремль, отступил и послал Ивану Васильевичу письмо в таком тоне: «Жгу и пустошу все за Казань и за Астрахань. Будешь помнить. Я богатство сего света применяю к праху, надеюсь на величество Божие, на милость для веры Ислама. Пришел я на твои земли с войсками, все пожег, людей побил; пришла весть, что ты в Серпухове, я пошел на Серпухов, а ты из Серпухова убежал; я думал, что ты в своем государстве, в Москве, и пошел туда; ты и оттуда убежал. Я в Москве посады сжег и город сжег и опустошил, много людей саблей побил, а других в полон взял, все хотел венца твоего и головы; а ты не пришел и не стал против меня. А еще хвалишься, что ты московский государь! Когда бы у тебя был стыд и способность (дородство), ты бы против нас стоял! Отдай же мне Казань и Астрахань, а не дашь, так я в государстве твоём дороги видел и узнал; и опять меня в готовности увидишь».

К.П.Брюллов. Осада Пскова польским королем Стефаном Баторием в 1581 г.

Вид Константинополя

Иван Васильевич был унижен, поражен, но в соответствии со своим характером столько же падал духом, когда постигало его бедствие, сколько чванился в счастье. Иван послал к хану гонца с челобитьем, предлагал деньги, писал, что готов отдать ему Астрахань, только просил отсрочки; он хотел как-нибудь хитростью и проволочкой времени оттянуть обещаемую уступку земель. Это ему и удалось. Ни Казани, ни Астрахани не пришлось отдать; на следующий год хан, поняв, что Иван Васильевич тянет время, опять пошел на Москву, но был отбит на берегу Лопасни князем Михаилом Воротынским. Эта победа не могла, однако, загладить бедствия, нанесенные в 1571 году. Русская земля потеряла огромную часть своего народонаселения, а столица помнила посещение Девлет-Гирея так долго, что даже в XVII веке, после новых бедствий Смутного времени, это событие не стерлось из памяти потомства. Иван, всегда подозрительный, боязливый, всегда страшившийся то заговоров, то измен и восстаний, теперь

более чем когда-нибудь вправе был ожидать вспышки народного негодования: оно могло прорваться подобно тому, как это сделалось некогда после московского пожара. Иван Васильевич, вероятно, из желания оградить себя на случай, подставить других вместо себя в жертву народной злобы, взял с воеводы, начальствовавшего земским войском, князя Мстиславского (второго после Вельского, лишившегося жизни при московском пожаре во время нашествия хана) запись в том, что он и воеводы, его товарищи, изменнически сносились с ханом и подвели последнего на разорение Русской земли и ее столицы. Дав на себя такую странную запись, Мстиславский и его товарищи остались не только целы и невредимы, но потом начальствовали войсками. Нелепость этого обвинения видна сама собой, однако царь после того мог уже без удержу объявлять даже иноземцам, что русские бояре-изменники навели на него крымцев.

Бедствие, постигшее тогда Москву, повело, однако, к принятию на будущее время лучших мер безопасности. С тех пор в южных пределах государства образовалась сторожевая и станичная служба: из детей боярских, казаков, стрельцов, а частью из охотников, посадских людей выбирались сторожи и станичники; первые товариществами держали попеременно сторожу на известных местах; вторые, также товариществами, ездили от города до города, от сторожи к стороже. Тогда на юге возникали новые города; так появились Венев, Епифань, Чернь, Данков, Ряжск, Волхов, Орел. Города эти были сначала небольшими острожками с деревянными стенами и башнями, окруженными рвами. Они мало-помалу привлекали к себе на поселение людей смелых и отважных. Туда стекались так называемые гулящие и вольные люди, то есть не записанные в тягло и не обязанные нести повинностей: то были молодые сыновья и племянники людей всякого звания – и служилых, и посадских, и крестьян.

Новодевичий монастырь в Москве

Но Иван, оставив живыми тех, кого принудил сознаться в небывалом преступлении, все-таки тогда же нашел себе повод мучить и убивать других людей. В то время он задумал жениться в третий раз и из собранных двух тысяч девиц выбрал себе в жены Марфу Васильевну Собакину. Незадолго до совершения брака царская невеста занемогла: тотчас явилось подозрение в отравлении, в порче. Прежде всего подозрение это пало на родственников прежних цариц, так как с новой супругой царя обычно возвышались и новые люди, ее родные, а родственники прежних царских супругов должны были терять свое близкое к царю положение.

ние. Иван Васильевич посадил на кол брата предшествовавшей жены своей Марии Михаила Темрюковича, одного из кровожадных исполнителей царских приговоров; умерщвлен был и другой любимец – Григорий Грязной; казнили несколько знаменитых лиц. Царь женился на своей больной невесте, но Марфа умерла через несколько дней после брака. Царь вопил, что ее извели лихие люди. На другой день Иван Васильевич собрал духовенство на собор и принудил его составить странную грамоту, разрешавшую царю вступить в четвертый брак, издавна запрещенный церковными уставами, но с тем, однако, чтобы никто из подданных не осмелился поступать по примеру царя. Митрополит Кирилл тогда умер; на соборе председательствовал преемник Пимена новгородский архиепископ Леонид, трус, корыстолюбец, низкопоклонный льстец. Никто не осмелился поднять голоса за непоколебимость церковных постановлений; задумали только для вида устроить сделку с церковью. Собор дозволял царю противозаконный брак, но налагал на него епитимию, да и ту отчасти брали на себя духовные, освобождая от нее царя на время военных походов. Царь женился в четвертый раз на Анне Алексеевне Колтовской. Через год она ему надоела; царь постриг ее под именем Дарьи. С тех пор царь, ободренный разрешением собора на четвертый брак, разрешал себе сам несколько супружеств одно за другим. По известию одного старого сказания, в ноябре 1573 года Иван Васильевич женился на Марии Долгорукой, а на другой день, подозревая, что она до брака любила кого-то иного, приказал ее посадить в колымагу, запрячь диких лошадей и пустить на пруд, в котором несчастная и погибла. «Этот пруд, – замечает современник англичанин Горсей, – был настоящая геенна, юдоль смерти, подобная той, в которой приносились человеческие жертвы; много жертв было потоплено в этом пруду; рыбы в нем питались в изобилии человеческим мясом и оказывались отменно вкусными и пригодными для царского стола». В память события с Долгорукой царь велел провести черные полосы на позолоченном куполе церкви в Александровской слободе. Вслед за тем царь женился на Анне Васильчиковой; она недолго прожила с ним; конец ее неизвестен; царь после нее женился на Василисе Мелентьевой, которая также вскоре исчезла.

И.Е. Репин. Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года

В.Т. Шварц. Иоанн Грозный у тела убитого им сына

Между тем в управлении государства появилось еще новое сумасбродство. Вместо того чтобы, как прежде, оставлять Земщину в управление боярам, Иван поверил ее крещеному татарскому царю Симеону Бекбулатовичу и нарек его великим князем всея Руси; это произошло в 1574 году. Нам неизвестен ближайший повод к этому событию, но, вероятно, оно связано с другим событием: царь на кремлевской площади казнил многих бояр, чудовского архимандрита и благовещенского протопопа – своих прежних любимцев; вслед за тем он создал из пленного татарина призрачного русского государя. Писались грамоты от имени великого князя всея Руси Симеона. Сам Иван титуловал себя только московским князем и наравне с подданными писал Симеону челобитные с общепринятыми унижительными формами, например: «Государю, великому князю Симеону Бекбулатовичу Иванец Васильев со своими детишками с Иванцем, да с Федорцем челом бьет. Государь, смилуйся пожалуй!» Через два года Иван низложил этого великого князя всея Руси и сослал в Тверь.

В те годы в Польше и Литве совершались события чрезвычайной важности по своим последствиям. В июле 1572 года скончался король Сигизмунд-Август, и с ним прекратилась мужская линия Ягеллонов. Незадолго до своей смерти, в 1569 году, этот король с большим трудом устроил вечное соединение Великого княжества Литовского с Польским королевством в одно федеративное государство. Много было препятствий, которые приходилось преодолеть, много их еще оставалось для того, чтобы это дело вполне окрепло. Литовско-русские паны, еще в то время сохранявшие и православную веру, и русский язык (хотя уже начинавший значительно видоизменяться от влияния польского), боялись за свою народность, как равно и за свои владетельские права; они хотя согласились на соединение, но все еще не доверяли полякам и хотели держаться особо. В самом акте соединения Великому княжеству Литовскому оставля-

лось устройство вполне самобытного государства и даже особое войско. Правда, всякое упорство литовско-русского высшего сословия в охранении своей веры и народности по неизбежному стечению обстоятельств никак не могло быть продолжительным, так как превосходство польской цивилизации перед русской неизбежно должно было тянуть к себе русско-литовский высший класс и смешать его с польским, что и случилось впоследствии. Но во времена Ивана стремление к удержанию своей особенности было еще сильным. Предстояло выбрать нового государя. Русско-литовские паны находили выгодным для своих стремлений избрать государя из московского дома преемником последнему из дома Ягеллонов. С этим соединялись и другие виды: кроме православных, желавших, естественно, иметь государя своей веры, и Польше было много протестантов, которые боялись посадить католика на престол. Люди с широкими политическими взглядами видели, что избрание короля из московского дома повлекло бы впоследствии к такому же сближению, а затем и к соединению Московской Руси с Польшей, какое последовало уже с литовской Русью вследствие воцарения династии Ягеллонов. Наконец, паны были падки на деньги и подарки, а московского государя считали богачом. Иван Васильевич сам очень желал этого, но, как увидим, не сумел достигнуть цели своих желаний и воспользоваться обстоятельствами.

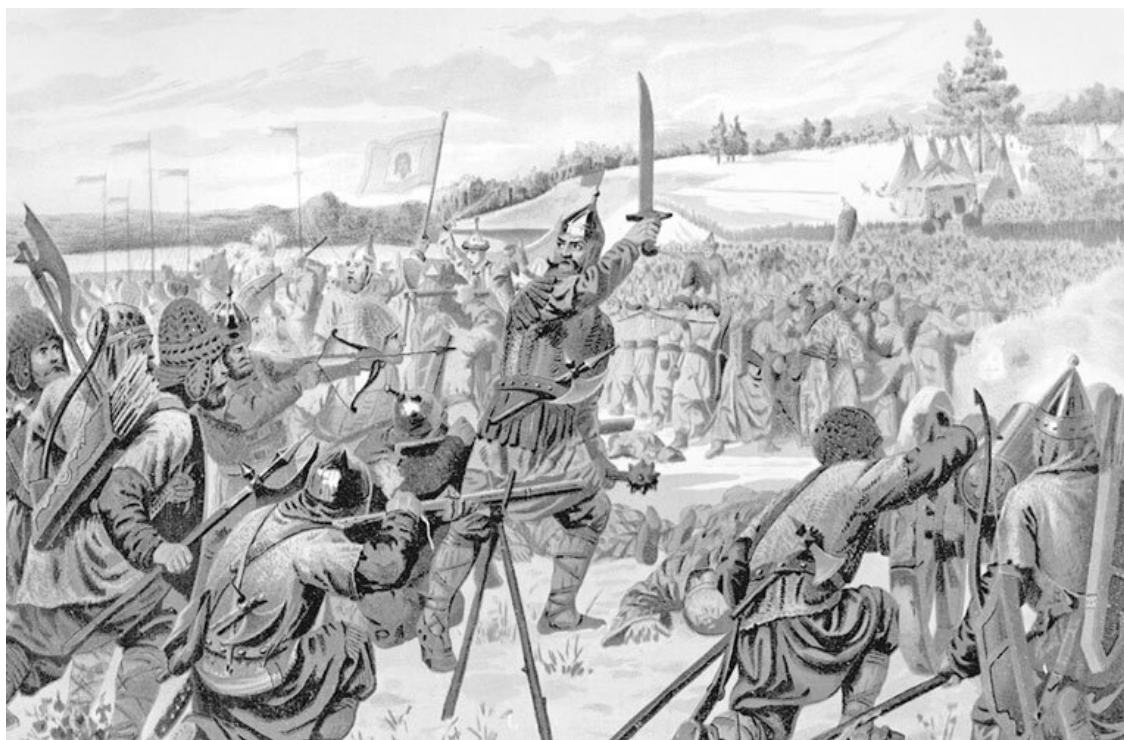

Карта Ливонской войны

Вскоре после смерти Сигизмунда-Августа Федор Зенкевич-Воропай приехал в Москву и объявил, что польско-литовская рада (совет) желает иметь королем сына Ивана Федора. Это Ивану не понравилось: ему хотелось, чтобы избрали не сына, а его самого. «Если бы вы, – сказал послу московский государь, – избрали меня своим государем, то увидели бы, какой добрый государь и защитник был бы у вас. Не зазнавались бы уже, поганые! Да что я говорю, поганые? Ни Рим, ни другое какое-нибудь королевство не могло бы ничего сделать против нас, если бы ваши земли стали с нашими заодно. Я знаю, что у вас говорят, будто я злой и запальчивый человек; правда, я гневлив и зол, не хвалю себя за это. Но спросите, на кого я зол? На того, кто против меня зол. На злых и я злой, а кто добрый, тому я не пожалею снять цепь и одежду с себя». Тут стоявший близ царя Малюта Скуратов сказал: «Благочестивый царь, преславный государь, казна твоя не убога: найдешь, чем кого жаловать!» Иван продолжал: «Литовские и польские паны знают, как богаты были мои предки, а я вдвое их богаче. Неудивительно, что ваши государства милуют своих людей; ведь и ваши люди любят своих государей! А мои люди подвели на меня крымского хана и татар: их было 40 000, а у меня только 6000. Ну равные ли силы, сами посудите! Я ничего не знал; вперед отправил шесть воевод с большими полками, а они мне не дали знать о крымцах; положим, трудно было им справиться с большими неприятельскими силами: пусть бы несколько тысяч людей потеряли, да мне принесли хотя бы одну плеть татарскую; я бы им и за то спасибо сказал! Я и тут ни на волос не испугался татар, а только увидел, что мои люди мне изменяют и предают меня, и потому немного свернул в сторону от татар. Тем временем татары напали на Москву: если бы в Москве была только тысяча человек для обороны, и тогда бы Москву отстояли; а то когда большие не хотели обороняться, то куда уж было обороняться меньшим? И что же? Москву сожгли, а меня об этом даже не оповестили! Видишь, какие изменники мои люди! После этого, если кто и казнен, то за свою вину. А у вас разве милуют изменников? Верно знаю, что их казнят. Скажи же панам польским и литовским, чтобы они, посоветовавшись, поскорее послали ко мне послов. Если Бог даст, я буду вашим государем, то обещаюсь перед Богом не только в целости сохранять ваши права и вольности, но еще умножу их. Не стану много говорить о своей доброте и злости. Если Бог даст, пусть литовские и польские паны пошлют своих сыновей на службу ко мне и детям моим. Тогда узнают, каков я – злой государь или добрый и милосердый? А что изменники мои говорят обо мне, то это у них уж такой обычай, чтобы говорить дурно о своих государях. Почти его, одари как только возможно, а он все-таки не перестанет говорить про тебя дурное!»

Послы Ермака подносят Ивану IV дары от покорителя Сибири

А. Д. Кившенко. Покорение Сибири Ермаком. Битва при Чувашиной горе в 1582 г.

Царь просил только, чтобы ему уступили Ливонию по Двину, и за то соглашался отдать назад Полоцк со всей его областью: «Если бы только паны захотели меня избрать своим государем, тогда и Ливония, и Новгород, и Псков, и Москва – все будет едино». Он отклонял намерение избрать в короли своего сына: «У меня, – говорил он, – их два, как два глаза в голове. Если мне отдать вам одного из них в короли – это все равно, что из человека сердце вырвать».

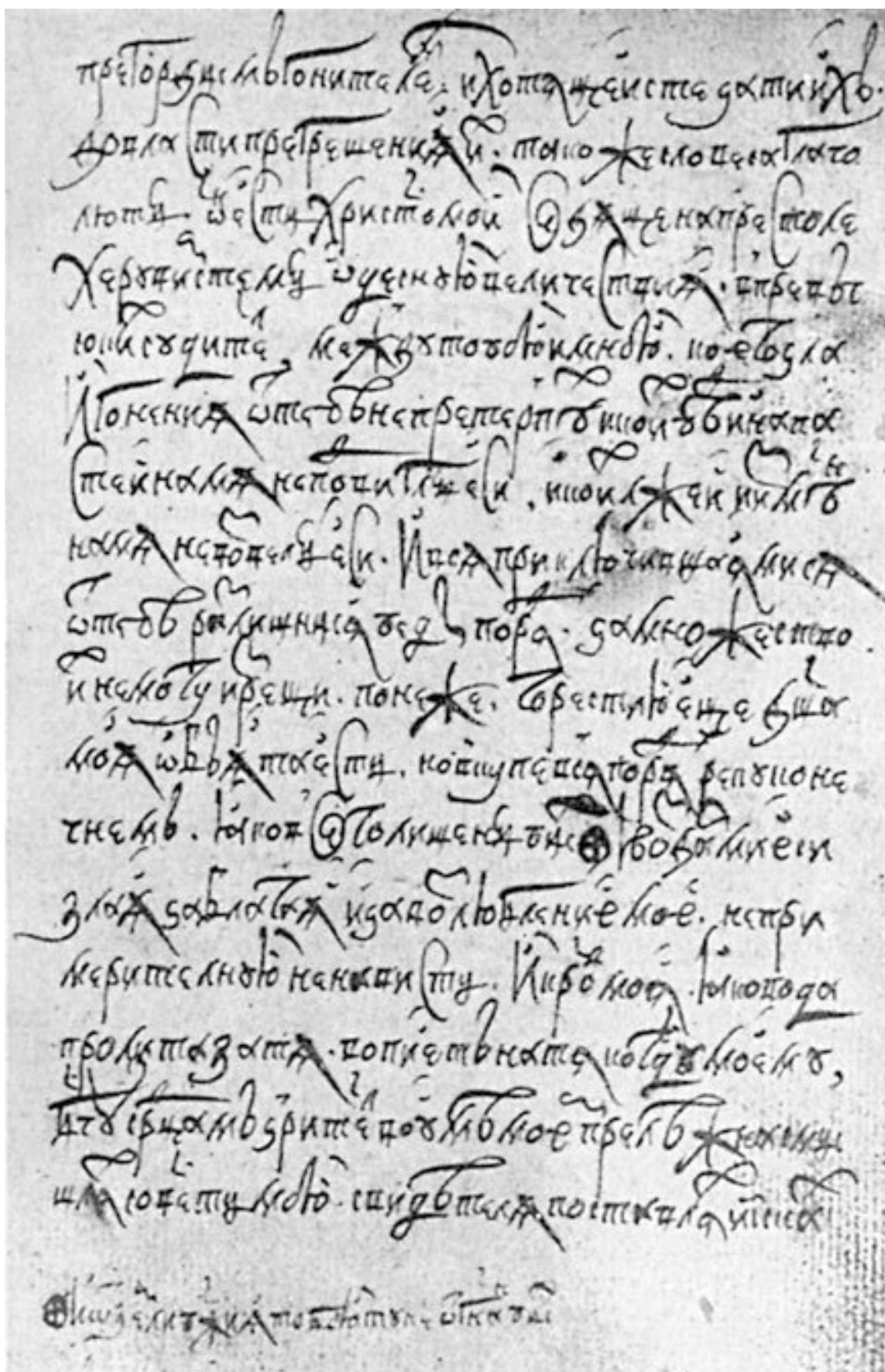
Нападение медведей на домашний скот. Рисунок А. Брандта. Начало XVII в.

Охота на белок. Рисунок А. Брандта. Начало XVII в.

Предложение московского царя не понравилось многим панам, особенно польским. Те, которые готовы были избрать царевича Федора, совсем неохотно мирились с мыслью избрать в короли свободного народа государя, который так ославился своим тиранством. Горячих католиков соблазняло и то, что царь исповедует греческую веру, хотя, впрочем, в этом отношении многие тешили себя надеждой, что царь соединит греческую веру с латинской. Прошло шесть месяцев. В Польше не остановились ни на каком выборе. Литовско-русские паны начали уже отчасти склоняться к выбору отдельного государя от Польши и хотели его искать непременно в единоверной Москве. Папский легат и вся католическая партия видели с этой стороны большую опасность. Но московский царь, так сказать, и пальцем не шевельнул в пользу дела, исполнения которого он прежде так добивался. Литовско-русские паны в феврале 1573 года отправили в Москву из своей среды пана Михаила Гарабурду изъяснить царю желание выбрать по воле самого Ивана или его, или его сына, но с тем, чтобы царь уступил Литве Смоленск, Полоцк, Усвят и Озерище, а если он отпустит в короли сына, то пусть даст ему несколько волостей. Иван говорил ни то, ни се, явно колебался, хотя не считал невозможным отпустить сына, но замечал, что он «не девка», чтобы давать за ним приданое, и прибавлял по-прежнему, что лучше бы было, если бы не сына, а его самого выбрали в короли. Гарабурда, видя, что Ивану самому хочется быть королем, сказал ему, что паны и все шляхетство склонны к тому, чтобы выбрать его на престол Великого княжества Литовского, но пусть он покажет средства, как сделать это. Иван требовал Ливонии, отдавал Полоцк, просил Киева, говоря при этом, что он

добивается его только ради имени; хотел, чтобы в титуле Москва стояла выше Польши и Литвы, чтобы венчал его на королевство православный митрополит, и в то же время делал странные замечания, противоречившие одно другому: он изъявлял подозрение, что поляки и литовцы для того-то и хотят взять у него сына, чтобы выдать турецкому государю; что он сам в старости пойдет в монастырь, и тогда паны польские и литовские должны будут выбрать одного из его сыновей; что лучше было бы, если бы само Великое княжество Литовское без Польши избрало его, а еще лучше было бы, если бы поляки и литовцы выбрали себе в короли австрийского принца Эрнеста, сына Максимилиана. Все это перепутывалось в речи Ивана несвязным образом. В заключение Иван требовал, чтобы не выбирали французского принца, грозя в таком случае войной.

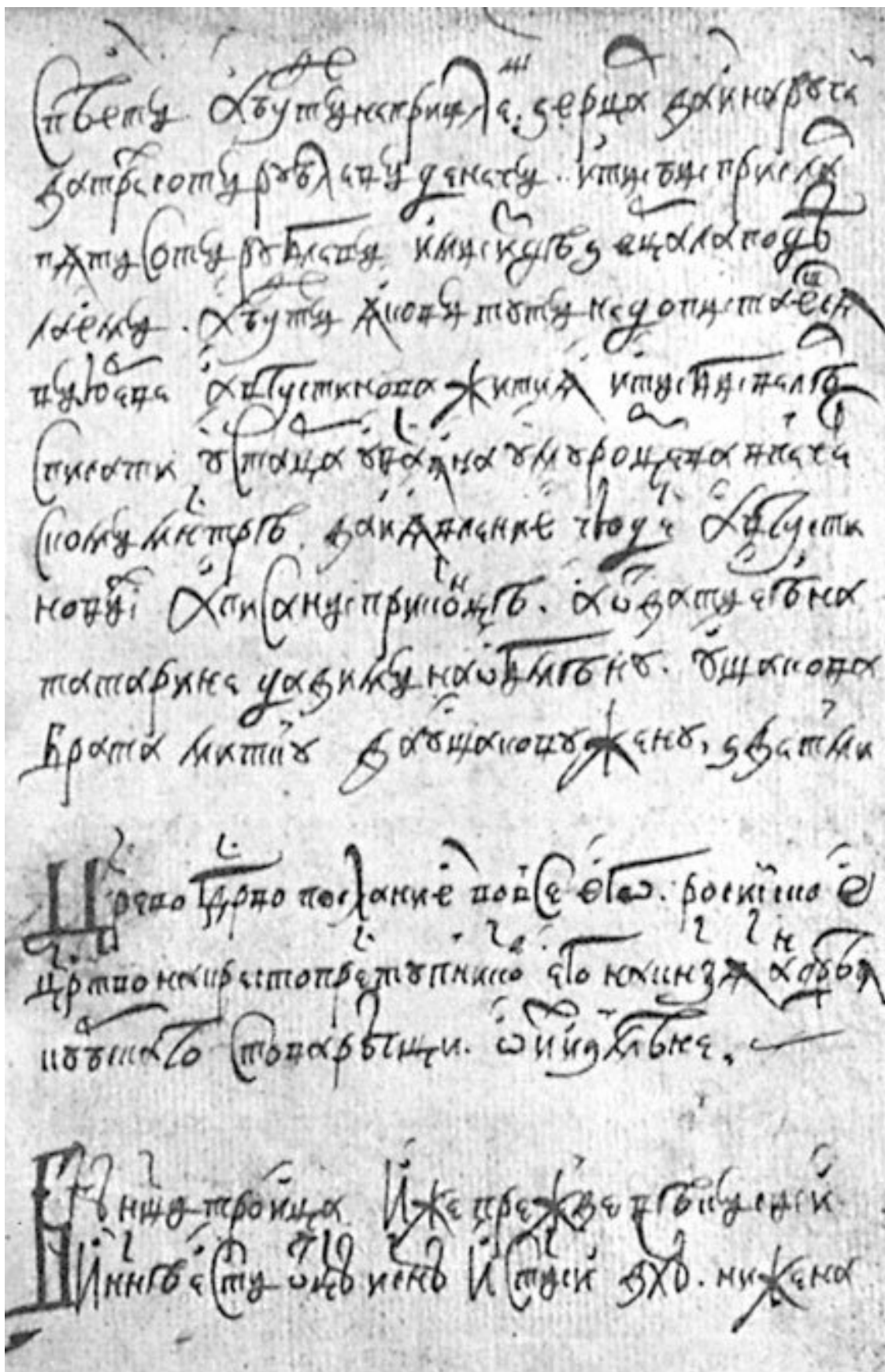

Страница из первого послания Курбского Ивану Грозному. XVI в.

Понятно, что подобный способ поведения не мог умножить в Польше и Литве количество сторонников Ивана. Между тем хитрый и ловкий французский посол Монлюк красноречием и подарками составил в пользу французского принца сильную партию в Польше. Случилось то, чего особенно не хотел московский государь: избран был французский принц Генрих д'Анжу.

Недолго пришлось быть этому государю в Польше. Не зная ни по-польски, ни по-латыни и плохо объясняясь по-итальянски, этот государь неспособен был к управлению и играл самую жалкую роль. Польские нравы были ему не под стать. Проскучал Генрих со своими французами около четырех месяцев в Польше и, услышав, что его бездетный брат Карл IX умер, он 18 июня 1574 года убежал тайно из Кракова во Францию, где и получил французский престол. Теперь в Польше и Литве по поводу выбора другого короля снова складывалась партия в пользу московского дома. Главой ее был человек очень сильный, примас королевства, гнездинский архиепископ Яков Уханский. Он сносился с царем и поучал его, как следует расположить обещаниями и дарами знатнейших панов. Но Иван действовал очень лениво, а в это же время император Максимилиан прислал к нему посольство с просьбой ходатайствовать в Польше, чтобы в короли был выбран эрцгерцог Эрнест. Иван думал было сначала устроить так, чтобы в Польше был выбран Эрнест, а в Литве он. Но такой план не нашел сочувствия у большинства панов Литвы, не говоря уже о польских панах; план этот не был по сердцу и самому австрийскому дому; и там было желание владеть совокупно Польшей и Литвой; притом же Иван, намекая на такое разделение, противоречил себе, говоря, что он будет доволен, если Эрнест будет вместе королем польским и литовским. Такое колебание было причиной, что партия, желавшая избрания короля из московского дома, совершенно исчезла. Одни паны хотели Эрнеста, другие – семиградского князя Стефана Батория. Большинство осталось за последним. В апреле 1576 года избранный Стефан Баторий прибыл в Краков и получил польскую корону на условиях, явно враждебных Московскому государству, – отнять все, что в последнее время было захвачено царем. Таким образом, вместо желанного соединения и мира Ивану Васильевичу со стороны Польши и Литвы угрожала упорная решительная война, тем более опасная, что теперь в соседней стране власть сосредоточивалась не в руках вялого и слабого телом и душой Сигизмунда-Августа, а в руках воинственного, деятельного и умного Стефана Батория.

Страница из послания Ивана Грозного Курбскому. XVI в.

После своего восшествия на престол новый король отправил посольство в Москву. Иван Васильевич рассердился за то, что Баторий называл сам себя ливонским государем и не давал московскому государю ни царского титула, ни титула смоленского и полоцкого князя. Мало этого, Иван посчитал за оскорбление и то, что польский король назвал царя своим братом. Иван заметил, что Стефан Баторий ничуть не выше каких-нибудь князей Острожских, Вельских и Мстиславских.

Гордый вызов был этим сделан со стороны московского государя. Месть была уже решена в уме Батория; он отложил ее только до укрощения внутренних беспорядков в польских владениях.

Иван тем временем поспешил покончить с Ливонией. Уже несколько лет дело покорения этой страны шло очень вяло. Еще в 1570 году, вскоре после бойни в Новгороде, по призыву Ивана приехал в Москву владетель острова Эзеля Магнус, брат датского короля. Иван женил его на своей племяннице Марии Владимировне, дочери убитого им Владимира Андреевича, и назвал Магнуса королем ливонским, с тем чтобы Магнус со своим королевством оставался под верховной властью московского государя. Сначала Иван Васильевич покушался было отнять для него у шведов Эстонию. Покушение не удалось.

В 1577 году приступил Иван Васильевич к решительным действиям в Ливонии. Так как эта страна отдалась частью шведам, частью полякам, то московский государь снова вооружал против себя сразу и тех, и других. Начали с Ревеля, принадлежавшего Швеции. Русские под начальством князя Федора Мстиславского и Ивана Васильевича Шереметева Меньшого зимой в продолжение шести недель пытались овладеть этим городом – и не успели. Не только шведы и немцы, но и чухоны дрались против русских. Крестьянское население, терпевшее притеснения от немецких баронов, прежде было расположено признать власть Москвы, но свирепость, с какой по распоряжению царя русские обращались вообще с жителями Ливонии, не различая их происхождения, до того раздражила чухон, что они составили большое ополчение под начальством Ива Шенкенберга, прозванного Аннибалом за свою храбрость, и отличались против русских бесчеловечной жестокостью: не было пощады ни одному русскому, попавшемуся им в плен. Русские, не взяв Ревеля и потеряв под этим городом своего воеводу Шереметева, вышли из Ливонии. Вслед за тем весной Иван сам вступил в Ливонию с таким огромным войском, какого еще не посылал на эту землю. Царь направился не в шведскую, а в польскую Ливонию. Успех был чрезвычайный. Город за городом сдавались. Одни города взял сам царь, другие – Магнус; в числе взятых последним были Кокенгузен, Венден и Вольмар. Тогда Магнус, которого Иван хотя и величал королем, но держал в черном теле, не давая ему ни в чем воли, написал царю из Вендена письмо; в письме он заметил, что пора уже отдать ему королевство его во владение. Царь отвечал Магнусу со злой насмешкой: «Не хочешь ли в Казань, а не то – ступай себе за море!» Вслед за тем он приказал призвать к себе Магнуса из Вендена, обвинил его в измене, в сношениях с курляндским герцогом и с поляками, обругал его и посадил под стражу. Преданные Магнусу немцы, услышав, что случилось с их королем, заперлись в венденском замке, страшась свирепства московских людей; они начали было стрелять в них; за это Иван приказал взять замок приступом и осудил на избиение всех жителей Вендена. Сидевшие в замке не видели возможности устоять против русских и сами взорвали себя на воздух. Жители города Вендена подверглись жестоким мукам и смерти, ратные люди по царскому повелению изнасиловали всех женщин и девиц.

Взяв между прочим город Вольмар, Иван вспомнил Курбского, бежавшего в этот город, написал ему письмо, в котором хвалился своими успехами; вместе с тем чванился своим смирением, называл себя блудником и мучителем и советовал Курбскому покаяться. С торжеством вернулся царь в Александровскую слободу, простил Магнуса, но обложил его на будущее время данью и не думал о том, какие последствия может иметь то обстоятельство, что он раздражил польского короля своим нашествием на польскую Ливонию.

ѦИИОТІПЯОІЯИОТІВІЯИСТЪКІЯ
ѦИИУБЪВОНІЯУБЪВАОИМОЛЮАИ

Иеркое оубо слово сотвори хъ обещхъ,
сѡдѡфиле. онѣже начатъ іс, что
ригѣже ноучити. донегоже дне,
заповѣдакъ апломъ дхомъ стѣи,
и хъже и збрѣво знесеса. и реніи мже
и по стѣкн себе живѣа по стѣрадѣни
скоѣмъ. во мнозехъ истинныхъ знаме
нїихъ. дѣлми четѣридесѣтлми іаклѣ
таса и мъ и глѣ іакже оцрѣвїи кѣжїи. си
мже и глѣды, покелѣваше и мъ ѡтѣреллїи
ма не ѡдѣчнса. но ждѣти о кѣтѣкѣнїе
ѡтѣе, ѣже слышлѣте ѡ мене. іакѡ іѡаннѣ
оубо крѣчїлѣ ѣсѣть водон. кѣже и мѣте кре
стїтнса дхомъ стѣимъ, непомнозѣхъ
снхъ дне. онѣже оубо сшѣшеса, вѡрашахѣ

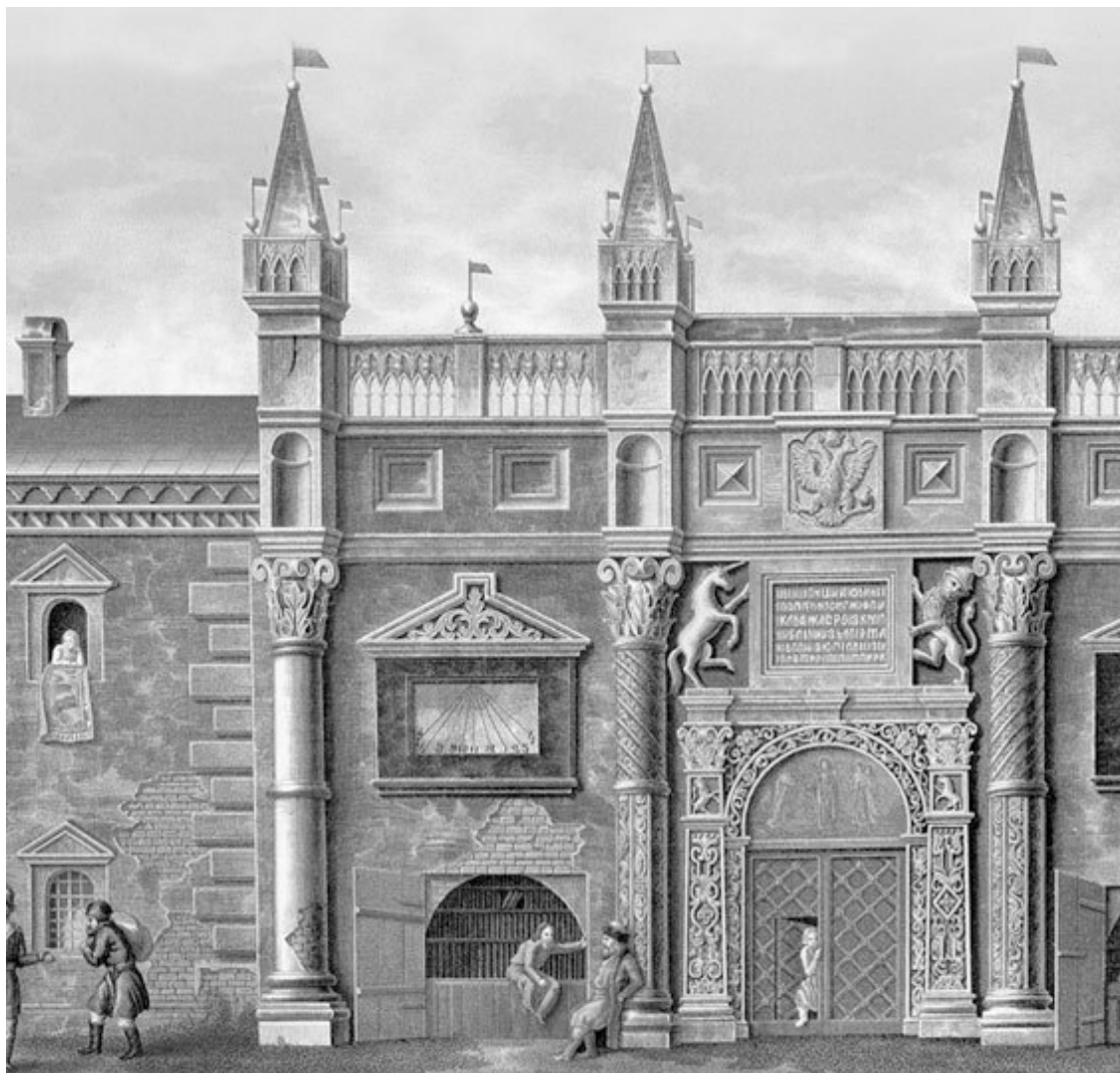
За
га

во стѣво и блѣнѣво илѣ пѣсхн. инако знесенїе
гнѣ

Страница первой печатной книги, изданной Иваном Федоровым

Иван опять принялся за казни – свое любимое занятие. Еще перед отъездом в Ливонию он пригласил к себе новгородского архиепископа Леонида, человека корыстолюбивого, вызвавшего против себя ненависть в своей епархии, приказал зашить его в медвежью шкуру и затравить собаками. Идя в Ливонию или возвращаясь оттуда, Иван Васильевич заехал в Псково-Печерский монастырь: тамошний игумен Корнилий встретил его; царю бросились в глаза сильные укрепления монастыря, сооруженные за свой счет Корнилием, происходившим из боярского рода. Ивану это показалось подозрительным; вспомнилось бывшее, закипело сердце, и он убил Корнилия своим жезлом – «предпослал его царю земной царю небесному», как гласит надпись над гробом Корнилия. Прибывший в Слободу царь разделялся с боярами. Хлоп князя Михаила Воротынского обвинил своего господина в чародействе. Иван давно уже ненавидел этого боярина. Его недавние успехи над татарами только увеличивали подозрительность царя. Иван приказал подвергнуть Воротынского пытке огнем в своем присутствии, сам, как рассказывают, подгрел своим жезлом уголья под его тело, а потом отправил измученного боярина в ссылку на Белоозеро. Воротынский умер в пути. Тогда же были казнены князья Никита Романович Одоевский, Петр Куракин, боярин Иван Бутурлин, несколько окольничих и других лиц, в их числе Собакины – дядя и брат Марфы, одной из бывших цариц. В это же время замучен был любимец Ивана князь Борис Тулупов, которого посадили на кол и перед его глазами с варварским бесстыдством истязали его старую мать. Несколько позднее был замучен любимец Ивана врач Елисей Бомелий. Очевидец англичанин рассказывает, что врачу вывернули из суставов руки, вывихнули ноги, изрезали спину проволочными плетями, потом в этом виде привязали к деревянному столбу и поджаривали, наконец еле живого посадили на сани, повезли через Кремль и бросили в тюрьму, где он тотчас умер.

Ливонский поход не мог остаться без отмщения со стороны Батория, давшего при своем восшествии на польский престол обещание возратить Польше то, что еще прежде было в руках московского царя. Баторий отправил к царю посольство с требованием возратить отнятые ливонские города. На это отвечали в Москве, что царь не только требует Ливонию и Курляндию, но еще Киев, Витебск, Канев и другие города. Послам объявили, что бывший дом Ягеллонов происходил от полоцких князей Рогволодичей и на этом основании московский государь (как родич последних) считает Великое княжество Литовское и королевство Польское своим наследием. Царь не хотел называть Батория братом, а называл его только соседом и приказывал через своих бояр перед польскими послами произносить разные оскорбительные речи от его имени: «Ваш король Стефан не ровня нам и братом быть не может. Мало кого выберете вы себе в короли! Носились слухи, что вы хотите посадить себе на королевство Яна Костку или Николая Радзивилла. Что ж, по вашему избранию разве и этих считать нам братьями? Ваш король недостойн такого великого сана; можно бы и хуже что-нибудь сказать про него, да не хотим для христианства».

Печатный двор в Москве в XVII столетии

После такого приема война была решена. Вести ее Баторию было нелегко; поляки и литовцы вовсе не отличались воинственным духом и не давали королю денег. Баторий при помощи канцлера и гетмана Яна Замойского преодолел большие трудности, употребил на военные издержки собственные деньги, пригласил опытную венгерскую и немецкую пехоту, снарядил исправную артиллерию. К счастью для Польши Швеция также взялась за оружие против царя. Первое столкновение произошло в Ливонии. Магнус, которому Иван, простив его, дал Оберпален, передался Баторию. Русские воеводы по царскому приказу двинулись на Венден, но были окружены и разбиты наголову соединенными польскими и шведскими войсками. Главные предводители пали в битве⁵⁵; другие попали в плен; иные бежали. Царь Иван Васильевич тем временем с большим войском выступил в Новгород и вдруг услышал, что его войска разбиты и Баторий подступает к Полоцку. 29 августа 1579 года венгерская пехота зажгла стены Полоцка. Петр Волынский, один из бывших там со стрельцами русских воевод, послал сказать Баторию, что они сдаются. Другие воеводы и с ними полоцкий владыка Киприан не соглашались и хотели взорвать себя на воздух, но их не допустили до этого, вытащили из церкви Св. Софии и привели к королю. Многие перешли тогда на службу к Баторию; другие были отпущены в отечество и возвращались с полной уверенностью, что государь казнит их. Вслед за

⁵⁵ Князь Василий Сицкий, окольный Василий Воронцов и др.

Полоцком был взят приступом город Сокол; воеводу Федора Шереметева взяли в плен; другого воеводу, Бориса Шеина, убили. Кровопролитие было сильное, русские бросали оружие, молили о пощаде, но их кололи и били. В то же время князь Константин Острожский забирал города в Северной области, а Кмита опустошил Смоленскую область. Баторий давал своим военачальникам строгое приказание не позволять мучить мирных жителей, не истреблять их полей, объявлял в своем манифесте, что воюет с московским царем, а не с народом. К довершению несчастий для русских шведы захватили Корелию и Ижорскую землю.

Иван находился с войском во Пскове и услышал там о новом поражении своих войск. Все его высокомерие исчезло. Он пришел в ужас и ушел в Москву. На этот раз царь не казнил беглецов; он боялся восстания народного и приказал в Москве дьяку Щелкалову успокаивать народ. Назло ему и к большей его досаде Курбский прислал ему тогда язвительное письмо, противопоставляя прежнюю славу своего отечества настоящему посрамлению: «Вместо храбрых и опытных мужей, избитых и разогнанных тобою, ты посылаешь войско с каликами, воеводишками твоими, и они, словно овцы или зайцы, боятся шума листьев, колеблемых ветром; вот ты потерял Полоцк с епископом, клиросом, войском, народом, а сам, собравшись с военными силами, прячешься за лес, хороняка ты и бегун! Еще никто не гонится за тобой, а ты уже трепещешь и исчезаешь. Видно, совесть твоя вопиет внутри тебя, обличая за гнусные дела и бесчисленные кровопролития!»

Представление скоморохов (по А. Оларию)

В январе 1583 года царь созвал собор из всех главнейших церковных сановников, представил им, что неверные соседние государи – литовский, турецкий, крымский и шведский, а также ногаи, поляки, угры, лифляндские немцы, как дикие звери, распалившись гордостью, хотят истребить православие, а между тем множество сел, земельных угодий находятся у епископий и монастырей, служат только для пьянственного и непотребного жития монахов; иные

остаются в крайнем запустении, а через это служилое военное звание терпит недостаток. Собор не смел противоречить и постановил, чтобы впредь епископий и монастыри не принимали вотчин по душам, не брали их в залог, а равным образом не продавали вотчин и не давали на выкуп тех из них, которые уже за ними утверждены крепостями. Это уже было не первое распоряжение в таком роде, и замечательно, что царь, делая постановления об ограничении прав епископий и монастырей приобретать вотчины, сам нарушал свои постановления и давал то тому, то другому монастырю грамоты на вотчины. Главное, чего добивался Иван, – это возможность попользоваться временно за счет церкви. Таким образом, постановлением того же собора царю предоставлялось право забрать на себя все княжеские вотчины, какие прежде были отданы или проданы церковному ведомству, также и все заложенные земли, а денежное вознаграждение за них предоставить милости государя. Наконец решено было в виде проекта составить подробный инвентарь доходам епископов и монастырей и оставить им по равной части соответственно их сану, то есть одинаковую часть всем архиепископам и одинаковую всем епископам, а также монахам и монахиням оставить поровну, столько, чтобы они имели достаточное одеяние и пропитание и ни в чем не терпели скудости, а все излишнее брать на устройство войска. Но для этого нужно было время. Современник англичанин говорит, что после этого собора кроме многих недвижимых имений, которые по соборному постановлению переходили на государя, царь взял с духовенства огромную сумму на военные издержки⁵⁶.

Пир (по А. Олеарию)

Таковыми мерами доискивался Иван Васильевич средств для ведения войны, а между тем отправил к Баторию посольство, но уже не приказывал своим послам каких-нибудь оскорбительных выходок, напротив, велел им не обращать внимания, если король не спросит о царском

⁵⁶ До 300 000 фунтов стерлингов. Вероятно, англичанин преувеличивает эту сумму.

здоровье и не встанет с места, когда они будут отдавать ему поклон от московского государя. В другое время по общепринятым обычаям это было бы сочтено большим оскорблением. Мало того: если послов станут бесчестить и бранить, то им следовало на это жаловаться приставу слегка, а не говорить «прятко». Унижение не помогло. Баторий обращался с послами гордо и готовился снова идти на Ивана. Поляки, как и прежде, не давали своему королю денег, даже упрекали его и не хотели вовсе войны. Замойскому с трудом удалось уговорить сейм не заключать мира. Баторий и теперь жертвовал в пользу Польши свои собственные деньги; и Замойский дал ему на войну свои средства. Из Венгрии выписали еще пехоты. Наконец Баторий и Замойский выдумали новое средство набрать войско – они объявили крестьянам королевских имений со всем их потомством свободу от всяких повинностей, если те пойдут в военную службу: положили таким образом взять с двадцати человек одного.

Зима и весна прошли в приготовлениях, и только 16 июня 1580 года Баторий выступил с войском из Вильны. Московские послы являлись один за другим. Их не слушали; над ними ругались. Баторий требовал Новгорода, Пскова и Великих Лук со всеми их землями, само собой разумеется, не ожидая удовлетворительного ответа на свой запрос. Поход Батория был успешен, как нельзя более. Замойский взял Велиж; покорены были и другие города. В августе сам Баторий осадил Великие Луки.

6 сентября этот город был взят, затем взяты были Невель, Озерище, Заволочье, Торопец. Шведский полководец Делагарди отнял у русских Везенберг и начал покорять другие ливонские города. С наступлением осени Баторий уехал в Польшу, но партизанская война продолжалась и зимой. Литовцы взяли Холм и Старую Русу, а запорожские казаки со своим гетманом Оришевским врываются в южные пределы Московского государства и опустошали их.

В то время, когда Баторий брал у Ивана город за городом, сам Иван отпраздновал у себя разом два брака. Сначала женился сын его Федор на Ирине Федоровне Годуновой (вследствие этого брака был приближен к царю и получил боярство знаменитый в будущем Борис Федорович Годунов). Затем Иван выбрал из толпы девиц себе в жены Марию Федоровну Нагую⁵⁷. Торжества по поводу свадеб (имевших в истории печальные последствия) вскоре сменились скорбью и унижением, когда царь узнал, что творится с его войском. Еще раз отправил он посольство просить приостановки военных действий для заключения мира и не только называл Стефана Батория братом, но дал своим гонцам наказ терпеливо сносить всякую брань, бесчестье, даже побои. Иван отказывался от Ливонии, но Баторий требовал 400 000 червонцев контрибуции. Польский король, потешаясь унижением и малодушием врага, отправил к московскому царю своего гонца Лопатинского с письмом, очень характеристичным: «Как смел ты попрекать нас басурманством, – писал он московскому властелину (то есть тем, что Баторий был вассалом турецкого султана), – ты, который кровью своей породнился с басурманами, твои предки, как конюхи, служили подножками царям татарским, когда те садились на коней, лизали кобылье молоко, капавшее на гривы татарских кляч! Ты себя выводил не только от Пруса, брата Цезаря Августа, но еще производишь от племени греческого; если ты действительно из греков, то разве – от Тиэста, тирана, который кормил своего гостя телом его ребенка! Ты – не одно какое-нибудь дитя, а народ целого города, начиная от старших до наименьших, губил, разорял, уничтожал, подобно тому, как и предок твой предательски жителей этого же города перемучил, изгубил или взял в неволю... Где твой брат Владимир? Где множество бояр и людей? Побил! Ты не государь своему народу, а палач; ты привык повелевать над подданными, как над скотами, а не так как над людьми! Самая величайшая мудрость: познать самого себя; и чтобы ты лучше узнал самого себя, посылаю тебе книги, которые во всем свете о тебе

---

⁵⁷ Замечательно распределение свадебных чинов на этой царской свадьбе: посаженным отцом царя был его сын Федор, будущий московский царь, друзьями со стороны жениха – князь Василий Иванович Шуйский, а со стороны невесты – Борис Федорович Годунов, оба затем ставшие московскими царями.

написаны; а если хочешь, еще других пришлю: чтобы ты в них, как в зеркале, увидел и себя и род свой... Ты довольно почувствовал нашу силу; даст Бог, почувствуешь еще! Ты думаешь: везде так управляют, как в Москве? Каждый король христианский при помазании на царство должен присягать в том, что будет управлять не без разума, как ты. Правосудные и богобоязненные государи привыкли сноситься во всем со своими подданными и с их согласия ведут войны, заключают договоры; вот и мы велели созвать со всей земли нашей послов, чтоб охраняли совесть нашу и учинили бы с тобою прочное установление; но ты этих вещей не понимаешь...» Баторий предлагал Ивану во избежание пролития крови сразиться с ним на поединке. «Курица, – писал между прочим Баторий, – защищает от орла и ястреба своих птенцов, а ты, орел двуглавый, от нас прячешься» и пр.

Иван стал себе искать посредников и отправил гонца Шевригина в Вену и в Рим просить ходатайства императора и папы о заключении мира с Баторием. Император Рудольф отклонил свое посредничество, но папа Григорий XIII с радостью ухватился за это дело, потому что увидел возможность попытаться: нельзя ли склонить московского царя к соединению церковей и к признанию папской власти. Папа выбрал для этой цели знаменитого в свое время ученого богослова Антония Поссевина.

Пока составлялись планы примирения, Баторий и Замойский всеми силами старались склонить сейм к продолжению войны; они представляли необходимость воспользоваться счастливым временем, чтобы надолго сломить силу Московского государства и остановить завоевательные стремления царя. Поляки хотя и расхваливали короля за его военные доблести, но по-прежнему не расположены были вести долгой войны и дали позволение своему королю еще на один поход, но не иначе, как с условием, чтобы этот поход против Москвы стал последним и после него непременно было заключено перемирие. Баторий занял денег у прусского герцога и у других владельцев немецких, вызвал из Европы свежее наемное войско численностью до ста семидесяти тысяч и летом 1581 года двинулся на Псков. Со своей стороны Московское государство ополчалось до последних сил, так что у Ивана могло набраться, как показывают современники, ратных людей тысяч до трехсот, но это было непривычное к бою и неопытное войско; к тому же тогда боялись нашествия крымского хана, поэтому невозможно было сосредоточить все силы против Батория ввиду необходимости составить оборону против татар. Кроме того, приходилось защищаться и против шведов.

В Пскове было до 30 000 русских. Главное начальство над ними было поручено князьям Василию Федоровичу Скопину-Шуйскому и Ивану Петровичу Шуйскому.

Поход Батория был сначала очень успешен. Он взял псковские пригороды Опочку и Красный; 20 августа поляки и венгры пробили каменную стену Острова, разрушили башню, и старый воевода, начальствовавший в Острове, сдался на милосердие короля. В конце августа 1581 года Баторий появился под стенами Пскова. Удобное время уже было пропущено; весна и лето прошли в приготовлениях и сборах: иначе и быть не могло, так как поляки не давали своему королю никаких средств. Началась продолжительная осада. Русские на этот раз защищались упорно. 8 сентября Баторий сделал пролом в стене, взял две башни, войско его уже врвалось в город; но русские, ободряемые князем Шуйским, выгнали врагов и подняли на воздух Свиновую башню, которой овладели было королевские воины. Баторий потерял сразу до 5000 человек. После этой неудачи король и Замойский с большим трудом поддерживали дисциплину в войске. Наступила глубокая осень; началась дурная погода; еще другой-третий раз делали приступ, рыли подкопы – ничто не удавалось! Баторий отправил отряд овладеть Псково-Печерским монастырем – и там не было удачи.

Король объявил, что решается во что бы то ни стало взять Псков осадой и будет зимовать под городом, приказывал копать землянки и строить избы для воинов; а тем временем в его стане ощущался недостаток съестных припасов, все было дорого, убегали люди падали лошади. Отойти от Пскова, не взяв его и не заключив мира, стало бы срамом для Батория: ропоту в

Польше не было бы предела. Баторий потерял бы свою воинскую честь и свое нравственное влияние.

Но и положение московского государя от неудач Батория не улучшалось. Шведы одерживали над русскими победу за победой. Шведский генерал взял Нарву, захватил часть Новгородской земли, овладел Корелой, берегами Ижоры, городами Ямом и Копорьем. Магнус взял Киремпель; ливонские города были отняты у русских почти все. Радзивилл, сын виленского воеводы, с казаками и литовскими татарами, вступив в глубь неприятельской земли, доходил почти до Старицы, где находился тогда Иван Васильевич. Долгие мучительства и развращение, посеянное в народе Опричниной, приносили свои плоды: русские легко сдавались неприятелю и переходили на службу к Стефану Баторию; один Псков представлял счастливое исключение благодаря тому, что там находился умный и деятельный Иван Петрович Шуйский. Царь трепетал измены, боялся посылать от себя войско; ему представлялось, что его самого схватят и отвезут к Баторию. Понятно, что Ивану нужен был мир как можно скорее. Упорство Пскова и нежелание поляков давать средства своему королю на продолжение войны невольно приводили и Стефана Батория к тому же.

Посредник, назначенный папой, иезуит Антоний Поссевин, посетил сначала Батория, дал ему как католику свое благословение на бранные подвиги, а потом прибыл к московскому государю и виделся с ним в Старице. Как духовное лицо и как посланник папы Поссевин сразу заявил, что его гораздо более занимает вопрос о соединении церквей, чем о примирении с поляками. В числе подарков, привезенных им от папы, была книга о Флорентийском соборе, которому Западная церковь придавала смысл великого Вселенского собора, уже соединившего Восточную церковь с Западной. Поссевин представлял царю Ивану Васильевичу большие выгоды от соединения, указывал на возможность всеобщего ополчения христианских держав против турок. Царь принял иезуита чрезвычайно ласково и почтительно, не лишил его надежды на предполагаемое церковное соединение, но не обещал ничего положительного и просил его прежде всего о заключении мира, сколько-нибудь выгодного для московского государя. Антоний уехал от царя с надеждой опять приехать к нему после заключения мира, уже исключительно по делам веры.

При посредничестве Антония в деревню Киверову Горку, в пятнадцати верстах от Запольского Яма, в декабре 1581 года съехались с обеих сторон уполномоченные⁵⁸. Им пришлось жить в крестьянских курных избах, терпеть зимний холод и недостаток, даже пить снежную воду. Вокруг все было опустошено.

Антоний Поссевин явно мирволил польской стороне; московские послы упрямылись, желая выговорить себе более выгодные условия; шли споры о титулах и словах, так что однажды иезуит разгорячился, вырвал у них из рук бумагу, даже схватил одного из них за воротник шубы, повернул, пуговицы оборвал на шубе и сказал: «Ступайте вон! Я с вами ничего не буду говорить!» Наконец после трех недель бесполезных споров, 6 января 1582 года, обе стороны подписали перемирие на десять лет. По этому перемирию московский государь отказался от Ливонии, уступил Полоцк и Велиж, а Баторий согласился возвратить взятые им псковские пригороды.

---

⁵⁸ От Батория – Ян Збаранский, князь Альбрехт Радзивилл и секретарь Великого княжества Литовского Гарабурда. От Ивана Васильевича – князь Елецкий и Алферьев.

Н.В.Неврев. Василиса Мелентьевна и Иван Грозный

После заключения мира Поссевин отправился в Москву с давно желанной целью привести царя к соединению с Западной церковью.

В Александровской слободе случилось между тем потрясающее событие: в ноябре 1581 года царь Иван Васильевич в порыве запальчивости убил железным посохом своего старшего сына, уже приобретшего под руководством отца кровожадные привычки и подававшего надежду, что после смерти Ивана Васильевича будет в его государстве совершаться то же, что творилось при нем. Современные источники по-разному объясняют причину этого события. В наших летописях говорится, что царевич начал укорять отца за его трусость, за готовность заключить с Баторием унижительный договор и требовал выручки Пскова; царь, разгневавшись, ударил его так, что тот заболел и через несколько дней умер. Согласно с этим повествует современный историк Ливонской войны Гейденштейн; он прибавляет, что в то время народ волновался и оказывал царевичу особое перед отцом расположение, поэтому отец рассердился на сына. Антоний Поссевин (бывший через три месяца после того в Москве) слышал об этом событии иначе: приличие того времени требовало, чтобы знатные женщины надевали три одежды одна на другую. Царь застал свою невестку, жену Ивана, лежавшей на скамье в одной только исподней одежде, ударил ее по щеке и начал колотить жезлом. Она была беременной и в следующую ночь выкинула. Царевич стал укорять за то отца: «Ты, – говорил он, – отнял уже у меня двух жен, постриг их в монастырь, хочешь отнять и третью, и уже умертвил в утробе ее моего ребенка». Иван за эти слова ударил сына изо всех сил жезлом в голову⁵⁹. Царевич упал без чувств, заливаясь кровью. Царь опомнился, кричал, рвал на себе волосы, вопил о помощи, звал медиков... Все было напрасно: царевич умер на пятый день и был погребен 19 ноября в Архангельском соборе. Царь в унынии говорил, что не хочет более царствовать, а пойдет в монастырь; он собрал бояр, объявил им, что его второй сын Федор неспособен к правлению, предоставлял боярам выбрать из своей среды царя. Но бояре боялись: не испытывает ли их царь Иван Васильевич и не перебьет ли он затем и того, кого они выберут, и тех, кто будет выбирать нового государя. Бояре умоляли Ивана Васильевича не идти в монастырь, по крайней мере до окончания войны. С тех пор много дней царь ужасно мучился, не спал ночей, метался как в горячке. Наконец мало-помалу он стал успокаиваться, начал посылать богатые милостыни по монастырям, отправлял дары и на Восток, чтобы молились об успокоении души его сына. В то время усиленно вспоминал он погубленных и замученных им, вписывал их имена в синодики, а когда не мог пересчитать их и припомнить по именам, писал просто: «Их же ты, Господи, веси!»

Антоний приехал в Москву спустя три месяца после убийства царевича; он еще застал царя и весь двор в черных одеждах, с отросшими волосами (по придворному обычаю). Иезуиту хотелось устроить религиозное прение о вере с царем и убедить его силой своих доводов. Но Иван не изъявлял на то большой охоты. «Что спорить о вере, – говорил он, – каждый свою веру хвалит. Мне уже пятьдесят первый год, воспитался я в истинной христианской вере и переменять мне ее не годится! Придет страшный суд, и тогда Господь рассудит: какая вера правая, наша или латинская?» – «Святой отец, – сказал Антоний, – вовсе не хочет, чтобы ты менял древнюю греческую веру, основанную на учении Святых отцов и постановлениях Святых соборов. Он хочет только, чтоб ты исследовал: что есть истинного, и то утвердил в своем царстве. Он хочет, чтобы во всем мире была одна церковь; и мы бы ходили в греческую к вашим священникам, и ваши ходили бы к нашим». Антоний распространился об истории церкви, а в особенности о Флорентийском соборе, и заключил свою речь такими словами: «Если ты, великий государь, вступишь с папой в соединение, то не только будешь государем на прародительской отчине своей в Киеве, но и в царствующем граде Константинополе; и папа, и цезарь, и все государи будут об этом стараться». – «Не сойтись нам с тобою, – сказал на это Иван, – наша вера христианская, а не греческая, была издавна сама по себе, а римская сама

⁵⁹ Царевич женился трижды: его первая жена была Евдокия Сабурова, вторая – Соловая, третья – Шереметева по имени Елена Ивановна. По русскому известию, царь отколотил Бориса Годунова, который вздумал защищать царевича.

по себе; греческой наша вера называется оттого, что пророк Давид за много лет до Рождества Христова пророчествовал: от Ефиопии предварит рука ее к Богу, а Ефиопия то место, что Византия, а Византия первое государство греческое просияло в христианстве».

Показав таким образом свою ученость, царь повторил, что не хочет спорить о вере, дабы через то не сделалась рознь с папой и не порвалась бы взаимная любовь между папой Григорием и московским государем.

Антоний уверял, что розни не будет, и просил государя вести с ним прение о вере. Иван сказал: «О больших делах мы с тобой говорить не хотим, чтобы тебе не было досадно, а вот малое дело. У тебя борода подсечена, а бороды подсекать и подбривать не велено ни попу, ни мирским людям. Ты в римской вере поп, а бороду сечешь. Откуда это взял и по какому учению?»

«Я бороды не секу и не брею», – сказал Антоний.

Иван продолжал: «Сказывал нам наш паробок Шевригин, что папа Григорий сидит на престоле и носят его, и целуют ногу; а на сапоге крест, а на кресте распятие. Прилично ли это?»

Поссевин распространялся о достоинстве и величии папы, об особенной благодати над Римом, о которой свидетельствовало множество мощей в этом городе; доказывал, что папа садится на престол не для гордости, а для благословения многочисленного народа, что поклонение ему делается в воспоминание того, как в древние времена народ падал к ногам апостолов, проповедовавших ему веру, заключил, наконец, свою речь тем, что и государя следует величать, славить и припадать к его ногам. С этими словами иезуит поклонился Ивану Васильевичу в ноги.

Но Иван Васильевич на это сказал: «Нас, великих государей, пригоже почитать по царскому величеству, а святителям надо смирение показывать и не возноситься выше царей. Папа Григорий называется сопрестольником Петру Апостолу, а по земле не ходит и велит себя на престоле носить; значит – он хочет Христу подобииться! Папа не Христос, и престол, на чем папу носят, не облако, и те, что носят его, не ангелы! Который папа поступает по Христову учению и по апостольскому преданию – тот сопрестольник великим папам и апостолам; а который папа начнет жить не по Христову учению и не по апостольскому преданию – тот папа волк, а не пастырь».

«Если папа волк, а не пастырь, – сказал Антоний, – то мне и говорить нечего; зачем же ты и посылаешь к нему о своих делах? И ты, и его предшественники всегда называли его пастырем церкви».

Царь начинал сердиться. Зная его нрав, Поссевин и его товарищи боялись, чтобы он не хватил кого-нибудь своим жезлом, и потому Поссевин старался успокоить его льстивыми словами. Царь тогда сказал: «Вот я говорил, что нам нельзя говорить о вере. Без раздорных слов не обойдется. Оставим это».

4 марта, в воскресенье Великого поста, царь пригласил Антония идти в церковь смотреть богослужение. Иезуит догадался, что царь это делает для того, чтобы присутствие папского посла в церкви служило для народа доказательством уважения иноверцев к русской вере. Антоний отвечал, что ему известны обряды греческой церкви, а участвовать в них наравне с митрополитом он не может до тех пор, пока митрополит не будет укреплен в вере тем, кто сидит на престоле Петра, которому Господь сказал: утверждай братию свою. «Вы, – говорил он, – упрекаете нас в том, что святой отец сидит на престоле, а у вас митрополит моет себе руки, и этой водой люди окропляют себе глаза и другие части тела, и перед вашими епископами кланяются в землю».

«Эта вода, – отвечал царь, – знаменует воскресение Христово».

Поссевин, однако, должен был из уважения к царю идти в церковь, причем Иван сказал: «Смотри, чтобы за тобой лютеране не вошли».

«Мы с лютеранами общения не имеем», – отвечал иезуит.

Приблизившись к церкви, Антоний постарался тотчас улизнуть. Все думали, что царь рассердится, но Иван Васильевич потер себе лоб и сказал: «Ну, пусть делает как знает».

Антоний никак не мог добиться не только обещания подчиниться папе, но даже и дозволения строить для католиков костелы, хотя позволялось приезжать священникам римско-католической веры. Антоний уехал.

Запольский мир, заключенный с Баторием, оставил войну царя Ивана Васильевича со Швецией нерешенной. Мало этого: Баторий готов был сам воевать со шведами, так как считал всю Ливонию достоянием Польши и Литвы, а Швеция удерживала в своей власти Эстонию. Сейм не допустил Батория до войны, потому что поляки не хотели воевать ни с кем. Неприязненные отношения Московского государства со Швецией продолжались до мая 1583 года без всяких важных успехов с той и другой стороны, наконец прекратились перемирием на три года, заключенным на реке Плюсе. Швеция оставалась в выигрыше и удерживала за собой не только Эстонию, но и русские города Ям и Копорье с их землями, захваченные во время войны. Таким образом, западные пределы государства суживались, терялись плоды долговременных усилий; на востоке, за Волгой, было беспокойно. Черемисы с начала покорения Казани не хотели повиноваться русской власти, беспрестанно восставали, а в последнее время горячо и единодушно поднялись за свою свободу и вели войну с упорством. Один за другим посылались воеводы с ратями и долго не могли укротить черемисов, которые защищались от их покушений в своих дремучих лесах, не хотели и слышать о платеже наложенного на них ясака, а при случае делали набеги и разорения. Покорить их можно было только построением русских городов: тогда с этой целью был построен Козьмодемьянск. Мало-помалу стал освобождаться Иван от своей тоски по убитому сыну, а с нею вместе начали проходить угрызения совести, и царь стал опять проявлять признаки обычного свирепства. Ратные люди, так трусливо сдававшиеся Баторию, оставались на первых порах без наказания, но после заключения мира вспомнил о них Иван, собрал и казнил мучительнейшим образом. По сказанию одного иностранного историка, их погибло до 2300 человек. Царь страдал под гнетом своего унижения. Ливония, которой он так добивался, ускользнула из его рук; он хотел вылить свою злобу над ливонскими пленниками, которых у него было очень много. Иван приказал привести толпу этих несчастных, пустил на них медведей и сам, стоя у окна, любовался, как пленники напрасно старались отбиться от зверей и как медведи рвали их на куски. Иван Васильевич тогда и над близкими к себе людьми придумывал затейливые мучительства. Так, однажды царский тесть Федор Нагой наговорил на Бориса Годунова, что тот не является ко двору, притворяясь больным после того, как Иван отколотил его своим жезлом. Царь сам внезапно прибыл к Борису, который показал ему свои раны и заволоки, сделанные врачом. Тогда Иван Васильевич приказал сделать заволоки на руках и груди своего тестя, совершенно здорового.

К.Е. Маковский. Смерть Ивана Грозного

Женившись на Марии Нагой, Иван вскоре невзлюбил ее, хотя она уже была беременна. Он задумал жениться на какой-нибудь иностранной принцессе царской крови. Англичанин медик по имени Роберт сообщил ему, что у английской королевы есть родственница Мария Гастингс, графиня Гоптингтонская. Иван отправил в Лондон дворянина Федора Писемского узнать о невесте, поговорить о ней с королевой и вместе с тем изъявить желание от имени царя заключить тесный союз с Англией. Условием брака было то, чтобы будущая супруга царя приняла греческую веру и чтобы все приехавшие с ней бояре и боярыни также последовали ее примеру. Хотя царь и заявлял у себя дома о неспособности царевича Федора, но Писемскому не велел говорить этого королеве; напротив, приказывал объявить, что детям новой царицы дадутся особые уделы. Достоин замечания, что на случай, если бы королева заметила, что у царя уже есть жена, Писемский должен был сказать, что она не какая-нибудь царевна, а простая подданная, и ради королевиной племянницы можно ее и прогнать.

Писемский был принят с почестями, но королева на вопрос о невесте сказала, что она была недавно в оспе, видеть ее и вскоре написать портрет нельзя, и не прежде как в мае 1583 года предоставила послу случай увидеть невесту в саду. Мария Гастингс, тридцатилетняя дева, сначала соблазнилась было честью быть московской царицей, но потом, когда услышала о злодеяниях Ивана, то наотрез отказалась от этой чести. Королева отпустила Писемского, а вместе с тем отправила послом к Ивану Жерома Боуса. Этот посол должен был объявить, что девица, на которой хотел жениться Иван, больна и притом не хочет менять веры. Королева добивалась исключительной и беспошлинной торговли для англичан, а царь, соглашаясь на это, хотел, чтобы Елизавета помогла ему завоевать снова Ливонию. Между тем мысль жениться на иностранке не оставляла царя, и он все разведывал: нет ли у английской королевы какой-нибудь другой родственницы, с которой он мог бы вступить в брак.

То было в конце 1583 года. Царь мечтал о женитьбе. Бедная женщина, носившая имя царицы и недавно родившая сына Дмитрия, каждый час трепетала за свою судьбу, а между тем здоровье царя становилось все хуже и хуже. Развратная жизнь и свирепые страсти расстроили его. Ивану было только пятьдесят лет с небольшим, а он казался дряхлым, глубоким стариком. В начале 1584 года открылась у него страшная болезнь: какое-то гниение внутри; от него

исходил отвратительный запах. Иноземные врачи расточали над ним все свое искусство; по монастырям раздавались обильные милостыни, по церквам велено было молиться за больного царя, и в то же время суеверный Иван приглашал к себе знахарей и знахарок. Их привозили с далекого севера; какие-то волхвы предрекли ему, как говорят, день смерти. Иван был в ужасе. В эти, вероятно, дни, помышляя о судьбе царства и находя, что Федор по своему малоумию неспособен царствовать, Иван придумывал разные способы устроить после себя наследство и составлял разные завещания. Тогда среди близко стоявших к нему людей кроме Бориса Годунова были князь Иван Мстиславский, князь Петр Шуйский, Никита Романов, Богдан Вельский и дьяк Щелкалов. Все не любили Бориса Годунова, опасаясь, что он как брат жены Федора, человек способный и хитрый, неизбежно овладеет один всем правлением. Сначала Иван составил завещание, в котором объявлял наследником Федора, а около него устраивал совет; в этом совете занимал место Борис Годунов. Потом Богдан Вельский, вкравшийся в доверие к царю, настроил его против Бориса Годунова, и Иван (как впоследствии открылось) составил другое завещание: оставляя престол полоумному Федору, он назначал правителем государства эрцгерцога Эрнеста, того самого, которого прежде он так хотел посадить на польский престол. Эрнест должен был получить в удел Тверь, Вологду и Углич, а если Федор умрет бездетным, то стать наследником русского престола. К этому располагало уважение, какое Иван питал к знатности Габсбургского дома. Он считал его членов наследниками Священной Римской империи, в которой родился сам Иисус Христос. Тайну этого завещания царь не открыл Борису, но ее знали вышеупомянутые бояре. Дьяк Щелкалов изменил своим товарищам и тайно сообщил об этом Борису. Они вдвоем составили план, чтобы уничтожить завещание, когда не станет Ивана⁶⁰.

Иван то падал духом, молился, раздавал щедрые милостыни, приказывал кормить нищих и пленных, выпускал из темниц заключенных, то опять порывался к прежней необузданности... Однако болезнь брала свое, и он опять начинал каяться и молиться. Была половина марта. Иван с трудом мог ходить; его носили в креслах. 15 марта он приказал отнести себя в палату, где лежали его сокровища. Там царь перебирал драгоценные камни и определял таинственное достоинство каждого соответственно тогдашним верованиям, приписывая тому или другому разное влияние на нравственные качества человека.

Ему казалось, что его околдовали, потом он вообразил, что это колдовство было уже уничтожено другими средствами. Иван то собирался умирать, то с уверенностью говорил, что будет жить. Между тем тело его покрывалось волдырями и ранами. Вонь от него становилась невыносимее.

Наступило 17 марта⁶¹. Около третьего часа царь отправился в приготовленную ему баню, мылся с большим удовольствием; там его тешили песнями. После бани царь почувствовал себя свежее. Его усадили на постели; поверх белья на нем был широкий халат. Он велел подать шахматы, сам стал расставлять их, никак не мог поставить шахматного короля на свое место и в это время упал. Поднялся крик; кто бежал за водкой, кто за розовой водой, кто за врачами и духовенством. Явились врачи со своими снадобьями, начали растирать его; пришел митрополит и наскоро совершил обряд пострижения, нарекая Иоанна Ионой. Но царь уже был бездыханен. Ударили в колокол на исход души. Народ заволновался, толпа бросилась в Кремль. Борис приказал затворить ворота.

На третий день тело царя Ивана Васильевича предали погребению в Архангельском соборе, рядом с могилой убитого им сына.

---

⁶⁰ Так сообщает Лука Павлюс, бывший в Москве при Борисе, знавший хорошо русский язык и положение русских дел.

⁶¹ Англичанин Горсей говорит, что это был день, в который, по предсказанию волхвов, его должна была постигнуть смерть. Чувствуя себя лучше, Иван послал Бельского объявить колдунам, предсказавшим ему смерть, что он зароет их живьем или сожжет за ложное предсказание. «Не гневайся, боярин, – отвечали волхвы, – день только что наступил, а кончится он солнечным закатом».

Имя Грозного осталось за ним в истории и в народной памяти.

Борис Годунов

После смерти Ивана Грозного в течение восемнадцати лет судьба Русского государства и народа была связана с личностью Бориса Годунова. Род этого человека происходил от татарского мурзы Чета, принявшего в XIV веке в Орде крещение от митрополита Петра и поселившегося на Руси под именем Захарии. Памятником благочестия этого новокрещенного татарина был построенный им близ Костромы Ипатьевский монастырь, ставший фамильной святыней его потомков; они снабжали этот монастырь приношениями; их погребали в нем. Внук Захарии Иван Годун был прародителем той линии рода мурзы Чета, которая от клички Годун получила фамилию Годуновых. Потомство Годуна значительно разветвилось. Годуновы владели вотчинами, но не играли важной роли в русской истории до тех пор, пока один из правнуков первого Годунова не удостоился чести сделаться тестем царевича Федора Ивановича. Тогда при дворе царя Ивана явился близким человеком брат жены Федора Борис, в свою очередь женатый на дочери царского любимца Малюты Скуратова. Царь Иван полюбил Федора. Возвышение лиц и родов через посредство родства с царицами стало явлением обычным в московской истории, но такое возвышение было часто непрочно. Родственники супруг Ивана погибали наравне с другими жертвами его кровожадности. Сам Борис из-за близости к царю подвергался опасности; рассказывают, что царь сильно избил его своим жезлом, когда Борис заступился за убитого отцом царевича Ивана. Но царь Иван сам оплакивал своего сына и тогда стал еще более, чем прежде, оказывать Борису благосклонность за смелость, стоившую, впрочем, последнему нескольких месяцев болезни. Под конец жизни, однако, царь Иван под влиянием других любимцев начал на Годунова коситься, и, быть может, Борису пришлось бы плохо, если бы Иван не умер внезапно.

Царь Борис Годунов. Титулярник 1612 г.

После смерти Ивана Борис оказался в таком положении, в каком не был еще в Московском государстве ни один подданный. Царем стал слабоумный Федор, который ни в коем случае не мог править сам и должен был на деле передать свою власть тому из близких, кто окажется всех способнее и хитрее. Таким в придворном кругу тогдашнего времени стал Годунов. К концу жизни царя Ивана Борису исполнилось 32 года; красивый собой, он отличался замечательным даром слова, был умен, расчетлив, но в высшей степени себялюбив. Все цели его деятельности клонились к собственным интересам, к своему обогащению, к усилению своей власти, к возвышению своего рода. Борис умел выжидать, пользоваться удобными минутами, оставаться в тени или выдвигаться вперед, когда считал уместным то или другое, надевать

на себя личину благочестия и всяких добродетелей, показывать доброту и милосердие, а где нужно – строгость и суровость. Постоянно рассудительный, никогда не поддавался Борис порывам увлечения и действовал всегда обдуманно. Этот человек, как всегда бывает с подобными людьми, готов был делать добро, если оно не мешало его личным видам, а напротив, способствовало им; но он также не останавливался ни перед каким злом и преступлением, если находил его нужным для своих личных выгод, в особенности же тогда, когда ему приходилось спасать самого себя.

Царевич Дмитрий Иоаннович. Титулярник 1672 г.

Ничего творческого в природе Бориса не было. Он неспособен был стать ни проводником какой бы то ни было идеи, ни вожаком общества по новым путям: эгоистические натуры менее всего годятся для этого. В качестве государственного правителя Борис не мог быть дальновзорким, понимал только ближайшие обстоятельства и пользоваться ими мог только для ближайших и преимущественно своекорыстных целей. Отсутствие образования суживало еще более круг его воззрений, хотя здравый ум давал ему, однако, возможность понимать пользу знакомства с Западом для целей своей власти. Всему хорошему, на что был бы способен его

ум, мешали его узкое себялюбие и чрезвычайная лживость, пронизывавшая все его существо, отражавшаяся во всех его поступках. Это последнее качество, впрочем, являлось знаменательной чертой тогдашних московских людей. Семена этого порока существовали издавна, но были в громадном размере воспитаны и развиты эпохой царствования Грозного, который сам был олицетворением лжи. Создав Опричнину, Иван вооружил русских людей одних против других, указал им путь искать милостей или спасения в гибели своих ближних, казнями за явно вымышленные преступления приучил к ложным доносам и, совершая для одной потехи бесчеловечные злодеяния, воспитал в окружающей его среде бессердечие и жестокость. Исчезло уважение к правде и нравственности, после того как царь, который, по народному идеалу, должен быть блюстителем и того и другого, устраивал на виду у своих подданных такие зрелища, как травля невинных людей медведями или принародные истязания обнаженных девушек, и в то же время соблюдал самые строгие правила монашеского благочестия. Естественно, в минуты собственной опасности всякий человек думает только о себе; но когда такие минуты для русских продолжались целыми десятилетиями, понятно, что должно было вырасти поколение своекорыстных и жестокосердых себялюбцев, у которых все помыслы, все стремления склонялись только к собственной охране; поколение, для которого при внешнем соблюдении обычных форм благочестия, законности и нравственности не оставалось никакой внутренней правды. Кто был умнее других, тот должен был сделаться образцом лживости; то была эпоха, когда ум, закованный исключительно в узкие рамки своекорыстных побуждений, при-сущих всей современной жизненной среде, мог проявить свою деятельность только в искусстве посредством обмана достигать личных целей. Тяжелые болезни людских обществ, подобно физическим болезням, излечиваются не скоро, особенно когда дальнейшие условия жизни способствуют не прекращению, а продолжению болезненного состояния; только этим объясняются те ужасные явления Смутного времени, которые, можно сказать, были выступлением наружу испорченных соков, накопившихся в страшную эпоху мучительств Ивана.

Царь и великий князь Федор Иоаннович. Титулярник 1672 г.

Замечательно, что лживость, составляющая черту века, отразилась и в современных русских источниках той эпохи настолько сильно, что, руководствуясь ими и доверяя им, легко можно впасть в заблуждения и сделать неправильные выводы; к счастью, явные противоречия и несообразности, в которые они впадают, обличают их в неверности.

Непрочность престолонаследия чувствовалась народом. Русские знали, что из двух сыновей царя Ивана старший был неспособен к самобытному царствованию, а младший был еще младенец: кого бы из них ни провозгласили царем – все равно; на деле власть должна была бы находиться в иных, а не в царских руках. Эта мысль охватила московский народ, как только разнеслась по столице весть, что царь Иван скончался. Началось волнение. Богдан Вельский, которому Иван поручил Дмитрия в опеку, был негласным виновником этого волнения в пользу Дмитрия. Как оно происходило, не знаем, но окончилось оно в этот раз тем, что бояре в ночь после смерти царя Ивана приказали отправить малолетнего Дмитрия с матерью и ее родственников Нагих в Углич; одновременно с их отсылкой схвачено было несколько лиц, которым покойный государь перед своей кончиной оказывал милости: некоторых разослали по разным городам в заточение, других заперли в тюрьму, отобрали у них поместья и вотчины, разорили их дома. Имена их неизвестны, но эти люди были, вероятно, сторонниками Дмитрия, поку-

шавшиеся провозгласить его царем. Вся власть находилась тогда в руках дяди Федора Ивановича – Никиты Романова, шурина Бориса Годунова – и двух князей: Ивана Мстиславского и Петра Шуйского. Первые два стояли, естественно, за Федора как его близкие свойственники; два последние также не находили для себя выгодным встать на сторону Дмитрия, так как в то время в случае успеха властвовали бы не они, а Нагие и Богдан Вельский. На самого Богдана Вельского в то время не решались наложить рук. Быть может, он ловко умел остаться в стороне во время расправы, хотя прежде заправлял делом, за которое другие отвечали. Но прошло несколько дней: Богдан Вельский был схвачен и сослан в Нижний Новгород. Это произошло после смуты, о которой сохранились противоречивые известия. Иностранцы говорят, что между Вельским и боярами произошло открытое междоусобие; Вельский со своими сторонниками был осажден в Кремле и вынужден был сдаться. Одно русское известие показывает, что народ, вообразив, будто Вельский хочет известить царя и бояр, бросился на Кремль с оружием и даже хотел пушечными выстрелами разрушить запертые Фроловские ворота, но бояре вышли к мятежникам и уверили, что царь и бояре все целы и никому нет опасности, а потом сослали Вельского, как бы в угоду народу; другое известие повествует, что сами бояре перессорились между собой, взволновали народ – и Вельскому грозила смерть, но Годунов за него тогда заступился. Как бы то ни было, верно только то, что в Москве вскоре после погребения Грозного происходило междоусобие; тогда был поставлен к решению вопрос, кому царствовать: слабоумному ли Федору или малолетнему Дмитрию, и сторона Дмитрия на этот раз снова проиграла. За Вельским сосланы были другие. Но вопрос еще не решался; волнение не утихало, и бояре постановили созвать земских людей в думу для того, чтобы эта дума утвердила Федора на престоле.

Дума, состоявшая, как кажется, из служилых людей, собралась 4 мая 1584 года и признала царем Федора. Русские люди, как выражались в то время, со слезами молили его сесть на Московское государство. Ход этой думы нам неизвестен. На празднике Вознесения новый царь венчался царским венцом.

Царствовал Федор, но он не мог властвовать – властвовать могли за него другие. Царь Федор Иванович был человек небольшого роста, опухлый, с бледным лицом, болезненный; он ходил нетвердыми шагами и постоянно улыбался. Когда польский посланник Сапега представился ему, Федор, одетый в царское облачение с короной на голове, сидел на возвышенном месте и с улыбкой любовался своим скипетром и державным яблоком, а когда проговорил несколько слов тихим и прерывистым голосом, то Сапега сделал такое заключение: «Хотя про него говорили, что у него ума немного, но я увидел как из собственного наблюдения, так и из слов других, что у него вовсе его нет». Весть об этом скоро дошла до соседей; в Польше надеялись, что при таком государе в Московском государстве начнутся неурядицы, откроются междоусобия и государство придет в упадок.

Царь Федор Иоаннович делает правителем России Бориса Годунова

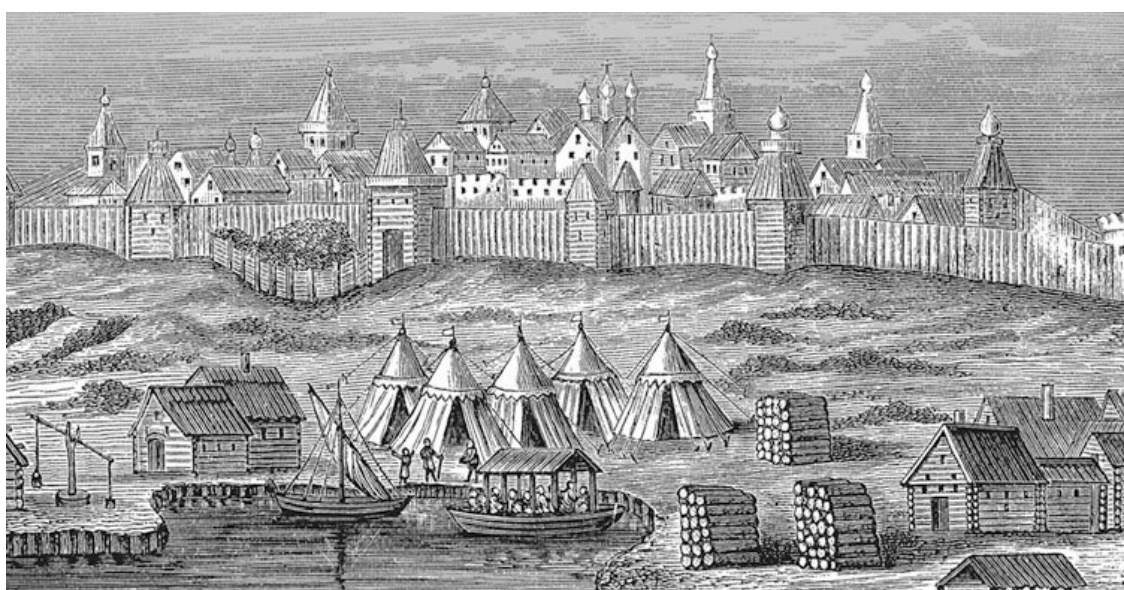
Ожидание это, вероятно, сбылось бы вскоре – Годунов отвратил его или по крайней мере отсрочил.

Тотчас после венчания на царство Федора Борис постарался возможно лучшим способом устроить свое материальное состояние. Когда, по обычаю, новый царь после венчания рассыпал свои милости вельможам, Борис получил всю Важскую область, приносящую большие доходы с поташа, сбываемого англичанам; кроме того он получил луга на берегах Москвы-реки вверх на тридцать, а вниз – на сорок верст, с рощами и пчельниками, доходы с Рязани, Твери, с Северской земли, Торжка и со всех московских бань и купален. Все это с доходами, получаемыми из его родовых вотчин, давало Борису огромную сумму ежегодного дохода в 93 700 рублей, а владения его были так многолюдны, что он мог выставить до 100 000 вооруженных людей. До этих пор он носил важный сан конюшего; теперь он получил наименование ближнего государева боярина и титул наместника царств Казанского и Астраханского.

Царь Федор находился под влиянием своей жены, а Борис был постоянно дружен с ней, поэтому стоял ближе всех к царю, и никто не в силах был оттеснить его. Единственным опасным соперником мог быть дядя царя Никита Романов, но этот старик в тот же год был поражен параличом и хотя жил до апреля 1586 года, но уже не принимал участия в делах. Из двух оставшихся соправителей Бориса Мстиславский был человек ограниченный и мог играть роль только по наущению других благодаря своей знатности; большую опасность представлял для Бориса князь Петр Иванович Шуйский: конечно, ему нельзя было приобрести более Бориса расположения царя и царицы, зато у него была сильная партия не только среди знатных людей, но и среди московских купцов. Кроме того, князь Петр Шуйский имел поддержку у митрополита Дионисия. Вначале, вероятно, Борис был с ним в хороших отношениях, как можно видеть из того, что в день царского венчания Шуйский получил в дар доходы со всего Пскова.

Город Царицын в XVII в. (по А Оlearию)

Вид Астрахани в XVII в.

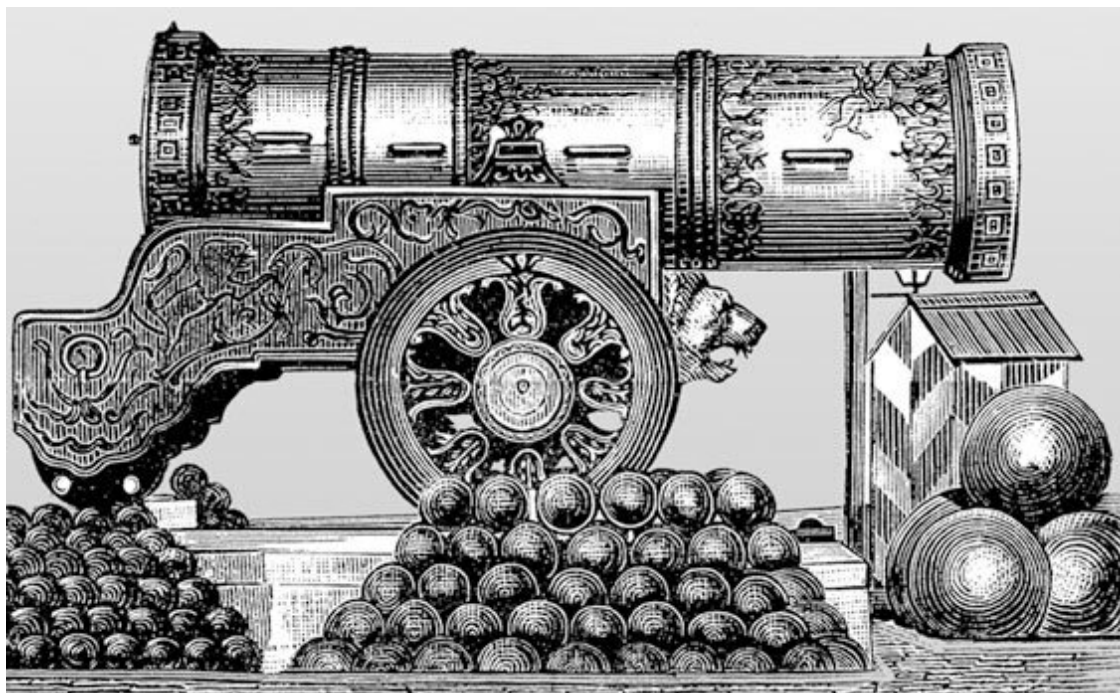
Полтора года Годунов уживался со своими товарищами, однако уже захватил в свои руки управление всеми делами, так что иностранцы обращались, минуя этих товарищей, к нему как к единому правителю государства. В то время Годунов начал свое любимое дело – постройку городов, чем отличался в продолжение всей своей жизни, справедливо сознавая пользу этой меры для государства. Таким образом, для укрощения черемисов Борис приказал строить по берегам Волги Цивильск, Уржум, Царево-Кокшайск, Царево-Санчурск, а ниже по течению Волги – Саратов, Переволоку, Царицын. Астрахань была обведена каменной стеной. На севере в 1584 году построили Архангельск, ставший тотчас же важнейшим торговым пунктом. В самой Москве в 1586 году была сооружена каменная стена Белого города. На юге в 1586 году были построены Ливны, возобновлены Курск и Воронеж. От города до города устраивались станицы, зывались жители для поселения на привольных, но пустых местах. Таким образом вызывались для поселения черкасы (малороссияне), которые поступали в число украинских служилых людей, отправляли сторожевую станичную службу, получая за это поместья и жалованье деньгами, сукнами и хлебом. Им посылали также свинец и селитру.

Вскоре после царского венчания в июле 1584 года созвали собор, на котором вновь подтверждено было запрещение владыкам и монастырям приобретать вотчины и вместе с тем уничтожались все так называемые тарханные грамоты, которыми предоставлялись монастырским и владычным имениям разные льготы и изъятия от общих платежей и повинностей. Поводом к уничтожению этих привилегий ставилось то, что крестьяне убегали в тарханные вотчины из вотчин и поместий служилых людей, а через это последние лишались своих доходов, не в состоянии были отправлять военной службы. Но мера эта, несмотря на приговор, утвержденный подписями и печатями лиц знатнейшего духовенства, не была приведена в исполнение; набожный царь продолжал раздавать тарханные грамоты, да и сам Борис не настаивал на их отмене, потому что нуждался в расположении духовенства для своих видов. Это событие осталось наглядным примером той лживости, которая, как мы сказали выше, проникла во все ветви московской общественной жизни. Писались законы, постановления, а на деле не исполнялись и были нарушаемы теми же, которые составляли их.

Борис был милостив к тем, кто был с ним заодно, и в то время особенно приблизил к себе двух братьев Щелкаловых, из которых Андрей служил посольским, а Василий – разрядным дьяком. Но Борис не допускал долгое время спокойно проживать тем, в ком видел себе соперников и недоброжелателей. Ему, как говорят, донесли, будто Иван Мстиславский по наущению других хочет зазвать Бориса на пир и предать его в руки убийц. Трудно решить: действительно ли было так на самом деле или же обвинение было выдуманно. Борис именем царя приказал сослать Мстиславского в Кирилло-Белозерский монастырь и постричь. Затем схватили Воротынских, Головиных, Колычевых и отправили в ссылку по разным местам. Один из Головиных, Михаил, успел убежать в Литву, подстрекал Батория идти на Москву, уверяя, что Бориса все не терпят и не станут защищать существующего правительства. Баторий давно только и думал о том, как бы снова начать войну; он поверил рассказам беглеца. Но Борис, вовремя узнав об этом, отправил в Польшу послов Троекурова и Безнина, которые разгласили, что Головин вовсе не беглец, что он нарочно подосланный московскими боярами лазутчик и умышленно пытается вовлечь Батория в войну: они говорили, что Московское государство имеет теперь достаточно силы дать отпор Польше. Хитрость эта удалась не столько потому, что поверили словам московских послов, сколько потому, что поляки тем или другим способом, но всеми силами старались отклонить своего короля от всяких воинских предприятий. Польский сенат продолжил с московскими послами перемирие еще на два года и отправил в Москву знакомого там Михаила Гарабурду с предложением, показавшееся странным для русских: заключить договор, по которому бы в случае, если умрет прежде Баторий, возвести на польско-литовский престол Федора, и наоборот, если Федор умрет прежде бездетным, то ему преемником будет Баторий. Бояре отвечали, что им не годится рассуждать о кончине живого государя; дело окончилось

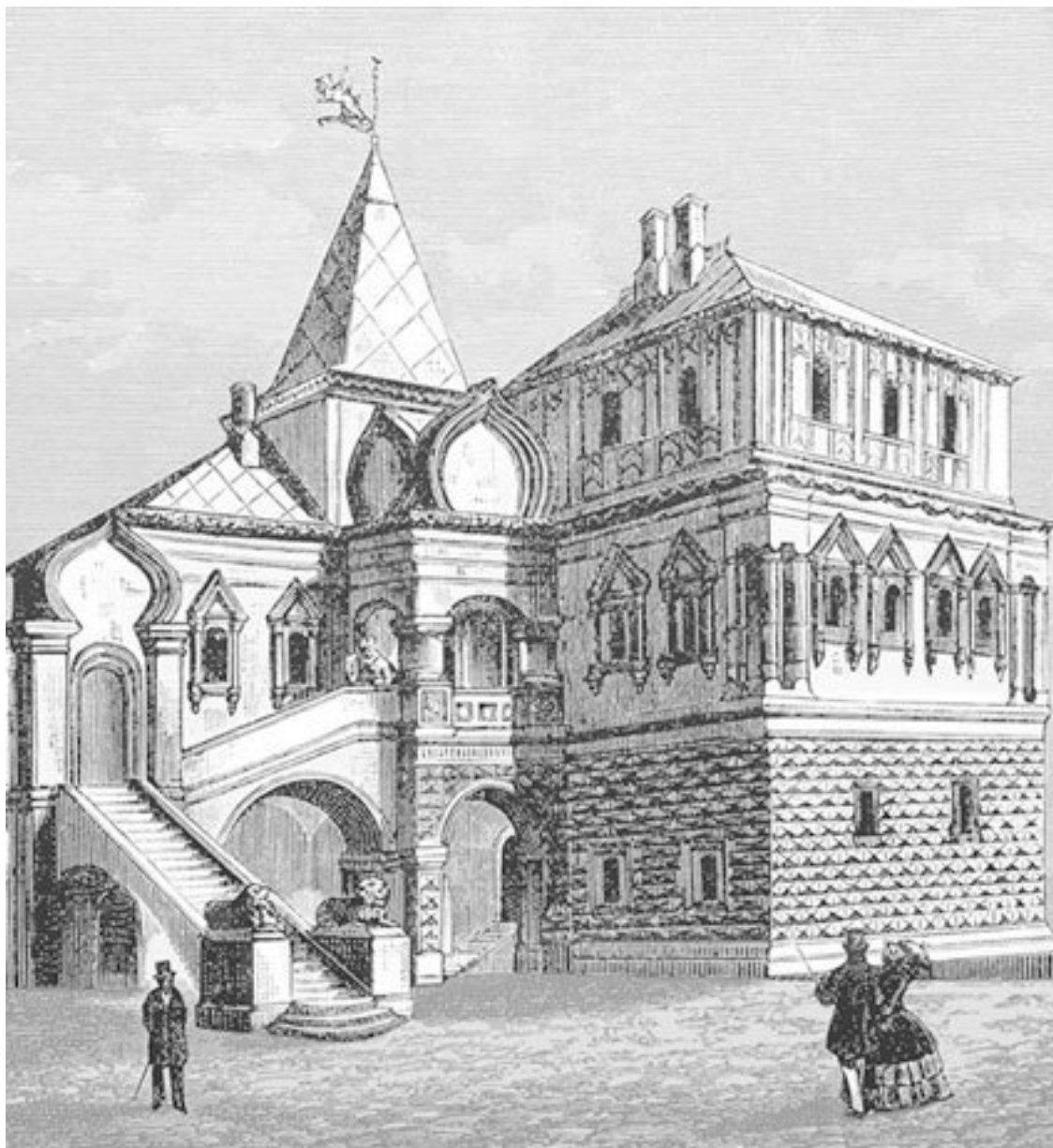
ничем, но оно представляется важным, потому что послужило началом подобных сношений после кончины Батория.

Расправившись со Мстиславским, Годунов дождался случая разделаться с Шуйскими. Им были преданы многие из московских торговых людей; ожидая от Бориса чего-нибудь враждебного к Шуйским, они заранее кричали, что побьют Годунова камнями, если он тронет кого-либо из этого рода. Митрополит Дионисий пытался примирить и сдружить между собой Годунова и Ивана Петровича Шуйского; он пригласил их к себе. Внешне они помирились. Когда Шуйский сказал об этом купцам, стоявшим толпой на площади, двое из них выразились так: «Помирились вы нашими головами, и нам и вам от Бориса пропасть». Оба купца в ту же ночь исчезли неизвестно куда. Тогда Шуйские соображали, что погибнут, если не опередят Годунова и не погубят его самого; они в сговоре с митрополитом зазвали к себе гостей, купцов, некоторых служилых людей и уговорили их подписать царю челобитную, чтобы царь, как бы по просьбе всего русского народа, развелся с бесплодной Ириной и выбрал себе другую жену, чтобы иметь наследника. Заговорщики предполагали женить царя на княжне Мстиславской, дочери насильно постриженного боярина князя Мстиславского. Но прежде чем успели подать царю такую челобитную, Борис через своих лазутчиков узнал обо всем; вместо того чтобы гневаться, он кротко обратился к митрополиту и объяснил ему, что развод есть незаконное дело, притом и бесполезное; Федор и Ирина еще молоды и могут иметь детей, а если бы их и не было, то у Федора есть брат Дмитрий. Митрополит послушался этого совета и стал уговаривать Шуйских оставить свое намерение. Годунов обещал не мстить за него никому. Спустя некоторое время холопы Шуйских Федор Старов с товарищами подали донос, будто существует заговор против государя, которым руководят Шуйские. Летописцы говорят, что сам Борис подучил доносчиков; в этом случае он действовал по примеру царя Ивана, не раз пользовавшегося такими же ложными доносами, чтобы придать личину справедливости своим убийствам. По доносу Старова взяли под стражу Ивана Петровича и Андрея Ивановича Шуйских, князя Василия Скопина-Шуйского, разных их друзей, князей Татевых, Урусовых, Быковых, Колычевых и множество гостей и купцов. Происходили пытки и допросы. В результате князей Ивана Петровича и Андрея Ивановича Шуйских сначала приговорили только удалить в их вотчины, но когда они туда приехали, их схватили, увезли одного на Белоозеро, другого в Каргополь, где удавили. Прочих знатных людей разослали в ссылку по городам, а Федору Нагому и шестерым его товарищам отрубили головы. Княжну Мстиславскую, за то что ее хотели посадить царицей вместо Ирины, насильно постригли в монахини; наконец, Годунов не простил и митрополита, приказав сослать его в Хутынский монастырь; такая же участь постигла крутицкого архиепископа Варлаама за то, что он настраивал царя против Бориса. Вместо Дионисия посадили на митрополию ростовского архиепископа Иова, во всем покорного Борису и ради сохранения своего положения готового угождать во всем земной власти.

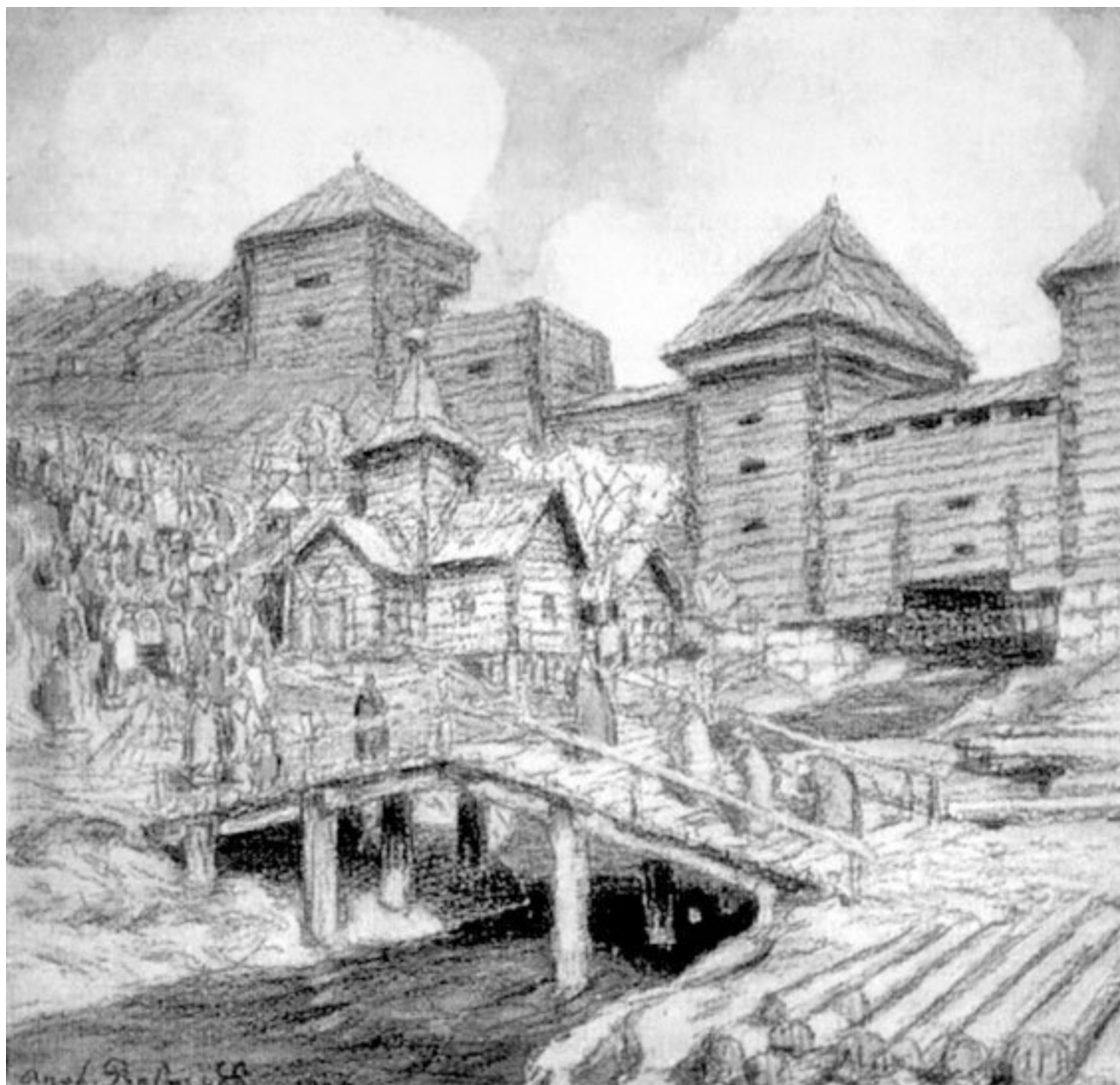

Царь-пушка

С этих пор Борис Годунов сделался вполне единым и самовластным правителем в Московском государстве. Опыт должен был научить всех, как неудобно покушаться отнимать у него власть. На будущее время беспокоили воображение Бориса только потомки царской линии: царевич Дмитрий и Мария, вдова короля Магнуса (дочь Владимира Андреевича) с малолетней дочерью Евфимией. Расправу с первым осторожный Борис отложил до удобного случая, а прежде разделался с последними. Еще в 1585 году он поручил английскому купцу Горсею уговорить Марию Владимировну переехать с дочерью в Москву из Риги, где поляки содержали ее очень скудно. Горсей уверил ее от имени Годунова, что в Москве ее примут хорошо и наделят вотчинами. Королева с дочерью убежала из Риги и прибыла в Москву на почтовых лошадях, специально расставленных для этого Борисом. Сначала Годунов принял ее, как обещал, наделил вотчинами, деньгами, а через некоторое время от имени царя ее разлучили с дочерью, увезли и постригли в Пятницком монастыре близ Троицы. В 1589 году ее маленькую дочь похоронили у Троицы с почестями, как королевну. Все твердили, что Борис приказал тайно умертвить ее.

Дом боярина Никиты Романова в Москве

А.М. Васнецов. Стена деревянного города над рекой Яузой

В декабре 1586 года умер Стефан Баторий. В следующем году в Польше началось обычное избрание нового короля, в котором важное участие приняло Московское государство. Предложение Гарабурды хотя было отвергнуто в том виде, в каком было сделано, произвело, однако, сильное впечатление на правителя. Борис увидел возможность посадить на польско-литовский престол Федора в соответствии с давним желанием литовских панов соединиться с Московским государством посредством возведения на свой престол московского государя. Вероятно, Борис рассчитывал, что расположение к нему Польши и Литвы пригодится со временем, и потому-то при венчании Федора он выпустил от его имени всех польских пленников. Слабоумие Федора не казалось большим препятствием; напротив, можно было рассчитывать, что панам будет тем лучше, чем их король меньше будет иметь возможности показывать свою власть. В начале 1587 года Борис отправил в Польшу дворянина Ржевского. Этот посланец повез царскую грамоту ко всем панам вообще и кроме того письма отдельным духовным и светским сановникам от имени царя. Каждого приглашали хлопотать, чтобы на престоле был Федор. Давалось обещание свято сохранять все шляхетские права и вольности и сверх того наделить панов вотчинами и деньгами. В Польше в то время образовались три партии. Одна партия, под предводительством Зборовских, хотела выбрать австрийского принца Максимилиана; другая, во главе которой был канцлер и гетман Замойский, – склонялась к избранию шведского королевича Сигизмунда, сына короля Иоанна и польской принцессы Екатерины; тре-

тня, состоявшая преимущественно из литовских панов, – хотела московского государя. Вслед за Ржевским послы Степан Васильевич Годунов и князь Федор Троекуров с думным дьяком Василием Щелкаловым отправились в Польшу и повезли сорок восемь писем разным панам с самыми лестными предложениями. Русский царь обещал защищать польско-литовские владения московскими силами, строить на свой счет крепости, отвоевать у шведов и отдать Речи Посполитой Эстонию, обязывался заплатить на 100 000 червонцев долги Стефана Батория ратным людям, предоставить свободную торговлю польско-литовским людям в Московском государстве; а главное, обещал не вступаться вовсе в королевские доходы и все отдать панам в управление, так что если новый государь приедет в Польшу, то не только не потребует от них никаких денег на свое содержание, но еще будет раздавать им свою казну. Борис наказывал своим послам соглашаться, если паны потребуют, чтобы царь был у них королем только по имени, а они бы управлялись сами собой: пусть бы только Польша и Литва оставались в мире и соединении с Москвой, готовые действовать против общего недруга.

Предложения были действительно соблазнительными, но послы приехали с одним обещанием денег и без них. Литовские паны объявили им, что надо по крайней мере готовых 200 000 рублей, дабы склонить на московскую сторону Зборовских и их партию, а также чтобы переманить деньгами людей от партии Замойского. У послов денег не было. Несмотря на это на избирательном сейме большинство избирателей заявило себя на стороне московского царя. Когда выставили три значка избирателей: австрийской стороны – немецкую шляпу, шведской – сельдь и русской – шапку Мономаха, то под русским значком оказалось более всего избирателей. Выбрали пятнадцать человек депутатов для переговоров с послами. Депутаты предложили московским послам, чтобы царь приступил к соединению с римской церковью, прибыл в Варшаву через десять недель, венчался от гнезненского епископа и должен был написать в своем титуле Польское королевство выше Московского государства. Послы отказали наотрез, но уверяли, что царь не будет вмешиваться в дела римско-католической церкви. Замечательно, что послы, допуская свободный приезд польских и литовских людей в Московское государство, не хотели обещать такую же свободу приезда в Польшу и Литву московских людей; они говорили: «Это противно московским обычаям, чтобы московские люди ездили всюду по своей воле без государева повеления». Этим в Польше были недовольны.

Царь Федор Иоаннович. Гравюра 1850 г.

Главное препятствие к выбору Федора заключалось в денежном вопросе. После решительных ответов московских послов паны еще говорили им, что нужны деньги, чтобы подкрепить царскую сторону на сейме, указывали на щедрость к ним императора и испанского короля, просили немедленно 200 000 рублей. Послам негде было достать этих денег. Паны потом требовали хотя бы 100 000 – послы и этого не могли им дать!

Тогда на сейме одна польская партия выбрала Максимилиана, другая – Сигизмунда. Литовцы не приставали ни к той, ни к другой и еще раз пытались сойтись с московскими послами. Воеводы виленский Христофор Радзивилл и Троцкий Ян Глебович заявляли им, что царю можно быть польским королем, не приступая к римской вере; нужно только помянуть папу надеждой в будущем на соединение церквей; но эти паны во всяком случае требовали наличными 100 000 рублей для поддержки партии в пользу московского государя и наконец спросили: захочет ли государь взять одну Литву, если поляки не согласятся на его избрание? Они вместе с тем подавали надежду, что и южнорусские области, уже присоединенные к Польше, перейдут под власть московского государя. Ничего не могло быть приятнее Москве, как это предложение, и Борис, узнав о том от послов, отправил панам литовским дары на 20 000 рублей, обещая дать еще деньгами 70 000. Но уже было поздно; поляки успели сойтись с литовцами и склонить их на сторону Сигизмунда. «Не надобно было, – говорили после того московским послам паны, – писать в грамотах, что царю непременно короноваться по греческому закону: если бы паны радные на это и согласились, то архиепископы и епископы ни за что до того не допустят; а они у нас большие люди». Паны тем не менее приняли подарки,

за исключением одного Христофора Радзивилла. Следуя прежним дружеским отношениям к Австрии, московские послы, увидев, что дело об избрании Федора не клеится, в силу своего наказа начали было давать совет об избрании Максимилиана – перед тем только Максимилиан посылал в Москву просить ее содействия в достижении польского престола. На речь русских послов поляки отвечали, что они не требуют ни от кого указаний, кого им избрать в короли; а литовцы выразились, что «они ни за что не возьмут себе немца в государи, потому что немецкий язык никогда славянскому добра не мыслит». Послы московские преуспели только в том, что заключили перемирие на пятнадцать лет. Избрание закончилось в пользу Сигизмунда – он короновался 16 декабря 1587 года. Максимилиан пытался было добывать польскую корону оружием, но был разбит Замойским, взят в плен и выпущен при условии отказа от всяких притязаний на польский престол.

Таким образом Борис затевал великое дело, но у него не хватило ума и умения добиться своей цели. В Польше сел на престоле государь, особенно не желанный в Москве, – сын шведского короля, с которым Московское государство находилось в недружелюбных отношениях. Политика Бориса, однако, была не воинственной; он надеялся достигать политических целей хитростью и хотел находиться, насколько возможно, в мире со всеми соседями. Со Швецией существовало еще прежнее перемирие, продолженное на четыре года в 1585 году. В отношениях к Крыму Москве помогали междоусобия, возникшие в этой стране. Двое крымских царевичей, Сайдет и Мурат, враги крымского хана Ислам-Гирея, нашли приют в Московском государстве. Их поместили на Астраханской земле и предполагали ими держать в страхе Ислам-Гирея, чтобы выставить против него опасных соперников, когда он вздумает относиться неприязненно к московскому государю. Но это не избавило южные пределы Московского государства от набегов татарских мурз; по крайней мере сам хан не смел делать нападения. Занявший место этого хана в 1588 году Казы-Гирей избрал для своих набегов польские области и извещал о том московское правительство, а Годунов за это посылал ему подарки, несмотря на то что находился тогда в перемирии с Польшей. Борис вскоре после восшествия Федора на престол отправил посольство в Турцию с изъявлением своего миролюбия. Там приняли московского посла хотя дружелюбно, но довольно надменно; в Константинополе не верили уверениям в дружбе и жаловались на буйство казаков, а московский посол объяснял, что казаки – воры, беглые люди и не находятся в послушании у государя. На юго-востоке в 1586 году кахетинский царь Александр отдался в подданство московскому государю. Это подданство могло быть полезно для грузин, так как из Москвы отправили к ним для исправления тамошних обрядов несколько монахов, священников и иконописцев, которые оказались очень учеными и сведущими людьми в сравнении с грузинским духовенством; но для Московского государства оно влекло за собой только хлопоты и опасности, втягивало Москву в опасное столкновение с Турцией, Персией и горскими народами, так как Александр был тесним со всех сторон и потому искал опоры в Москве. Власть над его землями оспаривали и персы, и турки. Борис уклонился от всякого разрыва с Турцией из-за царя Александра, а Персия, находясь в ожесточенной вражде с Турцией, предлагала сама союз Москве, думая вооружить ее против Турции. Борис ограничивался только словами и неясными обещаниями, из которых ничего не выходило. Между тем русские, приняв на себя обязанность защищать Александра, послали ему помощь против его врага, тарковского Шевкала, и напрасно потеряли до 3000 своих людей. Тогда на берегу Терека был укреплен Борисом еще прежде основанный и покинутый казаками город Терк, с тех пор постоянно имевший ратных людей и управлявшийся воеводами.

Н.К. Рерих. Воскресенский монастырь в Угличе

А. Моравов. Убиение царевича Дмитрия

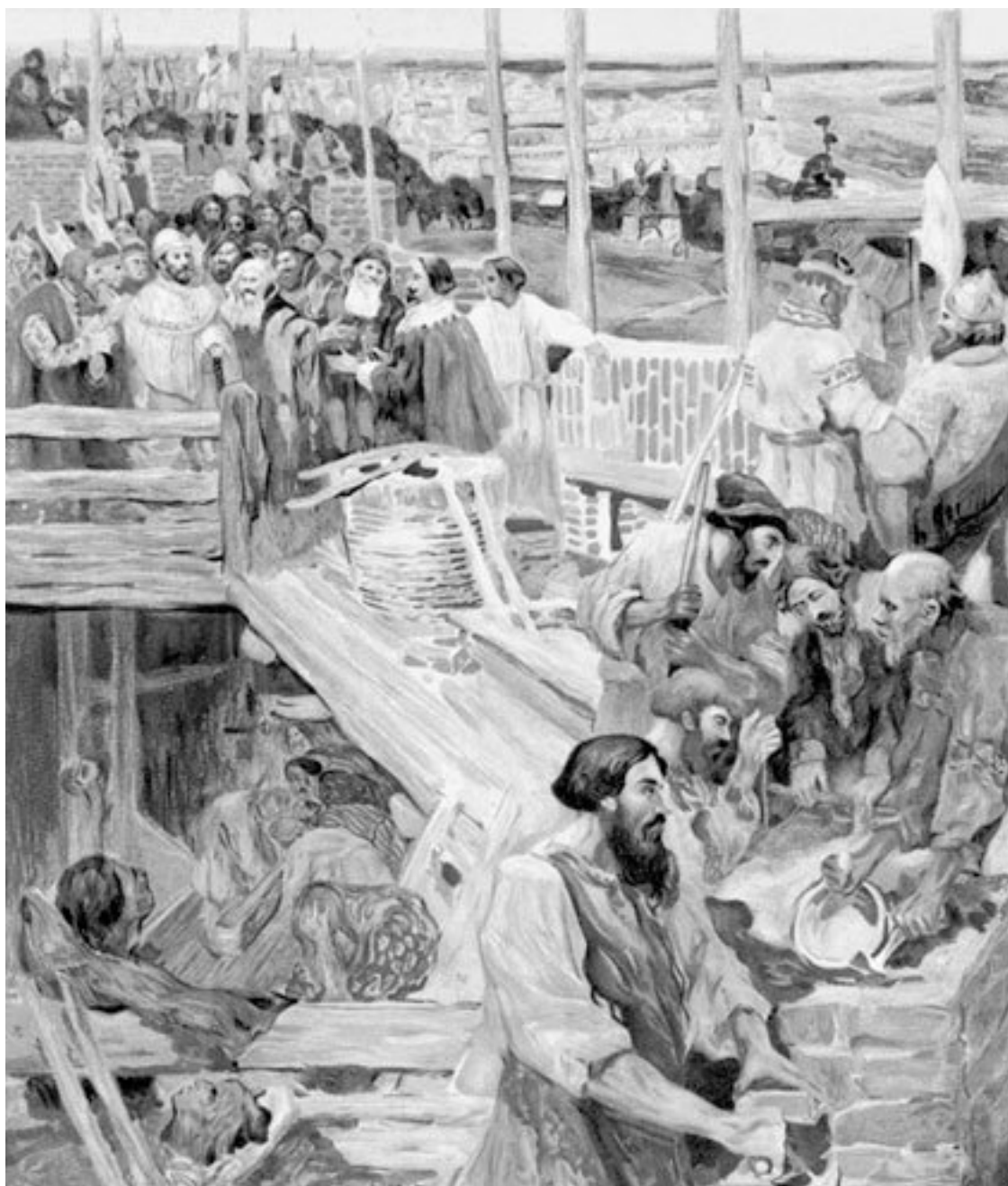
А. Я. Головин. Эскиз декораций к постановке оперы М.П.Мусоргского «Борис Годунов»

Н. Некрасов. Борис Годунов рассматривает карту, по которой учится его сын

В 1587 году Борис заключил договор с Англией. Елизавета, узнав о силе Бориса, сама написала ему письмо, называя своим дорогим родственником, и просила дать такую привилегию членам английской компании, чтобы они не только могли во всей России торговать беспошлинно, но чтобы кроме них не позволялось торговать никаким иноземцам; чтобы сверх того им было разрешено при помощи со стороны русских искать Китайскую землю и пр. Требуя таких выгод для своих, Елизавета никак не хотела допустить московских купцов в Англию для торговли. Борис отклонил излишние требования, как, например, исключительное право английской компании на торговлю в русских краях с изъятием всех других иноземцев; он указал на несообразность позволения искать новые земли, но дал право беспошлинной торговли одной английской компании, тогда как товары всех других иноземцев и даже англичан, не принадлежавших к компании, облагались пошлинами. Торговля англичан в русских землях была оптовая; розничная продажа не была им дозволена. Способ торговли был преимущественно меновой, хотя англичанам предоставлялось право чеканить монету, платя за то пошлину, подобно тому как в то время монету дозволялось вообще бить денежным масте-

рам по определенной форме с платежом пошлин в казну. Главные предметы вывоза были лен, пенька, рыба, икра, кожи, деготь, поташ, сало, воск, мед, меха. Воск дозволялось менять не иначе как на порох, селитру и серу – на предметы, необходимые для ратного дела. По известию англичан, в начале царствования Федора по сравнению с давним временем чувствовался упадок вывоза, свидетельствующий об уменьшении производительности в стране. Так, воску вывозилось прежде до 50 000 пудов, а в начале царствования Федора – только до 10 000; количество же вывозимого сала снизилось со 100 000 пудов на 3000; очень упала тогда торговля льном и пенькой после утраты Нарвы и ее пристани, зато количество мехов, ценность которых означена англичанами на 500 000 рублей в год, увеличилось после открытия пути в Сибирь и с каждым годом возрастало по мере движения русских на восток.

Н. Некрасов. Строительство в Кремле при Борисе Годунове. (Сооружение колокольни Ивана Великого)

Известия англичан об упадке вывозной торговли, относящемся собственно к последним годам царствования Грозного, показывают в числе других данных, что народ обеднел в то тяжелое время. Иначе и быть не могло при больших налогах и обременительных повинностях, вызванных продолжительными войнами, при свирепствах царя Ивана и произволе его слуг и любимцев. Вообще в Московском государстве устроено было все так, что преимущественно богатели царская казна да те, кто так или иначе служил казне и пользовался ею; поэтому ясно, что иноземцы удивлялись изобилию царских сокровищ и в то же время замечали крайнюю нищету народа. Тогдашняя столица своим наружным видом соответствовала такому положению вещей. Иноземца, въезжавшего в нее, поражала противоположность, с одной стороны, позолоченных верхов кремлевских церквей и царских вышек, с другой – кучи курных изб посадских людишек и жалкий грязный вид их хозяев. Русский человек того времени, если имел достаток, то старался казаться беднее, чем был, боялся пускать свои денежки в оборот, чтобы, разбогатев, не сделаться предметом доносов и не подвергнуться царской опале, за которой следовали отобрание всего его достояния «на государя» и нищета его семьи; поэтому он прятал деньги где-нибудь в монастыре или закапывал в землю про черный день, держал под замком в сундуках вышитые золотом дедовские кафтаны и охабни, собольи шубы и серебряные чарки, а сам ходил в грязной потертой однорядке из грубого сукна или в овчинном тулупе и ел кое-что из деревянной посуды. Неуверенность в безопасности, постоянная боязнь тайных врагов, страх грозы, каждую минуту готовой ударить на него сверху, подавляли в нем стремление к улучшению своей жизни, к изящной обстановке, к правильному труду, к умственной работе. Русский человек жил как попало; приобретал средства к жизни как попало; подвергаясь всегда опасности быть ограбленным, обманутым, предательски погубленным, он и сам не затруднялся предупредить то, что с ним могло быть; он также обманывал, грабил, где мог поживлялся на счет ближнего ради средств к своему всегда непрочному существованию. От этого русский человек отличался в домашней жизни неопрятностью, в труде – ленью, в сношениях с людьми – лживостью, коварством и бессердечностью. Состояние народа при Борисе стало лучше, чем при Грозном, уже потому, что хуже времен последнего мало можно найти в истории. Но основные воззрения на государственный порядок и общественный строй не изменялись. Внутренняя торговля была по-прежнему стесняема бесчисленным множеством сборов и пошлин, а трудность и неудобства путей по-прежнему препятствовали легкости сношений. Притом правительство само тогда вело торговлю, и с ним невозможна была никакая торговая конкуренция. Казна иногда присваивала себе на время торговлю каким-нибудь производением (так было и весной 1589 года), и никому не дозволялось торговать им. Накупив по дешевым ценам товара, казна продавала купцам этот товар с барышом, принуждая их брать даже испорченный. Торговые привилегии англичан способствовали на время оживлению торговли, но влекли за собой эксплуатацию народной промышленности. Русским купцам запрещалось ездить свободно за границу; исключение допускалось только по особому царскому позволению; для иностранцев это было выгодно, и они сами не желали этого, кроме поляков, которые не имели замыслов истощать Русь путем торговли. Таким образом, русские не могли ознакомиться ни с лучшим бытом, ни с приемами европейской торговли; в то же время не предпринималось ни малейших средств к народному образованию; при таком состоянии торговля западных европейцев с русскими имела печальный вид сношений ловких и сведущих торгашей с невеждами, когда последние всегда бывают в проигрыше, а первые наживаются за их счет беззастенчивым образом.

И.Е. Репин. Инок Филарет в заточении в Антониево-Сийском монастыре

А.М. Васнецов. Ивановская площадь в Московском Кремле в XVII в.

А.М. Васнецов. Гонцы. Ранним утром в Кремле

Борис щеголял своей кротостью и тем благоденствием, какое будто бы испытывал народ под его управлением; он приказывал московским послам, отправлявшимся к соседям, разглашать, что в Московском государстве не то, что было прежде: все живут во льготах. Вести были преувеличены; если они и были на сколько-нибудь справедливы, то разве относительно владычных и монастырских вотчин да, может быть, имений самого Бориса. Правда, Годунов уже тем облегчал русский народ, что избегал войн, в чем сходилась с желаниями народа, роптавшего, когда правительство начинало войну. Но иностранцы, приглядываясь к народному быту, говорили, что в то время налоги и повинности все-таки были обременительными. Заметим, что тогда уже существовала казенная продажа вина, учреждены были кабаки и кружечные дворы (неизвестно только, везде ли); первые известия об их существовании относятся к последним годам царствования Грозного, и, кажется, способ увеличивать казну за счет людского пьянства принадлежит ему. При Федоре это учреждение было уже так тягостно для народа, что Борис в некоторых местах в виде милости и особой льготы по просьбе жителей уничтожал кабаки. Управление тогдашнего времени не представляло ручательств того, чтобы народу при нем было очень хорошо. Тогда уже образовалась система управления посредством приказов⁶², в которых сидели бояре или окольничие и дьяки; собственно последние всем и заправляли. Эта система приказного управления имела отличительное свойство, вовсе не облегчавшее судьбу народа: все сосредотачивалось в Москве; часто люди должны были по своим нуждам обращаться издалека в столицу, а дьяки тогда уже славились своей алчностью и взяточничеством;

⁶² Главных было четыре, называемых «четями»: Посольская, Разрядная, Поместная и Казанского дворца; им подведомственны были части, или страны, Московского государства. Кроме них существовали еще избы или приказы: Разбойный, Холопий, Большого прихода (куда собирались пошлыны), Дворцовый, Стрелецкий, Ямской. Вероятно, существовали такие, о которых первые известия случайно сохранились от несколько позднего времени.

посулы (взятки) и поминки стали неизбежными признаками приказного управления. По многим городам назначались воеводы, которые как правило пребывали на одном месте не более года, а при воеводах находились дьяки, и последние, хотя и были ниже дворян, обычно посылаемых в звании воевод, но как люди грамотные, имели больше силы, чем воеводы, часто безграмотные. Воеводы и дьяки, получая места в городах, должны были давать взятки в приказах, а себя за то вознаграждали всяким образом за счет подчиненных. Награбленное ими не всегда шло им впрок; нередко после лишения должности их обвиняли, в виде наказания ставили на правеж и вымучивали у них то, что они успели высосать из народа. Земское самоуправление сохранялось не везде; мы его встречаем в большей силе на севере, а в других местах ощущалась власть наместников и воевод, и если формы самоуправления существовали, то были под сильным давлением приказного порядка. Страх, который наводили опричники Ивана Грозного, в глазах народа оставался и в это время вообще за царскими чиновниками. Посадский или волостной человек, завидя издали дворянина или дьяка, убегал от него, а если встречался с ним или имел к нему дело, валялся у него в ногах; зато, по замечанию англичан, всякий убогий крестьянин, ползающий перед дворянином, делался жестоким мучителем своих братии, если только возвышался над ними и получал какое-нибудь начальство.

И.Е. Репин. Федор Никитич Романов-Захарьин-Юрьев

Вообще Борис в делах внутреннего строения имел в виду свои личные расчеты и всегда делал то, что могло придать его управлению значение и блеск. Такой смысл имело преобразование, совершенное им в порядке церковной иерархии. Борис задумал учредить в Московском государстве патриархию. Он воспользовался приездом константинопольского патриарха Иеремии, который со своим греческим духовенством разъезжал для сбора милостыни и привез царю Федору икону с каплями Христовой крови. Гостям оказали блестящий и вместе с тем очень чванный прием. Греки поражены были блеском золототканых одежд царя и царицы, унизанных жемчугом, усыпанных дорогами камнями; богатством окладов на бесчисленных иконах; огромными серебряными сосудами, изображавшими зверей, птиц, деревья; настенной мозаикой, блиставшей золотом и изображениями из Священной истории. Борис сообщил патриарху свое намерение насчет учреждения патриаршества. Иеремия одобрил это намерение.

Борис предложил самому Иеремии быть в Москве патриархом, но с тем, чтобы он жил не в Москве, а во Владимире, так как Борис ни за что не хотел удалять из столицы или оставлять в ней не первым, а вторым своего любимца Иова. Иеремии не слишком было хорошо в Турции, он готов был променять ее на Русь, но не хотел жить иначе как в Москве. Поэтому обе стороны сошлись на том, что Иеремия, наделенный богатой милостыней, согласился на возведение митрополита Иова в сан патриарха. Для соблюдения законности созвали собор, и архиереи предложили трех кандидатов, предоставляя царю избрать из них патриарха по своему усмотрению. Разумеется, избран был Иов, и 26 января 1589 года совершилось его посвящение. Вместе с тем архиепископы новгородский, казанский, ростовский и крутицкий (иначе сарский и подонский, живший в Москве на Крутицах) возведены были в сан митрополита, а шесть епископов получили архиепископский сан. Посещение Москвы константинопольским патриархом было первым событием в своем роде и повело к некоторому приливу греков духовного сана в Московское государство и к большему сближению с православным Востоком. Бывший в Москве вместе с Иеремией элассонский епископ Арсений, возвратившийся с ним в Грецию, приехал опять в Русь и получил суздальскую епархию; архиепископ кипрский Игнатий проживал в Москве. От царя посылались постоянно богатая милостыня на Восток.

Борису нужно было привечать духовенство и возвышать его, чтобы при всякой нужде опираться на него и находить в нем для себя могучую поддержку. Учреждение патриаршества давало русской церкви блеск, сообщало этот блеск и самому государству, которое у тогдашних риториков называлось третьим Римом, но более всего возвышало Годунова, получавшего посредством этого и славу благодетеля русской церкви, и больше ручательства в содействии своим видам со стороны духовенства; патриарх был как бы государь; его титул вызывал благоговейный страх, особенно сначала, пока являлся новым для русских: что скажет патриарх, то должно быть истиной; а такой патриарх, как Иов, всегда и во всем готов был потакать Борису. В сущности патриаршество мало приносило церкви внутренней силы; самостоятельность русской церкви и независимость от всякой другой церковной власти и без того уже утвердились временем, а поручительства от произвола светских властей патриаршество ей давало не более того, чем мог бы дать собор при нравственной силе своих членов. Для истинной пользы русской церкви в то время нужны были не титулы, не наружный блеск, а образованные и нравственные пастыри; напротив, патриаршество, как показали последствия, ставило преграду внутренним преобразованиям как в церкви, так и в гражданском обществе, поэтому уничтожено было позднее как один из признаков, наиболее препятствовавших культурному движению русского общества.

Как ни старался Годунов избегать всякой войны с соседями, однако в 1590 году, по истечении перемирия со Швецией, принужден был начать неприятельские действия. Шведы удерживали отнятую при Грозном часть Водской пятины и не хотели возвращать ее, хотя Борис и предлагал за нее деньги. Московскому государству было особенно тяжело, что у него отняли море. В январе 1590 года началась война.

Самого царя взяли в поход, находя полезным, чтобы он был при войске. Шведы действовали плохо, не более как через месяц сами предложили перемирие на год и уступили царю Ям, Копорье и Ивангород. Русским этого было недостаточно. Они хотели также вернуть Нарву и Корелу, но приступ их к Нарве был неудачен, и осторожный Борис, побоявшись подвергаться опасностям дальнейшей войны, поспешил взять то, что давалось, отлагая на будущее время возвращение остального. С тех пор несколько лет съезжались русские и шведские уполномоченные; не могли сойтись, начинались опять военные действия, вообще незначительные; потом опять съезжались послы толковать о примирении и только уже в 1595 году заключили мир. Шведы вернули русским Корелу, а русские отказались от Нарвы и от всех притязаний на Эстонию.

Между тем в те годы, когда происходили переговоры со шведами о границах, в Московском государстве совершались важные трагические события. Дмитрий рос в почетном изгнании в Угличе и представлял в будущем большую опасность для Бориса. Федор был бездетен, слаб здоровьем, и в случае его смерти царевич Дмитрий был бы провозглашен его преемником на престоле. Борису, естественно, грозила гибель. Нагие и люди партии Дмитрия, конечно, не простили бы ему ни его прошлого величия, ни их удаления от царя. Этого мало: Дмитрий, достигнув возраста, мог быть опасен и для самого Федора. Если были люди, которые тотчас же после смерти Грозного думали вместо Федора посадить на престоле малолетнего Дмитрия, то тем скорее сам Дмитрий, став совершеннолетним, мог собрать около себя партию людей, которые были недовольны тем, что на престоле сидит слабоумный царь, а всем управляет временщик, и легко присоединились бы к намерению низложить Федора. Рассказывали, что малолетний Дмитрий уже в детстве показывал отцовские наклонности, любил смотреть, как убивают домашних животных, и сам ради потехи убивал их палкой. Говорят, однажды, играя с детьми, он сделал из снега несколько человекоподобных фигур; одну из них назвал Борисом Годуновым, других – именами разных бояр, приятелей Годунова, бил их палками, говорил, что рубит им головы, руки, ноги, и прибавлял: «Вот как будет, когда я стану царствовать!» Смерть этого ребенка казалась не только полезной для видов Годунова, но и необходимой для его существования.

В 1592 году Годунов отправил в Углич надзирать за земскими делами и над домашним обиходом царицы Марфы своих доверенных людей: дьяка Михаила Битяговского с сыном Даниилом и племянником Качаловым. Нагие и сама царица не терпели этих людей; они беспрестанно с ними ссорились.

15 мая 1591 года в полдень пономарь соборной церкви Углича ударил в набат. Народ сбегался со всех сторон во двор царицы и увидел царевича мертвого с перерезанным горлом. Мать в исступлении обвиняла в убийстве людей, присланных Борисом. Народ убил Михаила и Даниила Битяговских и Никиту Качалова, а сына мамки царевича Волоховой притащил в церковь к царице и убил по ее приказанию перед ее глазами. Умертвили еще несколько человек по подозрению в сговоре с убийцами.

Борис Годунов. Парсуна XVII в.

Дали знать в Москву. Борис отправил на следствие боярина князя Василия Ивановича Шуйского и окольного Андрея Клешина. Последний был человек, вполне преданный и покорный Годунову. Первый принадлежал к роду, не расположенному к Борису, но при стечении тогдашних обстоятельств волей-неволей должен был действовать в его видах. Свидетелей убийства не было. Преступников тоже. Шуйский, человек хитрый и уклончивый, рассчитал, что если он поведет следствие так, что Годунов будет им недоволен, то все-таки Борису ничего не сделает, потому что верховным судьей будет тот же Борис, а себя подвергнет впоследствии его мщению. Шуйский решил вести следствие так, чтобы Годунов был им вполне доволен.

Следствие произведено было бессовестным образом. Все притягивалось к тому, чтобы выходило, будто царевич зарезался сам. Осмотра тела не сделали; людей, убивших Битягов-

ского с товарищами, не допросили. Царицу также не спрашивали. Показания, снятые с разных лиц, кроме показания Михаила Нагого, одинаково гласили, что царевич зарезался в припадке падучей болезни. Одни явно лгали, показывая, что сами видели, как происходило дело; другие показывали то же, не выдавая себя очевидцами. Тело царевича было предано земле в церкви Св. Спаса в Угличе.

Годунов подал это следствие на обсуждение патриарха и духовенства. Патриарх, всем обязанный Борису, произнес такое мнение, какое угодно было его покровителю; ему не противоречили и прочие святители, а заявили только, что это дело земское, не церковное. Бояре не могли сопротивляться не только из страха перед Борисом, но и потому, что не имели никаких данных к сопротивлению. Годунов сослал всех Нагих в отдаленные города в заключение; царицу Марию постригли под именем Марфы и сослали в монастырь Св. Николая на Выксе (в Череповецком уезде).

Над жителями Углича была совершена жестокая расправа: обвиненных в убийстве Битяговского с товарищами казнили смертью; другим за смелые речи отрезали языки, и многих жителей сослали в Сибирь для заселения города Пелыма. Предание говорит, что Годунов сослал в Сибирь даже тот колокол, в который били в набат в день убиения Дмитрия, и его до сих пор показывают в Тобольске.

Правительство объявило и приказывало народу верить, что смерть царевича произошла от самоубийства, однако в народе сохранилось убеждение, что царевич был зарезан по тайному приказанию Бориса. Ходили об этом разные рассказы; их вносили в летописи. К счастью для истории сохранился один рассказ, носящий явные признаки того, что был составлен современником, и притом близко знавшим об этом событии. По этому рассказу, царевич Дмитрий в день своей смерти чувствовал себя нездоровым, но, по обычаю, отслушал обедню, пришел домой и переменял платье; ему принесли богородицын хлебец (просфору). Царевич съел просфору и потом попросил пить, а после того пошел со своей кормилицей Тучковой-Ждановой погулять. Матери с ним не было. Дяди Нагие разъехались обедать. Когда царевич с кормилицей подошел к церкви Св. Константина и Елены, появились Качалов и Даниил Битяговский, ударили кормилицу палкой, чтобы ошеломить ее, и в то же мгновение перерезали царевичу горло, а сами стали громко кричать... Прибежала мать, схватила царевича на руки... он умер. Царица велела ударить в набат, сбежался народ; мать кричала, что царевича зарезали, указывала на убийц... Народ в остервенении побил камнями тех, на кого она указала.

Из этого рассказа видно, что свидетелей убийства собственно не было. Сама кормилица не могла прямо сказать, что видела, как его зарезали; она могла только вызвать подозрение рассказом о том, как ее ударили. За то кормилицу вместе с ее мужем приказано было взять «бережно», наблюдая, чтобы они с дороги не убежали, и привезти в Москву. Нет известий, куда потом делась эта несчастная супружеская чета.

Остается неизвестным, в какой степени с согласия Бориса убийцы совершили это дело: был ли им дан положительный намек, или же, быть может, они сами поняли, что если ловко обделают это дело, то Борис сумеет их наградить, не сказав, за что он награждает. Им не удалось получить награды; Борис только облагодетельствовал их семейства.

Вскоре после смерти царевича Дмитрия, 23 мая, на праздник Троицы, во время отсутствия царя, уехавшего в Сергиев монастырь, вспыхнул в Москве пожар, обративший в пепел значительную часть Белого города. Борис тотчас начал раздавать пособие погоревшим и за собственный счет отстраивал целые улицы. Несмотря на такую щедрость, в народе ходили слухи, что пожар произвели люди Годунова по его приказанию для того, чтобы отвлечь внимание столицы от совершенного убийства. Годунов со своей стороны обвинял в поджигательстве людей Нагих.

Казачье войско

Спустя менее чем два месяца столица испытала новую тревогу. Крымский хан Казы-Гирей долго обманывал Москву, уверяя, что будет посылать татар на Литву, а на Москву не пошлет, и вдруг неожиданно бросился с громадной силой в русские пределы. Тогда ожидали разрыва со Швецией и сосредотачивали военные силы на севере. Хан так скоро очутился на Оке, что русские думали только о защите столицы. Осторожный Борис не взял на себя главного начальства над войском, оборонявшим Москву, а поручил его князю Федору Мстиславскому, сам же занял после него второе место. 4 июля Казы-Гирей подошел к селу Коломенскому; русские стояли в обозе. Татары побились с русскими и потеряли несколько мурз. Хан вечером приблизился к селу Воробьеву и смотрел с вершины горы на Москву. Годунов приказал без умолку палить из пушек, а русские пленники сказали хану, что в Москве стреляют от радости, потому что туда пришли новые силы из Новгорода и других мест и готовы на другой день утром ударить на хана. Тот немедленно бежал со всеми своими силами. Мстиславский и Годунов погнались за неприятелем, разбили его отставшие полчища близ Тулы, но хана не могли нагнать. Он ускакал в простой телеге в Бахчисарай, растеряв по дороге множество своих воинов.

Хотя Годунов, ожидая Казы-Гирея, сдал главное начальство Мстиславскому, но последний получил от имени царя выговор за то, что в своем донесении не упомянул имени Бориса. Вся честь победы должна была приписываться Борису: об этом велели рассказывать и в чужих землях. Борис принял тогда титул «слуги», который, по тогдашнему придворному обычаю, давался за важные победы. В память спасения Москвы заложен был монастырь, названный Донским по имени иконы Богородицы, находившейся с Дмитрием на Куликовом поле; она же была и с Годуновым при защите Москвы от Казы-Гирея.

Тогда, как говорит современное повествование, писатели сплетали безмерные, несказанные похвалы правлению Бориса, желая угодить ему и расположить к себе. Люди хоть и видели, что все это ложь, но не смели не только ничего сделать, но даже чего-нибудь помыслить против Годунова. Он отнял у всех власть и всех держал в страхе. В Алексине начались разговоры о том, что Борис сам навел хана, чтобы отвлечь русских от убийства Дмитрия. Годунов тотчас приказал разыскать злословивших о нем, предавать пыткам, заключать в темницы, резать языки,

но действовал так, как будто бы все это шло не от него. Случится, как говорит то же повествование, что кого-нибудь надо казнить, тогда писали: «Приговорили князь Федор Мстиславский с товарищи», а если кого-нибудь жаловали или прощали, то писали: «Пожаловал царь по прошению Бориса Федоровича».

В следующем году (1592) у царя Федора родилась дочь Феодосия. Борис показывал свою радость, именем царя выпускал из темниц узников, раздавал милостыню духовенству, но никто не верил в его искренность, и когда через несколько месяцев маленькая царевна умерла, в народе пошли толки, что Борис отправил ее на тот свет.

Годунов, однако, делал свое дело и приобретал себе всеми мерами сторонников. Уже он заручился расположением духовенства. Тарханы, уничтоженные соборным приговором, оставались в прежней силе и постоянно давались новые. Духовенство видело, что Борис защищает его материальные выгоды; нужно было Борису также расположить к себе служилых людей. И вот Годунов издал закон, уничтожавший Юрьев день – право перехода крестьян с земли одного владельца на землю другого. Все крестьяне обязаны были навсегда оставаться в повиновении своим помещикам и вотчинникам. Этим законом Борис до чрезвычайности угождал всей массе незнатных землевладельцев, обязанных службой и для достижения средств благосостояния и для исправности на службе постоянно нуждавшихся в рабочих руках. Надо заметить, что к этому располагало еще и следующее обстоятельство. С открытием Сибири, с занятием земель на юге Московского государства последовало движение народа на новоселье. Пустели целые посады и волости. Один англичанин, проехавший от Вологды до Ярославля, видел по дороге до пятидесяти деревень, оставленных жителями. Если не поставить пределов такому движению, то предстояла опасность, что центр государства лишится большей части своего населения, а оставшиеся не в состоянии будут нести налогов и станут нищими. Притом же льготы, предоставленные имениям монастырским и владычным, естественно приманивали туда крестьян от служилых землевладельцев. Годунов нуждался в опоре со стороны духовенства и потому не решался огорчить его действительным отнятием у него привилегий, но, с другой стороны, он нуждался также в расположении служилого сословия. Борис прибегнул к уничтожению крестьянского перехода – мере, которая, удовлетворяя выгодам служилого сословия, вместе с тем казалась выгодной для государства. Что касается бояр, владевших большими вотчинами, то эта мера не представляла для них на первых порах особых выгод, так как они имели возможность давать крестьянам большие льготы и тем приманивать их к себе.

Святейший Иов, патриарх московский и всея Руси. Титулярник 1672 г.

Однако эта мера пришлась не по душе народу; вместо законно переходивших от владельца к владельцу крестьян с тех пор появились беглые, и количество их увеличивалось с каждым годом. Владельцы преследовали их, искали на них суда, заводили тяжбы, требовали возвращения крестьян; а те из крестьян, которые были поудалее, бежали в казаки или же умножали собой разбойничьи шайки. Годунов, стараясь удержать народонаселение в центре государства, нуждался, однако, и в расширении его на окраинах. Нашествие крымского хана убеждало его в необходимости умножать количество городов на юге и населять их ратными людьми. Таким образом, в конце 1593 года Борис построил вниз по реке Оскол крепости Белгород, Оскол, Валуйки. Хан Казы-Гирей, потерпев неудачу под Москвой, в 1594 году заключил мир и дал «шертную» грамоту, обещая не беспокоить русских пределов, но этот мир был

куплен: русские заплатили 10 000 рублей и одарили хана тканями и мехами. Такой мир был непрочен, потому что крымцы дружили до тех пор, пока брали подарки, а перестав их получать, считали разорительные набеги лучшим средством заставить платить им снова. Чтобы обуздать крымского хана, Борис отправлял посольство в Константинополь, просил султана запрещать татарам беспокоить русские пределы, уверял, что русский государь питает любовь к султану и не слушает советов императора, папы, короля польского, короля испанского и персидского шаха, которые убеждают его идти войной на Турцию; но турецкий визирь с гордостью отвечал московскому послу, что Турция никого не боится, а если московский государь желает дружбы султана, то пусть отдаст ему Астрахань и Казань, отступится от грузинского царя, который есть подданный султана, и кроме того уведет с Дона казаков. В Турции очень хорошо понимали лживость уверений в дружбе. Действительно, московское правительство называло перед турками казаков разбойниками, однако посылало им воинские снаряды и готово было пользоваться их услугами против мусульман. С императором велись несколько лет сношения: главным предметом были переговоры насчет предполагаемой войны с турками. Сношения эти ничем не закончились кроме подарков с обеих сторон, довольно значительных, так что однажды со стороны русских было послано на воинские издержки мехов на 44 000 рублей. Столь же бесплодными были сношения с персидским шахом Аббасом; толковали о том, что следует русским сообща с персиянами воевать против турок, но ни те, ни другие ничего не предпринимали. Так же мало значения имели два посольства папы Климента VIII, дважды отправлявшего в Москву своего легата Комулея с целью убедить московского царя действовать против турок, а вместе с тем поговорить и о соединении церквей. Более искренни со стороны Бориса были сношения с Англией, особенно когда не стало дьяка Андрея Щелкалова: хотя последний был всегда во всем заодно с Борисом, но в отношении англичанам не питал того расположения, какое оказывал к ним Годунов. Замечательно, что Елизавета настолько дорожила добрым расположением московского правительства, даровавшего купцам такие выгоды, что книгу Флетчера о Русском государстве, в которой в черном виде представлен государственный строй и Борис является не в выгодном свете, подвергла запрещению.

Развлечения: качели и карусели (по А. Олеарию)

Всякое общественное бедствие и всякое общественное предприятие давали Борису повод показывать свою заботливость о судьбе народа. В Москве в 1595 году случился пожар в Китай-городе, и Годунов способствовал скорейшему возобновлению сгоревших дворов; вслед за тем открылось покушение зажечь Москву, и Борис к удовольствию народа предал казни виновных. Происходили пожары и в других городах – и там Борис подавал помощь погоревшим. В некоторых местах были неурожаи: Борис посылал туда хлебные запасы. Посетило Русь также нередкое в ее истории бедствие – заразные болезни, сильно опустошавшие тогда Псков: Годунов учреждал заставы, чтобы не дать им распространиться в других областях. В 1596 году задумал Борис соорудить каменные стены в Смоленске и вместо того, чтобы, по обычаю, гонять людей на городовое дело, устроил работы наймом. Он сам отправился на место постройки показать себя тамошним жителям: они находились близко к литовским пределам; у них еще свежо было предание, что их деды принадлежали Литве; им особенно полезно было показать, что в Москве правительство доброе и впредь можно ожидать от него всякого добра. Борис останавливался в городах и селах, с участием выслушивал челобитные, поил, кормил тамошних людей, раздавал бедным милостыню.

Но более всего Годунов рассчитывал кроме духовенства на служилое сословие, ввиду чего в 1597 году подтвердил закон о прикреплении крестьян к земле, установил, чтобы всех убежавших из поместий и вотчин в течение предшествовавших пяти лет отыскивали и возвращали к повиновению помещикам и вотчинникам; кроме того он узаконил, чтобы все те, кто прослужил и прослужит у господ не менее полугода, становился при этом их вечным холопом и был записан в книги Посольского приказа. Такое узаконение, конечно, было приятно для служилых, нуждавшихся в рабочих руках, но не могло быть приятным для народа, из которого множество лиц, не ожидая, не ведая, вдруг оказались в рабстве. Много было обязанных Борису

и готовых стоять за него ради собственных интересов, но мало было истинно любивших его. Все щедроты и благодеяния правителя толковались в дурную сторону, а злые языки беспрестанно приписывали ему новые злодеяния. Когда ослеп Симеон Бекбулатович, которого некогда Грозный сделал на время игрушечным русским государем, распространился слух, будто Годунов испортил его посредством волшебного питья.

У стены Китай-города

Русский струг (по А. Оларию)

Царь Федор Иванович был чужд всего соответственно своему малоумию. Вставал он в четыре часа; приходил к нему духовник со святой водой и с иконой того святого, чья память праздновалась в настоящий день. Царь читал вслух молитвы, потом шел к царице, которая жила особо, вместе с ней ходил к заутрене, потом садился в кресло и принимал близких лиц, в основном же монахов; в 9 часов утра шел к обедне, в одиннадцать часов обедал, потом спал, потом ходил к вечерне, иногда же перед вечерней – в баню. После вечерни царь до ночи проводил время в забавах: ему пели песни, сказывали сказки, шуты потешали его кривляньями. Федор очень любил колокольный звон и сам иногда хаживал звонить на колокольню. Часто он совершал благочестивые путешествия, ходил пешком по московским монастырям, посещал вместе с царицей Троицкую обитель, монастырь Пафнутия Боровского и пр. Однако кроме таких благочестивых наклонностей Федор показывал и другие, напоминавшие нрав родителя: он любил смотреть на кулачные бои и на битвы людей с медведями. Челобитчики, обращавшиеся к нему, не видели в нем участия; «избегая мирской суеты и доуки», он отсылал их к Борису. Царица Ирина от своего имени иногда давала милостивые повеления и в день своего ангела выпускала узников из темниц. Слабоумие Федора не внушало, однако, к нему презрения: по народному воззрению, малоумные считались безгрешными и потому назывались «блаженными». Монахи восхваляли благочестие и святую жизнь царя Федора; ему заживо приписывали дар прозрения и прорицания: рассказывали между прочим, что во время нападения Казы-Гирея на Москву блаженный царь молился и предрек бегство крымцев. Болезненность привела его к преждевременной смерти. Он скончался 7 января 1598 года, на сорок первом году жизни.

Погребение (по А. Олерию)

Годунов объявил, что умерший царь передал державу свою царице Ирине и поручил «строить свою душу» патриарху Иову и с ним своему шурину Борису и двоюродному брату Федору Никитичу Романову-Юрьеву.

Это была неслыханная новость: никогда еще женщина не царствовала самостоятельно, не будучи опекуной детей; притом жена после мужа не могла быть преемницей ни по какому праву. Однако права престолонаследия уже не существовало. Еще Иван III своими речами и поступками показал, что государь может отдавать свое государство кому захочет. Грозный приучил не рассуждать ни о каких правах. Единственное, что сохранилось еще в воззрении народа, – это воля земли, которую призывал Иван Грозный для освящения своей Опричнины и в которой оказалась необходимость для утверждения Федора на престоле. Ирине муж при смерти передал державу, но Ирина имела только временное значение правительницы государства, пока не установится выбор всей землей. Через девять дней Ирина постриглась в Новодевичьем монастыре.

Тогда собрались бояре и постановили, что правление остается в руках бояр. Созвали народ целовать крест Боярской думе, но созванная толпа состояла в большинстве из доброжелателей Бориса. Они закричали, чтобы царем был Годунов.

Иов тотчас воспользовался этим и стал говорить, что следует идти просить Бориса принять царство.

Духовенство было с ним заодно, толпа служилых одобрила предложение; среди бояр были родственники и сторонники Годунова, его воцарение обещало им выгоды и почести; Шуйским, Мстиславскому, Романовым, Черкасским не по сердцу оно было, но они не в силах были противостоять общему желанию. Все отправились в Новодевичий монастырь, где находился Борис с сестрой, которая уже приняла имя инокини Александры. Борис делал вид, будто весь погрузился в богомыслие.

Патриарх просил сначала бывшую царицу благословить на царство брата своего, потом обратился к Борису и говорил: «Будь нам милосердным государем, царем и великим князем, не дай в поприще православной веры и в расхищение христиан православных».

Борис на это отвечал: «И в разум мне никогда не приходило, и в мысли того не будет, чтобы мне царствовать; как можно, чтобы я помыслил на такую высоту! Да теперь нам время помышлять, как бы устроить праведную и беспорочную душу государя царя и великого князя Федора Ивановича, а о государстве и земских делах радеть и промышлять тебе, отцу святейшему патриарху и боярам вместе с тобой. А если моя работа пригодится, так я рад голову положить за Святые Божий церкви и за одну пядь земли».

Патриарх приводил ему примеры из Ветхого Завета и византийской истории, когда лица не царского происхождения приобретали славу своими заслугами и были избираемы на царство. Но Борис не поддавался риторике и силе исторических примеров и отказывался.

Патриарх еще устраивал такие же путешествия, и для большей наглядности служилые люди, расположенные к Борису, взяли с собой жен и детей. Но и это не помогло. Борис говорил, что думает о спасении души, а не о земном величии.

Тогда патриарх Иов сказал народу, что следует подождать окончания сорокоуста: Борис Федорович со своим обычным благочестием весь предался молитве за своего благодетеля, царя Федора Ивановича, а тем временем надо созвать земский собор из людей всякого чина; когда всей землей начнут его просить – он не дерзнет противиться.

Пособники Годунова поехали по городам содействовать, чтобы в Москву съехались такие люди, которые благоприятствуют Борису. К началу масленицы собрались в Москве выборные люди.

Собор этот устроен был заранее в видах Бориса. Всех членов было 474 человека, из них 99 были из духовного звания, а 272 – из служилых, из которых 119 небогатых помещиков, всем обязанных Борису; на долю собственно народа приходилось немного: из них надо отнести к сторонникам Годунова гостей, связанных с ним интересами торговли, так как, владея большими имениями, он продавал им свои произведения. В числе собравшихся были, однако, и недоброжелатели Бориса, да ничего не могли они сделать, им даже и говорить не дали.

17 февраля в первый раз собрались выборные люди в Кремле. Патриарх, спросив их, кому быть в государстве царем, не дождался от них ответа, не допустил их ни рассуждать, ни спорить, а сказал, что у патриарха, у всего духовенства, у бояр, дворян, приказных и служилых людей и у всех православных христиан, которые были в Москве прежде, одна мысль: молить Бориса Федоровича Годунова, чтобы он был на царстве, и не хотеть иного государя. Сторонники Бориса стали тотчас восхвалять его добродетели, а патриарх затем объявил: кто захочет искать иного государя, кроме Бориса Федоровича, того предадут проклятию и отдадут на кару градскому суду.

После такого заявления никто не посмел и заикнуться против воли патриарха.

Патриарх назначил три дня молиться, поститься, а на четвертый день, 20 февраля, в понедельник на сырной неделе, двинулся со всеми выборными людьми в Новодевичий монастырь. За выборными людьми пошла громада московской черни: мужчины, женщины, дети. Пособники Бориса ходили между чернью и объявляли, что кто не пойдет просить Бориса на царство, с того возьмут пени два рубля. Годунов вышел и наотрез сказал, что не помышляет о высоте царства. Тогда, возвратившись в Кремль, патриарх объявил, что нужно вновь на другой день просить Бориса Федоровича и нести к нему икону Богородицы из Вознесенского монастыря. «Если Борис Федорович не согласится, – говорил патриарх, – то мы со всем освященным собором отлучим его от церкви Божией, от причастия Святых Тайн, сами снимем с себя святительские саны и за ослушание Бориса Федоровича не будет в церквях литургии, и учинится святыня в поприще, христианство в разорении, и воздвигнется междоусобная брань, и все это взыщет Бог на Борисе Федоровиче».

Во вторник 21 февраля зазвонили во всех московских церквях, и народ вслед за патриархом огромной толпой двинулся к Новодевичьему монастырю. Борис вышел навстречу чудотворной иконе и поклонился до земли. «Не мы сей подвиг сотворили, – говорил патриарх, – а Пречистая Богородица с Предвечным Младенцем и святыми чудотворцами возлюбила тебя и изволила прийти напомнить тебе волю Сына своего Бога нашего; повинись Его святой воле, не наведи на себя своим слушанием гнева Божия».

Борис ушел к сестре в келью; патриарх отслужил обедню, потом пошел в келью с несколькими боярами, приверженцами Бориса. Толпа стояла на дворе вокруг кельи. Бояре из окон кельи давали знак приставам, а приставы заставляли народ кланяться, вопить и плакать. Здесь находилось много женщин с младенцами. Некоторые москвичи из раболепства и страха от недостатка слез мочили глаза слюнями, а тех, которые неохотно вопили и кланялись, пособники Годунова понуждали в спину пинками. «И они, хоть не хотели, – говорит летописец, – а поневоле выли по-волчьи». Патриарх, истощив старания тронуть сердце Бориса зрелищем плачущего русского народа, стал, наконец, грозить ему, что он принесет Богу ответ, если в безгосударное время будут в попрање святая вера и православные христиане в расхищении от иноземцев.

Инокиня Александра стала уговаривать Бориса. «Неужели, – сказал он, – и тебе, моей государыне, угодно возложить на меня такое невыносимое бремя, о котором у меня никогда и на мысли не было, и на разум не приходило?»

«Это Божие дело, а не человеческое, – сказала Александра, – как будет воля Божия, так и твори».

Тогда Борис с видом скорби залился слезами и, подняв глаза к небу, сказал: «Господи Боже мой, я твой раб, да будет воля твоя!»

Патриарх благословил Бориса, его сестру и жену, затем вышел к народу и провозгласил: «Борис Федорович нас пожаловал, хочет быть на великом российском царствии». – «Слава Богу», – кричали все, а приставы толкали людей, чтобы те кричали погромче и повеселее.

26 февраля Борис прибыл в Москву, поклонился святыне, а потом опять уехал в Новодевичий монастырь, как будто на постный подвиг, и не прежде прибыл в столицу, как после Пасхи. Венчание на царство происходило 1 сентября. Тогда Борис сказал громко патриарху: «Бог свидетель, отче, в моем царстве не будет нищих и бедных». Затем, взявшись за воротник рубашки, он прибавил: «И эту последнюю разделю со всеми!»

Годунов рассчитал, что нужно на первых порах расположить к себе народ, приучить любить себя и повиноваться себе. С этой целью он освободил весь сельский народ от податей на один год, а равно и всех инородцев от платежа ясака. Всем торговым людям Борис дал право беспошлинной торговли на два года, служилым людям выдал одновременно годовое жалованье. В Новгороде (и быть может, в других местах) он закрыл кабаки. Показывая себя блюстителем нравственности, Борис преследовал бесчинное пьянство, что нравилось добронравным людям. Сидевшие в тюрьмах получали свободу, опальным прежнего царствования давалось прощение; вдовы, сироты, нуждающиеся получали от щедрот царя вспоможение. Борис непрестанно кормил и одевал неимущих. Казней не было. Годунов даже воров и разбойников не наказывал смертью. Но все это была только мишура. Все благие стремления Бориса клонились только к одной цели – утвердить себя и род свой на престоле; он сочинил особую молитву о своем здравии, которую заставлял всех подданных непременно произносить во время заздравных чаш. Борису хотелось, чтобы русские во что бы то ни стало и какими бы то ни было путями привыкли к нему и полюбили его. Цель мало достигалась. Только духовенство и служилые были действительно за Бориса; народ не любил его. Законы о прикреплении к земле и о холопстве стали источниками смут и беспорядков. Крестьяне беспрестанно бегали от помещиков; те искали их, преследовали, возникали из-за них тяжбы. Закон о холопстве приводил ко всевозможным насилиям. Не только прослужившие шесть месяцев попадали в рабство; иногда

судья в угоду богатому приговаривал к холопству и такого, который несколько дней прослужит у господина, и это делалось на том основании, что господин на него издержался. Призовут мастерового работать в дом, а господин дома изъявит притязание, что он его холоп. Начнется суд, судья потакает господину, взяв с него взятку. Иного зазовут в гости, обласкают, покормят, а потом вымучат у него кабалу. Даже детей боярских, которые имели поместья и поступали к боярам и к богатым дворянам служить в ратном деле, сильные господа при случае принуждением обращали в холопов. Хватали иногда прохожих по дороге, затаскивали в дом и вымогали с них кабалу муками и насилиями. Богатый на бедняка подает иск, и бедняка присуждают в рабство богатому. Зато ловкие пройдохи пользовались обстоятельствами – продадут себя в одном доме, поживут и обокрадут хозяина; бегут в иной дом или город и там сделают то же, перейдут к третьим и т. д. Таким образом, между господами и холопами была круговая порука – то господин обращает насильно свободного человека в холопа, то последний, став добровольно холопом, разоряет господина.

Церковь Воздвижения Креста Господня на Воздвиженке в Москве. Гравюра XIX в.

Но минули льготные годы, возобновились кабаки, пьянство опять сделалось источником казенных доходов и причиной народного развращения. И вот в то время, когда Борис рассыпал свои щедроты, по дорогам нападали на проезжих, разбойничьи шайки умножались и увеличивались, и в самой Москве, стоило выйти ночью со двора, можно было опасаться, что кто-нибудь ударит кистенем в голову. Каждое утро привозили в Земский приказ убитых и ограбленных на улицах.

По отношению к соседям Годунов держался прежней своей политики: сохранять сколько возможно мир, хотя при случае не гнушался и коварством. Польско-литовский посол Лев Сапега предлагал дружески тесный оборонительный союз Москвы с Польшей. Но это намерение не состоялось, потому что русские ни за что не хотели допустить постройку костелов для поляков в своем государстве. Заключено было только перемирие на двадцать лет. Борис вопреки этому перемирию думал исподтишка поднять ливонцев против поляков и хотел расположить их между прочим тем, что освободил всех бывших в плену ливонцев и пораздавал им поместья. Как бы в досаду Сигизмунду Борис принял к себе Густава, изгнанного сына Эрика XIV, дал ему в удел Калугу, хотел женить на своей дочери, а потом, рассердившись на него за то, что он не хотел расстаться со своей любовницей, сослал его в Углич. С Елизаветой Годунов продолжал находиться в самых приятных отношениях, но, предоставляя право беспошлинной торговли для англичан, сбавил, однако, наполовину пошлины и с ганзейских торговцев. Папа обращался к Борису с просьбой о пропуске его послов в Персию, и Борис велел дать им суда до Астрахани. Годунов вел сношения с тосканским герцогом и просил доставить ему искусных медиков и разных художников. С крымским ханом подтвержден был мирный договор. Только дела в Закавказье шли неудачно. Кахетинский царь Александр, поддавшийся Москве, был умерщвлен своим сыном Константином. Русские должны были оставить Кахетию. Турки вытеснили русских из Тарков с большой потерей для последних.

Никто из прежних московских царей не отличался такой благосклонностью к иностранцам, как Борис. Он пригласил на свою службу ливонских немцев, принимал также к себе иностранцев, приезжавших из Германии, Швеции, Франции, составил особый отдел войска из иноземцев, дал всем ливонцам, поселенным еще при Грозном в Москве, льготы от податей и повинностей, а для некоторых из них предоставил право беспошлинной торговли, позволил построить в Немецкой слободе протестантскую церковь, пригласил к себе несколько иностранных врачей и аптекарей, впрочем, для собственного обихода, запрещая лечить кого бы то ни было иначе, как с царского дозволения. Иностранцы, довольные обхождением с ними Бориса, говорят, что он даже помышлял выписывать из-за границы ученых людей и заводить в Москве высшую школу, но духовенство воспротивилось этому. Борис ограничился тем, что отправил учиться в Англию четырех русских дворян: это были первые русские, поехавшие для образования за границу; замечательно, что никто из них не захотел вернуться домой. Немного позднее Годунов посылал еще несколько молодых людей для той же цели в Австрию и Германию. Эти поступки не дают, однако, права видеть в Борисе какого-то преобразователя и ревнителя народного просвещения, как некоторые полагали. Борису нужны были образованные люди только для личного придворного обихода: доказательством служит то, что Борис запрещал своим иностранным медикам лечить подданных.

Царь Борис Федорович Годунов

Воспитанный при дворе Грозного, сам будучи человеком лживым и хитрым, Борис был всегда подозрителен, недоверчив и окружал себя шпионами, но в первые годы его царствования ему не представлялось необходимости преследовать своих врагов, несмотря на то что у него их было много. Пока Борису ничего не угрожало, он казался щедрым, добрым, снисходительным. Вдруг в конце 1600 года стал в народе ходить слух, что царевич Дмитрий не убит, а спасен друзьями и где-то проживает до сих пор. Этот слух доходил тогда до служившего в войске Годунова француза Маржерета и, следовательно, должен был дойти до Бориса. С того времени нрав Бориса изменяется, исчезает мягкосердечие. У него была одна цель – утвердить себя и свой род на престоле. Для этой цели он стал некогда жестоким гонителем Шуйских и всех своих врагов, истребителем Углича; для этой цели он сделался добродушным и милосердным,

для той же цели ему опять приходилось сделаться мрачным и свирепым, потому что кроткие средства, по-видимому, не удавались. Из слуха о Дмитриии он понял, что у него есть опасные враги, а у этих врагов может быть страшное орудие. Надо было во что бы то ни стало найти это орудие, истребить своих врагов, иначе пришлось бы потерять плоды трудов всей жизни. Положение Годунова было таково, что он не посмел разглашать, чего ищет, что преследует, какого рода измены страшится. Заикнуться о Дмитриии – значило вызывать на свет ужасный призрак. Притом Борис не мог быть вполне уверен, что Дмитриия точно нет на свете. Оставалось хватать всех, кого можно было подозревать в нерасположении к воцарившемуся государю, пытать, мучить, чтобы случайно напасть на след желаемой тайны. Так и поступал Борис.

Он напал на Богдана Вельского: этот человек был ближе всех к Дмитриию. Сосланный при воцарении Федора, он через несколько лет был возвращен и вел себя очень сдержанно. Борис всегда считал его для себя опасным, а потому удалил из Москвы, поручив ему строить в украинских степях город Царев-Борисов. Вельский зажил там богато и содержал за свой счет ратных людей. Когда разнесся слух о Дмитриии, Борис придрался к Вельскому за то, что последний, как доносили царю, произнес под веселый час такие неосторожные слова: «Царь Борис в Москве царь, а я в Цареве-Борисове!» Вельского привезли в Москву, а потом сослали куда-то в Низовскую землю. Говорят даже, что Борис приказал выщипать его черную густую бороду, которой тот щеголял. С ним вместе ссылка постигла и других лиц.

След Дмитриия не был отыскан. Борис принялся за бояр Романовых. Этот род был самый близкий к прежней династии, они были двоюродными братьями покойного царя Федора. Романовы не были расположены к Борису. Борис мог подозревать Романовых, когда ему приходилось отыскивать тайных врагов. По известиям летописей, Борис придрался к Романовым по поводу доноса одного из их холопов, будто они посредством кореньев хотят известить царя и добыть «ведовством» (колдовством) царство. Четырех братьев Романовых – Александра, Василия, Ивана и Михаила – разослали по отдаленным местам в тяжелое заключение, а пятого, Федора, который, как кажется, был умнее всех их, насильно постригли под именем Филарета в монастыре Антония Сийского. Затем сослали их свойственников и приятелей – Черкасского, Сицкого, Репниных, Карповых, Шестуновых, Пушкиных и др. Ссылка постигла даже дьяка Василия Щелкалова, несмотря на прежнюю к нему милость и дружбу Бориса с его братом Андреем. Поместья и вотчины сосланных отбирались в казну, имущество продавалось, доносчики получали награды. Шпионство развилось до крайних пределов. По московским улицам, как говорят современники, «то и дело сновали мерзавцы да подслушивали», и чуть только кто заведет речь о царе, о государственных делах, сейчас говорунув хватают – и в пытку... Где только люди соберутся, там являются соглядатаи и доносчики. Все пустились на доносы, потому что это было выгодно. Доносили друг на друга попы, дьяконы, чернецы, черницы, жены на мужей, отцы на детей; бояре и боярыни доносили одни на других: первые царю, вторые – царице. У холопов вошло в обычай составлять на господ доносы, и чуть извет казался правдоподобным, господ поражала опала, а холопам давали свободу, записывали в число служилых, наделяли поместьями. Случалось и наоборот, что холопы стояли за своих опальных господ и хотели оправдать их. Таких холопов предавали пыткам, и если они не выдерживали горячих угольев и кнута и путались в показаниях, то им резали языки. Вообще достаточно было одного обвинения в недоброжелательстве государю: подозреваемых тотчас подвергали пыткам, и если они под пыткой оказывались сколько-нибудь виновны, их заключали в темницы или отправляли в ссылку. Обычно обвиняли опальных в ведовстве. Борис упорно скрывал то, что он действительно искал, но высказывал другого рода страх, чтобы его и его семью не испортили чарами, наговорами, зельями. Донесли Борису, что уже в Польше поговаривают, будто законный наследник прежних государей московских жив. Борис, не упоминая имени Дмитриия, приказал поставить на западной границе караулы, всех задерживать и доносить ему. Так прошло несколько месяцев. Трудно было переезжать из города в город. Все знали, что ищут

каких-то важных преступников, но никому не объявляли, кого ищут. По всему Московскому государству было схвачено и перемучено множество невинных людей, а того, кого нужно было Борису, не находили.

Царевна Ксения Борисовна и царица-инокиня Марфа. Рисунок С. Соломко из книги «Царь Дмитрий Самозванец и царевна Ксения»

Марина Мнишек

В те тяжелые времена доносов и пыток постиг Русь страшный голод, довершивший подготовку к потрясениям. Уже в 1601 году из-за дождливого лета и ранних морозов случился во многих местах неурожай; зимой в Москве цена хлеба дошла до пяти рублей за четверть. В следующем году (1602) был такой же неурожай. Тогда постигла Московское государство такая беда, какой, как говорят современники, не помнили ни деды, ни прадеды. В одной Москве, куда стекались со всех сторон толпы нищих, погибали десятки тысяч, если верить русским и иностранным известиям. Бедняки ели собак, кошек, мышей, сено, солому и даже в припадке бешенства с голоду пожирали друг друга. Вареное человеческое мясо продавалось на московских рынках. Дорожному человеку опасно было заехать на постоялый двор, потому что его могли зарезать и съесть. Тем не менее современники свидетельствуют, что в то время не было на Руси недостатка в хлебе. В окрестностях Курска и на Северской земле урожаи были очень хороши. Около Владимира-на-Клязьме и в разных уездах украинских городов стояли полные одонья немолоченного хлеба прошлых годов. Но мало было людей, готовых жертвовать личными выгодами для общего дела. Напротив, большая часть старалась извлечь себе корысть из общего бедствия. Нередко зажиточный крестьянин выгонял на голодную смерть свою челядь и близких сродников, а запасы продавал по дорогой цене. Иной мужик-скряга боялся везти свое зерно на продажу, чтобы у него по дороге не отняли голодные, и зарывал его в землю, где оно сгнивало без пользы. Другому удавалось продать хлеб и взять огромные барыши, но потом он трясся над деньгами от страха, чтобы на него не напали. Московские торговцы заранее накупили множество хлеба и держали под замками в своих лабазах, рассчитывая продать тогда, когда цены подымутся донельзя. Борис преследовал их, велел отбирать у них хлеб и отдавать беднякам, а хозяевам оплачивал по умеренным ценам. Но посланные сталкивались с продавцами хлеба, иногда не показывали найденного у них хлеба, а иногда продавцы хлеба отдавали на продажу по установленной тогда цене гнилой хлеб. Борис приказал отворить все свои житницы, продавать хлеб дешевле принятой цены, а бедным раздавать деньги. Но в Московской земле, по замечанию современников, должностные лица оказались плутами: они раз-

давали царские деньги своей родне, приятелям и тем, которые делились с ними барышами. Их сообщники, одевшись в лохмотья, приходили вместе с нищими и получали деньги, а настоящих нищих разгоняли палками. Раздача милостыни продолжалась с месяц, потом Борис рассудил, что она только обогащает плутов и скапливает голодный народ в столице; может объявиться зараза; притом подозрительный царь боялся большого стечения народа, чтобы не произошло бунта. Он запретил раздачу. Это было в такое время, когда весть о щедрости царя распространилась по отдаленным областям и в Москву шли отовсюду толпы народа за пропитанием: вдруг разразилось над ними прекращение раздачи милостыни. Многие погибали на дороге; голодные собратья терзали их трупы наравне с волками и собаками. Борис, однако, не оставил народа совершенно без внимания, но вместо раздачи милостыни в Москве посылал чиновников забирать необмолоченный и обмолоченный хлеб у землевладельцев в разных местах, покупать его по установленной правительством цене и доставлять в места, где был голод. Однако посланные от царя лица брали с землевладельцев взятки и не показывали, что у них сохраняется хлеб. Притом же и доставка хлеба с одного места в другое была затруднительна, потому что голод разогнал ямщиков, трудно было доставать подводы и лошадей.

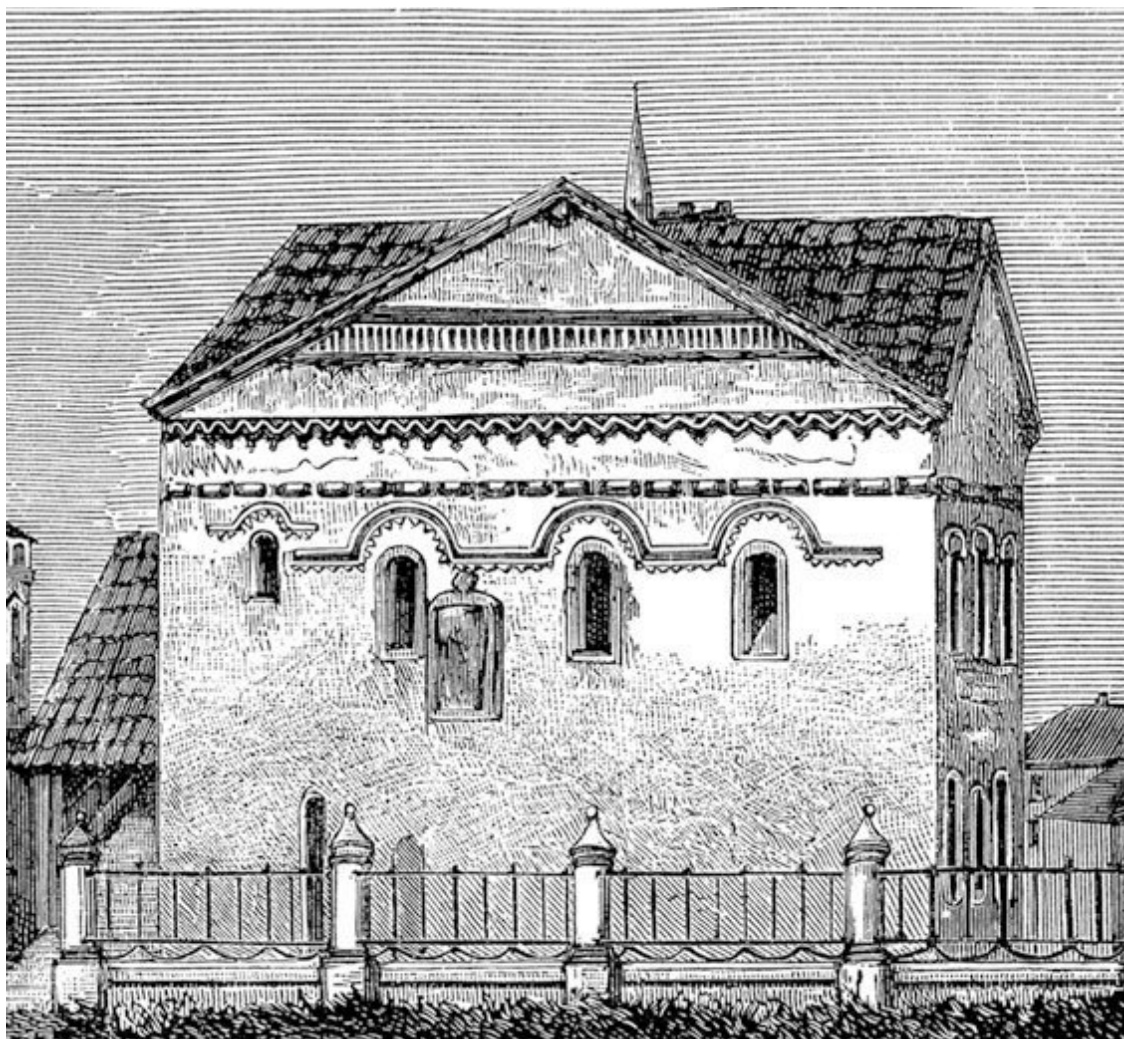

Дмитрий I

Современники говорят, будто в те ужасные годы в одной Москве погибло до 127 000 человек, погребенных в убогих домах (так назывались общие кладбища для бедных, а также для найденных убитыми), не считая тех, которые были погребены у церквей.

Борис, однако, не хотел, чтобы весть о таком печальном положении народа в его государстве дошла за границу, и предполагал, что это можно утаить. Поэтому, когда по окончании голода в Москву приехали иноземные послы, Борис приказал всем наряжаться в цветные платья, а беднякам запрещено было в своих лохмотьях появляться на дороге. Смертная казнь обещана была тому, кто станет рассказывать приезжим иноземцам о бедствиях Московского государства. Между тем в то время сам царь Борис перенес семейную невзгоду. После удале-

ния Густава, принца шведского, в Углич Борис стал подыскивать другого жениха для своей дочери среди иностранных принцев, и вот брат датского короля Иоанн в августе 1602 года очень понравился Борису, но в октябре того же года умер от горячки. Годунов и вся его семья тосковали по нему, а в народе стал носиться слух, будто сам Борис отравил его из боязни, чтобы москвичи, полюбив зятя Бориса, не избрали его царем вместо сына Бориса. Русские готовы были тогда всякое злодеяние приписать своему царю; ненависть к нему возрастала. Никто не любил его, дорожили им только те, кого соединяла с ним личная выгода, а главное – шпионы, которым он платил за их гнусное ремесло. Возникло в народе убеждение, что царствование Бориса не благословляется небом, потому что, достигнутое беззаконием, оно поддерживается неправдой; толковали, что если утвердится на престоле род Годунова, то не принесет Русской земле счастья. Люди родовитые оскорблялись и тем, что на царском престоле сел потомок татарина. Становилось желательным, чтобы нашелся кто-то, имевший в глазах народа гораздо больше прав перед Борисом. Таким лицом был именно Дмитрий, сын прежнего государя. Мысль о том, что он жив и вскоре явится отнимать у Бориса похищенный престол, все более и более распространялась в народе, а суровые преследования со стороны Годунова скорее поддерживали ее, чем искореняли. И вот в начале 1604 года перехвачено было письмо, написанное одним иноземцем из Нарвы; в этом письме говорилось, что объявился сын московского царя Ивана Васильевича Дмитрий, находится будто бы у казаков, а Московскую землю вскоре постигнет большое потрясение. Вслед за тем пришли в Москву люди, взятые в плен казаками под Саратовом и отпущенные на родину: они принесли весть, что казаки грозят вскоре прийти в Москву с царем Дмитрием Ивановичем.

Дом, в котором жил царевич Дмитрий в Угличе

Присяга русских в XVII столетии. С современной гравюры

Народ ожидал чего-то необычайного. Давно передавались рассказы о разных видениях и предзнаменованиях. Ужасные бури вырывали с корнем деревья, опрокидывали колокольни. Там не ловилась рыба, тут не видно было птиц. Женщины и домашние животные производили на свет уродов. В Москву забегали волки и лисицы; на небе стали видеть по два солнца и по два месяца. Наконец летом 1604 года появилась комета, и астролог немец предостерегал Бориса, что ему грозят важные перемены.

В.Г. Шварц. Русский посол при дворе римского императора

Царь Борис, услышав, что в Польше объявился какой-то человек, выдававший себя за Дмитрия, начал с того, что велел учредить на литовской границе крепкие заставы и не пропускать никого ни из Литвы, ни в Литву под предлогом, будто в Литве свирепствует какое-то поветрие, а внутри государства умножил шпионов, которые всюду прислушивались: не говорит ли кто о Дмитрие, не ругает ли кто Бориса. Обвиненным резали языки, сажали их на колья, жгли на медленном огне и даже по одному подозрению засылали в Сибирь, где предавали тюремному заключению. Борис сделался недоступным, не показывался народу. Просителей отгоняли пинками и толчками от дворцового крыльца, а начальные люди, зная, что до царя не дойдут жалобы на них, безнаказанно совершали разные насилия, чем увеличивали вражду народа к существующему правительству. Между тем в Москву давали знать, что в польской Украине под знаменем Дмитрия собирается ополчение и со дня на день нужно ждать вторжения в московские пределы; в июле посланник немецкого императора сообщил от имени своего государя по соседской дружбе, что в Польше появился Дмитрий и надо принимать против него меры. Борис отвечал цесарскому посланнику, что Дмитрия нет на свете, а в Польше объявился какой-то обманщик, которого царь не боится. Однако, посоветовавшись с патриархом, Году-

нов находил, что нужно же объяснить и самим себе, и народу, кто такой этот обманщик. Стали думать и придумали, что это, должно быть, бежавший в 1602 году Григорий Отрепьев. Он был родом из галицких детей боярских, постригся в Чудовом монастыре и был крестовым дяком (секретарем) у патриарха Иова. Начали распространять исподволь в народе слух, что объявившийся в Польше обманщик – именно этот беглый Григорий Отрепьев, но не решались еще огласить о том во всеулышание. В сентябре послали в Польшу гонцом Смирного-Отрепьева, дядю Григория, и распространили в народе слух, что его посылают для обличения племянника, но на самом деле отправили его с грамотой о пограничных недоразумениях и не дали никакого поручения о том человеке, который назывался Дмитрием. Царь Борис, вероятно, рассчитывал, что лучше помедлить с решительным заявлением об Отрепьеве, так как сам не был уверен в его тождестве с названным Дмитрием. Он приказал привезти мать Дмитрия и тайно допрашивал ее: жив ли ее сын или нет? «Я не знаю», – ответила Марфа. Тогда царица, жена Бориса, пришла в такую ярость, что швырнула Марфе горящую свечу в лицо. «Мне говорили, – сказала Марфа, – что сына моего тайно увезли без моего ведома, а те, что так говорили, уже умерли». Рассерженный Борис велел ее отвезти в заключение и содержать с большой строгостью. Между тем 16 октября названный Дмитрий с толпой поляков и казаков вступил в Московское государство. Города сдавались ему один за другим. Служилые люди переходили к нему на службу. В ноябре он осадил Новгород-Северский, но был отбит посланным туда воеводой Басмановым. После того царь выслал против Дмитрия войско под главным начальством Федора Мстиславского. Это войско 20 декабря потерпело неудачу. Дальше скрываться перед народом было невозможно. Послушный Борису патриарх Иов взялся объяснить Русской земле запутанное дело. Первопрестольник русской церкви, обходя благоразумным молчанием вопрос о том, как не стало Дмитрия, уверял в своей грамоте народ, что называющий себя царевичем Дмитрием есть беглый монах Гришка Отрепьев; патриарх ссылался на свидетельство трех бродяг: чернеца Пимена, какого-то Венедикта и ярославского посадского человека иконника Степана; первый провожал Отрепьева вместе с товарищами Варлаамом и Мисаилом в Литву, а последние два видели его в Киеве и знают, что Гришка потом назвался царевичем. Патриарх извещал, что он с освященным собором проклял Гришку и всех его соучастников, повелевал во всех церквях предавать анафеме его и с ним всех тех, кто станет называть его Дмитрием. Вслед за тем в феврале 1605 года из Москвы отправили в Польшу гонца Постника Огарева уже с явным требованием выдачи «вора». Борис заявлял королю и всей Польше, что называющий себя Дмитрием есть ни кто другой, как Гришка Отрепьев. На сейме в то время Ян Замойский сильно осуждал Мнишека и Вишневецких, подавших помощь претенденту; говорил, что со стороны короля поддерживать его и из-за него нарушать мир с московским государем бесчестно; доказывал, что называвшему себя Дмитрием верить не следует. «Этот Димитрий называет себя сыном царя Ивана, – говорил Замойский. – Об этом сыне у нас был слух, что его убили. Он же говорит, что на место его убили другого! Помилуйте, что это за Плавтова или Теренцева комедия? Возможное ли дело: приказали убить кого-то, да притом наследника, и не посмотрели, кого убили! Так можно зарезать только козла или барана! Да если бы пришлось возводить кого-нибудь на московский престол, то и кроме Димитрия есть законные наследники – дом Владимирских князей: право наследства приходится на дом Шуйских. Это видно из русских летописей». Большинство панов также не расположено было поддерживать Дмитрия, но поскольку его уже не оказалось в Польше, то царский гонец получил такой ответ, что этого человека легче достать в Московском государстве, чем в польских владениях.

Ни патриаршая грамота, ни обряд проклятия не расположили к Борису народные сердца. Московские люди считали все уверения патриарха ложью. «Борис, – говорили они, – поневоле должен делать так, как делает, а то ведь ему придется не только от царства отступить, но и жизнь потерять». Насчет проклятия говорили: «Пусть, пусть проклинают Гришку! От этого царевичу ничего не станет. Царевич – Димитрий, а не Гришка». Шпионы Бориса продолжали

подслушивать речи, и не проходило дня, чтобы в Москве не мучили людей кнутом, железом и огнем.

21 января 1605 года войско Годунова под начальством Мстиславского и Шуйского одержало верх над Дмитрием, и Дмитрий ушел в Путивль. Борис был очень доволен, щедро награждал своих воевод, особенно обласкал Басманова за его упорную защиту Новгорода-Северского; но народ, услышав о неудаче названного Дмитрия, пришел в уныние. Борис вскоре понял, что сила его врага заключается не в той военной силе, с которой этот враг вступил в государство, а в готовности и народа, и войска в Московском государстве перейти при первом же случае на его сторону, так как все легко поддавалось уверенности, что он настоящий царевич. Когда Дмитрий оставался в Путивле, украинные города Московского государства один за другим признавали его, а в Путивль со всех сторон приходили русские бить челом своему прирожденному государю. Имя Гришки Отрепьева вызывало один смех. Сам Борис не мог поручиться, что его враг – не царевич Дмитрий. Годунов, обласкав Басманова, уверял его, что названный Дмитрий является обманщиком, и сулил ему золотые горы, если он достанет злодея. Говорят, царь даже обещал выдать за Басманова свою дочь и в приданое за ней дать целые области. Басманов сказал об этом родственнику Бориса, Семену Никитичу Годунову, а тот из зависти, что Борис слишком возвышает Басманова, выразил ему сомнение: не в самом ли деле этот Дмитрий настоящий царевич? Слова эти запали в сердце Басманова; несмотря на все уверения Бориса, он стал склоняться к мысли, что соперник Годунова действительно Дмитрий и рано или поздно возьмет верх над Борисом. Басманов не верил ни заявлениям, ни обещаниям Бориса: он знал, что этот лживый человек способен давать обещания, а потом не сдержит их.

Царь был в страшном волнении, обращался к ворожеям, предсказателям, выслушивал от них двусмысленные прорицания, запирался и целыми днями сидел один, а сына посылал молиться по церквам. Казни и пытки не прекращались. Борис уже в близких себе людях подозревал измену и не надеялся сладить с соперником военными силами; он решил попытаться тайным убийством избавиться от своего злодея. Попытка эта не удалась. Монахи, которых в марте подговорил Борис ехать в Путивль отравить названного Дмитрия, попались с ядом в руки последнего. Неизвестно, дошла ли до Бориса об этом весть, но вскоре ему пришел конец.

13 апреля, в неделю мироносиц, царь встал здоровым и казался веселее обычного. После обедни приготовлен был праздничный стол в Золотой палате. Борис ел с большим аппетитом и переполнил себе желудок. После обеда он пошел на вышку, с которой часто обзревал всю Москву. Но вскоре он поспешно сошел оттуда, говорил, что чувствует колотье и дурноту. Побежали за доктором; пока успел прийти врач, царю стало хуже. У него выступила кровь из ушей и носа. Царь упал без чувств. Прибежал патриарх, за ним явилось духовенство. Кое-как успели причастить царя Св. Тайн, а потом совершили наскоро над полумертвым пострижение в схиму и нарекли Боголепом. Около трех часов пополудни Борис скончался. Целый день боялись объявить народу о смерти царя, огласили только на другой день и начали посылать народ в Кремль целовать крест на верность царице Марии и ее сыну Федору. Патриарх объявил, что Борис завещал им свой престол. Тотчас пошли рассказы, что Борис на вышке сам себя отравил ядом в припадке отчаяния. Этот слух распустили немцы, доктора Бориса. На следующий день останки его были погребены в Архангельском соборе среди прочих властителей Московского государства.

Новый царь был шестнадцатилетний юноша, полный телом, бел, румян, черноглаз и, как говорят современники, «изучен всякого философского естествословия». Ему присягнули в Москве без ропота, но тут же говорили: «Не долго царствовать Борисовым детям! Вот Дмитрий Иванович придет в Москву».

17 апреля отправился к войску назначенный его главным предводителем Петр Федорович Басманов с князем Катыревым-Ростовским. Мстиславского и Шуйского отозвали в Москву. Басманову оказывали больше всех доверия. Но этот человек уже давно стал колебаться. Надо

было приводить к присяге войско. Для этого приехал новгородский митрополит Исидор с духовенством. Собрали войско произносить присягу сыну Бориса. Вдруг поднялся шум. Рязанские дворяне Ляпуновы первые закричали, что «знают одного законного государя Димитрия Ивановича». С ними заодно были все рязанцы; к ним примкнули служилые люди всех украинских городов; наконец имя Димитрия Ивановича заглушило имя Федора, и митрополит Исидор со своим духовенством обратился вспять. Басманов написал повинное письмо Димитрию и послал с гонцом, а сам собрал воевод – братьев Голицыных, Василия и Ивана, и Михаила Глебовича Салтыкова – и объявил им, что признает Димитрия настоящим государем: «Все государство Русское приложится к Димитрию, – говорил он, – и мы все-таки поневоле покоримся ему, и тогда будем у него последними; так лучше покоримся ему, пока время, по доброй воле и будем у него в чести». С ним согласились и Голицыны, и Салтыков; но зазорно показалось некоторым из предводителей самим объявить об этом войску. Василий Голицын сказал Басманову: «Я присягал Борисову сыну; совесть зазрит переходить по доброй воле к Димитрию Ивановичу; а вы меня свяжите и ведите, как будто неволею». 7 мая Басманов собрал вторично войско и объявил, что признает Димитрия законным наследником государей Русской земли. Священники начали приводить к присяге на имя Димитрия Ивановича. Некоторые стали упрямиться, и их прогнали. Товарищ Басманова Катырев-Ростовский и князь Андрей Телятевский убежали в Москву.

К.В. Лебедев. Отказ Бориса Годунова от престола

В Москву пришло известие о переходе войска на сторону Дмитрия. Несколько дней в столице господствовала глубокая тишина. На иностранцев она навела страх: они поняли, что это затишье подобно тому, какое бывает в природе перед сильной бурей. Годуновы сидели в кремлевских палатах и по изветам доносчиков, которых подкупали деньгами, приказывали ловить и мучить распространителей грамот Дмитрия.

30 мая в Москве начались шум, суетня. Народ валил на улицы. Два каких-то молодца говорили, что видели за Серпуховскими воротами большую пыль. Разнеслась весть, что идет Дмитрий. Москвичи спешили покупать хлеб-соль, чтобы встречать законного государя. Годуновы пришли в ужас, выслали из Кремля бояр узнать: что это значит? Народ молчал. Но Дмитрия не было. Обман открылся. Народ стал расходиться. Многие еще стояли толпой на Красной площади; какой-то боярин начал им говорить нравоучение и хвалить царя Федора. Народ молчал.

На другой день, 31 мая, по приказанию Годуновых стали возводить на кремлевские стены пушки; народ глядел на это с кривляньями и насмешками.

1 июня дворяне Плещеев и Пушкин привезли грамоту Дмитрия и остановились в Красном селе. Народ, узнав об этом, подхватил гонцов и повез на Красную площадь. Ударили в колокола. Посланцев поставили на Лобном месте. На Красной площади образовалась такая давка, что невозможно было протиснуться. Вышли было из Кремля думные люди и закричали: «Что это за сборище, берите воровских посланцев, ведите в Кремль!»

Народ отвечал неистовыми криками и приказывал читать грамоту. Дмитрий извещал о своем спасении, прощал московским людям, что они по незнанию присягали Годуновым, припоминал всякие утеснения и насилия, причиненные народу Борисом Годуновым, обещал всем льготы и милости и приглашал прислать к нему посольство с челобитьем.

В толпе поднялось сильное смятение. Одни кричали: «Буди здрав царь Димитрий Иванович!» Другие говорили: «Да точно ли это Димитрий Иванович? Может быть, это не настоящий». Наконец раздались голоса: «Шуйского! Шуйского! Он разыскивал, когда царевича не стало. Пусть скажет по правде: точно ли похоронили царевича в Угличе?» Шуйского взвели на Лобное место. Наступила тишина. Шуйский громко сказал: «Борис послал убить Димитрия царевича; но царевича спасли; вместо него погребен попов сын».

Тогда вся толпа неистово заревела: «Долой Годуновых! Всех их искоренить! Нечего жалеть их, когда Борис не жалел законного наследника! Господь нам свет показал. Мы доселева во тьме сидели. Буди здрав, Димитрий Иванович!»

Толпа без удержу бросилась в Кремль. Защищать Годуновых было некому. Стрельцы, стоявшие на карауле во дворце, отступились от них. Федор Борисович бежал в Грановитую палату и сел на престол. Мать и дочь встали подле него с образами. Но ворвался народ; царя стащили с престола. Мать униженно плакала и просила не предавать смерти ее детей. Годуновых отвезли на водовозных клячах в прежний дом Бориса и приставили к ним стражу. Тогда схватили и посадили в тюрьму всех родственников и сторонников Годуновых, опустошили их дома, ограбили также немецких докторов и перепились до бесчувствия, так что многие тут же лишились жизни.

От Москвы поехали к Дмитрию выбранные люди: князь Иван Михайлович Воротынский и Андрей Телятевский с повинной грамотой, в которой приглашали законного царя на престол. Грамота была написана от лица всех сословий, а впереди всех поставлено было имя патриарха Иова. Невозможно решить: в какой степени участвовал в этом Иов; но после свержения Годуновых патриарх не удалялся и священнодействовал.

10 июня приехали в Москву князь Василий Голицын и князь Рубец-Масальский с приказанием устранить Годуновых и свести с престола патриарха Иова. Патриарха на простой тележке отвезли в Старицкий Богородицкий монастырь. Всех свойственников Годуновых отправили в ссылку по разным городам. Говорят, что таким образом сослали тогда 24 семейства. Наконец Голицын и Рубец-Масальский поручили дворянам Михаилу Молчанову и Шеферединову разделаться с семейством Бориса. Посланные взяли с собой троих дюжих стрельцов, вошли в дом и развели Годуновых по разным комнатам. Вдову Бориса удавили веревкой. Молодой Годунов, сильный от природы, стал было защищаться, но его ударили дубиной, а потом удавили. Царевна Ксения лишилась чувств; ее оставили живой на безотрадную жизнь.

Голицын и Масальский объявили народу, что вдова и сын Бориса отравили себя ядом. Тела их были выставлены напоказ. В заключение вынули из Архангельского собора гроб Бориса и зарыли в убогом Варсонофьевском монастыре (между Сретенкой и Рождественкой). Там же рядом с ним похоронили жену и сына без всяких обрядов, как самоубийц. Мы не знаем, действительно ли названный Дмитрий приказал совершить это убийство или же бояре без его приказания постарались услужить новому царю и сказали ему, что Годуновы сами лишили себя жизни, а он, хотя и понимал, как все случилось, но показывал вид, что верит их рассказам о самоубийстве Годуновых.

Василий Шуйский

Печальные обстоятельства предшествовавшей истории наложили на великорусское общество характер азиатского застоя, тупой приверженности к старому обычаю, страх всякой новизны, равнодушие к улучшению своего духовного и материального быта и отвращение ко всему иноземному. Но было бы клеветой на русский народ утверждать, что в нем совершенно исчезла та духовная подвижность, которая составляет отличительное качество европейских племен, и думать, что русские в описываемое нами время неспособны были вовсе откликнуться на голос, вызывающий их на путь новой жизни. Умные люди чувствовали тяжесть невежества; лица, строго хранившие благочестивую старину, сознавали, однако, потребность просвещения, по их понятиям, главным образом религиозно-нравственного; думали о заведении школ и распространении грамотности. Люди с более смелым умом обращались прямо к иноземному, чувствуя, что собственные средства для расширения круга сведений слишком скудны. Несмотря на гнет того благочестия, которое отплевывалось от всего иноземного, как от дьявола, в Москве, по известию иностранцев, находились лица, у которых стремление к познаниям и просвещению было так велико, что они выучивали иностранные языки с большими затруднениями, происходившими как от недостатка руководств и руководителей, так и от преследования со стороны тех, которые готовы были заподозрить в этом ересь и измену отечеству. Так, Федор Никитич Романов, нареченный по пострижении Филаретом, учился латыни; поляки в Москве видели людей, выучившихся тайком иностранным языкам и с жадностью хватавшихся за чтение. Афанасий Власов, рассмешивший поляков своими простодушными выходками, в то же время удивил их чистым латинским произношением, показывавшим, что язык латинский был ему знаком. О многих жертвах Ивана Курбский говорит как о людях ученых и начитанных для своего времени, и сам Курбский своим собственным примером доказывает, что московские люди XVI века не оставались совершенно неспособными понять пользу просвещения и необходимость сближения с иноземцами. У нас думали, что названный царь Дмитрий вооружил против себя русский народ своей привязанностью к иноземцам, пренебрежением к русским обычаям и равнодушием к требованиям тогдашнего благочестия. Но взгляды ближе в смысл событий, увидим не это: поведение Дмитрия действительно не могло нравиться строгим блюстителям неподвижности, но никак не большинству, не массе народа; так же, как и впоследствии великий преобразователь Руси, хотя и встретил против себя сильное, упорное и продолжительное противодействие, но никак не от всех, а напротив, нашел немало искренних сторонников и ревнителей своих преобразовательных планов: иначе бы, конечно, он и не успел. Гибель названного Дмитрия была делом не русского народа, а только заговорщиков, воспользовавшихся оплошностью жертвы; это доказывается тем, когда народ русский тотчас же обольстился вестью, что царь его, спасенный раз в детстве в Угличе, спасся в другой раз в Москве; народ русский почти весь последовал за тенью Дмитрия до тех пор, пока не убедился, что его обманывали и Дмитрия нет на свете. Сам способ убийства показывает, что народ был далек от того, чтобы погубить своего царя за его приемы, отличавшиеся от приемов прежних царей. Шуйский вооружил народ против поляков именем того же царя и таким обманом отвлек его внимание от Кремля. Количество соучастников Шуйского не могло быть велико; оттого-то Шуйский накануне убийства поспешил удалить из сотни караульных семьдесят человек: очевидно, он боялся не сладить с целой сотней. Таким образом, убийство Дмитрия было вовсе не народным делом.

Царь Василий Шуйский. Титулярник 1672 г.

Лжедмитрий I. Гравюра 1850 г.

Кто бы ни был этот названный Дмитрий и что бы ни вышло из него впоследствии, несомненно, что он для русского общества был человеком, призывавшим его к новой жизни, к новому пути. Он заговорил с русскими голосом свободы, настежь открыл границы прежде замкнутого государства и для въезжавших в него иностранцев, и для выезжавших из него русских, объявил полную веротерпимость, предоставил свободу религиозной совести: все это должно было освоить русских с новыми понятиями, указывало им иную жизнь. Его толки о заведении училищ оставались пока словами, но почва для этого предприятия уже готовилась именно этой свободой. Объявлена была война старой житейской обрядности. Царь собственным примером открыл эту борьбу, как поступил впоследствии и Петр, но названный Дмитрий поступал без того принуждения, с которым соединялись преобразовательные стремления последнего. Царь одевался в иноземное платье, царь танцевал, тогда как всякий знатный родовитый человек Московской Руси почел бы для себя такое развлечение крайним унижением. Царь ел, пил, спал, ходил и ездил не так, как следовало царю по правилам прежней обрядности; царь беспрестанно порицал русское невежество, восхвалял перед русскими превосходство иноземного образования. Повторяем: что бы впоследствии ни вышло из Дмитрия – все-таки он был человек нового, зачинающегося русского общества.

Марина Мнишек. Гравюра 1850 г.

Враг, погубивший его, Василий Шуйский, был совершенной противоположностью этому загадочному человеку. Трудно найти лицо, в котором бы до такой степени олицетворялись свойства старого русского быта, пропитанного азиатским застоем. В нем мы видим отсутствие предприимчивости, боязнь всякого нового шага и в то же время терпение и стойкость – качества, которыми русские приводили в изумление иноземцев; он гнул шею перед силой, покорно служил власти, пока она была могуча для него; прятался от всякой возможности стать с ней в разрезе, но изменял ей, когда видел, что она слабела, и вместе с другими топтал то, перед чем прежде преклонялся. Он бодро стоял перед бедой, когда не было исхода, но не умел заранее избегать и предотвращать беды. Он был неспособен давать почин, избирать пути, вести других за собой. Ряд его поступков, запечатленных коварством и хитростью, показывает вместе с тем тяжеловатость и тупость ума. Василий был суеверен, но не боялся лгать именем Бога и употреблять святыню для своих целей. Мелочной, скупой до скряжничества, завистливый и подозрительный, постоянно лживый и постоянно делавший промахи, он менее, чем кто-нибудь, способен был приобрести любовь подвластных, находясь в сане государя. Его хватило только на составление заговора, до крайности грязного, но вместе с тем вовсе не искусного, заговора, который можно было разрушить при малейшей предосторожности с противной стороны. Знатность рода помогла ему овладеть престолом, главным образом оттого, что другие надеялись править его именем. Но когда он стал царем, природная неспособность сделала его самым жалким лицом, когда-либо сидевшим на московском престоле, не исключая и Федора, слабоумие

которого покрывал собой Борис. Сама наружность Василия была очень непривлекательна: это был худенький, приземистый, сгорбленный старичок, с большими подслеповатыми глазами, с длинным горбатым носом, большим ртом, морщинистым лицом, редкими бородкой и волосами.

Василию при вступлении на престол было уже за пятьдесят лет. Молодость свою он провел при Грозном и решительно ничем не выказал себя. Когда его родственники играли важную роль в государстве, Василий оставался в тени. Опала, постигшая его родного брата Андрея, миновала Василия. Борис не боялся его, вероятно, считая его ничтожным по уму и притом всегдашним угодником силы; говорят, однако, Борис запрещал ему жениться, как и Мстиславскому. Василий все терпел и повиновался беспрекословно. Посланный на следствие по поводу убийства Дмитрия, Василий исполнил это следствие так, как нужно было Борису и как, вероятно, ожидал того Борис. Появился Дмитрий. Борис послал против него Шуйского, и Василий верно служил Борису. Бориса не стало. При первом народном восстании против Годуновых в Москве Василий выходил на площадь, уговаривал народ оставаться в верности Годуновым, уверял, что царевича нет на свете и человек, назвавшийся его именем, есть Гришка Отрепьев. Но когда после того воззвание, прочитанное Пушкиным с Лобного места, взволновало народ до того, что можно было ясно видеть непрочность Годуновых, Шуйский, призванный решить вопрос о подлинности Дмитрия, решил его в пользу претендента и окончательно погубил несчастное семейство Годуновых.

Князь Василий Шуйский. Рисунок С. Соломко из книги «Царь Дмитрий Самозванец и царевна Ксения»

Рисунок С. Соломко из книги «Царь Дмитрий Самозванец и царица Ксения»

Само собой разумеется, что если кто из бояр был вполне уверен, что названный Дмитрий не действительный сын царя Ивана, то, конечно, Василий Шуйский, видевший собственными глазами труп убитого царевича. С Шуйским были в приязни московские торговые люди: это была старая фамильная приязнь; и в то время, когда Шуйские хотели развести Федора с женой, они опирались на торговых людей. Торговые люди были вхожи в дом Василия, и вот одному из них, Федору Коневу, с товарищами Шуйский сообщает, что царь вовсе не Дмитрий, вызывает опасение, что этот царь изменяет православию, что у него с Сигизмундом и польскими панами поставлен уговор разорить церкви и построить вместо них костелы, указывает на то, что некрещеные поляки и немцы входят в церковь, что при дворе соблюдаются иноземные обычаи, что настанет великая беда старому благочестию. Торговые люди начали болтать о том, что слышали от большого боярина, попались и выдали Шуйского. Не царь, а народный суд всех сословий приговорил Василия к смерти. С терпением и мужеством Василий пошел на казнь и, не ожидая

спасения, бестрепетно сказал народу: «Умираю за веру и правду!» Палач хотел с него снять кафтан и рубаху с воротом, унизанным жемчужинами. Князь, потомок Владимира Святого, с гордостью и достоинством воспротивился, говоря: «Я в ней отдам Богу душу». Великодушие названного Дмитрия спасает его от смерти. Он отправлен в Вятку, но только что успел прибыть в этот город, как царский гонец привозит ему известие о возвращении ему боярского сана и всех прежних вотчин. Шуйский притворяется верным слугой Дмитрия, склоняется перед ним так же, как склонялся перед Годуновым, и кто знает, как долго оставался бы он в этом положении, если бы сам Дмитрий своей крайней неосторожностью не подал ему повода составить заговор. Не обладая способностью давать почин важному делу, Шуйский составил заговор потому, что уже чересчур было легко его составить. Приезд поляков, наглое поведение пришельцев и чересчур явное нарушение обычного хода жизни в Москве, соблазнившее строго благочестивых людей, естественно, образовали кружок недовольных. Старым боярам не нравилось стремление царя к нововведениям и к иноземным обычаям, при котором им, детям старой Руси, не представлялось играть первой роли. Торговые, зажиточные люди свыклись со своим образом жизни; их беспокоило то, что делалось перед их глазами и грозило нарушить вековой застой; притом же в их домах поставили «нечестивую Литву», которая нахально садилась им на шею. Наконец, можно было найти недовольных и среди служилых, которых пугала предпринимаемая война с турками и татарами. Шуйскому легко было собрать их к себе, когда над его действиями не только не было надзора, но даже запрещалось иметь его. Голос Шуйского не мог остаться без внимания, когда он говорил собравшим у него гостям то, что у них самих шевелилось на душе. Знатность его рода как старейшей отрасли Святого Александра Невского содействовала уважению к его речам, также как и достоинство боярина, старого по летам и по службе. При всем том, однако, он нашел очень мало соумышленников; видимо, находились среди них и такие, которые тогда же думали предать его с заговорщиками. Из-за недостатка соучастников Шуйский выпустил из тюрем преступников: подобные товарищи, естественно, готовы были исполнять всякое дело. Малейшее внимание царя к тому, что делалось вокруг него, уничтожило бы все замыслы Шуйского. Разделавшись с Дмитрием, Шуйский бросился умирять народ, возмущенный им же против поляков во имя царя, но москвичи успели уже перебить до четырехсот человек пришельцев, сопровождая убийства самыми неистовыми варварствами, нападали на сонных и безоружных и не только убивали, но мучили: отсекали руки и ноги, выкалывали глаза, обрезали уши и носы, ругались над женщинами, обнажали их, гоняли по городу в таком виде и били. С большим трудом Шуйский и бояре остановили кровопролитие и всякие неистовства. Народ в тот день до того перепился, что не мог долго дать себе отчета в происходившем. Волей-неволей народ стал участником убийства названного Дмитрия. Возвратить потерянного уже нельзя было. Народ молчал в каком-то оцепенении. Через три дня бояре согласились выбрать Шуйского в цари с тем, что он будет править не иначе, как с согласия бояр. Созвали народ на площадь звоном колокола. Приверженцы Шуйского немедленно «выкрикнули» его царем. Некоторые заявили, что следует разослать во все московские города грамоты, чтобы съехались выборные люди для избрания царя; но бояре решили, что этого не нужно, и сейчас же повели Василия в церковь, где он дал присягу управлять согласно боярским приговорам, никого не казнить без воли бояр, не отнимать у родственников осужденных служилых людей вотчин, а у гостей и торговых людей – лавок и домов, и не слушать ложных доносов. После произнесения Шуйским этой присяги бояре сами присягнули ему в верности.

К.Б. Вениг. Последние минуты Дмитрия Самозванца

Н. Некрасов. Свержение Самозванца

Немедленно разослана была по всем городам грамота, извещавшая, будто по приговору всех людей Московского государства, и духовных и светских, избран на престол князь Василий Иванович Шуйский, по степени прародителей происходящий от Святого Александра Невского и суздальских князей. О бывшем царе сообщалось, что богоотступник, еретик, чернокнижник, такой-сякой сын Гришка Отрепьев, прельстив московских людей, хотел в соумышлении с папой, Польшей и Литвой попать православную веру, ввести латинскую и лютерскую и вместе с поляками намеревался перебить бояр и думных людей. Одновременно разослана была грамота от имени царицы Марфы, извещавшая о том, что ее сын убит в Угличе, а она признала вора сыном поневоле, потому что он угрожал ей и всему ее роду смертным убийством. В заключение вдовствующая царица объявляла, что она вместе с другими била Василию челом о принятии царского сана. До какой степени на самом деле уважал царь Василий мать Дмитрия, показывает ее просьба к польскому королю, написанная после низложения Шуйского, в которой инокиня Марфа жалуется, что Шуйский держал ее в неволе и даже не кормил как следует.

Соборы Московского Кремля

Н.П. Ломтев. Сцена из Смутного времени. (Спасение Марины Мнишек во время восстания против поляков 17 мая 1606 года в Москве)

Соколиная башня в селе Коломенском близ Москвы

Первым делом Шуйского после рассылки грамот было перевезти тело царевича Дмитрия в Москву. За этим телом в Углич поехал митрополит Филарет Никитич с двумя архимандритами, двое Нагих – Григорий и Андрей, князь Иван Михайлович Воротынский и Петр Никитич Шереметев. 1 июня Василий венчался на царство, а 3 июня были перевезены мощи Дмитрия и поставлены в Архангельском соборе. В грамоте, разосланной по поводу явления нового святого, говорилось, что царица Марфа всенародно каялась в том, что поневоле признавала вора Гришку сыном, а смерть царевича Дмитрия прямо приписана была Борису Годунову. Для большего убеждения народа на Лобном месте показывали родных Гришки Отрепьева. Но всему этому не верили тогда в Московском государстве, и в день открытия мощей народ чуть было не взбунтовался и не убил камнями Шуйского. Даже те, кто сомневался в подлинности бывшего царя Дмитрия, не верили, что это был Гришка, а считали его поляком, которого подго-

товили иезуиты, научили говорить по-русски и пустили играть роль Дмитрия. На патриарший престол вместо низверженного Игнатия был поставлен казанский митрополит Гермоген, отличавшийся в противоположность прежнему патриарху фанатичной ненавистью ко всему иноверному. Страхась мести со стороны Польши за перебитых в Москве поляков, Шуйский с боярами рассудили, что лучше всего задержать у себя всех поляков и даже послов Сигизмунда, Олесницкого и Гонсевского, а между тем послать своих послов в Польшу и выведать там, что намерены делать поляки.

Недолго Шуйскому довелось утешаться безопасностью. В Москве происходили волнения; 15 июня, в воскресенье, начались шум и бунт. Шуйский подозревал, что это происходит от козней знатных лиц, созвал в Кремль думных людей и стал спрашивать: «Кто это из вас волнует народ? Зачем вымышляете разные коварства? Коли я вам нелюб, я оставлю престол, возьмите мой царский посох и шапку, выбирайте, кого хотите». Думные люди уверяли, что они верны в своем крестном целовании. «Так наказывайте виновных», – сказал Шуйский. Думные люди вышли на площадь и уговорили народ разойтись. Пятерых крикунов схватили, высекли кнутом и сослали.

Князь М.В. Скопин-Шуйский. Парсуна. Около 1630 г.

Но то было только начало Смуты. Через два месяца на юге разнесся слух, что Дмитрий жив и убежал в Польшу. Вся Северская земля, Белгород, Оскол, Елец провозгласили Дмитрия. Ратные люди, собранные под Ельцом прежним царем, не хотели повиноваться Шуйскому, избрали предводителем Истому Пашкова и присягнули все до единого стоять за законного царя Дмитрия. В Комарницкой волости Болотников возвестил, что он сам видел Дмитрия, и Дмитрий нарек его главным воеводой. Болотников был взят еще в детстве в плен татарами, продан туркам, освобожден венецианцами, жил некоторое время в Венеции и, возвращаясь в отечество через Польшу, виделся с Молчановым, который уверил его, что он – Дмитрий. Болотников, никогда не видевший царя Дмитрия, действовал с полной уверенностью, что стоит за законного государя. Он начал возбуждать боярских людей против владельцев, подчиненных против начальствующих, безродных против родовитых, бедных против богатых. Его гра-

моты произвели мятеж, охвативший Московское государство подобно пожару. В Веневе, Туле, Кашире, Алексине, Калуге, Рузе, Можайске, Орле, Дорогобуже, Зубцове, Ржеве, Старице провозгласили Дмитрия. Дворяне Ляпуновы подняли именем Дмитрия всю Рязанскую землю. Возмутился город Владимир со всей своей землей. Во многих поволжских городах и в отдаленной Астрахани провозгласили Дмитрия. Только Казань и Нижний Новгород еще держались кое-как за Шуйского. В Пермской земле отказали Василию давать ратных людей, служили молебны о спасении Дмитрия и пили чаши за его здоровье. Новгород и Псков оставались пока верными Шуйскому, но псковские пригороды стояли за Дмитрия. Если бы в это время на самом деле появился человек с именем Дмитрий, то вся Русская земля пошла бы за ним. Но он не появлялся, и многие сомневались в справедливости слухов об его спасении, а потому и не решались открыто отпасть от царствовавшего в Москве государя. Тем не менее к Болотникову стеклась огромная толпа. Он из Северской земли двинулся к Москве; город сдавался за городом. 2 декабря Болотников был уже в селе Коломенском. К счастью Шуйского в полчище Болотникова сделалось раздвоение. Дворяне и дети боярские, недовольные тем, что холопы и крестьяне хотят быть равными им, не видя притом Дмитрия, который бы мог разрешить между ними споры, стали убеждаться, что Болотников их обманывает, и начали отступать от него. Братья Ляпуновы первые подали этому отступлению пример, прибыли в Москву и поклонились Шуйскому, хотя не терпели его. Болотников был отбит Скопиным-Шуйским и ушел в Калугу.

Избавившись от осады, Шуйский по совету с патриархом Гермогеном пригласил в Москву бывшего патриарха Иова. 20 февраля 1607 года последний разрешил народ от клятвы, наложенной им за нарушение крестного целования Борису. Еще прежде того Шуйский приказал перевезти тела Бориса, его жены и сына и похоронить в Троице-Сергиевом монастыре. Этими поступками хотел Шуйский примириться с прошлым и тем придать своей власти более законности. Но с наступлением лета силы Болотникова опять начали увеличиваться пришедшими казаками. Появился новый самозванец, родом муромец, незаконный сын «посадской женки», Илейка, ходивший прежде в бурлаках по Волге. Он назвал себя царевичем Петром, небывалым сыном царя Федора; с волжскими казаками он пристал к Болотникову. После нескольких битв Шуйский осадил Болотникова и названного Петра в Туле. Какой-то муромец Мешок Кравков сделал гать через реку Упу и затопил всю Тулу: осажденные сдались. Шуйский, обещав Болотникову пощаду, приказал ему выколоть глаза, а потом утопить. Названного Петра повесили; простых пленников бросали сотнями в воду, но бояр, князей Телятевского и Шаховского, бывших с Болотниковым, оставили в живых.

Вернувшись в Москву, Шуйский думал, что теперь для него наступила пора успокоиться, и женился на княжне Марье Петровне Буйносовой-Ростовской, с которой обручился еще при жизни названного царя Дмитрия. Новые тревоги не давали ему отдохнуть: вместо повешенного названного Петра объявилось несколько царевичей. В Астрахани появился царевич Август, называвший себя небывалым сыном царя Ивана Васильевича от жены Анны Колтовской; потом там же появился царевич Лаврентий, также небывалый сын убитого отцом царевича Ивана Ивановича. В украинских городах появились восемь царевичей, называвших себя разными небывалыми сыновьями царя Федора (Федор, Ерофей, Клементий, Савелий, Семен, Василий, Гаврило, Мартын). Все эти царевичи исчезли так же быстро, как и появились. Но в Северской земле объявился наконец долгожданный Дмитрий и весной 1608 года с польской вольницей и казаками двинулся на Москву. Дело его шло успешно. Ратные люди изменяли Шуйскому и бежали с поля битвы. Новый самозванец в начале июля 1608 года заложил свой табор в Тушине, от чего и получил у своих противников прозвище «Тушинский вор», оставшееся за ним в истории. Города и земли русские одни за другими признавали его. Полчище его увеличивалось с каждым часом.

Ростов Великий. Панорама XIX в.

В.П.Верещагин. Осада Троице-Сергиевой лавры в Смутное время

Переговоры Шуйского с Польшей должны были решить, чего Московскому государству ждать от польского правительства. Переговоры эти шли очень медленно. Задержав в 1606 году польских послов Олесницкого и Гонсевского, Василий отправил князя Григория Волконского с объяснениями. Волконский пробыл в Польше больше года и натерпелся там всяких упреков и оскорблений. Вслед за тем, в октябре 1607 года, прибыли новые польские послы (Друцкий-Соколинский и Витовский) в Москву. Переговоры с ними шли до июля 1608 года и наконец закончились тем, что обе стороны заключили перемирие на три года и одиннадцать

месяцев, а в продолжение этого времени Польша обязалась не помогать никаким самозванцам и запретить всем полякам поддерживать Тушинского вора. Со своей стороны царь Василий отпускал всех задержанных поляков с условием, чтобы они не сносились с теми из своих соотечественников, которые находились в тушинском таборе; Марина не именовала бы себя царицей, а Мнишек не называл бы своим зятем Тушинского вора.

Оборона обители Святого Сергия от поляков

Но в нарушение этих условий Мнишек с Мариной и другими поляками очутились в тушинском таборе. Марина всенародно признала вора своим мужем, большая часть русских городов и земель опять отпала от Шуйского и провозгласила Дмитрия. В таких печальных обстоятельствах Шуйский обратился за помощью к шведам. Положение царя Василия в Москве было самое жалкое. Никто не уважал его. Им играли, как ребенком, по выражению современников. Шуйский то обращался к церкви и к молитвам, то призывал волшебниц и гадалщиц, то казнил изменников, но только незнатных, то объявлял москвичам: «Кто мне хочет служить, пусть служит, а кто не хочет служить – пусть идет; я никого не насилую». Москвичи уверяли своего царя в верности, а потом многие перебежали в Тушино; побывав в Тушине, возвращались в Москву; пожив в Москве, опять бежали в Тушино; беглец, явившийся в Тушино, целовал крест Дмитрию и получал от него жалованье, а вернувшись в Москву, целовал крест Василию и от него также получал жалованье. Чтобы отвадить народ от вора, Шуйский постановил давать свободу тем холопам, которые уйдут из Тушина, но выходило, что многие холопы из Москвы бежали в Тушино, чтобы потом, вернувшись, получить от царя свободу. Московские торговцы без зазрения совести возили в Тушино всякие товары, разживались и копили копейку на черный день, не пускали своих денег в оборот; от этого в Москве делался недостаток: он стал особенно чувствителен зимой, когда тушинцы отрезали путь из Рязани в Москву.

17 февраля 1609 года толпа под начальством князя Романа Гагарина и Григория Сумбулова бросилась в Кремль; она состояла из многих служилых людей разных городов и, обратившись к боярам, кричала: «Надобно переменить царя! Василий сел самовольством, не всей

землей выбран». Некоторые бояре уже были не в ладах с Шуйским, особенно Голицыны, так как князь Василий Васильевич Голицын сам помышлял о престоле. Но они не решились стать заодно с мятежниками, потому что за Шуйского был патриарх Гермоген. Замечательно, что патриарх сам постоянно не ладил с царем, но из чувства законности стоял за него, как уже за существовавшую верховную власть. Толпа мятежников вышла из Кремля на Красную площадь. Ударили в набат. Явился патриарх.

«Князь Василий Шуйский нелюб нам на царстве, – кричала толпа. – Он тайно убивает и сажает нашу братию в воду!»

«А кого же казнил Шуйский?» – спросил патриарх.

Мятежники не назвали имен, но кричали: «Из-за Василия кровь льется, и земля не умирится, пока он будет на царстве. Его одна Москва выбрала, а мы хотим избрать иного царя!»

Патриарх на это сказал: «До сих пор Москва всем городам указывала, а ни Новгород, ни Псков, ни Астрахань и никакой другой другой город не указывал Москве; а что кровь льется, то это делается по воле Божией, а не по хотению вашего царя».

Троице-Сергиев монастырь

Убеждения патриарха спасли на этот раз Василия, но дороговизна увеличилась. В апреле боярин Крюк-Колычев составил заговор убить Василия. Умысел был открыт. Зачинщика казнили. Положение царя становилось все ужаснее: до него доходили слухи, что его убьют то на Николин день, то на Вознесение. Народ врвался к нему во дворец и кричал: «Чего еще нам дожидаться! Разве голодной смертью помирать?» Царь обнадеживал москвичей скорым прибытием Скопина со шведскими людьми и убеждал купцов не поднимать цены на хлеб. Но московские купцы поступали так же, как некогда при Борисе: припрятавали хлеб, чтобы продавать его по дорогой цене. На счастье Василия в то время дела Тушинского вора пошли неудачно. Города, прежде признававшие его, выведенные из терпения бесчинством поляков и русских воров, один за другим отпадали и признавали царя Василия. Крестьяне собирались шайками, били и топили шатавшихся тушинцев. Сапега ничего не мог сделать с Троицким монастырем. Он беспрестанно палил по его стенам из 90 орудий; монастырь не сдавался, несмотря на то что начальствующие в монастыре воеводы Долгорукий-Роща и Голохвастов были во вражде между собой, а осажденные при большой тесноте и недостатке умирали от цинги. Ратные люди,

оборонявшие монастырь, совершали частые вылазки и причиняли неприятелю много вреда. Наконец, и попытки тушинцев овладеть Москвой не увенчались успехом. 25 июня москвичи отбили их нападение на Ходынку и взяли в плен двести человек. Прокопий Ляпунов очистил от воров рязанские города. Стоявший под Коломной отряд тушинцев ушел оттуда. Но более всего поправились дела Василия после успехов Скопина. Зимой тушинский лагерь пришел в совершенное расстройство. 12 января 1610 года Сапега отступил от Троицы; в феврале вор убежал в Калугу, а в начале марта Тушино совершенно опустело. Почти вся Русь покорилась Василию; но с запада на него наступала беда: Сигизмунд стоял под Смоленском, а русские, бывшие в Тушине, явились к польскому государю просить на Московское царство Владислава. Судьба, казалось, не давала Василию ни минуты отдыха. Одна беда проходила, другая, погрознее, наступала. В конце апреля скоропостижно скончался Скопин, и это приблизило падение Василия. Народная молва считала царя участником его смерти. Уже поляки и запорожцы забирала южные города: Стародуб, Почеп, Чернигов взяты были приступом и ограблены. Новгород-Северский и Рославль целовали крест Владиславу.

*Тула. Вид на Кремль и центральную часть города со стороны оружейного завода.
Гравюра Х. Пастухова. 1807 г.*

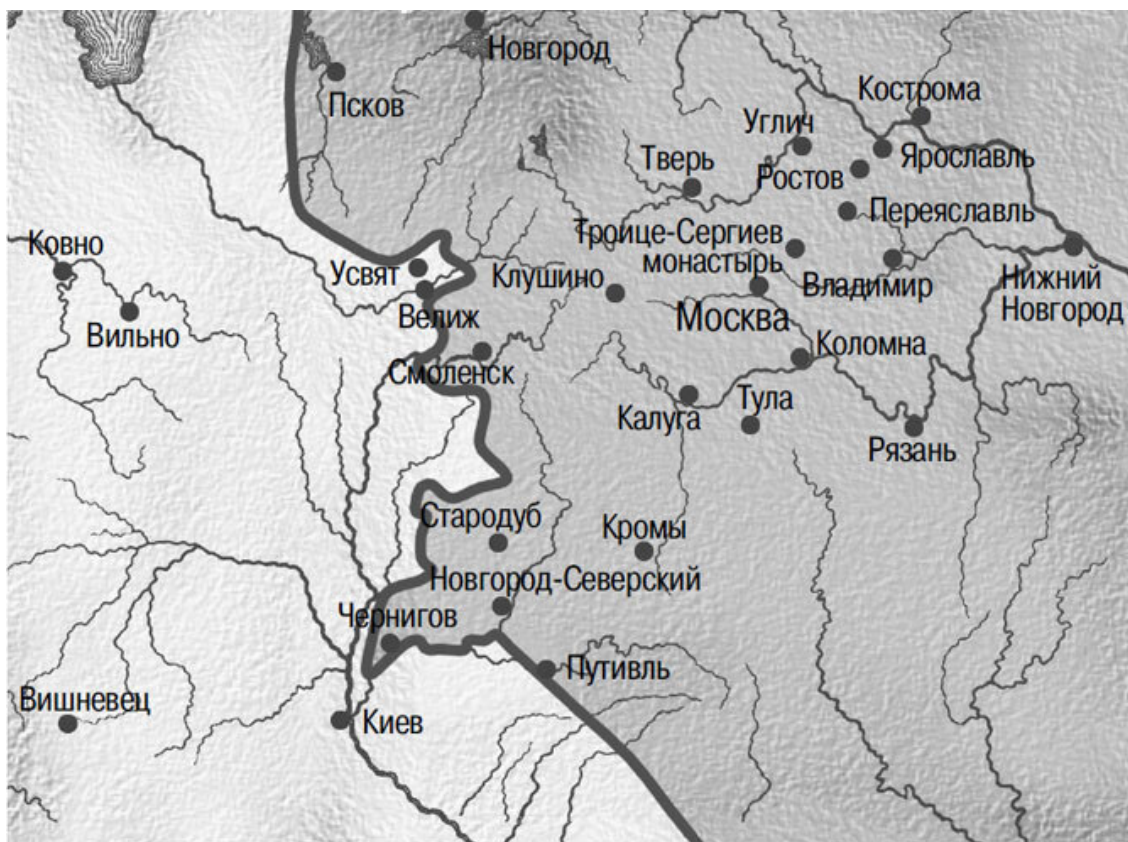

Прибытие второго самозванца (Тушинского вора) в Калугу

Вместо Скопина царь назначил главным предводителем войска своего брата Дмитрия, но русские его не терпели, а его жену Екатерину считали убийцей Скопина. Шведский полководец Делагарди презирал Дмитрия Шуйского за неспособность. Московские пленники сообщили под Смоленском полякам, что народ не любит Василия, что войско не захочет за него биться и вся Русь охотно признает Владислава царем. По этим известиям, Сигизмунд отправил к Москве войско под начальством коронного гетмана Жолкевского. Войско Шуйского, тысяч в тридцать, двинулось к Можайску; с ним шел и Делагарди со своей ратью, состоявшей из людей разных наций. В московском войске было много новобранцев, в первый раз шедших на бой.

Желания защитить царя Василия не было ни у кого. Враги встретились 23 июня между Москвой и Можайском, при деревне Клушино. От первого напора поляков побежала московская конница, смяла пехоту: иноземцы, бывшие под начальством Делагарди, взбунтовались и стали передаваться неприятелю. Тогда начальники московского войска Дмитрий Шуйский, Голицын и Мезецкий убежали в лес, а за ними и все бросились врассыпную. Жолкевскому досталась карета Дмитрия Шуйского, его сабля, булава, знамя, много денег и мехов, которые Дмитрий намеревался раздать войску Делагарди, но не успел. Делагарди, оставленный своими подчиненными, изъявил желание переговорить с гетманом Жолкевским, и когда гетман приехал к нему, то Делагарди выговорил у него согласие уйти беспрепятственно из пределов Московского государства. «Наша неудача, – сказал Делагарди, – происходит от неспособности русских и вероломства моих наемных воинов. Не то было бы с теми же русскими, если бы ими начальствовал доблестный Скопин. Но его извели, и счастье изменило московским людям».

Карта крестьянской войны в начале XVII в. и войны с польскими и шведскими интервентами

Мещовская Георгиевская обитель

Жолкевский принудил сидевших в Цареве-Займище Елецкого и Валуева присягнуть Владиславу, присоединиться к нему с их пятитысячным отрядом и пошел прямо на Москву. Можайск сдался ему без сопротивления. Волок-Ламский, Ржев, Погорелое Городище, Иосифов монастырь покорились добровольно. По совету Валуева Жолкевский послал своих агентов в Москву с грамотами, в которых обещал Русской земле тишину и благоденствие под управлением Владислава, если русские изберут королевича царем. Эти грамоты разбрасывались по улицам, ходили по рукам, всенародно читались на сходках. Царь Василий не мог ничего сделать.

С другой стороны подходил Тушинский вор из Калуги и 11 июля остановился в селе Коломенском. Тогда Прокопий Ляпунов написал своему брату Захару и боярину Василию Васильевичу Голицыну, что следует удалить и Шуйского, и вора.

17 июля Захар Ляпунов собрал сходку дворян и детей боярских за Арбатскими воротами и сказал: «Наше государство доходит до конечного разорения. Там поляки и Литва, тут Калужский вор, а царя Василия не любят. Он не по правде сел на престол и несчастен на царстве. Будем бить ему челом, чтобы он оставил престол, а калужским людям пошлем сказать, пусть они своего вора выдадут; и мы сообща выберем всей землей иного царя и встанем единомысленно на всякого врага». Послали в Коломенское.

Русские, бывшие при воре, сказали: «Сведите Шуйского, а мы своего Дмитрия свяжем и приведем в Москву».

После такого ответа толпа отправилась к царю Василию. Выступил вперед дюжий плечистый Захар Ляпунов и сказал царю: «Долго ли за тебя кровь христианская будет литься? Ничего доброго от тебя не делается. Земля разделилась, разорена, опустошена; ты воцарился не по выбору всей земли; братья твои окормили отравой государя нашего Михаила Васильевича, оборонителя и заступника нашего. Сжался над нами, положи посох свой! Сойди с царства. Мы посоветуем сами о себе иными мерами».

Василий вышел из себя, обнажил большой нож, который носил при себе, бросился на Ляпунова и закричал: «Как ты смеешь мне это говорить, когда бояре мне того не говорят?»

Ляпунов погрозил ему своей крепкой рукой и сказал: «Василий Иванович! Не бросайся на меня, а то я тебя вот так тут и изотру!»

Бывшие с Ляпуновым дворяне сказали: «Пойдем, объявим народу».

Они вышли на Красную площадь и зазвонили в колокол. Народ сбежался. Захар Ляпунов с Лобного места приглашал патриарха, духовенство, бояр, служилых людей и всякого чина православных христиан за Серпуховские ворота на всенародную сходку. Народ повалил за Серпуховские ворота.

Приехали патриарх, бояре.

«Вот три года – четвертый сидит Василий Шуйский на царстве, – говорили народу, – неправдой сел, не по выбору всей земли, и нет на нем благословения Божьего; нет счастья земле! Как только его братья пойдут на войну, так и понесут поражение; сами прячутся, а ратные разбегаются! Собирайтесь в совет, как нам Шуйского отставить, а иного выбрать всей землей».

Патриарх хотел было защищать Шуйского, которого не любил, но потом уехал.

Бояре отправились к царю. Свояк царя Василия Иван Михайлович Воротынский сказал ему: «Вся земля бьет тебе челом; оставь свое государство ради междоусобной брани, затем что тебя не любят и служить тебе не хотят».

Царю Василию ничего не осталось, как повиноваться. Он положил свой царский посох и переехал из царских палат в свой княжий дом.

Верховное правление на время перешло к боярскому совету под председательством князя Федора Мстиславского.

На другой день, 18 июля, толпа москвичей вышла к Данилову монастырю и послала в Коломенское сказать: «Мы свое клятвенное слово совершили – Шуйского свели; теперь ведите к нам своего вора».

Но из села Коломенского им дали такой ответ: «Дурно, что вы не помните крестного целования своему государю, а мы за своего помереть рады».

В то время многим в Москве стало жаль Шуйского, а Василий Иванович, узнав это, послал денег стрельцам, которых было тысяч до восьми в Москве, чтобы с их помощью возвратить себе престол. Патриарх начал осуждать низложение царя. Тогда 19 июля Захар Ляпунов подобрал себе товарищей, подговорил чудовских иеромонахов. Они пришли в дом к Василию Шуйскому, разлучили его с женой, увезли ее в Вознесенский монастырь и объявили, что Василию следует постричься в монахи.

«Люди московские, что я вам сделал? – спросил Шуйский. – Какую обиду учинил? Разве мне это за то, что я воздал мечь тем, которые содеяли возмущение на нашу православную веру и хотели разорить дом Божий?»

Филарет Никитич Романов

Ему повторили, что надо постричься. Василий Шуйский наотрез сказал, что не хочет.

Тогда иеромонахам велено было совершать обряд пострижения, и когда по обряду спросили его: желает ли он? – Василий громко закричал: «Не хочу»; но князь Тюфякин, один из соумышленников Ляпунова, произносил за него обещание, а Ляпунов крепко держал Василия за руки, чтобы он не отмахивался. Его одели в иноческое платье и увезли в Чудов монастырь.

В то же время в Вознесенском монастыре постригли жену Василия. Марья Петровна также не дала обета и твердо говорила, что никто не может разлучить ее с мужем, с которым соединил Бог. Патриарх Гермоген вопиял против такого беззакония и говорил, что иноком стал теперь тот, кто за Василия отрекался от мира.

Василий был последним государем из дома Владимира Святого, шесть веков с лишком со времени принятия христианства господствовавшего в Русской земле. Москвичи вспомнили тогда, что за некоторое время перед его низложением в Архангельском соборе, где почивали остатки всех потомков Даниила Александровича Московского, в полночь слышали люди плач великий, чтение сто восемнадцатого псалма и пение вечной памяти. Плачем началось, плачем окончилось. Этот плач в усыпальнице московских государей предвещал низвержение царя Василия и грядущие бедствия, после которых уже иному роду суждено было господствовать в Русской земле.

Князь Дмитрий Михайлович Пожарский

Через три дня после пострижения царя Василия прибыл гетман Жолкевский к Москве с польским войском. Бояре волей-неволей должны были соглашаться на избрание Владислава и показывать вид, будто поступают добровольно. Патриарх Гермоген сначала сильно противился, всегда верный своему неизменному отвращению ко всякой иноземщине, однако потом, видя, что невозможно устоять против печальных обстоятельств, соглашался, но по крайней мере с условием, чтобы новый царь принял православие и крестился. Переговоры с Жолкевским шли три недели. Жолкевский был одним из немногих в то время благороднейших и честнейших людей в Польше, чуждым иезуитских козней, уважающим права не только своего народа, но и чужих народов, ненавистником насилия, столько же храбрым, сколько умевшим держать в порядке войско, великодушным, обходительным и справедливым. Он не мог согласиться на требование Гермогена, но заключил такой договор, который показывал, что гетман вовсе не думал о порабощении Руси Польшей, напротив, уважал и даже ограждал права русского народа. Московское государство избирало своим царем Владислава с тем, чтобы власть его была ограничена по управлению боярами и думными людьми, а по законодательству – думой всей земли. Владислав не имел права изменять народных обычаев, отнимать имущества, казнить и ссылать без боярского приговора, обязан был держать на должностях только русских, не должен был раздавать по польским обычаям полякам и литовцам староств, однако мог жаловать их деньгами и поместьями наравне с иноземцами, не мог строить костелов и не должен был

дозволять насилеиом и хитростью совращать русских в латинство, обязывался оказывать уважение к греческой вере, не отнимать церковных имений и отнюдь не впускать жидов в Московское государство. Бояре поставили в договор условие, чтобы крестьяне не переходили с земли одного владельца на земли другого. 17 августа трое главнейших бояр князя Федор Иванович Мстиславский, Василий Васильевич Голицын, Даниил Иванович Мезецкий с двумя думными дьяками Телепневым и Луговским взяли на себя право заключить этот договор от имени всех чинов Московского государства. То была ложь: участия всей земли не было и выборные люди не съезжались.

Простой московский народ недоволен был избранием Владислава. В Москве усиливалась партия, хотевшая снова возвести на престол Шуйского. Бояре, приписывая эти волнения козням Василия и его братьев, до такой степени раздражились против Шуйских, что поднимали вопрос: не перебить ли всех Шуйских? Но за сверженного царя заступился Жолкевский. Он объявил, что Сигизмунд приказал ему беречь Василия и не допускать над ним насилий. Бояре отдали Жолкевскому в распоряжение сверженного царя и его родственников. Гетман отправил братьев Василия Шуйского Ивана Пуговку и Дмитрия с женой в Польшу, самого сверженного царя – в Иосифов монастырь, а его супругу – на время в Суздальско-Покровский монастырь. Жолкевский не хотел признавать их пострижения, так как оно было насильное, и дозволил им ходить в мирском платье.

Вслед за тем 19 сентября гетман вступил с войском в Москву; он так умел держать в повиновении свое войско и обращаться с русскими, что даже сам суровый патриарх Гермоген начал смотреть на него более дружелюбными глазами. Русские города один за другим присягали Владиславу, кроме некоторых, все еще державшихся вора. Достоинно замечания, что Прокопий Ляпунов, в руках которого была вся Рязанская земля, не только без противоречия одобрил избрание Владислава, но послал к Жолкевскому своего сына Владимира, хлопотал о доставке съестных припасов полякам в Москву и был самым ревностным их приверженцем. Бояре по настоянию Жолкевского снарядили послов к Сигизмунду.

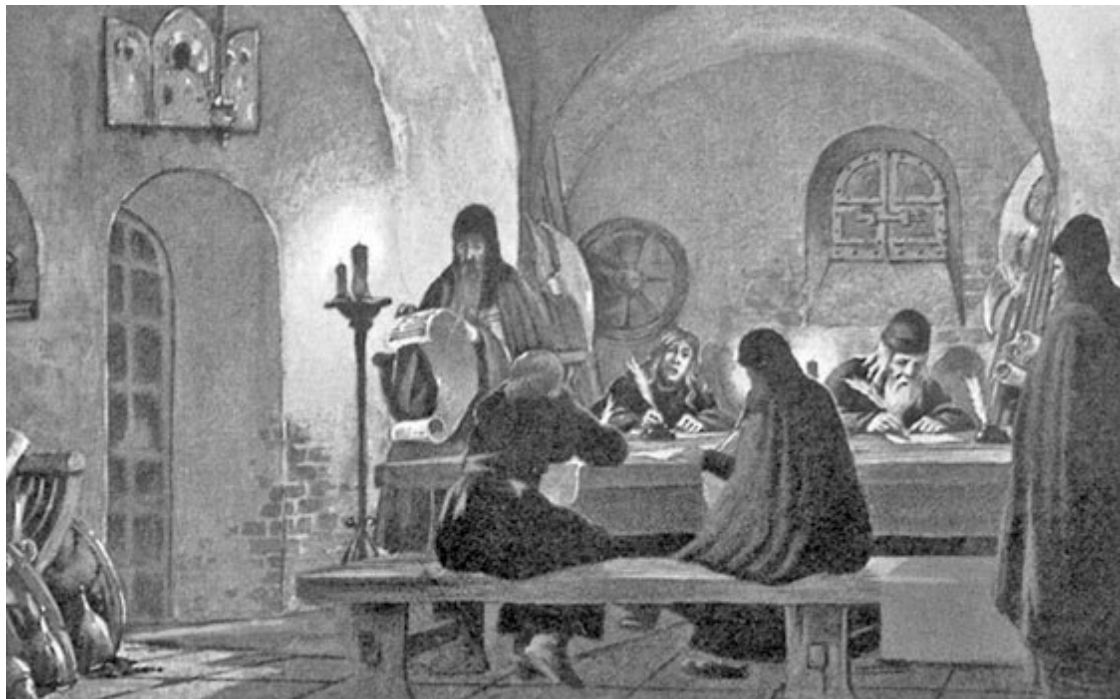
Жолкевский недолго оставался в Москве. Сигизмунд был вовсе не доволен договором, постановленным Жолкевским. Сигизмунд не хотел давать Московскому государству сына, а думал сам завладеть этим государством и присоединить его к Польше. Управлявшие им иезуиты не видели для своих планов никакой пользы из того, что Владислав сделается московским царем, когда при этом не дозволено будет ни строить костелов, ни совращать православных в латинство и унию. Полякам вообще не нравилось запрещение давать им староства и должности в московской земле, тогда как они надеялись пожить при новом порядке вещей. Сигизмунд отозвал Жолкевского из Москвы. В конце октября гетман сдал начальство над войском, оставшимся в Москве, Александру Гонсевскому, а сам выехал под Смоленск, взяв с собой сверженного царя Василия и его жену.

Сигизмунд принял Жолкевского с гневом, с презрением бросил представленный гетманом договор и сказал: «Я не допущу сына моего быть царем московским».

С тех пор пленный царь находился под Смоленском до взятия этого города. Русские послы, находившиеся под Смоленском, заметили, что гетман Жолкевский поступил вопреки договору, по которому не следовало ни одного человека выводить в Польшу и Литву, и находили, что Жолкевский нанес оскорбление православной вере тем, что дозволил Василию и жене его ходить в мирском платье. «Я сделал это, – сказал Жолкевский, – по просьбе бояр, чтобы отстранить смятение в народе. Притом же Василий в Иосифовом монастыре чуть с голода не умирал... Я привез его в мирском платье, потому что он сам не хочет быть монахом; его постригли насильно, а насильное пострижение противно и вашим, и нашим церковным уставам. Сам патриарх это утверждает».

Смоленск защищался упорно благодаря мужеству воеводы Шеина. И воевода, и все смольняне охотно присягали Владиславу, но не хотели ни за что по требованию Сигизмунда

сдавать польскому королю русский город, который король хотел присоединить к Польше, тем более что Сигизмунд показывал явное пренебрежение ко всем правам русских и к особам послов, прибывших к нему от всей Русской земли: он приказал заключить их в оковы и отправить в Польшу.

Б.М. Зворыкин. Архимандрит Дионисий диктует инокам Троице-Сергиевой лавры воззвание к народу

Много приступов к Смоленску было отбито. Наконец 3 июня 1611 года была взорвана часть смоленских стен; поляки ворвались в город. Владыку смоленского Сергия с толпой народа захватили в полуразрушенном соборе; русские бросались в огонь, решив лучше погибнуть, чем терпеть поругание от победителей. Шеин с женой, малолетним сыном, своим товарищем князем Горчаковым и несколькими дворянами заперся в башне и храбро защищался до тех пор, пока один из польских военачальников, Потоцкий, не убедил его сдаться, обещая от короля милость. «Я всем сердцем был предан королевичу, – сказал Шеин полякам, – но если бы король не дал сына своего на царство, то земля не может быть без государя, и я бы поддался тому, кто был бы избран царем на Москве». Сигизмунд не оценил ни прямоты, ни храбрости этого человека. Его подвергли пытке, желая дознаться, где спрятаны в Смоленске сокровища, но не добились ничего. После пытки Шеина отправили в Литву в оковах, разлучив с семьей⁶³.

После взятия Смоленска Сигизмунд уехал в Варшаву и приказал везти за собой Шуйского и его братьев. Успехи Польши над Русью произвели радость во всем католическом мире. В Риме празднество шло за празднеством. Иезуиты надеялись, что они теперь достигли своей цели и овладели Московской землей. В Варшаве, как обычно, побаивались, чтобы успехи короля не послужили к стеснению шляхетских вольностей, но дали на время волю патриотическому восторгу и восхищались торжеством своей нации над давними врагами.

---

⁶³ Впрочем, впоследствии его судьба улучшилась; в продолжение своего долгого плена он пользовался свободой и сошелся с паном Новодворским, главным виновником взятия Смоленска.

Царь Василий Иванович Шуйский

Смотр пушкарей в середине XVI в.

Королю устроили торжественный въезд. Жолкевский вез за собой пленного низверженного царя. Поляки сравнивали его с римским Павлом Эмилием. Сослуживцы Жолкевского щеголяли блеском своих одежд и вооружения. Сам коронный гетман ехал в открытой, богато убранной коляске, которую везли шесть турецких белых лошадей. За его коляской везли Шуйского в открытой королевской карете. Бывший царь сидел со своими двумя братьями. На нем был длинный белый, вышитый золотом кафтан, а на голове – высокая шапка из черной лисицы. Поляки с любопытством всматривались в его изможденное сухощавое лицо и ловили мрачный взгляд красноватых больных глаз. За ним везли пленного Шеина со смольнянами, а потом послов – Голицына и Филарета с товарищами. Это было 29 октября 1611 года. Поезд двигался по краковскому предместью в замок, где в сенаторской «избе» был в сборе весь сенат, двор, знатнейшие паны Речи Посполитой. На троне сидел Сигизмунд с королевой, а по бокам – члены королевской фамилии. Ввели пленных; Василия с братьями поставили перед тронем. Жолкевский выступил вперед и громко произнес латинскую цветистую речь, в которой упомянул разных римских героев. Указывая на Василия, он сказал: «Вот он, великий царь московский, наследник московских царей, которые столько времени своим могуществом были страшны и грозны польской короне и ее королям, турецкому императору и всем соседним государствам. Вот брат его, Дмитрий, предводитель 60-тысячного войска, мужественного, храброго и сильного. Недавно еще они повелевали царствами, княжествами, областями, множеством подданных, городами, замками, неисчислимыми сокровищами и доходами, но, по воле и по благословию Господа Бога над вашим величеством, мужеством и доблестью польского войска, ныне стоят они жалкими пленниками, всего лишены, обнищавшие, поверженные к стопам вашего величества, и, падая на землю, молят о пощаде и милосердии». При этих словах низложенный царь поклонился и, держа в одной руке шапку, прикоснулся пальцами другой руки к земле, а потом поднес их к губам; Дмитрий поклонился в землю один раз, а Иван по обычаю московских холопов отвесил три земных поклона. Иван Пуговка горько плакал. Василий сохранял тупое спокойствие. Гетман продолжал: «Ваше величество, я вас умоляю за них, примите их не как пленных, окажите им свое милосердие, помните, что счастье непостоянно и никто из монархов не может назвать себя счастливым, пока не окончит своего земного поприща». По окончании этой речи пленники были допущены до руки королевской. После этого произнесены были еще две речи: одна – канцлером, другая – маршалом посольской избы в похвалу Сигизмунду, гетману и польской нации. В заключение всего встал со своего места Юрий Мнишек, вспоминал о

вероломном убийстве Дмитрия, коронованного и всеми признанного, говорил об оскорблении своей дочери, царицы Марины, о предательском избиении гостей, приехавших на свадьбу, и требовал правосудия. Василий стоял молча. Мнишек проговорил свою речь; но никто из панов Речи Посполитой не произнес ни слова, никто не обратил на него внимания, напротив, все глядели с состраданием и участием на пленного царя. Король отпустил Шуйского милостиво.

Василия с братьями отправили в Гостынский замок, где назначили ему пребывание под стражей. Содержание давали им достаточное, как это видно из описи вещей и одежд, оставшихся после Василия и пожалованных пленным по милости Сигизмунда. Неволья и тоска свели Василия в могилу на следующий же год. Над его могилой поставили памятник с латинской надписью, восхваляющей великодушие Сигизмунда. Его брат Дмитрий и жена последнего Екатерина умерли после него в неволе, в плену. Супруга царя Василия по русским летописям значится умершей в 1625 году в Новодевичьем монастыре под именем Елены. Иван Пуговка вскоре после заключения в Гостыни изъявил желание служить Польше, присягнул Владиславу, а когда в 1619 году был обмен пленными, то не решился возвращаться в отечество и объявил, что приедет только тогда, когда Владислав освободит его от данной присяги. Через несколько лет, однако, Пуговку отпустили.

Прошло двадцать три года с тех пор, как Василия привезли в Варшаву. Тогда Московское государство заключило с Польшей уже не перемирие на известный срок, как бывало столько раз до того времени, а так называемый «вечный мир», и царь Михаил Федорович попросил у польского короля Владислава прислать в Москву гроб пленного царя и его родных. Сначала паны Речи Посполитой воспротивились этому, потому что считали для Польши славой то обстоятельство, что тело пленного московского царя лежит в их земле, но согласились, когда московские послы одарили их соболями. Раскопав могилу, нашли каменную палатку, в которой гроб Василия стоял одиноко, а гроб Дмитрия был поставлен на гроб его жены. Король Владислав приказал новые гробы, в которые поместили старые, покрыть атласом, бархатом и камкой. Гробы привезли в Москву. Московские дети боярские и дворяне несли гроб бывшего царя Василия на плечах от Дорогомилова до Кремля при многочисленном стечении народа. У Успенского собора его встретил сам царь Михаил, со всеми боярами и ближними людьми, одетыми в смиренное (траурное) платье. Тело несчастного Василия погребено 11 июня 1635 года в Архангельском соборе в ряду других потомков Владимира Святого, правивших Москвой.

Козьма Минин и Дмитрий Пожарский

Движение, поднятое Гермогеном и Ляпуновым, не было задавлено неудачами. Города продолжали переписываться с городами и убеждали друг друга действовать взаимно для спасения веры и государства. Шиши отдельными отрядами повсеместно дрались с врагами. Духовенство старалось всеми средствами благочестия ободрять народ. В разных городах в знак покаяния для умиловления Божия гнева налагались особые строгие посты, совершались молебны о спасении отечества, ходили утешительные вести о разных видениях и откровениях с целью поддержать падающий дух народа; троицкие власти рассылали свои призывные грамоты одну за другой. Но в народном противодействии не было уже ни порядка, ни определенного плана. Все шло врознь. Начали распространяться уныние и неверие в собственные силы. Так, когда в Нижнем Новгороде в соборной церкви была прочитана грамота троицких властей, народ, прослушав ее, пришел в умиление, плакал над гибелью государства, но выражал отчаяние такими словами: «Верно нам не будет избавления! Чаять нам большей гибели».

Тогда в том же Нижнем Новгороде выступил перед народом выборный нижегородский земский староста Козьма Захарыч Минин-Сухорук, ремеслом «говядарь»⁶⁴. На всенародной сходке у собора он говорил народу в таком смысле: «Православные люди, похотим помочь Московскому государству, не пожалеем животов наших, да не токма животов – дворы свои продадим, жен, детей заложим и будем бить челом, чтоб кто-нибудь стал у нас начальником. Дело великое! Мы совершим его, если Бог поможет. И какая хвала будет всем нам от Русской земли, что от такого малого города, как наш, произойдет такое великое дело; я знаю, только мы на это подвинемся, так и многие города к нам пристанут, и мы избавимся от иноплеменников».

Нижегородцам показались любы такие речи, но не сразу решились они на великое дело. Еще несколько раз они сходились слушать Минина и наконец проговорили: «Будь ты нам старший человек; отдаем себя во всем на твою волю».

---

⁶⁴ Быть может, мясник или же торговец скотом – гуртовщик.

Памятник Минину и Пожарскому в Москве. Скульптор И. И. Мартос

Стали нижегородцы думать: кого избрать им в предводители, кто бы в ратном деле был искусен и прежде не объявлялся в измене. По совету Минина все остановились на стольнике князе Дмитрие Михайловиче Пожарском. Этот князь происходил из стародубских князей Суздальской земли, потомков Всеволода Юрьевича, и принадлежал к так называемым «захудалым» княжеским родам, то есть не игравшим важной роли в государственных делах в предшествовавшие времена. Сам Дмитрий Пожарский не выделялся никакими особыми способностями, исполнял в военном деле второстепенные поручения, но зато в прежние времена не лежало на нем никакой неправды, не приставал он к Тушинскому вору, не просил милостей у польского короля. В царствование Шуйского Пожарский удачно разбивал отдельные воровские шайки, а в 1610 году, будучи зарайским воеводой, упорно держался стороны Шуйского, не поддавался убеждениям Ляпунова провозгласить царем Скопина и удерживал, насколько мог, свой

город в повиновении существующей власти. Возмутившиеся посадские люди города Зарайска хотели убить его за то, что не поддается Калужскому вору, и он выдержал от них осаду в каменном городе (Кремль) Зарайска. Но Шуйского свели с престола. Законного государя не стало на Руси; тогда Пожарский объявил, что станет целовать крест тому, кто на Москве будет выбран царем, и присягнул Владиславу, которого в столице тогда избрали в цари.

А. Д. Кившенко. Воззвание Козьмы Минина к нижегородцам. Граждане приносят пожертвования на площадь

Вскоре после того русским людям стало ясно, что поляки обманывают, не думают прислать Владислава, а намереваются завладеть Московским государством. Пожарский сошелся с Ляпуновым и вместе с ним двинулся на Москву. Пожарский, первый из товарищей Ляпунова, вступил со своим отрядом в стены зажженного уже Белого города, укрепился было около церкви Введения Богородицы на Лубянке, но огонь вынудил его отступить. Пожарский был при этом ранен и, упав на землю, кричал: «Ох, хоть бы мне умереть, только бы не видеть того, что довелось увидеть!» Ратные люди подняли его, положили на повозку и вывезли из пылающей столицы по Троицкой дороге.

С той поры князь Пожарский находился в своей вотчине Линдех за 120 верст от Нижнего и едва оправился от ран, полученных в Москве, как к нему прибыли архимандрит нижегородского Печерского монастыря Феодосий и дворянин Ждан Болтин с посадскими людьми приглашать его стать начальником ополчения, которое затевалось в Нижнем Новгороде. Князь Пожарский отвечал: «Рад за православную веру страдать до смерти, а вы из посадских людей изберите такого человека, который бы мог со мною быть у великого дела, ведал бы казну на жалованье ратным людям. У вас есть в городе человек бывалый: Козьма Минин-Сухорук; ему такое дело за обычай».

После возвращения посланцев в Нижний мир, услышав, на кого указал князь Пожарский, стал выбирать Козьму на такое важное дело. Минин сначала отказывался, а потом как бы нехотя принял предлагаемую должность и сказал: «Если так, то составьте приговор и приложите к нему руки, чтоб слушаться меня и князя Дмитрия Михайловича во всем, ни в чем

не противиться, давать деньги на жалованье ратным людям; а если денег не станет, то я силою стану брать у вас животы, жен и детей отдавать в кабалу, чтобы ратным людям скудости не было!»

Приговор был составлен, и Минин поспешил отослать его к Пожарскому, опасаясь, чтобы нижегородцы не одумались и не переделали своего приговора. По этому мирскому приговору земский староста Минин обложил всех пятой деньгой, то есть отбирал пятую часть достояния на земское дело. Для этого избраны были оценщики имущества. Не допускалось ни льгот, ни отсрочек. Были такие, что давали охотно и больше. Одна вдова принесла сборщикам десять тысяч рублей и сказала: «Я осталась после мужа бездетною, у меня двенадцать тысяч: десять отдаю вам, а две себе оставляю!» Кто скупился, у тех отнимали силой. Не спускали ни попам, ни монастырям. Неимущих людей отдавали в кабалу тем, кто за них платил. Конечно, покупать имущество и брать в кабалу людей могли только богачи; таким путем вытягивались у последних спрятанные деньги. Без сомнения, такая мера должна была повлечь за собой вредные последствия; изгнав чужеземных врагов, Русь должна была испытать внутреннее зло – порабощение, угнетение бедных, отданных во власть богатым. Меры Минина были крутыми и жестокими, но и время было чересчур жестокое и крутое: приходилось спасать существование народа и державы на грядущие времена.

В.Е. Савинский. Больной князь Пожарский принимает послов

А. Новоскольцев. Смерть патриарха Гермогена

По прибытии Пожарского в Нижний были отправлены во все стороны гонцы с грамотами; описывалось несчастное положение Московского государства, русские всех городов призывались встать заодно с нижегородцами. В этих грамотах говорилось: «Будем над польскими и литовскими людьми промышлять все за один, сколько милосердный Бог помочи даст. О всяком земском деле учиним крепкий совет, а на государство не похотим ни литовского короля, ни Маринки с сыном, ни того вора, что стоит под Псковом».

Нижегородские грамоты повсюду читались на народных сходках, потом постановлялись приговоры, собирали деньги на жалованье ратным людям. Затем из ближних городов приходили в Нижний и ополчения. Пришли туда дети боярские из Арзамаса, пришло рязанское ополчение; в Казани медлили, потому что там стряпчий Биркин и дьяк Шульгин, люди, прежде служившие вору, умышленно противодействовали Минину.

Нижегородское ополчение вышло из Нижнего вверх по Волге. Балахна, Юрьевец, Решма, Кинешма дали Минину свою казну и присоединились к нижегородцам со своими ополчениями.

В Костроме воевода Иван Шереметев, оставаясь верным Владиславу, хотел было сопротивляться, но костромичи выдали его Пожарскому и присоединились к нижегородцам.

В начале апреля ополчение прибыло в Ярославль. Ярославцы встретили Пожарского с образами и предложили все имущество, какое у них есть, на общее дело. В знак почета они поднесли Минину и Пожарскому подарки, но те ничего не взяли.

Здесь ополчение оставалось несколько месяцев, пополняясь новопривыкшими силами. Минин значился выборным человеком всей Русской земли, а из-за его безграмотности подписывался князь Пожарский. Сам князь Пожарский держал в своих руках управление не только войском, но и земель, назывался «по избранию всех чинов и людей Московского государства многочисленного войска у ратных и земских дел», давал именем своим суд всей земле Русской, определял награды и наказания, раздавал поместья, распоряжался постройкой городов и требовал денежных пособий. Троицкие власти, следившие за тем, что делалось у поляков, торопили князя Пожарского идти скорее к Москве на соединение с князем Трубецким. Польский гарнизон в Кремле был немногочислен и от дурных распоряжений постоянно терпел нужду.

Жолнеры (солдаты) роптали, что им не дают жалованья; часть буйных сапежинцев самовольно ушла в Польшу грабить королевские имения. На место Гонсевского в мае был прислан туда другой предводитель, Струсь, а литовский гетман Ходкевич ходил со своим войском по Московской земле собирать запасы. Силы поляков в Русской земле были тогда немногочисленны и разрознены, но могли в непродолжительное время значительно увеличиться, так как носились слухи, что в Москву придет король с сильным войском. Надо было предупредить прибытие короля и овладеть столицей. Поэтому троицкий архимандрит Дионисий и келарь Авраамий убеждали Пожарского идти скорее из Ярославля и даже сердились на него за медлительность. Но Пожарский не имел таких качеств, которые бы внушали всеобщее ему повиновение. Его мало слушали: в ярославском ополчении была безладица, происходили даже драки. Сам князь Пожарский сознавался в своей неспособности. К нему пришли новгородцы толковать о призвании на русский престол шведского королевича. Пожарский подавал им надежду на признание королевича, если он примет православную веру, но при этом заметил: «Был бы у нас такой столп, как Василий Васильевич Голицын, все бы его держались и слушались, а я к такому великому делу мимо его не принялся. Меня к тому делу насильно приневолили бояре и вся земля».

П.П. Чистяков. Патриарх Гермоген отказывает полякам подписать грамоту

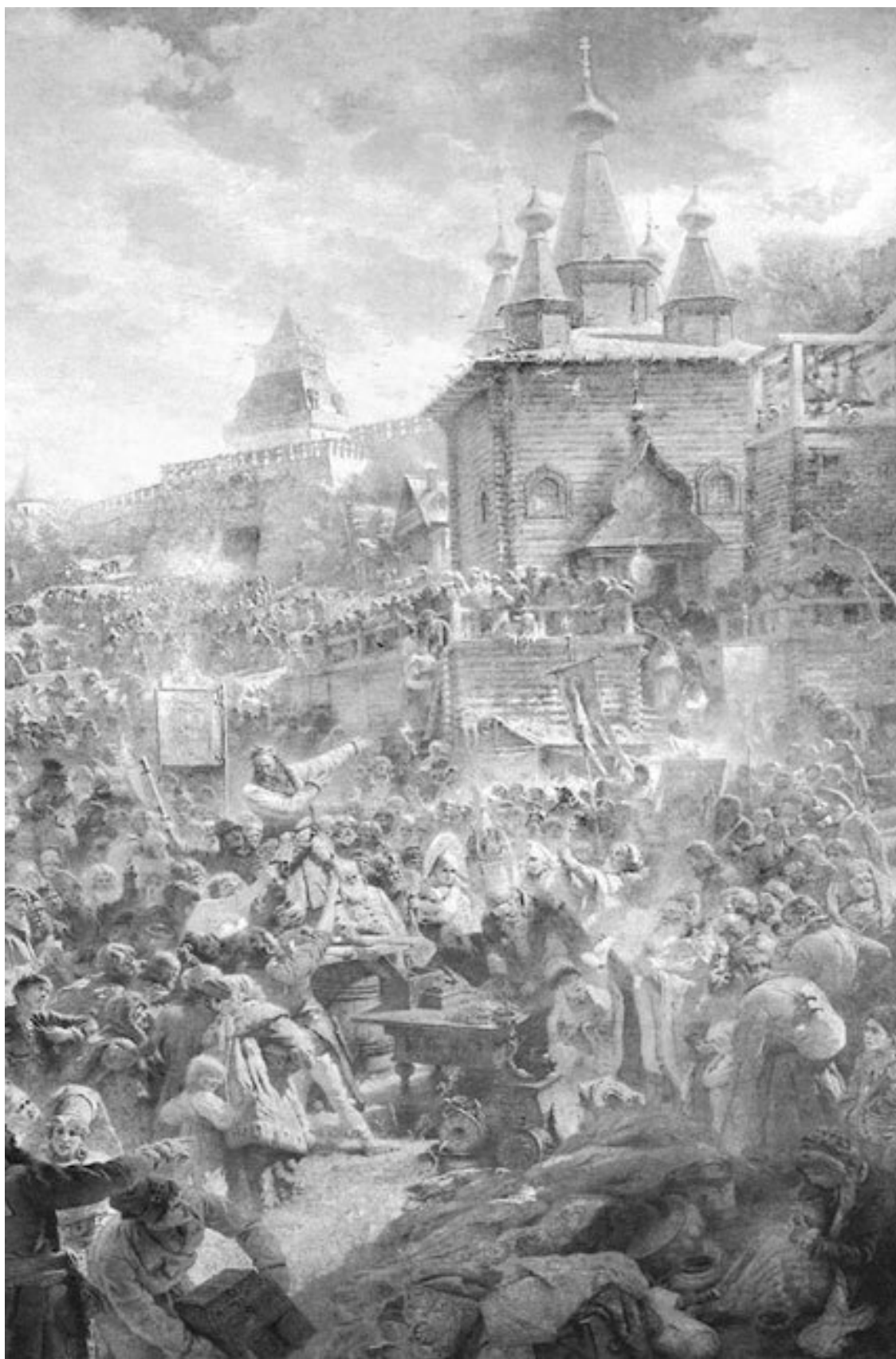
Князь Пожарский боялся идти под Москву, пока там были казаки, и хотя Трубецкой убеждал его поспешить, Пожарский все не решался и только высылал вперед к Москве отряды. Когда Заруцкий после неудачного покушения на Пожарского посредством подосланных убийц в половине июля 1612 года убежал из-под Москвы, Пожарский стал смелее, но все-таки не доверял Трубецкому. Выступив из Ярославля, он шел к Москве очень медленно. Оставив свое войско в Ростове, Пожарский ездил в Спасский Суздальский монастырь молиться Богу и поклониться гробам своих предков. Готовясь к битве с поляками, Пожарский ослаблял свое войско, отправляя в одиночку свои отряды в разные стороны. 14 августа прибыл Пожарский к Троице и опять остановился там на несколько дней, а между тем из-под Москвы дворяне и казаки торопили его идти как можно скорее, потому что Ходкевич приближался к столице с

усиленным войском. Наконец, 20 августа Пожарский и Минин со своим ополчением прибыли к Москве. Трубецкой выехал к ним навстречу и приглашал стать в одном таборе с казаками. Но Пожарский и Минин отвечали, что не будут стоять в одном таборе с казаками.

Земское ополчение стало вдоль стены Белого города до Алексеевской башни на Москvere. Главное ядро его было у Арбатских ворот: там стояли Пожарский и Минин. Заложив стан, ратные люди стали окапывать его рвом. Казаки занимали восточную и южную части Белого города и Замоскворечья, которое все нарочно было изрыто рвами: в них должна была сидеть казацкая пехота. 22 августа русские увидели идущее с западной стороны литовское войско. То был Ходкевич со свежими силами. За ним тянулись огромные ряды нескольких сот возов с набранными запасами, которые нужно было провезти польскому гарнизону в Кремль и Китайгород. Ходкевич стал переправляться через Москву-реку у Девичьего поля. Часть литовцев успела переправиться через реку, сбив московскую конницу, которая стерегла переправу. В то же время осажденные в Кремле поляки сделали вылазку; земское московское войско очутилось среди двух огней; казаки не хотели из зависти помогать ему. Но дело поправилось и без них. Воины Ходкевича погнали московских людей до Тверских ворот. Тогда, с одной стороны, московские стрельцы отбили вылазку польского гарнизона и заставили его уйти обратно в Кремль, а с другой – из-за печей и церковей разрушенного Земляного города русские начали так поражать выстрелами литовское войско Ходкевича, что оно повернуло назад за Москву-реку. Гетман стал у Донского монастыря.

Следующий день прошел без боя.

К.Е. Маковский. Минин на площади Нижнего Новгорода, призывающий народ к пожертвованию

24 августа на рассвете Ходкевич решился со всем своим войском пробиться через Замоскворечье и во что бы то ни стало доставить осажденным привезенные запасы. Путь был труден по причине развалин и множества прорытых рвов. Конные должны были спешиться; на возах медленно везли запасы, расчищая путь. Казаки Ходкевича успели выгнать московских казаков из рвов. Ходкевич настиг их на Пятницкой улице, и здесь-то завязался ожесточенный бой с казаками. Между тем Минин, взяв с собой передавшегося поляка Хмелевского и три сотни дворян, ударил на две литовские роты, оставленные в тылу, и смял их, потеряв племянника, убитого на его глазах. В полдень московские казаки у церкви Св. Клементя отбили литовцев, отрезали и захватили из их обоза четыреста возов с запасами. Тогда Ходкевич увидел, что цель, ради которой он прибыл на этот раз в Москву, не достигнута: продовольствия гарнизону он доставить не может. Он приказал спасти остаток возов и ушел к Воробьевым горам. Поражение, нанесенное ему, было так велико, что у него оставалось только четыреста коней.

Ходкевич с трудом сообщил осажденным, что он уходит с целью набрать запасы, и обещал возвратиться через три недели. 28 августа Ходкевич ушел.

После победы над литовским войском Пожарский с Трубецким помирились и решили вести осаду сообща, съезжаясь для совещаний на Неглинной, на Трубе. Казаки все еще не ладили с земскими людьми, однако действовали заодно с ними против поляков с еще большей злобой к последним. Кремль и Китай-город были осаждены со всех сторон. Русские устроили туры и палили с них из своих пушек.

15 сентября Пожарский, минуя Струся, отправил полковникам Стравинскому и Будзиле письмо: убеждал осажденных сдать, обещал отпустить весь гарнизон в отечество невредимым. На это великодушное предложение польские предводители написали Пожарскому надменный ответ, восхваляли в нем мужество и доблесть поляков, называли московский народ самым подлейшим на свете, выражали надежду на скорое прибытие Владислава и грозили жестокой карой Пожарскому и его товарищам. Осажденные были еще убеждены, что гетман вернется, но проходили недели – гетмана не было. Запасы их подходили к концу. 6 октября они послали двух воинов известить гетмана, что если пройдет еще неделя, то им придется умереть с голоду. Все было напрасно. В половине октября голод достиг ужасающих размеров. Осажденные съели лошадей, собак, кошек, мышей, грызли ремни, выкапывали из земли гнилые трупы и пожирали. От такого рода пищи смертность увеличилась. Живые стали бросаться на живых, резали друг друга и пожирали. 22 октября Трубецкой ударил на Китай-город; голодные поляки были не в состоянии защищаться, покинули его и ушли в Кремль. Первое, что увидели русские в Китай-городе, были чаны, наполненные человеческим мясом. Поляки, потеряв Китай-город, выгнали из Кремля русских женщин и детей. Пожарский выехал к ним навстречу. Казаки зашумели и кричали, что надо бы ограбить боярынь, но земские люди окружили боярынь, спасли от ярости казаков и благополучно провели в свой стан. Тогда в Китай-город торжественно внесли икону Казанской Божией Матери и дали обет построить церковь, которая позже действительно была построена и до сих пор существует на Кремлевской площади напротив Никольских ворот. В память этого дня 22 октября установлен праздник иконы Казанской Богородицы, до сих пор соблюдаемый православной русской церковью.

А.М. Васнецов. В осадном сидении. Троицкий мост и башня Кутафья

Стали в Кремле поляки советоваться, что им делать дальше. Михаила Салтыкова уже не было. Он убрался заблаговременно с Гонсевским, но оставался его товарищ, Федор Андронов, с некоторыми подобными ему служивыми Сигизмунда; они сильно противились сдаче, зная, что от своей братии русских им придется еще хуже, чем от голода. Весь гарнизон зашумел и порывался отворить ворота. Тогда Струсь отправил к Пожарскому просить пощады, умоляя оставить осажденным жизнь. Зная свирепость казаков, поляки договаривались, чтобы начальствующие лица сдались только Пожарскому. Оба русских предводителя дали обещание, что ни один пленник не погибнет от меча.

24 октября поляки отворили кремлевские ворота, выходящие на Неглинную (ныне Троицкие); прежде всего выпустили русских людей, бояр, дворян, купцов, сидевших в осаде. Казаки тотчас закричали: «Надобно убить этих изменников, а животы поделить на войско». Но земские люди встали в боевой порядок, готовясь защищать своих братьев от казаков. Выпущенные русские стояли на мосту, ожидая, что из-за них начнется бой. Вид их вызывал сострадание. Однако до междоусобного боя не дошло. Казаки покричали, погрозили и отошли. Пожарский и Минин проводили русских в свой земский стан.

25 октября все кремлевские ворота уже были отворены настежь; русские войска входили в Кремль, предшествуемые крестным ходом, впереди которого шел архимандрит Дионисий, а из Кремля вышел к нему навстречу элассонский архиепископ грек Арсений с Владимирской Богородицей в руках. Поляки побросали оружие. Их погнали в русский стан. Струся заперли в Чудовом монастыре. Все имущество пленных сдали в казну, и Минин раздавал его казакам в виде награды.

Казаки не вытерпели и, нарушив крестное целование, перебили многих пленных. Однако те пленники, которые достались Пожарскому и земским людям, уцелели все до одного. Их разослали по разным городам: в Нижний, Ярославль, Галич, Вологду, на Белоозеро и посадили в тюрьмы. Народ был сильно ожесточен против них. В Нижнем, куда был послан Будзило с

товарищами, служивший прежде в войске Сапеги, пленных чуть не разорвали, и едва-едва мать Пожарского своими убеждениями спасла их от смерти⁶⁵.

Вскоре, однако, услышали русские, что на Московское государство идет король Сигизмунд с сыном. Действительно, в ноябре Сигизмунд подошел под Волок-Ламский и отправил двух русских, бывших в посольстве Филарета и остававшихся в плену у поляков – князя Даниила Мезецкого и дьяка Грамотина. Их сопровождал польский отряд в 1000 человек. Они должны были уговаривать московское войско признать Владислава царем. Но подмосковные воеводы выслали против них войско и объявили, что не хотят вступать ни в какие переговоры о Владиславе. Поляки повернули назад, а князь Мезецкий успел убежать к своим под Москву.

Король пытался было взять Волок-Ламский, но это не удалось ему, и он удалился со своим сыном в Польшу.

21 декабря извещалось по всей Руси об избавлении Москвы, а вслед за тем разослана была грамота во все города, чтобы отовсюду посылали в Москву лучших и разумных людей для избрания государя.

К большому сожалению, мы не знаем подробностей этого важного события. По некоторым известиям видно, что под Москвой происходило несколько съездов, на которых дело избрания царя не удалось. По всей Московской земле наложен был трехдневный строгий пост, служились молебны, чтобы Бог вразумил выборных, чтобы дело царского избрания совершилось не по человеческим козням, но по воле Божией. Когда после таких благочестивых приговоров съехались снова все выборные люди, явился из Новгорода некто Богдан Дубровский с предложением выбрать шведского королевича; но выборные люди в один голос закричали: «У нас того и в уме нет, чтобы выбирать иноземца; мы с Божией помощью готовы идти биться за очищение Новгородского государства». Некоторые из бояр домогались получить венец и подкупали голоса. Есть известие, что были голоса в пользу Василия Голицына; иные некстати упоминали о возвращении венца Шуйскому. Были мнения в пользу Трубецкого, Воротынского и даже, как говорили после, в пользу Пожарского; впоследствии обвиняли его в том, будто он истратил до двадцати тысяч рублей, подкупая голоса в свою пользу⁶⁶.

Дворяне и дети боярские начали подавать письменно извещения, что они хотят царем Михаила Романова; за ними выборные люди от городов и волостей, а также и казаки стали за Романова. В народном воспоминании свежи были страдания семейства Романовых при Борисе, заточение Федора (Филарета) и его супруги. Народ в последнее время слишком много перенес бедствий, и потому, естественно, его сочувствие обращалось к такому роду, который заодно с народом много пострадал. Последний подвиг Филарета, его твердое поведение в деле посольства, его пленение, незаконно совершенное врагами, – все давало ему в народном воображении значение мученика за веру и за Русскую землю. Наконец, в народе сохранились более давние предания о царице Анастасии, жившей в лучшее для русского народа время, о Никите Романовиче, о котором говорили и даже пели в песнях, что он по своему благодущию заступался за жертвы сумасбродства Ивана. Все это вместе располагало русских избрать Михаила Романова.

В неделю православия собрали всех выборных на Красную площадь. Кроме них было множество народа обоего пола. Рязанский архиепископ Феодорит, новоспаский архимандрит Иосиф, келарь Авраамий и боярин Василий Морозов взошли на Лобное место, чтобы спросить у выборных людей решительного приговора об избрании царя. Прежде чем они начали свою речь к народу, все многочисленное сборище в один голос закричало: «Михаил Феодорович Романов будет царь-государь Московскому государству и всей Русской державе». Тот-

---

⁶⁵ Впоследствии новоизбранный царь приказал их содержать так милостиво, что они позволяли себе даже буяннить. Через посредничество Струся царь отправлял своему пленному отцу деньги.

⁶⁶ Это известие нельзя считать несомненно справедливым.

час в Успенском соборе пропели молебен с колокольным звоном, провозгласили многолетие новонареченному царю, а потом была произнесена присяга царю, начиная от бояр до казаков и стрельцов. Во все города были посланы известительные грамоты; в Кострому отправилось от всего Земского собора посольство к Михаилу Федоровичу с приглашением на царство⁶⁷.

Э. Э. Лиснер. Изгнание польских интервентов из Московского Кремля

---

⁶⁷ Рязанский епископ Феодорит, келарь Авраамий, новоспасский и симоновский архимандриты, бояре Федор Иванович Шереметев и князь Владимир Иванович Бахтиаров-Ростовский, окольный Федор Васильевич Головин и многие служилые люди разных наименований.

Посольство от всей земли Русской просит Михаила Федоровича на царство

Посольство это, прибыв в Кострому, явилось 13 марта в Ипатьевский монастырь, где жил шестнадцатилетний Михаил с матерью. Мать и сын удалились туда после освобождения из кремлевской осады. На другой день, 14 марта, собрали толпу народа; духовенство несло чудотворную икону Федоровской Богоматери. Инокinya Марфа с сыном встретила их за воротами. После молебна в соборной церкви посольство вручило им грамоту Земского собора, извещающую об избрании Михаила на царство, и просило ехать в царствующий град.

На это последовал отказ. Михаил и его мать вспоминали измену Годуновым, службу Тушинскому вору, насильное пострижение Шуйского. «Московские люди измалодушествовались, – говорили они, – а государство от польских и литовских людей и от непостоянства русских разорено до конца. Царская казна расхищена. Дворцовые села и черные волости розданы в поместья. Служилые люди бедны – чем их жаловать? Как стоять против недругов?» – «Мне, – сказала Марфа, – нельзя благословить своего сына на царство: отец его Филарет в плену. Сведает король, что сын его на царстве: велит над отцом какое-нибудь зло сделать!»

Послы объясняли им, что прежние государи не так получали престол, как теперь получает Михаил: Борис сел на государстве по своему хотению, убив Дмитрия; расстрига принял месть по своим делам; Василия выбирали на государство немногие люди; Михаила же выбирают не по его желанию, а единомышленно, всей землей, по соизволению Божию, и если он откажется, то Бог взыщет на нем конечное разорение государства.

Тогда мать благословила сына; Михаил согласился и принял из рук Феодорита царский посох как знак власти.

11 июля венчался на царство Михаил Федорович. Князь Дмитрий Михайлович Пожарский был пожалован боярином, а Минин возведен в звание думного дворянина.

Новому думному дворянину недолго пришлось оставаться в этом сане. В 1616 году Минин скончался, оставив после себя сына Нефедя, умершего бездетным около 1632 года.

Дмитрий Михайлович Пожарский жил долго, но не играл важной роли, как можно было бы ожидать. Он не был ни особенно близким к государю советником, ни главным военачальником. Ему не поручали особенно важных государственных дел. Служба его ограничивалась

второстепенными поручениями. В переговорах с послами мы встречаем его не более трех или четырех раз и только товарищем других.

Через год после восшествия Михаила по поводу пожалования боярином родственника матери царя, Бориса Михайловича Салтыкова, царь показал ему немилость. Пожарский не хотел сказывать (объявлять) Салтыкову боярство, потому что считал себя по роду выше Салтыкова; на основании прежних служебных случаев царь требовал от него исполнения своей воли; Пожарский не послушался и притворился больным. Царь приказал одному думному дьяку сказывать боярство Салтыкову, а в разряде написал, будто сказывал Пожарский. Салтыков бил челом государю на Пожарского, что он его обесчестил своим отказом, и царь приказал выдать Пожарского Борису головой. Из этого видно, что царь не считал за Пожарским особых заслуг, которые бы выделяли его из ряда других. В 1617 году Пожарский был отправлен воеводой в Калугу по просьбе жителей, где удачно отразил нападение поляков; в 1618 году Пожарского послали в Боровск против Сагайдачного, но заболел по дороге, а его товарищ Волконский пропустил врагов через Оку. Только по возвращении Филарета в 1619 году Пожарский получил от царя несколько вотчин, да и то незначительных⁶⁸, тогда как Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, долгое время служивший ворами, владел богатейшей областью Вагой, некогда принадлежавшей Борису, по грамоте, данной ему собором еще до избрания Михаила. В 1621 году Пожарский управлял Разбойным приказом, затем с 1628 по 1631 год он был воеводой в Новгороде, а в 1632 году участвовал во вспыхнувшей войне с Польшей, но в звании второго воеводы, товарищем князя Мамстрюка-Черкацкого. В 1635 году он управлял Судным приказом, а в течение 1638 года был воеводой в Переяславле-Рязанском. С тех пор до 1641 года мы его встречаем большей частью в Москве. В числе других бояр его приглашали к царскому столу, но не особенно часто; были месяцы, когда его имя не упоминалось в числе приглашенных, хотя он находился в столице. В местнических спорах для удовлетворения его родовой чести царь сажал в тюрьму Волконского и Пушкина. С осени 1641 года его имя больше нигде не упоминается: вероятно, примерно в это время Пожарский скончался. Он погребен в Суздальском Спасо-Евфимиевском монастыре, где покоились его предки. Заметим в заключение, что князь Пожарский, как гласит современное известие, страдал «черным недугом» – меланхолией. Быть может, это и было причиной того, что Пожарский при Михаиле не играл первостепенной роли, так как люди с подобным настроением духа не бывают искательны и стараются держаться в тени. Сам подвиг освобождения Москвы был предпринят им против собственного желания, по настоянию земства.

⁶⁸ Село, проселок, сельцо и четыре деревни.

Царь Михаил Федорович

Мало в истории найдется примеров, когда бы новый государь вступил на престол при таких крайне печальных обстоятельствах, при каких избрали шестнадцатилетнего Михаила Федоровича. С двумя государствами – Польшей и Швецией – не окончены были войны. Оба эти государства владели окраинами Московской державы и выставляли двух претендентов на московский престол – двух соперников новоизбранному царю. Третьего соперника ему провозглашала казацкая вольница в Астрахани в образе малолетнего сына Марины, и Заруцкий во имя его затевал двинуть турок и татар на окончательное разорение Московского государства. Ожидали было еще соперника царю и в Габсбургском доме. В 1612 году цезарский посланник Юсуф, проезжая через Московское государство из Персии, виделся в Ярославле с Пожарским и, услышав от него жалобы на бедственное состояние Московского государства, заметил, что хорошо было бы, если бы московские люди пожелали избрать на престол цезарского брата Максимилиана. На это Пожарский, как говорят, отвечал, что если бы цезарь дал на Московское государство своего брата, то московские люди приняли бы его с великой радостью. Об этом узнали в Германии; император прислал Пожарскому похвальное слово; однако Максимилиан, отговариваясь старостью, отказывался от русского престола. Императорский посланник прибыл в Москву с грамотой к боярам в то время, когда уже избран был Михаил, и предлагал боярам в цари другого императорского брата. Это встревожило новое правительство, и царь отправил послов в Австрию с таким объяснением: мы никогда этого не слыхали, да и в мысли у бояр и воевод и всяких чинов людей Московского государства не было, чтобы выбирать государя не греческой веры. Если Пожарский так говорил, то он поступал без совета всей земли, а быть может, ваш посланник Юсуф или переводчик сами это выдумали, чтобы выманить жалованье у своего государя⁶⁹.

---

⁶⁹ Важных последствий из этого не было никаких, но тем не менее до 1616 года отношения к императору были холодные, в особенности по причине неумения русских послов вести себя прилично, и только в этом году император приказал уверить московского государя, что он не будет помогать польскому королю войском и деньгами и не дозволит полякам нанимать ратных людей в своих владениях.

Царь Михаил Федорович. Титулярник 1672 г.

Внутри государства многие города были сожжены дотла, и сама Москва находилась в развалинах. Повсюду бродили шайки под названием казаков, грабили, сжигали жилища, убивали и мучили жителей. Внутренние области значительно обезлюдели. Поселяне еще в предыдущем году не могли убрать хлеба и умирали от голода. Повсюду господствовала крайняя нищета; в казне не хватало денег и трудно было собрать их с разоренных подданных. Одна беда вела за собой другую, но самая величайшая из бед состояла в том, что московские люди, по меткому выражению матери царя, «измалодушествовались». Всякий думал только о себе; мало было чувства чести и законности. Все лица, которым поверялись управление и правосудие, были склонны ради своей выгоды грабить и притеснять подчиненных наравне с казаками, нажи-

ваться за счет крови бедного народа, вытягивать из него последние соки, присваивать общественное достояние в то время, когда необходимо было для спасения отечества крайнее самопожертвование. Молодого царя тотчас окружили лживые и корыстолюбивые люди, которые старались захватить себе как можно больше земель и присваивали даже государевы дворцовые села. Особенно Салтыковы, родственники его матери, начали играть тогда первую роль и сделались первыми советниками царя, между тем как лучшие, наиболее честные деятели Смутного времени оставались в тени заодно с другими. Князя Дмитрия Пожарского за нежелание объявлять боярство ново пожалованному боярину Борису Салтыкову выдали ему головой⁷⁰. Рядом с молодым царем не было людей, отличавшихся умом и энергией: все только одна рядовая посредственность. Преведняя печальная история русского общества приносила горькие плоды. Мучительства Ивана Грозного, коварное правление Бориса, наконец смуты и полное расстройство всех государственных связей выработали поколение жалкое, мелкое, поколение тупых и узких людей, которые мало способны были стать выше повседневных интересов. При новом шестнадцатилетнем царе не появилось ни Сильвестра, ни Адашева прежних времен. Сам Михаил был от природы доброго, но кажется, меланхолического нрава, не одарен блестящими способностями, но не лишен ума; зато не получил никакого воспитания и, как говорят, вступив на престол, едва умел читать.

В высшей степени знаменательно суждение одного голландца о тогдашнем состоянии России: «Царь их подобен солнцу, которого часть покрыта облаками, так что земля Московская не может получить ни теплоты, ни света... Все приближенные царя – несведущие юноши; ловкие и деловые приказные – алчные волки; все без различия грабят и разоряют народ. Никто не доводит правды до царя; к царю нет доступа без больших издержек; прошения нельзя подать в приказ без огромных денег, и тогда еще неизвестно, чем кончится дело: будет ли оно задержано или пущено в ход». Смутное время, однако, сделало большую перемену в строе государственного правления по сравнению с прежними временами: оно подняло значение собора всей земли Русской. В половине XVII века русский эмигрант Котошихин писал, что царя Михаила Федоровича, как и всех царей после Грозного, выбрали с записью, в которой избранный государь обязывался никого без суда не казнить и все дела совершать сообща с боярами и думными людьми. Такой записи не сохранилось, и нет основания предполагать, что она существовала; но все происходило действительно так, как бы и на самом деле существовала эта записка; во все продолжение царствования, а в первые годы в особенности, царь Михаил Федорович в случае важных дел собирал земскую думу из выборных всей земли и вообще во всех делах действовал заодно с боярским приговором, как и значится в законодательных актах того времени. Это объясняется началом династии и тем, что Михаил был посажен на царство волей собора; при смутных обстоятельствах он должен был для собственной безопасности опираться на волю земли. Такое участие земской силы в правлении не могло обратиться во что-нибудь прочное как по грубости нравов и невежеству, не дававшему народу достигнуть ясного сознания разделения властей, так еще более по причине того «малодушества», которое тогда господствовало в народе, особенно в высших его слоях. До какой степени были грубы в те времена нравы, показывает то, что близкие к царю люди почти на его глазах ругались и дрались между собой и не смущались, когда их били по щекам или батогами⁷¹. Участие земских соборов в управ-

⁷⁰ Обычай этот соблюдался таким образом: по царскому приказанию дьяк или подьячий вел «выдаваемого головою» пешком (что уже составляло «бесчестие») во двор соперника, ставил его на нижнем крыльце и объявлял, что царь выдает такого-то головою. Пожалованный бил царю челом за милость и дарил дьяка или подьячего подарками, а выданного себе головою отпускал домой, но не позволял ему садиться на лошадь у себя на дворе. Выданный головою обычно при этом ругался всеми способами, и пожалованный не обращал на то никакого внимания. Иногда же царь за послушание кроме выдачи головою повелевал наказывать виновного батогами.

⁷¹ Так, например, одного, по фамилии Леонтьев, за жалобу на князя Гагарина думный дьяк бил по щекам, а другого, Чихачева, за жалобу на князя Шаховского бояре приговорили высечь кнутом, но думный дьяк Луговский и боярин Иван Никитич Романов сами собственноручно отколотили его палками тут же во дворе.

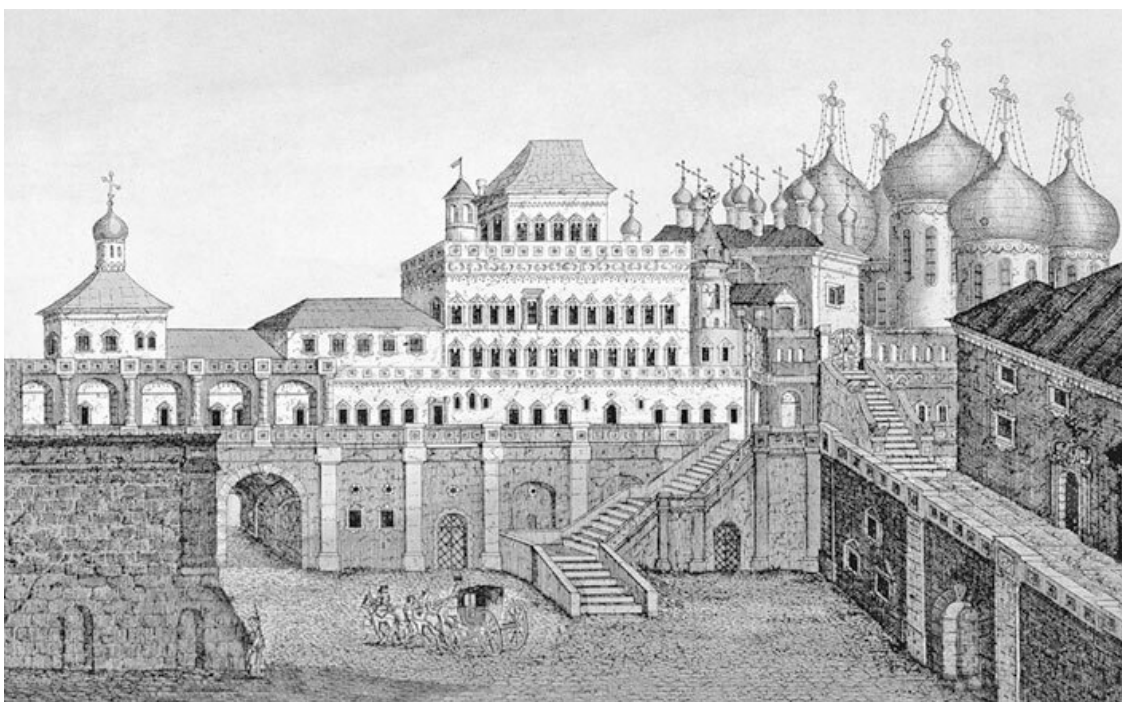
лении не могло остановить лихоимства, неправосудия и всякого рода насилия, позволяемых себе воеводами и вообще начальными людьми, потому что сколько бы их ни смещали, кем бы их ни заменяли, все-таки неизбежно происходили одни и те же явления, коренившиеся во всеобщей порче нравов. Поэтому-то Масса, голландец, чужой человек, наблюдавший и близко знавший русскую жизнь, говоря о начале царствования Михаила, выразился так: «Надеюсь, что Бог откроет глаза юному царю, как то было с прежним царем Иваном Васильевичем; ибо такой царь нужен России, иначе она пропадет; народ этот благоденствует только под дланью владыки и только в рабстве он богат и счастлив». Суждение голландца довольно поверхностно: иностранец не вник в то обстоятельство, что именно эпоха Ивана Грозного способствовала состоянию общественной нравственности, которое он увидел в России; но какими бы путями ни дошла Русь до тогдашнего состояния нравственности, приговор этот, высказанный свободным гражданином республики о необходимости сурового самодержавия для русского народа, очень знаменателен. Иностранцам, жившим в России, оно было по сердцу, потому что при безусловной силе верховного правительства им легче было добывать себе такие привилегии, каких бы им не дал никакой собор, составленный, между прочим, из лиц торговых и промышленных, чувствовавших на себе невыгоду льгот и преимуществ, даваемых иностранцам перед русскими. По уверению того же голландца, молодой Михаил Федорович сознавал свое положение. Когда ему доложили об одном господине, которого следовало наказать за важный учиненный им проступок, то царь ответил: «Вы разве не знаете, что наши московские медведи в первый год на зверя не нападают, а начинают только охотиться с летами».

К.В. Лебедев. Инокня Марфа благословляет Михаила Федоровича на царство

А.П. Рябушкин. Сидение царя Михаила Федоровича с боярами в его государевой комнате

Фр. Дюрфельдт. Царский дворец в Московском Кремле

Первой заботой нового правительства стал сбор казны. Это было естественно, потому что как только новый царь вступил на престол, так к нему обратились всяких чинов служилые люди, представляли, что они проливали кровь свою за Московское государство, терпели всякую нужду и страдания, а между тем их поместья и вотчины запустели, разорены, не дают никаких доходов; недостает им ни платья, ни вооружения. Служилые люди просили денег, хлеба, соли, сукна и без обиняков прибавляли, что если им царского денежного и хлебного жалованья не будет, они от бедности станут грабить, воровать, разбивать проезжих по дорогам, убивать людей, и не будет никакой возможности их унять. Царь и собор разослали повсюду грамоты, приказывали собирать скорее и точнее подати и всякие доходы, следуемые в казну,

кроме того умоляли всех людей в городах, монастырях давать в казну взаймы все, кто что может дать: денег, хлеба, сукна и всяких запасов. Приводилось в качестве горького примера то, что московские гости и торговые люди в прошлые годы пожалели дать ратным людям денег на жалованье и через то потерпели страшное разорение от поляков. Такие грамоты посылались преимущественно в северо-восточный край, менее других пострадавший, и особенно к богатым Строгановым, оказавшим важную помощь Пожарскому и Минину.

Того, что поступало в казну, оказывалось недостаточно. А между тем нужно было много чрезвычайных усилий для поддержания порядка и ограждения государства, части которого с трудом подчинялись единству власти. В Казани некто Никанор Шульгин затевал при помощи казаков возмутить Поволжский край; ему это не удалось; казанцы остались верны Михаилу; Шульгин был схвачен и сослан в Сибирь, где и умер. Но понадобилось несколько лет, чтобы расправиться с Заруцким и с буйными казацкими шайками, бродившими по России. В 1614 году правительство снова просило денег и должно было бороться со всякого рода сопротивлением. Дворяне и дети боярские бегали со службы; их вынуждены были ловить и в наказание отбирать треть имущества на государя. Иные приставали к казакам. Посадские люди не платили положенных на них податей по 175 рублей с сохи и других поборов, тем более что сборщики и воеводы соблюдали при этом свою противозаконную выгоду⁷². Но в то время, когда тяглых, посадских и волостных людей доводили до ожесточения сборами и праведями, монастыри один за другим выпрашивали для себя и своих имений льготы, жаловались на разорение и действовали при этом через посредничество богомольной матери государя, которая тогда записывала им и вотчины⁷³.

Так 1614–1615 годы проходили в усиленной борьбе с внутренним неустройством. На юго-востоке в июне 1614 года покончили с Заруцким. Но множество других казацких шаек продолжало разорять государство почти во всех его пределах. В Осташковском уезде бесчинствовали черкасы и литовские люди под начальством Захария Заруцкого, в Пусторжеве – под начальством полковника Яська; в уездах Ярославском, Бежецком, Кашинском, Пошехонском, Белозерском, Угличском свирепствовала огромная шайка, состоявшая из казаков и русских воров, преимущественно боярских холопов. Среди атаманов отличался особым зверством Баловень; разбойники его шайки не только грабили, где что могли, и не давали представителям правительства собирать деньги и хлебные запасы в казну, но с необыкновенной свирепостью мучили людей. У них было обычной забавой насыпать порох людям в уши, рот, а потом поджигать. Шайка, состоявшая также наполовину из черкас, литовских людей и русских воров, численностью более 7000 человек, разбойничала на севере около Холмогор, Архангельска, на Ваге, около Каргополя и наконец была истреблена в заонежских погостах и близ Олонца. Однако эта шайка оставила после себя печальные следы: во всем крае по рекам Онеге и Ваге, как доносили царю воеводы, осквернены были Божии церкви, выбит скот, сожжены деревни; на Онеге нашли 2325 трупов замученных людей, и некому было похоронить их; другие найдены были еще дышавшими, но страшно искалеченными; многие, разбежавшись по лесам, погибли от холода и голода, а после усмирения разбойников жителям нечего было есть. В Вологде буйствовал сибирский царевич Араслан, грабил у жителей запасы и вешал людей вверх ногами. Были тогда разбойничьи шайки и около Перми. В Казанском крае после усмирения Шульгина поднялись татары и черемисы, брали в плен и убивали русских людей, захватили дорогу между Казанью и Нижним и пытались даже нападать на города. Другие разбойники, также называв-

⁷² Так, в Белозерске посадские люди не давали собирать положенную на них дань, и когда воеводы по обычаю поставили их за то на правед, они ударили в набат и чуть не побили воевод и сборщиков. То же происходило и в других местах. В отдаленной Чердыни жители не хотели давать ратного сбора и прибили присланного по этому делу князя Шаховского.

⁷³ Таким образом в Белозерском уезде вымучивали подати с тяглых крестьян, а вотчины Кирилло-Белозерского монастыря были изъяты от них. Таковую же свободу получили тогда все вотчины Волоколамского монастыря. Иным монастырям в то время всеобщей нужды и безденежья давались права на беспощинную торговлю солью и другими предметами.

шие себя казаками, бродили и бесчинствовали в украинских городах⁷⁴. Напрасно правительство предписывало воеводам строить засеки, собирать ратных людей, вооружать жителей и всеми мерами ловить и истреблять разбойников – разбойников стало очень много; они нападали внезапно: пограбят, пожгут, перемучат людей в одном месте и исчезнут, чтобы появиться в другом; ратные люди, прибывшие в то место, где, по слухам, объявились воры, заставали там пепелища да обезображенные трупы людей, а о ворах уже шли слухи из других мест.

---

⁷⁴ Замечательно, что за многими из разбойничьих шак следовала толпа жен венчанных и невенчанных.

Г. И. Угрюмов. Избрание Михаила Федоровича Романова на царство 14 марта 1613 года. Эскиз

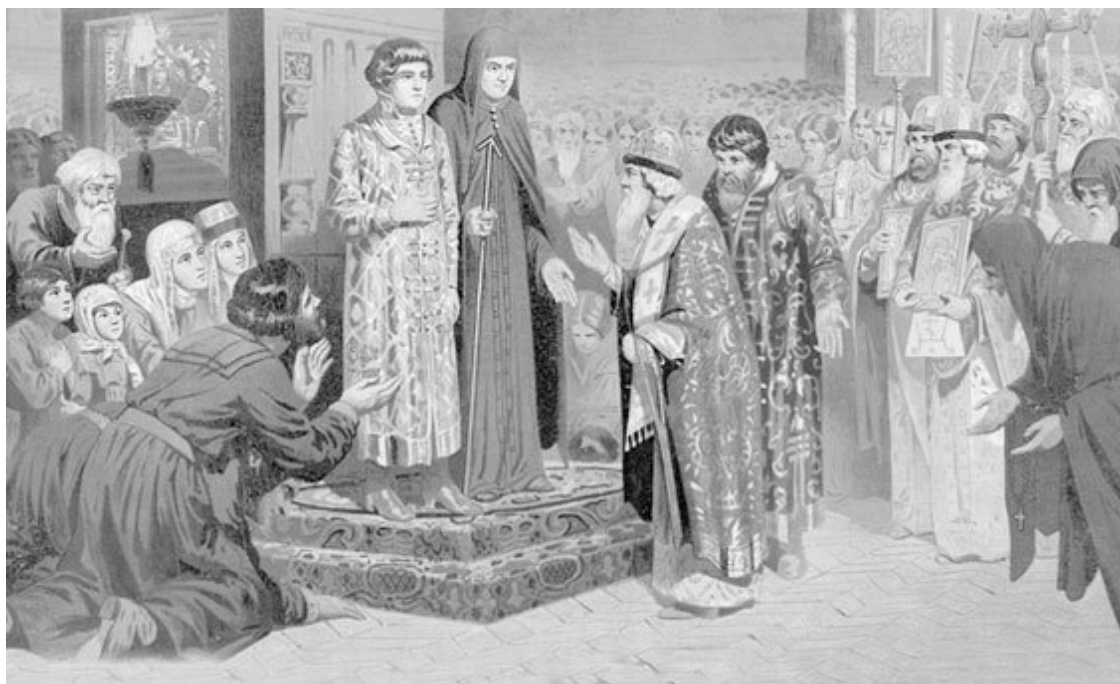
Для прекращения бед в сентябре 1614 года Земский собор постановил послать к вора́м духовных, бояр и всякого чина людей уговаривать их прекратить свои бесчинства и идти на царскую службу против шведов. Всем объявлялось прощение. Обещали давать им на службе жалованье, а крепостным людям, которые отстанут от воровства, – свободу. Часть воров поддалась увещаниям и отправилась к Тихвину на царскую службу против шведов; другие упорствовали и пошли вниз по Волге, но были наголову разбиты в Балахонском уезде боярином Лыковым; третьи, с которыми был сам Баловень, двинулись к Москве в огромном количестве под видом, как будто идут просить прощения у государя, но на самом деле оказалось, что у них были коварные намерения. Их отогнали от Симонова монастыря, преследовали и окончательно разбили на реке Луже. Более 3000 пленных приведено было в Москву. Простым казакам объявили прощение; Баловня с несколькими товарищами, особенно отличавшимися злодеяниями, повесили; других атаманов разослали по тюрьмам. Этот успех ослабил разбои, но не искоренил их. По разным местам продолжали появляться отдельно разбойничьи шайки, чему способствовало то обстоятельство, что правительство пыталось возвращать на прежние места жителей, которые вышли с этих мест в Смутное время⁷⁵.

Между тем в Северной земле начал свирепствовать Лисовский с несколькими тысячами разного сброда, носившими общее название «лисовчиков». Быстрота, с которой в продолжение 1615 года прогуливался Лисовский по обширному пространству Московского государства, изумительна. Сначала Пожарский гонялся за ним в Северной земле. Лисовский, не успев ничего сделать Пожарскому под Орлом, отступил к Кромам – Пожарский за ним; Лисовский – к Болхову, потом к Белеву, Лихвину и Перемышлю. Лисовский имел обыкновение оставлять измученных лошадей, брал свежих и бросался с невероятной быстротой туда, где не ожидали его, а на пути истреблял все, что попадалось. Пожарский, утомленный погоней, заболел в Калуге. Лисовский со своей шайкой проскочил на север между Вязьмой и Смоленском, напал на Ржев, перебил на посаде людей и, не взяв города, повернул к Кашину и Угличу, а потом, прорвавшись между Ярославлем и Костромой, начал разорять окрестности Суздаля; оттуда прошел в Рязанскую землю, наделал там разорений; из Рязанской земли прошел между Тулой и Серпуховым в Алексинский уезд. Воеводы по царскому приказанию гонялись за ним с разных сторон и не могли догнать; только князь Куракин вступил с ним в бой под Алексиным, но не причинил ему большого вреда. Наконец Лисовский, наделав Московскому государству много бед, ушел в Литву. В следующем году (1616) он снова появился в Северной земле, но нечаянно упал с лошади и лишился жизни. Его шайка избирала других предводителей и долго еще существовала под старым именем «лисовчиков», совершая бесчинства не только в Московской, но впоследствии и в своей, Польской, земле.

Таким образом Русская земля, пострадавшая и обедневшая в Смутное время, потерпела новое разорение от разбойников и Лисовского, а между тем угрожающее положение со стороны Швеции и Польши требовало увеличения ратных сил и вследствие этого умножения денежных средств. Сделаны были распоряжения о новых поборах. Строгановы обещали давать деньги в казну, и с их приказчиков велели взять 13 810 рублей. Положено было брать во всех городах со двора по гривне, а в уездах всех волостей – с сохи по 120 рублей; но когда дело дошло до сбора, то в разных местах опять началось сопротивление. Воеводы должны были употреблять против ослушников ратных людей, в то же время сами воеводы, сборщики и разные приказные люди, приезжавшие для царских дел, брали прежде всего с народа на себя то, чего им не следовало брать – лишнее, отягощали жителей кормами (сбором продовольствия) в свою пользу,

⁷⁵ Таким образом велено было отыскивать разных тяглых людей, приписанных к Москве и другим городам; то же постановлялось и о вотчинных крестьянах: в тот год двумя грамотами велено было возвращать на прежнее место жительства троичных крестьян, выбывших с 1605 года. Крестьяне сопротивлялись, не хотели возвращаться, а иногда и землевладельцы, к которым они приставали, не отпускали их. Такие-то, сбежавшие с прежних мест и не желавшие подвергаться тяглу, наполняли разбойничьи шайки.

а потом уже правили с нищих посадских и крестьян государственные подати; многих забивали и замучивали до смерти на правежах и доносили в Москву, что нечего взять. Посадские из городов посылали челобитчиков жаловаться на утеснения в Москву, но это стоило также лишних денег. В Москве в приказах с челобитчиков брали взятки; да и сами челобитчики, приезжавшие в столицу от своих обществ, присваивали себе порученные им мирские деньги. Тогда правительство надумало увеличить свои доходы продажей напитков, приказывало везде строить кабаки, курить вино, запрещало служилым и посадским держать напитки для продажи; и это средство не могло принести много пользы: для того, чтобы пить, нужен был достаток; те же, кто пропивал последнюю деньги, мог доставить только ничтожный доход казне и менее был в состоянии платить прямые налоги. Эти сборы оказывались недостаточными, а служилым надо было платить; и дети боярские, вытребованные на службу, роптали, что не получают жалованья, и разбегались. В то время правительство старалось умножить и усилить в войске отдел стрельцов, как более организованное войско; на них тогда полагались все надежды, и потому по городам приказано было набирать в стрельцы желающих вольных людей, умевших стрелять. Состоя под управлением своих голов, стрельцы пользовались правом собственного суда, кроме разбойных дел.

А.Д. Кившенко. Избрание Михаила Федоровича Романова: послы московские умоляют его в Троицком соборе Ипатьевского монастыря принять корону

Правительство, будучи не в силах сладить с поборами, созвало в 1616 году Земский собор. Приказано было выбрать лучших уездных посадских и волостных людей для «великого государева земского дела на совет». Этот собор постановил всемирный приговор: собрать со всех торговых людей пятую деньгу с имущества, непременно деньгами, а не товарами, а с уездов – по 120 рублей с сохи. Со Строгановых по расчету приходилось взять 16 000, но кроме этого собор наложил на них еще 40 000 рублей. «Не пожалейте своих животов, – писал Строгановым царь, – хоть и себя приведете в скудость. Рассудите сами: если от польских и литовских людей будет конечное разорение Российскому государству, нашей истинной вере, то в те поры и у вас, и у всех православных христиан животов и домов совсем не будет».

Нужно было так или иначе покончить со шведами. Новгород оставался в их руках. Вместе с Новгородом захвачены были Водская пятина, города Корела (Кексгольм), Ивангород, Ям,

Копорье, Ладога, Порхов, Старая Руса. Шведы поставили везде своих воевод, но вместе со шведскими были и русские начальники. Избрание Михаила создало новгородцам затруднительное положение относительно шведов: волей-неволей они присягали на верность королевичу Филиппу с тем, что он будет царем всей Руси; но теперь в Москве избран другой царь, и шведский наместник Эверт Горн, занявший место Делагарди, объявил новгородцам, что так как Москва не хочет королевича Филиппа, то королевич не желает быть на одном государстве Новгородском; по этой причине Новгород со своей землей должен присоединиться к Шведскому королевству. Новгородцы не были согласны на присоединение к Швеции. Опрошенные через своих пятиконецких старост, они упирались, увиливали, говорили, что, дав раз присягу королевичу Филиппу, желают оставаться верными своей присяге. Некто князь Никифор Мещерский возбуждал тогда новгородский народ ни за что не присягать шведскому королю, не соглашаться на присоединение Новгорода к Швеции и ни в коем случае не отлучать его от Московского государства. Шведы за это посадили Мещерского под стражу. Народ не успокаивался, не давал требуемого согласия на присоединение к Швеции, и наконец митрополит Исидор попросил у шведского наместника дозволения отправить в Москву посольство для убеждения бояр признать царем королевича Филиппа. Шведы согласились. Послом от Новгорода поехал хутынский архимандрит Киприан, который прежде участвовал в посольстве новгородцев к шведам в Выборг и казался расположенным к Швеции; с ним поехали двое дворян⁷⁶. Вместо того чтобы уговаривать бояр отступить от Михаила (что было слишком опасно для посланных), новгородские послы били челом боярам, чтобы царь Михаил Федорович простил новгородцам невольное целование креста и заступился за Новгород, который ни за что не хочет отрываться от Русской державы. Царь допустил новгородских послов к себе, обласкал и приказал дать им две грамоты: одну от бояр, явную, с суровым выговором всем новгородцам за то, что они отправили к ним посольство с советом изменить царю, а другую, тайную, – от царя; в ней Михаил Федорович прощал новгородцам все их вины и обнадеживал своей милостью. Царскую грамоту стали раздавать в списках тайком среди новгородцев для поддержания упорства, но в Москве нашелся изменник, благоприятель шведов – думный дьяк Третьяков: он написал об этой тайной грамоте шведскому наместнику. Тогда Эверт Горн посадил под стражу ездивших послов и принялся за Киприана: его мучили на правеже, морили голодом и морозом.

---

⁷⁶ Яков Бабарыкин и Матвей Муравьев.

И. Г. Ведекинд. Портрет царя Михаила Федоровича

Военные попытки против шведов были неудачны для русских. Князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, набрав с собой казаков, обещавшихся верно служить царю, потерпел поражение. Но сам шведский король не был намерен добиваться слишком многого. Ввязываться в долговременную и упорную войну было опасно для Швеции, так как она находилась тогда в неприязненных отношениях и с Польшей, и с Данией; само обладание Новгородом представляло для Швеции больше затруднений и хлопот, чем пользы. Новгородцы не хотели добровольно быть под шведским владычеством; Швеции надо было удерживать их насильно и поэтому находиться во всегдашних неприятельских отношениях к Москве: понятно, что тогда Новгород, ненавидя шведское правление, будет постоянно обращаться к Москве и вооружать ее против Швеции. Густав Адольф хотел только воспользоваться запутанным состоянием Московского государства, чтобы отнять у него море и тем обессилить опасного для Швеции на будущее время соседа. Он обратился к английскому королю Иакову I с просьбой принять посредничество в споре с Московским государством. К тому же Иакову еще раньше, в 1613 году, послал новоизбранный царь Михаил Федорович дворянина Алексея Зюзина с просьбой заступиться за Московское государство против шведов и снабдить его оружием, запасами и

деньгами тысяч на сто рублей⁷⁷. Англия намеревалась добиться от России новых выгод в торговле, и потому для нее был большой расчет оказать России услугу, чтобы иметь право требовать возмещения. Английский король обещал прислать уполномоченного с тем, чтобы примирить русского царя со шведским королем. В 1614 году с такой же целью отправлены были московские послы Ушаков и Заборовский в Голландию. Эти послы были так бедны, что в Голландии вынуждены были дать им 1000 гульденов на содержание. Голландские штаты также обещали свое посредничество в деле примирения России со Швецией. Голландцы надеялись через это причинить ущерб англичанам, с которыми они находились тогда в сильном соперничестве.

Встреча голландских моряков с русскими на севере России. Гравюра 1598 г.

В Москву приехал от английского короля в качестве посредника Джон Мерик, известный русским купец, пожалованный английским королем в рыцари. Со стороны голландцев прибыл в Россию Николай Ван-Бредероде с товарищами.

При посредничестве этих послов состоялось совещание между русскими и шведами в селе Дедерине. Со стороны русских были окольный князь Даниил Мезецкий и дворянин Алексей Зюзин с товарищами; со стороны шведов – Яков Делагарди, Генрих Горн и др. Шведский король осаждал Псков, но неудачно, и, потеряв Эверта Горна, отступил от города.

Голландские посланники в своих донесениях оставили любопытные черты тогдашнего бедственного состояния России. Край сильно обезлюдел. Иностранцы должны были ехать зимой по пустыне, где встречались разоренные деревни; в избах валялись непогребенные мертвые тела. Волки и другие хищные звери бродили стаями. В лесах скрывались казаки и шиши.

⁷⁷ Иаков принял московского посла отлично и, зная щепетильность русских в соблюдении внешних обрядов, во время приема дозволил московскому послу надеть шапку, когда сам был без шапки, из уважения к царскому имени. Посол отказался от предоставленной ему чести, но был очень доволен; и в Москве, когда узнали об этом, то также были очень довольны.

Они вели партизанскую войну со шведами и убивали всякого шведского воина, которого случилось им схватить на дороге, если он был отправлен с каким-нибудь поручением от своего начальства. Старая Руса представляла собой кучу развалин каменных церквей и монастырей. Город, прежде многолюдный, в то время опустел до того, что в нем оставалось не более 100 человек, едва имевших насущный хлеб. Вся окрестность была опустошена, негде было найти продовольствия, и оно доставлялось послам с большим трудом из отдаленных мест. Шведские и русские послы поместились в отдельных селах и съезжались на переговоры в Дедерино к английскому послу. Совещания происходили в шатре, разбитом посреди поля на снегу, потому что нельзя было найти для этого довольно просторной избы. Сначала русские упрекали Делагарди за прежнее его поведение. Тот защищался и сваливал вину на русских. Наконец приступили к делу. Шведы пытались поднять вопрос о выборе в московские цари королевича Филиппа; русские и слышать об этом не хотели. Перестав толковать о королевиче Филиппе, шведы потребовали больших уступок земель или огромной суммы денег. Русские объявили, что скорее лишатся жизни, чем уступят горсть земли⁷⁸. Шведы несколько раз грозили уехать ни с чем; англичанин удерживал их, наконец русские согласились отдать одну Корелу, а вместо других городов, которых домогались шведы, предлагали сто тысяч рублей. Не договорившись окончательно об этом, обе стороны заключили перемирие от 22 февраля до 31 мая 1616 года и предложили после истечения срока съехаться снова для заключения мира. Не ранее, однако, как в конце декабря 1616 года съехались шведские послы с русскими в селе Столбове, все-таки при посредничестве Мерики. Новгородцы умоляли русских послов поскорее окончить дело, потому что шведы и их угодники из русских жестоко теснили новгородцев, требуя присяги шведскому королю, и мучили правежами, вымогая у них корм и подводы для войска. Эти жалобы новгородцев побудили наконец русское правительство к уступчивости. Пропорив почти два месяца, 27 февраля 1617 года подписали договор вечного мира, по которому шведы возвращали русским Новгород, Порхов, Старую Русу, Ладугу, Гдов и Сумерскую волость; а русские уступали Швеции приморский край: Ивангород, Ям, Копорье, Орешек и Корелу с уездами; кроме того обязались заплатить 20 000 рублей готовыми деньгами. После ухода шведов из Новгорода 14 марта русские послы вступили туда с чудотворной иконой, взятой из Хутынского монастыря. Митрополит Исидор встречал их со всем народом, который громко плакал. Новгород находился в самом жалком состоянии. Более половины домов было сожжено. Жителей оставалось уже немного. Иные разбежались, другие умерли от голода, который свирепствовал в Новгороде, его окрестностях и в Псковской земле в такой степени, что жители питались нечистой пищей и даже ели человеческие трупы.

⁷⁸ Английский посол держал себя хладнокровно и беспристрастно, и когда русские пытались восстановить его против шведов и указывали ему, что шведы не воздают ему должной чести, англичанин отвечал, что честь дана ему от своего государя и ее никто отнять у него не может, а до почета со стороны шведов ему нет дела.

Никола-Угрешский монастырь в конце XVII столетия

Как ни тяжелы были для Московского государства условия Столбовского мира, отнимавшего у России море и потому носившего в себе зародыш неизбежных кровавых столкновений в будущем, но в то время и такой мир был благодеянием, потому что оставлял теперь Московское государство в борьбе с одной только Польшей.

Устроив примирение, Джон Мерик прибыл в Москву и заявил со стороны Англии требование важных торговых привилегий. Он просил между прочим дозволить англичанам ходить для торговли по Волге в Персию, по реке Оби – в Индию и Китай. Русское правительство отдало эти вопросы на разрешение думы, составленной из торговых людей. На основании приговора этих торговых людей бояре отказали в главном, чего домогался Мерик, под благовидными предложениями отсрочки на будущее время. «Теперь русские торговые люди оскудели, – говорили бояре Мерику. – Они у англичан покупают в Архангельске товары и продают в Астрахани персиянам: от этого прибыль и им и казне, а если англичане сами начнут торговать в Персии, то этой прибыли не будет. Притом же в Персии теперь небезопасно: персидский шах воюет с турецким царем, да и на Волге плавать опасно. Надобно отложить до другого времени». Что касается пути в Индию и Китай через Сибирь, то бояре сказали английскому послу, что «Сибирь страна студеная и трудно через нее ходить: по реке Оби все лед ходит, по Сибири кочевые орды бродят, ходить опасно, да и про Китайское государство говорят, что оно невелико и небогато, а потому государь, по дружбе к английскому королю, прикажет прежде разузнать, какими путями туда ходить и каково Китайское государство: стоит ли туда добиваться». Таким образом, благодаря силе торговых людей Мерик при всех своих услугах России не добился цели стремлений англичан на Восток, хотя получил от царя в знак благодарности и внимания золотую цепь с царским портретом и разные подарки, преимущественно мехами.

Голландцы, также добивавшиеся для себя торговых льгот, получили некоторую выгоду, но не в такой степени, как англичане. Еще в 1614 году компании голландских гостей подтверждена была грамота царя Василия Ивановича на свободную торговлю во всем государстве, а во внимание к разорению, понесенному голландскими купцами, позволено им торговать беспошлинно на три года. Когда срок этот минул, голландцы не добились такого расширения своих торговых прав, которое бы могло подорвать английскую торговлю, однако, по собственному их признанию, в 1616–1617 годах русские так снисходительно смотрели за голландцами, что

последние платили за свои товары гораздо меньше пошлин, чем с них следовало⁷⁹. Шведам по Столбовскому договору предоставлена была свободная торговля, но с платежом обычных полных пошлин.

А.П. Рябушкин. Свадебный поезд в Москве (XVII столетие)

В то время, когда шли переговоры о мире со шведами, в жизни царя произошло печальное семейное событие. Молодой царь находился в покорности инокини матери, которая жила в Вознесенском монастыре, имела свой двор и была окружена монахинями; из них самой приближенной к матери царя являлась мать Салтыковых, старица Евникия. Михаил не смел ничего начинать без благословения матери, а ее главная сила состояла в том, что царь приближал к себе и следовал советам тех людей, кому она благоприятствовала. Вместе с матерью Михаил часто совершал благочестивые богомолья к Троице, к Николе на Угреше и в разные святые места как в самой Москве, так и в ее окрестностях. Жизнь царя была опутана множеством обрядов, носивших более или менее церковный либо монашеский характер. Это приходилось по нраву Михаила, который вообще был тих, незлобив и сосредоточен. В 1616 году, когда ему наступил двадцатый год, решено было его женить. Созвали по давнему обычаю толпу девиц – дочерей дворян и детей боярских; Михаилу приглянулась больше всех Мария, дочь дворянина Ивана Хлопова. Выбранная невеста немедленно была взята на «верх» (во дворец, собственно в теремные хоромы цариц), и всем велели оказывать ей почести как *царице*; дворовые люди ей крест целовали, и во всем Московском государстве велено поминать ее имя на ектениях. Ее нарекли Анастасией. Отец и дядя нареченной невесты были призваны во дворец, государь лично объявил им свою милость. Таким образом род Хлоповых, совершенно незначительный до того времени, вдруг возвысился и оказался в приближении у царя. Это вызвало у многих зависть, как и прежде всегда бывало в подобных случаях. Более всех невзлюбили Хлоповых могущественные Салтыковы, опасавшиеся, чтобы Хлоповы не вошли в доверие к царю и не оттеснили их самих на задний план.

Однажды царь ходил в своей Оружейной палате и рассматривал разное оружие. Михаил Салтыков показал ему турецкую саблю и похвастался, что такую саблю и в Москве сделают.

⁷⁹ Предметами привоза у голландцев были вина, сукна, нюрнбергские изделия, мелочные товары и более всего холст, который славился тогда во всей Европе. Из России голландцы вывозили преимущественно восточные товары: сырой шелк, краски, москательные товары, камлот, парчу, штофные изделия (дамасты) и пр.

Царь передал саблю Гавриле Хлопову, дяде царской невесты, и спросил: «Как ты думаешь, сделают у нас такую саблю?» Хлопов отвечал: «Чаю, сделают, только не такова будет, как эта!» Салтыков с досадой вырвал у него из рук саблю и сказал: «Ты говоришь не знаючи!» Они тут же крупно побранились между собой.

Салтыковы не простили Хлоповым, что они смеют им перечить, решили удалить их от двора и расстроить брак государя. Они очернили Хлоповых перед царской матерью и разными наговорами внушили ей неприязнь к будущей невестке. При нареченной царевне находились постоянно ее бабка Федора Желябужская и Мария Милюкова, одна из придворных сенных боярынь. Другие родные навещали ее сначала изредка, потом каждый день. Вдруг нареченная невеста заболела. У нее началась постоянная рвота. Сперва родные думали, что это случилось с ней от неумеренного употребления «сластей», и уговаривали есть поменьше. Она послушалась, и ей стало как будто получше, но потом болезнь опять возобновилась, и родные должны были донести об этом царю. Тогда царь приказал своему крайчему Салтыкову позвать доктора к своей невесте; Михаил Салтыков привел к ней иноземца-доктора по имени Валентин, который нашел у больной расстройство желудка и объявил, что болезнь излечима и «плоду де и чадородию от того порухи не бывает». Такое решение было не по сердцу Салтыкову; прописанное лекарство давали царской невесте всего два раза, а доктора Валентина более к ней не призывали. После того Салтыков призвал другого, младшего, врача по имени Балсырь, который нашел у больной желтуху, но не сильную, и сказал, что болезнь излечима. Лекарств у него не спрашивали и к больной более не звали. Салтыковы вздумали потом сами лечить царскую невесту: Михаил Салтыков велел Ивану Хлопову взять из аптеки «стклянку» с какой-то водкой, передать дочери и говорил, что «если она станет пить эту водку, то будет больше кушать». Отец отдал «стклянку» Милюковой. Пила ли его дочь эту водку – неизвестно; но ей стали давать святую воду с мощей и камень безуй, который считался тогда противоядием. Царской невесте стало легче.

Между тем Салтыков донес царю, будто врач Балсырь сказал ему, что Мария неизлечима, что в Угличе была женщина, страдавшая такой же болезнью, и, проболев год, умерла. Царь не знал, что ему делать. Мать настаивала на удалении Хлоповой. Просто сослать ее с «верху» казалось зазорно, так как ее уже во всем государстве признали царской невестой. Созван был собор из бояр для обсуждения дела. Напрасно Гаврила Хлопов на этом соборе бил челом не отсылать царской невесты с «верху», уверял, что болезнь ее произошла от сладких «ядей» и теперь уже почти проходит, что Мария вскоре будет здорова. Бояре знали, что царская мать не любит Хлопову и желает ее удалить; в угоду ей произнесли они приговор, что Хлопова «к царской радости непрочна», то есть свадьбы не должно быть.

В соответствии с этим приговором царскую невесту свели с «верху». Это было в то время, когда во дворце происходили суетливые приготовления к свадьбе. Хлопову поместили у ее бабки на подворье, а через десять дней сослали в Тобольск с бабкой, теткой и двумя дядями Желябужскими, разлучив с отцом и матерью. Каково было в Тобольске изгнанникам – можно догадываться из того, что в 1619 году, уже как бы в виде милости, они были переведены в Верхотурье, где должны были жить в специально построенном для них дворе и никуда не отлучаться с места жительства, а царская невеста, испытав за короткое время своего благополучия роскошь двора, получала теперь на свое скудное содержание по 10 денег в день.

Этот варварский поступок не был делом царя. Михаил Федорович, по-видимому, чувствовал привязанность к своей невесте и грустил о ней, но не смел послушаться матери. Тем не менее он не соглашался жениться ни на какой другой невесте. Это событие показывает, что в то время молодой царь был совершенно безвластен и всем управляли временщики, угождавшие его матери, которая, видимо, была женщина хотя и богомольная, но злая и своенравная.

Уладив дело со шведами, Москва должна была покончить и с Польшей. Но это оказалось гораздо труднее. Сигизмунд жалел об утрате Московского государства. Его сын Владислав,

достигнув совершеннолетнего возраста, также пленялся мыслью стать московским царем и затевал попытки возвратить себе утраченный престол.

Ф. И. Кампорези. Спасо-Андроников монастырь. 1789 г. (Фрагмент)

Русское правительство искало противодействия Польше в Турции и в Крыму и думало было воспользоваться недоразумениями, возникавшими тогда между Турцией и Польшей. Турки злобствовали на поляков, но не вполне дружелюбно смотрели и на Московское государство из-за нападения донских казаков. Русские посланники несколько лет подряд в Константинополе раздавали меха визирям и другим султанским вельможам и терпеливо выслушивали от турок колкости и упреки за казаков; зато по крайней мере утешались обещаниями турок начать войну с Польшей. Крымский хан со своей стороны брал с русских деньги и меха и за это обещал им тревожить поляков, но медлил. Московское правительство обращалось, кроме того, к немецкому императору и просило о посредничестве в деле примирения Москвы с Польшей. Император отправил от себя посредником Ганделиуса. При старании этого посредника съехались под Смоленском русские послы, князь Иван Михайлович Воротынский и его товарищи, с польскими послами: киевским епископом Казимирским, литовским гетманом Ходкевичем и канцлером Львом Сапегой. Ганделиус явно мирволил польской стороне: он не только считал правильной уступку Речи Посполитой земель, завоеванных ею у Руси, но полагал, что русские, признав Владислава царем, обязаны были вознаградить его за утрату царского достоинства. Воротынский вел себя настойчиво; им за это был недоволен царь, потому что боялся, естественно, за своего родителя, находившегося в плену у поляков, более всего желал его возвращения и готов был на большие уступки, лишь бы добиться освобождения Филарета. Несмотря на уступчивость своего царя, русские послы не поддались излишним притязаниям поляков, и съезды под Смоленском прекратились. Война была неизбежна.

В 1616 году королевич Владислав издал окружную грамоту ко всем жителям Московского государства: напоминал, как его выбрали на московский престол всей землей; обвинял митрополита Филарета, который будто бы поступал вопреки наказу, данному всей землей; изъ-

являл сожаление о бедствиях Московского государства; объявлял, что, достигнув совершеннолетнего возраста, идет сам добывать Московское государство, данное ему от Бога, и убеждал всех московских людей бить ему челом и покориться как законному московскому государю; обещал, наконец, поступить с Михаилом, сыном Филарета, сообразно своему царскому милосердию, по прошению всей земли.

Притязания польского королевича грозили внести новое междоусобие в несчастное государство.

Патриарх Филарет. Титулярник 1672 г.

Но настоящие военные действия между Польшей и Москвой начались не ранее 1618 года. Война эта требовала крайнего напряжения сил, а между тем Московское государство еще не

успело оправиться от прежних бедствий и испытывало новые в том же роде, как в предшествовавшие годы. Разбойничьи шайки продолжали бродить и разорять народ; самый образ ведения войны с Владиславом увеличивал количество подобных врагов, потому что главные силы польского королевича состояли из казаков и «лисовчиков», а те и другие вели войну разбойническим способом. Литовские люди заодно с русскими ворами проникали на берега Волги и Шексны и разбойничали в этих местах. Города так дурно укреплялись и содержались, что не могли служить надежным убежищем для жителей, которым небезопасно было оставаться в своих селах и деревнях⁸⁰. Между тем правительство вынуждено было усиленными мерами собирать особые тяжелые налоги с разоренного народа. То были запросные деньги, наложенные временно, по случаю опасности, которые должны были выплачивать все по своим имуществам и промыслам, и кроме того разные хлебные поборы для содержания служилых людей; наконец, народ должен был нести и посошную службу в войске. Правительство приказывало не давать народу никаких отсрочек и править нещадно деньги и запасы. Воеводы, исполняя такие строгие повеления, собирали посадских и волостных людей, били их на правеже с утра до вечера; ночью голодных и избитых держали в тюрьмах, а утром снова выводили на правеж и очень многих забивали до смерти. Жители разбегались, умирали от голода и холода в лесах или попадали в руки неприятелю и разбойникам. Бедствия, которые народ русский терпел в том году от правительственных лиц, были ему не легче неприятельских разорений. Монастыри же, как и прежде, пользовались своими привилегиями и если не вовсе освобождались от содействия общему делу защиты отечества, то гораздо в меньшем размере участвовали в этом деле; некоторые из них тогда же получали новые льготные грамоты. Служилые люди неохотно шли на войну; одни не являлись вовсе, другие бегали из полков; в Новгородской земле служилые люди в то время имели повод особенно быть недовольными, потому что правительство отбирало у них поместья, розданные при шведском владычестве из дворцовых и черных земель.

В таком состоянии был народ, когда Владислав, идя к Москве в августе 1618 года, снова возмущал русских людей своей грамотой, уверял, что никогда не будет ни разорять православных церквей, ни раздавать вотчин и поместий польским людям, что поляки не станут делать никаких насилий и стеснений русскому народу; напротив – сохранены будут их прежние права и обычаи. «Видите ли, – писал Владислав, – какое разорение и стеснение делается Московскому государству, не от нас, а от советников Михайловых, от их упрямства, жадности и корыстолюбия, о чем мы сердечно жалеем: от нас, государя вашего, ничего вам не будет, кроме милости, жалования и призрения».

Избранный народной волей царь противопоставил этому покушению своего соперника голос народной воли. 9 сентября 1618 года собран был Земский собор всех чинов людей Московского государства, и все чины единогласно объявили, что они будут стоять за православную веру и своего государя, сидеть с ним в осаде «безо всякого сомнения, не щадя своих голов будут биться против недруга его, королевича Владислава, и идущих с ним польских и литовских людей и черкас». Грамоты Владислава прельстили немногих из русских людей. Как ни тяжело было русскому народу от тогдашнего своего правительства, но он слишком знал поляков, познакомившись с ними в Смутное время. Дружба с ними стала невозможной. Дело Владислава было окончательно проиграно.

В сентябре и октябре русские дружно отстаивали свою столицу, и отбили приступы неприятеля, и не поддались ни на какие предложения принять Владислава. Когда неприятельские дей-

---

⁸⁰ Состояние города Углича, например, представляется, по современным известиям, в таком жалком виде: «Мосты погнили, башни стоят без кровли, ров засыпался, а кое-где и вовсе не копан. Ратных людей почти нет, стрельцов и воротников ни одного человека, пушкарей только шесть человек, и те голодные. Пороха нет, хлебных запасов нет. Посадские люди от нестерпимых правежей почти все разбежались с женами и детьми. Волости кругом выжжены, опустошены, а между тем в Угличе сидели в тюрьме более сорока человек разбойников». Те же черты можно было встретить и в других городах большей части государства.

ствия по временам прекращались и начинались переговоры, Лев Сапега со свойственным ему красноречием перечислял русским уполномоченным все выгоды, какие получит Русь от правления Владислава; русские отвечали ему: «Вы нам не дали королевича, когда мы его избрали; и мы его долго ждали; потом от вас произошло кровопролитие, и мы выбрали себе другого государя, целовали ему крест; он венчан царским венцом, и мы от него не отступим. Если вы о королевиче не перестанете говорить, то нечего нам с вами и толковать». В конце концов поляки должны были отказаться от мысли посадить на московском престоле Владислава. 1 декабря 1618 года подписано было Деулинское перемирие на 14 лет и 6 месяцев. Правда, Московское государство много потеряло от этого перемирия, но выигрывало нравственно, отстояв свою независимость. Теперь уже недоразумения могли возникать только о тех или о других границах государств, но уже Московское государство решительным заявлением своей воли отразило всякие поползновения Польши на подчинение его тем или другим путем⁸¹.

А. Феррари. Вид Новоспасского монастыря в Москве

В июне 1619 года прибыл Филарет, отец государя, и был посвящен в патриархи. Дела пошли несколько иначе, хотя система управления осталась той же. Стала заметной более сильная рука, управлявшая делами государства. Господствующим стремлением было возвратить государство в прежний строй, какой оно имело до Смутного времени, и, несмотря на стремления назад, новые условия жизни вызывали новые порядки. Наступило невиданное еще в истории Московского государства явление. Главой духовенства сделался отец главы государства. Поэтому на время патриаршества Филарета возникло двоевластие. Михаил сам заявлял, что его отцу патриарху должна оказываться одинаковая честь, как и царю. Все грамоты писались от имени царя и патриарха. Михаил во всех начинаниях испрашивал у родителя совета и благословения и, часто разъезжая со своей благочестивой матерью по монастырям, на то время поручал своему отцу все разные государственные дела. В церковных делах Филарет был полным государем. Область, непосредственно подлежавшая его церковному управлению,

⁸¹ Замечательно, что после окончания перемирия русское правительство не угрожало смертной казнью тем русским, которые поддавались Владиславу, а только ссылало их, предварительно наказав некоторых из них кнутом.

обнимала все, что прежде ведалось в приказе Большого Дворца, и заключала в себе все московские владения, кроме архиепископии новгородской; но и архиепископ новгородский, хотя имел свое отдельное управление, находился, однако, в подчинении у Филарета. Собственно для себя Филарет в год своего посвящения в патриархи, в 1619 году, получил в вотчину на Двине две трети волости Варзуги с правом полного управления над тамошними крестьянами кроме разбойных дел и татьбы с поличным. По известию иностранцев, с прибытием Филарета переменены были должностные лица во всех ведомствах, и с этих пор начинается ряд правительственных распоряжений, клонящихся к исправлению законодательства, к пресечению злоупотреблений, к установлению порядка по управлению и мало-помалу к облегчению народных тягостей. Одной из важнейших мер была посылка писцов и дозорщиков для приведения в известность состояния всего государства, но эта мера не достигла полного успеха по причине нравственного зла, таившегося в московских людях. Писцам и дозорщикам за крестным целованием вменялось в обязанность поступать по правде, делать опись государства так, чтобы сильные и богатые с себя не сбавляли государственных тягостей, а на мелких и убогих людей не накладывали лишних; но писцы и дозорщики, работая полтора-два года, писали «воровством», не по правде, с сильных сбавляли, а на убогих накладывали, потому что с сильных и богатых брали взятки. Правительство приказало их посадить в особую избу для исправления своих писцовых книг под надзором окольных и дьяков. Но и эта мера, как показывают последствия, не достигла своей цели: жалобы на неправильность распределения податей и повинностей долго и после того не прекращались. Изъятия одних в ущерб другим видны и в то время. Так, для сбора ямских денег разосланы были денежные сборщики; ослушников велели бить на правеже нещадно, а между тем вотчины Филарета, его монастырей и его детей боярских, вотчины митрополитов и многих важнейших монастырей освобождались от этих поборов. Обратили внимание на то, что воеводы и приказные люди делали невыносимые насилия посадским и крестьянам. Царская грамота запрещала воеводам и приказным людям брать посулы и поминки, не позволяла вымогать для себя безденежное продовольствие, гонять людей на свои работы. Угрожали за нарушение этих правил пеней вдвое больше того, что виновные возьмут неправильно, если челобитная, на них поданная, окажется справедливой. Но мимо всяких угроз воеводы и приказные люди продолжали поступать по-прежнему, тем более что правительство, угрожая за злоупотребления, поверяло им большую власть в управляемых ими областях, потому что оно только через их посредничество и при их старании могло надеяться на собиранье налогов с народа. Некоторым городам и уездам (например Ваге, Устюжне) подтверждался старый порядок самоуправления; в других его уже не было; да и там, где он существовал, имел разные степени размера⁸², но везде он более или менее стеснялся властью воевод; впрочем, сами выборные старосты делали притеснения бедным людям, и правительство приказывало своим воеводам охранять от них народ⁸³. Вообще в то время, продолжая стараться всеми мерами добывать себе деньги, правительство, однако, давало народу и облегчения в разных местах⁸⁴. Покончено было дело с англичанами. Еще во время осады Москвы Владиславом царь занял у них 20 000 рублей, а в июле 1620 года приехал в Москву известный там Джон Мерик: он поздравлял Филарета с освобождением, потом снова начал просить пропуска англичан в Персию по Волге. Правительство отдало этот вопрос также на обсуждение торго-

⁸² Например в Новгороде выборные старосты и целовальники могли судить всякие иски, исключая уголовные дела. Во Пскове суд их простирался на иски не свыше 100 рублей, однако в 1633 году и псковские были уравнены с новгородскими; в других местах земские старцы и целовальники занимались только раскладкой податей и разверсткой повинностей.

⁸³ В 1621–1622 годах в Чердыни и Соликамске воеводам велено было оберегать народ от злоупотреблений посадских и волостных старост и целовальников, которые в своих мирских книгах делали «бездельные приписки», налагали неправильно повинности и брали себе лишние деньги в посулы; за такое воровство им угрожали смертной казнью.

⁸⁴ Так, калужанам была дана льгота от государственных повинностей на три года. В разных местах давались различные льготы, например в платеж ямских денег вместо 1000 рублей с сохи – только 468 рублей.

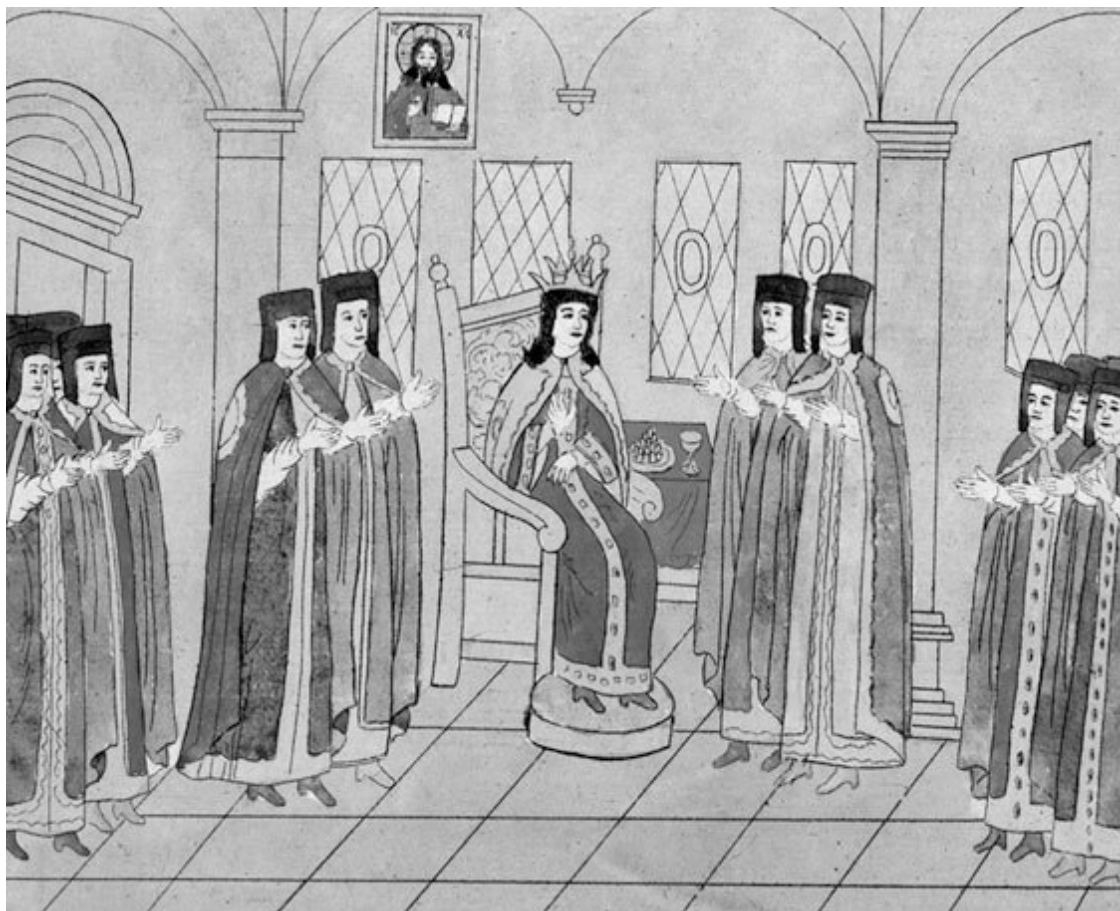
вых людей, которые дали такой совет, что англичан не следует пускать в Персию иначе, как за большую пошлину. Мерик имел инструкцию договариваться о беспошлинном проезде в Персию. Увидев, что не добьется этого, он сам отказался от всяких прав на этот проезд с платежом пошлин и сказал: «Если от нашей торговли будет убыток государевой казне и вашим торговым людям, то и говорить больше нечего. Мой король не желает убытка вашей казне и московским людям». Долг англичанам был выплачен. Московское государство осталось с Англией в самых лучших, дружеских отношениях. Обогащение казны составляло главную заботу московского правительства. Постановили, чтобы впредь все живущие в посадах служилые люди несли тягло наравне с посадскими, а посадские впредь не смели бы продавать свои дворы таким лицам, которые по своему званию освобождались от тягла⁸⁵. Утверждены были таможенные и кабацкие головы для сбора доходов с таможен и продажи напитков, а к ним придавались выборные из местных жителей целовальники. В пограничных торговых городах – Архангельске, Новгороде, Пскове – все дорогие товары, так называемые узорочные (к ним причислялись золотые и серебряные вещи), могли поступать в продажу только после того, как таможенный голова отберет и купит в казну все, что найдет лучшего. То же соблюдалось и по отношению к иноземным напиткам. В некоторых местах вместо того, чтобы содержать голов, таможенные и кабацкие сборы стали отдавать на откуп; и такая мера была особенно отяготительной для жителей, тем более что откупщики являлись большей частью людьми дурными. Кабаки развелись повсюду; правительство постоянно приказывало стараться, чтобы люди побольше пили и доставляли казне выгоды. Очень многим лицам давались привилегии приготавливать для себя, но никак не на продажу, напитки перед большими праздниками или по поводу разных семейных торжеств. Эти дозволения служили поводом к беспорядкам, потому что давали возможность тайно продавать вино или же обвинять в тайной продаже. Торговцы и промышленники кроме таможенных пошлин облагались разными поборами: в городах платили полавочное, на дорогах и перевозах – мыто. За продажу запрещенных товаров (например соли, отправленной за границу, или за провоз в Сибирь оружия, железных изделий и вина) брали заповедные деньги⁸⁶. Самые повседневные занятия облагались различными мелкими поборами, например за водопой скота и за стирку белья на реке бралось пролубное, и для такого сбора из жителей выбирались особые целовальники, которые клали собираемые деньги в ящик за казенной печатью. Выбор целовальников к разным казенным сборам и работам, отправляемым с тягла, в значительной степени отягощал народ; казенная служба отвлекала выбранных от собственных занятий, а общество должно было платить за них подати.

---

⁸⁵ Тягло включало в то время много налогов, поборов и повинностей: подводные, ямские деньги, стрелецкие деньги и пр. К числу повинностей, отправляемых тяглами, принадлежали тогда устройство деревянных мостовых в городах и меры предупреждения пожаров; с последней целью в Москве выбирались из жителей «ярыжные»; жители должны были доставлять им на свой счет спасательные принадлежности.

⁸⁶ Продажа табака и карт строго преследовалась: за употребление табака резали носы.

Бракосочетание Михаила Федоровича с Евдокией Лукьяновной. Иллюстрация из книги «Описание в лицах Торжества, происходившего в 1626 году 5 февраля при бракосочетании Государя царя и Великого князя Михаила Федоровича с Государыней царицей Евдокиєю Лукьяновною из рода Стрешневых»

Бракосочетание Михаила Федоровича с Евдокией Лукьяновной. Иллюстрации из книги «Описание в лицах Торжества, происходившего в 1626 году 5 февраля при бракосочетании Государя царя и Великого князя Михаила Федоровича с Государыней царицей Евдокией Лукьяновною из рода Стрешневых»

При расстроеном состоянии Московского государства Сибирь была тогда важным источником поправления финансов. Сибирские меха выручали царскую казну в то время, когда невозможно было много собирать налогов с разоренных жителей внутренних областей. Государь отделялся соболями повсюду, где только нужно было платить и дарить. Правительство старалось преимущественно захватить в свои руки меха перед частными торговцами, и хотя последним дозволялось ездить в Сибирь для покупки пушнины, но они были стеснены разными распоряжениями, отнимавшими у них время и предававшими их произволу воевод⁸⁷.

Русские продвигались шаг за шагом на восток; при каждом захвате новых земель они строили остроги и облагали туземцев ясаком. Но чтобы Сибирь была прочно привязана к Московскому государству, необходимо было заселить ее насколько возможно русским народом. Правительство предпринимало к этому свои меры в описываемое нами время.

Кроме служилых, преимущественно казаков, ядро тогдашнего русского населения в Сибири составляли пашенные крестьяне, которые набирались из охочих вольных, гулящих людей, – им давали земли, деньги на подмогу и льготы на несколько лет. Эти пашенные крестьяне обязаны были пахать десятую часть в казну, и этот хлеб, называемый «десятинным», шел на продовольствие служилым. При водворении пашенных крестьян землю, отводимую им, меряли на десятины, на три поля, и присоединяли к ней сенные покосы и разные уголья. Это

⁸⁷ Меха дорожили до такой степени, что когда не доискались пары соболей среди мехов, посланных из Сибири в царскую казну, то производили по этому поводу следствие.

дало немедленно повод к тому, что некоторые захватывали земли больше, чем следовало, и стали ее продавать. Так было в Западной Сибири, например в Верхотурском уезде, где плотность населения была сравнительно выше; правительство, узнав об этом, приказало сделать пересмотры земель и за владельцами оставлять только ту землю, которую они действительно обрабатывали. Таким образом положили препятствие к захвату сибирских земель в частную собственность. Так как движение русской власти на восток совершалось быстро, то потребность в пашенных крестьянах превышала количество желавших поступать в это звание, и тогда правительство приказало насильно сводить поселенных уже пашенных крестьян с мест более близких на места более отдаленные: так переводились крестьяне из Верхотурья и Тобольска в Томск, и это насильное передвижение подавало повод к побегам: явление, чересчур обычное в европейских странах Московского государства, очень скоро показалось и в Сибири. Кроме пашенных крестьян позволяли заниматься земледелием всем вообще: духовным, торговым людям, посадским; с них брали так называемый выдельный сноп⁸⁸. Пашенные крестьяне и работавшие с выдельного снопа не могли доставить казне хлеба в таком количестве, в каком нужно было для продовольствия служилым в Сибири; поэтому хлеб доставлялся из Пермской земли за счет тамошних жителей, что называлось «сибирским отпуском», – повинность эта была тяжелой, хлеб скупался по 25 алтын за четверть ржи (алтын = 6 денег, в рубле – 200 денег или 33 алтына 4 деньги), а постройка судов и доставление подвод лежали на жителях.

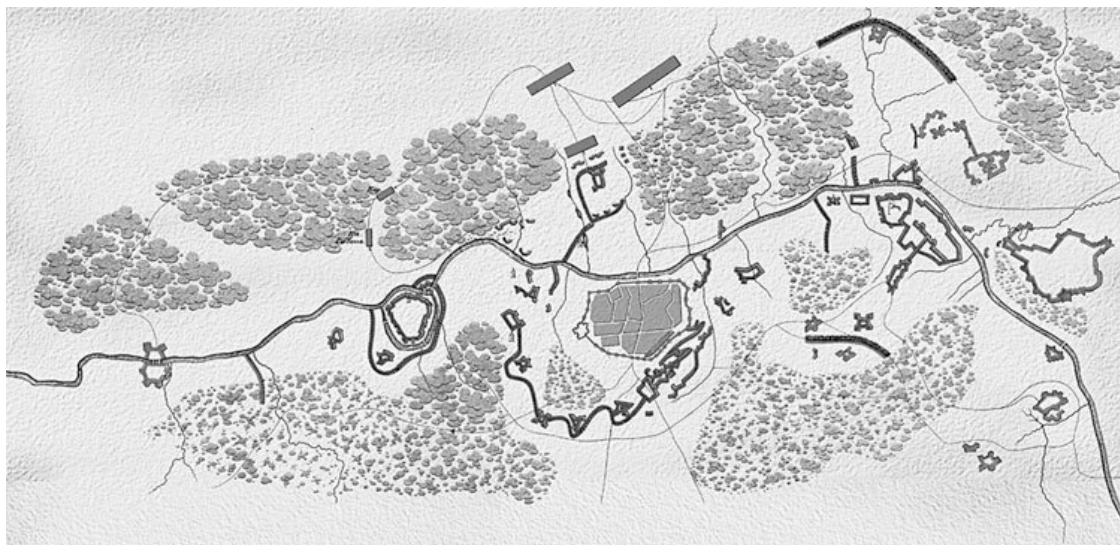

Национальные костюмы москвитов в середине XVII в.

⁸⁸ Способ собирания выдельного снопа, а также и десятинного хлеба с казенных крестьян доставлял большие неудобства земледельцам. Последние не смели складывать в клады сжатый хлеб, пока служилые люди не придут и не возьмут того, что следует в казну, а так как село от села отстояло верст на сто пятьдесят и больше, то служилые люди не успевали приезжать вовремя, а хлеб пропадал в полях от непогоды или расхищался птицами. От этого народ нередко терпел голод.

В Сибири как в стране более отдаленной сильно проявлялись пороки тогдашних русских людей. Воеводы с особенной наглостью брали взятки и делали всем насилия, служилые люди обращались дурно с туземцами и накладывали на них лишний ясак, сверх положенного, в свою пользу; наконец, пьянство в Сибири дошло до таких пределов, что правительство вынуждено было поступать вопреки общепринятым мерам и велело уничтожить кабаки в Тобольске⁸⁹. Церквей в Сибири было мало; переселенцы удалены были и от богослужения, и от надзора духовных и вели совсем не благочестивый образ жизни. Патриарх Филарет в 1621 году посвятил в Сибирь первого архиерея архиепископа Киприана. Но на следующий же год оказалось, что русские сибиряки не хотели его слушать и отличались крайней распущенностью нравов. Филарет послал в Сибирь обличительную грамоту с приказанием читать ее всенародно в церквях. Он укорял русских поселенцев в Сибири, особенно служилых людей, за то, что они не соблюдали положенных церковью постов, ели и пили с иноверцами, усваивали их обычаи, находились в связи с некрещеными женщинами, впадали в кровосмешения, брали себе насильно чужих жен, закладывали, продавали, перепродавали их друг другу; приезжая в Москву с казной, сманивали и увозили в Сибирь женщин и в оправдание своих безнравственных поступков показывали грамоту, будто данную им каким-то дьяком Андреем. Сибирское духовенство до крайности снисходительно относилось к такому поведению своей паствы, да и сами духовные лица нередко вели себя не лучше мирских людей. Мы не знаем, в какой степени повлияло на сибиряков послание Филарета, но с этих пор стало заводиться в Сибири больше церквей и монастырей.

Таково было положение в Сибири, стране, как мы сказали, имевшей наибольшее значение для обогащения казны Московского государства.

Схема осады Смоленска М.Б. Шеиным (1632–1633 гг.) в ходе Смоленской войны

Важен был для России и край Приволжский, но его значение еще оставалось будущим временам. Нижняя его часть была при Михаиле Федоровиче очень мало заселена. Начиная от Тетюшей вниз, берега широкой реки были пустыми: только три города – Самара, Саратов⁹⁰ и Царицын – представлялись путнику, плывшему по Волге; эти города были заселены исключительно стрельцами и являлись скорее сторожевыми острожками, чем городами. Оседлых зем-

⁸⁹ Однако в Верхотурье оно не решилось этого сделать, потому что там была главная сибирская таможня и всегда скапливалось большое количество торговых людей; они доставляли казне слишком много доходов потреблением вина.

⁹⁰ Саратов был построен не на том месте, где расположен теперь, а на противоположной стороне Волги, в четырех верстах от нее.

ледельцев в этом крае не было. Встречались кое-где только временно проживавшие рыбаки, приманиваемые необыкновенным изобилием рыбы в Волге. В ущельях гор, окаймляющих правый берег реки, обосновались воровские казаки и при удобном случае нападали на проплывавшие суда. Самое опасное в этом отношении место было в Жигулевских горах, около впадения реки Усы в Волгу, где оба берега значительно высоки и покрыты дремучим лесом. Поэтому плавать по Волге было возможно только под прикрытием вооруженных людей. В описываемое время от Нижнего до Астрахани и обратно ходили так называемые караваны – вереницы судов, плывших в сопровождении стрельцов, которые находились на передовом судне. Караваны сверху в Астрахань проходили весной, а снизу из Астрахани – осенью, и доставляемые в Нижний восточные товары развозились уже с наступлением зимнего пути на санях. Плавание вверх по Волге было очень медленным, и в случае противного ветра гребцы и рабочие выходили на берег и тянули суда лямкой; кроме судов, отправлявшихся с караваном, некоторые смелые хозяева пускались отдельно на своих стругах и носадах, но нередко расплачивались достоянием и жизнью за свою смелость. Город Астрахань поднимался благодаря торговле с Персией. Кроме персиян в Астрахани торговали бухарцы, но турецких подданных не пускали в город. Персидская торговля в то время была меновой. Важной ветвью торговой деятельности в Астрахани являлась торговля татар лошадьми, но правительство, желая взять ее в свои руки, ограничивало ее в Астрахани и приказывало татарам пригонять лошадей прямо в Москву, где для царя отбирались лучшие лошади. Этот пригон лошадей в столицу назывался «ордобазарной станцией».

Влияние Салтыковых при дворе ослабело тотчас с прибытием Филарета, но они держались несколько лет благодаря покровительству Марфы Ивановны. Жертва их злобы, Мария Хлопова, жила в Верхотурье до конца 1620 года. В тот год ее перевезли в Нижний, означив в грамоте под именем Анастасии, данным ей при взятии во дворец. Филарет думал было женить сына на польской королевне, потом на датской, но сватовство не удалось. Царь в угоду матери долго сдерживал свои чувства, наконец объявил родителю, что не хочет жениться ни на ком, кроме Хлоповой, которая ему указана Богом. Произвели следствие о бывшей болезни царской невесты. Призваны были отец и дядя Марии Хлоповой. При боярине Шереметеве, чудовском архимандрите Иосифе, ясельничем Глеbove и дьяке Михайлове царь сделал допрос врачам, лечившим Хлопову. Эти врачи показали царю совсем не то, что доносили ему за семь лет перед тем Салтыковы будто бы со слов этих самых врачей. Эти врачи никогда не говорили Салтыковым, что царская невеста больна неизлечимо и неспособна к деторождению. Изобличенные на очной ставке с докторами Салтыковы, боярин Борис и окольный Михайл, были сосланы в их далекие вотчины, впрочем, без лишения чинов. Но это не помогло несчастной Хлоповой. Мать царя упорно противилась браку Михаила с Хлоповой и поклялась, что не останется в царстве своего сына, если Хлопова будет царицей. Царь Михаил Федорович и на этот раз уступил воле матери. В грамоте от ноября 1623 года было объявлено Ивану Хлопову, что великий государь не соизволил взять его дочь Марию в супруги, приказано Ивану Хлопову жить в своей коломенской вотчине, а Марии Хлоповой вместе со своим дядей Желябужским оставаться в Нижнем (где ей дан был двор, некогда принадлежавший Козьме Минину и после смерти его бездетного сына Нефедя взятый в казну как выморочное владенье). Говорят, что Филарет сильно укорял сына за малодушие, выказанное последним в деле Хлоповой.

В сентябре 1624 года царь по назначению матери женился на Марии, дочери князя Владимира Тимофеевича Долгорукова, против собственного желанья. 19 сентября было совершено бракосочетание, а на другой день молодая царица оказалась больной. Говорили, что ее испортили лихие люди. Неизвестно, кто были лихие люди и действительно ли царица была жертвой тайного злодеяния, однако через три месяца с небольшим, 6 января 1625 года, она скончалась. Современник летописец указывает на это как на Божие наказание за насилие, совершившееся над Хлоповой. 29 января 1626 года царь вступил во второй брак с дочерью незнатного дворя-

нина Евдокией Лукьяновной Стрешневой, будущей матерью царя Алексея. Замечательно, что ее ввели в царский дворец и нарекли царицей только за три дня до брака, как бы в предупреждение придворных козней, уже погубивших двух царских невест.

Вскоре после бракосочетания царя последовал указ Филарета такого содержания: в марте 1625 года прибыл в Москву посланник шаха Аббаса, грузинец Урусамбек, и привез золотой, осыпанный драгоценными камнями ковчег, в котором находился кусок старой льняной ткани, выдаваемой персидским шахом за «срачицу» Иисуса Христа. Так как признать на веру справедливость свидетельства иноверного государя казалось соблазнительным, то Филарет, чтобы узнать истину, прибег к такому способу: наложил на неделю пост, повелел носить присланную святыню к болящим и наблюдать – будут ли чудеса от этой ризы Господней? От марта до сентября 1625 года оказалось 67 чудес, а от сентября 1625 года до марта 1626 года – 4 чуда. На этом основании ризу признали подлинной; учредили празднество в ее честь 27 марта; начали строить церкви во имя Ризы Господней.

Иностраннный дар царю Михаилу Федоровичу. Гравюра по рисунку Ф. Г. Солнцева

Время от второго бракосочетания царя до второй русско-польской войны ознаменовалось некоторыми законодательными мерами к исправлению делопроизводства и к устройству благочиния. Самой важнейшей из этих мер было возобновление в 1627 году губных старост. Это учреждение, общее в XVI веке, не было формально уничтожено, но значение его упало; уже во многих местах не было вовсе губных старост; в других они были, но часто не по выбору, а по назначению, и возбуждали против себя жалобы за свои злоупотребления: выпускали за взятки воров и разбойников, научали колодников оговаривать невинных. Между ними и воеводами происходили пререкания: губные старосты обличали воевод, а воеводы – губных старост в вопиющих злоупотреблениях. Власть их вообще была не разграничена от власти других должностных лиц. Часто по возникавшим уголовным делам посылались из Москвы нарочные сыщики, ненавидимые народом за свои злоупотребления и насилия. Разбои не прекращались. Теперь велено было во всех городах произвести выбор (людьми всех званий) губных старост из зажиточных дворян, хорошего поведения и умеющих грамоте, «которым бы можно в государевых делах верить»: им поручалось отыскивать всякие уголовные дела, но отписывать о них в Москву. Затем постановлено было не рассылать более сыщиков по уголовным делам. Но восстановление значения губных старост, однако, не удовлетворило вполне общественной безопасности. Суд губных старост не был независим: они должны были относиться за решением дел в Москву, в Разбойный приказ; раз выбранные, они могли сменяться не иначе, как по воле правительства; иногда даже они (как делалось перед тем) назначались без выбора; наконец, в их дела и управление вмешивались воеводы. Неточность в разграничении обязанностей была делом обычным в Московском государстве. Иногда вместо губного старосты заведовал уголовным делом воевода, а в другом месте губным старостам поручались неуголовные дела. Бывали случаи (например в 1644 году в Дмитрове и Кашине), что жители жаловались правительству на губных старост и просили быть у них вместо старост воеводам.

Жалобы на разбои не прекращались после такого учреждения. Особенно разбойничали люди и крестьяне дворян и приказных людей, а владельцы их укрывали. Подобное случалось тоже и в тяглых обществах. Поэтому через несколько лет после учреждения губных старост правительство установило брать пени с обществ, сотен, улиц, сел и прочих в тех случаях, когда жители покажут, что у них нет разбойников, а разбойники окажутся; или же когда будет дознано, что люди не поспешили на крик людей, побиваемых разбойниками. Но у людей того времени господствовали старинные сбивчивые понятия о преступлениях: на уголовное дело смотрели, как на частную обиду; родственник, подавший иск на убийцу своего кровного, зачастую заключал с ним мировую, и дело прекращалось. Такие мировые и прежде запрещались законом, но продолжали совершаться. Новое запрещение последовало при царе Михаиле, но и после этого вторичного запрещения видны примеры старого обычая. За убийство и разбои обычно казнили смертью; тому же наказанию подвергались церковные воры, а равным образом и всякий вор, трижды попавшийся в краже. (За вторую и первую кражу как правило отсекали руку). Однако бывали случаи, когда убийство не влекло за собой казнь: дворянин, сын боярский или их приказчик, убив чужого крестьянина и сказав под пыткой, что он убил его неумышленно, отвечал за убийство не сам; из его поместья брали лучшего крестьянина и отдавали тому, у кого убит крестьянин. Боярский человек, убивший чужого боярского человека, отдавался с женой и детьми господину убитого. В 1628 году было установлено, чтобы кабалы, даваемые людьми на себя, являлись действительными только в продолжение пятнадцати лет, а рост на занятые деньги – только в продолжение пяти лет, потому что за этот срок проценты равнялись занятому капиталу. Относительно правежа сделали распоряжение, указывавшее замечательную черту тогдашних нравов. Многие, задолжав, хотя владели именьями, но соглашались лучше подвергать себя правежу и позволять себя бить палками, чем отдать за долги свое имущество; и правительство постановило, чтобы впредь таких должников не держать на пра-

веже более месяца, а сыскивать долги на их имениях. Новые меры против пожаров предприняты были после того, когда Москва два раза, в 1626 и 1629 годах, подверглась опустошительным пожарам, но эти меры, однако, оказывали мало действия, так как пожары и после того повторялись и в Москве, и в других местах.

В то время сложилась и развилась правильная система государственного управления посредством приказов; по крайней мере, с тех пор постоянно упоминаются многие приказы, о которых прежде нет известий⁹¹.

Срок перемирия с Польшей истекал, и в 1631 году правительство начало готовиться к войне, так как во все прежние годы непрерывные недоразумения с Польшей показывали, что война неизбежна. Велено было дворянам и детям боярским быть готовыми⁹². С монастырских имений, со всех вотчин и поместий за даточных людей положены были деньги: по 25 рублей на конного и по 10 рублей на пешего. Между тем сознавалась потребность водворения правильного обученного войска на иностранный образец, и так как из русских людей такого войска нельзя было составить в скором времени, то поневоле решили пригласить иностранцев. Узнав об этом желании, начали являться в Россию разные иноземцы с предложениями нанимать за границей ратных людей. Правительство дало поручение такого рода полковнику Лесли и подполковнику Фандаму, служившему некогда французскому королю; правительство приказало им нанять за границей полк ратных людей всяких наций, но только не католиков, с платой вперед на 4 месяца и с правом, по желанию, удалиться в отечество, оставив, однако, в России свое оружие; раненым обещана была награда. Лесли и Фандам кроме найма людей имели также поручение купить за границей 10 000 мушкетов с фитилями для вооружения иноземных солдат (каждый мушкет обошелся тогда по 1,5 рубля). Кроме того выписали из Голландии несколько людей, знающих городское дело, и сделали закупку пороха, ядер и сабельных полос. Правительство так дорожило наемными иноземными воинами, что, заслышав о прибытии Лесли с ратными людьми, выслало им навстречу воеводу Стрешнева с приказом харчевникам продовольствовать их на пути пивом и съестными припасами; а также велело выбрать особых целовальников для наблюдения, чтобы харчевники не брали с них лишнего.

В апреле 1632 года скончался польский король Сигизмунд. В Польше принялись за избрание нового короля. Пользуясь междуцарствием, которое у поляков всегда сопровождалось беспорядками, царь и патриарх приказали начать неприятельские действия против Польши и прекратить сношения с Литвой из опасения какого-нибудь зла от литовских людей. Не велели покупать у них хмель, потому что «баба-ведунья наговаривает на хмель и они провозят моровое поветрие».

---

⁹¹ Патриарший дворец, Патриарший судный приказ, Патриарший разряд, Новгородская четь, Новая четь, Устюжская четь, Владимирская четь, Галицкая четь, Костромская четь, Московский судный приказ, Казенный двор, Мастерская государева палата, Сбору ратных и даточных людей приказ, Дворцовый судный приказ, Полоняничный приказ (вероятно, существовавший раньше), Приказ сыскных дел и прочие, кроме прежде существовавших.

⁹² Они были разделены на статьи; принадлежащие к первой статье получали 25 рублей жалованья, к средней – 20, а к меньшей – 15 рублей.

Крошня царя Михаила Федоровича. Гравюра по рисунку Ф. Г. Солнцева

Созван был Земский собор. На нем приняли решение отомстить полякам за прежние неправды и отнять у них города, неправильно захваченные ими у русских. На жалованье ратным людям положили собирать по-прежнему с гостей и торговых людей пятую деньгу, а бояре, окольные и думные люди, стольники, дворяне и дети боярские, дьяки, архиереи и все монастырские власти обязались давать, смотря по своим пожиткам, вспоможение, которое называлось «запросными деньгами», и доставлять в скором времени в Москву князю Пожарскому с товарищами, которым поручен был этот сбор. Главное начальство над войском в 32 000 человек поручено было боярину Михаилу Борисовичу Шеину и окольному Артемию Измайлову (всего войска было более 66 000 и 158 орудий). Шеин и Измайлов должны были идти добывать Смоленск, а прочие воеводы – другие города. Дела пошли удачно для Московского государства; воеводы успели захватить несколько городов и посадов; Шеин окружил себя окопами под Смоленском на Покровской горе. Поляки в Смоленске отбивались 8 месяцев и уже из-за недостатка припасов готовились сдать, как в августе 1633 года, для той поры неожиданно, подошел к городу Владислав с 23 000 человек войска. В то же время по наущению Владислава казаки и крымцы напали на украинные города Московского государства. Услышали об этом служилые люди, помещики украинных городов, бывшие в войске Шеина, вообразили себе, как в их отсутствие враги станут убивать и брать в плен жен и детей, и стали разбегаться. Войско Шеина значительно уменьшилось; он не мог устоять против Владислава на Покровской горе, отступил и заперся вблизи в острожке. Поляки осадили его. Шеин выдерживал осаду до февраля 1634 года. Войско его страдало от цинги. Начался мор, а из Москвы не посылали ему ни войска, ни денег. Царь 28 января 1634 года, узнав о бедственном состоянии Шеина, снова созвал Земский собор и жаловался, что сбор запросных и пятинных денег шел хуже, чем в прежние годы, хотя Русская земля с тех пор и поправилась. Собор постановил новый сбор запросных и пятинных денег, который и поручен был боярину Лыкову. Но пока могли быть собраны эти деньги и доставлено продовольствие Шеину, его войско под Смоленском пришло в крайнее положение. Между тем иностранцы, бывшие при Шеине, начали сноситься

с королем. Это побудило наконец Шеина испросить у царя дозволение вступить в переговоры с поляками о перемирии. Шеин заключил условие, по которому русскому войску дозволялось беспрепятственно вернуться в отечество с тем оружием, какое оно имело на себе, положив все пушки и знамена перед королем, а у желавших была возможность вступить в польскую службу; но из русских людей нашлось таких только 8 человек, а иноземцев перешло довольно. 2004 человека больных воинов было оставлено под Смоленском. С Шеиным ушли 8056 человек. Михаил Борисович с товарищами вернулся в Москву.

В то время, когда Шеин стоял под Смоленском, в Москве произошли большие перемены. Филарет скончался в октябре 1633 года. Вместо него возведен был на патриаршеский престол Иоасаф, псковский епископ, прежде гонимый Филаретом, а под конец назначенный им себе в преемники. С кончиной Филарета подняли голову бояре, которые до того времени боялись строгого патриарха, но нисколько не боялись добродушного царя. Немедленно возвращены были Салтыковы и снова стали близкими к царю людьми.

Неизвестный художник. Портрет царя Михаила Федоровича

Бояре вообще ненавидели Шеина. Он раздражал их своей гордостью, озлобил заносчивостью; Шеин, где только мог, не затруднялся выказывать свое превосходство перед другими и выставлять неспособность своих товарищей; Михаил Борисович не считал никого себе рав-

ным. Летописцы говорят, что и в войске как начальник он не был любим ратными людьми за то, что обращался с ними надменно и жестоко. Бояре увидели случай отомстить ему за все оскорбления, которые он позволял себе по отношению к ним. Царь Михаил Федорович после смерти родителя не имел силы воли противостоять боярам, а может быть, и сам находился под их влиянием. Над Шеиным и его товарищами произвели следствие и 23 апреля 1634 года в приказе Сыскных дел приговорили казнить смертью Михаила Шеина, Артемия Измайлова и сына последнего, Василия.

Когда осужденных вывели за город на «пожар», место казни преступников, то дьяк Дмитрий Прокофьев всенародно прочитал приговор, подробно перечислил воровство и измену приговоренных к смерти. Прежде всего упоминалось большое царское жалование бывшему боярину Шеину: Михаил перед отправкой его в поход дал ему из дворцовых волостей большое село Голенищево с проселками и деревнями и не велел брать никаких податей с поместий и вотчин Шеина и Измайлова. Шеину поставили в первую вину то, что, еще не уходя на службу, он перед государем перечислил с большой гордостью свои прежние заслуги и выразился о других боярах, что в то время, когда он служил, они «за печью сидели и сыскать их нельзя было». Царь для своего государского и земского дела не желал его оскорбить и смолчал, а бояре, слыша такие грубые и поносные слова и видя, что государь к нему милостив, не хотели государя раскручинить. Здесь проглядывает настоящая причина злобы против Шеина; опираясь на покровительство сильного Филарета, он был слишком смел и в то же время, отправляясь на войну, слишком надеялся на самого себя; вышло ему назло: он проиграл в войне, а Филарета не стало, и некому было защитить его. Ему с Измайловым поставили в вину разные военные распоряжения, между прочим и то, что они велели свести в один острожок ратных людей, находившихся по разным острожкам, отдали королю пушки и обесчестили имя государя тем, что клали перед королем царские знамена. Припомнили Шеину, как он пятнадцать лет тому назад, вернувшись из Польши, где был пленником, не объявил государю о том, что целовал крест польскому королю. Его поступок под Смоленском толковался так, как будто Шеин хотел исполнить свое прежнее крестное целование королю. Сын Артемия Измайлова, Василий, был обвинен в том, что пировал с поляками и русскими изменниками, находившимися у Владислава, и произносил такие слова: «Как может наше московское плюгавство биться против такого монарха? Каков был царь Иван, да и тот против литовского короля своей сабли не вынимал!»

Им троем отрубили голову 27 апреля.

Другого сына Измайлова и с ним двух человек наказали кнутом и сослали в тюрьму в Сибирь за произнесение перед литовскими людьми непристойных слов. Сослан был сын Шеина и через несколько дней умер. Ссылка постигла совершенно безучастного в этом деле брата Измайлова Тимофея, единственно за измену Артемия.

Трудно решить: были ли виноваты Шеин и его товарищи в ошибках, в которых обвинялись. Мы не знаем, что представляли они в свое оправдание, но, без сомнения, измены за ними не было, иначе они бы и не вернулись в Москву. Шеин заключил перемирие не добровольно, а с дозволения царя. Невозможность спасти пушки объясняется крайним положением войска. Приговор, произнесенный над Шеиным, противоречит фактам; Михаила Борисовича обвиняли в том, что он стянул все войско в один острожок, а между тем государь за это хвалил Шеина в свое время.

Несчастье под Смоленском, за которое поплатился Шеин с товарищами, имело печальные последствия. Московскому государству теперь уже чрезвычайно трудно было собрать ратные силы и деньги для ведения войны. Оставалось просить мира, но, к счастью, Польша опередила в этом Москву. Король из-под Смоленска отправился к Белой и никак не мог взять ее, а между тем в его войске открылся большой недостаток жизненных запасов; в то же время к королю поступали угрожающие вести, что турецкий султан намеревается напасть на Польшу, а с другой стороны, шведы хотят отказаться от участия в немецкой тридцатилетней войне и

устремиться на Пруссию, принадлежавшую в то время Польше. Поэтому польские сенаторы первые прислали русским боярам предложение о мире. Из Москвы отправились в марте 1644 года боярин Федор Шереметев и Алексей Львов-Ярославский. Они съехались с польскими комиссарами – хельминским епископом Яковом Жадиком и другими панями – на речке Поляновке. Переговоры затянулись до 4 июня. Поляки хотели за отказ Владислава от царского титула получить от Московского государства 100 000 рублей. Московские послы долго упирались, наконец согласились дать 20 000 рублей. На этой сумме и порешили. Обе стороны согласились заключить «вечный мир». Поляки добивались самого тесного союза, предлагали проект, чтобы после смерти короля избрание совершалось вместе с чинами Московского государства, чтобы царь был избран польским королем и в знак совершенного равенства короновался отдельно в Москве и Польше, но так, чтобы польский посол возлагал на царя в Москве корону московскую, а московский в Польше – польскую, наконец, чтобы царь для соблюдения равенства между его державами жил попеременно по году в Москве, Польше и Литве. Московские послы отклонили эти предложения. Поляки просили дозволить строить в Московском государстве костелы, подданным обоих государств вступать между собой в брак и приобретать вотчины полякам в Московском государстве, а русским – в Польше. Московские послы наотрез отказали, поняв, вероятно, что поляки такими путями хотели просочиться в Московскую Русь и мало-помалу приобрести там нравственное господство, как случилось в Западной и Южной Руси. Составили договор, по которому царь уступал Польше навсегда земли, находившиеся у поляков по Деулинскому договору⁹³. Обе стороны постановили не помогать врагам какой-либо из двух держав, дозволить свободную торговлю в обоих государствах, выпустить обоюдно всех пленных и впредь выдавать беглых преступников. Польский король признавал Михаила Федоровича царем и братом⁹⁴.

---

⁹³ Черниговскую землю с городами Черниговом и Новгородом-Северским уступали собственно Польше, а Смоленскую с городами Смоленском, Рославлем, Белой, Трубчевском, Невлем, Себежем, Стародубом и другими – Литве.

⁹⁴ Для предосторожности на будущие времена поляки добивались, чтобы Михаил Федорович не писался царем «всей Руси», а только «своея Руси», на том основании, что часть Руси находится под польским владением. Московские послы были непреклонны и заставили поляков отказаться от этого условия. Поляки легкомысленно сами требовали, чтобы царь московский ежегодно давал запорожским казакам жалованье, не предвидя того, что такие дружелюбные отношения Московского государства к запорожским казакам приведут через двадцать лет к роковым последствиям для Польши. Как черты различия в понятиях двух народов можно привести некоторые частности этих переговоров. Поляки хотели, чтобы мир был утвержден присягой всех чинов Московского государства. «Это дело нестаточное, – отвечали послы, – мы холопы государя нашего и во всей его царской воле». После заключения договора поляки сказали: «Мы такое великое и славное дело совершили, чего прежние государи никак сделать не могли. Для вечного воспоминания на том месте, где стояли наши шатры, нужно насыпать два кургана и поставить два каменных столба, и на них написать имена государей наших, год и месяц и имена послов, совершивших такое великое дело». Шереметев отвечал: «У нас таких обычаев не повелось, да и делать этого незачем: все сделалось волею Божиею с повеления наших великих государей и записано на память в посольских книгах». Царь похвалил за это Шереметева и прибавил со своей стороны, что «доброе дело совершилось по воле Божией, а не для столпов и бугров бездушных».

Царь Михаил Федорович

Государи самолично подкрепили этот мир: в начале февраля 1635 года польские послы прибыли в Москву. Им оказали торжественный прием сообразно обычаям того времени. Сначала послы в Грановитой палате представлялись царю, который сидел на троне в царском наряде и венце; по бокам трона стояли рынды в длинных белых одеждах, белых сапогах, в рысьих шапках, с топорами на плечах и золотыми цепями на груди. Послов допустили к целованию царской руки⁹⁵, и затем окольный явил их подарки. В другой день послов позвали в ответную палату на докончание. Обряд этот происходил таким образом: сначала послы говорили с боярами в ответной палате и читали договор; затем их позвали к царю в Золотую палату. Царь был в полном царском облачении. По его приказу царский духовник принес из Благовещенского собора Животворящий Крест на золотой мисе под пеленой. Царь велел спросить послов о здравии и приказал сесть. Немного погодя царский печатник пригласил послов и бояр подойти поближе. Царь встал; с него сняли венец, взяли скипетр. Утвержденную грамоту положили под Крест; царь приложился ко Кресту, велел печатнику отдать грамоту послам и отпустить их. В конце марта послов пригласили к царскому столу в Грановитой палате. Царь сидел за особым серебряным столом в нагольной шубе с кружевом и в шапке. Бояре и окольные сидели в нагольных шубах и черных шапках, дворяне – в чистых охабнях. Для послов

⁹⁵ По русскому обычаю царь, дав поцеловать руку иноверцам, тотчас же умывал руки из стоявшего тут рукомойника с полотенцем. Обычай этот сильно не нравился иноземцам и оскорблял их.

отвели особый стол. У царского, боярского и посольского столов были поставцы с посудой, которыми заведовали во время пиров придворные по назначению. Дворецкий, крайчий, чашники и стольники, разносившие кушанья и напитки, были в золотном платье и высоких горлатных шапках. Царь по обычаю отправлял послам со своего стола подачи. Когда принесли красный мед, он встал и сказал послам: «Пью за здоровье брата моего, государя вашего, Владислава короля». Затем царь отправлял послам в золотых братинах пиво; они, приняв чашу, вставали с места, пили, опять садились за стол.

Дня через два польских послов после царского стола отпустили домой.

В том же году 23 апреля в присутствии московского посла князя Алексея Львова-Ярославского король с шестью сенаторами присягнул в костеле на хранение договора, а затем дал послам веселый пир, на котором пил за здоровье своего брата царя московского. Великолепная иллюминация заключила это празднество.

В 1634 году приезжало в Москву голштинское посольство, описанное известным Олеарием, оставившим подробное и драгоценное путешествие по тогдашней России. Царь дозволил голштинским купцам торговать с Персией на десять лет с платежом в казну 600 000 ефимков, считая по 14 ефимков в фунте⁹⁶. Вообще после окончания войны с Польшей возросло сближение Московского государства с иностранцами. Правительство приглашало знающих иностранцев для разных полезных учреждений. Так, в 1634 году переводчика Захария Николаева отправили в Германию для найма мастеров медеплавильного дела. Иноземец Фимбрандт получил на десять лет привилегию поставить в поместных и вотчинных землях, где придется, но вдали от распашных полей, мельницы и сушилы для выделки лосиных кож, причем запрещалось всем другим торговать этими предметами. Другой иноземец, швед Коэт, получил право устроить стекольный завод близ Москвы. В 1644 году гамбургцу Марселису с детьми (получившему еще в 1638 году право на оптовую торговлю на севере государства и в Москве) и голландцу Филимону Акему позволили устроить по рекам Шексне, Костроме и Ваге и в других местах железные заводы с правом беспошлинной продажи изделий на 20 лет внутри и вне государства.

По свидетельству Олеария, в то время в Москве жило много иноземцев, в том числе 1000 протестантских семейств. Они сначала невозбранно селились в Москве, повсюду ставили на своих дворах молитвенные дома (кирки), закупами у русских дворовые места по хорошей цене; но против этого выступили священники ввиду того, что сближение русских с немцами вредно действует на религиозность русских. По таким соображениям было запрещено немцам покупать и брать в заклад дворы и велено сломать кирки, которые немцы завели близ русских церквей. Вместо этого в Москве отвели им особое место под кирку. Около царя были иноземцы – доктора, аптекари, окулист, алхимик, лекари, переводчики, часовых и органичных дел мастера⁹⁷ – все под ведомством Аптекарского приказа. Им выдавалось жалованье деньгами или мехами; кроме того они получали известное количество пива, вина, меду, овса и сена. Лекарей посылали иногда для лечения ратных людей. Царь Михаил Федорович сознавал пользу науки, как видно из его желания пригласить на службу Адама Олеария, о котором царю «известно учинилось, что он гораздо научен и извычен астрономии, и географус, и небесного круга, и землемерию, и иным многим надобным мастерствам и мудростям, а нам, великому государю, такой мастер и годен». Михаил Федорович вообще интересовался географией и велел сделать дополнение и объяснение к карте Московского государства, составленной по приказанию Бориса

---

⁹⁶ Компания голштинских купцов имела право возить беспошлинно свои товары в Персию, но не распаковывая их в России, а из Персии привозить сырой шелк, драгоценные краски и другие товары, исключая те, которые предоставлены были русским торговцам, а именно: разные ткани, крашенный шелк, хлопчатую бумагу, ковры, доспехи, клинки, шатры, нашивки, пояса, ладан и всякие москательные товары. Главным предметом торговли голштинцев были краски.

⁹⁷ Царь, по-видимому, особенно любил часы, так как во время торжественных обедов возле него всегда стояли двое часов. Органичный мастер Мельхарт доставил ему двух часовых дел мастеров, которые обязались выучить русских своему мастерству. Мельхарт изготовил такой искусный орган, что как он заиграет, то запоют выполненные на нем птицы – соловей и кукушка. Царю очень понравилась такая выдумка, и он подарил мастеру 2676 рублей.

Годунова, известной под названием «Большой чертеж Русской земли»⁹⁸. Иноземные солдаты с того времени составляли уже неизменную принадлежность русского войска; они вели себя дурно и делали разные насильства жителям. Правительство хлопотало о приезде в Россию иноземных как служилых, так и торговых людей. Русские купцы с неохотой смотрели на такой наплыв торговавших иноземцев. Еще в 1632 году псковичи просили государя, чтобы немцам запретили торговать во Пскове, но их просьбу не уважили. Подобные челобитные подавались и от других городов; роптали на иноземных купцов, которые ездили по всему государству в силу жалованных грамот и повсюду торговали; при этом вели тайно беспошлинную торговлю и такие иноземные купцы, которые не имели жалованных грамот, подрывая торговлю русских купцов.

Святейший Иоасаф, патриарх московский и всея Руси. Титулярник 1672 г.

Позволяя иноземцам торговать на территории государства с большими льготами, правительство старалось забирать по возможности разные предметы торговли исключительно в свои руки в ущерб русским торговцам. В 1635 году правительство взяло себе монополию торговли льном и прислало из Москвы гостя скупать во Пскове лен по той цене, какая была указана в

⁹⁸ Сношение с восточными народами указало царю на потребность в людях, знакомых с восточными языками; с этой целью в 1644 году велено было послать подьячего Полуэкта Зверева в Астрахань для обучения арабскому, татарскому и персидскому языкам и грамоте на бухарском дворе.

Москве. «Тогда, – говорит современный летописец, – было много насилия и грабежа; деньги дают дурные, цены невольные, купля нелюбовная, и во всем скорбь великая, вражда несказанная, ни купить, ни продать никто не смеет мимо гостя, присланного из Москвы». Подобное же творилось в 1642 году в производстве селитры, присвоенному казной. Посланный для этой цели Андрей Ступишин покупал для селитры золу и не додавал за нее денег, а также, сговорившись с таможенными откупщиками, задерживал крестьян, привозивших золу, придирался к ним под разными предлогами, сажал в тюрьму и бил на правеже.

Разные городские занятия подвергались отдаче на откуп в пользу казны. В том же Пскове, например, где казенная торговля льном вызывала такие жалобы, квасники, дегтяры, извозчики и байники (банщики) были на откупе и притом с торгов – с наддачей. Иногда и монастыри брали казенные откупы⁹⁹. На откуп от казны отдавались сборы на мостах и перевозах. Это были тяжелые для народа сборы. Откупщики брали лишнее против того, что им следовало брать по грамоте. Правительство приказывало бить их кнутом, но уследить за такими откупщиками было трудно, особенно когда воеводы, наблюдавшие над ними, брали с них взятки и покрывали их злоупотребления. Подражая правительству, некоторые частные владельцы на своих землях заводили мосты и мостовщины и отдавали на откуп. Хотя правительство и запретило им такие сборы под страхом пени в пятьдесят рублей, но, по-видимому, запрещение это действовало плохо: такие самовольные стеснительные для народа учреждения существовали и после смерти Михаила Федоровича.

Правительство пыталось производить поиски руд с целью обратить найденное в свою пользу. В Соликамске начали добывать медную руду; работали русские мастера-плавильщики, а им приданы были сосланные изготовители фальшивой монеты («денежные воры»). Дело пошло неудачно; заводы были плохо устроены, мастера были неумелые, а между тем этот новый промысел тотчас же пал тяжестью на народ, как всякое казенное предприятие, потому что для народа по этому поводу появлялись новые повинности, как, например, перевозка леса и т. п.

По-прежнему и в эти годы правительство старалось об удержании жителей на своих местах, гонялось за беглыми, водворяло их на прежние места жительства. В случае вторичного побега виновных начали ссылат в сибирские города. Крестьяне, жившие на владельческих землях, все более теряли свои свободные права; управление вотчинными и помещичьими крестьянами не было определено ясным законом, а подчинялось только обычаем. У некоторых владельцев существовали в крестьянских обществах выборные старосты, у других – одни приказчики; крестьяне обрабатывали владельческое поле, называемое «десятиною пашнею», раньше своего поля и кроме того были обложены разными мелкими поборами. Из отдельных актов того времени видно, что крестьяне делились между наследниками, как всякое другое имущество, и не имели права продавать в чужую вотчину своих дворов, лавок и угодий. Владельцы вместо себя стали посылать на правеж своих крестьян – и неповинных крестьян били, вымучивая с них долги их господ. Беспрестанные побеги показывают, что крестьяне владельческие были недовольны своим положением, особенно у небогатых владельцев. Они во множестве уходили под покровительство монастырей или сильных господ. Дворяне и дети боярские жаловались, что их крестьяне и холопы, убегая от них в монастырские имения, приходят назад и подговаривают других крестьян и холопов к побегу, а иногда и сжигают владельческие усадьбы. Разбой усиливались. Для доставления казенных денег или товаров с места на место оказывалось необходимым посылать для сопровождения ратных людей. Несколько раз правительство делало особые распоряжения против разбойничьих шаек. В окрестностях Шуи, Суздаля, Костромы свирепствовал атаман Толстой с товарищами; губным старостам приказано было набирать людей с ратным боем и идти против разбойников; Толстой был пойман, но товарищи его еще долго бушевали. В 1637 году преступников по разбойным делам, содержавшихся

⁹⁹ Как Спасо-Евфимиевский монастырь откупил в Коврове таможенную ярмарочную пошлину.

в тюрьмах, было так много, что потребовался особый денежный сбор на их содержание. С того времени разбойников стали ссылать в Сибирь. В этом же году распространилось изготовление фальшивой монеты. До тех пор «денежных воров» били кнутом, а с 1637 года возобновили старый обычай заливать горло растопленным оловом, хотя по царской воле эта казнь иногда заменялась ссылкой на казенные работы. Пьянство, покровительствуемое правительством как источник доходов, способствовало шатанию людей с места на место, умножению преступлений и оказывало вредное действие на народное хозяйство. Как только случалась засуха, так народ, пропивавший все, что у него оставалось за ежедневными потребностями, не сумевший заранее подготовить себе запасы, терпел голод. Такое бедствие вместе с падежом скота постигло Россию в 1643 году, и правительство предприняло только одну меру – всеобщее молебствие о дожде.

Царь Михаил Федорович, изображенный в опашне, с ожерельем и в шапке, принадлежавших к одежде российских государей с XIV до XVIII столетия

Злоупотребления со стороны воевод продолжались по-прежнему, а жалобы на них со стороны народа были часто небезопасными и навлекали на людей новые бедствия. Поступит к

царю челобитная на воеводу, пошлется по этой челобитной следователь – он запутает жителей в дело; начнутся правежи, сажание в тюрьму и всякого рода притеснения¹⁰⁰.

Однако строже всяких злоупотреблений по управлению верховная власть наказывала малейший, хотя бы непреднамеренный, недостаток уважения к царской особе. В 1641 году кузнецкий подьячий в отписке от имени воеводы о посылке мехов сделал в царском титуле какую-то незначительную опisku. Подьячего за это велено было висечь батогами, заключить на неделю в тюрьму и отставить от службы, а сам воевода за недосмотр получил строгий выговор.

Ввиду защиты государства правительство старалось удержать служилых людей в своем звании, чтобы всегда иметь готовую силу. С этой целью в 1640 году запретили вступать в холопы не только дворянам и детям боярским, находившимся на службе, но и их родственникам, еще не верстанным на службу, и таким образом этому сословию пресечен был путь к потере своих прав по рождению и к поступлению в рабское состояние. Убегая от тяжести военной службы, служилые люди женились на крепостных женщинах, но с тех пор таких велено было возвращать в служилое сословие и давать им поместья. Так уничтожился древнейший русский обычай, по которому женившийся на рабе сам становился рабом.

Опасность набегов татар вызывала необходимость постройки новых городов на юге России и укрепления старых. С 1635 года подобная деятельность заметно усиливается. В том году был построен Тамбов (Танбов). По приказанию царя велено было набрать служилых людей на житье в этот город из Москвы, а также из некоторых южных городов. Самые деятельные меры к обороне юга предпринимались в 1637–1638 годах. В предшествовавшие годы татары совершили несколько набегов: с одной стороны на рязские, рязанские и шацкие, а с другой – на ливенские, елецкие, чернские, новосильские и мценские места; перебили многих людей, жгли селения и подгородные слободы, угнали множество пленных обоого пола и всякого возраста. От этого край терял население; служилые не имели средств к пропитанию себя и лошадей; бедствие это вызвало потребность в постройке городов. Для этой цели еще в 1636 году построили город Козлов, велели от него копать земляной вал, а на валу ставить земляные городки с «подлазами» (земляными потаенными ходами). Два городка поставили на реке Сосне.

---

¹⁰⁰ Так было в Чердыни в 1639 году по поводу челобитной на воеводу Христофора Рыльского.

Зерцало царя Михаила Федоровича

В 1637 году поставлены были Верхний и Нижний Ломов. Более всего обращалось внимание на устройство городков и острогов в западной части украинских земель, по рекам Сосне, Оскол, по соседству с Белгородом и Курском. Там пролегали три пути в Крым: один восточный (через нынешнюю Воронежскую губернию), называемый «калмиуским шляхом» или «калмиускою сакмою»; другой – западный, называемый «изюмскою сакмою»; третий – «муравский шлях» – лежал еще западнее, через реку Ворсклу. Положили устроить на этих путях жилые города и «стоялые» острожки (то есть такие, где не было постоянных жителей, а куда отправлялись по очереди на временное пребывание служилые люди). Наибольшее внимание обращалось на реку Сосну. От новопостроенных городков копали валы, укрепляли их в разных местах стоялыми острожками; а на реках, где были броды и перелазы и где обычно переходили набегавшие на Русь татары, поделали засеки, вбивали сваи и дубовый «честик» (для порчи лошадиных ног). На издержки для устройства этих городов правительство назначило особый побор со всех тяглых, дворцовых, вотчинных и поместных земель по 10 алтын с чети пашенной земли, а с некоторых – по 20 алтын, за исключением тех городов, которые числились в Казанском приказе и приказе Большого Дворца. Начали поправлять и восстанавливать прежде существовавшие украинные города, копать рвы, делать лесные засеки; для этого учредили особых «засечных» голов и приказчиков, заправлявших работами. На работу посылали ратных

людей, а также и сошных, собранных из сел и деревень (с трех дворов по человеку с ближних, а с пяти дворов по человеку – с дальних).

Донцы убили ехавшего в Москву турецкого посланника Кантакузина, а 18 июня 1637 года взяли у турок Азов. Они известили об этом царя и объявили, что начали войну для освобождения множества христианских пленных. Царь Михаил сделал им выговор, однако не велел отдавать Азов и приказал казакам охранять границу от татарских набегов, которые должны были последовать за казацким нападением. Как ожидали, так и случилось: крымский царевич Сафа-Гирей совершил набег в украинные места; он известил царя, что это – мщение за взятие Азова казаками, и угрожал новым нашествием весной. Тогда ввиду защиты отечества Михаил созвал собор всех чинов людей, и этот собор приговорил взять даточных людей с монастырских имений с 10 дворов по человеку, а с вотчин и поместий – с 20 дворов по человеку. На следующий год с церковных имений поставка даточных людей была заменена деньгами.

Набеги повторялись. Однако татары встречали отпор и сами попадали в плен; царь приказывал содержать пленных по монастырям в оковах и гонять на работы. Но все-таки русских попадалось гораздо больше в плен татарам: их содержали в Крыму «в муках и тесноте» и угрожали распродать в разные земли, так что в начале 1641 года царь назначил особый сбор пожертвований по всему государству на выкуп русских пленных. Азов оставался за казаками. В июне того же года появились турки на кораблях со множеством стенобитных пушек. С ними были татарские полчища и сам крымский хан. Ни пушечные выстрелы, ни подземные подкопы, ни сооружение рвов с целью засыпать осажденных землей не помогали туркам. Они думали взять город изменой и пускали в Азов записки с предложением больших денег за измену – и это не удалось. Казаки сидели в осаде с 7 июня по 26 сентября. Турки почти разрушили Азов своими выстрелами, но с казаками не могли ничего поделать и удалились. Царь послал донскому атаману Осипу Петрову и всему войску похвальную грамоту.

Теперь предстоял важный вопрос: донцы просили государя принять под свою власть Азов. Но принять его значило отважиться на войну с турками и татарами. В случае успеха выгоды от этой войны были бы очень велики. Можно было бы оградить южные области государства от татарских набегов; можно было бы и возобновить предприятие овладеть Крымом, некогда начатое при Грозном по внушению Вишневецкого и не доведенное до конца.

В январе 1642 года опять созвали собор. Члены его были выбраны из «лучших, средних и младших» людей всех чинов, «добрых и умных, с кем о том деле говорить можно»¹⁰¹. Собор собрался в Столовой Избе. Думный дьяк Лихачев изложил дело об Азове, известил, что идет в Москву посол турецкий и нужно дать ему ответ; наконец задал собору такие вопросы: «Воевать ли с султаном или мириться и отдать Азов? Если воевать, то война протянется не один год: нужны будут деньги и люди не один год. Где их взять?» Эти вопросы были записаны и розданы выборным людям, и они должны были отвечать письменно.

Духовные отвечали, что ратное дело подлежит рассмотрению царя, бояр и думных людей; их же дело Бога молить, а помогать будут по мере сил, если настанет война.

Стольники отвечали, что государь волен разрывать или не разрывать мир с турками, но их мысль, чтобы государь велел донцам быть в Азове и дать им в прибавку ратных людей из охочих и вольных людей, а запасы и деньги следует взять там, где царь укажет.

---

¹⁰¹ Выбор сделан был неравно: из больших статей – от двадцати до семи человек, а из немногих людей – от пяти до двух человек.

А. М. Васнецов. Лубяной торг на Трубе в XVII веке

Московские дворяне отвечали то же, что и стольники, и советовали только взять охочих людей из украинских городов, так как последним этого рода служба за обычай.

Никита Беклемишев и Тимофей Желябужский подали особое, обстоятельно изложенное мнение. Они напомнили, что крымский царь всегда обманывал русских и нарушал договоры; крымцы совершают нападения и уводят людей в плен; во время войны с поляками крымский хан послал царевичей разорять украинные города, а от этого украинные люди из-под Смоленска отъехали; поэтому лучше, чем платить крымскому царю, употребить деньги на ратных людей. По их мнению, на подмогу казакам должно послать охочих вольных людей, которым быть в Азове под начальством атаманов, а московских воевод туда не посылать, потому что казаки – люди своевольные и слушать их не станут. В украинные же города – послать для бережения даточных людей. Если у государя денег не станет, то сделать сбор со всех, кроме служилых, в войске находящихся, и поручить это дело добрым людям всяких чинов, выбрав человека по два и по три, которые бы всем людям правду оказали и наблюдали разницу между многоземельными и малоземельными, так как последним за первыми «не стянути». Они указывали на важность Азова в том отношении, что когда Азов будет за Россией, то соседние татарские орды и кавказские горцы станут служить государю.

Стрелецкие головы и сотенные во всем положились на государеву волю. Так же отнеслись к этому делу дворяне и дети боярские нижегородские, муромские, лушане (из Луха). Владимирские дворяне и дети боярские заметили, что государю и боярам известна бедность их города. Дворяне и дети боярские других городов заявляли себя за войну. Они видели указание Божие в том, что казаки отсиделись от турок. «Если не изволишь, государь, – говорили они, – принять Азова, и Азов будет у басурман и образ великого крестителя Господня, – не навесь бы через то на Всероссийское государство гнева Божия и великого светильника и вышнего в пророках крестителя Господня Иоанна Предтечи и великого святителя Николы!»

Подвиг Ивана Сусанина. Литография 1879 г.

Дворяне и дети боярские северных уездов (Суздаля, Юрьева-Польского, Переяславля-Залесского, Белой, Костромы, Смоленска, Галича, Арзамаса, Великого Новгорода, Ржева, Зубцова, Торопца, Ростова, Пошехонья, Нового Торга, Гороховца) между прочим указывали на бояр и ближних людей, наделенных поместьями и вотчинами, и разразились обличительными замечаниями насчет дьяков, церковных властей и богатых дворян их же братии, указывая на их богатство как на источник доходов для ведения славной войны. «Твои государевы дьяки и подьячие пожалованы твоим государевым денежным жалованьем, поместьями, вотчинами; будучи беспрестанно у твоих государевых дел, они обогатели многим неправедным богатством, собранным мздоимством, покупали себе вотчины, состроили каменные неудобосказаемые палаты, каких при прежних государях не бывало. Вели, государь, взять с их поместий и вотчин ратных конных и пеших людей и обложить их дома и пожитки деньгами на жалованье ратным людям...» Они указывали на владычные и монастырские имения, говорили, что нужно собрать с них даточных людей, и прибавили, что если кто утаит количество принадлежащих им крестьян, с теми за то поступить по закону, а утаенных крестьян отобрать на государя. Не пощадили дворяне и дети боярские северных городов и своих братьев, служивших в разных должностях. «Некоторые наши братья, – говорили они, – не хотя тебе, государю, служить, записывались в московский список и в разные государевы чины, будучи в городах у твоих государевых дел, ожирели и обогатели, и на свое богатство накупили себе вотчин; а дворовые твои государевы люди всяких чинов пожалованы поместьями и вотчинами, получают ежегодно денежное жалованье, через год и через два посылаются приказчиками в дворцовые села, наживают себе большие пожитки, а полковой службы не служат. Вели, государь, с них со всех взять даточных людей, а с их пожитков деньги». Они советовали набрать стрельцов и солдат во всем государстве из охочих людей, но только не из крепостных и старинных холопей, принадлежавших им, дворянам, и себя самих выставляли разоренными, беспомощными, беспоместными, пустоместными и малопоместными. В заключение они советовали взять для такого важного

дела лежащую домовую казну у патриарха, митрополитов, архиереев и монастырей и обложить всех торговых и промышленных людей, смотря по их состоянию. «Вели, государь, – прибавляли они, – счесть по приходным книгам всех приказных государевых и людей, дьяков, подьячих и таможенных голов в Москве и в городах, чтобы твоя государева казна без ведомости у тебя не терялась; а деньги на жалованье ратным людям вели собирать гостям и земским людям. Вели, государь, быть на службе против нечестивых басурман всем тем, которые сидят в городах на воеводствах и у приказных дел: чтобы вся твоя государева земля была готова против нашествия нечестивых басурман. Вот наша, холопей твоих, мысль и сказка».

Дворяне южных городов (Мещеры, Коломны, Рязани, Тулы, Каширы, Алексина, Тарусы, Серпухова, Калуги, Белева, Козельска, Лихвина, Серпейска, Мещовска, Воротынска, Медыни, Малоярославца, Боровска, Болхова, Мценска, Ряжска, Карачева) подали сказку почти в том же духе, как и предыдущая, но советовали брать подати на войну не по писцовым книгам, а по количеству крестьянских дворов: у кого из служащих более пятидесяти крестьян – с тех брать деньги и запасы, а кто имеет пятьдесят крестьян – тот сам должен идти. Что касается их самих, то они выразились так: «Мы, холопы твои, пуще, чем от турецких и крымских басурманов, разорены от московской волокиты, неправд и неправедных судов...» За всем тем эти дворяне находили, что Азов нужно непременно взять и стоять за него крепко, потому что ногаи, кочующие недалеко от Азова, будут служить тому, за кем будет Азов.

Служилые люди стояли за войну; но сказка гостей и торговых людей не выражала этого желания. Ответ их носит обличительный характер и составляет важный современный источник для истории быта и положения торгового класса. Полагаясь на волю государя, они говорили так: «Судить об устройстве ратных людей и о запасах есть дело служилых, за которыми твое государево жалованье, вотчины и поместья, а мы, торговые людишки, питаемся в городах своими промыслишками; за нами вотчин и поместий нет. Службы твои государевы мы служим в Москве и в городах беспрестанно, и от этих служб, да от пятинных денег, что мы давали в смоленскую службу ратным и служилым людям на подмогу, много оскудели и обнищали до конца. Мы, будучи на твоих государевых службах в Москве и городах, собирали твою государеву казну за крестным целованием с большой прибылью: где при прежних государях, да и при тебе, государе, собиралось сот по пяти, по шести, там собирается ныне с нас и со всей земли нами же тысяч по пяти и по шести и более. Торжишки наши, государь, стали гораздо худы: отняли их у нас в Москве и городах иноземцы, немцы и кизильбашцы (персияне), которые приезжают в Москву и в другие города с большими торгами и торгуют всякими товарами. В городах всякие люди оскудели и обнищали до конца от твоих государевых воевод; а торговые людишки, которые ездят по городам для своих промыслишек, от воеводских насильств и задержания в проездах потеряли торги свои. При прежних государях в городах ведали губные старосты, и посадские люди судились промеж себя сами, а воеводы посылались с ратными людьми только в украинные города для бережения от татар. Мы, холопы твои и сироты, просим милости твоей, государь, пожаловать твою государеву вотчину, воззреть на нашу бедность». Затем они изъявляли готовность умереть за святую веру и за многолетнее здоровье своего государя.

Наконец последовал ответ людей низшего чина: черных сотен и слобод, сотских и старост от имени всех тяглых людей. И они предоставляли государю судить о военном деле, как ему Бог известит, но описывали свое плачевное положение в таком виде: «Мы, сироты твои, тяглые людишки, по грехам своим оскудели и обнищали от великих пожаров, от пятинных денег, от поставки даточных людей, от подвод, что мы, сироты твои, давали тебе, государю, в смоленскую службу, от поворотных денег, от городского земляного дела, от великих государевых податей и от разных служб в целовальниках, которые мы служим в Москве вместе с гостями, и кроме гостей. Всякий год с нас, сирот твоих, берут в государевы приказы по ста сорока пяти человек в целовальники, да с нас же берут человек семьдесят пять ярыжных, да извозчиков с лошадьми стоять без съезда беспрестанно на земском дворе для пожарного слу-

чая, а мы платим тем целовальникам, ярыжным и извозчикам каждый месяц подможные кормовые деньги. И от великой бедности многие тяглые людишки из сотен и слобод разбрелись розно и покидали свои дворишки».

Здесь как нельзя резче выразились различие и противоположность между интересами и взглядами двух частей, на которые в государственном отношении разбивался русский народ – служилых и несслужилых, или «государевых холопей» и «государевых сирот», как они титуловались. Первые были за войну и сознавали важность ее для государственных целей; вторые, не высказываясь явно против войны, представили только скудость средств для ее ведения. Но в последних была вся сила народного голоса. Правительству после этого собора не оставалось ничего, как только поспешить помириться с турками.

В Москву приехал турецкий посол Чилибей; его приняли дружелюбно, обещали сделать все угодное султану, и 30 апреля 1642 года царь послал Желябужского и Башмакова с приказанием казакам, чтобы они возвратили Азов туркам, а сами вернулись в свои курени. В следующем году (1643) царь отправил в Турцию послов Илью Даниловича Милославского и дьяка Лазаревского с уверениями в дружеском расположении и с мехами для подарков. Посол по царскому наказу говорил визирю о казаках так: «Если государь ваш велит в один час всех этих воров казаков побить, то царскому величеству это не будет досадно...» Казаки были очень раздражены, несмотря на то что русский посол, проезжая в Турцию, привез им 2000 рублей царского жалованья и кроме того сукна, вина и разных запасов. Казаки перехватили царскую грамоту, в которой их называли ворами. После этого они грозили уйти с Дона на Яик, а оттуда ходить на море и беспокоить персиян. Вследствие таких слухов царь приказал астраханским воеводам поставить в Яицком городке ратных людей и промышленять против казаков оружием.

Под конец царствования Михаила Федоровича происходило событие с женихом царской дочери, очень любопытное по отношению к тогдашним нравам и понятиям. Михаилу Федоровичу пришла мысль выдать свою дочь за какого-нибудь иностранного принца, пригласив его в Россию. Попытка такого рода была не первой, как показывают судьбы Магнуса при царе Иване Васильевиче и датского королевича Иоанна, умершего при Борисе в Москве. Царь Михаил Федорович призвал к себе доверенного голландца Петра Марселеса, расспрашивал его и узнал от него, что у датского короля есть сын, принц Вольдемар, 22 лет. По рассказам Петра Марселеса он показался царю подходящим женихом. Михаил Федорович отправил в Данию Ивана Фомина навести о женихе точные справки и подкупить живописца для снятия с королевича портрета, а чтобы скрыть главную цель, приказал снять портреты с самого короля Христиана и его сыновей. Поручение было странное. О нем узнали при дворе, и один вельможа сказал Фомину: «Ты подкупаешь снять портреты с короля и королевичей; это дело невозможное, потому что живописец должен стоять перед королем и королевичами и глядеть на них; но государь наш приказал снять с себя и с королевичей портреты и послать царю». Однако в Дании смекнули, в чем дело, и попытались извлечь пользу из такого расположения Михаила Федоровича к датскому владетельному дому.

Летом 1641 года узнали в Москве, что едет чрезвычайное датское посольство, а в нем принц Вольдемар¹⁰². Посольству этому, однако, не оказали особого внимания в Москве. Оно добивалось для датской торговли важных преимуществ перед иными иноземцами и, не получив их, в октябре того же года вернулось домой. В Москве посмотрели на принца.

Весной следующего года Михаил Федорович отправил в Данию послом окольного Проестева с товарищем с предложением о браке королевича Вольдемара с царской дочерью Ири-

---

¹⁰² Велели приставам на дороге приглядываться и доносить, как обращаются члены посольства с Вольдемаром и с таким ли почтением, как с царским сыном; а между тем ему с посольством отведено было помещение в доме думного дьяка Ивана Грамотина. Чтобы сделать дом думного дьяка сколько-нибудь приличным для помещения иноземцев, велели со двора вывезти навоз и щепы и посыпать песком, а дом убрать и произвести в нем починки.

ной¹⁰³. Посол этот, объявив о предложении царя, не мог дать никакого ответа на вопрос: «Какие города и земли даст царь своему зятю?» – а со своей стороны заявил о необходимости королевичу креститься в христианскую веру, на что последовал отказ. Сам королевич виделся с послами, обошелся с ними очень любезно и говорил, что поступит так, как велит ему отец.

Царь был очень недоволен своими послами, которые, не смея отступить от буквы наказа, не сумели найти, что им отвечать на заданный вопрос. В декабре того же года Михаил Федорович выбрал для поездки в Копенгаген того же иноземца Марселиса, который его известил первый о Вольдемаре. Он поехал с обещанием от царя дать будущему царскому зятю Суздаль, Ростов и другие города и предоставить ему свободу вероисповедания, как равно и всем приехавшим с ним людям.

Московская земля на западе Европы представлялась дикой страной и внушала страх. «Если, – говорили датские вельможи Марселису, – наш королевич туда поедет, то сделается холопом навеки, и что обещают, того не исполнят. Как нашему королевичу ехать к диким людям!»

Ловкий Марселис принялся расхваливать Московское государство, уверял, что в нем отличный порядок, и в доказательство, что там можно жить, приводил в пример самого себя.

Сам королевич неохотно ехал в Московскую землю, тем более что первый прием, испытанный им в этой земле, не понравился ему. Но король-отец хотел сбыть и пристроить своего сына. Марселис успокаивал принца, ручался своей головой, что ему будет хорошо. «А какая мне польза в твоей голове, если мне будет дурно?» – отвечал ему королевич и соглашался ехать только по воле отца.

Марселиса отправили назад к царю и поручили передать условия, на которых королевич может приехать в Москву. Требовалось, чтобы королевичу не было никакого принуждения в вере, чтобы он зависел от одного только царя, чтобы удел, назначенный ему тестем, был наследственным, и государь дополнял ему содержание денежным пособием, если доходов с удела будет мало.

Царь на все дал согласие, уступал на вечные времена зятю Суздаль и Ярославль и вдобавок обещал дочери Ирине приданого 300 000 рублей.

Королевич, встречаемый на своем пути в Московском государстве хлебом-солью и дарами, прибыл в Москву 21 января 1644 года и был принят с чрезвычайным почетом. Стройные ряды служилых и приказных людей в праздничных одеждах сопровождали его до Кремля, а по улицам на пути его были расставлены стрельцы без оружия: то был особый почет, которого не оказывали никому другому. Это означало, что царь считает принца не гостем, а членом своего царского дома, который, находясь в безопасности посреди верных подданных, не нуждается в оружии. По прибытии принца в назначенное для него помещение поднесли ему от всех городов Московского государства хлеб-соль и разные дары, состоявшие из золотых, серебряных вещей, соболей и дорогих тканей. Английские и голландские купцы также поднесли ему богатые дары.

Через четыре дня царь первым посетил и обласкал нареченного зятя. 28 января ему оказан был торжественный прием при дворе; Михаил, одетый в свое царское облачение, обнимал, целовал его и посадил рядом с собой по правую руку – слева сидел царевич Алексей Михайлович. В тот же день состоялся торжественный обед, и принц опять сидел рядом с царем. После обеда принца одарили богатыми подарками от царя и царевича, а через два дня царица прислала ему две дюжины полотенец, имевших символическое значение свадебного подарка.

---

¹⁰³ Так как царь прежде нуждался в портрете жениха, то предполагали, что в Дании государь будет нуждаться в портрете невесты, но снимать портреты с особ женского пола и рассылать их было не в обычае, потому что боялись порчи и колдовства; и посол Проестев получил приказание в случае, если заговорят о портрете будущей невесты, отвечать, что царских дочерей никто не видит, кроме самых близких бояр, и портрета с них не снимают «для остерегания их государского здоровья». Однако портрета не потребовали.

К.В. Лебедев. Митрополит Филарет благословляет Марфу Ивановну и детей в Ростовском соборе

Все шло, казалось, как нельзя лучше, однако неожиданно 6 февраля царь прислал сказать принцу, чтобы он принял греческую веру и тогда уже может жениться.

Принц Вольдемар был поражен таким требованием и сначала думал, не испытывают ли его. Он отвечал, что не примет греческой веры, и ссылался на договор; уверял, что не приехал бы, если бы знал, что пойдет речь о вере, и заметил, что брак уже некоторым образом заключен; если расторгнуть его, то от этого датской короне будет нанесено оскорбление, а про царя пойдет дурная слава.

Вслед за тем 13 февраля царь, пригласив к себе королевича, сказал: «Король, твой отец, велел тебе быть у меня в послушании; мне угодно, чтобы ты принял православную веру».

– Я кровь свою готов пролить за тебя, – отвечал королевич, – но веры не переменю. В наших государствах ведется так, что муж держит свою веру, а жена свою.

– А у нас, – сказал царь, – муж с женою разной веры быть не могут. Королевич просил отпустить его домой, но царь отвечал, что отпустить его «непригоже и нечестно, не соверша доброго дела».

С тех пор несколько раз Вольдемар письменно обращался к царю, уличал его первой грамотой, в которой сказано было прямо и положительно, что его не будут неволить в вере. Царь на это отвечал, что ему и теперь нет неволи; однако в грамоте, посланной к датскому королю, не сказано, чтобы королевича не призывать к соединению в вере. Королевич повторил свою просьбу отпустить его, но его не отпускали и продолжали уговаривать принять православие. Приходили к нему бояре, уверяли, что невеста его хороша собой, умна, а если он увидит ее, то непременно полюбит; она не напивается пьяной подобно московским женщинам; для такой красавицы можно переменить веру.

Прислал к королевичу патриарх, предлагал устроить диспут о вере и убеждал Вольдемара принять православие. Королевич соглашался на диспут, заметив, что он лучше всякого

попа знает Библию. Потом патриарх прислал ему длинное увещание, чуть не в 48 сажен, по замечанию датчан; но королевич между прочим отвечал ему: «Если я буду не верен Богу, то как можно полагаться на мою верность царскому величеству?»

Датские послы просили себе отпуска и требовали, чтобы вместе с ними отпустили королевича. Но им сказали, что королевича не отпустят, потому что король отдал его царю на всю волю. Чтобы принц не убежал, стали надзирать за ним и держать как будто под стражей.

Ночью 9 мая королевич действительно сделал попытку к бегству, но его остановили стрельцы у Тверских ворот; с тех пор стали еще строже присматривать за ним и за его людьми и по-прежнему уговаривали принять православие.

После неудачной попытки к бегству принц решился на диспут и поручил его вести за себя своему придворному пастору Матфею Фильхаберу. Диспуты происходили несколько раз в доме принявшего православие немца Францбекова. С русской стороны были ключарь Наседка, несколько греков и один переkreщенный славянин князь Дмитрий Альбертович Далмацкий. Споры вращались главным образом вокруг вопроса о способе крещения. «Я, – сказал пастор своим противникам, – прочитал немецких, латинских, греческих и еврейских книг более, чем вы видели их и будете видеть; только я никого хулить не хочу и имею надежду, что когда его царское величество заведет в своем государстве школы и академию, тогда вы узнаете, что значит быть ученым и неученым...» Диспуты не привели ни к чему. В конце июня объявили королевичу, что царь отправит к датскому королю одного из датских послов и когда получит от короля письмо, тогда царь отпустит принца. Но потом снова стали уговаривать Вольдемара принять православие; он дал решительный отказ.

С тех пор, однако, долго не тревожили принца увещаниями. С ним обращались очень почтительно. Царь приглашал его к столу; устраивали для него охоту. 17 сентября царь вместе с царевичем был у него на обеде, проводили время весело, и когда дворецкий Морозов вздумал было заговорить о вере, царь и царевич прогнали его.

29 ноября подано было царю письмо от датского короля. Король просил царя: если ему угодно нарушить договор, то пусть тотчас отпустит его сына в Данию. На это письмо не было дано никакого ответа; принц добивался решения своей участи; ему говорили, что царь нездоров. Между тем царевич Алексей бывал у него и обращался с ним по-дружески. Наконец в конце декабря царь пригласил королевича к себе и убедительно просил принять греческую веру. Королевич сказал наотрез, чтобы царь либо совершил свадьбу, либо отпустил его немедленно.

– Свадьбы совершить нельзя, – сказал царь, – пока ты останешься в своей вере, а отпустить тебя невозможно, потому что король прислал тебя состоять в нашей царской воле и быть нашим сыном.

– Лучше я окрещусь в собственной кро́ви, – отвечал королевич.

В начале 1645 года королевич написал царю резкое письмо, напоминал, что он и его люди не холопы царя; говорил, что Михаил поступает так, как не поступают неверные турки и татары, и что он, королевич, будет отстаивать свободу силой, хотя бы ему пришлось потерять голову.

Письмо это осталось без ответа.

Ожидали приезда польского посла. Думный дьяк сообщил королевичу (как будто за тайну), что польский посол хочет сватать царевну Ирину за своего короля и поэтому ему нужно подумать, чтобы у него не отбили невесты. Королевич понял, что это уловка, засмеялся и сказал: «Так, значит, и польский король будет переkreщиваться!»

Приехал польский посол Гавриил Стемпковский. Королевич обратился к его посредничеству, писал и самому польскому королю, убеждал вступить за него. Стемпковский по приказанию своего короля заговорил с боярами о деле королевича; но бояре стали со своей стороны просить его, чтобы он убеждал Вольдемара принять православную веру, и представляли, что королевич получит большие выгоды; царь прибавит ему еще более земель, чем обещал,

даже Новгород и Псков отдаст ему. Польский посол подавал совет королевичу, что не следует отказываться от такой выгодной женитьбы, но королевич отвечал, что на перемену веры могут соглашаться только люди, которые не дорожат совестью ради временных благ, а он ничего теперь не желает, кроме возвращения на родину. Стемпковский представил боярам, что королевича ничем нельзя убедить, а потому остается отпустить его. Бояре в ответ на такую просьбу стали грозить, что если королевич будет упорствовать, то от него отдалят всех его людей и окружают русскими; если же и это не подействует, то самого принца сошлют в какое-нибудь далекое место и станут помогать Швеции против Дании.

Вместе с тем, чтобы тянуть дело, предлагали еще раз религиозный диспут в присутствии царя и королевича.

Польский посол передал услышанную им угрозу королевичу, и тот дал такой ответ: «Пусть царь ссылает меня в Сибирь; я готов переносить за веру всякое горе; пусть прикажет убить меня, лучше мне умереть с чистою совестью, чем жить в почете с нечистою; а что он грозит Дании – то пусть знает, что Дания как прежде обходилась, так и теперь может обходиться и без русской помощи!.. Пусть, одним словом, царь делает, что хочет, только поскорее». Польский посол передал все это боярам, но по их просьбе еще раз убеждал королевича исполнить желание царя и согласиться на религиозный диспут.

Предложенный русскими диспут состоялся 4 июля в присутствии польского посла, но без королевича и без царя. И на этот раз спорили больше всего о крещении. Диспут ни к чему не привел, а вслед за тем кончина царя дала иной поворот этому делу¹⁰⁴.

В те же последние годы царствования Михаила Федоровича происходило другое, не менее любопытное, дело с Польшей.

Тридцать лет назад, когда в Москву с Яика привезли Марину Мнишек с сыном, был в Москве поляк Белинский. Он составил план для спасения сына Марины от смерти, на которую осудили ребенка. Для этого он намеревался подменить сына Марины другим мальчиком, сыном убитого прежде в Москве поляка Лубы, оставшимся сиротой в чужой стороне. Предприятие не удалось. Сына Марины повесили. Тогда Белинский вздумал выдать за сына Марины того мальчика, которого прежде готовил на погибель вместо настоящего. Он увез его с собой в Польшу, стал называть царевичем Иваном Дмитриевичем и распространил рассказ о том, как Марина, находясь еще в Калуге, поручила ему увезти ее ребенка в Польшу. По совету шляхты Белинский донес об этом королю. Король Сигизмунд нашел, что так как с Московским государством дела еще не покончены, то не бесполезно будет на всякий случай, про запас, держать царевича, и приказал отдать его на сохранение литовскому канцлеру Льву Сапеге, назначив на содержание мнимого Ивана Дмитриевича по шесть тысяч золотых в год. Сапега отдал его в обучение игумену брестского Симеоновского монастыря Афанасию. У этого игумена мальчик пробыл семь лет, а потом проживал во дворе Сапеги, назывался царевичем и сам был уверен, что он царевич. При Владиславе, когда после новой войны с Московским государством заключен был вечный мир, король запретил называть Лубу царевичем. Разжалованный царевич обратился к Белинскому с вопросом: кто он таков и кто его родители? Белинский объявил ему истину.

Между тем Лев Сапега скончался. Бывший царевич остался без приюта и без средств: ему перестали выдавать прежнее содержание. Он определился на службу к пану Осовскому, а потом перешел к пану Осинскому и жил у него писарем в Бресте.

Воспитатель этого невольного самозванца игумен Афанасий, вероятно, желая подслужиться московскому царю, сообщил о нем русским послам, которые в 1644 году приезжали в Польшу с целью толковать о разных недоразумениях, возникших между порубежными жителями обоих государств. Афанасий представил письмо, написанное рукой Лубы. Московские

¹⁰⁴ Королевич вернулся в Данию в следующее царствование. Брак его с Ириной не состоялся.

послы стали укорять канцлера Оссолинского и других сенаторов в том, что они держат и укрывают человека, затевающего зло Московскому государству. Поляки объяснили, что этот человек прежде назывался царевичем, а теперь уже не называется этим именем, и объявили, что выдавать невинного человека противно всяким правилам. Показали послам Лубу. Он рассказал о себе всю правду и уверял их, что не называется более царевичем. Однако московские послы подали канцлеру письмо, написанное собственной рукой Лубы: в этом письме он хотя и подписался Иваном Фавстином Лубой, но выразился, что письмо его писано на «царевичевом обеде» в «царевичевой господе». Канцлер дал послам такое объяснение: «Слова эти не показывают преступления; есть много мест и сел, называемых “Царево или Королево”; он не подписывается царевичем, он подписался даже латинским именем: это служит ясным доводом, что Луба себя царевичем не называет».

Наконец паны объявили, что Луба пойдет в ксендзы. Московские послы заметили, что первый вор, назвавший себя Дмитрием, был пострижен, а это не помешало ему затеять воровское дело, и требовали выдачи самозванца на казнь.

Поляки решили угодить московскому государю и послали в Москву Лубу со своим послом Стемпковским, но вместе с тем польский король просил царя отпустить Лубу назад, как невинного человека.

В то время один грек из Константинополя, архимандрит Амфилохий, прислал в Москву копию письма, написанного по-малорусски султану человеком, который называл себя московским царевичем Иваном Дмитриевичем. Амфилохий сообщал, что письмо это принесли ему какие-то турки для перевода, так как он знал по-русски. Трудно решить: был ли этот самозванец Луба или кто другой, или же само письмо было выдуманное.

Начались в Москве толки о Лубе. Бояре домогались его выдачи. Польский посол защищал Лубу, уверял, что он невинен, что он намерен поступить в духовное звание и никак не может быть опасен для царя¹⁰⁵.

Среди этих переговоров смертельная болезнь поразила царя Михаила Федоровича. Еще с конца 1644 года государь из-за болезни не выходил из своих покоев. В апреле следующего года его болезнь усилилась. Иностранцы находили, что недуг, постигший царя, произошел от долгого сидения, от холодного питья и меланхолии, «сиречь кручины». По описываемым приметам, царь поражен был водяной. 12 июня 1645 года он скончался.

Ближайшим к нему лицом перед смертью был боярин Морозов, дядька наследника престола. Благословляя сына на царство, царь поручил своего юного преемника отеческой опеке этого боярина.

---

¹⁰⁵ Преемник Михаила Федоровича приказал отпустить Лубу с условием, чтобы король и сенаторы поручились за Лубу в том, что он не будет иметь никаких притязаний на Московское государство и не станет называться царским именем.

Царь Алексей Михайлович

Тридцатилетнее царствование Алексея Михайловича принадлежит далеко не к светлым эпохам русской истории как по внутренним нестроениям, так и по неудачам во внешних сношениях. Между тем причиной того и другого были не какие-нибудь потрясения, наносимые государству извне, а неумение правительства вовремя отклонять и прекращать невзгоды и пользоваться кстати стечением обстоятельств, которые именно в ту эпоху были самыми счастливыми.

Царь Алексей Михайлович имел наружность довольно привлекательную: белый, румяный, с красивой окладистой бородой, хотя с низким лбом, крепкого телосложения и с кротким выражением глаз. От природы он был наделен самыми достохвальными личными свойствами, был добродушен в такой степени, что заслужил прозвище «тишайшего», хотя по вспыльчивости нрава позволял себе грубые выходки с придворными сообразно веку и своему воспитанию и однажды собственноручно оттаскал за бороду своего тестя Милославского. Впрочем, при тогдашней сравнительной простоте нравов при московском дворе царь вообще довольно бесцеремонно обращался со своими придворными. Будучи от природы веселого нрава, царь Алексей Михайлович давал своим приближенным разные клички и в виде развлечения купал стольников в пруду в селе Коломенском¹⁰⁶. Он был чрезвычайно благочестив, любил читать священные книги, ссылаться на них и руководствоваться ими; никто не мог превзойти его в соблюдении постов: в великую четырехдесятницу этот государь стоял каждый день часов по пяти в церкви и клал тысячами поклоны, а по понедельникам, средам и пятницам ел один ржаной хлеб. Даже в прочие дни года, когда церковный устав разрешал мясо или рыбу, царь отличался трезвостью и умеренностью, хотя к столу его и подавалось до семидесяти блюд, которые он приказывал рассылать в виде царской подачи другим. Каждый день посещал он богослужение, хотя при этом вовсе не был чужд ханжества, которое неизбежно проявляется при сильной преданности букве благочестия; так, считая большим грехом пропустить обедню, царь, однако, во время богослужения разговаривал о мирских делах со своими боярами. Чистота нравов его была безупречна: самый заклятый враг не смел бы заподозрить его в распущенности: он был примерным семьянином. Вместе с тем он был превосходным хозяином, любил природу и был проникнут поэтическим чувством, которое проглядывает как в его многочисленных письмах, так и в некоторых поступках. Оттого-то он полюбил село Коломенское, отличавшееся живописным местоположением, хотя далеко не величественным и не поражающим взор, а из таких, свойственных русской природе, что порождают в душе ощущение спокойствия. Там обычно он проводил лето, занимаясь то хозяйственными распоряжениями, то соколиной охотой, к которой имел особую страсть; там в продолжение почти всего царствования он строил и перестраивал деревянный дворец, стараясь сделать его как можно изящнее и наряднее. Алексей Михайлович принадлежал к тем благодушным натурам, которые более всего хотят, чтобы у них на душе и вокруг них было светло; он неспособен был к затаенной злобе, продолжительной ненависти и потому, рассердившись на кого-нибудь, по вспыльчивости мог легко наделать ему оскорблений, но вскоре успокаивался и старался примириться с тем, кого оскорбил в припадке гнева. Поэтическое чувство, постоянно присущее его душе и не находившее иного выхода, пристрастило его к церковной и придворной обрядности. Многообразный чин царских выходов, богомолий, приемов, посольств, царских лицезрений, торжественных продолжительных

---

¹⁰⁶ Сам он говорит об этом в одном своем письме стольнику Матюшкину: «Извещаю тебе, што тем утешаюся, што стольников купаю еже утр в пруде, Иордань хороша сделана, человека по четыре и по пяти и по двенадцати человек, за то: кто не поспеет к моему смотру, так того и купаю; да после купания жалую, зову их ежден, у меня купальщики те ядят вдоволь, а иные говорят: мы де нароком не поспеем, так де и нас выкупают да и за стол посадят: многие нароком не поспевают...»

обедов и т. п., чин, издавна соблюдаемый в Москве, рядом со множеством таких же церковных обрядов получил тогда более живой характер, потому что сам царь одухотворял букву обряда своей любовью и поэтическим чувством. Никогда еще обряды не отправлялись с такой точностью и торжественностью; вся жизнь царя была подчинена обряду не только потому, что так установилось в обычае, но и потому, что царь любил обряд: он удовлетворял его натуре, искавшей изящества, художественной красоты, нравственного идеала, который при его воспитании только и мог состоять для него в образе строгого, но вместе с тем любящего исполнителя приемов православного благочестия. Незначительные подробности обряда занимали его не менее важных государственных дел¹⁰⁷. Все время его жизни было измерено по чину обрядности, столько же церковной, сколько и дворцовой. В четыре часа утра он был на ногах, и тотчас начинались моление, чтение полуночницы, утренних молитв, поклонение иконе того святого, чья память праздновалась в тот день, чтение из какого-нибудь рукописного сборника назидательного слова, потом церемонное свидание с царицей, шествие к заутрене. После заутрени сходились бояре, били челом перед государем; время для такого челобитья нужно было достаточное, потому что чем больше боярин клал перед царем земных поклонов, тем сильнее выражал свою рабскую преданность. Начинался разговор о делах; государь сидит в шапке; бояре стоят перед ним; потом все за царем идут к обедне; все равно, в будний день или в праздник, всегда идет царь к обедне, с той только разницей, что в праздник царский выход был пышнее и с признаками, соответствовавшими празднику; на всякий праздник были свои обряды для царского выхода: в такой-то праздник сообразно его относительной важности царь должен был одеться так-то, например, в золотное платье, в другой – в бархатное и т. п. Точно так же и сопровождавшие его бояре соблюдали праздничные правила в одежде. Обедня в будний день продолжалась около двух часов, в праздники – долее. После обедни в будни царь занимался делами: бояре, начальствовавшие приказами, читали свои доклады; затем дьяки читали челобитные. В определенные дни по царскому приказанию собиралась Боярская дума с приличными обрядами – здесь бояре уже сидели. Пополудни дела оканчивались. Бояре разъезжались; начинался царский обед, всегда более или менее продолжительный; после обеда царь, как всякий русский человек того времени, должен был спать до вечерни: этот сон входил как бы в чин благочестивой, честной жизни. После сна царь шел к вечерне, а после вечерни проводил время в своем семейном или дружеском кругу, забавлялся игрой в шахматы или слушал кого-нибудь из дряхлых, бывалых стариков, которых специально держали при дворце для царского утешения. Тот рассказывал царю о далеком Востоке, о Кизильбашской земле; другой – о бедствиях, какие испытывать довелось ему от неверных в плену; третий, свидетель давно минувших смут, описывал литовское разорение, когда, как говорили, десятый человек остался на всей Руси. В это-то время дня, по обрядному чину посвящаемого отдыху, под конец своего царствования Алексей Михайлович любовался сценическими действиями, игрой драматических произведений: с этими нововведениями западно-русские книжники нашли доступ к тому поэтическому чувству царя, которое так привлекало его к богослужебным действиям.

¹⁰⁷ Так, в письме Никону в 1652 году царь спрашивает: «Да будет тебе, великому святителю, ведомо: многолетны у нас поют вместо Патриарха: Спаси, Господи, вселенских патриархов и митрополитов и архиепископов наших и вся христиане, Господи, спаси: и ты отпиши к нам, великий святителю, так ли подобает нет, или как инак петь надобно, и как у тебя, святитель, поют, и то отпиши к нам...»

Царь Алексей Михайлович. Титулярник 1672 г.

Алексей Михайлович особо появлялся во всем своем царственном великолепии в большие праздники православной церкви, блиставшие в то время пышностью и своеобразием обрядов, соответствовавших каждому празднику; они доставляли царю возможность на разные лады выказать свое наружное благочестие и свое монаршее величие. В рождественский вечер царский терем оглашался пением славильщиков, приходивших одни за другими из разных церквей и обителей; в Крещение царь в своей диадиме (наплечное кружево) и царском платье, унизанном жемчугом и осыпанном дорогими камнями, шествовал на Иордань, сопровождаемый всех чинов людьми, одетыми сообразно своему званию как можно наряднее (плохо одетых отгоняли подальше); в Вербное воскресенье царь всенародно вел под патриархом коня,

изображавшего осла; на Пасху он раздавал яйца и принимал червонцы в значении великоденских даров, которые по тогдашним обычаям подданные обязаны были давать своему государю в праздник Пасхи. Перед большими праздниками царь по обряду должен был совершать дела христианского милосердия – ходил по богадельням, раздавал милостыню, посещал тюрьмы, выкупал должников, прощал преступников. В Московском государстве люди чванились родом и богатством; достоинство человека измерялось количеством золота и ценностью мехов на его одежде, и богач смотрел с презрением на бедняка; тем не менее нищий по церковным взглядам пользовался некоторого рода обрядовым уважением. Надменный боярин, богатый гость, разжившийся посулами дьяк, ожиревший от монастырских доходов игумен – все заискивали в нищем; всем нищий был нужен; все давали ему крохи своих богатств; нищий за эти крохи молил Бога за богачей; нищий своими молитвами ограждал сильных и гордых от праведной кары за их неправды. Они сознавали, что бездомный, хромой или слепой калека в своих ломотях сильнее их самих, облеченных в золотные кафтаны. Подобно этому царь, возведенный на такую высоту, что все повергалось перед ним ниц, никто не смел сесть в его присутствии и всякий считал себе за великую благодать зреть его пресветлые очи, царь не только собственноручно раздавал милостыню нищей братии, но в мясопустную неделю приглашал толпу нищих в столовую палату, угощал их и сам с ними обедал. Это происходило в тот день, когда в церкви читается Евангелие о страшном суде, и делалось как бы для того, чтобы получить благословение, обещанное в Евангелии тем, кто накормит Христа в образе голодных. То был обряд, такой же обряд, какими были омовение ног, ведение осла, раздача красных яиц и т. п. Величие царское не умалялось от этого соприкосновения с нищетой, как равно и нищета не переставала быть тем же, чем была по своей сущности. То был только обряд.

А.М. Васнецов. Печатный двор на Никольской улице

Приветливый, ласковый царь Алексей Михайлович дорожил величием своей царственной власти, своим самодержавным достоинством; оно пленяло и насыщало его. Он тешился

своими громкими титулами и за них готов был проливать кровь. Малейшее случайное несоблюдение правильности титулов считалось важным уголовным преступлением. Все иноземцы, посещавшие Москву, поражались величием двора и восточным раболепством, господствовавшим при дворе «тишайшего государя». «Двор московского государя, – говорил посещавший Москву англичанин Карлейль, – так красив и держится в таком порядке, что между всеми христианскими монархами едва ли есть один, который бы превосходил в этом московский. Все сосредоточивается около двора. Подданные, ослепленные его блеском, приучаются тем более благоговеть пред царем и чествуют его почти наравне с Богом». Царь Алексей Михайлович являлся народу не иначе, как торжественно. Вот, например, едет он в широких санях: двое бояр стоят с обеих сторон в этих санях, двое на запятках; сани провожают отряды стрельцов. Перед царем метут по улице путь и разгоняют народ. Москвичи, встречаясь с едущим государем, прижимаются к заборам и падают ниц. Всадники слезали с коней и также падали ниц. Москвичи считали благоразумным прятаться в дом, когда проезжал царь. По свидетельству современника Котошихина, царь Алексей стал гораздо более самодержавным, чем был его родитель. Действительно, мы не встречаем при этом царе так часто Земских соборов, как это бывало при Михаиле. Земство поглощается государством. Царь делается олицетворением нации. Все для царя. Алексей Михайлович стремился к тому же идеалу, как и царь Иван Грозный, и подобно последнему был, как увидим, напуган в юности народными бунтами; но разница между тем и другим была в том, что Иван, одаренный такой же, как и Алексей, склонностью к образности и нарядности, к зрелищам, к торжествам, к упоению собственным величием, был от природы злого, а царь Алексей – доброго сердца. Иван в служилом классе видел себе тайных врагов и душил его самым нещадным образом, но в то же время, сознавая необходимость его службы, разъединял его, опирался на тех, которых выбирал в данное время, не давая им зазнаваться, и держал их всех в повиновении постоянным страхом; царь же Алексей, напротив, соединял свои самодержавные интересы с интересами служилых людей. Тот же англичанин Карлейль метко заметил, что царь держит в повиновении народ и упрочивает свою безмерную самодержавную власть, между прочим, тем, что дает много власти своим чиновникам – высшему (то есть служилому) сословию над народом. Сюда должны быть отнесены главным образом начальники приказов, дьяки и воеводы, а затем вообще все те, кто стоял на степени какого-нибудь начальства. Служилым и приказным людям было так хорошо под самодержавной властью государя, что собственная их выгода заставляла горой стоять за нее. С другой стороны, однако, это подавало повод к крайним насилиям над народом. Злоупотребления насильствующих лиц, и прежде тягостные, не только не прекратились, но еще более усилились в царствование Алексея, что и подавало повод к беспрестанным бунтам. Кроме правительствующих и приказных людей, царская власть находила себе опору в стрельцах – военном, как бы привилегированном, сословии. При Алексее Михайловиче они пользовались царскими милостями, льготами, были охранителями царской особы и царского дворца. Последующее время показало, чего можно было ожидать от таких защитников. Иностранцы очень верно замечали, что в почтении, какое оказывали тогдашние московские люди верховной власти, было не сыновнее чувство, не сознание законности, а более всего рабский страх, который легко проходил, как только представлялся случай, и оттого, если на первый взгляд можно было сказать, что не было народа более преданного своим властям и терпеливо готового сносить от них всякие утеснения, как русский народ, то, с другой стороны, этот народ скорее, чем всякий другой, способен был к восстанию и отчаянному бунту. Многообразные события такого рода вполне подтверждают справедливость этого взгляда. При господстве страха в отношениях подданных к власти, естественно, законы и распоряжения, установленные этой властью, исполнялись настолько, насколько было слишком опасно их не исполнять, а при всякой возможности их обойти, при всякой надежде остаться без наказания за их неисполнение ими пренебрегали повсюду, и оттого верховная власть, считая себя всемогущей, была на самом деле часто бессильной.

В.Н. Каразин. Малороссия. Сценка из сельской жизни

Так и было при Алексее Михайловиче. Несмотря на превосходные качества этого государя как человека, он был неспособен к управлению: всегда питал самые добрые чувства к своему народу, всем желал счастья, везде хотел видеть порядок, благоустройство, но для этих целей не мог выдумать ничего иного, как только положиться во всем на существующий механизм приказного управления. Сам считая себя самодержавным и ни от кого не зависимым, он был всегда под влиянием то тех, то других; но безукоризненно честных людей около него было мало, а просвещенных и дальновидных – еще менее. И оттого царствование его представляет в истории печальный пример, когда под властью вполне хорошей личности строй государственных дел шел во всех отношениях как нельзя хуже.

Сначала, в первые годы после вступления на престол, Алексей Михайлович находился под влиянием своего воспитателя боярина Бориса Морозова, который, руководя государем, собственно был правителем всего государства и раздавал места преданным ему лицам.

Село Измайлово

На первых порах правительство нового царя обратило внимание на давнее неисполнение законов, клонившихся к укреплению людей на своих местах. Во все царствование Михаила, как было уже сказано, хлопотали о том, чтобы тяглые люди не выбывали из тягла и через то не происходило неурядицы во взимании платежей и отправлении повинностей. Цель правительства не достигалась. Тяглые люди, несмотря на распоряжение 1620-х годов, беспрестанно бегали или самовольно записывались в другие сословия. Так, посадские люди записывались для вида в казаки или стрельцы, закладывались за частных лиц, поступали в число монастырских крестьян и слуг, а сами, однако, оставались жить на прежних местах, занимались торговлей и промыслами, но, перестав быть на бумаге посадскими, не хотели нести тягла, падавшего исключительно на оставшихся в посадском звании. Последние досаждали правительству теми жалобами, которые беспрестанно раздавались из посадов и в прошлое царствование: они, отягощенные всякими поборами и повинностями, погибают от правей, тогда как другие их братья пользуются незаконно льготой. Было на посадах и другое злоупотребление: люди, по рождению не принадлежавшие к посадским, – дети священно- и церковнослужителей, казаки, стрельцы, крестьяне – жили на посадах, приобретая там места то посредством браков и наследства, то покупкой, и не несли тягла. В тяглых волостях, в селах и деревнях крестьяне, которые были побогаче, давая воеводам взятки, отписывались от сошного письма, так что в сохе (единице, с которой брались налоги) оставались только менее зажиточные люди, так называемые «средние и молодшие». Вотчинные и помещичьи крестьяне повсюду оставляли свои земли и бегали с места на место; богатые землевладельцы переманивали крестьян от небогатых помещиков; последние жаловались, что их имения пустеют и им не с чего отправлять службы.

Ввиду прекращения беспорядков как в посадах, так и в волостях правительство подтверждало прежние распоряжения, но они, как и раньше, не исполнялись; и долго после того приходилось власти принимать меры для той же цели. По отношению к вотчинным крестьянам было велено сделать новую перепись, запрещено принимать беглых из крестьян и обещано наказание тем землевладельцам, которые станут подавать писцам лживые сказки. Но как только

сделана была эта перепись, тотчас же явилось много челобитчиков на помещиков и вотчинников в том, что они присваивали чужих крестьян, из двух и трех дворов переводили их в своих сказках в один двор, показывали крестьянские дворы людскими, то есть холопскими, жилые дворы писали пустыми и т. п. В 1647 году оказалось, что перепись сделана неверно; последовал указ, чтобы провели поверку, и у землевладельцев, оказавшихся виновными в несправедливых показаниях о своих владениях, отнимать по пятидесяти четей земли и отдавать тем, которые на них донесут. Само собой разумеется, эта мера оказала развращающее влияние, приучая служилых стремиться к наживе на несчастье для своих собратьев. Одновременно с этим же установлен был вместо десятилетнего пятнадцатилетний срок для возвращения беглых.

И в служилом сословии безурядица продолжалась. Служилые, поверстанные в украинные города Воронеж, Шацк, Белгород и другие, убегали со службы; одни поступали в крестьяне, в кабалу, шатались по северным областям в захребетниках, то есть поденщиках, иные занимались воровством и грабежами. Их приказано было ловить, бить кнутом и сажать в тюрьмы. Распространилась фальшивая монета; ходили медные и оловянные деньги и поступали в казну, нанося ей убыток. Торговые люди тяготились льготами, дарованными иноземцам, особенно англичанам, и в 1646 году подали царю челобитную за множеством подписей торговцев разных городов, представляли, что иноземцы в прошедшее царствование наводнили собой все государство, построили в столице и во многих городах свои дворы, торговали беспошлинно, рассылали своих агентов закупать из первых рук русские произведения, не хотели покупать их от русских торговцев, сговариваясь, назначали на свои товары какую хотели цену и вдобавок насмехались над русскими купцами, говоря: «Мы их заставим торговать одними лаптями». Когда один русский торговый человек, ярославец Лаптев, вздумал было сам поехать за границу с мехами в Амстердам, то у него не купили там ни на один рубль товара. Русские торговцы умоляли царя «не дать им, природным государевым холопам и сиротам, быть от иноверцев в вечной нищете и скудости», запретить всем иноземцам торговать в Московском государстве, кроме одного Архангельска, и также не давать иноземцам на откуп промыслов... Челобитная эта до некоторого времени не имела успеха, что и было одной из причин недовольства против правительства.

Царица Мария Ильинична (по Мейербергу)

Вскоре по вступлении на престол Алексея Михайловича, в марте 1646 года, была введена новая пошлина на соль. Этой пошлиной хотели заменить разные старые мелкие поборы: проезжие мыты, стрелецкие и ямские деньги и т. п. Новую пошлину следовало собирать на местах добывания соли гостям и торговым людям, которые туда приезжали, а за ней потом уже этим гостям и вообще всем торговым людям можно было торговать по всему государству солью беспошлинно. По-видимому, мера эта, упрощая сборы, должна была служить облегчением; но вышло не так: народу пришлось платить за необходимый жизненный предмет двумя гривнами на пуд более, чем он платил в прежние годы; народ был очень недоволен этим. По причине дороговизны соли рыбные торговцы стали недосаливать рыбу, а так как соленая рыба составляла главнейшую пищу тогдашних русских, то, с одной стороны, потребители не стали покупать дурной рыбы, а с другой – у торговцев попортился товар, и они понесли большие убытки: соленая рыба чрезмерно поднялась в цене. Вместе с пошлиной на соль разрешено было употребление табака (нам известно, впрочем, такое разрешение по отношению к Сибири с тем, чтобы продажа табака была собственностью казны). Еще недавно за употребление табака при Михаиле Федоровиче резали носы: новое распоряжение обличало склонность боярина Морозова к иноземным обычаям и сильно раздражало благочестивых людей, которые составили уже себе понятие об этом растении как о «богомерзкой траве».

В начале 1647 года государь задумал жениться. Собрали до двухсот девиц; из них отобрали шесть и представили царю. Царь выбрал Евфимию Федоровну Всеволожскую, дочь касимовского помещика, но когда ее в первый раз одели в царскую одежду, то женщины затянули ей

волосы так крепко, что она, явившись перед царем, упала в обморок. Это приписали падучей болезнью. Опала постигла отца невесты за то, что он, как обвиняли его, скрыл болезнь дочери. Его сослали со всей семьей в Тюмень. Впоследствии он был возвращен в свое имение, откуда не имел права куда-либо выезжать.

Происшествие с невестой так подействовало на царя, что он несколько дней не ел ничего и тосковал, а боярин Морозов стал развлекать его охотой на медведей и волков. Молва, однако, приписывала несчастья Всеволожской козням этого боярина, который боялся, чтобы родня будущей царицы не захватила власть и не оттеснила его от царя. Морозов всеми силами старался занять царя забавами, чтобы самому со своими подручниками править государством, и удалял от двора всякого, кто не был ему покорен. Одних посылали подальше на воеводства, а других и в ссылку.

Э. Э. Лисснер. Начало «Соляного бунта» в Москве: народ врывается в Никольские ворота Кремля

Последнего рода участь постигла тогда одного из самых близких людей к царю, его родного дядю по матери, Стрешнева. Его обвинили в волшебстве и сослали в Вологду.

Боле всего нужно было Морозову для упрочения своей власти женить царя так, чтобы новая родня была с ним заодно. Морозов нашел этот способ. Был у него верный подручник, дворянин Илья Данилович Милославский, у которого были две красивые дочери. Морозов составил план выдать одну из них за царя, а на другой жениться самому. Боярин расхвалил царю дочерей Милославского и прежде всего дал ему случай увидеть их в Успенском соборе. Царь засмотрелся на одну из них, пока она молилась. Вслед за тем царь велел позвать ее с сестрой к царским сестрам, явился туда сам и, разглядев поближе, нарек ее своей невестой. 16 января 1648 года Алексей Михайлович сочетался браком с Марией Ильиничной Милославской. Сообразно набожным наклонностям царя эта свадьба отличалась тем, что вместо игры на трубах и органах, вместо битья в накры (литавры), как это допускалось прежде на царских свадьбах, певчие дьяки распевали стихи из праздников и триодий. Брак этот был счастлив; Алексей Михайлович нежно любил свою жену. Когда впоследствии она была беременной, царь просил митрополита Никона молиться, чтобы ее «разнес Бог с ребеночком», и выражался в своем письме такими словами: «А какой грех станетца, и мне, ей-ей, пропасть с кручины; Бога

ради, моли за нее». Но не таким оказался брак Морозова, который через десять дней после царского венчания женился на сестре царицы, несмотря на неравенство лет; Морозов был женат в первый раз еще в 1617 году. Поэтому неудивительно, что у этой брачной четы, по выражению англичанина Коллинса, вместо детей родилась ревность, которая познакомила молодую жену старого боярина с кожаной плетью в палец толщиной.

Боярин Морозов думал, что теперь-то он делается всемогущим, и обманулся. Ненавистная народу соляная пошлина была отменена как бы в знак милости по поводу царского бракосочетания, но у московского народа и без того уже накопилось сильное неудовольствие. Брак царя увеличил это неудовольствие. Морозов начал выдвигать родственников молодой царицы, а они все были люди небогатые, отличались жадностью и стали брать взятки. Сам царский тесть увидел возможность воспользоваться своим положением для обогащения. Но никто так не опротивил народу, как двое подручников Морозова, состоявшие в родстве с Милославскими: Леонтий Степанович Плещеев и Петр Тихонович Траханиотов. Первый заведовал Земским приказом, а второй – Пушкарским. Плещеев обычно обирал тех, которые приходили к нему судиться, и, кроме того, завел у себя целую шайку доносчиков, которые подавали на людей ложные обвинения в разных преступлениях. Обвиняемых сажали в тюрьму и вымучивали у них взятки за освобождение. Траханиотов поступал жестоко с подначальными служилыми людьми и удерживал следуемое им жалованье. Торговые люди были озлоблены против Морозова за потакание иностранцам и за разные новые поборы, кроме соляной пошлины; так, например, для умножения царских доходов выдуман был казенный аршин с клеймом орла, который все должны были покупать, платя в десять раз больше его стоимости. Никакие просьбы не доходили до царя; всякое челобитье решали Морозов или его подручники. Наконец толпы народа стали собираться у церкви на сходки, положили остановить царя силой на улице и потребовать у него расправы над его лихими слугами.

Н. Некрасов. Составление «Соборного Уложения» при Алексее Михайловиче в 1649 г.

25 мая 1648 года царь возвращался от Троицы; толпа остановила его, некоторые схватили за узду его коня; поднялся крик, требовали, чтобы царь выслушал народ: жаловались на Плещеева, просили сменить его и назначить на это место другого. Мольбы сопровождались, как обычно, замечаниями, что «иначе народ погибнет вконец». Молодой царь испугался такой неожиданности, не сердился, но ласково просил народ разойтись, обещал разведать все дело и учинить правый суд. Народ отвечал ему громкими изъявлениями благодарности и провожал пожеланиями многолетнего здравия.

Может быть, дело этим бы и окончилось, но тут некоторые из подручников Морозова, благоприятелей Плещеева, бросились на толпу с ругательствами и начали кнутами бить по головам тех, которые, как они заметили, выступали вперед к царю с жалобами.

Толпа пришла в неистовство и начала метать камни. Приятели Плещеева бросились опретью в Кремль. Народ с криком – за ними. Они едва успели пробраться во дворец. Стрельцы, стоявшие на карауле в Кремле, с трудом могли удержать толпу от вторжения во дворец.

Толпа все более и более разъярялась и кричала, чтобы ей выдали Плещеева на казнь.

Тогда попытался выйти на крыльцо всемогущий боярин Морозов, но его вид только более озлобил народ. Его не слушали, ему не давали говорить и вопили: «Мы и тебя хотим взять!» Морозов поспешно удалился во дворец. Неистовая толпа бросилась на дом Морозова, в котором оставалась его жена. Народ разломал ворота и двери, ворвался в дом; все в нем было перебито, изломано; из сундуков вытаскивали золотные ткани, меха, жемчуг; все было поделено; срывали с икон богатые оклады и выбрасывали на площадь; один из верных слуг Морозова осмелился сказать что-то противное народу: он был немедленно выброшен из окна и разбился до смерти. Боярыню Морозову не тронули, но сказали ей: «Если бы ты не была сестра царицы, то мы бы тебя изрубили в куски!» Ограбив дом, москвичи ограбили все боярские службы, разбили богатую карету, окованную серебром, подаренную царем на свадьбу Морозову, добрались и до погребов, где стояли бочки с медом и винами, разбили их, разлили, так что по колено ходили в вине, и перепились до того, что многие тут же умерли.

Э. Э. Лиснер. Восстание в Коломенском в 1662 г.

Расправившись с домом Морозова, бросилась толпа на дворы разных его благоприятелей, разнесла дом Плещеева и Траханиотова, которых, однако, не нашли. Ограблены были также дворы бояр князей Одоевского, Львова и др. Досталось и думному дьяку Назару Чистову: народ злился на него за прежнюю, уже отмененную, соляную пошлину. Незадолго перед тем он расшибся, упав с лошади, и лежал больной; услышав, что народ ломится к нему на двор, он заполз под кучу веников и приказал слуге наложить еще сверху свиных окороков, но слуга, захватив в доме несколько сотен червонцев, выдал его народу, а сам бежал. Народ вытащил Чистова из-под веников и забил палками до смерти.

Кремль между тем затворили, а народ, учинив свою расправу, опять бросился к Кремлю требовать выдачи своих лиходеев. Царь выслал к мятежникам своего двоюродного дядю

Никиту Ивановича Романова, которого народ любил; но на все его увещания толпа твердила одно: выдать на казнь Морозова, Плещеева и Траханиотова. Романов обещал доложить об этом царю, но заметил народу, что Морозова и Траханиотова нет в Кремле. Тогда во дворце решили пожертвовать Плещеевым и вывели его из Кремля в сопровождении палача. Народ не дал палачу исполнить казни, вырвал у него из рук Плещеева и заколотил палками до смерти. Его голова была разбита, так что мозг брызнул некоторым в лицо. «Вот как угощают плутов и воров!» – кричал народ.

На другой день толпа снова бросилась к Кремлю требовать Морозова и Траханиотова. Морозов хотел было перед тем спастись бегством, ускользнул из Кремля, но его узнали ямщики, и он едва успел уйти от них и пробраться обратно в Кремль. Царь, чтобы спасти Морозова, решил пожертвовать и Траханиотовым. Его в Кремле действительно не было. Царь выслал князя Пожарского к народу с приказом отыскать Траханиотова и казнить. Траханиотов между тем успел уже уйти из Москвы и был схвачен близ Троицы. В угоду народу по царскому приказанию его водили с колодкой на шее по городу, а потом отрубили ему голову.

Было уже за полдень. Доходила очередь до Морозова. Вдруг на Дмитровке вспыхнул пожар и быстро распространился по Тверской, Петровке, дошел до реки Неглинной; наконец загорелся большой кружечный двор или кабак. Толпа в неистовстве бросилась на даровую водку; спешили разбивать бочки, черпали шапками, рукавицами, сапогами и перепились до того, что многие тут же задохнулись от дыма. Пожар прекратился к вечеру. Народ говорил, что он прекратился только тогда, когда догадались бросить в огонь тело Плещеева.

Пожар несколько отвлек народ от мятежа: многим пришлось думать о собственной беде вместо общественной. Между тем правительство старалось дружелюбными средствами примириться с народом и охранить себя от дальнейшего мятежа. Царь угощал вином и медом стрельцов и немцев, охранявших дворец и Кремль, а царский тесть Илья Данилович каждый день устраивал пиры и приглашал то тех, то других влиятельнейших лиц из гостиной и суконной сотен. Духовные по повелению патриарха Иосифа своими увещаниями успокаивали народ, уверяли, что с этих пор все пойдет хорошо. В угоду народу некоторые лица, навлекшие на себя его недоброжелательство, были смещены со своих мест и заменены другими, более угодными народу в то время.

Наконец, когда появилась надежда, что гроза утихла, царь воспользовался одним из праздничных дней, когда совершался крестный ход, и велел заранее объявить народу, что хочет говорить с ним. В назначенный день царь появился на площади и произнес народу речь: он не только не укорял народ за мятеж, но как бы оправдывал его, сказал, что Плещеев и Траханиотов получили достойную кару, обещал народу правосудие, льготы, уничтожение монополий и царское милосердие. Все это клонилось к тому, чтобы спасти Морозова. Царь не оправдывал и его, но выразился в таком смысле: «Пусть народ уважит мою первую просьбу и простит Морозову то, что он сделал недоброго; мы, великий государь, обещаем, что отныне Морозов будет оказывать вам любовь, верность и доброе расположение, и если народ желает, чтобы Морозов не был ближним советником, то мы его отставим; лишь бы только нам, великому государю, не выдавать его головою народу, потому что он нам как второй отец: воспитал и возрастил нас. Мое сердце не вынесет этого!» Из глаз царя полились слезы. Народ был тронут, поклонился царю и воскликнул: «Многие лета великому государю! Как угодно Богу и царю, пусть так и будет!»

Морозова для большей безопасности отправили на время в Кирилло-Белозерский монастырь, где он, впрочем, пробыл недолго и после своего возвращения, хотя уже не играл прежней роли, оставался одним из влиятельных лиц, старался как можно более угождать народу и казаться защитником его нужд.

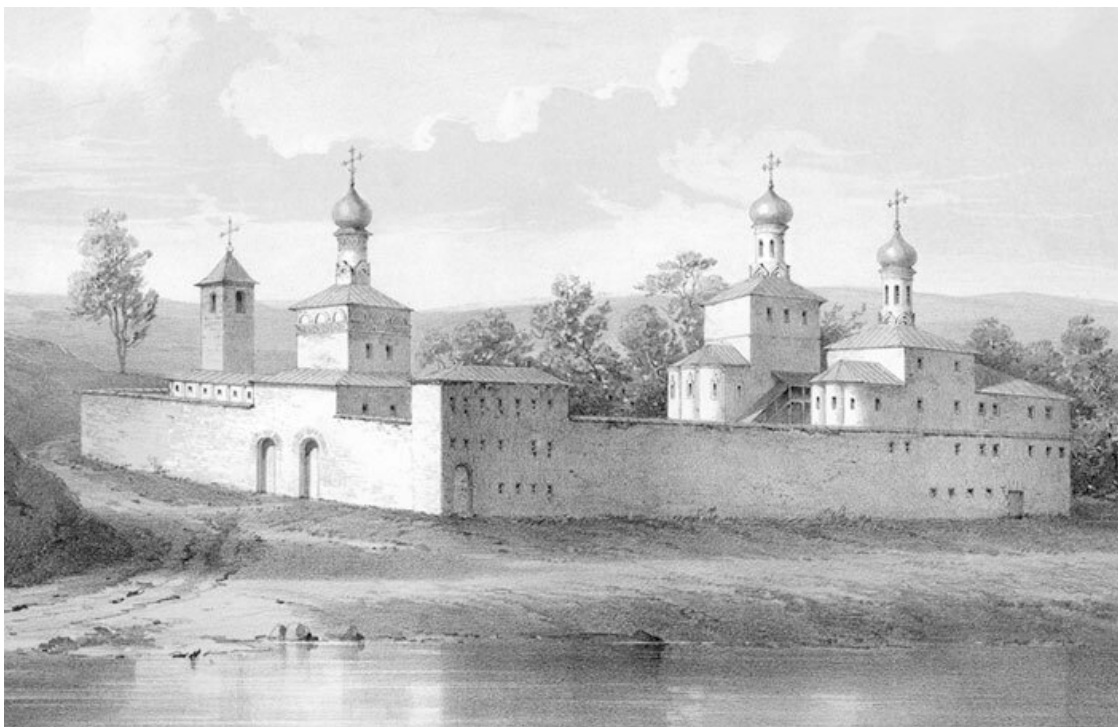

М. П. Клодт. Праздничный выход царя в Троицын день

После обещания, данного народу о введении правосудия, 16 июля 1648 года царь вместе с духовенством, боярами, окольными и думными людьми постановил привести в порядок законодательство: положили выписать из правил Апостол и Св. отец и гражданских законов греческих царей (то есть из Кормчей книги) статьи, которые окажутся пристойными государским земским делам, собрать указы прежних государей и боярские приговоры, справить их с прежними судебниками, написать и изложить общим советом такие статьи, на какие нет указов и боярских приговоров, чтобы «Московского государства всяких чинов людям, от большего до меньшего чина, суд и расправа была во всяких делах всем равна». Поручение это было возложено на бояр князя Никиту Ивановича Одоевского, князя Семена Васильевича Прозоров-

ского, на окольного князя Федора Федоровича Волконского и на дьяков Гаврилу Леонтьева и Федора Грибоедова. Положено было по составлении Уложения для его утверждения собрать Земский собор из выборных людей всех чинов. Вслед за тем продажа табака, соблазняящая благочестивых людей, была прекращена, и табак, приготовленный для продажи от казны, было велено сжечь.

Между тем мятеж в Москве, окончившийся так удачно для мятежников, подал пример народу и в других городах. В отдаленном Сольвычегодске посадские люди дали взятку Федору Приклонскому, приезжавшему туда для сбора денег на жалованье ратным людям, а когда в июле дошли до них вести о том, что произошло в Москве, отняли назад то, что сами дали; вдобавок ограбили Приклонского, изодрали у него бумаги и самого чуть не убили. В то же время в Устюге произошло подобное: дали подьячему взятку, потом, услышав о московских происшествиях, отняли и убили самого подьячего, ограбили воеводу Милославского и хотели убить. Мятежники по этому поводу передрались между собой и ограбили своих зажиточных посадников, которые мирволили начальству. Посланный туда для розыска князь Иван Ромодановский перевешал нескольких зачинщиков, но при этом по московскому обычаю брал с устюжан взятки. В самой Москве начинались в январе 1649 года новые попытки взволновать народ, чтобы убить Морозова и царского тестя, которого считали всемогущим человеком и обвиняли в корыстолюбии; но возмутители были вовремя схвачены и казнены.

Андреевский монастырь в Москве

В.И. Суриков. Степан Разин

В октябре 1648 года созванный собор утвердил Уложение, состоявшее из 25 глав, заключающее уголовные законы, дела об обидах, полицейские распоряжения, правила судопроизводства, законы о вотчинах, поместьях, холопах и крестьянах, устройство и права посадских, права всех сословий вообще, определяемые размером «бесчестия». Уложение в первый раз узаконило права государевой власти, обратив в постановление то, что прежде существовало только по обычаю и по произволу. Таким образом, во второй и третьей главах «О государственной чести и о государевом дворе» указаны разные случаи измены, заговоров против государя, а также и бесчинств, которые могли быть совершены на государевом дворе.

С этих пор узаконивалось страшное «государево дело и слово». Доносивший на кого-нибудь в измене или в каком-нибудь злоумышлении объявлял, что за ним есть «государево дело и слово». Тогда начинался розыск «всякими сыски» и по обычаю употребляли при этом пытку. Но и тот, кто доносил, в случае упорства ответчика также мог подвергнуться беде, если не докажет своего доноса: его постигало то наказание, какое постигло бы обвиняемого. Страх казни за неправый и неудачный донос подрывался другой угрозой: за недонесение о каком-нибудь злоумышлении против царя обещана была смертная казнь; даже жена и дети царского недруга подвергались смертной казни, если не доносили на него. Понятно, что всякому, слышавшему что-нибудь похожее на оскорбление царской особы, приходила мысль сделать донос, чтобы другой не опередил его, потому что в последнем случае он мог подвергнуться каре за недонесение. Выборные люди, бывшие на соборе, особенно хлопотали о том, чтобы установить равенство между тяглыми людьми, чтобы торговля и промысел находились исключительно в руках посадских и торговых людей. Тогда последовало новое подтверждение правила, чтобы на посадах не было других дворов, кроме посадских; постановили, чтобы все посадские, которые вступили в другое звание или заложились за владельцев, возвращались снова в тягло; положили отобрать у владельцев все слободы, заведенные на городских землях, и записать их в тягло, а кабальных людей, живших в этих слободах, вывести прочь. Уложение еще больше закрепило крестьян: урочные годы были уничтожены; принимать чужих крестьян было запрещено; крестьянин, сбежавший от своего владельца, возвращался к нему по закону во всякое время так же, как и бежавшие из дворцовых сел и черных волостей крестьяне возвращались на прежние места жительства без урочных лет; наконец, если крестьянин женился на беглой крестьянской или посадской девушке, то его отдавали вместе с женой, в первом случае, ее прежнему владельцу, а во втором – в посадское тягло. Прежние законы об отдаче крестьянина одного вла-

дельца другому, у которого убит крестьянин односельцем или господином отдаваемого, вошли в Уложение. Во всех делах, кроме уголовных, владелец отвечал за своего крестьянина. Тем не менее крестьяне и по Уложению все-таки еще отличались несколько от рабов или холопов: владелец не мог насильно обращать своего крестьянина в холопы, а крестьянин мог добровольно давать на себя кабалу на холопство своему владельцу, но не чужому.

Частное землевладение было тогда достоянием служилого класса. Не все имели право покупать вотчины, а только служилые высших разрядов или те, которым дозволит царь. Вотчина была признаком знатности или царской милости. Вотчины были трех видов: родовые, купленные и жалованные. Вотчины родовые и жалованные переходили из рода в род по определенным правилам наследства. Купленной вотчиной распорядился на случай смерти вотчинник совершенно по своему усмотрению. Раздел был поровну между сыновьями; дочери не наследовали при братьях, но братья обязаны были выдавать их замуж с приданым. Поместья в то время уже приближались к родовым именьям: хотя еще они не подлежали праву наследства, но после смерти помещика уже Поместный приказ по закону оставлял (справлял) поместья за его детьми, а за неимением детей – преимущественно за его родными. Вдовы и дочери получали из поместий умерших мужей и отцов так называемые «прожиточные поместья».

В родовой и служебной лестнице сословий первое место по породе занимали царевичи, потомки разных мусульманских владетелей, принявших христианство, а за ними князья; но по служебному порядку выше всех стояли бояре, за ними окольные, думные дворяне, составлявшие все вместе сословие думных людей; к ним присоединялись думные дьяки. Они не подвергались по Уложению торговой казни в тех случаях, когда подвергались другие. За «бесчестие», нанесенное им, по Уложению наказывали кнутом и тюрьмой. Прочие служилые – стольники, стряпчие, московские дворяне, жильцы, городские дворяне и дети боярские, дьяки, подьячие, стрельцы и служилые люди других наименований – за нанесенные им оскорбления получали за «бесчестие» сумму, равную их жалованью. Соответственно этому за оскорбление духовных лиц, носивших святительский сан, назначались телесная казнь и тюремное заключение соразмерно достоинству святителя, а за оскорбление прочих духовных лиц – различное «бесчестие». Достоинство неслужилых лиц измерялось особой таксой разного размера, так что даже в одном сословии люди трех статей – большой, средней и меньшей – получали разную плату за «бесчестие»; самая большая сумма (за исключением Строгановых, получавших 100 рублей за «бесчестие») составляла 50 рублей. Жены получали вдвое, а девицы – вчетверо против мужчин. Самая маленькая сумма «бесчестия» равнялась рублю. «Бесчестие» увеличивалось вдвое, если кто кого обзывал незаконным сыном. Холоп не получал никакого «бесчестия» и сам ценился по закону в 50 рублей. Холопы по-прежнему были под произволом господ и освобождались от рабства в нескольких случаях: по желанию господина, в случае измены господина, по возвращении холопа из плена или же когда господин не кормил холопа, но в последнем случае требовалось признание господина. Кабальные были крепки только до смерти господина. Кроме кабал в то время вошли в обычай «живые записи». Кое-где отцы и матери отдавали в работу детей на урочные годы, а иные по «живым записям» отдавались на прокорм в голодные годы.

Суд в то время перешел почти исключительно в руки приказов. Значение губных старост с этих пор падает больше, чем прежде, и вскоре оно дошло почти до ничтожества; во всем берет верх приказный порядок, в городах делаются могучими воеводы и дьяки, непосредственно зависевшие от московских приказов. Люди со своими тяжбами ездят в Москву судиться в приказах и сильно тяготеют этим, потому что им приходится давать большие посулы и проживать в Москве. Выражение «московская волокита», означавшее печальную необходимость тягаться в приказе и проживаться в столице, вошло в поговорку. Последующая жизнь русского народа показывает, что Уложение не только не ввело правосудия, но со времени его введения

жалобы народа на неправосудие, на худое управление раздавались еще громче, чем когда-либо, и народ, как мы увидим, беспрестанно терял терпение и порывался к мятежам.

А. Д. Кившенко. Переяславская рада

Относительно церковного ведомства Уложение узаконило, чтобы все дела и иски, возникавшие между духовными, а также мирскими людьми, принадлежавшими к церковному ведомству, с одной стороны, и лицами гражданского ведомства, с другой, – судимы были в приказах Большого Дворца и Монастырском. В последний собирались подати и повинности с монастырских имений. Это установление возбуждало недовольство ревнителей старинной независимости церкви.

В 1649 году исполнилось давнее желание торговых людей: английской компании поставили в вину, что купцы ее тайно провозили чужие товары за свои, привозили свои дурные товары и «заговором» поднимали на них цены, а русским за их товары договаривались платить меньше, чем следовало. За все это права компании уничтожались, всем англичанам велели уехать в отечество; приезжать с товарами могли они впредь не иначе, как в Архангельск, и платить за свои товары пошлины. Вдобавок было сказано, что государь прежде позволял им торговать беспошлинно «ради братской дружбы и любви короля Карлуса, но так как англичане всею землею своего короля Карлуса убили до смерти, то за такое злое дело англичанам не довелось быть в Московском государстве».

Удача московского мятежа искушала народ к восстаниям в других местах. Стало укореняться мнение, что царь Алексей Михайлович государствует только по имени, на самом же деле правление находится в руках бояр, особенно Морозова, царского тестя Милославского и их подручников. Несправедливости и обирательства воевод и дьяков усиливали и раздували народную злобу. Перестав верить, что все исходит от царя, считая верховную власть в руках бояр, народ, естественно, пришел к убеждению, что и народ – такие же подданные, как

и бояре, – имеет право судить о государственных делах. Такой дух пробудился тогда в двух северных городах – Новгороде и Пскове.

Началось во Пскове.

По Столбовскому договору со шведами постановлено было выдавать перебежчиков из обоих государств. К Швеции, как известно, отошли новгородские земли, населенные русскими. Из этих земель многие бежали в русские пределы. Выдавать их казалось заторным, тем более, когда они говорили, что убежали оттого, что их хотели обратить в лютеранскую веру. Московское правительство договорилось со шведским заплатить за перебежчиков частью деньгами, а частью – хлебом. Но в то время был хлебный недород. С целью выдать шведам хлеб по договору правительство поручило скупку хлеба во Пскове гостю Емельянову. Этот гость увидел возможность воспользоваться данным ему поручением для своей корысти и под предлогом соблюдения царской выгоды не позволял покупать хлеб для вывоза из города иначе, как только у него. Хлеб, и без того вздорожавший от неурожая, еще более поднялся в цене. Псковичи, естественно, стали роптать на такую монополию; черные люди собирались по кабакам и толковали о том, что государством правят бояре и главный из них Морозов, что бояре дружат с иноземцами, выдают казну шведской королеве, вывозят хлеб за рубеж, хотят «оголодить» Русскую землю.

К.Е. Маковский. Выборы невесты царем Алексеем Михайловичем

В то время до псковичей дошел слух, что едет швед и везет из Москвы деньги.

27 февраля 1650 года человек тридцать псковичей из бедного люда (из меньших людей) пришли к своему архиепископу Макарию толковать, что не надо пропускать за рубеж хлеба. Архиепископ позвал воеводу Собакина. Воевода пригрозил «кликунам», как называли тогда смелых хулителей начальственных повелений. Но кликуны не испугались воеводы и на другой день, 28 февраля, подобрали себе уже значительную толпу. Они собрались у всенародной избы и стали кричать, что не надо вывозить хлеб. Вдруг раздался крик: «Немец едет! Везет казну из Москвы!»

Действительно, в это время ехал шведский агент Нумменс и вез до двадцати тысяч рублей из тех денег, которые были назначены для уплаты шведам за перебежчиков. Нумменс ехал к Завеличью, где тогда стоял гостиный двор для иноземцев. Народ бросился на него. Его потащили к всенародной избе, подняли на поставленные один на другой два чана, показали народу, отняли у него казну и бумаги и посадили под стражу. Потом толпа бросилась к дому ненавистного ей гостя Емельянова. Гость успел убежать. У его жены взяли царский указ, в котором было сказано, «чтобы этого указа никто не ведал». Псковичи кричали, что грамота написана боярами без ведома царя. Мятежники выбрали свое особое правление из посадских, не хотели знать воеводы и отправили в Москву от себя челобитчиков. Псковичи жаловались, что воевода берет в лавках насильно товары, заставляет ремесленников на себя работать, у служилых людей удерживает жалованье; его сыновья оскорбляют псковских женщин; воеводские писцы неправильно составили писцовые книги, так что посадским тяжелее, чем крестьянам. Что касается поступка с Нумменсом, то псковичи говорили, будто швед им грозил войной. Кроме этой челобитной псковичи послали особую челобитную к боярину Никите Ивановичу Романову, просили его походатайствовать, чтобы впредь воеводы и дьяки судили вместе с выборными старостами и целовальниками и чтобы псковичей не судили в Москве.

Весть о псковском восстании быстро достигла Новгорода, а между тем и там уже народ роптал, когда царские биричи кликали по торгам, чтобы новгородские люди не покупали хлеб для себя иначе, как в небольшом количестве. Стали и новгородцы кричать, что царь ничего не знает, всем управляют бояре, отпускают за море казну и хлеб в ущерб Русской земле.

Умы уже были достаточно возбуждены, когда 15 марта случайно прибыл в Новгород проездом датский посланник Граб. Посадский человек Елисей Лисица на площади, перед земской избой, взволновал народ, уверив его, что приехал швед с царской казной. Он возбуждал толпу и на гостей и богатых людей, которые имели поручение закупать для казны хлеб. Ударил в набат, началась «гиль», как говорилось тогда в Новгороде и Пскове. Толпа бросилась на датского посланника, избил его, изувечила, потом разграбила дворы новгородских богачей.

Митрополит Никон и воевода князь Федор Хилков пытались укротить мятеж, но силы у них было мало; а некоторые из служилых – стрельцы и дети боярские – перешли на сторону мятежа. Толпа освободила посаженного Никоном под стражу митрополичьего приказного Ивана Жеглова, и 16 марта составилось народное правительство из девяти человек (кроме посадских в их числе были один стрелецкий пятидесятник и один подьячий). Жеглова поставили во главе этого народного правительства. По его принуждению новгородцы составили приговор и целовали крест на том, «чтобы всем стать заодно, если государь пошлет на них рать и велит казнить смертью, а денежной казны и хлеба не пропускать за рубеж». Служилые люди, не желавшие примыкать к ним, должны были поневоле прилагать руки к такому приговору. Никон пытался смирить мятежников духовным оружием и изрек над ними проклятие. Но это только более озлобило их.

Они отправили к царю челобитчиков и в своей челобитной сочинили, будто сам датский посланник Граб со своими людьми совершил нападение на новгородцев. Они просили, чтобы государь не велел отпускать за рубеж денежной казны и хлеба, потому что слух ходил такой, будто шведы хотят, взяв государеву казну, нанять на нее войско и идти войной на Новгород и Псков.

В Москве пришли в раздумье, когда узнали о мятежах в двух важнейших северных городах; московское правительство прибегло к полумерам: хотели в одно и то же время пострашать мятежников и усмирить их лаской. Отправили князя Ивана Хованского с небольшим войском, а между тем в ответ на новгородскую челобитную царь, хотя и укорял новгородцев за мятеж и насилия, хотя и замечал, что «он с Божией помощью знает, как править своим государством», в то же время удостоивал мятежников объяснений: зачем нужно было отпускать хлеб, доказывал, что невозможно по их просьбе запретить продажу хлеба за границу, потому что тогда и

шведы не повезут в Московское государство товаров и будет тогда Московскому государству оскудение. В угодку новгородцам по их жалобам на воеводу Хилкова царь объявлял им, что сменяет его и назначает вместо него князя Юрия Буйносова-Ростовского.

Новгородцы объявили, что не пустят Хованского в город с военными силами; впрочем, и сам Хованский получил от царя наказ стоять у Хутынского монастыря, не пропускать никого в город и уговаривать новгородцев покориться царю.

Но среди самих новгородцев уже происходило раздвоение. Количество удалых, готовых на крайнее сопротивление, редело; люди зажиточные были за правительство. Из самых ярых крикунов и зачинщиков находились такие, кто готов был отстать от общего дела ради сохранения собственной жизни. Таким образом один из товарищей Жеглова, Негодяев, передался Хованскому, отправился в Москву и, получив прощение, старался там, хотя безуспешно, обвинить митрополита Никона.

В конце апреля Хованский вошел в город. Прежде всего он приказал отрубить голову одному посадскому человеку, Волку, обесчестившему датского посла, а народных правителей с посадскими в количестве 218 человек посадил под стражу. Сначала из Москвы вышел было приговор казнить смертью зачинщиков, находившихся в составе народного правительства, и в том числе Жеглова, но потом приговор этот отменили. Страшным казалось раздражать народ, тем более что в то время Псков не так скоро и не так легко успокаивался, как Новгород.

А.П. Рябушкин. Семья купца в XVII веке

Во главе народного правительства во Пскове стоял земский староста Гаврила Демидов, человек крепкой воли; он долго удерживал своих товарищей и черный народ в упорстве. В конце марта царь прислал во Псков на смену Собакину другого воеводу, князя Василия Львова, но псковичи не отпускали от себя Собакина до тех пор, пока возвратятся из Москвы их челобитчики; а 28 марта, услышав, что из Москвы посылается на них войско, пришли к новому воеводе, стали требовать от него выдачи им пороха и свинца; когда воевода отказал им, то они

отняли силой то и другое и громко объявили, что те, кто придет на них из Москвы, «будут для них все равно, что немцы: псковичи станут с ними биться».

Через день после того, 30 марта, явился во Псков от царя производить обыск князь Федор Волконский. Псковичи обругали его, нанесли ему несколько ударов и отняли у него грамоту, в которой приказано было ему казнить виновных. Псковичи, прочитав эту грамоту, закричали: «Мы скорее казним здесь того, кто будет прислан из Москвы казнить нас».

Ходили в народе слухи, что управлявшие государством бояре – в соучастии с немцами, что царь от них убежал, находится в Литве и придет во Псков с литовским войском. Мятеж распространился на псковские пригороды. В Псковской земле крестьяне и беглые холопы начали жечь помещичьи усадьбы, убивать помещиков.

12 марта вернулись из Москвы псковские челобитчики. Они привезли с собой царский ответ. Он был неблагоприятен, особенно насчет просьбы, которая обращалась к боярину Романову. «Боярин Романов, – сказано было в царской грамоте, – служит нам так, как и другие бояре: между ними нет розни; при наших предках никогда не бывало, чтобы мужики сидели у расправных дел вместе с боярами, окольными и воеводами, и вперед этого не будет».

Через несколько дней, в конце мая, под Псков прибыл князь Хованский с войском. За ним, как обещал, сам царь в своем ответе, должен был идти князь Алексей Трубецкой с большим войском – наказывать псковичей, если они не покорятся.

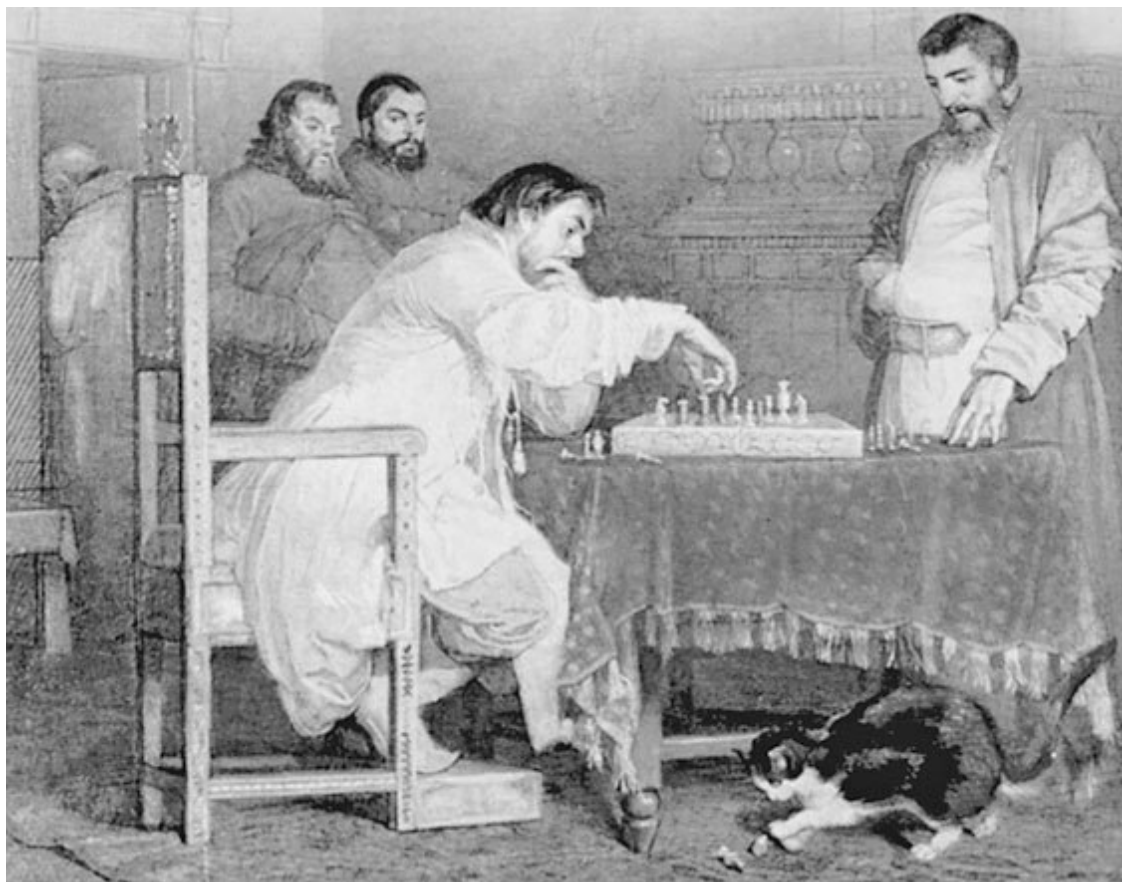
Хованский остановился близ города на Снятной горе и пытался увещаниями склонить псковичей к повиновению и послал дворянина Бестужева с товарищами. Псковичи убили Бестужева и дали Хованскому ответ, что они не сдадутся, хотя бы какое большое войско ни пришло на них. С тех пор два месяца стоял Хованский под Псковом. Происходило несколько стычек; эти стычки были неудачными для псковичей и по необходимости охладили пыл мятежников.

Как бы то ни было, псковичи, однако, долго еще не сдавались. Дело с ними имело вид междоусобной войны. Московское правительство опасалось, чтобы пример Пскова не подействовал на другие города, и прибегло к содействию русского народа.

26 июля созван был Земский собор (впрочем, едва ли по тому способу выбора, какой бывал прежде). К сожалению, нет актов этого собора, но из последующих событий видно, что на этом соборе постановили употребить еще раз кроткие меры против мятежного Пскова. Отправлен был во Псков коломенский епископ Рафаил с несколькими духовными сановниками, а с ними – выборные люди из разных сословий. Предлагалось псковичам прощение, если они прекратят мятеж, угрожали им, что в противном случае сам царь пойдет на них с войском. Со своей стороны новгородский митрополит Никон советовал царю дать полное прощение всем мятежникам, потому что этим способом скорее можно было добиться утишения смуты.

Действительно, с одной стороны, неудачные вылазки охладили горячность псковичей; с другой – во Пскове люди зажиточные, так называемые лучшие, были решительно против восстания; каждый из них трепетал за свое достояние и страшился разорения, которое должно было постигнуть всех без разбора.

Увещания Рафаила и пришедших с ним выборных людей имели значение голоса всей Русской земли, изрекавшей свой приговор над псковским делом. Псковичи покорились этому голосу. Мятежников не преследовало начальство; им дана была царская милость. Но свои «лучшие люди», псковские посадские, не хотели простить меньшим людям, которые во время своего господства поживились богатствами лучших людей; лучшие люди сами похватили бывших народных правителей и посадили в тюрьму: их обвинили в попытке произвести новый мятеж, увезли из Пскова и казнили.

В.Г. Шварц. Сцена из домашней жизни русских царей. (Игра в шахматы)

Старинная церковь в селе Воздвиженском

Все эти мятежи неизбежно должны были подействовать на правительство. Царь Алексей Михайлович не изменился в своем обычном добродушии, но стал недоверчивее, реже появлялся народу и принимал меры предосторожности; поэтому, куда бы он ни ездил во все время своего царствования, его сопровождали стрельцы. Его жилище постоянно охраняли вооруженные воины, и никто не смел приблизиться к решетке, окружавшей дворец, никто не смел подать лично просьбу государю, а подавал всегда через кого-нибудь из его приближенных. Один англичанин рассказывает, что однажды царь Алексей Михайлович в порыве страха собственноручно умертвил просителя, который теснился к царской повозке, желая подать прошение, и потом очень жалел об этом. В последующие за мятежами годы появился новый приказ – приказ Тайных дел, начало Тайной полиции. Этот приказ поручен был ведению особого дьяка; бояре и думные люди не имели к нему никакого отношения. Подьячие этого приказа посылались надсматривать над послами, над воеводами и тайно доносили царю; от этого все начальствующие люди почитали выше меры этих царских наблюдателей. По всему государству были у царя шпионы из дворян и подьячих; они проникали на сходбища, на свадьбы, на похороны, подслушивали и доносили правительству обо всем, что имело вид злоумышления. Доносы были в большом ходу, хотя доносчикам всегда грозила пытка; но стоило выдержать пытку, донос признавался несомненно справедливым¹⁰⁸. Тяжелее для народа стало управление

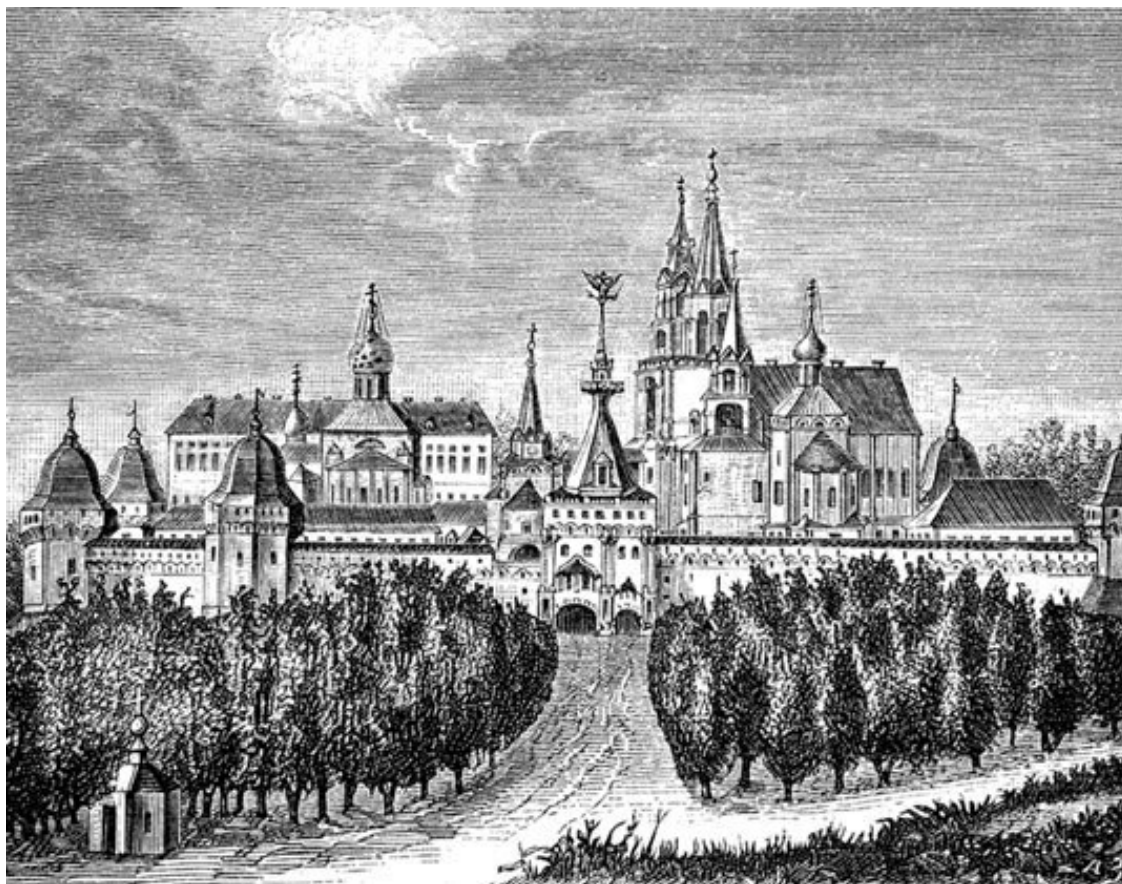
¹⁰⁸ Пытки были разных видов; самая простая состояла в обычном сечении; более жестокие были таковы: преступнику завязывали назад руки и поднимали вверх веревкой на перекладину, а ноги связывали вместе и привязывали бревно, на которое вскакивал палач и «оттягивал» пытаемого; иногда же другой палач сзади бил его кнутом по спине. Иногда, привязав

в городах и уездах. В важнейших городах начальники назывались наместниками, например в Новгороде, Пскове, Казани и т. д., и назначались из знатных людей: бояр и окольных; в менее важных начальники назывались воеводами и назначались из стольников и дворян. При воеводах были товарищи и всегда дьяк и подьячие. Наместники и воеводы со своими приказными людьми надзирали за порядком, имели в своем ведении военную защиту города, пушечные и хлебные запасы, все денежные и другие сборы, взимаемые с жителей посада и уезда, ведали всех служилых людей, состоящих в городе и уезде; они надзирали за благочинием; преследовали и наказывали корчемство, игру в зернь, табачную продажу; отыскивали, пытали и казнили воров и разбойников; принимали меры против пожаров; им подавались челобитные на имя царское и они творили суд и расправу. Воеводы в то время обычно назначались на три года и не получали жалованья, а напротив, должны были еще давать взятки в приказах, чтобы получить место, поэтому смотрели на свою должность как на средство к поживе и не останавливались ни перед какими злоупотреблениями; хотя в наказах им и предписывалось не утеснять людей, но так как им нужно было вернуть данные в приказах поминки, добыть средства к существованию и вдобавок нажиться, то они, по выражению современников, «чуть не сдирали живьем кожи с подвластного им народа, будучи уверены, что жалобы обиженных не дойдут до государя, а в приказах можно будет отделаться теми деньгами, которые они нагрябят во время своего управления». Суд их был до крайности продажен: кто давал им посулы и поминки, тот был и прав; не было преступления, которое не могло бы остаться без наказания за деньги, а с другой стороны, нельзя было самому невинному человеку быть избавленным от страха попасть в беду. Воевода должен был по своей обязанности наблюдать, чтобы подвластные ему не начинали «кругов», бунтов и «заводов», и это давало им страшное орудие ко всяким придирам. Раздавались повсеместно жалобы, что воеводы бьют посадских людей без сыска и вины, сажают в тюрьмы, мучат на правежах, задерживают проезжих торговых людей, придираются к ним под разными предлогами, обирают их, сами научают ябедников заводить тяжбы, чтобы содрать с ответчиков. Было тогда у воевод обычное средство обирательства: они устраивали у себя пиры и приглашали к себе зажиточных посадских людей; каждый по обычаю должен был в этом случае нести воеводе поминки. Земские старосты и целовальники, существовавшие в посадах и волостях, не только не могли останавливать злоупотреблений воевод, а еще самим воеводам вменялось в обязанность охранять людей «от мужиков горланов». Выборные лица, заведовавшие делами более значительными, были обычно из так называемых «лучших людей», а бедняков выбирали только на второстепенные должности, где они отвлекались от собственных дел и принимали ответственность за казенный интерес (например, в целовальники при соблюдении каких-нибудь царских доходов). На них обычно взыскивали всякие расходы и убытки. Земские старосты из лучших людей старались жить в мире с воеводами и доставлять им возможность наживаться; притом, раз выбранные, они не могли быть сменены иначе, как по челобитной, а между тем в случае ущерба казне, нанесенного от выборных лиц, вся община отвечала за них. Правительство не одобряло произвола и нахальства воевод и приказных людей и наказывало их, если они попадались; так мы имеем пример, как гороховский воевода князь Кропоткин и дьяк Семенов были биты кнутом за взятки и грабительства, но такие отдельные меры не могли исправить порчи, господствовавшей во всем механизме управления. Важнейший доход казны – продажа напитков – отдавался обычно на откуп. Правительство главным образом, как кажется, по совету патриарха Никона признало, что такой порядок тягостен для народа и притом вредно отзывается на его нравственности: откупщики, заплатив вперед в казну, старались всеми возможными видами выбрать свое и обогатиться, содержа кабаки, делали их разоритель-

---

человека за руки к перекладине, под ногами разводили огонь; иногда клали несчастного на горящие уголья спиной и топтали его ногами по груди и по животу. пытки преступников повторялись до трех раз; наиболее сильная пытка заключалась в том, что тело рвали раскаленными клещами; водили также по телу, иссеченному кнутом, раскаленным железом, выбривали темя и капали холодной водой и т. п.

ными притонами пьянства, плутовства и всякого беззакония. Притом же казалось, что выгода, которая предоставляется откупщикам, может сделаться достоянием казны, если продажа будет прямо от казны. В 1652 году кабаки были заменены кружечными дворами, которые уже не отдавались на откуп, а содержались выборными людьми «из лучших» посадских и волостных людей, называемых «верными головами»; при них были выборные целовальники, занимавшиеся и курением вина. Курение вина дозволялось всем, но только по уговору с доставкой вина на кружечный двор. Мера эта предпринята была как бы для уменьшения пьянства, потому что во все посты и в недельные дни запрещалась торговля вином, а дозволялось, как общее правило, продавать не более чарки (в три чарки) на человека; «питухам» на кружечном дворе и поблизости его не позволялось пить. Но до какой степени непоследовательны были в то время постановления, показывает то, что в том же акте вменяется в обязанность головам, чтобы у них «питухи на кружечном дворе пили смирно». По-прежнему воеводы имели право разрешать лучшим посадским людям производство горячих напитков на свой обиход по поводу праздников и семейных торжеств. Эти правила, однако, недолго были в силе, и правительство, нуждаясь в деньгах, начало требовать, чтобы на кружечных дворах было собираемо побольше доходов, и угрожало верным головам и целовальникам наказанием в случае недобора против прежних лет. Так как боярам, гостям и вообще вотчинникам дозволялось для себя свободное винокурение, то во всем государстве кроме казенного вина было очень много вольного, и надо было преследовать корчемство: от этого народу происходили большие утеснения, а воеводам и их служилым людям, гонявшимся за корчемниками, был удобный повод к придиркам, насилиям и злоупотреблениям.

Саввино-Сторожевский монастырь

Стрельцы московских стрелецких полков в 1674 г.

Стрельцы московских стрелецких полков в 1674 г.

В. М. Васнецов. Выезд царя Алексея Михайловича на охоту

В 1653 году по челобитью торговых людей во всем государстве заведена однообразная, так называемая рублевая пошлина по десяти денег с рубля. Каждый купец, покупая товар на продажу, платил пять денег с рубля, мог везти товар куда угодно с выписью и платил остальные пять денег там, где продавал. Взамен этого отменялись разные мелкие пошлины, хотя далеко не все. В следующем году (1654) уничтожены были, очевидно, по совету Никона откупы на множество разных пошлин (например, с речных перевозов, с телег, саней, с рыбы, кваса, масла, сена и т. п.), которые заводились не только в посадах и волостях, но и в частных владениях хозяевами. Царская грамота называла такие откупы «злодейством».

Еще в половине 1653 года предвидели, что война с Польшей неизбежна. Подготовка к ней подала повод к разным торжествам, проходам, встречам, обрядам, которые так любил царь. Царь собрал на Девичьем поле войско и приказал произнести в своем присутствии думному дьяку речь к ратным людям, уговаривал их в надежде царства небесного на небе и милости царской на земле показать храбрость на войне, если придется с кем-нибудь вести ее. 1 октября того же года Земский собор приговорил вести войну с Польшей, а 23 числа того же месяца царь в Успенском соборе объявил всем начальным людям, что в предстоящую войну они будут без мест. В январе заключен был боярином Бутурлиным Переяславский договор, по которому совершилось присоединение Малороссии: боярину Бутурлину по этому поводу устраивались несчетные встречи и торжественное объявление царской благодарности; но всего пышнее и торжественнее было отправление боярина Алексея Никитича Трубецкого с войском в Польшу. Это состоялось 23 апреля, в воскресенье. В Успенском соборе патриарх читал всему собранному войску молитву на рать идущим, поминал воевод по именам. Царь поднес патриарху воеводский наказ; патриарх положил эту бумагу в киот Владимирской Богородицы, проговорил высокопарную речь и подал наказ главному военачальнику Трубецкому – наказ как бы от лица Пресвятой Богородицы. Царь во всем царском облачении, поддерживаемый под руки боярами, позвал бояр и воевод на обед, и когда все сели за стол, царь, встав со своего места, произнес Трубецкому речь с разными нравоучениями и передал ему списки ратных людей, потом обратился с речью к подначальным лицам, увещевал их соблюдать Божии заповеди и царские пове-

ления, во всем слушаться начальников, не щадить и не покрывать врагов и сохранять чистоту и целомудрие. По окончании обеда принесли Богородицын хлеб на панагии при пении священных песнопений; царь потребил хлеб, потом взял Богородицыну чашу, трижды отпил и подавал по чину боярам и воеводам. Отпустив духовенство с панагией, царь сел, потом опять встал, приказал угощать бояр и ратных людей медом (начальников – красным, а простых воинов – белым) и по окончании угощения произнес еще речь Трубецкому; царь в ней приказывал всем ратным людям исповедоваться и причащаться на первой неделе Петрова поста. Трубецкой отвечал царю также речью и выражался, «что если пророком Моисеем дана была израильтянам манна, то они, русские люди, не только напитались телесною снедью, но обвеселились душевною пищею премудрых и пресладких глаголов, исходящих из царских уст». Потом совершалась церемония «отпуска». Трубецкой первым подошел к царю; Алексей Михайлович взял его обеими руками за голову и прижал к груди, а Трубецкой тридцать раз подряд поклонился царю в землю. За Трубецким подходили другие воеводы и кланялись в землю по нескольку раз. Царь отпустил начальных людей и вышел в сени. Там стояли разные дворяне и дети боярские; царь давал им из своих рук ковши с белым медом и опять говорил речь. «На соборах, – сказал царь, – были выборные люди по два человека от всех городов; мы говорили им о неправдах польского короля, вы все это слышали от ваших выборных; так стойте же за злое гонение на православную веру и за всякую обиду на Московское государство; а мы сами идем вскоре и будем с радостью принимать раны за православных христиан...» – «Если ты, государь, – отвечали ратные люди, – хочешь кровью обогреться, так нам и говорить после того нечего; готовы положить головы наши за православную веру, за государей наших и за все православное христианство». Через три дня после того совершалась новая церемония: все войско проходило мимо дворца; патриарх Никон кропил его святой водой; бояре и воеводы, сойдя с лошадей, шествовали к переходам, где находился царь; он спрашивал их о здоровье, а они кланялись ему в землю. Никон произнес речь, призывал на них благословение Божие и всех святых. Трубецкой с воеводами, поклонясь патриарху в землю, также отвечал речью, наполненной цветистыми выражениями, обещал от лица всего войска «слушаться учительных словес государя патриарха».

К.В. Лебедев. Пожалование из рядовых сокольников в начальные по «Уряднику сокольничья пути» в присутствии царя Алексея Михайловича

Положено было в мае отправиться на войну самому государю. Прежде всего Алексей Михайлович счел нужным посетить разные русские святыни, отправил вперед себя икону Иверской Божией Матери, а 18 мая выступил в сопровождении дворовых воевод. В воротах, через которые шел государь из Москвы, устроены были возвышения, обитые красным сукном (рундуки), с которых духовенство кропило святой водой государя и проходивших с ним ратных людей¹⁰⁹.

¹⁰⁹ Главная масса войска по-прежнему в то время состояла все еще из дворян и детей боярских, которых наследственно верстали в службу, наделяя поместным окладом и денежным жалованьем и оставляя из двух сыновей одного в семье. За ними следовали стрельцы (пешее войско), тогда получавшие, как мы сказали выше, все более и более значения. Царь Алексей Михайлович особенно отмечал их, давал им право на беспошлинные промыслы, жаловал землей, сукнами и пр. Стрельцы разделялись на приказы от 800 до 1000 человек в каждом (всего приказов было 20). Приказы находились под начальством голов, полковников, полуголов, сотников, пятидесятников и десятников. Кроме жалованья, собираемого со всего государства деньгами, им доставлялись хлебные запасы, особый побор под названием «стрелецкого хлеба». За стрельцами следовали казаки (конное войско), которым давали дворовые места и пахотные земли, свободные от всяких налогов. Они состояли под управлением атаманов, сотников и есаулов и расселены были по украинным городам казачьими слободами. Находившиеся при орудиях назывались «пушкарями». Тогда появились особые конные отдели войска под названиями «рейтаров» и «драгун», которые набирались из разных еще не служивших людей, преимущественно служилого сословия. Они разделялись на полки; иные имели поместья, а другие получали по 30 рублей в год; в мирное время они должны были иметь собственную лошадь и вооружение – карабины и пистолеты. Их подвергали правильному обучению, которым занимались иноземцы, носившие чины полковников, полуполковников, майоров и ротмистров; среди последних начали появляться русские незнатные люди. В то время был устроен новый отдел войска под названием «солдат». В 1649 году завели солдатские полки в заонежских погостах и в Старорусском уезде. Они набирались из жителей со двора по человеку, а с больших семей – и больше (в возрасте от двадцати до пятидесяти лет), и за это волости, из которых они набирались, освобождались от платежа данных и оброчных денег. Солдаты получали содержание и денежное жалованье и разделялись на полки, а полки – на роты пешие и конные; солдаты были

Война 1654 года шла так успешно, как ни одна из прежде бывших войн с Польшей и Литвой; однако благодушная натура Алексея Михайловича неприятно сталкивалась с обычным лукавством, свойственным московскому характеру окружавших его лиц. Сам царь сознавал это и писал Трубецкому: «С нами едут не единодушием, наипаче двоедушием как есть оболочка: овогда благопотребным воздухом и благонадежным и уповательным явятся, овогда паче же зноем и яростью и ненастьем всяким злохитренным обычаем московским явятся... Мне уже Бог свидетель, каково ставится двоедушие, того отнюдь упования нет... все врознь, а сверх того сами знаете обычаи их». Но более всего смущало царя то, что пока он находился в войске, осенью распространилась по Московскому государству страшная зараза. Царица с детьми бежала из Москвы в Колязин монастырь. В Москве была огромная смертность. Болезнь уничтожила большую часть жителей во многих городах¹¹⁰. Люди от страха разбежались куда попало, а кто-то, пользуясь общим переполохом, пустился на воровство и грабеж. Бедствия этим не закончились. Зараза появлялась и в следующие два года; правительство приказывало устраивать на дорогах заставы с тем, чтобы не пропускать уезжавших из зараженных мест, но это мало помогало, так как всякого пропускали на веру, хотя за обман положена была в этом случае смертная казнь, равно как и за общение с зачумленными. После смерти зачумленных сжигали их платье и постели; дворы, где случалась смерть, оставляли на морозе, а через две недели велели топить можжевельником и полынью, считая, что этим разгоняется зараза.

вооружены мушкетами и шпагами и состояли под начальством иноземных офицеров, которые обучали их ратному строю. Перед началом войны в 1653 году приказали усилить солдатское войско, записывая в него разных родственников, служивших у стрельцов, казаков, посадских, а также разных захребетников, гулящих людей. Велели сделать списки всех таких людей и половину из них зачислить в солдаты. Затем обращали в солдат детей, братьев и племянников дворян и детей боярских, еще не служивших нигде. Им предоставлялось или идти в солдаты, или быть выключенными из служилого сословия. Старые солдаты отпускаясь на земледельческие занятия, но не исключались вовсе из службы. Это устройство стало зародышем регулярного войска в России. Сначала в нем встречался разный сброд: и татары, и немцы, и др.

¹¹⁰ В «Истории» Соловьева, т. X, стр. 371–372, сообщается любопытное количество умерших от заразы в то время. До какой степени она свирепствовала в Москве, можно видеть из того, что в Чудове монастыре умерли 182 монаха, осталось 26; в Вознесенском – умерли 90 монахинь, осталось 38... в боярских дворах у Бориса Морозова умерли 343 человека, осталось 19; у князя Трубецкого умерли 270 человек, осталось 8... В Кузнецкой черной сотне умерли 173 человека, осталось 32; в Новгородской сотне умерли 438, осталось – 72 человека. В Калуге умерли 1836 посадских людей, осталось 777; в Кашиинском уезде умерли 1839 человек, осталось 908; в Переяславле-Рязанском умерли 2583 человека, осталось 434; в Переяславле-Залесском умерли 3627 человек, осталось 939; в Туле умерли 1808 человек, осталось 760 (мужского пола); в Торжке, Звенигороде, Угличе, Суздале, Твери количество умерших было меньше оставшихся; в Костроме и Нижнем болезнь свирепствовала так же сильно.

А.П. Рябушкин. Пир царя Алексея Михайловича в Отъезжем поле

Война продолжалась успешно и в следующие годы. Польше, по-видимому, приходил конец. Вся Литва покорилась царю; Алексей Михайлович титуловался великим князем литовским; непрощенный союзник шведский король Карл Густав завоевал все коронные польские земли. Вековая распря Руси с Польшей тогда разрешалась.

Польшу можно было спасти, только перессорив ее врагов между собой и склонив одного из них к примирению с поляками. За это дело взялась Австрия, которая как католическая держава вовсе не хотела, чтобы католическая Польша оказалась добычей протестантов и схизматиков. Между царем и Швецией возникали уже недоразумения, и еще до начала войны московское правительство не могло быть довольным поведением шведского правительства по отношению к самозванцу Тимошке Анкудинову.

Этот искатель приключений, родом из Вологды, московский подьячий, вздумал повторить старую историю самозванцев; вместе со своим товарищем Конюховским убежал он из Москвы в Литву, а оттуда – в Константинополь и назвался Иваном, небывалым сыном царя Василия Шуйского. Не найдя помощи у турок, Тимошка ушел в Италию, побывал в Риме, прикидывался ревностным католиком. Но и в Италии ему не было удачи. Пошатавшись по разным землям, Анкудинов пристал к Хмельницкому, проживал сначала в Чигирине, а потом в лубенском Мгарском монастыре, пользуясь тем покровительством, какое казаки оказывали всегда бродягам. В 1651 году Тимошка из опасения, чтобы Хмельницкий его не выдал, оставил Малороссию и очутился в Стокгольме. Московское правительство узнало об этом и требовало от шведского правительства выдачи самозванца, но безуспешно. Русский посланник Головин при посредничестве русских торговых людей захватил было Конюховского, товарища Тимошки, но королева Христина приказала его выпустить. Через некоторое время другому русскому гонцу, Чилищеву, удалось поймать Конюховского в Ревеле и привезти в Москву, но Тимошку шведы укрыли; Анкудинов ушел в Голштинию, и только тамошний герцог Фридрих приказал его выдать. Его четвертовали в Москве в конце 1653 года.

Другого рода недоразумения между Москвой и Швецией, поважнее прежних, возникли при Карле Густаве, преемнике Христины. В то время, когда Алексей Михайлович считал себя полным обладателем Литвы и титуловался великим князем литовским, гетман литовский Януш Радзивилл отдался шведскому королю в подданство, а шведский король обещал возвратить ему и другим панам литовским их владения, уже занятые московскими войсками. Это сочтено было за попытку отнять у русских их достояние, приобретенное оружием, за покушение, которое могло, как тогда казалось, повториться и в будущем. Кроме того, шведский полководец Делагарди, призывая литовцев к подданству шведскому королю, отзывался неуважительно о царе. В конце 1655 года в Москву приехал императорский посланник Алегретти, человек очень ловкий, родом рагузский славянин, знавший по-русски, прибыл, по-видимому, с придуманной заранее целью произвести раздор между Россией и Швецией.

В то время, в ноябре, царь возвратился из похода. Его въезд в Москву и на этот раз послужил поводом к торжеству. Патриарх в сопровождении двух гостей, александрийского и антиохийского патриархов, с собором духовенства со множеством образов встречали царя, который шел пешком по городу в собольей шубе, с белой покрывкой без шапки, с одной стороны сопровождаемый сибирским царевичем, а с другой – боярином Ртищевым; перед ним шествовало множество юношей, которые держали в руках листы бумаги и пели. Так государь при колокольном звоне и выстрелах из пушек, отнятых у неприятеля, достиг Лобного места и приказал спросить весь мир о здоровье. Вся густая толпа народа закричала «многие лета» государю и поверглась на землю.

В эти-то дни царского торжества ловкий императорский посланник подействовал на бояр и раздражил их против Швеции. Он представлял, что шведский король уже и тем показал свое

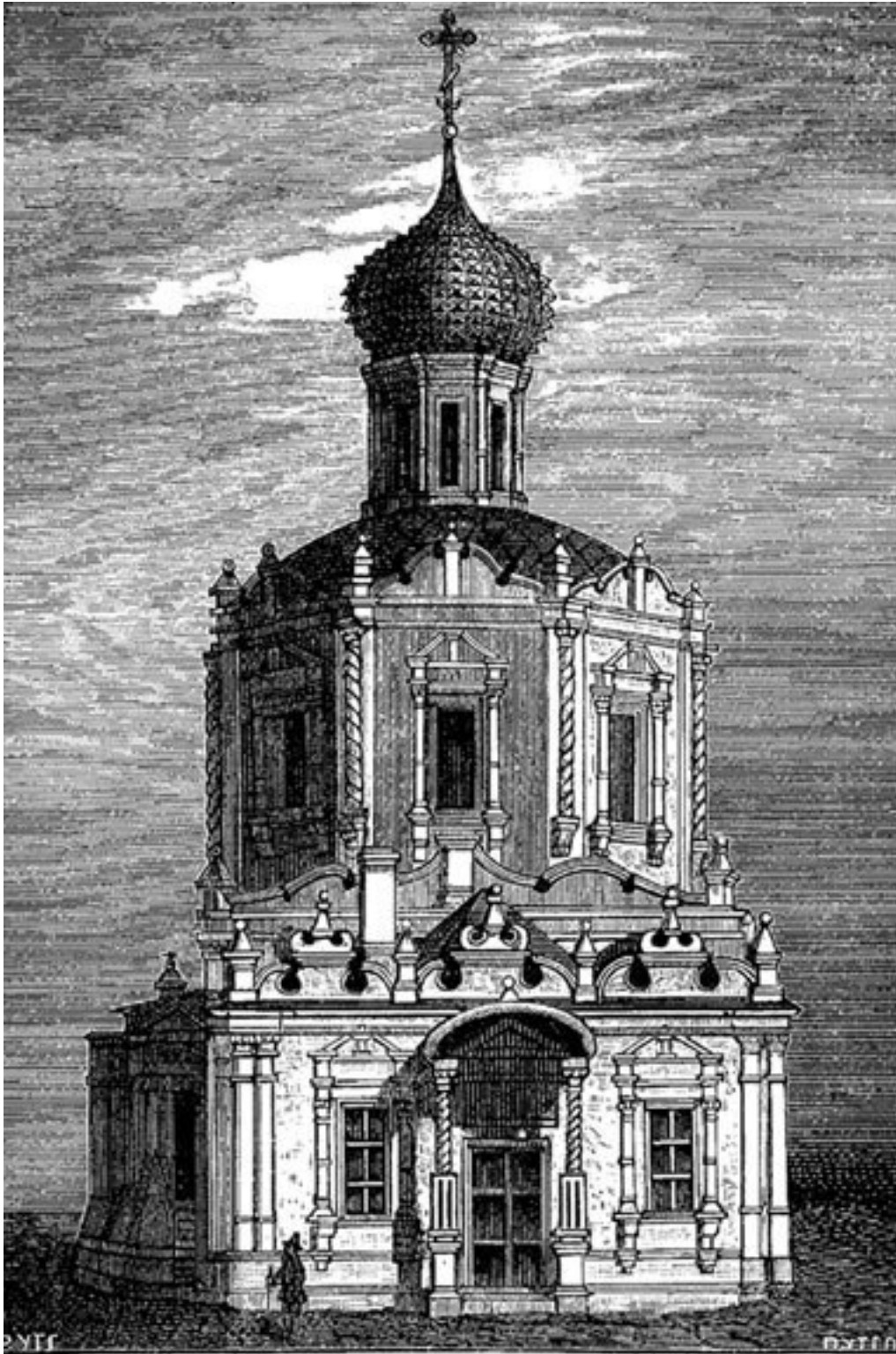
нерасположение к царю, что напал на поляков в то время, когда царь воевал с ними. Алегретти вооружал русских бояр и против Хмельницкого, намекал, что рано или поздно Хмельницкий изменит и отдастся Швеции, потому что и теперь уже находится в приязни со шведским королем. От имени своего государя Алегретти предлагал посредничество в примирении с Польшей и вместе с тем замечал, что папа, цезарь, французский и испанский короли и все государи католической веры вступятся за единоверную Польшу, если придется спасти ее существование. Представившись государю 15 декабря, Алегретти среди прочих даров поднес ему миро Святого Чудотворца Николая.

Наущения и советы Алегретти оказали действие: окольный Хитров и думный дьяк Алмаз Иванов в переговорах с приехавшим польским послом Петром Галинским дали обязательство из уважения к просьбе императора Фердинанда прекратить войну с Польшей, назначить съезд для мирных переговоров и объявить войну Швеции, если шведский король будет нарушать мирный договор. Шведский посол Густав Бельке с товарищами с конца 1655 по 1656 год жил в Москве безвыездно, стараясь устранить недоразумения; но бояре со своей стороны придирались к нему всеми способами с явным намерением довести дело до войны, упрекали короля за принятие литовских городов, доставшихся царю, за сношения с казаками будто с целью отвлечь их от царя и привлечь в подданство Швеции и пр. В мае 1656 года в Москве стали умышленно стеснять шведское посольство и держать как в плену; наконец 17 числа объявили, что мирное окончание нарушено со шведской стороны. Царя Алексея Михайловича более всего расположило к войне со Швецией то, что и патриарх Никон был за эту войну из вражды к протестантству.

Бояре XVII столетия (по А. Оларию)

Владимирская церковь в Москве

Война со Швецией началась удачно в Ливонии; русские взяли Динабург и переименовали его в Борисоглебов; взяли Кокенгаузен и переименовали его в Царевичев-Димитриев; взяли, наконец, Дерпт, но не могли взять Риги, потерпели поражение и после двухмесячной осады, при которой находился сам царь, удалились из Ливонии. Между тем в Вильне еще с июня начались переговоры с Польшей. Московские политики думали, что теперь путем переговоров можно с Польшей сделать все, что угодно; от царского имени велено было разослать по

Литве грамоту о собрании сеймиков, на которых при рассуждении о делах иметь в виду, что царь не уступит Великого княжества Литовского, и стараться непременно, чтобы после Яна Казимира избран был польским королем московский государь или его сын. С такими требованиями явились на виленский съезд московские послы – князь Никита Иванович Одоевский с товарищами. Цезарский посланник Алегретти был на этом съезде в качестве посредника и оказался совершенно на стороне Польши; он отклонял поляков от избрания царя. Поляки со своей стороны стали смелее, когда увидели, что их враги поссорились между собой. Наконец в октябре виленская комиссия постановила договор, по которому поляки обещали добровольно избрать Алексея Михайловича на польский престол, а царь обещал возвратить земли, отлученные от Речи Посполитой, кроме тех, что прежде принадлежали московским государям. Ничто не могло быть неразумнее этого договора: Московское государство разом лишало себя того, что уже было в его руках. Поляки никогда искренно не думали избирать московского государя на свой престол: московский государь и шведский король перестали быть им страшны в той мере, как прежде; вдобавок виленский договор произвел разлад между Москвой и Малороссией. Сам Хмельницкий, хотя не отпал совершенно от царя, но был так сильно огорчен и раздражен, что от огорчения умер. В Малороссии распространилось недоверие к московскому правительству. Виленский договор не мог иметь силы: прежде чем он был утвержден сеймом, поляки умышленно тянули окончание этого дела, пока наконец в сентябре 1659 года преемник Хмельницкого Выговский заключил договор с Польшей в ущерб Москве. Надеясь теперь снова прибрать казаков к рукам, поляки перестали уже манить московского царя лестными обещаниями. Комиссары с обеих сторон снова съехались в Вильне, толковали о мире, но соглашались мириться с Москвой не иначе, как только на основании Поляновского договора, и в то же время польские войска предприняли неприятельские действия против русских.

В литовских областях эта война началась неудачно для поляков. Князь Юрий Долгорукий победил и взял литовского гетмана Гонсевского. Затем и в Малороссии дела пошли не «на корысть полякам». Выговскому хотя и удалось было при помощи крымцев разбить московское войско под Конотопом, но народ малорусский не разделял планов Выговского и его соумышленников, прогнал Выговского и избрал нового гетмана Юрия Хмельницкого на условиях повиновения московскому государю. Это произошло в 1659 году, но с 1660 года начались несчастья для Московского государства с двух сторон. В Литве московский военачальник князь Иван Хованский 18 июня был разбит наголову, потерял весь обоз и множество пленных. Литовские города, находившиеся уже в руках московских воевод, один за другим сдавались королю. Сам Ян Казимир осадил Вильну; тамошний царский воевода князь Данило Мышецкий решил лучше погибнуть, чем сдаться, но был выдан своими и казнен королем за жестокости, как повествуют поляки. Еще хуже шли дела в Малороссии: в октябре боярин Василий Борисович Шереметев был разбит, взят в плен поляками и изменнически отдан татарам. Современники поляки заявляли, что если бы тогда в польском войске была дисциплина и если бы поляки вообще действовали дружно, то не только отняли бы все завоеванное русскими, но покорили бы саму Москву.

Нелепая война со Швецией приостановилась еще в 1657 году. Сам Карл Густав через своих послов, задержанных в Москве перед объявлением войны, предлагал Алексею Михайловичу мир и соглашался титуловать его великим князем литовским, волынским и подольским. Московское правительство приостановило военные действия против шведов, но не вступало в переговоры с ними до весны 1658 года; наконец оно назначило для этой цели боярина князя Ивана Прозоровского и думного дворянина Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина. Последний был официально товарищем Прозоровского, но пользовался особым доверием государя. Царь поручал ему лично вести все дело и сообщаться с ним секретно через приказ Тайных дел. Русские послы больше двух лет тянули дело. Они то спорили со шведскими послами о месте переговоров, то ссорились между собой. Нащокина не терпели ни его

главный товарищ Прозоровский, ни воевода Хованский, которому надлежало с войском охранять посольский съезд; шведы также не любили Нащокина, потому что не надеялись на его уступчивость и считали его приверженцем поляков. Между тем шведский король Карл Густав умер, а его преемник король Карл XI в мае 1660 года поспешил заключить в Оливе мир с Польшей, по которому Польша уступила Швеции Ливонию. Понятно, что после того шведы стали неуступчивее, а военные дела Москвы с Польшей пошли как нельзя хуже для первой. Нащокин по царской милости уже не занимал второстепенного места в посольстве, а получил звание великого посла и начального воеводы. Он, однако, уклонился от дела, которое не могло быть окончено с пользой для государства, и боярин князь Иван Прозоровский, назначенный вновь главным послом, заключил в июне 1661 года вечный мир в Кардиссе (между Дерптом и Ревелем), по которому уступил Швеции взятые Московским государством города в Ливонии; затем отношения между Москвой и Швецией возвратились к условиям Столбовского мира.

Война со Швецией не принесла никакой выгоды, а напротив, сбила Московское государство с того пути, по которому оно так удачно пошло было в деле векового спора за русские земли, захваченные Польшей.

Затруднения московского правительства не ограничивались одними военными неудачами. Внутри государства господствовало расстройство и истощение. Война требовала беспрепятственного пополнения ратных сил; служилых людей то и дело собирали и отправляли на войну; они разбегались; сельские жители разных ведомств постоянно поставляли даточных людей, поэтому край лишался рабочих рук; народ был отягощен налогами и повинностями; поселяне должны были возить для продовольствия ратным людям толокно, сухари, масло; торговых и промышленных людей обложили десятой деньгой, а в 1662 году на них наложили пятую деньгу. Налоги эти производились таким образом: в посадах воеводы собирали сходку, которая избирала из своей среды окладчиков; эти окладчики окладывали прежде самих себя, потом всех посадских по их промыслам сообразно сказкам, подаваемым самими окладываемыми лицами; причем происходили нескончаемые споры и доносы друг на друга. Тяжела была эта пятая деньга, но финансовая проделка, к которой прибегло правительство, думая поправить денежные дела, произвела окончательное расстройство. Правительство, желая накопить как можно больше серебра для военных издержек, приказало всеми силами собирать в казну ходячие серебряные деньги и выпустить вместо них медные копейки, денежки, грошовики и полтинники. Чтобы привлечь к себе все серебро, велено было собирать недоимки прошлых лет, а равно десятую и потом пятую деньгу не иначе, как серебряными деньгами, ратным же людям платить медью. Вместе с тем правительство издало распоряжение, чтобы никто не смел поднимать цены на товары и чтобы медные деньги ходили по той же цене, как и серебряные. Но это оказалось невозможным. Стали на медные деньги скупать серебряные и прятать их; этим подняли цену серебра, а затем поднялись цены и на все товары. Служилые люди, получая жалованье медью, должны были покупать себе продовольствие по дорогой цене. Кроме того, легкость производства медной монеты тотчас искусила многих: головы и целовальники из торговых людей, которым был поручен надзор за производством денег, привозили на денежный двор свою собственную медь и изготавливали из нее деньги; помимо того денежные мастера, служившие на денежном дворе (всякие серебряники, оловянщики, медники), делали тайно деньги у себя в погребах и выпускали в народ; таким образом медных денег оказалось больше, чем было нужно. В одной Москве выпустили поддельной монеты на 620 000 рублей. Медные деньги были пущены в ход в 1658 году и к 1 марта 1660 года дошли до того, что на рубль серебряных денег нужно было прибавить десять алтын; к концу того же года прибавочная цена дошла до 26 алтын 4 деньги; в марте 1661 года за рубль серебряных денег давали два рубля медью, а летом 1662 года повысилась ценность серебряного рубля до 8 рублей медных. Правительство казнило нескольких делателей медной монеты: им отсекали руки и прибавляли к стене денежного двора, заливали растопленным оловом горло. Но тут распространился слух, что

царский тесть Милославский и любимец Матюшкин брали взятки с преступников и выпускали их на волю. По Москве стали ходить подметные письма; их прибывали к воротам и стенам.

Скит Никона в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре

25 июля, когда царь был в селе Коломенском, в Москве на Лобном месте собралось тысяч пять народу. Стали читать во всеуслышание подметные письма. Толпа закричала: «Идти к царю требовать, чтобы царь выдал виновных бояр на убиение!» Бывшие в Москве бояре поспешно дали знать Алексею Михайловичу. Одна часть народа бросилась грабить в Москве дома ненавистных для них людей, другая, еще большей толпой, двинулась в село Коломенское, но без всякого оружия. Царь был у обедни. Когда к нему пришла весть о московской смуте, он приказал Милославскому и Матюшкину спрятаться у царицы, а сам остался до конца богослужения. Выходя из церкви, он встретил толпу, которая бежала к нему с криком и требовала выдачи

тестя и любимца. Царь ласково стал уговаривать москвичей и обещал учинить сыск. «А чему нам верить?» – кричали мятежники и хватали царя за пуговицы. Царь обещался им Богом и дал им на своем слове руку. Тогда один из толпы ударил с царем по рукам, и все спокойно вернулись обратно в Москву. Немедленно царь отправил в столицу князя Ивана Андреевича Хованского, велел уговаривать народ и обещал приехать в тот же день в Москву для розыска. В это время москвичи ограбили дом гостя Шорина, тогда собиравшего со всего Московского государства пятую деньгу на жалованье ратным людям и поэтому опротивевшего народу. Гостя не было тогда в Москве; мятежники схватили его пятнадцатилетнего сына, который оделся было в крестьянское платье и хотел убежать. Приехал Хованский, стал уговаривать толпу.

Москвичи закричали: «Ты, Хованский, человек добрый, нам до тебя дела нет! Пусть царь выдаст изменников своих бояр». Хованский отправился назад к царю, а вслед за ним толпа, подхватив молодого Шорина, бросилась из города в Коломенское. Мятежники страхом принудили молодого Шорина говорить на своего отца, будто он уехал в Польшу с боярскими письмами. Федор Федорович Куракин с боярами, которым была поручена Москва, выпустив из города эту толпу, приказали запереть Москву со всех сторон, послали стрельцов останавливать грабеж и наловили до 200 человек грабителей, а потом отправили в Коломенское до трех тысяч стрельцов и солдат для охраны царя.

Толпа, вышедшая из Москвы с Шориным, встретила с той толпой, которая возвращалась от царя, и уговорила последнюю снова идти к царю. Мятежники ворвались на царский двор; царица с детьми сидела запершись и была в большом страхе. Царь в это время садился на лошадь, собираясь ехать в Москву. Нахлынувшая в царский двор толпа поставила перед царем Шорина, и несчастный мальчик из страха начал наговаривать на своего отца и на бояр. Царь в угоду народу приказал взять его под стражу и сказал, что тотчас едет в Москву для сыска. Мятежники сердито закричали: «Если нам добром не отдашь бояр, то мы сами их возьмем по своему обычаю!» Но в это время царь, увидев, что к нему на помощь идут стрельцы из Москвы, закричал окружавшим его придворным и стрельцам: «Ловите и бейте этих бунтовщиков!» У москвичей не было в руках никакого оружия. Они все разбежались. Человек до ста в поспешном бегстве утонуло в Москве-реке; много было перебито. Московские жители всяких чинов, как служилые, так и торговые, не пристававшие к этому мятежу, отправили к царю челобитную, чтобы воров переловить и казнить. Царь в тот же день приказал повесить до 150 человек близ села Коломенского; других подвергли пытке, а потом отсекали им руки и ноги. Менее виновных били кнутом и клеймили раскаленным железом буквой «б» (то есть бунтовщик). Последних сослали на вечное житье с семьями в Сибирь, Астрахань и Терк (город, уже не существующий на реке Терек). На другой день прибыл царь в Москву и приказал по всей Москве на воротах повесить тех воров, которые грабили дома. По розыску оказалось, что толпа мятежников состояла из мелких торгашей, боярских холопов, разного рода гулящих людей и отчасти служилых, именно рейтар. В числе виновных пострадали и невинные. Медные деньги продолжали еще быть в обращении целый год, пока наконец дошло до того, что за рубль серебряный давали 15 рублей медных. Тогда правительство уничтожило медные деньги и опять были пущены в ход серебряные.

Понятно, что при таких настроениях, охватывавших все стороны общественной жизни, желанием правительства было помириться с Польшей во что бы то ни стало. Первая попытка к этому была сделана еще в марте 1662 года; но польские сенаторы надменно отвечали, что мира не может быть иначе, как на основании Поляновского договора. Тяжело было на это решиться – потерять плоды многолетних усилий, отдать снова в рабство Польше Малороссию и потерпеть крайнее унижение. Но и противной стороне не во всем была удача. В 1664 году король Ян Казимир попытался отвоевать Малороссию левого берега Днепра и не успел, потерпев поражение под Глуховым. В Малороссии происходили междоусобия и неурядицы, но полякам все-таки было мало на нее надежды. Московские ратные люди, правда, успели своими насилиями

и бесчинством поселить раздражение против великороссов, а безрассудное поведение московского правительства заставляло все более и более терять к нему доверие, но тем не менее малороссийский народ считал польское владычество самым ужасным для себя бедствием и отворачивался от него с ожесточением. Поляки не в силах были сладить с казаками одни, и если бы московское правительство уступило всю Малороссию Польше, то последней удержать ее за собой не было бы возможности. Это обстоятельство заставляло поляков, несмотря на упоение своими успехами, быть податливее на московские предложения. Королевский посланник Венцлавский договорился в Москве с Ординым-Нащокиным устроить съезд послов. С московской стороны были назначены князь Никита Иванович Одоевский, князя боярин Юрий и окольный Дмитрий Алексеевич Долгорукие; к ним приданы были думные дворяне, в числе которых состояли Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин и дьяк Алмаз Иванов. С польской стороны были комиссары коронный канцлер Пражмовский и гетман Потоцкий.

С.И. Васильковский. Богдан Хмельницкий

Душой этого важного начинавшегося дела являлся Ордин-Нащокин. Этот человек еще прежде был расположен к Польше, он отчасти проникся польским духом, с увлечением смотрел на превосходство Запада и с презрением отзывался о московских обычаях. Был у него сын Воин. Отец поручил его воспитание польским пленникам, и плодом такого воспитания было то, что молодой Ордин-Нащокин, получив от царя поручение к отцу с важными бумагами и деньгами, ушел в Польшу, а оттуда во Францию. Поступок был ужасный по духу того времени: отец мог ожидать для себя жестокой опалы, но Алексей Михайлович сам написал ему друже-

ское письмо, всячески утешал в постигшем его горе и даже к самому преступнику, сыну его, относился снисходительно: «Он человек молодой, – писал царь, – хочет создание Владычне и руку его видеть на сем свете, яко же и птица летает семо и овамо и, полетав довольно, паки к гнезду своему прилетит. Так и сын ваш воспомянет гнездо свое телесное, наипаче же душевное привязание ко св. купели, и к вам скоро возвратится». Афанасий Нащокин был столь же привязан к Польше, сколь предубежден против Швеции. Он считал шведов естественными, закоренелыми врагами Руси и, напротив, союз с Польшей – самым спасительным делом. Явно находясь под влиянием поляков, он повторял царю то, что много раз высказывали поляки: Московское государство в союзе с Польшей может стать страшным для басурман. Нащокин не терпел казаков и советовал прямо возвратить Малороссию Польше. На первый раз благочестивый царь возмущился мыслью об отдаче Польше казаков и, отправляя посольство из Москвы, только в крайнем случае соглашался сделать Днепр границей между Польшей и Московским государством.

Начались съезды уполномоченных; они то прерывались, то опять возобновлялись. Московские послы предлагали то одно, то другое; польские стояли на одном, чтобы не уступать ни пяди земли. Заключили только перемирие до июня 1665 года. После его истечения переговоры были отложены до мая 1666 года и начались в то время в деревне Андрусове над рекой Городней. На этот раз Нащокин был уже главным послом. Его сын Воин возвратился из-за границы, и по просьбе отца царь простил его: так любил царь Афанасия Нащокина. Оказалось, что заключить так называемый вечный мир, как сначала предполагали, было слишком трудно. Мешали этому главным образом казаки, потому что не хотели ни за что идти под власть Польши, не прекращали военных действий против поляков и после заключения мира вскоре втянули бы в войну обе державы. Притом же Московскому государству после недавних успехов было слишком тяжело отречься на вечные времена от прав на русские земли. Царь решительно был против этого.

В конце переговоров усиленно спорили за Киев; Нащокин убеждал царя уступить и Киев. Он смотрел на него не более, как на порубежный город, указывал, что в данное время в Московском государстве уменьшились доходы, нечем давать жалованье ратным людям; денег мало; турки и татары угрожают овладеть Малороссией, а на верность казаков нельзя полагаться. Когда наконец на исходе 1666 года Нащокин известил, что если не будет заключено перемирие, то польские войска войдут в Смоленский уезд, царь согласился на уступки. В то время заднепровский казацкий гетман Дорошенко, напрасно хлопотавший перед царем, чтобы не допустить русских до примирения с Польшей, призвал татар и начал ожесточенную борьбу с поляками. Татары разорили польские области и увели до 100 000 пленных. Это событие было признано польскими комиссарами за главное препятствие к вечному миру. Они боялись, что если будет заключен вечный мир, то это озлобит турок и татар. 12 января 1667 года заключили перемирие на 13 лет, до июня 1680 года. Днепр назначен был границей между русскими и польскими владениями; Киев оставлен за Россией только на два года, а на удовлетворение шляхте, разоренной казаками, царь обещал миллион злотых. Когда потом в Москве утверждалось это перемирие, Нащокин и польские послы пришли обоюдно к сознанию необходимости обоим государям, русскому и польскому, общими силами усмирить казаков. Нащокин ненавидел их потому, что считал их беспокойными мятежниками. Такой взгляд совпадал с теми понятиями, какие человек этот составил себе о государственных порядках. Он с презрением отзывался о голландцах, называл их мужиками и, услышав, что французский и датский короли соединились с голландцами против Англии, называл их безрассудными именно за то, что вступают в союз с республиканцами. «Надобно бы, – говорил он, – соединиться всем европейским государям, чтобы уничтожить все республики, которые есть не что иное, как матери ересей и бунтов».

Андрусовский мир считался в свое время успехом. Действительно, Россия приобрела то, чем владела до Смутного времени, и даже несколько больше; но эти приобретения были слиш-

ком ничтожны по сравнению с потерей нравственного значения государства. Достигнув цели стремления многих веков, овладев почти добровольно теми древними областями, где начиналась и развивалась русская жизнь, потерять все это – было большой утратой и унижением. Андрусовский договор носил в себе зародыш тяжелых бедствий, кровопролитий и народных страданий на будущие времена. Несчастливая Малороссия испытала прежде всего его пагубное влияние. Эта страна, выбившаяся с такими усилиями из-под чуждой власти, соединившаяся добровольно с другой половиной Руси и, несмотря на жестокую борьбу с поляками, стоившую ей много крови, еще довольно населенная и в некоторых местностях цветущая, ни за что не желала возвращаться под власть поляков и потерпела такое опустошение, что через несколько лет ее плодородные поля, начиная от Днепра до Днестра, представлялись совершенно безлюдной пустыней, где только развалины людских поселений да человеческие кости указывали, что она была обитаемой. Сама Польша только временно и внешне выигрывала, а не на самом деле, как показали события. Все это, однако, было последствием не столько самого Андрусовского договора, сколько тех прежних ошибок, которые привели к необходимости заключить Андрусовский договор. В истории, как в жизни, раз сделанный промах влечет за собой ряд других, а испорченное за несколько месяцев и годов исправляется целыми веками. Богдан Хмельницкий предвидел это, сходя в могилу, когда московская политика не хотела слушать его советов.

И.Е. Репин. Запорожцы пишут письмо турецкому султану

Война отразилась многими изменениями во внутреннем порядке. Это время было замечательно, между прочим, тем, что тогда умножилось количество вотчин и земля более и более становилась наследственной частной собственностью. Обычная царская награда служилым людям за их воинские заслуги состояла в обращении их поместной земли в вотчинную; впрочем, это делалось так, что в награду переходила в вотчину только часть поместной земли¹¹¹.

Скудость средств для ведения войны заставила прибегать к усиленным и ненавистным путям их приобретения. В 1663 году возобновлены были снова винные откупы. Горячие напитки продавались в государстве двумя способами: на веру и с откупа. Дело винной продажи чаще всего соединялось с таможенным делом, и там, где продажа вина и таможенные

¹¹¹ Боярам по 500, окольных по 300, думным боярам по 250, думным дьякам по 200, а прочим – со 100 четей по 20 четей, а в дву потому ж.

сборы были «на веру», – то и другое поверялось назначаемым от правительства таможенным и кружечным головам и выборным целовальникам при них. Должности эти были до крайности затруднительны и разорительны для тех, на кого возлагались, потому что головы и целовальники, находя таможенную и кружечную двор в расстройстве, должны были заводить на свой счет всякого рода материал. Правительство требовало, чтобы как можно больше доставлялось доходов, и в случае недобора приходилось им доплачивать в казну и из собственного состояния. Для увеличения доходов от вина правительство приказывало смешивать плохое вино с хорошим, «лишь бы казне было прибыльнее», и стараться, чтобы к концу года был выпит весь наличный запас вина. Кроме того, таможенным головам и целовальникам запрещалась всякая другая торговля во время исполнения своей должности. Неудивительно, что эти блюстители царской выгоды пополняли свои убытки всевозможными злоупотреблениями. Таможенные и кружечные сборы отдавались на откуп в приказах «с наддачей», то есть тому, кто больше дает, иногда – компании торговых людей, а иногда – целому посаду. Кружечные дворы были собственными в посадах, а в селах и деревнях учреждались временные «торжки», куда таможенные головы посылали особых целовальников для торговли. В 1666 году начали появляться и в селах постоянные кабаки. Они утаивали в свою пользу все, что получали сверх оклада, занимались тайно торговлей, вопреки запрещению пропускали беспошлинно одних торговых людей по свойству, по дружбе, а больше всего – за посулы, другим же торговцам причиняли ущерб и разорения своими придирками. Особым предлогом к придиркам и задержкам служило подозрение в торговле заповедными товарами, как, например, табаком. За намерение торговать табаком и даже за следы существования этого зелья бралась в то время огромная пеня.

Стараясь ухватиться за любую меру увеличения казенного дохода, правительство осталось глухо к убеждениям посланника английского короля Карла II графа Карлейля, который от имени своего государя просил о возобновлении привилегий английской компании и расточал множество доводов в подтверждение мысли, что беспошлинная торговля принесет обогащение и московской казне, и народу; Карлейль уехал ни с чем: англичане были уравнены с прочими иноземцами. В этом случае правительство делало угодное московским гостям и вообще крупным торговцам, которые и прежде не терпели привилегий, даваемых иноземцам, тогда как, напротив, мелким торговцам эти привилегии были выгодны, потому что давали возможность непосредственно торговать с иноземцами и тем освобождали их от зависимости, в которой иначе они находились бы у русских крупных торговцев. Правительство, нуждаясь в деньгах, в то время до того мирволило интересам крупных торговцев, доставлявших ему деньги, что во Пскове согласилось было даже на возобновление выборного самоуправления, устроенного ради выгод крупных торговцев. С 1665 года по ходатайству бывшего тогда во Пскове воеводой Афанасия Ордина-Нащокина (который по своей любви к иноземщине склонен был к порядкам, смахивавшим на магдебургское право) правительство положило учредить выборное начальство из пятнадцати человек, из которых пять управляли бы по году; вместе с этим вводилась свободная продажа питей с платежом в казну оброка и беспошлинная торговля с иноземцами на два двухнедельных срока в год. Хотя мера эта, как говорилось, предпринималась с целью оградить маломочных людей от сильных, но такая цель не только не могла быть достигнута, а была противоположна смыслу устава, по которому правление сосредотачивалось в руках этих сильных людей, маломочным же людям не дозволялось вступать в прямые сношения с иноземцами: им оставлялось только право служить комиссионерами у русских крупных торговцев для скупки русских товаров, которые будут переходить в руки иноземцев не иначе, как от крупных торговцев. Вскоре место Нащокина во Пскове занял его враг Хованский; маломочные люди подали последнему челобитную, доказывая, что новое правление, выдуманное при Нащокине, будет выгодно только для лучших людей и не принесет пользы казне. Все затеи псковских лучших людей, покровительствуемых Нащокиным, уничтожили; продажу вина велели произво-

дить с откупа; все управление осталось опять в руках воевод и дьяков со всеми вопиющими злоупотреблениями, свойственными тогда этого рода управлению в России.

В.Г. Шварц. Вешний поезд царицы на богомолье при царе Алексее Михайловиче

Скудость казны побуждала правительство к стеснению торговли. В 1666 году существовавшую рублевую пошлину заменили двойной (по 20 денег с рубля), но в 1667 году издан был новый торговый устав, по которому возобновили прежнюю десятую пошлину с разными видоизменениями¹¹². Тогда по челобитью торговых людей были установлены в Москве и в порубежных городах особые головы и целовальники по торговым делам, не зависевшие от таможенных голов. Понятно, торговля стеснялась тем, что купцы, разъезжая с товарами, много раз подвергались задержанию, осмотру и разным платежам. Правительство старалось как можно больше привлечь в казну золотой и серебряной монеты и приказывало собирать с иноземных купцов пошлину золотыми, считая каждый золотой за рубль, и ефимками (серебряные монеты), считая ефимок за полтину, а потом приказывало прикладывать к ефимкам штемпели и выпускало их в обращение как рубль. С иноземцев, покупавших русские товары за чистые деньги, не брали вовсе пошлин. Для накопления в казенное достояние всякого вида драгоценных металлов запрещалось людям низкого состояния покупать золотые вещи под благовидным предлогом – чтобы не дать им промотаться.

Правительство обращало тогда внимание на торговлю с Персией главным образом потому, что через эту страну можно было получать из Индии драгоценные камни, жемчуг, золото и разные редкости, так называемые узорочные товары; но торговля эта для русских купцов была очень затруднительной, так как на пути они подвергались грабежам, особенно в

¹¹² Так, русские и иноземцы в Архангельске платили с весомых товаров 10 денег, а с невесомых и с монеты – 8 денег. За продажу соли везде брали 20 денег. Сахар и вино подлежали особой повышенной пошлине. Иноземцы, торговавшие внутри России, платили 12 денег и кроме того проезжих пошлин 20 денег. Иноземцы под страхом отобрания товаров не смели торговать с иноземцами русскими товарами и, приезжая в русский город, могли вести торговлю только с купцами этого города.

Шемахе и Тарках. В 1667 году армянин Григорий Усиков, член армянской компании в Персии, при посредничестве Ордина-Нащокина заключил договор, по которому компании с платежом пошлин в размере пяти денег с рубля предоставили право торговать в Астрахани, Москве, Архангельске и ездить за границу. Договор этот был важен потому, что повлек за собой сооружение первого русского корабля для плавания по Каспийскому морю¹¹³. Постройка его производилась в селе Деделове Яковом Полуектовым с большими препятствиями: Полуектов с трудом мог найти рабочих, жаловался на их неумелость, а они жаловались на то, что он их бьет и морит голодом.

Малороссийский крестьянин

---

¹¹³ Русские намеревались прежде завести флот на Балтийском море, в Курляндской земле, для торговых целей; но курляндцы отклонили русских от этого намерения.

Корабль, однако, был изготовлен, назван «Орлом» и спущен в 1669 году на Оку, а потом на Волгу. В одно время с «Орлом» построили яхту, два шенска и бот. Сооружение «Орла» обошлось в 2021 рубль, а капитаном его назначили голландца Давида Бутлера. Все матросы на нем были иностранцами. Этим не ограничились: хотели изготовить еще суда с целью плавания по морю. Но Стенька Разин сжег первый русский корабль.

Планы армянской компании после того пошатнулись. Между тем гости и торговые люди, у которых правительство просило совета, были против дозволения армянам торговать с иностранцами. Армянам разрешили только продавать шелк в казну. Русским не позволяли ездить в Персию, а персиянам дозволили торговать только в одной Астрахани.

Одновременно с собиранием в казну серебряной и золотой монеты правительство старалось об отыскании в своем государстве всяких руд, особенно серебряной. В 1659 году приказано было в Сибири кликать через биричей, чтобы каждый, кто ведает где-нибудь по рекам золотую, серебряную и медную руды и «слюдные горы», приходил бы в съезжую избу и доносил о том воеводе. По этим «кликакам» было несколько заявлений, которые, однако, не привели к важным последствиям. Сибирским удалцам, отправлявшимся для отыскания новых земель, давался наказ высматривать: нет ли где серебряной и золотой руд. Правительство также надеялось найти их на северо-востоке европейской части России – в Пустозерском уезде. Тамошние жители обязаны были искать руду, и это стало для них до крайности затруднительно, потому что им приходилось бороться с большими препятствиями, а добиться чего-либо они не могли, потому что являлись неискусными и несведущими в этом деле¹¹⁴.

Медь добывалась близ Соликамска и доставлялась в казну по два и по три рубля за пуд, а продавалась из казны на месте добывания частным лицам по четыре рубля с полтиной, но ввиду ее малого количества не приносила большого дохода. В конце царствования Алексея Михайловича нашли медную руду около Олонца и на реках, впадающих в Мезень¹¹⁵. Обработка железа производилась на юге от Москвы, близ Тулы и Каширы. Один из самых больших заводов принадлежал Петру Марселису: его работы производились на протяжении 30 верст между Серпуховым и Тулой. Другой завод, на реке Протве, за 90 верст от Москвы по Калужской дороге, находился в заведовании Акемы. Заводчики имели свои привилегии и приписные села. На заводах изготовляли полосовое, листовое и прутковое железо, якоря, гвозди, мельничные снаряды, двери, ставни, ступы, ядра. У Марселиса делались и пушки. Величайшее затруднение этих заводчиков состояло в том, что трудно было достать мастеровых, и вообще работники обходились очень дорого¹¹⁶.

Крестьяне во времена войн Алексея Михайловича находились в утесненном положении, так как владельцы, вынужденные терпеть издержки по поводу военной службы, старались доставлять себе через их работу больше доходов. Тогда крестьяне еще более потеряли в своих правах и уравнивались с холопами. Прежде запрещено было брать крестьян во двор, но теперь вошли в обычай и такие случаи. Когда помещик уклонялся от службы и не могли его отыскать, то брали его крестьян и держали в тюрьме. Когда давалась вотчина, то вотчинник ничем не был связан по отношению к крестьянам: не было постановлено никаких твердых правил, ограничивающих произвол владельцев; напротив того, крестьянам вменялось в долг делать все, что

---

¹¹⁴ Сам царь Алексей Михайлович очень любил золотые и серебряные вещи и часто проводил время в рассматривании работ серебряников и ювелиров. Обычай наших предков украшать образа окладами развил серебряное мастерство в разных видах, но в то время царь повелел лучших из мастеров выбирать в Приказ золотого и серебряного дела на вечную службу и вообще старался скупать в казну такого рода работы. За неимением своих драгоценных металлов золото и драгоценные камни привозили в Россию из-за границы, между прочим, с Востока – греки, персияне и армяне.

¹¹⁵ Правительство давало на обработку этой руды привилегии нидерландцу Иовису и Петру Марселису с условием выпустить мастеров из Дании.

¹¹⁶ Надзиратель за работами получал 300 рублей в год, мастер – с пуда алтын, простой рабочий – две копейки с пуда, а кочегар – деньгу. Дрова обходились по 14 копеек за квадратную сажень.

прикажет помещик, и платить все, чем он их изоброчит¹¹⁷. В боярских вотчинах еще существовали в то время выборные старосты и целовальники по давнему обычаю, но над ними выше стоял приказчик, назначенный от владельца. Находясь в полном повиновении у хозяина, крестьяне должны были иногда исполнять по его повелению и незаконные дела; так, вотчинные и помещичьи крестьяне по приказанию господина нападали на крестьян другого владельца, с которым их господин был в ссоре.

Эти явления совпадали с произволом, господствовавшим во всем и повсюду. Сильнейший давил слабейшего; низший исполнял незаконные приказания высшего. Служилые люди по повелению воевод делали всевозможные насилия посадским и крестьянам.

Неудивительно, что при такой неурядице разбой были постоянным явлением. В 1655 году правительство, будучи не в силах справиться со множеством воров и разбойников, решилось объявить им всем прощение, если они принесут покаяние и перестанут совершать преступления. Эта кроткая мера, естественно, не могла привести к желаемому успеху, так как не прекращались причины, побуждавшие к побегам и разбоям. Через два года, в 1657 году, грабежи, убийства, поджоги усилились до такой степени, что правительство разослало сыщиков из дворян ловить разбойников, которые были большей частью из беглых крестьян и прежде всего обращали свои злодеяния на господ. Сыщики, гонявшиеся за беглыми с отрядами стрельцов, пушкарей и собранных волостных людей, были одновременно и судьями, казнили смертью обвиненных и тут же пользовались своей властью для обирательства народа. Не говоря уже о том, что они отягощали жителей доставкой себе лошадей, сторожей, пищи, питья, сыщики, подобно воеводам, нередко научали ябедников или пойманных ими преступников клеветать то на того, то на другого в участии в разбоях или в пристанодержательстве разбойников, чтобы потом притянуть оклеветанных к делу и обирать их. Само собой разумеется, от такого обращения только усиливалось бродяжничество, которое правительство хотело искоренить. Военные обстоятельства тысяча шестьсот шестидесятых годов прибавляли к числу беглых людей множество ратных, ушедших со службы. Поимка беглых и борьба с разбойниками усиливались с каждым годом; правительство то и дело посылало то в один, то в другой край сыщиков ловить посадских, черносошных, вотчинных крестьян, служилых людей, наказывать их и отправлять на места жительства, а разбойников вешать. За всяким таким сыском следовали новые беспорядки. Разбойничьи шайки становились все многочисленнее и смелее; народ делался все недовольнее, и таким образом подготавливалась почва для страшного бунта Стеньки Разина, нанесшего такое потрясение в конце царствования Алексея Михайловича.

---

¹¹⁷ Крестьяне, бывшие на издельной работе, по-прежнему разделялись на выти, полагая обычно в выти по две десятины в каждом поле. Эту господскую землю они должны были обработать, убрать хлеб, связать в снопы, собрать в копны, которые назывались «сотницами» и записывались приказчиками в «ужинные» книги. В других местах вместо господской работы брали в пользу господина выдельный хлеб – пятый, шестой или четвертый сноп. Кроме того владелец облагал крестьян многими мелкими поборами. Иные обрабатывали у помещиков землю на условиях половины, четверти и т. п. Такие условия заключались обычно с нетяглыми гулящими людьми. До какой степени было скудно население, видно из того, что в 44 деревнях и 23 починках на северо-востоке России насчитывалось сто крестьянских дворов и 106 крестьян. Это, однако, не было повсеместным правилом. Например, в Хлыновском уезде – 53 деревни и 44 починка, дворов 133, людей 714 или 103 деревни, 209 дворов, 1055 крестьян.

Задунайский запорожец

Это событие, возмутившее государство, стоило много крови; произведено было много бесчеловечных казней. Правительство, силу которого составляли бояре, воеводы, дьяки служилые и приказные люди, вышло с победой из борьбы с черным народом, потерявшим терпение. Но оно не воспользовалось этим уроком для народной пользы. Только служилые и приказные люди получили свои выгоды и награды за службу во время мятежа. Управление по-прежнему оставалось в руках воевод и приказных людей: они могли брать посулы и поминки, делать всякого рода насилия и ускользать от наказания. Соблюдалась более всего форма, особенно когда дело касалось имени государя¹¹⁸. Страх за царскую безопасность или честь стал еще более предметом озабоченности, и в это же время последовало запрещение ездить в Кремль мимо царского дворца. Ужасное «государево слово и дело» получало больше силы после каждого народного волнения.

---

¹¹⁸ Дьяк мог безнаказанно грабить и утеснять «сирот государевых», как назывались на деловом языке все неслужилые люди, однако за малейшую ошибку или опisku в государевом титуле приказному человеку еще строже прежнего грозили батоги или по крайней мере выговор вроде следующего: «Ты, дьячишко, страдник, страдничий сын и плутишко, ты не смотришь, что к нам, великому государю, в отписке писано непристойно; знатно пьешь и бражничаешь, и довелся ты жестокого наказания».

Польский король Ян Казимир отказался от престола еще в 1668 году. В Польше образовалась партия, желавшая избрания сына Алексея Михайловича – царевича Алексея Алексеевича. Нащокин, имевший по-прежнему большое влияние на государя, отговорил его посылать в Польшу послов для этой цели, представив, что русский государь потратит понапрасну много денег, а избрание не состоится. На польский престол избрали Михаила Корибута Вишневецкого. Малороссия никак не могла успокоиться; гетман Дорошенко всеми силами сопротивлялся Андрусовскому договору 1667 года, делившему Малороссию на две половины между Россией и Польшей: Киев не мог быть отдан Россией в установленное время Польше. Это повлекло новые переговоры в 1670 году. После нескольких предварительных съездов Нащокин подтвердил Андрусовский договор в Мигновичах. Вопрос о сдаче Киева Польше оставили нерешенным. В конце 1671 года договор этот был подтвержден польскими послами в Москве: здесь уже главную роль играл боярин Артамон Сергеевич Матвеев: Нащокин сошел со сцены¹¹⁹. Русский государь обещал оказывать помощь полякам против турок, и гетман Дорошенко, не желая оставаться под властью Польши, готовился поднять силы турок и татар за Малороссию. Московское правительство заключило мирный договор и с Крымом: крымский хан обещал отпустить всех пленников, но бедный Шереметев был задержан и оставался в плену до уплаты большого выкупа в 30 000 червонцев. Надеясь, видимо, на мир с Крымом, правительство обратило внимание на заселение южной части государства, и в 1672 году состоялось замечательное постановление о раздаче духовным лицам и служилым людям «диких полей» в украинских областях. Но примирение с Крымом, дававшее надежду на спокойствие украинских земель, было непродолжительным. Смуты в Малороссии вскоре привели Россию к военным действиям против турок и татар, когда Дорошенко призвал тех и других для противодействия разделу Малороссии, учиненному Польшей и Россией.

Совместные действия против турок и Дорошенко сдружили московское правительство с Польшей. В Варшаве стал жить постоянный русский посланник – резидент. Из Польши прислали в Москву такого же резидента. В конце 1673 года скончался польский король Михаил, и в Польше опять образовалась партия, состоявшая преимущественно из литовских панов (гетмана Паца, Огинского, Бростовского и др.), которая желала избрать на польский престол сына Алексея Михайловича – царевича Федора со следующими условиями: принять католичество, вступить в брак со вдовой покойного Михаила, вернуть Польше все завоеванные земли и давать деньги Польше на войну против турок. Ближние царские бояре Матвеев и Юрий Долгорукий отвечали на это, что царь сам желает быть избранным в польские короли, но от принятия католичества отказывается. Такой ответ уничтожал планы соединения польской короны с московской, и 8 мая 1674 года польский сейм выбрал в короли коронного гетмана Яна Собеского. Московское государство, связанное по договору обещанием войны против турок, продолжало и при этом короле оставаться в дружеских отношениях с Польшей.

---

¹¹⁹ После Андрусовского договора Нащокин приобрел значительное влияние. Царь дал ему небывалый еще титул «Царственные большие печати и государственных великих посольских дел обергатея». Самолюбивый до чрезвычайности, желчный и неуживчивый, Нащокин постоянно выставлял себя перед царем единственно умным и способным человеком в государстве, бранил и унижал бояр и дьяков, восстанавливал царя против них и был всеми ненавидим. Он явно добивался, чтобы царь во всем слушал его одного, и постоянно играл роль сироты, гонимого и обижаемого врагами, а между тем управлял по своему усмотрению. Но такое могущество при всеобщем раздражении против него других близких к царю людей не могло быть продолжительным. Царь сблизился с Матвеевым. Нащокин в 1671 году потерял место начальника Посольского приказа, на которое назначен был Матвеев. Причины, вызвавшие эту перемену, неизвестны, но без сомнения удаление Нащокина показывает, что он потерял доверие царя. Нащокин не смирился со своим падением и постригся в Кривецком монастыре близ Пскова под именем Антоний.

А.Л. Ордин-Нащокин

Царь Алексей Михайлович, как мы уже не раз говорили, любивший всякий блеск, парадность, дорожил как своей славой, так и славой своего государства в чужих землях. Прием иноземных послов был для него большим праздником; любил он рассылать и своих послов в иноземные государства. В его царствование мы встречаем несколько посольств, отправлявшихся без особой нужды и потому не имевших важных последствий. Так, еще в 1656 году стольник Чемоданов, отправленный в Венецию с целью попытаться занять денег, после многих приключений на море, испытанных на пути от Архангельска до Италии, прибыл случайно в Ливорно и вместо Венеции попал во Флоренцию. Тосканский герцог Фердинанд Медичи так замечательно принял московское посольство, что Алексей Михайлович послал туда одно за другим еще два посольства (Лихачева и Желябужского). В 1667 году послан был в Испанию, а в следующем году – во Францию стольник Петр Потемкин. Московский царь искал дружбы и союза с государями этих стран. Со своей стороны в Испании и Франции московскому посланнику сделали мирные предложения, которые он не мог принять, не имея наказа. Таким образом из этих посольств ровно ничего не вышло, кроме разве того, что царь Алексей Михайлович из рассказов посланников узнавал о порядках и обычаях далеких иноземных государств и само Русское царство становилось известнее на Западе.

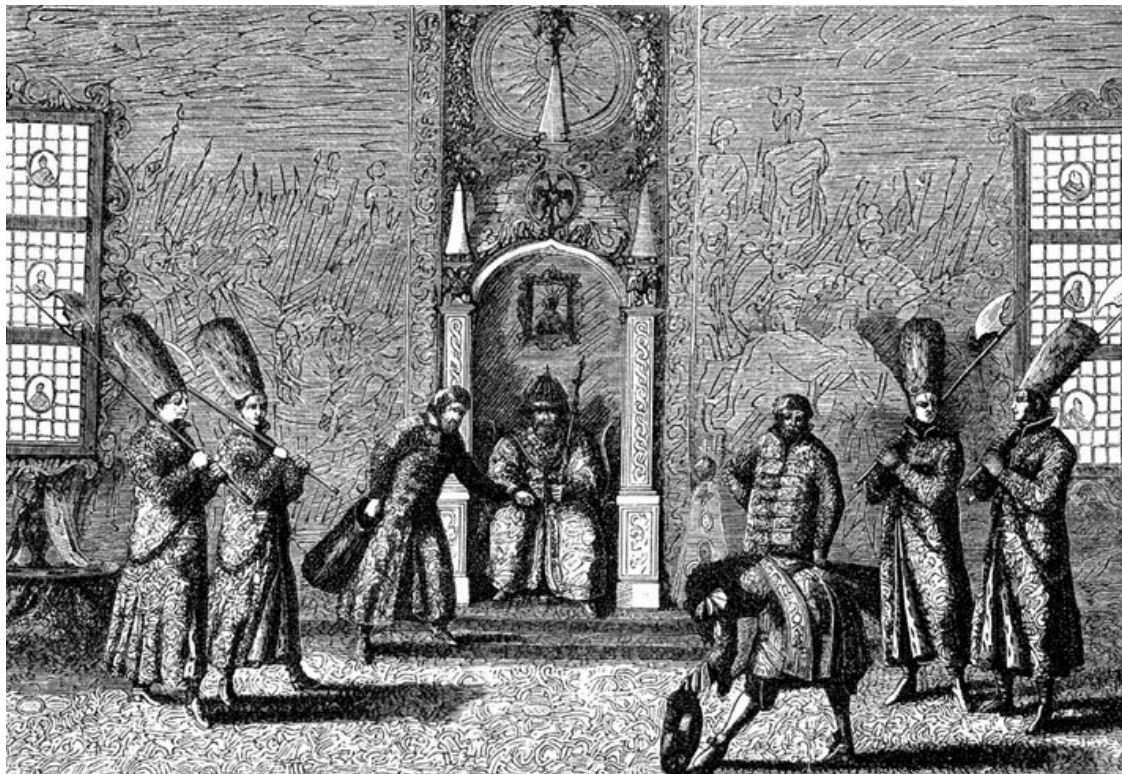
Таким же бесплодным стало и посольство к папе майора Менезиуса в 1674 году, отправленного для переговоров по поводу войны с турками. Папа Климент X ни за что не хотел давать Алексею Михайловичу царский титул, не зная, что собственно этот титул означает по смыслу западной дипломатии. С Персией Алексей Михайлович был постоянно в мирных и частых

сношениях, хотя грузинские дела, набеги казаков на персидские берега и задержки русских купцов на пути в Персию вызывали между двумя дворами некоторые недоразумения. В 1675 году царь направил посольство в отдаленную Индию искать дружбы одного из тамошних государей. В тот же год переводчик Посольского приказа Николай Спафарий, родом из Валахии, возглавил посольство в Китай. Русские в Сибири, двигаясь к востоку, дошли наконец до пределов Китайской империи. Возникли столкновения по поводу власти над берегами Амура, что повело к враждебным действиям с обеих сторон. Для прекращения этих столкновений царь Алексей Михайлович и отправил посольство в Китай в надежде заключить договор. Спафарий с большим трудом при посредничестве иезуитов добился представления богдыхану, но выехал из Пекина ни с чем, даже без грамоты, и привез в Москву такое мнение о китайцах, «что в целом свете нет таких плутов, как китайцы».

1669 год был знаменательно несчастлив для царского семейства. 2 марта скончалась царица Мария Ильинична, родив дочь, которая умерла через два дня после рождения. Мария Ильинична была очень любима за свой добрый нрав и готовность помогать людям во всякой беде. Вслед за ней через три месяца умер царевич Симеон, а спустя несколько месяцев другой царевич – Алексей. В то время царь, требовавший себе дружеского утешения, особенно сблизился с Матвеевым, который и прежде пользовался его благорасположением. Артамон Сергеевич был из немногих русских людей нового покроя, сознававший пользу просвещения, любивший чтение, ценивший искусство. Начальствуя Посольским приказом, он обратил его некоторым образом в ученое учреждение. Под его руководством там переводили и составляли книги: Василиологион – история древних царей; Мусы (музы), или семь свободных учений. Также написана была русская история под названием «Государственная большая книга» с приложением портретов государей и патриархов. При своей любознательности, чаще всякого другого находясь в обращении то с иностранцами, то с малороссиянами, Матвеев познакомился с иноземными обычаями, начал признавать их превосходство. Этому способствовала его семейная жизнь. Он был женат на иностранке из Немецкой слободы – Гамильтон, шотландке по происхождению, принявшей при переходе в православную веру имя Авдотьи (Григорьевны). Матвеев служил в иноземных полках и был произведен в рейтарские полковники. Он находился по жене в родстве с Нарышкиными: это был род старинных рязанских дворян, происходивших от одного крымского выходца в XV столетии. В XVII веке Нарышкины были наделены поместьями в Тарусе. Один из них, Федор Полуектович, был женат на племяннице жены Матвеева, также из рода Гамильтон и также в крещении названной Авдотьей (по отцу – Петровной). Брат Федора Кирилл Полуектович, стрелецкий голова, потом пожалованный в стольники (женатый на Анне Леонтьевне Леонтьевой), кроме сыновей имел дочь Наталью, которая с одиннадцати или двенадцати лет воспитывалась в доме Матвеева и познакомилась с иноземными обычаями.

В конце 1669 года царь Алексей Михайлович возымел намерение вступить во второй брак и по обычаю велел собрать девиц на смотр. Много их привозили и увозили. В начале февраля 1670 года царю понравилась больше всех Наталья Нарышкина, но царь продолжал смотреть девиц, в надежде найти еще покрасивее. В апреле, видимо, он колебался между Нарышкиной и Авдотьей Беляевой. Между тем против Нарышкиной и, главное, против Матвеева начались козни; боялись, чтобы брак с Нарышкиной не сделал всемогущим Матвеева, уже без того пользовавшегося доверием и любовью царя Алексея Михайловича. Подкинута была подметные письма с целью отклонить царя от брака. Подозрение в составлении этих писем пало на дядю Беляевой Шихарева. Его обыскали, но не нашли ничего, кроме травы зверобоя, которой он лечился. В то время трав очень боялись, потому что с ними связывали разные суеверия. Найденной травы было достаточно, чтобы подвергнуть ее несчастного хозяина пытке; от него не добились ничего. Выбор царя остановился на Нарышкиной; однако свадьбу почему-то отложили. Так как у Алексея Михайловича были уже взрослые дочери почти одних лет с Натальей,

то у них появилось нерасположение к будущей мачехе; притом тетки же царя, пожилые девы, богомольные хранительницы старых порядков, не терпели Матвеева и его родню за преданность иноземным обычаям. Это обстоятельство, вероятно, также способствовало замедлению брака, но не могло предотвратить его. 22 января 1671 года Алексей Михайлович сочетался с Натальей.

Прием царем Алексеем Михайловичем шведского посольства в 1674 г.

Опасения ревнителей старины были не напрасны. Алексей Михайлович как натура увлекающаяся, способная вполне отдаться тем, кто в данное время был близок его сердцу, подчинился влиянию жены и Матвеева. Он называл Матвеева не иначе, как «другом», написал ему такого рода письма: «Приезжай скорее, дети мои и я без тебя осиротели. За детьми присмотреть некому, а мне посоветовать без тебя не с кем». Матвеев, однако, вел себя с необыкновенным благоразумием и, хотя официально управлял одновременно и Посольским, и Малороссийским приказами, но носил только звание думного дворянина. По желанию царя Матвеев построил себе большие палаты у Никиты на Столпах и в соответствии со своим вкусом европейски украсил их картинами иностранных мастеров и мебелью в европейском стиле; даже в его домо́вой церкви иконостас был сделан на итальянский образец. Он не держал взаперти ни своей жены, ни своих родственниц и воспитанниц. В доме Матвеева была введена музыка и даже устроен домашний театр, в котором играли немцы и его дворовые люди.

30 мая 1672 года родился царевич Петр, будущий русский император. Матвеев и отец царицы Натальи были возведены в звание окольничих. Наталья получила еще больше силы над царем. В отличие от прежних обычаев царица позволяла себе ездить в открытой карете и показывалась народу к соблазну ревнителей старины, видевших в подобных явлениях приближение Антихриста. Алексей Михайлович до такой степени изменился, что допускал то, о чем и подумать не смел бы несколько лет назад, когда церковные ходы и царские выходы доставляли единственную пищу его врожденной страсти к художественности. В то время под влиянием Матвеева и жены у царя был заведен театр: вызвали в Москву странствующую немецкую труппу

Ягана Готфрида Григори, устроили в Преображенском селе «комедийную хоромину», а потом «комедийную палату» в Кремлевском дворце. Она представляла собой сцену в виде полукружия, с декорациями, занавесом, оркестром, состоявшим из органа, труб, флейт, скрипки, барабанов и литавр. Царское место, обитое красным сукном, находилось на возвышении; за ним были галерея с решеткой для царского семейства и места в виде полукружия для бояр, а боковые места предназначались для прочих зрителей. Директор театра по приказанию царя набирал детей из Новомещанской слободы, заселенной преимущественно малороссами, и обучал их в особой театральной школе, устроенной в Немецкой слободе. Сначала представлялись такие пьесы, содержание которых было взято из Священного Писания. Таковыми являлись «История Олоферна и Юдифи», комедия о «Навуходоносоре», комедия о «Блудном сыне», о «Грехопадении Адама», об «Иосифе», о «Давиде и Соломоне», «Товия», об «Артаксерксе и Амане», «Алексей Божий человек» и пр. Комедии эти писались силлабическими виршами; две из них – о «Навуходоносоре» и «Блудном сыне» – принадлежат перу Симеона Полоцкого, ставшего, так сказать, придворным поэтом и проповедником Алексея Михайловича. Остальные комедии, как показывает их язык, были сочинены малороссами. Совесть Алексея Михайловича успокаивалась тем, что его духовник объяснил ему, что и византийские императоры допускали при своем дворе такие увеселения. Мало-помалу молодое театральное искусство стало переходить и к мирским предметам. Так, в числе сыгранных у Алексея Михайловича пьес была пьеса «Баязет», содержание которой составляла борьба Баязета с Тамерланом. Гордый и самоуверенный Баязет насмехается над своим противником, на сцене происходит сражение. Баязет побежден, заключен в клетку и представлен победителю, сидящему на коне. В отчаянии Баязет разбивает себе голову. Трагический элемент смешан здесь с комическим: на сцену выводится шут, потешающий публику веселыми песнями. В 1675 году театральным вкусом развился уже до того, что на сцене давали на масленице балет, главным героем которого был мифологический Орфей. Царь несколько смущался, когда пришлось допустить пляску с музыкой, да еще с мифологическим сюжетом; плясовая музыка соблазняла его еще более самой пляски, но он потом успокоился, когда ему представили, что при дворах европейских государей употребительны такого рода увеселения. Шаг был важный, если вспомнить, что названный Дмитрий среди прочих отступлений от русских обычаев за музыку и танцы потерял и корону, и жизнь.

Таким образом, именно в то время, когда родился человек, которому суждено было двинуть русскую жизнь на европейскую дорогу, в Москве уже занималась заря этой новой жизни. Ее веяние чувствовалось во всем. Матвеев, возведенный наконец в 1674 году в сан боярина, был так же могуч, как некогда Борис Морозов. Насколько нам известно, он не только не вызывал к себе зависти и ненависти, а напротив, пользовался всеобщей любовью. Приверженность Матвеева к иноземщине не умаляла его в глазах народа, тем более что при склонности к иноземному просвещению он был человеком благочестивым, готовым на всякое христианское дело и совершенно чуждым спеси и корыстолюбивых целей. Это уже одно показывает, что русский человек мог бы ужиться с новым направлением, лишь бы оно было благоразумно ведено¹²⁰.

Увлекаясь театральными представлениями, царь устраивал и другого рода «действия», имевшие государственное значение. 1 сентября 1674 года в Успенском соборе с возвышенного места, устланного персидскими коврами, царь «объявлял» народу своим наследником достиг-

¹²⁰ О Матвееве сохранилось такое предание: когда разнесся в народе слух, что Матвеев хочет себе построить дом, но не находит камня для фундамента, то народ пришел к нему толпой и «поклонился ему камнем на целый дом», то есть подарил ему камень. «Я подарков ваших не хочу, – сказал Матвеев, – но если у вас есть лишний камень, то продайте мне, я могу купить». – «Ни за что не продадим, ни за какие деньги», – сказали москвичи. На другой день они привезли ему камни, собранные с могил, и говорили: «Вот камни с гробов отцов и дедов наших, для того-то мы их ни за какие деньги продать не могли, а дарим тебе, нашему благодетелю». Матвеев уведомил о том царя. «Прими, друг мой, – сказал Алексей, – видно, они тебя любят; я бы охотно принял такой подарок». Если этот случай и выдуман, то в самом подобном вымысле все-таки нельзя не видеть доказательства большой любви к нему народа.

шего совершеннолетия царевича Федора; для этого составлен был особый обрядный чин с приличными событию чтениями из Евангелия, Апостола, Пророчеств, с водоосвящением и кроплением святой водой, с произнесением речей от патриарха к царю, от царя и царевича к патриарху, с поздравлениями от духовных и мирских людей, обращенными к царю и царевичу и с обратным поздравлением от последних к освященному собору, синклиту и ко всем православным христианам; в заключение был царский пир. В ознаменование этого торжественного события царь пожаловал всем служилым людям прибавку к их окладам.

Через несколько дней народ смотрел на другое зрелище. В Москву привезли из Малороссии человека, который задумал было повторить давно избитую и потерявшую силу комедию «самозванства». То был один малороссиянин из Лохвицы, назвавший себя по наущению какого-то Миюски царевичем Симеоном Алексеевичем, покойным сыном царя от царицы Марии Ильиничны. Но кошевой атаман Сирко, в течение некоторого времени покровительствовавший самозванцу, наконец схватил его и препроводил в Москву. Его казнили всенародно с теми же муками, какие испытал Стенька Разин.

Еще царь Алексей Михайлович был не стар. Он долго пользовался хорошим здоровьем; только чрезмерная тучность расстроила его организм и подготовила ему преждевременную смерть. В январе 1676 года он почувствовал упадок сил. 28 января он благословил на царство сына Федора, поручил царевича Петра деду его Кириллу Нарышкину вместе с князем Петром Прозоровским, Федором Алексеевичем Головиным и Гавриилом Ивановичем Головкиным. Затем он приказал выпустить из тюрем всех узников, освободить из ссылки всех сосланных, простить все казенные долги и заплатить за тех, которые содержались за долги частные, причастился Св. Тайн, соборовался и спокойно ожидал кончины.

На другой день, 29 января, в 9 часов вечера три удара в колокол Успенского собора возвестили народу о смерти «тишайшего» царя, самого доброго из русских царей, но вместе с тем лишенного тех качеств, какие были необходимы для государя того времени.

Патриарх Никон

В XVII столетии достижение важного значения в обществе лицами простого происхождения было редкостью. Порода и богатство ценились выше личных достоинств; одна только церковь, безразлично для всех по происхождению, открывала путь и к высшим должностям, и ко всеобщему уважению.

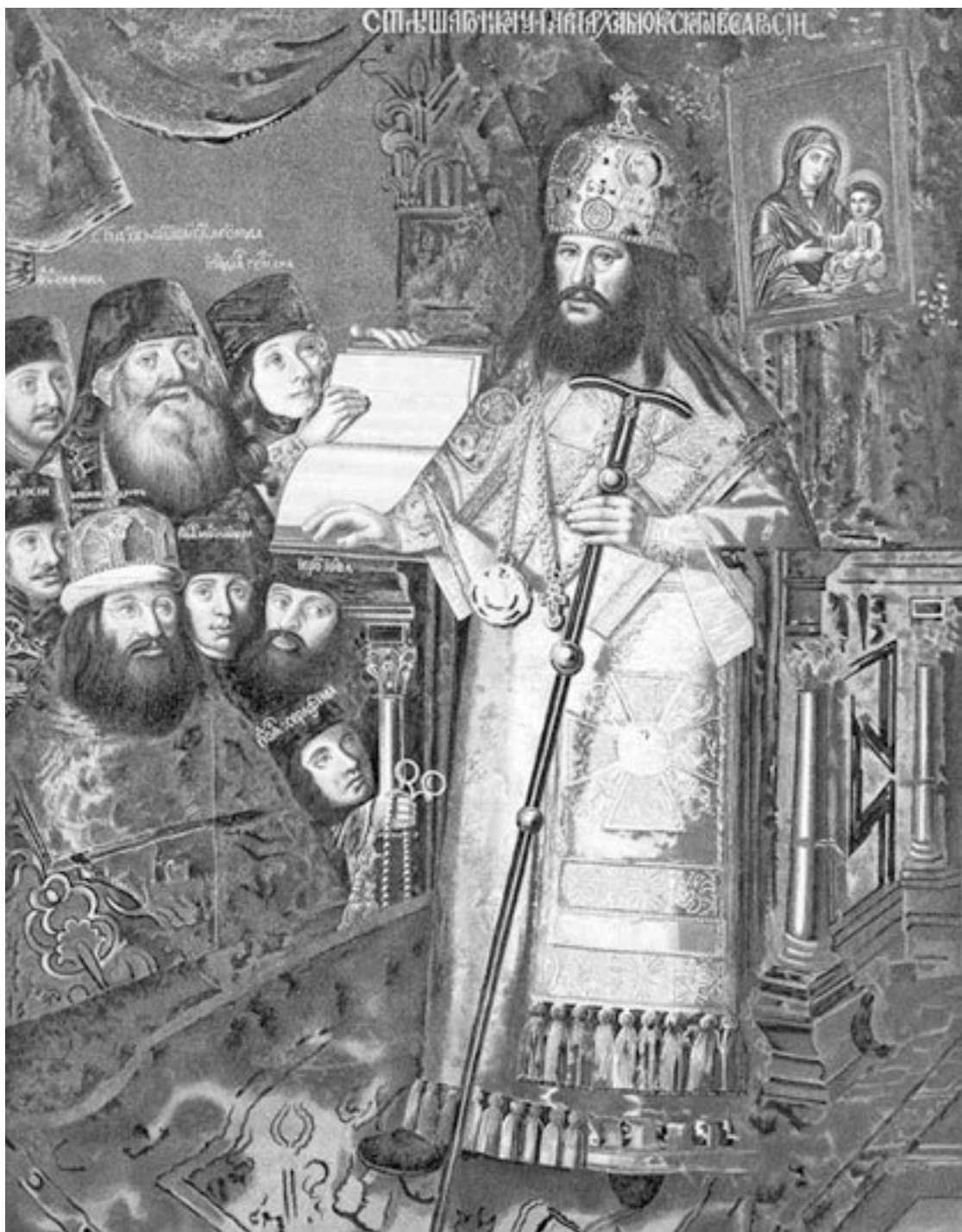
Патриарх Никон, один из самых крупных, могучих деятелей русской истории, родился в мае 1605 года в селе Вельеманове близ Нижнего Новгорода, от крестьянина по имени Мина, и наречен в крещении Никитой. Мать умерла вскоре после его рождения. Отец Никиты женился на другой женщине, которая ввела к нему в дом детей от первого мужа. Злоба мачехи в древней Руси вошла в поговорку; но жена Мины была женщина особенно злого нрава. Стараясь своих детей кормить как можно лучше, она не давала своему бедному пасынку ничего, кроме черствого хлеба, беспрестанно бранила его, нередко колачивала до крови, и однажды, когда голодный Никита хотел было забраться в погреб, чтобы достать себе пищи, мачеха, поймав его, так сильно ударила в спину, что он упал в погреб и чуть не умер. За такое обращение отец Никиты нередко бранился с женой, а когда слова не действовали, то и бил ее. Но это не помогало несчастному: мачеха отомстила мужнины побои на пасынке и даже, как говорят, замышляла известить его¹²¹. Когда мальчик подрос, отец отдал его учиться грамоте. Книги увлекли Никиту. Выучившись читать, он захотел изведать всю мудрость божественного писания, которое по тогдашнему строю понятий было важнейшим предметом, привлекавшим любознательную натуру. Он взял из дома отца немного денег, удалился в монастырь Макария Желтоводского, нашел какого-то ученого старца и прилежно занялся чтением священных книг. Здесь с ним случилось событие, глубоко запавшее в его душу. Однажды отправился он с монастырскими служками гулять и зашел с ними к какому-то татарину, который во всем околоте славился тем, что искусно гадал и предсказывал будущее. Гадатель, посмотрев на Никиту, спросил: «Какого ты роду?» – «Я простолюдин», – отвечал Никита. «Ты будешь великим государем над царством Российским!» – сказал ему татарин¹²².

Через некоторое время отец Никиты, вероятно, уже вдовый в то время, узнав, где находится его сын, послал к нему своего приятеля звать его домой и сказать, что его бабушка лежит при смерти. Никита вернулся домой и вскоре лишился не только бабки, но и отца.

---

¹²¹ В житии Никона, написанном Шушерой, сохранился такой рассказ: однажды бедный мальчик, плохо одетый, от зимнего холода залез погреться в печь. Мачеха наложила туда дров и затопила печь. Мальчик начал отчаянно кричать: прибежала его бабка, вытащила дрова из печи и таким образом спасла его от смерти.

¹²² Это был обычный прием гадателей и гадалщиц – предсказывать знатность и величие.

Патриарх Никон с клиром. 1658 г.

Оставшись единственным хозяином в доме, Никита женился, но его неудержимо влекли к себе церковь и богослужение. Будучи человеком грамотным и начитанным, он начал искать себе места и вскоре был посвящен в приходские священники одного села. Ему было тогда не более 20 лет от роду.

Никита перешел в Москву по просьбе московских купцов, узнавших о его начитанности. Он имел от жены троих детей, но все они умерли в малолетстве один за другим. Это обстоятельство сильно потрясло впечатлительного Никиту. Смерть детей он принял за небесное указание, повелевающее ему отрешиться от мира, и решил удалиться в монастырь. Никита уговорил жену постричься в московском Алексеевском монастыре, дал за нею вклад, оставил ей

денег на содержание, а сам ушел на Белое море и постригся в Анзерском ските под именем Никона. Ему было тогда 30 лет.

Житие в Анзерском ските было трудное. Братия, которой было не более двенадцати человек, жила в отдельных избах, раскинутых по острову, и только в субботу вечером сходилась в церковь. Богослужение продолжалось целую ночь. Сидя в церкви, братия выслушивала весь Псалтирь, с наступлением дня совершалась литургия; потом все расходились по своим избам. Царь ежегодно давал в Анзерский скит «руги» (царское жалованье хлебом и деньгами) по три четверти хлеба на брата, а рыбаки снабжали братию рыбой в виде подаяния. Над всеми был начальный старец по имени Елеазар.

Спустя некоторое время Елеазар отправился в Москву за сбором милостыни на постройку церкви и взял с собой Никона. В Москве анзерских монахов наделили щедро; они собрали до пятисот рублей и возвратились в свой скит. Но деньги нарушили доброе согласие, которое до того времени существовало между начальным старцем и Никоном. Первый держал деньги в ризнице; последний боялся, чтобы их не отняли лихие люди. Ссора дошла до того, что Елеазар не мог равнодушно смотреть на Никона, а Никон, сойдясь с каким-то богомольцем, посещавшим Анзерский скит, отправился вместе с ним на судне. Чуть было не погибнув на пути от бури, Никон прибыл в Кожеозерскую пустынь, находившуюся на островах Кожеозера, и по своей бедности отдал в монастырь – куда не принимали без вклада – две свои последние богослужебные книги. Никон по своему характеру не любил жить с братией и предпочитал свободное уединение. Он поселился на особом острове и занимался там рыбной ловлей. Спустя немного времени после кончины тамошнего игумена братия пригласила Никона быть игуменом. На третий год после своего поставления, именно в 1646 году, он отправился в Москву и здесь явился с поклоном к молодому царю Алексею Михайловичу, как вообще в то время являлись с поклоном к царям настоятели монастырей. Царю до такой степени понравился кожеозерский игумен, что он тотчас же велел ему остаться в Москве, и по царскому желанию патриарх Иосиф посвятил его в сан архимандрита Новоспасского монастыря. Место это было особенно важно, и архимандрит этого монастыря скорее, чем многие другие, мог приблизиться к государю: в Новоспасском монастыре была родовая усыпальница Романовых; набожный царь часто ездил туда молиться за упокой своих предков и давал на монастырь щедрое жалованье. Чем более беседовал царь с Никоном, тем более чувствовал к нему расположение. Алексей Михайлович был из таких сердечных людей, кто не может жить без дружбы, легко привязывается к людям, которые им нравятся по своему складу, и всей душой к ним пристращается. Алексей Михайлович приказал Никону ездить к нему во дворец каждую пятницу. Беседы с Никоном западали ему в душу. Никон, пользуясь расположением государя, стал просить его за утесненных и обиженных; это было по нраву царя. Алексей Михайлович еще более пристрастился к Никону и сам дал ему поручение принимать просьбы от всех тех, кто искал царского милосердия и управы на неправду судей. И Никона беспрестанно осаждали такие просители не только в его монастыре, но даже по дороге, когда он ездил из монастыря к царю. Всякая правая просьба быстро исполнялась.

Патриарх Никон с видами Крестного и Воскресенского монастырей

Никон приобрел славу доброго защитника, ходатая и всеобщую любовь в Москве. Никон как близкий человек к царю стал уже большим человеком.

Вскоре в судьбе его произошла новая перемена. В 1648 году скончался новгородский митрополит Афанасий. Царь всем предпочел своего любимца, и бывший тогда в Москве иерусалимский патриарх Паисий по царскому желанию рукоположил новоспасского архимандрита в сан новгородского митрополита. Этот сан был вторым по значению в русской иерархии.

Алексей Михайлович был доверчив к тем, кого особенно любил. Помимо всех официальных властей он возложил на Никона наблюдение не только над церковными делами, но и над мирским управлением, доносить ему обо всем и давать советы. Это приучило Никона и на будущее время заниматься мирскими делами. Подвиги нищелюбия, совершаемые митрополитом в Новгороде, увеличивали любовь и уважение к нему государя. Когда в Новгородской земле начался голод – бедствие, как известно, очень часто поражавшее этот край, – Никон отвел у себя на владычном дворе особую палату, так называемую «погребную», и приказал ежедневно кормить в ней нищих. Дело это было возложено на одного блаженного, ходившего босиком летом и зимой; кроме того, этот блаженный каждое утро раздавал нищим по куску хлеба и каждое воскресенье от имени митрополита раздавал старым по две деньги, взрослым – по деньге, а малым по полденьги. Митрополит устраивал также богадельни для постоянного призрения убогих и испросил у царя средства на их содержание.

Патриарх Никон

Всеми этими подвигами благочестивого нищепитательства Никон никому не становился на дороге, но вместе с тем он совершал иного рода подвиги, такие, которые тогда уже навлекли на него врагов: по царскому приказанию он посещал тюрьмы, расспрашивал обвиненных, принимал жалобы, доносил царю, вмешивался в управление, давал советы, и царь всегда слушал его. В своих письмах к Никону царь величал его «великим солнцем сияющим», «избранным крепкостоятельным пастырем», «наставником душ и телес», «милостивым, кротким, милосердным», «возлюбленным своим и содружebником» и т. п.; царь поверял ему свое тайное мнение о том или другом боярине. От этого уже тогда в Москве бояре не терпели Никона как царского временщика, и некоторые говорили, что лучше им погибать в Новой Земле за Сибирью, чем быть с новгородским митрополитом. Не любили его подначальные духовные за чрезмерную строгость и взискательность, да и мирские люди в Новгороде не питали к нему расположения за крутой властолюбивый нрав, несмотря на его нищелюбие, которое в сущности было таким же делом обрядового благочестия, как и заботы о богослужении. Будучи новгородским митрополитом, Никон начал совершать богослужение с большими точностью, правильностью и торжественностью. Несмотря на наружную набожность, по старому заведенному обычаю богослужение в те времена отправлялось нелепо: боялись греха пропустить что-нибудь, но для скорости одновременно читали и пели разное, так что слушающим ничего нельзя было понять. Никон старался прекратить этот обычай, но его распоряжения не нравились ни духовным, ни мирянам, потому что из-за этого удлинялось богослужение, а многие русские того века хотя и считали необходимостью бывать в церкви, но не любили оставаться там долго. Для благочиния Никон заимствовал киевское пение, да еще, кроме того, ввел в богослужение пение на греческом языке пополам со славянским. Каждую зиму митрополит ездил из Новгорода в Москву со своими певчими, и царь был в восторге, услышав это пение, но многим – и в том числе патриарху Иосифу – не понравились эти нововведения.

В 1650 году вспыхнул новгородский бунт. Никон, и без того уже мало любимый, на первых же порах раздражил народ своей энергичной мерой: он сразу наложил на всех проклятие. Если бы проклятие было наложено только на некоторых, то это могло бы подействовать на остальных, но проклятие, наложенное без разбора на всех, только ожесточило и сплотило новгородцев¹²³. Ненависть к митрополиту выразилась уже в том, что мятежники поставили одним из главных начальников Жеглова, митрополичьего приказного, бывшего у него в опале. Сам Никон в своем письме к государю рассказывает, что когда он вышел уговаривать мятежников, то они ударили его в грудь, били кулаками и камнями: «И ныне, – писал он, – лежу в конце живота, харкаю кровью и живот весь распух; чаю скорой смерти, маслом соборовался»; но относительно того, в какой степени можно вполне доверять этому письму, следует заметить, что в том же письме Никон сообщает, что перед этим ему было видение: увидел он на воздухе царский золотой венец, сперва над головой Спасителя на образе, а потом над своей собственной. Новгородцы, напротив, жаловались царю, что Никон жестоко мучил всяких чинов людей и чернецов на правее, вымучивая у них деньги; что он делает в мире великие неистовства и смуты. Царь во всем поверил Никону, хвалил его за крепкое стояние и страдание и еще более стал благоговеть перед ним. Наконец Никон, увидев, что строгостью нельзя потушить мятежа, начал сам советовать царю простить виновных.

В 1651 году Никон, приехав в Москву, подал царю совет перенести мощи митрополита Филиппа из Соловецкого монастыря в Москву. Дело было важное: оно должно было внушить в народе мысль о первенстве церкви и о правоте ее, а вместе с тем обличить неправду светской власти, произвольно посягнувшей на власть церковную. В видах царского самодержавия этот

¹²³ Здесь уже мы видим проявление того же крутого и неподатливого характера, который виден в деле раскола.

совет должен был бы встретить противоречие, но царь сильно подчинился своему любимцу. Притом же Никон представлял ему пример греческого царя Феодосия, который перенес мощи Иоанна Златоустого, изгнанного матерью царя Евдокией; Феодосий этим поступком исходатайствовал для грешной матери прощение у Бога. Царь не только согласился на предложение Никона, но еще сказал, что ему во сне явился святой Филипп и велел перенести его мощи туда, где почивают прочие митрополиты. 20 марта 1652 года духовный собор в угоду царю одобрил это благочестивое желание, а вместе с тем царь, также по совету Никона, велел перенести в Успенский собор гробы патриарха Иова из Старицы и патриарха Гермогена из Чудова монастыря. Воображение царя пленялось торжественностью церемоний, сопровождавших эти религиозные события¹²⁴.

В то время, когда Никон ездил в Соловки за мощами, скончался патриарх Иосиф. Это было вскоре после перенесения праха Иова, в четверг на Страстной неделе. Царь извещал об этом Никона в очень пространным письме, в котором подробно описывал последние минуты умершего патриарха¹²⁵, а в заключение просил Никона вместе с Василием юродивым, иначе Вавилом (тем самым блаженным, который у Никона распоряжался питанием нищих), молить

¹²⁴ «8 апреля встретили (власти и бояре), – писал царь Никону, – честные мощи патриарха Иова в селе Тушине; а оттуда несли их стрельцы на головах до самой Москвы, а я, многогрешный царь, с патриархом и с священным собором и со всем государством, от мала до велика, встречал его; и так многолюдно было, что не вместились от Тверских ворот по Неглинские. По кровлям и по переулкам яблоку негде было упасть, нельзя ни пройти, ни проехать, а Кремль велел запереть; и так на злую силу пронесли в собор. Такая теснота была; старые люди говорят, лет за семьдесят не помнят такой многолюдной встречи, и патриарх наш отец, плачучи, говорил: вот смотри, государь, каково хорошо за правду стоять!»

¹²⁵ Письмо это составляет драгоценный памятник как для характера царя и его отношений к Никону, так и вообще для духа того времени. Царь, посещавший умирающего патриарха, так уважал его сан, что кланялся ему в землю и целовал в ногу, но забыл спросить его о духовной, вменил себе это в грех и за то просил прощения у Никона. «Великий святитель, – писал царь, – равноапостольный богомолец наш, преосвященная глава, прости меня за то, грешного; обманулся я тем, что думал так себе с ним, трясовица, а оно впрямь смертная; по языку можно было признать, что худо говорит и сквозь зубы; и помышлял я в себе, что знобит его больно, оттого он и без памяти, и пришло мне на ум великое сомнение: стану я ему говорить про духовную, а он скажет: “вот меня и сбывают!” да станет сердечно гневаться; и думаю я себе: утро еще я побываю у него. Прости меня, Христа ради, великий святитель, за такое согрешение, что я не вспомню о духовной. Не с хитрости я это сделал, ей-ей не с хитрости это сделалось; сатана помешал такое дело совершить. У тебя, великого святителя, прошу согрешения моим прощения и благословения и разрешения...» Но вот к царю прибежали сказать, что патриарха не стало, царь так описывает впечатление, произведенное этим событием: «В ту пору ударил Царь-колокол три крата, а на нас такой страх и ужас нашел, и в соборе у певчих и у властей от страха и ужаса ноги подломились, потому что кто преставился, да к таким дням великим кого мы грешные отбыли...» Когда тело усопшего патриарха было одето и положено, царь любовался им: «Лежит, – выражался он, – как есть, жив, и борода расчесана, как у живого, и сам немерно хорош... таков хорош во гробе лежит, только что не говорит...» Но в ночь с пятницы на субботу умерший патриарх уже не был так хорош и напугал царя Алексея Михайловича: тело его, разлагаясь, начало вздвигаться, священник, читавший псалтырь, услышал шум от трупа и, когда царь вошел в церковь, где лежал труп, сказал царю: «Меня такой страх взял, думал, что ожил! Я двери отворил, хотел бежать». – «Прости, владыка святой, – писал царь Никону, – от этих речей меня такой страх взял, что я чуть с ног не свалился... и пришло мне такое помышление от врага: побегу ты вон, тотчас вскочит, да тебя ударит! А нас только я да священник, что псалтырь говорит. Я перекрестился, да взял за руку его света, и стал целовать, а в уме держу такое слово: от земли создан и в землю идет; чего бояться...» В Великую субботу хоронили патриарха, и митрополит казанский Корнилий положил ему в гроб разрешительную грамоту; царь писал об этом так: «Все мы надседались плачучи; не было человека, который не плакал, на него смотря, потому что вчера с нами, а ныне безгласен лежит, а се к таким великим дням стало!» Но после похорон царю были нового рода хлопоты: покойный патриарх был большой стяжатель, копил деньги, собираясь купить себе вотчину и дать по душе в собор. Много было у него дорогих материй и серебряной посуды; все было заботливо вычищено, обернуто бумагой, на чердаке лежало оружие: пищали, сабли, и все смазано; но очень немного было записано: патриарх знал на память все, что у него есть, а келейники не заведовали его вещами. Сам царь ходил описывать достояние умершего патриарха. «Прости, – пишет он Никону, – владыка святой, и половины не по чем отыскать, потому что все без записки; не осталось бы ничего, все бы разокрали, да и в том меня, владыка святой, прости, немного и я не покусились иным сосудам, да милостью Божиею воздержался и вашими молитвами святыми. Ей-ей, владыка святой, ни маленькому ничему неточен...» Многие из казны патриарха царь раздал на милостыню, на окуп пленных, по тюрьмам, по монастырям, созвал всю патриаршую прислугу и всем давал по десяти рублей; тут оказалось, что «свет-патриарх» не по-христиански обращался со своими подначальными. «Все вконец бедны; и он, свет, жалованья у них гораздо убавил», – сообщает царь Никону. Раздавая это жалованье слугам, царь произнес им такое знаменательное в духе своего времени нравоучение: «Есть ли из вас кто-нибудь, кто бы раба своего или рабыни без дела не оскорбил? Иной раз за дело, а иной раз, пьян напившись, оскорбит и напрасно побьет; а он, великий святитель и отец наш, если кого и напрасно оскорбил, от него можно потерпеть, да уж что бы ни было, так теперь пора всякую злобу поконить. Молите и поминайте с радостью его, света, елико сила может».

Бога, чтобы дал нового пастыря и отца. Царь при этом делает намек, что преемник Иосифу есть уже на примете, и говорит: «Ожидаем тебя, великого святителя, к выбору; того мужа три человека знают: я, да казанский митрополит, да мой духовный отец; сказывают: святой муж!»

Этот святой муж, втайне предназначенный царем, был не кто иной, как его любимец Никон. Ему готовил царь неожиданное величие.

Между тем Никон 3 июня прибыл в Соловки с грамотой от царя Алексея Михайловича к митрополиту Филиппу. Живущий на земле царь обращался к «небесному жителю, Христову подражателю, вышестественному и бесплотному ангелу, преизящному и премудрому духовному учителю», просил простить грех «прадеда» своего, царя Ивана, – чтобы, по выражению Святого Писания, «не было оскомины детям за то, что отцы ели терпкое», – и просил возвратиться с миром восвояси. Царь своей рукой приписал: «О, священная глава, святой владыка Филипп, пастырь, молим тебя, не презри нашего грешного моления и приди к нам с миром! Царь Алексей. Желая видеть тебя и поклониться святым мощам твоим!»

Это послание было прочитано у гроба Филиппа. Подняты были мощи страдальца. 9 июля они были привезены в Москву и торжественно положены в Успенском соборе.

Блюстителем патриаршего престола до избрания нового патриарха был назначен ростовский митрополит Варлаам. По прибытии Никона был созван духовный собор. Все знали, что царь желал избрания Никона. Боярам очень не хотелось видеть его на патриаршем престоле. «Царь выдал нас митрополиту, – говорили они, – никогда нам такого бесчестья не было». Для соблюдения буквы устава выбрали двух кандидатов: Никона и иеромонаха Антония, того самого, который некогда был учителем Никона в Макарьевском монастыре. Жребий, как будто назло царю, пал на Антония. Последний, вероятно, в угоду царю, отказался. Тогда стали просить Никона. Никон отрекался, пока наконец 22 июля царь Алексей Михайлович, окруженный боярами и бесчисленным народом, в Успенском соборе перед мощами святого Филиппа стал кланяться Никону в ноги и со слезами умолял принять патриарший сан.

С. Д. Милорадович. Патриарх Никон

«Будут ли меня почитать как архипастыря и отца верховнейшего и дадут ли мне устроить церковь?» – спросил Никон. Царь, а за ним власти духовные и бояре поклялись в этом. 25 июля Никон сделался патриархом.

Первым делом его было основать для себя монастырь и прославить его новой святыней. То было давним церковным обычаем. Иерархи почти всегда старались положить начало какому-нибудь монастырю и по возможности дать ему высокий почет. Никон выбрал для этого место близ Валдайского озера и назвал свой монастырь Иверским – в честь Иверской иконы Богородицы, находящейся на Афоне. В то же время он отправил на Афон сделать список Иверской иконы, и когда каменная церковь была построена, поставил в ней эту икону, украсив ее золотом и драгоценными камнями¹²⁶. Вместе с тем он перенес туда мощи Иакова Боровицкого. Таким образом, новооснованный монастырь сделался предметом двойного поклонения. Пошли слухи о совершающихся в нем чудесах и исцелениях¹²⁷.

Но гораздо важнейшее дело предпринял Никон в церковном строе богослужения. Давно уже, еще со времен Максима Грека, замечались разноречия в богослужебных книгах; естественно, отсюда возникала мысль о вкраившихся в эти книги искажениях, о необходимости найти и узаконить единообразный правильный текст. Эта потребность усиливалась ощутительнее со введением книгопечатания, так как книгопечатание вообще, распространяя сочинения

¹²⁶ Царь в угоду своему любимцу приписал к Иверскому монастырю пригород Холм с крестьянами, деревнями и угодьями.

¹²⁷ Никон завел, или лучше сказать, перенес из Хутынского монастыря типографию (которая заведена им была еще во времена пребывания его в Новгороде) в свой любимый Иверский монастырь. В этой типографии были напечатаны: «Учебный Часослов», «Мысленный Рай» Стефана Святогорца, самого Никона «Сказание об Иверской иконе», о Создании Онежского Крестного монастыря, Поучение к духовным и мирским, Канон о соединении веры и пр.

и расширяя круг читателей, давало последним побуждение доискиваться правильной передачи сочинений и возможность удобнее замечать и сравнивать разноречия. Печатное внушало к себе более доверия, чем писаное, так как предполагалось, что приступавшие к печатанию старались изыскивать средства передать издаваемое правильно. Введение книгопечатания сильно подвинуло и поставило на вид вопрос об исправлении богослужебных книг. При всяком печатании разноречие списков вызывало необходимость справщиков, которые должны были из многих различных списков выбирать то, что, по их убеждениям, надлежало признать правильным. Вопрос этот занимал умы возрастающим образом по мере умножения печатных книг церковного содержания.

Уже при патриархе Филарете сильно сознавались потребность правильности текстов и необходимость обличать и уничтожать ошибки и искажения. В 1610 году уставщик Логгин напечатал устав, который Филарет приказал сжечь, потому что там статьи были напечатаны «не по апостольскому и отеческому преданию, а своим самовольством». По повелению Филарета были исправлены и напечатаны несколько раз Потребник и Служебник и, кроме того, Минеи, Октоих, Шестоднев, Псалтирь, Апостол, Часослов, Триодь цветная и постная и Евангелия на престольное и учительное. В предисловии к Минеи выражено сознание, что хотя издавна богослужебные книги переведены были с греческого языка на славянский, но многие переводчики и переписчики иное выбросили, другое смешали. Филарет, как говорится в его Требнике 1633 года, приказывал собирать по всем городам древние харатейные списки разных переводов, по ним исправлять те погрешности, которые вошли туда по неисправности переписчиков и вследствие многолетних обычаев, дабы сочетать «во единогласие» все потребности и чины церковного священноначалия. Сам Филарет приказывал приносить к себе эти списки и просматривал их. Хотя он был человек умный и любознательный, но не имел той ученой подготовки, которая необходима была для такого дела, да и никто в то время не имел ее, потому что нужно было сличать переводы с греческими подлинниками и, следовательно, обладать основательными сведениями в греческом языке, литературе, церковной истории и древностях. Сознывая необходимость науки, Филарет основал при Чудовом монастыре еллинославянскую школу, вероятно, по образцу западнорусских, и поставил там учителем грека иеромонаха Арсения. Преемник Филарета патриарх Иосиф также занимался печатанием богослужебных книг и также приказывал собирать из городов пергаментные списки, сличать их и издавать по исправлению, но сам лично не занимался этим. До какой степени были подготовлены к своему делу тогдашние московские справщики – показывает суждение о них грека Арсения: «Иные из этих справщиков едва азбуке умеют, а уж, наверное, не знают, что такое буквы согласные, диеголасные и гласные, а чтоб разуместь восемь частей речи и тому подобное, как то: род, число, времена, лица, наклонения и залогии, то этого им и на ум не приходило!»¹²⁸ После него, при патриархе Иосифе, выбрана была, так сказать, особая комиссия справщиков¹²⁹. Они напечатали целый ряд богослужебных книг; сам Иосиф, человек неученый, вовсе не прикасался к этому делу и во всем положился на них. Увидев перед собой множество разнородных списков и не имея нужных сведений, чтобы сладить с ними, они руководствовались только наиболее распространенным обычаем; полагаясь на свою начитанность, они думали, что исполняют свое дело в совершенстве. Но вот в 1649 году приехал в Москву иерусалимский патриарх Паисий¹³⁰. Он заметил,

¹²⁸ Невежество тогдашних справщиков действительно отразилось в изданных ими книгах, куда вошли разные освященные временем нелепости, напр., в молитвах на рождение младенца упоминается как достоверный факт басня о бабе Соломии, которая в качестве повивальной бабки принимала Иисуса Христа и свидетельствовала: не нарушено ли девство Богородицы, а в отпусках говорится о праздниках, как о лицах, наравне со святыми: например молитвами Пречистыя твоея матери, честного ея Благовещения или честного Успения и т. п.

¹²⁹ Это были протопопы, москвичи: Степан Вонифатьев, царский духовник; Иван Неронов, протопоп Казанского собора; дьякон Благовещенского собора Федор; приглашенные из городов протопопы: Аввакум из Юрьевца Повольского, Логин из Муромы, Лазарь из Романова, Никита Пустосвят из Суздаля и Даниил из Костромы.

¹³⁰ Он обратил особое внимание на Никона, который в это время из новоспаских архимандритов был посвящен в нов-

что в московской церкви есть разные нововведения, которых нет в греческой церкви, и особенно стал порицать двуперстное сложение при крестном знамении. Царь Алексей Михайлович очень встревожился этими замечаниями и отправил троицкого келаря Арсения Суханова на Восток за сведениями. Но пока Арсений странствовал на Востоке, Москву успели посетить другие греческие духовные особы и также делали замечания о несходстве русских церковных обрядов с греческими, а на Афоне монахи даже сожгли богослужебные книги московской печати как противные православному чину богослужения¹³¹. Патриарх Иосиф был сильно озабочен и даже боялся, чтобы его не лишили сана. Смерть избавила его от дальнейших тревог. Никон заступил его место, уже вполне задавшись мыслью о необходимости сделать такого рода исправления в богослужебных книгах и обрядах, которые бы привели русскую церковь к полному единству с греческой.

городские митрополиты. Паисий дал ему грамоту, в которой восхвалял его достоинства, и предоставил ему в знак отличия право носить мантию с красными «источниками» (пришивками).

¹³¹ Между прочими константинопольский патриарх Афанасий, умерший на возвратном пути в Лубнах и чтимый в Лубенском Мгарском монастыре под именем Афанасия Сидящего.

Патриарх Никон

Чрезмерно сильная воля и жажда деятельности этого человека требовали себе пищи. Никон был не из таких натур, которые удовольствуются старой колеей. Ему нужно было что-нибудь необычайное. Он хотел быть творцом, строителем, но воспитание, полученное Никонем, осудило его на слишком узкий кругозор: любимец Алексея Михайловича не мог вполне сделаться московским Петром Могилою. Ему негде было приобрести и усвоить ясные и сильные убеждения о необходимости просвещения, о научном образовании. Он не учился за границей подобно Могиле, и в среде, в которой он жил, не было ничего, что могло бы возбуждать его к высокому призванию сделаться просветителем своего народа. Он получил воспитание у желтоводского монаха, ограничивался чтением кое-каких церковных книг в плохих переводах, часто непонятных. Пробыв десять лет приходским священником, Никон поневоле усвоил себе всю грубость окружавшей его среды и перенес ее с собой даже на патриарший престол. В этом отношении он был вполне русский человек своего времени, и если был истинно благочестивым, то в старом русском смысле. Благочестие русского человека состояло в возможно точном исполнении внешних приемов, которым приписывалась символическая сила, дарующая Божью благодать; и у Никона благочестие не шло далеко за пределы обрядности. Буква богослужения приводит к спасению; следовательно, необходимо, чтобы эта буква была выражена как можно правильнее. Таков был идеал церкви по Никону. Буква обряда давно уже камнем лежала на русской духовной жизни; эта буква подавляла богатую натуру Никона. Никон как человек со светлым природным умом начал говорить проповеди, которые с давних времен уже не говорились, но все-таки, подчиняясь духу своего времени и воспитания, он более или менее был «буквалист», как называли его противники, в продолжение целых веков упорно стоявших и до сих пор стоящих за свою букву. Но горячо любя и уважая церковь, Никон заботился не только о приведении внешней ее стороны в надлежащее состояние; нужно было, чтобы и власть, которая наблюдала над церковью, была высоко поставлена. Задачей Никона было правильное изображение церковной практики. Из этой задачи прямо истекала потребность в единой церковной власти, а эту власть находил он в себе, в своем патриаршем сане. И вот Никон, ревностно взявшись за дело достижения единообразия в церковной обрядности, логически должен был сделаться борцом за независимость и верховность своей патриаршей власти.

Подготовленный замечаниями восточных духовных, после вступления в сан патриарха Никон начал рыться в рукописях патриаршего книгохранилища. И вот – как рассказывается в предисловии к изданному при Никоне Служебнику – патриарх, рассматривая грамоту вселенских патриархов на учреждение патриаршества в Московском государстве, обратил внимание на то, что в ней говорилось: «Православная церковь приняла свое совершение не только по богоразумию и благочестию догматов, но и по священному уставу церковных вещей; праведно есть нам истреблять всякую новизну ради церковных ограждений, ибо мы видим, что новины всегда были виной смятений и разлучений в церкви; надлежит последовать уставам святых отец и принимать то, чему мы от них научились, без всякого приложения или убавления. Все святые озарились от единого Духа и уставили полезное; что они анафеме предают, то и мы проклинаяем; что они подвергли низложению, то и мы низлагаем; что они отлучили, то и мы отлучаем: пусть православная великая Россия во всем будет согласна со вселенскими патриархами».

В то же время Никон обратил внимание на символ веры, вышитый на саккосе митрополита Фотия. Этот символ разнился с символом в том виде, в каком пели его во времена Никона: в старом символе не было прибавления слова «истинного» о Св. Духе; против этого прибавления еще вооружался Дионисий. Равным образом в старом символе написано было: «Его же царствию не будет конца», тогда как при Никоне произносили: «Его же царствию несть конца». Пересматривая богослужебные книги, Никон убедился, что в них есть значительные

отмены против греческого текста. В это время Никон находился под влиянием Арсения Грека, который по подозрению в латинстве был сослан в Соловки при патриархе Иосифе и возвращен Никоном. Не меньше влияния оказывал Епифаний Славинецкий, который с другими киевскими монахами был призван боярином Ртищевым в Москву. С Востока возвратился Арсений Суханов и 26 июля 1653 года подал царю и патриарху свой отчет о путешествии по греческим островам, о пребывании в Александрии, Иерусалиме и Грузии. Его записки носят название «Проскинитарий» (Поклонник). Арсений остался приверженцем русской старины и описал черными красками поведение восточных духовных, недостаток благоговения при богослужении; однако он не скрыл и того, что везде на Востоке употребляется троеперстное крестное знамение и соблюдаются те приемы, по поводу которых греческие духовные укоряли русскую церковь.

В.Г. Шварц, Патриарх Никон в Новом Иерусалиме

По этим-то побуждениям Никон убедил царя созвать собор русских иерархов, архимандритов, игуменов и протопопов. Всего духовных было 34 человека. Царь со своими боярами присутствовал на этом соборе. Никон произнес на нем речь и тогда же высказал в ней свой взгляд на равенство церковной власти со светской. «Два великих дара даны человекам от Вышнего по Божьему человеколюбию – священство и царство. Одно служит божественным делам, другое владеет человеческими делами и печется о них. Оба происходят от одного и того же начала и украшают человеческое житие; ничто не делает столько успеха царству, как почтение к святителям (святительская честь); все молитвы к Богу постоянно возносятся о той и другой власти... Если будет согласие между обеими властями, то настанет всякое добро человеческой

жизни». Никон указал на слова грамоты вселенских патриархов, поразившие его, и сказал: «Надлежит нам исправить как можно лучше все нововведения в церковных чинах, расходящиеся с древними славянскими книгами. Я прошу решения, как поступать: последовать ли новым московским печатным книгам, в которых от неискусных переводчиков и переписчиков находятся разные несходства и несогласия с древними греческими и славянскими списками, а прямее сказать, ошибки, или же руководствоваться древним, греческим и славянским (текстом), так как они оба представляют один и тот же чин и устав?» На этот вопрос собор дал в ответ такое же решение, какое высказываемо было не раз при прежних патриархах: «Достоинно и праведно исправлять сообразно старым харатейным и греческим спискам».

Вслед за этим Никон отставил всех прежних справщиков и передал как типографию, так и дело исправления книг Епифанию Славинецкому с его киевской братией и Арсению Греку. Никон и царь дали приказание усиленно собирать по всем монастырям старые харатейные списки и присылать в Москву. Никон снова отправил Арсения Суханова на Афон просить греческих книг. Между тем у Никона явились враги: то были отставленные справщики, самолюбие которых было сильно задето. Они кричали против Никона, что он поддается наущениям киевлян, зараженных латинской ересью. Горячими его противниками сделались тогда протопоп Иван Неронов и друг Неронова, юрьевский протопоп Аввакум, живший в его доме во время своего пребывания в столице¹³². К ним присоединились епископ коломенский Павел и несколько архимандритов и протопопов, присутствовавших на соборе и не подписавших его приговора.

Чтобы придать больше освящения начатому делу, Никон отправил через одного грека, по имени Мануил, к константинопольскому патриарху Паисию двадцать шесть «вопрошений», которые касались разных вопросов богослужения и в том числе спорных пунктов; вместе с тем Никон жаловался на коломенского епископа Павла, на протоиерея Неронова и на их сообщников. Московский патриарх спрашивал совета у константинопольского, как поступить с непослушными.

Началась у Московского государства война за Малороссию. Никон с особенным рвением благословлял царя на эту войну своим советом, вероятно, побуждаемый к тому же своими киевскими справщиками, хлопотавшими в Москве о помощи своему отечеству. Отправляясь в поход, царь доверил патриарху как своему ближайшему другу свою семью, свою столицу и поручил ему наблюдение за правосудием и ходом дел в приказах. Все боялись Никона: ничего важного не делалось без его совета и благословения. По примеру Филарета он не только стал называть себя «великим государем», но во время отсутствия Алексея Михайловича как верховный правитель государства писал грамоты (например, о высылке подвод на службу под Смоленск), в которых выражался так: «Указал государь, царь, великий князь всея Руси Алексей Михайлович и мы, великий государь...» Во время постигшей Москву заразы Никон сделал распоряжение поставить в разных местах заставы, чтобы на время заразы пресечь сообщение с войском, в котором был государь, приказал в Москве заложить кирпичом царские кладовые и не выпускать никого из тех дворов, где появится зараза, а сам выехал вместе с царским семейством в Вязьму. Тогда враги в его отсутствие начали возмущать народ и толковать, что бедствие постигает православный народ за еретического патриарха. Толпа принесла на сходку к Успенскому собору образ Спасителя, на котором стерлось изображение. Некто Софрон Лапотников говорил, что этот образ был выскоблен по приказанию патриарха и ему, Софрону, было от этого образа видение: велено показать образ мирским людям, чтобы все восстали за поругание

¹³² Неронов пока оставлял в тени вопрос об исправлении и нападал на Никона за его жестокость. «Патриарх, – писал он своим друзьям, – мучитель, терзает свою братию, членов церкви, творит над ними поругание, одних расстригает, других проклинает. Беззаконное дело будет быть у него в послушании без прекословия. Он хочет, чтоб мы просили у него прощения; пусть он у нас просит! Государь всю свою душу и всю Русь положил на патриархову душу; нехорошо так мудрствовать государю!...»

икон. Народ сердился за то, что Никон дал волю еретикам печатать книги; какая-то женщина из Калуги кричала всенародно, что ей было видение, запрещающее печатать книги. Никону ставили в вину, что он покинул столицу, а за ним разбежались и приходские священники. Патриарх в своем управлении был до чрезвычайности строг, и множество попов находилось у него под запрещением; они-то и были повсеместными возмутителями толпы. Оставленный в столице князь Пронский с большим трудом успокаивал народное волнение, и вопрос о состоявшихся под запрещением полах был до того важен, что старосты и сотские московских сотен и слобод, не пристававшие к мятежникам, ради всеобщего успокоения били челом патриарху, чтобы он разрешил опальных священников, потому что много церквей остается без богослужения, некому напутствовать умирающих и погребать мертвых.

Патриарх Никон

По возвращении царя в Москву Никон опять занялся церковным преобразованием. Арсений Суханов, не жалея издержек, достал с Афона до пятисот рукописей, причем некоторым из них приписывали глубокую древность. Славинецкий и Арсений Грек с братией ревностно трудились над исправлением богослужебных книг, а между тем пришел ответ от константинопольского патриарха Паисия. Паисий извещал, что он созывал собор в Константинополе и на этом соборе составлены ответы на присланные Никоном «Вопрошения». «Вижу, – писал Паисий, – в грамотах преблаженства твоего, что ты жалеешь о несогласиях, возникших по поводу некоторых церковных чинов, и думаешь, что это различие чинов растлевает веру

нашу. Хвалим твою мысль: кто бережется малого преступления, тот соблюдается от великого. Еретиков и раздорников следует убегать, если они соглашаются в самых важных предметах, но не вполне согласны с православием и придерживаются чего-нибудь своего, чуждого церковной и соборной мысли. Но если случится, что какая-нибудь церковь различествует от другой в некоторых не особенно важных и несущественных вещах, то есть не прикасающихся “свойственным составам веры”, – например, во времени отправления богослужения и т. п., то это не должно быть поводом к разлучению, лишь бы только непреложно сохранялась та же вера. Церковь наша не с начала приняла на себя тот образ и последование, какое держит ныне; не сразу, а помалу». Паисий ссылается на Епифания Кипрского в том, что церковь в разных местах принимала различные степени поста и мясоядения, ссылается на Василия Великого, из которого видно, что неокесарийская церковь не принимала того, что принималось в других местах. «Не следует, – продолжает Паисий, – и ныне думать, будто наша православная вера развращается оттого, если один говорит свое последование немного различно от другого в несущественных вещах, лишь бы только согласовался в важнейших, свойственных соборной церкви». Ответ довольно уклончивый: можно было давать по произволу то более широкий, то более узкий смысл тому, что признавать несущественным. Сам Паисий, представивший в «Ответах» на «Вопрошения» Никона подробное объяснение литургии, говорит: «Именем Иисуса Христа молим твое преблаженство, утоли эти распри твоим разумом; не подобает ссориться рабам Господним, а наипаче в вещах неважных и несущественных; увещевай их принять сей чин, который мы пишем вам, которого держится вся восточная церковь. Изначала у нас, по преданию, он сохраняется; ни в единой вещи не было изменения; за это нам хвала, потому что прочие церкви, отделившись от нас, приняли многие нововведения, а мы – ничем не растлеваемся». Таким образом, предоставляя свободу в неважных приемах богослужения, константинопольский патриарх, однако, требовал точного единства с восточной церковью в литургии и вообще в богослужении. О коломенском епископе и протопопе Неронове Паисий дал такое решение: «Все это – знамение ереси и раздора, и кто так говорит и верует, как они, тот чужд православной нашей веры»; Паисий советует их отлучить, если они не примут нелицемерно все так, как «держит и догматствует церковь», и сравнивает их с арианами, кальвинистами, лютеранами, которые под видом исправления покинули «недвижное и истинное» в церкви. «Их молитвы, – говорит патриарх, – хулы, потому что они полагают в сомнение моление наших святых и затевают вводить новые чины, которым мы никогда не научились от наших отцов, предавших нам веру». В «Ответах» Паисия много излагается и такого, что в русской церкви уже было согласно с греческой; но относительно крестного знамения Паисий указывает на сложение трех первых перстов как на древний обычай поклонения и различает молебное перстосложение от благословящего, которое должно изображать имя Иисуса Христа в четырех буквах (ІС ХС). «До нас дошло, – замечает Паисий, – что в ваших церковных чинах есть еще кое-какие различия, несогласные с нашей восточной церковью; удивляемся, что ты о них не спрашиваешь. Желаем, чтобы все это исправилось». Между прочим, патриарх порицал русскую церковь за то, что в русских храмах женщины и мужчины сходятся вместе и во время богослужения не стоят раздельно: «Женщине следует безмолвствовать, а тут невозможно сохранять безмолвие, когда сойдется с женщинами много мужчин разного возраста».

Икона «Господь Вседержитель с припадающими святителем Филиппом, митрополитом московским, и святейшим патриархом Никоном». 1657 г. Москва, Патриаршие или Царские мастерские

По этому ответу Никон снова собрал собор, на котором кроме русских архиереев были антиохийский патриарх Макарий, сербский Михаил и митрополиты никейский и молдавандский. Сам Никон называл себя «великий государь, старейший Никон, архиепископ московский и всея Великие, Малые и Белые России и многих епархий, земли же и моря сея земли патриарх».

Этот собор положил держаться того, что решено было на предшествовавшем московском соборе и как велит константинопольский патриарх. Голос антиохийского патриарха Макария энергично решал правильность троеперстия. Его замечательный ответ был выражен так: «Мы приняли предание изначала веры от Св. апостол и Св. отец и семи соборов творить знамение честного креста тремя первыми перстами десной руки, и кто из христиан православных не творит крестного знамения по преданию восточной церкви, сохраняемого от начала веры до сих пор, тот еретик и подражатель арменов: того ради мы считаем такового отлученным от Отца и Сына и Св. Духа и проклятым». Никейский митрополит прибавил: «На том, кто не крестится тремя перстами, пребудет проклятие трехсот восьмидесяти Св. отец, собиравшихся в Никее, и прочих соборов». Таким образом, собор этот объявил решительную войну двуперстному сложению. Дело было до крайности необдуманное. Если троеперстное сложение как повсеместное у восточных православных народов действительно имело за собой все признаки древности и правильности, то не надобно было забывать, что вся Русь давно уже крестилась двуперстным сложением и уважала многих святых, которые, несомненно, осеняли себя таким же крестным знамением. Возложить проклятие на двуперстие в глазах противников Никона значило предать проклятию святых русской церкви, отрешиться разом от священных преданий. Восточные архиереи, чуждые России, могли отнестись, не зная ни духа русского народа, ни склада его понятий, так легко к этому вопросу, не сообразив всех условий. Никон, природный русский человек, мог поступить так круто и легкомысленно в этом деле только по тому безмерному властолюбию, которое очень часто бывает свойством людей с твердым характером, горячо принимающихся за важное дело своего убеждения. При более благоразумном и осторожном способе действий исправление буквы в русской церкви совершилось бы тихо, без больших потрясений. Никон своим упорством и горячностью дал зародыш печальных событий на будущее время, тем более что его ошибка неизбежно повлекла за собой другие. Так всегда в истории мы замечаем, что стоит только историческому деятелю в важную минуту стать на ложную дорогу, то уже трудно бывает сойти с нее и ему самому, и его преемникам и последователям.

Патриарх Никон

Никон издал новый Служебник с текстом, исправленным против прежних печатных изданий и сверненным с греческим. В предисловии к этому Служебнику он изложил поводы, побудившие его к исправлению богослужебных книг, и деяния первого собора в Москве, одобрявшего его предприятие. Он приказывал повсюду рассылать и вводить в употребление при богослужении новый Служебник. Затем по его приказанию Арсений Грек перевел с греческого книгу «Скрижаль», заключающую в себе порядок и объяснение литургии и таинств. В эту «Скрижаль» были внесены изложение бывших при Никоне соборов об исправлении книг, ответ константинопольского патриарха Паисия и статьи, относящиеся к вопросу о крестном знамении в защиту троеперстного сложения. Статья «О еже коими персты десные руки изображается крест» вооружается против разных способов неправильного исполнения крестного знамения. Были такие, кто крестился, полагая руку сначала на лоб, а потом – не на живот, а на правое плечо. «Такие, – говорит статья, – должны быть отлучаемы и проклинаемы. Это – поругание крестного знамения, а не знамение его. Это значит – исповедать вознесение сына Божия на небеса, не творя его соития на землю». Люди, таким образом полагавшие крестное знамение, составляли, вероятно, незначительное исключение; зато двуперстников было очень много. «Скажите, – говорится в этом сочинении, – вы, соединяющие великий перст с двумя малыми последними, имеющими между собою неравенство и местный разлад, как можете вы

исповедовать таинство Пресвятой Троицы, соприсущной и равнославной? Поистине неприличен ваш способ изображения того первообразного, в котором нет ни первенства, ни последовательности, ни большинства, ни меньшинства!» Защитники двуперстия объясняли свое крестное знамение, будто оно изображает божественную и человеческую природу Спасителя. Им на это делается такое замечание: «Смотрите, чтоб вы не впали в мудрование о двух ипостасях в Иисусе Христе, подобно Несторию, говорившему, что иной Сын Бог Слово, а иной – Иисус из Назарета, простой человек. Так и вы в трех пальцах, изображающих Св. Троицу, уже указываете сыновнюю ипостась, а потом, особо отделив, указываете еще иную ипостась в указательном и среднем пальцах». Двуперстники говорили, что некогда антиохийский патриарх Мелетий спорил с арианами; желая убедить их в силе крестного знамения, он показал им три перста, и от этого не произошло никакого знамения, а как сложил два перста и один пригнул, то «бысть знамение – огонь изыде». Никон доказывал им, что они здесь не понимают смысла того, что читают: Мелетий показал три перста отдельно – и не было знамения, а как сложил указательный и средний вместе, да к ним пригнул большой перст, так и сотворилось тогда знамение. Вот оно и значит – троеперстное знамение! Двуперстники ссылались на ходившее в разных сборниках слово Феодорита; Никон возражал, что не знает, о каком Феодорите¹³³ идет дело. Наконец, двуперстники ссылались на Максима Грека; им на это замечали, что Максим Грек, хотя был человек ученый, но, снисходя к русскому обычаю и много пострадав, мог писать и неправильно от страха наветов.

Снова в апреле 1656 года был собран собор, на котором Никон представил свою «Скрижаль». Собор утвердил ее и еще раз произнес проклятие над двуперстниками. По мудрствованию этого собора, соединение двух последних пальцев с большим выражало неравенство Св. Троицы, а два простертых пальца, средний и указательный, означали последование Несториевой ереси. Вместе с тем предали проклятию (мнимое) слово Феодоритово, на которое ссылались двуперстники. Никон подвинул этим еще далее разрыв с прошедшим. Противники его с ужасом толковали, что Никон и согласные с ним духовные, таким образом, признали еретиками всех святых русской церкви, которые, без сомнения, употребляли двуперстное знамение.

По совету, данному константинопольским патриархом, Никон начал поступать решительно со своими противниками: Павел Коломенский был лишен сана и сослан; Неронов был отправлен в заточение в Вологодский монастырь. Вонифатьев покорился и вскоре сам ходатайствовал за Неронова; Никон простил последнего; Неронов постригся в монахи под именем Григория. Аввакум, самый зазорнейший противник нововведения, был сослан в Даурию с женой и семьей. Протопопы Логгин и Данило были заключены в тюрьмы и там вскоре умерли. Но этими ссылками и заточениями нельзя было утишить волнения. Когда патриарх разослал свои новые богослужебные книги и приказывал служить по ним и креститься тремя перстами, ропот поднялся разом во многих местах. Оставшиеся пока нетронутыми, бывшие справщики Никита Пустосвят в Суздале и Лазарь в Романове возбуждали народ к неповиновению. Соловецкий монастырь, исключая немногих старцев, воспротивился вместе со своим архимандритом. «Новые учителя восстали, – говорили там, – они отвращают нас от истинной веры, велют служить на ляцких крыжах по новым служебникам; не будем принимать латинской службы и еретического чина». Пример такого уважаемого монастыря, как Соловецкий, придал много силы противодействию Никоновым намерениям. Кроме крестного знамения поднялись старые толки о сугубой и трегубой аллилуйя. Защитники старины видели ересь в написании имени Иисус вместо «Исус», как писали и печатали прежде по невежеству. Начались толки о восьмиконечном и четвероконечном кресте. Распространились мистические предсказания о скором появлении Антихриста, которое, по апокалипсическим вычислениям, приходилось на 1666

¹³³ Антиохийский ли, или Кирский, или какой иной; и если Кирский, то перевода его на славянском языке нет; если же где и есть, то нельзя принимать на веру всего, что он писал, потому что он был противник Кирилла Александрийского.

год. Пошли ходить по рукам грамотеев книги «О Вере» и «Орел», где тогдашние мудрецы излагали свои прорицания о последних временах мира. Всего более помогло развитию противодействия то, что было много не любивших Никона. Бояре, за исключением немногих, не терпели его за постоянное вмешательство в мирские дела и за резкие выходки. Духовенство было озлоблено против него за надменность, строгость и притеснения, которые оно терпело от его приказных. Никон требовал от священников трезвой жизни, точного исполнения треб и сверх того заставлял их читать в церкви поучения народу – новость, которая не нравилась невежественному духовенству. Для Никона ничего не стоило священника за небрежность в исполнении своих обязанностей посадить на цепь, мучить в тюрьме и сослать куда-нибудь на нищенскую жизнь. Патриарх был суров в обращении: «У него, – говорили духовные, – устроено подобно адову подписанию. Страшно к воротам приблизиться». Нельзя было явиться перед ним без трепета: «Знаете ли, кто он, – говорили священники, – зверь лютей, медведь или волк?» Ставленники проживали в Москве по несколько месяцев, стесняемые разными формальностями, давали взятки патриаршим дьякам. Они должны были по несколько часов выстаивать на морозе, тогда как прежде их пускали дожидаться в доме. Никон имел привычку часто переводить священников из церкви в церковь. Это было разорительно не только от неизбежных расходов при перемещении с места на место, но еще и потому, что такие переводимые попы должны были брать в Москве «перехожие» грамоты, а пока их достанут – проживаться в столице, между тем как их семейства бедствовали без всяких средств. Патриарший дьяк Иван Косошилов, известный своим взяточничеством еще при патриархе Иосифе, бесцеремонно брал взятки со священников, имевших дело в Патриаршем приказе, не только сам, но и через свою жену и людей. По всем городам патриарх обложил данью дворян священно- и церковнослужителей и просвирен, брал с каждой четверти земли, с копны сена; у него даже нищие были обложены данью. Так по крайней мере говорили о нем. В челобитной, поданной государю на Никона, говорилось: «Видишь ли, свет премилостивый, он возлюбил стоять высоко и ездить широко». Указывая на его вмешательство в мирские дела, духовные выражались: «Он принял власть строить, вместо Евангелия – бердыши, вместо креста – топорки на помощь государю, на бранные потребности». Народ осуждал его за бегство из Москвы во время моровой язвы, которая и потом повторялась в России, и приписывал это бедствие правлению и поступкам своего патриарха. Пророки и сновидцы возмущали умы своими ложными откровениями против Никона. Патриарх в 1656 году написал всенародную грамоту, где убеждал не верить лжепрорицателям и доказывал Священным Писанием, что убежать от моровой язвы и вообще от бедствия – не составляет греха. Но народ, привыкший к прежнему крестному знамени, увидев внезапное изменение церковных обычаев, был расположен верить более врагам Никона, убеждавших русских людей хранить древнее благочестие, чем голосу патриарха, ненавидимого духовенством. Русские архиереи, участвовавшие вместе с Никоном в преобразованиях, также не терпели его за гордое обращение. Была у Никона одна сильная подпора в царе, но вскоре он потерял и ее.

М.А. Тодорова. «Кружок ревнителей благочестия»

До сих пор мы не знаем в подробностях, как произошло охлаждение царя Алексея Михайловича, считавшего прежде патриарха своим лучшим другом. В 1656 году Никон был еще в силе, и его влиянию, между прочим, принадлежит несчастная война, предпринятая против Швеции. В 1657 году, по-видимому, также отношения между царем и патриархом еще были хорошие. В это время патриарх занимался постройкой нового монастыря. Верстах в сорока от Москвы понравилось ему место, принадлежавшее Роману Боборыкину, на реке Истре. Никон купил у владельца часть его земли с селом и начал основывать там монастырь. Сперва он построил деревянную ограду с башнями, а в середине деревянную церковь и пригласил на освящение церкви царя Алексея Михайловича. «Какое прекрасное место, – сказал царь, – как Иерусалим!» Никону понравилось это замечание, и он задумал создать подобие настоящего Иерусалима: послал Арсения Суханова снова на Восток с целью достать и привезти точный снимок с иерусалимского храма Воскресения. Между тем он дал палестинские названия окрестностям своей начинающейся обители: явился Назарет, явилось село Скудельничье и т. п.; гору, с которой любовался царь, Никон назвал Елеоном, а реку Истру – Иорданом. Но потом мало-помалу на Алексея Михайловича начали оказывать влияние враги Никона: бояре Стрешнев, Никита Одоевский, Трубецкой и другие. Бояре, как видно, задели чувствительную струну в сердце царя; они указали ему, что он не один самодержец, что кроме него есть еще другой великий государь. Алексей Михайлович был из таких натур, которые не могут жить без друзей и всегда поддаются их влиянию, но когда спохватятся и увидят свою зависимость – им делается стыдно, досадно и прежняя дружба начинает тяготить их. Царь, не ссорясь с Никоном,

стал отдаляться от него. Никон понял это и не искал объяснений с царем, но вельможи, заметив, что патриарх уже не имеет прежней силы, не утерпели, чтобы не дать ему этого почувствовать.

Сам царь развил в этом человеке властолюбие; он приучил его вмешиваться в государственные дела, и патриарху трудно было держаться в стороне от них. Зависимость церкви от государственной власти казалась ему нестерпимой по мере того, как он терял прежнюю силу и влияние на дела государственные. С этих пор у него естественно, если не в первый раз явилось, то сильнее развилось стремление поставить духовную власть независимо от светской и церковь – выше государства. Это ясно видно из его критики на Уложение, которое подчинило духовных лиц суду приказов: Монастырского и Дворцового. В «Ответе» Никона, хотя он и написан позднее, отразился, однако, тот взгляд патриарха, который неминуемо должен был привести его в столкновение с верховной светской властью¹³⁴.

¹³⁴ Он называл ложью слова Уложения, будто бы бояре, составлявшие его, выписывали статьи из правил Св. апостол, Св. отец, вселенских соборов и законов греческих царей. В Уложении говорится: «Суд государя царя». – «Нет, – возражает Никон, – суд Божий есть, а не царев, не человека суд, а Богом дан человекам. Цари только слуги Божии». В Уложении запрещено судить в приказах, кроме великих царственных дел, в большие праздники и в дни рождения государя и членов его семейства. Никон возмущается сопоставлением царских дней с господскими праздниками: «Что это за праздники? Что это за таинство? Все любострастно и по-человечески! Не только уподобил человек Богу, но и предпочел Богу!» По поводу денежного бесчестия и телесных наказаний, положенных за оскорбление духовных, Никон восклицает: «Откуда ты, беззаконник, выдумал, в противность божественных заповедей и уставов Св. апостол и Св. отец, возмездие против зла злом, побоями и платою серебра по качеству и количеству!» Его возмущало то, что какое бы то ни было дело, касающееся патриарха и духовенства, может разбираться и судиться светской властью. 83 и 84 ст. гл. X Уложения говорят о бесчестии, положенном на духовных лиц, за оскорбление бояр, окольных и других лиц. «Не дьявольский ли это закон? – спрашивает Никон. – Ей-ей, самого Антихриста; выдуман для того, чтобы никто не смел от страха проповедовать правды Божией, по написанному: не обличай безумных, да не возненавидят тя. В X гл. в 1 статье написано: суд один от мала до велика, без различия чина и достоинства, – стало быть, и казни одинаковые, как простым людям, так и священному чину! Хорошо сделал бы всякий человек священного чина от патриарха до последних причетников, если бы не послушал и не пошел на твое беззаконное судище, но наплевал на закон и на судью беззаконного, как поступали отроки по повелению цареву. Вот, в книге Прологе пишется, как святые мученики и исповедники, влекомые на судище, не только не повиновались, но оплевали и прокляли их беззакония. Так и теперь, если кто хочет мужественно подвигнуться за заповеди Христовы и за каноны Св. апостол и Св. отец, тот пусть не только судьи не слушает, но оплюет и проклянет его повеление и закон. И если кто у пристава отнимет наказную или приставную память (за что в 142 ст. X гл. положено наказание кнутом), и издерет ее, и оплюет ее и потопчет, тот не погрешит, как и первые мученики... О богоборче, князь Никита, что ты это говоришь про слободы патриаршие, владычни и монастырские? Не все ли Божии и мы все Божии, кроме тебя и подобных тебе? Священническая часть – Божья часть и достоинство. Не должно рассуждать об управлении епископом церковного имения: он имеет власть управлять им как перед лицом Бога. Если епископам поручены человеческие души, то тем паче следует им поручить имения, чтобы они устанавливали в них все власти и через руки честных пресвитеров и дьяконов подавали требуемое убогим... Где написано, чтобы царям и князьям, и боярам, и дьякам судить духовных? Перечти все правила не только христианские, но и мучительские: нигде не найдешь, чтобы можно было судить патриарха! Епископов и митрополита, по 9 правилу четвертого вселенского и карфагенского соборов, могут судить только епископы всей области, если их будет не менее двенадцати. Пресвитера судят шесть епископов, дьяка – три причетника вместе с епископом. По каким же ты законам вымыслил судить в Монастырском приказе простым людям митрополитов, епископов, архимандритов, игуменов, попов, дьяконов, причетников?» Так относился Никон к Уложению, книге законов государства, которая была утверждена приговором выборных людей всей Русской земли. Никон не давал значения этому приговору: «Всем ведомо, – говорил он, – что сбор был не по воле, от боязни междоусобия всех черных людей, а не ради истинной правды». О дьяках и приказных людях, в руках которых было Уложение, Никон отзывался так: «Это – ведомые враги Божии и дневные разбойники: без всякой боязни днем людей Божиих губят!» Выходки подобного рода, без сомнения, Никон позволял себе и в то время, когда его могущество уже пошатнулось, но еще не доходило до явной размолвки. Никон говорит в письме к константинопольскому патриарху Дионисию: «У его царского величества составлена книга, противная Евангелию и правилам Св. апостолов и Св. отец. По ней судят, ее почитают выше Евангелия Христова. В той книге указано судить духовных архиереев и их стряпчих, детей боярских, крестьян, архимандритов, и игуменов, и монахов, и монастырских слуг, и крестьян, и попов, и церковных причетников в монастырских приказах мирским людям, где духовного чина нет вовсе. Много и других пребеззаконий в этой книге! Мы об этой проклятой книге много раз говорили его царскому величеству, но за это я терпел унижение и много раз меня хотели убить. Царь был прежде благоговее и милостив, во всем искал Божиих заповедей, и тогда милостию Божиею и нашим благословением победил Литву. С тех пор он начал гордиться и возвышаться, а мы ему говорили: перестань! Он же в архиерейские дела начал вступаться, судами нашими овладел: сам ли собою он так захотел поступать или же злые люди его изменили – он уподобился Ровоаму, царю израильскому, который отложил совет старых мужей и слушал совета тех, которые с ним воспитывались».

Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь

Летом 1658 года наступила явная размолвка. В Москву приехал грузинский царевич Теймураз. По этому поводу был во дворце большой обед, но Никона не пригласили, хотя прежде в подобных случаях ему оказывали первую честь. Патриарх послал своего боярина, князя по имени Димитрий, за каким-то церковным делом, как он сам говорил, или для того, чтобы высмотреть, что там делалось, как говорили другие. Окольный Богдан Матвеевич Хитрово, расчищавший в толпе путь для грузинского царевича, ударил палкой по голове патриаршего боярина.

– Напрасно бьешь меня, Богдан Матвеевич, – сказал патриарший боярин, – мы пришли сюда не просто, а за делом.

– А ты кто таков? – спросил окольный.

– Я патриарший человек, за делом послан, – отвечал Димитрий.

– Не дорожись! – сказал Хитрово и еще раз ударил Димитрия по лбу. Патриарший боярин Димитрий с плачем вернулся к Никону и жаловался на обиду.

Никон написал царю письмо и просил суда за оскорбление своего боярина.

Царь ответил ему собственноручно: «Сыщу и по времени сам с тобою видеться буду».

Однако прошел день, другой – царь не повидался с Никоном и не учинил расправы за оскорбление его боярина. Наступило 8 июля, праздник иконы Казанской Богородицы. В этот праздник патриарх обычно служил со всем собором в храме Казанской Божией Матери. Царь с боярами присутствовал на богослужении. Накануне, когда пришло время собираться к вечерне, патриарх послал к царю священника с вестью, что патриарх идет в церковь. Царь не пришел; не было его в церкви и в самый день праздника. Никон понял, что царь озлобился на него. 10 июля был праздник ризы Господней. Тогда, по обычаю, царь присутствовал при патриаршем богослужении в Успенском соборе. Никон посылал к царю перед вечерней, а потом и перед заутреней. Царь не пришел и послал к Никону своего спальника князя Юрия Ромодановского, который сказал: «Царское величество на тебя гневен: оттого он не пришел к заутрени и повелел не ждать его к святой литургии». Никон спросил, за что царь на него гневается? Юрий Ромодановский отвечал: «Ты пренебрег его царским величеством и пишешься великим государем, а у нас один великий государь – царь».

Никон возразил на это: «Я называюсь великим государем не собою. Так восхотел и повелел его величество. На это у меня и грамоты есть, писанные рукою его царского величества».

Ромодановский сказал: «Царское величество почтил тебя, яко отца и пастыря, и ты этого не уразумел; а ныне царское величество велел тебе сказать: отныне не пишишь и не называйся великим государем; почитать тебя впредь не будет».

Самолюбие Никона было уязвлено до крайней степени. Стал он думать и решился произнести торжественно отречение от патриаршей кафедры, вероятно, рассчитывая, что кроткий и набожный царь испугается и поспешит помириться с первосвятителем. В тот же день, после посещения Ромодановского, он сказал о своем намерении патриаршему дьяку Каликину. Каликин уговаривал Никона не делать этого; Никон стоял на своем. Каликин сообщил боярину Зюзину, другу Никона. Зюзин велел передать Никону, чтобы он не гневил государя; иначе – захочет воротиться назад, да будет поздно. Никон несколько призадумался, стал было писать, но потом разодрал написанное, сказал: «Иду!» Он приказал купить себе простую палку, какую носили попы.

В тот же день патриарх отслужил в Успенском соборе литургию, а во время причастия дал приказание, чтобы никого не выпускали из церкви, потому что он намерен говорить поучение. При конце обедни Никон стал говорить поучение. Прочитав сначала слово из Златоуста, Никон повернул речь о себе: «Ленив я стал, – сказал он, – не гоюсь быть патриархом, окоростевел от лени, и вы окоростевели от моего неучения. Называли меня еретиком, иконоборцем, что я новые книги завел, камнями хотели меня побить; с этих пор я вам не патриарх...»

От такой неожиданной речи в церкви поднялся шум; трудно было расслышать, что далее говорил Никон. Одни после того показывали, будто он сказал: «Будь я анафема, если захочу быть патриархом!» Другие отрицали это. Как бы то ни было, окончив свою речь, Никон облачился, ушел в ризницу, написал царю письмо, надел мантию и черный клобук, вышел к народу и сел на последней ступени амвона, на котором облачаются архиереи. Встревоженный народ кричал, что не выпустит его без государева указа. Между тем царь уже узнал о том, что происходит в Успенском соборе. «Я будто сплю с открытыми глазами!» – сказал он и отправил в собор князя Трубецкого и Родиона Стрешнева.

– Для чего ты патриаршество оставляешь? – спросил Трубецкой. – Кто тебя гонит?

– Я оставляю патриаршество сам собою, – сказал Никон и послал письмо царю.

В другой раз пришел к нему от царя Трубецкой с товарищем сказать, чтобы он не оставлял патриаршества.

– Даю место гневу царского величества, – сказал Никон. – Бояре и всякие люди церковному чину обиды творят, а царское величество управы не дает и на нас гневает, когда мы жалуемся. А нет ничего хуже, как царский гнев носить.

– Ты сам, – сказал боярин Трубецкой, – называешь себя великим государем и вступаешься в государевы дела.

– Мы, – сказал Никон, – великим государем не сами назвались и в царские дела не вступаемся, а разве о правде какой говорили или от беды кого-нибудь избавляли, так мы, архиереи, на то заповедь приняли от Господа, который сказал: «Слушая заповедь, Мене слушает».

Вдобавок он просил у государя себе келью; ему отвечали, что келий на патриаршем дворе много: может жить в любой¹³⁵. Затем Никон снял с себя мантию, вышел из церкви и ушел пешком на подворье Воскресенского монастыря.

¹³⁵ Вся эта беседа Никона с Трубецким основана на собственном письме Никона к константинопольскому патриарху. По другим известиям, Никон в это время говорил только, что сходит с патриаршества по своей воле. Ничто не подает повода сомневаться в известии, сообщаемом письмом Никона. Всему церковному ведомству была нанесена жестокая обида после того, как оскорбление, сделанное патриаршему боярину, оставлено самим государем без внимания. Притом патриарху было объявлено, что царь на него гневается. Московскому патриарху приходилось, естественно, говорить присланным боярам именно те слова, какие он сообщает в письме константинопольскому патриарху. Это согласно и с характером Никона, который

Он пробыл там два дня, быть может, дожидаясь, что царь, по крайней мере теперь, позовет его и захочет с ним объясниться, но царь не звал его. Никон отправился в Воскресенский монастырь на двух плетеных повозках, которые тогда назывались киевскими, написав царю письмо в таком смысле: «По отшествии боярина вашего Алексея Никитича с товарищами ждал я от вас, великого государя, милостивого указа по моему прошению; не дождался – и многих ради болезней велел отвезти себя в Воскресенский монастырь».

Домашнее платье патриарха Никона. Литография по рисунку Ф.Г. Солнцева

Вслед за Никоном приехал в Воскресенский монастырь боярин Трубецкой, но не с мировой, не с просьбой о возвращении в столицу. Боярин сказал ему: «Поддай великому государю, государыне царице и их детям свое благословение, благослови того, кому Бог изволит быть на твоём месте патриархом, а пока патриарха нет, благослови ведать церковь крутицкому митрополиту». Никон дал на все согласие; просил, чтобы государь, царица и их дети также его простили, бил челом о скорейшем избрании преемника, чтобы церковь не вдовствовала, не была беспастырной и в заключение подтвердил, что он сам не хочет быть патриархом.

Казалось, дело было совершенно покончено. Правитель церкви сам отрекся от управления ею – случай не редкий в церковной истории, – оставалось избрать на его место другого законным порядком. Но царь начал колебаться: с одной стороны, в нем говорило прежнее дружеское чувство к Никону, с другой – бояре настраивали его против патриарха, представляя ему, что Никон умалил самодержавную власть государя. Царь боялся раздражить бояр, не принимал явно стороны ненавидимого ими патриарха, но отправил через Афанасия Матюшкина

в это время должен был находиться в сильно раздраженном состоянии. Он, конечно, надеялся, что после заявленного отречения царь так или иначе сам захочет с ним объясниться. Но Алексей Михайлович как будто назло прислал к нему недоброжелателей. Со своей стороны, и боярам вполне естественно было сделать ему упрек о вмешательстве в государственные дела, за что они и прежде на него злобствовали.

Никону свое прощение; потом посылал к нему какого-то князя Юрия, приказывал передать, что все бояре на него злобствуют, один только царь и посланный князь Юрий к нему добры. Между тем царь не посмел тогда просить его о возвращении на патриаршество. Никон, как будто забыв о патриаршестве, деятельно занимался каменными постройками в Воскресенском монастыре, копал возле монастыря пруды, разводил рыбу, строил мельницы, рассаживал сады, расчищал леса, всегда показывал пример рабочим, трудясь наравне с ними. Царь не раз жаловал ему щедрую милостыню на создание монастыря, на прокормление нищих и в знак особого внимания в большие праздники и свои семейные торжества посылал ему лакомства, которые тот отдавал на трапезу всей братии.

Но потом вмешательство Никона в церковные дела опять вооружило против него царя¹³⁶, и царь по наговору бояр запретил сноситься с Никоном, приказал сделать обыск в его бумагах и перестал оказывать ему прежние знаки внимания.

В.Г. Шварц. Вербное воскресенье при царе Алексее Михайловиче

В июле 1659 года Никон, узнав о том, что делается в Москве с его бумагами, написал царю резкое письмо: «Ты, великий государь, – писал он, – через стольника своего Афанасия Матюшкина прислал свое милостивое прощение: теперь же слышу, поступаешь со мной не как с прощенным, а как с последним злодеем. Ты повелел взять мои вещи, оставшиеся в келье, и письма, в которых много тайного, чего не следует знать мирянам. Божьим попущением, вашим государским советом и всем освященным собором я был избран первым святителем, и много ваших государевых тайн было у меня; кроме того, многие, требуя прощения своих грехов, написывали их собственноручно и, запечатавши, подавали мне, потому что я, как святитель,

¹³⁶ Весной 1659 года Никон, услышав, что крутицкий митрополит в Москве совершал обряд шествия на осле в день Вербного воскресенья, написал государю письмо, в котором осуждал этот поступок, считаемый им исключительной принадлежностью патриаршего звания. «Некто, – писал он царю, – дерзнул олюбодействовать седалище великого архиерея. Пишу это – не желая возвращения к любоначалию и ко власти. Если хотите избирать патриарха благозаконно и правильно, то начните избрание соборно, и кого божественная благодать изберет, того и мы благословим. Если это совершилось по твоей воле, государь, Бог тебя прости, только вперед воздержись брать на себя то, что не в твоей власти!» Царь отправил к Никону приближенных лиц объяснить, что уж издавна в России митрополиты совершали это действие. Никон возразил, что это прежде делалось неведением. Вероятно, во время Никонова патриаршества, уже прежде сделано было распоряжение о том, что означенное действие должно принадлежать только патриарху. Ему заметили, чтобы он более не вмешивался в этого рода дела. Никон отвечал, что он паству свою оставил, но не оставлял попечения об истине. «И простые пустыnnики, – сказал он, – говорили царям греческим об исправлении духовных дел». – «Но ведь ты от патриаршества отрекся, – сказали ему, – и дал благословение на избрание себе преемника». – «Да, отрекся, – отвечал Никон, – не думаю о возвращении на святительский престол, и теперь даю благословение на избрание преемника; но я не отрицаюсь называться патриархом».

имел власть, по благодати Божией, разрешать им грехи, которые разрешать и ведать никому не подобало, да и тебе, великому государю. Удивляюсь, как ты дошел до такого дерзновения: ты прежде страшился судить простых церковных причетников, потому что этого святые законы не повелевают, а теперь захотел ведать грехи и тайны бывшего пастыря, и не только сам, да еще попустил и мирским людям: пусть Бог не поставит им во грех этой дерзости, если покаются! Если тебе, великий государь, чего нужно было от нас, то мы бы для тебя сделали все, что тебе подобает. Все это делается, как мы слышали, лишь для того, чтобы у нас не осталось писания руки твоей, где ты называл нас великим государем. От тебя, великий государь, положено было этому начало. Так писал ты во всех твоих государевых грамотах; так писано было и в отписках всех полков к тебе и во всяких делах. Этого невозможно уничтожить. Пусть истребится оное злое, горделивое, проклятое проименование, происшедшее не по моей воле. Надеюсь на Господа: нигде не найдется моего хотения или веления на это, разве кроме лживых сплетен лжебратий, от которых я много пострадал и страдаю. Все, что нами сказано смиренно, – перетолковано, будто сказано было гордо; что было благохвально, то пересказано тебе хульно, и от таких-то лживых словес поднялся против меня гнев твой! Думаю, и тебе памятно, великий государь, как по нашему приказанию велели кликать нас по трисвятом великим господином, а не великим государем. Если тебе это не памятно, изволь допросить церковников и соборных дьяков, и они тебе то же скажут, если не солгут. Прежде я был у твоей милости единотрапезен с тобою: ты меня кормил тучными брашнами; а теперь, июня в 25 день, когда торжествовалось рождение благоверной царевны Анны Михайловны, все веселились от твоей трапезы; один я, как пёс, лишен богатой трапезы вашей! Если бы ты не считал меня врагом, то не лишил бы меня малого кусочка хлеба от богатой вашей трапезы. Это пишу я не потому, что хлеба лишаюсь, а потому, что желаю милости и любви от тебя, великого государя. Перестань, молю тебя, Господа ради, на меня гневаться. Не попускай истязать мои худые вещи. Угодно ли было бы тебе, чтобы люди дерзали ведать твои тайны помимо твоей воли? Не один я, но многие ради меня страдают. Еще недавно, ты, государь, приказывал мне сказать с князем Юрием, что только ты да князь Юрий ко мне добры; а теперь вижу, что ты не только сам стал немилостив ко мне, убогому своему богомольцу, а еще возбраняешь другим миловать меня: всем положен крепкий заказ не приходиться ко мне! Ради Господа молю, перестань так поступать! Хотя ты и царь великий, но от Господа поставлен правды ради! В чем моя неправда перед тобою? В том ли, что ради церкви просил суда на обидящего? Что же? Не только не получил я праведного суда, но и ответы были исполнены немилосердия. Теперь слышу, что противно церковным законам ты сам изволишь судить священные чины, которых не поверено тебе судить. Помнишь Мануила, царя греческого, как хотел он судить священников, а ему Христос явился: в соборной апостольской церкви есть образ, где святая десница Христова указывает указательным перстом, повелевая ангелам казнить царя за то, чтоб не отваживался судить рабов Божиих прежде общего суда! Умилились, Господа ради, и из-за меня грешного не озлобляй тех, которые жалеют обо мне. Все люди – твои и в твоей руке, того ради паче милуй их и заступай, как и божественный апостол учит: ты слуга Божий, в отомщение злодеям и в похвалу добрым; суди праведно, а на лица не смотри; тех же, которые озлоблены и заточены по малым винам или по оболганию, тех ради Бога освободи и возврати; тогда и Бог Святой оставит многие твои согрешения». В заключение Никон уверял царя, что он не забирал с собой патриаршей казны и ризницы, как на него говорили¹³⁷.

¹³⁷ «Говорят, будто я много ризницы и казны взял с собою, – я взял один только саккос, и то недорогой, а омофор прислал мне халкидонский митрополит. Казны я с собой не взял, а удержал немного, сколько нужно было на церковное строение, чтобы расплатиться с работниками. Где другая казна, то всем явно, куда она пошла: двор московский стоит тысяч десять, на постройку насадов истрачено тысяч десять, а этим тебе, государь, я челом ударил на подъем ратный; да лошадей куплено прошлым летом тысячи на три, да тысяч десять есть в казне. Шапка архиерейская тысяч в пять-шесть стала».

Покров с изображением преподобных Сергия и Никона Радонежских. 1569–1592 гг.

Письмо это не понравилось государю, а бояре намеренно усиливали в нем досаду против бывшего друга. Под предлогом небезопасности от нашествия врагов его хотели удалить от Москвы и от имени царя предложили переехать в крепкий монастырь Макария Колязинского. «У меня, – сказал Никон, – есть свои крепкие монастыри: Иверский и Крестный, а в Колязин я не пойду; лучше уже мне идти в Зачатейский монастырь в Китай-городе, в углу». – «Какой это Зачатейский монастырь?» – спросил его посланный. «Тот, – сказал Никон, – что на Варварском кресте, под горою». – «Там тюрьма», – заметил посланный. «Это и есть Зачатейский монастырь», – сказал Никон. Его не услали в Колязинский монастырь. С царского разрешения Никон приезжал в Москву, давал всем разрешение и прощение, а через три дня по царскому повелению отправился в Крестный монастырь, построенный им на Белом море в память своего избавления от кораблекрушения, когда он был еще простым иеромонахом.

Никона удалили с тем, чтобы во время его отдаления решить его судьбу. В феврале 1660 года в Москве был собран собор, который положил не только избрать другого патриарха, но и лишить Никона чести архиерейства и священства. Государь смутился утвердить такой приговор и поручил просмотреть его греческим архиереям, случайно бывшим в Москве. Греки, сообразив, что против Никона вооружены сильные мира сего, не только одобрили приговор русских духовных, но еще нашли в подтверждение справедливости этого приговора какое-то сомнительного свойства объяснение правил Номоканона. Тогда энергично поднялся за Никона киевский ученый старец Епифаний Славинецкий. Он в поданной царю записке на основании церковного права ясно доказал несостоятельность применения указанных греками мест к приговору над Никонем. Епифаний признавал, что собор имеет полное право избрать другого патриарха, но не может лишить Никона чести патриаршего сана и архиерейского служения, так как добровольно отрекающиеся архиереи не могут без вины и суда лишаться права носить сан и служить по архиерейскому чину. Доказательства Славинецкого показали такими сильными, что царь остался в недоумении. Он решил снова обратиться к Никону с лаской и просить его, чтобы он дал свое благословение на избрание нового патриарха. Никон отвечал, что если его позовут в Москву, то он даст свое благословение новоизбранному патриарху, а сам удалится в монастырь. Но Никона не решались призвать в Москву на собор; ему только дозволили возвратиться в Воскресенский монастырь. Никон снова прибыл туда и жаловался, что когда он находился в Крестном монастыре, то его хотел отравить черный дьякон Феодосий, подосланный крутицким митрополитом, его заклятым врагом. Феодосий со своими соумышленниками был в Москве подвергнут пытке; но темное дело осталось неразъясненным.

В Воскресенском монастыре Никона ожидала другая неприятность: окольный Роман Боборыкин завладел угодьями, принадлежащими Воскресенскому монастырю. Монастырский приказ утвердил за ним эту землю. Между крестьянами Боборыкина и монастырскими произошли, по обычаю, споры и драки. Боборыкин подал жалобу в Монастырский приказ, а приказ притянул к ответу монастырских крестьян. Тогда Никон написал царю длинное и резкое письмо, называл церковь гонимой, сравнивал ее с апокалипсической женой, преследуемой змием. «Откуда, – спрашивал он царя в своем письме, – взял ты такую дерзость, чтобы делать сыски о нас и судить нас? Какие законы Божии повелели тебе обладать нами, Божиими рабами? Не довольно ли тебе судить правильно людей царствия мира сего? Но ты и об этом не стараешься... Мало ли тебе нашего бегства? Мало ли тебе, что мы оставили все на волю твоего благородия, отрясая прах ног своих ко свидетельству в день судный! Рука твоя обладает всем архиерейским судом и достоянием. По твоему указу – страшно молвить – владык посвящают, архимандритов, игуменов и попов поставляют, а в ставильных грамотах дают тебе равную честь со Святым Духом, пишут: “По благодати Св. Духа и по указу великого государя”. Как будто Святой Дух не волен посвятить и без твоего указа! Как много Бог тебе терпит, когда написано: “Аще кто на Св. Духа хулит, не имать оставления, ни в сий век, ни в будущий”. Если тебя и это не устрасило, то что может устрасить? Уже ты стал недостойным прощения за свою дерзость. Повсюду твоим насилием отнимаются у митрополий, епископий и монастырей движимые и недвижимые вещи. Ты обратил ни во что установления и законы Св. отец, благочестивых царей греческих, великих царей русских и даже грамоты и уставы твоего отца и свои собственные. Прежде по крайней мере, хотя и написано было по страсти, ради народного смущения, но все-таки сказано: в Монастырском приказе сидеть архимандритам, игуменам, священникам и честным старцам; а ты все это упразднил: судят церковный чин мирские судьи; ты обесчестил Св. Духа, признав его силу и благодать недостаточной без твоего указа; обесчестил святых апостолов, дерзая поступать противно их правилам, – лики святых, вселенские соборы, Св. отец, благочестивых царей, великих князей, укрепивших православные законы. Ордынские цари восстанут против тебя в день судный с их ярлыками; и они, неверные, не судили сами церковных судов, не вступались ни во что церковное, не оскорбляли архиереев, не

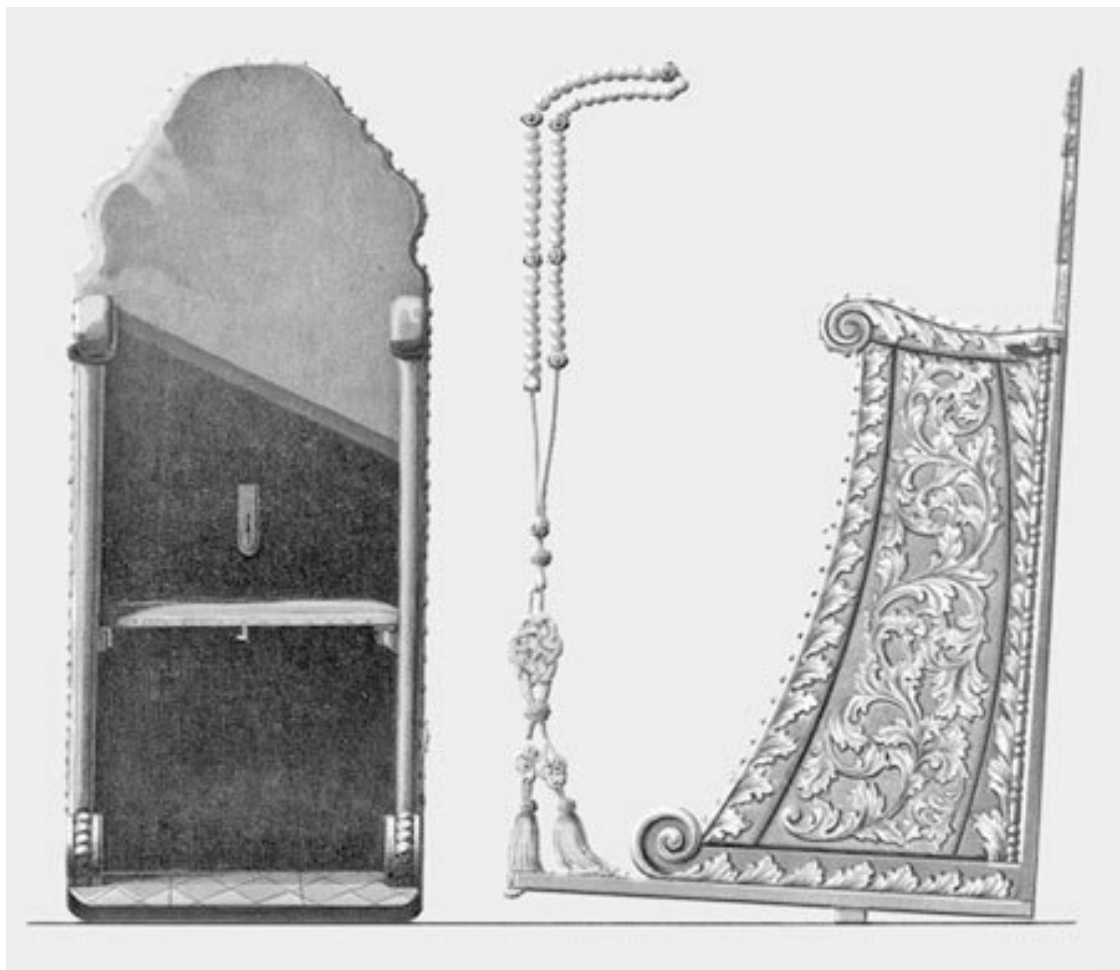
отнимали Божия возложения, а сами давали грамоты, которые всюду по митрополиям, монастырям и соборным церквам соблюдались до твоего царствования. Того ради Божия благодать исполняла царские обиходы, и мир был весь строен, а в твое царствие все грамоты упразднены и отняты у церкви Божией многие недвижимые вещи; за это Бог оставил тебя и вперед оставит, если не покаешься...» Никон в том же письме рассказывал, что ему было видение во время дремоты в церкви на заутрени: являлся ему митрополит Петр и повелел сказать царю, что за обиды, нанесенные церкви, был два раза мор в стране и царское войско терпело поражение. Вслед за тем Никону, как он уверял, представился царский дворец, и некий седой муж сказал: «Псы будут в этом дворе щенят своих родить, и радость настанет бесам от погибели многих людей».

Само собой разумеется, после этого письма примирение царя с патриархом стало еще труднее. Между тем Монастырский приказ назвал Никону, особенно ненавидевшему этот приказ, решил спорное дело в пользу Боборыкина. Никон, раздраженный этим до крайности, отслужил в Воскресенском монастыре молебен и за этим молебном велел прочитать жалованную грамоту царя на землю Воскресенского монастыря в доказательство того, что Монастырский приказ решил дело неправильно, а потом произнес проклятие, выбирая пригодные слова из 108 псалма¹³⁸.

Боборыкин донес, что эти проклятия относились к государю. Набожный царь пришел в ужас, собрал к себе архиереев, плакал и говорил: «Пусть я грешен; но чем виноваты жена моя, и любезные дети мои, и весь двор мой, чтобы подвергаться такой клятве?»

---

¹³⁸ «Молитва его да будет грехом; да будут дни его кратки; достоинство его да получит другой; дети его да будут сиротами, жена его вдовою; пусть заимодавец захватит все, что у него есть, и чужие люди разграбят труды его; пусть дети его скитаются и ищут хлеба вне своих опустошенных жилищ... Пусть облечется проклятием, как одеждою, и оно проникнет, как вода, во внутренности его, и, яко елей, в кости его» и пр...

Кресло патриарха Никона

В это время стал приближен к царю митрополит газский, грек Паисий Лигарид, человек ученый, получивший образование в Италии: впоследствии в Палестине он был посвящен в архиерейский сан, но подвергся запрещению от иерусалимского патриарха Нектария за латиномудрствование. Никон еще до своего отречения пригласил его в Москву по ходатайству Арсения Грека. Паисий приехал в 1662 году, когда патриарх уже находился в Воскресенском монастыре. Никон надеялся найти себе защитника в этом ученом греке. Паисий сперва пытался примирить патриарха с царем и письменно убеждал его смириться и отдать кесарево кесареви, но увидел, что выходки Никона до того раздражили царя и бояр, что на примирение надежды нет, – и открыто стал на сторону врагов патриарха. Этот приезжий грек подал царю совет обратиться ко вселенским патриархам. Царь Алексей Михайлович по своей натуре всегда готов был прибегнуть к полумерам именно тогда, когда нужно было действовать прямо и решительно. И в этом случае было так поступлено. Составили и порешили отправить ко всем вселенским патриархам двадцать пять вопросов, относящихся к делу Никона, но не упоминая его имени: на обсуждение патриархов были представлены случаи, которые происходили в России, но представлены так, как будто неизвестно, когда и с кем они происходили; казалось даже, что они не происходили вовсе, а приводились только для того, чтобы знать, как следует поступить, если бы они произошли. Доставить эти вопросы патриархам царь доверил одному греку, по имени Мелетий, которого Паисий Лигарид поручил вниманию государя.

Затем в ожидании ответов от вселенских патриархов на посланные вопросы царь отправил в Воскресенский монастырь к Никону того же Паисия Лигарида с астраханским архиепископом Иосифом; вместе с ними поехали к Никону давние недоброжелатели патриарха: боярин

князь Никита Иванович Одоевский, окольный Родион Стрешнев и думный дьяк Алмаз Иванов.

Никон был озлоблен против Паисия, которого еще не видал в глаза: он надеялся, что приглашенный им грек будет за него; теперь до Никона дошло, что Паисий не только дает советы царю ко вреду Никона, но даже толкует, будто Никон неправильно носит звание патриарха, два раза получив архиерейское рукоположение: как митрополит новгородский и потом как патриарх московский. Как только явился к нему на глаза этот грек во главе посольства, Никон обругал его самоставником, вором, собакой. «Привыкли вы тыкаться по государствам да мутить – и у нас того же хотите!» – сказал он, обращаясь по смыслу своей речи уже не к одному Паисию, а вообще к грекам.

– Отвечай мне по-евангельски, – сказал Паисий по-латыни, – проклинал ли ты царя?

– Я служу за царя молебны, – сказал Никон, когда ему перевели слова Паисия, – а ты зачем говоришь со мной на проклятом латинском языке?

– Языки не прокляты, – сказал Паисий, – когда огненный дух сошел в виде языков; не говорю с тобой по-еллински, потому что ты невежда и не знаешь этого золотого языка. Ты сам услышишь латинский язык из уст папы, когда поедешь в Рим для оправдания. Ведь ты ищешь у него апелляции.

Это было, по всему видно, злостолкование слов, произнесенных Никоном о древнем праве суда римских первосвященников.

– Ты, – продолжал Паисий, – выписывал правила о папском суде, бывшем в то время, когда папы еще сохраняли благочестие, а не написал, что после них суд перешел ко вселенским патриархам.

Никон, обратившись к товарищу Паисия Иосифу, сказал:

– И ты, бедный, туда же! А помнишь ли свое обещание? Говорил, что и царя слушать не станешь! Что? Видно, тебе что-нибудь дали, бедняку?

Вступили в разговор бояре и стали допрашивать патриарха насчет читанного им проклятия со сто восьмым псалмом.

– Клятву я произносил на Романа Боборыкина, а не на государя, – сказал Никон. Он вышел и возвратился снова с тетрадкой. – Вот что я читал! – сказал он.

– Вольно тебе, – сказали бояре, – показать нам и совсем иное!

Никон выходил из себя, стучал посохом, перебивал речи бояр и в порыве досады, как уверяют, сказал: «Да если б я и к лицу государя говорил такие слова... я и теперь за его обиды стану молить: приложи зла, Господи, сильным земли!»

Сыпались взаимные укоры. Никон роптал, что царь вступает в святительские суды и в церковные порядки, а бояре упрекали Никона за то, что патриарх вступался в государственные дела.

Среди жаркого спора с боярами Никон обратился к Паисию и сказал:

– Зачем против правила ты надел красную мантию?

– Затем, – отвечал Паисий, – что я из настоящего Иерусалима, где пролита пречистая кровь Спасителя, а не из твоего лжеименного Иерусалима, который есть ни старей, ни новый, а третий – антихристов!

Никон опять вступил в спор с боярами:

– Какой это там у вас собор затевается? – сказал он.

– Собор собирается по царскому велению для твоего неистовства, а тебе до него нет дела. Ты уже более не патриарх! – сказали бояре.

– Я вам не патриарх, – сказал Никон, – но патриаршеского сана не оставлял.

Спор становился горячее. Никон закричал:

– Вы на меня пришли, как жида на Христа!

От него потребовали его подначальных для допроса по делу о проклятии со сто восьмым псалмом.

– Я не пошлю никого из своих людей, – сказал Никон. – Берите сами, кого вам надобно.

А.Д. Литовченко. Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон в Успенском соборе

Около монастыря поставили стражу, чтобы никто не убежал. Начались допросы. Все, бывшие в церкви во время обряда, совершенного Никоном над царской грамотой, не показали ничего обличающего, чтобы Никон относил свое проклятие к особе царя; все, кроме того, показывали, что в тот день читалось на ектениях царское имя.

Бояре принялись еще спорить с Никоном. Разгоряченный патриарх грозил, что он «оточтет» царя от христианства, а бояре сказали: «Поразит тебя Бог за такие дерзкие речи против государя. Если бы ты был не такого чина, мы бы тебя за такие речи живого не отпустили»¹³⁹.

После таких бесед, содержание которых было сообщено царю, быть может, и с прибавлениями, примирение сделалось невозможным.

– Видел Никона? – спросил царь Алексей Михайлович Паисия.

– Лучше было бы мне не видеть такого чудовища, – сказал грек, – лучше оглохнуть, чем слушать его циклопские крики! Если бы кто его увидел, то почел бы за бешеного волка!

На следующий 1664 год были получены ответы четырех патриархов, привезенные Мелетием. Ответы эти были как нельзя более против Никона, хотя в них сообразно вопросам не упоминалось его имя. Главная суть состояла в том, что, по мнению вселенских патриархов,

¹³⁹ Замечательно, что для Никона ничего не значило изречь церковное проклятие по собственным делам. У одного купца, Щепоткина, он взял в долг 500 пудов меди на отливку колокола. Щепоткин в уплату этого долга роздал товары, которые патриарх поручил ему продать. Никон нашел счет Щепоткина неправильным и вместо судебного иска поразил его проклятием.

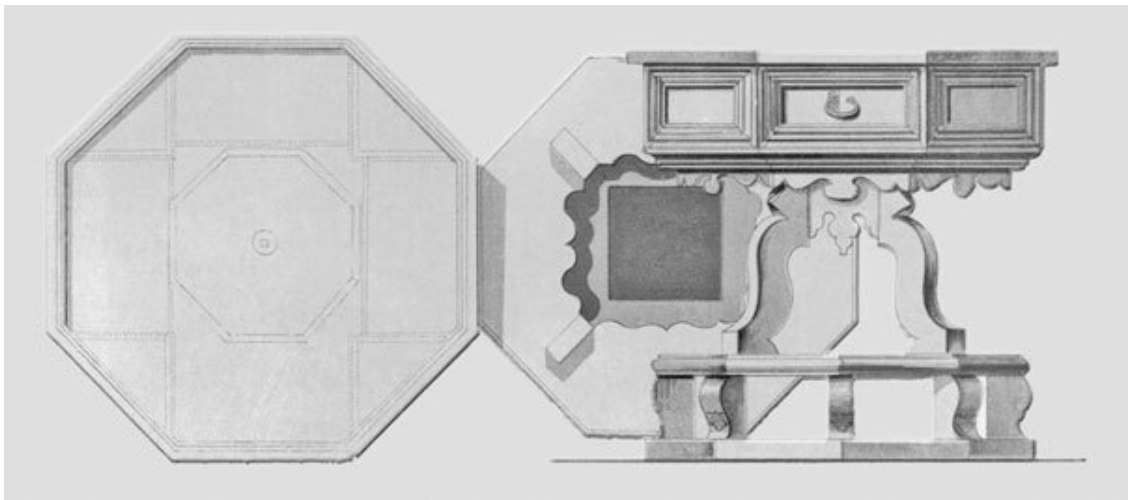
московский патриарх и все духовенство обязаны повиноваться царю, не должны вмешиваться в мирские дела; архиерей, хотя бы носящий и патриарший титул, если оставит свой престол, то может быть судим епископами, но имеет право подать апелляцию константинопольскому патриарху как самой верховной духовной власти, а лишившись архиерейства, хотя бы добровольно, лишается тем самым вообще священства. Здесь именно оправдывалось то, что хотел постановить собор в 1660 году и что было задержано возражениями Славинецкого. Но тут возникли сомнения. Греки, наплывшие тогда в Москву и допускаемые царем вмешиваться в церковную смуту, возникшую в Русском государстве, ссорились между собой и доносили друг на друга. Явился какой-то иконийский митрополит Афанасий, называл себя (неправильно, как позднее выяснилось) экзархом и вместе родственником константинопольского патриарха: он заступался за Никона. Явился другой грек, Стефан, также как будто от константинопольского патриарха с грамотой, где патриарх назначал своим экзархом Лигарида Паисия. Этот Стефан был против Никона. Афанасий Иконийский уверял, что патриаршие подписи на ответах, привезенных Мелетием, подложные. Царь, бояре, духовные власти сбились с толку и отправили в Константинополь монаха Савву за справками о наехавших в Москву греках и с просьбой к константинопольскому патриарху прибыть в Москву и решить дело Никона своей властью. Патриарх Дионисий отказался ехать в Москву, советовал царю или простить Никона, или поставить вместо него иного патриарха, а о греках, озадачивших царя и его синклит своими противоречиями, дал самый невыгодный отзыв. Ни Афанасию Иконийскому (которого вовсе не признавал за своего родственника), ни Стефану он не давал никаких полномочий; о Паисии Лигариде сказал, что, по многим слухам, он – папешник и лукавый человек; наконец, о самом Мелетии, которого царь посылал к патриархам с вопросами, отозвался неодобрительно. Таким образом, хотя ответы, привезенные Мелетием от четырех патриархов, не оказались фальшивыми, однако важно было то, что сам константинопольский патриарх, суд которого ценился выше всего в этих ответах, изъявлял мнение, что Никона можно простить, следовательно, не признавал его виновным до такой степени, чтобы низвержение его было неизбежным. Еще сильнее заявил себя в этом смысле иерусалимский патриарх Нектарий. Хотя он и подписался на ответах, которые могли служить руководством для осуждения Никона, но вслед за тем прислал царю грамоту и в ней убедительно и положительно советовал царю для избежания соблазна помириться с Никоном, оказать ему должное повиновение, как к строителю благодати и как предписывают божественные законы. Патриарх изъявлял, кроме того, полное недоверие к тем обвинениям против московского патриарха, какие слышал от присланного к нему из Москвы Мелетия. Отзывы константинопольского и иерусалимского патриархов задержали дело.

Собирать собор и осудить Никона после этого казалось уже зазорно, тем более, когда ответы патриархов не относились положительно к лицу Никона; осужденный, сообразно тем же ответам, мог подать апелляцию к константинопольскому патриарху и даже ко всем четверым патриархам. Дело затянулось бы еще далее; русская церковь на долгое время была бы предана раздору и смутам, так как, судя по отзывам двух патриархов, могло быть между этими вселенскими судьями разноречие и даже можно было опасаться, что дело повернулось бы в пользу Никона.

Однако патриаршие отзывы не поколебали вполне доверия царя к врагам Никона Паисию и Мелетию. После рассуждений и толков царь, бояре и власти решили отправить того же Мелетия к трем патриархам (кроме константинопольского) и просить их прибыть в Москву на собор для решения дела московского патриарха, а в случае, если нельзя будет приехать им всем, то настаивать, чтобы по крайней мере приехали двое.

Никон, узнав, что враги его собирают над ним грозу суда вселенских патриархов, попытался снова сблизиться с царем и написал к нему в таком смысле: «Мы не отменяем собора и хвалим твое желание предать все рассуждению патриархов по божественным заповедям евангельским, апостольским и правилам Святых отец. Но вспомни, твое благородие: когда ты был с

нами в добром совете и любви, мы однажды ради людской ненависти писали к тебе, что нельзя нам предстательствовать во святой великой церкви; а какой был твой ответ и написание? Это письмо спрятано в тайном месте в одной церкви, и этого никто, кроме нас, не знает. Смотри, благочестивый царь, не было бы тебе суда перед Богом и созываемым тобою вселенским собором! Епископы обвиняют нас одним правилом первого и второго соборов, которое не о нас написано, а как о них предложится множество правил, от которых никому нельзя будет избыть, тогда, думаю, ни один архиерей, ни один пресвитер не останется достойным своего сана; пастыри усмотрят свои деяния, смущающие твое преблаженство... крутицкий митрополит с Иваном Нероновым и прочими советниками!.. Ты посылал к патриархам Мелетия, а он злой человек, на все руки подписывается и печати подделывает... Есть у тебя, великого государя, и своих много, кроме такого воришки».

Стол патриарха Никона

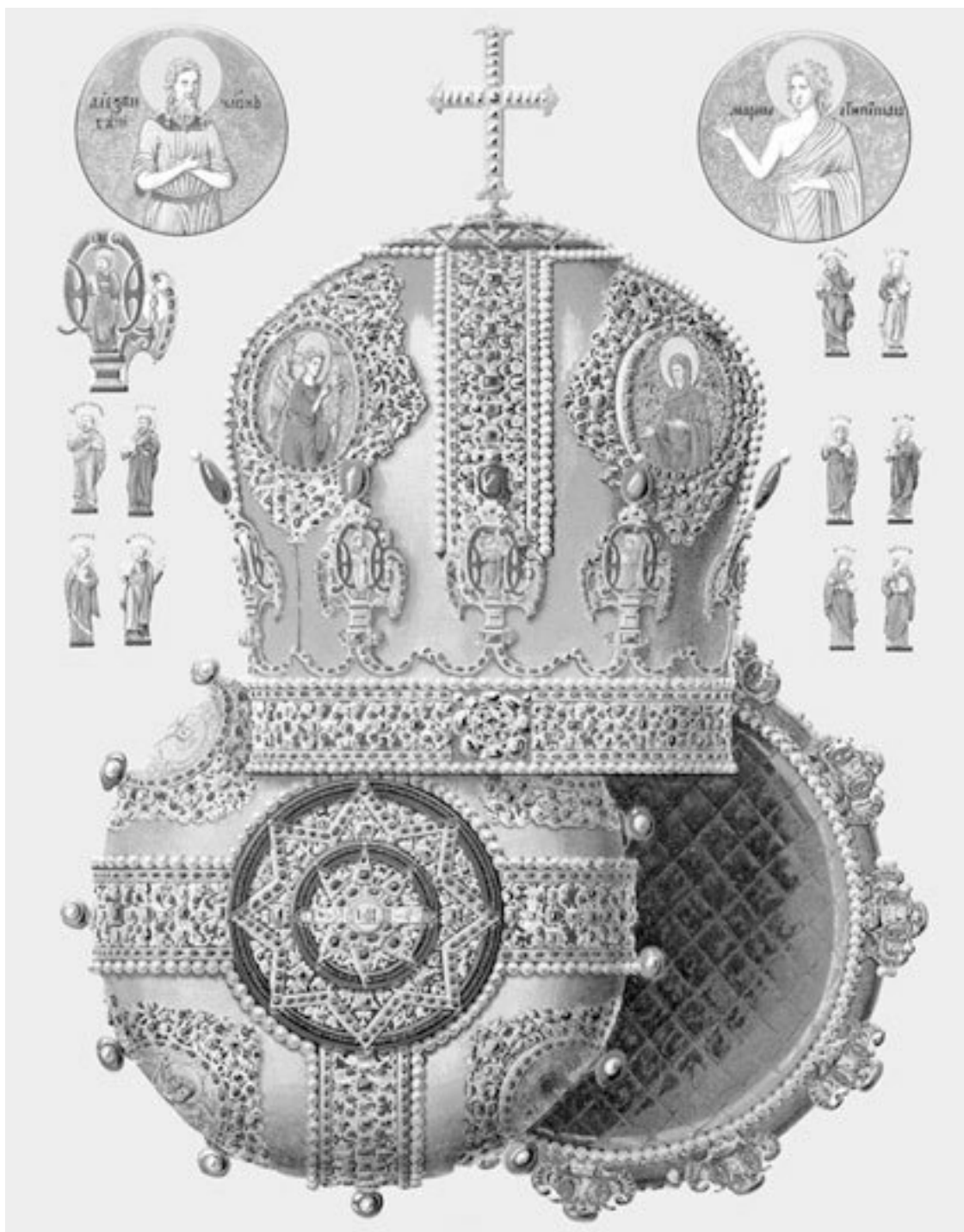
Это ли письмо, для нас не вполне понятное, или обычное благодушие тишайшего государя побудили его в кругу бояр выразиться так, что из слов его можно было вывести, что он и теперь не прочь помириться с Никоном. Этим воспользовался друг и почитатель Никона Зюзин и написал Никону, будто царь желает, чтобы патриарх неожиданно явился в Москву, не показывая, однако, вида, что царь его звал; а чтобы ему не было на пути задержки, он у ворот городских должен был скрыть себя и сказать, будто едет архимандрит Саввинского монастыря. Никон доверился Зюзину, который заверял патриарха, что царь примет его милостиво. Никона к тому же успокаивало сновидение: ему приснилось, что в Успенском соборе встают из гробов святители и митрополит Иона собирает их подписи для призвания Никона на патриарший престол.

Согласно подробным наставлениям Зюзина 19 декабря 1664 года Никон со свитой, состоявшей из монахов Воскресенского монастыря, ночью приехал в Кремль и неожиданно вошел в Успенский собор в то время, когда там служилась заутреня и читались кафизмы. Блюстителем патриаршего престола был тогда уже не Питирим, переведенный в Новгород митрополитом, а ростовский митрополит Иона: он находился в церкви. Никон приказал остановить чтение кафизм, приказал дьякону прочесть ектению, взял посох Петра митрополита, прикладывался к мощам, потом стал на своем патриаршем месте.

Духовные растерялись, не знали, что им начать. Народ оторопел. Патриарх подозвал к себе Иону, благословил его, потом подходили к нему прочие бывшие в храме духовные. Они недоумевали, что это значит, и не смели ослушаться патриарха, думая, что, быть может, он явился с царского согласия. За ними народ стал толпиться и принимать благословение архи-

пастыря. Наконец Никон приказал ростовскому митрополиту идти к государю и доложить ему о прибытии патриарха. Иона с трепетом, опасаясь себе чего-нибудь недоброго, отправился. Царь, слушавший заутреню в своей домово́й церкви, немедленно послал звать властей и бояр.

И духовные сановники и бояре собрались к царю в большом волнении. Явился Паисий Лигарид и более всех начал вопить против Никона. «Как смел он, яко разбойник и хищник, наскочить на верховный патриарший престол, когда он должен ожидать суда вселенских патриархов?» – так говорил грек. Русские духовные потакали ему. Бояре, давние враги Никона, представляли поступок патриарха преступным. Зюзина среди них не было. Зюзин, сидя дома, ожидал развязки смелой козни, устроенной им в надежде на кроткий нрав царя, на пробуждение в царском сердце прежней любви к патриарху.

Митра патриарха Никона

Совещание царя происходило с лицами, имевшими причины ради собственной целостности всеми силами препятствовать примирению с царем человека, которому они успели насолить. Его примирение с царем было бы ударом для них. Неудивительно, что царь, уже без того сильно огорченный Никоном, поддался их влиянию. В Успенский собор были посланы те же лица, которые бранились с ним в Воскресенском монастыре (Одоевский, Стрешнев и Алмаз Иванов), и сказали ему:

– Ты самовольно покинул патриарший престол и обещался вперед не быть патриархом; уже об этом написано ко вселенским патриархам: зачем же ты опять приехал в Москву и вошел в соборную церковь без воли государя, без совета освященного собора? Ступай в свой монастырь!

– Я сошел с патриаршества никем не гонимый, – сказал Никон, – и пришел никем не званный, чтоб государь кровь утолил и мир учинил. Я от суда вселенских патриархов не бегаю. Сюда пришел я по явлению.

Он отдал им письмо к государю.

В письме описывалось явление святителей, бывшее Никону в сновидении. Но если в те времена охотно верили всяким видениям и откровениям, когда они были полезны, то умели давать им дурной смысл, когда они вели ко вреду. Лигарид первый сказал пред государем: «Ангел сатаны преобразился в святого ангела! Пусть скорее удалится этот лжевидец, чтоб не произошло смуты в народе или даже кровопролития!» Все были согласны с греком.

В Успенский собор отправились трое архиереев и в их числе Паисий.

– Уезжай из соборной церкви туда, откуда приехал! – сказали патриарху.

Таков был последний ответ Никону. Ему ничего не оставалось. Он видел ясно, что его подвели, обманули. Он приложился к образам и вышел из церкви.

– Оставь посох Петра митрополита! – сказали ему бояре.

– Разве силой отнимете, – сказал Никон.

Он уже садился в сани. Подле саней стоял стрелецкий полковник, которому приказано было провожать его.

Никон отряс прах от ног и произнес известный евангельский текст по этому случаю.

– Мы этот прах подметим! – сказал стрелецкий полковник.

– Разметет вас вон та метла, что на небе, – хвостатая звезда! – сказал Никон, указывая на видимую тогда комету.

Вслед за Никоном послали требовать от него посох. Он уже не упрямылся и отдал посох. От него требовали отдать письмо, по которому он приезжал в Москву. Никон отослал и это письмо государю.

Тогда Зюзин был подвергнут допросу и пытке. Он указывал на соумышление с Нащокиным и Артамоном Матвеевым. Оба заперлись. По всему видно, однако, Нащокин действительно своими рассказами о том, что царь не гневается на патриарха, побудил Зюзина на смелое дело. Зюзина бояре приговорили к смертной казни, но царь заменил казнь ссылкой в Казань. Досталось немного и митрополиту Ионе. Царь поставил ему в вину, что он брал благословение от Никона; впрочем, ему не сделали большого зла, только отрешили от должности блюстителя патриаршего престола.

Никон был жестоко посрамлен. До сих пор он стоял твердо на своем; он говорил, что не хочет править патриаршим престолом, будучи, однако, всегда согласным в душе возвратиться на этот престол, если его станут сильно просить и пообещают, что все будет по его желанию, – одним словом, если обойдутся с ним так, как обошлись в 1652 году при его посвящении на патриаршее достоинство. Теперь после стольких заявлений своего нежелания он сам явился на свое патриаршее место в Москву – и был изгнан с этого места! Понятно, как должна была озло-

бить его неловкая услуга Зюзина. Никон еще раз попытался если уж не быть на патриаршестве, то по крайней мере покончить дело без вселенских патриархов, сколько-нибудь сносно для своего будущего существования. Никон благословлял избрать другого патриарха, отрекался от всякого вмешательства в дела, просил только оставить за ним патриарший титул, монастыри, им построенные, со всеми их вотчинами с тем, чтобы новый патриарх не касался их, и равным образом с тем, чтобы эти монастыри не подлежали мирским судам. Никон затем прошал и разрешал всех, кого прежде проклинал. Предложение его было предметом предварительного рассуждения с целью обсудить его на предстоявшем соборе, но потом оставлено без внимания.

Никон, видя, что не удастся ему покончить дела без восточных патриархов, послал одного своего родственника, жившего в Воскресенском монастыре, пробраться в Турцию и доставить письмо к константинопольскому патриарху. В этом письме Никон изложил всю свою распрю с царем и боярами, порицал Уложение (как мы привели выше), осуждал поступки царя, замечал, что царь Алексей весь род христианский отягчил данями сугубо и трегубо, и более всего жаловался на Паисия Лигарида; указывал, что он верует по-римски, принял от папы рукоположение, в Польше служил в костеле римско-католическую обедню; а между тем царь приблизил его к себе, слушается его и сделал председателем на соборе; на этом соборе перевели крутицкого митрополита в Новгород вопреки закону, запрещающему переводить архиереев с одного места на другое.

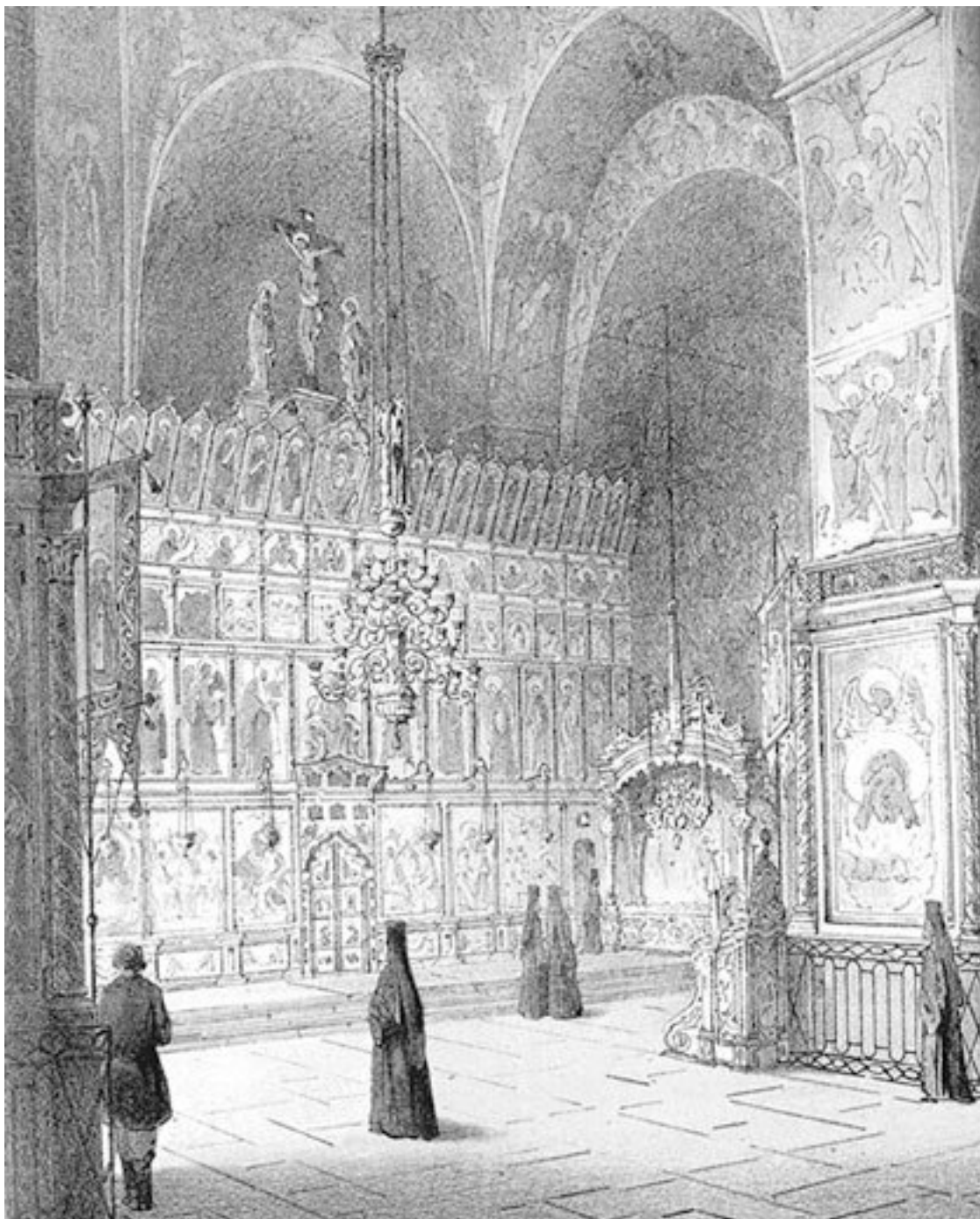
А. Д. Кившенко. Начало раскола. Патриарх Никон представляет на соборе новоисправленные богослужебные книги в 1654 г.

Не дошло это письмо к Дионисию. За Никоном и всеми его поступками зорко следили его противники. Посланный был схвачен; письмо Никона было доставлено царю и окончательно вооружило против него Алексея Михайловича.

Чувствовалась и сознавалась потребность скорейшего прекращения смут в церкви. Удаление патриарха и долгое отсутствие верховной церковной власти развязали противников преобразования, начатого Никоном. У них неожиданно явилось общее с сильными земли, с самим царем, со всем, что тогда было не в ладах с патриархом – главным виновником ненавистных изменений церковной буквы и обряда. Расколоучители подняли головы, сильно раздавался их голос. Аввакум был возвращен из Сибири, жил в Москве, был вхож в знатные дома, и если

верить ему, сам царь видел его и обращался с ним ласково. Этот человек, вкрадчивый, умевший озадачивать слушателей беззастенчивой ложью о своих чудесах и страданиях, приобретал сторонников. Он совратил двух знатных госпож, урожденных сестер Соковниных – княгиню Урусову и боярыню Морозову, которые как женщины влиятельные и богатые способствовали распространению раскола. Слишком горячая проповедь не дала Аввакуму долго прожить в Москве: он был сослан в Мезень. Но, видно, он имел сильных покровителей: его вскоре воротили, а потом принуждены были опять сослать в Пафнутьевский монастырь. Никита Пустосвят и Лазарь Муромский написали сочинения против новшеств, как называли тогда церковное преобразование противники. Они подавали царю свои сочинения в виде челобитных и распространяли их списки в народе. Тогда же архимандрит Покровского монастыря Спиридон написал сочинение «О правой вере», а дьякон Федор – другое, в котором обвинял всю восточную церковь в отступлении от православия. Кроме Москвы в разных пределах государства появились рьяные расколоучители. В Костромском уезде успешным распространителем раскола был старец Капитон, крестьянин дворцового села Даниловского. За свое строгое постничество он приобрел в народе славу святого и увлекал толпы своей проповедью. Его влияние было так велико, что некоторое время всех раскольников вообще называли «капитонами». Во Владимирском уезде проповедовал раскол бывший наборщик печатного двора Иван. В Нижегородском, Ветлужском, Балахонском уездах проповедовали Ефрем Потемкин и иеромонах Авраамий; в Смоленске – протопоп Серапион; на севере скитались и проповедовали раскол монахи Кирилло-Белозерского монастыря Иоасаф и Кожеозерского – Боголеп; в Соловецком – Герасим Фирсов, Епифаний и другие. Монахи Досифей и Корнилий странствовали по Дону и возмущали монахов и народ против церковного нововведения, а монахи Иоасаф Истомин волновал народ в Сибири. В разных местах появились святоши, отшельники, странники, постники, блаженные, которые возвещали народу, что приходят последние времена, наступает царство Антихриста, искажается древняя праведная вера, страшали, что кто примет трехперстное сложение, трегубую аллилуйя, произношение и начертание имени Христа Иисус вместо Иисус, четвероконечный крест и другие отмены в богослужебных обрядах и богослужебных книгах, того ожидает вечная погибель, а кто не покорится и претерпит до конца – тот спасется.

Интерьер Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры

Невозможным более казалось ждать; надобно было принимать меры. С этой целью положили открыть собор: необходимо было рассеять нелепые толки о том, что в 1666 году будет что-то страшное, роковое. Наконец, в ожидании прибытия вселенских патриархов хотели показать пред этими патриархами, что русская церковь деятельно борется со лжеучениями и осуждает их.

Собор этот открылся в начале 1666 года под председательством новгородского митрополита Питирима и продолжался около полугода. Заседания его происходили в патриаршей крестовой палате.

Члены собора рассматривали те и другие раскольничьи сочинения, призывали авторов и других распространителей мнений, противных церкви, обличали их, а в заключение пред-

лагали им или отречься от своих заблуждений, или подвергнуться наказанию. Большинство из них принесло покаяние, хотя вообще неискренно¹⁴⁰. Никита Пустосвят отрекся от своего учения, получил прощение, но с тайным намерением опять действовать в пользу раскола, и был отправлен в монастырь Николая на Угреше. Все другие покаявшиеся были разосланы по монастырям. Аввакум был непоколебим и не только не покорился никаким убеждениям, но еще называл неправославным весь собор, поэтому 13 мая 1666 года в Успенском соборе он был лишен сана, предан проклятию, отдан мирскому суду и отправлен в Пустозерский острог. Лазарь был еще зазорнее; ему дали несколько месяцев на размышление, но никакие убеждения на него не действовали. Впоследствии его предали анафеме, но он и после этого так нестерпимо ругался, что, наконец, ему отрезали язык и отправили в Пустозерск. Дьякон Федор сначала притворился, будто кается и отрекается от своих заблуждений, и был послан в Угрешский монастырь, а потом ушел оттуда, хотел увезти свою жену и детей и бежать, но был схвачен и начал открыто хулить собор и никоновские новшества. За это он отдан был мирскому суду, лишен языка и отправлен вместе с Лазарем в заточение. В заключение собор подтвердил все прежние постановления собора, бывшего по поводу исправления книг.

Этот собор 1666 года был все еще как бы предуготовительным. Его постановления о расколе предполагалось предать суду и обсуждению вселенских патриархов.

Из четырех вселенских патриархов только двое – антиохийский Макарий, еще прежде бывавший в Москве, и александрийский Паисий – отправились в Москву по приглашению царя; остальные два дали им свои полномочия. Путь ехавших в Россию лежал через Малую Азию, Персию и Грузию до Астрахани; от Астрахани до Москвы они ехали с большой торжественностью. Царь приказал доставлять им всевозможные удобства и даже устраивать мосты для проезда. Поблизости к столице к ним, по обычаю, высылали несколько почетных встреч, одну за другой. У городских ворот их встречала часть духовенства, и они шли до Успенского собора крестным ходом при звоне колоколов, среди огромного стечения народа. Это было 2 ноября 1666 года.

После первых церемоний и угощений патриархи предварительно занялись исследованием дела, которое им предстояло решить. Царь назначил для этого занятия с ними двух архиереев, Павла Крутицкого и Илариона Рязанского, а к ним присоединил одноязычного с патриархами Паисия Лигарида. «Имейте его отныне при себе, – сказал царь. – Он знаком с делом; от него все подробно узнаете».

Собственно, Лигарид был докладчиком по делу Никона перед вселенскими патриархами. Он составил обвинительную записку против московского патриарха, которая заранее настроила судей против обвиняемого. Достоин замечания, что Паисий в своей записке старался вооружить патриархов тем, как будто Никон посягал на право и власть вселенских патриархов, и доказывал это с разными натяжками, указывая главным образом на то, что Никон из высокомерия вымышлял себе разные титулы.

Наконец, 29 ноября были отправлены псковский архиепископ Арсений, ярославский архимандрит Сергей и суздальский Павел звать Никона на собор. Никон сказал им: «Откуда святейшие патриархи и собор взяли такое бесчиние, что присылают за мною архимандритов и игуменов, когда по правилам следует послать двух или трех архиереев?»

Ярославский архимандрит на это сказал: «Мы к тебе не по правилам пришли, а по государеву указу. Отвечай нам: идешь или не идешь?»

«Я с вами говорить не хочу, – сказал Никон, – а буду говорить с архиереями. Александрийский и антиохийский патриархи сами не имеют древних престолов и скитаются; я же поставление святительское имею от константинопольского». Затем, обратившись к Арсению,

---

¹⁴⁰ Ефрем Потемкин, инок Григорий, бывший протопоп Миронов, игумен Златоустовского монастыря Феоктист, Герасим Фирсов, иеромонах Сергей, Серапион Смоленский, Антоний Муромский, иеромонах Авраамий, игумен Сергей.

он продолжал: «Если эти патриархи прибыли по согласию с константинопольским и иерусалимским, то я поеду».

На следующий день, 30 ноября, Никон отслужил заутреню с елеосвящением, потом литургию в архиерейском облачении, поучал братию о терпении, а к вечеру выехал в санях. Посланные за ним успели, однако, дать знать в Москву, что Никон принял их нечестно, не идет и не сказал, когда поедет.

Тогда в столовой избе в присутствии государя и бояр собравшиеся вселенские патриархи и русские духовные лица послали другой вызов Никону, с упреком за непослушание, с приказанием прибыть в Москву 2 декабря, во втором или в третьем часу ночи, не более как с десятью человеками и остановиться в Кремле на Архангельском подворье. Никон был уже в дороге, когда его встретило это второе посольство. Он остановился в селе Чернове, так как ему велено было ждать до ночи 2 декабря, а 1 декабря к нему послали третье приглашение. Оно было не нужно, так как Никон ехал туда, куда его звали, но, видно, враги хотели усугубить его вину и дать делу такой ход, как будто бы Никон не слушался соборного призыва¹⁴¹.

«Некому на вас жаловаться, – сказал Никон, – разве только единому Богу! Как же я не еду? И для чего велите въезжать ночью с немногими людьми? Хотите, верно, удавить, как митрополита Филиппа удавили!» Никон приехал около полуночи, и как только въехал в Никольские ворота Кремля, ворота за ним заперли. Стрелецкий полковник произнес: «Великого государя дело». За Никоном ехал его клирик Шушера с патриаршим крестом. У него хотели отнять крест, но Шушера передал его патриарху. Шушере повели к царю, который его допрашивал о чем-то втайне и приказал отдать под стражу.

Дом, где поместили Никона, находился у самых Никольских ворот, в углу Кремля. Его окружили стражей; самые Никольские ворота не отпирались; разобрали даже мост у этих ворот.

В 9 часов утра весь собор собрался в столовой избе, и за Никоном отправили епископа мстиславского, блюстителя Киевской митрополии, Мефодия, прославившегося своими кознями в Малороссии.

Мефодий объявил Никону, чтобы он шел смиренно, без креста, который обычно носили перед патриархом. Никон уперся и ни за что не хотел идти без креста. Ему наконец дозволили идти с крестом.

Никон вошел в столовую избу торжественно, как патриарх, прочитал молитву, поклонился царю, патриархам и всем присутствующим.

Все встали, и царь должен был встать, потому что перед Никоном несли крест. Царь указал ему место между архиереями.

– Благочестивый царь, – сказал Никон, – я не принес с собою места: буду говорить стоя!

Он стоял, опершись на свой посох. Перед ним держали крест. Никон сказал: «Зачем я призван на это собрание?» Тогда царь, которому приходилось говорить, сам встал со своего места. Дело получило такой вид, как будто собор должен произнести приговор между двумя тяжущимися. Царь излагал все прежнее дело: жаловался, что Никон оставил церковь на девятилетнее вдовство, восстали раскольники и мятежники, начали терзать церковь; царь предложил сделать по этому поводу допрос Никону. Речь царя была переведена по-гречески, и патриархи через толмача спросили Никона:

– Зачем ты оставил патриарший престол?

«Я ушел от государева гнева, – сказал Никон, – и прежние святые отцы, Афанасий Александрийский и Григорий Богослов, бегали от царского гнева». Никон рассказал дело об обиде, нанесенной окольным Хитрово патриаршему боярину.

---

¹⁴¹ По древним правилам, если призываемый на собор ослушивается, его приглашали три раза и после третьего приглашения обвиняли.

Царь сказал: «У меня обедал тогда грузинский царь; в ту пору мне некогда было разыскивать и давать оборону. Он говорит, будто присылал своего человека для строения церковных вещей, а в ту пору нечего было строить на Красном крыльце. Хитрово зашиб его человека за невежество, потому что пришел не вовремя и учинил смуту. Это Никона не касается».

Патриархи заметили Никону, что ему можно было бы и потерпеть. «Я царский чин исполнял, – сказал при этом Хитрово, – а его человек пришел и учинил мятеж. Я его зашиб не зная. Я у Никона просил прощения, и он меня простил».

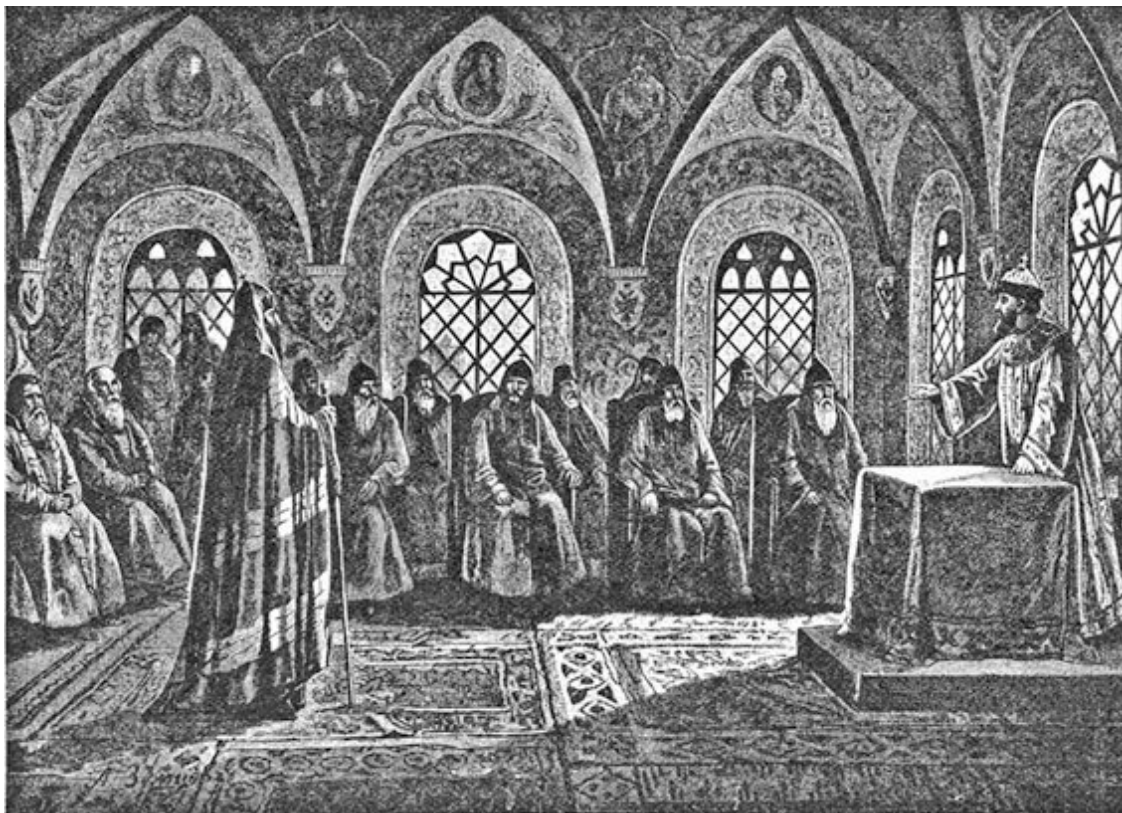
– Ты отрекался от патриаршества и говорил, что будешь анафема, если станешь снова патриархом?

– Я никогда не говорил этого, – отвечал Никон.

Тогда царь сказал: «Он написал на меня многие бесчестия и укоризны». – Царь велел прочитать перехваченное письмо Никона к константинопольскому патриарху Дионисию. Оно послужило нитью для целого допроса.

Когда письмо дочитали до слов: «Нас посылали в Соловецкий монастырь за мощами святого Филиппа, которого царь Иван замучил несправедливо за правду», Алексей Михайлович сказал: «Для чего Никон такое бесчестие и укоризну царю Ивану написал, а о себе утаил: как он низверг без собора коломенского епископа Павла и сослал в Хутынь, где тот безвестно пропал!»

Никон отвечал: «Не помню и не знаю, где он; о нем есть на патриаршем дворе дело».

Суд над патриархом Никоном

Письмо к Дионисию перебирали пункт за пунктом, спрашивали Никона о разных мелочах и подробностях. Он отвечал коротко и большей частью отрицательно. Дочитали до того места, где Никон говорил, что царь приказал посадить в Симонов монастырь иконийского митрополита Афанасия. Царь прервал чтение и спросил Никона: «Знаешь ты в лицо этого Афанасия?»

– Не знаю! – сказал Никон.

Царь позвал к себе одного из среды архиереев и, указывая на него, сказал:

– Вот Афанасий!

Наконец дочитали до самого важного – до тех обвинений, которые щедро расточал в своем письме Никон на Лигарида. Никон прямо обвинял Паисия в латинстве перед Дионисием, находил незаконным собор, на котором Паисий был председателем, и писал так: «С этого беззаконного собора прекратилось соединение святой восточной церкви, и мы от благословения вашего отлучились, а начаток волями своими приняли от римских костелов». За это место особенно уцепились, потому что оно подавало повод обвинить Никона в самой тяжелой вине: в хуле на православную церковь. Царь сказал: «Никон отчел нас от благочестивой веры и благословения святых патриархов, причел к католической вере и назвал нас всех еретиками. Если бы Никоново письмо дошло до вселенских патриархов, то всем православным христианам быть бы под клятвою. За такое ложное и затаенное письмо нам нужно всем стать и умирать, а от этого очиститься».

– Чем Россия отступила от соборной церкви? – спросили Никона патриархи.

– Тем, – сказал смело Никон, – что Паисий перевел Питирима из одной митрополии в другую и на его место посадил иного митрополита; да и других архиереев переводили с места на место. Ему того делать не довелось, потому что он от иерусалимского патриарха отлучен и проклят. Да если бы он и не был еретик, то все-таки ему не для чего долго быть на Москве. Я его митрополитом не почитаю. У него нет ставленной грамоты. Этак всякий мужик наденет на себя мантию, так он и митрополит! Я писал о нем, а не о всех православных христианах!

Это и обратили враги Никона особенно ему во вред. И духовные и светские, все закричали:

– Он назвал еретиками всех нас! Надобно об этом указ учинить по правилам! – Сарский митрополит Павел, рязанский Иларион и Мефодий задорнее других горячились тогда против Никона.

– Если б ты Бога боялся, – сказал Никон царю, – то не делал бы так надо мною.

Продолжали читать письмо, по-прежнему останавливаясь на мелочах. По окончании чтения Никон сказал царю:

– Бог тебя судит: я узнал на своем избрании, что ты будешь ко мне добр шесть лет, а потом я буду возненавидим и мучим!

– Допросите его, – сказал царь, – как он это узнал? Никон не отвечал.

На второе заседание, как только Никон вошел, царь встал со своего места и сказал:

– Никон! Поссорясь с газским митрополитом, ты писал, будто все православное христианство отложилось от восточной церкви к западному костелу, тогда как наша соборная церковь имеет спасительную ризу Господа нашего Бога и многих московских чудотворцев мощи, и никакого отлучения не бывало. Мы все держим и веруем по преданию апостолов и Св. отец, истинно; бьем челом, чтобы патриархи от такого названия православных христиан очистили!

С этими словами царь поклонился патриархам до земли; то же сделали все присутствующие на соборе.

– Дело великое, – сказали патриархи, – за него надобно стоять крепко. Когда Никон всех православных христиан назвал еретиками, то он назвал еретиками и нас, будто мы пришли еретиков рассуждать; а мы в Московском государстве видим православных христиан. Станем за это патриарха Никона судить и православных христиан оборонять по правилам.

Затем Никона старались уличить во лжи и найти противоречие в том, что он отказывался от патриаршества, а потом называл себя патриархом. Вспомнив снова о Хитрово, прибывшем Никонова боярина, патриархи произнесли такое суждение: «Никон посылал своего человека, чтобы учинить смуту, а в законах написано: кто между царем учинит смуту, тот достоин смерти; и кто Никонова человека ударил, того Бог простит: так тому и подобало быть».

С этими словами антиохийский патриарх назвал Никону благословил Хитрово.

Никон, вернувшись из заседания в свое помещение, находился в затруднительном положении: все его запасы были отправлены на Воскресенское подворье; его людей не пускали за ними. Царь послал ему запасов от своего стола, но Никон не принял их; царь дозволил его людям взять патриаршие запасы с подворья, но был сильно огорчен и жаловался на Никона патриархам.

5 декабря опять собрался собор. У Никона на этот раз отняли крест, который прежде носили перед ним. Никона спрашивали попеременно то о том, то о другом, а более всего старались его уличить в том, что он будто бы сказал: «Будь я анафема, если захочу патриаршества!» На него показывали новгородский митрополит Питирим, тверской архиепископ Иосиф и Родион Стрешнев. Никон по-прежнему уверял, что не произносил такого слова, и наконец объявил, что нечего более говорить о патриаршестве; в этом вольны царь и вселенские патриархи.

Никона опять допрашивали отрывочно о других случаях. Он давал короткие ответы и наконец сказал:

– Не буду с патриархами говорить, пока не приедут патриархи константинопольский и иерусалимский.

Ему тогда показали подписи полномочия других патриархов и стали читать правила, по которым епископ, оставив свою кафедру, лишается ее.

– Я этих правил не принимаю, – сказал Никон. – Это правило не апостольское и не вселенских и поместных соборов. Их нет в русской Кормчей, а греческие правила печатали еретики!

После этого опять отклонились, начали спорить о разных прежних случаях. Никон (как сообщает по дошедшим слухам посаженный под стражу его крестоносец Шушера) сострил тогда и над царскими боярами: «Ты, царское величество, девять лет вразумлял и учил предстоящих тебе в сем сонмище, и они все-таки не умеют ничего сказать. Вели им лучше бросить на меня камни; это они сумеют; а учить их будешь хоть еще девять лет – ничего от них не добьешься!»

Когда Никона укоряли за то, что им оставлено самовольно патриаршество, то он сказал царю:

– Я, испугавшись, ушел от твоего гнева; и ты, царское величество, неправду свидетельствовал, когда на Москве учинился бунт!

– Ты непристойные речи говоришь и бесчестишь меня, – сказал царь. – На меня никто бунтом не прихаживал, а приходили земские люди не на меня, но ко мне бить челом об обидах.

– Как ты не боишься Бога говорить непристойные речи и бесчестить великого государя!.. – стали кричать со всех сторон.

Наконец поднялся с места антиохийский патриарх и сказал: «Ясно ли всякому из присутствующих, что александрийский патриарх есть судия вселенной?»

– Знаем и признаем, что он есть и именуется «судия вселенной».

– Там себе и суди, – сказал Никон. – В Александрии и Антиохии ныне патриархов нет: александрийский живет в Египте, антиохийский – в Дамаске.

– А где они жили, когда благословили на патриаршество Иова? – возразили патриархи.

– Я в то время невелик был, – сказал Никон.

Александрийский патриарх сказал: «Хоть я и судия вселенной, но буду судить Никона по Номоканону. Подайте Номоканон».

Прочитали 12-е правило антиохийского собора: «Кто потревожит царя и смутит его царствие, тот не имеет оправдания».

– Греческие правила не прямые, – сказал Никон, – печатали их еретики.

Патриархи вознесли похвалами греческий Номоканон и поцеловали книгу.

Потом спросили греческих духовных: «Принимаем ли эту книгу яко праведную и неслестную?»

Греки объясняли, что хотя их церковные книги за неимением типографий и печатаются в Венеции, но все они принимают их.

Принесли русский Номоканон.

Никон сказал:

– Он неисправно издан при патриархе Иосифе.

– Как это ты Бога не боишься, – закричали со всех сторон, – бесчестишь государя, вселенских патриархов, всю истину во лжу ставишь!

Александрийский патриарх сделал запрос греческим духовным: «Чего достоин Никон?»

– Да будет отлучен и лишен священнодействия, – отвечали греки.

– Хорошо сказано, – произнес патриарх. – Пусть теперь будут спрошены русские архиереи.

Русские архиереи повторили то же, что и греческие. Тогда оба патриарха встали, и александрийский в звании судии вселенной произнес приговор, в котором было сказано, что по изволению Святого Духа и по власти, данной патриархам, вязать и решить, они с согласия других патриархов постановляют, что отселе Никон за свои преступления более не патриарх и не имеет права священнодействовать, но именуется простым иноком, старцем Никоном.

Никон возвращался на Архангельское подворье, уже не смея благословлять народ.

Тогда по рассказу Шушеры был найден человек, переведивший на греческий язык грамоту Никона к константинопольскому патриарху. Это был грек по имени Димитрий, живший у Никона в Воскресенском монастыре. Когда его повели к царю, он до того впал в отчаяние, ожидая для себя ужасных мук, что вонзил себе нож в сердце.

12 декабря собрались вселенские патриархи и все духовные члены собора в небольшой церкви Благовещения в Чудовом монастыре. Все были в мантиях, в митрах, с омофорами. Царь не пришел; из бояр были только присланы царем князя Никита Одоевский, Юрий Долгорукий, Воротынский и другие.

Кову́кля в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре

Привели Никона. На нем была мантия и черный клобук с жемчужным крестом. Сначала прочитан был приговор по-гречески, потом рязанским митрополитом Иларионом по-русски. В приговоре обвинили бывшего московского патриарха главным образом за то, что он произносил хулы: на государя, называя его латиномудренником, мучителем, обидчиком; на всех бояр; на всю русскую церковь – говоря, будто она впала в латинские догматы; а в особенности – хулы на газского митрополита Паисия, к которому питал злобу за то, что он говорил всесветлейшему синклиту о некоторых гражданских делах Никона. Ему поставили в вину низвержение коломенского епископа Павла, обвиняли сверх того в жестокости над подчиненными, которых он наказывал кнутом, палками, а иногда и пытал огнем. «Призванный на собор Никон, – говорилось в приговоре, – явился не смиренным образом, как мы ему братски предписали, но осуж-

дал нас; говорил, будто у нас нет древних престолов, и на патриаршие рассуждения называл блядословиями и баснями...»

– Если я достоин осуждения, – сказал Никон, – то зачем вы, как воры, привели меня тайно в эту церковку; зачем здесь нет его царского величества и всех его бояр? Зачем нет всенародного множества людей Российской земли? Разве я в этой церкви принял пастырский жезл? Нет, я принял патриаршество в соборной церкви перед всенародным множеством, не по моему желанию и старанию, но по прилежным и слезным молениям царя. Туда меня ведите и там делайте со мною, что хотите!

– Там ли, здесь ли, все равно, – отвечали ему. – Дело совершается советом царя и всех благочестивых архиереев. А что здесь нет его царского величества – на то его воля.

С Никона сняли клобук и панагию.

– Возьмите это себе, – сказал Никон, разделите жемчуг между собою: достанется каждому золотников по пяти, по шести, сгодится вам на пропитание на некоторое время. Вы бродяги, турецкие невольники, шатаетесь всюду за милостыней, чтоб было чем дань заплатить султану!

С присутствовавшего тут греческого монаха сняли клобук и надели на Никона.

Когда его вывели, то, садясь в сани, Никон громко произнес:

– Никон! Никон! Все это тебе случилось за то: не говори правды, не теряй дружбы! Если бы ты устраивал дорогие трапезы, да вечерял с ними, то этого бы тебе не случилось!

Его повезли в сопровождении стрельцов на земский двор. За санями шли приставленные к нему архимандриты Павел и Сергей. Последний (из Спасо-Ярославского монастыря) тешился падением патриарха:

– Молчи, молчи, Никон! – кричал он ему.

Воскресенский эконоом Феодосий по приказанию Никона обратился к нему с таким словом: «Патриарх велел тебе сказать: если тебе дана власть, то приди и зажми ему рот».

– Как ты смеешь называть патриархом простого монаха! – закричал Сергей. Но кто-то из толпы, следовавшей за Никоном, сказал:

– Патриаршее наименование дано ему свыше, а не от тебя гордого. Стрельцы по приказанию Сергея тотчас схватили сказавшего это слово и увели.

– Блаженнии изгнанные правды ради! – сказал тогда Никон.

Когда его привезли на двор, Сергей нарочно сел, развалясь перед ним, снял с себя камиллавку и начал его в насмешку утешать.

На следующий день утром царь прислал к Никону Родиона Стрешнева с запасом денег и разных мехов и одежд.

– Его царское величество прислал тебе это, – сказал Стрешнев, – потому что ты шествуешь в путь дальний.

– Возврати все это пославшему тебя и скажи, что Никон ничего не требует! – сказал Никон.

Стрешнев сказал, что царь просит прощения и благословения.

– Будем ждать суда Божия! – сказал Никон.

13 декабря толпы народа стали собираться, чтобы поглазеть, как повезут низверженного патриарха. Но во избежание соблазна народу сказали, что Никона повезут через Спасские ворота по Стретенке, и народ устремился в Китай-город, а Никона повезли через противоположные ворота. Его провожали 200 стрельцов. На пути одна вдова поднесла Никону теплую одежду и двадцать рублей денег. Он принял это, как милостыню, ни за что не хотел взять подачки от царя.

В Ферапонтовом монастыре (находившемся недалеко от Кирилло-Белозерского монастыря) Никон содержался под надзором присланного архимандрита Новоспасского монастыря. Ему запрещено было писать и получать письма. Никон долго не хотел принимать никаких государевых запасов. Обаяние его было так велико, что и ферапонтовский игумен, и архимандрит,

приставленный к Никону, и, наконец, сам царский пристав Наумов величали его патриархом и принимали от него благословение. Царь снова через пристава заговорил с прежним своим другом о примирении. Никон написал царю: «Ты боишься греха, просишь у меня благословения, примирения, но я тебя прошу только тогда, когда возвратишь меня из заточения».

Клобук патриарха Никона. Рисунок Ф.Г. Солнцева

В сентябре 1667 года царь повторил свою просьбу, и Никон отвечал, что благословляет царя и все его семейство, но когда царь возвратит его из заточения, то он тогда простит и разрешит его совершенно.

Но царь не возвращал Никона. Приставленный к Никону архимандрит Иосиф в 1668 году сделал донос, что к нему приходили воровские донские казаки и намеревались освободить его из заточения. Никона стали содержать строже. Перед его кельей всегда стояли двадцать

стрельцов с дубинами; много несчастных по подозрению в сношениях с опальным патриархом было схвачено и подвергнуто пыткам.

Вскоре царь опять сжалился над ним: умерла царица Мария Ильинична, и он отправил к Никону Стрешнева с деньгами. Никон не принял денег.

Но долгие страдания стали надламывать волю Никона. В конце 1671 года он написал царю примирительное письмо и просил прощения за все, в чем был виноват перед царем. «Я болен, наг и бос, – писал Никон, – сижу в келье затворен четвертый год. От нужды цинга напала, руки больны, ноги пухнут, из зубов кровь идет, глаза болят от чада и дыму. Приставы не дают ничего ни продать, ни купить. Никто ко мне не ходит и милостыни не у кого просить. Ослабь меня хоть немного!»

На Никоне лежало важное подозрение в сношениях со Стенькой Разиным. Сам Стенька показывал, что к нему приезжал старец от Никона. Никон уверял царя, что этого никогда не было. Царь поверил, и хотя не перевел Никона по его желанию ни в Иверский, ни в Воскресенский монастырь, но приказал содержать его в Ферапонтовом без всякого стеснения. Тогда Никон отчасти примирился со своей судьбой, принимал от царя содержание и подарки, завел собственное хозяйство, читал книги, лечил больных и любил ездить верхом. Стол его в это время не только был обильный, но и роскошный. Кирилловскому монастырю велено было доставлять ему все потребное. Никон заметно слабел умом и телом от старости и болезни; его стали занимать мелкие дрязги; он ссорился с монахами, постоянно был недоволен, ругался без толку и писал царю странные доносы, как, например, на кирилловского архимандрита, что он ему в келью напускает чертей.

Но в то время как низложенный патриарх таял в заточении, дело, начатое им, продолжало волновать русское общество и вызывать усиленную деятельность власти. Собор русских архиереев избрал по жребию из трех кандидатов, преемников Никону, троицкого архимандрита Иосафа и во главе с избранным передал обсуждению вселенских патриархов вопросы, касающиеся исправлений в русской церкви. Главнейшим из этих вопросов был вопрос о расколе. Вселенские патриархи вполне утвердили приговор русского собора 1666 года, и новый собор, уже с участием вселенских патриархов и греческих архиереев, произнес анафему на раскольников в самых сильных выражениях¹⁴².

Этот приговор имел чрезвычайную важность в последующей истории раскола; он утвердил непримиримую вражду между господствующей церковью и несогласными с ней противниками никоновских исправлений. С одной стороны, православная русская церковь с трудом могла снисходительно относиться к заблуждениям и невежеству раскольников, после того как над ними состоялось такое страшное проклятие, утвержденное вселенскими патриархами; а с другой – раскольники уже были лишены права и возможности надеяться на какую-нибудь сделку с церковной властью и становились непримиримыми врагами существующего церков-

---

¹⁴² «Сие наше соборное повеление и завещание ко всем вышереченным чином православным предаем и повелеваем всем неизменно хранить и покоряться святей Восточней церкви. Аще ли же кто не послушает повелеваемых от нас и не покорится святей Восточней церкви и сему освященному собору, или начнет преклословити и противлятися нам: и мы такового противника данному нам властию от всесвятаго и животворящаго Духа, аще будет от освященного чина, извергаем и обнажаем его всякаго священнодействия и благодати, и проклятию предаем; аще же от мирскаго чина отлучаем и чужда сотворяем от Отца и Сына и Святаго Духа, и проклятию и анафеме предаем, яко еретика и непокорника, и от православнаго весочленения и стада и от церкви Божия отсекаем, яко гнил и непотребен уд, дондеже вразумится и возвратится в правду покаянием. Аще ли кто не вразумится и не возвратится в правду покаянием, и пребудет в упрямстве своем до скончания своего: да будет и по смерти отлучен и непрощен, и часть его и душа со Иудею предателем, и с распятыми Христа Жидовы, и со Арием и с прочими проклятыми еретиками, железо, камень и древесина да разрушатся и да растлятся, а той да будет неразрешен и неразрушен и яко тимпан, во веки веков аминь. Сие соборное наше узаконение и изречение подписахом и утвердихом нашими руками, и положихом в дому Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успения, в патриархии богохранимаго царствующаго великаго града Москвы и всея России, в вечное утверждение и в присное воспоминание, в лето от сотворения мира 7175, от воплощения же Бога слова 1667, индикта 5, месяца мая в 13 день».

ного строя, а вместе с тем и государственной власти, стоявшей на стороне церкви. Такое положение дел выказалось тотчас же после собора в бунте Соловецкого монастыря.

Этот монастырь с самого же начала показал себя против исправлений и все более и более делался пристанищем недовольных. В 1666 году там был архимандрит Варфоломей. Братия не любила его. Царь пригласил его на собор и после собора назначил ему другой монастырь, а в Соловки отправил архимандритом иного, по имени Иосиф. Прежний архимандрит поехал в Соловки вместе с новым, чтобы сдать последнему монастырь. Тут вспыхнул мятеж. Братия не хотела принимать нового архимандрита и прогнала его вместе с прежним. Царь по окончании собора отправил в Соловецкий монастырь для увещания спасо-ярославского архимандрита Сергия, того самого, который был приставом у Никона после его осуждения. Его также прогнали. Зачинщиками противодействия были тогда келарь Азарий, казначей Геронтий, а в особенности живший на покое архимандрит Никанор. Этот последний был прежде архимандритом в Саввином монастыре, пользовался расположением царя Алексея Михайловича, воспротивился было исправлению книг, на соборе принес покаяние, но, будучи отпущен в Соловки на покой, показал себя самым заклятым раскольников. «Не принимаем новоизданных книг, – кричали соловецкие мятежники, – не хотим знать троеперстного сложения, имени Иисусе, трегубой аллилуйя! Все это латинское предание, антихристово учение; хотим оставаться в старой вере и умирать за нее!..»

Но прежде открытого сопротивления соловецкие раскольники отправили к царю челобитную (одно из наиболее распространенных и любимых раскольничьих сочинений). Они просили дозволить им отправлять богослужение по старым книгам. Царь требовал послушания, а за противность и своеволие указывал отобрать у монастыря все вотчины и не пропускать в монастырь никаких запасов. Раскольники отвечали, что они ни за что не согласны на принятие новопечатных книг, предоставляли на волю царя послать на них свой царский меч и «переселить от сего мятежного жития в безмятежное, вечное».

Царь послал войско под начальством Волохова. Раскольники заперлись в монастыре, надеясь отсидеться и отбиться. Стены монастыря, построенные Филиппом, были крепки, на стенах было 90 пушек; запасов было собрано на многие годы. В монастырь набежало до 500 человек разного непокорного люда и в том числе воровских казаков с Дона.

Волохов вел осаду самым нелепым образом. Он сидел в Сумском остроге и беспрестанно ссорился с находившимся близ него архимандритом Иосифом: они друг на друга писали царю доносы, а между тем мятежники спокойно провозили в монастырь для себя все нужное. Наконец ссора Волохова с архимандритом дошла до того, что они подрались, и царь в 1672 году удалил Волохова, а на место его послал стрелецкого голову Иевлева.

Иевлев действовал не лучше своего предшественника, и в 1673 году царь, недовольный им, сменил его, а на его место назначил воеводу Ивана Мещеринова.

Осада Соловецкого монастыря не могла быть ведена быстро, потому что военные действия возможны были только во время короткого лета. Летом 1674 года подошел Мещеринов к монастырю и стал палить в него из пушек. Между раскольниками сделалось раздвоение, замечательное потому, что оно, так сказать, наметило будущее раздробление раскола. Геронтий, ярый противник новых книг, находил, что хотя не следует соглашаться на принятие новой веры, но не должно сопротивляться царю. К нему пристали священники. Никанор, напротив, возбуждал мятежников к битве, ходил по стене, кадил, кропил святой водой пушки и говорил: «Матушки наши, галаночки, надежда у нас на вас, вы нас обороните!» Спор между двумя партиями дошел до того, что Никанор засадил в тюрьму Геронтия и его соумышленников священников. Келарь Наонаил Тугин и сотники Исачко Воронин и Самко были главными сообщниками Никанора; они положили не молиться за царя, говорили о его особе так, что, по общеупотребительному выражению их противников, «не только написать, но и помыслить страшно», и положили защищаться до последней степени. Продержав несколько дней в тюрьме Геронтия и

его сообщников, Никанор выгнал их из монастыря и стал учить, что можно жить и без священников, можно самим говорить часы и прочее. Этим положен был зародыш «беспоповщины», одного из важнейших видов, на которые разделился раскол.

Приступ не удался Мещеринову. Летом 1675 года он опять начал палить в монастырь и так же неудачно.

Наступала зима. Мещеринов на этот раз не ушел в Сумский острог, а остался под монастырем, несмотря на все трудности. 22 января 1676 года при помощи перебежчика Феокиста Мещеринов через отверстие в стене, заложное камнями, вошел в монастырь со стрельцами. Никанор и главные его соумышленники были схвачены и казнены. Упорнейшие из раскольников были сосланы в Пустозерск и Колу, а прочие, которые обещали повиноваться церкви и государю, получили прощение и были оставлены на месте.

Двор Ватопеда

Но это укрощенное возмущение было только сигналом для множества других, оканчивавшихся более кровавым образом. Раскол, по-видимому, подавленный в Соловецком монастыре, быстро, как пожар, распространялся по всей Руси. К нему примыкало, как к знамени, все, что было в русском народе недовольного властями и светскими и духовными. Смело можно сказать, что половина Великой Руси отпала тогда от церкви и стояла враждебно к мирской власти, защищавшей церковь земным оружием. Соловецкие раскольники получили славу святых страдальцев и служили примером для своих последователей на долгие времена. Их жития перечитывались и пересказывались в народе со всевозможными баснями и чудесами. Преследуемые властями, раскольники бежали в леса, пустыни и готовились умирать за старую веру. Распространился страшный и своеобразный способ противодействия. Власти, преследуя рас-

кольников, приняли древний способ казни – сожжение¹⁴³, но раскольники составили себе убеждение, что этого рода мученическая смерть ведет в царствие небесное, а потому не только не утраивались ее, но сами искали. Так, когда правительство посылало отыскивать сопротивлявшихся церкви, то они, собираясь большими толпами, по приближении военной силы сами сжигали себя, нередко тысячами. Эти самосожжения начались вскоре после Соловецкой осады, в семидесятых годах XVII века, и шли, возрастая. Один пример порождал другие. Самосожжения сделались обычным делом; фанатики учили, что это вернейший путь к царствию небесному. Православие в глазах народа, не хотевшего подчиняться церкви, носило название «никонианства». Имя Никона произносилось с проклятиями и ругательствами. Между тем сам виновник продолжал находиться в изгнании, и положение его, облегченное царем Алексеем Михайловичем, опять стало хуже на некоторое время.

Преемник Никона, патриарх Иосиф, скончался в 1672 году. После него стал патриархом Питирим, заклятый враг Никона, но власть его была бессильна над феррапонтовским изгнанником, находившимся под защитой царя. Питирим скончался.

Был избран в патриархи Иоаким. Некогда он был ратным человеком и участвовал в войне с Польшей, постригся в Киеве в монахи, был выписан Никоном в Москву и назначен келарем Чудова монастыря. После удаления Никона он пристал к его врагам и в звании чудовского архимандрита открыто осуждал поведение Никона, и Никон за это был озлоблен против него. Этот новый патриарх сильно не желал возвращения Никона из далекого изгнания и удерживал царя, который по своему добродушию был способен приблизить к себе своего бывшего друга. В последнее время своей жизни царь особенно был милостив к Никону и щедро посылал ему подарки и лакомства. В 1676 году умер Алексей Михайлович; его преемник отправил к Никону с дарами и с вестью Федора Лопухина, а вместе с тем приказал просить прощения и разрешения покойному царю на бумаге. Никон сказал: «Бог его простит, но в страшное пришествие Христово мы будем с ним судиться: я не дам ему прощения на письме!» Это естественно и огорчило молодого царя, и подало врагам Никона орудие, чтобы сделать худшим положение изгнанника. На Никона посыпались доносы. Находившийся при нем писарь Шайсулов и старец Иона, бывший прежде келейником у Никона, писали, что «он называет себя по-прежнему патриархом, занимается стрельбою; застрелил птицу баклана за то, что птица поела у него рыбу, дает монахам целовать руку, называет вселенских патриархов ворами, лечит людей, которые от его лекарства умирают, напивается пьян, рассердившись, дерется сам и другим приказывает бить монахов». Доносы эти, без сомнения, написаны были в уверенности, что при изменившихся обстоятельствах их примут на веру. Патриарх Иоаким действовал на молодого государя, и Никона приказали перевести в Кирилло-Белозерский монастырь под надзор двух старцев, которые должны были постоянно жить с ним в келье и никого к нему не пускать. Никон отвергал возводимые на него обвинения, но сознавался, что вместе с игуменом бил кого-то за воровство.

За Никона, однако, при дворе молодого Федора явилась заступница; то была сестра покойного царя Татьяна Михайловна. Она издавна уважала Никона. Со своей стороны, учитель Федора Симеон Полоцкий также хлопотал за сверженного патриарха. Царь опять облегчил положение Никона, не велел его стеснять и предложил патриарху перевести изгнанника в Воскресенский монастырь. Со своей стороны, иноки Воскресенского монастыря подали царю челобитную и умоляли возвратить им Никона «как пастыря к стаду, как кормчего к кораблю, как главу к телу». Патриарх Иоаким заупрямился. «Дело учинилось не нами, – говорил он царю, – а великим собором и волей святейших вселенских патриархов; не снесясь с ними, мы

¹⁴³ Так, 1 апреля 1681 года в Пустозерске были сожжены в срубе за хулы на церковь протопоп Аввакум, бывший поп Лазарь, дьякон Феодор и инок Елифанний, сосланные в Пустозерск 14 лет назад. По преданию, сохранившемуся у раскольников, Аввакум перед смертью показал народу двуперстное крестное знамение и сказал: «Коли будете таким крестом молиться, вовек не погибнете, а покинете этот крест – и город ваш песок занесет, и свету конец настанет!»

не можем этого сделать». Царь, несколько раз повторив такую просьбу, собрал собор; но и собор, руководимый патриархом Иоакимом, не исполнил желаний царя. Царь только написал к Никону утешительное послание. Так проходило время; наконец кирилловский архимандрит известил Иоакима, что Никон болен, принял схиму и близок к смерти, и спрашивал разрешения: как и где похоронить Никона? Тогда царь снова молил патриарха и собор сжалиться над заточником и по крайней мере перед смертью порадовать его свободой. На этот раз патриарх и освященный собор благословили царя возвратить Никона из заточения.

Царь немедленно послал дьяка Чепелева привезти Никона в Воскресенский монастырь. То было в 1681 году. Никон от болезни и старости едва уже двигал ноги. Его привезли на берег Шексны, посадили в струг и поплыли по его желанию на Ярославль. Везде по берегу стекался народ, просил благословения и приносил все потребное Никону. Его сопровождал кирилловский архимандрит Никита. 16 августа утром достигли они Толгского монастыря близ Ярославля. Никон причастился Св. Тайн и готовился переплыть на другую сторону Волги к Ярославлю. Здесь явился к нему архимандрит Сергей, тот самый, который издевался над ним во время его низложения. Сергей кланялся ему в ноги, просил прощения за прежнее и говорил, что оскорблял его поневоле, творя угодное собору. Никон простил его.

На следующий день, 17 августа, Никона повезли на другой берег реки. Сергей сопровождал его в струге. Народ из города и сел встречал его на берегу реки Которости, куда вошел струг с Волги. Толпа бросилась в воду и тащила струг на берег. Никон был в совершенном изнеможении и ничего уже не мог говорить. Народ целовал ему руки и ноги. День склонялся к вечеру; начали благовестить к вечерне. Никон в это время немного ободрился, оглянулся вокруг себя и начал оправлять себе волосы, бороду, одежду, как будто готовясь в путь. Архимандрит Никита понял, что настает его последний час, и начал читать отходную. Никон протянулся на постели, сложил руки на груди и скончался.

Дьяк поспешил в Москву известить о смерти бывшего патриарха. Ему встретилась царская карета, посланная за Никоном.

Царь приказал привезти тело Никона в Воскресенский монастырь и отправил к патриарху Иоакиму приглашение ехать на погребение со всем освященным собором.

– Воля государева, – сказал Иоаким, – я на погребение поеду, а именовать Никона патриархом не буду и назову его просто монахом. Так собор повелел. Если царь захочет, чтобы я его именовал патриархом, я не поеду.

– Я, – сказал царь, – все беру на себя и сам буду просить вселенских патриархов, чтобы дали разрешение и прощение покойному патриарху.

Патриарх Иоаким был неумолим, но отпустил новгородского митрополита Корнилия, позволив ему поминать Никона так, как царь ему прикажет.

Погребение было совершено Корнилием с несколькими архимандритами; других архиереев не было. Никона при погребении помянули патриархом. Царь целовал мертвому руки. Тело Никона было погребено в церкви Святого Иоанна Предтечи, на том месте, где он некогда завещал себя похоронить.

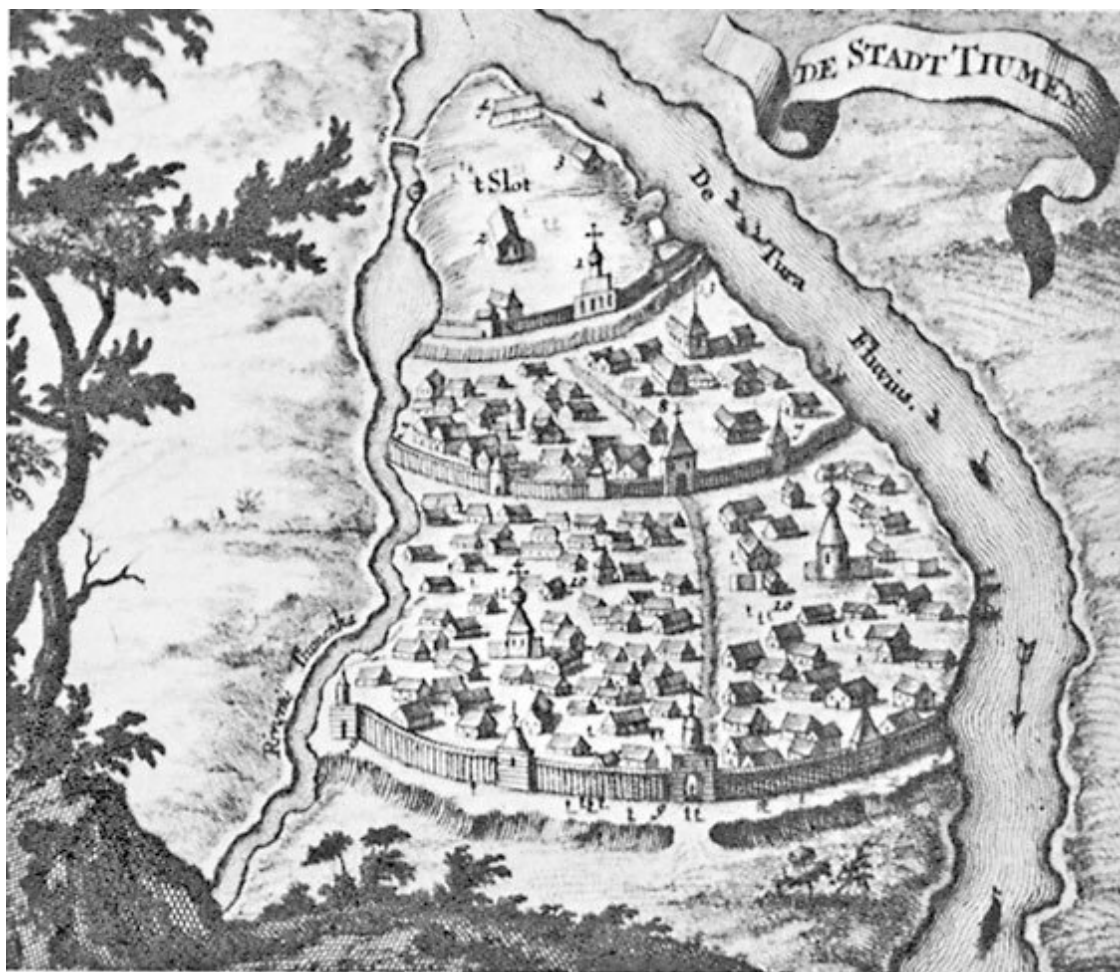
По возвращении в Москву царь послал патриарху Иоакиму митру Никона и просил поминать покойного. Но патриарх не принял этого дара и ни за что не хотел поминать Никона патриархом.

Тогда царь написал ко вселенским патриархам, и в ответ были получены грамоты, которыми вселенские патриархи разрешали причесть Никона к лику прочих московских патриархов и поминать его вечно под этим званием. Грамоты эти уже не застали царя Федора в живых. Патриарх Иоаким волей-неволей должен был поминать Никона патриархом, а за ним и вся русская церковь поминала его и поминает в этом сане.

Сибирские землеискатели XVII века

Впродолжение царствования двух первых Романовых русские подчинили себе почти все пространство Северо-Восточной Азии. С необыкновенно малыми военными силами и с ничтожными затратами от государства, это дело было совершено вольными удалцами, носившими вообще название казаков. По мере движения русских к востоку правительство строило остроги, которые, смотря по удобству сбора ясака с окрестных жителей и при увеличении русского населения, переименовывались в города, а в городах назначались воеводы. Воеводы из своих городов отправляли охотников казаков «проведывать новыя землицы» и подчинять их царской власти. Как только казакам удавалось открыть такую новую землю, воевода приказывал строить в ней острог и посылал туда служилых людей с боевыми и со съестными запасами под начальством казачьих пятидесятников. Сибирские туземцы не имели огнестрельного оружия, жили вразбивку и потому не могли противостоять казакам. Воеводы и подведомственные им начальники острогов имели приказание приглашать к себе туземных князьков, ласкать их, поить вином, которое чрезвычайно нравилось сибирским туземцам, и давать подарки разными безделицами, особенно металлическими вещами, чтобы заохотить их вступать в подданство царю и платить ясак, состоявший в мехах. Для ручательства в своей верности туземные князья, подчиняясь царю, оставляли русским заложников или аманатов, своих братьев и детей, а иногда и сами оставались заложниками. Тех, которые сопротивлялись, принуждали к покорности силой. Покоряясь по необходимости, сибирские туземцы обычно при первой же возможности бунтовали, не хотели платить ясак и часто нападали на русские остроги, иногда даже задавали немалый страх русским, но вообще не могли сладить с ними и прогнать их. Правительство постоянно напоминало воеводам, чтобы они не делали никаких насилий над туземцами, не брали с них лишнего, не обращали их против воли в христианство. Но эти увещания мало приводились в исполнение, и русские постоянно раздражали туземцев своим жестоким обращением. Беспрестанные, однообразные стычки с инородцами наполняют всю историю Сибири.

Тюмень. Гравюра середины XVII в.

С начала царствования Михаила русские построили Енисейск, и с этого времени усилилось и шло неустанно движение к востоку и югу Сибири. Русские вступили тогда в борьбу с тунгусами. Мало-помалу тунгусские князья, видя невозможность устоять, покорялись один за другим, сами приходили в Енисейск и приносили соборей. В 1621 году воевода Дубенский основал Красноярск и утвердился там с тремястами человек. Туземные жители, качские татары, при помощи киргизов сопротивлялись, осаждали Красноярск, но были разбиты и обязались платить ясак. В 1629 году Дубенский выслал казаков на реку Кан; они покорили и подчинили платежу ясака камашей, один из древних народов Сибири, положили основание городу Канску. Потом покорен был народ тубинцы. До какой степени было легко справляться с ними, показывает то, что высланный из Енисейска атаман Галкин с сорока человеками мог принудить их к повиновению. Между тем в том же 1629 году высланный из Енисейска сотник Бекетов проплыл по рекам Тунгуске и Илим и дошел до бурят, а по его следам Хрипунов на берегах Ангары первый имел с бурятами стычку. Тогда распространились слухи о многочисленности, богатстве и силе народа бурятского, которого русские называли «братским». В 1631 году атаман Порфирьев построил Братский острог на Ангаре в земле бурят, и с тех пор начались попытки подчинить этот народ, не поддававшийся русским более десяти лет. Проникнув на реку Илим (впадающую в Ангару), где был построен Илимский острог, русские двинулись на Лену. Атаман Галкин по следам высланных им еще прежде казаков переправился волоком от реки Илима до реки Муки, впадающей в Куту, и достиг Лены. За ним Бекетов в 1632 году отправился вниз по Лене и заложил Якутский отрог (нынешний город Якутск). Там он встретился с якутами, которые сначала приняли было дружелюбно русских и вступили с ними в

торговлю. Русские проникли на берега Вилюя (впадающего в Лену) и подчинили тамошних тунгусов. Преемник Бекетова в Якутске, атаман Галкин, стал посылать по окрестностям партии для подчинения якутов. Это до такой степени возмутило последних, что они поднялись и пытались взять или зажечь Якутск, но не сумели и, не желая ни за что покоряться русским, собрались все бежать из своей земли. Галкину едва удалось удержать из них половину. В 1635 году выше Якутска был поставлен на Лене Олекминск.

В Енисейск доходили темные слухи о существовании большого озера Ламы (Байкала), края богатого, где есть серебряная и золотая руда. Но русские не знали, в какой стороне искать его; думали, что Лама изливается в море. В 1636 году была отправлена экспедиция из Енисейска для отыскания этого озера. Дело было поручено какому-то Елисею Юрьеву, который, взяв в Олекминске служилого Прошку Лазаря с десятью человеками да сорок промышленных охотников, отправился вниз по Лене, выплыл в Ледовитое море, завернул налево в устье реки Оленки и остался там зимовать. Весной он прошел сухопутьем до Лены при устье реки Молоди. Удальцы сделали два коча (лодки) и снова отправились вниз по Лене, поплыли на восток по морю и через пять суток достигли реки Яны, плыли в продолжение трех недель по Яне и брали ясак с жителей. Перезимовав в этих местах, они весной построили четыре коча и поплыли вниз по реке Яне до ее устья. Елисей Юрьев остался там и положил основание Устьянску, а пятерых человек отправил в Енисейск с ясаком.

Подобные подвиги изумительны, если принять во внимание крайнюю суровость климата, перемены ветра при плавании, необходимость строить кочи, проходить сухопутьем по неизвестным странам и таскать на себе тяжести, зимовать в дикой пустыне при морозе не менее сорока градусов, при недостатке средств и с малым количеством людей, среди диких неизвестных племен.

В 1638 году из Якутского острога для приискания «новых земель» отправился на восток служилый человек Постник Иванов с тридцатью удальцами и лошадьми. Они достигли реки Янги, где нашли тунгусское племя, называемое ламутами. Несмотря на то что это племя не хотело платить ясак, Постник двинулся вниз по Янге, набрал шесть сороков соболей и отправил в Якутск, а сам остался зимовать. Весной неустрашимый Постник Иванов перешел через горы среди враждебных ламутов, достиг Индигирки и проник в землю юкагиров, где захватил одного туземца. Оставив шестнадцать человек в Юкагирской земле и трех человек для сбора ясака, Постник Иванов с пятнадцатью товарищами вернулся в Якутский острог и доносил, что надобно обратить внимание на землю юкагиров, что она богата зверьми и рыбой, и притом он видел у юкагиров серебро, но не мог узнать: откуда они его получали, потому что не понимает юкагирского языка. Из Якутска опять отправили на Индигирку Постника для сбора ясака, и с тех пор русские начали брать ясак с юкагиров. Из Якутска же стали затем посылать партии служилых людей в разные стороны с тем, чтобы навести справки о землях и реках: откуда они вытекают и куда впадают? как там люди живут? чем питаются? есть ли у них в стране зверь и рыба? как они управляются, как воюют?.. На продовольствие этим служилым полагалось на год по две четверти с осьминой ржаной муки и по осьмине круп на человека. Они должны были стараться захватить в свои руки важных людей из туземцев и страшать местных жителей тем, что царь прислал на Лену большое войско с огнестрельным оружием, и если они не покорятся, то им будет дурно. Вместе с тем приказано было давать им разные побрякушки, но отнюдь не показывать огнестрельного оружия, чтобы оно наводило на них страх неизвестностью. Нередко бывали случаи, когда посланные партии ссорились между собой и доходили даже до драк. Появление русских служилых на Лене тотчас повлекло туда промышленников, и правительство устроило на Ленском волоке (в пункте перехода с енисейской системы на ленскую) таможду. Там завелось поселение, и в 1639 году назначены на Лену воеводы: сначала они жили в Усть-Кутске, потом в Якутске. В 1640 году воеводы стали скликать гулящих людей на Лену на пашню с разными льготами.

Тобольск. Вид со стороны реки

Русские землеискатели проникли далеко на север и зашли уже к Индигирке, но на юг, ниже Устькутского острога и ниже Олекминска на Лене, страна им была неизвестна. Они называли ее вообще «Братской землей» и узнавали о ней от тунгусов, которые представляли ее какой-то богатой, обетованной землей. От тунгусов доходили до них слухи о Мугальской (Монгольской) земле, о Китае и о множестве серебра в тех странах. Эти слухи о серебре были побудительными причинами движения русских к югу. В 1640 году ленский воевода послал партию служилых людей по реке Чае, и они привезли выменянный у тунгусов серебряный круг, который носили тунгусы на головах для украшения. В 1641 году отправился вниз по Лене казачий пятидесятник Мартын Васильев с казаками для прииска новых земель и серебряной руды. Они дошли до устья Куленги, поставили острожок в десять печатных сажен длиной и в девять шириной, укрепили рвом, надолбами и оттуда посылали к тунгусам собирать ясак.

Через два года после этого, в 1643 году, отправились на поиски пятидесятник Курбат и атаман Василий Колесников. Курбат с семьюдесятью четырьмя казаками, двинувшись к югу из Верхоленского острога, первый из русских дошел до Байкала, между тем как Колесников поставил острог на устье Осы, впадающей в Ангару. Жители берегов Ангары и ее притоков стали платить ясак государю. Колесников жестоко обращался с бурятами и противодействовал Курбату тем, что теснил тех бурят, которые уже обязались платить ясак в Верхоленский острог. Оставив свой острожок, Колесников первый проник за Байкал до устья Селенги, но не утвердил там русской власти. Его жестокости произвели возмущение бурят; вслед за служилыми начали приходить русские охотники и поступали в пашенные крестьяне; теперь некоторые из этих новоприбылых заплатили жизнью. Возмущение было укрощено. Колесников пропал без вести.

Почти в то же время, когда русские проникли за Байкал, совершены были две замечательные экспедиции на восток.

В 1643 году отправился приискивать новые земли и расспрашивать про серебряную руду Василий Поярков: с ним было сто двенадцать человек служилых, пятнадцать охотников, два целовальника для оценки ясака, два кузнеца и два толмача. Все были с ружьями. Пороху взяли с собой восемь пудов шестнадцать фунтов; взяли и хлебные запасы в установленном количестве. 15 июля поплыли они вниз по Лене, через двое суток повернули в реку Алдан и, плывя по этой реке, в четыре недели достигли устья Учура; затем, следуя по Учуре, через десять дней вошли в реку Гоном и плыли по ней вверх пять недель с большим трудом, потому что им пришлось перейти двадцать два порога. Здесь их захватила зима: было начало сентября. Еще не кончилась продолжительная зима, а Пояркову надоело сидеть в устроенном им зимовье; он оставил сорок человек на месте и велел им весной переправиться на реку Зию, о которой имел сведения от туземцев; сам же с девяноста человеками пошел по льду по реке

Нюемке, а потом переволокся в Зию. Здесь он поймал какого-то даурского князька и собрал вести о землях, которые ему предстояли на пути. Ему описали Амурский край чрезвычайно богатым. Построив острожок на Зии, Поярков послал сорок человек служилых для покорения двух туземных острожков, но предприятие не удалось. Туземцы сначала приняли русских, как гостей, но когда предводитель отряда Юрий Петров начал требовать покорности и домогался, чтобы его с людьми впустили в острог, туземцы напали на них и ранили десять человек. Посланцы повернули назад, а между тем небольшое количество запасов у них истощилось; они начали голодать; травы еще не было; они питались сосной, ели трупы туземцев, захваченных в плен; сорок человек погибли от голода. Впоследствии на Пояркова была принесена жалоба, что он не пустил возвратившихся в свой острожок, рассердившись на них за то, что они ничего не сделали и вернулись с пустыми руками, не давал им хлеба, сам указывал, что они могут есть мертвых туземцев, и говорил: «Не дороги служилые люди; вся цена десятнику десять денег, а рядовому два гроша...» Когда, наконец, прибыли к нему те, которых он оставил на Гономе, Поярков отправился по Зие, вошел в Шилку, где застал народ дючеров; он плыл по Амуру (называемому у него в донесении Шилкой) три недели до впадения в него реки Шунгалы (Сунгурсула), а потом шесть суток до реки Уссури (которую он собственно называл Амуром). Затем четверо суток они плыли по Амуру все еще на земле дючеров, потом вступили в землю натков, через две недели вошли в землю гиляков и еще через две недели достигли Восточного океана. На устье Амура Поярков захватил трех гиляков, и они рассказали о разных улусах и народах Приморского края. Народы эти были малочисленны, находились под властью князьков, у которых было вооруженной силы человек триста, двести, сто, а у иного и менее; не мудрено, что русские с огнестрельным оружием, наводившим ужас на туземцев, никогда не видавших его, могли плавать, брать в плен туземцев и собирать ясак в неведомой стране. Перезимовав на устье Амура, Поярков с наступлением лета поплыл по морю и через двенадцать недель достиг устья реки Ульи. Здесь он остановился, поставил острожок, взял у туземцев заложников, собрал соболей и остался зимовать. Весной, оставив двадцать человек в новопостроенном острожке, отважный землеискатель перешел волоком в течение двух недель до реки Май; здесь он со своими людьми сделал судно и поплыл на нем по Мае, достиг Алдана, затем вступил в Лену и прибыл в Якутск 18 июня 1646 года с небольшим остатком служилых, но с захваченными в плен жителями далеких стран, которые он открыл для России.

Вид Туруханска

Другим подвигом этого рода было открытие Анадыра. 20 июня 1648 года служилый человек Семен Дежнев с двадцатью пятью служилыми и промышленными людьми отправился

морем на приискание новых земель. Буря принесла их в Восточный океан и выбросила на берег ниже реки Анадыра. Землеискатели пошли оттуда по неведомой стране до реки Анадыра. Они очутились в краю диком и безлесном; хлебные запасы их истощились; настала зима; не из чего было построить хижины, и они копали себе в сугробах ямы и жили в них. Из двадцати пяти человек осталось в живых только двенадцать. Эти удалыцы шли вверх по Анадыру, пришли на землю анаулов, бились с ними, и хотя сам Дежнев был ранен, но принудил их платить ясак; однако платить им было нечем, потому что в этом краю не было соболей. Зато русские нашли там добычу иного рода – моржовые зубы. Дежнев с товарищами устроил себе зимовье на Анадыре, а вслед за ним, по слухам, ходившим о реке Анадыре, отправилась через горы другая партия, под начальством Семена Моторы и Никиты Семенова, нашла Дежнева с товарищами и соединилась с ним. За ними пришла туда третья партия казачьего десятника Михаила Стадухина; но Дежнев и Мотора поссорились со Стадухиным за то, что он неприязненно относился к тем туземцам, которые уже заключили мирный договор с Дежневым. Дежнев несколько лет оставался на Анадыре, и с тех пор русские начали ездить туда сухопутьем для собирания моржовых костей. Стадухин же отправился сухопутьем на юг от Анадыра к реке Аклею, вошел на землю коряков, с которыми воевал, и добывал там лес для постройки судна с опасностью для жизни. От коряков он узнал о существовании реки Изиги, где было много соболей, изготовил с товарищами кочи и выплыл в море, но тут буря носила его три дня: одно судно погибло. После многих приключений Стадухин достиг Изиги и поставил там острожок; русские схватили одного корякского князька и тем заставили коряков платить ясак мехами черных лисиц. Но малолюдность не позволила Стадухину долго оставаться на Изиге. Он поплыл к реке Тавую, а оттуда на землю тунгусов, и здесь его дела пошли успешно. Русские грабили тунгусские юрты, брали аманатов и заставляли их платить ясак. Странствования Стадухина продолжались до 1658 года. Стадухину принадлежит честь открытия северной части Охотского моря. За ним другие партии начали ходить в землю коряков; собирали черных лисиц и моржовые кости, так называемый рыбий зуб. На берегах Восточного океана были построены остроги на устьях рек Ульи и Охоты, но тамошние туземцы, довольно многочисленные, не покорялись русскому владычеству, и хотя были укрощаемы, но продолжали снова возмущаться против русских.

Русские землеискатели вслед за Поярковым вскоре стали отправляться партиями на Амур в землю дауров. Это были вольные охотники, избравшие из своей среды начальников. Они подавали царю челобитные, получали разрешение от воевод и отправлялись искать новые земли. Так, в 1649 году отправился в Даурскую землю Ларка Барабанщиков с товарищами, плывал по Амуру, измерял реку и собирал сведения о народах. Но более всех прославился на Амуре своими подвигами Иерофей Хабаров. Он отправился в Даурию в 1648 году с сотней человек вольницы, покорил пять городов, набрал всякого запаса и воротился в Якутск; а в 1650 году, усилив себя новыми охотниками, он опять пустился на Амур, взял город Албазин, потом в 1651 году спустился вниз по Амуру и утвердился на Комарском остроге. По следам Хабарова двинулись на Амур другие охочие русские люди, и по реке образовался целый ряд русских острожков. В 1653 году Хабарова потребовали в Москву, а вместо него «на великую реку Амур» назначили приказного человека Онуфрия Степанова. Амурский край со всей Даурией в 1659 году поступил в ведение города Нерчинска. Покорение Амура привело русских в столкновение с Китаем, так как китайский император считал себя владыкой этого края. В 1654 году по царскому приказанию в Пекин отправился боярский сын Федор Байков с мирными предложениями, но был принят дурно, потому что не хотел соблюдать китайские церемонии, и его посольство ничем не кончилось. Китайцы, чтобы заставить удалиться русских, приказывали жителям выселяться с берегов Амура в тех видах, что русские, лишившись средств к жизни, сами уйдут оттуда. Однако русские еще долго держались на Амуре. Китайские войска напали на них. Сам Степанов был убит в одной стычке с ними. Тамошние русские остроги разорялись

китайцами и возникали снова. В 1660 году на Амур опять явился Хабаров и накликал туда несколько сотен охотников. Мало-помалу начали заводиться там и пашенные крестьяне.

Между тем другие землеискатели проникли в Забайкалье. Бекетов построил остроги на реках Селенге и Хилке. За ним другие подчиняли бурят и заставляли их платить ясак. Главным пунктом в этом крае был Иргенский острог, а с 1666 года – Селенгинск. В 1670 году у русских возник важный спор с Китаем по тому поводу, что тунгусский князек Гантимир с сорока человеками своих улусников перешел на русскую сторону. Китайцы сочли это поводом к войне и снова начали нападать на русские остроги. По этому делу в 1675 году ездил посланником от царя переводчик Спафарий, но вернулся без успеха. На обратном пути из Пекина он приказывал нерчинскому воеводе больше не тревожить Амур; но этот приказ не исполнялся. На берегах Амуре появлялись новые служилые люди и строили новые остроги. Племена, обитавшие на Амуре, натки и гиляки, подушаемые китайцами, не хотели платить ясак и беспрестанно тревожили русские остроги. Война шла несколько лет. Наконец в 1685 году уже все остроги были разорены; оставался только Албазин, город, состоявший под начальством храброго воеводы Толбузина. Осажденный многочисленным китайским войском, Толбузин должен был уйти. Албазин был разорен; но в следующем году Толбузин явился снова и возобновил его. Китайское войско не замедлило явиться опять под Албазином. Толбузин был убит; его место заступил казачий атаман Бейтон и храбро отстаивал город против осаждавших, но китайцы получили приказание прекратить неприязненные действия, потому что из России опять ехал посол, окольный Федор Алексеевич Головин с большой свитой более двух тысяч человек. Китайский император со своей стороны выслал в Нерчинск посольство, в котором важное место занимали одетые по-китайски двое иезуитов: испанец Перейра и француз Жербильон. Их сопровождало войско из 15 000 человек. В августе 1689 года открылись переговоры между послами под Нерчинском в шатрах. Разбивкой этих шатров занимался бывший малороссийский гетман Демьян Многогришный, в то время бывший в звании сына боярского. Переговоры велись на латинском языке через иезуитов. Русский посол старался всеми силами оттянуть от китайцев побольше «землиц», но китайцы начали возмущать против русских окрестное население: бурят и онкотов, придвинули прибывшее с ними войско и грозили войной. Это принудило Головина к уступкам. Русские отказались от Амуре. Рубежом назначена была река Горбица, впадающая в Шилку, река Аргунь от истоков ее до слияния с Шилкой и каменный хребет, известный под именем Яблонового, вплоть до Охотского моря. Полковник Бейтон, державшийся в Албазине, по приказанию Головина разорил этот город и ушел со всеми русскими в Нерчинск. Таким образом, Амурский край, крайний предел русских землеоткрытий, тридцать лет находившийся в русских руках, был потерян для России до царствования Александра II.

Царь Федор Алексеевич

Два царствования первых государей Романова дома были периодом господства приказного люда, расширения письмоводства, бессилия закона, пустосвятства, повсеместного обидательства работающего народа, всеобщего обмана, побегов, разбоев и бунтов. Самодержавная власть была на самом деле малосамодержавная: все исходило от бояр и дьяков, ставших во главе управления и в приближении к царю; царь часто делал в угоду другим то, чего не хотел, чем объясняется то явление, что при государях, несомненно честных и добродушных, народ вовсе не благоденствовал.

Еще менее можно было ожидать действительной силы от особы, носившей титул самодержавного государя по смерти Алексея Михайловича. Его старший сын Федор, мальчик четырнадцати лет, был уже поражен неизлечимой болезнью и едва мог ходить. Само собой разумеется, что власть была у него в руках только по имени. В царской семье господствовал раздор. Шестеро сестер нового государя ненавидели мачеху Наталью Кирилловну; с ними заодно были и тетки, старые девы, дочери царя Михаила; около них естественно собрался кружок бояр; ненависть к Наталье Кирилловне распространялась на родственников и на сторонников последней. Прежде всех и более всех должен был потерпеть Артамон Сергеевич Матвеев как воспитатель царицы Натальи и самый сильный человек в последние годы прошлого царствования. Его главными врагами – кроме царевен, в особенности Софьи, самой видной по уму и силе характера, и женщин, окружавших царевен, – были Милославские, родственники царя с материнской стороны, из которых главным был боярин Иван Михайлович Милославский, злобившийся на Матвеева за то, что Артамон Сергеевич обличал перед царем его злоупотребления и довел до того, что царь удалил его в Астрахань на воеводство. С Милославскими заодно был сильный боярин оружничий Богдан Матвеевич Хитрово; и у этого человека ненависть к Матвееву возникла оттого, что последний указывал, как Хитрово, начальствуя Приказом Большого Дворца, вместе со своим племянником Александром обогащался незаконным образом за счет дворцовых имений, похищал в свою пользу находившиеся у него в заведовании дворцовые запасы и брал взятки с дворцовых подрядчиков. Царь Алексей Михайлович был такой человек, что, открывая ему правду насчет бояр, Матвеев не мог подвергнуть виновных достойному наказанию, а только подготовил себе непримиримых врагов на будущее время. У Хитрово была родственница, боярыня Анна Петровна; она славилась своим постничеством, но была женщина злая и хитрая: она действовала на слабого и больного царя вместе с царевнами и вооружала его против Матвеева, сверх того врагом Матвеева был окольный Василий Волынский, поставленный в Посольский приказ, человек малограмотный, но богатый, щеголявший хлебосольством и роскошью. Созывая к себе на пиры вельмож, он всеми силами старался восстановить их против Матвеева. Наконец, могущественные бояре князь Юрий Долгорукий, государев дядька Федор Федорович Куракин, Родион Стрешнев также были нерасположены к Матвееву. Гонение на Матвеева началось с того, что по жалобе датского резидента Монса Гея, будто Матвеев не заплатил ему 500 рублей за вино, Матвеева 4 июля 1676 года удалили от Посольского приказа и объявили ему, что он должен ехать воеводой в Верхотурье. Но это было только предлогом. Матвеев, доехав до Лаишева, получил приказание остаться там, и здесь начался ряд придинок к нему. Сперва потребовали от него какую-то книгу, лечебник, писанный цифрами, которого у него не оказалось. В конце декабря сделали у него обыск и привезли за караулом в Казань. Его обвиняли в том, что, заведывая государевой аптекой и подавая царю лекарство, он не допивал после царя остаток лекарства. Лекарь Давид Берлов доносил на него, что он вместе с другим доктором, по имени Стефан, и с переводчиком Спафарием читал «черную книгу» и призывал нечистых духов. Его донос подтверждал под пыткой холоп Матвеева,

карлик Захарка, и показывал, что он сам видел, как по призыву Матвеева в комнату приходили нечистые духи, и Матвеев с досады, что карлик видел эту тайну, прибил его.

Царь Федор Алексеевич

Симеон Полоцкий

11 июня 1677 года боярин Иван Богданович Милославский, призвав Матвеева с сыном в съезжую избу, объявил ему, что царь приказал лишить его боярства, отписать все поместья и вотчины к дворцовым селам, отпустить на волю всех его людей и людей его сына и сослать Артамона Сергеевича, вместе с сыном, в Пустозерск. Вслед за тем были отправлены в ссылку двое братьев царицы Натальи Кирилловны, Иван и Афанасий Нарышкины. Первого обвинили в том, что он говорил человеку по фамилии Орел такие двусмысленные речи: «Ты – Орел старый, а молодой Орел на заводи летает: убей его из пищали, так увидишь милость царицы Натальи Кирилловны». Эти слова были объяснены так, будто они относились к царю. Нарышкина присудили бить кнутом, жечь огнем, рвать клещами и казнить смертью, но царь заменил это наказание вечной ссылкой в Рязск.

В первые годы своего царствования Федор Алексеевич находился в руках бояр, врагов Матвеева. Наталья Кирилловна с сыном жила в удалении в селе Преображенском и находилась постоянно под страхом и в загоне. В церковных делах самовольно управлял всем патриарх Иоаким, и царь не в силах был воспрепятствовать ему притеснять низложенного Никона и отправить в ссылку царского духовника Савинова. Патриарх Иоаким заметил, что этот близкий

к особе царя человек настраивает молодого государя против патриарха, созвал собор, обвинил Савинова в безнравственных поступках, и Савинов был сослан в Кожеозерский монастырь; царь должен был покориться.

Политика Москвы в первые годы Федорова царствования обращалась главным образом на малороссийские дела, которые впутали Московское государство в неприязненные отношения к Турции. Чигиринские походы, страх, внушаемый ожиданием нападения хана в 1679 году, требовали напряженных мер, отзывавшихся тягостно на народе. Целых три года все вотчины были обложены особым налогом по полтине со двора на военные издержки; служилые люди не только сами должны были быть готовы на службу, но и их родственники и свойственники, а с каждых двадцати пяти дворов их имений они должны были поставлять по одному конному человеку. На юго-востоке происходили столкновения с кочевыми народами. Еще с начала царствования Алексея Михайловича калмыки под начальством своих тайшей то делали набеги на русские области, то отдавались под власть русского государя и помогали России против крымских татар. В 1677 году вспыхнула ссора между калмыками и донскими казаками; правительство приняло сторону калмыков и запрещало казакам беспокоить их; тогда главный калмыцкий тайша, или хан, Аюка с другими подначальными ему тайшами под Астраханью дал русскому царю шертную грамоту, по которой обещался от имени всех калмыков находиться навсегда в подданстве московского государя и воевать против его недругов. Но такие договоры не могли иметь силы надолго: донские казаки не слушали правительства и нападали на калмыков, отговариваясь тем, что калмыки первые нападали на казацкие городки, брали в плен людей, угоняли скот. Калмыки, со своей стороны, представляли, что мир нарушен казаками, царскими людьми, а потому и шерть, данная царю, уже потеряла силу, и отказывались служить царю. Аюка стал переговариваться и дружить с крымским ханом, а его подчиненные нападали на русские поселения. Пределы Западной Сибири беспокоили башкиры, а далее, около Томска, делали набеги киргизы. В Восточной Сибири возмущались якуты и тунгусы, платившие ясак, выведенные из терпения грабительствами и насилиями воевод и служилых людей, но были укрощены.

Во внутренних делах сначала происходило мало нового¹⁴⁴, подтверждались или расширялись распоряжения предыдущего царствования¹⁴⁵. В народе не утихло волнение, возбужденное расколом, напротив, все более и более принимало широкий размер и мрачный характер. Фанатики заводили пустыни, завлекали туда толпы народа, поучали его не ходить в церковь, не креститься тремя перстами, толковали, что приближаются последние времена, наступает царство Антихриста, вскоре за тем мир сей постигнет конец и теперь благочестивым христианам ничего не остается, как отречься от всех прелестей мира и добровольно идти на страдание за истинную веру. Такие пустыни появлялись во многих местах на севере, на Дону, но особенно в Сибири. Воеводы посылали разгонять их, но фанатики сами сжигались, не допуская к себе гонителей, и в этом случае оправдывали себя примером мучеников, особенно св. Манефы, которая сожглась, чтоб не поклониться идолам¹⁴⁶.

¹⁴⁴ Так, между прочим было издано несколько распоряжений относительно вотчин; было запрещено давать вотчины и поместья церквам в 1671 году.

¹⁴⁵ Еще до ссылки Матвеева была расширена привилегия, данная при Алексее Михайловиче серебряных дел мастеру Кожевникову на искание серебряной, золотой и медной руды. Кожевников с товарищами несколько лет уже скитался по северным краям и не нашел руды. Теперь ему дозволено было искать руду, дорогие камни и всякие ископаемые богатства на Волге, Каме и Оке. Видно, что правительство очень занимала мысль отыскания металлов. Нелишним считаем также упомянуть о подтверждении указа царя Алексея Михайловича, чтобы не посылать в Москву рыбу меньше указанной меры, а мелкую недорослую рыбу велено бросать обратно в реку, чтобы не «перевести заводу». Распоряжение это замечательно тем, что показывает заботливость правительства о сбережении рыбы – важной отрасли хозяйства.

¹⁴⁶ В Тобольском уезде, например, чернец Данило с единомышленниками завел пустынь, куда набралось до трехсот душ обоюбого пола. Две черницы и две девки всенародно бесновались, бились о землю, кричали, что видят Пресвятую Богородицу, которая повелевает им убеждать людей, чтоб не крестились тремя перстами, не ходили в церковь, не поклонялись четырехконечному кресту, который есть не что иное, как антихристова печать. Данило всех приходящих, и старых, и малых постригал в монашество и убеждал не допускать к себе ратных людей, но самим предать себя сожжению; с этой целью они заранее

В 1679 году царь Федор Алексеевич, уже достигший семнадцатилетнего возраста, приблизил к себе двух любимцев: Ивана Максимовича Языкова и Алексея Тимофеевича Лихачева. Это были люди ловкие, способные и, сколько можно заключить по известным нам событиям, добросовестные. Языков был назначен постельничим. Молодой царь, воспитанный Симеоном Полоцким, был любознателен, посещал типографию и типографскую школу, любил читать и поддавался мысли своего учителя Симеона образовать высшее училище в Москве. Мало-помалу становится заметнее усиление правительственной деятельности. Издан ряд распоряжений, прекращавших злоупотребления и запутанность в делах по владению вотчинами и поместьями. Так, например, вошло в обычай, что владелец вотчины продавал или передавал другому – родственнику или же чужому по крови – после себя свое имение с условием, чтобы тот содержал его вдову и детей или родственников – обычно лиц женского пола, например дочерей или племянниц; получивший вотчину обязан был выдавать замуж таких девиц как бы своих родных сестер. Но такие условия не исполнялись, и по этому поводу состоялся закон отбирать такие вотчины, если владелец не исполнит условия, на котором получил вотчину, и отдавать их прямым обойденным наследникам. Бывали еще такие злоупотребления: мужья насильями и побоями принуждали жен своих продавать и закладывать их собственные вотчины, полученные в приданое при выходе замуж. Постановлено было не записывать в Поместном приказе, как делалось до того времени, такие акты, которые совершались мужьями от имени жен без их добровольного согласия. Также были ограждены вдовы и дочери, получавшие после мужей и отцов прожиточные имения, которые у них нередко отнимали наследники. В это время вообще заметно желание, чтобы вотчины не выходили из рода владельцев, и потому запрещалось впредь отдавать по духовным вотчины прямым наследников, а также и дарить их в чужие руки. Самые поместья подчинялись тому же родовому началу: было постановлено, чтобы выморочные поместья давались только родственникам, хотя бы и дальним, прежних владельцев. Родственник имел право законно искать возвращения себе поместьев, поступивших в чужой род. Таким образом, поместное право почти исчезало и переходило в вотчинное. Сын считал себя вправе просить правительство дать ему поместье или какую-нибудь награду, следовавшую его отцу за службу, если отец не успел ее получить.

В ноябре того же 1679 года уничтожилось некогда важное звание губных старост и целовальников. Повсеместно велено было сломать губные избы, и все уголовные дела передавались ведению воевод; вместе с тем уничтожались разные мелкие подати на содержание губных изб, тюрем, сторожей, палачей, издержки на бумагу, чернила, дрова и пр. Тогда же были уничтожены особые сыщики, присылаемые из Москвы по уголовным делам, сборщики, также приезжавшие из Москвы, горододельцы и приказчики разных наименований: ямские, пушкарские, засечные, осадные, у житниц головы и пр. Все их обязанности сосредоточивались в руках воевод. Правительство, вероятно, имело целью упростить управление и избавить народ от содержания многих должностных лиц.

приготовили смолы, пеньки, бересту и, услышав, что тобольский воевода послал против них отряд, сожглись в своих избах. Их пример увлек других к такому же изуверскому подвигу.

Хр. Ротзиссер. Кремль в Москве. (Фрагмент)

В марте 1680 года было предпринято межевание вотчинных и помещичьих земель – важное предприятие, которое вызывалось желанием прекратить споры по поводу рубежей, доходившие очень часто до драк между крестьянами споривших сторон, а иногда и до смертоубийства. Всем помещикам и вотчинникам предписано объявить о количестве имеющихся у них крестьянских дворов. Относительно самих крестьян не было сделано важных изменений в законодательстве, но из дел того времени видно, что крестьяне почти уже окончательно сравнялись с холопами по своему положению, хотя все-таки юридически отличались от последних тем, что в крестьяне поступали по судной, а в холопы – по кабальной записи. Тем не менее владелец не только брал своих крестьян в дворовые, но даже бывали случаи, когда продавал вотчинных крестьян без земли.

Летом 1680 года царь Федор Алексеевич увидел на крестном ходе девицу, которая ему понравилась. Он поручил Языкову узнать, кто она, и Языков сообщил ему, что она дочь Семена Федоровича Грушецкого по имени Агафья. Царь, не нарушая дедовских обычаев, приказал созвать толпу девиц и выбрал из них Агафью. Боярин Милославский пытался расстроить этот брак, чернил царскую невесту, но не достиг цели и сам потерял влияние при дворе. 18 июля 1680 года царь сочетался с ней браком. Новая царица была незнатного рода и, как говорят, по происхождению полька. При московском дворе стали входить польские обычаи, начали носить кунтуши, стричь волосы по-польски и учиться польскому языку. Сам царь, воспитанный Симеоном Ситиановичем, знал по-польски и читал польские книги. Языков после царского брака получил сан окольничего, а Лихачев заступил его место в звании постельничего. Кроме того, приблизился к царю и молодой князь Василий Васильевич Голицын, впоследствии игравший важнейшую роль в Московском государстве.

Заключенный в это время мир с Турцией и Крымом хотя и не был блистателен, но по крайней мере облегчал народ от тех усилий, которых требовала продолжительная война, и потому был принят с большой радостью. Правительство обратилось к внутренним распоряжениям и преобразованиям, которые показывают уже некоторое смягчение нравов. Так, еще в 1679 году был составлен, но потом повторен в 1680-м и, вероятно, приведен в исполнение закон, прекращавший варварские казни отсечения рук и ног и заменявший их ссылкой в Сибирь. В некоторых случаях позорное наказание кнутом заменилось пеней, как, например, за порчу межевых знаков или за корчемство. В челобитных, подаваемых царю, запрещалось раболопное выражение: чтобы царь умилосердился «как Бог»; запрещалось простым людям при встрече с боярами вставать с лошадей и кланяться в землю. Для распространения христианства между магометанами в мае 1681 года постановлено было отобрать крестьян христианской веры от татарских мурз, но оставлять им по-прежнему власть над ними, если они примут христианство; да сверх того положено поощрять принимавших крещение инородцев деньгами.

Межевание земель, предпринятое в прошлом году, не только не достигало цели прекращения драк по поводу границ владений, но еще усиливало их, потому что пока оно еще не было окончено, то возбуждало новые вопросы о границах; до правительства доходили слухи о бесчинствах, которые делали вотчинники и помещики, о нападениях их друг на друга и убийствах. В мае 1681 года был издан закон об отнятии спорных земель у тех владельцев, которые начнут самоуправства и будут посылать своих крестьян на драку, и о строгом наказании крестьян, если они без ведома владельцев станут драться между собой за границы; велено было также ускорить дело размежевания и умножить количество межевщиков, выбираемых из дворян и называемых писцами. Вместо того чтобы по старому обычаю предоставить им брать так называемые кормы с обывателей, им было назначено денежное жалованье, деньга с четверти земли, а другая деньга давалась подьячему с теми, кто был с ним для подмоги.

В июле того же года вышло два важных распоряжения: были уничтожены откупа на винную продажу и на таможенные сборы. Поводом к этому изменению было то, что порядок отдачи на откуп вел за собой беспорядки и убытки казне; откупщики винной продажи перебивали

друг у друга барыши и пускали дешевле свое вино, стараясь подорвать один другого. Вместо откупов опять были введены верные головы и целовальники, выбранные из торговых и промышленных людей. Для избежания беспорядков запрещались вообще изъятия и особые права на домашнее производство хмельных напитков, исключая помещиков и вотчинников, которым позволялось готовить их, но только внутри своих дворов и никак не на продажу.

Среди всех этих забот правительства умерла от родов царица Агафья (14 июля 1681 года), а за ней и новорожденный младенец, крещенный под именем Ильи.

Не знаем, как подействовало на болезненного царя это семейное несчастье, но деятельность законодательная и учредительная не приостанавливалась. Важное дело межевания встречало большие затруднения: помещики и вотчинники жаловались на писцов, которым было поручено межевание, а писцы, которые были также из помещиков, – на землевладельцев; таким образом, правительство должно было отправлять еще особых сыщиков для разбирательства споров между владельцами земель и межевщиками и грозило тем и другим потерей половины их поместий; другая половина отдавалась жене и детям виновного. Были сделаны изменения в порядке приказного делопроизводства: все уголовные дела, которые производились частью в Земском приказе, а иногда и в других, велено было соединить в одном Разбойном приказе; Холопий приказ был уничтожен вовсе, и все дела из него были перенесены в Судный приказ. Наконец, затевалось важное дело составления дополнений к Уложению, и по всем приказам велено было написать статьи по таким случаям, которые не были приняты во внимание Уложением.

В церковном быту совершались важные преобразования. Был созван церковный собор, один из важных в русской истории. На этом соборе (как на Стоглавом и других) от имени царя делались предложения или вопросы, на которые следовали соборные приговоры. Возникла потребность основания новых епархий, особенно ввиду того, что везде умножались «церковные противники». Правительство предлагало завести у митрополитов подначальных им епископов, но собор нашел такой порядок неуместным, опасаясь, что от этого между архиереями будут происходить распри о сравнительной их «высости». Собор предпочел другую меру: учредить в некоторых городах особые независимые епархии. Таким образом, были основаны архиепископства в Севске¹⁴⁷, Холмогорах¹⁴⁸, Устюге¹⁴⁹, Енисейске; Вятская епископия была возвышена в архиепископию; были назначены епископы в Галиче, Арзамасе, Уфе, Тамбове (Тамбове)¹⁵⁰, Воронеже¹⁵¹, Волхове¹⁵² и Курске. На содержание новых архиерейств отводились разные монастыри с их вотчинными крестьянами и со всеми угодьями. Со стороны царя было сделано указание на отдаленные страны Сибири, где пространства так велики, что от епархиального города надобно ехать целый год и даже полтора, и эти страны легко делаются убежищем противников церкви; но собор не решился там учреждать епархии «малолюдства ради христианского народа», а ограничился постановлением посылать туда архимандритов и священников для научения в вере.

По вопросу о противодействии расколу собор, не имея в руках материальной силы, главным образом предавал это дело светской власти; вотчинники и помещики должны извещать архиереев и воевод о раскольничьих сходбищах и мольбищах, а воеводы и приказные люди будут посылать служилых людей против тех раскольников, которые окажутся непослушными архиереям. Сверх того собор просил государя, чтобы не давались никакие грамоты на основа-

¹⁴⁷ Города Севск, Трубчевск, Путивль, Рыльск.

¹⁴⁸ Холмогоры, Архангельск, Мезень, Кевроль, Пустозерск, Пинега, Вага с пригородами.

¹⁴⁹ Устюга, Сольвычегодск, Тотьма с пригородами.

¹⁵⁰ Тамбов, Козлов, Доброе Городище с пригородами.

¹⁵¹ Воронеж, Елец, Романов, Орлов, Костянск, Коротояк, Усмань и пр. Сюда был назначен епископом св. Митрофан.

¹⁵² Волхов, Мценск, Карачев, Кромы, Орел, Новосиль.

ние новых пустынь, в которых обычно служили по старым книгам; вместе с тем велено уничтожить в Москве палатки и амбары с иконами, называемые часовнями, в которых священники совершали молебны по старым книгам, а народ стекался туда толпами, вместо того чтобы ходить в церкви и служить литургию; наконец, было постановлено устроить надзор, чтоб не продавались старопечатные книги и разные писанные тетрадки и листочки с выписками из Св. Писания, которые были направлены против господствующей церкви в защиту старообрядства и сильно поддерживали раскол.

На этом же церковном соборе было обращено внимание на давние бесчинства, против которых напрасно вооружались прежние соборы: запрещалось монахам шататься по улицам, в монастырях держать крепкие напитки, разносить по кельям пищу, устраивать пиры. Замечено было, что черницы во множестве по домам сидели, по перекресткам и просили милостыню; большая их часть даже никогда не жила в монастырях. Их постригали в домах, и они оставались в миру, нося черное платье. Таких черниц велено было собрать и устроить для них монастыри из некоторых, бывших прежде мужскими. Монахиням запрещалось самим управлять монастырскими вотчинами, а это дело поручалось назначенным от правительства старикам, дворянам. Запрещалось в домовых церквях держать вдов и священников, потому что, как замечено было, они вели себя бесчинно. Обращено было внимание на нищих, которых тогда накопилось повсюду чрезвычайное множество; они не только не давали никому проходу по улицам, но с криками просили подавания в церквях во время богослужения. Было велено их разобрать и тех, кто окажется больным, содержать за счет царской казны, «со всяким довольством», а ленивых и здоровых принудить к работе. Дозволено было посвящать священников в православные приходы, находившиеся во владениях Польши и Швеции, но только с тем, если последует об этом просьба от прихожан с надлежащими документами и с грамотами от своего правительства. Это правило было важно в том отношении, что подавало повод русской церкви вмешиваться в духовные дела соседей¹⁵³.

В том же ноябре 1681 года состоялся указ о созвании собора служилых людей для «устроения и управления ратного дела». В самом указе было обращено внимание на то, что в прошедшие войны неприятели Московского государства показали «новые в ратных делах вымыслы», посредством которых одерживали верх над московскими ратными людьми; надлежало рассмотреть эти «нововымышленные неприятельские хитрости» и устроить войско так, чтобы в военное время оно могло вести борьбу против неприятеля.

Собор собрался в январе 1682 года. Выборные люди с первого же раза выразили сознание необходимости ввести европейское разделение войска на роты вместо сотен и под начальством ротмистров и поручиков вместо сотенных голов. Вслед за тем выборные люди подали мысль уничтожить местничество, чтобы все, как в приказах, так и в полках и в городах, не считались местами, и поэтому все так называемые «разрядные случаи» искоренить, дабы они не служили поводом к помехе в делах.

---

¹⁵³ На этом соборе было замечено, что Риза Господня, присланная при патриархе Филарете из Персии, была разрезана на кусочки, которые хранились в разных местах в ковчегах: велено было все эти кусочки собрать и держать в одном ковчеге в Успенской церкви. В Благовещенском соборе было много частиц мощей в небрежении: велено было большую часть их раздать по монастырям и церквям, остальные же хранить за царской печатью, а в Великую пятницу, как прежде и делалось, приносить для омовения в Успенский собор.

А.М. Васнецов. Всехсвятский каменный мост в конце XVII века

Мы не знаем наверно, сами ли выборные люди по своему усмотрению сделали это предложение или мысль эта была внушена им от правительства, во всяком случае эта мысль достаточно созрела в то время, потому что во все продолжение предшествовавших войн по царскому повелению все были без мест, а в посольских делах местничество уже давно было устранено. За два года перед тем состоялся указ, которым постановлялось устранить всякое местничанье в крестных ходах: в этом указе было сказано, что уже и прежде в таких случаях между служилыми людьми не наблюдалось местничества, но в последнее время стали являться челобитные с указанием разных прежних случаев; поэтому-то на будущее время было сочтено необходимым поставить правилом, чтобы таких челобитных более не было под страхом наказания. Таким образом, обычай считаться местами сам собой уже выходил из употребления; служилые люди привыкли обходиться без местничества; только немногие приверженцы старых предрассудков хватались за разрядные случаи для удовлетворения своего тщеславия и докучали этим правительству. Оставалось только юридически уничтожить местничество, чтобы на будущее время оно не вошло опять в силу. Царь представил этот вопрос на обсуждение патриарха с духовенством и бояр с думными людьми. Духовенство признало местнический обычай, противный христианству, Божьей заповеди о любви, источником зла и вреда для царственных дел; бояре и думные люди прибавили, что следует все разрядные случаи искоренить совершенно. На основании такого приговора царь приказал сжечь все разрядные книги, дабы вперед никто не мог считаться прежними случаями, возноситься службой своих предков и унижать других. Книги были преданы огню в сенях царской передней палаты в присутствии присланных от патриарха митрополитов и епископов и назначенного для этого дела от царя боярина Михаила Долгорукого и думного дьяка Семенова. Все, у кого в домах были списки с этих книг и всякие письма, относившиеся к местническим случаям, должны были доставлять их в разряд под страхом царского гнева и духовного запрещения. Затем вместо разрядных местнических книг велено было в разряде держать родословную книгу и составить новую для таких родов, которые не были записаны в прежней родословной книге, по которым члены значились в разной царской службе; всем было позволено держать у себя родословные книги, но они уже не имели

значения при отправлении служебных обязанностей¹⁵⁴. Несмотря на уничтожение местничества, тогдашнее правительство не думало, однако, лишать служилых людей отличий по знатности их положения. Таким образом устанавливались правила, как следует каждому сообразно своему чину ездить по городу: бояре, окольные и думные люди могли, например, ездить в каретах и санях в обыкновенные дни на двух лошадях, в праздники – на четырех, а на свадьбах – на шести; другим же, ниже их чином (спальникам, стольникам, стряпчим, дворянам), дозволялось зимой ездить в санях на одной лошади, а летом – верхами. Подобно тому же дозволено было являться ко двору сообразно чину. Предстояло еще одно важное преобразование: в декабре 1681 года последовал указ прислать в Москву выборных людей торгового сословия со всех городов (кроме сибирских), а также из государевых слобод и сел «для уравнивания людей всякого чина в платеже податей и в отправлении выборной службы». Но этот собор, насколько нам известно, не состоялся.

Царь между тем день ото дня ослабевал, но его ближние поддерживали в нем надежду на выздоровление, и он вступил в новый брак с Марфой Матвеевной Апраксиной, родственницей Языкова. Первым последствием этого союза было прощение Матвеева.

Сосланный боярин несколько раз писал царю из ссылки челобитные, оправдывая себя от ложно взведенных на него обвинений, просил ходатайства патриарха, обращался к разным боярам и даже к своим врагам; так, например, он писал злейшему из своих врагов Богдану Матвеевичу Хитрову, убеждал вспомнить прежнюю милость его к нему и «работишку его», Матвеева; поручал просить о том же боярыню Анну Петровну, которая, как мы сказали, постоянно клеветала на Матвеева: «Я, – писал он из Пустозерска, – в такое место послан, что и имя его настоящее Пустозерск: ни мяса, ни калача купить нельзя; хлеба на две денежки не добудешь; один борщ едят да муки ржаной по горсточке прибавляют, и так делают только достаточные люди; не то что купить, именем Божиим милостыни выпросить не у кого, да и нечего. А у меня, что по милости государя не было отнято, то все водами, горами и переволоками потоплено, растеряно, раскрадено, рассыпано, выточено...» В 1680 году после бракосочетания царя с Грушецкой Матвеева в виде облегчения перевели в Мезень с сыном, с учителем сына шляхтичем Поборским и прислугой, всего до 30 человек, давали ему 156 рублей жалованья и, кроме того, отпускали хлебного зерна, ржи, овса, ячменя. Но это мало облегчило его участь. Снова умоляя государя даровать ему свободу, Матвеев писал, что таким образом «будет на день нам, холопом твоим, и сиротам нашим по три денежки...» «Церковные противники, – писал Матвеев в том же письме, – Аввакумова жена и дети получают по грошу на человека, а малые – по три денежки, а мы, холопы твои, не противники ни церкви, ни вашему царскому повелению». Впрочем, мезенский воевода Тухачевский любил Матвеева и старался чем только мог облегчить судьбу сосланного боярина. Главный недостаток состоял в том, что в Мезени трудно было доставать хлеб. Жители питались дичью и рыбой, которые были там в большом изобилии, но от недостатка хлеба там свирепствовала цинга.

В январе 1682 года, как только царь объявил своей невестой Марфу Апраксину, был отправлен капитан Стремянного полка Иван Лишуков в Мезень с указом объявить боярину Артамену Сергеевичу Матвееву и его сыну, что государь, признав их невиновность, приказал вернуть их из ссылки, возратить им двор в Москве, подмосковные и другие вотчины и пожитки, оставшиеся за раздачей и продажей; пожаловал им в вотчину из дворцовых сел

¹⁵⁴ Тогда же был, вероятно, составлен проект, по которому бояре, окольные и думные люди разделялись на степени не по роду, а по занимаемым ими местам. Таким образом, боярам давались разные названия: одним по городам, над которыми их назначили наместниками (например, наместник астраханский занимал между наместниками четвертое место по важности города, а между боярами – вообще одиннадцатую степень; псковский между наместниками пятое место, между боярами – тринадцатую степень; смоленский между наместниками шестое место, между боярами – одиннадцатую степень и т. д.), другим – чины, переведенные с греческого языка и заимствованные из византийской придворной жизни, например, боярин над пехотой, боярин над конной ратью, боярин и дворецкий и т. д. В этом проекте, не приведенном в исполнение, вероятно, из-за смерти царя Федора, виден зародыш той чиновничьей лестницы, которую создал Петр таблицью о рангах.

Верхний Ландех с деревнями (в Суздальском уезде) и приказал свободно отпустить боярина с сыном в город Лух, дав им подорожную и ямские подводы, а в Лухе дожидаться нового царского указа. Этой милостью Матвеев был обязан просьбе царской невесты, которая была его крестницей. Хотя царь и объявил, что признает Матвеева совершенно невинным и ложно оклеветанным, хотя перед освобождением Матвеева велел отправить в ссылку одного из его клеветников, врача Давида Берлова, но не решился, однако, возвратить боярина в Москву – очевидно, препятствовали царские сестры, ненавидевшие Матвеева, и молодая царица не имела еще настолько силы, чтобы привести царя к такому поступку, который бы до крайности раздражил царевен. Тем не менее, однако, молодая царица в короткое время приобрела столько силы, что примирила царя с Натальей Кирилловной и царевичем Петром, с которыми, по выражению современника, у него были «неукротимые несогласия». Но недолго пришлось царю жить с молодой женой. Через два месяца с небольшим после своей свадьбы, 27 апреля 1682 года, он скончался, не достигнув 21 года от рождения.

Царевна Софья

События, последовавшие по смерти царя Федора, резко бросаются в глаза своим несходством с прежними явлениями исторической жизни в России. Во главе правления стала девица – событие небывалое до того времени на Руси. Но не следует видеть в нем признак коренного изменения понятий, господствовавших в России; событие это совершилось само собой вследствие того, что царская семья очутилась в таких условиях, в каких не была прежде. Царские дочери до тех пор жили затворницами, никем не видимые, кроме близких родственников, и не смели даже появляться публично. Это зависело главным образом от того монашеского взгляда, который господствовал при московском дворе и дошел до высшей степени силы при Романовых. Боязнь греха, соблазна, искушения, суеверный страх порчи и сглаза – все это заставляло держать царевен взаперти. Величие их происхождения не допускало выдачи их в замужество за подданных, а отдавать их за иностранных принцев было трудно, потому что тогдашнее благочестие приходило в соблазн при мысли о брачном союзе с неправославными. Надобно заметить, что вообще уединение женщин, а в особенности девиц, господствовавшее в высшем классе московских людей, исходило не из народных обычаев и не было тем гаремным положением женского пола, на которое он осужден на Востоке; оно происходило из опасения греха и соблазна, истекало из того благочестия, которое считало монашество высшим богоугодным образцом жизни и признавало нравственным долгом каждой христианской души приближаться к этому образцу¹⁵⁵. Теремное удаление женщин от общества могло быть то строже, то слабее, смотря по тому, в какой степени круг, в котором они жили, подчинялся такому монашескому взгляду. Где было больше желания, чтобы дом походил на монастырь, там от женщины ради сохранения ее целомудрия, не только телесного, но и душевного, требовали строгого затворничества; где, напротив того, меньше к этому стремились, там и женщина была менее связана. Притом же ум всегда очень уважался на Руси; и умной личности женского пола нетрудно было заявить себя, если только в том семейном кругу, в котором она находилась, ослабнут связывавшие ее путы монашеских приличий. Дочери царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, людей крайне набожных и строго соблюдавших всякую мелочную обрядность благочестия, естественно, были осуждены на теремное заключение при жизни своих отцов и выходили только в церковь. Постоянный строгий надзор тяготел над ними. Но со смертью Алексея Михайловича этот надзор прекратился. Мачеху они не терпели и притом не считали себя нравственно обязанными повиноваться еще слишком молодой женщине. Старший брат Федор был в таком состоянии, что не только не мог присматривать за сестрами, а сам нуждался в присмотре и уходе; другой брат, Иван, был молод и слабоумен, о Петре и говорить нечего, потому что он был еще ребенок. Шестеро царевен очутились на полной свободе, могли вести себя, как угодно; по их сану никто из подданных не смел им перечить. Некоторые из них воспользовались своей свободой только для того, чтобы нарядиться в польское платье, или же для того, чтобы заводить любовные связи; но третья из них по возрасту, Софья, хотя также вела далеко не постную жизнь, но отличалась от других замечательным умом и способностями. Она более своих сестер приблизилась к Федору и почти не отходила от него, когда он страдал своими недугами; таким образом, она приучила бояр, являвшихся к царю, к своему присутствию, сама привыкла прислушиваться к разговорам о государственных делах и, вероятно, до известной степени уже участвовала в них при своем передовом уме. Ей было тогда за 25 лет. Иностранцам она вовсе не казалась красивой и отличалась тучностью, но последняя на Руси считалась красотой в женщине.

---

¹⁵⁵ От этого женщина пожилая свободно обращалась в обществе, и если была умна, то пользовалась даже некоторым значением.

Царевна Софья. Гравюра 1850 г.

Смерть царя Федора сразу же возбудила важный вопрос: кто будет царем? Положение было почти такое же, как после смерти Грозного. Из двух царевичей старший Иван был слабоумен, болезнен и вдобавок подслеповат, младший Петр был десяти лет, но выказывал уже необычайные способности. Возведение Ивана на престол повлекло бы за собой на все время его царствования необходимость передать правление в чужие руки и, естественно, прежде всего усилило бы значение власти Софьи, как самой умной из особ царской фамилии. Избрание Петра потребовало бы также боярской опеки на непродолжительное время. Нужно было решить вопрос тотчас же, и вот в самый день смерти Федора, как только удар колокола возвестил Москве о кончине царя, бояре съехались в Кремль. Большинство из них было уже на стороне Петра; главными руководителями его партии были два брата Голицыных, Борис и Иван, и четверо Долгоруких (Яков, Лука, Борис и Григорий), Одоевские, Шереметевы, Куракин, Урусов и др. Эти бояре прибыли на совет даже в панцирях, опасаясь смятения. Бывший царский любимец Языков не выказывал явного расположения ни к той, ни к другой стороне.

Патриарх Иоаким как самое почетное лицо после царя председательствовал в этом совете духовных и светских сановников и держал к ним речь о необходимости немедленного выбора

между двумя братьями умершего бездетного царя – «скорбным главою» Иоанном и отроком Петром. Он спрашивал: кого желают избрать царем? Совет разделился; большинство было за Петра, некоторые поддерживали право первородства царевича Ивана. Чтобы прекратить недоумение, патриарх предложил совершить избрание царя согласием всех чинов Московского государства.

Немедленно были созваны на Кремлевскую площадь служилые, всякого звания гости, торговые, тяглые и всяких чинов выборные люди.

За несколько месяцев перед тем, в декабре 1681 года, царь Федор указал созвать земский собор «для уравниения людей всякого чина в платеже податей и в отправлении выборной службы». Выборные люди были тогда налицо в Москве и могли явиться по зову патриарха для выбора царя немедленно в Кремль именно потому, что уже находились в Москве по другому делу.

Выборные люди были спрошены с Красного крыльца патриархом в таком смысле:

«Изволением и судьбами Божиими великий государь царь Федор Алексеевич всея Великия, и Малыя, и Белыя России, оставя земное царствие, переселился в вечный покой. Остались по нем братья его, государевы чада: великие князья Петр Алексеевич и Иоанн Алексеевич. Кому из них быть преемником? Или обоим вместе царствовать? Объявите единодушным согласием намерение свое перед всем ликом святительским, и синклитом царским, и всеми чиновными людьми».

Неудивительно, что все чины Московского государства высказались в пользу Петра. Слабоумие Ивана было всем известно. Вероятно, многим также были известны и проблески необыкновенных способностей младшего царевича. Выборные закричали:

«Да будет единый царь и самодержец всея Великия, и Малыя, и Белыя России царевич Петр Алексеевич!»

Но раздалась и противные голоса. Главным крикуном был дворянин Максим Исаевич Сумбулов. Он начал доказывать, что первенство принадлежит Ивану Алексеевичу¹⁵⁶. Его поддерживали немногие, особенно из стрельцов. Патриарх снова сделал вопрос: «Кому на престоле Российского царства быть государем?»

Раздалась было снова голоса в пользу Ивана, но их покрыл громкий крик:

«Да будет по избранию всех чинов Московского государства великим государем царем Петр Алексеевич».

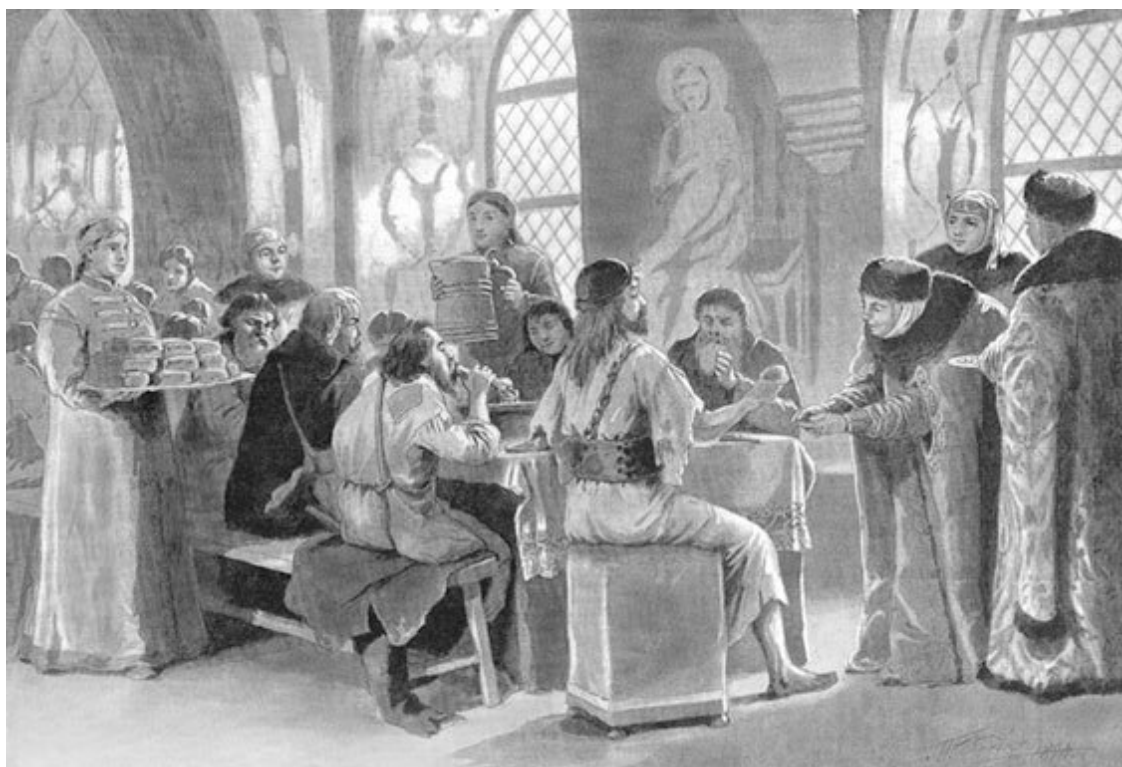
Новоизбранный царь находился в это время в хоромах, где лежало тело Федора. Патриарх и святители отправились к нему, нарекли царем и благословили крестом, а потом посадили на престоле, и все бояре, дворяне, гости, торговые, тяглые и всяких чинов люди принесли ему присягу, поздравляли его с восшествием на престол и подходили к царской руке.

Тяжело это было царевне Софье, но и она вместе с сестрами должна была подходить к Петру и поздравлять с избранием на царство сына ненавистной мачехи.

Во все концы Московского государства были отправлены гонцы приводить к присяге народ. Послали звать Матвеева в Москву.

---

¹⁵⁶ Впоследствии Сумбулов за это был пожалован Софьей думным дворянином; но когда Петр взял верх, Сумбулов удался в Чудов монастырь.

М.П. Клодт. Угощение нищих и странников в Тереме царицы

Царевна Софья Алексеевна

На следующий день совершалось погребение Федора. Труп царя несли стольники в санях, а за ним в других санях несли молодую вдову Марфу Матвеевну. Софья только одна из царевен в противность обычаю шла за гробом, рядом с Петром, которому одному как царю следовало присутствовать при погребении по тогдашнему церемониалу. Софья так громко голосила, что покрывала вопль целой толпы черниц, которые по обряду должны были причитывать над умершим. По окончании погребения Софья, возвращаясь домой, всенародно вопила и причитывала: «Брат наш, царь Федор, нечаянно отошел со света отравой от врагов. Умилосердитесь, добрые люди, над нами, сиротами. Нет у нас ни батюшки, ни матушки, ни брата царя. Иван, наш брат, не избран на царство. Если мы чем перед вами или боярами провинились, отпустите нас живых в чужую землю к христианским королям...»

Народ был сильно встревожен словами Софьи, а особенно был озадачен обвинением кого-то в отравлении царя.

В тот же день начались пререкания у Софьи с царицей Натальей. Петр, не дождавшись конца длинного обряда погребения царя, простился с мертвым братом и ушел. Софья, вернувшись во дворец, послала от имени всех сестер-монахинь упрекать царицу Наталью: зачем молодой царь ушел до окончания погребения. «Дитя долго не ело», – отвечала Наталья Кирилловна. Ее брат Иван Нарышкин при этом сказал: «Кто умер, тот пусть лежит, а царь не умер».

Нарышкины тотчас подняли голову, особенно этот самый молодой Иван Кириллович, недавно вернувшийся из ссылки; он начал высокомерно обращаться с боярами и хотел разыгрывать роль правителя государства за малолетством царя. Все видели и замечали, что по молодости лет это ему вовсе не пристало.

Царь Иван Алексеевич

Казалось, трудно было оспорить законность царствования Петра, царского сына, избранного волей земли. Нарушение народной воли могло совершиться только путем бунта, и для этого в Москве нашелся готовый, горячий материал. В царствование Алексея Михайловича, как мы уже говорили, во времена беспрестанных бунтов стрельцы были верными охранителями царской особы. Царь ласкал их преимущественно перед другими служилыми людьми. Они получали лучшее против других жалованье, не участвуя в тягле, могли свободно заниматься торговлей и промыслами, даже богатый наряд их показывал особую благосклонность к ним царя: их кафтаны украшались разноцветными, шитыми золотом перевязями, на ногах у них были цветные сафьянные сапоги, а на головах бархатные шапки с собольими опушками. Царские милости и отличия вскоре привели их, однако, к тому, что они начали зазнаваться и неохотно терпели то, что безропотно сносили все русские люди того времени. Их начальники обращались с ними так, как вообще в то время обращались начальники с подчиненными: посы-

лали их работать на себя, заставляли покупать на собственный счет нарядную одежду, которая должна была им идти от казны, удерживали их жалованье в свою пользу, били батогами, переводили против воли из города в город и т. п. Еще зимой, при жизни Федора, стрельцы подали жалобу на своих начальников, но Иван Максимович Языков, который разбирал эту жалобу, приказал перепороть кнутом челобитчиков. В апреле, за несколько дней перед смертью царя, целый полк бил челом на своего полковника Семена Грибоедова, что он своих подчиненных обирает, бьет, посылает на себя работать и т. п. На этот раз Языков, разобрав дело, приказал Грибоедова посадить в тюрьму, а вслед за тем Грибоедов по царскому указу лишен полковничьего чина, вотчин и сослан в Тотьму. По воцарении Петра стрельцы смекнули, что теперь на «верху» будут в них нуждаться, и 30 апреля подали челобитную разом на всех своих полковников, числом шестнадцать, кроме того, на одного генерал-майора солдатского Бутырского полка; вместе с тем они грозили, что расправятся сами, если им не учинят правосудия. Бояре, заправлявшие тогда делами, боялись раздражить выходящую из терпения вооруженную толпу и думали привязать к себе стрельцов уступчивостью: они дали челобитчикам обещание отставить полковников и тотчас велели посадить этих полковников под стражу в Рейтарском приказе, но стрельцы требовали выдачи их головою для расправы им самим и не довольствовались обещанием наказать виновных по розыску. Патриарх хотел во что бы то ни стало предупредить самовольную расправу стрельцов над своими начальниками, так как она могла послужить примером и поводом всеобщего неуважения к власти; патриарх отправил по всем полкам духовных лиц уговаривать, чтобы стрельцы ничего не делали своим полковникам и ожидали царской расправы. Стрельцы соглашались предоставить расправу правительству, но единогласно требовали, чтобы с виновных были взысканы взятые ими неправильно поборы и чтобы, кроме того, они были наказаны батогами.

На следующий день, первого мая, были удалены из дворца Языков с сыном и Лихачевы с их друзьями. Это было сделано, с одной стороны, в угоду стрельцам, с другой – оттого, что Нарышкины не любили их. Вместо отставленных стрелецких полковников были назначены другие, угодные стрелецкому кругу, а обвиненных вывели перед Рейтарским приказом для наказания и правежа. Стрельцы подавали на них счета. Им верили на слово без всякого исследования. Сначала полковников одного за другим, раздев, «кляли на землю», и в присутствии целой толпы стрельцов двое палачей били их батогами до тех пор, пока стрельцы не закричат «довольно». Тех, на кого особенно были злы стрельцы, кляли по два и по три раза; другим досталось меньше. Это было собственно наказание; затем следовал правеж, продолжавшийся целых восемь дней. Несчастных полковников били ежедневно два часа по ногам до тех пор, пока они не заплатили того, что на них насчитывали; в заключение их выслали из Москвы.

Нарышкины и их сторонники потачкой, данной стрельцам, сами, так сказать, разлакомили их к самоуправству и заохотили к бунтам. Теперь стрельцам все стало нипочем. Они толпами ходили по улицам, грозили боярам, дерзко обращались со своими начальниками, а некоторых даже сбросили с каланчи. Тут-то сторонники Софьи нашли удобный случай обратиться разнузданное войско для перемены правительства. Выборные люди, избравшие Петра на царство, 6 мая были распущены; собор об уравнении податей и служб был отсрочен. Быть может, это сделалось по козням тех, кто замышлял переворот. Трудно решить, в какой степени сама Софья заправляла этим делом, но она, без сомнения, знала о замысле поднять стрельцов, составленном ее благоприятелями. Главными зачинщиками были: боярин Иван Михайлович Милославский, двое Толстых и князь Иван Хованский, прозванный «Тараруем». Хованский, призвав к себе одного за другим влиятельных стрельцов, говорил им: «Видите, в каком вы теперь ярме у бояр; а кого царем выбрали? Стрелецкого сына по матери; теперь уже не дают вам ни платья, ни корму, а что дальше будет? Станут отправлять вас и сынов ваших на тяжелые работы, отдадут вас в неволю постороннему государю. Москва пропадет; веру православную искоренят. С королем польским вечный мир постановили по Поляновскому договору! От

Смоленска отrekliсь... Теперь пусть Бог наш благословит защищать отечество наше: не то что саблями и ножами, зубами надобно кусаться...» Такие подущения начали распространяться между стрельцами; какая-то малороссиянка, Федора Родимица, шаталась среди них и раздавала деньги от имени Софьи. Из новопоставленных стрелецких начальников некоторые тайно ходили к боярину Милославскому, который тогда притворился больным и никуда не выходил из дому, и сделались горячими сторонниками предполагаемого переворота. Из этих стрелецких начальников более всех действовал тогда подполковник Циклер. Возмутители волновали стрельцов рассказами о том, будто бы Нарышкины намерены произвести розыск над стрельцами, которые силой истребовали наказание своим начальникам; будто бы зачинщиков хотят казнить, других рассылать по городам и вообще забрать стрельцов в крепкие руки.

День ото дня возрастало между стрельцами волнение при помощи распространяемых всякого рода слухов и сплетен. 11 мая приехал в Москву Артамон Сергеевич Матвеев. Зная, какая роль ожидает его при новом царе, все спешили к нему с поздравлением, и сами стрельцы поднесли ему хлеб-соль. Артамон Сергеевич с первого же раза высказал неодобрение последним действиям правительства. Он был недоволен уже и тем, что братьев царицы Натальи слишком рано по их летам возвели в высшее достоинство: один из них, Иван, был сделан боярином и оружничим, едва достигнув 23-летнего возраста. Но еще более порицал Матвеев крайнюю слабость, выказанную по отношению к стрельцам, и говорил: «Они таковы, что если им хоть немного попустить узду, то они дойдут до крайнего бесчинства...» Эти слова тотчас стали известны между стрельцами, и Матвеев сделался у них врагом. Два дня спустя, 14 мая, стала ходить среди стрельцов такая сплетня: брат царицы Натальи Иван надевал на себя царский наряд, садился на трон, примеривал на свою голову царский венец и говорил, что он ему идет лучше, чем кому-нибудь другому; вдова царя Федора Марфа Матвеевна, царевна Софья и царевич Иван стали его за это укорять, а он бросился на царевича и, верно, задушил бы его, если бы царица и царевич не закричали и на крик их не прибежали караульные и не отняли царевича из рук Нарышкина. Эта сплетня была пущена только предварительно, чтобы приготовить стрельцов к другому слуху, который должен был сильнее взволновать их. 15 мая, во вторник, в полдень, когда бояре собрались на совет, между стрельцами раздался крик: «Иван Нарышкин задушил царевича Ивана Алексеевича!» Самый день был выбран как бы преднамеренно, чтобы напомнить об убиении Димитрия царевича, совершенном именно 15 мая. Поднялась тревога: стрельцы схватились за оружие, ударили в набат во многих церквях; огромная толпа со знаменами и с барабанным боем бросилась с криками в Кремль. Затворить от них ворота не успели. В Кремле стояло много боярских карет. Стрельцы напали на кучеров, побили их, перерубили лошадям ноги и бросились на дворец. Бояре метались, не зная, что им делать; немногие из них успели выскочить из Кремля; другие в страхе прятались по углам во дворце. Стрельцы вопили: «Давайте сюда губителей царских, Нарышкиных! Они задушили царевича Ивана Алексеевича! А не дадите – всех предадим смерти!» Тогда по совету Матвеева и патриарха царица Наталья, взяв за руки царевичей Петра и Ивана, в сопровождении патриарха и бояр вышла на Красное крыльцо. Стрельцы, уверенные, что царевича Ивана нет на свете, были поражены его появлением и спрашивали: «Точно ли ты прямой царевич Иван Алексеевич?» Иван отвечал, что «он жив, никто не думал его изводить, ни на кого не имеет злобы и ни на кого не жалуется». Но стрельцы, настроенные возмутителями, закричали: «Пусть молодой царь отдаст корону старшему брату! Выдайте нам всех изменников! Выдайте Нарышкиных; мы весь их корень истребим! Царица Наталья пусть идет в монастырь!»

Патриарх сошел было с лестницы и стал уговаривать мятежников, но они закричали ему: «Не требуем совета ни от кого; пришло нам время разобрать: кто нам надобен!» Между стрельцами было много раскольников, и потому понятно, что увещания патриарха не подействовали. Стрельцы мимо патриарха вломились на крыльцо. Большинство бояр в ужасе убежали с крыльца во дворец, но не убежали с ними начальник Стрелецкого приказа Михаил Юрье-

вич Долгорукий, Артамон Сергеевич Матвеев и Михаил Алегукович Черкасский. Долгорукий прикрикнул было на стрельцов, пригрозил им виселицей и колом. Но стрельцы за это сбросили его с крыльца на расставленные копы и изрубили в куски; потом стрельцы бросились на Матвеева. Матвеев отодвинулся от них к царице, взял за руку Петра. Стрельцы оттащили его от царя. Князь Черкасский стал отбивать Матвеева у стрельцов, повалил его на землю, лег на него, закрывая его собою. Стрельцы избili Черкасского, разорвали на нем платье, вытащили из-под него Матвеева и сбросили на копы. Царица в ужасе убежала с сыном и царевичем в Грановитую палату.

Стрельцы ворвались во дворец; у них был список обреченных на смерть, заранее составленный возмутителями, числом до сорока человек. Их первой жертвой во дворце были оставленный стрелецкий начальник Горюшкин и Юрнев, которые вздумали было защищать вход во дворец. Но главной целью поисков мятежников были Нарышкины. Стрельцы бегали по царским покоям, заглядывали в чуланы, шарили под кроватями, переворачивали постели, тыкали копыями в престол и жертвенники в придворных церквах, везде искали Нарышкиных и, приняв за Афанасия Нарышкина молодого стольника Федора Салтыкова, убили его, а узнав о своей ошибке, послали тело убитого с извинением к его отцу. Думный дьяк Ларионов спрятался, по одним известиям, в трубу, по другим – в сундук; его вытащили, сбросили с крыльца на копы и рассекли на части: «Ты, – кричали они, – заведовал Стрелецким приказом и нас вешал! Вот тебе за это!» Тогда же ограбили его дом и нашли у него каракатицу, которую он держал в виде редкости. «Это змея, – кричали стрельцы, – вот этою-то змеею он отравил царя Федора». Затем убили Ларионова сына Василия, за то, что знал про змею у отца и не донес. Наконец стрельцы добрались до Афанасия Нарышкина, брата царицы Натальи; они нашли его под престолом церкви Воскресения на Сенях: его указал им карлик царицы Хомяк. Стрельцы вытащили Афанасия, поволокли на крыльцо и сбросили на копы. Но Ивана Нарышкина никак не могли найти. Он запрятался в терем восьмилетней царевны Натальи, младшей сестры Петра.

Царевна Софья угощает стрельцов

Между тем другие стрельцы поймали в Кремле между Чудовым монастырем и патриаршим двором князя Григория Ромодановского с сыном Андреем. Они истязали старика, рвали

ему волосы и бороду. «Помнишь, – кричали они, – какие ты нам обиды творил под Чигирином, как холодом нас морил, ты сдал Чигирин туркам изменою». Ромодановского с сыном постигла такая же участь, как и других. «Любо ли? Любо ли?» – кричали убийцы, расправляясь со своими жертвами, а другие, махая шапками, кричали в ответ: «Любо! Любо!» Изуродованные тела убитых стрельцы тащили на площадь; перед ними в поругание, как будто для почета, шли другие стрельцы и кричали: «Боярин Артамон Сергеевич Матвеев едет! Боярин Долгорукий! Боярин Ромодановский едет! Дайте дорогу!»

Выступив из Кремля, стрельцы бросились в дом князя Юрия Долгорукого и стали извиняться, что убили его сына Михаила за угрозы им. Старик приказал отворить им свои погреба. Стрельцы ковшами напились боярского меду и вина и ушли со двора, как вдруг за ними вслед побежал холоп князя Долгорукого и донес им, что старый князь сказал своей невестке, жене убитого Михаила: «Не плачь, шуку съели, да зубы остались; скоро придется им сидеть на зубах Белого и Земляного города». Услышав это, стрельцы вернулись в дом Долгорукого, схватили больного старика, изрубили, выбросили за ворота на навозную кучу, а поверх трупа наложили соленой рыбы и приговаривали: «Ешь, князь, вкусно! Это тебе за то, что наше добро ел»¹⁵⁷. День тогда был ясный, но к вечеру поднялась такая буря, что москвичам казалось, что наступает преставление света. На ночь стрельцы расставили караулы в Кремле и Белом городе, чтобы никого не пропускать, в надежде на другой день продолжать свою расправу.

На следующий день, часов в десять утра, опять раздался набат; стрельцы с барабанным боем и криками явились ко дворцу и требовали выдачи Ивана Нарышкина. Им ответили, что его нет. Стрельцы снова ворвались во дворец искать свою жертву, убили думного дьяка Аверкия Кириллова, убили бывшего своего полковника Дохтурова, потребовали выдачи иноземного врача Даниэля, которого обвиняли в отравлении Федора, и так как нигде не могли найти его, то в досаде убили его помощника Гутменьша и 22-летнего Даниэлева сына, Михаила; хотели было умертвить и Даниэлеву жену, но царица Марфа Матвеевна выпросила ей жизнь. Несмотря на все поиски, стрельцы все-таки не могли отыскать Ивана Нарышкина. Царицына постельница Клушина запрятала его в чулан и заложила подушками. Стрельцы шарили повсюду, тыкали копьями подушки, за которыми скрывался боярин, но не нашли его. Вместо него по ошибке был убит схожий с ним юноша, родственник Нарышкиных, Филимонов. Хотели было тогда стрельцы умертвить отца царицы Натальи; царица слезами вымолила ему жизнь. Стрельцы согласились пощадить его только с тем, чтобы он немедленно был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь и постригся в монахи. Трех его несовершеннолетних сыновей приговорили также отправить в ссылку.

Не найдя Ивана, толпа с криками и непристойными ругательствами вышла из Кремля, расставив опять караулы у ворот. Они кричали, что не усмирятся до тех пор, пока им не выдадут Ивана Нарышкина и доктора Даниэля. По всей Москве происходило бесчинство; были и убийства. Тогда погиб и бывший любимец Федора Языков, которого нашли в доме одного священника. Ему отрубили голову на площади.

17 мая, рано утром, в Немецкой слободе поймали в одежде нищего и в лаптях несчастного Даниэля. Опять ударили набат; стрельцы, напившиеся до безобразия, в одних рубахах с бердышами и копьями шли огромной толпой ко дворцу и впереди вели свою жертву; к ним вышла царица Марфа Матвеевна и царевны. Они уверяли разъярившихся стрельцов, что Даниэль невиновен, что они сами отведали лекарство, которое подавали царю. Все было напрасно. Даниэля повели в застенки, пытали, а потом рассекли на части.

Но стрельцы этим не удовольствовались, настойчиво требовали выдачи Ивана Нарышкина и говорили, что не уйдут из дворца, пока им не выдадут его.

¹⁵⁷ Тогда же другие стрельцы замучили одного из Нарышкиных, по имени Иван Фомич, в его собственном доме на Замоскворечье.

Тут царевна Софья начала говорить царице Наталье: «Никоим образом нельзя тебе избыть, чтоб не выдать Ивана Кирилловича Нарышкина. Разве нам всем пропадать из-за него?»

Царица отправилась с царевной в церковь Спаса за Золотой Решеткой и приказала привести туда Ивана.

Иван Нарышкин вышел из своего закоулка, причастился Св. Тайн и соборовался. Софья изъявляла сожаление о его судьбе и сама дала царице Наталье образ Богородицы, чтобы та передала своему брату. «Быть может, – говорила Софья, – стрельцы устроятся этой святой иконы и отпустят Ивана Кирилловича». Бывший при этом боярин Яков Одоевский сказал царице Наталье: «Сколько тебе, государыня, ни жалеть брата, а отдать его нужно будет; и тебе, Иван, идти надобно поскорее. Не всем из-за тебя погибнуть».

Царица и царевна с Нарышкиным вышли из церкви и подошли к Золотой решетке, за которой уже ждали стрельцы. Отворили решетку; стрельцы, не уважая ни иконы, которую нес Нарышкин, ни присутствия царственных женщин, бросились на Ивана с непристойной бранью, схватили за волосы, стащили вниз по лестнице и проволокли через весь Кремль в застенок, называемый Константиновским. Там его подвергли жестокой пытке, оттуда повели на Красную площадь, подняли на копьях вверх, потом изрубили на мелкие куски и втоптывали их в грязь.

Стрельцы московских стрелецких полков в 1674 г.

Стрелецкое возмущение тотчас повлекло за собой и другие смуты: взбунтовались боярские холопы. Стрельцы им потакали и вместе с ними напали толпой на Холопий приказ, разломали сундуки, отбили замки, разорвали кабальные книги и разные государевы грамоты. Стрельцы, присваивая себе право распоряжаться законодательством, кричали: «Даем полную волю на все четыре стороны всем слугам боярским. Все крепости на них разодраны и разбросаны». Но большая часть освобожденных холопов возвращалась к своим прежним господам, а иные воспользовались своей свободой, чтобы вновь закабалить себя другим.

Царевна Софья как бы из желания прекратить бесчинства призвала к себе выборных стрельцов и объявила, что назначает на каждого стрельца по десять рублей. Эта сумма независимо от обычного жалованья, идущего стрельцам, будет собрана с крестьян, имений церковных и приказных людей. Сверх того стрельцам предоставлено было продавать имущество убитых и сосланных ими лиц¹⁵⁸. Наконец, по просьбе стрельцов положено было выплатить им, пушкарям и солдатам за несколько лет назад заслуженное жалованье, что составляло 240 000 рублей. Софья наименовала стрельцов «надворной пехотой» и уговаривала более никого не убивать и оставаться спокойными. Она назначила над ними главным начальником князя Хованского. Стрельцы очень любили его и постоянно величали своим «батюшкой». Кирилл Нарышкин был пострижен и отправлен в Кирилло-Белозерский монастырь.

Стрельцы составляли всю силу в Москве; стрельцы были преданы Софье, предавали ей в руки верховное правление, но ни Софья, ни стрельцы не dokonчили своего дела: на престоле все-таки оставался Петр, а за ним была Русская земля, избравшая его царем. Надобно было придать делу благовидность.

И вот по наущению Хованского, действовавшего ревностно в пользу Софьи, выборные стрельцы принесли царевне челобитную, писанную уже не только от имени стрельцов, но и «многих чинов Московского государства», в которой заявлялось желание, чтобы на престоле царствовали оба брата, а в заключение челобитной было сказано, что если кто тому воспротивится, то стрельцы опять придут с оружием и будет «немалый мятеж». Софья передала эту просьбу боярской думе. Думные люди собрались в Грановитой палате, пригласили патриарха и властей. Некоторые, посмелее, заикнулись было, что двум царям быть не приходится, но другие сообразили, что если станут противиться, то их постигнет судьба Матвеева и других думных людей, противных стрельцам, и сочли, что лучше им теперь же заслужить благосклонность Софьи и стрельцов. Они стали доказывать, что двуцарствие будет не только не вредно, но даже полезно для правления государством, и приводили примеры из византийской истории, когда разом царствовали двое государей. Для большего освящения этого нововведения нужно было утвердить его земским собором подобно тому, как и Петр получил царство через земский собор, но выборные люди, бывшие в Москве, уже разъехались. Собрать их вновь для нового выбора было опасно: могло выйти, что они стали бы упорно за свой прежний выбор, и служилые люди, дворяне и дети боярские по приговору собора принялись бы укрощать возникшее в Москве стрелецкое своеволие и посягательство произвести самовольно переворот в государстве. Прибегнули к обману: созвали разного звания людей, находившихся в Москве, готовых говорить то, что прикажут им стрельцы, и дали этому сборищу вид земского собора. Это сборище 26 мая единогласно приговорило быть на престоле двум царям и старшинство предоставить Ивану Алексеевичу. Через три дня, 29 мая, стрельцы подали боярам новую челобитную, чтобы по молодости обоих государей правление было вручено царевне Софье Алексеевне. Вслед за тем в разосланной во все концы государства грамоте извещалась вся Россия, что

---

¹⁵⁸ Сосланные тогда были, кроме Нарышкиных двое Лихачевых: постельничий Алексей и казначей Михайло Тимофеевичи; двое Языковых: окольный Павел Петрович и чашник Семен Иванович; сын Матвеева Андрей; двое думных дьяков, один думный дворянин, трое стольников и прежние сменные стрелецкие начальники.

по челобитью всех чинов Московского государства царевич Иван Алексеевич, прежде добровольно уступивший царство брату своему Петру, согласился после долгого отказа со своей стороны вступить на царство вместе с братом, а по малолетству государей царевна Софья Алексеевна, «по многом отрицании, согласно прошению братии своей, великих государей, склоняясь к благословию святейшего патриарха и всего священного собора, презирая милостивно на челобитие бояр, думных людей и всего всенародного множества людей всяких чинов Московского государства, изволила воспринять правление...» Затем объявлялось, что государыня царевна будет сидеть с боярами в палате, думные люди будут докладывать ей о всяких государственных делах, и ее имя будет писаться во всех указах с именами царей. Так совершалось похищение верховной власти при помощи войска, напоминавшего римских преторианцев и турецких янычар. Но образовавшееся вновь правительство находилось в необходимости потакать стрельцам, которые его создали и поддерживали.

Иван Кириллович Нарышкин

6 июня стрельцы опять подали челобитную, написанную стрельцом Алексеем Юдиным, самым близким человеком к Хованскому. Челобитная эта подавалась от имени не одних стрельцов, но также пушкарей, солдат, гостей, посадских людей, ямщиков и жителей московских слобод. Стрельцы представляли совершенное ими убийство верной службой государям

и просили, чтобы за такую службу на Красной площади был поставлен столп с написанными на нем именами «побитых злодеев» и с описанием преступлений, за которые они были убиты, чтобы стрельцам и людям других сословий, участвовавшим в убийствах, даны были похвальные жалованные грамоты за красными печатями, чтобы ни бояре и никто другой не смели обзывать их бунтовщиками и изменниками под страхом беспощадного наказания. Желая иметь на своей стороне торговых людей, стрельцы хотели угодить им и в той же челобитной домогались, чтобы во всех приказах и во всех городах, где только есть прием и расход царской казны, сидели выборные люди из торгового сословия. Зато челобитчики отказывались от всякого общения с боярскими людьми (холопами), которые стали «приобщаться к ним в совет», чтобы сделаться свободными. Правительство беспрекословно согласилось на все и издало печатную грамоту в смысле поданной челобитной. Стрелецким полковникам Циклеру и Озерову было поручено поставить столп на площади, какой хотели стрельцы.

Стрелецкий бунт возбудил надежду, что теперь можно добиться и других перемен. Поднялись раскольники, пораженные проклятием собора и преследуемые мирской властью. До сих пор самые рьяные из них бегали в леса, пустыни; другие, которых было гораздо больше, в страхе притаились и с виду казались покорными. В стрелецком звании было таких наполовину; Москва и подгородные слободы были наполнены раскольниками или склонными перейти в раскол. Как только они почуяли нетвердость тяжелой руки, давившей их, тотчас подняли голову. В Москве стали открыто расхаживать проповедники и поучали народ не ходить в оскверненную церковь, не креститься тремя перстами, не почитать четвероконечного креста. «Неучи-мужики и бабы, – говорит современник, – не знающие складов, толпами собирались тогда на Красной площади и совещались, как утвердить им старую веру, а чуть только кто противник скажет слово, на того сейчас нападут и всенародно прибьют, воображая, что этим они правую веру обороняют». Сам Хованский, и прежде втайне державшийся старообрядства, теперь заявил себя явно сторонником старой веры.

Стрельцы одного из полков, собравшись на сходку, положили составить челобитную государям против патриарха и просить восстановления старой веры, но среди них не нашлось мудреца, который мог бы хорошо сложить подобную челобитную. Такого мудреца нашли им жители Гончарной слободы в лице монаха по имени Сергей. Когда этот монах вместе с четырьмя слобожанами сложил челобитную и дал ее прочитать перед стрельцами своему товарищу Савве Романову, стрельцы изумились и пришли в умиление. «Мы еще не слыхали, – говорили они, – такого слога, такого описания ересей. Надобно, братия, постоять нам за старую веру и кровь свою пролить за Христа. Мы за тленное дело чуть голов своих не положили, а как не умереть за веру?»

Доложили Хованскому. Привели к нему Сергия. Сергей прочитал ему свою челобитную. Выслушав ее, Хованский похвалил сочинителей, но сказал: «Ты, отче, как я вижу, инок смирен, тих, немногословен, не будет тебя на такое великое дело; против них надобно ученому человеку ответ держать».

«Хоть я и немногословен, – ответил Сергей, – да верую словесам Сына Божия: не пецытеса, како и что возглаголите».

Но тут другие раскольники сказали, что когда придется до спора, то за это дело возьмется Никита Пустосвят, который хотя поневоле и покорился собору, но теперь крепко стоит за правую веру.

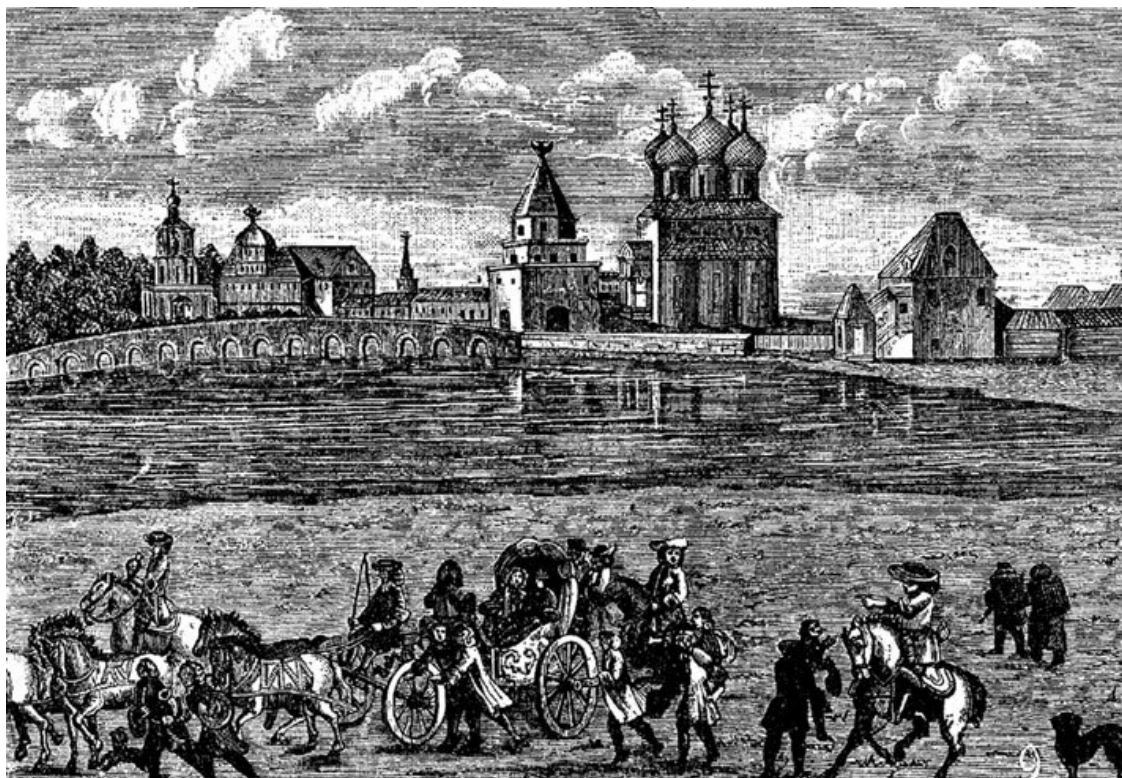
«Знал я его, – сказал Хованский, – против того им нечего говорить! Тот всем уста загородит! Никто не устоит против Никиты. Я вам во всем буду помогать, хоть сам и не искусен на это дело, а того и в уме своем не держите, чтоб вас по-старому стали казнить, вешать и жечь в срубах!»

Раскольники настаивали, чтоб собор был всенародно на Лобном месте или в Кремле, в присутствии царей и патриарха, в пятницу, 23 июня, до венчания царей, которое было назна-

чено в воскресенье. «Нам, – говорили они, – хочется, чтобы цари государи венчались в истинной православной вере христианской, а не в латино-римской». Хованский хотел было уговорить их отложить этот собор, уверяя, что цари будут венчаться по-старому, но раскольники настояли на своем, чтобы собор был в пятницу.

В назначенный день утром раскольники двинулись в Кремль стройным ходом. Никита нес крест, Сергей – Евангелие, другой монах, Савватий, – икону Страшного Суда. К ним приставали мужчины и женщины из народа, сами не понимая, что вокруг них делается. Хованский, показывая вид, что не знает, зачем пришли эти люди, вышел к ним в сопровождении приказных и спрашивал: «Коея ради вины приидосте, отцы честные?» Никита отвечал: «Приидохом великим государем челом побить о старой, православной христианской вере, чтоб велели патриарху служить по старым книгам, и служили бы на семи просфорах, а не на пяти, а крест на просфорах был бы истинный, тресоставный крест, а не крыж двоечастный. Если патриарх не изволит служить по старым книгам, так пусть велят ему государи дать нам правильное свое рассмотрение: зачем он по старым книгам не служит и нам возбраняет служить? Зачем предает проклятию и засылает в дальное заточение тех, что по старым книгам читают и поют?»

Село Измайлово

Пусть даст нам ответ на письме: какие ереси нашел он в старых книгах? Пусть ответит нам: благочестивы или неблагочестивы были прежние цари, великие князья и святейшие патриархи, которые по старым книгам служили и пели? А мы, Богу помогающе, вконец обличим всякия затейки и ереси в новых книгах».

Хованский взял от них челобитную, пошел во дворец и, возвратившись, сказал:

«Против этой челобитной будет дела недели на три; надобно книги свидетельствовать. Патриарх упросил государей до среды: в среду приходите после обедни». «А как же государей будут венчать?» – спросил Никита. «По-старому, как я вам говорил», – ответил Хованский. «Пусть патриарх служит литургию на семи просфорах, – сказал Никита, – и крест на просфорах пусть будет истинный, а не крыж».

«Вели же напечь просфор и принести сюда; я патриарху поднесу и велю служить по-старому», – отвечал Хованский. Раскольники разошлись.

В воскресенье толпы народа наполнили весь Кремль, ожидая выхода государей к венчанию. Никита с просфорами, испеченными некоей искусной вдовицей, отправился к собору, но не мог пробраться за толпой народа и в досаде вернулся назад. Совершилось венчание по обычному чину.

Раскольники хлопотали, чтобы все стрельцы подписались под челобитной и чтобы таким образом противники их увидели на стороне раскола опасную для себя силу. Тут оказалось, что раскол между стрельцами не так был крепок, как думали фанатики. Не все стрельцы и пушкари приложили руки к челобитной. Многие говорили: «Это дело не наше, а патриаршее. Если нам руки прикладывать, так и ответ надобно давать против патриарха и властей. Мы не умеем отвечать. Да сумеют ли и старцы дать ответ против такого собора? Они только намутят и уйдут». Но не прикладывая рук к челобитной, стрельцы все-таки положили на том, чтоб не давать никого жечь и вешать за веру.

3 июля явились к Хованскому выборные стрельцы по его приказанию.

«Все ли готовы стоять за старую веру?» – спросил их Хованский. «Не только стоять, но и умереть готовы», – отвечали ему. Хованский ввел их в Крестовую палату к патриарху. Патриарх ласково уговаривал их не мешаться в духовные дела, которые не касаются их как людей военных; но книжники, пришедшие вместе со стрельцами, надеясь на Хованского, вступили с патриархом в спор о старых и новых книгах и требовали, чтобы патриарх с властями вышел на Лобное место для всенародного прения о вере.

Настала среда 5 июля. Раскольники двинулись в Кремль. Никита нес крест; другие несли Евангелие, икону Страшного Суда, образ Богородицы, множество старых книг, налои, подсвечники со свечами. За ними валила огромная толпа народу. У Архангельского собора поставили налои, разложили образа и книги, зажгли свечи. Патриарх прежде всего выслал к ним священника с печатными тетрадами, в которых обличался Никита, как он на соборе принес повинную и отрекся от старой веры. Стрельцы набросились на этого священника и, вероятно, убили бы его, если бы его не спас монах Сергей, сочинитель челобитной. Священника поставили на скамье и велели начать чтение. Его прерывали постоянно криками и бранью; наконец Сергей сказал ему:

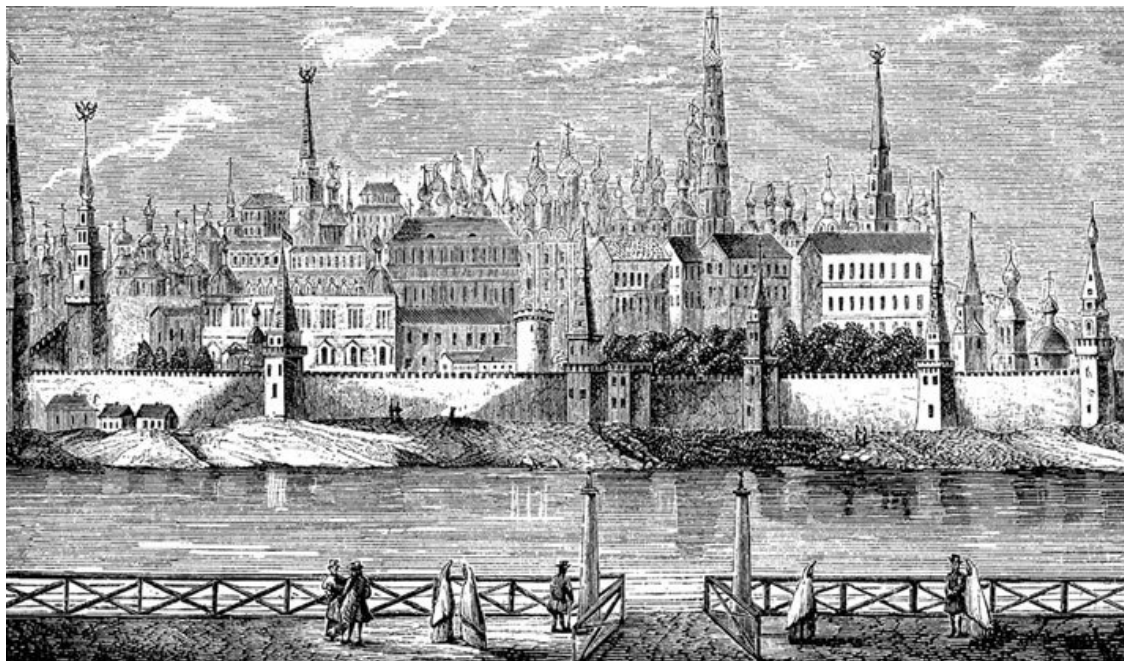
«Всеу трудишися, никто тебя не слушает!» Вместо священника стал читать сам Сергей свое обличение против церковного «пременения». Говорил к народу и Никита, стоя на подмостках, называл православные церкви хлевами и амбарами и приправлял свою речь разными непотребными словами.

Между тем от патриарха пришли звать раскольников в Грановитую палату: «Там будут царица и царевны, а перед всем народом им быть зазорно».

Тут народ завопил: «А! Патриарх стыдится перед всем народом дать свидетельство от божественных писаний. Здесь подобает быть собору, да и как поместиться в палате такому множеству!»

Во дворце произошло смятение. Патриарх не хотел выходить на площадь, а звал раскольников в Грановитую палату. Царевна Софья собиралась идти в Грановитую палату. Хованский стал уговаривать ее не ходить, говорил, что стрельцы поднимут бунт и патриарху будет худо, а если она туда пойдет с боярами, то всех побьют. Софья поняла, в чем дело, видела, что Хованский хочет действительно поднять бунт против патриарха, и потому намеревается устроить так, чтобы присутствие царевны не стесняло буйства раскольников; с другой стороны, она была уверена в преданности к себе стрельцов. «Да будет воля Божия, – сказала Софья, – я не оставлю церкви Божией и ея пастыря!»

Вместе с Софьей решились идти в Грановитую палату царица Наталья Кирилловна и царевны Татьяна Михайловна и Марья Алексеевна.

Москва в конце XVII – начале XVIII в.

Хованский обратился к боярам и говорил: «Пожалуйте, попросите царевну, чтоб она не ходила в Грановитую палату с патриархом.

А если вас не послушает, то пусть будет вам известно, что нас всех побьют, как недавно нашу братью побили, и разграбят дома наши».

Приступили бояре к Софье, умоляли освободить и себя, и всех их от напрасной смуты. Софья отвечала: «Я готова за святую церковь положить свою голову».

Затем, обратившись к Хованскому, она сказала: «Посылай святейшего патриарха, чтобы он со всеми властями и книгами шел к нам в Грановитую палату».

Хованский исполнил приказание. Было уже около четырех часов пополудни. Патриарх, напуганный Хованским, в ужасе, со слезами, не чая себе живота, отправил вперед себя множество книг и рукописей греческих и славянских. С ними пошли холмогорский архиепископ Афанасий, воронежский Митрофан, тамбовский Леонтий и несколько других духовных. Обилие древних книг должно было показывать противникам, что у православных есть сильные средства защиты. За ними следовал и патриарх с восемью митрополитами и четырьмя архиепископами. Звонили в колокола.

Все уселись по чину в Грановитой палате; на царском троне села Софья с теткой Татьяной, а близ них царица Наталья и царевна Марья¹⁵⁹. Были с ними бояре и думные люди. Хованский пригласил Никиту и Сергия в Грановитую палату и поклялся, что им ничего дурного не будет.

Тогда Никита и его товарищи взяли крест, Евангелие, свечи, налои, положили книги на головы и двинулись на Красное крыльцо. Тут произошла драка. По известиям раскольников, ее причиной было то, что какой-то православный поп зацепил Никиту за волосы, а стрельцы начали тузить попов. Пришел Хованский, прекратил беспорядок и провел раскольников в Грановитую палату.

Они расставили налои, разложили на них священные вещи и книги и поставили перед образами зажженные свечи в подсвечниках, принесенных с собой.

¹⁵⁹ Сын Артамона Матвеева Андрей говорит, что при этом были и цари.

«По какой причине пришли в царские палаты и чего требуете от нас?» – спросил патриарх.

«Пришли царям государям побить челом, чтобы дали свое царское рассмотрение с вами, новыми законодателями, чтоб служба Божия была по старым служебникам».

Патриарх сказал: «Это не ваше дело. Престолюдинам не подобает исправлять церковных дел и судить архиереев. Архиереев только архиереи и судят, а вам должно повиноваться матери своей церкви; у нас книги исправлены с греческих и с наших харатейных книг по грамматике. Вы же грамматического разума не коснулись и не знаете, какую силу он в себе содержит».

«Мы не о грамматике пришли с тобою говорить, – отвечал Никита, – а о церковных догматах. Вот я тебя спрошу, а ты отвечай: зачем на литургии вы берете крест в левую руку, а тройную свечу в правую? Разве огонь честнее креста?»

Тут начал было ему объяснять холмогорский архиепископ Афанасий, как вдруг Никита замахнулся на него рукой и закричал: «Что ты, нога, выше головы ставишься! Я не с тобою говорю, а со святейшим патриархом».

Софья вскочила со своего места и закричала: «Что это такое! Он при нас архиерея бьет! Без нас, наверное, убил бы его!»

«Нет, государыня, – сказали из толпы, – он не бил, а только рукою отвел».

«Помнишь ли, Никита, – сказала Софья, – как блаженной памяти отцу нашему, и святейшему патриарху, и всему освященному собору ты принес повинную и поклялся великою клятвою: аще вперед стану бить челом о вере, да будет на мне клятва Св. отец и семи вселенских соборов. Так говорил ты в то время, а ныне опять за то же дело принялся!»

«Что дал повинную, я в том не запираюсь, – возражал Никита. – Дал за мечом и срубом! Я подавал челобитную, а мне никто не отвечал из архиереев, только Семен Полоцкий книгу на меня сложил “Жезл”. Позволишь, государыня, я буду отвечать против “Жезла”; а останусь виноват, делайте со мной, что хотите!»

«Нет тебе дела говорить с нами; и на очах наших тебе не подобает быть!» – сказала Софья.

Затем Софья опять села на свое место и приказала думному дьяку читать раскольничью челобитную.

Как дочитали до того места, где сказано было, что чернец Арсений, еретик и жидовский обрезанец, вместе с Никоном поколебали душу царя Алексея Михайловича, Софья опять вскочила со своего места и, взволнованная, сказала:

«Если Никон и Арсений были еретики, так и отец и брат наш были еретики! Значит, цари не цари, архиереи не архиереи; мы такой хулы не хотим слышать. Мы пойдем прочь из царства!»

Прения раскольников в Грановитой палате

«Как можно из царства вон идти! Мы за государей головы свои положим», – говорили думные. Но между раскольниками раздались такие голоса: «И пора вам, государыня, давно в монастырь. Полно-де царством мутить! Нам бы здоровы были отцы наши государи, а без вас-де пусто не будет!»

Софья прослезилась и, обратясь к стрельцам, начала говорить: «Эти мужики на вас разве надеются? Вы были верные слуги деду нашему, отцу и брату, оборонители церкви святой, и у нас зоветесь слугами. Зачем же таким невеждам попускаете чинить крик и вопль в нашей палате?»

Выборные стрельцы успокаивали ее. Софья села на свое место. Челобитную дочитали. Начался спор. Патриарх и архиереи указывали на древние харатейные списки, обличали нелепые ошибки и опечатки в Филаретовом Служебнике. Малоученые раскольники, будучи не в силах одолеть противников доводами, только подымали вверх руки, показывали двуперстное сложение и кричали: «Вот как! Вот как!»

Уже стало вечереть. Раскольникам объявили, чтобы они расходились и что им будет указ после.

Раскольники вышли со всеми своими наложными, книгами, образами и кричали во все горло, подымая два пальца вверх: «Победихом! Победихом! Вот как веруйте!» Толпы народа следовали за ними. Расколоучители остановились на Лобном месте и стали поучать народ, а оттуда отправились в церковь Спаса в Чигасах, отслужили со звоном благодарственный молебен и потом уже разошлись по домам.

Софья позвала к себе выборных стрельцов, обласкала их, приказала напоить медом и вином в таком количестве, что на десять человек было вынесено по ушату. «Не променяйте нас, – говорила им Софья, – и все Российское государство на каких-нибудь шестерых чернецов».

«Мы, государыня, – отвечали ей стрельцы, – не стоим за старую веру. Это дело патриарха и всего священного собора».

По приказанию царевны преданные ей стрельцы Стремянного полка схватили Никиту Пустосвята, с ним других пятерых расколоучителей и привели их в приказ. Никите отрубили голову на площади. Его товарищей разослали в ссылку. Раскольники притихли.

Раскольничье дело показало Софье, что ей необходимо избавиться от опеки тех, кто до того времени служил ей опорой. Князю Хованскому Софья более всего обязана своим возвышением. Этот боярин как покровитель раскола теперь явно начал действовать вразрез с видами Софьи. Сама Софья даровала ему опасное могущество, назначив начальником стрельцов. Все стрельцы были преданы ему больше, чем царевне, и готовы были на все, что бы он ни затевал. Чувствуя свою силу, Хованский зазнался, величался своим происхождением от Гедимины, начал высокомерно обращаться с прочими боярами, говорил в глаза боярам, что от них Московское государство только терпит вред, что им, Хованским, держится все царство, что когда его не станет, в Москве будут ходить по колению в крови. Все бояре его не терпели; он поссорился с сильным боярином Иваном Михайловичем Милославским, с которым вместе заодно подготовлял переворот, установивший двоевластие.

В дни, следовавшие за казнь Никиты, стрельцы, надеясь на Хованского, беспрестанно волновались, самовольничали. Царская семья жила в постоянном страхе, ожидая нового нашествия на дворец. Бояре каждую минуту боялись за свою жизнь; духовенство опасалось раскольничьего бунта. В июле, тотчас после казни Никиты, какой-то крещеный татарский царевич Матвей распустил между стрельцами слух, будто бояре хотят извести стрельцов; стрельцы толпой били челом царям, чтоб выдали им всех бояр. На этот раз бояре избавились от беды; схватили царевича Матвея, принудили под пыткой отказаться от своего извета, а потом приказали четвертовать. Но за Матвеем явились другие в таком же роде возмутители. Этих возмутителей также пытали и казнили. Стрельцы самовольно подвергли пытке и смерти одного своего полковника, Янова. День ото дня опасность увеличивалась для царского семейства и бояр. В августе Хованский рассорился со всей царской думой за то, что дума не одобряла предложенного им налога с дворцовых волостей в пользу стрельцов по 25 рублей на человека. Выйдя из думы к стрельцам, Хованский сказал: «Дети, знайте, мне бояре грозят за то, что я вам добра хочу! Мне стало делать нечего! Как хотите, так и промышляйте». Стрельцы заволновались еще сильнее.

Царевна Софья Алексеевна

19 августа разнесся слух, будто во время крестного хода, который бывает в этот день в Донской монастырь, стрельцы хотят перебить всю царскую семью, всех бояр и возвести на престол Хованского. Все царское семейство не участвовало в этом крестном ходе и на следующий же день перебралось в село Коломенское. Затем бояре стали разъезжаться из Москвы: часть их отправилась к царям, другие разъехались по своим вотчинам. Из всех думных людей остался в Москве один Хованский; он во всем потакал стрельцам. Около его кареты всегда шло по пятьдесят стрельцов с ружьями, а на дворе стоял стрелецкий караул, человек во сто. По Москве ходили угрожающие для стрельцов слухи; говорили, будто боярские люди по наущению своих господ нападут на стрелецких жен и детей в то время, когда стрельцы будут на празднике новолетия 1 сентября. Наступил этот праздник; на нем не было ни царей, ни бояр, и народу пришло мало.

На следующий день, второго сентября, в селе Коломенском оказалось прилепленным к воротам подметное письмо от имени одного московского стрельца и двух посадских. В нем извещалось, что Хованский собирается убить обоих государей, царицу Наталью, царевну Софью, патриарха и архиереев; одну из царевен думает отдать за своего сына, а прочих постричь в монастыри; затевает перебить бояр, которые не любят старой веры, возмутить по городам посадских и крестьян, чтобы они перебили воевод, приказных, господ и боярских людей, а потом хочет сам взойти на престол и выбрать народом такого патриарха и архиереев, которые бы любили старые книги. «Хованский, – было сказано в этом письме, – призывал к себе несколько человек посадских и стрельцов, давал им деньги, поручая волновать народ, и обещал стрельцам отдать имущество и вотчины убитых людей»¹⁶⁰.

Софья со всем царским семейством немедленно переехала в монастырь Саввы Сторожевского и 5 сентября разослала с гонцами по разным городам грамоту ко всем служилым людям, а также и к боярским слугам. В этой грамоте извещалось все служилое сословие Московского государства, что стрельцы по наущению Хованского произвели мятеж и убийства 15 и 16 мая: это дело, прежде признанное царской грамотой за верную службу царям, теперь оглашалось воровством и изменой; далее рассказывалось, как по наущению Хованского раскольники приходили в Кремль, как Никита бил архиерея; наконец объявлялось, что боярин князь Хованский с сыном своим Андреем при помощи воров и изменников «мыслят зло государям»: хотят перебить без остатку всех бояр, окольных, думных и ближних людей. «Помните Господа Бога и свое обещание, – говорилось в грамоте, – послужите нам, великим государям, для очищения от воров и изменников царствующего града Москвы. Идите к нам, великим государям, со всею своею службою и запасами тотчас, бессрочно с великим поспешением, днем и ночью, ничем не отговариваясь, чтобы скорым собранием устрасить воров и изменников и не допустить их до большого дурна и до расширения воровства...»

Прожив в Саввином монастыре до 13 сентября, царская семья переехала в село Воздвиженское как будто к престольному празднику, и отсюда был послан указ, чтобы к 18 сентября съехались туда к царям все бояре, окольные, думные люди, стольники, стряпчие, московские дворяне и жильцы.

Накануне назначенного срока 17 сентября – дня именин Софьи – село Воздвиженское наполнилось огромным множеством знатных людей. Хованский с сыном Андреем еще не приехали, но уже были на пути. После обедни царевна Софья созвала думу и приказала прочитать подметное письмо.

Думные люди, уже озлобленные против Хованского, приговорили казнить его смертью. Софья отправила боярина князя Лыкова с отрядом схватить Хованских на дороге и привести в Воздвиженское.

Старый Хованский, поехавший отдельно от сына, остановился отдохнуть в патриаршем селе Пушкине и по тогдашнему боярскому обычаю велел раскинуть себе шатер. Лыков окружил его ставку и, узнав, что сын Хованского, Андрей, находится в своей подмосковной вотчине, послал взять его.

Взяли Хованского-отца, связали и повезли, а вслед за ним отправили и Хованского-сына. Когда Лыков подвез Хованских к царскому двору, вышли посланные и сказали, чтобы он не въезжал с ними во двор, а остановился у ворот. Из двора вышли все думные люди и сели на скамьях перед воротами. Думный дьяк Шакловитый читал приговор: Хованских обвиняли в неправильном распоряжении денежной казной в пользу стрельцов, в потачке наглому невежеству стрельцов, в неправом суде, в дерзких речах, в подущении раскольников, в неповиновении

---

¹⁶⁰ Доносчики в заключение говорили: «Когда Господь Бог все утишит, тогда мы вам, государям, объявимся; имен нам своих написать невозможно; а приметы у нас: у одного на правом плече бородавка черная, у другого на правой ноге, поперек берца, рубец, посечено, а третьего объявим мы потому, что у него примет никаких нет». Подписано: «Вручить государыне Царевне Софье Алексеевне».

царским указам и прочее. Затем было прочитано подметное письмо; дьяк произнес: «Воровские дела ваши с этим письмом сходны. Злохитрый замысел ваш обличился. Государи приказали вас казнить смертью».

«Господа бояре, – сказал старик Хованский, – извольте выслушать, кто был настоящий заводчик бунта стрелецкого, от кого он умышлен и учинен. Донесите их царским величествам, чтобы нам с ними дали очные ставки, а так скоро и безвинно нас бы не казнили. Если же мой сын так делал, как написано в сказке (приговоре), то я предаю его проклятию».

Допустить Хованского до такого рода оправдания – значило раскрывать много такого, что хотели утаить. Боярин Милославский более всех этого боялся и дал знать царевне Софье о словах Хованского. Софья выслала приказание немедленно исполнить приговор.

Стрелец Стремянного полка отрубил головы – сначала отцу, потом сыну. Казнь исполнялась перед дворцовыми воротами у большой Московской дороги.

Царский дворец в Коломенском

Совершив такое дело, Софья боялась мщения стрельцов за их «батюшку» и тотчас разослала думных людей по городам торопить служилых, чтобы они как можно скорее шли к Троице, а сама вслед за тем отправилась туда же с царской семьей и заперлась в монастыре. Там было безопаснее, стены крепки, на стенах пушки; оборону Троицкой лавры взял на себя ближний боярин, любимец Софьи, князь Василий Васильевич Голицын.

Опасения Софьи оказались не напрасны; у Хованского был еще меньший сын Иван, занимавший должность комнатного стольника при царе Петре. Он убежал в Москву, принес известие о смерти отца, говорил, что бояре идут на Москву с тем, чтоб истребить всех стрельцов и сжечь их дворы. Стрельцы заволновались, захватили в свои руки Кремль, овладели пушечным двором, забрали орудия и порох, расставили караулы у всех московских ворот, ожидали, что на них нападут боярские люди по приказанию своих господ. Патриарх был в опасном положении. Он уговаривал стрельцов покориться, а они за то грозили убить его, как только бояре пошлют против них своих людей.

Прошло несколько дней: на Москву нападения не было. Стрельцы, узнав, что царская семья у Троицы, убедили патриарха послать туда чудовского архимандрита Адриана звать царей в Москву.

Но Софья уже не боялась стрельцов. В крепкий монастырь не так легко было им проникнуть, как в Кремлевский дворец; притом же туда беспрестанно отовсюду собирались служилые. Она потребовала, чтоб стрельцы прислали по двадцати человек лучшей братии от каждого полка.

Самонадеянность и наглость стрельцов сменились малодушием. Те, кому приходилось идти в числе выборных, считали себя обреченными на смерть. Все стрельцы думали, что им теперь будет «конечный перевод». Московские люди, которые прежде так боялись их, теперь подсмеивались над ними и говорили: «Куда вам, мужикам, владеть разумными людьми и государям указывать». Стрельцы с покорностью упросили патриарха, чтобы он отправил с их выборными какого-нибудь архиерея.

Выборные отправились к Троице и с ужасом поминутно встречались на дороге с разными людьми, созванными для укрощения стрельцов. Явившись перед Софьей, выбранные пали ниц, во всем повинились! Царевна, проговорив им приличное нравоучение, сказала, чтобы немедленно все полки надворной пехоты (стрельцов) подали повинную челобитную за общим рукоприкладством. Выборные воротились в Москву с этим приказанием. При участии патриарха стрельцы составили требуемую челобитную, обещались вперед не самовольствовать и не мешаться в чужие дела. Софья объявила им, что если кто вперед станет хвалить прежние дела стрельцов, тот будет казнен смертью; тому же подвергается и всякий, кто будет слышать о таких похвалах и не донесет. Сами стрельцы, конечно, по внушению Софьи, били челом о том, чтобы сломать столп, поставленный в оправдание их злодеяний. Софья с царским семейством вступила в Москву. Новоприбывшие служилые люди заняли все караулы в Кремле. Всем боярским людям объявлена похвала за верность своим господам; но стрелецкие смуты не остались без последствий: множество холопов и крестьян во время этих смут покинуло своих прежних владельцев, и в следующие годы правительство издавало распоряжения, чтобы ловить беглых, наказывать и препровождать к прежним господам. Начальство над стрельцами было поверено Шакловитому. Это был человек решительный.

Василий Васильевич Голицын

Стрельцы попытались было начать прежние буйства, но Шакловитый тотчас же казнил пятерых из них, а потом со всех полков удалил из Москвы в украинные города наиболее задорных и беспокойных.

С этих пор Софья именем двух царей беспрекословно семь лет управляла государством. Во внутренних делах не происходило никаких важных изменений, кроме кое-каких перемен в делопроизводстве¹⁶¹. Правительство по-прежнему противодействовало обычному шатанию народа и делало распоряжение об удержании жителей на старых местах. Разбои усиливались; даже люди знатных родов выезжали на дорогу с разбойничьими шайками¹⁶². Помещики дрались между собой, наезжали друг на друга со своими людьми, жгли друг у друга усадьбы; их крестьяне, по их приказанию, делали нападения одни на других, истребляли хлеб на полях и устраивали пожары. Межевание, начатое при Федоре, продолжаясь при Софье, приводило к самым крайним беспорядкам. Помещики, недовольные межеванием, посылали своих крестьян на межевщиков с оружием, не давали им мерить земли, рвали веревки, а некоторых межевщи-

---

¹⁶¹ Как, например, замена Разбойного приказа Сыскным.

¹⁶² Таковы были князь Лобанов-Ростовский и Иван Микулин; они разбивали людей на Троицкой дороге под Москвой; их наказали кнутом.

ков поколотили и изувечили. За такие самоуправства правительство определило наказывать кнутом и ссылать в Сибирь; но бесчинства от этого не прекращались. Небогатые помещики находились под произволом богатых, владевших многими крестьянами; кто был сильнее, тот у соседа отнимал землю. И бедняку трудно было тягаться с богачом. В самой Москве происходили в то время беспрестанные бесчинства, воровство и убийства. Правительство делало распоряжение под строгим наказанием, чтобы в городе не стреляли из ружей, не дрались на кулачках, не сшибали с ног людей и не били полицейских служилых (капитанов и стрельцов). Но самой важной причиной смут был раскол, который не только не прекращался от преследований, но возрастал в страшных размерах. В 1682 году после казни Никиты Пустосвята была разслана грамота ко всем архиереям, чтоб они сыскивали раскольников и предавали их казни. Еще строже был указ конца 1684 года. Велено было хватать всякого, кто не ходил в церковь, не исповедовался, не пускал к себе священника в дом; таких приказано было подвергать пытке; если обвиненный под пыткой обвинял кого-нибудь в соучастии, и того велено хватать, давать ему очные ставки, производить о нем обыск и в случае сомнения пытать. Покаявшиеся были отправлены для исправления к духовному начальству, а непокорных велено было сжигать живьем. За укрывательство раскольников и за недонесение положено было бить кнутом. Но напрасно правительство думало испугать раскольников огнем: они сами сжигались, воображая себе, что тем приносят жертву Богу. Такие ужасающие явления беспрестанно повторялись повсюду и выказались в самом чудовищном виде в Олонецкой земле. В 1687 году некто расколоучитель Емельян Иванов из Повенца сошелся с другим фанатиком, Игнатием, который завел себе пустынь близ Каргополя, был считаем за святого мужа и совратил многих каргопольцев. Они с толпой последователей захватили Палеостровский монастырь на Онежском озере. Когда против них было послано войско под начальством Мишенского, раскольники зажгли монастырь; ратные люди потушили пожар; часть раскольников с Игнатием сгорела¹⁶³, а Емельян с остальными убежал. Два года его отыскивали, он скрывался со своими товарищами в непроходимых лесах. Ратные люди, не поймав Емельяна, свирепствовали над другими раскольниками и без жалости разоряли пристанища поселян, где жители упорствовали в расколе. В 1689 году Емельян опять очутился в Палеостровском монастыре вместе с соловецким монахом Германом; с ними было до 500 человек. Девять недель они сидели, запершись в монастыре. На все убеждения сдаться они отвечали ругательствами против церкви, отстреливались от ратных людей и наконец, когда увидели невозможность держаться долее, зажгли монастырь и все сгорели. Везде, где собирались толпы раскольников, припасались ими горючие вещества, чтобы прибегнуть к этому средству спасения, когда придут гонители. Являлись учителя, проповедовавшие, что даже и без гонения самое богоугодное дело – сжечься, и уговаривали целые толпы мужчин, женщин и детей предавать себя «крещению огнем» Царствия ради Небесного.

Из внешних дел правления Софьи самым важным событием было заключение в 1680 году мира с Польшей, прекратившего долговременную тяжелую распрю за Малороссию. Как следствие этого мира был поход в Крым Василия Васильевича Голицына, погубивший гетмана Самойловича¹⁶⁴. Через два года был предпринят другой поход, к которому, так же как и к первому, склонили Россию Австрия и Польша. Кроме того, бывший константинопольский патриарх Дионисий, низложенный турецким правительством за расположение к России, убеждал русских воспользоваться удобным случаем для освобождения христиан от турецкого ига, потому что между самими турками тогда происходили междоусобия (султан Магомет IV был низвержен войском, и на его место посажен его брат Сулиман II), а австрийцы и венецианцы одерживали верх над турками. Молдавский господарь Щербан, со своей стороны, убеждал московское правительство послать войско на турок и уверял, что все христиане, находящиеся под

¹⁶³ По известиям раскольников, их сгорело 2700 человек.

¹⁶⁴ См. биограф. «Преемники Богдана Хмельницкого».

турецкой властью, восстанут, при появлении русского войска. При таких блестящих надеждах московское правительство весной 1689 года двинуло на Крым 112 000 войска, с которым было до 350 пушек. Начальство взял на себя любимец Софьи Голицын. К нему примкнул малороссийский гетман Мазепа со своими казаками. Русское войско прошло через степь, одержало верх в битве с ханом и дошло до Перекопа. Но Голицын не решился перейти на полуостров. Его испугал недостаток воды, особенно чувствительный при сильном майском зное. Остановившись под Перекопом, Голицын завел переговоры с ханом и, не дождавшись их окончания, поспешно отступил, убегая от преследовавших его татар.

Никита Моисеевич Зотов

Этот неудачный поход совершенно уронил Голицына. На него стали смотреть как на неспособного труса, но Софья силилась представить и этот поход геройским делом. Не только сам Голицын получил в награду вотчину, 300 рублей денежной прибавки к жалованью и разные подарки, но и все участники похода были щедро награждены. Софья до слепой страсти была предана этому человеку. В своих письмах она называла его «светом батюшкою, душою своею, сердцем своим» и т. п.¹⁶⁵. Любовь Софьи не спасла Голицына, а его неудачный поход в

¹⁶⁵ Приводим для образчика одно из этих писем: «Свет мой братец Васенка, здравствуй батюшка мой на многие лета и паки здравствуй, Божиею и Пресветыя Богородицы и твоим разумом и счастием победив агаряны, подай тебе Господи и впредь враги побеждати, а мне, свет мой, веры не имеется, што ты к нам возвратитца, тогда веры поиму, как увижу во объятях своих

Крым сделался ближайшим поводом к падению самой царевны. Давняя вражда Софьи с царицей Натальей и Нарышкиными, ее нелюбовь к Петру не прекращались с годами. Софья была правительницей государства только при малолетстве царей. Оба царя пришли в совершенный возраст. Иван Алексеевич еще в 1684 году сочетался браком с Прасковьей, дочерью боярина Федора Борисовича Салтыкова. По своему малоумию он не угрожал Софье потерей власти. Но вот и Петр достиг шестнадцати лет, окружил себя «потешными» – молодежью, собранной вначале из товарищей детских игр царя, а потом из охотников разного звания. Петр проводил с ними время в воинских упражнениях, строил земляные крепости и брал их, а в 1688 году, увидя однажды старое заброшенное судно, получил страстное желание строить суда, плавать по морю и начал свои первые опыты на Переяславльском озере. Царица Наталья, страшась козней Софьи, боялась отлучек сына и его горячности, а потому поспешила его женить 27 января 1689 года Петр сочетался браком с Евдокией Федоровной Лопухиной, дочерью окольного. Событие было важное и даже, можно сказать, роковое для Софьи, так как по русским понятиям женатый человек считался совершеннолетним, и Петр в глазах своего народа получил полное нравственное право избавить себя от опеки сестры.

Еще ранее этого времени, в 1687 году, Софья, предупреждая ожидаемую опасность со стороны Петра, затевала венчаться царским венцом. Для этого ей нужна была опора стрельцов. Шакловитый, преданный ей всей душой, подготовил челобитную как будто от всех чинов Московского государства и начал склонять стрельцов содействовать своему плану. Вместе с тем он чернил перед ними царицу Наталью и Нарышкиных, уверял, что они имеют злые умыслы на Софью, при этом делал намеки на возможность избиения Нарышкиных и даже на убийство самого Петра; козни его не удавались: нашлось только всего пять человек, готовых на какое угодно смелое дело. Мысль о венчании на царство Софьи была оставлена. В 1689 году 8 июля был крестный ход в Казанский собор. Софья прежде всегда участвовала в подобных крестных ходах вместе с обоими царями как правительница государства. Петр на этот раз послал ей сказать, чтобы она не ходила: это имело такой смысл, что Петр уже не считал ее правительницей. Софья не послушалась и пошла за крестами, а Петр из-за этого сам не пошел в крестный ход и уехал из Москвы.

Возвратился Голицын из своего вторичного крымского похода. Петр не соглашался назначать ему и его товарищам награды, и хотя на этот раз не стал спорить с сестрой, но когда Голицын и другие участники крымского похода, получившие награды, явились к Петру с благодарностью за награды, то Петр не пустил их к себе на глаза. Тут Софья увидела, что ее власти скоро будет конец. Оставалось или покориться своей судьбе или отважиться на попытку сделать переворот. Шакловитый хотел было взволновать стрельцов таким же порядком, как делалось прежде, – ударить в набат и поднять тревогу, как будто царевне угрожает опасность, но стрельцы, за исключением очень немногих, сказали, что они по набату дела не станут начинать. Софья ухватилась было за средство, которое ей так удалось в былые времена с Хованским. В царских хоромы «на верху» появилось подметное письмо, в котором предостерегали царевну, что ночью с 7 на 8 августа явятся из Преображенского «потешные» царя для убиения царя Ивана Алексеевича и всех его сестер. Шакловитый вечером 7 августа призвал четыреста

тебя, света моего. А что, свет мой, пишешь, чтобы я помолилась, будто я верна грешная перед Богом и недостойна, однако же дерзаю, надеясь на его благоутробие, аще и грешная. Ей всегда того прошу, шtbody света моего в радости видеть. Посем здравствуй, свет мой, о Христе навеки нещетные. Аминь». В другом своем письме, писанном в Крым, Софья высказывает ту же горячую любовь к своему любимцу: «Батюшка мой, платить за такие твои труды неисчетные, радость моя, свет очей моих, мне веры не иметца, сердце мое, что тебя, свет мой, видеть. Велик бы мне день той был, когда ты, душа моя, ко мне будешь; если бы мне возможно было, я бы единым днем тебя поставила перед собою. Письма твои, врученны Богу, к нам все дошли в целости из-под Перекопу... Я брела пеша из Воздвиженскова, толко подхожу к монастырю Сергия Чудотворца, к самым святым воротам, а от вас отписки о боях: я не помню, как взошла, чла идучи, не ведаю, чем его света благодарить за такую милость его и мать его, Пресвятую Богородицу, и преподобного Сергия, чудотворца милостиваго...»

стрельцов с заряженными ружьями в Кремль, а триста поставил на Лубянке. Его подручники¹⁶⁶ начали наущать стрельцов, что надобно убить «медведицу», старую царицу, а «если сын станет заступаться за мать, то и ему спускать нечего». Но и это не удалось. Пятисотный стрелецкого Стремянного полка Ларион Елизарьев с семью другими стрельцами составил замысел предупредить Петра. Двое из товарищей, Мельнов и Ладогин, отправились ночью в Преображенское известить царя, что против него затевается недоброе.

Пробужденный от сна Петр выскочил в одной сорочке, босой, бросился в конюшню, сел на коня и ускакал в ближайший лес. Туда принесли ему платье. Он оделся и вместе с Гаврилом Головкиным во весь дух пустился в Троицкую лавру, куда поспел через пять часов. К нему на другой же день прибыла туда мать, жена, преданные бояре, потешные и стрельцы Сухарева полка. Утром Софья и ее приверженцы с ужасом узнали о бегстве Петра. Елизарьев со своими товарищами и полковник Циклер, прежде самый ревностный сторонник Софьи, тотчас уехали к Петру и откровенно объявили ему, что давно уже Шакловитый старается подвинуть стрельцов на умерщвление царицы Натальи и приверженных Петру бояр. Петр приказал написать грамоты во все стрелецкие полки, чтобы к 18 августу к нему явились в Троицу все полковники и начальники с десятью рядовыми стрельцами от каждого полка для важного государева дела.

Коронация царей-братьев Ивана и Петра

Софья принимала свои меры: расставляла караулы по Земляному городу и приказывала все грамоты, какие будут от Петра, доставлять к ней. Созвав к себе полковников, она грозила им отрубить головы, если они пойдут к Троице. Между тем, видя неудачу своих замыслов, Софья сама думала примириться на время с Петром и посылала к нему одного за другим двух бояр, Троекурова и Прозоровского, и убеждала брата возвратиться в Москву для примирения. Эти бояре вернулись без успеха. Софья отправила к Троице патриарха Иоакима, но тот сделал еще хуже для Софьи: он остался у Троицы. Патриарх был сторонником Петра тотчас после смерти Федора; он только по необходимости согласился на двуцарствие и в душе не был расположен к Софье, тем более что Софья оказывала благосклонность к врагу патриарха Сильвестру

¹⁶⁶ Никита Гладкий, Кузьма Черный, Стрижев, Петров и Кондратьев.

Медведеву, и приверженцы царевны поговаривали о свержении Иоакима с патриаршества и о поставлении вместо него Сильвестра.

Царь Петр, не дождавшись стрельцов, которых требовал к Троице, послал в другой раз грамоту в Москву с прежним приказанием явиться к нему всем полковникам и начальным людям с десятью рядовыми из каждого полка, да сверх того приказывал явиться из всех московских сотен и слобод всем старостам с десятью тяглецами; на этот раз за послушание обещалась смертная казнь. Пять полковников, много урядников и рядовых стрельцов отправились к Троице. Софья, видя, что борьба с Петром неравна, что устроить с ним мировую через других не удастся, сама поехала к Петру, но ее не пустили и приказали возвратиться назад из села Воздвиженского.

Вслед за ней 1 сентября прибыл недавно отъехавший из Москвы к Троице стрелецкий полковник Нечаев с требованием выдать Шакловитого, Медведева и других сообщников, на которых указали стрельцы.

Софья до того была раздражена этим требованием, что приказала было отрубить Нечаеву голову, но опомнилась, рассудив, что этим поступком в ее положении она скорее проиграет, чем выиграет. Она собрала стрельцов и говорила им в таком смысле:

«Письма, что привезли из Троицы, составлены ворами. Как можно выдавать людей? Они под пыткой оговаривают других, людей добрых; девять человек девятьсот оговаривают. Злые люди рассорили меня с братом, выдумали какой-то заговор на жизнь младшего царя; из зависти к верной службе Федора Шакловитого, за то, что он день и ночь трудится для безопасности и добра государства, они очернили его зачинщиком заговора. Я сама хотела уладить дело, узнать причину козни и приехать к Троице, а брат по наущению злых советников не допустил меня к себе и не велел туда ехать, и я воротилась со стыдом. Сами знаете, как я управляла государством семь лет, приняв правление в смутное время; под моим правлением заключен честный и твердый мир с нашими соседями христианскими государями, враги веры христианской приведены в ужас и страх нашим оружием. Вы, стрельцы, за вашу службу получили важные награды, и я к вам всегда была милостива. Не могу поверить, чтобы вы стали мне неверны и поверили измышлениям врагов мира и добра! Они ищут головы не Шакловитого, а моей и моего брата Ивана. Я обещаю вам награду, если останетесь мне верны и не будете мешаться в это дело, а те, которые будут непослушны и начнут творить смуту, будут наказаны. Помните: если пойдете к Троице, здесь останутся ваши жены и дети...»

Потом Софья позвала к себе толпу посадских и говорила им речь в том же духе. Стрельцов и служилых иноземцев поили вином, даже Нечаеву поднесли водки.

Между тем Петр, не получая ответа от Нечаева, снова послал требование выдать Шакловитого со всеми сообщниками и приказывал служилым иноземцам прибыть к нему к Троице. Генерал Гордон, начальник иноземцев, по поводу этого царского приказания обратился к заведовавшему Иноземным приказом князю Василию Васильевичу Голицыну. «Я доложу об этом старшему царю», – сказал Голицын Гордону. Но Гордон не счел нужным ждать доклада, – он понимал, что Голицын только тянет время, выжидая, не обратятся ли обстоятельства к пользе Софьи. 5 сентября Гордон отправился к Троице со служилыми иноземцами и был принят очень ласково. Петр допустил иноземцев к своей руке и велел им дать по чарке водки.

Переход иноземцев привел дело Софьи еще ближе к печальной развязке. На стрельцов не было надежды. Они похватили подручников Шакловитого, через которых он прежде пытался взволновать стрельцов, и отвезли их к Троице. В числе схваченных главнейшим был Обросим Петров, который уже несколько дней перед тем скрывался у пономаря, и чуть только попытался выйти – тотчас был схвачен. Он во всем сознался еще до пытки.

К.В. Лебедев. Потешное войско Петра

Ясно, что отозвались Софье и смерть Хованского, и сбор служилых для укрощения стрельцкого своеволия, и грамота, в которой стрельцам поставили в воровство переворот, произведенный ими в пользу Софьи. Не было теперь у стрельцов большого желания отважиться на чересчур смелое дело за ту, которая уже показала им, как она благодарит за услуги и как можно положиться на ее обещания. На московские сотни и слободы еще менее можно было надеяться Софье, когда стрельцы, люди военные, не шли за ней. Софья с Шакловитым решились попытаться поднять за себя Россию: это уже значило, как говорится, все поставить на карту разом.

Шакловитый изготовил грамоту к людям всех чинов Московского государства от имени Софьи. Правительница приносила жалобу всему народу не на Петра, а на его родственников Нарышкиных: «Они ни во что ставят старшего царя Ивана, забросали его комнату поленьями, изломали его царский венец; потешные Петровы делают людям насилия, а царь Петр никаких челобитных не слушает и пр.». Но этой грамоте не суждено было быть разосланной.

6 сентября, уже вечером, толпа стрельцов явилась перед дворцом и требовала выдачи Шакловитого. Софья думала подействовать на них твердостью и угрозами и сказала повели-

тельно, что не выдаст и что они не должны мешаться в ее дела. «Если нам не выдадут Шакловитого, – закричали стрельцы, – то мы ударим в набат!» Бояре, окружавшие Софью, испугались. «Государыня царица, – сказали они, – нельзя им перечить, нельзя спасти Шакловитого: будет бунт; тогда мы все пропадем; лучше его выдать». Софье оставалось послушаться. Шакловитый был выдан и на другой день около часа пополудни привезен к Троице.

В тот же день вечером, около пяти часов, прибыл к Троице Василий Васильевич Голицын с несколькими думными людьми¹⁶⁷. Царь не допустил их к себе. Им велено было ждать решения.

Начались допросы и пытки. Шакловитый сначала во всем заперся, но после первой пытки стал виниться наполовину, а когда его повели пытать в другой раз, то, не допустив до пытки, сознался, что разговаривал со стрельцами о том, как бы произвести пожар в Преображенском селе и убить царицу, однако упорно отрицал умысел на жизнь царя Петра. Шакловитый обвинял в соучастии и Василия Васильевича Голицына.

У Василия Голицына был двоюродный брат Борис, ревностнейший приверженец Петра, любимец его и главный распорядитель, как оказалось, по следствию над заговорщиками. Обвинение в измене ложилось пятном на весь род Голицыных. Заступничеству Бориса был обязан Василий Голицын тем, что хотя его наказали, но за другие вины. 9 сентября он был призван во дворец вместе с сыном Алексеем. Думный дьяк прочитал ему приговор, по которому он лишался боярства и вместе с сыном и семьей сослан в Каргополь: это постигало его за то, что он мимо царей подавал доклады царице Софье, и сверх того за дурные распоряжения во время крымского похода, причинившие разорение государству и отягощение народу¹⁶⁸. Боярина Неплюева осудили на ссылку в Пустозерск за дурное управление в Севске, где он прежде был наместником; Змеев удален в свои костромские вотчины; прочих простили. Напрасно Василий Голицын написал в свое оправдание длинное объяснение в семнадцати пунктах: царь не читал его.

11 сентября в 10 часов вечера против лавры, у большой дороги, преступников вывели на смертную казнь при большом стечении народа. Шакловитому отрубили голову топором. То же сделали стрельцам Обросиму Петрову и Кузьме Чермному. Полковнику Семену Рязанцеву велели положить голову на плаху, потом велели встать, дали несколько ударов кнутом и отрезали кусок языка. Такому же наказанию подвергли еще двоих¹⁶⁹.

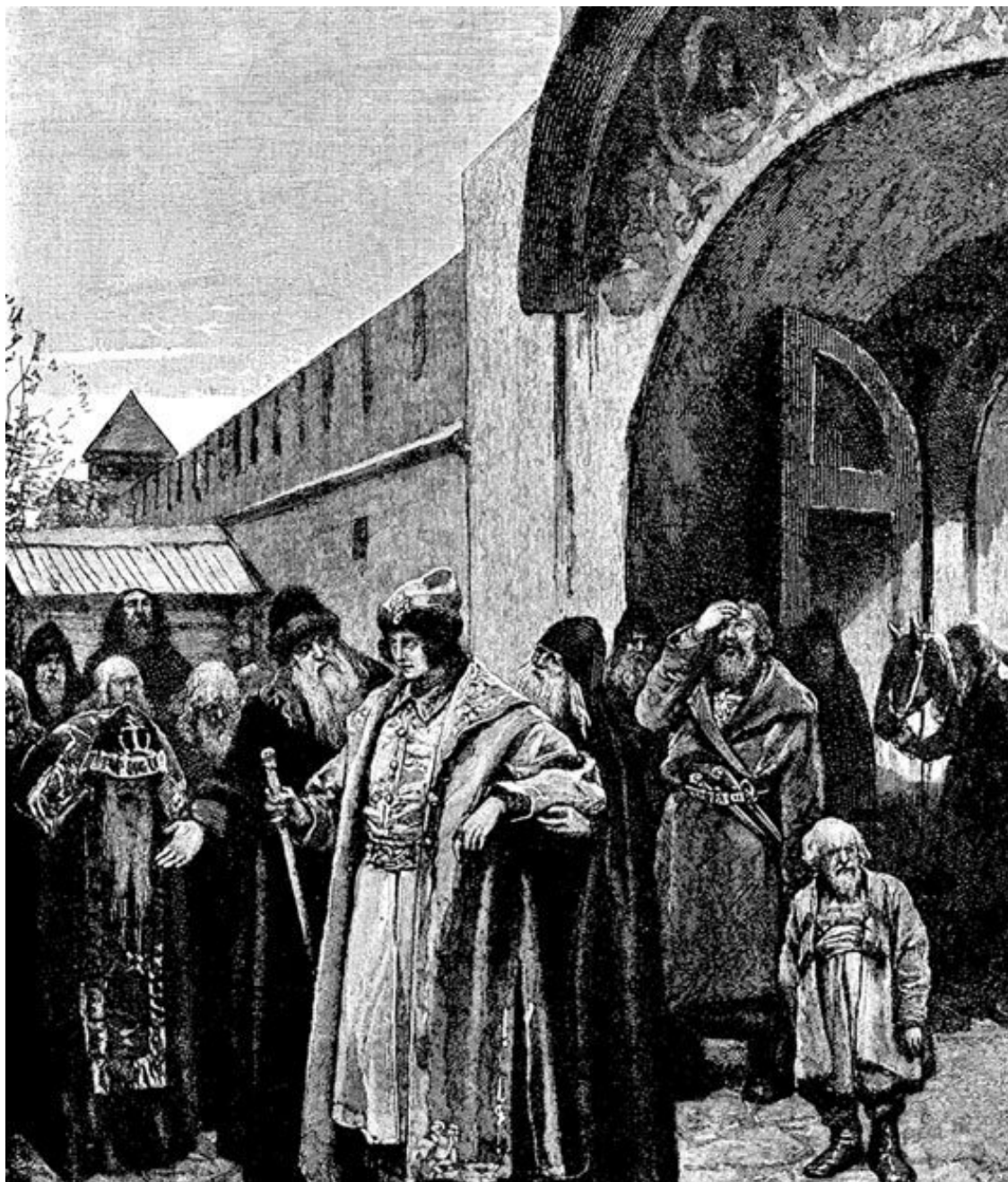
Наконец Петр отправил к старшему брату письмо, в котором представлял, что им обоим, будучи в совершенном возрасте, пора править государством самим, а не позволять третьему лицу, сестре, вмешиваться в правление. Со своей стороны Петр обещался почитать, как отца, старшего брата. Слабоумный Иван не прекословил.

---

¹⁶⁷ С боярином Леонтием Романовичем Неплюевым, окольничим Венедиктом Андреевичем Змеевым, думным дворянином Григорием Ивановичем Калачовым и думным дьяком Емельяном Игнатьевичем Украинцевым.

¹⁶⁸ Генерал Гордон в своих записках рассказывает, что Борис Голицын, приняв от Шакловитого последнее признание, не показал его тотчас Петру, чтоб уничтожить из признания то, что касалось Василия Голицына; но Нарышкины донесли об этом царю. Борис извинялся перед царем, что было уже поздно и он по этой причине не показал бумаги тотчас. Петр не лишил его милости и доверия, но царица Наталья и Нарышкины питали к нему за это злобу.

¹⁶⁹ Пятидесятника Муромцева и стрельца Лаврентьева; наказанных сослали в Сибирь.

К.В. Лебедев. Приезд Петра в Троице-Сергиеву обитель 8 августа 1689 года

Вслед за письмом Петра был отправлен в Москву боярин Троекуров с приказанием Софье переселиться в Новодевичий монастырь. Софья несколько дней упрячилась и успела еще переслать письмо и деньги своему другу Василию Голицыну. Наконец в конце сентября она поневоле должна была ехать в монастырь. Ей дали просторное помещение окнами на Девичье поле, позволили держать при себе свою кормилицу, престарелую Вяземскую, двух казначей и девять постельниц. Из дворца отпускалось ей ежедневно определенное количество разной рыбы, пирогов, сакк, караваев, хлеба, меду, пива, браги, водки и лакомств. Царицам и царевнам позволено было посещать ее во всякое время. Она могла свободно ходить внутри монастыря, участвовать в храмовых праздниках, но у ворот постоянно стояли караулы из солдат Семеновского и Преображенского полков. Вдова царя Федора Марфа Матвеевна и супруга царя Ивана Прасковья Федоровна очень редко посещали Софью, но сестры были с ней по-прежнему дружны и вместе втихомолку ругали Петра и жаловались на свою судьбу.

С падением Софьи началась самобытная деятельность Петра и вместе с тем наступал и новый период в истории России. Внимание Петра, как известно, обратилось на юг: была построена корабельная верфь в Воронеже и начаты походы на Азов. В январе 1696 года скончался болезненный, слабоумный Иван. Двоевластие кончилось. Азов был взят. Петр начал десятками отправлять своих подданных учиться за границу, а в начале 1697 года решился ехать туда сам инкогнито, под именем урядника Преображенского полка Петра Михайлова, то есть в том чине, в каком он состоял тогда, начав, для примера другим, военную службу с низшего чина. Его неутомимая деятельность, его недовольство старыми порядками, посылка людей за границу и, наконец, неслыханное до того времени намерение самому ехать учиться у иноземцев уже возбудили против него злые умыслы. 23 февраля, когда царь, готовясь к отъезду, веселился на прощание с боярами у своего любимца, иноземца Лефорта, ему дали знать, что пришел с доносом пятисотенный стрелец Ларион Елизарьев (тот самый, который предупредил Петра о замыслах Шакловитого) с десятником Силиным. Их позвали к царю, и они объявили, что Иван Циклер, уже пожалованный в думные дворяне, собирается убить царя. Циклер перед тем только получил от царя назначение построить Таганрог и был этим недоволен. Оказав важную услугу Петру в деле Шакловитого, он ожидал, что будет важным человеком у царя, и обманулся, так что он сделался врагом царя, которому так услужил в прежние годы.

Циклер был схвачен и под пыткой показал на окольного Соковнина, заклятого старовера, брата боярыни Морозовой и княгини Урусовой (признаваемых раскольниками до сих пор за мучениц). Соковнин под пыткой сознался, что действительно говорил о возможности убить государя, так как государь ездит или один, или с малым числом людей. Соковнин при этом оговорил своего зятя Федора Пушкина и его сына Василия. Вражда к Петру происходила, по их показанию, оттого, что царь начал посылать людей за море учиться неведомо чему. Обвиненные притянули к делу двух стрелецких пятидесятников. Всех их присудили к смертной казни. Циклер перед казнью объявил, что в прежние годы, во время правления Софьи, царевна и покойный боярин Иван Милославский уговаривали его убить царя Петра. Петр приказал вырыть из земли гроб Милославского и привезти в Преображенское село на свиньях. Гроб открыли: Соковнину и Циклеру рубили прежде руки и ноги, потом отрубили головы; кровь их лилась в гроб Милославского. Пушкину и другим отрубили головы. На Красной площади был поставлен столп с железными спицами, на которых были воткнуты головы казненных.

Арест царицы Софьи

Вслед за тем Петр усилил караул у ворот Новодевичьего монастыря, а сам уехал за границу. В то время как Петр в Голландии учился строить корабли, а потом ездил по Европе приглядываться к иноземным обычаям, в Москве управляли бояре согласно начертаниям царя. Московским стрельцам пришла тяжелая пора. Прежде они спокойно проживали себе в столице, занимаясь промыслами, величались значением царских охранителей, всегда готовые, как мы видели, обратиться в мятежников. Теперь их выслали в отдаленные города на тяжелую службу и притом на скудном содержании. Четыре полка (Чубарова, Колзакова, Чернаго и Гундертмерка) были отправлены в Азов. Через некоторое время на смену им послали шесть других полков. Прежние четыре полка думали было, что им позволят из Азова возвратиться в Москву, как вдруг им приказали идти в Великие Луки на литовскую границу, в войско князя Ромодановского. Они повиновались, но в марте 1698 года многим стало невыносимо: сто пятьдесят пять человек самовольно ушли из Великих Лук в Москву бить челом от лица всех товарищей, чтобы их отпустили по домам. В прежние времена случаи самовольного побега со службы не были редкостью и сходили с рук, но на этот раз начальник Стрелецкого приказа боярин Тро-

екуров велел им немедленно идти назад, а четырех выборных, которые к нему пришли объясняться, за дерзкие слова приказал сейчас же засадить в тюрьму. Стрельцы отбили своих товарищей, буянили и не хотели идти из Москвы. Бояре двинули на них солдат Семеновского полка и выгнали из Москвы силой.

Патрик Гордон

Стрельцы возвратились к пославшим их товарищам. В это время Ромодановский по указу, пришедшему из Москвы, должен был распустить всех своих служилых людей, но такое распоряжение не простиралось на стрельцов; четыре их полка велено было расставить по западным пограничным городам, а тех, кто самовольно ходил с челобитной в Москву, сослать в Малороссию на вечные времена. Стрельцы заволновались и не выдали Ромодановскому своих товарищей, ходивших в Москву. Ромодановский, распустив перед тем служилых, не имел возможности схватить виновных стрельцов. Стрельцы, пошумев, ушли, как будто повинуюсь приказанию идти в назначенные им города, и по дороге на берегу Двины 16 июня устроили круг. Тут один из ходивших в Москву, стрелец Маслов, стоя на телеге, начал читать письмо от царевны Софьи, в котором она убеждала стрельцов прийти к Москве, стать табором под Новодевичьим монастырем и просить ее снова на державство, а если солдаты станут не пускать их в Москву, то биться с ними.

Стрельцы порешили идти на Москву. Раздавались голоса о том, что надобно перебить всех немцев, бояр, самого царя не пускать в Москву и даже убить его за то, что «сложился с немцами». Впрочем, это были только одни толки, а не приговор всего круга.

Когда в Москве слышали, что идут к столице стрельцы, то на многих жителей напал такой страх, что они с имуществом разъезжались по деревням. Бояре, не допуская стрельцов до столицы, выслали против них навстречу войско в числе 3700 человек с 25 пушками. Начальство над этим войском взял боярин Шеин с двумя генералами: Гордоном и князем Кольцо-Мосальским. Высланное боярами московское войско встретилось со стрельцами 17 июня близ Воскресенского монастыря. Сначала Шеин отправил к ним в стан генерала Гордона. Гордон потребовал, чтобы стрельцы немедленно ушли в назначенные им места и выдали бы сто сорок человек из тех, которые ходили перед тем только в Москву: их считали главными зачинщиками бунта.

«Мы, – отвечали стрельцы, – или умрем, или непременно будем в Москве хоть на три дня, а там пойдем, куда царь прикажет».

«Вас к Москве не пропустят. Об этом не помышляйте», – сказал им Гордон.

«Разве все помрем, тогда в Москве не будем», – отвечали стрельцы.

Двое старых стрельцов начали объяснять Гордону свои нужды, как стрельцы терпят и голод, и холод, как строили крепости, тянули суда с пушечной и оружейной казной вверх Доном от Азова до Воронежа; как им дают месячного жалованья столько, что едва достает на две недели; говорили, что теперь они хотят только повидаться с женами и детьми своими. Толпа стрельцов подтверждала справедливость сказанного двумя их товарищами.

«Я советую вам, – сказал Гордон, – чтобы каждый полк особо обдумал и посоветовался о том, что вы делаете». «Мы все заодно», – возражали ему стрельцы. «Так знайте же, – сказал Гордон, – если вы теперь не примете милости его царского величества и мы принуждены будем силой привести вас к повиновению, тогда уже не будет вам пощады. Даю вам сроку четверть часа».

Гордон отъехал в сторону и через четверть часа опять послал к ним за ответом. Но стрельцы стояли на своем.

Шеин отправил к стрельцам Кольцо-Мосальского. Тогда из толпы стрельцов вышел десятник Зорин с челобитной, где между прочим говорилось, будто воевода Ромодановский хотел их рубить, неизвестно за что, а в заключение объяснилось, что стрельцы затем пришли к Москве, что в Москве «великое страхование, город затворяют рано вечером и поздно утром отворяют, всему народу чинится наглость; они слышали, что идут к Москве немцы и то знатно последуя брадобритию и табаку во всеовершенное благочестия исповержение».

И в стрелецком стане, и в стане Шеина отслужили молебны, приготовились к бою.

Шеин послал против стрельцов Гордона с 25 пушками, а между тем кавалерия стала окружать их стан.

Поставив свои пушки, Гордон два раза высылал к стрельцам дворян с советом опомниться и покориться.

«Мы вас не боимся, – сказали стрельцы, – у нас самих есть сила».

Тогда Гордон приказал дать залп, но так, что ядра пролетели над головами стрельцов.

Стрельцы подняли крик, замахали шапками и произносили имя Святого Сергия. То был их условленный знак.

Тогда Гордон приказал выстрелить по ним из пушек и положил многих на месте. Стрельцы смешались. Гордон дал другой, третий, четвертый залпы; стрельцы бросились врассыпную. Оставалось только ловить и вязать их. У них было убито 29 человек и 40 ранено.

Тотчас дали знать в Москву; бояре приказали Шеину произвести розыск. Начались пытки кнутом и огнем. Стрельцы повинились, что у них было намерение захватить Москву и бить бояр, но никто из них не показал на царевну Софью. Шеин самых виновных приказал повесить на месте, а других разослать по тюрьмам и монастырям под стражу. (По показанию Гордона, было казнено до 130 человек, а по монастырям разослано 1845 человек. Из отправленных Шеиным убежали из монастырей 109 человек.)

Бояре полагали, что суд тем и окончился, но не так посмотрел на это дело Петр, когда к нему в Вену пришло известие о бунте стрельцов. «Это, – писал он Ромодановскому, – семя Ивана Милославского растет...» – и тотчас поскакал в Москву.

Царь прибыл в столицу 25 августа, а на следующий день, 26-го, в селе Преображенском начал делать то, что так возмущало стрельцов: Петр начал собственноручно обрезать бороды боярам и приказал им одеться в европейское платье, как будто желая сразу нанести решительный удар русской старине, подвигнувшей на бунт стрельцов.

С половины сентября начался новый розыск. Из разных монастырей велено было свезти стрельцов; затем иных разместили по московским монастырям, а других содержали в подмосковных селах под крепким караулом. Всего содержащихся стрельцов было 1714 человек.

Допрос происходил в Преображенском селе под руководством князя Федора Юрьевича Ромодановского, заведовавшего Преображенским приказом. Устроено было четырнадцать застенков, и каждым застенком заведовал один из думных людей и ближних бояр Петра. Признания добывались пытками. Подсудимых сначала пороли кнутом до крови на виске (то есть его привязывали к перекладине за связанные назад руки); если стрелец не давал желаемого ответа, его клали на раскаленные угли. По свидетельству современников, в Преображенском селе ежедневно курилось до тридцати костров с угольями для поджаривания стрельцов. Сам царь с видимым удовольствием присутствовал при этих варварских истязаниях. Если пытаемый ослабевал, а между тем нужен был для дальнейших показаний, то призывали медика и лечили несчастного, чтобы подвергнуть новым мучениям. Под такими пытками стрельцы сперва сознались, что у них было намерение поручить правление царевне Софье и истребить немцев, но никто из них не показывал, чтобы царевна сама подушала их к этому замыслу! Петр подозревал сестру и приказал пытать стрельцов сильнее, чтобы вынудить у них показания, обвиняющие Софью. Тогда некоторые стрельцы показали, что один из их товарищей (который в розыске не оказывался), Васька Тума, привез из Москвы письмо от имени Софьи, получив его через какую-то нищую. Это письмо передано было пятидесятнику Обросимову, а тот передал его стрельцу Маслову, последний читал это письмо перед полками на Двине. Следуя этим показаниям, нашли нищую; но она ни в чем не созналась и умерла в мучениях под пыткой. Взяли кормилицу Софьи Вяземскую и четырех ее постельниц, подвергли их жестоким пыткам. Показания этих женщин были таковы, что из них можно было только при сильных натяжках обвинить Софью. Сама Софья, допрошенная Петром, объявила, что никогда не посылала никаких писем в стрелецкие полки. Ее сестра Марфа сказала только, что слышала от своей служительницы Жуковой о желании стрельцов прийти в Москву и возвести на царство Софью. Жукову подвергли пытке; она наговорила на одного полуполковника. Этого в свою очередь подвергли пытке, а Жукова потом сказала, что она его оговорила напрасно. Когда же ее снова стали пытать, она опять обвинила его: это может служить образчиком, какого рода были отбираемые тогда показания.

30 сентября у всех ворот московского Белого города были расставлены виселицы. Несметная толпа народа собралась смотреть, как повезут преступников. В это время патриарх Адриан, исполняя предковской обычай, наблюдаемый архипастырями, просить милости опальным, приехал к Петру с иконой Богородицы. Но Петр еще до этого был нерасположен к патриарху за то, что последний повторял старое нравоучение против брадобрития; Петр принял его гневно. «Зачем пришел сюда с иконою? – сказал ему Петр. – Убирайся скорее, поставь икону на место и не мешайся не в свои дела. Я побольше тебя почитаю Бога и Пресвятую Богородицу. Моя обязанность и долг перед Богом охранять народ и казнить злодеев, которые посягают на его благосостояние». Патриарх удалился. Петр, как говорят, собственноручно отрубил головы пятерым стрельцам в селе Преображенском. Затем длинный ряд телег потянулся из Преображенского села в Москву; на каждой телеге сидело по два стрельца; у каждого из них

было в руке по зажженной восковой свече. За ними бежали их жены и дети с раздирающими криками и воплями. В этот день перевешали у разных московских ворот 201 человека.

Потом снова происходили пытки, мучили, между прочим, разных стрельецких жен, а с 11 до 21 октября в Москве ежедневно были казни; четверым на Красной площади ломали руки и ноги колесами, другим рубили головы; большинство вешали. Так погибли 772 человека, из них 17 октября 109 человекам отрубили головы в Преображенском селе. Этим занимались по приказанию царя бояре и думные люди, а сам царь, сидя на лошади, смотрел на это зрелище. В разные дни под Новодевичьим монастырем повесили 195 человек прямо перед кельями царевны Софьи, а троим из них, висевшим под самыми окнами, дали в руки бумагу в виде челобитных. Последние казни над стрельцами были совершены в феврале 1699 года. Тогда в Москве было казнено разными казнями 177 человек.

Тела казненных лежали неприбранные до весны, и только тогда велено было зарыть их в ямы близ разных дорог в окрестностях столицы, а над их могилами велено было поставить каменные столпы с чугунными досками, на которых были написаны их вины; на столпах были спицы с воткнутыми головами.

Софья по приказанию Петра была пострижена под именем Сусанны в том же Новодевичьем монастыре, в котором жила прежде. Ее сестра Марфа пострижена под именем Маргариты и отправлена в Александровскую слободу в Успенский монастырь. Прочим сестрам запрещено было ездить к Софье, кроме Пасхи и храмового праздника Новодевичьего монастыря. Несчастливая Софья в своем заключении томилась еще пять лет под самым строгим надзором и умерла в 1704 году.

Ростовский митрополит Димитрий Туптало

Говоря о важных русских исторических деятелях XVII века, нельзя умолчать о духовном лице, действовавшем преимущественно в конце XVII столетия; оно имеет важное значение не только для своего времени, но и для последующих времен по тому благочестивому уважению, какое к его памяти оказывает русский народ.

Св. Димитрий (по происхождению малороссиянин) занимает одно из самых блестящих мест в кругу киевских ученых, распространявших по Русской земле начатое Петром Могилой дело русского просвещения. Он родился в местечке Макарове, верстах в пятидесяти от Киева, на правой стороне Днепра, в декабре 1651 года. Его отец был казацкий сотник по имени Савва Григорьевич Туптало, мать называлась Марья, ребенок назван был в крещении Даниилом¹⁷⁰. Когда он достиг отроческого возраста, родители отдали его учиться в Киев. Отец Данила был ктитором Кирилловского монастыря и, вероятно, проживал в самом Киеве. Одаренный от природы живым воображением и глубиной чувства, Данило предался религиозной созерцательности и решил постричься. Печальная судьба Малороссии, как видно, содействовала такому настроению: вокруг себя он видел кровь, слезы, нищету; одна беда влекла за собой другую беду, и не предвиделось исхода плачевному состоянию края. В Киеве даже учение не могло идти своим обычным порядком. Естественно было предаться мысли о непрочности земных благ и искать пристанища в иноческой жизни. В 1668 году Данило был пострижен в киевском Кирилловском монастыре игуменом Мелетием Дзико¹⁷¹ и наречен Димитрием. Несмотря на молодость, он вскоре обратил на себя внимание своим необыкновенным даром слова; 25 лет от роду, в 1675 году, он был посвящен в Густыньском монастыре Лазарем Барановичем в иеромонахи. С этих пор начались странствования Димитрия из монастыря в монастырь, из края в край. Где только он ни поселялся, там начинал говорить поучения, и к нему стекались толпы народа; слава о новопоявившемся знаменитом проповеднике переходила из города в город. Архиепископ Лазарь Баранович перевел его из Густыньского монастыря к себе в Чернигов, и Димитрий пробыл около двух лет проповедником при Лазаре Барановиче. Отправившись в Литву, для поклонения чудотворной иконе, находившейся в Новодворском монастыре, Димитрий сначала был приглашен на короткое время для проповедничества в Вильно, а потом белорусский епископ Феодосий Василевич убедил его переселиться в Слуцк; Димитрий проповедовал там в Преображенском монастыре. Но в конце 1679 года скончался его покровитель Феодосий, а вслед за ним окончил жизнь другой его благоприятель, ктитор Преображенского монастыря Скочеквич. Проговорив над последним надгробное слово¹⁷², Димитрий через месяц уехал из Слуцка на родину. Молодого проповедника наперерыв приглашали из разных мест Малороссии. Гетман Самойлович убедил его поселиться в Батурине, а затем по его ходатайству Лазарь Баранович в 1681 году назначил Димитрия игуменом Максакковского монастыря. Лазарь, любивший, как известно, играть словами, сказал Димитрию при этом такую любезность: «Вы называетесь Димитрием, и потому я желаю вам не только игумена, но и митры. Пусть Димитрий получит митру». На следующий год Димитрий был сделан батуринским игуменом. Но пребывание в Батурине было ему не совсем по душе; в следующем же году он оставил игуменство и удалился в Киево-Печерскую лавру, где был принят радушно архимандритом

¹⁷⁰ Говоря о своем рождении в дневнике, он сказал: «И в тот час воеводина Радзивилова и крещением святым просвещен». Вероятно, она была его восприемницей: это была, должно быть, жена Януша Радзивила, молдавская княжна, сестра жены Тимофея Хмельницкого.

¹⁷¹ В Ростове в келье Димитрия сохраняется современная картина, изображающая, как молодой Данило, кланяясь в ноги отцу и матери, спрашивает их родительского благословения на поступление в монастырь. Члены семьи в малороссийских одеждах того времени.

¹⁷² За которое получил, по его словам, шесть локтей доброго голландского полотна.

том Варлаамом Ясинским. Здесь Димитрий начал составлять сборник житий святых – Четии Минеи. Труд этот был намечен еще Петром Могиллой, но остался без исполнения. Через два года мы застаем Димитрия снова в Батуристине игуменом Николаевского монастыря. Не знаем, как отнесся Димитрий к падению Самойловича, но оно не имело на него дурного влияния. Преемник Самойловича, Мазепа, был также благосклонен к Димитрию. Окончив половину своих Минеи, Димитрий возвратил в Москву бывшие у него Макарьевские Минеи¹⁷³, извещал об окончании своего труда и просил благословения патриарха Иоакима на печатание, но так как благословение долго не получалось, то Димитрий, не дожидаясь его, отдал свои Минеи в печать в Киево-Печерскую лавру под надзором архимандрита Варлаама. Патриарх, узнав об этом, был очень недоволен, придирался, требовал перепечатки некоторых мест, запрещал печатать далее без своего разрешения, однако Димитрий отклонил от себя дальнейшие преследования. Он вместе с Мазепой побывал в Москве в самое смутное время падения Софьи (в 1689 году) и успел понравиться Иоакиму, который дал ему благословение продолжать свой труд. По возвращении на родину Димитрий проживал в Батуристине и трудился над своими Минеями. Преемник Иоакима, патриарх Адриан, не только не придирался к печатанию, но, поставив на киевскую митрополию печерского архимандрита Варлаама, особенно просил его содействовать печатанию Димитриевых Минеи.

Димитрий Ростовский

В 1692 году Димитрий опять оставил игуменство, чтобы исключительно заняться Минеями; но в 1694 году его заставили принять игуменство в Глуховском монастыре, а в 1697 году

¹⁷³ Их выписал из Москвы Гизель, который думал писать Минеи, но не успел.

преемник Лазаря Барановича, Иоанн Максимович, вызвал его в Чернигов и сделал архимандритом Елецкого монастыря. Занимаясь Минеями, Димитрий не переставал писать и говорить проповеди. Через два года его перевели в Спасский монастырь в Новгороде-Северском, и здесь в 1700 году он окончил три чети (четверти) своих Миней и напечатал в лавре; вслед за тем судьба неожиданно призвала его в далекий край.

Петр Великий искал достойное духовное лицо для замещения кафедры сибирского митрополита и приказал киевскому митрополиту Варлааму прислать к нему в Москву такого архимандрита, который бы годился на это место. Варлаам указал на Димитрия. В феврале 1701 года Димитрий по царскому приказанию приехал в Москву, а 23 марта был рукоположен в архиерейский сан.

Но Димитрий, достигший уже 50 лет от роду, был слаб здоровьем; ему было бы тяжело ехать в далекую неведомую и притом суровую страну. Он впал в недуг. Петр, узнав об этом, сам приехал к нему и заметил, что Димитрий более печален, чем болен, и приказал сказать ему откровенно причину своей тоски. «Меня, – сказал Димитрий, – посылают в суровый край, вредный для моего здоровья, а на мне лежит послушание – окончить “Жития Святых”». – «Оставайся в Москве», – сказал ему на это Петр.

Димитрий остался в Москве, сблизился и подружился со своим земляком Стефаном Яворским, занимавшим тогда место блюстителя патриаршего престола, и продолжал заниматься своими Минеями.

Ростов Великий. Ростовское архиерейское подворье. XVII в.

В январе 1702 года по смерти ростовского митрополита Иосафа Петр назначил Димитрия в Ростов. Это было последнее местопребывание Димитрия. Приехав в свою епархию, он тотчас же указал в соборной церкви место для своего погребения и сказал: «Се покой мой, zde вселюся во век века».

Здесь он окончил свой многолетний труд «Жития Святых», которые были напечатаны вполне в 1705 году в типографии Киево-Печерской лавры. По своему обыкновению Димитрий и в Ростове говорил постоянно проповеди: в Ростове, как и в Малороссии, его полюбили и сте-

кались к нему слушатели. Но в великорусском крае потребовалась от него еще иного рода деятельность. Димитрий, познакомившись с великорусским духовенством, ужаснулся крайнего невежества и отсутствия внутреннего благочестия. «Нерадивые иереи, – говорит он в своем увещании к священникам, – ленятся ходить к убогим больным для исповеди и причастия, а ходят только к богатым, и многие бедняки умирают без Св. Тайн... Случилось нам на пути в Ярославль заехать в одну деревню и спросить тамошнего попа: “Где у тебя животворящие Христовы тайны?” – Поп не разумел моего слова. Я спросил: “Где тело Христово?” – Поп опять не понял моего слова. Тогда один из бывших со мною священников спросил его: “Где запас?” – Тогда поп взял «неопрятный» (зело гнусный) сосудец и показал в нем хранимую в небрежении великую святыню... Удивися о сем, неба и земли ужаснитесь концы. Пречистые Христовы тайны держит священник не в церкви на престоле, а у себя между клопами, тараканами и сверчками, с которыми и он сам, и домашние его живут и почивают». Чтобы пресечь такие злоупотребления, Димитрий писал несколько увещаний духовным с наставлением, как вести себя, и видел необходимость положить начало книжному просвещению. Он завел в Ростове духовное училище, или семинарию, которая разделялась на три класса и имела при Димитрии до 200 учеников. Он содержал это училище из собственных доходов, занимался им с большой любовью, сам поверял успехи учеников, наблюдал за их нравственностью и благочестием, а летом собирал их у себя в своей загородной даче, объяснял им сам лично места из Св. Писания, обращался с ними чрезвычайно кротко, по-отечески, и был очень любим ими. Это был первый образчик великорусских семинарий. Кроме общего невежества над великорусским краем тяготело еще другое зло – раскол; и против этого зла счел обязанностью выступить Димитрий. Он написал большое сочинение против раскола – «Розыск о раскольничьей брынской вере», а когда от Петра последовал указ о том, чтобы все обрили бороды, то Димитрий написал сочинение о брадобритии, в котором доказывал, что бритье бород не составляет греха. Сам Димитрий рассказывает, как два нестарых великоруса остановили архиерея при выходе из церкви после литургии и спрашивали его: как он думает? Они готовы лучше положить голову на плаху для отсечения, чем бороды. «А что отрастет, – спросил Димитрий, – борода или голова?» – «Борода», – сказали ему. «Так лучше вам отдать бороду, чем голову, борода будет отрастать столько раз, сколько ее будут брить, а отсеченная голова не пристанет к телу, разве в воскресение мертвых!» Димитрий говорил бородолюбцам, что напрасно они боятся брить бороду, воображая себе, будто этим исказят образ и подобие Божие; доказывал, что образ и подобие Божие совсем не в теле, не в зримом образе человека, а в его душе. Петр нашел в ростовском митрополите поддержку своим преобразовательным планам в этом отношении. Димитрий при своем строгом благочестии не мог разделять уважения великорусов к бородам, так как родился в Малороссии, где казаки давно уже брили бороды и где этот обычай делался всенародным.

Димитрий был большой постник и, как рассказывают, едал в Великую Четыредесятницу только раз в неделю. Он вообще отличался умеренностью в жизни, был кроток, простодушен и охотно помогал беднякам. В своем духовном завещании, написанном за два года до смерти, Димитрий выразился о себе так: «С восемнадцатилетнего возраста до приближения моего к гробу я не собирал ничего, кроме книг: у меня не было ни золота, ни серебра, ни излишних одежд... Пусть никто не трудится искать после меня каких-нибудь складов». Качества Димитрия еще при жизни возвышали его в глазах благочестивых людей.

Недаром боялся Димитрий Сибири; и менее суровый климат Ростовского края зловредно подействовал на его здоровье, ослабленное многолетними трудами и строгим постничеством. Уже в 1708 году Димитрий жаловался, что не в состоянии работать: глаза ослабели, очки уже не могли ему помогать, рука при писании дрожала... В 1709 году Димитрий стал страдать удушливым кашлем и 27 ноября скончался. Его нашли в келье мертвым, стоящим на коленях для молитвы. Друг Димитрия Стефан Яворский похоронил его в месте, указанном самим Димит-

рием по приезде в Ростов. После покойного Стефан взял его многочисленные книги, перешедшие в библиотеку московской синодальной типографии.

Литературные труды Дмитрия имеют важное значение именно потому, что были сильно распространены в русском обществе до последнего времени. Едва ли какой другой духовный писатель имел такой обширный круг читателей. Самым распространенным сочинением Дмитрия были, без сомнения, его Четии Минеи, имевшие несколько изданий. Составляя их, он пользовался Макарьевскими Минеями, рукописью Симеона Метафраста, доставленной ему с Афона, русскими прологами, патериками и разными западными сборниками. Хотя составитель сознавал, что не все бывшее у него в руках имело одинаковую степень достоверности в качестве источников, и потому многое не вносил в свой сборник, тем не менее, однако, нельзя сказать, чтобы Дмитрий подвергал строгой критике сказания, которыми пользовался.

Окрестности Ростова Великого. Борисоглебский монастырь. XVI–XVII вв.

Проповеди Дмитрия (которых осталось множество и из которых не все еще известны) представляют собственно мало черт, важных для истории своего времени как по своему складу, так и по содержанию: это такие проповеди, которые могли быть применимы ко всякой стране и во всякое время. Но они не остались без значения в истории русского просвещения по тем внутренним достоинствам, которые сделали их любимой книгой русских людей на долгое время. Влияние киевской схоластики отразилось во многом и на них – это заметно в стремлении пускаться в символизм. Так, например, в своей проповеди на Вербное воскресенье Дмитрий задает вопрос: зачем Христос въехал в Иерусалим, сидя на осле? – и выводит, что это совершилось по подобию осла с грешником¹⁷⁴. В другой проповеди он приглашает все деревья преклонить верхи свои пред терном и деревьям дает символизацию святых: финик – это праведник; маслина – учителя церковные; виноград – это вообще люди, жительствующие по Бозе, а терн знаменует страдание... Подобно киевским проповедникам он приводит в своих проповедях разные анекдоты из древней истории и басни, которым простодушно верит; напри-

¹⁷⁴ «Ленив – осел, ленив и грешник: многим биением едва уедиши осла в ярем, а развращенного грешника и наказанными многими неудобь обратишь к исправлению: осел, аще и биемый, не скоро грядет, в пути едва волочится, а бегати скоро никогда же весть: и грешник не спешит к спасению, аще иногда и биемый бывает различными от Бога попущенными...»

мер, рассказывая известную басню о птице Фениксе, которая, прожив одним воздухом, без пищи и питья, пятьсот лет, сама себя сжигает, чтобы из ее пепла образовался зародыш новой птицы, он допускает действительное существование такой птицы, живущей будто бы в Аравии и Индии... Или, например, говоря о Дельфийском оракуле, он готов его прорицание признать истинным¹⁷⁵. Но если Димитрий во многих чертах своих проповедей и в схоластическом построении многих из них отдал дань тому кругу, в котором воспитан, зато его проповеди стоят гораздо выше проповедей всех его предшественников настолько, насколько они были плодом не упражнения на заданную тему, а истинного вдохновения, которым была преисполнена даровитая и любящая натура проповедника. Проповеди Димитрия отличаются живостью образов и в особенности глубиной чувства: в последнем едва ли кто из русских проповедников и после Димитрия превосходил его. Они писаны на языке церковно-славянском, с примесью русской речи. Такой язык даже в то время, когда эти проповеди писались, был слишком книжным и удаленным от обычного разговорного языка. В последующие времена при дальнейшем развитии литературного языка он казался устарелым, а между тем проповеди Димитрия долго читались с большей охотой, чем сочинения других, более новых проповедников. Его проповеди имеют ту замечательную особенность, что при книжном языке, при несвойственных русской речи оборотах они отличаются ясностью и как-то легко читаются. Некоторые из проповедей Димитрия, прочитанные в церкви, и теперь могут произвести то же потрясающее впечатление на слушателей. Такова, между прочим, его превосходная проповедь на день жен мироносиц, замечательная и тем, что в ней встречаем применительность к своему времени, чего у Димитрия вообще мало. Проповедник припоминает слова, произнесенные Ангелом к женам мироносицам при гробе воскресшего Спасителя: «Возста, несть zde!» «Где же Христос по своем воскресении? Конечно, везде, как Бог, но не везде своею благодатью, и вот проповедник ищет его. Не в храмах ли он, воздвигнутых в его честь? Нет, его дом святой сделался разбойничьим вертепом. Соберутся люди в церковь, будто на молитву, а между тем празднословят о купле, о войне, о пиршествах, осуждают других, ругаются над ближними, разбивают хульными словами их доброе имя; иные, стоя в храме, будто и молятся устами, а в уме своем помышляют о семье, о богатстве, о сундуках, о деньгах; иной дремлет, стоя в церкви, а иной помышляет о воровстве, убийстве, прелюбодеянии или замышляет месть своему ближнему. Случается вдобавок, что духовные лица пьяные бранятся между собой, сквернословят и дерутся в алтаре. Нет, не храм это божий, а вертеп разбойников: благодать Божия отгоняется от оскверненного св. места, как пчела, гонимая дымом. Некогда Господь бичом от вервий изгнал продающих и купующих из церкви. А что, если бы он теперь видимо пришел в святой свой храм с этим бичом? Но нет, Господи, уже то время прошло, когда ты изгонял бесчинников из храма, ныне наше окаянное время настало; уже мы тебя изгоняем; теперь можно сказать о храме Господнем: несть zde Бога, был, да пошел прочь. Возста, несть zde...» Но ведь Писание учит, что всякий человек есть храм Божий. Стало быть, во всяком человеке можно искать Христа. Но что же? «Многие, – говорит Димитрий, – крещены и просвещены истинною верою, но мало таких, в которых бы Господь обитал, как в своем храме: и вор крещен, и тать, и разбойник, и прелюбодей, и всякий злодей просвещен правоверием, но Христа в нем не спрашивай: несть zde. Разве давно когда-то был Христос в этом воре в младенческие годы, а когда он пришел в возраст, отошел от него Христос! Возста, несть zde! Иной на вид кажется добродетельным, благочестивым, он богомолец, постник, нищелюбец, подвижник... Но все это лицемерие... Не ищи в нем Христа. Несть zde! Трудно сыскать драгоценный жемчуг в морской глубине, золото, серебро в недрах земли, а еще труднее – Христа, обитающего в людях. Многие из нас только по имени христиане, а живут по-скотски, по-свински. Крестом Христовым ограждаемся, а Христа на кресте распинаем своими мерзкими делами...» Проповедник начинает искать Христа

¹⁷⁵ «Знать, по повелению Божию, в научение человеком, паче естества своего, камень проглаголат чудесне...»

в людях разных званий. «Посмотрим, – говорит он, – на духовного сановника и спросим его: с каким намерением и желанием достиг ты своего сана? Ради славы и чести Божией или для своей славы и чести? Ради ли приобретения душ человеческих во спасение или для приобретения собственных богатств? Поистине, не один бы нашелся, который достиг этого сана не для пользы людей, а для своей корысти. Не служить пришел спасению человеческих душ, а для того, чтобы ему служили подначальные...»¹⁷⁶. «Посмотрим, – продолжает он, – на низшие духовные власти, на иереев и дьяконов, и спросим каждого: что тебя привело в священный чин? Желание ли спасти себя и иных? Нет, ты пошел сюда для того, чтобы прокормить себя, жену и детей. Поискал Иисуса не для Иисуса, но для хлеба куса. Иной, взявши ключ разуме- ния, и сам не входит и входящих не пускает, а иной и ключа разума не брал. Сам ничего не понимает: слепец слепцов водит, и купно в яму впадают. Не скоро здесь сыщешь Христа: несть zde! Может быть, в монастырях поискать Христа? Но и в них все испортилось. Ничего не стало... Не в народе ли поискать Христа? Но где же более воровства, как не в народе? Если есть в народе какие-нибудь добрые люди, так и те за своими делами и утеснениями забыли Бога и от молитвы отступили. Не в людях ли великих, боярах и судиях искать Христа? Но к ним нет доступа. Скажут: не пора, иным временем придешь; да незачем и ходить к ним. В них едва ли когда и бывал Христос: в наши злые времена и правда скудна, и милосердия нет; а где ни правды, ни милосердия, там не ищи Христа: несть zde!

Где же обрести его? Придется сетовать с Магдалиною, говорящею: “Взяша Господа моего от гроба и не вем, где положиша его”. Грехи наши взяли от нас Господа нашего и не знаем, где искать его. Иной кто-нибудь скажет: Господь со мною и я с ним, я верую в него, молюсь ему и поклоняюсь ему. А что из того, что ты поклоняешься? Поклонялись ему и те, которые во время его вольного страдания прегибали перед ним колена, а потом били по голове тростью. Ты кланяешься Христу и бьешь Христа, потому что озлобляешь и мучишь своего ближнего, насилуешь его и грабишь, отнимаешь у него неправильно достояние; ты молишься Христу и плюешь ему в лицо, испуская из уст твоих скверные слова, укоряя и осуждая своего ближнего...»

В этой проповеди Димитрий задел и раскольников. «Наша церковь так умалилась от раскола, что с трудом можно найти истинного сына церкви: чуть не в каждом городе выдумывается новая, особая вера. Простые мужики и бабы догматизуют о сложении трех перстов да о том, какой крест неправый и новый, а иные хотя и остаются в церкви, но притворно: у них нет Христа, нет Бога. Несть zde!...»

¹⁷⁶ При этом, как бы боясь раздражить духовные власти, он делает оговорку: «Простите меня, превысочайшие духовные; я не о всех говорю, а только о некоторых и в том числе о себе».

К. Эргом. Новоспасский монастырь в царствование Петра Великого

Кроме множества проповедей, более или менее талантливо написанных, Димитрий оставил по себе много благочестивых размышлений и наставлений¹⁷⁷, написал катехизис в вопросах и ответах, «Зерцало православного исповедания веры», «Летопись» – священная история с нравоучительными размышлениями; сочинение неоконченное.

По значению для истории своего века самое важнейшее сочинение Димитрия есть бесспорно «Розыск о брынской вере» (брынской он назвал раскольничью веру оттого, что раскольники гнездились в Брянских или Брынских лесах), разделенный на три части: 1) о раскольничьей вере, 2) о раскольничьем учении и 3) о раскольничьих делах. В первой части, доказав несправедливость раскольничьих обвинений на православную церковь, Димитрий обличает раскольничьих учителей в том, что они по своему невежеству писали так, что из их слов невольно выходят еретические мнения. Замечательно, что раскол во времена Димитрия раздробился до того, что насчитывали до 22 толков. Во второй части «Розыска» автор критически доказывает ложность разных учений. Главное зло, по мнению Димитрия, в том, что раскольники «чуть только умеют читать и писать, тотчас считают себя великими богословами и учителями веры». Димитрий подробно распространяется о брадобритии, доказывает, что борода не имеет никакого значения в деле религии, и даже те правила, какие существовали о небритии бороды, считает происходящими от времен господства иконоборства. Димитрий отвергает раскольничьи бредни об антихристе, о приближении последних времен, когда храмы должны сделаться хлевами и истинные христиане будут спасаться в пустынях, доказывает неправильное применение раскольниками слов Св. Писания о нерукотворенных храмах, которые раскольники приводили для того, чтобы не ходить в церковь. Димитрий вооружается при этом против иконоборцев и отвергающих поклонение св. мощам и, по-видимому, имеет здесь в виду уже не старообрядцев, а таких отщепенцев от церкви, которые не стояли подобно старообрядцам за букву, а напротив, думали оторваться от буквы. Отщепенцы этого рода, как оказывается, не переставали существовать в России с XVI века, а может быть, и с более раннего времени. Таким образом, мы узнаем, что в Ростове один посадский человек по имени Трофим, призванный Димитрием, по доносу одного попа, не только не стал кланяться иконам, но начал приводить против иконопоклонения такие доводы, которые обыкновенно приводились лютеранами и кальвинистами. Подобное говорит Димитрий и относительно поклонения мощам: «Я слышал недавно об одном лжеучителе и развратителе людей Божиих, который тайно учил не почитать мощей». В опровержение таких учений, противных православной церкви, Димитрий в своем «Розыске» подробно распространяется о законности почитания того и другого. Замечательно, что Димитрий встречал таких раскольников, которые историю евангельскую считали только притчей, а не действительно происходившим событием, и всему хотели давать только аллегорическое значение: «Никогда не происходило того, – говорили они, – чтобы Христос пятью хлебами и двумя рыбами накормил пять тысяч народа в пустыне. Это одна притча. Пустыня – это жилище язычников, к которым Христос пришел, оставив иудеев. Пять хлебов – пять чувств, две рыбы – две книги: Евангелие и Апостол. Лазарево воскресение не было на деле; это одна притча. Болящий Лазарь – это ум, побеждаемый немощью человеческою; смерть Лазаря – грехи; сестры Лазаревы, Марфа – плоть, Мария – душа; гроб – житейские заботы; камень на гробе – сердечная окаменелость; воскресение Лазарево – раскаяние во грехах. Вход Христа в Иерусалим тоже одна притча. Ослица – жидовский род; жеребенок – язычники; Христос оставляет жидов и переходит к язычникам и пр.» – «И другие чудесные Христовы дея-

¹⁷⁷ Например: «Врачевство Духовное», «Внутренний человек в клети сердца своего уединен», «Боговдохновенное наставление христианское», «Апология во утление печали человека»; несколько размышлений под разными названиями, относящимися к страстям Христовым, и пр.

ния, – говорит Димитрий, – описанные в евангельской истории, безумные раскольничьи мудрецы считают притчей, а не действительными событиями; они рассеивают между простым народом свои плевелы и облыгают евангельскую повесть». Все это едва ли может относиться к старообрядчеству, а напротив, свидетельствует, что рядом со старообрядством развивались в русском народе гораздо ранее возникшие рациональные умствования, приведшие к явлению таких сект, как молокане, духоборцы и пр.

Свечной шкаф. XVII в.

Третья часть «Розыска» особенно замечательна тем, что в ней собраны разные известия из истории раскола и между прочим о раскольничьих самосожжениях. Некоторые события были известны Димитрию ближайшим образом. «Доносил мне, – пишет Димитрий, – один старый иеромонах Игнатий, что в Пошехонском уезде, где он был прежде попом, сожглось разом 1920 человек по научению боярского крестьянина Ивана Десятины. Сожигатели устраивают в лесах большие избы и засадят в них душ по сту, по двести, а маленьким детям прибивают гвоздями одежду к лавке, на которой их усадят; потом обложат избу соломой, хворостом и зажгут. Другая подобная страшная секта называется морильщики; сожигатели подговаривают людей к самосожжению, а морильщики проповедуют такое учение: какая польза оставаться в

этой жизни? Веры правой на земле уже нет. Отцов духовных нет. Архиереи и священники – волки, церкви – хлевы; антихрист уже царствует в мире; страшный суд наступает. Кто хочет истинно спастись, тот должен подражать мученикам и исповедникам и скончаться от голода и жажды, чтобы, избавившись от вечных мук, воцариться со Христом. Пострадаем же здесь недолго, чтобы не приобщиться к тем, которые, оставив истинную веру, гонят и мучат нас за нее. Есть у этих морильщиков в лесах избы с маленькими дверцами, а иногда и вовсе без дверей, и землянки; уговорят простаков и засадят иногда одного, а иногда двух или трех и более, на голодную смерть. Бедняки сидят два-три дня, потом кричат, умоляют, чтобы их выпустили, но никто их не слушает; они в безумии бросаются друг на друга, и кто кого одолеет, тот того загрызает».

Георгий Зиновьев. Спас на престоле с припадающим митрополитом Киприаном. 1700 г.

Во времена Димитрия существовало главное разветвление раскола на поповщину и беспоповщину: поповщина – последователи Аввакума; они принимали только тех священников, которые или были посвящены до исправления книг, или, будучи священниками, отвергались в поповщине православной церкви; перекрещивали тех, которые к ним приставали; беспоповщина – уже и тогда разделявшаяся на разные оттенки (волосатовщина, андреевщина, иларио-

новщина, стефановщина, козминищина, серапионовщина и пр.). Все беспоповцы соглашались в том, что не считали возможным какое-нибудь священство на земле после исправления книг, предоставляя мирянам самим совершать такие обряды и богослужения, какие по кормчей позволялись в крайнем случае мирским лицам. Они отвергали брак и учили, что лучше жить без венчанья, чем венчаться по-еретически. Из них-то и являлись сожигатели. Замечательным толком по своей уродливости является так называемая христовщина, возникшая на Оке в селе Павлове-Перевозе: некто назвал себя Христом, подобрал красивую девицу из села Ландюха, назвал ее Богородицей и ходил с ней по селам и деревням. Один монах, Пахомий, видел его и рассказывал Димитрию, как в селе Работки на Волге, сорок верст ниже Нижнего Новгорода, собралось множество народа в пустой и ветхой церкви. Мнимый Христос вышел из алтаря к людям; на голове у него было обверчено что-то наподобие венца, как пишут на иконах, а к венцу прицеплены клочки бумаги с изображением херувимов («А быть может, – замечает простодушно Димитрий, – это были бесы»). Люди падали перед ним на землю и вопили:

Патриарх Адриан

«Господи! помилуй нас! Создатель наш, помилуй!» «Недавно, – говорит далее Димитрий, – появились какие-то рогожники или рубищники, шатавшиеся по миру в рогожах и выдававшие себя за святых... Наконец, – замечает Димитрий, – есть такие толки, которые не пристають ни к поповщине, ни к беспоповщине и не принимают никакого крещения; живут без венчания и чужды христианства: какое уже там христианство, когда крещения нет!» Кроме них, по словам Димитрия, существовали еще и субботники, постившиеся в субботу. Димитрий приводит как догадку, что это возобновление секты жидовствующих, открытых в Новгороде при великом князе Иване Васильевиче.

«Знайте, правоверные, – говорит Димитрий в заключении “Розыска”, – что всякий, ведущий дружбу с раскольниками и дающий им подавание, есть враг самому Христу... Сын, любящий врага отца своего, не любит самого отца и за то недостойн, чтобы отец любил его. Так и христианин, если любит врагов Христовых, раскольников и еретиков, то значит не любит истинно Христа и сам Христос его не любит... Если ты Христа истинно любишь, удаляйся от тех, которые хулят церковь, лают на нее, как псы, воют, как волки, и на части терзают ее...»

По свидетельству современников, Димитрий писал и драматические сочинения, заимствуя сюжеты из священной истории. Ему приписывают шесть драм, из которых издана (Лет. рус. лит., т. IV) так называемая «Рождественская драма или комедия». Как кажется, она более прочих была распространена и вообще может служить образчиком рождественских виршей в форме действий и разговоров. Здесь перемешаны символические олицетворения разных отвлеченных понятий с евангельскими событиями Рождества Иисуса Христа. Самой драме предшествуют антипролог и пролог. В антипрологе Человеческая натура скорбит о своем падении, о затемнении своих душевных способностей, об ожидающей ее смерти. Надежда утешает ее, обещая восстановление золотого века, а с Надеждою вместе являются Любовь, Кротость, Незлобие, Радость; но против Надежды восстает Рассуждение и говорит, что Человеческую Натуру ожидает не золотой, а железный век, и вместе с Рассуждением заговорили Брань, Ненависть, Ярость, Злоба, Плач. Натура в отчаянии призывает Смерть. Является Смерть и величается своим владычеством над родом человеческим. Смерть хочет воссесть на престол, но Жизнь не допускает ее, обещает Человеческой натуре бессмертие¹⁷⁸. Самая драма начинается также символическим разговором Земли с Небом. Земля скорбит о своем горе: «Увы! Увы! За грех Адама и Евы я осуждена производить волчец вместо прекрасных цветов. Я была прекрасна, доброплодна, рождала не оранная, а теперь я тощая, полита потом. Никогда не вернуться мне к первому состоянию, не освятиться по проклятию». – «Не сетуй, Земля, – говорит ей Небо, – тебя ожидает честь больше прежней». Милость Божия подтверждает обещание Неба.

---

¹⁷⁸ Короткий пролог заключается в одном рассуждении о кратковременности.

Саккос «Коломенский». 1653 г.

Возвещается Земле пришествие Спасителя, раздаётся ангельское пение: «Слава вышних Богу», а между тем из ада является Вражда, призывает Вулкана и циклопов: «Куйте, – восклицает Вражда, – копьё, стрелы, цепи, сотворю пролитие крови...»

Затем драма переходит в мир действительности. Вот три пастыря: двое ушли за покупками в город, третий, Борис, остался при овцах и беспокоится за товарищей. Они приходят. Один из них – горбатый старичок, кривой на один глаз, по имени Аврам; другой – молоденький Афоня. Аврам сознаётся, что зашел на «кружало за алтынец выпить винишка». Борис спрашивает его: «А мне-то не купил?»

Аврам: Никак купил и тебе: как ведь не купить?

– Малец, вынь ми с кошеля. Не зволишь ли испить? Борис: Ну-тка сядьте ж и сами поразнапьемся.

– Хлеба купили ли?.. Афоня: Есть.

Борис: Гораздо подкрепимся.

Афоня: Вот тебе хлеб, вот тебе соль, вот и калачи! Кушай, старичок, здоров, а нас не ворчи.

Аврам: Да кушаймо ж поскорее, пора идти к стаду,
Чтоб иногда какой волк не влез в ограду.

В это время раздается хор ангелов. Пастухи с кусками во рту смотрят друг на друга и не понимают, что делается вокруг них. Наконец, Афоня глядит на небо и говорит, что видит высоко птичек; но Аврам, подняв голову к небу, говорит: «Брат, кажется, робятка стоят невелички?»

На это Афоня говорит:

Сударь! И кто видал робята с крылами?
Птицы-то залетели межи облаками?..

Пастыри успокоились, продолжали свой ужин, собираясь идти к овцам, как к ним является ангел и возвещает им, что близ Вифлеема, в вертепе, между волом и ослом, в яслях лежит новорожденный Спаситель человеческого рода, преславленный царь. Но Аврам говорит ему:

Чаю тебе, государь, к князям послали,
Штоб они великому царю поклон дали,
Не к нам, нищим пастухам. Что, ты заблудил?
Или не вслухал? вестник к нам такой не ходил!

Но ангел объявил им, что именно их, нищих пастухов, призывает к себе царь царей, пастырь пастырей. «Государь, – говорит ему Борис, – надобно же что-нибудь нести ему на поклон, чтоб не велел, как наш князь, выпроводить вон в шею!»

Ангел отвечает ему: «Господь не требует вашего добра, не хочет себе даров. Он всем дарит! Несите ему в дар чистое сердце».

Ангел стал невидим, пастыри одевают новые лапти и чулки и идут к вертепу.

Вот как выражают пастыри свое впечатление при виде младенца Христа:

«...И подушечки нету, одеяльца нету,
Чим бы тебе нашему согреться свету!
На небе, як сказуют, в тебе полат много;
А здесь, что в вертепишку лежиши убого,
В яслех, на остром сене, между буи скоты,
Нища себя сотворив, всем даяй щедроты?
Это нам, деревенским, zde лежать прилично,
А тебе, Спасителю, этак необычно...»

За поклонением пастырей следует история поклонения волхвов. Олицетворенное «Любопытство Звездочетское» видит на небе новую звезду и не может понять: что это за звезда? Оно пересчитывает все известные ему звезды и созвездия. Новая звезда ни к чему не подходит. Любопытство вызывает из гроба мудрого Валаама. Валаам возвещает, что это та самая звезда, о которой он некогда пророчествовал, – звезда, долженствующая явиться в последние века от Иакова. Любопытство говорит, что хочет увериться в истине слов его и пошлет за этой звездой волхвов; затем закрывает гроб Валаама, произнося: «Почивай с миром!»

Неизвестный художник начала XVIII в. Апофеоз Петра I. Начало 1710-х гг.

Сцена изменяется. Ирод на престоле, окруженный вельможами, восхваляет их верную службу, а они прославляют его величие. В упоении счастья, Ирод приказывает потешать себя песнями. Певцы воспевают Аполлона и муз. В это время приходит посланник от трех волхвов, названных тремя царями, и ломанным языком¹⁷⁹ просит пропустить их для поклонения новому царю иудейскому. Ирод приходит в ярость: кто смеет называться царем иудейским, когда он еще жив? Вельможи советуют ему притвориться, принять милостиво царей и выведать от них: что это за загадочный царь? Ирод соглашается с ними. Перед ним три волхва – цари рассказывают о явлении звезды, о дарах, которые они несут новорожденному. Ирод отпускает их с тем, чтоб они зашли к нему на возвратном пути, и он сам тогда пойдет поклониться новому царю. Следует сцена поклонения волхвов. Затем – 8-е явление пьесы: Ирод, не дождавшись волхвов, понял, что они его обманули, собирает раввинов, которые объяснили ему, что, по пророчествам, в Вифлееме должен родиться муж, который будет обладать всеми народами. Тогда, прогнав раввинов, Ирод обращается за советом к своим сенаторам, и один из сенаторов подает ему мысль перебить в Вифлеемской земле всех младенцев до двухлетнего возраста. 9-е,

¹⁷⁹ Твою землю Вифлеем пошел, поклонился Нову царю иудейску, да дом воротился и пр.

10-е и 11-е явления представляют избивание младенцев и «длинный плач и рыдание подобием плачевной Рахили». В 12-м явлении Ироду приносят головы убитых детей. Ирод в восторге приказывает певцам петь торжественные песни, плескать в длани, а сам в упоении засыпает на своем троне.

Между тем слышится голос Невинности. Это голос крови младенцев, вопиющей к Богу об отомщении, голос проклятия кровопийце: «Отвори несытую змеиную гортань свою, пей кровь, которой ты жаждешь... Пей пролитые слезы матерей, пей выплаканные с ними глаза, смотревшие на лютую десницу воинов, избивавших нас, агнцев, для твоей трапезы! Из крови нашей ты уготовил нам порфиру, упестрил ее жемчугом материнских слез». На голос Невинности Истина произносит грозный приговор вечной муки тирану.

Ирод просыпается от сна и ощущает страшную болезнь в теле. Призывают врача, а между тем ужасный смрад распространяется от больного. «Готовьте ему гробовое ложе, – говорит врач, – а сами бегите; смрад, исходящий от него, смертелен». Все покидают Ирода. Тиран умирает в страшных муках.

16-е явление: Ирод в аду. «О какие муки! – говорит Ирод. – Горю, горю. Зачем я рождался на свет! Проклят родитель! Проклята мать! Проклят день, час, когда я был рожден! Прокляты дни, часы, годы, прожитые мной! Прокляты вельможи, советовавшие мне убийство! Прокляты воины, не пощадившие незлобных младенцев! Но паче всех проклят я, терпящий здесь муку. Ах мука великая, мука бесконечная, мука во веки веков! Смотрите на меня гордые и не гордитесь, а то будете со мной в этой пропасти!..»

Следует разговор Смерти с Жизнью. «Торжествую, – говорит Смерть, – я победила, наполнила кровью Вифлеемскую землю, покосила, как траву под росой, четырнадцать тысяч и, наконец, повергла царя Ирода в гортань Цербера! Я властвую над человеком; я сильна и буду обладать им во все веки. Сяду на престоле. Возложу венец на главу мою...»

«Не торжествуй, – говорит ей Жизнь, – разве меня, Жизни, нет на земле? Не умрет Естество Человеческое, вовеки живо будет! Я сяду на престоле навеки и возведу с собой Человеческое Естество. Славой и честью его увенчаю...»

Человеческое Естество преклоняется перед Жизнью, и Жизнь возлагает на него венец.

В последнем, 18-м, явлении (коротком) Крепость Божия произносит нравоучение о каре злодеев и о награде кротким сердцем, а затем в эпилоге ко всем слушателям обращаются поздравление и просьба простить «согрешивших в действе» (несовершенство исполнения).

Несмотря на схоластическое построение этой драмы, нельзя не признать при сравнении с произведениями Симеона Полоцкого и других за ее автором несомненное поэтическое дарование.

Петр Великий

I. Детство и юность Петра до начала шведской войны

Петр Великий родился в Москве 30 мая 1672 года, ночью, и был крещен 29 июня того же года в Чудовом монастыре. Его появление на свет было приветствуемо родителем с особенной радостью. Три дня кряду служили благодарственные молебны, стреляли из пушек. Благодушный царь, по своему обычаю, жаловал своих ближних людей, прощал казенные долги, отменял и смягчал наказание преступникам, а после крестин угощал дважды в своем дворце сановников и выборных людей из Москвы и других городов, приезжавших с дарами. Даже в народных великорусских песнях осталось воспоминание о всеобщей радости и торжестве при рождении царевича, которому впоследствии суждено было стать первым русским императором. Быть может, царь Алексей Михайлович придавал такое значение рождению младшего сына потому, что из оставшихся у него двух сыновей от первой жены один был больно́й, другой малоумный, и сам царь, будучи еще не стар, мог дожидаться, что новорожденный сын от второй жены, возрастая, покажет большие способности, чем другие его сыновья.

Первое воспитание царевича началось по обычному придворному чину, но как только дитя вступило в тот возраст, когда его стали занимать игры, в нем начали проявляться редкая восприимчивость, живость и склонность к забавам, носившим военный характер. Любимые игрушки, на которые он бросался, были: знамена, топоры, пистолеты, карабины, сабли, барабаны. Царевича, по обычаю, окружили так называемыми «робятками» из ровесников, набранных из детей знатных родов; они составляли около него полк. Петр, будучи трех лет от роду, играл с ними в «воинское дело», а обучением и дисциплиной этого детского полка, по царскому поручению, назначен был иноземец Павел Гаврилович Менезиус. Родом он был шотландец, искатель приключений; в молодости шатался он по Европе, убил в Польше на дуэли мужа одной пани, с которой был в связи, был взят в плен русскими, обласкан царем Алексеем Михайловичем и женился на вдове известного Марселиса, основателя железных заводов в России. Царь Алексей Михайлович любил Менезиуса, человека ловкого, бывалого, говорившего на многих языках, и посылал его по важным дипломатическим сношениям послом к папе. Менезиус получил свое место при царевиче по возвращении из Рима. Мы не знаем подробностей обращения Менезиуса с царевичем, но ему принадлежит зародыш той горячей любви к иноземщине, которая начала проявляться у восприимчивого Петра еще с детских лет.

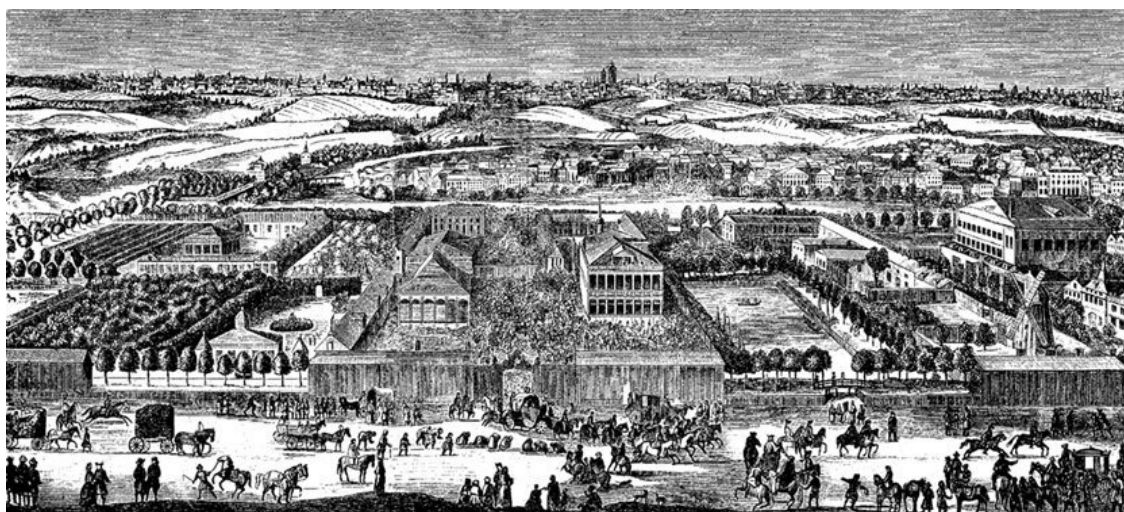
Петр I

По смерти Алексея Михайловича, со ссылкой Матвеева, Менезиус был отдален от Петра и послан в Смоленск, но потехи, имевшие военный характер, продолжались; товарищи детских игр вырастали вместе с царевичем, и с годами их потехи принимали прямо характер воинского обучения: деревянные ружья и пушки заменялись настоящими; царевич строил с ними городки, брал их штурмом, возводил окопы, упражнялся в военных приемах. Между тем его начали учить грамоте. Учителем был ему назначен 12 марта 1677 года дьяк Никита Моисеевич Зотов. Петр учился быстро читать и писать, выказывая необычайную понятливость. Зотов знакомил его с русской историей, рассказывая о деяниях Владимира Св., Александра Невского, царя Ивана Грозного и Алексея Михайловича, объяснял ему, сколько сам умел, какие есть на свете разные науки, полезные для государей. Расширению знаний царевича содействовали бывшие в то время в ходу потешные книги и картинки, составляемые с целью забавы, но заключающие в себе много разнообразных предметов, с которыми дитя могло знакомиться, например, знаменитые здания, города, корабли, исторические события, а также астрономические явления. С жадностью бросался царевич на все новое, все желал узнать и тогда уже порывался видеть в действительности то, о чем ему сообщали книги и картинки; сам хотел созидать города, прекрасные здания, брать крепости, водить полки и плавать по морю. Обыкновенное местопребывание Петра вместе с матерью было село Преображенское.

Десяти лет от роду царевич был вырван судьбой из своего уединения: его посадили на престол; а вслед за тем восприимчивый отрок был свидетелем кровавых сцен, убийства дяди и Матвеева, унижения матери и всех ее родных, наконец, должен был по воле подученной стрельцкой толпы разделить с полоумным братом венец, возложенный на него выбором всей Русской земли: правление перешло в руки сестры, не терпевшей его матери. В эти ужасные минуты молодой Петр показал необыкновенную для его лет твердость и бесстрашие. Но эти минуты оказали печальное влияние на его характер: они, без сомнения, положили в эту гениальную, гигантскую натуру зародыш жестокости, свирепости.

Детские годы Петра I

Немецкая слобода

Во время правления Софии Петр продолжал проживать с матерью в Преображенском селе. Его воспитание было совершенно заброшено. Учителя, Никиту Моисеевича Зотова, от него удалили: другого ему не дали; он проводил время в потехах, окруженный ровесниками без всяких дельных занятий: такая жизнь, конечно, испортила бы и изуродовала всякую другую натуру, менее даровитую. На Петра она положила только тот отпечаток, что он, как сам после сознавался, не получил в отроческих годах тех сведений, которые необходимы для прочного образования. Через это небрежение Петру приходилось учиться многому уже в зрелом возрасте. Сверх того проведенное таким образом отрочество лишило его той выдержки характера в обращении с людьми, которая составляет признак образованного человека. Петр с отроческих лет усвоил грубые привычки окружавшего его общества, крайнюю несдержанность, безобразный разгул.

Однако необыкновенно даровитая натура не могла измельчать в том отсутствии всяких умственных интересов, на которое она была осуждена; собственной силой пробила она себе выход. Петра ничему не учили, но не могли убить в нем врожденной любознательности. Впоследствии Петр сам сообщал о тех случаях, которые направили его на избранную дорогу. Будучи четырнадцати лет от роду, он услышал от князя Якова Долгорукого, что у последнего был такой инструмент, «которым можно брать дистанции или расстояния, не доходя до того места». Молодой царь пожелал видеть инструмент, но Долгорукий ответил, что он украден. Царь поручил купить себе такой инструмент во Франции, куда Долгорукий ехал послом. В 1688 году Долгорукий привез из Франции астролябию и готовальню с математическими инструментами. Вокруг царя не было ни одного человека, кто бы имел понятие, что это такое. Царь обратился к немцу доктору, но и тот не умел владеть инструментами, а отыскал голландца Франца Тиммермана, который объяснил царю значение привезенных вещей. Царь приблизил к себе Тиммермана и начал учиться у него арифметике, геометрии и фортификации. Учитель был небольшой знаток своего дела, но ему достаточно было сделать Петру указания: талантливый ученик сам до всего добирался. До какой степени предшествовавшее воспитание Петра было запущено, показывает то, что, учась на шестнадцатом году четырьмя правилами арифметики, он не умел правильно написать ни одной строки и даже не знал, как отделить одно слово от другого, а писал три-четыре слова вместе, с беспрепятственными описками и недописками.

Петр I и Франц Тиммерман спускают на воду в Измайлове английский бот Никиты Романова «Дедушка русского флота»

Спустя некоторое время Петр в селе Измайлове, на Льяном дворе, гуляя по амбарам, рассматривал старые вещи, принадлежавшие двоюродному брату царя Михаила Федоровича, Никите Ивановичу Романову, отличавшемуся в свое время замечательной любознательностью. Здесь он увидел иностранное судно и спросил о нем Франца Тиммермана. Тот мог сказать ему только то, что это английский бот, который употребляется при кораблях и имеет то преимущество перед русскими судами, что ходит на парусах не только за ветром, но и против ветра. Петр спросил: есть ли такой человек, который бы починил и показал ему ход судна? Тиммерман сказал, что есть такой человек, и нашел Петру голландца Христиана Бранта (Карштен Бранта, как называет его Петр). Царь Алексей Михайлович задумал построить корабль и спустить в Астрахани; для этого призваны были из Голландии мастера. Построенный и спущенный в Астрахани корабль был уничтожен Стенькой Разиным. Мастеровые рассеялись, а один из них – корабельный плотник, этот самый Карштен Брант, проживал в Москве и кормился столярной работой.

Брант по приказанию царя починил бот, приделал мачту и паруса и в присутствии Петра лавировал на реке Яузе. Петр дивился такому искусству, и сам несколько раз вместе с Брантом повторял этот опыт, но не всегда удачно: бот с трудом поворачивался и упирался в берега, потому что русло было слишком узко. Петр приказал перевезти бот на Просяной пруд в селе Измайлове, но и там плавание оказалось не совсем удобным. Тогда Петр узнал, что озеро под Переяславлем будет для его цели подходящим. Оно имело в окружности тридцать верст, а глубина его достигала шести саженьей. Петр выпросился у матери на богомолье к Троице, съездил в Переяславль, осмотрел озеро, и оно очень ему понравилось. По возвращении в Москву он упросил мать отпустить его снова в Переяславль, чтобы там заводить суда. Царица не могла отказать горячо любимому сыну, хотя была против таких затей из боязни за его жизнь. Петр вместе с Брантом заложил верфь при устье реки Трубежа, впадающего в Переяславльское озеро, и тем положил начало своему кораблестроению.

В то же время потехи Петра с ровесниками начинали принимать нешуточный характер. Петр набирал в число потешных охотников всякого звания, и в 1687 году из них составилось два правильных полка, названных по имени двух царских подмосковных сел: Преображенским и Семеновским. Нравилось Петру плавание на судах по воде; любил он и военные упражнения, и с помощью потешных соорудил он на Яузе земляную крепость с орудиями и дал ей иностранное название Пресбурга.

А. Д. Кившенко. Начало русского флота. Петр I катается на ботике по реке Москве

Софья и ее сторонники старались представить эти потехи молодого царя сумасбродными дурачествами; сама мать Наталья Кирилловна не видела в них ничего, кроме забавы пылкого юноши, и думала остепенить его женитьбой: она нашла ему невесту, молодую и красивую девицу Евдокию Лопухину. Отец ее, окольный Ларион, был переименован в Федора. Свадьба совершилась 27 января 1689 года. Петр не имел никакого сердечного влечения к своей супруге и женился из угождения матери, женился так, как женилась большая часть людей того времени. Мать надеялась, что молодой человек, женившись, начнет вести ту жизнь, которая считалась приличной для царя и важных особ. Но Петр вскоре после женитьбы, как только начали вскрываться реки, поскакал в Переяславль и там занялся постройкой судов. Мать хотела отвлечь его и требовала его возвращения в Москву под предлогом панихиды по царе Федоре: «Изволила мне приказывать быть к Москве, – писал Петр матери, – и я быть готов, только, ей-ей, дело есть». Мать настойчиво требовала, чтоб он ехал в столицу. Петр повиновался, приехал в Москву, но через месяц опять ускакал на Переяславльское озеро. Любя свою мать, он в своих

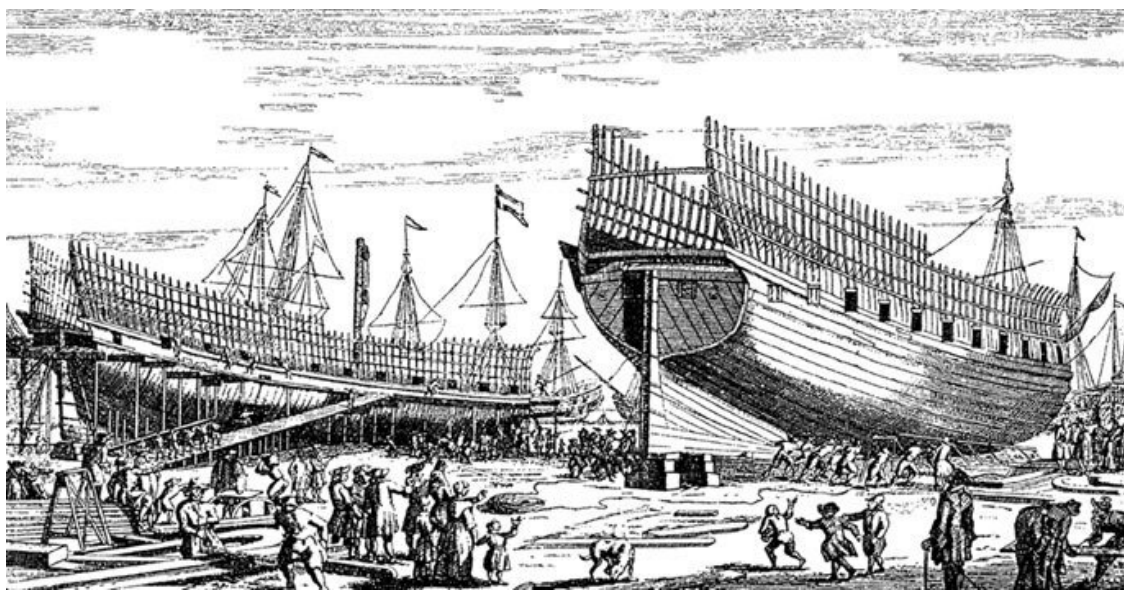
письмах делился с нею удовольствием, какое испытывал от успеха своего дела. «У нас, – писал он, – все молитвами твоими здорово, и суды удались все zelo хороши». Но царица Наталья не понимала порывов своего сына и притом боялась враждебных замыслов Софьи. Она звала его снова в Москву. Молодая супруга также скучала о нем, писала к нему, называла его «своей радостью», «светом», «лапушкой», просила приезжать или позволить ей приехать к нему. Петр, вызванный настоятельными требованиями матери, летом с неохотой вернулся в Москву. Вслед за тем осенью был открыт заговор стрельцов. Петру уже было не до кораблей; спасаясь от явной смерти, он бежал к Троице и оттуда при помощи русских служилых людей уничтожил правление Софьи и стал на самом деле самодержавным государем. С этих пор началась его непрерывная самобытная деятельность.

Франц Яковлевич Лефорт

В числе разных иностранцев, приехавших с Гордоном к Петру во время его пребывания у Троицы, был и Франц Яковлевич Лефорт. Он был родом женевец, сын зажиточного гражданина, занимавшегося торговлей. В молодости он отправился в Голландию, оттуда в Данию, учился военному искусству и с датским посланником прибыл в Архангельск искать счастья в Московском государстве. То было еще при Алексее Михайловиче, в 1675 году. Лефорт скоро выучился по-русски, женился в России на иноземке, дочери богатой вдовы Соге; подобно другим иноземцам служил в войске, получая за службу чины, пользовался расположением временщика князя Василия Васильевича Голицына, перед которым ходатайствовал за Лефорта женевский сенат, но, впрочем, не выдавался ничем особенным. Любопытный Петр вообще естественно привязывался к иностранцам, так как только от них мог получать ответы на свои расспросы и так как они более русских могли сочувствовать его страсти к нововведениям, которая в нем уже проявлялась. Но никто из иноземцев не понравился Петру до такой степени, как Лефорт. По свидетельству знавших его лично, это был человек малосведущий, но зато умевший обо всем хорошо говорить, человек веселого нрава и необыкновенно приятный собеседник. В этом качестве, столько сродном племени, к которому принадлежал Лефорт, и заключается причина, отчего Петр привязался к этому человеку. Лефорт обладал редким житейским тактом. Пользуясь благосклонностью и привязанностью царя, он никому не вредил, не имел того высокомерия, которым вообще вооружали против себя русских живущие среди них иностранцы: Лефорт, знакомя Петра своими рассказами с культурным ходом европейской жизни, отнюдь не старался своим влиянием выводить вперед иностранцев перед русскими; напротив, советовал Петру приближать к себе русских, возвышать их, и сам постоянно казался преданным пользе страны, в которой нашел себе новое отечество. Если Лефорт имел мало основательных сведений в военном устройстве и в кораблестроении, зато с жаром и с восторгом говорил об этом перед Петром и располагал Петра к усвоению наружных признаков иноземного строя. Таким образом, под его влиянием Петр пристрастился к иноземному платью. Рассказывают, что Лефорт сам лично являлся перед Петром то в той, то в другой военной форме, с позволения Петра передел русских солдат в иноземные мундиры, обучал их на глазах царя военным эволюциям и приводил его в восторг. Царь сам нарядился в иноземное военное платье и вздумал пройти всю военную службу, начиная с малых чинов, сам учился всяким приемам военного искусства и при необыкновенной своей восприимчивости скоро приобретал навык владеть огнестрельным оружием, устраивать понтоны, мины, копать шанцы и пр. Вскоре после сближения с Лефортом Петр произвел его в генерал-майоры, устраивал с ним примерные битвы, которые были разом и потехами, и средством обучения. Эти потехи не обходились, однако, даром; на одном из подобных примерных сражений лопнувшая ручная граната опалила лицо царю и ранила многих офицеров. На другом таком сражении, происходившем 4 сентября 1690 года, было много раненых, и сам генерал Гордон. С поврежденной ногой и обожженным лицом он пролежал после этого с неделю в постели. На следующий год, осенью, потехи этого рода приняли еще большие размеры. Царь приказал построить близ села Преображенского земляное укрепление, названное им Пресбургом, разделил войска на две половины: одна должна была защищать укрепление, другая – взять его. На этой примерной битве было еще более раненых, чем прежде, а один из ближних людей царя, Иван Долгорукий, лишился жизни. За такими потехами следовали шумные пиры. Лефорт по этой части был дорогой человек для царя: никто не умел лучше его устраивать пиры. Он ввел Петра в иноземное общество в Немецкой слободе, где царь нашел полную непринужденность обращения, противоположную русской старинной чопорности. Там господствовал самый широкий разгул: пили вино до безобразия, плясали до упаду. Иногда по два, по три дня пировали без усталости, не ложась спать. Женщины участвовали в этих кутежах, придавая им своим присутствием живость и разнообразие. Петр пил без меры, но при своей необычайно крепкой натуре скоро протрезвлялся и принимался с большим жаром за работу, в то время когда другие после

подобного пира долго не могли оправиться. Вместе с иноземцами пиروвали с царем и русские. Пирьы эти происходили главным образом в доме Лефорта, иногда же у Гордона и у близких любимцев царя: Льва Нарышкина, Бориса Голицына, Петра Васильевича Шереметева. Царь со всеми обращался запросто, как равный всем другим собеседник, но иногда какое-нибудь невольное сказанное слово приводило его в такой гнев, особенно когда его природная горячность усиливалась выпитым вином, что все умолкали и дрожали от страха. Один только Лефорт умел в эти минуты успокоить и развлечь царя. Гнев царя проходил скоро, и он снова делался веселым; кругом снова все веселилось и шумело; на дворе зажигались разноцветные потешные огни, пускались ракеты. В продолжение святок и масленицы Петр со своей компанией ездил в дома вельмож и богатых купцов славить Христа, везде пил, веселился и получал дары по старому русскому обыкновению. В эти молодые годы своей жизни он положил начало юмористическому учреждению, которое поддерживал всю свою жизнь. Это был так называемый «всешутейший, всепьянейший и сумасброднейший собор», состоявший из ближних к царю лиц: то была пародия на церковную иерархию. Бывший учитель Петра, Никита Моисеевич Зотов, был назван «всешутейшим патриархом или князь-папой». Князь Федор Ромодановский был назван кесарем, другие придворные получили в насмешку титулы владык разных городов, а сам Петр носил титул протодиакона. Цель этого собора состояла в усердном служении Бахусу и в частом обхождении с крепкими напитками; предаваться пьянству и обжорству на заседаниях этого собора сделалось обычным; способ выражения отличался самым грубым цинизмом.

Постройка судов на русских верфях

Разгульная жизнь Петра отразилась и на его семейных отношениях. Лефорт сблизил Петра с семейством Монсов, где было две дочери; Петру сильно приглянулась одна из них – Анна. Умная, кокетливая немка умела привязать его к себе тем наружным лоском обращения, которого не доставало русским женщинам. Петр с этих пор невзлюбил жены своей, чуждался домашнего очага, но принужден был сдерживать себя, пока жива была его мать.

Дело мешалось с бездельем. С лета 1689 года Петр оставил свои переяславльские кораблестроительные работы, хотя в Переяславле мастер Карштен Брант по царскому приказанию продолжал строить суда и построил два малых фрегата и три яхты. Царь в это время, между прочим, упражнялся в постройке небольших гребных судов на Москве-реке. В конце лета 1691 года он снова отправился в Переяславль и заложил первый русский военный корабль, поручив его постройку Федору Юрьевичу Ромодановскому, назвав его адмиралом еще не существую-

щего флота. На следующий год корабль был готов и спущен на воду в присутствии двух цариц и двора. Усиленные труды и неумеренные кутежи подорвали было здоровье Петра. Он заболел так опасно, что чуть было не умер, и близкие к нему люди собирались на случай его смерти тотчас бежать из России, зная, что Софья, снова взяв в свои руки правление, не пощадит их. Но сильная натура Петра взяла верх, он выздоровел и с прежним увлечением принялся за свое дело.

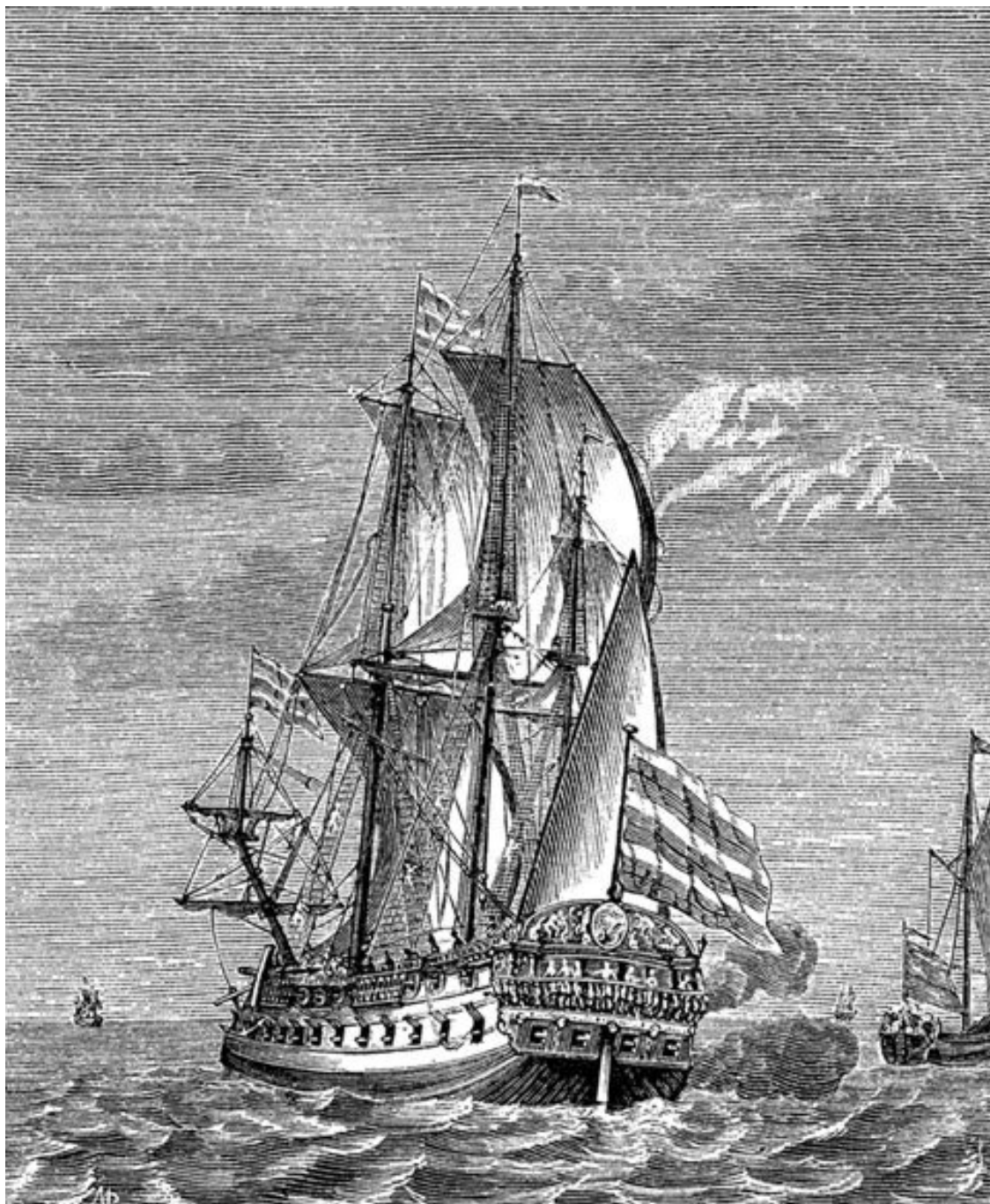
А. Д. Кившенко. Начало регулярного войска. Потехи молодого Петра I

Переяславльское озеро было слишком тесно. Петр летом 1693 года отправился в Архангельск, чтобы видеть море и устройство купеческих кораблей, приходивших в этот единственный русский порт. Царь с большим любопытством осматривал суда, всякие иноземные товары, привозимые из Европы, обо всем расспрашивал и тут же делал соображения о заведении русского флота и расширении торговли. При посредстве сопровождавшего его Лефорта Петр заказал большой корабль, поручив его снаряжение амстердамскому бургомистру Витцену. Кроме того, была начата постройка двух кораблей в самом Архангельске. Совершив небольшое плавание по Белому морю – первое морское плавание Петра, – он осенью возвратился в Москву.

В январе 1694 года скончалась царица Наталья Кирилловна. Петр жалел и плакал о ней, потому что любил ее; но смерть матери совершенно развязала ему руки. Он с жаром принялся за дело кораблестроения, приказал заранее отправить в Архангельск оружие, порох, снасти, изготовить дощаники для плавания по Двине. 29 апреля Лефорт дал у себя прощальный пир с музыкой и барабанным боем, но без танцев по причине недавней семейной потери царя. Вслед за тем царь отправился с четырьмястами ближних людей в Архангельск. Уже плывя по Двине, Петр тешился, называя дощаники флотом, и выдумал для этого флота особый русский флаг: красный, синий и белый, оставшийся до сих пор русским флагом. К величайшему удовольствию Петра один из строившихся в Архангельске кораблей уже был готов и спущен на Двину 20 мая. Царь на этом корабле пировал и угощал иностранных мастеров, строивших корабль. 30 мая царь отправился в Соловки на яхте, названной Св. Петром. На пути сделалась такая страш-

ная буря, что все готовились к смерти и причащались Св. Тайн из рук архиерея, сопровождавшего царя; к счастью, нашелся отважный лоцман, Сумской веси крестьянин Антип Панов. Он вызвался провести судно среди подводных камней в Унскую губу и с успехом исполнил свое дело. Яхта счастливо пристала к Пертоминскому монастырю.

Опасность, испытанная Петром, не только не охладила его, но еще более пристрастила к воде. Благополучное возвращение в Архангельск послужило поводом к веселью на несколько дней. 28 июня был спущен второй корабль, построенный в Архангельске. Петр опять пировал на радости. 21 июля прибыл корабль, заказанный в Голландии. Это дало повод к еще большому торжеству, и Петр по этому случаю писал в Москву к Винуису, что у них «Бахус почищается и своими листьями заслоняет хотящим писати пространно». В августе Петр со своими кораблями опять пустился в море. При плохом умении управлять кораблями царь снова подвергся опасности кораблекрушения, но счастливо избежал его и возвратился в Архангельск. С этих пор Петр считал флот свой существующим и назначил адмиралом его своего любимца Лефорта. Вернувшись в Москву, Петр устроил сухопутную военную потеху – примерное сражение при деревне Кожухове. Это была самая громкая и вместе последняя потеха царя. Войско было разделено на две половины: одна – под начальством Федора Ромодановского, другая, неприятельская, – под начальством Бутурлина, разыгрывавшего роль польского короля. Здесь, как на театре, изображались все приемы войны: военные советы, переговоры, копание мин, постройка мостов, засыпание рвов. Много было побитых и раненых. Петр участвовал в битве в чине бомбардира, под именем Петра Алексеева. Наконец, мнимый польский король был взят в плен, а потом все окончилось веселым пиром, устроенным у генералиссимуса Ромодановского за счет знатнейших купцов. Эта потешная война с походом продолжалась около месяца.

Корабль «Молящийся св. Апостол Петр», построенный Петром I в Воронеже в 1696 г. С современной гравюры Шхонебека

Все эти потехи были, так сказать, детским удовлетворением сильной жажды деятельности и великих подвигов, охватившей душу молодого царя. Недолго он довольствовался игрой в завоевания и кораблестроения: в 1695 году он обратился к действительно важному предприятию. Предшествовавшая история оставила царствованию Петра вопрос с Крымом нерешенным. С XVI века Московская Русь вела упорную борьбу с крымскими татарами за обладание громадным южным пространством нынешней России. Русские шаг за шагом продвигались все дальше и дальше на юг, строились укрепленные города, около них возникали села и деревни. Народонаселение умножалось; богатая черноземная почва южных земель открывала для России источник таких богатств, о которых нельзя было и помышлять прежним поколениям, поневоле замкнутым в северных тундрах и лесах. Но благосостоянию южных областей продолжали

мешать крымские и ногайские татары, хотя уже не так страшные, как в былые времена. Для всякого политического ума было ясно, что движение России на юг необходимо должно было упереться в естественные пределы Черного и Азовского морей и присвоить русскому государству все черноморские берега, населенные тогда татарами, состоявшими под владычеством Турции. Таким образом, впереди для России было неизбежно столкновение с Турцией: оно уже последовало при Алексее Михайловиче, повторилось в правление Софьи и пресеклось только до поры до времени по неумению найти удобные средства к ведению войны и по недостатку решимости. Петр сразу понял, что в решении вопроса об обладании морем состоит важнейшая политическая задача России того времени, и со свойственной его юношескому возрасту отвагой, недолго размышляя, решился возобновить приостановленное предприятие. В начале 1695 года он приказал объявить поход на Крым. Государство имело в распоряжении сто двадцать тысяч войска, кроме малороссийских полков. Из этого числа тридцать одна тысяча была назначена для взятия Азова, ближайшего приморского города. Половина этого войска была отправлена под начальством Головина и Лефорта водою (из Москвы 30 апреля) по Москве-реке, Оке и Волге до Царицына, куда войско прибыло 8 июня; оттуда оно должно было пройти к казачьему городку Паншину, куда велено было собрать продовольствие; для перехода не было заготовлено надлежащего количества лошадей, так что солдаты вынуждены были на себе тащить в продолжение трех суток орудия и прочие тяжести. От Паншина войску следовало идти по Дону до Азова. С этим войском шел сам государь в звании бомбардира. Но русские, следуя старинной привычке, плохо исполняли повеления власти: подрядчики, обязавшиеся поставить запасы для войска, взяв за то деньги, не только не поставили запасов в срок, но и самих подрядчиков пришлось отыскивать по разным городам; между прочим, соли они вовсе не поставили. Преодолевая все эти трудности, русское войско, проплыв по Дону, достигло наконец Азова 29 июня. Другой его отряд, под начальством генерала Гордона, шел до Черкаска сухопутным: здесь военному начальству приходилось бороться с ленью, непослушанием и невежеством; так, когда нужно было построить мост через Северный Донец, стрельцы, работавшие над мостом, приводили в досаду генерала Гордона, и вместо трех недель предполагаемого пути из Тамбова до Черкаска ему пришлось тянуться целых два месяца.

А. Шхонебек. Штурм города Азова 18 июля 1696 года. Гравюра 1699–1700 гг.

Город Азов взять было нелегко, хотя в нем тогда, кроме жителей, было не более 8000 человек неприятельского гарнизона, но Азов был обведен очень крепким валом и рвом шириной в семь сажений. За валом внутри была каменная стена высотой в две с половиной сажени, а за ней – другая стена, за которой находились дом турецкого коменданта, мечеть и помещение для гарнизона. Впереди крепости на обоих берегах Дона были построены небольшие укрепления, называемые каланчами. Военные действия были начаты генералом Гордоном нападением на одну из каланчей. Турки, находясь там в малом числе, защищались храбро, но под конец не выдержали и покинули каланчу. Затем другая каланча, стоявшая на противоположной стороне Дона, сдалась. Русские овладели в двух каланчах порядочным количеством боевых и съестных запасов. После этого приступили к осаде самого Азова и начали пальбу по крепости. Петр в звании бомбардира сам заряжал пушки и стрелял из них бомбами. Но один из иностранных инженеров, голландец Яков Янсен, обласканный царем и поэтому знавший его планы, перебежал к неприятелю и рассказал, что туркам можно сделать вылазку на ставку генерала Лефорта. Турки послали янычар, которые перебили многих сонных стрельцов и нанесли бы русским жестокое поражение, если бы генерал Гордон не успел вовремя отбить их. Бомбардирование после того продолжалось, но без особенного успеха. Главной причиной было то, что военачальники, не завися друг от друга, действовали самостоятельно, и поэтому в их распоряжениях не доставало необходимого единства. 5 августа предприняли генеральный штурм крепости, но турки отбили его. В сентябре русские приготовились к новому штурму, а между тем начали вести подкопы, но делали их так неискусно, что когда последовал взрыв, то побито было много своих. Возобновлены были опять попытки к штурму и окончились также неудачно; наконец, 27 сентября решено было оставить осаду. Отступление войска сопровождалось печальным обстоятельством: немало людей потонуло в Дону от разлива реки, а когда войску пришлось идти через безлюдную степь до Валуек, первого русского города на южной оконечности Русского

государства, то множество людей погибло от голода и ранней зимы, захватившей плохо одетое войско.

Первая неудача не повергла Петра в уныние, напротив, только побудила его во что бы то ни стало овладеть Азовом и проложить себе путь к Черному морю. Он увидел необходимость построить на Дону гребной флот, во-первых, для удобного перевоза войска, во-вторых, для действия против турок с моря. Мысль – перенести на Дон свои судостроительные попытки с севера – естественно должна была быть внушена ему прежними событиями: для сношения с донскими казаками и доставки им хлебных запасов давно уже было в обычае строить на Дону и на берегах реки Воронежа плоскодонные суда, называемые стругами, имевшие от пятнадцати до семнадцати сажень в длину и до трех – в ширину. Постройке этих судов способствовали дремучие леса, которые, однако, и в то время чрезвычайно быстро истреблялись от крайне неправильной порубки. Петр выбрал город Воронеж для устройства верфи, отправился туда сам зимой и в течение нескольких месяцев занимался постройкой судов. В других соседних местах в то же время шла также постройка судов, которые спускались к Воронежу. Работало над этим делом двадцать шесть тысяч человек, высланных из украинских городов по наряду. Таким образом, было построено 23 галеры, 2 корабля, 4 брандера и 1300 судов старой конструкции. Постройка судов шла с большими затруднениями: работники бегали от работы, жестокая зимняя стужа мешала скорости работы, вдобавок на месте, где производились работы, происходили пожары. Царь, похоронив своего брата Ивана, умершего скоропостижно 29 января 1696 года, немедленно отправился в Воронеж, несмотря на то что у него болела нога; Петр деятельно распоряжался постройкой, нередко сам принимаясь за топор. Для умножения сухопутного войска велено было еще в декабре 1695 года кликнуть клич, чтобы все охочие люди, не исключая и крепостных, записывались в солдаты и стрельцы.

Петр в Архангельске, на бирже, с голландскими и английскими negociантами

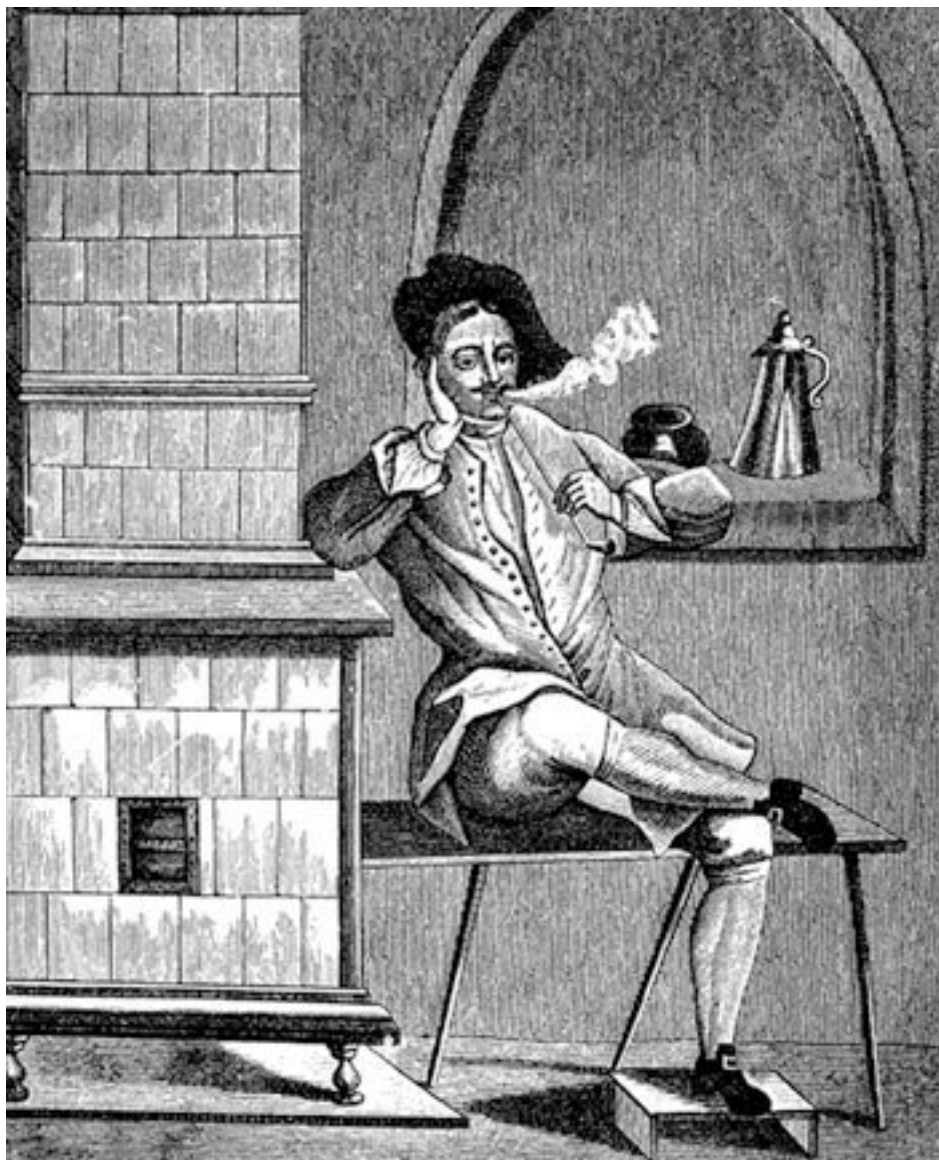
Русское посольство в Гааге в 1697 г. С современной гравюры Маркуса

С первых чисел апреля начали спускать суда на воду, а тем временем подходили собиравшиеся в Воронеж войска. 3 мая караван судов двинулся с войском по Дону. Всего войска было до 40 000. Главкомандующим назначен был генералиссимус Шеин, адмиралом флота – Лефорт, а вице-адмиралом – Лима. Сам царь в звании капитана Петра Алексея находился на построенной им галере, названной «Принципиум». Кроме войск, отправленных по Дону, назначено было действовать запорожцам и донцам. По совету Гордона сделан был около города большой земляной вал, над которым работали денно и ночью до 12 000 человек, стараясь возвести его выше городских стен. Татары, покусившиеся помешать работам, были рассеяны. Город был осажден со всех сторон, а между тем русская флотилия не допускала турецкий флот подать помощь осажденным. 17 июля малороссийские и донские казаки пошли на штурм и не могли взять города, но турки, опасаясь возобновления штурма в большем размере, на другой же день сдались – с условием выйти из города с ручным оружием и со своими семействами. Петр выговорил себе выдачу изменника Янсена, который просил турок лучше отсечь ему голову, нежели выдавать Москве. Турки выдали его вместе с некоторыми русскими раскольниками, перебежавшими к ним.

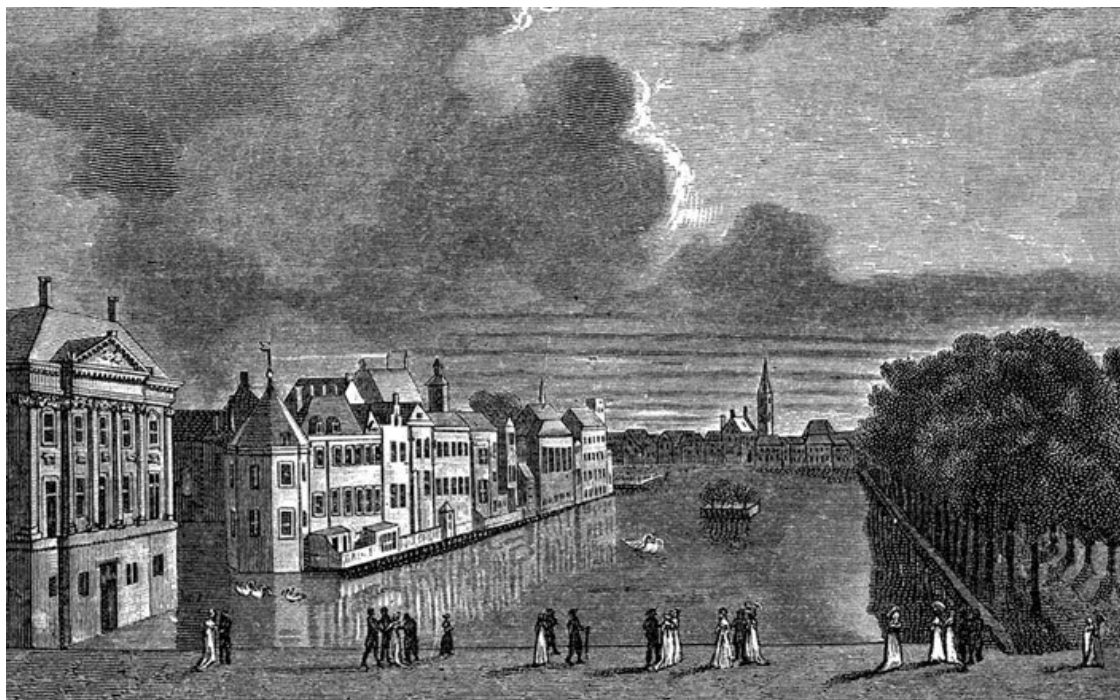
Таким образом, Петр сделал первый шаг к овладению Черным морем – событие было чрезвычайно важным в свое время.

Петр на возвратном пути осмотрел тульские железные заводы и, прибыв в Москву, устроил там никогда еще невиданный праздник – въезд победителей через триумфальные ворота, украшенные разными символическими изображениями и надписями. В шествии вели пленных и везли изменника Янсена, на поругание одетого по-турецки, в цепях, под виселицей с петлей на шее и с надписью, гласившей о его измене и отступничестве. Янсен был бит кнутом, а потом всенародно колесован среди празднеств по поводу победы.

Для того чтобы Азов остался за Россией, недостаточно было его взять, нужно было сделать русским городом. С этой целью государь вместе с боярами указал послать туда для поселения 3000 семей из низовых городов и 400 человек конницы, кроме того, положено содержать там 3000 войска до окончательного заселения Азова. Но одно владение Азовом не имело само по себе большой важности: оно могло только открывать путь к дальнейшему движению России на юг, к обладанию черноморским берегом и Черным морем. Упорное противодействие со стороны турок и татар было неизбежно; к нему должна была готовиться Россия и готовиться поспешно, а для этой цели был необходим флот, и Петр выдумал такое средство, чтобы создать его в самое короткое время.

Петр I в голландском платье. Гравюра Свистунова

Вид города Гааги в XVIII столетии. С современной голландской гравюры

4 ноября 1696 года в Преображенском селе государь собрал думу, в которую были приглашены и иностранцы. Эта дума по воле государя постановила такой приговор: всем жителям Московского государства участвовать в постройке кораблей. Вотчинники, как духовные, так и светские, помещики, гости и торговые люди обязаны были в определенном числе строить сами корабли, а мелкопоместные помогать взносом денег. С этой целью положено было, чтобы владельцы духовные с 8000 крестьянских дворов, а светские – с 10 000 дворов построили по одному кораблю, гости же и торговые люди вместо десятой деньги, которая с них собиралась, построили бы 12 кораблей; мелкопоместные, у которых было менее ста дворов, должны были вносить по полтине со двора. Участники в постройке должны были для этого слагаться в «кумпанства»: кумпанством называлась купа владельцев, которые, сложившись вместе, представляли число крестьянских дворов, назначенное для построения корабля. Так образовались духовные, светские и гостинные кумпанства. Они носили названия по имени сановников, занимавших наиболее видное место, например: кумпанство митрополита такого-то, или: кумпанство князя такого-то. Постройка судов должна была производиться в Воронеже и в соседних пристанях¹⁸⁰. Лес для кораблей положено было рубить в нарочно отведенных для этого угодьях, а для рубки выслать жителей украинских городов. Всех судов положено построить 52, которые разделялись на четыре класса: баркалоны, постройка которых была возложена на кумпанство светских домовладельцев и с ними на двух духовных: на казанского и вологодского владык (это были большие суда в 115 футов длиной и 27 шириной при семи футах углубления, со значительным числом больших чугунных орудий – от 26 до 44); барбарские суда, отличавшиеся большей шириной относительно длины, выпали на долю гостинных кумпанств; третий род судов назывался бомбардирским, разной длины (от 80 до 90 футов при 20 и 28 футах ширины); четвертый – галеры (шириной в 24 фута, а длиной – от 125 до 174). Постройка последних падала на долю духовных землевладельцев. Каждое кумпанство обязано было не только выстроить корабль, но и снарядить его за свой счет. Для производства постройки судов в 1696 году были выписаны иноземные мастера. Венецианский сенат по просьбе царя при-

¹⁸⁰ В селе Чертовицком на пристанях Романской, Ступинской, а также по Хопру и Дону.

слал тринадцать судостроителей, а в начале 1697 года по приказанию царя Франц Тиммерман через своих агентов выписал пятьдесят мастеров из голландцев, шведов и датчан. Этим мастеров отправляли в Воронеж и распределяли по кумпанствам на срок. Если из них кто умирал или после срока удалялся, то кумпанства сами должны были приискывать мастеров. Большая часть кумпанств, будучи не в силах сама вести этого дела, отдавала постройку возложенных на них судов в подряд иноземным мастерам. Второстепенные рабочие, как-то: плотники, кузнецы, столяры – были из русских. Общий надзор над постройкой судов был поручен окольному Протасьеву со званием «адмиралтейца». На Азовском море в то же время строили гавань, избрав местом для этого Таганрог. Наконец, Петр в связи с делом судостроения предпринял прорыть канал между Доном и Волгой посредством рек Иловли и Камышенки.

Федор Юрьевич Ромодановский

Дело судостроения шло довольно успешно. В 1698 году были построены требуемые суда, но Петру приходилось сильно бороться с разными препятствиями: рабочие беспрестанно бегали, иноземные мастера ссорились между собой, а иные брали деньги, но от дела уклонялись.

Франц Тиммерман

Любимая до страсти Петром мысль о кораблестроении последовательно увлекала его к теснейшему сближению с Западной Европой. Постройка судов таким образом, как она совершалась в Воронеже, не могла быть прочным делом на будущее время. Кумпанства, поневоле обязанные давать средства на постройку судов, не могли сделать шага без иностранных мастеров. Петр не мог быть доволен последними: многие из них были искатели счастья, думавшие, что они пришли в такую страну, где и плохая работа может показаться отличной. Сверх того, подобный способ судостроения ставил Россию в постоянную необходимость пробавляться искусством иностранцев и тем самым зависеть от них. Надобно было приготовить знающих русских мастеров. С этой целью Петр отправил за границу пятьдесят молодых людей стольников и при каждом по солдату. Целью посылки было специальное обучение корабельному искусству и архитектуре, а потому они были отправлены в такие страны, где в то время процветало мореплавание: в Голландию, Англию и Италию, преимущественно в Венецию. Эта мера возбудила сильный ропот: в России, жившей столько веков в отчуждении от Запада, постоянно господствовала боязнь, чтобы русские, усваивая знания от иноверных народов, не потеряли чистоты своей веры; духовенство толковало, что русским православным людям, новому Израилю, не следует сообщаться с иноплеменниками, подобно тому как это было запрещено Богом в Ветхом Завете израильскому народу. В начале 1697 года некто монах Авраамий смело подал самому Петру обличение поступков царя. Авраамия пытали; он показал на многих лиц, которые осуждали поступки царя и его правление; между прочим жаловались, что царь ничьих советов слышать не хочет и сам в Преображенском приказе пытает людей и жестоко казнит. Ока-

завшихся виновными в таких толках наказали кнутом и сослали, но неудовольствие не прекращалось. Даже намерение прорыть канал между Волгой и Доном считали негодным Богу: «Нельзя, – говорили русские люди, – обращать потоки в одну сторону, когда уже Бог обратил их в другую». Отцы, отправляя за границу юношей, скорбели о разлуке с ними и проклинали судостроение, которым так увлекался их государь. Сами молодые люди с неохотой оставляли отечество – тем более что некоторые имели жен и должны были покинуть их. Петр не смотрел ни на что: преданный до страсти своему делу, он решился ободрить и увлечь подданных собственным примером. Он сознавался перед боярами, что, не получив надлежащего образования, не способен еще совершать дела, которые считал полезными для своего государства, и не видит иного средства, как, сложив на время для видимости корону, отправиться в просвещенные европейские страны учиться. Подобного примера еще не было в истории русских царей. Приверженцы неподвижной старины с негодованием встретили это намерение. Петр не смотрел на них, учредил правительство из бояр под председательством князя Ромодановского, которому прежде дал титул князя-кесаря, и снарядил великими полномочными послами в Вену, Голландию и Англию Лефорту в звании адмирала и новгородского наместника, сибирского наместника Федора Алексеевича Головина и белевского наместника думного дьяка Прокопия Возницына. При послах было более двадцати дворян, тридцать пять волонтеров, которые собственно назначались для изучения корабельного искусства, и сверх того большое число служителей и мастеровых, между прочим много иностранцев, обжившихся в России. Петр был в свите посольства под именем капитана Петра Михайлова. Посольство отправилось в марте 1697 года к шведскому рубежу в Лифляндию, и первым иноземным городом, где ему пришлось остановиться, была Рига. Петр хотел оставаться совершенно незамеченным: все почести были предоставлены послам; русским было строго запрещено говорить, что между ними находится их царь. Шведский губернатор Риги Дальберг принял русское посольство с официальной честью, но, однако, без особенной предупредительности и не позволял себе ни малейшего отступления от своей обязанности. Дальберг хотя и знал, что в свите находится царь, но показывал вид, что даже не подозревает этого, тем самым буквально исполняя желание Петра находиться инкогнито. Когда Петр захотел осмотреть в зрительную трубу укрепления Риги, Дальберг тотчас обратился к Лефорту и потребовал, чтобы люди его свиты не смели позволять себе таких вольностей. Этот поступок сильно раздражил Петра: он не забыл его и тогда, когда впоследствии завоевал Ригу; тогда, вспоминая о суровости Дальберга, он называл Ригу проклятым местом. В сущности Дальберг только честно исполнял свою обязанность.

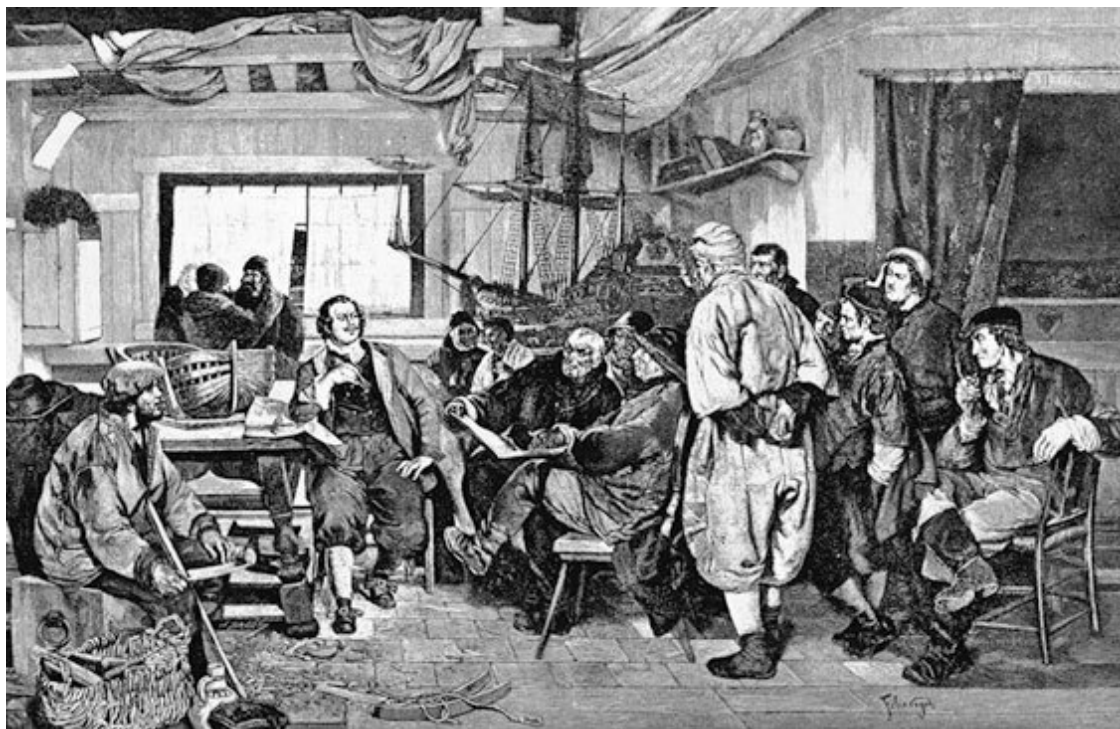

Петр I в Пруссии у курфюрста бранденбургского Фридриха III

В Митаве курляндский герцог принял русское посольство радушнее. Петр, которого больше всего занимало море, оставил послов следовать до Кёнигсберга сухим путем, а сам в Либаве сел на купеческий корабль с волонтерами и отправился морем. 2 мая он пристал в прусский порт Пиллау, а оттуда приехал в Кёнигсберг. Прусский герцог курфюрст бранденбургский принял его отлично и приготовил приличное помещение в двух домах. Посольство прибыло после и было принято с пышностью. Здесь Петр пробыл до 10 июня. Посольство ожидало окончания выбора короля в Польше. Пребывая в Пруссии, Петр усердно занимался артиллерийским делом у инженерного подполковника Штернфельда и привел его в изумление своей необыкновенной понятливостью.

Выехав из Кёнигсберга на пути в Голландию, Петр по дороге получил приятное для него известие из Польши, что курфюрст саксонский Фридрих-Август получил перевес над своим соперником принцем де Конти и признан польским королем под именем Августа II. Избрание этого короля имело важное значение в истории отношений России с Польшей. Август получил корону главным образом потому, что Россия его поддерживала, и русский резидент Никитин напугал поляков, что если они выберут французского принца, то Россия вместе с римским императором из опасения дружбы французского короля с Турцией поставит себя в неприязненные отношения к Польше. Россия решила выбор польского короля и с тех пор, вмешиваясь во внешние и внутренние дела Польши, стала распоряжаться судьбой Речи Посполитой все больше и больше, до самого ее падения.

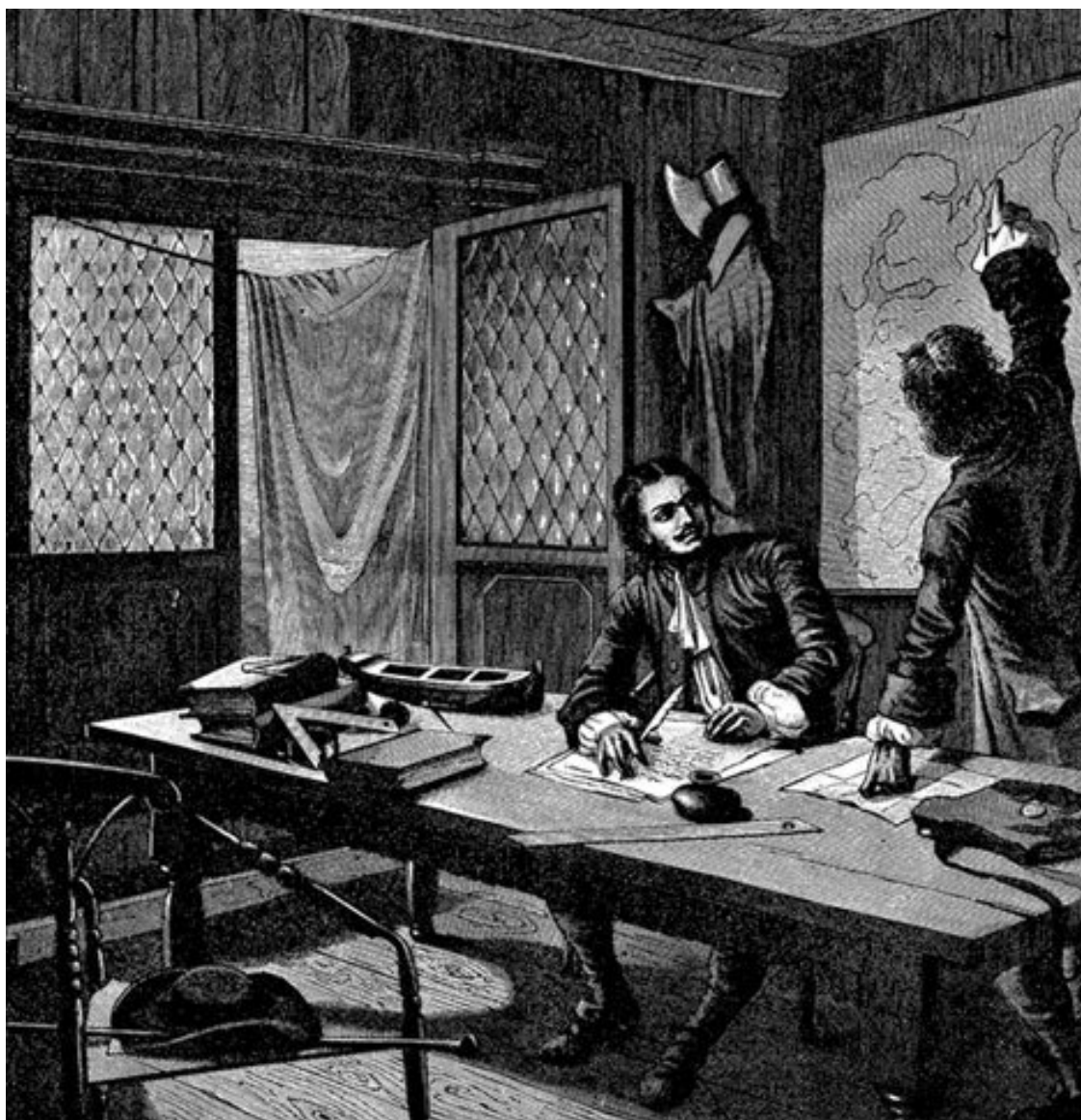

Петр I в Голландии

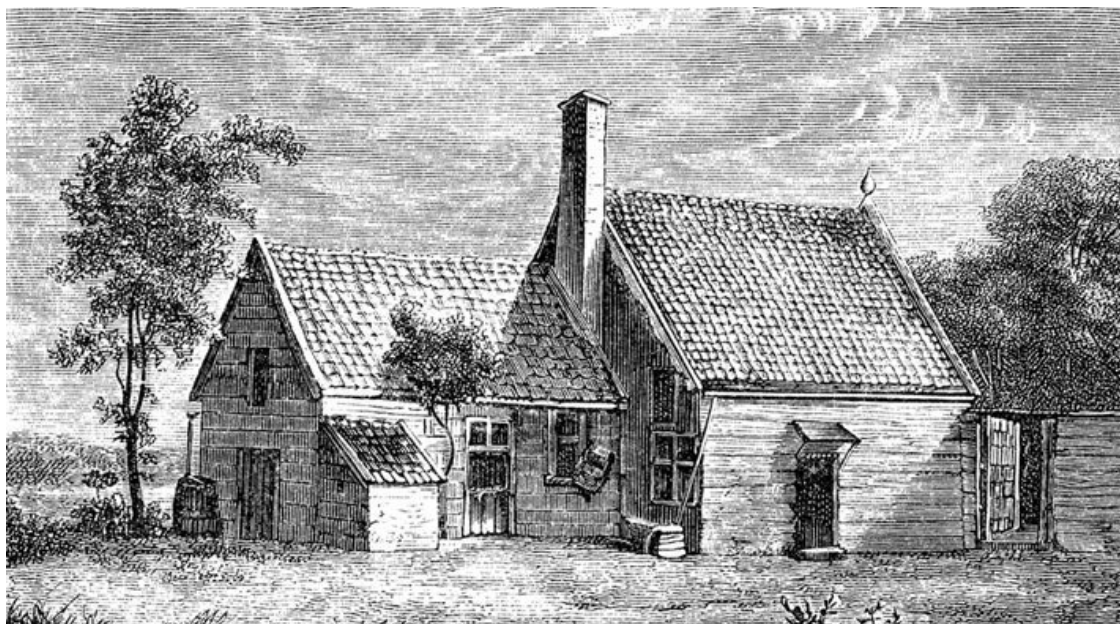
Путешествие русского царя инкогнито не помешало повсюду распространяться вести о нем в Германии. Две принцессы курфюрстины: ганноверская София и ее дочь, бранденбургская София-Шарлотта, – щеголявшие в Германии в то время ученостью, покровительством наукам и знакомством с Лейбницем, знаменитостью своего века, – полюбопытствовали видеть государя дикой Московии, ехавшего в Европу; они встретили Петра во владениях герцога цельсбургского с тремя принцами ганноверского семейства и толпой придворных, в местечке Конненбурге. Петр сначала дичился и не хотел идти к ним, но, преодолев свою застенчивость, явился к принцессам с тем условием, что там не было придворных. Ловкие курфюрстины своей любезностью ободрили его и довели до такой развязности, что он позволил войти всем придворным, заставлял их пить вино большими стаканами по московскому обычаю и для потехи принцессам со своими приближенными пустился плясать по-русски. Замечательно, что когда принцессы для всеобщего увеселения призвали итальянских певцов, Петр откровенно сознался, что не имеет склонности к музыке. Принцессы спросили его: любит ли он охоту? Петр дал такой замечательный ответ: «Отец мой очень любил ее, но я больше люблю плавать по морю и пускать фейерверки». Русский царь показал принцессам свои руки, огрубелые от работы. Принцессы после этого свидания оценили его необыкновенный ум и любознательность, но на них неприятно подействовали грубость его приемов, неумение есть опрятно, беспрестанное трясение головой и нервные гримасы на лице. Принцессы выразились о нем, что «это человек очень хороший и очень дурной!»

Петр I в Саардаме. Хозяйка выговаривает царю-работнику

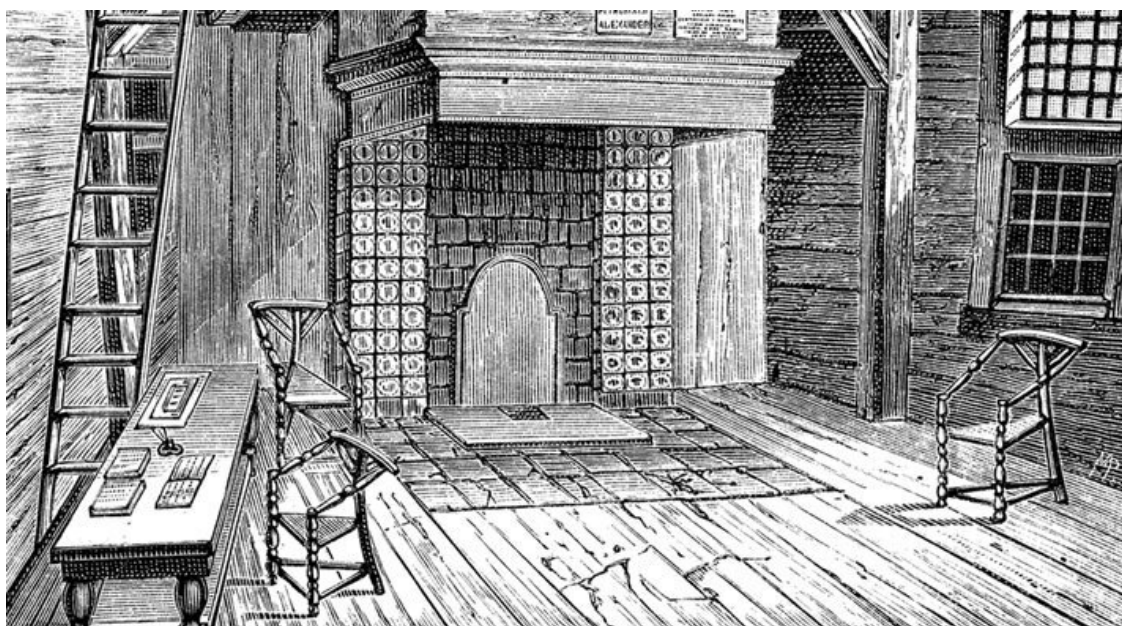
Петр I в Амстердаме

Домик, в котором жил Петр I в Саардаме

Петру нетерпеливо хотелось в Голландию, страну кораблей и всякого мастерства: для него это была настоящая обетованная земля. Оставив позади себя посольство, он поплыл по Рейну и каналам с несколькими волонтерами и немногочисленной прислугой. Петр много слышал о Голландии от голландцев, которых было очень много в России, и узнал от них о том, что недалеко от Амстердама, в прибрежном местечке Саардаме, есть большая корабельная верфь. Не останавливаясь в Амстердаме, Петр оставил там большую часть своих спутников, взял с собой только шесть волонтеров, и в том числе Александра Меншикова, и приехал в Саардам 7 августа, в одежде голландского плотника – в красной фризовой куртке, в белых парусиновых штанах и лакированной шляпе. Там он нашел знакомого кузнеца, работавшего некогда в Москве, Геррита Киста, приютился в его доме, упросив хозяина никому не говорить, кто он таков, и выдавал себя за простого русского плотника. Здесь царь принялся работать топором вместе с другими работниками, ходил с ними в трактир пить пиво, посещал разные заводы и мельницы, которых было много в окрестностях Саардама. Вскоре, однако, саардамцы смекнули по приемам чужеземного плотника, что это должен быть важный человек, а жена кузнеца Киста проговорила, и все узнали, что плотник – царь; тогда за ним начала ходить толпа любопытных. Однажды он раздражил уличных мальчишек: он нарочно дал одним из них слив, а другим не дал, и они в него за это кидали грязью. Царь принужден был жаловаться бургомистру. Бургомистр для охранения царя устроил на мосту стражу, чтоб не давать толпе собираться перед домом, где жил царь. Но это не помогало. Сам Петр не привык сдерживать себя и однажды, когда его окружила непрошенная толпа, бесцеремонно ударил по щеке одного из зевак, которого голландцы в шутку прозвали после этого «рыцарем». Эти обстоятельства заставили Петра удалиться из Саардама, где он прожил всего восемь дней. 15 августа он приехал в Амстердам, куда вслед за тем прибыло и русское посольство. В Амстердаме он прожил четыре месяца. Здесь при посредстве бургомистра Витсена, который некогда был в России, Петр определился простым рабочим на ост-индскую верфь и с чрезвычайным увлечением для собственного изучения кораблестроительного искусства трудился над постройкой фрегата, заставляя и своих русских волонтеров работать вместе с собой. Но голландский способ кораблестроения не вполне удовлетворял его: голландцы были только практики, теоретическая часть у них была в небрежении; Петр проведал, что в этом отношении англичане стоят выше голландцев, и задумал ехать в Англию с целью дальнейшего своего усовершенствования в

кораблестроении. Петр занимался не одним кораблестроением; его также занимало все другое: и фабрики, и анатомия, и естествознание; он ездил в Лейден наблюдать за вскрытием трупов, изучать разные аппараты и микроскопы, занимался также гравированием и в то же время не терял из виду внутренних и внешних дел своего отечества, следил за делами в Польше, Турции, за своими кумпанствами, продолжавшими строить корабли в России, договаривался и нанимал мастеров для отправления в Россию и не оставлял без внимания хода политических событий в Европе. С замечательной проницательностью предсказал он тогда разрыв с Францией после Ризвического мира, которому радовались голландцы, названные царем за такую недалекость дураками. В Утрехте царь познакомился с английским королем Вильгельмом III, был принят им отлично, и это утвердило его в намерении ехать в Англию. Он взял в Голландии от корабельного мастера, у которого работал, аттестат на имя Петра Михайлова и в январе 1698 года прибыл в Англию.

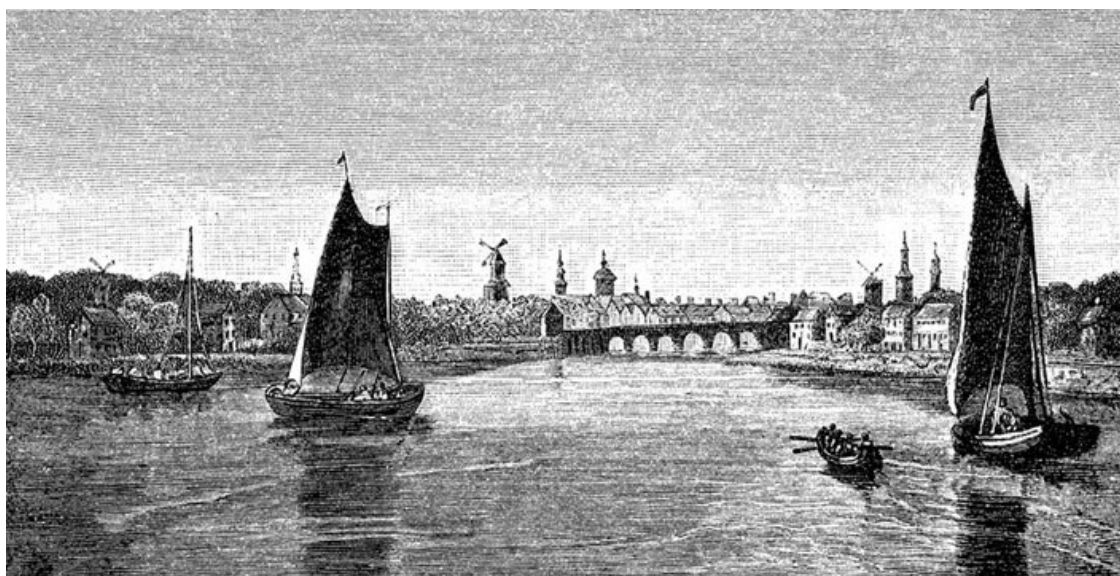

Внутренний вид домика Петра I в Саардаме. С гравюры Слюйтера

Радужно принятый в Лондоне королем, осмотрев наскоро достопримечательности Лондона, Петр поспешил к своему любимому делу, поселился в трех верстах от Лондона, в городке Дептфорде, на королевской верфи, принялся за работу под руководством мистера Эвелина, начал прилежно изучать теорию кораблестроения и заниматься математикой, ездил отсюда в Вульвич осматривать литейный завод и арсенал, обзревал госпитали, монетный двор, где наблюдал производство работ с целью применить к России виденные им способы, посещал парламент, побывал в Оксфордском университете, толковал с англиканскими епископами о различии вер, заходил даже в квакерскую общину, посещал разные мастерские, и не было, говорили англичане, такого искусства или ремесла, с которым не ознакомился бы русский царь, но потом он все-таки опять возвратился к своему любимому кораблестроению. Все его интересовало, но корабельное дело было ему всего милее. «Английский адмирал, – говорил он тогда в порыве восторга, – счастливее московского царя». Салисбурыйский епископ Бёрнет, которому было поручено показывать царю достопримечательности и объяснять их, сделал несколько оригинальных замечаний насчет личности Петра. «Это был человек, – по мнению Бёрнета, – с необыкновенными способностями и с такими познаниями, которых нельзя было ожидать при его небрежном воспитании, проявлявшемся на каждом шагу; он очень горяч, порывист, страстен и крайне груб; постоянное излишнее употребление вина развило в нем еще

сильнее эти качества». Страстная любовь Петра к кораблестроению побудила Бёрнета сделать заключение, что он считает его более рожденным быть корабельным мастером, чем царем. Все его своеобразные приемы до такой степени поражали Бёрнета, что он считал его почти помешанным. К этому, вероятно, побуждало английского епископа и то, что голова царя постоянно тряслась и все тело было подвержено конвульсивным движениям.

Англия произвела на Петра самое благоприятное впечатление; он признал преимущество английского кораблестроения перед голландским, решил, что у него вперед будет принят английский способ постройки и он будет приглашать преимущественно английских мастеров. Здесь по рекомендации лорда маркиза Кармартена Петр пригласил несколько мастеров и инженеров, в том числе Джона Перри – специально для прорытия канала между Волгой и Доном, и математика Фергэрсона – для преподавания математических наук в России. Лорд Кармартен сам был страстный любитель мореплавания, и потому Петр с ним особенно сошелся. Через посредство Кармартена Петр заключил с английскими купцами договор о свободном ввозе табака. Хозяин этой компании заметил Петру, что русские, особенно духовные, питают отвращение к этому зелью и считают его употребление грехом. Петр ответил: «Я их переделаю на свой лад, когда вернусь домой». Самая забота о ввозе табака в Россию имела тот смысл, чтоб заставить русских отречься от одного из многих предрассудков, которым решился объявить царь ожесточенную войну после побывки своей в Европе.

Вид города Амстердама в начале XVIII столетия. С современной голландской гравюры

Н.Д. Дмитриев-Оренбургский. Петр Великий в Вене у императора Леопольда в 1698 г.

Английский король Вильгельм подарил своему гостю прекрасную яхту. Петр со своей стороны оставил английскому королю превосходный портрет, писанный учеником Рембрандта Кнелером. Сознывая пользу, полученную им от пребывания в Англии, Петр на прощание сказал: «Если б я не поучился у англичан, то навсегда остался бы не более как плохим работником». 18 апреля Петр простился с королем и отплыл на подаренной им яхте в Голландию. 17 мая он отправился из Голландии в Вену и в ожидании разрешения вопросов о разных обрядах, касавшихся приема русского посольства, испросил у императора согласия на свидание с ним и с его семейством частным образом, без церемоний. Это дало ему возможность, не стесняя себя придворным этикетом, осмотреть все достопримечательное в Вене. Здесь Петру предстояло решить важное политическое дело – отклонить императора от мира с Турцией, потому что Петр в то время даже свои кораблестроительные планы связывал с мыслью об утверждении русской власти на черноморских берегах. Петр не достиг своей цели: казна императора была недостаточна для новых военных предприятий. Император утешал русского царя только

тем, что обещал на переговорах с Турцией поддерживать желание России удержать за собой новоприобретенные места на Дону и Днепре и домогательство овладеть еще одним пунктом в Крыму, именно Керчью. Среди толков о политических вопросах отправлялись разные празднества в честь приезжих гостей. Русское посольство в день именин государя давало вечер для высшего венского общества, а император веселил своего гостя великолепным маскарадом, где знатные особы представляли своими костюмами разные народы и разные общественные звания; русский царь, как приехавший из Голландии, явился в виде фрисландского крестьянина. Надобно заметить, что эти увеселения были также своего рода школой для молодого царя, с жадностью перенимавшего не только европейские знания, но и европейские увеселения.

Амстердамский бургомистр Витзен

Петр хотел из Вены ехать в Венецию; она своим значением морской державы сильно привлекала Петра, но тут пришло к нему известие о бунте стрельцов. Петр 19 июля поспешил в Россию. Он был сильно встревожен. По дороге его успокоила весть, что бунт усмирен. Петр поехал тише, осматривал величковские соляные копи, три дня пировал с польским королем Августом II в местечке Раве, очень полюбил короля и тайно заключил с ним условие начать войну со Швецией. Проезжая дальше, царь принимал угощение от польских панов, через маестности которых проезжал, и 25 августа 1698 года прибыл в Москву.

В жизнеописании царевны Софьи мы уже изложили расправу Петра со стрельцами.

Английский король Вильгельм III

Путешествие Петра было великим событием, с которого началась преобразовательная деятельность государя, и русское общество пошло безвозвратно по новому пути сближения с Европой. С этих пор открывается кипучая, неутомимая деятельность Петра и во внешних, и во внутренних делах. Началом преобразований было изменение внешних признаков, рознивших русскую жизнь от европейской. Петр на другой же день после прибытия своего в Москву, 26 августа, в Преображенском дворце собственноручно начал отрезать бороды; при дворе пощада дана была только двум старикам: Стрешневу и Черкасскому. Всем близким к царю людям велено одеться в европейские кафтаны. Все войско велено нарядить в форменную одежду по европейскому образцу. Бородобритие и перемена одежды с первого раза возбуждали ужас и показывали, что Петр не будет оказывать снисхождения обычаям древней русской жизни, принявшим религиозное значение. Исстари в русской литературе существовали приписываемые святым мужам поучения о сохранении бороды; борода у мужчин считалась признаком не только достоинства, но и нравственности; бритье бороды называлось еллинским, блудным, гнусным делом. Бритый человек, если он не был иноземцем, возбуждал к себе презрение; и вдруг сам царь приказывает русским людям учинять над собой «развратное, скаредное дело». Что касается иноземцев, то русские признавали за ними знание разных хитростей и готовы были пользоваться их службой России, но считали их еретиками, а свой народ – избранным Божиим народом. В глазах русских согласные с уставами православной церкви обычаи почитались святыми, богоугодными, наравне с самою церковью.

При таком взгляде естественно, что преобразовательные приемы Петра, начавшиеся с внешних признаков, должны были возбудить соблазн, вражду, отвращение и противодействие. Русский народ видел в своем царе противника благочестия и доброй нравственности; русский царь досадовал на свой народ, но настойчиво хотел силой заставить его идти по указанной

им дороге. Одно давало ему надежду на успех: старинная покорность царской власти, рабский страх и терпение, изумлявшее всех иноземцев, то терпение, с которым русский народ в прошедшие века выносил и татарское иго, и произвол всяких деспотов. Петр понимал это и говорил: «С другими европейскими народами можно достигать цели человеколюбивыми способами, а с русскими не так: если б я не употреблял строгости, то уже давно бы не владел Русским государством и никогда не сделал бы его таковым, каково оно теперь. Я имею дело не с людьми, а с животными, которых хочу переделать в людей». Он пренебрегал не только религиозными предрассудками, но и более существенными нравственными понятиями: церковное благочестие признавало неразрывность брачной связи, а Петр, невлюбивший свою жену, не только отвергнул ее от себя, но и употребил над ней насилие. Его жена, царица Евдокия, воспитывалась в обычаях старины и строго их хранила; Петр же с увлечением бросился перенимать все иноземное. Этого одного уже было достаточно произвести между супругами разлад. Была, кроме того, другая причина: Петр, как мы выше сказали, пристрастился к Анне Монс. Не любя жену, Петр возненавидел ее родню и перед отъездом за границу удалил из Москвы ее отца, дядей и братьев. Желая соблюсти приличия законности, Петр из-за границы поручал Льву Нарышкину и духовнику Евдокии уговорить ее добровольно постричься. Но Евдокия ни за что не хотела. По возвращении из-за границы Петр лично уговаривал ее постричься. Царица не хотела. Тогда царь, не терпевший никаких противоречий своей власти, к соблазну всех православных христиан приказал 23 сентября 1698 года отвезти Евдокию в Суздальский Покровский монастырь и там постричь ее. Пострижение, однако, совершилось не ранее как в июне следующего года: архимандрит и священники этого монастыря не хотели творить незаконного дела и за это были взяты в Преображенский приказ на расправу.

После страшной казни мятежных стрельцов Петр отправился в Воронеж, осматривал там построенные кумпанствами суда, вообще был доволен, но некоторые суда – по замечанию адмирала Крейса – велел переделать. У Петра все еще было намерение вести войну с Турцией, и он все еще надеялся, что римский император будет поддерживать его стремления к утверждению русского владычества на Черном море. Вышло, однако, не так. Открылись переговоры о мире между Турцией и Австрией в Карловице; там на съезде участвовали послы: венецианский, польский и русский – думный дьяк Возницын. Посредничество о заключении мира взяли на себя Англия и Голландия и послали на съезд своих представителей. Возницын хлопотал, чтобы Турция кроме недавно завоеванных Россией мест уступила еще один пункт в Крыму, именно Керчь, но австрийские уполномоченные не стали поддерживать требования русского посла и заключили с турками особый мир. Польский посол также объявил, что Речь Посполитая не в силах продолжать войну с турками. Возницыну ничего не оставалось со своей стороны, как предложить также мир, но турки не хотели мириться иначе, как на условии уступки им завоеванных городов. Возницын заключил с турками перемирие на два года.

Тогда Петр решил отправить посольство в Константинополь для заключения по возможности выгодного мира, а сам между тем готовил войско и намеревался двинуть на следующий год свой воронежский флот в Азовское море для устрашения турок.

В.И. Суриков. Утро стрелецкой казни

Возвратившись из Воронежа, Петр приступил к внутренним преобразованиям в управлении, которыми началась ломка всего старого и введение новых порядков на европейский лад. 30 января 1699 года последовал указ об учреждении бурмистерской палаты. До сих пор торговые и промышленные люди находились в ведении приказов и воевод; по новому указу они были изъяты от прежних ведомств и вместо того должны были в Москве выбирать погодно бурмистров, составлявших бурмистерскую палату, иначе называемую ратушей. Это учреждение ведало суд и расправу между купцами и управляло сбором всех окладных доходов и разных собираемых пошлин. Один из выбранных бурмистров в течение месяца по очереди был председателем. Затем во всех городах, посадах и слободах торговые и промышленные люди также не подлежали суду воевод, а должны были выбрать из своей среды земских бурмистров для суда, расправы и сбора неокладных доходов; таможенные и кабацкие доходы поступили в заведование других выборных же бурмистров, называемых таможенными и кабацкими бурмистрами, которые вместе с земскими составляли земскую избу. Земские избы находились в зависимости от одной московской бурмистерской палаты, или ратуши. Новое учреждение ратуши с бурмистрами устраняло по закону воевод от заведования торговыми людьми, но они все еще по старине притесняли приезжих торговцев. Так делалось в разных городах, и за это воевод велено было судить в ратуше. Из ведения воевод изъяли всякие преследования за корчемство, составлявшие только повод к притеснениям людей. Образец такого самоуправления в торговом и промышленном сословии Петр нашел в старом европейском муниципальном городском строе, который уже прежде его перешел в Малороссию в виде магдебургского права с той разницей, что Петр сосредоточил и связал крепче этот строй посредством подчинения всех земских изб в государстве центральному, такому же по существу своему месту, находившемуся в столице. Это учреждение предпринято было с тем, чтобы избавить торговое и промышленное сословие от тех утеснений, какие оно терпело от приказов и воевод, но главным образом в надежде на умножение дохода, потому что при прежнем управлении были постоянные недоборы. Затевая великие дела, Петр, естественно, нуждался в средствах, и потому умножение государственных доходов сделалось у него главнейшей целью, которую он преследовал во все свое царствование со свойственной ему страстностью.

Тогда поднялся и стал в приближении у царя некто Алексей Курбатов, бывший дворецкий у боярина Бориса Петровича Шереметева. Он путешествовал с ним за границу и узнал, что в западных государствах употребляется в делопроизводстве особая бумага с клеймом, продаваемая от казны. Курбатов подал царю безыменный проект о введении подобной бумаги в России. Петру понравился этот проект. Составитель проекта объявил о себе, получил в награду от царя недвижимое имение и звание обер-инспектора ратушного правления. В России была введена гербовая или в то время называемая орленая бумага. Курбатов открыл собою ряд так называемых прибыльщиков, которые отыскивали и доставляли казне разные средства обогащения.

С весной 1699 года Петр готовился выступить со своим флотом в Азовское море для проводов своего уполномоченного посла в Турцию. 2 марта скончался носивший звание адмирала русского флота Франц Яковлевич Лефорт. Петр, сердечно любивший его как своего лучшего веселого собеседника, громко рыдал над его телом. 10 марта Петр учредил орден Андрея Первозванного и тотчас возложил его на Головина, а через два дня уехал в Воронеж. В мае он выступил с флотом по Дону к Азову и до половины августа усердно занимался корабельным делом, сам показывая другим пример, конопатил и мазал суда и в то же время занимался государственными делами по всем частям. Оставленный союзниками, Петр снарядил в Константинополь послом думного дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцева, дав ему наказ домогаться мира с Турцией на таких условиях, чтобы за Россией непременно остались Азов и другие завоеванные города и чтобы Россия отнюдь не платила годовой дани крымскому хану. Посол должен был плыть в Константинополь на русском сорокапушечном корабле: то был первый русский военный корабль, предназначенный плавать по иностранным морям. Петр опасался, что турки не пропустят русский корабль через Керченский пролив, и потому решил провожать его сам с сильной эскадрой. Действительно, турецкий адмирал, стоявший в Керчи, и керченский паша не хотели пропускать русский корабль, а предлагали посольству выйти на берег и следовать сухим путем, но потом, когда посол наотрез отказался, дозволили русскому кораблю дойти до Константинополя морем, но только под конвоем турецких кораблей. Русский корабль пришел в Константинополь 28 августа 1699 года и стал на якоре прямо против султанского сераля. Не только турки, но и посольства западных держав приходили смотреть на него, как на диво. Переговоры тянулись несколько месяцев. Турки домогались возвращения новозавоеванных городов и срытия тех, которые построил Петр на Азовском море (Таганрога, Павловска и Миуса), домогались, чтобы царь посылал хану поминки. Иностранные послы не только не поддерживали России, но старались утверждать турок в их домогательствах, считая опасным для своих видов, если Россия усилится и сделается морской державой. Наконец, после долгих споров пришли к такому соглашению, чтобы все городки на Днепре срыть и пространство от Запорожской Сечи вдоль Днепра до устья оставить пустым, а за это царю уступались Азов и городки, вновь построенные на Азовском море. Россия не приняла на себя обязательства давать определенные поминки хану. Украинцев по наказу своего государя ходатайствовал о преимуществах православных греков относительно святых мест. Это был первый шаг к тому заступничеству за турецких христиан, которое потом так часто повторялось в русской истории и служило поводом к столкновениям с Турцией. На этот раз турки отклонили вмешательство России, объяснив, что этот вопрос относится к внутренним делам, до которых нет дела чужим, но дозволили русским богомольцам посещать священные места. В этом смысле заключено перемирие на тридцать лет.

II. Внутренние и политические события от начала Северной войны до Альтранштадтского мира

До сих пор стремления Петра приобрести себе море и сделать Россию морской державой клонились на юг; он надеялся действовать против турок в союзе с Польшей, Австрией и Венецией и приобрести от падения Турции выгоды на долю России, но последние события показали ему, как мало может он полагаться на союзников. Сама Россия не в силах была одна бороться с Османской империей, тем более что на сторону последней готовы были пристать европейские державы. Турки понимали опасность, которая грозила их государству, если они позволят России завести флот на Черном море. Посол Петра Украинцев пытался выхлопотать по крайней мере дозволение торговым русским кораблям плавать по Черному морю; турецкие государственные люди на это отвечали: мы бережем Черное море, как чистую непорочную девицу, и разве тогда дозволим плавать по нему чужим кораблям, когда вся Османская держава повернется вверх ногами. Но у Петра уже подготавливалась мысль о перенесении своей морской деятельности на Балтийское море, возникшая еще при свидании с Августом в Раве. Эта мысль была принесена в Польшу из ливонских провинций. Ливония поступила в XVI веке в состав польско-литовской Речи Посполитой, а в 1660 году, по Оливскому миру, досталась Швеции и с этих пор находилась в ее владении вместе с Эстляндией и уступленной по Столбовскому и Кардисскому договорам Водской пятиной, носившей у шведов название Ингерманландии. Ливонское дворянство после поступления под власть Швеции имело важные причины быть недовольным шведским владычеством. Король Карл XI учредил пересмотр земель, находившихся в дворянском владении, и приказал отобрать те из них, которые во время существования Ливонского ордена не составляли частных владений, а принадлежали или вообще орденскому капитулу, или же считались за духовными и светскими должностями. Все такие имения, обращенные без всякого права только силой захвата в потомственные владения, король шведский приказал отобрать из частного ведомства в государственное. Само собой разумеется, что дворянство было этим недовольно, и один из его среды, Рейнгольд Паткуль, человек горячий и предприимчивый, до того задорно начал протестовать против действий правительства и возбуждать других к противодействию, что шведское правительство обвинило его в измене. Паткуль бежал, скитался по разным землям, наконец приютился в Польше и начал внушать Августу II мысль овладеть Лифляндией, а для этой цели заключить договор с московским царем; однако он советовал обращаться с царем так осторожно, чтобы не дать ему возможности присвоить себе из принадлежавших Швеции земель более того, чем прежде владела Россия, то есть Ингерманландии и Корелии. После продолжительных соображений Август вошел в союз против Швеции с Данией и отправил посольство в Москву для той же цели. Датский король Христиан V был во вражде с Фридрихом VI, герцогом Голштейн-Готторпским, женатым на сестре молодого шведского короля Карла XII. На московского государя можно было рассчитывать, указав ему возможность приобрести Балтийское море и завести там флот. В Москву прибыл послом от Августа Карловиц, а вместе с ним приехал под чужим именем и Паткуль. Это было в сентябре 1699 года. В ноябре того же года был заключен тайный договор против Швеции. Август обязывался напасть на Ливонию с саксонскими войсками, а между тем и Польшу склонить к этой войне; но царь обещал двинуть свои войска в Ингерманландию и Корелию не иначе, как после заключения мира с Турцией, и если этот мир почему-нибудь не состоится, то обязывался помирить Августа со шведским королем, потому что сам Август не в состоянии был вести войну один.

Польский король Август II. С современного гравированного портрета

Союзники рассчитывали, что при таком короле, какой был тогда в Швеции, легко будет отобрать земли на южном берегу Балтийского моря. В самом деле, молодой шестнадцатилетний Карл XII своим поведением подавал мало надежд самим шведам. Он не занимался делами, проводил время, то безобразничая самым школьническим образом, то устраивая балы, маскарады и разные увеселения.

Шведский король Карл XII. С гравированного портрета Танже 1717 г.

Первые неприязненные действия против Швеции начались со стороны Дании. Датские войска выгнали голштинского герцога; он убежал в Стокгольм. Христиан V овладел Голштинией. Вслед за тем Август двинулся с саксонскими войсками в Ливонию. С ним был Паткуль. Но здесь дела пошли не так успешно, как в Голштинии. Ливонское дворянство не поддавалось льстивым убеждениям Паткуля. Август осадил Ригу и не мог взять ее при малочисленности своих орудий, а граждане Риги, как и дворяне ливонские, боялись изменять Швеции, не надеясь на выигрыш. Август отправил посла к Петру требовать, чтоб он, по условию, начал войну со шведами. Но Петр, решив до тех пор не начинать войну, пока не заключит мира с Турцией, старался показывать миролюбивые отношения к Швеции, послал резидентом в Стокгольм князя Хилкова, а жившего в Москве шведского резидента Книперкроона уверял, что не начнет несправедливой войны против Швеции, не нарушит мира, который сам подтвердил недавно, и даже обещал отнять у Августа Ригу, если тот завоюет ее у шведов.

В ожидании мира с Турцией, который должен был развязать ему руки для новой войны, Петр продолжал свои преобразования. В декабре 1699 года объявлено, что вперед летоисчисление будет введено не от сотворения мира, а от Рождества Христова, и Новый год будет праздноваться не 1 сентября, а 1 января по образцу всей Европы. Новый 1700 год праздновался в Москве по царскому приказанию целых семь дней; домовладельцы должны были ставить перед домами и воротами для украшения хвойные деревья, и каждый вечер зажигались смоляные бочки, пускались ракеты, палили из двухсот пушек перед Кремлем и в частных дворах из маленьких орудий. Все это делалось на заграничный образец. Вслед за тем был издан указ, чтобы все, исключая духовенство, брили бороду и одевались в иностранную одежду: зимой – в меховую венгерского покроя, а летом – в немецкую. И женщинам велено одеваться в одежду

иностранный покроя. Царь приказал, чтоб на свадьбах и всяких общественных увеселениях женщины находились вместе с мужчинами, а не особо, как делалось прежде, и чтобы также на подобных сборищах были музыка и танцы. Для примера подданным царь в эту зиму беспрестанно ездил сам на свадьбы, устраивал разные забавы, заставляя особ обоюбого пола свободному обращаться между собой. Те, кто добровольно не хотел веселиться на иноземный образец, должны были исполнять волю царя; упрямые наказывались пеней. Петр отменил древний обычай – совершать браки по воле родителей, без всякого участия их детей, вступающих в брачный союз. Петр постановил, чтобы родители не имели права принуждать к браку, и венчание не могло происходить без заявления желания со стороны жениха и невесты. Женскому полу нравилось это, и вообще женщины скорее мужчин поддавались признакам преобразования, без ропота надевали на себя иностранные одежды, находя их красивее старых русских, и охотнее бросались на увеселения нового рода. Понятно, что женщины видели в этом свое освобождение от тяжелого рабства, в котором их держал чин старой московской домашней жизни. Как продолжение тех же мер преобразования в семейной жизни явилось уничтожение силы заручных записей, которые давались со стороны жениха или его родни родителям невесты. Царь должен был бороться со многими чертами дикости нравов своего времени: так, в феврале было запрещено продавать остроконечные ножи, которые обыкновенно русские носили при себе и нередко дрались ими до смерти; постигло наказание невежд, которые, не зная медицинских наук, брались лечить больных и делали вред; для примера был отправлен в ссылку в Азов на каторгу дворовый человек боярина Петра Салтыкова, который принес своему боярину, страдавшему бессонницей, такое лекарство, от которого боярин заснул навеки; на будущее время было объявлено, что всякий лекарь, который уморит больного, будет казнен смертью. В Московском государстве тогда шаталось очень много праздного народа: то были вольноотпущенные, которые обыкновенно, получив отпускную, опять поступали в холопы. Приказано было таких людей, если окажутся годными, брать в солдаты. Это распоряжение распространилось и на бродяжных крестьян. Монетное дело получило преобразование. В это время за неимением мелких денег произвольно рассекали серебряные деньги на несколько частей, и от этого происходила путаница. В иных городах вместо мелкой монеты стали употреблять кусочки кожи. И то, и другое было запрещено. Приказано пустить в оборот медные деньги – полушки и полуполушки, а после делать серебряные полтинники, полуполтинники, гривенники и золотые червонцы. Новые серебряные и золотые монеты появились уже в следующем году. Для прекращения плутовства в металлических изделиях установлена проба золоту и серебру в четыре разряда, по разному достоинству, а для наблюдения за порядком велено выбрать из мастеров трех старост, которые должны были налагать клейма на изделия. Но царский указ о пробе, по обычаю, плохо исполнялся, так что через некоторое время велено было ломать неправильно сделанные вещи и брать пошлины в первый раз втрое, во второй раз – вшестеро. Повсеместно приказано было искать металлической руды; был учрежден особый приказ рудосыскных дел. Для прекращения проволочек в делах запрещено в челобитных примешивать лишние предметы, не относящиеся прямо к делу, и приказано делать немедленно допрос по возникающим искам. Запрещено принимать пустые жалобы о нанесенном бесчестии вроде того, как некто жаловался на другого, что тот смотрит на него зверообразно. 15 июля 1700 года неоплатных и злостных должников велено бить кнутом и ссылать на каторгу в Азов.

Рига в XVIII столетии. С редкой современной гравюры Шенка

Царь в этот год сделал несколько важных начатков для просвещения. 10 февраля он дал привилегию амстердамскому жителю Иоганну Тессингу завести в Амстердаме русскую типографию и печатать в ней на славянском и голландском языках, а также на славянском с латинским вместе географические карты, чертежи, портреты и книги по части математики и архитектуры, художеств, военного искусства, но отнюдь не печатать церковных книг, как славянских, так и греческих. Тессинг имел исключительное право в течение пятнадцати лет продавать свои книги в России. Петр ставил условием, чтобы в напечатанных таким образом книгах и чертежах не было понижения превысокой чести царского величества и государства, а чтобы все клонилось к славе и похвале. Составлением и редакцией этих книг занимался малоросс Копиевский. Предприятие это показало более доброго желанья, чем принесло пользы. Тессинг был человек мало ученый и вскоре поссорился с Копиевским. Копиевский в тот же год выхлопотал привилегию для себя, составил и напечатал несколько книг, имевших целью знакомить русских с иностранными языками и научными сведениями. Таковы его Грамматики – славянская и латинская; Разговоры на трех языках: латинском, русском и немецком; «Книга, учащая морскому плаванию» – перевод с одного голландского учебника; «Руководение во арифметику», «Введение во всякую историю», в котором автор знакомит читателя с разными историческими событиями и с географическими сведениями, но вместе с тем сообщает, что славяно-русский народ славнее всех народов своим благоразумием; наконец, Копиевский издал по-латыни и по-русски басни Эзопа. Его деятельность за границей продолжалась до 1707 года, когда он возвратился в Россию. Петр в Москве положил основание математической и навигаторской школам. Первая разделялась на три класса и имела целью приготовить молодых людей, годных в военную и морскую службу и вообще сведущих в реальных, практических науках; в ней через несколько лет ежегодно получали воспитание до 700 юношей. В навигаторской школе преподавались науки, относящиеся исключительно к мореплаванию. В конце 1702 года положено было печатать куранты «о всяких делах Московского государства и окрестных государств». Таким образом началась русская периодическая пресса.

Рядовой гренадер Преображенского полка в 1700–1732 гг.

Занимаясь внутренними преобразованиями, Петр готовился к шведской войне и с этой целью увеличивал войско и учредил чин провиантмейстера; окольный Языков был первым в этом чине. С этих пор введено было правильное снабжение войска жизненными припасами. В ожидании мира с Турцией, не разрывая мирных отношений со Швецией, Петр пустил в ход придирки, которые должны были в свое время послужить благодидным поводом к началу войны. Петр жаловался на рижского губернатора Дальберга, а Карл XII, приказав исследовать эту жалобу, защищал перед царем поступки Дальберга. Обе стороны, однако, уверяли друг друга во взаимном добром расположении. Но как только 18 августа 1700 года было получено известие о заключении 30-летнего перемирия с Турцией, на другой же день объявлена война Швеции под предлогом отмщения за обиду, оказанную царю в Риге, с замечанием, что и вообще русским подданным делались от шведов обиды. Первым следствием этого разрыва

было то, что русский резидент князь Хилков в Швеции, а шведский резидент в России Книперкроон подверглись утеснительному заключению.

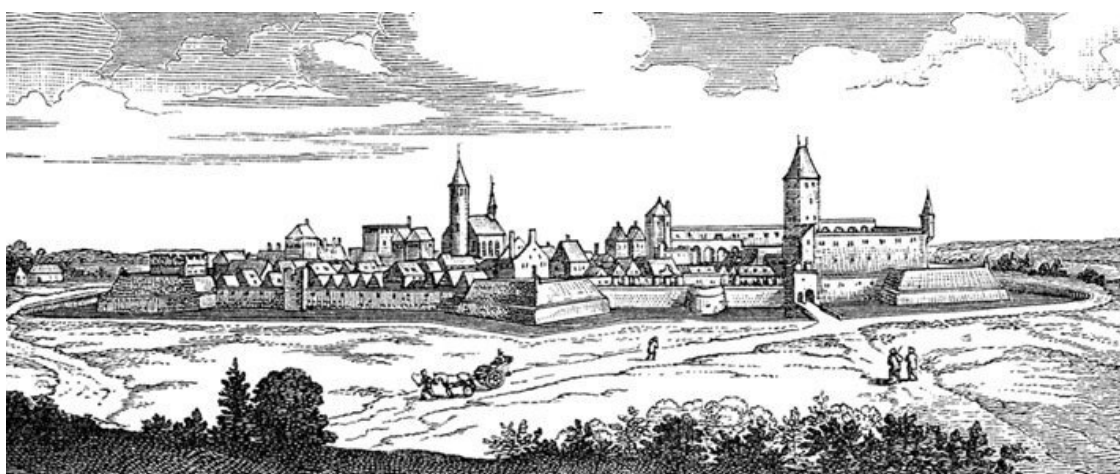
Гренадер пехотного полка в 1700–1732 гг.

Петр пока предоставлял своим союзникам вести войну со шведами без своего участия, и Карл XII успел разделаться с одним из этих союзников. Достоин замечания, что этот молодой король, подававший своими шалостями врагам большие надежды на успех, получив известие о посягательстве врагов на его владения, вдруг как бы преобразился и сделался на всю жизнь необыкновенно деятельным и неутомимым: с тех пор его образ жизни составлял совершенную противоположность с образом жизни его врагов, датского и польского королей. Последние страстно предавались неге, забавам, пирам, фавориткам и придворной суетности; Карл во всю жизнь свою не пил вина; не будучи женат, не держал любовниц, не терпел никакой роскошной обстановки, вел самый простой образ жизни и притом был чужд всякого коварства, действовал прямо, решительно. Если он уступал своему сопернику Петру в широте ума и разнообразии

деятельности, то превосходил его, как и всех государей своего времени, честностью и безукоризненной нравственностью. Он быстро собрал 15 000 войска, высадился с ними под самым Копенгагеном. Датский король Фридрих IV не имел сил защищаться и в загородном замке Травендале 8 августа 1700 года подписал мир, которым обязался признать зятя шведского короля, герцога голштинского, самостоятельным герцогом Голштинии и сверх того заплатил последнему значительную контрибуцию. Расправившись с Данией, Карл собирался расправиться с другим своим врагом, Августом, которого не только ненавидел, но и глубоко презирал, как вдруг последовало объявление войны от России. Карл обратился против русских. По объявлении войны Петр двинул свое войско на осаду Нарвы, которой Петру хотелось завладеть прежде всего, чтоб иметь пункт на Балтийском море. Всего войска было у него до 35 000; сам Петр под именем капитана бомбардирской роты Петра Михайлова шел с Преображенским полком. Начальство над войском Петр поручил герцогу фон Круи, приехавшему к нему на службу по рекомендации короля Августа. Петр надеялся на опытность и знания этого иноземца более, чем на способности своих русских. Прибыв под Нарву в конце сентября, царь при пособии саксонского инженера Галларта занялся укреплением русского лагеря и устройством осады. 20 октября началось бомбардирование, но русские действовали искусно, а назначение иноземца главнокомандующим возбуждало у них неудовольствие. Верность иноземцев казалась сомнительной, особенно когда один из них, Гуммерт, обласканный Петром, убежал к неприятелю в Нарву, а находясь там, вероятно, недовольный приемом шведского коменданта Нарвы Горна, завел снова тайные сношения с русским царем. 17 ноября боярин Борис Петрович Шереметев, посланный к Везенбергу, неожиданно вернулся с известием, что шведский король идет отбивать Нарву. Петр в ту же ночь оставил свое войско, надеясь, вероятно, что дела пойдут лучше, когда герцог фон Круи останется полновластным распорядителем и не будет стесняться присутствием царя. Кроме того, царь досадовал, что войска собираются медленно, и думал, как он сам объяснял, побудить остальные полки скорее идти к Нарве; наконец, ему хотелось видеться с Августом и поторопить его к совместному действию против Карла. У Карла было около 8500 войска: силы очевидно неравные с русскими. Но укрепленный русский лагерь был растянут на семь с лишком верст, и солдаты во время нападения с трудом могли поддерживать друг друга; притом же значительная часть русских сил состояла из новобранцев. Вдобавок, когда Карл атаковал, сильный снег бил прямо в лицо русским. Шведы овладели русскими укреплениями, и русские пустились в бегство. Шереметев был одним из первых. Множество русских утонуло в воде при переправе. Главнокомандующий герцог фон Круи и другие иноземцы побежали в шведское войско и сдались. Только Преображенский и Семеновский полки да генерал Адам Вейде, немец русской службы, защищались некоторое время. Тогда русские генералы: князь Яков Долгорукий, князь Иван Юрьевич Трубецкой, имеретинский царевич Александр, Автоном Михайлович Головин, оставшись почти без войска, сдались на условиях свободного выхода; но под предлогом утайки и отправления вперед казны они были объявлены военнопленными вместе с офицерами, количество которых составляло 79 человек. Вся артиллерия досталась победителю. Русские гибли тогда не только от неприятельского оружия, но еще и от голода, и холода. Из числа бежавших до 6000 погибло на пути к Новгороду. Карл не понял Петра: он презирал русских, судил о них по нарвским беглецам и не пошел далее войной против России, как некоторые ему советовали, а составил план разделаться со своим главным врагом – Августом.

Взятие Нарвы

Вид Нарвы в начале XVIII столетия. С современной гравюры Мериана

Петр, получив известие о поражении, не упал духом, а напротив, сознавал, что иначе быть не могло, приписывал несчастье недостатку обучения и порядка в войске и с большей кипучей деятельностью принялся за меры улучшений. В ожидании нападения неприятеля в близких к границе городах: в Новгороде, Пскове, Псково-Печерском монастыре Петр приказал наскоро делать укрепления, высылал на работу не только солдат и жителей мужского пола, но даже женщин, священников и причетников, так что некоторое время в церквях, кроме соборов, не было богослужений. Приказано к весне набирать новые полки, а думному дьяку Виниусу, который прежде заведовал почтовым делом, приготовить новые орудия и при этом отбирать у церквей и монастырей колокола для переливки на пушки. Обычная русская лень много мешала скорому производству работы, зато Петр жестоко наказывал всякое неповиновение и уклонение от его воли: приказывал бить кнутом за неявку к работам, вешать взяточников и грозил смертью бурмистрам за медленное исполнение требований Виниуса – надзирателя артиллерии. При таких мерах в течение года после Нарвской битвы царь имел уже более трехсот новых приготовленных орудий.

С этих пор, сознавая важность войны и преследуя свою любимую мысль – заведение флота, которая могла осуществиться только при успехе в войне со шведами, царь во внутренних делах обращал главнейшее внимание на достижение как можно больших денежных средств для ведения войны. В этих целях Петр предпринимал коренные изменения в церковном и, главное, в монастырском быте. Патриарх Адриан скончался 16 октября 1700 года. По введенному порядку следовало избирать нового, но Петр рассчитал, что для его самодержавной

власти неудобно допускать в церковном управлении существование такого высокого сановника, тем более что пример Никона показывал, как высоко может поднять голову энергичный человек, облеченный саном патриарха. Петр решился не иметь более патриархов. 16 декабря 1700 года он уничтожил Патриарший приказ, все производившиеся в нем мирские дела приказал распределить по другим ведомствам, а духовные дела поручил временно назначенному от государя блюстителю. Таким блюстителем Петр назначил митрополита рязанского Стефана Яворского, дав ему титул «экзарха патриаршего престола». Стефан был родом малоросс, из Волыни, киевский воспитанник, в этом же году приехавший в Москву и недавно посвященный в митрополиты. Это был человек замечательно ученый и вовсе не честолюбивый: он отбивался всеми силами не только от такого высокого положения, но даже и от архиерейства; любимым желанием его было вернуться в Малороссию и жить там в уединении, но Петр дорожил им. В январе 1701 года дом патриарха, все архиерейские и монастырские дела были переданы боярину Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину и под его председательством был восстановлен Монастырский приказ, некогда учрежденный по Уложению, но уничтоженный Федором Алексеевичем. Этот приказ должен был заведовать монастырскими вотчинами и творить в них суд. С марта занялись перепискою всех архиерейских и монастырских вотчин. Царь велел выгнать из монастырей всех непостриженных и в женских монастырях келейницами быть только людям старого возраста; всех девиц, проживавших в монастырях под именем родственниц, велено выдавать замуж, а вперед постригать в монахини не ранее сорока лет. Запрещено в монастырские имения посылать для дел монахов, а так как оказалось, что монахи возбуждали недовольство против царя, то монахам запретили писать в кельях и давать им чернила и бумагу, позволяя им только писать в трапезах с разрешения начальства. В конце 1701 года состоялось решительное запрещение монахам и монахиням совершенно вмешиваться в управление монастырских вотчин, все доходы с этих вотчин должны были идти в Монастырский приказ и на содержание монахов и монахинь выдавать в год по 10 рублей, по десяти четвертей хлеба и доставлять им дрова. В беднейшие монастыри велено уделять доходы богатых монастырей, все лишнее из монастырских доходов отдавать на богадельни для призрения нищих. Еще ранее того, в июне, велено было устраивать богадельни с тем, чтобы на десять человек больных был один здоровый и смотрел за ними. Если мы примем во внимание, что во владении монастырей было 130 000 дворов и один Троицкий монастырь владел 58 000 душ, то ясным покажется, как важна была для финансовых целей Петра эта мера, передававшая в его руки столько доходов.

Борис Петрович Шереметев. С гравированного портрета Антипова

Феофан Прокопович, архиепископ великоновгородский и великолукский

В феврале следующего 1702 года были отняты в вотчинах церковного ведомства и пустоши и розданы в потомственное владение разным лицам, с платежом вдвое и втрое против прежнего.

Петр видел важнейшее противодействие своим преобразованиям со стороны духовенств, поэтому разрешил замещать архиерейские места малороссами, которые, как люди несравненно более образованные, не имели тех предрассудков и той закоснелости, которой отличались великорусские духовные, и эта мера, как показали события, явилась одной из самых плодотворных для целей Петра. Таким образом, в 1701 году был посвящен ростовским митрополитом знаменитый Димитрий, а сибирским – Филофей Лещинский. Из великорусских архиереев один только Митрофан Воронежский действовал в духе преобразователя, находил планы Петра о заведении флота спасительными для Русского государства и все деньги, которые у него накапливались, жертвовал на дело кораблестроения. Зато и Петр любил его чрезвычайно, жаловал воронежскому архиерейскому дому крестьян не в пример другим и извинял Митрофану то, чего не извинил бы другому; так, когда Митрофан соблазнился поставленными у входа царского дома в Воронеже статуями и не хотел идти по этому поводу к государю, объявив, что скорее примет смерть, царь приказал снять статуи. Когда же Митрофан умер, сам Петр со своими приближенными нес его гроб и опустил его в землю.

Митрофан, однако, составлял исключение. Большинство великорусских духовных и вообще благочестивых людей ненавидело Петра с его нововведениями и любовью к иностранному. Еще в 1700 году было открыто, что некто книгописец Григорий Талицкий составил сочинение, в котором доказывал, что наступают последние времена, пришел в мир антихрист и этот антихрист есть не кто иной, как царь Петр. Следствие по этому делу велось до ноября 1701

года; к нему притянуто было много людей: подвергаемые пыткам, они доносили друг на друга; замешаны были тамбовский архиерей Игнатий и князь Хованский, который умер в тюрьме, вероятно, от пыток. Наконец, Талицкий с пятью соумышленниками был осужден на смертную казнь; жены казненных сосланы в Сибирь; Игнатия, лишив сана, заточили навеки в тюрьму, а семь человек наказали кнутом и сослали в Сибирь за то, что слышали возмутительные речи и не доносили. Это был только проблеск того всеобщего негодования, которое, все более и более расширяясь, готово было вспыхнуть всеобщим бунтом. Но Петр не отступал ни на шаг, не делал уступки народной неприязни к брадобритию и немецкому платью и в декабре 1701 года с большей строгостью подтвердил прежний указ, чтобы все, кроме духовенства и пашенных крестьян, носили немецкое платье и ездили на немецких седлах. Из женского пола даже жены священнослужителей и причетников не освобождались от ношения чужеземной одежды. Затем запрещалось делать и продавать в рядах русское платье – всякого рода тулупы, азямы, штаны, сапоги, башмаки и шапки русского покроя. У ворот города Москвы поставлены были целовальники; они останавливали всякого едущего и идущего в русском платье и брали пени: с пешего по 13 алтын 4 деньги, а с конного – по два рубля за непослушание в этом роде. Приказывая своим подданным одеваться, как ему было угодно, Петр стал требовать, чтобы русские оставили старинный способ постройки своих домов и строились на европейский образец. После случившегося в Москве пожара царь запрещал строить деревянные дома и приказывал непременно строить каменные, как дома, так и надворные постройки. (Это распоряжение после того лишь раз было изменено и опять возобновлено.) Если же кто не мог строить кирпичных домов – глиняные мазанки по образцу, который царь дал в селе Покровском. За несоблюдение назначалась пеня. Вместе с тем во всех монастырях, где будет производиться постройка, приказано непременно строить из камня и из кирпича, а не из дерева.

Патриарх Адриан

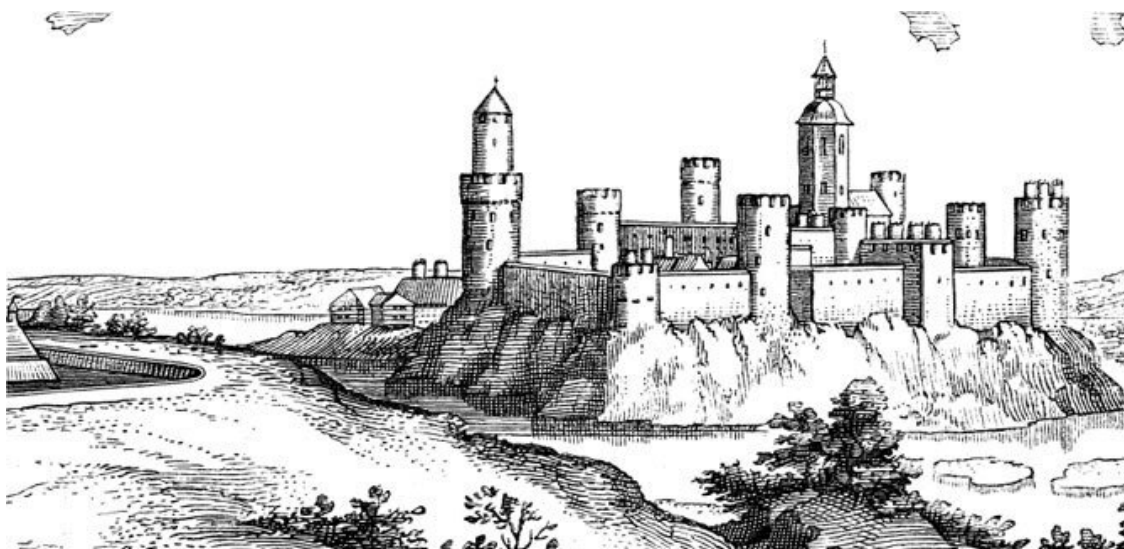
Заметим, что все распоряжения тогдашнего времени, касавшиеся внешней стороны жизни, столько же раздражали современников Петра, сколько принесли вреда России в последующее время. Они-то приучили русских бросаться на внешние признаки образованности, часто с ущербом и невниманием к внутреннему содержанию. Русский, одевшись по-европейски, переняв кое-какие приемы европейской жизни, считал себя уже образованным человеком, смотрел с пренебрежением на свою народность; между усвоившими европейскую наружность и остальным народом образовалась пропасть, а между тем в русском человеке, покрытом европейским лоском, долго удерживались все внутренние признаки невежества, грубости и лени; русские стремились более казаться европейски образованными, чем на самом деле быть ими. Это печальное свойство укоренилось в русском обществе и продолжает господствовать до сих пор; его внедрил в русские нравы Петр Великий своим желанием поскорее видеть в России подобие того, что он видел за границей; с другой стороны, его деспотические меры, внушая омерзение в массе народа ко всему иностранному, только способствовали упорству, с которым защитники старины противились всякому просвещению. Некоторые находят, что Петр действовал в этом случае мудро, стремясь сразу переломить русскую закоснелость в предрассудках против всего иноземного, с которым неизбежно было введение просвещения. Мы не можем согласиться с этим и думаем, что русский народ вовсе не так был неприязнен к знакомству со знаниями, как к чужеземным приемам жизни, которые ему навязывали насильно.

Можно было, вовсе не заботясь о внешности, вести дело внутреннего преобразования и народного просвещения, а внешность изменилась бы сама собой.

Иоган Рейнгольд Паткуль

После нарвского поражения Карл XII распределил свои войска в Ливонии и готовился нападать с весной не на Россию, а на Польшу с целью низложить Августа. Между тем Август в феврале 1701 года увиделся с Петром в Биржах (Динабургского уезда), и оба государя провели несколько дней в пиршествах, стараясь перепить друг друга; но при забавах и кутежах заключили договор, по которому Петр обещал поддерживать Августа, давать ему от 15 000 до 20 000 войска и платить в течение трех лет по сто тысяч рублей, с тем, что король будет воевать в Ливонии. Тогда условились, что Россия завоеует себе Ингерманландию и Корелию, а Ливония будет уступлена Речи Посполитой. Здесь Август договаривался только от своего лица. Речь Посполитая не принимала прямого участия в войне, хотя Петр старался склонить к этому бывших с Августом панов. Достойно замечания, что один из них, Шука, делал попытки выговорить у Петра возвращение Киева и заднепровских городков, уступленных России по последнему миру; но Петр сразу осек его, объявив, что с Польши достаточно будет и Ливонии: и ту, на самом деле, он не думал отдавать, лишь бы только она досталась в его руки.

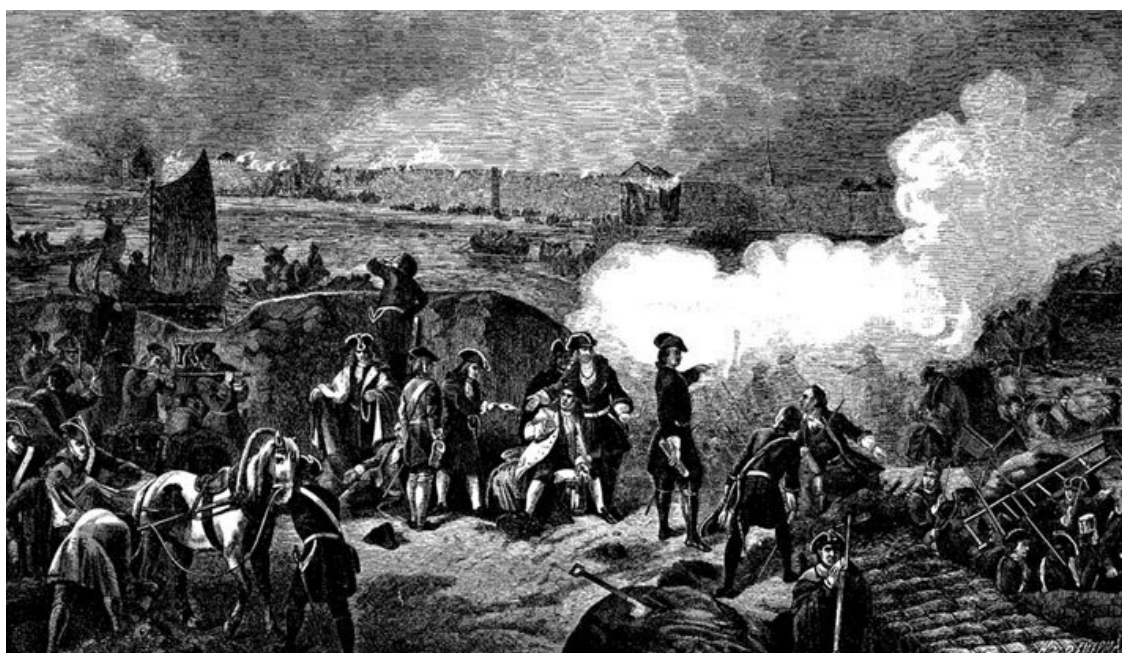

Вид Ивангорода в начале XVIII в. С современной гравюры Мерриана

Карл XII след за тем повел дело так, что Петру не нужно было прямой помощи Августа для приобретения приморья – главной цели, с которой он предпринял войну. Карл XII более, чем кто-нибудь, помог Петру в этом предприятии тем, что в следующем 1701 году лично с лучшими своими силами пошел войной на Августа, а в Ливонии и Ингерманландии оставил плохих генералов и незначительные военные силы, с которыми русские могли сладить. Дело шло таким образом.

Простояв зиму и весну в Ливонии, Карл XII 8 июля разбил наголову саксонские войска, бывшие под начальством Штейнау, потом вступил в Курляндию, расположил там свои войска и прозимовал в этой стране за счет ее жителей, обложив их тяжелой контрибуцией, а весной готовился идти во владения Речи Посполитой в надежде без труда низвергнуть Августа. В Польше в это время происходили междоусобия. Партии двух знатных панов Сапеги и Огинского вели междоусобную войну в Литве. Сверх того у короля Августа было много недоброжелателей в польском крае. Саксонцы, которых он привел с собой в Польшу, высокомерным обращением оскорбляли национальное самолюбие поляков и тем возбуждали в них неудовольствие к королю, а кардинал-примас, верховное лицо в польском духовенстве, был личный враг Августа, и во вред королю начал сноситься с Карлом XII. Шведский король требовал низложения Августа и избрания другого короля на его место. Август видел мало помощи от России, для которой собственно было тогда выгодно, что шведский король ушел воевать в чужую землю. Август пытался склонить на свою сторону прусского короля, но неудачно. Он решил просить у Карла XII мира и нарочно послал вместе со своим камергером Фицтумом в Либаву, где находился тогда Карл, свою любовницу Аврору Кенигсек, думая, что она прельстит своим кокетством и красотой молодого шведского короля; но Карл, всегда строго нравственный, не захотел даже видеть красавицы, задержал Фицтума, не дав через него ответа, и двинулся в Польшу. Шведский король вошел в Польшу в мае и занял Варшаву; половина Польши стала против Августа; другая была за него; составились две конфедерации: сандомирская – из шляхты южных воеводств в пользу Августа и шродская – из северных за Карла. Шведы вербовали в Польше и в Силезии людей в свое войско. 9 июля 1702 года Карл разбил наголову соединенные войска саксонцев и поляков, сторонников Августа, взял Краков и расположился с войском в Польше, наложив на ее жителей большую контрибуцию. Шведы, загостившись в Польше, вскоре стали озлоблять против себя жителей главным образом тем, что, будучи протестантами, не оказывали уважения римско-католической святыне. Несчастливая Польша попала, так сказать, между двух огней: ее разоряли и шведы, и саксонцы, и самые сыны ее. Август

бегал от Карла; Карл гонялся за Августом, разбил снова саксонское войско при Пултуске, осадил Торун и стоял перед ним целых полгода, пока, наконец, взял его в конце сентября 1703 года. При посредстве Паткуля, который был принят в русскую службу и находился теперь при Августе уже в качестве царского уполномоченного, Август заключил договор с русским царем, по которому русский царь обязался дать польскому королю 12 000 войска и 300 000 рублей. Достоино замечания, что сам Паткуль, понимавший планы Петра и старавшийся подделаться к нему, выражался тогда, что этот договор был заключаем только для вида и что в интересах царя, да и самого короля, было не допускать поляков прийти в силу. 14 января 1704 года кардинал-примас по приказанию Карла XII созвал сейм в Варшаве. Шведские войска окружали сеймовую избу. Послы по требованию примаса объявили 5 февраля Августа лишенным престола и провозгласили междуцарствие, а выбор нового короля был назначен на 19 июня. Карл XII хотел доставить корону Якову Собескому, сыну покойного короля Яна; но Август, проведав про такое желание, приказал схватить этого претендента. 21 февраля 1704 года, на чужой земле, в Силезии, Яков Собеский вместе с братом Константином были схвачены на дороге и посажены в крепость Кёнигштейн. Карл проходил по Польше и приказывал разорять имения панов, приставших к сандомирской конфедерации. Примас располагал умы в пользу князя Любомирского, краковского воеводы, но Карл стал поддерживать другого претендента, познанского воеводу Станислава Лещинского, и послал на сейм своего генерала Горна. 12 июля под страхом шведских войск сейм избрал Станислава королем. Раздосадованный примас Радзиевский перешел на сторону Августа.

К.З. Вейерман. Штурм крепости Нотебург

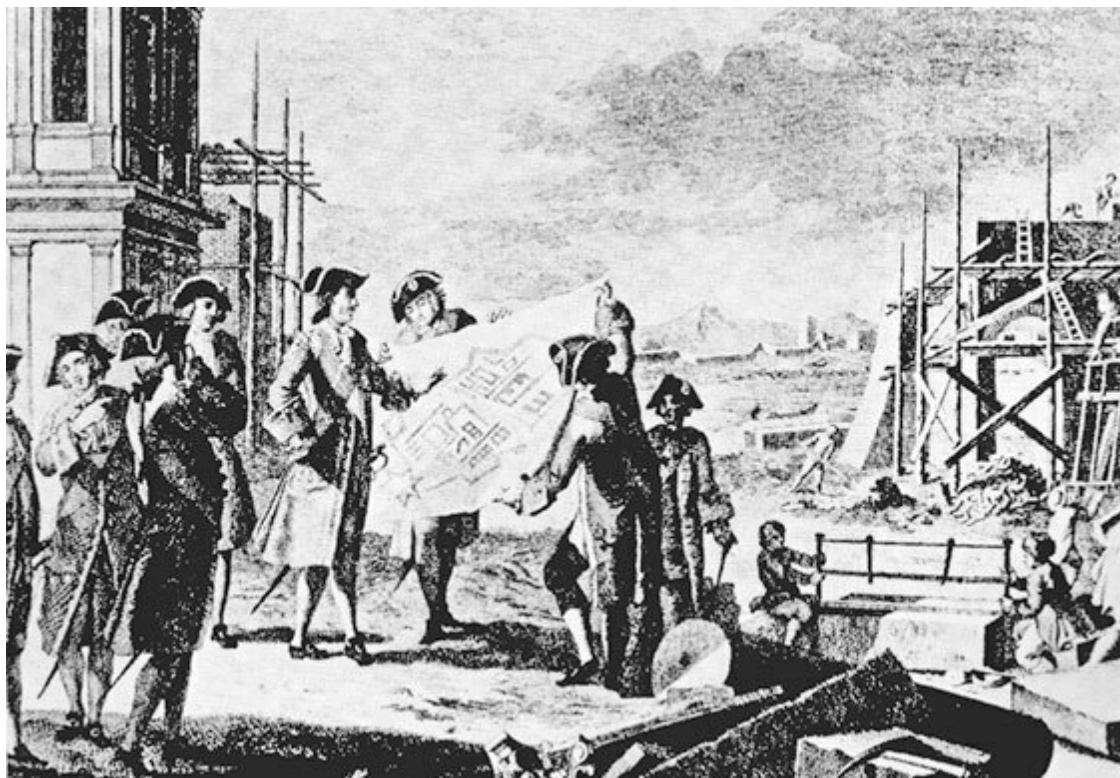
По избрании нового короля, Карл продолжал ходить по Польше с места на место и принуждал признать навязанного им Польше короля. 6 сентября он взял Львов; 15-го, наоборот, Паткуль с русско-польским войском отнял у шведов Варшаву; но вскоре поляки и союзные с ними русские, находившиеся под командой Герца, были разбиты шведами.

На следующий 1705 год шведы одерживали победы за победами над Августом. Варшава была снова в их руках; Станислав Лещинский 23 сентября был коронован и от имени Речи Посполитой заключил с Карлом договор против Августа и Петра. Но партия Августа собралась в Тыкочине 1 ноября и положила защищать Августа, а король Август в память этого события учредил первый орден в Польше – орден Белого орла.

Пользуясь тем, что шведский король был отвлечен делами в Польше, Петр одерживал успех за успехом над шведами и овладел Балтийским поморьем. Рассказывают, что граф Дальберг, напрасно старавшийся удержать Карла в Ливонии, говорил при этом: «Кажется, наш король нарочно оставил нас здесь с малыми силами, чтобы научить русских бить нас». Шереметев еще в 1701 году вступил войной в Ливонию и потом в продолжение четырех лет воевал ее очень успешно. 29 декабря 1701 года Шереметев разбил у мызы Эресфера генерала Шлиппенбаха. Эта первая победа над шведами была поводом к большой радости и торжеству в Москве и разгоняла то уныние, которое возбудила в умах русских Нарвская битва. В следующем году 18 июля Шереметев разбил в другой раз того же Шлиппенбаха при Гуммельсгофе. Русские после этой победы опустошали Ливонию с таким зверством, которое напоминало поступки их предков в этой же стране при Иване Грозном. Города и деревни сжигали дотла, опустошали поля, истребляли домашний скот, жителей уводили в плен, а иногда целыми толпами сжигали в ригах и сараях¹⁸¹. По одной Рижской дороге русские сожгли более 600 деревень и, кроме того, ходили в стороны отрядами и везде, куда только ни приходили, вели себя чрезвычайно жестоко. Шереметев стер с лица земли города Каркус, Гельмет, Смильтен, Вольмар, Везенберг, покушался было взять Дерпт, но не смог по причине сильных укреплений и приступил к Мариенбургу. Начальствовавший в Мариенбурге подполковник Тильо фон Тилау сдался на капитуляцию, выговорив свободный выход гарнизону; но как только русские на следующий день стали входить в город, артиллерийский капитан Вульф взорвал пороховой магазин с целью погибнуть самому с товарищами и погубить вошедших врагов. За это Шереметев не выпустил никого из оставшихся в живых и всех жителей взял в плен, около 400 человек. Между ними был некто пастор-пробст Глюк с женой, сыном, четырьмя дочерьми, их учителем, двумя служителями и двумя служанками. Этот Глюк был человек, выделявшийся из ряда: уроженец саксонский, он приобрел большую ученость на родине, знал восточные языки и, будучи еще 22 лет от роду, прибыл в Ливонию с целью посвятить себя распространению слова Божия, для чего основательно выучился русскому и латышскому языкам. Призвав к себе какого-то русского священника, он предпринял труд перевести славянское Св. Писание на простой русский язык. Такой человек был клад для начинавшегося русского просвещения; но более всего судьба этого человека важна для нашей истории потому, что была связана с судьбой одной из служанок Глюка. Это была дочь ливонского обывателя из местечка Вышкиозеро, Самуила Скавронского.

---

¹⁸¹ Сам Шереметев писал государю в конце 1702 года: «Послал я во все стороны пленить и жечь. Не осталось целого ничего, все разорено и сожжено, и взяли твои ратные государевы люди в полон мужеска и женска пола и робят несколько тысяч, а также и работных лошадей, а скота с 20 000 или больше... и чего не могли поднять – поколотили и порубили».

Строительство Санкт-Петербурга. 1703 г. Гравюра

Есть известие, будто бы она накануне взятия Мариенбурга вышла замуж за одного ливонца, с которым ей не суждено было жить. После плена ее взял полковник Бальк, и она наравне с другими рабочими женщинами занималась стиркой белья для солдат; в этом положении ее увидел Меншиков, взял ее к себе, а у него увидел ее царь. Впоследствии мы скажем, на какую высоту вознесла ее странная судьба.

Русские продолжали разорять Ливонию и в следующем 1703 году, а в 1704 году Шереметев доносил царю в таких выражениях: «Больше того чинить разорения нельзя и всего описать невозможно; от Нарвы до границы считают восемьдесят миль, а русской мерой будет слишком 400 верст, и Бог знает, чем неприятель нынешнюю зиму остальные свои войска прокормит, можете, ваше величество, рассудить; только остались целыми Колывань, Рига и Пернов, да местечко за болотами меж Риги и Пернова, Реймеза (Лемзаль)». Петр похвалил за это Шереметева и приказал разорять край до последней степени.

Когда таким образом Шереметев опустошал шведскую провинцию Ливонию, сам царь делал завоевания в другой шведской провинции – Ингрии, бывшей некогда новгородской землей; и здесь завоевание сопровождалось таким же варварским опустошением, как и в Ливонии; там – Шереметев, здесь свирепствовал Апраксин. Последний прошел вдоль Невы до Тосны: «все разорил и развоевал», от рубежа до р. Лавы верст на сто. Но Петр не был доволен разорением Ингрийского края подобно Ливонскому, так как у Петра была уже мысль утвердиться при устье Невы. В октябре 1702 года Петр приступил к крепости Нотебургу, и после семидневного бомбардирования, а потом после сильного штурма нотебургский комендант Густав Шлиппенбах 11 октября сдал крепость на капитуляцию со всеми орудиями и запасами. Эта крепость была древний русский город Орешек, уступленный Швеции по Столбовскому миру, но Петр, пристрастный к иноземщине, не возвратил ему древнего русского названия, а назвал Шлиссельбургом (то есть Ключом-городом). Меншиков был назван губернатором новозавоеванного города. Петр, любивший вообще праздновать свои победы несколько на классический образец, торжествовал покорение Орешка триумфальным шествием в Москву через трое ворот,

построенных нарочно по этому случаю. Неутомимый царь после этого празднества отправился из Москвы в Воронеж, осмотрел на дороге работы канала между верховьем Дона и р. Шатью, впадающей в Упу, заложил в имени Меншикова у верховья р. Воронежа город Ораниенбург, осмотрел воронежские корабли, сделал распоряжения о присылке туда рабочих людей и железа и в то же время был, по его собственным словам, «зело удоволен бахусовым даром», а весной уже был снова на Неве в Шлиссельбурге и так рассердился на Виниуса за неаккуратность в доставке артиллерийских снарядов и лекарств в Шлиссельбург, что отставил его от службы и наложил на него большое взыскание.

Первоначальный вид Петербурга и Кронштадта. С современной гравюры Боденера

25 апреля 1703 года Петр вместе с Шереметевым с 25 000 войска подступил к крепости Ниеншанцу, построенной при устье р. Охты, впадающей в р. Неву¹⁸². После сильной пушечной пальбы комендант полковник Опалев, человек старый и болезненный, сдал город, выговорив себе свободный выход. Между тем шведы, не зная о взятии Ниеншанца, плыли с моря по Неве для спасения крепости. Петр выслал Меншикова с гвардией на тридцати лодках к деревне Калинкиной, а сам с остальными лодками тихо поплыл вдоль Васильевского острова под прикрытием леса и отрезал от моря вошедшие в Неву суда от прочей эскадры, стоявшей еще в море. Русские напали на два шведских судна с двух сторон. Шведы были застигнуты врасплох так, что из семидесяти семи человек осталось в живых только девятнадцать. Русские убивали неприятеля, даже просившего пощады, и взяли два больших судна. Событие это, по-видимому, незначительное, чрезвычайно ценилось в свое время: то была первая морская победа русских, и Петр, носивший звание бомбардирского капитана, вместе с Меншиковым пожалован был от адмирала Головина орденом Андрея Первозванного. 16 мая того же года на острове, который назывался Янни-Саари и переименован был Петром в Люст-Эйланд (то есть Веселый остров), в день Св. Троицы Петр заложил город, дав ему название С.-Петербурга. Первой его постройкой была деревянная крепость с шестью бастионами; вместе с тем царь приказал построить для себя домик, сохраняемый до сих пор, также на берегу Большой Невки дом для Меншикова, нареченного Санкт-петербургским губернатором, и дома для других близких к царю сановников. В ноябре 1703 года в только что заложенный Петром город прибыл первый голландский купеческий корабль. Петр лично провел его в гавань и щедро одарил весь экипаж корабля. В том же году осенью Петр поплыл на остров Котлин, вымерял сам фарватер между островом и

¹⁸² Слово «Ниеншанц» есть буквальный шведский перевод слов «Новый Острог», которым назывался русский город, бывший на этом месте или около него.

находившейся против него мелью и заложил крепость, назвав ее Кроншлотом. Все это были события, оказавшиеся громадной важности по своим последствиям в русской истории. Близ возвращенного России древнего новгородского Нового Острога, переименованного шведами в иностранное название Ниеншанца, суждено было явиться новому, также с иностранным именем, городу и сделаться столицей новой Русской империи.

Настала зима. Петр отправился в Воронеж и сделал распоряжение о постройке шести больших военных кораблей не в самом Воронеже, а в построенном им тогда нарочно городе Таврове; из Воронежа государь отправился в Олонец, и там у него также была устроена корабельная верфь. Он основал в Олонце железные заводы и в своем присутствии приказывал лить пушки, а весной, в марте, Петр опять уже был в Петербурге и деятельно занимался его постройкой. Ему до чрезвычайности понравилось это место, и он стал называть его своим раем (парадизом).

1704 год был замечательно счастлив в войне со шведами. Шереметев опустошил Эстонию таким же жестоким способом, как в прежнее время Ливонию, а потом осадил Дерпт. 3 июля сам царь прибыл к городу; 13-го русские сделали приступ, разбили ворота, и комендант Скитте сдал город со 132 орудиями, выговорив себе свободный выход. Царь тотчас же утвердил все привилегии города, призывал жителей оставаться на своих местах и обнадеживал своей милостью. Тогда 1388 шведов, положивших оружие, вступили в русскую службу. 9 августа была взята Нарва, но здесь русские разделились с побежденными не так милостиво, как в Дерпте: комендант Горн не хотел сдаваться, и русские солдаты ворвались силой в город, истребляли и старого и малого. Петр, усиливаясь остановить напрасное кровопролитие, собственноручно заколол несколько солдат, но храброму коменданту за его упорство дал пощечину. Вслед за тем сдался Иван-город, расположенный на другом берегу реки Наровы. Осенью Петр опять занимался постройкой кораблей на Олонецкой верфи, потом заложил в Петербурге адмиралтейство, осмотрел новозавоеванные города Нарву и Дерпт, а в декабре праздновал в Москве свои победы и возвращение России ее древних земель. Было устроено семь триумфальных ворот, через которые проезжал государь; за ним вели пленных шведских офицеров и везли взятые у неприятеля пушки и знамена.

В 1705 году Петр хотел выгнать шведов из Курляндии, сам с войском приехал в Полоцк и отправил фельдмаршала Шереметева к Митаве; другой частью войска начальствовал другой фельдмаршал, иностранец Огильви, возведенный Петром в этот сан к досаде его русских полководцев. Находясь в Полоцке, русский царь имел столкновения с униатскими монахами: посетив униатский монастырь, он с неудовольствием увидел богато украшенный образ Иосафата Кунцевича, жестокого врага православной веры, некогда убитого народом и признаваемого униатами священномучеником. Раздосадованный ответом монаха, отозвавшегося с почтением об Иосафате, Петр приказал схватить нескольких монахов. Монахи и послушники стали сопротивляться: русские четырех убили, а одного из них, который славился своими фанатическими проповедями против православных, Петр приказал повесить. Этот поступок наделал в свое время много шума в католическом мире. Петр не слишком смотрел на это; расправившись таким образом с униатскими монахами, он выехал в Вильно и здесь получил известие о поражении Шереметева.

15 июля этот полководец, до сих пор так удачно воевавший, столкнулся со шведским генералом Левенгауптом при Гемауртгофе, был разбит наголову и сам был ранен. Петр не только не ставил ему этого в вину, но письменно утешал его в несчастии и замечал, что постоянная удача часто портит людей. Поражение Шереметева не произвело, однако, большой беды. Левенгаупт не воспользовался своей победой, ушел в Ригу, а Петр выступил из Вильно в Курляндию, 2 сентября взял столицу Курляндии, и вся страна покорилась ему.

Отсюда Петр положил идти в Литву на выручку Августа, но выслал Шереметева в Астрахань для усмирения возникшего там бунта, а главнокомандующим у себя назначил иностранца

Огильви, не ладившего, однако, с любимцем царя Меншиковым. Под его начальством русское войско вступило в Литву. Его главная квартира устроена была в Гродно. В октябре туда прибыл царь и свиделся там с Августом; потом, предоставив ведение войны фельдмаршалу Огильви, он в декабре уехал в Москву.

Первая морская победа

Кроме вспомогательного русского войска под начальством Огильви, у Августа, по заключенному прежде договору, был русский отряд, состоявший из солдат и украинских казаков; он находился под командой Паткуля, который, как мы сказали, в это время носил звание доверенного царя при польском короле. Паткуль не ладил с саксонскими министрами Августа, и сам Август не любил его. С одной стороны, Август был раздражен против него за сношение с берлинским кабинетом; прусский король был дурно расположен к Августу и склонялся даже к тому, чтобы признать его соперником Станислава Лещинского, а Паткуль не только имел друзей в Берлине, но в своих письмах, отправляемых туда, отзывался дурно о саксонских министрах и порицал поступки Августа. С другой стороны, Паткуль беспрестанно жаловался царю, что порученное ему русское войско очень дурно содержится в Саксонии, что саксонские министры нарочно отвели квартиры этому войску в разоренном крае, где оно терпит большие лишения. Паткуль указывал, что в крайней нужде, в какую поставлено русское войско, служившее Августу, он истратил собственные деньги на прокормление русских. Наконец, Паткуль представлял, что для спасения русских от голодной смерти в Саксонии лучше всего отдать русский отряд внаймы императору. Петр дал Паткулю полномочие на передачу русского войска императору, но только в крайнем случае. Пользуясь этим дозволением, Паткуль заключил договор с имперским генералом Штратманом о передаче русского отряда в имперскую службу на один год. Саксонский государственный совет, правивший страной в отсутствие короля, был до чрезвычайности раздражен этим поступком и после напрасных увещаний, обращенных к Паткулю, не делая того, что он затевает, совет по предложению фельдмаршала Штейнау приказал арестовать Паткуля и отправить в крепость Зонненштейн. Петр протестовал против такого поступка, требовал отпустить Паткуля, необходимого для него уже и потому, что Паткуль был обязан отдать отчет русскому царю в своих действиях. Но протесты Петра остались бесплодными.

Между тем Карл XII, простояв несколько месяцев в Блоне, в январе 1706 года, несмотря на суровую зиму, бросился на Гродно, думая захватить там Августа; Август хотя и не достался в руки Карла, успев ранее выйти из Гродно с четырьмя русскими полками и соединиться со своим генералом Шилленбергом, но 2 февраля вместе с этим своим генералом, был разбит наголову шведским генералом Реншильдом. Карл простоял под Гродно до конца марта, пытаясь взять этот город, защищаемый Огильви; наконец по приказанию Петра Огильви вырвался из осады и ушел, потеряв значительную часть русского войска от болезней и недостатка в припасах. Карл из-под Гродно не преследовал его, а ушел на Волынь и расположил там свое войско, пользуясь изобилием, господствовавшим в стране, и облагал тяжелыми контрибуциями имения панов, придерживавшихся стороны Августа. Пребывание Карла на Волыни заставляло Петра опасаться, чтобы шведский король не ворвался в Украину, и в предупреждение этого Петр сначала отправил в Киев Меншикова, а 4 июля сам прибыл туда в первый раз в жизни и, пробыв там полтора месяца, заложил нынешнюю Печерскую крепость. Он оставил Украину только тогда, когда получил известие, что Карл вышел из Волыни в противоположную сторону. Петр поскакал в Петербург, а в Польшу отправил войско под начальством Меншикова; фельд-маршал Огильви был уволен.

Карл XII на этот раз решил нанести вред своему врагу в его наследственных владениях; оставив генерала Мардефельда в Польше, он вступил в Саксонию и начал по своему обычаю налагать на жителей тяжелую контрибуцию. Тут Август, испугавшись за свои наследственные земли, отправил к шведскому королю своего министра Пфингтена просить мира, и этот уполномоченный от имени своего короля заключил со Швецией в замке Альтранштадте, близ Лейпцига, договор, по которому Август отрекался от польской короны в пользу Станислава Лещинского, разрывал союз с русским царем, обязывался отпустить всех пленных и выдать изменников, в ряду которых Паткуль занимал первое место. Пфингтен привез своему королю этот договор для утверждения 4 октября в Пиотроков, где был и Меншиков со своими войсками. Король тайно утвердил договор, но Меншикову об этом не сказал, так что Меншиков вместе с русскими и саксонскими войсками продолжал воевать со шведами в качестве союзника Августа. Не подавая Меншикову вида о состоявшемся примирении, Август, однако, сам дал об этом тихонько знать шведскому генералу Мардефельду, но Мардефельд, не получая еще о том же известия от своего короля, не поверил Августу и вступил в битву с Меншиковым у Калиша. С Мардефельдом кроме шведов были и поляки (по русским известиям, до 20 000). 18 октября произошла битва, окончившаяся полной победой русских. Победа эта произвела большое торжество в России; Август продолжал таиться перед Меншиковым, вместе с ним совершал благодарственные молебствия о победе, отпустил Меншикова с войском на Волынь и продолжал скрывать от русского посла Василия Долгорукого заключенный со шведами мир, пока нельзя было долее скрывать тайны. Карл обнародовал Альтранштадтский мир; тогда Август уверял Долгорукого, что он заключил мир только видимый, чтобы спасти Саксонию от разорения, а как только Карл выйдет из его владений, так он тотчас нарушит этот мир и заключит опять союз с царем. Следствием Альтранштадтского мира была выдача Паткуля¹⁸³.

¹⁸³ Его перед тем перевезли из Зонненштейна в Кенигштейн. 29 марта 1707 года Паткуля вывезли из Зонненштейна и передали шведским комиссарам. Его повезли в Калишское воеводство в местечко Казимерж и отдали под суд, продолжавшийся несколько месяцев. 10 октября Паткуль на площади близ Казимержа был колесован самым мучительным образом, потому что выбрали палачом неопытного в этом деле поляка. Несчастный с воплем молил, чтобы ему поскорее отрубили голову. Растерзанные части его были выставлены на пяти колесах по Варшавской дороге.

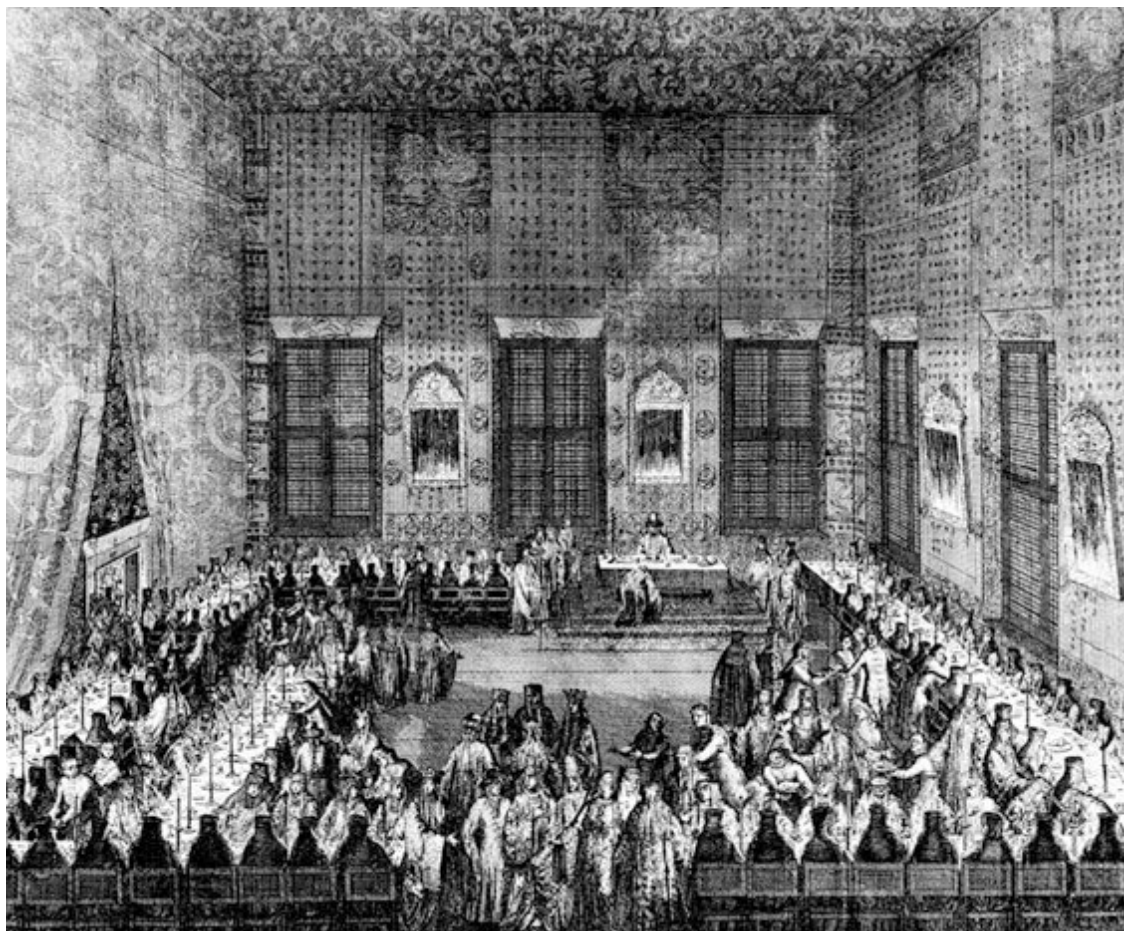

Взятие шведских галер в устье Невы

Военные обстоятельства были поводом, что главнейшая деятельность Петра во внутреннем устройении государства клонилась к как можно большему обогащению казны и к доставке средств для ведения войны. Этой цели соответствовали почти все нововведения того времени, получившие впоследствии самобытный характер в сфере преобразований. Таким образом, для правильного и полного взимания поборов необходимо было знать количество жителей в государстве, и для этого в 1702 году учреждены метрические книги для записи крещенных, умерших и сочетавшихся браком.

В 1705 году велено было переписать всех торговых людей с указанием их промыслов. Промыслы на Северном море (китовые, тресковые и моржовые), производившиеся до сих пор вольными людьми, отданы исключительно компании, во главе которой был Меншиков. С той же целью – умножения казны – были сделаны важные перемены в делопроизводстве. Еще в 1701 году в городах были устроены крепостные избы и установлены надсмотрщики, которые должны были записывать всякую передачу имуществ, всякие договоры и условия. В 1703 году не только в городах, но и в селах велено было заключать всякие условия с рабочими, извозчиками, промышленниками не иначе, как с записью и платежом пошлин. Потребность в солдатах повела к самым крайним средствам привлечения народа в военную службу. В январе 1703 года всех кабальных, оставшихся после смерти помещиков и вотчинников, велено стогнать и записывать в солдаты и матросы, а в октябре того же года у всех служилых и торговых людей велено взять в солдаты из их дворовых людей пятого, а из деловых (то есть рабочих) – седьмого, не моложе двадцати и не старше тридцати лет. Такое же распоряжение коснулось бельцов, клирошан и монашеских детей. Ямщики обязаны были давать с двух дворов по человеку в солдаты. Со всей России велено взять в военную службу воров, содержавшихся под судом. В 1704 году под угрозой жестокого наказания велено собраться в Москве детям и свойственникам служилых людей и выбирать из них годных в драгуны и солдаты. Последовал ряд посягательств на всякую собственность. В ноябре 1703 года во всех городах и уездах приказано описать леса на пространстве пятидесяти верст от больших рек и двадцати от малых, а затем вовсе запрещалось во всем государстве рубить большие деревья под опасением десятирублевой пени, а за порубку дуба – под страхом смертной казни. Через некоторое время (январь 1705 года) было сделано исключение для рубки леса на сани, телеги и мельничные потребности, но отнюдь не на

строения, а за рубку в заповедных лесах каких бы то ни было деревьев назначена смертная казнь. Страсть царя к кораблестроению вынудила эту строгую меру. Особенно январь 1704 года ознаменовался стеснением собственности. Все рыбные ловли, пожалованные на оброк или в вотчину и поместье, приказано отобрать на государя и отдавать с торгов на оброк: для этого была учреждена особая Ижорская канцелярия рыбных дел под управлением Меншикова. Потребовались повсюду сказки о способе ловли рыбы, о ее качестве, о ценах и пр. Все эти рыбные ловли сдавались в откуп, а затем всякая тайная ловля рыбы вела за собой жестокие пытки и наказания. Были описаны и взяты в казну постоянные двory, торговые пристани, мельницы, мосты, перевозки, торговые площади и отданы с торгов на оброк. На всяких мастеровых – каменщиков, плотников, портных, хлебников, калачников, разносчиков, – мелочных торговцев и пр. были наложены годовые подати по две гривны с человека, а на чернорабочих – по четыре алтына. Хлеб можно было молотить не иначе, как на мельницах, отданных на оброк или откуп, с платежом помола. Оставлены мельницы только помещикам с платежом в казну четвертой доли дохода. Все бани в государстве сдавались на откуп с торгов; запрещалось частным домохозяевам держать у себя бани под страхом пени и ломки строения. Во всем государстве положено было описать все пчельники и обложить оброком. Для всех этих сборов были устроены новые приказы и канцелярии, находившиеся под управлением Меншикова. Через некоторое время банная пошлина была изменена: позволено иметь домовые бани, но платить за них от пяти алтын до трех рублей; а в июне с бань крестьянских и рабочих людей назначена однообразная пошлина по три алтына и две деньги по всему государству. Также в январе 1705 года дозволено частным лицам иметь постоянные двory с обязательством платить четвертую часть дохода в казну. Для определения правильного сбора требовались беспрестанно сведения или сказки, что служило поводом к беспрестанным придирам и наказаниям. Соль во всей России продавалась от казны вдвое против подрядной цены. Табак с апреля 1705 года стал продаваться не иначе, как от казны, кабацкими бурмистрами и целовальниками; за продажу табака контрабандой отбирали все имущество и ссылали в Азов; доноски получали четвертую часть, а тем, кто знал, да не донес, угрожала потеря половины имущества. В январе того же года был учрежден своеобразный налог: во всем государстве приказано переписать дубовые гробы, отобрать их у гробовщиков, свезти в монастыри и к поповским старостам и продавать вчетверо против покупной цены.

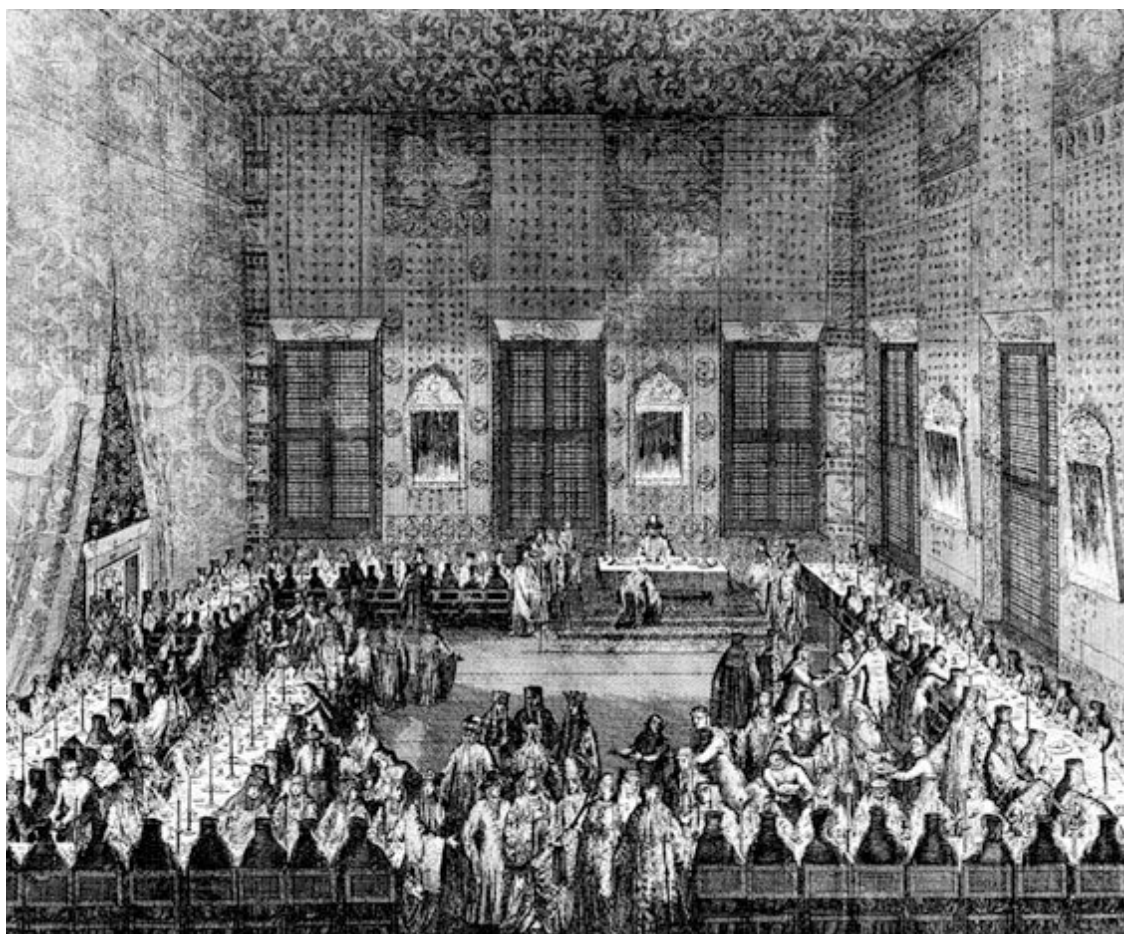
А. Шхонебек. Свадьба Феофилакта Шанского во дворце Лефорта. 1702 г.

Каждый, привозивший покойника, должен был являться с ярлыком, а кто привозил мертвеца без ярлыка, против того священники должны были начинать иск. В этом же месяце был введен налог на бороды: со служилых и приказных людей, а также с торговых и посадских – по 60 рублей в год с человека. С гостей и богатых торговцев гостиной сотни – по 100 рублей, а с людей низшего звания: боярских людей, ямщиков-извозчиков – по 30 рублей; заплатившие должны были брать из приказа особые знаки, которые постоянно имели при себе, а с крестьян брали за бороды по две деньги всякий раз, как они проходили в ворота из города или в город: для этого были устроены особые караульные, и бурмистры должны были смотреть за этим под страхом конечного разорения. Также подверглось пене русское платье. У городских ворот приставленные целовальники брали за него с пешего 13 алтын 2 деньги, с конного – по 2 рубля.

Несмотря на строгие меры и угрозы, повсеместно происходила противозаконная беспорядочная торговля, и царь, чтобы пресечь ее, поощрял донощиков и подвергал телесному наказанию и лишению половины имущества тех, кто знал и не доносил, хотя бы они были близкие сродники. За всякое корчемство отвечали целые волости и платили огромные пени, для чего и были учреждены особенные выемные головы, которые должны были ездить от города до города по селам и ловить корчемников. Беспреданно открывалось, что в разных местах вопреки царским указам продолжали свободно производить разные промыслы, а особенно рыбные ловли. И те лица, которые должны были смотреть за казенным интересом, сами делались ослушниками. Кроме всякого рода платежей несносной тягостью для жителей были разные доставки и казенные поручения, и в этом отношении остались поразительные примеры грубости нравов. Царские чиновники под предлогом сбора казенного дохода притесняли и мучили жителей, пользовались случаем брать с них лишнее: удобным средством для этого служил правед.

Со своей стороны, ожесточенные жители открыто сопротивлялись царским указам, собираясь толпами, били дубьем чиновников и солдат. Старая привычка обходить и не исполнять закон, постоянно проявляясь, ставила преграды предприятиям Петра. Так, например, несмотря на введение гербовой бумаги, каждый год следовали одно за другим подтверждения о том, чтобы во всех актах и условиях не употреблялась простая бумага. И вообще за всеми распоряжениями правительства следовали уклонения от их исполнения. Торговля, издавна стесняемая в Московском государстве в пользу казны, в это время подверглась множеству новых монополий. Так, торговля дегтем, коломазью, рыбьим жиром, мелом, ворванью, салом и смолой отдавалась на откуп, а с 1707 года начала производиться непосредственно от казны через выбранных целовальников с воспрещением кому бы то ни было торговать этими товарами. К разным стеснениям экономического быта в Москве присоединялись еще запрещение строить в одной части Москвы (Китай-городе) деревянные строения, а в других частях – каменные и приказание делать мостовые из дикого камня. Гости и посадские люди должны были за свой счет возить камень, а крестьяне, приходя в Москву, должны были принести с собой не менее трех камней и отдать у городских ворот городским целовальникам.

Между тем наборы людей в войско шли возрастающим образом: в январе 1705 года с разных городов, посадов и волостей взято было с двадцати дворов по человеку в артиллерию, возрастом от 20 до 30 лет. В феврале положено взять у дьяков подробные сведения об их родственниках и выбрать из них драгун.

А. Шхонебек. Свадьба Феофилакты Шанской во дворце Лефорто. 1702 г.

В том же феврале со всего государства определено с двадцати дворов взять по рекруту, от 15 до 20 лет возраста, холостых, а там, где меньше двадцати дворов, – складываться. Этим

новобранцам сдатчики должны были доставить обувь, шубы, кушаки, чулки и шапки; если кто из этих рекрутов убегал или умирал, то на его место брали другого. Затем мы встречаем последовательно наборы рекрутов в войско. В декабре 1705 года назначен набор по человеку с 20 дворов, то же повторилось в марте 1706, потом в 1707 и 1708 годах. Кроме того, из боярских людей в 1706 году взято в боярских вотчинах с 300 дворов, а в других вотчинах – со 100 по человеку, а в декабре 1706 года взято в полки 6000 извозчиков. При поставке рекрутов помещики обязаны были давать на них по полтора рубля на каждого; торговые люди были обложены на военные издержки восьмой деньгой с рубля, а те, которые должны были сами служить, но оказывались неспособными к службе, платили пятнадцать рублей. Дьяки и приказные люди в 1707 году были поверстаны в военную службу и должны были составить из себя на собственное иждивение особый полк. Со всех священников и дьяконов наложен сбор драгунских лошадей, с 200 дворов по лошади, а в Москве – со 150 дворов. Кроме набора рекрутов царь велел брать рабочих, преимущественно в северных областях, и отсылать их на Олонецкую верфь в Шлиссельбург, а более всего в Петербург. Народ всеми способами постоянно убегал от службы, и царь издавал один за другим строгие указы для преследования беглых; за побег угрожали смертной казнью не только самим беглым, но и тем, которые будут их передерживать, не станут доносить о них и не будут способствовать их поимке. Но беглых солдат было так много, что не было возможности всех казнить, и было принято за правило из трех пойманных одного повесить, а двух бить кнутом и сослать на каторгу. С не меньшей суровостью преследовали беглых крестьян и людей. Передерживавшие беглых такого рода подвергались смертной казни. Беглецы составляли разбойничьи шайки и занимались воровством и грабежом. Принято было за правило казнить из пойманных беглых крестьян и холопов только тех, которые будут уличены в убийстве и разбое, а других наказывать кнутами, налагать клейма, вырезывать ноздри. Последний способ казни был особенно любим Петром. В его бумагах остались собственноручные заметки о том, чтобы инструмент для вырезывания ноздрей устроить так, чтоб он вырывал мясо до костей. Неудовольствие было повсеместное, везде слышался ропот; но везде бродили шпионы, наушники, подглядывали, подслушивали и доносили; за одно неосторожное слово людей хватили, тащили в Преображенский приказ, подвергали неслыханным мукам. «С тех пор как Бог этого царя на царство послал, – говорил народ русский, – так и светлых дней мы не видим: все рубли, да полтины, да подводы – нет отдыха крестьянину. Это мироед, а не царь – весь мир переел, переводит добрые головы, а на его кутилку и перевода нет!» Множество взятых в солдаты было убито на войне; они оставили жен и детей, и те, скитаясь по России, жаловались на свою судьбу и проклинали царя, с его нововведениями и воинственными затеями. Ревнителю старины вопияли против брадобрития и немецкого платья, но их ропот сам по себе не имел бы большой силы без других важных поводов, возбуждавших всеобщее негодование: бритье бород, немецкое платье в эпоху Петра тесно связывались с разорительными поборами и тяжелой войной, истощавшей все силы народа. Ненависть к иностранцам происходила оттого, что иностранцы пользовались и преимуществами, и милостями царя более природных русских и позволяли себе презрительно обращаться с русскими.

Народ, естественно, был склонен к бунту; но в середине государства, где было войско и где высший класс был за царя, взрыву явиться было неудобно. Бунты начали вспыхивать на окраинах, как то и прежде не раз делалось в истории Московского государства. Летом 1705 года началось волнение в Астрахани; заводчиками бунта были съехавшиеся туда торговцы из разных городов, астраханские земские бурмистры и стрелецкие пятидесятники. Начали толковать, что Петр вовсе не сын царя Алексея и царицы Натальи: царица родила девочку, а ее подменили чужим мальчиком, и этот мальчик – теперешний царь. Ходили и другого рода слухи: что государь взят в плен и сидит в Стокгольме, а начальные люди изменили христианской вере. Астраханский воевода Ржевский успел сильно раздражить народ ревностным исполнением воли Петра: людей не пускали в церковь в русском платье, обрезывали им полы перед церковными

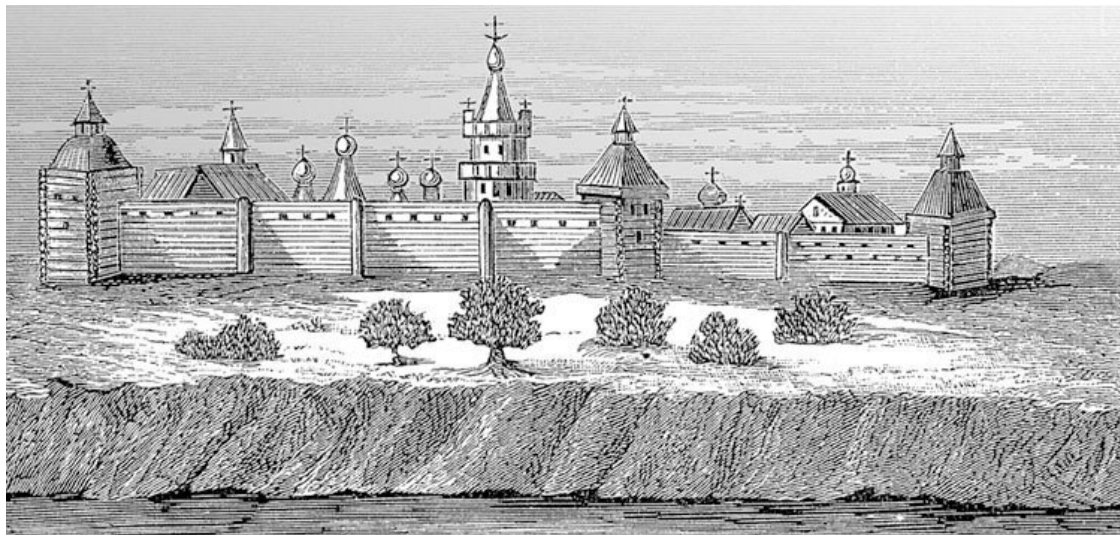
дверьми, насильно брили и на поругание вырывали усы и бороды с мясом, народ отягощали поборами и пошлинами. «С нас, – вопили люди в Астрахани, – берут банные деньги по рублю, с погребов, со всякой сажени по гривне, завели причальные и отвальные пошлины. Привези хворосту хоть на шесть денег в лодке, а привального заплаги гривну. В Казани и других городах поставлены немцы, по два, по три человека на дворы, и творят всякие поругательства над женами и детьми». Распространилась молва, что из Казани пришлют в Астрахань немцев и будут за них насильно выдавать девиц. Эта весть до того перепугала астраханцев, что отцы спешили отдавать дочерей замуж, чтоб, оставаясь незамужними, они не достались против воли, как собственной, так и воли их родителей, «некрещеным» немцам: в июле 1705 года было сыграно в один день до ста свадеб, а свадьбы, как следовало, сопровождались попойками, и народ под постоянным влиянием винных паров стал смелее. Ночью толпа ворвалась в Кремль, убила воеводу Ржевского и с ним нескольких человек, в том числе иностранцев: полковника Девиня и капитана Мейера. Мятежники устроили казацкое правление и выбрали главным старшиной ярославского гостя Якова Носова. За астраханцами взбунтовались жители Красного и Черного Яра и по примеру астраханцев устроили у себя выборное казацкое правление; но усилия мятежников взволновать донских казаков не имели успеха. Хотя на Дону было слишком много недовольных, но донское правительство, бывшее в руках значных, или так называемых старых казаков, в пору не допустило распоряжаться по-своему голытьбе, состоявшей из беглецов, сбравшихся на Дон со всей Руси. Государь, узнав в Митаве о бунте на восточных окраинах, давал ему больше значения, нежели он имел. Петр опасался, чтобы мятеж не охватил всей России, не проник бы и в Москву. Для его укрощения Петр отправил самого фельдмаршала Шереметева и в то же время написал боярину Стрешневу, что нужно бы вывезти из московских приказов казенные деньги, а также и оружие. Шереметеву дан был наказ: отнюдь не делать жестокостей, но объявлять мятежникам прощение, если они покорятся. Шереметев, явившись на Волгу, без всякого затруднения усмирил Черный Яр и, приехав к Астрахани, послал сызранского посадского Бородулина уговаривать мятежников. Выбранный астраханскими мятежниками старшина Носов не поддавался увещаниям, называл царя обменным царем, говорил, что царь нарушил христианскую веру, что с ними, астраханцами, заодно многие люди в Московском государстве и что они пойдут весной выводить бояр и воевод, доберутся «до царской родни, до Немецкой слободы и выведут весь его корень». Они злились особенно на Меншикова, которого звали еретиком. Несмотря, однако, на такие смелые заявления, как только Шереметев, подступив к Астрахани, ударил из пушек, мятежники тотчас стали сдаваться, и сам Яков Носов вышел с повинной к боярину. Вместо обещанного прощения мятежников начали отправлять в Москву и там после продолжительных и мучительных пыток предали колесованию. Так погибло 365 человек. Но из армии самого Шереметева множество солдат бежало в то время, как он возвращался из Астрахани.

Город Царицын в XVII в. (по А. Олерию)

Невыносимые поборы и жестокие истязания, которые повсюду совершались над народом при взимании налогов и повинностей, приводили народ в ожесточение. Народ бежал на Дон и в украинные земли; по рекам Бузулуку, Медведице, Битюгу, Хопру, Донцу завелись так называемые верховые казачьи городки, населенные сплошь беглецами. Эти верховые городки не хотели знать никаких податей, ни работ, ненавидели Петра и его правление, готовы были сопротивляться вооруженной рукой царской ратной силе. В 1707 году царь отправил на Дон полковника князя Юрия Долгорукого требовать, чтобы донские казаки выдали всех беглых, скрывавшихся на Дону; старшины показали вид покорности, но между простыми казаками поднялся сильный ропот, тем более когда в то же время объявлено было казакам приказание царя брить бороды. Донские казаки считали своей давней привилегией давать убежище всем беглым. Когда полковник князь Долгорукий со своим отрядом и с пятью казаками, данными старшиной, отправился для отыскания беглых, атаман Кондратий Булавин из Трехизбянской станицы на Донце напал на него 9 октября 1707 года на реке Айдаре, в Ульгинском городке, убил его, перебил всех людей и начал возмущать донецкие городки, населенные беглыми. В этих городках его встречали с хлебом и медом. Булавин составил план взбунтовать все украинные городки, произвести мятеж в донском казачестве, потом взять Азов и Таганрог, освободить всех каторжных и ссыльных и, усилив ими свое казацкое войско, идти на Воронеж, а потом и на самую Москву. Но прежде чем Булавин успел возмутить городки Придонецкого края, донской атаман Лукьян Максимов быстро пошел на Булавина, разбил и прогнал, а взятых в плен его сотоварищей перевешал за ноги. Булавин бежал в Запорожье, провел там зиму, весной явился опять в верхних казачьих городках с толпой удалых и начал рассылать грамоты; в них он рассказывал, будто Долгорукий, им убитый, производил со своими людьми в казачьих городках разные неистовства: вешал по деревьям младенцев, кнутом бил взрослых, резал им носы и уши, выжег часовни со святыней. Булавин, в своих воззваниях, убеждал и начальных лиц, и простых посадских, и черных людей стать единодушно за святую веру и друг за друга против князей, бояр, прибыльчиков и немцев. Он давал повеление выпускать всех заключенных из тюрем и грозил смертной казнью всякому, кто будет обижать или бить своего брата. Донской атаман Максимов пошел на него снова, но значительная часть его казаков перешла

к Булавину. В руки воровского атамана досталось 8000 рублей денег, присланных из Москвы казакам. Сам Максимов едва бежал в Черкасы. Эта победа подняла значение Булавина. За нею поднялись двенадцать городков на Северном Донце, двадцать шесть – на Хопре, шестнадцать – на Бузулуке, четырнадцать – на Медведице. Восстание отозвалось даже в окрестностях Тамбова: и там в селах крестьяне волновались и самовольно учреждали у себя казацкое устройство.

Город Черный Яр в XVII в. (по А. Оларию)

В Пристанном городке на Хопре Булавин собрал сходку из обитателей разных городков и разослал по сторонам «прелестные» письма. Он требовал, чтобы отовсюду половина жителей шла в сход за веру и за царя (!) для того, что злые бояре и немцы злоумышляют, жгут и казнят народ, вводят русских людей в еллинскую веру. «Ведаете сами, молодцы, – писал Булавин, – как деды ваши и отцы положили и в чем вы породились; прежде сего старое поле крепко было и держалось, а ныне те злые люди старое поле перевели, ни во что почли, и чтоб вам старое поле не истерять, а мне, Булавину, запорожские казаки слово дали, и белгородская орда и иные орды, чтоб быть с вами заодно. А буде кто или которая станица тому войсковому письму будут противны, пополам верстаться не станут, или кто в десятки не поверстается, и тому казаку будет смертная казнь».

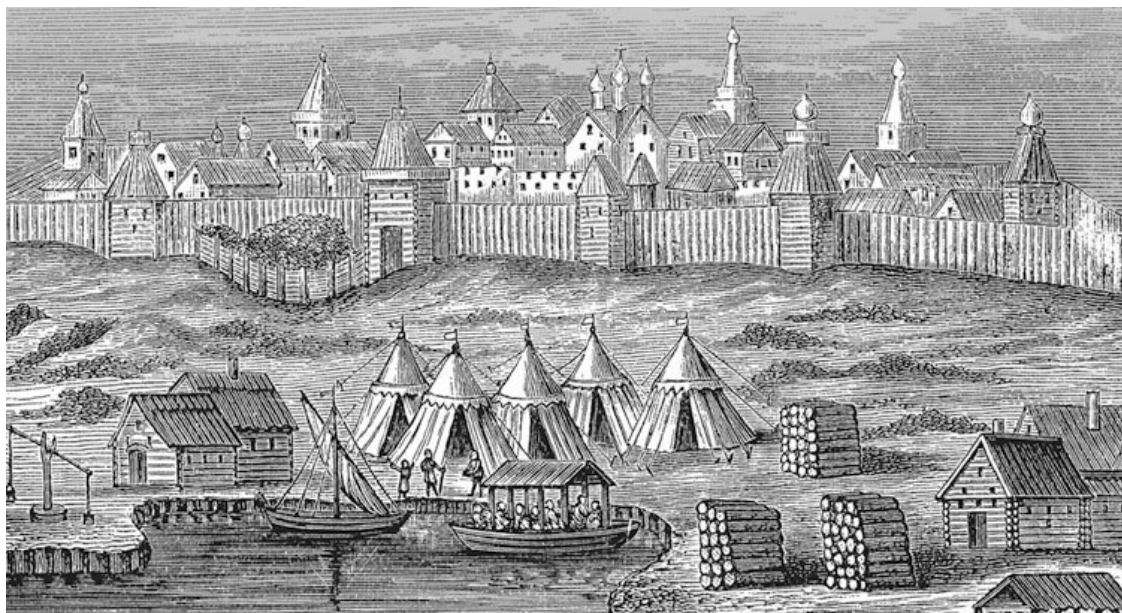
Задачей мятежа, как и при Стеньке Разине, было расширить область казачества. Средоточием его признавались Дон и донское казачье войско, которое на поэтическом русском народном языке носило, как наименование своего отечества, название Тихий Дон. Те города и поселения, которые пристанут к мятежу и введут у себя казачье устройство, тем самым присоединялись к Дону или казачьему войску. В украинских городах жители, состоявшие из беглых, самовольно назывались казаками: из таких-то Булавин составил отряды под начальством предводителей, нареченных, по казацкому обычаю, атаманами: то были Хохлач, Дранный, Гольый, Строка. Булавин отправил их по украинным городкам, а сам бросился на Черкасск. 1 мая в Черкасске казаки взбунтовались и выдали Булавину верного царю атамана Лукьяна Максимова и с ним старшину. 6 числа того же месяца круг, собранный в Скородумовской станице, их всех в числе шести человек осудил на смерть. Им отрубили головы; Булавин был провозглашен атаманом всех рек. Булавин не приказал в церквях молиться за царя и разослал во все стороны прелестные письма, уверял, что поднялся за всех маломочных людей, за благочестие, за предания седми соборов, за старую истинную веру; извещал, что казаки намерены отложиться от царя за то, что царь перевел христианскую веру в своем царстве, бреет бороды и тайные уды у мужчин и у женщин, и потому казаки вместо русского царя хотят признать над собой власть

царя турецкого. И Булавин вслед за тем через кубанских мурз послал письмо к турецкому султану. «Нашему государю, – писал он, – отнюдь не верь, потому что он многие земли разорил за мирным состоянием, и теперь разоряет, и готовит суда и войско на Турецкую державу».

Булавин прежде всего надеялся на украинные городки, но дело восстания пошло там плохо. Для усмирения мятежа Петр послал майора гвардии князя Василия Владимировича Долгорукого и дал ему приказание истреблять городки, основанные в глухих местах и населенные беглыми. Петр полагал, что эти-то городки составляют зерно мятежа. Царь приказывал Василию Долгорукому руководствоваться записанными в книгах поступками князя Юрия Долгорукого, прекращавшего мятеж в восточных областях России, возбужденный Стенькой Разиным. Князь Василий Долгорукий должен был все жечь, людей рубить без разбора, а наиболее виноватых – колесовать, четвертовать, сажать на колья. Кроме Долгорукого против мятежников действовать должны были стольник Бахметев и слободские малороссийские полки. Воровской атаман Голый успел было напасть на речке Уразовой (Валуйского уезда) на Сумской слободской полк, разбил его в пух и убил сумского полковника; но Бахметев разбил на речке Курлаке Хохлача, пробиравшегося к Воронежу с намерением освободить там тюремных сидельцев, перебить начальных людей и иноземцев. Атаман Дранный был разбит и убит в битве на реке Горе бригадиром Шидловским; тысяча пятьсот запорожцев, помогавших Драному, сдались, и все были истреблены. Наконец, посланный Булавиным к Азову отряд в числе пяти тысяч был отбит с большим уроном. Эти неудачи сразу лишили Булавина доверия. Донские казаки, как показывает вся их история, не отличались постоянством: они склонны были начинать мятежи, но упорно вести их не были способны; всегда между ними находилось много таких, которые искушались случаем выдавать свою возмущившуюся братию, показать перед верховной властью свое раскаяние и через то остаться в выигрыше. Против Булавина составил заговор, как только счастье изменяло Булавиному в его предприятии. Руководителем заговора был товарищ Булавина, Илья Зерщиков. 7 июля напали заговорщики на своего главного атамана. Булавин отстреливался, убил двоих казаков, но потом, увидав, что врагов много и ему с ними не сладить, убежал в курень и застрелился из пистолета. Зерщиков, избранный атаманом, от имени всего войска принес царю повинную. Долгорукий занял Черкасск и обошелся милостиво, чтоб не раздражить казаков. Украинные городки, носившие название верховых, были осуждены на истребление, а потому бунт, прекратившись в земле донских казаков, не прекратился в великорусской Украине. Беглые, населявшие опальные городки, не ожидали себе никакого милосердия и поневоле в отчаянии должны были резаться до последней степени. Атаман Некрасов с шайкой самозванных казаков бросился было на восток и хотел взять Саратов, от которого был отбит калмыками, а тем временем Долгорукий взял его постоянное местопребывание – Асаулов городок на Дону; главных заводчиков, там найденных, приказал четвертовать, а множество других повесить: тогда несколько сотен виселиц с повешенными на них мятежниками было поставлено на плотках и пущено по Дону. Некрасов, услышав о разорении своего городка, убежал на Кубань с двухтысячной шайкой и отдался под власть крымского хана. По его следам пошли другие из донских станиц, преданных расколу, и так было положено начало казаков-некрасовцев, которые поселились на берегу Черного моря между Темрюком и Таманью, а в 1778 году ушли в Турцию.

Из всех атаманов упорнее показал себя Никита Голый. Он хотел продолжать дело Булавина и рассылал прелестные письма. «Идите, – писал он, – идите, голытьба, идите со всех городов, нагие, босые: будут у вас и кони, и оружие, и денежное жалованье». Мятеж длился некоторое время в южной части Воронежской губернии и в Харьковской, но удачи мятежникам не было. Острогжского слободского полка полковник Тевяшов и подполковник Рикман 26 июля разбили при урочище Сальцова Яруга воровское полчище и взяли в плен атамана Семена Карпова, потом побрали и поразорили городки Ревеньки, Закатный, Билянский, Айдарский. Голый не унывал, собирал последние силы и укрепился в Донецком городке с другим атама-

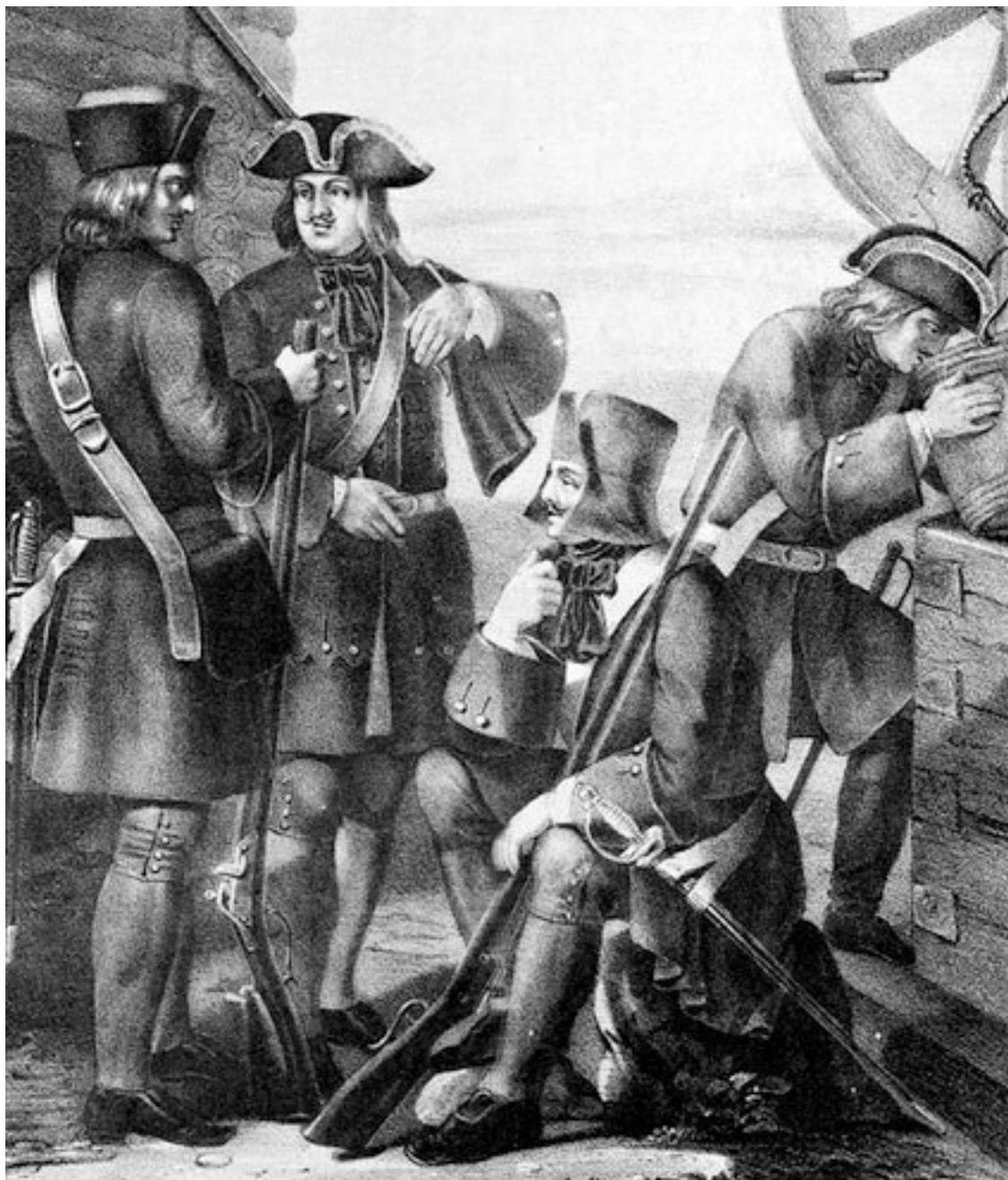
ном, Колычевым. 26 октября Долгорукий с Тевяшовым взяли и этот городок, сожгли его, многих захваченных истребили, но Голый с Колычевым убежали. Долгорукий догнал его на Дону у Решетовой станицы. У Голого было восемь тысяч. Он вступил в битву. Вся его шайка погибла; множество мятежников утонуло; попавшиеся в плен были казнены. Но Голый еще раз спасся бегством. По царскому приказанию были сожжены все городки по берегам рек Хопра, Медведицы до Усть-Медведицкой станицы, Донца до Лугани, и по всему протяжению рек: Айдара, Бузулука, Деркула, Черной Калитвы. Все обитатели этих городков, те, на которых падало обвинение в участии в мятеже, истреблены, прочих перевели в другие местности, где с них было удобнее требовать платежа налогов и отправления повинностей.

Вид Астрахани в XVII в.

III. От Альтранштадтского мира до Прутского мира России с Турцией

Народное восстание беспокоило Петра на востоке государства, а с запада готовилось вторжение шведов. После примирения Августа с Карлом и отказа польского короля от короны, Польша оставалась в неопределенном положении. Полякам приходилось или признать королем Станислава, навязанного им чужеземной силой, или выбирать нового. Если бы у них доставало политического смысла и гражданского мужества, то, конечно, они бы стремились устроить у себя правительство, не угождая ни Петру, ни Карлу. Но тут открылось, что польские паны, заправлявшие тогда своим государством, повели уже Речь Посполитую на дорогу к разложению. Влиятельные паны, бывшие сторонники Августа и противники Станислава, составлявшие генеральную конфедерацию, без зазрения совести просили от русского царя подачек за то, что будут держать Речь Посполитую в союзе с Россией и в войне с Карлом. Таким образом, кувявский бискуп примас Шенбек, люблинский и мазовецкий воеводы, коронный подканцлер, маршалок конфедерации тайно взяли из рук русского посла Украинцева по несколько тысяч. Кроме того, Петр дал конфедерации 20 000 рублей на войско. Петр успел настолько, что генеральная конфедерация, собравшись во Львове, заключила договор с Россией действовать против Карла. Август, со своей стороны, посредством своих благоприятелей уверял поляков, что он не хочет отказываться от короны. Петр в эту пору ему не доверял и пытался было предложить корону сыну покойного короля Собеского Якову. Тот отказался. Петр предлагал польскую корону трансильванскому князю Ракочи. Последний не прочь был сделаться польским королем, но не успел составить себе партии в Польше. Наконец, Петр предлагал польскую корону знаменитому имперскому полководцу Евгению Савойскому, но тот, так же как и Собеский, не прельстился на опасную корону. Между тем, соображая, что теперь приходилось вести войну с Карлом без союзников, Петр делал попытки примириться с Карлом и для этого искал посредничества в Англии, Австрии, у Голландских Штатов и даже у Людовика XIV. Но дело не могло пойти на лад, потому что Карл XII не хотел мириться иначе, как на условии, чтобы Россия возвратила все сделанные ею завоевания, а Петр ни за что не хотел мириться иначе, как оставив за собой Петербург. Притом же в Европе вообще господствовало такое мнение, что не следует давать России усиливаться и допускать ее в систему европейских государств. Французский кабинет прямо указывал Турции опасность от усиления России, которая начнет волновать единоплеменные и единоверные народы, находившиеся под властью Оттоманской Порты. В Австрии боялись вредного для нее влияния России на подвластных славян и особенно православных. Шведские министры настраивали и Англию, и Голландию в таком же враждебном духе, поддерживая мнение, что если Россия усилится, то сделает варварское скифское нашествие на Европу. Одним словом, все стремления Петра сделать Россию европейским государством не только не находили сочувствия в Европе, но возбуждали зависть и боязнь. Вместе с тем на русских продолжали смотреть с высокомерным презрением. В таких-то обстоятельствах Петру оставалось бороться с Карлом один на один. К счастью русского государя, упрямый и своенравный король шведский, не слушаясь советов ни государственных людей, ни опытных полководцев, повел свои действия как можно лучше для России.

Фузелеры пехотных полков в 1700–1720 гг.

Задумав поход в русские владения, Карл пропустил все лето и осень, простояв лето в Саксонии, а осень в Польше, и двинулся в поход в Литву зимой, подвергая свое войско и стуже, и недостатку продовольствия; вдобавок он раздражал поляков, не скрывая явного к ним презрения, и без всякой пощады их обирал. Гродно было в руках русских; Карл неожиданно явился под этим городом, думая захватить в нем Петра: русский царь едва двумя часами успел уехать отсюда. Защищавший Гродно бригадир русской армии Мюлендорф после недолгого сопротивления впустил в город шведов, а потом, страшась наказания, передался неприятелю. Петр, узнав, что его враг собирается через Белоруссию идти в московские пределы, приказал опустошать Белоруссию, чтоб шведы на пути не находили продовольствия, а сам убежал в Петербург, с горячечной деятельностью занялся его укреплением, приказывал в то же время укреплять Москву, велел даже при первом опасном случае вывозить все казенные и церковные сокровища на Белоозеро, делал распоряжения об укреплении других городов: Серпухова, Можайска,

Твери, дал повеление жителям под смертной казнью не выходить из своих мест жительства и быть готовыми к осаде, приказывал гнать народ на работы для укрепления городов. Петр думал, что весной придется отчаянным образом защищаться от неприятельского вторжения в пределы государства. Но Карл, вступив в Литву, стал в местечке Радошковичах и простоял там четыре месяца. Не ранее июня выступил он по пути в Россию на Березину. Там русские под командой Шереметева и Меншикова берегли переправу, и 3 июля в местечке Головчине произошла битва. Русские дрались упорно, но отступили. Шведы могли хвалиться победой, но им она стоила дорого. Положение русских, однако, становилось затруднительным потому, что они не знали, по какому направлению пойдет Карл: на север или на юг, в Смоленск или в Украину? Карл прибыл в Могилев, простоял там около месяца, дожидаясь генерала Левенгаупта с его корпусом в 16 000 человек из Лифляндии. В августе, не дождавшись Левенгаупта, шведский король выступил, перешел Днепр и двинулся к р. Соже. Русские думали, что он идет на Смоленск. Действительно, Карл шел на север ко Мстиславлю и 29 августа встретился с русским войском у местечка Доброго. Сам царь участвовал в битве; русские и здесь остались в потере. Карл пошел за ними вслед, имел еще одну стычку с русскими и остановился. Ему оставалось подождать Левенгаупта, который был уже у Шклова, и потом действовать против русских, усилив свое войско; но Карл 14 сентября внезапно повернул назад и направился к Украине. Русские не преследовали его и обратили все силы на Левенгаупта. При местечке Лесном 28 сентября русское войско под предводительством Меншикова в присутствии царя вступило в кровопролитную битву ночью. Левенгаупт был разбит наголову (до 8000 тысяч шведов было убито; 2673 человека взято в плен с пушками и знаменами); Левенгаупт успел привести к королю только 6700 человек, и то без всяких запасов.

Карл шел в Украину с большими надеждами. Малороссийский гетман Иван Мазепа вступил с ним в тайный договор, и его тайная присылка к королю с просьбой идти скорее была, как говорили, причиной внезапного поворота королевского. Ни Петр, ни его государственные люди никак не ожидали измены тогдашнего малороссийского гетмана, бывшего одним из самых любимых и доверенных людей у русского государя. Петр ценил его ум, образованность, преданность видам своего государя, наделял его богатствами и отличиями. Мазепа был второй из получивших учрежденный Петром орден Андрея. Но тогдашнее положение Малороссии делало естественным такое явление. С самого Богдана Хмельницкого эта страна находилась в постоянном колебании.

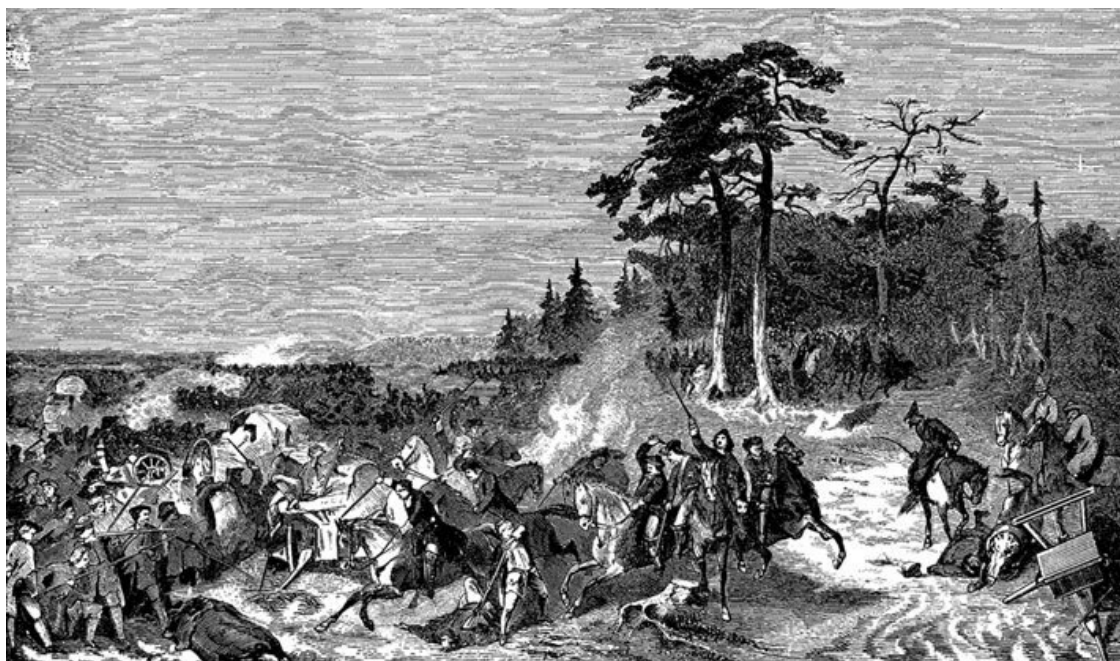

Гетман Мазепа

Уступая тяжелым обстоятельствам, малорус поневоле клонил голову то перед ляхом, то перед «москалем», то перед турком, а в душе не любил никого из них: его заветным желанием было прогнать их всех от себя и жить дома на своей воле. Это между тем было невозможно не только по обстоятельствам, извне влиявшим на Малороссию, но по причине внутренней безлadyцы, мешавшей всем помыслам и стремлениям направиться к одной цели. Казацкие старшины и вообще люди, у которых горизонт политических воззрений был шире, чем у простолюдинов, были пропитаны совсем иными понятиями, чем те, какие господствовали у великорусов. Они чували, что русская самодержавная власть посягнет на то, что в Малороссии называлось казацкой вольностью. Уже со стороны великорусских важных лиц делались злоеущие намеки на необходимость поставить Малороссию на великорусский образец. По поводу постройки Печерской крепости в Киеве стали отрывать казаков от хозяйственных занятий и гонять на земляные работы, а великорусские служилые люди, наводнявшие Украину, обращались с туземцами нагло и свирепо. Мазепа был человек своего времени; для него, поставленного во главе власти в своем крае, независимость Малороссии не могла не быть идеалом. При невозможности достигнуть этого идеала он наравне со своими соотечественниками мог только втайне вздыхать, а перед великорусами казался верным слугой царя. Но вдруг явились искушение и надежда достичь желанной цели. Уже не раз польские сторонники шведского короля делали Мазепе соблазнительные предложения; он их отвергал, потому что не надеялся на успех. Но когда противник Карла и союзник Петра лишился короны и Петру приходилось теперь одному без союзников бороться с победоносным соперником, когда Петр готовился уже

не расширять пределы своего государства, а защищать его средину от неприятельского вторжения, Мазепа увлекся предположением, что в предстоявшем повороте военных обстоятельств победа останется за шведским королем, и если Малороссия будет упорно стоять за Россию, то Карл отнимет ее у России и отдаст Польше, а потому казалось делом благоразумия заранее стать на сторону Карла с тем, чтобы после расправы с Петром Малороссия была признана самостоятельным независимым государством. В этом смысле Мазепа стал вести тайные переговоры, но все еще колебался и не открывал своего замысла никому, кроме самых близких; когда же Карл приблизился к Украине, а Меншиков потребовал гетмана к себе на соединение с великорусскими военными силами для совместного действия против Карла, Мазепа очутился в роковой необходимости выбирать либо то, либо другое: 24 октября 1708 года он присоединился к шведскому войску с несколькими лицами из казацкой старшины, с четырьмя полковниками и отрядом казаков; но те, которые пошли за ним, стали потом уходить от него, когда узнали, куда он их ведет.

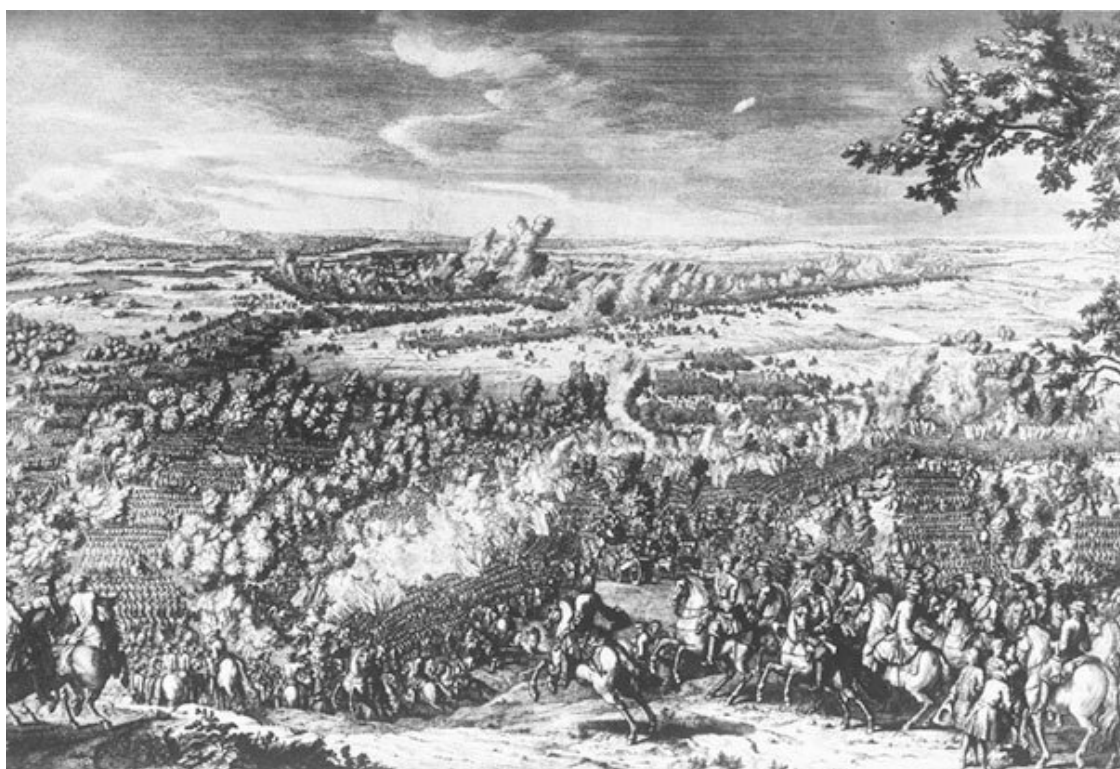

Битва при деревне Лесной 28 сентября 1708 г.

Петр, никак не ожидавший такого события, узнал о нем 27 октября в Погребках на Десне, где наблюдал за движениями неприятеля. Он приказал Меншикову истребить дотла Батурын, столицу гетмана. Русские взяли Батурын 1 ноября и перебили в нем все живое с такой жестокостью, какой отличались в Ливонии и в собственной земле во время укрощения булавицкого бунта. Вслед за тем Петр приказал съехаться в город Глухов к 4 ноября малороссийскому духовенству и старшине. Там был избран новым гетманом стародубский полковник Иван Скоропадский, а потом, угождая царю, малороссийское духовенство совершило обряд предания анафеме Мазепы с его соучастниками. После этого между Карлом и Мазепой, с одной стороны, и Петром со Скоропадским – с другой, началась полемика манифестами и универсалами, обращаемыми к малороссийскому народу. Карл и Мазепа старались вооружить народ против Москвы, пугая его тем, что царь хочет уничтожить казацкие вольности, а Петр и Скоропадский уверяли малороссов, что Мазепа имеет намерение отдать Малороссию в прежнее порабощение Польше и ввести унию. Петр приказал сложить с народа поборы, установленные гетманом Мазепой, и в своем манифесте выразился так: «Ни один народ под солнцем такими свободами

и привилегиями и легкостью похвалиться не может, как народ малороссийский, ибо ни единого пенязя в казну нашу во всем Малороссийском крае с них брать мы не повелеваем».

Малороссия не пошла за своим старым гетманом: интересы простонародной массы были противоположны интересам старшин и вообще богатых и значных людей казацкого сословия. Последние понимали вольность в таком смысле, чтобы привилегированный класс, вроде польской шляхты, управлял всей страной и пользовался ее экономическими силами за счет остального народа – так называемой черни, а простонародная громада хотела полного равенства, всеобщего казачества. Едва только пошла по Малороссии весть, что чужестранцы приблизились к пределам Малороссийского края и гетман со старшиною переходят на их сторону, народ заволновался, стали составляться шайки – нападать на чиновных людей, на помещиков, грабить богатых торговцев, убивать иудеев, и Мазепа, задумавший со старшиною доставить Малороссии независимость и свободу, должен был сознаться, что народ не хочет такой независимости и свободы, а желает иной свободы, стремление к которой начинается грабежом и расправой над знатными и богатыми людьми. Те, которые носили казацкое звание и были отличены по правам личным и имущественным от посполитых людей или черни, быть может, пошли бы за своим предводителем, если бы у Карла были большие силы, а у Петра их было мало. Вышло наоборот: казаки увидали, что Карл пришел с малочисленным войском и трудно было ему дополнять его из своего далекого отечества, а Петр явился с ратью, вдвое превосходившей силы его соперника; войско Петра беспрестанно увеличивалось и готово было безжалостно разорять Малороссийский край, если казаки станут заявлять расположение к шведам.

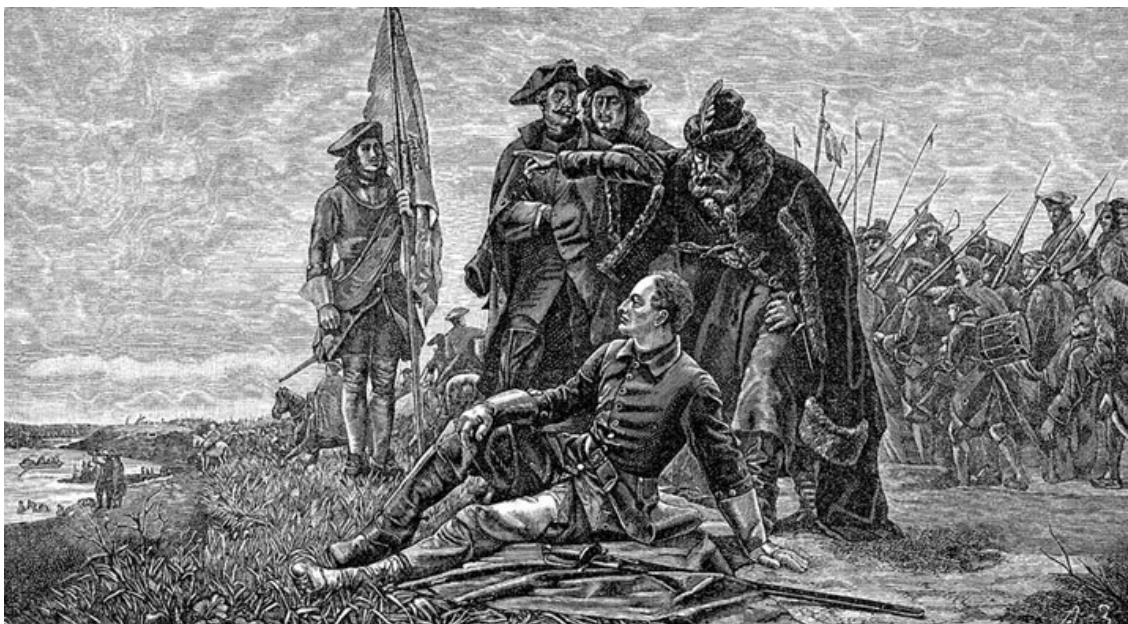

Баталія при Лесной

Царь стал в Лебедине. Карл занял Ромны, взял Гадяч, потом потерял Ромны. Наступили такие суровые морозы, каких не помнили в Малороссии деды и прадеды. Птицы замерзали, летая по воздуху. Воины отмораживали себе руки и ноги. Шведы терпели более русских, потому что были одеты легче; это уменьшило силы Карла, а силы Петра увеличивались прибывавшими рекрутами.

В начале января 1709 года шведы взяли местечко Веприк, и тем ограничились их успехи. Петр услышал, что Карл возбуждает турок идти на Россию и сам намеревается двинуться на Воронеж. Это побудило Петра оставить войско и ехать в Воронеж, чтобы распорядиться там относительно своих кораблей. Он поехал в начале февраля и осматривал в Воронеже и Таврове корабельные работы; вместе с мастеровыми собственноручно сам работал, в то же время занимался внутренними делами и даже поправлял печатаемые в то время ведомости, календари и учебные книги. Со вскрытием рек царь спустил в Таврове на воду новопостроенные корабли и, несмотря на нездоровье, отправился вниз по Дону в Новочеркасск, где приказал казнить Илью Зерщикова, напрасно думавшего избавиться выдачей Булавина, посетил Азов, осмотрел Троицкую крепость, несколько раз плавал по Азовскому морю, производя морские эволюции, а в мае возвратился к войску степью, через Харьков.

Между тем в отсутствие Петра продолжались военные действия со шведами; две стычки под Красным Кутом и Рашевкой, хотя довольно кровопролитные, не имели важных последствий, но очень важным делом была расправа с запорожцами. Кошевой Костя Гордиенко, пристав к Мазепе, увлек все товарищество; запорожцы обесчестили присланных к ним царских стольников, которые привезли милостивую царскую грамоту, денег на войско и в подарок старшинам. Замечательно, что запорожцы, всегда державшиеся интересов черни в борьбе с казацкой старшиной, и на этот раз заявили такое требование, которое было противно как Петру, так и Мазепе: чтобы в Малороссии не было старшины и чтобы весь народ был вольными казаками, как в Сечи. Гордиенко отправился затем с запорожцами в Малороссию; к нему начала приставать чернь из Переяславльского полка; Гордиенко провозглашал всеобщую казачину и приказывал народу на обеих сторонах Днепра собираться и бить старшин. Тогда по приказанию Петра полковник Яковлев из Киева двинулся на судах вниз по Днепру, разбил полчища, собравшиеся у Переволочны, доплыл до Сечи и после упорного сопротивления взял ее приступом. Большая часть из находившихся в Сече запорожцев пала в битве; до трехсот человек взято в плен и казнено по приказанию государя. Но в Сече оставалась тогда небольшая часть всего запорожского коша; остальные с Гордиенком и со всей старшиной успели пробраться через Малороссию, разбили русский отряд полковника Кампеля и соединились с Карлом.

Карл XII при переправе через Днепр. Гравюра А. Зубчанинова с картины шведского художника Седерштрома

Когда 31 мая Петр возвратился к войску, Карл, устроив свою главную квартиру в Опошне, уже около двух месяцев занимался осадой Полтавы: он надеялся найти в ней большие запасы. Полтавский комендант Келин не только отвергал всякие предложения к сдаче, но делал смелые вылазки и наносил урон неприятелю. Царь, явившись из путешествия в свое войско, расположенное под Полтавой на другой стороне Ворсклы, известил коменданта о своем прибытии письмом, брошенным в пустой бомбе: Петр принял намерение переправить войско на другую сторону и дать генеральную битву, чтобы освободить Полтаву от осады. Переход через реку совершался несколько дней; 20 июня русские были уже на другой стороне реки и расположились лагерем, который стали укреплять шанцами. Шведы попытались в последний раз взять Полтаву приступом, но были отбиты, и Полтава освободилась от осады. Готовясь к битве, Петр откладывал ее со дня на день до прибытия 20 000 калмыков, но Карл, узнав об этом, приказал двинуть войско в битву 27 июня на рассвете. Шведской армией предводительствовал Реншильд. Сам Карл XII получил перед тем рану в ногу и, сидя в качалке, велел возить себя по полю битвы. Всей русской армией командовал фельдмаршал Шереметев, артиллерией – Брюс, правым крылом – генерал Ренне, а левым – Меншиков. Сам Петр участвовал в битве, не избегая опасности: одна пуля прострелила ему шляпу, другая попала в седло, а третья повредила золотой крест, висевший у него на груди. В это-то время, ободряя своих воинов, он сказал знаменитые слова: «Вы сражаетесь не за Петра, а за государство, Петру врученное... а о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия, слава, честь и благосостояние ее!» Через два часа участь битвы была решена. Шведы были разбиты наголову и бежали, оставив более 9000 на поле битвы. Бежавшим шведским войском командовал Левенгаупт. Сам фельдмаршал Реншильд с тремя генералами и тысячей воинов взяты в плен. Карла едва спасли от плена; его качалка досталась русским. Главный министр шведского короля, граф Пиппер, со всей королевской канцелярией явился в Полтаву и сдался русским. На поле битвы в тот же день Петр устроил пир, пригласил к нему шведских военнопленных генералов, возвратил им шпаги, обласкал, хвалил за верность своему государю и, налив кубок вина, сказал: «Пью за здоровье вас, моих учителей в военном искусстве». – «Хорошо же отблагодарили ученики своих учителей!» – ответил Реншильд¹⁸⁴.

На следующий день после Полтавской битвы Петр послал Меншикова в погоню за бежавшим неприятелем, а сам приказал в присутствии своем похоронить убитых русских и собственноручно засыпал их землей¹⁸⁵. Меншиков догнал шведское войско на устье Ворсклы у Переволочны. Все население разбежалось; войску не на чем было переправляться через Днепр; запорожцы едва успели переправить на лодках Карла и Мазепу. Левенгаупт и его товарищ Крейц были застигнуты Меншиковым, не сопротивлялись, не имея ни пороху, ни артиллерии, и сдались военнопленными с 16 000 войска. Петр отправил за Днепр два драгунских полка под начальством генерала Волконского за Карлом и Мазепой, дав приказание, «если поймут Карла, то обходиться с ним честно и почтительно, а если поймут Мазепу, то вести его за крепким караулом и смотреть, чтобы он каким-нибудь способом не умертвил себя». Запорожцы успели провезти Карла с несколькими генералами и Мазепу с его приверженцами на татарских телегах через степь до Очакова. Отряд Волконского, догнав их при переправе через Буг, захватил в плен нескольких шведов и казаков.

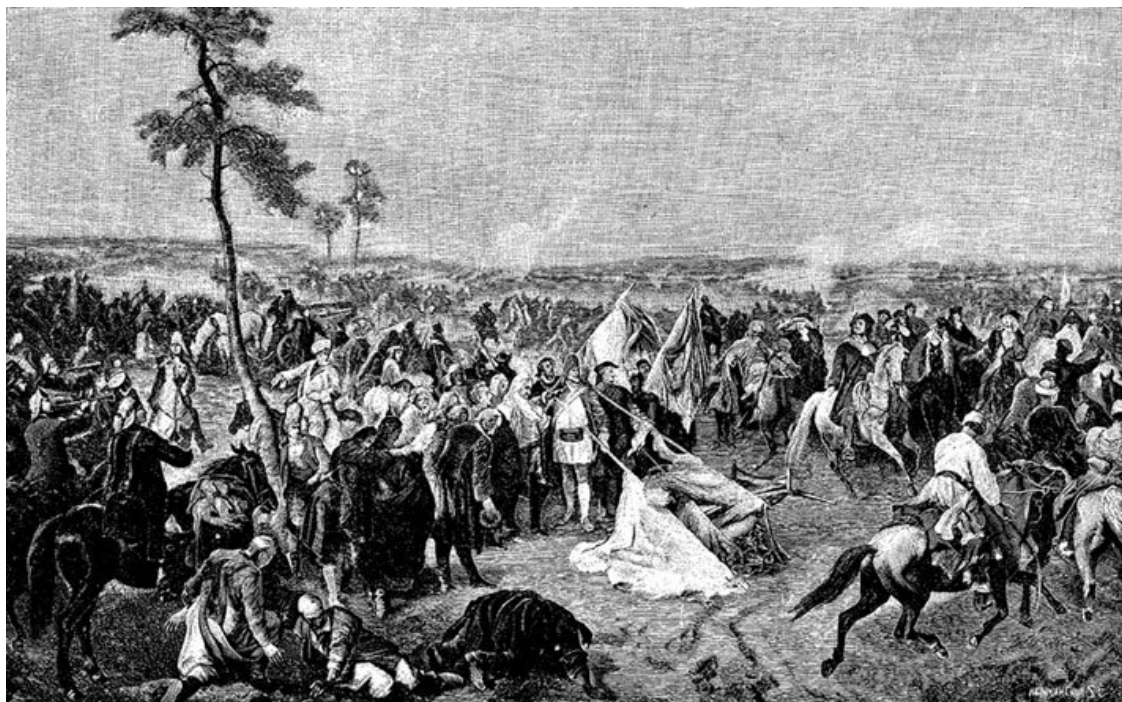
¹⁸⁴ Это не помешало, однако, обласкав пленников, сослать их в Сибирь, а к графу Пипперу, который сдался добровольно и не мог быть причастен к числу военнопленных, Петр придрался за то, что, еще находясь при своем короле, он оказывал себя враждебным к России. Петр обязал его заплатить 50 000 рублей за сожженные по ошибке русскими голландские корабли вместо шведских. Пиппер дал царю вексель на требуемую сумму, но так как по этому векселю не были получены деньги, то Петр держал его в тюрьме.

¹⁸⁵ До сих пор существует под Полтавой высокий холм, называемой «шведской могилой», куда ежегодно отправляется крестная процессия в годовщину Полтавской битвы.

Петр приказал разослать пленных шведов по городам, назначив им жалованье по их чинам, но приказав простых шведов употреблять на казенные работы, наградил русских генералов, участвовавших в битве, орденами, высшими чинами и вотчинами, офицеров – своими золотыми портретами и медалями, солдат – серебряными медалями и деньгами, а сам получил чин генерал-лейтенанта. В Москве на радостях восемь дней кряду звонили без устали и палили из пушек; по улицам кормили и поили народ, угощая вместе с тем и шведских пленников, по вечерам зажигали потешные огни. Сам царь отправился с Меншиковым в Польшу.

А. Д. Кившенко. Полтавский бой: шведы преклоняют знамена перед Петром I. 1709 г.

Шведы капитулируют после Полтавской битвы

Август, услышав о несчастье Карла, увидел возможность нарушить Альтранштадтский мир и, собрав 14 000 саксонского войска, двинулся в Польшу, обнародовал манифест, в котором доказывал справедливость разрыва вынужденного мира со шведским королем, взваливал вину своих министров и представлял свои права на польский престол, ссылаясь на то, что папа не утвердил Станислава королем. Петр приехал в Варшаву. Паны, противники Лещинского, величали Петра спасителем своей вольности, тем более что русский отряд, посланный перед тем в Польшу под начальством Гольца, вместе с гетманом Синявским одержал победу над войсками Станислава. 26 сентября Петр приехал в Торунь и там свиделся с Августом; все прежнее казалось забытым; Петр простил ему изменнический мир со шведами и выдачу Паткуля. Август все сваливал на своих министров. Друзья снова заключили оборонительный договор против Швеции; Август уступал Эстляндию России; царь обещал польскому королю, в вознаграждение издержек, Ливонию, но тут же проговорился, сказав саксонскому министру Флемингу, что приобретенное Россией на войне без участия союзников будет принадлежать России. Из Торуня Петр отправился по Висле в Мариенвердер и там виделся с прусским королем; с ним он также заключил договор против Швеции. Царь оттуда прибыл в Курляндию, а Шереметев с 40-тысячным войском в начале октября подошел к Риге. Сам Петр прибыл к войску, сделал осмотр окрестностей Риги и 14 ноября собственноручно пустил в Ригу три бомбы; затем он оставил 7000 войска держать в блокаде город до весны, а остальное войско приказал расположить по квартирам в Ливонии и Курляндии. Из-под Риги Петр через Петербург отправился в Москву и в декабре устроил себе и своим генералам торжественное вшествие в Москву через семь триумфальных ворот, украшенных всевозможными символическими знаками. Церемонии, речи, потешные огни и пиры продолжались в течение нескольких дней.

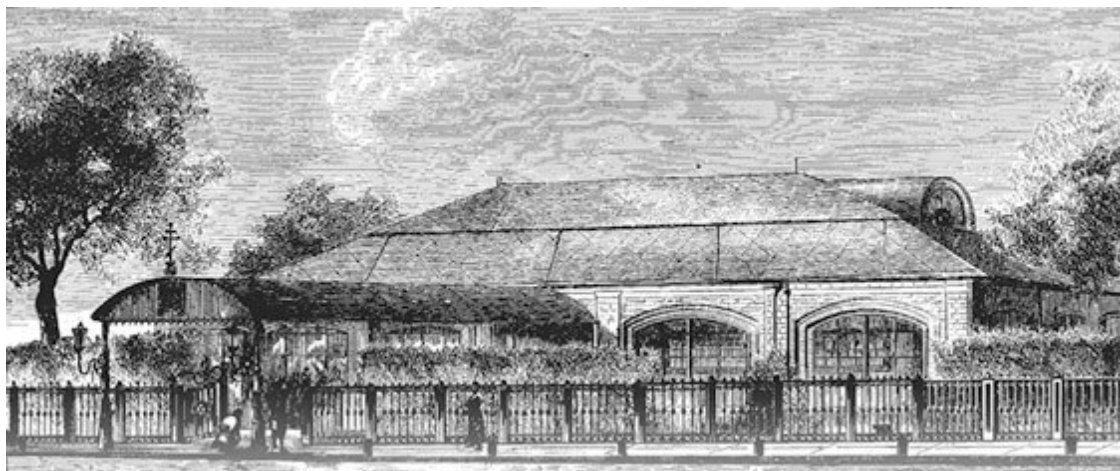
Полтавская битва получила в русской истории такое значение, какого не имела перед тем никакая другая. Шведская сила была надломлена; Швеция со времен Густава-Адольфа, занимавшая первоклассное место в ряду европейских держав, потеряла его навсегда, уступив России. Унизительный Столбовский мир, лишавший Россию выхода в море, теперь невозвратно уничтожился. Берега Балтийского моря, завоеванные Петром, уже невозможно было отнять от России. В глазах всей Европы Россия, до сих пор презираемая, показала, что она уже в состо-

янии, по своим средствам и военному образованию, бороться с европейскими державами и, следовательно, имела право, чтобы другие державы обращались с ней, как с равной. Наконец, с этого времени деятельность Петра, до сих пор поглощаемая войной и сбором средств для войны, гораздо больше обратилась на внутреннее устройство страны.

Еще в конце 1708 года состоялось важное распоряжение о разделении всей России на губернии. Было учреждено восемь губерний: Ингерманландская, Архангельская, Московская, Смоленская, Киевская, Азовская, Казанская и Сибирская¹⁸⁶.

Всех городов в восьми губерниях было в то время 339, а из них 25 приписанных к корабельным воронежским делам в Азовской губернии.

В 1709 году все внимание Петра было поглощено войной. Внутренние распоряжения клонились исключительно к доставлению средств, которые, однако при всех усиленных мерах оказывались недействительными. На деле совершалось не то, что на бумаге. Откупщики, бравшие на откуп казенные доходы, объявляли себя несостоятельными. Пчелиные промыслы, обложенные с 1704 года налогом, не приносили доходов, потому что владельцы пасек не представляли о них отписей и не платили в казну ничего: поэтому велено было сделать новый пересмотр пасек и бортных урожаев и обложить их по 1 рублю 3 алтына 2 деньги за пуд меду, тогда как прежде в казну брали только по два фунта с улья и по 8 денег. Несмотря на все меры, недоимки по всем статьям оставались за несколько лет невнесенными, не было возможности их собрать, и, наконец, правительство должно было в ноябре 1709 года скинуть все прежние недоимки и взыскивать только за два последние года. Впрочем, последующие указы противоречили предыдущим; после скидки старых недоимок, осенью 1711 года, велено было взыскивать недоплаченные деньги с 1705 года.

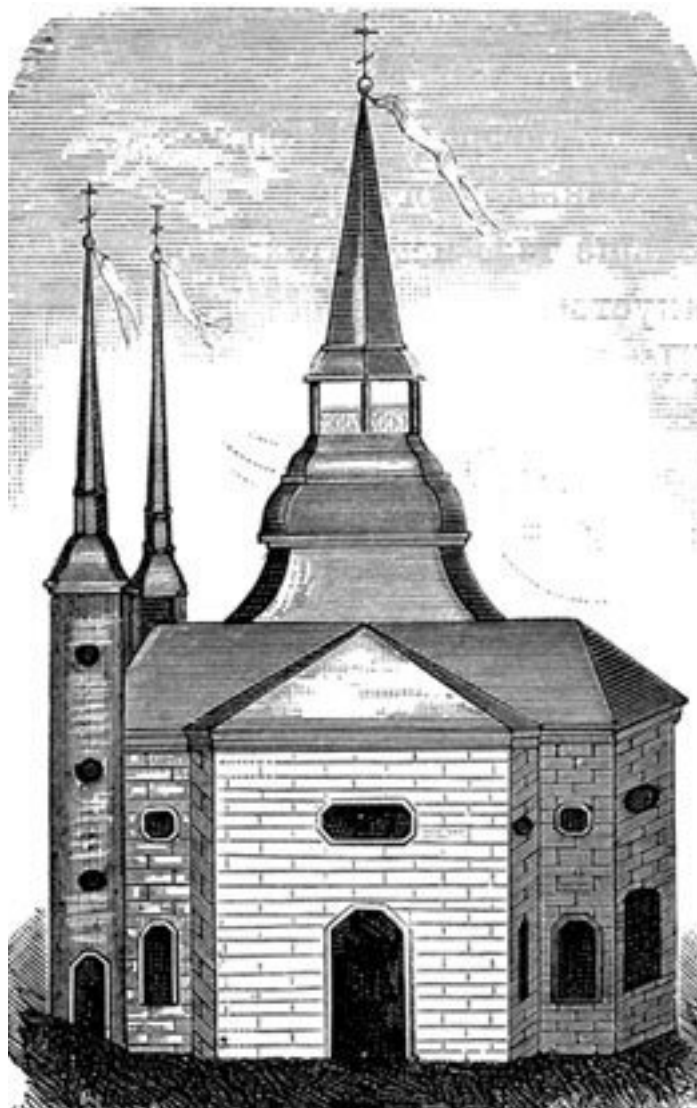
Домик Петра Великого в Петербурге. С современной гравюры

¹⁸⁶ Ингерманландская, обнимавшая вновь приобретенное Балтийское Поморье, прежние земли: Новгородскую, Псковскую, Белозерскую и Верхнюю Волгу до Романова; Архангельская, заключающая Северное Поморье, Вологду и часть нынешней Костромской губернии; Московская, обнимавшая средину государства (нынешние губернии Московскую, Тульскую, часть Калужской, Рязанскую, Владимирскую и часть Ярославской); Смоленская, в которую входили нынешняя Смоленская и часть Калужской губернии; Киевская, обнимавшая гетманщину и большую часть нынешних губерний: Харьковской, Курской и Орловской; Азовская, куда причислялись берега Дона с его притоками в губерниях Тульской и Рязанской, вся Воронежская, часть Харьковской, Курской, Тамбовской и Пензенской; Казанская, в которой заключалось все Поволожье от Юрцева вплоть до Астрахани и Терека, а также восточная полоса до Яика, а на запад Пенза с прилежащими городами; наконец, Сибирская, в которую входили вся Сибирь, а также Пермь и Вятка с их городами. Первыми губернаторами были назначены: в Петербургской – князь Меншиков, в Архангельской – князь Петр Алексеевич Голицын, в Московской – Тихон Никитич Стрешнев, в Смоленской – Петр Самойлович Салтыков, в Киевской – князь Дмитрий Михайлович Голицын, в Азовской – адмирал Федор Матвеевич Апраксин, в Казанской – Петр Матвеевич Апраксин, в Сибирской – князь Петр Матвеевич Гагарин.

После победы над шведами, Петр считая свой любимый Петербург уже крепким за Россией, принялся за его устройство более энергическим образом, а это послужило поводом к такому отягощению народа, с каким едва могли сравниться все другие меры. В 1708 году в Петербург было выслано сорок тысяч рабочих. В декабре 1709 года со всех посадов и уездов, с дворцовых, церковных, монастырских и частных имений велено было собрать, кроме каменщиков и кирпичников, такое же число – 40 000 человек и пригнать на работу в Петербург. На хлеб и на жалованье рабочим, по полтине в месяц, назначено собрать с тех дворов, с которых не было взято рабочих, что составило сумму 100 000 рублей. В 1710 году из Московской губернии велено было взять в Петербург 3000 рабочих, распределив их по десяткам, так что в каждом десятке был плотник с инструментами, и жалованье ему назначено по рублю в месяц; в том же году велено выслать к следующему 1711 году на две перемены по 6075 человек, приставив к ним приказчиков из тех селений, из которых будут выбраны работники. Независимо от этого отправляли таким же образом рабочих в Азов 13 июня 1710 года; на сто верст кругом Москвы велено было набрать молодых людей от пятнадцати до двадцати лет и отправить в матросы в Петербург. В 1711 году опять потребовали в Петербург новых 40 000 рабочих и приказали собрать на них 100 000 рублей. Но полное число требуемых работников не высылалось, потому что много дворов, значившихся по книгам, оставалось на деле пустыми. Хлебный провиант для продовольствия этих рабочих людей собирался со всего государства по числу дворов, и каждый год оставались недоимки, которых сумма все более и более возрастала против прежних лет. Так, например, из 60 589 четвертей, следуемых к сбору в казну на провиант из дворцовых и помещичьих имений, в 1708 году не доплачено 22 729; в 1709 – 32 692; в 1710 году – 36 331; то же с имений церковного ведомства: из 34 127 четвертей в недоимке было в 1707 году – 7000 четвертей; в 1708 – 8586; в 1709 – 14 251; в 1710 году – 19 308 четвертей.

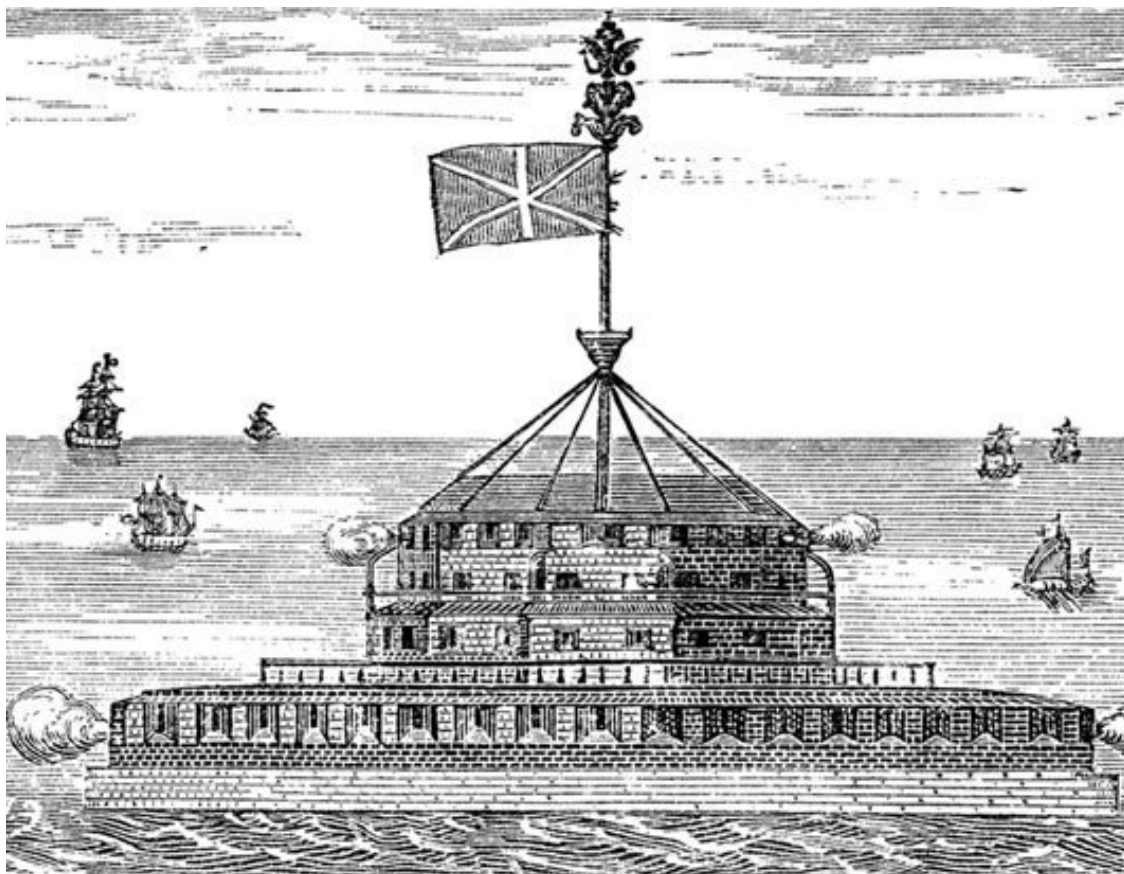
Судостроительные работы не ограничивались одним Петербургом: шнявы строились в Олонце, где начальствовал над работами голландец Дефогельдедам. В Архангельске строились суда под наблюдением голландца Вреверса, построившего там большой фрегат. В Московской губернии на Дубенской и Нерльской пристанях строились суда, называемые «тялками», для спуска с казенными запасами. В Казани была устроена верфь и строились суда, называемые «семяками» и «тялками»; там на верфи работала толпа голландцев и русских рабочих под наблюдением мастера Тромпа; государь послал к нему учиться молодых дворянских детей. Близ Воронежа продолжалось кораблестроительное дело в Таврове и Усерде, и для того в сентябре 1711 года велено выслать туда 1400 плотников.

Первоначальный вид Петропавловского собора в Петербурге

Рекрутские наборы шли своим чередом; возникшая тогда война с Турцией потребовала усиления рекрутчины. В 1711 году собрано со всех губерний, кроме Петербургской, 20 000 рекрут и, кроме того, деньги на их обмундирование и на провиант для продовольствия, а также 7000 лошадей с фуражом или деньгами за овес и сено в течение восьми месяцев: приходилось с 26 дворов по одному рекруту, а с 74 дворов по одной лошади. С имений церковного ведомства собирался провиант на войско в размере по 5 четвериков хлеба со двора и по четверику круп с 5 дворов. По отношению к дворовому числу все восемь губерний были разделены на доли, всех долей было 146, одних дворов было 798 256. Сбор провианта сопровождался жалобами жителей, что люди, присылаемые войсковыми командирами, причиняют крестьянам убытки и разорения; но на такие жалобы мало обращалось внимания. Настоятельные потребности содержать войско вынуждали правительство в ответ на жалобы строго предписывать поскорее собирать провиант и доставлять его по назначению. Губернаторам угрожали наказанием, как изменникам, за несвоевременное исполнение указов, а рекруты беспрестанно бегали со службы; чтоб предупредить побег, их обязывали круговой порукой, грозили ссылкой за побег рекрута его родителям, налагали штраф по пятнадцати рублей за передержку беглого. Но побег от этого не прекращались, а иные помещики умышленно укрывали количество своих крестьян и уклонялись от рекрутской повинности. Села пустели от многих поборов; беглецы собирались в раз-

бойничьи шайки, состоявшие большей частью из беглых солдат. Они нападали на владельческие усадьбы и на деревни, грабили и сжигали их, истребляли лошадей, скот, рассыпали хлеб из житниц, увозили с собой женщин и девиц для поругания. По просьбе помещиков, живших в уездах около Москвы, были отправляемы нарочные сыщики, которые собирали оставшихся дворян, разных служилых людей и крестьян на ловлю разбойников. Около Твери и Ярославля разбойничьи шайки разгуливали совершенно безнаказанно, потому что, за отправкой дворян молодых и здоровых на службу и за взятием множества людей в Петербург на работу, некому было ловить их. Разбойники бушевали в Клинском, Волоцком, Можайском, Белозерском, Пошехонском и Старорусском уездах, останавливали партии рекрутов, забирали их в свои шайки и производили пожары. Государь в октябре 1711 года отправил для розыска разбойников полковника Козина с отрядом; оставшиеся дворяне и дети боярские обязаны были по требованию последнего приставать к нему и вместе с ним ловить разбойников, которых немедленно следовало судить и казнить смертью. В 1714 году повелено казнить смертью только за разбой с убийством, а за разбой, совершенные без убийства, ссылать в каторгу, с вырезкой ноздрей.

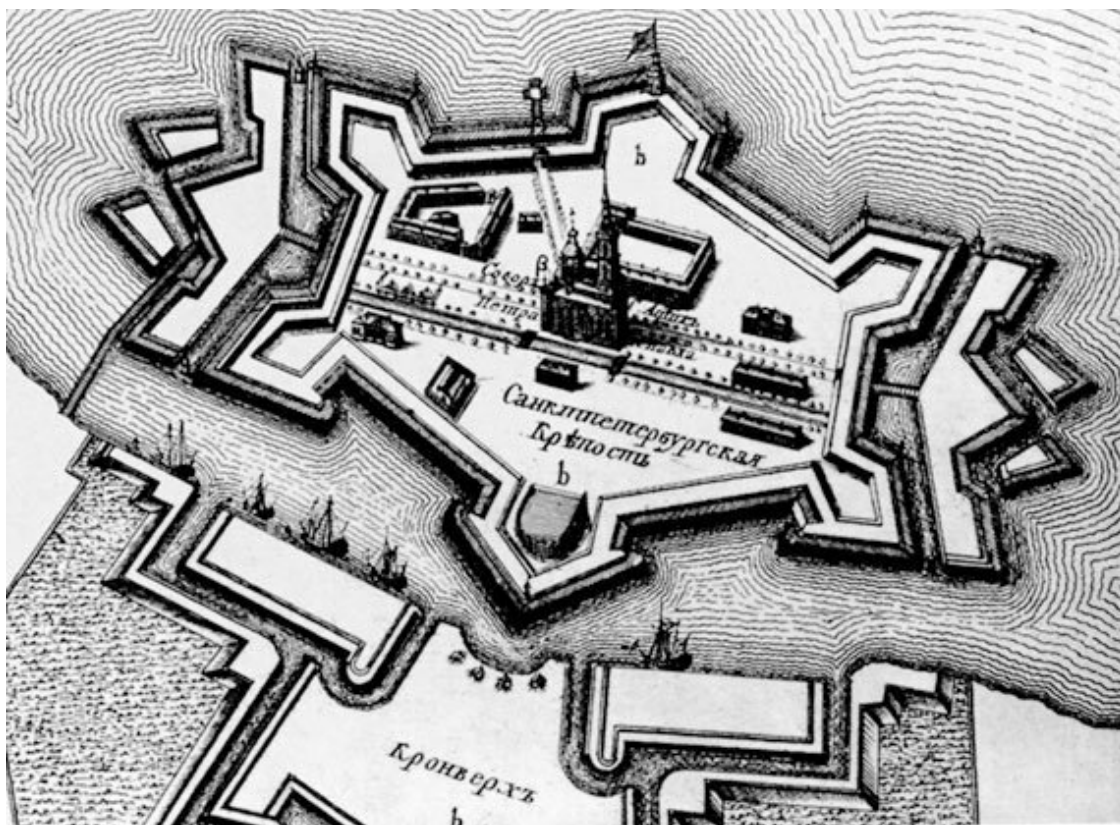
Кроншлот при Петре Великом. С современной гравюры

Рядом с разбойниками проявлялись фальшивые монетчики – воровские денежные мастера. Строгие меры против них были тягостны не только для самих преступников, но и для неосторожных покупателей, потому что всякого, у кого случайно находили воровские деньги, тащили на расправу. Кроме фальшивой монеты домашнего изобретения в Архангельск привозили такую же иностранцы. Чтобы прекратить в народе ее обращение, в мае 1711 года были уничтожены старинные мелкие деньги; а вместо них начали чеканить рубли, полтинники, полу-полтинники, гривенники, пятикопеечники и алтынники. Северная половина России страдала от поджогов и от случайных пожаров, которые вынуждали предупредительные меры: в мае

1711 года по сенатскому указу велено в городах заводить инструменты для погашения огня – крючья, щиты, трубы, ломы и т. п. – и раздать по гарнизонным полкам, которые обязаны были охранять города от огня. Но эти спасительные меры были более на бумаге, чем на деле, потому что долго потом не приобретались инструменты, да и самая сумма на эти предметы, простиравшаяся до 110 000 рублей, была не слишком достаточна. Города Псков, Торжок, Кашин, Ярославль и другие дошли до такого разорения, что современники находили едва возможным поправиться им в течение пятидесяти лет. Много народа вымирало, много разбегалось. В 1711 году в этом крае насчитывалось 89 086 пустых дворов. К увеличению народных бед в 1710 году появились заразительные болезни, перешедшие из Лифляндии и Польши, где они особенно свирепствовали, и для этого велено было устроить заставы, распечатывать все письма и окуривать можжевеловым дымом.

Недостаток средств при всех усиленных мерах сказался уже в январе 1710 года, когда государь приказал своей ближней канцелярии счесть доходы с расходами, и оказалось, что приходу 3 015 796 рублей, а расходу – 3 834 418 рублей. Надобно было усиливать строгость сбора доходов. В Москве у всех ворот и проездов больших дорог делали шлагбаумы, где стояли солдаты и брали с каждого воза, ехавшего с какой бы то ни было кладью, мелкую пошлину. Во всем государстве запрещено было, невзирая ни на какое звание, готовить вино, а непременно брать из царских кабаков. То была новая тягость для народа. Только малороссияне были от нее избавлены; не только в самой гетманщине, но и в великорусских краях, где они поселились, им дозволялось свободное винокурение. Петр ласкал малороссийский народ и освобождал его от поборов, таким гнетом падавших на великороссиян. 11 марта 1710 года царь манифестом строго запретил великорусским людям оскорблять малороссов, попрекать их изменой Мазепы, угрожая в противном случае жестоким наказанием и даже смертной казнью за важные обиды; но это были только ласки до времени – и за Малороссию Петр готовился приняться.

Самой важной мерой с целью привести в порядок государственное управление и получать правильно доходы было учреждение высшего центрального органа под названием сената. Указ о его учреждении последовал в первый раз 22 февраля 1711 года. Сенат был род думы, состоявшей из лиц, назначенных царем, вначале в числе восьми. Сенат, по словам указа, учреждался по причине беспрестанных отлучек самого царя. Он имел право издавать указы, которые все обязаны были исполнять под страхом наказания и даже смертной казни. Сенат ведал судами, наказывал необъективных судей, должен был заботиться о торговле, смотреть за всеми расходами, но его главная цель была собирать деньги, «понеже деньги суть артерия войны», говорил указ. Все сенаторы имели равные голоса. Сенату подведомы были губернаторы, и для каждой губернии в самом сенате учреждались так называемые повытцы с подьячими. Канцелярия сената кроме повытей имела три стола: секретный, приказный и разрядный; последний заменял упраздненный древний разряд. В канцелярии правительствующего сената должны были находиться неотлучно комиссары из губерний для приема царских указов, следуемых в губернии, и для сообщения сенату сведений по вопросу о нуждах губернии; они вели сношения со своими губерниями через нарочных или через почту.

План Санкт-Петербургской крепости

Вместе с учреждением сената последовало учреждение фискалов. Главный фискал на все государство назывался обер-фискалом. Он должен был надсматривать тайно и проводить, нет ли упущений и злоупотреблений в сборе казны, не делается ли где неправый суд, и за кем заметит неправду, хотя бы и за знатным лицом, должен объявить перед сенатом; если донос окажется справедливым, то одна половина штрафа, взыскиваемого с виновного, шла в казну, а другая поступала в пользу обер-фискала за открытие злоупотребления. Если даже обер-фискал не докажет справедливость своего доноса, то он за то не отвечал, и никто, под страхом жестокого наказания, не смел выказывать против него досаду. Под ведомством обер-фискала были провинциал-фискалы с такими же обязанностями и правами в провинциях, как и обер-фискал в целом государстве, с той разницей, что без обер-фискала они не могли призывать в суд важных лиц. Под властью последних состояли городские фискалы. Собственно по духу своему это не было нововведение, потому что доносничество и прежде служило одним из главных средств поддержания государственной власти, но здесь оно в первый раз получило правильную организацию и самое широкое применение. Фискалы должны были над всеми надсматривать; все должны были всячески им содействовать, все ради собственной пользы приглашались к доносничеству. Объявлено было в народе, что если кто, например, донесет на укрывавшегося от службы служилого человека, тот получит в полную собственность деревни того, кто укрывался; или кто донесет на корчемников, торговавших в ущерб казне вином или табаком, тот получит четвертую долю из пожитков виновного. Доносчики освобождались от наказания, хотя бы и не доказали справедливости своего доноса. Опыт скоро показал, что такая мера не прекращала злоупотреблений; напротив, фискалы, пользуясь своим положением, сами позволяли себе злоупотребления и попадались. Система доносов только способствовала дальнейшей деморализации народа; подобными мерами можно скрепить взаимную государственную связь, но всегда в ущерб связи общественной.

Казак выборный, или регистровый

С учреждением сената ратуша хотя не была уничтожена, но потеряла свое прежнее значение, и власть губернаторов стала простирается на торговое сословие. Губернаторам было отдано ямское дело, а Ямской приказ был упразднен. На них же возложено было отыскание металлических руд, и особый существовавший до сих пор приказ рудных дел был уничтожен. С целью преобразования монетной системы учреждено особое место, так называемая купецкая палата. Все, у кого были старые деньги, должны были сносить их в купецкую палату и обменивать их на новые. В купецкой палате сидели двое поставленных на монетном дворе, а к ним присоединялись выборные из гостиной сотни по одному человеку, обязанные клеймить все серебряные и золотые изделия и преследовать тех, кто станет продавать эти изделия без пробы. За первый раз была назначена легкая пеня в 5 рублей, за второй – пеня в 25 рублей и телесное наказание, а за третий – кнут, ссылка и отобрание всего имущества в казну, «чтобы

всеконечно истребить воровской вымысел в серебряных и золотых делех». Новая серебряная проба разделялась на три разряда: первый – чистое серебро без всякой лигатуры, второй – 82-й пробы и третий – 64-й. Купецкая палата имела поручение продавать желающим серебро и золото и для приобретения того и другого получала от казны готовые суммы; так, в мае 1711 года с этой целью отпущено было туда 50 000 рублей. Купецкая палата для покупки серебра и золота по ярмаркам доверенных купцов, и тогда кроме таких доверенных лиц никто не смел покупать. Покупка и продажа золота и серебра также очень скоро послужила поводом к злоупотреблениям и наказаниям за эти злоупотребления со стороны правительства: в 1711 году нескольких купцов велено бить батогами за незаконную торговлю золотом и серебром.

Казак-помощник

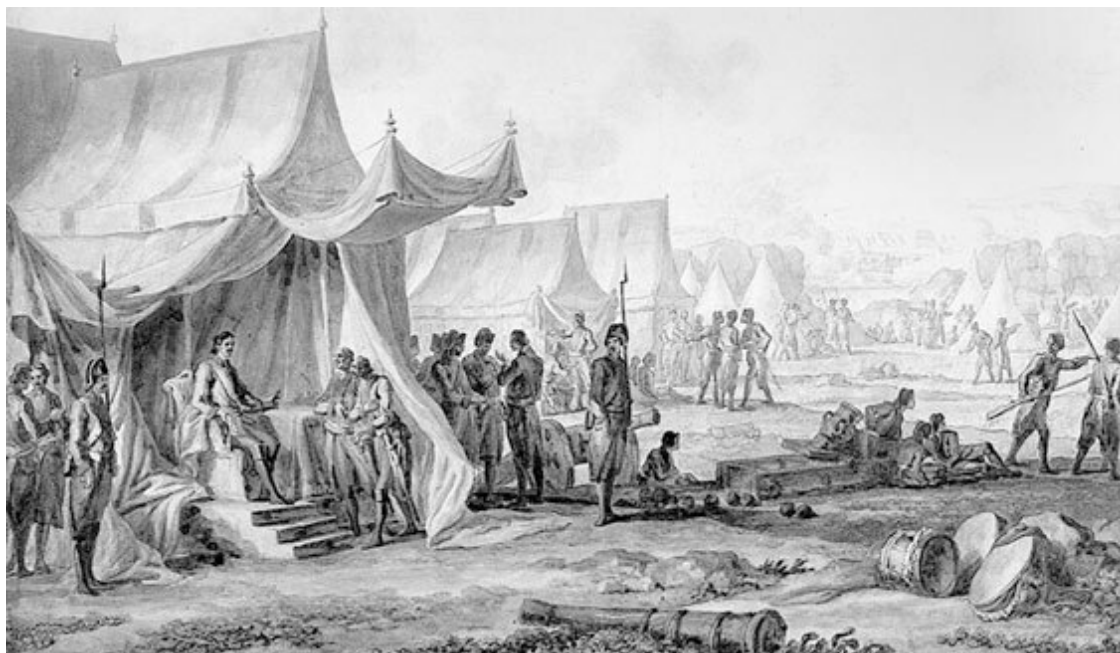
Купецкие люди имели право надзора над разными фабриками и заводами, учреждаемыми правительством; таким образом, в Москве были заведены полотняные, скатертные и салфетные фабрики: их отдали купецким людям с тем, чтобы они умножили этот промысел, но с угрозой, что если они его не умножат, то с них возьмется штраф по тысяче рублей с человека. Петр даровал всем без исключения дозволение торговать под своим, а не под чужим именем, с платежом обыкновенных пошлин, но не переставал ставить промыслы и торговлю в такое положение, чтоб они обогащали казну. Пошлины не уменьшались, напротив – увеличивались, и многие статьи отдавались на откуп с наддачей, то есть тем, кто преимущественно перед прежними откупщиками давал казне большую откупную сумму; так, хомутная пошлина, взимаемая с извозчиков, а также пошлина с судов – переходили из рук в руки с наддачей. В Архангельске многие статьи вывоза продолжали быть исключительным достоянием казны, таковы были: икра, клей, сало, нефть, смола, лен, поташ, моржовая кость, ворвань, рыба, особенно треска и палтусина, корабельный и пильной лес, доски и юфть. Никто не смел в ущерб казне отпустить за границу этих товаров, а продавать их по мелочи производители могли только доверенным от царя купчинам. Из привозных вещей алмаз, жемчуг и разные драгоценные камни по указу 1711 года освобождались от пошлин для того, чтоб заохотить иноземцев привозить их в Россию.

Военные дела после поражения шведов под Полтавой некоторое время представляли ряд блестящих успехов, имевших последствием расширение пределов государства. Адмирал Апраксин осадил Выборг; сам царь в звании контр-адмирала участвовал в этой осаде, доставляя на кораблях запасы осаждающим. Шведский комендант, приведенный в стесненное положение непрерывным бомбардированием, 12 июля 1710 года сдался на капитуляцию, выговорив себе свободный проезд в Швецию. Но Петр, дав слово, нарушил его под тем предлогом, что шведы задерживают в Стокгольме русского резидента Хилкова, и приказал увести в Россию военнопленным гарнизон, а многих жителей перевести в Петербург. Рига, осажденная еще осенью 1709 года Шереметевым, держалась упорно более полугода. Рижский генерал-губернатор Штрэнберг был человек храбрый и искусный; с чрезвычайным спокойствием он заставлял осажденных выдерживать сильнейшую бомбардировку и недостаток жизненных средств. Но в Риге распространилась заразительная болезнь, и люди умирали в громадном количестве, так что оставалась в живых едва третья часть всех жителей, а всего гарнизону – с небольшим тысяча человек. Штрэнберг сдался на капитуляцию. Шереметев не дозволил уйти природным немцам, принуждая их присягнуть царю на подданство; шведам дали слово отпустить их на родину, но нарушили слово, так же как и под Выборгом, и Штрэнберг был удержан военнопленным. За Ригой сдался Динамюнде, где также зараза страшно истребила население. 14 августа генерал Боур взял Пернов таким же образом, как Шереметев Ригу, потом переправился на остров Эзель и овладел Аренсбургом, а 29 сентября сдался Меншикову на капитуляцию Ревель; шведский гарнизон был выпущен. За Ревелем покорилась вся Эстония; таким образом балтийское побережье, которого Петр так добивался, досталось России, и с этих пор навсегда. По выражению одного современника, зараза более самого оружия способствовала Петру овладеть Ливонским краем. Около того же времени генералом Брюсом был покорен Кексгольм, древняя Корела. Петр в память этих приобретений основал близ Петербурга монастырь Александра Невского, чтобы в глазах народа освящать свои завоевания благословением причисленного к лику святых князя, одержавшего победы над теми же немцами и шведами, которых теперь поражал Петр. Царь понял, что с подчинением Прибалтийского края не нужны более суровые приемы, что надлежит, напротив, приласкать новых подданных, уцелевших в разоренном и сильно обезлюдившем краю. Он не только дал этой стране временные льготы, в которых она нуждалась, но и утвердил навсегда старые права дворянства и гражданства Прибалтийского края, обещал неприкосновенность лютеранского исповедания, судов и немецкого языка. Одни туземцы могли быть избираемы в должности и владеть в крае именьями, которые не могли облагаться личными налогами, кроме постановленных местным земским сеймом. Универси-

тету в Пернове царь обещал свое покровительство и объявил, что будет посылать туда русских для обучения. Петр уничтожил все редукации, выдуманные шведским правительством, и утвердил за дворянами те земли, какими они в данное время владели, что сильно успокоило дворянство. Курляндия не была еще покорена и оставалась польским леном, но на деле в то же время подпала иным способом под русскую власть. Петр выдал свою племянницу Анну Ивановну за молодого герцога курляндского, но этот герцог вскоре после брака (10 января 1711 года) умер, а вдовствующая супруга осталась правительницей Курляндии и жила в Митаве. Петр распоряжался в этой стране по своему произволу, не допустив до престолонаследия брата покойного герцога Фердинанда. В самой Польше дела складывались так, что русский царь мог распоряжаться этой страной и пролагать России дорогу к ее подчинению. Под видом защиты короля Августа, своего союзника, Петр продолжал держать свои войска в Польше к большой досаде жителей края. На содержание чужеземного войска, по известию современника Отвиновского, приходилось тогда по 38 талеров в месяц с дома. Постой назначен был только в земских или шляхетских имениях: все коронные имения были освобождены от постоя, а из земских имений гетманы и благоприятели гетманов постарались освободить свои собственные имения, расставив русских солдат по чужим имениям и подвергая последние большей тягости, чем какую несли их собственные. Военные люди по обычаю того времени дозволяли себе насилия и бесчинства над жителями. Польские паны жаловались русскому послу князю Григорию Долгорукому, а посол водил их обещаниями; между тем по царскому приказанию русские вербовали людей в Польше, иных даже насильно хватили и препровождали в Россию; царь хотел этими набранными заселить кое-где опустевшие русские местности. Русские отняли у шведов польский город Эльбинг, но Петр не выпускал его из рук и не отдавал Польше. По всему видно, Петр по отношению к Польше вступил уже в такую роль союзника, которую обычно в истории разыгрывали сильные и ловкие над слабыми и простоватыми, мало-помалу превращаясь из союзников и друзей в господ и владык. Отношения к западным державам если не представляли для Петра блестящих надежд, то все-таки становились для него благоприятнее, после того как военные успехи заставили Запад уважать Россию. Дания снова вошла в союз с Россией против Швеции, хотя собственно своими военными действиями не приносила России никакой пользы; так, попытка датчан сделать нападение на южные области Швеции окончилась жестоким поражением датского войска. Австрийский дом готовился вступить в свойство с русским домом: Петр сговаривался женить сына на сестре императора Карла, тогда получавшего престол. Голландские Соединенные Штаты и германские владетели провозгласили нейтралитет германских земель для всех вообще участников Северной войны, и если этот нейтралитет ограничивал действия Петра, то еще более был направлен против Карла, который с такой нестерпимостью распорядился в Саксонии. С Англией у России произошло было неудовольствие: русский посол Матвеев был задержан за долги английскими купцами и подвергся оскорблениям, но вслед за тем прибывший в Россию посол английской королевы Анны извинился перед царем, и даже, к удовольствию царя английская королева в своих сношениях с Петром дала ему императорский титул; видимое согласие восстановилось, и в Лондон отправился русский посол князь Куракин. Хотя Англия не слишком дружелюбно смотрела на стремление Петра создать из своего государства морскую державу, но по крайней мере не предпринимала ничего враждебного. Со стороны Турции вначале, казалось, нечего было опасаться. Русский посланник в Константинополе Петр Толстой после полтавской победы заключил с Турцией договор, по которому Турция обещала удалить Карла XII из турецких владений, а русский отряд должен был проводить его через Польшу. Но вслед за тем Карл XII через своего сторонника киевского воеводу Понятовского стремился уничтожить этот договор и подстрекал турок к войне с Россией. Двое турецких главных визирей один за другим были низвержены, и место главного визиря получил паша Балтаджи-Мугамед. Быть может, и при этом визире дело обошлось бы, но Петр сам сделал неосторожность: надеясь на свои силы, он стал угрожать Турции войной,

если, согласно заключенному договору, турецкое правительство не спроводит из своих владений шведского короля. Царя раздражало еще и то, что по смерти Мазепы, бежавшего в Турцию, его сторонники с позволения султана избрали себе новым гетманом бывшего при Мазепе генеральным писарем Орлика. Угрозы Петра так раздражили султана и его диван, что 20 ноября 1710 года была объявлена война России, и по турецкому обычаю русский посол Толстой был заключен в Едикул (Семибашенный замок). Получив объявление войны, Петр отправил свои войска к турецким границам и 6 марта 1711 года выехал сам к войску из Москвы вместе с Екатериной Алексеевной, которая с этого времени стала в близком к царю кругу называться царской женой и царицей.

М.М. Иванов. Петр I на реке Прут

Эта Екатерина Алексеевна была та самая бедная мариенбургская пленница Марта Скавронская, которую взял Шереметев вместе с пастором Глюком. Бывшая возлюбленная Петра Анна Монс, ради которой он заключил свою жену Евдокию, изменила ему. Еще в 1702 году при взятии Шлиссельбурга нечаянно утонул провожавший Петра в походе саксонский посланник Кенигсек. Из кармана утопленника были вынуты любовные письма к нему царской возлюбленной. Анна за это содержалась в заключении три года, потом, уже выпущенная на свободу, сошлась с прусским посланником Кайзерлингом. Петр жил со Скавронской, и она со временем все более и более овладевала его чувством. Путь Петра лежал через Польшу, куда, к неудовольствию многих поляков, стянулось русское войско. В Ярославле (галицком) Петр свиделся с Августом; они (30 мая) заключили новый договор на таком условии: Петр будет воевать с турками, Август с польскими войсками и вспомогательным отрядом русских от 8000 до 10 000 человек в Померании – со шведами. Поляки, соображая, что русский царь теперь в них нуждается, домогались отдачи им Ливонии, права заселять Украину правого берега Днепра, оставшуюся впусе; домогались свободы католического вероисповедания в России, требовали вывода русских войск из Польши и вознаграждения за взятые насильно контрибуции. Петр на все давал двусмысленные обещания, отлагая их исполнение до окончания войны. Тут явились у Петра еще союзники: христиане, находившиеся в порабощении турок. Еще до разрыва с Турцией единоверные и единоплеменные России сербы присылали к царю предлагать свои услуги в случае войны с басурманом, и это, без сомнения, в числе других причин побуждало

Петра не бояться раздражить турок угрозами и вызвать их на объявление войны. Зимой серб полковник Милорадович начал от царского имени возбуждать к восстанию черногорцев. По приезде царя в Польшу заявили свое расположение к нему и готовность помогать в борьбе с турками господами валахский и молдавский. Во время бегства Карла XII в турецкие владения молдавским господарем был Михаил Раковица, расположенный к России и обещавший Петру свое содействие. Но прежде чем он мог показать на деле свое расположение к России, Турция свергла его с господарства, назначив вместо него Маврокордато, а потом по настоянию крымского хана лишила господарства и Маврокордато, назначив на место его Димитрия Кантемира. Ему покровительствовал крымский хан, а Турция, оказывая Кантемиру доверие, обещала ему еще и валахское господарство, если он поймает и доставит в турецкие руки бывшего тогда господарем Валахии Бранкована, своего давнего врага. Бранкован первый обратился к Петру через своего посланца Давыда и обещал русскому войску свое содействие, когда оно вступит в турецкие владения. Вслед за тем обратился к Петру и новопоступивший на молдавское господарство Кантемир, недовольный турецкими поборами и вымогательствами. Надеясь на силу России и желая доставить своему роду наследственную власть, он через грека Паликолу заключил с царем (13 апреля 1711 года в Луцке) договор: отдать Молдавию России с тем, что он и его потомки будут там вассальными владетелями; затем, если предприятие не удастся, он выговаривал себе два дома в Москве и поместья в России. Государь, узнав, что между Кантемиром и Бранкованом существуют вражда и соперничество, старался помирить их. По настоянию Петра и тот, и другой обменялись между собой посольствами, но искренности между ними не было. И тот, и другой имели в виду свои частные выгоды. Кантемир, входя в союз с русским царем, в то же время притворялся пред турецким правительством и уверял, что сносится дружелюбно с неприятелем с целью удобнее выведать о его намерениях и силах.

Императрица Екатерина I. С гравированного портрета Хубракена

Царь прежде всего выслал с половиной войска Шереметева, приказывая ему идти за Дунай, а сам следовал за ним к Днепру. Петр воображал, что как только русское войско явится в турецких пределах, все христиане – и валахи, и сербы и болгары – поднимутся против мусульман. Но Шереметев, перейдя Днепр, нашел, что идти прямо на Дунай опасно: у него не доставало провианта, а путь до Дуная требовал многих дней и страна была опустошена; он соображал, что если он и пройдет до Дуная, то союзника русских Кантемира может подвергнуть опасности, турки тем временем ударят на Молдавию; сверх того, он рассчитывал, что в Молдавии войско не будет нуждаться в пропитании. Шереметев направился в Молдавию и прибыл в Яссы; за ним следовал Петр по тем же соображениям о средствах содержания войска. Кантемир до сих пор вел сношения с Россией тайно от совета своих бояр; но тогда, когда Шереметев с русским войском вступил в Молдавию, надобно было открыть тайну. Кантемир созвал всех бояр и объявил, что пристает к Петру. Некоторые с радостью объявили, что разделяют его чувствования; но не все так показали себя, потому что не все надеялись на успех. 5 июня Кантемир сам прибыл к Шереметеву в его обоз. После этого прибыл к своему войску Петр и 24 июня посетил Яссы вместе с Екатериной. На следующий день Кантемир устроил русскому государю в своем дворце торжественный обед с приличной попойкой, а жена Кантемира особо угощала Екатерину. Царь несколько дней осматривал Яссы и 27 числа праздновал день Полтавской битвы. Молдавский народ с любопытством бегал за ним и радовался, увидев

в первый раз в стенах своей столицы сильного государя православной веры. Петр поражал всех своей простотой и подвижностью. Он публично оказывал Кантемиру знаки любви, обнимал и целовал его. Кантемир воспользовался этим, чтобы очернить перед государем своего давнего соперника Бранкована, к нему в этом присоединился двоюродный брат Бранкована Кантакузин, замышлявший свергнуть своего господя, чтобы самому сесть на его место. От этого случилось следующее: Бранкован присылал предложение примириться с Турцией; сам султан, узнав о вступлении русских сил, поручил ему сношение с Петром; но Петр, настроенный против Бранкована, отверг предложение. Тогда валахский господарь рассчитал, что на русскую помощь надежды мало: враги успеют вооружить Петра против него; гораздо безопаснее оставаться на турецкой стороне. Русским пока было мало пользы от вступления в Молдавию. Кантемир издал манифест о вооружении молдавского народа, и народ по религиозному побуждению откликнулся сочувственно на такое воззвание, но невоинственные и плохо вооруженные поселяне могли внести в общее дело невеликие силы. Русское войско в Молдавии не нашло обильного продовольствия, какое думало было там найти, потому что край был опустошен саранчой, и царь послал отряд под начальством Ренне к Браилову добыть сложенные там, как ему доносили, турецкие запасы. В это время вдруг пришло неожиданное известие, что сильное турецкое войско идет на русских, а с ним и хан крымский со своей ордой. У русских было всего 38 276 человек, у визиря – 119 665, а у хана до 70 000 – силы чересчур неравные. Петр поспешно двинулся назад, но неприятели догнали и осадили русских. Петр помышлял уйти из стана вместе с Екатериной и пробраться в отечество через Венгрию; было предложено предводителю молдавского войска Никульче взять на себя обязанность проводника царских особ. Никульче не взялся за это, находя невозможным избежать турецких сил, окружавших стан.

Русские войска петровского времени. С рисунка Н. Загорского

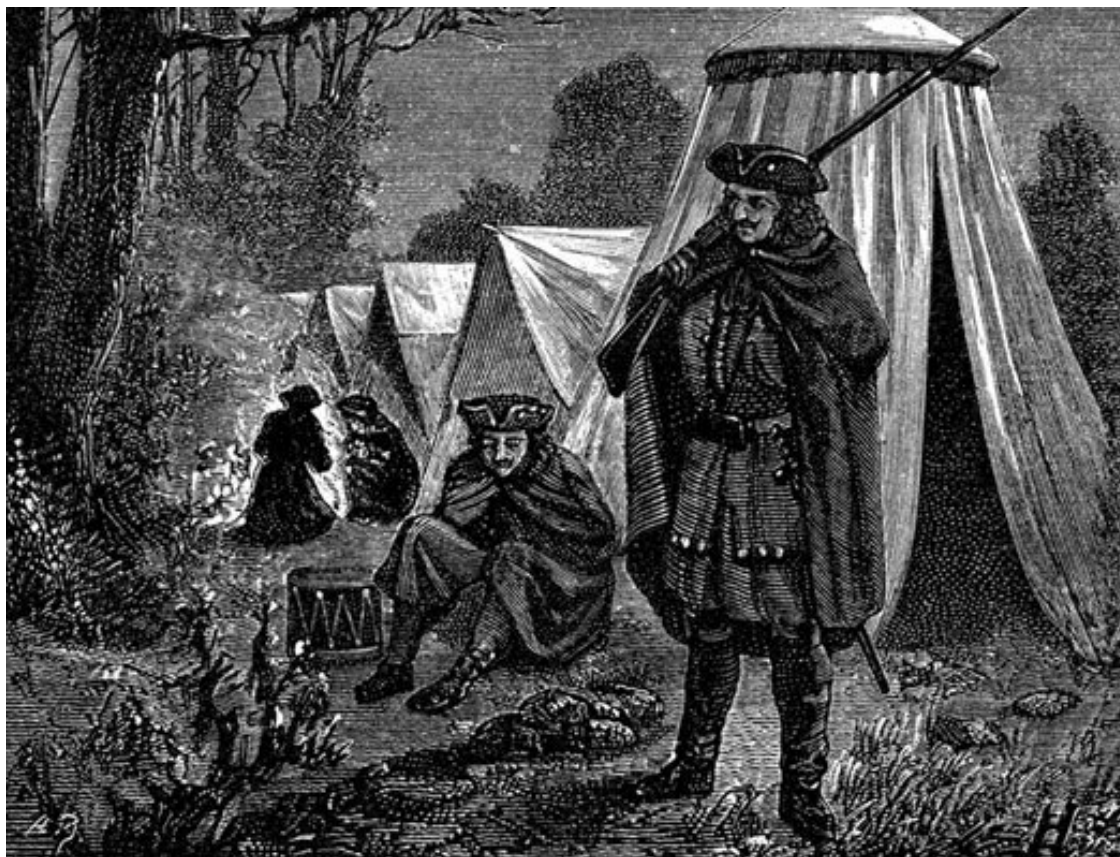
Турки сделали нападение; русские его отразили. Но это не могло подавать больших надежд Петру. У него не было провианта: турки могли переморить русских осадой.

В таком отчаянном положении министры Петра увидели единственное средство – попытаться склонить визиря к миру подарками, так как турки были на них чрезвычайно падки. Шереметев написал визирю письмо и предлагал устроить взаимными силами примирение между воюющими государствами – Россией и Турцией. Визирь некоторое время не отвечал. Он видел слишком много надежд на выигрыш; и другие турецкие военачальники разделяли его взгляды. Но когда визирь двинул свои силы в бой, янычары заволновались. «У нас, – кричали они, – и так перебито много товарищей, и многие из оставшихся в живых покрыты ранами. Султан хочет мира, а визирь против его воли шлет нас на убой». Такой ропот подчиненных сделал визиря уступчивее. Он отправил в русский стан с ответом Шереметеву Черкес-Мехмед-пашу. Визирь писал, что он не прочь от мира честного и выгодного для Турции. Когда после получения такого ответа Петр собрал на совет приближенных, Екатерина оказала тогда небесполезное участие. Об этом свидетельствовал сам Петр, когда, короновав ее императрицей уже спустя двенадцать лет, вспоминал о важных услугах, оказанных ею при Пруте. Иностранные историки объясняли эти услуги, говоря, что Екатерина предложила отдать визирю все свои вещи и деньги.

Как бы то ни было, к визирю был послан подканцлер Шафиров с обещаниями визирю 150 тысяч рублей, а другим турецким чинам обещаны меньшие суммы. Шафирову дано было полномочие заключить условия мира. Визирь и турецкие чиновники сообразили, что хотя бы они могли уничтожить русское войско, но все-таки не иначе, как с большой потерей собственных воинов. Мир был заключен при Пруте на таких условиях: Петр уступал Азов со всем побережьем, обязываясь срыть основанные там русские городки, и обещал не вмешиваться в польские дела, а шведскому королю предоставлял свободный проход в его отечество.

Карлу XII не по сердцу был этот мир, и он, оставаясь в турецких владениях, успел вооружить султана против визиря: последнего отрешили и сослали, а потом, как говорят, удавили. В пользу шведского короля действовал при цареградском дворе французский посол.

Послы английский и голландский стояли тогда за Россию, потому что их государства сами находились в ожесточенной войне с Францией.

Русские войска петровского времени. С рисунка Н. Загорского

В конце 1712 года, главным образом по наущению Карла XII, султан потребовал от России, чтоб ему была уступлена вся казацкая Украина, и так как такое требование очевидно не могло быть удовлетворено, то русских уполномоченных Шафирова, Толстого и Шереметева (сына) заключили в Семибашенный замок и вновь объявили войну России. Но при турецком дворе все делалось интригами и подкупами. У султана был в большом приближении любимец Али-Кумурджи, настраивавший его в пользу мира с Россией против шведского короля. По наущению этого любимца султан вскоре освободил русских послов и опять дозволил вступить с ними в переговоры. Шафиров подкупил великого муфтия, чтобы в качестве верховного толкователя Корана он признал в султанском диване войну с Россией незаконным делом. Не менее важно было то, что русские послы расположили в свою пользу мать султана богатыми подарками, превосходившими те, которые обещал ей Карл XII. Сверх того Карл XII своим высокомерным поведением раздражил султана. Когда уже все при дворе турецкого императора склонялось в пользу возобновления мира с Россией, султан отправил крымского хана к шведскому королю уговаривать его ехать под прикрытием хана в отечество через Польшу. Карл воспротивился и даже обнажил шпагу против приехавшего к нему султанского конюшего. Услыхав об этом, султан дал приказание взять шведского короля силой и привезти в Адрианополь, где сам находился в то время. Карл не привык кому бы то ни было повиноваться: приказание султана раздражило его. Карл велел сделать около своего двора в окрестностях Бендер окопы и решил защищаться против турок и татар, хотя бы их пришло несколько тысяч; у него самого был тогда небольшой отряд и всего две пушки. Карл защищался так упорно, что турки принуждены были привезти несколько пушек из Бендер, разметали сделанные королем окопы, положили в битве многих защищавших короля шведов и поляков, и наконец взяли в плен его самого вместе с неразлучным с ним киевским воеводой Потоцким. После этого события султан велел приехать к себе в Адрианополь русскому посольству. Послы обещали именем царя, что в Польше уже

не будет русских войск, но ни за что не соглашались дать обещание платить крымскому хану постоянную дань, как настаивал было султан. Подкупленный Шафировым муфтий стал толковать в султанском диване, что по Корану грешно будет теперь начинать войну, и таким образом в июне 1713 года окончательно был заключен мир на 25 лет. Граница между Турцией и Россией была проведена между реками Самарой и Орелью. Карл XII обязан был немедленно удалиться из турецких владений. Однако после этого он пробыл в Турции еще с год, напрасно стараясь поправить потерянное дело и снова произвести разрыв Турции с Россией. Не ранее как летом 1714 года, потеряв уже всякую надежду, он уехал из Турции через Трансильванию не в сопровождении хана, как предполагалось прежде, а переодетый в виде частного путешественника, и 22 сентября прибыл в свой город Штральзунд, находившийся в Померании.

IV. Внутренние дела после Прутского договора до Ништадтского мира со Швецией

Несколько лет, следовавших за учреждением сената и окончанием турецкой войны, составляют самую богатую событиями эпоху в истории внутренних преобразований, совершенных Петром Великим. Прибалтийский край был, так сказать, обетованным углом для Петра между всеми его обширными владениями, потому что здесь возникал и возрастал его флот, здесь стоял его любезный город, им созданный и лелеемый с сердечной нежностью. Спуск на воду всякого новопостроенного корабля был для Петра большим праздником, и однажды, по известию немца Вебера, на подобном празднике царь говорил своим вельможам замечательную речь, смысл которой был таков: «Никому из вас, братцы, и во сне не снилось лет тридцать тому назад, что мы будем здесь плотничать, носить немецкую одежду, воздвигнем город в завоеванной нами стране, доживем до того, что увидим и русских храбрых солдат и матросов, и множество иноземных художников, и своих сынов, воротившихся из чужих краев смысленными, доживем до того, что меня и вас станут уважать чужие государи. История полагает колыбель всех наук в Греции, оттуда они перешли в Италию, а из Италии распространились по остальной Европе, но по невежеству наших предков не проникли до нас. Теперь очередь наступает и нам; мне кажется, что со временем науки оставят свое местопребывание в Англии, Франции и Германии, перейдут к нам и наконец воротятся в прежнее свое отечество, в Грецию. Будем надеяться, что, может быть, на нашем веку мы пристыдим другие образованные страны и вознесем русское имя на высшую степень славы».

Такой взгляд имел Петр на будущую судьбу России, и, по его предположению, Петербург был основанием новой России. Любимым эпитетом своему творению у Петра было слово «парадиз». Вся Россия должна была работать для строения и населения этого парадиза. В начале 1712 года потребовано туда сорок тысяч работников, на содержание каждого было положено по рублю в месяц и для этого велено собрать со всех губерний 120 000 рублей; сверх того, понадобилось 22 000 рублей на выделку кирпича как материала для сооружения строений в Петербурге, а 30 700 рублей на – судовое строение и на разные починки. В 1714 году велено собрать с народа в Петербург 34 000 тысячи человек рабочих и денег им по рублю на человека в месяц. Города с уездами – Олонец с его железными заводами, Каргополь, Белоозеро, Устюжна, волости Новгородского уезда и в Архангельской провинции Чаронда, всего 24 000 дворов – по отправлению этой повинности были приписаны к адмиралтейству. Кроме громадного числа рабочих, в Петербург высылались и мастеровые люди. Так, в 1712 году их было выслано для водворения в Петербурге на прибавку к прежним 2500, преимущественно каменщиков и плотников. Каждый из них получал по шести рублей в год на семью.

В июне 1714 года указано было разного звания людям строиться в Петербурге дворами: царедворцам, находящимся в военной и гражданской службе, вдовам с детьми, владевшим не менее ста дворами (в числе 350 лиц), торговцам (в числе 300 человек), мастеровым (в таком же числе), выбранным из разных городов. Они должны были построиться в течение лета и осени 1714 года. Но повеление о высылке людей торговых и ремесленных в Петербург на жительство в точности не исполнялось, да и присланными царь не оставался доволен: губернские начальства старались сбывать из своего края людей бедных, старых и одиноких, которым переселение не представляло большой тягости. 26 ноября 1717 года царь указал земским людям во всех городах выбирать из своей среды для высылки в новый город непременно первостатейных и среднего состояния людей, а отнюдь не бедных, не старых и не одиноких, как до того делалось. Петр хотел привлечь и водворить в Петербурге все, что было лучшего, а остальной России оставлял то, что было похуже. Так, например, осенью 1719 года кожевенных мастеров, обучав-

шихся у немцев, велено было подвергать испытанию, и тех, которые окажутся более знающими, удерживать в Петербурге, а остальных, которые были похуже, отправить назад по городам.

Правительство заботилось, чтобы сделать населенным вообще и край, прилегавший к Петербургу, называвшийся тогда Ингерманландией. В Петергофе много лет работали иностранные мастера над постройкой увеселительного царского дворца и разведением великолепного сада: в их распоряжении были тысячи русских чернорабочих. В июле 1712 года велено было расписать всю землю в Ингерманландии на части и отвести участки под дворы и огороды в местах, назначенных для заведения жилых местностей. Отовсюду переводились насильно всяких чинов служилые люди и получали в Ингерманландии землю с крестьянскими и бобыльскими дворами. Новые поселенцы по количеству дворов делились на шесть статей¹⁸⁷. Некоторые служилые помещались и обзаводились дворами на острове Котлине. Расселяли по видам правительства жителей и в других местах государства. В начале 1718 года потребовано из Казанской и Нижегородской губерний из Симбирского уезда несколько сотен плотников, кузнецов и пильщиков и приказано поселить их на удобнейших местах в Казанской губернии и обязать рубкой леса. Одних расселяли, других посылали временно на работы. Строились крепости в областях Киевской, Воронежской, Нижегородской, Азовской; рабочих для таких построек сгоняли только со своей области, тогда как на постройку Петербурга их сгоняли со всей России. Рабочие, определяемые к постройкам областных крепостей, брались на полгода, и на этот срок им давалось продовольствие, но многие не возвращались домой; рабочая повинность была, по замечанию одного современника, бездной, в которой погибало бесчисленное множество русского народа: одна таганрогская поглотила более 30 000 рабочих, но это число было незначительно в сравнении с тем, сколько народа погибло на работах в Петербурге и Кроншлоте.

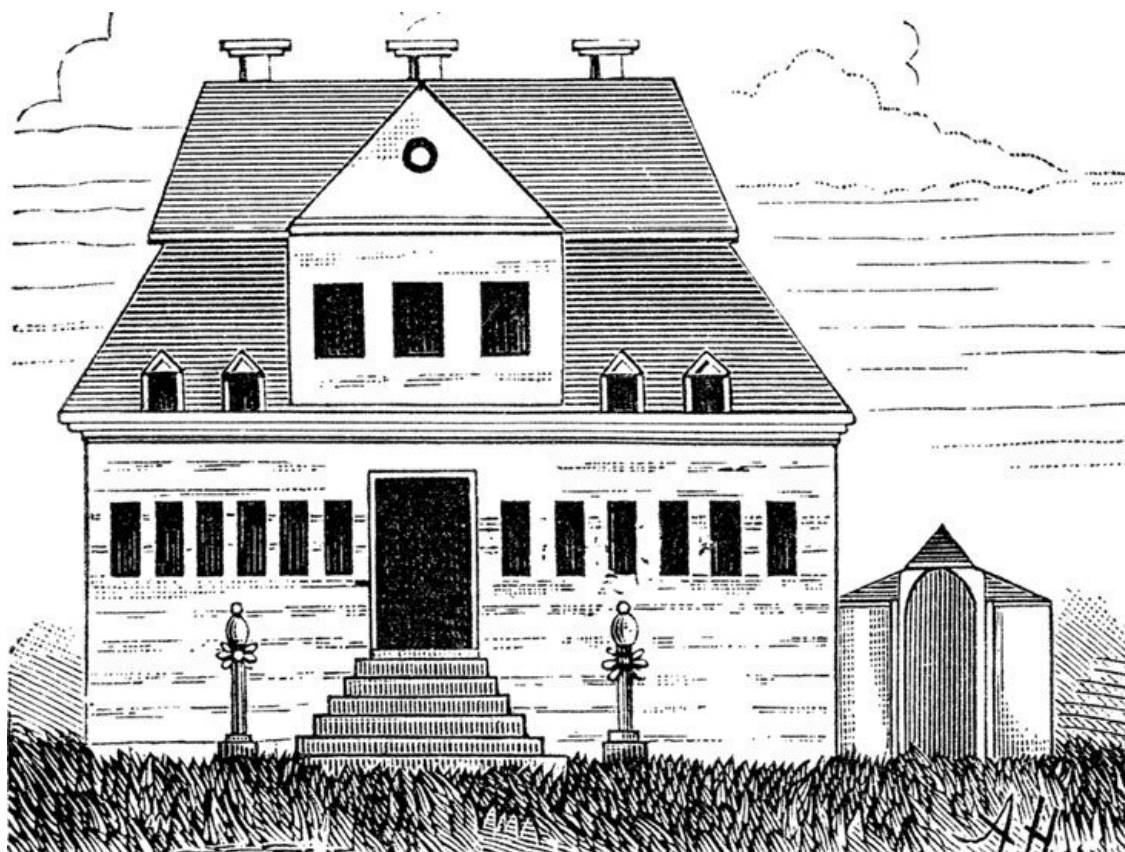
К концу 1717 года правительство нашло, что работы нарядом, то есть присылкой людей из губерний, неудобны. Князь Алексей Черкасский сообщал сведения, что в числе взятых подворно работников (с четырнадцати дворов по работнику, что составляло всего тридцать две тысячи человек) было множество беглых, больных и умерших, а иные, взяв от казны подмогу и хлебное жалованье, не шли на казенную работу. Князь Черкасский представлял, что гораздо удобнее были бы работы наймом, с обложением жителей суммой на жалованье рабочим. Это казалось выгоднее и потому, что многие силы, отрываемые на казенные работы, обратятся тогда к крестьянскому земледельческому труду. Царю понравился этот проект, и с этих пор начала господствовать система работы наймом, по подрядам, а на издержки по работам народ облагался налогами.

В 1714 году в Петербурге произведена была перепись домов и оказалось, что всех уже было 34 500. По желанию Петра в Петербурге должны были господствовать каменные здания. В апреле 1714 года указано на Городском и Адмиралтейском островах и везде по Большой Неве и большим протокам не строить деревянных строений, а ставить каменные; печи делать непременно с большими трубами, а строения крыть дерном или черепицей; на Выборгской стороне, по берегу Невы следовало строить непременно каменные здания, а далее от Невы – мазанки в два жилья, но на каменном фундаменте. Повсюду в Петербурге было запрещено строить конюшни и сараи на улицу, как делалось прежде на всей Руси, а велено непременно устраивать их внутри дворов, так чтобы на улицы и переулки обращено было жилье. Деревянные постройки в тех местах, где они дозволялись, должны быть брусяные, обитые тесом, окрашенные червленью или расписанные под кирпич. В декабре 1715 года объявили обывателям Петербурга, чтоб они строили себе дома, имея в виду жить в них самим, а не отдавать другим, и те, которые не имели настолько состояния, чтобы строиться за собственный счет, должны

---

¹⁸⁷ Первая статья до 700 дворов и выше, вторая от 500–700, третья от 200–500, четвертая 100–200, пятая от 50–100, шестая – менее 50.

были складываться для постройки дома с другими. Петр в то время, видимо, желал заселить прежде всего Васильевский остров. Тем, кому уже прежде были отведены места для поселения на Васильевском острове, в 1719 году запрещено было селиться в других частях Петербурга, а те, у кого находились места на Васильевском острове, близко берега Невы, должны были строиться понаряднее и при своих домах делать гавани, выходящие на Неву. В 1720 году людям, которым назначено строиться на Васильевском острове, было определено для пространства под каменные дома число саженей, смотря по числу крестьянских дворов, числящихся за владельцами в их вотчинах и поместьях. Но тем, у кого было не более трехсот дворов, позволялось строить мазанки и деревянные домики без обозначения числа саженей. Каждый дворовладелец должен был вымостить за свой счет улицу перед своим двором и засадить ее липами. При всем старании Петра заселить и застроить каменными домами Васильевский остров в самых постройках не соблюдалась верность утвержденному правительством образцу, по которому следовало строиться под один горизонт, и в 1721 году Петр приказал ломать все здания, возведенные не по форме, а с виновных брать по сто рублей штрафа. По мере отдаления от Васильевского острова в Петербурге не требовалось такой нарядности постройки, и по берегу реки Фонтанки строились деревянные дома.

Дворец царевича Алексея Петровича в Петербурге

Петр намеревался приучить новопоселенных жителей Петербурга к умению строить суда и к охоте плавать на них по воде и в 1718 году приказал жителям Петербурга раздать безденежно парусные и гребные суда, с обязательством сделать новое судно, когда старое испортится. Для постройки и починки судов устраивался двор на Малой Неве под ведением комиссара Потемкина; всякий желающий мог обращаться туда по судовому делу. Были составлены и опубликованы подробные правила для управления судами, а за малейшее отступление от этих правил полагались штрафы. Для поощрения иностранцев, желающих водвориться в Петер-

бурге, Петр давал различные привилегии; например, в апреле 1716 года одному данцигскому жителю дано право гражданства в Петербурге, с увольнением от податей и с дозволением торговать на общих основаниях.

В течение трех лет, 1718–1721 гг., правительство обращало большое внимание на благоустройство и благочиние нового города. Предписывалось улицы и переулки сохранять в чистоте и сухости, на проезжих дорогах и у мостов не устраивать шалашей, торговцам съестными припасами не подымать самовольно цен и не продавать ничего вредного для здоровья под опасением за первый раз – кнута, за второй – каторги, за третий – смертной казни. Для предупреждения пожаров следовало всякую четверть года у жителей осматривать печи и бани; в летнее время топить избы и бани дозволялось только раз в неделю. На каждом острове было заведено по одной пожарной заливной трубе; всех было четыре, каждая обходилась в четыреста рублей. Привозившим сено, дрова и прочие сельские произведения велено отводить на рынках места, а не дозволять становиться где попало, как везде на Руси делалось. Шибкая езда по улицам запрещалась, а у кого была охота бегать взапуски или держать заклады, те могли упражняться в Ямской слободе или на льду зимой. Царь приказывал: не допускать на улицах и рынках драк, уничтожать подозрительные дома – притоны пьянства, карточной игры и разврата, забирать «гулящих и слоняющихся» людей, которые гнездились по кабакам, торговым баням, харчевням, а ночью производили буйства и драки. По старым обычаям и в Петербурге, как и в других русских городах, жители не спешили на помощь, когда слышали крик «караул», и не торопились разнимать драку, а если вмешивались в нее, то для того, чтобы помогать той или другой стороне. Царь приказал устроить по улицам шлагбаумы с караулами, которые должны были с одиннадцати часов вечера до утренней зари никого не пускать через шлагбаум, кроме священника, доктора или повивальной бабки. Для знатных людей, которые ходили не иначе, как с фонарями, делалась льгота, но так называемых подлых людей пускали не иначе, как по одному, а чуть шел кружок, наводивший подозрение, – всех брали под караул. 20 июня 1718 года указано брать под караул всех нищих, шатавшихся в Петербурге, и допрашивать, откуда они и зачем бродят; пойманных в первый раз били батогами и отсылали в дворцовые волости, к старостам и сотским или прямо к тем хозяевам, у которых жили они прежде, до своего бродяжничества, взяв с хозяев расписку в том, что будут смотреть за этими людьми и кормить их. Пойманных в другой раз били кнутом и посылали мужчин – в каторжную работу, женский пол – в шпингауз или прядильный дом, а малолетних по наказанию батогами – на суконный двор в работу; с хозяев, у которых эти нищие прежде проживали, брали штраф по 5 рублей за каждого нищего. В феврале 1719 года компания полотняного дела выпросила дозволение посылать к ним на работу взятых за нищенство женщин, а указом 26 июля 1721 года такое распоряжение было распространено вообще на все заводы, учрежденные компанейцами. Петр, не терпя нищенства во всей России, особенно хотел, чтоб его не было в любезном его Петербурге: запрещал давать милостыню и с ослушников этого правила велел брать на госпитали по 5 рублей за каждую подачку.

В 1719 году полиция Петербурга отличалась чрезвычайной строгостью. Генерал-полицеймейстер ежедневно сек кнутом человек по шести и более обою пола, а одну распутную женщину гоняли, подстегивая кнутом, за то, что она, отправляя свое ремесло, заразила много солдат лейб-гвардии Преображенского полка. В 1721 году полиция стоила 27 923 рубля и содержалась за счет всего государства, из нарочно собранного подворного налога. По этому поводу в указе замечалось, «что здешнее место (то есть Петербург) дороговизною, провиантом, харчем и квартирою отягчено, а другие места такой тягости не имеют». Обращено было внимание на опрятность в новом городе. Мясники завели было бойни на Адмиралтейском острове и бросали внутренности животных в речку Мью (Мойку), так что от вони нельзя было проехать через нее, – указано бить скотину подальше от жилья, за пильными мельницами, а за метание в реку всякой нечистоты и сора слугителям, жившим в домах хотя бы и высоких персон,

угрожали кнутом и ссылкой в каторжную работу. По малым речкам и каналам зимой позволялось только ходить пешком, но воспрещалось ездить на санях, верхом, чтоб не засорить рек и каналов навозом; не дозволялось выпускать на улицу скот, который портил дороги и деревья. Все такие правительственные распоряжения о соблюдении чистоты и порядка, как и всякие другие, исполнялись плохо. На улицах продолжали наваливать всякую гадость и мертвые тела животных, пока царь в апреле 1721 года не приказал для вывоза нечистот завести лошадей и при них рабочих из рекрутов и взятых гулящих людей. Город начали освещать с 1721 года: на Васильевском острове велено устроить 595 фонарей. С увеличением населения в Петербурге стали ощутимо свирепствовать болезни. Зимой 1717–1718 гг. много людей болело и умирало от горячки. Петр приказал, чтобы везде, где во дворе окажутся больные этой болезнью, доносили о них в канцелярию полицеймейстерских дел.

Одним из признаков общественной жизни в новом городе было учреждение ассамблей. 26 ноября 1718 года Петр дал об этом указ с. – петербургскому генерал-полицеймейстеру. «Ассамблея, – по толкованию этого указа, – есть слово французское, которое на русском языке одним словом выразить невозможно, но обстоятельно сказать – вольное, где собрание или съезд делается не только для забавы, но и для дела, где можно друг друга видеть и переговорить или слышать, что делается». Правила, начертанные Петром для ассамблей, были таковы: хозяин дома, где делается ассамблея, должен письменно объявить, что всякому вольно приезжать, как мужчинам, так и женщинам. Вход в ассамблею открыт всем чиновным людям, дворянам, купцам, начальным мастеровым людям и знатым приказным, а также их женам и детям. Ассамблея начинается не ранее 4 или 5 часов и продолжается не позже 10 часов. Лакеи и служители должны были находиться в сенях, по распоряжению хозяина. Хозяин не обязан ни встречать, ни угощать, ни провожать гостей, должен только поставить свои свечи, питье для жаждущих и приготовить употребительные игры на столах. Но хозяева, устраивавшие ассамблею, обыкновенно угощали гостей водкой, вином и закусками, тем более что знатные и богатые вельможи все, по обязанности, один за другим устраивая у себя ассамблеи, щеголяли роскошью угощения, так что многие на ассамблеях напивались допьяна. Для ассамблей отводилось обычно четыре покоя: в одном – танцевали, в другом – играли в карты и шахматы, в третьем – курили и вели беседы, в четвертом дамы играли в фанты. Всякий мог приехать и уехать, когда хотел, не нарушая правил, установленных для ассамблей, под штрафом кубка Великого Орла. (Так назывался огромный сосуд, из которого заставляли пить вино за нарушение установленных приличий.) Такие же меры должны были соблюдаться в австериях (ресторанах) и в местах, где будут балы и банкеты. Старые русские обычаи в обращении с людьми до чрезвычайности не сходились с европейскими и соблазняли иностранцев своей грубостью и угловатостью даже и в кругу, близком ко двору царя. Иностранец, вздумав приехать с визитом к русскому господину, рисковал мерзнуть на дворе и дожидаться, пока хозяин выйдет по своим делам на свой двор, а на приветствие гостя скажет: чего тебе нужно, я от тебя ничего не желаю, или, спросив у гостя о его отечестве, скажет ему: такой земли я не знаю, ступай себе к тем, к кому послан. Только тогда, когда они замечали, что царь к тем или другим из иноземцев ласков, изменяли в отношении последних свой тон и начинали обращаться с ними униженным образом.

А. Ф. Зубов. Петербург при Петре Великом

Петр, с любовью занимаясь Петербургом, не оставлял без внимания и другие русские города. В марте 1714 года всем губернаторам было объявлено, чтобы с будущего года повсюду начали строиться каменные дома. В Москве исстари городские дома состояли большей частью из незатейливых деревянных изб, которые продавались на рынке в Китай-городе. Покупщик, приобретая за деньги такой дом, приказывал разобрать его и везти на место, где намеревался его поставить; там приказывал наскоро его сложить, законопатить мхом щели, образующиеся между бревнами, и покрыть тесом. Такие дома беспрестанно подвергались пожарам, но легко и возобновлялись. Чтобы избавить жителей от лишних расходов при беспрестанных покупках новых домов, царь в январе 1718 года предписал в Кремле и Китай-городе Москвы строить каменные дома с фасадом на улицу, а перед домом на улице должна быть вымощена мостовая из дикого камня. В Белом и Земляном городе можно было строить деревянные строения, но непременно с глиняным потолком и чтоб печи были поставлены на земле, а не на мостках, и устроены так, чтобы огонь не доходил до стены; вместо заборов около дворов приказано ставить тыны, предохраняющие от воров. Велено было в мясных рядах не допускать продавать мяса больной скотины; мясники не смели производить своего промысла тайно. Под страхом пени запрещалось сваливать нечистоты по улицам.

Ассамблея при Петре Великом. Гравюра Хельма с картины Хлебовского

В городах по всем губерниям велено было устроить госпитали для увечных и престарелых и дома для приема незаконнорожденных детей. В Москве для последней цели приказано строить мазанки, а в прочих городах – деревянные строения. Для ухода за младенцами следовало приискать искусных женщин и давать им по три рубля и по полуосмине хлеба на месяц; на содержание же самих младенцев полагалось по три деньги в день. Матерям было предоставлено приносить младенцев в приюты для незаконнорожденных тайно и класть через закрытое окно. На содержание больных и раненых в июне 1714 года положено обратить одну статью церковных доходов – сбор с венечных памятей (собираемых с венчания), а в мае 1715 года указано с пожалованных в дьяки взыскивать на этот же предмет по сто рублей. В том же году госпитали велено содержать из неокладных доходов в губерниях, а 28 февраля 1721 года были обращены на содержание богаделен и больниц выручаемые от продажи свечей в церквях деньги, и 12 декабря того же года на тот же предмет установлено со всех служащих, кроме солдат, вычитать по копейке с рубля в год. И в этот период своего царствования Петр, как прежде, старался оградить леса от напрасного истребления. Все леса Петербургской губернии состояли в полном ведении адмиралтейства; от сената назначались надсмотрщики за ними из дворян. По челобитьям крестьян раздавались около Петербурга места под мызы, но с тем, чтоб мызники не рубили у себя заповедных деревьев – дуба, клена, лип, ясени и вяза. Между Петергофом и Лиговой было запрещено рубить лес даже и владельцам в собственных дачах, а если кто хотел расчищать свой лес «для своего плезира», тот должен был соблюдать указанные царем правила и истреблять только сухие деревья. Леса, покрывавшие острова около Петербурга, также были заповедными: туда, между прочим, запрещалось пускать скот под страхом отнятия его на госпиталь. За нарушение царского указа о лесах били кнутом, шпицрутенами, кошками и линьками. Не для всей Ингерманландии были такие строгие правила: 11 декабря 1718 года дозволено всем рубить лес во всех дачах, чьих бы то ни было, находившихся по обеим сторонам Невы, от Словянки до Шлиссельбурга. Землевладельцы на этом пространстве стали было не допускать чужих до рубки своих лесов или пускали их не иначе, как взяв большие деньги, и от этого стала дороговизна дров в Петербурге, но царь объявил владельцам лесов, что они будут лишены своих земель и сосланы, если станут препятствовать рубке леса в своих лесных дачах; а когда после этого в 1720 году продавцы дров опять подняли цену, жалуясь, что рубка

лесов сопряжена с большими неприятностями и оскорблениями со стороны землевладельцев, тогда царь указал для рубки лесов ездить в помещичьи дачи не иначе, как компаниями, не менее двадцати человек.

И для других краев России издавались узаконения, клонившиеся к сохранению лесов. Когда в 1716 году казанский вице-губернатор донес, что дубовые леса, годные на кораблестроение, рубят и подсушивают, царь послал майора на розыск и велел виновным учинить жестокое наказание и разорение – отнятием всех их имений. В июне 1719 года был издан указ для всей России, чтобы считать заповедными лесами годные к корабельной постройке леса из дуба, клена, вяза и сосны, если последняя заключает в отрубе двенадцать вершков, в том же расстоянии от больших и малых рек, какое было определено указом 1703 года. В заповедных лесах запрещалось не только рубить большие деревья, но и собирать валежник. В лесах же, отстоящих на более далекое расстояние от рек, запрещалось рубить только дубовые деревья, и если кому понадобится хотя один дуб, тот должен подавать просьбу о дозволении ему срубить это дерево. Приказано было в селах и деревнях выбрать добрых людей, не менее как с пятисот дворов, и дать им особые клейма (пятна) с гербами своих провинций: этими гербами они должны были пятнать заповедный лес. За незаконную порубку бралась большая пеня, за повторенную несколько раз и за сделанную в большом размере, хотя бы и в первый раз, царь приказывал вырезать ноздри и ссылать на каторгу, а в некоторых местностях Новгородской губернии за порубку дубового леса виновного ожидала смертная казнь. В противоположность такой строгости в Сибирской и Астраханской губерниях и в Уфимской провинции разрешалось рубить дубовые леса. При всем том, что Петр так дорожил лесами, ему было трудно получить подробные описи лесов в государстве. Он многократно приказывал это, но еще в 1721 году, как видно, это сделано не было.

Постоянные войны, которые вела Россия, требовали строгих мер к пополнению войска и его продовольствию. В конце 1712 года велено было собрать с пятидесяти дворов по конному, а на военные издержки обратить таможенные и питейные сборы, находившиеся у откупщиков из купеческого звания. В мае 1713 года приказано было собрать со всех губерний немедленно запасных рекрутов и обучать их; так как в войске ощущалась потребность в грамотных, то царь велел переписать всех подьячих и оставить из них для производства дел только необходимое число, а остальных обратить в военную службу, где они занимали бы должность писарей. В конце 1713 года указано было опять собрать с 50 дворов по человеку. Предполагавшаяся в то время война с Турцией не состоялась, и все меры правительства обратились на военные действия на севере, в Померании и Финляндии. В этом случае более всех терпела Петербургская губерния, поскольку на фураж и провиант должна была истратить до 129 000 рублей, тогда как во всех других губерниях сумма на этот предмет простиралась до 45 000, кроме дворового сбора по три алтына и 1½ деньги со двора. В 1715 году указано доставить с побережья Северного моря опытных матросов, ходивших в море за китоловством и рыбными промыслами, и, кроме того, брать владельческих крестьян в матросы. В октябре того же года для той же цели велено собрать в матросы до тысячи человек, от 15- до 20-летнего возраста. В 1719 году в августе велено собрать для комплектования войск десять тысяч человек, а в Сибири – четыре тысячи человек и пригнать их зимой в Петербург для обучения. В мае 1721 года для той же цели велено собрать 15 тысяч рекрутов.

Преследование русской одежды в петровское время. С современной голландской гравюры

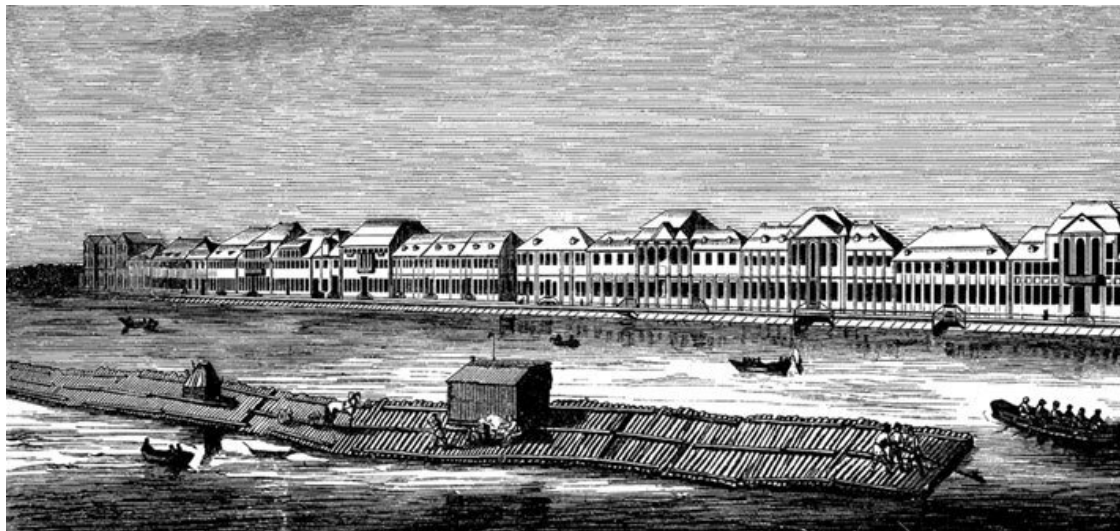
Относительно продовольствия войска важным установлением было назначение в 1713 году комиссаров для раздачи провианта. В следующем году на содержание армейских полков, расположенных в Петербургской губернии, определено доставлять провиант вольным порядком, с подрядов, водой или сухопутьем, но непременно в бочках, а не в рогожных кулях, как делалось прежде; вместо доставки натурой позволялось вносить деньгами, считая за четверть муки 1 рубль 16 алтын 4 деньги и два рубля – за четверть крупы. Но важнейшим делом было учреждение в 1720 году запасных магазинов в Нижнем Новгороде, Орле, Гжате, Смоленске, Брянске и, кроме того, в других городах, на пристанях, предпринятое в тех целях, что подрядчики на поставку казенного провианта во время хлебного недорода стали возвышать цены на хлеб. Предположено собрать в эти магазины со всего государства по четвертику ржи со двора; осенью того же года царь, узнавший, что везде были урожаи, приказал собрать еще по другому четвертику с двора. Для флота собирался особый провиант, состоявший, кроме хлебных запасов, из мяса, соленого сала, вина, гороха и крупы: этот провиант доставлялся из одних провинций в Петербург, а из других – в Ревель.

При наборе рекрутов происходили злоупотребления. Рекрутов приводили в города скованными и держали, как преступников, долгое время по тюрьмам и острогам. Изнуряли их и теснотой помещения, и плохой пищей. По донесению фискалов, при отправке как рекрутов, так и рабочих в губерниях удерживали следуемые на их продовольствие кормовые деньги и провиант, не давали им одежды и обуви; вместо подвод, на которые следовало сажать отправляемых на казенную службу, их гнали пешими, нимало не обращая внимания ни на дальность пути, ни на плохие дороги и распутицу, или же отнимали у частных проезжих подводы и сажали на них рекрутов. Рекрутов могло быть до тысячи, а провожал их какой-нибудь офицер, да и тот старый и нездоровый; пропитание им давали самое скудное; от этого между ними свирепствовали болезни, и многие безвременно умирали на дороге, без церковного покаяния; другие же, от всевозможных лишений потеряв терпение, разбегались, но, боясь появиться в своих домах, приставали к воровским станицам. Итак, крестьяне, отданные в рекруты с тем, чтобы, став солдатами, защищать отечество, становились не защитниками, а разорителями своего государства. Всякая казенная служба до крайности омерзела в глазах русского народа. Иные, чтобы избавиться от нее, уродовали себя, отсекая себе пальцы на руках и на ногах. Побегии получили небывалые размеры. После многих строгих узаконений царь принужден был объявить беглым

надежду на прощение, если они возвратятся до апреля 1714 года. Когда этот срок минул, им дана новая льгота по сентябрь того же года, а потом им еще была дана отсрочка до 1 января 1715 года. В январе этого года указано пойманным беглым рекрутам класть знак порохом – крест на левой руке, а дававших им притон ссылать на галеры. Ландраты должны были смотреть, чтоб не было беглых, и в чьем ведомстве отыщется беглец, ландрату того ведомства угрожало наказание. Всех подрядчиков кирпичных дел обязали под опасением смертной казни не принимать беглых в работники. Несмотря на все меры, и слишком строгие, и слишком снисходительные, в начале 1715 года убежавших со станции из Москвы и с дороги было до двадцати тысяч. В Петербурге и Котлине беспрестанно умножались побеги из гарнизонов. Множество беглых толпилось в Малороссии; указано было в 1715 году отыскивать их там и возвращать, а с передержателей брать по пяти рублей с семьи. Иные находили себе приют у раскольников, поселившихся в Стародубском уезде. Велено было осмотреть села и деревни в Белгородском и Севском уездах и в слободских полках, разузнать, по каким документам проживают там крестьяне, и всех, которые окажутся беглыми, высылать прочь: чужих крестьян вести к их владельцам, а беглых с казенной службы – на место отправления этой службы. Многие бежали на Дон, где, несмотря ни на какие строгие меры, по старинному извечному обычаю принимали беглых, откуда бы они ни пришли, и не только русских, но и калмыков и перебежчиков из Турецкой империи. В 1715 году была дана беглым отсрочка для добровольной явки по январь 1716 года; в 1716 году – по 1 января 1717 года; в декабре 1717 года снова объявлена беглым отсрочка на год с обещанием каторги и всеконечного разорения, если они не явятся в назначенный срок. Такую же отсрочку мы встречаем 29 октября 1719 года – по июль 1720 года; в 1721 году 29 ноября объявлялось прощение всем беглым из военной службы, если они явятся добровольно к марту следующего года, а за ослушание грозили жестоким наказанием; каждому, кто поймает беглеца, государь обещал по пяти рублей награждения, а доносителю, указавшему на пристанодержательство, было обещано две трети имущества, принадлежавшего пристанодержателю. Давалось повеление никого никуда не пропускать без паспорта или пропускного вида, всякого беспаспортного считать прямым вором, не слишком доверяя, однако, письменным видам, которые часто были поддельные. Открылось, что многие беглые приставали к монастырям и особам духовного чина под именем казаков, ханжей и трудников; царь угрожал духовным лишением сана, если будут давать притон беглым. В числе беглых были владельческие крестьяне, часто после побега от своего владельца проживавшие у другого. Царь назначил полугодовой срок для отдачи их прежним владельцам по крепостям. Это не распространялось на таких беглых, которые, бежав от своих господ, вступили в военную службу, а затем царь подтвердил прежний указ, дозволявший из господской службы каждому вступать в военную, исключая таких, господа которых, живя в Петербурге, обучили матросскому плаванию для своего обихода.

И в этот период Петрова царствования, как и в прежний, повсюду появлялись разбойничьи шайки, человек в 200 и более, с исправным вооружением; они нападали на помещичьи усадьбы, сжигали их, убивали людей и крестьян. Близ города Мещовска разбойники напали на Георгиевский монастырь, ограбили его, а потом вступили, не встречая сопротивления, в город Мещовск, освободили преступников, содержавшихся в тюрьмах, и присоединили их к своей шайке. В 1718 году разбойников, находившихся в шайках, велено казнить колесованием и повешением, а беременных женщин оставлять в живых до разрешения от бремени и потом отсекал им голову. В начале 1719 года государь приказал разослать по всем губерниям печатный указ, прибить его в пристойных местах и прочитать в церквах; жители через своих старост и приказчиков должны были давать властям сказки о том, что им неизвестно о пребывании у них воров, беглых и становщиков (пристанодержателей), а если узнают, то обязываются немедленно объявить начальству. Тем приказчикам и старостам, которые в своих сказках солгут и утаят пребывание у них преступников, угрожала смертная казнь, а помещикам – отнятие имений. В марте того же 1719 года царь в своем указе заметил, что при стараниях искоренить

воров и разбойников повсюду совершались дневные и ночные кражи, по дорогам – разбои и убийства. Много раз по царскому милосердию объявлялось разбойникам прощение, если они принесут повинную, и ничто не помогало, а многие заведомо давали у себя приют злодеям и через то содействовали сокрытию преступлений. По тюрьмам сидело множество преступников, а дела о них затягивались по нескольку лет.

Вид Петербурга при Петре Великом. Набережная реки Невы от Зимнего дворца до Летнего сада

Крестьяне Землянского уезда за домашними занятиями

Долговременное истощение народных сил после бывших продолжительных войн и тяжелых поборов привело к тому, что обезлюдели многие края. Крестьяне, оказавшись несостоятельными в уплате податей, разбегались, но их владельцы не освобождались от казенных недоимок, числившихся за беглыми, и часто, будучи не в состоянии получать доходы со своих разоренных имений и вносить требуемые в казну платежи, сами покидали свои жилища и пускались в бега. Но ничто так не усиливало побег, как злоупотребления со стороны всяких начальствующих лиц. В царствование Петра каждый, кому по служебной обязанности предоставлялось брать с обывателей что-нибудь в казну, полагал, по выражению современника, что он теперь и для себя может высасывать бедных людей до костей и на их разорении устраивать себе выгоды. Современники замечали, что из 100 рублей, собранных с обывательских дворов, не более 30 рублей шло действительно в казну; остальное незаконно собиралось и доставлялось чиновникам. Какой-нибудь писец, существовавший на 5–6 рублей жалованья в год, получив от своего ближайшего начальника поручение собирать казенные налоги, в четыре или пять лет разживался так, что строил себе каменные палаты. Эти черты нравов размножили до чрезвычайности побег и разбои. В городских гарнизонах недоставало офицеров для преследования преступников. Сенат указал в тех губерниях, где стояли на квартирах армейские полки, командирам тех полков по заявлению губернаторов и других властей посылать драгун и солдат для поимки разбойников; командирам угрожало жестокое взыскание за неисполнение сенатского указа. Но вместе с тем сенат нашел нужным сделать и оговорку, чтобы посылаемые за этим делом офицеры, драгуны и солдаты не чинили оскорблений обывателям. Пойманных разбойников велено было допрашивать как можно скорее; тех из них, которые делали смертоубийства и истязания над людьми, – вешать за ребра или колесовать. Помещиков и помещичьих крестьян, которые давали притон разбойникам, велено вешать, а старост и приказчиков

тех селений, откуда были разбойники, бить кнутом за то, что не смотрели за своими крестьянами.

Ужасом для всех разбойников, как и для всяких нарушителей царской воли и закона, был князь Федор Юрьевич Ромодановский, начальник Преображенского приказа в Москве. Этот человек соединял в себе насмешливость с мрачной кровожадностью: участник петровских оргий, неизменный член сумасброднейшего собора, по воле государя представлявший из себя шутовское звание царя-кесаря, он держал у себя выученного медведя, который подавал приходившему в гости большую чарку крепкой перцовки и в случае отказа пить хватал гостя за платье, срывал с него парик или шапку. Шутник большой был Федор Юрьевич. Но если кто попадался серьезному суду Федора Юрьевича, тот заранее должен был почитать себя погибшим. Ромодановский подвергал обвиняемых самым безжалостным пыткам и приговаривал преступников к мучительным казням: кроме обыкновенного повешения, он вешал их за ребра и сжигал. Одно его имя наводило трепет; сам Петр называл его зверем, зато любил Ромодановского, зная, что никакие сокровища не в силах подкупить его и возбудить малейшее сострадание к попавшейся жертве. Все процессы по поводу «государева слова и дела» велись им; какая-нибудь неосторожная болтовня влекла несчастного к неумолимому розыску, в душную или сырую тюрьму, к бесчеловечным истязаниям. Ромодановский с любовью занимался своим адским делом, и его Преображенский приказ у русского народа носил прозвище «бедности».

Преследуя беглых и разбойников, как и своих политических недоброжелателей, Петр принимал строгие меры против бродяг и нищих. В феврале 1718 года царь узнал, что в Москве по рядам и по улицам шаталось множество монахов и нищих; они пользовались благочестивым обычаем русских людей наделять нищих милостыней. Эти нищие нередко были скрытые разбойники, которые по ночам в темных и узких улицах убивали кистенями прохожих людей и обирали их тела. Подобный разбой в продолжение святок и масленицы был делом совершенно обычным в древней столице: по несколько десятков убитых подбирали на улицах и свозили в убогий дом, где сваливали их в одну глубокую могилу без церковных обрядов, и уже в субботу Пятидесятницы священник отпевал их всех. Для искоренения нищенства Петр приказал учредить из московского гарнизона особых поимщиков, хватать шатавшихся монахов и нищую братию и вести в Монастырский приказ. Изданное сначала для Петербурга запрещение раздавать милостыню распространилось на всю Россию; кто желал помогать нищим, тот мог отсылать милостыню в богадельни. За раздачу нищим милостыни назначался штраф: в первый раз – пять, а во второй – десять рублей.

Государя приводила в гнев неаккуратность губернаторов и других органов областного управления в присылке рабочих людей, рекрутов и денег. Царь указал за троекратное неисполнение сенатского предписания брать с губернаторов большой штраф и подвергать их аресту. Всем губернаторам ставилась в пример деятельность петербургского губернатора как образцовая, потому что сверх окладных сборов он сумел собрать в 1713 году 72 000 рублей. По его примеру предписывалось поступать и всем другим, но делать это так, чтобы сборы не влекли за собой отягощение народа. Это условие приводило губернаторов в затруднение. За отягощение народа губернаторам грозили военным судом и между тем требовали от них как можно более денег в казну, а фискалы, надзиравшие над ними беспрестанно, посылали на них доносы в Петербург. В феврале 1714 года указано не давать приказным людям жалованья прежде, чем не будут высланы все казенные недоборы. Но в следующие за этим годы недоимки накапливались по всем частям: в 1720 году рекрутских недоимок за прежние годы, считая по 20 рублей на рекрута за уплатой 197870 рублей оставалось еще получить 809 690 рублей. Губернаторы объясняли, что из-за опустения городов и сел нет возможности собрать недоимки и недостает

людей для отсылки в казенную службу¹⁸⁸. Между тем все повинности правились по прежним переписным книгам. Требовались деньги, провиант, рабочие для отправки в Петербург; требовались подводы, и все это требовалось по тому числу дворов, которое значилось в прежних переписных книгах, тогда как в наличности и половины прежнего числа жителей не находилось на месте.

Обыватели в самом деле несли гораздо более тягостей, чем сколько требовало с них правительство по своим соображениям, основанным на прежних устарелых списках. Неоплатных казенных должников с 1718 года стали отправлять с женами и детьми в Петербург в адмиралтейство, оттуда годных мужчин рассылали на галерные работы, а женщин – в прядильные дома, детей же и стариков – на сообразную с их силами работу; все они должны были отрабатывать свой долг казне, считая по рублю в месяц на человека заработной платы. Их кормили наравне с каторжниками, а после отработки долга выпускали на волю; если же за кого-нибудь из них находились поручители, тех выпускали раньше, но давали им срок уплаты не далее полугода. Случалось, однако, что таких отрабатывающих свои долги удерживали и после срока, против чего в 1721 году был издан указ, и в том же году разрешено платить недоимки по срокам: на три года – в суммах от пяти до десяти тысяч и более; на два года – в суммах от одной до пяти тысяч и на год – от ста рублей до тысячи, и те платить по годовым третям.

Помощниками губернаторов в отправлении их многочисленных обязанностей были ландраты и ландрихтеры (ландратов в больших губерниях было по 12, в средних – по 10, в меньших – по 8). Ландраты начальствовали над провинциями, на которые делились губернии. По два человека ландратов с помесячной переменной должны были находиться при губернаторах в качестве их постоянных товарищей или советников; прочие оставались в своих провинциях; те из них, которые находились при губернаторах, должны были подписывать всякие дела, но не были своими мнениями подчинены ему. В наказе об их учреждении выражено было, что губернатор над ними «не яко властитель, но яко президент», и имел перед ними то преимущество, что пользовался двумя голосами, тогда как каждый из товарищей его ландратов владел только одним голосом. За должностью ландратов вскоре после их введения оказались большие злоупотребления. Так, под разными предлогами разъезжали они по селам и деревням на даровых подводах и проживали в одном месте по неделям и более, требуя от жителей припасов и для себя, и для своих людей; более других сел обирали ландраты архиерейские и монастырские вотчины, особенно при сборе провианта, пользуясь тем, что насчет этого всегда получались ими строгие предписания. В июне 1716 года Петр, узнав о наглости ландратов, велел устроить в разных селлах, дворцовых и монастырских, для приезжающих ландратов хоромы с приказной избой и тюрьмой на деньги, собранные с крестьян, в сумме 200 рублей на строимый двор. Подводы ландратам запрещено брать даром вовсе, так как они получали царское жалованье.

---

¹⁸⁸ Известия об опустошении разных краев являются последовательно с 1710 года из разных мест. Например, в Ярославском уезде: где было прежде крестьянских дворов 52, там осталось 16, где было 104, осталось 51.

Великоросские типы

Что касается ландрихтеров, то они посылались губернаторами для розыска преимущественно в поземельных делах, например в межевых.

В украинских городах были установлены коменданты, среди которых различались оберкоменданты и вице-коменданты; под их ведением были гарнизоны, составленные из ландмилиции.

Эти коменданты, как и вообще всякие слуги государства, и пребывающие в местных административных должностях, и посылаемые от правительства с разными поручениями, позволяли себе всякого рода насилия и утеснения. Средства, которые употребляли взяточники, были до того разнообразны и затейливы, что, по выражению современника, исследовать их было так же трудно, как исчерпать море. Захочет, например, комендант или ландрат поживиться за счет обывателей какого-нибудь округа, и вот он посылает своего писца удостовериться, точно ли крестьяне заплатили свои подати. Писец ездит по селам и деревням и требует от крестьян квитанций в уплате. Иной крестьянин сразу не найдет квитанцию, и писец кричит на него, торопит его, требует с него уплаты вновь или берет с него взятку за то, чтобы подождать, пока крестьянин отыщет свою затерянную квитанцию и представит куда следует, но если крестьянин и не затерял своей квитанции, если представит ее тотчас по требованию, то все-таки писец, кроме того, что у крестьянина съест и выпьет, еще возьмет с него деньги как бы за свой труд и поделится ими со своим начальником. Привлекаемые к законной ответственности плуты, желая увернуться от силы закона, старались поставить вопрос так, чтобы, ссылаясь на буквальный смысл редакции закона, можно было сделать отговорку, что в законе сказано не так, чтобы их можно было по этому закону обвинить. Это было замечено Петром. В указе 24 декабря 1713 года он запрещал лицам всех званий, и великим и малым, брать посулы и пользоваться собираемыми с народа деньгами под предлогом торга, подряда и т. п. Виновному угрожали, что он «жестoko на теле наказан, шельмован, всего имения лишен и из числа добрых людей извержен и смертию казнен будет». Все под опасением того же должны были доносить о таких преступниках, «не выкручиваясь тем, что страха ради сильных лиц или что его служитель». Позже через печатные объявления, оповещенные народу чтением в церквах, приглашали всех без опасения обращаться к правительству с доносами на взяточников и казнокрадов. В

современных тогдашних делах можно отыскать много образчиков злоупотреблений со стороны областных властей. Вот, например, в 1712 году посланный в Псковскую волость от Меншикова вице-комендант Алимов, приехав на кружечный двор, начал у посадских брать для себя вино, сахар, калачи, а одного помещика, призвав во Псков, держал в неволе и крестьян его в рабочую пору забирал к себе, и только когда через его подьячего дали ему пять рублей, выпустил помещика из-под караула. Наехавши на Псково-Печерский монастырь, Алимов избил стряпчего, приказывая высылать крестьян возить глину на постройку светлиц в монастыре и принуждая кормить всех работников за монастырский счет. Он приказывал крестьянам возить в Сомерскую волость сено, высылая их нарочно в дурную погоду, самого игумена сажал под караул в толпе набранного народа мужского и женского пола, а монастырских служек приказывал бить батогами. В Каргополе поднялась жалоба на коменданта Борковского. Он брал в свою пользу деньги, которые собирались на подмогу рекрутам, заставлял посадских и уездных людей и рекрутов делать хоромные и мельничные строения в своих вотчинах, да вдобавок бил их жестоко, а его шурыя, племянники и подьячие ездили по волостям и вымучивали у людей то то, то другое от имени коменданта. Уездные старосты по комендантскому распоряжению брали с крестьян деньги, а отписей в получении денег им не давали, потому что комендант боялся быть уличенным в излишних сборах с народа. Борковский собирал на прокормление людей, отправленных на государевы работы, по 35 алтын на человека, а рабочим тех денег не давал, и рабочие за недостатком чуть не помирали с голода; с крестьян брал неволей несколько сотен подвод и сверх того на эти подводы в подмогу – деньгами по рублю; наконец, со всякого крестьянского двора правил в свою пользу по гривне, что составило до 600 рублей, а желая утаить свои злоупотребления, принуждал земских бурмистров и старост написать поддельные книги, в которых бы его взятки не значились. Но этот комендант отписался и оправдался. На пошехонского коменданта Веревкина была жалоба, что, собирая провиант и рекрутов, он завел неправильную меру и принимал от крестьян хлебное зерно с верхом, а выдавал рекрутам в трус и под гребло, отчего от каждого человека пришлось ему по полторы четверти, и это лишнее он приказывал отвозить в свою усадьбу. В Устюге был комиссар Акишев, покровительствуемый архангельским губернатором Курбатовым. Надеясь на своего покровителя, пользовавшегося царской милостью, этот комиссар с подначальными ему подьячими, собирая с крестьян пошлыны, сажал их в дыбы, бил на козле и на санях свинцовыми плетями, пек огнем, ломал им руки и ноги, девиц и женщин раздевал донага и водил всенародно. Так доносил на него фискал. Крестьяне жаловались, со своей стороны, что они разорены, стали наги и босы, измучились на правежах. Акишев был взят и отправлен к царю, а потом подвергнут пытке в застенке.

Бояре возвращаются от царя Петра, остригшего им бороды

Самыми крупными делами по злоупотреблениям в этот период были дела сибирского губернатора князя Гагарина и архангельского вице-губернатора Курбатова. Гагарин был более десяти лет губернатором Сибири и приобрел там самую отличную репутацию: его не только любили, но, можно сказать, боготворили за щедрость и доброту. Он, между прочим, облегчал печальную судьбу шведских пленников, которых в Сибири было до 9000, оставленных без всякого пособия от правительства; в их числе было до 800 офицеров, питавшихся поденной работой у русских. Гагарин был так к ним внимателен, что за три первых года своего губернаторства истратил на их содержание более 15 000 рублей собственных средств, заохочивал их к разным выгодным трудам и доставлял их изделия государю. При его помощи пленники завели себе шведскую церковь. Гагарин долго умел заслуживать благосклонность царя к себе и был первым из сибирских правителей, отыскавшим в Сибири золотой песок: при содействии горного инженера иноземца Блюгера он привез царю образчик этого песка, и Блюгер в присутствии Петра делал пробу, показав, что из фунта такого песка выходит 28 лотов чистого золота.

Но, живя вдали от государя и управляя огромнейшим пространством, Гагарин невольно стал в Сибири как бы независимым владельцем и позволял себе делать многое, не справляясь, понравится ли это государю. Он жил очень роскошно, употреблял при столе серебряную посуду, имел осыпанную брильянтами икону, стоившую 130 000 рублей. Обер-фискал Алексей Нестеров, человек чрезвычайно ловкий, донес царю, что Гагарин расхищает казну, берет взятки с купца Карамышева, торговавшего с Китаем, и позволяет купцам Евреиновым вести незаконный торг табаком в Сибири. Купец Евреинов показал на допросе, что Гагарин по своему выбору посылал купцов в Китай и делился с ними барышами в ущерб казне. Посланный по этому делу гвардии майор Лихарев обнаружил, что Гагарин брал с купцов Гусятникова и Карамышева, торговавших с Китаем, подарки и товары, за которые платил не своими, а казенными деньгами, сверх того брал взятки с содержавших на откупе винную продажу и утаивал в свою пользу вещи, купленные на казенные деньги для царицы. Гагарин во всем повинился и умолял царя оказать ему милосердие – отпустить его в монастырь на вечное покаяние, – но Петр приказал повесить его в Петербурге. Курбатов, прежде бывший в ратуше в Москве, называясь царским прибыльщиком, в 1711 году был послан в Архангельск вице-губернатором и в следующем же году поссорился с архангельским оберкомиссаром Соловьевым, с которым вместе должен был заведовать таможенными пошлинными делами. Весной 1713 года сенат, чтоб развести ссорившихся, устранил Курбатова от заведования продажей казенных товаров и предоставил это дело одному Соловьеву. Тогда Курбатов стал доносить на Соловьева, что он противозаконно отпускает за границу собственное хлебное зерно, вместо того чтобы продавать казенное. Ссора с Соловьевым поссорила Курбатова и с Меншиковым, так как Соловьев с двумя братьями пользовался покровительством Меншикова. Соловьев, со своей стороны, писал доносы на Курбатова. Разом с Соловьевым приносили жалобы на поступки Курбатова иностранные торговцы и голландский резидент, для охранения своих единоземцев постоянно пребывавший в России. Петр по этим доносам и жалобам посылал в Архангельскую губернию на следствие разных лиц, одного за другим. Происходили допросы и розыски. Против Курбатова действовал Меншиков и сам запутался в этом деле. Любивший Меншикова до слабости, Петр уже прежде несколько раз заявлял к нему неудовольствие. Меншиков раздражал царя тем, что представлял ему, по собственным словам царя, «честных людей плутами, а плутов честными людьми», и, управляя Петербургской губернией, хотя доставлял казне много доходов, но позволял себе распоряжаться казной в свою пользу, хотя и собственное состояние доставляло ему большие доходы. Тогда пострадали некоторые лица, державшиеся покровительством Меншикова и в надежде на него позволявшие себе злоупотребления. Вице-губернатор Корсаков, помощник Меншикова по управлению губернией, в 1715 году был публично наказан кнутом, а двум сенаторам, князю Волхонскому и Опухтину, жгли языки раскаленным железом. Был осужден Синявин, надзиравший за петербургскими постройками, а управлявший адмиралтейством Александр Кикин, один из близких людей Петра, спасся только тем, что заплатил большой денежный штраф и был временно удален от дел. В 1718 году братья Соловьевы, покровительствуемые по делу Курбатова с Меншиковым, подверглись громадному начету в пользу казны, который не мог быть покрыт всеми их именьями; на Меншикове оказался начет в несколько сотен тысяч. Меншиков просил у царя помилования, по крайней мере в уважение того, что во все годы своего прошедшего управления он доставил казне очень много пользы. Царь, безжалостно строгий ко всем другим, был до того милостив и снисходителен к своему давнему любимцу, что приказал зачесть большую часть долга Меншикова на разные повинности с его имений. Курбатов был присужден к относительно небольшой уплате в казну, но не дождался решения своего дела: он скончался в 1721 году. Фискальное устройство в 1714 году получило большее расширение по сравнению с прежним. Кроме наблюдения за казенным интересом фискалам дано право вмешиваться во всякие такие дела, по которым не было или быть не могло челобитчиков. Например, умрет ли кто-нибудь последним из своего рода, не оставив после себя никакого

духовного завещания, или неизвестный проезжий человек будет убит на пути – фискал в таких случаях мог разведывать и начинать судебный иск. Указами 17 марта 1717 года и 19 июня 1718 года повелено во всех городах учредить из купечества по одному или по два фискала, но не из первостатейных купцов, чтоб не отвлечь их от важных торговых предприятий. Провинциал-фискал объезжал каждый год свою губернию и поверял городовых фискалов, имея право их переменять и отставлять. В сенате обер-фискал имел значение государственного фискала, тогда как прочие были земские; но за неимением в сенате обер-фискала его должность в 1721 году исполняли два штаб-офицера гвардии и смотрели за порядком и благочинием в сенате, а тех, кто будет вести себя неприлично, могли арестовывать и отводить в крепость. По инструкции, данной фискалам 31 декабря 1719 года, они должны были смотреть, чтобы служащие исправляли свои должности не ко вреду царя и не к отягчению подчиненных. «Однако, – замечалось, – по одному разглашению и без основания верного и доброго служителя Его Величества в чести, животе и имении по своему произволению не повреждать». Земский фискал разыскивал и доносил также о всяких видах безнравственности, прелюбодейства, содомского греха, чародейства, обмана, богохульства, заповедной продажи и т. п.; фискалы должны были также наблюдать: не дерзает ли кто из владельцев отягощать своих подданных или не будут ли чинимы уездным людям обиды при проходе войска или при отправлении повинностей. Он должен был смотреть, не испортились ли дороги, целы ли верстовые столбы, не развалились ли мосты, не стоят ли пусты царские мельницы и всякие заведения, не шляются ли гулящие люди, способные сделаться ворами и разбойниками. В пограничных провинциях фискалы сверх того должны были надсматривать и проведывать, не прокрадывается ли в государство шпион, не привозятся ли заповедные товары, не намерен ли русский уйти за границу без проезжих писем. Обо всем этом он должен был проведывать, узнавать и вовремя доносить губернатору и со всех штрафных денег, наложенных за преступление, за открытие преступления получал одну треть. В июне 1720 года обер-фискал Нестеров доносил царю, что подано множество жалоб на губернаторов, вице-губернаторов и прочих властей. Из жалоб было видно, что во всех губерниях губернские и провинциальные власти не производили дел по фискальским доносам, а в надворных судах судьи оскорбляли фискалов, выражаясь, что «фискальство ничего не стоит». Царь по этому донесению приказал, чтоб дела по доносам фискалов решались «безволокитно и с самими фискалами обращались приятно, без укоризны и поношения». Сознавая, что сан земского фискала тяжел и ненавидим, царь угрожал наказанием тем, кто станет наносить фискалам обиды и побои.

В. А. Серов. Петр I

Казацкая рада

Фискалов не любили; народ от них отвращался, а власти не спешили приниматься за дела, ими вчиняемые; однако вкус к доносничеству очень распространился в эту эпоху. Еще в конце 1713 года последовало уничтожение «слова и дела государева»: было постановлено, чтоб никто не сказывал за собой «слова и дела» под страхом разорения и ссылки в каторгу. Но изменение было только в форме; царским указом вскоре после этого было объявлено, что кто ведает о замыслах против государя или о повреждении государственного интереса, тот может смело объявлять самому царскому величеству, и если донос окажется справедливым, то движимое и недвижимое имущество будет отдано доносителю. Зато щадившие таких преступников и не доносившие на них подвергались смертной казни. Старались подавать доносы лично царю не только о важных, но даже и о пустых делах, и это Петру до того надоело, что в январе 1718 года было запрещено подавать доносы царю; только извещения о злоумышлении на жизнь государя или об измене государству позволялось подавать, но не лично самому царю, а каральному офицеру, находившемуся у дома его величества. О прочих делах следовало подавать челобитные в надлежащие судебные места. Челобитчики и доносчики все-таки и после такого указа не давали государю нигде покоя, и 22 декабря 1718 года последовал новый указ, где было сказано: «Хотя всякому своя обида горька и несносна, но притом всякому рассудить надлежит, что какое их множество, а кому бьют челом, одна персона есть, и та всякими войнами и прочими несносными трудами объята, и хотя бы тех трудов не было, возможно ли одному человеку за таким множеством усмотреть? воистину не точию человеку, ниже ангелу». Далее Петр объясняет, что прежде он был занят приведением войска в порядок, теперь же трудится над

земским управлением и потому подтверждал под страхом наказания, чтоб его не беспокоили и не подавали просьб и доносов. Находились охотники волновать власть, которые подбрасывали анонимные письма с доносами. В одном из таких писем его сочинитель извещал, что он откроет себя, если получит на то дозволение, а в знак дозволения просил положить деньги в городском фонаре. Царь велел положить 500 рублей; деньги лежали более недели, и никто за ними не явился. Тогда царь издал указ, что всякий, кто подобное письмо найдет, не должен его распечатывать, а, объявив посторонним свидетелям, обязан сжечь его на том месте, где нашел. Вслед за тем в августе 1718 года Петр приказал объявить, что, кроме церковных учителей, всем запрещается, запершись у себя, писать письма, и если кто, зная о таком писательстве, не донесет, и из того выйдет что-нибудь дурное, тот отвечает перед законом наравне с возмутителями.

Малороссия по-прежнему управлялась своим гетманским строем, но гетман Скоропадский, избранный по воле Петра после измены Мазепы, находился в большем подчинении у верховной власти, чем были прежние гетманы. Нередко мимо гетмана и народного выбора полковые старшины приобретали места по воле царя. Тогда ни во что ставили гетманскую власть и позволяли себе много произвола. Жители Малороссийского края были отягощаемы квартированием драгунских полков, так как правительство уже не слишком доверяло верности малороссиян после измены Мазепы и хотело даже держать наготове военные силы для укрощения возмутительных попыток. Кроме гетманщины слободские казачьи полки пользовались до некоторой степени отдельной самостоятельностью по сравнению с остальной Россией. Они «по своей прежней обыкности» выбирали должностных лиц или полкового старшину: полковника, судью, есаула, городничего, полкового писаря и сотников; все эти чины владели маентностями, доставлявшими им доходы. В каждом полку была казна, в которую сборами и из которой расходами заведовали сами казаки в своих сходках. Просьбы их показывают, что казаки более всего дорожили правом выбора старшин и просили правительство, чтоб у них не переменились без их ведома выборные старшины.

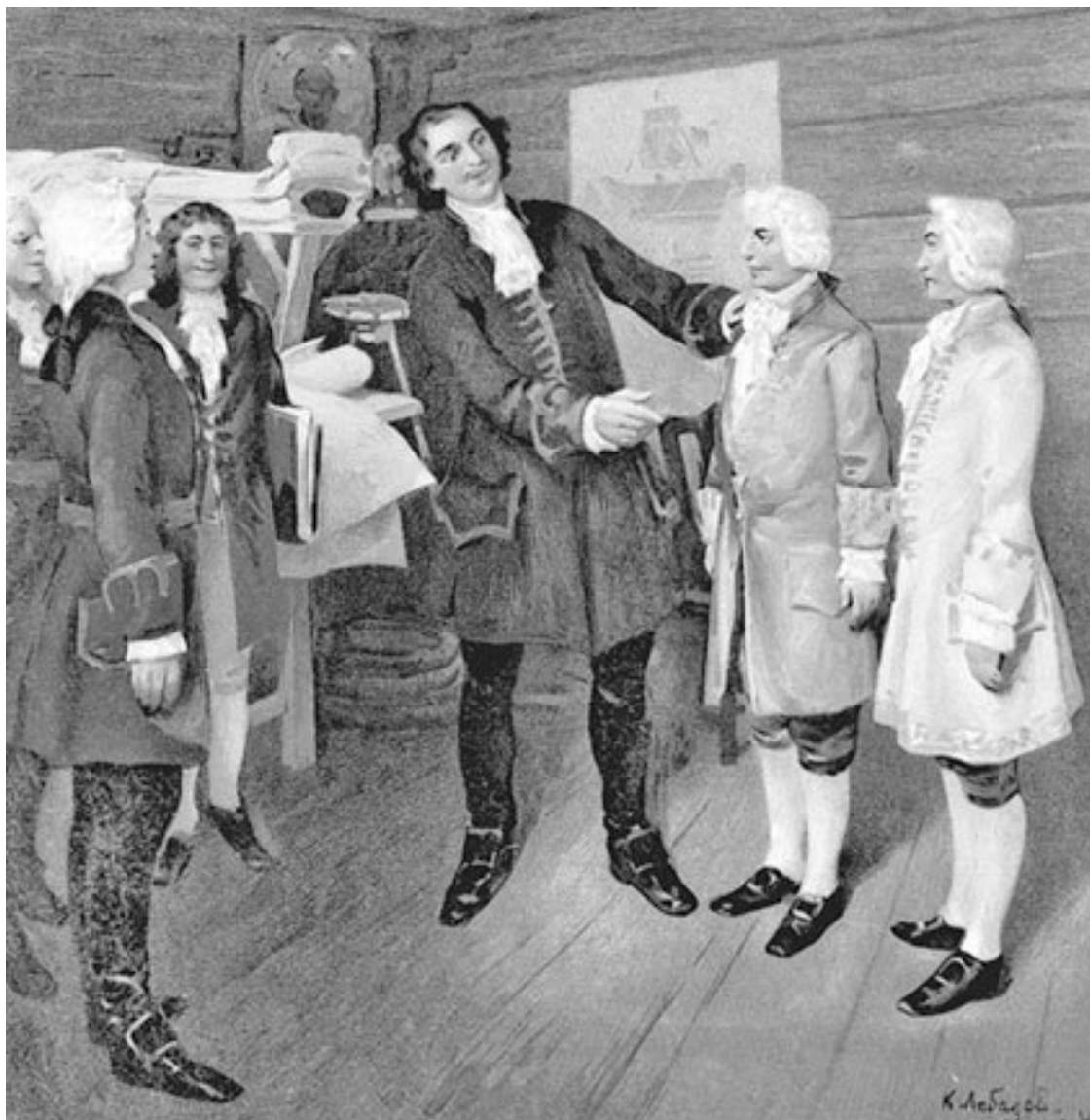
И.Н. Никитин. Портрет наполеоновского гетмана. 1720-е гг.

Чтобы привязать к России Остзейский край, Петр в 1712 году дал жалованные грамоты шляхетству и земству Лифляндии и Эстляндии, утверждал их прежние порядки в крае: администрацию и судоустройство, но отказал дворянству в таких требованиях, которые были противны интересу граждан. Так, например, дворяне просили, чтоб только лицам их сословия было предоставлено право брать на аренду государственные маестности. Петр на это отвечал, что и других граждан нельзя обидеть. Не согласился Петр на просьбу остзейского дворянства отнять безденежно у залогодателей те дворянские имения, которые шведская корона прежде отдавала помимо воли владельцев в залог. Вообще в столкновениях, которые возникали между дворянским и городским сословиями, Петр напоминал, что горожане такие же его подданные, как и дворяне. Суровее относился в это время Петр к мусульманским владельцам имений Казанской и Азовской губерний. 3 ноября 1713 года царским указом предписывалось всем таким владельцам в течение полугода креститься, а в случае их несогласия принять крещение царь угрожал отобрать у них поместья и вотчины с крестьянами. Но 3 июля 1719 года состоялся указ, которым запрещалось насильно крестить татар и других иноверцев в Восточной России. Принявшим православие давалась льгота на 3 года от всех податей, но это не должно было простираться на их семьи, если они останутся в иноверии до 1720 года.

Коренное русское дворянство как служилое сословие было предназначено на всю жизнь для службы и пользовалось такими исключениями перед другими сословиями, которые представляли не столько привилегии, сколько обязанности. Тяжелым бременем ложилась государственная служба на дворян, но плохо исполнялись ими правительственные распоряжения.

Например, в октябре 1714 года велено было всем дворянам собраться в Петербург на смотр с детьми и сродниками; никто не явился. Отложили смотр до марта 1715 года, и в марте явились немногие. Срок отложили до сентября с угрозами. Но и после этого было много непослушных царскому указу, так что велено у неявившихся на смотр отбирать имения и отдавать ближним их сродникам.

Между тем в марте 1714 года состоялась важная перемена в порядке приобретения дворянской собственности по наследству. Петр заметил, как и сказано в указе, что разделением недвижимых имуществ после умерших родителей между детьми «великий есть вред как интересам государственным, так подданным и самым фамилиям падение. Если у кого отец имел тысячу дворов, а одному из его пяти сыновей достанется двести, и, помня своего отца, сын хочет жить, как отец, то уже с бедных подданных будет пять столов, а не один. Подданных двести, служа господину, будут нести то, что несли тысяча, и государственные подати не могут исправно платиться, и оттого государственной казне вред и людям подлым разорение, и знатные фамилии могут обеднеть до того, что сами однодворцами останутся. Наконец, каждый, имея свой даровой хлеб, хотя и малый, ни в какую пользу государству без принуждения служить и простираться не будет, но ищет всякий уклоняться и жить праздностью, которая, по Священному Писанию, – “мать всех пороков”». Для исправления такого замеченного недостатка царь указал: с этих пор не продавать и не закладывать всех недвижимых имений и дворов родовых, выслуженных и купленных. Владелец может предоставить их в наследство одному из своих сыновей, а прочим наделить движимостью; то же касалось и дочерей. Бездетный может отдать свое недвижимое имение одному из своего рода, кому захочет, а движимое – предоставить по усмотрению, хотя бы и постороннему. Получающий по наследству после родителей недвижимое имение должен сохранить движимость своих братьев и сестер до их совершеннолетия – мужского пола до 17 лет, женского до 16 – и учить всех грамоте, а мужского пола родных сверх грамоты – и цифири. По окончании их обучения он должен каждому дать часть, не зачитая в свою пользу издержек, употребленных на их воспитание и содержание. Девушка, достигшая 18 лет, может отойти от брата; вступая в брак, она передает мужу обязанность принять фамилию жены, если в ее роде не останется лиц мужского пола. При вторичных браках дети, рожденные от них, наследуют имущество только своих родителей. По этому закону постановлено: дворянам, не получившим от родителей недвижимого имения, не ставить в бесчестие занятия каким-нибудь ремеслом, торговлей или вступление в духовное звание.

К.В. Лебедев. Петр I экзаменует вернувшихся из заграничного обучения русских

Нельзя не признать, что побуждения, руководившие царем при издании этого закона, клонились главным образом не к распространению барского дармоедства, а скорее к тому, чтобы заставить людей дворянского происхождения жить честным трудом и посвящать себя полезным занятиям. Дворяне издавна имели обычай по примеру крестьян прятать свои деньги и сокровища, а иные – даже зарывать в землю; только в последнее время, когда посылки дворян за границу начали знакомить их с европейскими обычаями, иные дворяне стали помещать свои деньги в иностранных банках. Капиталы, таким образом, оставались совсем непроизводительными или малопроизводительными. Петр хотел доставить возможность обращения этих капиталов и для того пересоздать дворянство: кроме старших сыновей, наследовавших отцовское имение, другие, получив вместо недвижимых имуществ капиталы, должны были ради средств к жизни пуститься на какие-нибудь деятельные предприятия. Но опыт скоро показал, что нельзя легко изменять того, что укоренено в народных нравах и освящено многовековыми привычками. Майоратство, несмотря на старание Петра ввести его, не привилось к русской жизни.

Петру не по сердцу был укоренившийся в русском дворянстве обычай – продавать своих крепостных людей, как скотов, разрознивая семейства, разлучая детей с родителями, братьев и сестер друг от друга, «отчего не малый вопль бывает». Государь еще не домыслился до того,

чтобы уничтожить совершенно куплю и продажу людей в своем государстве, но постановил по крайней мере не разлучать семейства продажей.

Некоторые, пользуясь своим дворянским происхождением, ограничивались службой в низшем солдатском чине только несколько месяцев или даже недель, а потом проходили службу в офицерских чинах; у дворян возник такой взгляд, что по своему происхождению они должны исправлять на службе только начальнические должности. В 1714 году Петр указал отнюдь не производить в офицерские чины тех лиц, которые, опираясь на свою дворянскую породу, вовсе не служили солдатами; то же подтверждено указом 1 января 1719 года. В конце 1720 года обер-офицерам, происходящим не из дворян, велено выдать патенты на дворянское достоинство и считать дворянами их детей и все их потомство. Таким образом, хотя дворянское происхождение не теряло признаваемого за ним достоинства, но достижение дворянского звания службой становилось открытым. В служебных отношениях Петр, предоставляя дворянам, как родившимся в этом звании, так и приобретшим его службой, начальнические должности, ограждал подначальных от их произвола. Штаб- и обер-офицерам запрещалось брать рядовых в услужение, исключая денщиков, но и тех следовало брать в ограниченном числе и не обращаться с ними жестоко. В целях ограждения мирных обывателей от своевольства военных людей запрещалось военным чинам занимать самовольно квартиры, насильно оставаться у хозяев и переходить со двора на двор.

Петр I

Петр заботился дать образование дворянам больше, чем другим сословиям. Так, в 1712 году положено было, чтоб в инженерской школе, в которой предписывалось учить геометрии и фортификации настолько, насколько нужно было для инженеров, две трети учащихся было из дворянских детей. В 1714 году велено разослать во все губернии по несколько человек из математических школ учить дворянских детей цифири и геометрии. Архиереи не должны были давать венечные памяти дворянам, желающим вступить в брак, если они не выучатся. Любя до страсти мореплавание, Петр предложил завести морскую академию также преимущественно для дворянских детей – и в октябре 1715 года начертал для нее инструкцию. В этой академии положено было учить арифметике, геометрии, фортификации, навигации, артиллерии, географии, рисованию, живописи, воинскому обучению, фехтованию и некоторым сведениям из астрономии. Для этого царь велел собрать способных учителей для обучения таким наукам, которые окажутся нужными. Для надзора над учителями и школьниками выбиралось особое лицо, а для перевода книг, необходимых для морских наук, назначался переводчик. По известию одного иностранца, не было в России ни одной знатной фамилии, из которой не находились бы юноши 16–18 лет в этой академии. Вслед за тем в декабре того же года именным указом, велено мальчиков дворянского звания от десяти лет и старше посылать в Петербург для обу-

чения морскому делу, а в чужие края более не посылать. Но в следующем 1716 году государю сделалось известно, что в Венеции и во Франции желают принять русских людей в морскую службу: Петр приказал собрать мальчиков дворянского звания и послать в Ревель, а оттуда отправить их партиями в 20 человек морем или сухопутьем в Венецию, Францию и Англию, чтоб эти молодые люди ознакомились и освоились с морским делом.

9 декабря 1720 года Петр командировал для составления ландкарт из своей морской академии по несколько человек в губернии с жалованьем по шести рублей в месяц.

Сознавая пользу знания немецкого языка для России, царь в январе 1716 года приказал отправить в Кёнигсберг от 30 до 40 молодых подьячих 15–20-летнего возраста для изучения немецкого языка, с надзирателями, которые должны были наблюдать, чтобы посланные действительно учились, а не гуляли. Государь сознавал потребность иметь людей, сведущих и в восточных языках, а потому в том же году и месяце приказал из московских школ выбрать пять способных юношей и отправить их в Астрахань, к губернатору Волынскому, для обучения их турецкому, персидскому и арабским языкам.

Давая дворянскому званию преимущество перед прочими сословиями в деле образования, Петр, однако, показывал желание, чтоб и во всех слоях общества распространялось учение, и сообразно своему характеру прибегал для этого к принудительным мерам. Еще в 1714 и 1716 годах именными царскими указами велено было детей всякого чина людей, кроме дворян, от 10 до 15 лет учить грамоте, цифири и немного геометрии. Для этой цели из математических школ было послано по два человека в губернии. Велено отвести им помещение в архиерейских домах и монастырях. Учение полагалось бесплатным, но по окончании учения, при выдаче свидетельств, учитель имел право брать по рублю за каждого ученика. Без такого учительского свидетельства нельзя было жениться. Но прошло около трех лет. Заведовавшие школами писали донесения, что вопреки царскому указу родители не присылают детей для обучения. Царь писал новые указы о высылке учеников. В 1720 году к царю поступила челобитная от посадских людей: каргопольцев, устюжан, вологжан и калужан. Они жаловались, что у них насильно берут детей, везут в города и держат в тюрьмах за караулом. Дети ничему не учатся и только теряют время. «А дети у нас, – говорили они, – дома смолоду приучаются сидеть за прилавком и посылаются со старшими по купеческим делам. Если у нас будут забирать детей, то промыслы упадут и в казенных поборах будет остановка; обучать же детей мы можем и дома». Царь, рассудив, что в самом деле при такой мере станут его подданные находить благовидную отговорку в невозможности платить казенные налоги, запретил забирать у посадских людей детей для их обучения.

На затее государя, касавшейся народного воспитания и перестройки России на западно-европейский лад, имело влияние знакомство со знаменитыми в Германии учеными Лейбницем и Христианом Вольфом. С Лейбницем Петр познакомился в 1711 году в Торгау и с тех пор до самой смерти немецкого ученого вел с ним письменные сношения. Пожалованный Петром в звание тайного советника с жалованьем 1000 рейхсталеров в год, Лейбниц присылал Петру и разным его любимцам всякого рода преобразовательные проекты. Этот ученый первый подал Петру мысль ввести в России коллегиальное управление для всех отраслей государственного управления, с той разницей, что в числе коллегий Лейбниц предполагал завести ученую коллегия, которая не была учреждена. Лейбницу принадлежит также мысль о введении в России чиновной лестницы, осуществленной Петром впоследствии в табели о рангах. Лейбниц подал царю совет собирать и сохранять письменные и вещественные памятники древности, послать экспедицию для открытия пролива между Азией и Америкой, устроить постоянные сношения России с Китаем, снаряжать ученые путешествия для географических и физических открытий, учредить в России высшее учебное заведение или университет под названием академии. Хотя это предположение не осуществилось, но без сомнения оказало свое влияние тем, что впоследствии Петр, уже перед концом своей жизни, учредил академию в смысле ученого сон-

мища. Галльский, а потом марбургский профессор Христиан Вольф, известный в свое время математик, начал сношения с Петром через Петрова врача Блументроста в 1718 году по поводу одного шарлатана, обратившегося к Петру с заявлением, что он выдумал вечно движущуюся машину (*perpetuum mobile*). Оставив вопрос о машине в сторону, Петр при посредстве Блументроста до своей смерти находился в сношениях с Вольфом по поводу проекта об основании академии и убеждал Вольфа поступить на русскую службу, но последнее не состоялось.

Вид Астрахани со стороны Волги

В 1720 году Петр положил начало и русской археологии. Во всех епархиях он приказал из монастырей и церквей собрать старинные грамоты, исторические рукописи и старопечатные книги. Губернаторам, вице-губернаторам и провинциальным властям велено все это осмотреть, разобрать и списать. Мера эта не оказалась удачной, и впоследствии Петр, как увидим, изменил ее.

Торговля и промыслы по-прежнему направлялись так, чтобы сделаться источником для казенной прибыли. В 1713 году людям всяких чинов дозволено было свободно вести торговлю; только крестьяне, торговавшие в Москве, платя десятую деньгу и неся налоги наравне с прочими московскими посадскими, занимавшимися торговлей, не были изъяты от платежа налогов, платимых крестьянами волостей, где они были приписаны.

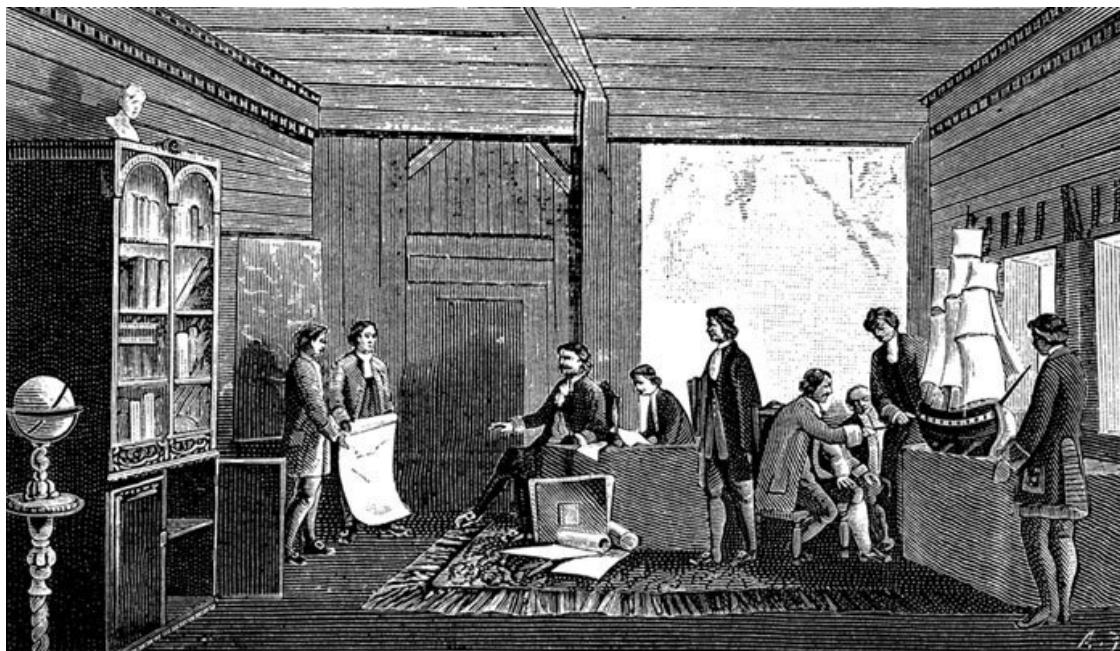
Царь хотел во что бы то ни стало направить главный торговый путь на Петербург, и в октябре 1713 года указал всем торговым людям возить пеньку, юфть, икру, клей, смолу, щетину, ремень, следуемые за границу, не в Вологду и не в Архангельск, а в Петербург. Для всеобщего сведения велено было это объявление прибить во всех церквях. Такое распоряжение отозвалось тягостью на торговых людях, и они в поданной царю челобитной умоляли отменить этот закон и дозволить по-прежнему возить товары в Архангельск; у них, представляли они, были там с иноземцами прежние долговые обязательства, которых нельзя было иначе покончить, как выручкой с товаров. В Вологде жили три иноземных купца, занимавшиеся очищением привозимой в Архангельск пеньки, и содержали для этой цели до 25 000 русских рабочих, которые должны были остаться без работы, если торговый путь для пеньки изменится. Притом пенька, шедшая за границу, родилась преимущественно в областях, более близких к

Архангельску, чем к Петербургу; вдобавок местность Петербурга была такого свойства, что пенька, пролежав там несколько месяцев, легко подвергалась порче. По этим представлениям в марте 1714 года царь дозволил возить из Твери пеньку в Архангельск, а в 1715 году из всех товаров, указанных прежде для отвоза в Петербург, дозволил половину везти в Архангельск, а другую – непременно в Петербург и продавать иноземцам за их деньги, а русских денег от них не брать, потому что тогда стали распространять по России привезенную из-за границы фальшивую мелкую русскую монету.

Десятого декабря 1718 года была уничтожена казенная продажа товаров, исключая поташ и смольчуг, оставленные ради сбережения лесов; все же остальные товары, прежде исключительно казенные, могли продаваться свободно с уплатой обыкновенных пошлин, а в октябре был опубликован тариф всем товарам. Ради развития торговли государь 10 ноября 1720 года отменил прежнюю 5 % пошлину с товаров и установил 3 % для петербургского порта, в других же портах с русских торговцев при отпуске товаров за границу по-прежнему взималась половинная пошлина против той, которая была установлена с иноземцев, – по 30 алтын за ефимок и непременно иностранными деньгами, как платили иноземцы. Если у торговых людей привозного товара было на такую же сумму денег, на какую в отпуске, то они освобождались от всякой пошлины. Русский торговец под опасением штрафа не должен был отпускать за границу иностранных товаров и вывозить их в одну из российских пристаней. Закон угрожал потерей всего имущества тому, кто бы дозволил под своим именем торговать другому лицу, а иностранцам, которые бы стали вести в России торговлю под именем какого-нибудь русского торговца, сверх того – потерей его кораблей и немедленной высылкой за границу. Иноземные торговцы должны были жить в России непременно по паспортам, и получившие паспорта на выезд из России обязаны были уезжать в определенный законом срок. В 1721 году сделано было распоряжение о том, чтобы отпускать товары через Ригу и Архангельск только из близких по местоположению к этим портам краев, а из всех прочих – непременно в один Петербург. Совершение контрактов между русскими и иностранными торговцами дозволялось только для петербургского порта, а для других портов запрещалось.

Торговля с Малороссией, производившаяся сухопутьем или по рекам, оставалась в прежнем положении. Белгородский воевода получил царское приказание не стеснять торговых людей и покровительствовать им, но обязывать их не сноситься с Запорожьем. У греков и армян, ездивших с товарами и для покупки русских товаров через Южную Россию, отбиралось все иностранное серебро и золото и выдавались им русские деньги, но ввозить русские деньги вместе с иностранными запрещалось. Малороссиянам запрещалось привозить в Великороссию вино и табак, если только то и другое не привозилось по казенным подрядам. Таможенные пошлины в Малороссии, как и в Великороссии, отдавались на откуп охочим людям с предоставлением в их пользу всего утаенного на таможне и воспрещаемого законом ко ввозу в Россию.

Для развития торговли в России учреждались ярмарки. Так, в 1717 году в Киевской губернии была учреждена знаменитая Свинская ярмарка, и около того же времени, установлена должность гофмаклера, обязанного надзирать на ярмарке за покупкой и продажей казенных товаров для соблюдения казенного интереса. В марте 1720 года была возобновлена ярмарка в Риге, прекратившаяся во время войны; она отправлялась с десятого июня по июль.

Петр I экзаменует учеников, возвратившихся из-за границы. С картины Н.Н. Каразина

Торговля с Персией, важная в XVII веке, ослабевала по мере того, как царь стремился направить деятельность торговых людей на запад. Притом при поездках в Персию русские купцы подвергались беспрестанно неприятностям и разорениям. В России на пути их беспокоили воры и разбойники, в Персии они терпели от персидских начальников, которые брали у них насильно товары даром или назначая малую цену. Русские люди обращались к персидскому суду, а персидские местные судьи брали с них взятки. Было и то неудобство, что иные персияне покупали у русских товары в долг и, продержав значительное время, возвращали их назад. Торговля русских с Персией была меновая, главным образом на шелк-сырец, и по своему свойству подавала частые поводы к недоразумениям. В июле 1717 года русский посол Волынский заключил с персидским министром договор, ограждавший купцов от подобных злоупотреблений. В случае крушения какого-нибудь русского судна на Каспийском море персияне по этому договору обязаны были возвратить найденный груз хозяину судна. В декабре 1720 года для покровительства русской торговли с Персией учреждены: в Испагани – главный русский консул, а в Шемахе – подведомственный ему вице-консул. Они должны были собирать разные сведения, относящиеся к торговле, выдавать паспорта русским, свидетельствовать их обязательства, завещания и всякие сделки между собой, в случае смерти русского торгового человека в Персии – описывать и сохранять его достояние для передачи наследникам, а главное – оказывать русским торговым людям вспоможение советом и делом.

Хлеб в зерне и муке при Петре, как издавна в России, в ряду сырых продуктов был одной из главных статей туземного производства и торговли. Вывоз его за границу то допускался во все порты, то воспрещался, смотря по относительному урожаю или неурожаю. Так, например, в 1713 году его цена в России упала ниже рубля за четверть ржи, и правительство не только позволяло, но и побуждало отправлять его за границу, а весной 1717 года запретило вывоз, когда его цена поднялась до двух рублей за четверть, но в июне того же года, когда блеснула надежда на урожай, оно снова дозволило вывоз. Петр думал и об улучшении земледельческого производства в своем государстве. В 1721 году, узнав, что в Остзейском крае и в Пруссии поселяне вместо серпов снимают хлеб с полей косами с прикрепленными к ним граблями, царь приказал разослать по губерниям образцы таких кос и предписал губернаторам находить смышленных поселян и рассылать их по местам, где лучше родится хлеб, чтобы приучать народ

к иноземному способу уборки хлеба. «Сами знаете, – писал Петр в своем указе, – что добро и надобно, а новое дело-то наши люди без принуждения не сделают».

Трактат о движениях корабельных. XVII в.

Пенька, отпускаемая за границу, составляла до декабря 1718 года казенное достояние. Доверенные от правительства люди скупали ее по России для отправки в чужие края; например, в 1712 году одно такое доверенное лицо скупало пеньку в украинских городах, платя по 2 рубля за берковец, а продана была эта пенька иностранцам по 6 рублей за берковец. На умножение льняных и пеньковых промыслов в России царь обратил внимание в конце 1715 года. Замечено было, что льном промышленяли главным образом во Пскове и Вязниках, а пенькой в Брянске. Сделано распоряжение, чтобы те хозяева, которые сеяли четверть льна и пеньки, присевали еще четверть, а где не было обычая сеять эти растения, там приказано было обучать крестьян и объявить о том всенародно, объясняя, что это делается для всеобщей пользы и для благосостояния жителей. Пенька по изобилию вывоза составляла одну из главных статей вывозной торговли, но в 1716 году от англичан последовала жалоба на русских купцов, что последние, при продаже пеньки мешают с хорошей худую, и это побудило царя всенародно объявить, что вперед за такое воровство виновных постигнет смертная казнь. В 1718 году устроены так называемые браковщики (то есть поверщики) по торговле льном, пенькой, салом, воском и юфтью и учреждены правила для проверки. Табак в торговле принадлежал к казенным товарам, исключая турецкий курительный и всякий нюхательный; и тот, и другой продавались свободно. Туземный табак главным образом производился в Малороссии и подвергался строгому надзору, однако его все-таки развозили повсюду и куривали; табак на одну копейку в Малороссии можно было продать в Москве на 8 копеек.

Об огородничестве и хозяйственном садоводстве встречаются распоряжения только относительно Астрахани. В 1720 году царь указал завести в Астрахани аптекарские огороды и привозить из Персии разные деревья и травы, а из виноградных садов, существовавших в Астрахани, делать вино. Один французский выходец, посланный Петром в Астрахань, развел там 7 сортов французского винограда и предлагал проект завести в Астраханском крае шелководное производство. Но страшные засухи, которыми страдает постоянно Астраханский край, препятствовали разведению в нем всякой садовой растительности. Только в те годы, когда Волга широко разливалась и затопляла побережье, оттуда доставлялись всякого рода садовые плоды и бахчевые овощи.

В целях доставки в войска лошадей приказано было заводить конские заводы в губерниях Азовской, Казанской и Киевской и для этого выписывать жеребцов из Пруссии и Силезии. Всех доморощенных лошадей по России велено было переписать и брать с каждой лошади, кроме крестьянских, по гривне в казну. Желая иметь собственные шерстяные изделия, Петр в 1716 году выписал из-за границы 20 овцеводов и послал их в Казань, чтоб ознакомить русских со стрижкой овец и с обработкой шерсти. Рыбные промыслы производились на Каспийском и Белом морях; царь указал ловить в Астрахани осетров и стерлядей и отпускать за море; китовый, моржовый и тресковый промыслы на Белом море были отданы в компанию (30 октября 1721 года) гостиной сотни Матвею Еврейнову и его потомкам на 30 лет.

Соляная продажа была в ведомстве казны, и для этого из разных городов, где было достаточно купеческого сословия, велено было высылать по два человека для казенной торговли солью. Замечали, что в Русском государстве прежде было больше соляных промыслов, чем при Петре. В последнее время оставались соляные промыслы в трех местах: строгоновские, доставлявшие казне с пошлин, взимаемых по 1 копейке с пуда, 20 000 рублей, сибирские – вообще для казенного дохода малозначительные, и бахмутские, доставлявшие казне с пошлин до 30 000 годового дохода. Возка соли составляла повинность, часто отяготительную для народа. В 1721 году один ландрат с капитаном, прибывший в Харьков, сделал наряд привезти 24 092 пуда бахмутской соли. Принуждали жителей ездить за этой солью. Хлеб не убирался, сено оставалось нескошенным, а начальство под предлогом отправки людей для провожания соли, привозимой с завода, употребляло их на свои работы. Привезенная соль продавалась в Харькове назначенными для этого головами и целовальниками по 8 гривен за пуд, тогда как в других слободских полках ее продавали за пуд по три алтына 2 деньги. Царский указ оградил жителей Харьковского полка, указав им покупать соль на бахмутских и певаковских заводах по указной цене. В 1718 году по соляной продаже происходило дело князя Мосальского; он был обвинен в утайке 80 000 рублей. Его приговорили к смерти; но князь, не дождавшись дня казни, умер сам и был наскоро погребен. Петр, узнав об этом, приказал открыть его тело и повесить на виселице.

К исключительному достоянию царской торговли принадлежали товары, носившие название сибирских; это были: меха всякого рода, рыба, кость и произведения Китая, как естественные, так и фабричные, между прочим, и китайское золото. Между Сибирью и областями Европейской России устраивались караулы с тем, чтобы не допускать тайно привозивших из Сибири эти товары, но при огромном расстоянии контрабанда была неизбежна. Путешественники запрягивали товары, особенно золото, в колесные шины, в санные подрезы, во внутренних рыб, привозимых из Сибири, а другие получали от губернатора паспорта на право отъезда из Сибири без права осмотра, и этим, между прочим, отличался князь Гагарин в числе других допущенных им злоупотреблений.

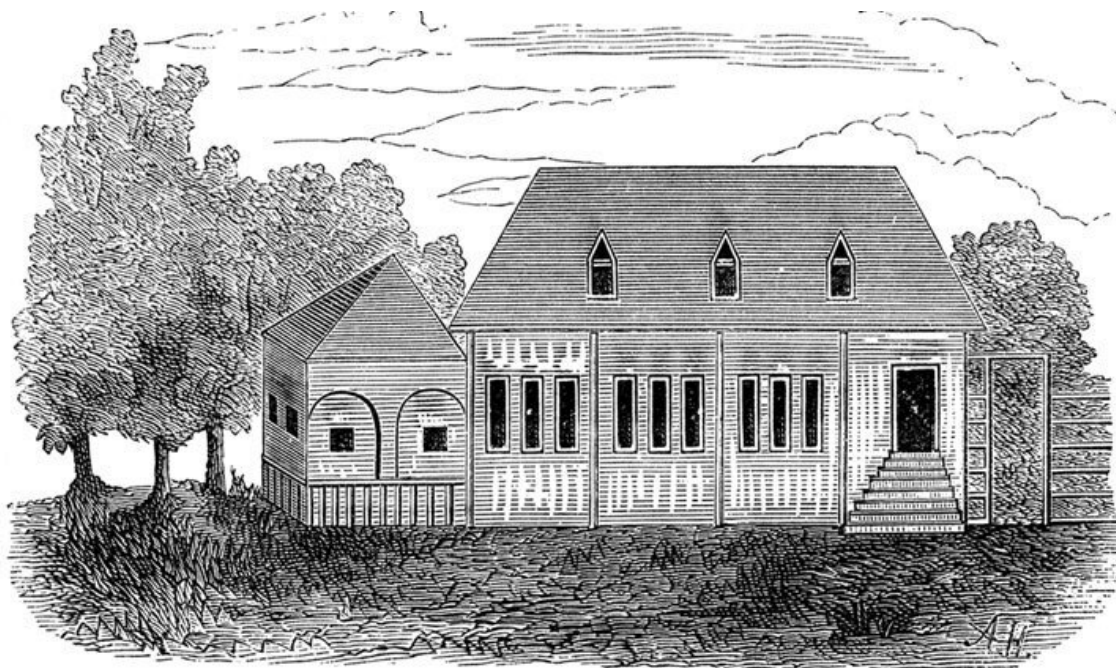
Кожевенное и особенно юфтяное производства издавна были в ходу на Руси. Заграничный отпуск до конца 1718 года принадлежал казне. Посылали доверенных лиц скупать юфть по России: в 1716 году, например, из сената отправили купчину по всем городам купить сто тысяч пудов юфти, заплатив по четыре рубля за пуд, и свезти ее в Архангельск, где продать иноземным купцам на векселя. Петр заметил, что русская юфть делается с дегтем и расплзается от

мокроты. Он приказал выслать из Ревеля в Москву иноземных мастеров, умевших делать юфть с ворваньим салом. Затем приказано выслать из разных городов в Москву русских кожевников для обучения искусству выделывать юфть на иностранный образец. Назначен двухгодичный срок до 1718 года, и если кто после этого срока станет продавать юфть, выделанную по старинному русскому способу, того велено ссылать на каторгу и конфисковать его имущество; указ о том же повторен в 1718 году. В мае 1717 года было велено прислать в Москву из разных городов мастеровых людей для обучения их кожевному ремеслу в целях распространения и улучшения его в России. С этой же целью царь предписал отправить по два человека иноземных мастеров в Киевскую и Азовскую губернии. Узнав, что Астраханский край производит в изобилии рогатый скот, Петр приказал тамошних быков не продавать на сторону, но резать и, снимая с них кожи, отправлять в Казань для выделки.

Вид Воронежа

Подворье Стефана Яворского в Петербурге

Поташные заводы были отданы на откуп Савве Грузинскому и Карлу Гутфелю для исключительной продажи в Архангельск иностранцам в пользу казны. Достоянием казны была также и селитра, которая выдывалась главным образом в Малороссии, куда посылались купцы заводить селитренные заводы с обязанностью никуда не поставлять селитру, кроме казны. С таким же условием в июне 1714 года дан был указ о распространении селитренного промысла в Малороссии.

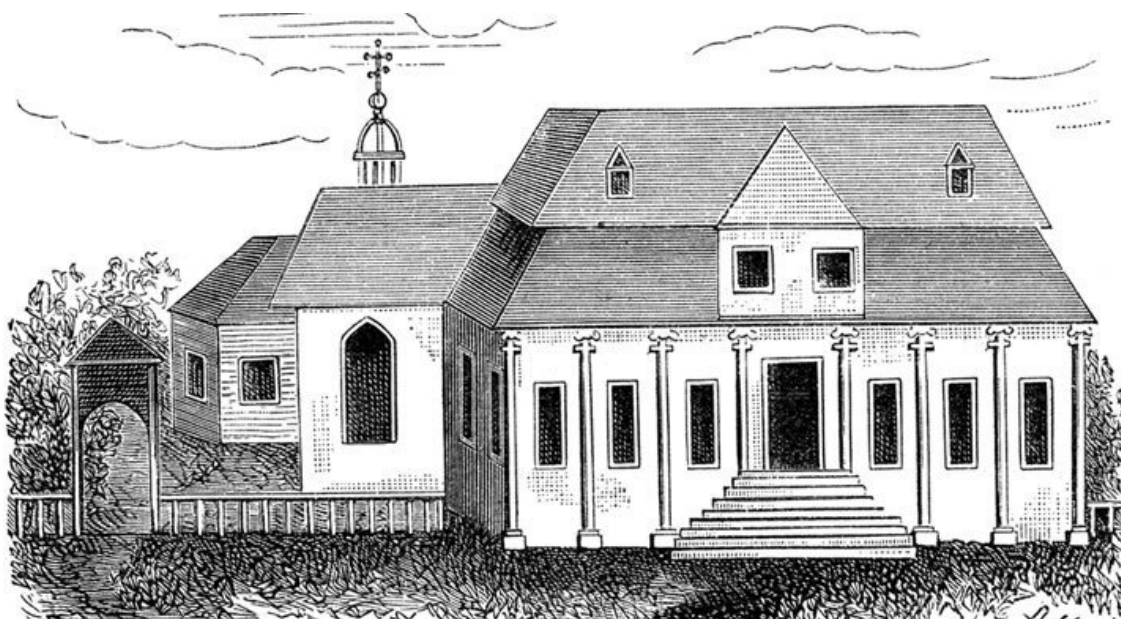
Винокурение объявлено было в 1716 году свободным для людей всяких чинов с платежом пошлин в казну. Каждый мог готовить вино для себя и в подряд, но объявляя губернаторам, вице-губернаторам и ландратам, сколько кубов и казанцев хочет выкурить. Кубы и казанцы приказано привозить в город, измеривать в 8-вершковое ведро и налагать на них клейма; со всякого ведра взималась пошлина по полуполтине в год. Годичный доход, доставляемый в казну, простирался до миллиона: тогда помещики и их приказчики, имея право курить вино, не должны были дозволять этого своим крепостным крестьянам и не давать последним господского вина ни за деньги, ни даром под опасением штрафа 50 рублей.

Петр дал в марте 1718 года десятилетнюю привилегию московскому купцу Вестову на устройство сахарного завода с правом учредить компанию и набирать в нее, кого хочет. Ему давалась на три года льгота беспошлинно привозить сахарный сырец из-за границы и беспошлинно торговать своим сахаром в головах. Кроме того, дано было обещание: если завод умножится, то вовсе запретить привоз сахара из-за границы. И действительно, 20 апреля 1721 года ввоз сахара из-за границы был совсем запрещен.

Рудокопство и обработка металлов ведались в приказе рудных дел, находившемся в Петербурге, куда в марте 1716 года потребованы были из губерний все мастера и ученики, кроме определенных при делах в губерниях; губернаторам вменено в обязанность содействовать в отыскании руд в управляемых ими губерниях. В С.-Петербургской губернии искать руду, жемчуг и краски поручено было Вельяшеву с правом нанимать рабочих, и если они не шли, то брать их неволей, давая по три рубля в сутки. При Петре в первый раз обращено было внимание на золотой песок в Сибири по донесению сибирского губернатора князя Гагарина (на реке Гае, близ калмыцкого городка Еркета). Царь велел употребить в дело шведских пленных инженеров для поиска и промывания золотого песка.

Швеция славилась процветанием кузнечного ремесла. Знал это Петр и указал выбрать из пленных шведов и выслать по два человека в губернии для обучения русских кузнечному делу. Из русских людей, отличившихся в этой области труда и замеченных Петром, первое место занимает тулянин Никита Демидов. В апреле 1715 года он подрядился поставить в Петербург железо из сибирских заводов – полосное по 15 алтын за пуд, а восьмигранное, тонкое в дюйм, – по 16 алтын. Царь предписал выслать ему мастеров с Олонца. Во время провоза железа в Петербург Демидов освобождался от всяких провозных пошлин и за поставкой в казну имел право продавать свое железо во всех русских городах, только не татарам и не уездным инородцам.

Царь приказывал по всей России обучать молодых людей ружейному, замочному и седельному мастерствам. По усмотрению губернаторов этих молодых людей отправляли на заводы, собирая с жителей деньги им на провиант и одежду, и по обучении рассылали их по полкам. Но через год с небольшим по издании этого указа оказалось, что большая часть рабочих разбежалась.

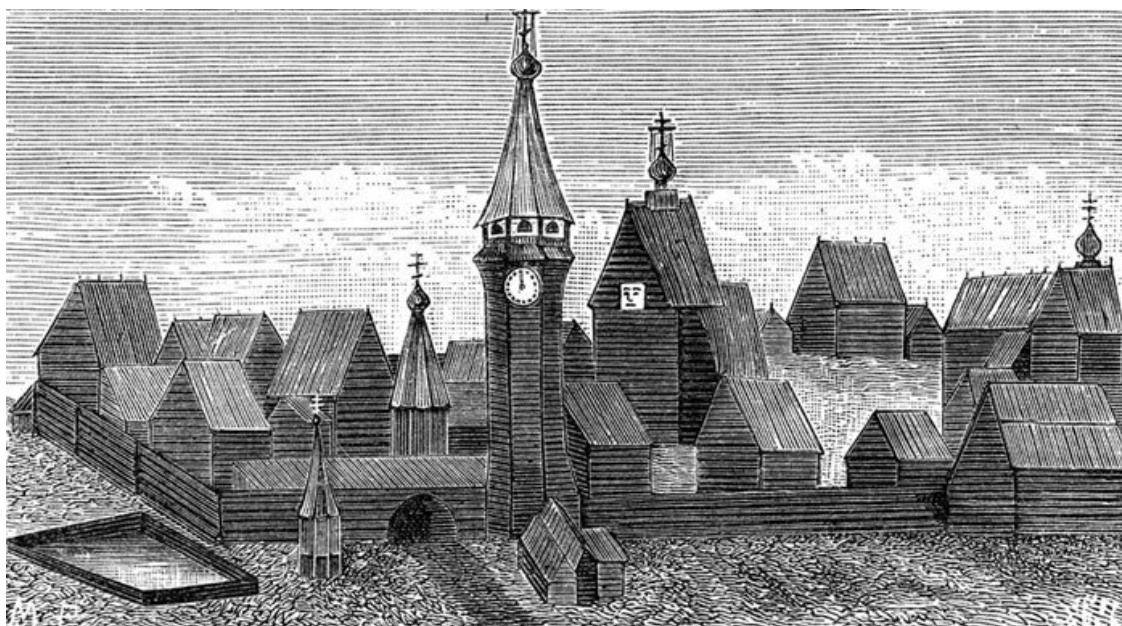

Подворье Феофана Прокоповича в Петербурге

В 1716 году в январе сделано распоряжение об искании во всех губерниях красок, причем были разосланы реестры и цены на существующие краски, получаемые из-за границы. 23 июля 1718 года дана привилегия жителю Садовой слободы Павлу Васильеву – делать и доставлять в адмиралтейство в числе 20 пудов в год краски бакана; привоз из-за границы того же материала был воспрещен. В том же году была дана привилегия Соловьеву и купцам Томиловым на завод купоросного масла и острой водки.

Для выделки бумаги в апреле 1714 года Петр приказал доставлять в Петербург сухопутем и водой негодный холст и лоскуты, за которые велел платить по восьми денег за пуд. В 1719 году бумага разных родов делалась на бумажной Дудоровской мельнице и доставлялась в адмиралтейство, откуда и продавалась на книжное печатание в типографии и на письменное производство во все коллегии, канцелярии и аптеки. В реестре, подписанном самим государем, высший сорт рисовальной бумаги оценен в шесть рублей шестнадцать алтын четыре деньги за стопу. Затем хорошие сорта белой бумаги, измеряемой картузами и патронами, ценились за стопу от пяти до двух рублей восьми алтын четыре деньги в картузах. Писчая бумага продавалась в стопах, от рубля до рубля шести алтын за стопу. Большие толстые листы продавалисьдесятью: от шести алтын четыре деньги до шестнадцати алтын четыре деньги за десть.

Полотняный промысел в России Петр застал в крайне первобытном состоянии, хотя изобилие пеньки и льна указывало, что в этой стране при трудолюбии и умении жителей этот промысел мог бы процветать. В июне 1714 года дозволено было завести полотняную фабрику иностранцу Тимерману с правом продажи своих полотен как в России, так и за морем, но с платежом пошлин. В 1718 году 26 января заведена компания (Алексей Нестеров, Борис Карамышев, Иван Зубков, Аникиев, Цимбальников и Турчанинов) для выделки полотен, скатертей и салфеток. Царь велел отвести учредителям двор, позволял набирать в компанию желающих и отдал им завод на 30 лет. Учредители просили, чтобы царь запретил другим лицам торговать этими товарами, которые они будут производить. Царь обещал, но с условием, если они через год подадут ему записку, что у них есть чем содержать завод. Другая полотняная фабрика в 1720 году была отдана с привилегией на 30 лет в компанию, директором которой был голландец Томес. Каждый компанейщик при поступлении давал от себя вклад в общий капитал тысячу рублей и, состоя в компании, освобождался от выбора в службу. Компания имела право приглашать заграничных мастеров, заключать с ними контракты, выписывать из-за границы все нужные материалы, но с платежом пошлин. Компании давалось право беспошлинной продажи своих товаров сроком на пять лет, но оптом, а не врозь. Для распространения искусства делать полотна компания имела право брать из русских в ученики и работники, но с тем условием, что взятый ученик должен был пробыть на фабрике сначала в качестве ученика три года, а потом уже подмастерьем. 24 мая 1720 года в Москве была поручена иностранцу Тимерману парусная фабрика. Он получал из казны двадцать тысяч рублей с обязанностью доставлять в адмиралтейство по три тысячи кусков парусины в год, а остальную парусину, выделяемую у себя, мог продавать в народ и деньги, взятые с продажи, доставлять в фабричную казну как царское достояние, себе же за труд он получал 10 %. 18 июня того же года запрещено привозить из-за границы коломенки и другие полотняные ткани низших сортов, а высшие – позволено ввиду того, что в России в то время выделывались только низшие сорта. 16 ноября 1720 года повелено отпускать за границу русский холст и полотна, но не узкие, а широкие. По свидетельству иностранца Вебера, посетившего Россию в царствование Петра, приготовляемое в России полотно из туземного льна не уступало в достоинстве голландскому полотну.

Старобрядческая Выгорецкая пустынь в XVIII столетии

Суконные заводы поощрялись преимущественно с целью обмундирования войск, и потому было запрещено покупать заморское сукно на мундиры. Для успешного производства этого промысла еще в 1712 году велено собрать компанию из торговых лиц, а в случае несогласия вступить в компанию положено тащить в нее неволей. В 1719 году существовавший казенный суконный завод в Москве, у Каменного моста, приказано было отдать в компанию купцу Щеголину с товарищами с обязательством расширить производство сукна до того, чтоб не только удовлетворялась потребность в обмундировании войска, но сукно шло бы и в продажу. Эта компания получила ссуду в 30 000 рублей на три года без процентов; ей позволено выплачивать свой долг в казну сукнами, с привилегией в течение пяти лет продавать сукно беспошлинно. Вступившие в компанию освобождались от обязательной государственной или общественной службы. Компания могла принимать в ученики лиц свободного звания, выписывать иноземных мастеров и инструменты. Вывоз за границу шерсти из России был запрещен ради того, чтобы эта компания имела возможность удобно покупать себе материал, зато эта компания не могла возвышать цены на сукно.

В июне 1717 года подканцлеру Шафирову и тайному советнику Толстому поручено было учредить в России фабрику всяких шелковых материй и парчей, которые они должны были обрабатывать через нанятых во Франции мастеров. Им позволялось в виде привилегии набирать по желанию как русских, так и иностранцев в ученики, изготавливать золотные, серебряноканые, шелковые и шерстяные материи, парчи, штофы, бархаты, атласы, камки, тафты и всякого рода ленты, галуны, чулки и пр. В помощь себе они получили от казны бесплатно готовые дворы в Москве, Петербурге и других городах, а тем лицам, которые у них будут работать, обещаны места под жилища на вечные времена. Эта компания могла пятьдесят лет беспошлинно торговать по русским городам и селам, а заграничную торговлю вести на общих основаниях, с уплатой пошлин. Компания была подчинена сенату; местные власти не должны были вмешиваться в ее дела. Наконец, в обеспечение ее прибытка запрещалось не принадлежащим к ней лицам производить такие товары, которые производила компания, кроме лент, чулок и галунов, а из-за границы запрещался ввоз иностранных шелковых изделий; но в 1719 году члены компании донесли царю, что их мануфактуры не в состоянии удовлетворить парчами все государство, и поэтому сами просили разрешить ввоз парчей из европейских государств. Царь дозволил в продолжение двух лет привозить ежегодно на 100 000 рублей шелковых штофов и продавать их в петербургских лавках по торговому уставу. В июле того же года этой компании дозволено было беспошлинно покупать в Китае тонкий шелк. Кроме фабрики барона Шафирова и К^о была заведена другая шелковая фабрика в Москве Алексеем Милютиным. В марте 1718 года ему была дана привилегия выпускать шелковые ленты, нанимать свободно мастеров, брать учеников и не платить никаких податей, пока не утвердится начатый им промысел. 14 марта 1721 года дозволено было всем людям заводить шелковые фабрики. Учредители пользовались привилегиями на 50 лет, а вступавшие к ним в компанию – от 10 до 15 лет со времени своего вступления.

Указом 1 февраля 1720 года определено завести в Киеве фабрику зеркал и хрустальной посуды.

Для усиления всякой заводской, промышленной и мануфактурной деятельности Петр (17 января 1721 года) освободил всяких основателей заводов и их товарищей от службы на полтора года после учреждения завода, а на следующий день после этого (18 января того же года) дозволил купцам и заводчикам покупать населенные имения.

Петр всячески старался привлекать наибольшую массу золота и серебра в Россию и запрещал вывоз того и другого в другие государства.

В 1719 году царь приказал отбирать червонцы и ефимки у торговцев, ездивших за границу из Малороссии, а выдавать им русские деньги, оставляя им на платежи пошлин на границе только небольшое количество иностранной монеты. Все купцы, которые вели загра-

ничную торговлю, должны были платить пошлину иностранной монетой, а прусский талер принимался в казну от купцов по 50 коп., тогда как в текущем обращении эта монета ходила по 90 коп. и выше. Казна имела тут свои выгоды. Была при этом еще другая выгода казне: получаемые от купцов в уплату иностранные монеты переделывались на денежных дворах в русскую монету, а при переделке казна оставалась в прибыли по крайней мере 7 %. Сохранились от описываемого периода царствования Петра памятники, на основании которых можно составить себе понятие о денежном достоянии Русского государства того времени. В 1721 году на всех денежных дворах было денег на сумму 559 355 рублей. Сверх того следовало получить по подряду ефимков и меди на 141 835 рублей, и в недоимке с разных чиновных людей было 225 546 рублей 32 алтына три деньги, а всего 882 315 рублей 28 алтын. К уплате же в разные места следовало в итоге 1 536 884 рублей 6 алтын. Таким образом, даже и в том случае, когда были бы взысканы все недоимки, оказывалась недостача в 388 022 рубля. Все золото и серебро, получаемое с пошлин, взимаемых за привозные в Россию товары, а также конфискованное золото и серебро и получаемое в качестве штрафов указано было доставлять на денежный двор. Правительство нашло, что доставка и возка их были стеснительны, а во время пожаров медных денег много погибало; по этой причине вместо алтынников было велено делать серебряные пятикопеечники 70-й пробы. Из медных денег оставались в ходу только одни полушки, и то в небольшом количестве.

Церковь, построенная по рисунку Петра I в Петрозаводске

Главное управление церковью в эти годы находилось в руках рязанского архиерея Стефана Яворского, блюстителя патриаршего престола. Стефан Яворский, несмотря на свой высокий пост, тяготился своим положением, жаловался царю на неудобство жизни в Петербурге и просил милостивого отпуска, но не получил его. Ни Петр не чувствовал к Стефану большого расположения, ни Стефан к Петру, но Петр считал Стефана честным и полезным человеком, а потому и удерживал его вопреки давнему желанию рязанского архиерея удалиться от дел и уехать на родину в Малороссию. При своей недоверчивости к великорусскому духовенству Петр медлил с постановкой архиереев, и в 1718 году Стефан доносил ему, что из епархий

Киевской, Гобольской, Новгородской, Смоленской, Коломенской к нему присылаются старые залежалые дела, которые он решить затрудняется; ставленников много, а ставить их некому: без архиереев быть невозможно. Государь приказал выбрать кандидатов и подать себе их список, а вперед для таких избраний присылать добрых монахов в Невский монастырь, чтобы «таких не наставить, как тамбовский и ростовский». Затем велено архиереям поочередно приезжать в Петербург и проживать там, «начиная свое бытие с января». Им отводились места, на которых они сами могли выстроить себе подворья. Петр ввел эту меру, чтобы самому ближе и даже лично знать всех архиереев в своем государстве. Архиереи с этого времени уже не могли более вмешиваться в какие бы то ни было светские дела, если не получали на то особого царского повеления. Уже давно лишили их права управлять самим имениями. Они могли пользоваться только доходами с них, получая их из Монастырского приказа. Только по особенной милости право распоряжения своими вотчинами получил в 1713 году вологодский архиерей. Монастырские же вотчины, взятые прежде от монастырей в заведование Монастырского приказа, 16 октября 1720 года были возвращены вновь в управление архимандритам и игуменам.

Царь показал некоторую заботу об улучшении материального и духовного состояния белого духовенства. В феврале 1718 года указано готовить заранее кандидатов на священнические места для того, чтобы места не оставались праздными, а так как по большей части духовное звание было наследственным, то велено поповских и причетнических детей заранее обучать, чтобы они были годны со временем получить сан священника. При церквях надлежало иметь старосту, который обязан был выстроить священнический дом, поступавший преемственно от одного священника к другому. Приходскому духовенству запрещалось иметь собственные дома в своем приходе, а если окажется у какого-нибудь священника собственный дом при церкви, то следовало выплатить ему из церковных денег стоимость дома, а после его смерти отдать этот дом его преемнику на священстве. Домовые церкви должны были быть все упразднены.

Забота о благочестии повлекла к целому ряду полицейских правил. В конце 1714 года указано, чтобы все люди обою пола ежегодно исповедовались. Священники должны были доносить архиереям об уклоняющихся от исповеди, архиереи же отправляли список их к губернаторам и ландратам. Светские власти накладывали на виновных штрафы сообразно их состоянию: такого рода штрафы составляли особую статью государственного дохода. По воскресным и праздничным дням запрещалось торговать. Посты до такой степени строго соблюдались, что сам царь, хотя и недолюбливал их, но не решался есть мясо в посты иначе, как испросив на то разрешения константинопольского патриарха. В 1718 году, по ходатайству царя, константинопольский патриарх разрешил не только лично ему, но и всему православному российскому войску употреблять мясо в посты за границей, во время походов, кроме семи дней, предшествующих причащению Св. Тайн.

По отношению к инородцам, обитавшим в восточных пределах России, прилагались заботы о распространении среди них христианской веры. В декабре 1714 года указано сибирскому митрополиту ездить по инородческим землям, сжигать языческие мольбища и приводить жителей в христианскую веру, обещая новокрещенным льготы в ясаке и давая им в подарок холст на рубахи.

Иезуитская пропаганда закидывала было свои сети в Россию, но неудачно. В одной из московских слобод иезуиты основали свой монастырь и успели совратить несколько поступивших к ним в обучение учеников, но в апреле 1719 года царь приказал майору Румянцеву выпроводить иезуитов за границу, а тех из них, у кого в письмах окажется что-нибудь подозрительное, не выпускать и арестовать. Многие из шведов, находившихся в плену, и иностранцы, поступавшие на русскую службу, принимали православие, и на разрешение константинопольского патриарха Иеремии 4 августа 1717 года был предложен вопрос: следует ли переходящих в православие лютеран и кальвинистов перекрещивать? Иеремия сослался на решение своего

предшественника Киприяна, отвечавшего на такой вопрос, что их перекрещивать не следует, а надлежит только помазать миррой. В феврале 1719 года состоялось подтверждение не перекрещивать лютеран.

Петербург при Петре Великом. Гостиный двор. С гравюры 1716 г.

Раскольники облагались двойным окладом против всех других подданных, а женщины – вполтину против мужчин. Но этот закон породил большие злоупотребления со стороны священников: они с корыстной целью записывали раскольников православными, взяв с них взятки, а раскольников избавляли этим способом от платежа двойного оклада. От царя не укрылись эти уловки: указом 16 марта 1718 года он поручил произвести следствие одному архимандриту. За открывшуюся в первый раз вину объявлялось заранее прощение с угрозой ссылки в каторгу, если впредь будет делаться то же. Но трудно было уличить священников, потому что раскольники сами притворно обращались в православие для вида; поэтому издан был указ (14 марта 1720 года), объяснявший, что все раскольники могут чистосердечно придерживаться раскола, только платя двойной оклад, и затем не должны страшиться уже какого-либо другого наказания. Чтобы по возможности лишить раскольников старых книг, на которых держались их уклонения от господствующего строя церкви, царь приказал (17 мая 1721 года) доставлять на печатный двор все харатейные и старопечатные книги, находившиеся в лавках для продажи и в частных домах для собственного употребления, и получать вместо них новопечатные в таком виде, в каком принимает их церковь. В 1721 году обнаружилось, что в Москве продавались разные изображения, иконы и молитвы с раскольническими чертами. Велено было все это описать и забрать, а вперед ничего подобного не продавать. Петр обращал внимание не только на раскольничьи книги, но и на такие, в которых замечалось в ином смысле что-нибудь не сходное с признанным православной церковью учением. 31 октября 1720 года

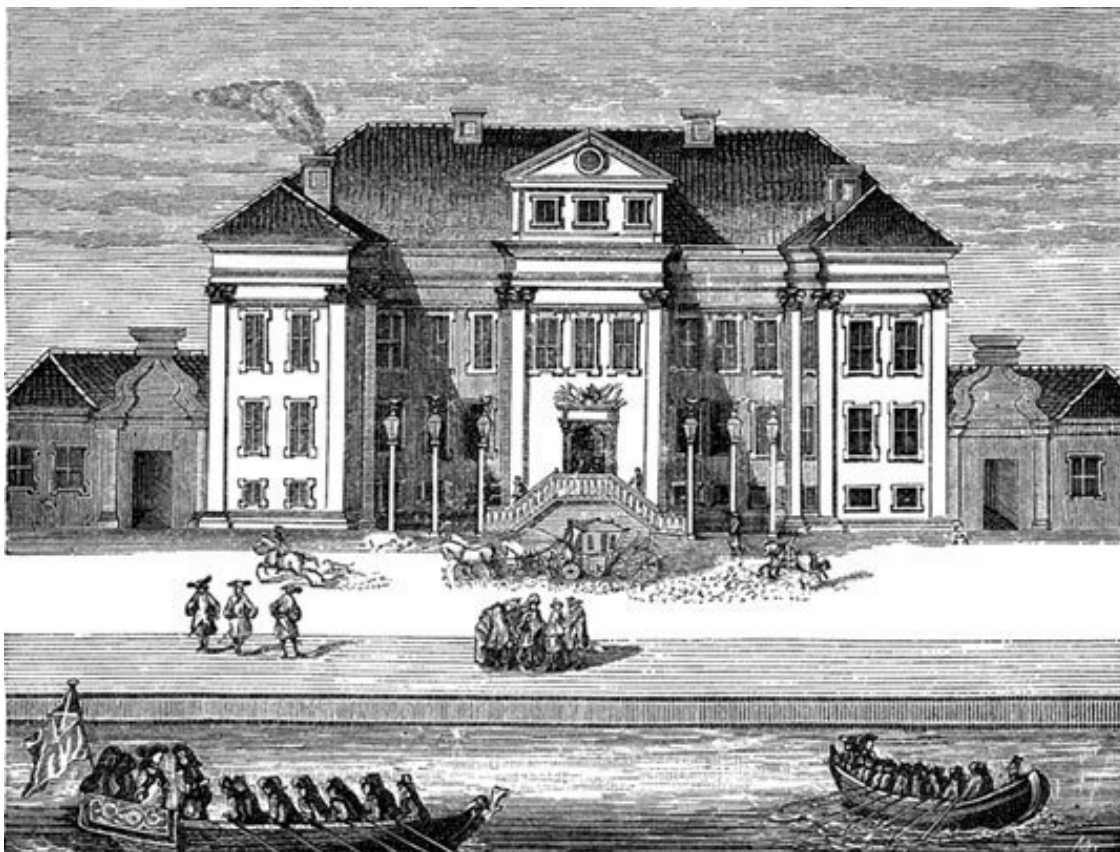
государь узнал, что такие книги выходили в Киеве и Чернигове. Так, в черниговской Ильинской типографии издана книга «Богомыслие», где заметны были «лютерские противности». В месяцеслове, изданном в Киеве, Киево-Печерский монастырь назван ставропигией константинопольского вселенского патриарха, тогда как ему следовало называться ставропигией всероссийских патриархов, а не константинопольского. В этом виделось старое желание малороссиян не подчиняться московской церковной власти. Царь постановил правилом каждую духовную книгу прежде напечатания давать на просмотр высшего духовного начальства.

Не благоволя к раскольникам, Петр не оставлял в то же время гонения на русское платье и бороды и издал в конце декабря 1714 года указ, угрожавший за торговлю русским платьем и за ношение русского платья и бороды ссылкой в каторгу и лишением всего движимого и недвижимого имущества. В сентябре 1715 года в Петербурге даже запрещено под страхом лишения имущества и ссылки в каторгу торговать скобами и гвоздями, которыми подбивались сапоги и башмаки старого образца.

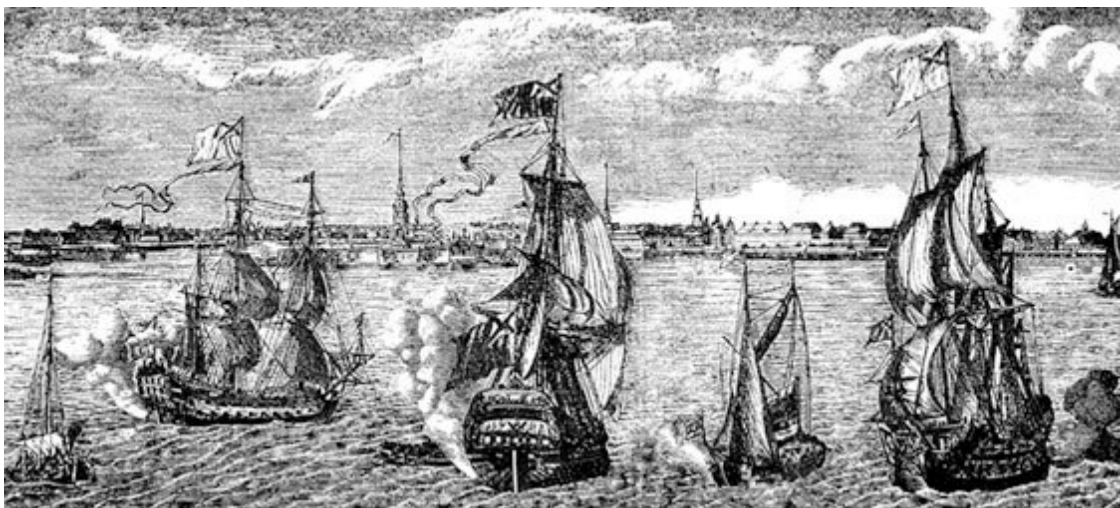
По-прежнему Петр вел войну с суевением, прикрывавшимся личиной религии, и в особенности не давал внедряться ему в новопостроенном городе Петербурге. 7 мая 1715 года объявлялось по всей России, что в церкви Исакия Далматского во время литургии плотничья жена Варвара Лонгинова кричала, что она испорчена, а когда ее потащили к допросу, созналась, что она это затеяла по злобе на плотника, который поколотил ее деверя. По этому поводу царь велел приводить в приказы всех кликуш, к которым в старой Руси чувствовали суеверный страх. В 1718 году в Петербурге один священник распространил слух, что у иконы, стоявшей у него в церкви, творятся чудеса. Петр призвал его во дворец с иконой и приказал сотворить чудо, а как чуда не случилось, то Петр приказал отправить обманщика в крепость, наказать кнутом, а потом лишить сана. Архиереям по всей России приказано смотреть, чтобы в их епархиях не было потачки кликушам и беснующимся, чтобы невежды не почитали за святые мощи неведомых и не освидетельствованных церковью умерших, не боготворили бы икон, а ханжи не вымышляли ложных чудес. Точно так же Петр в 1718 году приказал по всей России губернаторам и комендантам собирать родившихся уродов, вроде, например, двухголового животного или двух сросшихся животных¹⁸⁹. Мертвых уродов приказано класть в спирт или двойное вино, а народу внушать, что уроды рождаются не от дьявольского наваждения, как думали в старой Руси, но от повреждений в организме матери, например, от испуга и т. п.

---

¹⁸⁹ Царь определил плату доставщикам за мертвого урода человеческого по десяти рублей, скотского – по пяти рублей, птичьего – по три рубля, а за живых: за человеческого – сто рублей, скотского – пятнадцать рублей, птичьего – семь; ежели будет «гораздо чудное», то обещано больше, за утайку положен был штраф вдесятеро против обещанной платы.

Зимний дворец. С гравюры 1716 г.

Вид Петербургской стороны

Показывая вражду и презрение к старинным суевериям, Петр смотрел таким образом даже на многое, что с давних времен вошло в существенные признаки русской православной церкви. Нет сомнения, что такое недружелюбное отношение к отечественным верованиям развилось у Петра после его знакомства с Западной Европой, начавшегося в Москве в Немецкой слободе и усвоенного после путешествия в протестантских странах. Одной из самых резких черт, так сказать, размолвки Петра со старинным православием были его забавы со всешутейшим и всепьянейшим собором, о котором мы уже упоминали выше. Составив под этим названием из своих любимцев целый кружок пьяниц, Петр не слишком щадил чувствования

своих приближенных, волей или неволей в его забавах должны были участвовать и такие особы, которым совсем не под стать было шутовство: к ним можно причислить Никиту Моисеевича Зотова, носившего звание шутовского патриарха, и Петра Ивановича Бутурлина, в 1706 году нареченного петербургским шутовским митрополитом. Всешутейший собор собирался часто, смотря по тому, как приходила государю мысль созвать его в виде развлечения от трудных занятий. В 1713 году Петру вздумалось женить своего шутовского патриарха, несмотря на то что последнему было уже 70 лет. Зотов с рабской покорностью не устыдился потешать царя, просил только, чтоб ему дозволили «в Москве супружество принять неразглашательное и от разбивки злых человек петербургским жителям сокровенное». Но не так отнесся старший сын Зотова, Конон Никитич. «Предвари, – писал он к царю, – искушению дьявольскому... таким ли венцом пристойит короновать конец своей жизни, яко ныне приведен отец мой через искушение? Смело называю искушением, понеже премудрость Соломонова таковыми гнушается, написавши, яко трех вещей возмерде его совесть, из них же гнуснейшее быть перед ним старых прелюбодейство, суще умаленных смыслу. По сей пункт отдаю последний мой сыновский долг, душевным плачем моля Ваше Величество, дабы изволение Ваше причинствовало его совести умному о себе расположению». Сын Зотова беспокоился тогда не по поводу одного соблазна видеть своего старика-отца делающим дурачества по царской прихоти: он боялся и будущей своей мачехи, которая, как он справедливо предполагал, для того пойдет в замужество, «чтобы здесь нас, детей его, лишит от Бога и от Вас, государя, достойного нам наследства... Изволит говорить нам отец наш: я бы и рад отречься моей женитьбы, но не смею Царское Величество прогневать, столько-де стариков собрано для меня и платья наделано. Все сие рассудя, помилуй и его старость, и нас, сирот, которых ты так долгое время изволил иметь под своим кровом... помилуй и яко богоподражательный царь». Но эта слезная просьба осталась неуслышанной: Зотова женили для смеха на вдове Стремоуховой и справили шутовскую свадьбу в Москве. Новобрачных венчал Архангельского собора девяностолетний священник. Сам Петр занялся устройством свадебного торжества, продолжавшегося весь январь 1715 года. На свадьбе присутствовали разные государственные сановники, царица Екатерина, вдовствующие царицы с дочерьми, все знатные придворные дамы, из которых одна боярыня Ржевская носила шутовской титул князя-игумении. Все это было разодеты по распределению Петра в разные шутовские наряды, все шло в сопровождении грома музыкальных инструментов, медных тарелок, свистков, трещоток, производивших дикий и нестройный шум, с колокольным звоном всех московских церквей, с пьяными криками московской черни, которую царь приказывал поить вином и пивом, с возгласами: «Да здравствует патриарх с патриаршей!» Опасения сына Зотова были не даром: у детей шутовского патриарха с мачехой действительно вышел разлад. Старик Зотов жил недолго: в 1717 году его уже не стало, а в декабре того же года произведен был шутовской выбор ему преемника, нового князь-папы. Замечательно, что это совершалось в то время, когда Петр с нетерпением ожидал привезения в Россию своего несчастного сына, готовясь дать волю своей подозрительности и производить ряд пыток и казней, повествование о которых наводит дрожь. Петр сам начертал устав или чин избрания, пародируя совершавшийся прежде церковный чин избрания патриарха. Вместо себя Петр предоставил играть роль царя новому сценичному царю, князь-кесарю Ивану Федоровичу Ромодановскому, сыну носившего прежде это комическое звание князя Федора. В написанном Петром чине избрания шутовского патриарха так пародируется церковный чин избрания действительного патриарха: «Собравшимся на старом дворе папы и седшим архиереям начинают оные петь песнь Бахусову, потом восходит князь, великий оратор, на высокое место и чинит предиду, увещевая, дабы прилежно просили Бахуса и не по каким факциям, но ревностным по оным сердцем избирали и потом идти всем в каменный дом, по учрежденной конклавии». Здесь, в шутовском виде, были певчие, попы, дьяконы, архимандриты, суфраганы, архиереи, князь-папины служители. Пародировалось несение образа, как делалось при избрании патриарха, – такую роль

играл здесь «Бахус, несомый монахами великой обители». В каменном доме театральный государь, князь-кесарь, говорил членам всешутейшего собора речь, напоминающую речи, некогда произносимые царями при избрании патриархов. Потом происходил выбор из трех кандидатов. Перед избранием совершалось осязательное освидетельствование нового князя-папы, посаженного на прорезном стуле и закрытого покрывалом. Это была насмешка над обрядом, совершавшимся некогда, как говорили, при избрании римских пап, когда кардиналы удостоверялись, что новый первосвященник есть действительно мужчина. Обряд этот, если только он в самом деле совершался, возник оттого, что в IX веке по Р. Х. была обманом избрана в папы женщина под видом мужчины. По окончании баллотировки, совершаемой яйцами, новоизбранного поздравляли, величали многолетием, потом сажали в громадный ковш и несли в собственный его дом, где опускали в чан с вином. За избранием следовало поставление. Чин поставления, начертанный Петром, был пародией поставления архиереев. Поставляющий, возглашая: «Пьянство Бахусово да будет с тобой», намекал на священные слова: «Благодать Св. Духа да будет с тобою». Подобно тому как архиереев заставляют произносить исповедание веры, шутовской князь-папа исповедовал поклонение уродливому пьянству. Описывая свое пьянство, новопоставляемый говорил: «Вином яко лучшим и любезнейшим Бахусовым чрево свое яко бочку добре наполняю, так что иногда и ядем, мимо рта моего носимым, от дрожания моей десницы и предстоящей очесех моих мгле, не вижу, и тако всегда творю и учить мне врученных обещаюсь, инако же мудрствующие отвергаю, и яко чуждых творю и... маствую всех пьяноборцев, но яко же вышерек творить обещаюсь до скончания моей жизни, с помощью отца нашего Бахуса, в нем же живем, а иногда и с места не двигаемся и, есть ли мы или нет, не ведаем (пародия на слова Священного Писания: «о нем же живем, движемся и есмы»), еже желаю тебе, отцу моему, и всему нашему собору получить. Аминь». Следовало рукоположение во имя разных принадлежностей пьянства, пересчитываемых одна за другой: пьяниц, склянниц, шутов, сумасбродов, водок, вин, пив, бочек, ведер, кружек, стаканов, чарок, карт, табаков, кабаков и прочее. Потом следовало облачение новопоставленного с произнесением символических выражений, напоминающих облачение первосвященников. Например: «облачается в ризу неведения своего»; флягу возлагая, произносилось: «сердце исполнено вина да будет в тебе»; нарукавники возлагая: «да будут дрожащи руке твои»; отдавая жезл: «Дубина Дидана вручается тебе, да разгоняеши люди своя». Первый жрец помазывал крепким вином голову новопоставленного и делал образ круга около его глаз, произнося такое выражение: «такое да будет кружиться ум твой». Наконец, на него надевали подобие первосвященнической шапки с возгласом: «венец мглы Бахусовой возлагаю на главу твою, да не познаеши десницы твоей, во пьянстве твоём». Все хором пели «аксиос». Новопоставленный садился на бочку, игравшую роль первосвященнического седалища. Он испивал Великого Орла – так назывался огромный кубок – и давал пить из него же всем другим. Пением многолетия оканчивался чин поставления. Новым князь-папой, или шутовским вселенским патриархом, был Петр Бутурлин, до того времени состоявший в звании петербургского шутовского владыки. Его избрание производилось 28 декабря 1717 года, а поставление – 10 января следующего года. С тех пор мы находим известия о довольно частых празднествах, устраиваемых Петром со своей всепьянейшей коллегией. Люди, близкие к царю, носили, по воле его, в звании членов этой коллегии непристойные клички. Преследуя старорусские обычаи и насмехаясь даже над тем, что в старину входило в область благочестия, царь не уничтожал старинного славления в праздники, напротив, в рождественские Святки со своими приближенными и с духовенством сам разъезжал от двора ко двору при громе литавр и бубнов. Гости ели и пили у каждого хозяина и получали денежные подарки. Кроме таких способов забавляться любимым увеселением Петра было катание по воде. Это увеселение Петр часто отправлял в Петербурге на Неве. Его вельможи должны были разделять с ним такую забаву и брали с собой музыкантов, держать которых у себя в доме было в обиходе домашней жизни знатных особ. Нередко царь плыл по Неве на острова или в Екате-

рингоф, в устроенный им для Екатерины сад. Там приготавливались завтрак или закуска, причем собеседники пили венгерское вино. Но самыми веселыми для царя празднествами были спуски на воду новопостроенных кораблей. Прежде всего совершался церковный обряд освящения. Когда корабль снимался и пускался по воде, гремели литавры и трубы, палили из пушек в крепости и в адмиралтействе, потом следовали поздравления от всех приближенных, наконец, происходил завтрак в каюте новоспущенного корабля и при этом всегда была самая обильная попойка. В этих случаях этикет не соблюдался: царские корабельные мастера обедали рядом с царем, и он пил за их здоровье. Всегда в таких торжествах берег Невы усеивался множеством народа; иногда царь угощал народ на воздухе.

По временам царь устраивал примерные морские битвы; обычно одной стороной командовал сам царь, противной – кто-нибудь из вельмож, чаще Меншиков или адмирал Апраксин. По окончании маневров шло пиршество с попойкой. Главное, что поглощало внимание Петра и составляло постоянный предмет его забот, это было развитие русской морской силы, образование русских мореходцев.

В 1712 году велено было построить три корабля в 60 пушек, 20 полугалер и 150 бригантин, для чего потребно было 11 000 человек рабочих и 24 555 служителей. Смета издержек на постройку составляла 170 777 рублей и на провиант для содержания рабочих 220 580 рублей. На петербургской верфи происходили неустанные кораблестроительные работы под наблюдением голландских мастеров, которых Петр ласкал и любил. Не жалея средств для создания русского флота, царь скоро поставил его на такую ногу, что в 1717 году было 28 военных линейных кораблей с количеством пушек на самых больших кораблях 90, на самых меньших 52; на них было 13 280 человек, но еще ощущался недостаток в 7671 человеке для составления полного экипажа для всех кораблей. В этом же году сделано было распоряжение учить матросов грамоте, цифири, навигации, артиллерии, плотничьему и кузнечному мастерствам.

Издержки на флот в 1712 году простирались до 434 000, в 1714 году сумма эта возросла до 651 316 рублей, в 1715 году – до 800 000, а в 1721 году расход на все морское дело, с включением содержания приписанных к нему заводов, достигал до 1 142 977 рублей.

Желая привить на Руси судостроение по западным образцам, Петр объявил войну древнему русскому судостроению. Указом 28 декабря 1714 года он запретил ходить в море на судах прежнего строя – на ладьях и кочах, а вместо них приказал делать галиоты и другие суда иностранного пошиба, с иностранными названиями; срок для существования судов старой формы он назначил два года, а по нужде – три года; после чего все старые подлежали уничтожению. В ноябре 1715 года состоялся подобный же указ: запрещалось делать суда со скобками по старому обычаю, а велено непременно конопатить доски с досками. Приказано разослать конопатчиков в те места, где делались суда, а все старые суда заклеить. Если вопреки этому указу будет продолжаться постройка судов со скобками, то виновные в этом за первый раз подвергались штрафу, а за повторение своей вины – ссылке в каторжную работу. Весной 1716 года из судов, которые везли в Петербург провиант, велено допускать только суда, выстроенные по новому чертежу. Строгие указы против судов старого покрова повторились в 1717 и 1718 годах. Затем 18 ноября 1718 года в Ладогу и по рекам Волхову, Мсте до Вышнего Волочка, в места, где издавна строились суда, отправлен был подпоручик Румянцев объявлять повсюду, чтоб в будущем строились суда по установленному царем способу. Посланный должен был внушать жителям, что это делается для их пользы, ставить им на вид, какой вред произошел за четыре последних года на Ладожском озере. Румянцев должен был все суда старого устройства перестроить и отправить в Петербург с кладями с тем, чтобы уже оттуда им не возвращаться, а все начатые, но недостроенные суда старого покрова при себе изломать. Но осенью в том же году установлено с «новоманерных» судов брать обыкновенную пошлину, а с судов старого покрова в будущем 1719 году – вдвое, в 1720 же году – втрое и так далее по годам прибавлять; затем задержанные в Петербурге старые суда велено было освободить. Правительство стало

держаться точно такой же политики со старыми судами, какой держалось в отношении старообрядцев: прежде хотели их совершенно уничтожить, а потом стали позволять им существовать, но с платой огромного налога. В виде привилегии в 1719 году царь дозволил крестьянам Соловецкого монастыря ходить на суда старого покроя до тех пор, пока эти суда не сделаются негодными к плаванию, но вместе с тем запретил им строить вновь староманерные суда под опасением ссылки в каторгу. В июне того же года отправлен был корабельный мастер в Ярославль осмотреть тамошние лодки, называемые романовками, и все лодки старого манера переделать по утвержденному образцу, наблюдая, чтоб отнюдь не было судов со скобками, под опасением штрафа 300 рублей за каждое судно. Для постройки и починки судов по разным северным рекам – Волхову, Сквири – и по Онежскому озеру приказано завести верфи.

После строгого гонения против староманерных судов 28 марта 1720 года на пути сообщений Вологды с Архангельском дозволено строить суда по старинному образцу, а 9 апреля того же года на Двине и на Сухоне повелено строить непременно по-старому, а не по-новому. Но в Новгородской провинции осталось в силе прежнее распоряжение – строить суда не иначе, как новой конструкции. В этот же год 26 июня был составлен устав о новоманерных судах под названием «эверсы» о том, как ими управлять и как с ними обращаться. В следующем 1721 году опять дан указ уничтожить все суда, карбасы и барки староманерной постройки, но судам, приходящим с Волги, дозволялось быть построенными по какому угодно способу, лишь бы они были без скобок и хорошо проконопачены.

В 1717 году сделан был первый шаг к устройению каналов. Сильные бури, тревожившие суда, плавающие по Ладожскому озеру, побудили Петра прорыть для обхода этого озера канал из Волхова в Неву. Царь смотрел на это предприятие как на главную нужду своего государства. Сначала на работу предложили обратить те войска, которые, возвратившись тогда из Польши и оставаясь без дела, получали жалованье даром; потом думали посылать работников давним способом по наряду, назначая данное количество работников с определенного количества дворов. Но 26 ноября 1718 года царь, как сказано в указе, «милосердя о народе, дабы в сборе работников и на них провианта и всяких припасов уездные и купеческие люди каких бы излишних тягостей и убытков не понесли, указал оное канальное дело делать подрядом». Со всех уездных людей положено было собрать деньгами с дворового числа по 23 алтына две деньги на двор, с купечества – десятую деньгу с рубля, с однодворцев же Киевской и Азовской губерний – по рублю двенадцать алтын две деньги и прислать эти деньги в Шлиссельбург к марту 1719 года, не отговариваясь ничем, не исключая даже опустения дворов. В декабре 1718 года разосланы лейб-гвардии офицеры по губерниям побуждать губернаторов к скорейшему сбору денег на постройку каналов. Петру хотелось, чтобы это дело шло как можно скорее. 1 февраля 1720 года он извещал в своем указе, что не было прислано до тех пор ничего из следуемых сборов, и снова повторял прежнее требование в срок на октябрь текущего года. Подрядчики Ладожского канала назначили подрядную цену по одному рублю двенадцать алтын и две деньги за кубическую сажень. Им дозволялось привозить в год по десяти тысяч ведер вина и пива и по три тысячи пудов табака, но с платежом пошлин и с обязанностью не продавать никому, кроме рабочих. Но если постройка Ладожского канала производилась уже не в смысле народной повинности, а свободным наймом, то другие предприятия, касавшиеся торговых путей, все-таки по-старому ложились тягостью на местное народонаселение. В 1719 году по Волхову и Мсте до пристани, которая была ниже Боровицких порогов, велено устроить бечевник, чтобы взводить суда вверх по течению лошадьми. Устройство этого бечевника было разложено на 11 499 дворов. В половине следующего года до сведения правительства дошло, что это дело подало повод к разного рода злоупотреблениям и притеснениям народа. Народ был так запуган, что ничему не верил: когда предложили было копать канал из реки Гжати в гжатскую пристань, работая охочими наемными людьми, то люди боялись идти на работу, думая, что им будут делать насилия и не заплатят денег по договору.

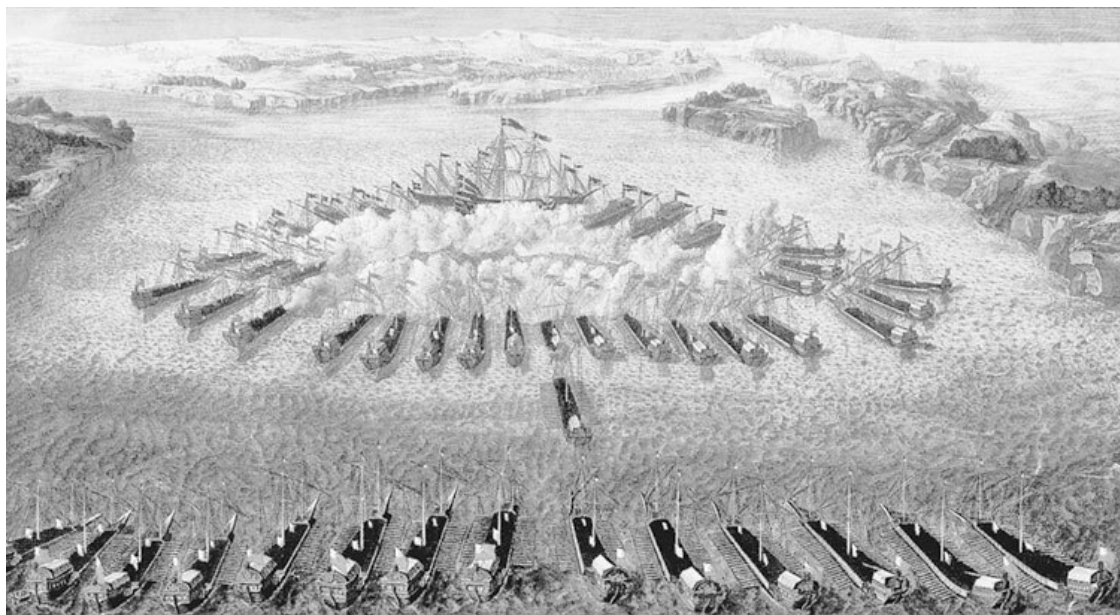
Кавалергардский литавщик и кавалергард в 1724 г.

На юге России, в степных местностях, постройки дорог производились по-прежнему казенными людьми, а не наймом. Так, например, для постройки пути от Панышина до Царицына употреблялись полки Казанской и Азовской губерний, слободских полков компанейщиики и донские казаки. На них собирался годичный провиант. Малороссийские казаки, находившиеся под начальством гетмана, в 1720 году по царскому указу были уволены от работ в этой местности, зато обращены на работы Киево-Печерской крепости и других укреплений в малороссийских городах.

В декабре 1717 года положено учредить коллегии. Наши коллегии при Петре были ближайшим образом сколком с тогдашних шведских коллегий, только государь в одном из своих указов об их составлении велел заменить те пункты шведского устава, которые не подходили к основным порядкам Русского государства. Коллегии имели смысл верховных правительственных мест по разным частям государственного управления. Этим коллегиям предположено было числом восемь: коллегия иностранных дел, где должны были вестись все сношения с чужими государствами; камер-коллегия, заведовавшая финансами государства; юстиц-коллегия, ведавшая суды и судопроизводство; ревизион-коллегия, сводившая и проверявшая государственные денежные счета; штатс-контора, ведавшая собственно расход; берг- и мануфактур-коллегия, наблюдавшая над горным делом, фабриками и заводами; коммерц-коллегия, ведавшая торгов-

лей внутренней и внешней; наконец, военная и адмиралтейств-коллегия: из них первая заведовала сухопутными военными силами, а вторая – флотом и мореплаванием. Каждая коллегия находилась под председательством президента и вице-президента. Вице-президенты были не во всех коллегиях, и там, где они были, все принадлежали к иностранцам, исключая коллегии иностранных дел¹⁹⁰. За президентом и вице-президентом в каждой коллегии следовали: четыре советника коллегий, четыре ассессора коллегий и по одному секретарю, нотарию, актуарию, регистратору и переводчику, а ниже их всех – подьячие, делившиеся на три статьи. Советников и ассессоров положено выбирать баллотировкой, но с тем, чтобы они не были сродниками либо свойственниками президента или вице-президента.

Морское сражение у Гангута 27 июля 1714 г. Раскрашенная гравюра М. Бакуа с оригинала П. Д. Мартена Младшего. 1720-е гг.

Петр сообразил, что шведы могли быть подходящими людьми по производству дел согласно новому строю, заимствованному из их края, и приказал приглашать пленных шведов на службу в учреждаемые коллегии. «Они, – писал Петр, – шведскому штату и языку искусны, один из них может быть потребнее, чем два человека немцев». Но охотников набралось немного; тем не менее предпочтение шведскому строю до того овладело Петром, что он в одном своем указе (26 ноября 1718 года) выразил намерение ввести с 1720 года шведское управление, начиная с Петербурга как образца для остальной России¹⁹¹. Впрочем, это предпочтение не мешало ему иметь мысль пригласить в чиновники будущих коллегий и славян из австрийских земель, потому что, по соображениям Петра, им легче было, чем всяким другим иностранцам, усвоить русский язык и не затрудняться употреблением его в делопроизводстве.

¹⁹⁰ В коллегии иностранных дел – канцлер граф Головкин, вице-президент коллегии, иначе подканцлер – барон Шафиров. В камер-коллегии – князь Дмитрий Голицын, вице-президент – барон Нирод. В юстиц-коллегии – Андрей Артемьевич Матвеев, вице-президент – Бревер. В ревизион-коллегии – президент Андрей Яковлевич Долгорукий, носивший в то же время звание пленипотенциаркигс-комиссара, в штатс-конторе – президент граф Мусин-Пушкин. В берг-коллегии – президент генерал-фельдцейхмейстер Брюс. В коммерц-коллегии – президент Петр Толстой, вице-президент – Шмит. В воинской – президент князь Меншиков, вице-президент – генерал Вейде, в адмиралтейств-коллегии – генерал-адмирал Федор Матвеевич Апраксин, вице-президент – вице-адмирал Крейсл.

¹⁹¹ По этому устройству предположены были такие земские чины: ландсгевдинг – земский голова, обер-ландрихтер – высший земский судья, ландс-секретарь – земский дьяк, бухгалтер – земский надзиратель сборов, ландрехтмейстер – земский казначей, ландфискал – земский фискал, ланд-мессер – межевщик, профос – тюремный староста, ландкомиссар – сельский комиссар, ландрихтер – земский судья, ландшрейбер – земский подьячий, кирхшпильсфохт – приходский войт.

Петр об этом писал своему резиденту в Вене Веселовскому, но такое предположение не осуществилось.

Вновь устроенные коллегии должны были начать действовать с 1719 года. Между тем, по обычной русской медленности, всегда волновавшей Петра, начатое дело не приготавливалось в такой степени, чтобы коллегии могли начать производство в указанный государем срок. В приготовлениях к открытию коллегий прошел весь 1718 год. Государь приказывал назначенным в президенты будущих коллегий подавать себе рапорты, чтоб видеть, насколько подвигается дело устроения коллегий, и сделал замечание сенату за нерадение к исполнению его указов.

Рублевик петровского времени

Еще до открытия коллегий в 1716 году был составлен и издан воинский устав – кодекс военных законоположений, которым должна была руководствоваться будущая военная коллегия и который надолго остался основой военного законодательства. Побуждением к составлению этого устава было желание, «дабы всякий чин знал свою должность и обязан был своим знанием, а неведением не отговаривался». Имя «солдат», по смыслу и выражениям воинского устава, «просто содержит в себе всех людей, которые в войске есть от генерала до последнего мушкетера, конного и пешего». Офицеры разделялись на унтер-офицеров, обер-офицеров, начиная от прапорщика до майора, и штаб-офицеров – от майора до полковника включительно; выше полковника следуют генеральские чины. Верховный из всех военных чинов был чин генералиссимуса, предоставляемый только коронованным особам, но действительное начальство армией поручалось генерал-фельдмаршалу или аншефу, который, ведая все военные дела, не должен был ничего чинить иначе, как с совета генералов, закреплявших все распоряжения своими подписями, кроме случаев внезапного нападения со стороны неприятелей, требующего скорого и неотлагательнейшего действия. Генерал-аншеф имел верховный надзор над военными судами. Из числа генералов, составлявших совет около аншефа, глав-

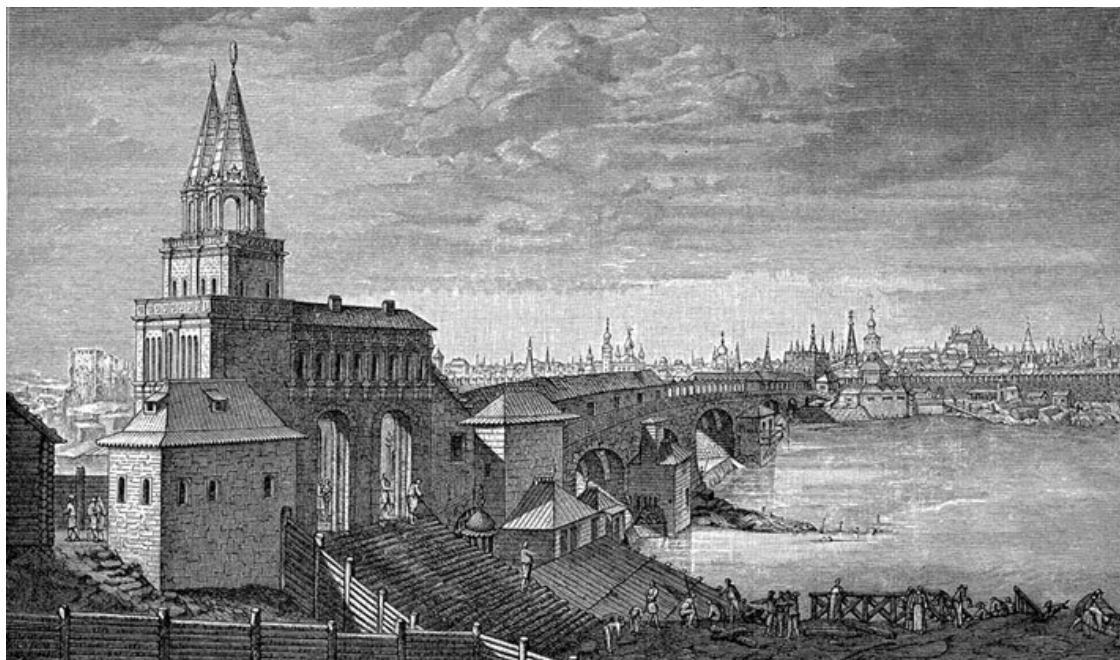
ным был генерал-фельдмаршал-лейтенант, помощник главнокомандующего, всегда при нем находившийся. За ним – три генерала командовали войском: генерал-фельдцейхмейстер, или начальник артиллерии, и генералы – от кавалерии и от инфантерии. Генерал-кригскомиссар был хозяин войска. Воинский устав вменял ему в обязанность быть совершенным экономом и знать хорошо арифметику, «понеже он имеет расход деньгам на жалование и на содержание войска». Под его начальством при кавалерии и при инфантерии было по одному обер-штеркомиссару, во всякой дивизии – по одному обер-комиссару и при каждом полку – по комиссару с деньгами. Высшие комиссары-чиновники надзирали за низшими и смотрели, чтобы не удерживалось следуемое войску жалование или предметы на обмундирование; они состояли под начальством главного комиссариата, которому были подведомы и провиантмейстеры, обязанные доставлять продовольствие войску с подлежащими им служителями. При генералах от инфантерии и кавалерии были генерал-лейтенанты, получавшие от полных генералов приказы и раздававшие их генерал-майорам, которые, в свою очередь, раздавали их бригадирам, заведовавшим каждым несколькими полками. Учреждать лагеря, походы, надзирать за фортификацией – было обязанностью генерал-квартирмейстера; «он должен быть человек разумный и искусный в географии и фортификации и уметь рисовать ландкарты». Он находился под непосредственным начальством главнокомандующего. Чиновники его ведомства были: генерал-квартирмейстер-лейтенант, обер-квартирмейстеры по дивизиям, генерал-штабс-фурьеры и вагенмейстер, надзиравший за состоянием дорог и провозом войскового багажа. Дивизии делились на бригады: бригады заключали в себе несколько полков, пехотные полки делились на роты. Пехотные полки были: фузильеров, пикинеров и гренадеров. Каждая рота заключала в себе 144 человека. Чиновными людьми в роте были: капитан или начальник роты, поручик, подпоручик, прапорщик или фендрих, два сержанта, каптенармус, подпрапорщик, 6 капралов, ротный писарь и 2 барабанщика, а в гренадерских ротах один флейтщик. Капитан – глава роты в походе. Для конницы существовали правила о фураже. Конные полки делились на эскадроны. Артиллерия, находясь под начальством генерал-фельдцейхмейстера, имела чины: полковник, подполковник, обер-комиссар, обер-гауптман (майор), штык-гауптман (капитан), шанц-гауптман, квартирмейстер, аудитор, фельдцейхвахтер, обер-фейерверкмейстер, обер- и унтер-вагенмейстеры, и под их ведением состояли чины, обязанности которых условливались свойством артиллерийской службы¹⁹². Затем следовали мастера и подмастерья: кузнечные, плотничьи, замочные, веревочные, мясники, хлебники, коновалы, шорники и просто служители. Инженеры, находившиеся при войске, имели свой стан при артиллерии и шли в поход вместе с нею. Порядок чинов в инженерной службе был такой: полковник, подполковник, майор, капитан, поручик, прапорщик, квартирмейстер, фельдфебель, лекарь, капрал, ефрейтор и рядовые. К артиллерийскому штабу принадлежали: подкопщики и петардиеры. Артиллерийские орудия, употреблявшиеся в то время, были: пушки, гаубицы, мортиры; снаряды – железные ядра, свинцовые пули, гранаты, петарды и картечи. Медицинская часть была устроена так, что при каждой дивизии находились доктор и штаб-лекарь, при полку – полковой лекарь, в каждой роте – ротный лекарь или цирюльник. При инфантерии были устроены две аптеки. При высшем генералитете был полевой доктор, который должен был иметь в медицине особенно хорошие познания и практику. Все лекари должны были лечить бесплатно, исключая тех больных, которые страдали сифилитической болезнью, называвшейся в уставе французской. Для рядовых устраивались полевые лазареты под начальством инспектора. При 10 больных определялся в услужение один солдат и несколько женщин, стиравших для больных белье. Людьми, заведовавшими пищей, были: повар, хлебник и полевые маркитанты. Военное духовенство состояло под ведением обер-полевого священника, находившегося при главнокомандующем; обер-полевой

¹⁹² Обер-шорный мастер, лекарь, лекарское подмастерье, цейгдинер, провиантмейстер, фейерверкер, брукенмейстер, вегберейтор, фурьер, цейгшрейбер и провиантписарь.

священник начальствовал над полковыми священниками и мирил их, если у них возникали ссоры.

Военное судоустройство расположено было так: в числе лиц войскового генералитета был верховный судья – генерал-аудитор, он же был правитель войсковой канцелярии, человек, сведущий в правах, изыскавший генералитету сомнительные юридические вопросы. Он же утверждал приговоры, заведовал разменом пленных и договорами, постановляемыми с неприятельскими войсками. Его помощник назывался генерал-аудитор-лейтенант, и под его ведением находились обер-аудиторы и полковые аудиторы. Было два военных суда: высший и низший; в высшем суде присутствовали генералы и бригадиры. Низший суд производился над обер-офицерами и рядовыми, отправлялся обычно в крепости у губернатора или коменданта, а во время кампании – у полковника, который был и председатель этого суда, присутствуя в нем с двумя лицами, состоявшими в чинах капитана, поручика, прапорщика, сержанта и капрала, но кроме офицеров на этом суде присутствовали двое или четверо рядовых. Аудитор находился там как толкователь закона и ассессор. Подсудимого, допросив, высылали из суда, потом его дела обсуждали и решали голосованием. Осужденный на смерть, какого бы ранга подсудимый ни был, немедленно сковывался в предупреждение побега. Кроме постоянного обыкновенного суда в походное время учреждался по мере надобности суд «скорорешительный»: кто таковым судом будет приговорен к смерти, тот немедленно предается вешанию или расстрелу.

Наказания, определяемые военным судом, носили свойственный веку характер суровости; назначались мучительные казни, например, за чародейство – сожжение, за поругание икон – прожигание языка раскаленным железом, а потом отрубление головы. За убийство назначалась обыкновенная смертная казнь, но за убийство отца, матери, малого дитяти или офицера – колесовали, равно и за церковное воровство. За поругание матери назначались отсечение сустава или смертная казнь, смотря по вине. Поджигательство влекло за собой сожжение преступника, если оно не произошло в неприятельской земле. За фальшивую монету определялось также сожжение. За хульное слово, произнесенное хотя бы и по легкомыслию, в первый раз – заключение в оковы, за второй раз – наказание шпицрутенами, а в третий – расстрел. Битье шпицрутенами отправлялось целым полком; совершившего преступление в первый раз водили 6 раз через полк, во второй – 12, а в третий – вместо битья шпицрутенами за то же преступление рубили уши и нос и ссылали в каторгу. За злоумышление против государя – четвертовали; за дерзость против генерала, смотря по степени вины, назначались смерть или телесное наказание, а за дерзость против меньшего начальства – шпицрутены. Кто против караула обнажал оружие, тот подвергался расстрелу. За леность и нерадение офицеров – разжалование в рядовые; тому же взысканию подвергались за всякое искажение начальнического приказа. Виновные исключались из службы за свидетельством всех офицеров полка, данным под присягой. Приказания начальства нельзя было изменить хотя бы явно с доброй целью; всякому дозволялось заявить свое мнение командиру или самому генералу, а все-таки следовало исполнять данное приказание. Офицерам запрещалось употреблять солдат на свою работу. При всей суровости в военных законах к своим, совершившим преступление, замечательна относительная гуманность к неприятелям. С пленником ни в каком случае нельзя было обходиться как с врагом, как прежде делалось; запрещалось наносить побои сдавшимся неприятелям. При взятии городов штурмом под опасением смертной казни запрещалось грабить церкви, духовные школы и госпитали. За сдачу русской крепости ее коменданту грозило наказание как за измену, исключая случаи крайнего голода, недостатка амуниции или большой потери людей из гарнизона. За самовольное сношение с неприятелями четвертовали или даже рвали тело клещами, смотря по вине. Запрещалось переписываться сыну с отцом, если последний находился у неприятелей. Вообще не дозволялось под опасением смертной казни ни с кем переписываться о военных делах, о состоянии войска или крепостей.

Каменный мост в Москве в начале XVIII столетия

Воинская корреспонденция находилась в заведовании полевого почтмейстера, в распоряжении которого состояли почтовые лошади, а в важных и спешных делах посылались курьеры, для посылок назначались ординарцы от каждого полка и батальона, долженствовавшие находиться в генеральских квартирах или на гауптвахте. Войсковая полиция во время похода находилась в верховном заведовании генерал-гевальдигера. Он имел право не только брать под арест, но даже повесить виновного, поэтому имел при себе полкового священника и палача. В каждом полку был фискал; над полковыми фискалами начальствовал обер-фискал дивизии, а над ними, для целого войска, был генерал-фискал. Фискалы обязаны были доносить о замеченных ими злоупотреблениях и упущениях, не отвечая за справедливость доноса, исключая только, когда донос был затеян со злой целью. Фискалы получали часть вознаграждения из штрафных денег. Над арестантами надзирал генерал-профос, под его же ведением находились в той же должности полковые профосы. При повышении чинами во всем войске постановлено было вычитать жалованье за месяц. Кроме рядовых в войске дозволено было находиться волонтерам, которым предоставлялось учиться и присматриваться к воинскому делу. Волонтеры из иностранцев могли получать офицерские чины, а природные русские были лишены этого права. Офицеров, служивших в войске и получавших по ранению или по старости чистую отставку, положено было отправлять в гарнизоны или по каким-нибудь делам в губернии. Из них назначались также ландраты, выбираемые всеми дворянами.

Проектированные еще в 1717 году коллегии вступили в отправление своей должности в 1719 году. Тогда во всем государстве начались новые административные и юридические порядки: судебная часть отнималась у губернаторов, и земские приказы уже были изъяты из ведомства администрации. В провинциях введены были вместо ландратов воеводы. Они надзирали за отправлением правосудия, но не участвовали в решении судебных дел: ограждали жителей от обид со стороны всякого начальства, солдат и посторонних людей, наблюдали, чтобы не было воровства, подлогов, фальшивых денег, мер и весов, смотрели за дорогами, хватали гулящих людей, нищих, надзирали, чтобы помещики не утесняли крестьян, а крестьяне бы оттого не разбегались. Они доносили в сенат о помещиках, злоупотреблявших своей властью, брали по сенатскому решению виновных на исправление и делали распоряжения о передаче имений их родственникам в управление. В апреле 1720 года учреждены по провинциям

земские канцелярии под управлением земских дьяков, состоявших под начальством воевод. Фискалы надзирали за производством дел в земских канцеляриях. Сбор доходов возлагался на земских комиссаров; они не могли их тратить, а отдавали в земскую казенную. Земские комиссары наблюдали за приемом казенного хлеба и казенных вещей, за всякими казенными продажами, за отпуском провианта на войско, за соблюдением договоров по откупам, находились при переписи дворов, не допускали солдат делать насилия над жителями и должны были наблюдать, чтобы жители отдавали своих детей на обучение чтению и письму. Состоя под ведением губернаторов, воевод и земских контор, земские комиссары жили в своих уездах вместе с земскими писарями и несколькими подчиненными или комиссарами, исполнявшими их поручения. Губернаторам и воеводам запрещалось поносить и бесчестить их бранью.

Финансовая часть находилась в руках земских камериров и земских рентмейстеров, или казначеев. Земские камериры вместе с губернаторами и воеводами наблюдали за сбором доходов в губерниях и провинциях, соображаясь с окладными книгами, получаемыми из камер-коллегии. Деньги, приходившие в руки камериру, он сам не смел тратить, а отсылал их в земскую рентерею. Земский камерир жил при губернаторе и, находясь под его надзором, заведовал земской конторой, которая разделялась на два отделения: одно – рентерея, другое – казенная. Сам камерир обязан был посещать ежедневно, кроме праздников, земскую контору и оставаться там шесть часов под опасением штрафа двух рублей в день. Фискал секретно наблюдал за исправлением его обязанностей. Казна находилась на сохранении у рентмейстера, подчиненного губернатору и земскому камериру. Но рентмейстер, в свою очередь, хотя и был подчинен последнему, мог, однако, делать ему замечания. Рентмейстеры, или земские казначеи, вели счета по статьям и выдавали деньги по ассигновкам от губернаторов, воевод и камериров. По окончании года они все книги отдавали земским камерирам для проверки и для отсылки в штатс-контору и камер-коллегию.

В каждой губернии должно было учинить переписную книгу землям и копию с нее отослать в камер-коллегию.

Вот в каком виде представлялись областные учреждения, поставленные в соответствии с коллегиальным строем государственного механизма. Для предупреждения взяточничества, казнокрадства и всяких других злоупотреблений Петр держался такой политики, чтобы размещать в областях таких правительственных лиц, которые бы не только не были связаны между собой родством и дружбой, но находились друг с другом во враждебных отношениях. Средство это не всегда могло оказаться удачно избранным, потому что враги силились один другому сделать неприятность и вредили через то механизму общего управления.

Камер-коллегия, получая из губерний переписные книги окладных и неокладных податей, рассматривала и утверждала все статьи доходов. Она испрашивала у сената дозволения наложить на то или другое новый налог. При раскладке податей камер-коллегия должна была принимать во внимание цену полевых трудов, разные текущие обстоятельства и «соблюдать равенство между богатыми и бедными, чтоб никто не был ни отягчен, ни уволен более других. В противном случае, – замечалось в царском указе, – убогие станут разбегаться и вопль бедных привлечет гнев Божий на государство». Камер-коллегия налагала все мелкие земские и городские пошлины, но ее ведению не подлежали раскладка и взимание пошлин с купеческих товаров, так как этим заведовали коммерц-коллегия, а также берг- и мануфактур-коллегия.

Штатс-контора состояла из президента, двух штатс-комиссаров, двух секретарей, двух камериров и одного рентмейстера, или казначея. Штатс-контора не имела права вмешиваться в хранимые казначеем наличные деньги, а только давала ему ассигновки для выдачи кому следовало. Каждый год штатс-контора составляла государю бюджет по статьям, и если находила какую-нибудь статью ненужной, то представляла о том правительствующему сенату или государю, а о выдаче суммы, выходящей из пределов утвержденной годовой росписи, предварительно докладывала только самому государю. Она должна была постоянно сноситься с камер-

коллегией, чтобы доходы соотносились с расходами. Рентмейстер при штатс-конторе выбирался самим государем, а в провинциях их назначала штатс-контора, и все они от нее зависели. Рентмейстер, состоящий при штатс-конторе, заведовал государственной казной, которая помещалась в крепости, в каменном строении со сводами. Помогали рентмейстеру бухгалтер и писарь.

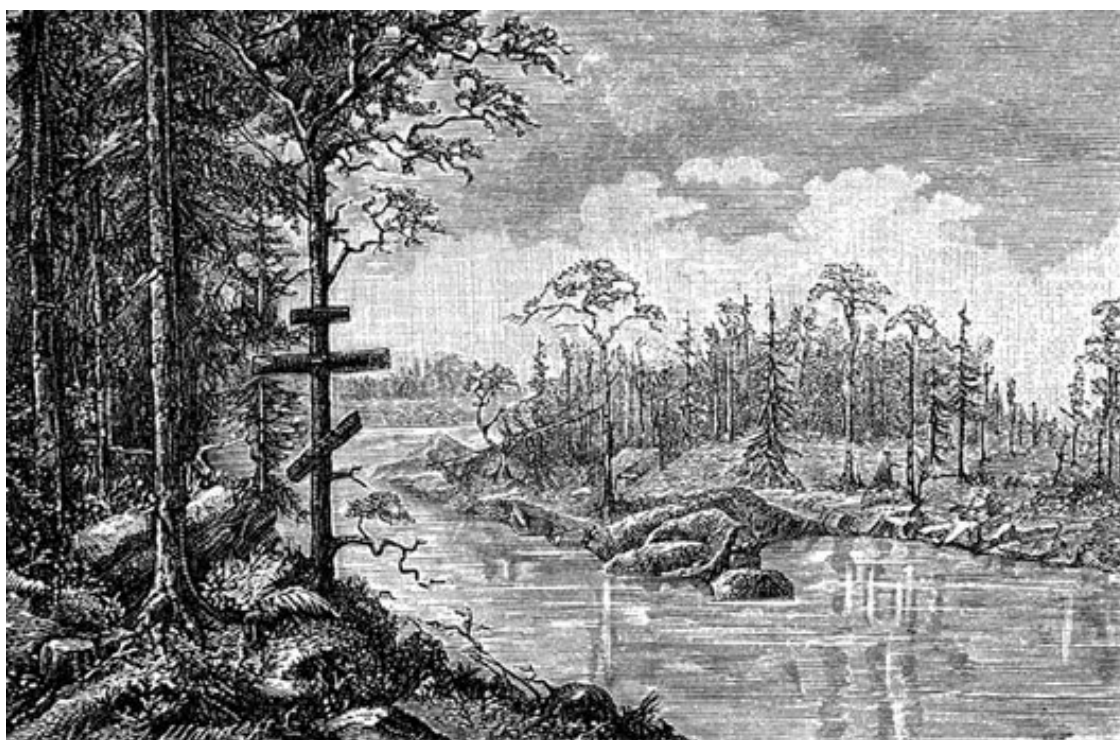
Коммерц-коллегия, состоявшая из президента, вице-президента, советников, ассессоров, комиссаров и канцелярских служителей, ведала всей торговлей в России, торговое мореплавание, таможи, суд в купеческих тяжбах, городские привилегии и ярмарочные права, денежные дворы, переведенные в 1719 году из Москвы в Петербург, смотрела за ведением дел в магистратах и за полицией в городах, решала вексельные дела, давала облегчения от пошлин, надзирала над шлюзами, охраняла права торговых иноземцев, собирала сведения о ценах и пошлинах и о состоянии торговли за границей для применения к России.

Юстиц-коллегия ведала окончательно всеми судными, розыскными, земскими и поместными делами и всем судоустройством в государстве.

Воинская коллегия сообразовалась с изданным ранее воинским уставом. Судные дела, по которым будет следовать смертная казнь, отсылались корпусными генералами в воинскую коллегию, а коллегия должна представлять их на решение государю. В то время война со Швецией уже подходила к концу, поэтому воинская коллегия занялась вопросами о содержании и размещении армии в государстве в мирное время и об отношениях граждан и военных людей друг к другу. Окончание продолжительной войны давало возможность отпустить с действительной службы часть воинов: престарелых и раненых велено отсылать в монастыри для содержания из монастырских доходов; унтер-офицерам и рядовым, происходящим из шляхетства, дозволено по ранению и старости отправляться на родину и вступать по желанию в гарнизоны. В начале 1720 года была отпущена, за исключением Финляндского корпуса, до 1 марта 1721 года треть всех офицеров и рядовых, но так, чтобы из каждого полка было в отпуску драгун не более 50, а солдат – не более 40 человек. В начале 1721 года вводилась по России постоянная повинность, не исключая и Малороссии. Велено было расставить драгун и пехотные полки так, чтобы на определенное число жителей приходилось по солдату. Со стороны обывателей этим делом заведовали земские комиссары, выбираемые помещиками на один год; со всякой души помещики должны были давать на содержание солдат известные пропорции денег в два, три или в четыре срока в течение года, смотря по тому, как им будет удобнее. Определено вместо размещения солдат на квартирах у крестьян устроить слободы так, чтобы приходилось по избе на два человека солдат и на одного урядника. Каждого полка рота от роты должна была помещаться: драгун – в десятиверстном расстоянии, а солдат – в пятиверстном. В середине помещения роты предположено сделать офицерам двор с избами для жилья им и их людям. Каждый полк от полка должен был отстоять: пехотный – на 50 верст, а драгунский – на 100 верст. Для полкового штаба надлежало сделать двор с восемью избами и сараями для помещения телег и полковых ящиков. Но там, где дворяне не пожелали бы выстроить таких слобод, солдат следовало ставить у крестьян по дворам. В спорах между крестьянами и солдатами суд должен был производиться пополам: полковым комиссаром из офицеров и земским комиссаром из местных дворян. Земский комиссар обязан был собирать в своем уезде деньги на войско и отдавать полковому при всех офицерах. Приказано было сделать расписание: на сколько душ крестьян придется содержание рядового солдата, и затем более уже никаких податей и работ для войска не требовать, разве в случае неприятельского нападения или внутреннего междоусобия.

Адмиралтейская коллегия должна была установить единство и правильность в управлении военным флотом и всеми морскими делами. До тех пор высшим административным местом по этой части была «военная морских дел канцелярия», заменившая приказ адмиралтейских дел, находившийся прежде в Москве; но все распоряжения исходили главным образом от лица адмирала, которым был Федор Матвеевич Апраксин. Хозяйственной частью заведовал

морской комиссариат под управлением обер-кригскомиссара. В состав адмиралтейской коллегии входили: адмирал, вице-адмирал, обер-кригскомиссар и несколько шаутбенахтов. Под ее начальством были все прежние морские канцелярии и конторы, которых было тринадцать, сообразно разным видам морского управления. Для руководства этой коллегии в 1720 году был составлен морской устав с предисловием, излагавшим предыдущую историю морского дела в России. Текст устава заключал в себе устройство морской службы, корабельную полицию и морское судопроизводство. Уголовные морские законы отличались еще большей суровостью, чем воинский устав, служивший руководством для армии. Матросы за легкие проступки подвергались битью шпицрутенами и кошками, за более тяжкие преступления – кнуту, вырезанию ноздрей и ссылке в каторжную работу и смертной казни, которая могла постигать и состоящих в офицерских чинах. Кроме повешения и отрубления головы употреблялись колесование, четвертование, прожжение языка и сожжение.

Остатки дороги, проложенной Петром I в Повенецком уезде. С рисунка, сделанного с натуры В.Н. Майновым

Адмиралтейская коллегия вступила в полную свою деятельность не ранее 1722 года, когда составлен был адмиралтейский регламент, где были изложены правила об управлении флота, содержании портов и верфей, подробно указаны обязанности начальствующих лиц и матросов и способ морского делопроизводства.

Горное дело Петр соединил в одном ведомстве с мануфактурным, так как обе отрасли государственного хозяйства были им равно особенно любимы, и в обеих отраслях необходимо было распространение специальных знаний и искусства. Тем и другим заведовала берг-и мануфактур-коллегия. Всем дозволялось как на собственных, так и на чужих землях искать металлы, минералы, краски и камни. Кто пожелает устроить завод, должен явиться в С.-Петербурге в берг-коллегию, а в Москве и других городах к берг-офицерам, определенным от берг-коллегии. Когда после такого заявления офицеры, посланные от берг-коллегии, произведут разведку, тогда хозяин может просить о дозволении открыть завод и получить жалованную грамоту. На разработку руды полагалось место в 250 сажень длиной и 250 шириной. Помещик

без дозволения не мог строить заводов на собственной земле. Если же он не просил о разрешении самому устраивать завод, то должен был не препятствовать, когда другие в его землях будут искать руду и минералы и испросят дозволение строить заводы; в таком случае учредители обязаны платить владельцу земли одну треть прибыли, получаемой с каждого металла или минерала. Владелец завода обязан был продавать золото, серебро, медь и селитру в казну по ценам, установленным берг-коллегией, а железо, свинец, олово и другие металлы и минералы мог продавать свободно, кому хотел. Рабочие на заводах освобождались от солдатской и матросской службы и от всех денежных поборов, налагаемых повально на народонаселение. Кто, зная о существовании где-нибудь руды, утаивал ее перед казной, тот подвергался телесному наказанию и даже, смотря по важности вины, смертной казни.

Указ о порядке производства дел в иностранной коллегии мы застаем только в 1720 году от 13 февраля. В важных случаях президент и вице-президент должны были созывать на обсуждение дел всех или нескольких действительных тайных советников, из которых первенствующее значение имели советники Тайной канцелярии (Остерман и Степанов). Они должны были сочинять грамоты к иностранным государям, важнейшие рескрипты, резолюции и декларации, требующие великого секрета, а прочие, не такие важные, поручать составлять своим секретарям, которые значились по экспедициям: на российском, польском, турецком и других иностранных языках.

28 февраля 1720 года был составлен генеральный регламент о порядке занятий и движении дел во всех коллегиях. Заседания происходили в каждой коллегии по понедельникам, вторникам, средам и пятницам, а по четвергам президенты всех коллегий должны были съезжаться в сенатскую палату, где им положено было находиться пять часов. По особенно важным делам они обязаны были съезжаться, несмотря ни на дни, ни на часы. За неприбытие в должность член коллегии наказывался за каждый просроченный час вычетом из жалованья, следуемого ему за неделю. Царский указ должен исполняться немедленно, не далее как через неделю, исключая случаи, когда необходимыми окажутся справки с губерниями и провинциями, но и тут было рассчитано время и пространство: положено было считать по два дня на 100 верст и во всяком случае более шести недель не протягивать справки. Дела челобитчиков следовало вершить по реестру не более шести месяцев под опасением штрафа 30 рублей за день. Дела казенные разбирались прежде частных. Все дела решались большинством голосов, а когда голоса разделялись поровну, то голос президента давал перевес. Отсутствие члена, хотя бы самого президента, не останавливало дела. Коллегиям давалось вакационное время: среди лета на четыре недели, зимние Святки, начиная с праздника Рождества Христова до праздника Богоявления, первая и последняя недели Великого поста, неделя сырная и неделя пасхальная. Но все члены не могли отлучаться разом. В другое время, по мере надобности, президенты и вице-президенты получали отпуска более чем на восемь дней от государя, другие же служащие в коллегиях – от президента. Хозяином всего делопроизводства в коллегии был секретарь или начальник канцелярии, но при решении дел он голоса не имел. Нотариус вел протоколы, актуариус заведовал корреспонденцией, регистратор вел реестры входящих и исходящих дел, и при коллегии был еще особый переводчик. Канцелярские служители занимались письмоводством по указанию секретаря. У президента каждой коллегии были своя особая комната и свой особый секретарь, зависевший только от президента. Все коллегии находились под ведением сената, без его одобрения не могли печатать своих приговоров и указов, а если полагали, что сенат требовал исполнения чего-нибудь противного интересам царского величества, то должны были учинить письменное представление самому государю. В случае смерти или выбытия члена его место замещалось баллотировкой в сенате. Служащие в коллегиях за преступления, содеянные ими, судились в тех же коллегиях. Каждая коллегия имела свою собственную печать, а в коллегии иностранных дел хранилась государственная печать, которой печатались грамоты к иностранным государям и малороссийским гетманам. При каж-

дой коллегии устраивались две прихожих камеры для посетителей, но так, чтоб «люди знатного характера от подлых различены были». Прошение следовало подавать непременно в здании коллегии, а не на домах у президентов. Над каждой коллегией наблюдал особо назначенный фискал, сообщавший свои доносы генеральному фискалу.

Коллегии и канцелярии, учрежденные Петром на иностранный образец и даже с иностранными названиями, оказались до того дикими и чуждыми русскому народу, что он долго не мог понять хитрого и сложного их механизма. Челобитчики, нуждавшиеся в подаче просьб, становились в тупик – в какую коллегию или в какое место следовало подавать. Это побудило Петра 13 мая 1720 года определить «знатную особу», а с нею секретаря, для приема челобитных, которые после принятия надлежало рассылать по коллегиям и канцеляриям. Вообще коллегии были плодом того взгляда, что все чужое, европейское, лучше русского. Первый, навевший Петру мысль о коллегиях, был Лейбниц, который выражался, что хорошее управление государством, подобное божескому управлению вселенной, может существовать только при коллегиях, внутреннее строение которых напоминало бы устройство часов, где колеса взаимно приводят в движение одно другое. Петру глубоко запали в ум наставления немецкого мудреца, и через многие годы после бесед с ним Петр устроил коллегии приблизительно в тех основных формах, которые наметил Лейбниц. Но вскоре оказалось, что не все удастся сразу на практике, что кажется хорошим в предположениях.

Учредив коллегии, государь скоро стал выражать недовольство на старинную медлительность в делах. Иногда предписание высшего начальства оставалось и без исполнения, и без ответа. Царь повелел немедленно отвечать на другой день после получения бумаги, и только в важных делах давался недельный срок для ответа. За неисполнение указа царь угрожал разорением, ссылкой и даже лишением живота. Несмотря на такую угрозу, Петру беспрестанно приходилось слышать жалобы на неисполнение предписаний. Так, например, тотчас же по своем открытии, камер-коллегия и штатс-контора жаловались, что после неоднократных требований из губерний не присылаются к ним ведомости окладных и неокладных податей о приходах и расходах. По этому поводу за понуждением посланы были нарочные. За неисполнение требований коллегии губернаторы обязаны были виновных сковать по ногам, а на шею им положить цепи и до тех пор их не освобождать, пока они не исполнят своей обязанности.

В 1720 году камер-коллегия и штатс-контора опять жаловались на неприсылку тех же ведомостей и сообщали, что в тех местах, откуда они были присланы, их составляли неверно. Опять посланы были нарочные с понуждением, их не слушали. Местные власти между собой не ладили, камериры жаловались на воевод, что они чинят им всякие препятствия, мешают отправлению их обязанностей и не отвечают на их требования. Юстиц-коллегия замечала, что в подведомственных ей местах в Поместном приказе и расправной палате медленно ведутся дела и есть упущения. На такие заявления трех коллегий Петр 23 сентября пригрозил губернским и провинциальным властям жестоким наказанием за неисправность. Но такие угрозы были явлением чересчур обычным, чтобы иметь большое влияние. От губернаторов и воевод «не только слабое отправление идет, но и весьма многое ослушание чинится и якобы ни во что оно вменяя тщатся только восстановить надлежащий в коллегиях порядок, а фискалы о том не доносят... один суд другой суд ни во что вменяет и не только исполнять, но с яростью поносить хочет», – такую картину современного порядка изображал государь в своем указе. Все делалось как будто в насмешку над изданным недавно генеральным регламентом, по которому все правительственные и судебные места должны были оказывать друг другу взаимное вспоможение. В самом составе коллегии происходили раздоры. Членам юстиц-коллегии Петр должен был замечать, чтобы они не считались местами и не ссорились из-за мест, и припомнил им, что старые разряды давно уже навеки оставлены и до конца искоренены. При злоупотреблениях тогдашних русских судебных и административных мест, при неразвитости народа царская воля толковалась чрезвычайно произвольно. Чтобы положить пределы беззакониям, в

начале 1720 года царь указал вперед посылать не письменные, как прежде бывало, а печатные указы и прочитывать их народу в церквях.

29 мая 1719 года был издан важный сенатский указ об устройстве губерний. Теперь все губернии разделялись на провинции, провинции имели уезды. В С.-Петербургской губернии было 12 провинций: С.-Петербургская, Выборгская, Нарвская, Ревельская (которую предположено обратить в губернию), Великолукская, Новгородская, Псковская, Тверская, Ярославская, Углицкая и Белоозерская. Московская губерния имела 9 провинций: Московскую, Переяславльско-Рязанскую, Костромскую, Суздальскую, Юрьевопольскую, Владимирскую, Переяславль-Залесскую, Тульскую и Калужскую. Киевская губерния разделялась на 4 провинции: Белогородскую, Севскую, Орловскую и Киевскую. Азовская – на 5, а именно: Воронежскую, Елецкую, Тамбовскую, Шацкую и Бахмутскую. Рижская – на 2 провинции: Рижскую и Смоленскую. В Архангелогородской было 5 провинций: Двинская, Вологодская, Тотемская, Устюжская и Галицкая. В Сибирской – 3 провинции: Вятская, Соликамская и сибирские города; всего их было 19, начиная от Тобольска и кончая Якутском. Казанская – 4 провинции: Казанская, Свияжская, Пензенская и Уфимская. Нижегородская заключала в себе 3 провинции: Нижегородскую, Самарскую и Алатырскую. Астраханская не значится разделенной на провинции; к ней относились все города по нижней Волге, от Симбирска до Астрахани.

Для отправления из коллегий указов и для получения донесений из губерний и провинций с конца апреля 1719 года устроены были почты от С.-Петербурга до всех значительных городов, где были губернаторы или провинциальные воеводы. Дозволено было на этих почтах ездить по собственной надобности и выдавать подорожные, но за двойные прогоны. За письма по весу положено было брать 1½ деньги за золотник. Купеческие письма на эти почты не принимались, потому что для торговых дел существовала почта от иностранной коллегии. В феврале 1721 года правила о подорожных были распространены и на Малороссию. Почтовому порядку долго мешало то, что офицеры и курьеры, ездившие по казенным делам, причиняли ямщикам насилия, и от этого ямщики, поселенные еще в 1714 году на пути от Петербурга до Волхова, в 1720 году все почти разбежались.

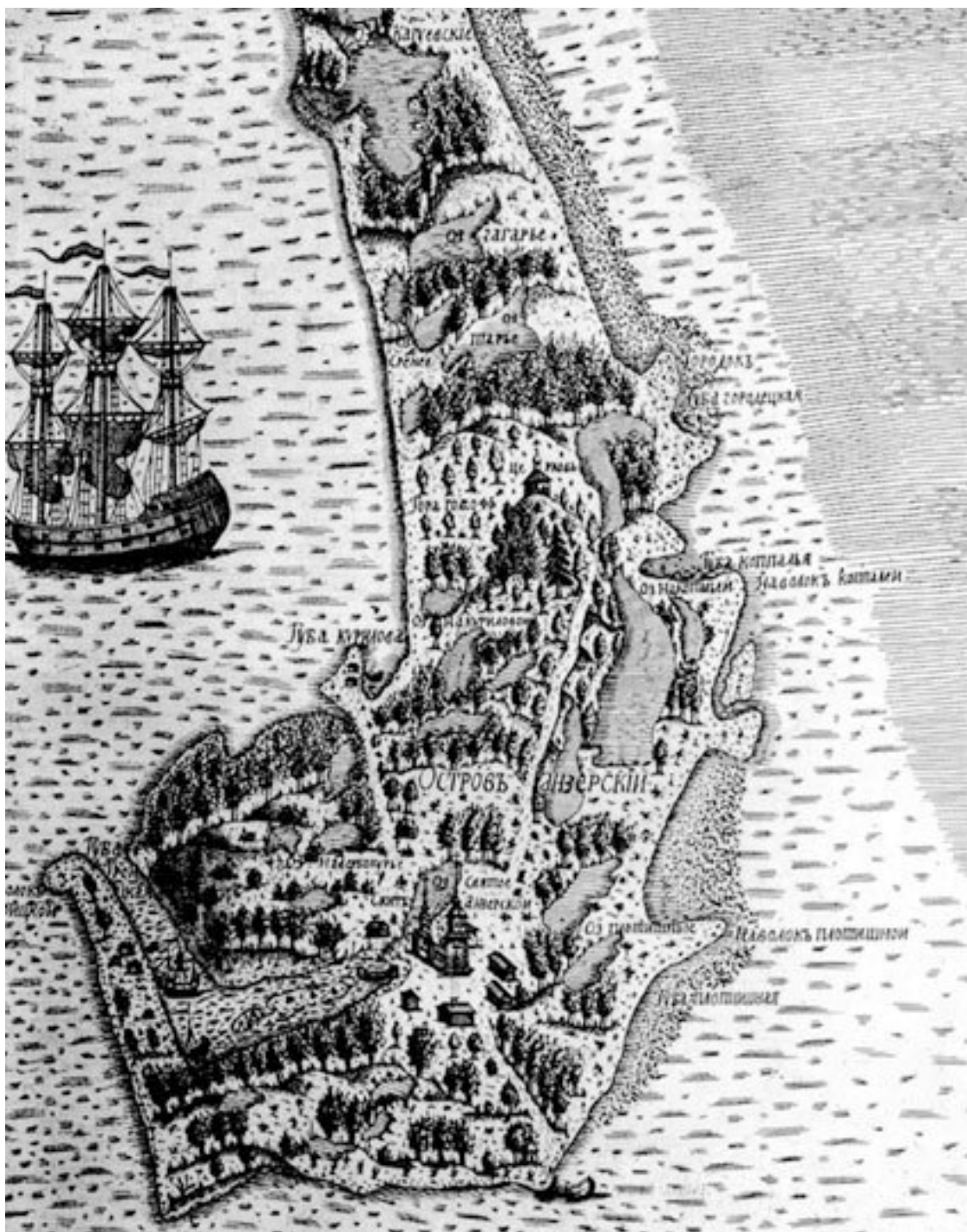

Реконская пустынь

Давно уже у Петра была мысль преобразовать русские города и поставить их в новом виде, по европейскому образу. Эта мысль нашла себе осуществление 16 января 1721 года в

издании регламента главного магистрата. Еще в 1720 году предприняты были предварительные работы под начальством князя Трубецкого. Все русские города приводились в зависимость от центрального места, называемого главным магистратом, где председательствовал обер-президент с членами. Главный магистрат обязан был учредить во всех русских городах магистраты, снабдить их добрыми уставами, доброй полицией и управлять ими. Города разделялись на 5 разрядов: 1-го разряда – главнейшие, в которых было от 2 до 3 тысяч дворов; к таким принадлежали между прочими: Москва, Петербург, Новгород, Рига, Ревель, Архангельск, Ярославль, Вологда, Нижний Новгород, Казань и Астрахань; 2-го разряда – города как внутренние, так и приморские, имевшие от 1 до 1½ тысяч дворов; 3-го разряда – внутренние и приморские, имевшие дворов от 500 до 1000; 4-го – от 250 до 500 дворов; 5-го – маленькие городки и слободы. Велено было губернаторам и подначальным им лицам доставлять подробные ведомости о состоянии городов с чертежами, по которым можно было понять их местоположение. Город, по понятию законодателя, состоял собственно из торговых людей и ремесленников; это были настоящие граждане, для которых существовал магистрат. Они разделялись на 2 гильдии. К 1-й гильдии принадлежали: банкиры и знатные купцы, доктора, аптекари, шкиперы купеческих кораблей, мастера золотых и серебряных дел, живописцы, иконники и другие, производящие свое искусство в большом размере. Ко 2-й гильдии принадлежали торговавшие мелкими и харчевыми припасами и менее значительные ремесленники. Каждое ремесло или художество должно было иметь свой цех, под начальством ольдерменов, которые вели книги, где записывались права и правила цехов. Так называемые подлые люди, проживавшие наймами и черными работами, не причислялись к гильдиям; не принадлежали к последним и не зависели от магистрата все жительствовавшие в городе люди шляхетного достоинства и духовного сана, не торговавшие и не занимавшиеся ремеслом. Указано было собрать в городах гостей, гостинной сотни людей, гостинных детей и вообще первостатейных, зажиточных и умных граждан, из них составить магистрат, а в магистрате выбрать президента, в других же менее важных городах – бургомистра. Выбор президентов, а в других городах бургомистров совершался так: главный магистрат посылал указ о выборах. Губернатор, получив этот указ, собирал граждан для производства выбора. Выбор исполнялся по большинству голосов. Губернатор посылал выборы вместе с 3 или 4 искусными людьми в С.-Петербург, в главный магистрат, для уразумения инструкции. Когда главный магистрат находил выбранных достойными, то посылал о них указы и по тем указам созывались уже все граждане: им объявлялось, чтобы они были послушны выбранным властям. Затем произносилась присяга выборными членами. В городах первой статьи были президент и с ним 4 бургомистра, в городах 2-го разряда – президент с 3 бургомистрами, в городах 3-го и 4-го разрядов – по 2 бургомистра, а в прочих, то есть маленьких, – по одному бургомистру. Ко всякому бургомистру придавалось ратманов в больших городах по 2 человека, а в средних и меньших – неопределенное число по рассмотрению. В случае преступления, обеднения или кончины одного из членов магистрата на его место выбирался другой тем же способом. Могли быть избираемы в члены магистрата и иностранные купцы, но записавшись в гражданство того города, где их выбирали. Члены магистрата освобождались от всяких других гражданских служб. Главный магистрат был судебным местом на всю Россию для купцов и ремесленных людей по всяким уголовным делам. По его распоряжению в городах, где было по несколько бургомистров, один из них занимался розысками по уголовным делам и имел право подписывать решения по всем делам, кроме государственных, но когда следовала смертная казнь, то исполнение приговора задерживалось до подтверждения главным магистратом. На бургомистров в малых городах апелляции подавались в магистраты с президентами, находившиеся в тех городах, где помещалось провинциальное начальство. Недовольные этим судом могли жаловаться в высший магистратский суд. В случае тяжбы гражданина с негражданином дело производилось в надворном суде, но сообщая с президентом магистрата, а когда же происходило разногласие между надворным судом и президентом, то решал дело

главный магистрат. Обязанностью главного магистрата было стараться, чтобы новоучрежденные магистраты везде были содержаны «и в такую знатность и почтение приведены, как в иных государствах обыкновенно есть». Главный магистрат по образцу чужих государств должен был по своему усмотрению заводить большие и малые ярмарки, в приморских знатных купеческих городах устраивать биржи, где бы купечество сходилось для своих торговых дел, постановлений и векселей, при бирже учреждать присяжных маклеров, записки которых имели бы силу судебных протоколов, выбирать в городах квартирмейстеров для размещения военного поста. Велено было устроить цухтгаузы (смирительные дома) для исправления непослушных родителям детей, расточителей своих имений, лентяев, нищих, гуляк, для исправления же женщин дурного поведения – шпингаузы или прядильные дома, для призрения увечных, престарелых и сирых – госпитали, а для научения чтению, письму и арифметике – школы. В каждом большом и среднем городе повелено строить ратушу, помещавшуюся в каменном доме на площади, в два жилья, верхнее назначалось для магистрата, а нижнее отдавалось под лавки. Кроме членов магистрата в нем должны быть секретарь и некоторое число приказных. Каждый год все магистраты обязаны были посылать в главный магистрат генеральные рапорты по установленной форме о состоянии своего города. Магистраты не были подчинены губернаторам и воеводам в делах городского суда и экономии, и в случае несогласия магистрата с гражданами судил главный магистрат. В преобразовании городов видно то же стремление Петра переделать Россию по наружному виду на иностранный лад. Законодатель сознавал, что купеческие и ремесленные люди в России «от всяких обид, нападков и отягощений несносны, едва они не разорены, отчего оных весьма умалилось, что есть не без важного государственного вреда». Он думал для процветания в России промыслов и торговли сделать русский город подобием немецкого, пересадив в него некоторые немецкие признаки устройства с чуждыми русскому уху названиями, которые неудобно складывались в русской речи. Впрочем, царь сознавал, что невозможно все сделать сразу, и потому предоставил главному магистрату подавать в коллегии свои предложения о переменах уставов, касающихся торговли и мануфактуры. Обер-президент главного магистрата присутствовал в коллежских совещаниях по этим предметам и мог делать предложения камер-коллегии, заведовавшей поборами и налогами, если находил какие-нибудь меры обременительными для граждан.

Фрагмент плана Соловецких островов. 1800 г.

Через несколько дней после издания магистратского регламента, 25 января того же года, явилось другое, еще более важное преобразовательное законоположение – регламент духовной коллегии. После основания коллегий, занимавшихся различными отраслями общественного строя, оставалось только ввести коллегиальный порядок и в церкви. В предисловии к духовному регламенту выражена мысль о логическом переходе идеи коллегиальности от мирской области в церковную. «Хотя, – говорится в нем, – власть монархов самодержавна, но ради лучшего взыскания истины и чтоб не клеветали непокорные люди, что монарх имеет своих советников, тем более это необходимо в церковном правлении, где правительство не монаршеское есть и правителем заповедуется да не господствуют клиру». Коллегиальный порядок призна-

вался самым удобным и пристойным для церкви, и потому-то учреждалась для всех церковных дел духовная коллегия. Под духовными делами разумелись два рода дел: одни касались вообще всех принадлежащих к церкви лиц, как духовного, так и мирского чина, от мала до велика; ко второму разряду причислялись собственно дела, касавшиеся лиц духовного звания. Сообразно духу Петра духовный регламент начинается с преследования того, что по невежеству боготворила старина, не допуская никакой здоровой критики. В благочестивой письменности русского народа накопилось уже чересчур много историй и житий святых, из которых многие явно были вымышленными; о них сделал замечание регламент, указав для примера только на подложность одного жития, именно жития Евфросина Псковского с его сугубой аллилуйей, послужившей старообрядству одним из нагляднейших пунктов отпадения от церкви. Разом с житиями, регламент зацепил акафисты и разные молитвословия, распространявшиеся из Малороссии. Регламент причислял к ним и те, которые, не заключая ничего противного церковной истине, все-таки могли быть необязательны для всех и не должны были читаться в церкви, «дабы по времени не вошли в закон и совести человеческой не отягощали». Предполагалось искоренять разные суеверия, вошедшие в народ, например: не делать дела по пятницам, чтоб пятница не разгневалась; поститься 12 пятниц, надеясь от этого на разные духовные и телесные приобретения; признавать богослужение некоторых дней в году святее прочих, например обедню Благовещения, утреню Пасхи и вечерню Пятидесятницы; верования, что будто погребенный в Киево-Печерской обители будет спасен, хотя бы умер без покаяния. Вера в чудотворные иконы вела к тому, что архиереи, желая оказать помощь убогим церквам, повелевали подыскивать явленные иконы в пустынях или при источниках, возводили их в чудотворные, и таким образом распространялись в народе суеверия, выгодные для духовенства. Регламент вооружился против этих злоупотреблений, как и против некоторых народных обрядов, которым потакали духовные особы вопреки правилам церкви. Например, дошел до составителей регламента слух, что в Малороссии водили с распущенными волосами женщину, называя ее пятницей, а духовенство позволяло такие церемонии в церковном ходе и раздачу этой пятнице даров от народа перед церковью. В другом же месте попы, потакая народным суевериям, молебствовали перед дубом и раздавали на благословение присутствующим ветви от дуба. Замечалось в совершении церковного богослужения уклонение от благочиния: например, отправлялись разом в одно время два и три молебна различными певцами и чтецами. Все это были замечания такого же рода, которые делались еще при царе Иване, перед написанием Стоглава, но затем следовали указания, свойственные времени большего образования: «Бесконечная нужда иметь некоторые краткие и простым человекам вразумительные и ясные книжицы, в которых заключится все, что к народному наставлению довольно есть, и тыя книжицы прочитывать по частям в недельные и праздничные дни в церкви пред народом». Законодатели сознавали, что таких благочестивых книг существует довольно, но они написаны или переведены с греческого на славянский не просторечно «и с трудностью разумеются от человек и обученных, а простым невежам отнюдь непостижаемо». Предположено было сочинить три небольших книжицы: первая о догматах веры и божьих заповедях, вторая – о собственных каждого чина должностях, обе эти книжицы должны доводы свои почерпнуть из самого Священного Писания кратко и всем понятно, третья книжица должна была заключать в себе собранные от разных святых учителей нравоучительные проповеди. Все три книжицы, которые удобно будет переплести в одну, должны быть читаны в церквах в течение трех месяцев раз, так что народ будет иметь возможность услышать их четыре раза в год. Архиереи поставлялись по указанию царя из двух представленных на его утверждение выбранных лиц. На случай болезни или своего временного удаления из епархии епископ должен был заранее иметь в виду для заступления своего места надежного архимандрита или игумена. Для наблюдения за своей епархией епископ должен был установить законщиков, иначе благочинных, то есть духовных фискалов, которые бы доводили до его сведения обо всем, что будет требовать исправления. В своем доме или в другом, по сво-

ему усмотрению, епископ должен содержать школу для первоначального обучения священнических детей. Здесь он будет в состоянии видеть, кто по способностям может со временем быть произведен в священники и кто должен быть заранее отпущен из школы с лишением надежды на получение священства когда бы то ни было. На содержание такой школы постановлено брать от знатнейших монастырей и церковных земель известную долю хлеба. Епископ не должен держать у себя лишней прислуги, строить для своей прихоти лишние здания, заказывать лишнее облачение и домашнее платье ради роскоши. У архиерея при трапезе должны читаться церковные законоположения. Хотя у него в руках дело великое, но в Священном Писании не определено ему никакой чести, и регламент не позволял ради почета водить его под руки и кланяться ему в ноги. Не должен он злоупотреблять своим правом отлучения от церкви, но ему следует употреблять прежде легкие меры наставления для приведения грешников в покаяние, а потом уже, когда такие средства не будут действовать, отлучать их временно от святого причащения; предавать анафеме можно было только явно нераскаивающихся грешников либо таких, которые станут открыто хулить имя Божие, Священное Писание или церковь, но и то приступать к анафеме не иначе, как с разрешения духовной коллегии. Сама анафема могла налагаться только на одно согрешившее лицо, а не распространяться на его семейных без их сознательного участия в вине. Епископ должен был объезжать свою епархию всего удобнее в летнее время, но, приезжая в убогие места жительства, он, чтобы не затруднить священнослужителей и обывателей, мог устраивать себе временное пребывание на поле. По приезде в город или село епископ должен служить литургию и соборное молебствие, а потом говорить слово, обращенное к духовенству и народу. Затем епископ должен был наводить справки об образе жизни и поведении духовенства и творить надлежащую по этому поводу управу; не покончив всей управы в месте, куда приехал, он не должен был ни сам звать к себе гостей, ни идти к кому-нибудь по приглашению в гости. Между прочим, епископу вменялось в обязанность особенно наводить справки: нет ли каких суеверий, не шатаются ли беспутно монахи, не являются ли кликуши, не расходится ли весть о ложных чудесах, мощах, иконах, колодцах и т. п. Епископские служители не должны домогаться от монахов и священников кушанья, питья и лишнего конского корма, «ибо слуги архиерейские, – гласит регламент, – обычно бывают лакомые и, где видят власть святого владыки, там с великою гордостью и бесстыдием, как татары, на похищение устремляются». На суд епископский предоставлялось подавать апелляцию в духовную коллегию.

Кувшин. Начало XVIII в. Зеленое стекло

По предмету учения и заведения школ регламент распространяется сначала о вреде от невежества, потом о вреде от лжеучения, наконец вменяет в обязанность духовному начальству допускать в звание учителей не иначе, как по экзамену, и выбирать хорошие руководства к преподаванию по всяким предметам. При школах надлежало быть открытой во все дни и часы библиотеке, какую полагалось возможным в то время купить за две тысячи рублей. Предполагалось завести академии и при них семинариумы: последними назывались собственно помещения для жилья учеников. Преподавались: 1) грамматика, разом с географией и историей; 2) арифметика и геометрия; 3) логика; 4) риторика и стихотворное учение; 5) физика с краткой метафизикой; 6) политика Пуффендорфова; 7) богословие. Всего полагалось восемь лет учения, и два года из них отделялись на богословие. Языки греческий и еврейский следовало преподавать в таком только случае, если найдутся учителя и свободное для преподавания время. Начальствовать над академией должны были ректор и префекты. В их заведовании находились низшие школы, которые они обязаны были посещать в неделю по два раза. Все протопопы и богатейшие священники должны были присылать детей в академию. Для заведения академий следовало выбирать места не в центре города, а в стороне. Семинариум предполагалось устроить наподобие монастыря, где бы жилье, одяние и содержание давалось известному числу воспитанников – от 50 до 70 и более. Принимать в семинариум можно было детей от 10- до 15-летнего возраста и помещать по восьми и по девяти особ в одном покое под присмотром префекта или надсмотрщика, имевшего право наказывать малых розгами, а средних и больших – выговором. Ректор мог всякого наказывать по своему рассуждению, но удалять вовсе из заведения – только с ведома духовной коллегии. Семинаристы в течение дня должны были все

делать по звонку, «как солдаты по барабанному бою». По поступлении в семинариум первые три года ученикам позволялось ходить в гости к родителям или родным не более как на 7 дней и под наблюдением инспектора, который должен быть при семинаристе везде. Родственников и гостей, посещающих семинариумы, можно было принимать с ведома ректора в трапезе или в саду, а в присутствии ректора дозволялось угощать гостей кушаньем и питьем. Каждый день давалось семинаристам два часа на прогулки и развлечения, однажды или дважды в месяц они отправлялись на острова, поля и вообще в веселые места. В трапезе происходило чтение из военной и церковной истории, а в начале каждого месяца в продолжение двух-трех дней читались повествования о мужах, прославившихся наукой, о церковных великих учителях, о древних и новейших философах, астрономах, риториках, историках и пр. В большие праздники в трапезе при столе допускалась музыка, а по два раза в год или более можно было устраивать «некие акции, диспуты, комедии и риторские экзерциции». Убогим семинаристам предоставлялись пропитание и одежда от щедрот царского величества, а дети богатых отцов должны были платить за свое содержание по установленной один раз цене. Но предполагалось за пределами семинариума построить еще жилья и отдавать внаем студентам.

Проповедником мог быть только учившийся в академии и подвергнутый освидетельствованию духовной коллегии. Проповедник должен убеждать своих слушателей доводами из Священного Писания: твердить им о покаянии и исправлении житья, наипаче о почитании высочайшей власти. Говоря о грехах, он не должен был делать намеков на лица, и если бы о ком-нибудь пронесся недобрый слух, проповедник не должен был в присутствии такого лица говорить слова о таком грехе, в каком это лицо обвиняли. Регламент замечает, что проповедник не должен, как некоторые делают, поднимать брови, двигать плечами, «отчего можно познать, что они сами себе удивляются», покачиваться на сторону, руками вскидывать, в бока упираться, подскакивать, смеяться и рыдать, не должен в своих проповедях порицать мир в таком смысле, что мирской человек спастись не может, как некоторые монахи наговаривают: оставить жену, детей, родителей и ненавидеть их, понеже рече заповедь: не любите мира, ни яже суть в мире.

Всякий христианин обязан слушать от своих пастырей православное учение и хотя бы единожды в год причащаться Святых Тайн. Удаление от причащения обличает принадлежность к расколу: «несть лучшего знаменья, почему познать раскольщика». И потому приходские священники каждогодно должны доносить епископам о тех, кто у них в приходе не причащался год, два или никогда. Епископы должны разыскивать о потворщиках расколу, сообщать о них в духовную коллегию, которая будет налагать анафему на виновных. Никого из раскольников не следует допускать к должностям, не только к духовным, но и гражданским. Если на кого-нибудь будет подозрение в склонности к расколу, тот обязан дать присягу с подпиской в непринадлежности к расколу. Духовной коллегии, названной Святейшим Синодом, вверены были надзор и суд над раскольниками, но в то же время государь счел нужным предохранять раскольников от таких притеснений, которые, естественно, могли возникнуть при расширении фанатизма духовных. Осенью 1721 года Синод жаловался, что лицам, посылаемым от духовенства для поимки раскольничьих учителей, не оказывается беспрекословного послушания, требуют у них указов от светского начальства. Государь дал такое решение: духовные не должны затевать никакой напраслины, и потому духовный приставник, задержав по обвинению в расколе какое-нибудь лицо, должен приводить его к светскому начальству; последнее может снова отдать его духовному приставнику, но в то же время написать о нем в Синод или сенат, и дело окончательно решится уже в Синоде при двух членах сената.

По духовному регламенту воспрещалось кому бы то ни было, кроме царской фамилии, устраивать церкви и держать крестовых попов. «Все господа могли ходить в приходские церкви, и нечего им стыдиться считать своею братиею таких же христиан, как они сами, хотя бы то были и их подданные». Запрещалось понуждать священников идти в дома для крещения младенцев, исключая сильной болезни младенцев или какой-нибудь крайней нужды их роди-

телей. Венчание должно происходить в том приходе, где жительствоует либо жених, либо невеста, а не в чужом и особенно не в чужой епархии. В случае какого-нибудь сомнения насчет правильности предполагаемого брака священники должны испрашивать разрешение у епископа. Ставимый в приходские священники должен представлять одобрительное свидетельство от прихожан или от владельцев вотчины, а последние должны при этом обозначать, какая дается священнику руга или земля; священник же перед своим поставлением в сан дает подписку, что будет доволен той ругой или землей и не отойдет до своей смерти от церкви, куда посвящается. Отлученного священника никому не следует принимать в духовники и считать его в священном чине.

Духовная коллегия должна была состоять из правительствующих лиц, числом не менее двенадцати, из которых трое должны носить архиерейский сан, а прочие могут быть архимандриты, игумены и протопопы, но с тем, чтобы не были подручны никому из архиереев, находящихся в том же собрании. Духовная коллегия предварительно цензуровала представляемые к печати богословские сочинения, производила дознание о явлении нетленных мощей, о разных слухах, видениях и чудесах, творила суд над изобретателями раскола или новых учений, разрешала недоумения, вопросы совести, рассматривала дела о неправильном завладении церковными имуществами, о насилиях, творимых сильными мирскими господами духовенству, и разом с юстиц-коллегией разрешала сомнительные пункты относительно завещаний.

Отвращение царя Петра к нищенству высказалось и в духовном регламенте. Духовная коллегия должна была сочинить наставление о том, как подавать милостыню. «Многие бездельники, – говорится в регламенте, – при совершенном здравии, за леностью, пускаются на прошение милостыни и по миру ходят бесстыдно, иные с притворным стенанием перед народом поют и простых невежд еще вящше обезумливают, приемля за то вознаграждение себе... по дорогам, где угодно видят, разбивают, зажигатели суть, на шпионство от бунтовщиков и изменников подряжаются, клеветают на властей высоких и самую власть верховную обносят... и что еще меру превосходят бессовестие и бесчеловечье оных, младенцам своим очи ослепляют, руки скорчивают и иные члены развращают, чтоб были прямые нищие и милосердия достойны...» Духовной коллегии вменялось изыскать способы отвратить духовенство от алчности и бесстыдного нахальства, с каким оно обирало прихожан за разные требы и молитвословия. Надлежало устроить так, чтобы священники, имея довольные средства, не вымогали ничего за венчание, крещение, погребение и прочее, хотя не возбранялось священникам, как вообще всяким другим, принимать добровольное подаяние. Духовные судились в Синоде, а если духовное лицо совершало уголовное преступление, то его сперва лишали сана и потом уже предавали мирскому суду; в делах же гражданских духовные ведались в коллегиях наравне со всякими другими российскими подданными. Указом 14 февраля 1721 года Монастырский приказ уничтожался, и все патриаршие и архиерейские имения повелено ведать Синоду.

Медицинская часть в России была издавна оставлена совершенно без внимания. При Петре полагался зачаток некоторого правильного устройства ее. К этому побуждали царя моровые поветрия, которые, как известно, с древних времен опустошали русские края и посещали их при Петре. В 1718 году показалась моровая язва в Старооскольской и Белгородской провинциях, Петр указом 24 октября этого года велел отправить туда сведущих и надежных врачей для задержания едущих с тех сторон, где была моровая язва. В 1720 году последовал указ о повсеместном введении таких охранительных мер. Губернатор, получив известие о моровом поветрии, тотчас должен был устроить в пристойных местах заставы, где бы поддерживались постоянно огни, всех едущих из зараженных мест расспрашивать и по надобности задерживать на шесть недель, не позволяя ни с кем сообщаться. Письма, шедшие через такую заставу, переписывались в двух списках: оригинал оставался на заставе, а копия отправлялась по назначению. Если зараза прорывалась куда-нибудь, зараженное место запиралось и укреплялось караулами, которые не выпускали никого из жилого места и не пускали внутрь его. Дома, где были

больные заразной болезнью, сжигались, а обитатели выводились с домашним скотом и рухлядью. Для большей острастки жителям, велено ставить виселицы, назначенные для тех, которые бы стали тайком прокрадываться мимо заставы.

14 августа 1721 года было учреждено центральное место, управлявшее всей медицинской частью: то была медицинская контора, отданная под управление доктора Блюментроста; ей были подведены все врачи и аптекари с их аптеками во всей России. Но дело медицинское не могло удачно идти при Петре, когда до него не было в России ни одного учебного заведения для приготовления врачей, все врачи в этой стране издавна были только иностранцы и не всегда искусные, так как оценивать их было некому в России. Царь, во всех своих преобразованиях показывавший желание, чтоб у него в государстве было то, что он видел за границей, побывав несколько раз на минеральных водах в Германии, хотел, чтобы и в России были минеральные воды. Нашлись такие воды – олонецкие. Петр оказал к ним большое доверие, но русская публика, от своих предков усвоившая недоверие к медицинским средствам, не относилась к этим водам так, как царь, и тогда Петр издал грозный указ, запрещающий порочить воды.

Перестраивались государственное управление и суды; Петр видел необходимость составить новое Уложение законов. В его царствование так много было введено нового, что действовавшее еще Уложение Алексея Михайловича не охватывало всех сторон народной жизни и не давало ответов на возникавшие юридические вопросы. Петр, почти нигде не бывший самостоятельным творцом, но везде переносивший чужое на русскую почву, и в этом важном деле остался верен себе. Он принял за образец для составления нового русского Уложения готовое шведское и указом 8 августа 1720 года приказал учредить комиссию, в которой главным образом заправляли делами иноземцы, сидевшие в коллегиях: Нирод, фон Бревер и Вольф¹⁹³. Кроме шведского уложения они должны были руководствоваться правами лифляндскими и эстляндскими. Это предначертание осталось не приведенным в исполнение, как и многое в числе планов и намерений государя.

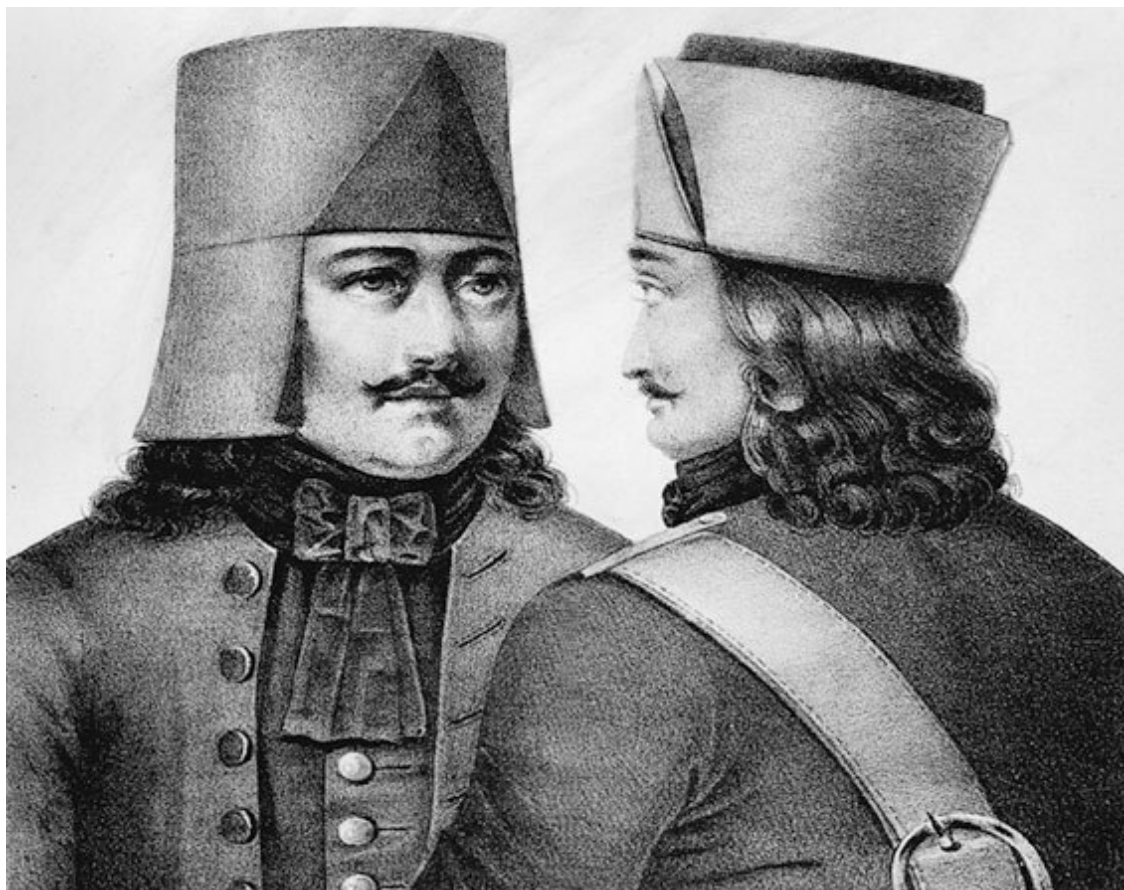
---

¹⁹³ К ним приданы русские судьи Клокачев и Короваев, обер-комиссар Зыбин, советник ревизион-коллегии Наумов, ландрихтер петербургской губернской канцелярии Мануков и еще несколько секретарей, подьячих и переводчиков.

V. Политические события от Прутского до Ништадтского мира

По окончании военных действий против турок театр Северной войны некоторое время сосредоточивался в Померании и Финляндии. Русский царь действовал со своими первоначальными союзниками, датским и польским королями, а король прусский колебался между двумя враждебными сторонами, впрочем, стараясь показывать наиболее дружеское расположение к царю. Шведское войско в Померании и вообще на южном побережье Балтийского моря состояло под главной командой генерала Штейнбока. Сам царь лично предводительствовал против него своим войском, 12 февраля 1713 года напал на шведов при Фредерикштадте, нанес им поражение и взял этот город. Штейнбок двинулся в Голштинию, которая находилась тогда во владении несовершеннолетнего Карла Фридриха, сына герцога, убитого в Клисовской битве в 1702 году. Этот молодой герцог состоял под опекой своего дяди, любекского епископа, который носил титул администратора Голштинского герцогства. Штейнбок заключил с этим администратором договор, которым администратор давал право шведскому войску укрыться в замке Тонингене, а Штейнбок от имени своего короля обязывался вознаградить герцога за всякие потери, которые причинил бы Голштинии датский король, когда бы последний открыл военные действия.

После отхода Штейнбока к Тонингену Петр поручил вести войну датскому королю, дав ему в помощь русский отряд под командой Меншикова, а сам намеревался воевать против шведов в Финляндии. Возвращаясь в Россию, Петр захватил сначала ганноверского курфюрсту, а потом к молодому прусскому королю, только что вступившему на престол после смерти своего отца. Петру не удалось втянуть в Северную войну прусского короля: последний следовал политике своего родителя, уверял Петра в дружбе к нему, но не хотел явно становиться во вражду со Швецией и наблюдал, чтобы обстоятельства доставили ему случай извлечь пользу из этой войны без больших усилий с его стороны. Вернувшись в Петербург, царь летом 1713 года с 12 000 войска поплыл к берегам Финляндии, пристал к Гельсингфорсу, прогнал оттуда шведского генерала Любекера и поручил вместо себя вице-адмиралу Апраксину продолжать войну в Финляндии. В конце августа русские овладели столицей Финляндии Або, покинутой и шведским войском, и жителями, а в октябре того же года Апраксин и генерал Голицын разбили шведского генерала Армфельда близ Тамерфорса, и почти вся Финляндия до самой Каянии очутилась в руках русских.

Пехотинец и кавалерист в 1700–1720 гг.

Между тем князь Меншиков, оставленный Петром на южном побережье Балтийского моря с русским войском в помощь датскому королю, сошелся с голштинским министром Герцем, которому суждено было играть важную роль в дипломатии по вопросу об окончании Северной войны. Герц представил Меншикову проект о тесном союзе голштейн-готторпского дома с Россией. Этот союз, по его предположению, должен был утвердиться браком молодого герцога с царевной Анной, дочерью царя Петра. Вместе с тем Герц подал план склонить шведских комендантов, начальствовавших над городами Померании, отдать их в секвестр прусскому королю и голштинскому администратору. Последний план понравился Петру, потому что давал ему надежду втянуть прусского короля в войну против Швеции, чего уже давно хотелось русскому царю. Штейнбок сдался союзникам военнопленным в Тонингене, а Меншиков взял контрибуции с Гамбурга и Любека за то, что эти города не прерывали во время войны сношений со шведами; потом принялся осаждать Штетин, где шведским комендантом был генерал Мейерфельд. Прусский король был готов охотно овладеть Штетинском под видом отдачи ему этого города в секвестр по мысли, брошенной Герцем, но явно помогать Меншикову своей артиллерией он не решался. 19 сентября 1713 года Мейерфельд сдал Штетин, а Меншиков передал этот город вместе с другими доставшимися городами в секвестр прусскому королю и голштинскому администратору, как условлено было с Герцем. Датский король был очень недоволен этим в основном за то, что взятые у шведов города отдавались под секвестр не одному прусскому королю, а еще и голштинскому администратору; датский же король считал голштинский двор, по его родственной близости с шведским королем, на шведской стороне. Но если русский царь рассчитывал на отдачу в секвестр померанских городов Пруссии с целью втянуть Пруссию в войну против шведов, то явные и тайные враги России рассчитывали на то же обстоятельство, чтоб искусить прусского короля возможностью, помимо России, приоб-

рести Померанию себе в вечное владение и надеялись вооружить его против Петра. Франция прямо подушала прусского короля против русского царя; Англия собственно имела в виду то же, но действовала по наружности миролюбивее, предлагая посредничество для прекращения Северной войны. Герц между тем через посредство другого голштинского министра, Бассевича, старался расположить царя Петра к своим видам и предлагал кроме брака молодого герцога с царской дочерью еще доставить этому герцогу шведскую корону после смерти Карла XII, а чтобы расположить царя к этой мысли, соглашался на важные уступки России от Швеции. Ближайшая цель Герца была поскорее рассорить Петра с датским королем, с которым, как он замечал, уже не ладилось у русского царя, но это намерение на первых порах никак не удавалось голштинскому дипломату. Царь действительно был очень недоволен датским королем за медленные действия в войне, но не хотел с ним решительно ссориться, а грозил издадека Дании для того только, чтоб заставить ее помогать ему живее против шведов, и потому предлагал датскому королю деньги и провиант на войско, если он поторопится двинуть свой флот против шведов. Датский король не двинулся весь 1714 год, а прусский думал только забирать под свою власть шведские города без войны. Такое желание заявлял и курфюрст ганноверский, став после смерти королевы Анны английским королем; он возымел притязание присвоить себе Бремен и Верден. Таким образом, было много охотников ловить в мутной воде рыбу и делать приобретения за счет Швеции, но вести войну со Швецией приходилось одному Петру. И Петр вел ее всю весну и лето 1714 года. Генерал князь Голицын снова разбил Армфельда, затем Выборгский губернатор, полковник Шувалов, в июне покорил крепость Нишлот. Но самым блестящим делом русских была морская победа при Гангуте, одержанная под начальством самого Петра; там шведы потеряли 936 человек убитыми, 577 пленными; шведские корабли со 116 пушек были взяты и приведены в Ревель. Вслед за этой победой царь с 16 тысячами войска пристал к Аландским островам и овладел тамошними укреплениями и портом, откуда было уже недалеко до Стокгольма; в шведской столице распространился всеобщий страх: адмирал Ватранг готовился защищать вход в стокгольмский порт. Наступившая осень не позволила Петру отважиться сделать нападение на шведскую столицу. Русский царь возвратился в Петербург, устроил себе торжественный въезд, принимал от своих сенаторов и иностранных министров поздравления с победами, получил чин вице-адмирала и пировал во дворце Меншикова. Петр оказывал большие знаки почтения пленному шведскому адмиралу Эрншильду: «Вот, – говорил царь своим русским, – верный и храбрый слуга своего государя, достойный величайшей награды от его рук и теперь приобретший мое благоволение до тех пор, пока он будет со мною, хотя он перебил у меня много храбрых русских, что я им (шведам) всем прощаю, пока они теперь все в моей воле». Эрншильд отвечал: «Хотя я поступал честно, служа моему государю, но я исполнил не более как свой долг; я искал смерти, но смерть не встретила меня, а теперь в моем несчастье мне остается немалое утешение быть пленником вашего величества и пользоваться таким вниманием великого мореходца, достойного вице-адмирала».

Между тем в ноябре того же 1714 года Карл XII, убежавший из турецких владений, явился в Штральзунде, в Померании. Явление Карла подогрело упавший в его отсутствие дух шведского войска, но вместе с тем не содействовало ходу дел к примирению. Карл не хотел утверждать договора об отдаче Штетина прусскому королю в секвестр, не хотел воздерживаться от враждебных действий против датчан и саксонцев внутри Немецкой империи, не хотел признавать уступки Бремена ганноверскому курфюрсту; Карл, наконец, возбуждал смятение в Германии, впутывая в союз с собой ландграфа гессен-кассельского, сын которого был женат на сестре Карла XII, Ульрике Элеоноре. Прусский король, уклонявшийся до сих пор от войны, увидал, что не получит желаемых приобретений одним дипломатическим путем без войны: он вступил тогда в открытый союз против шведов и отправился с войском осаждать Штральзунд, куда также прибыл датский король. Прусский король показывал вид, что защищает нейтральность Немецкой империи и всех принадлежащих к ней владений; дело секвестрации представ-

лял так, как будто он соглашался на нее единственно из желания сохранить мир в Немецкой империи, а шведского короля выставлял врагом всеобщего мира, вносившего войну в недра империи. В заключение всего прусский король по этому делу изъявлял согласие бескорыстно подчиниться приговору, который положат император и соединенные чины империи. И Англия стала было в угрожающее положение к Швеции: она отправила свой флот в Балтийское море, хотя и с поручением охранять английские купеческие корабли, а не действовать враждебно против шведского флота. Датский и прусский короли, приступив к Штральзунду, добивались присылки русского войска, однако осада Штральзунда шла целое лето и осень 1715 года, а русское войско не подходило к союзникам и стояло тогда в Польше под начальством фельд-маршала Шереметева, готовое вступить в дело для защиты польского короля Августа II против его подданных.

Уже несколько лет в Польше происходила недомолвка между королем и магнатами. Поляки, прежде недовольные присутствием русских войск в своей стране, потом стали оказывать еще больше неудовольствия своему королю за то, что он расставил в Польше войска саксонские. В целях России было поддерживать разлад между королем и поляками, на искренность Августа полагаться было нельзя: самым безопасным и выгодным делом было держать его так, чтоб его особа нуждалась в помощи России. Это было нетрудно при легкомысленной продажности польских панов. Они брали от русского посла подачки, обещая вести дело так, как было бы выгоднее для России. Польский сейм никак не мог установить какого-нибудь закона при существовании *liberum veto*, когда каждый посол имел право прервать все течение дел на сейме, заявив свое несогласие по предлагаемому закону. Русские посланники пользовались этим и, когда замечали, что готовится какое-нибудь распоряжение не в пользу России, тотчас подкупали нескольких сеймовых послов, и сейм «срывался». В это время русским послом в Польше был князь Григорий Федорович Долгорукий, человек ловкий и умевший пользоваться обстоятельствами. Поляки, добиваясь изгнания из Польши саксонского войска, обратились к посредству русского посланника; тогда Долгорукий нарочно задерживал русское войско, предполагая, что вооруженная русская сила пригодится в Польше, и оттого-то под Штральзундом не было русских, хотя царь этим не был доволен.

Л.Ф. Лагорио. Морской вид

12 декабря Штральзунд сдался. Тогда Карл XII едва спасся в маленькой лодке с 10 человеками и убежал в Карлскрону, где всю зиму занимался набором свежих сил для продолжения войны.

6 февраля 1716 года Петр отправился за границу вместе с Екатериной и, достигнув Данцига, остановился там до конца апреля. Здесь он получил приятную весть о сдаче Каэнбурга в Финляндии, последнего города, находившегося еще в этой стране в руках шведов. В Данциге 19 апреля русский царь совершил бракосочетание своей племянницы Екатерины Иоанновны с мекленбургским герцогом. К этой свадьбе прибыл и польский король, некогда бывший задушевным другом Петра, но со времени Альтранштадтского мира находившийся с ним в натянутых отношениях. С Августом в Данциг прибыли его неразлучный друг и слуга саксонец генерал Флеминг и несколько польских магнатов. С Петром были граф Головкин, вице-канцлер Шафиров и Толстой; сюда же приехал и русский посол при Августе князь Григорий Долгорукий. Устроилась конференция с целью уладить несогласия. Русская сторона выставляла Августу на вид его тайные попытки примириться со Швецией при посредстве французского посла в Константинополе, сношения Флеминга со шведским генералом Штейнбоком, сношения самого Августа с зятем Карла XII гессен-кассельским ландграфом, интриги, клонившиеся к тому, чтобы поссорить прусского короля с датским. Явились тогда к Петру послы от враждебной польскому королю конфедерации; они жаловались, что король наводняет польские области саксонскими войсками, и просили царя взять на себя посредничество между ними и их королем. Петр доверил вместо себя это последнее дело послу своему Долгорукому с тем, чтобы для этого был собран нарочно съезд в одном из польских городов. Петр внешне помирился с Августом, по случаю свадебных торжеств оба государя давали друг другу пиршества, но прежней дружбы между ними уже не было, потому что не стало взаимной доверчивости.

В начале мая царь выехал из Данцига, повидался сначала с прусским королем в Штетине, съехался с датским в Альтоне. Тут между русским и датским государями было условлено сделать высадку в шведскую провинцию Шонию и тем принудить выступить Карла XII из принадлежавшей датской короне Норвегии, куда он тогда проник, приближаясь к столице этой страны, Христиании. Место соединения сухопутных и морских сил обоих государей назначили в Копенгагене. После свидания в Альтоне Петр уехал в Пирмонт лечиться тамошними водами, а к июлю явился в Мекленбург в Росток, куда прибыли сорок пять русских галер. Фельдмаршал Шереметев пришел из Польши с восемью тысячами войска, еще вступило в мекленбургские владения другое русское войско под начальством генералов Репнина и Боура. Взяв под личную команду свой галерный флот, 17 июля царь прибыл к Копенгагену, был встречен на рейде датским королем и вместе с ним вступил в его столицу. Через несколько дней туда же прибыла царица Екатерина. В ожидании приготовлений к высадке Петр пробыл в Копенгагене три месяца, почти каждый день катался по морю, осматривал берега Дании и Швеции, измерял глубину моря и чертил морские карты. Это не препятствовало ему уделять время на посещения академии, учебных заведений и на беседу с учеными людьми. Между тем прибыла английская эскадра для взаимного действия с Данией. Все лето прошло понапрасну, к большой досаде Петра. Мекленбургский герцог, зять Петра, находился тогда во вражде с дворянами своего государства; последние съехали в Копенгаген и восстанавливали датского короля против Петра, они объясняли поступки русского царя хитростью, бросали подозрение, что Петр сносится со Швецией. Уже датчане готовились нападать на русские галеры, но до междоусобной войны у союзников не дошло. Ничего не сделав, в середине октября царь уехал из Копенгагена в Мекленбург. Между тем мекленбургские дворяне, стараясь вредить Петру, где только можно было, настроили против него ганноверского курфюрста. Была у них попытка подействовать и на прусского короля, но тот не поддавался никаким подозрениям: свидевшись с царем в Гавельсберге, он снова заключил с ним союз и обязался в случае нападения на Россию с целью отнять

завоеванные ею области помогать России или присылкой войска, или нападением на землю воюющего с Россией государства.

К.В. Лебедев. Петр I в Саардаме обучается кораблестроению

Тем временем в Польше после данцигского свидания Петра с Августом Григорий Долгорукий по царскому приказанию принял на себя важное дело умиротворения спора между королем и конфедератами. Съезд по этому поводу собрался в Люблине в июне месяце. Как нелегко было Долгорукому играть роль миротворца, показывает его отзыв к Петру о характере съезда. «Съехалось много депутатов, – писал он, – между ними мало таких, которые смыслили бы дело, только своевольно кричат, а те, которые потолковее, не смеют говорить при них. У наших донских казаков в кругу дела идут лучше, чем здесь. Часто с 7 часов до 4 часов пополудни мы кричим и ничего сделать не можем». Конфедераты, хлопоча об изгнании саксонского войска, добивались вывода из Польши и русского. Но Долгорукий по царскому приказанию, напротив, писал русскому генералу Ренну, чтоб он вступил в Польшу с угрозами действовать неприятельски против той стороны, которая будет упрячиться. Между тем конфедераты продолжали драться с саксонцами, несмотря на установленное перемирие на время съезда. Прошло все лето, дело умиротворения не двигалось, пока наконец генерал Ренн с русским войском не вступил в Польшу, а Долгорукий не припугнул конфедератов, что прикажет усмирить их русским оружием. Наконец 24 октября 1716 года стараниями Долгорукого состоялось примирение. Саксонские войска должны были оставить Польшу в течение месяца, а король имел

право удержать из них тысячу двести человек гвардии и содержать их на своем иждивении. Но примирение было пока только на бумаге, на деле все еще не было лада до 21 января 1717 года, когда собранный чрезвычайный сейм подтвердил постановление съезда и дал приказ саксонским войскам выйти из Польши в течение двух недель. Генерал Ренн, вошедший в Польшу, в это время умер. Его преемник генерал Вейсбах по приказанию Долгорукого выступил из Польши, но вместо него тотчас же вступило туда новое русское войско под начальством Шереметева и расположилось на неопределенное время. Видно, что Петр не слишком придавал значения жалобам и домогательствам поляков о выводе русских войск из Польши. Так окончилась и развязалась Тарногородская конфедерация, имевшая то важное значение в польской истории, что послужила новой ступенью к ограничению монархической власти и вместе с тем к усилению русского влияния на внутренние дела Польши.

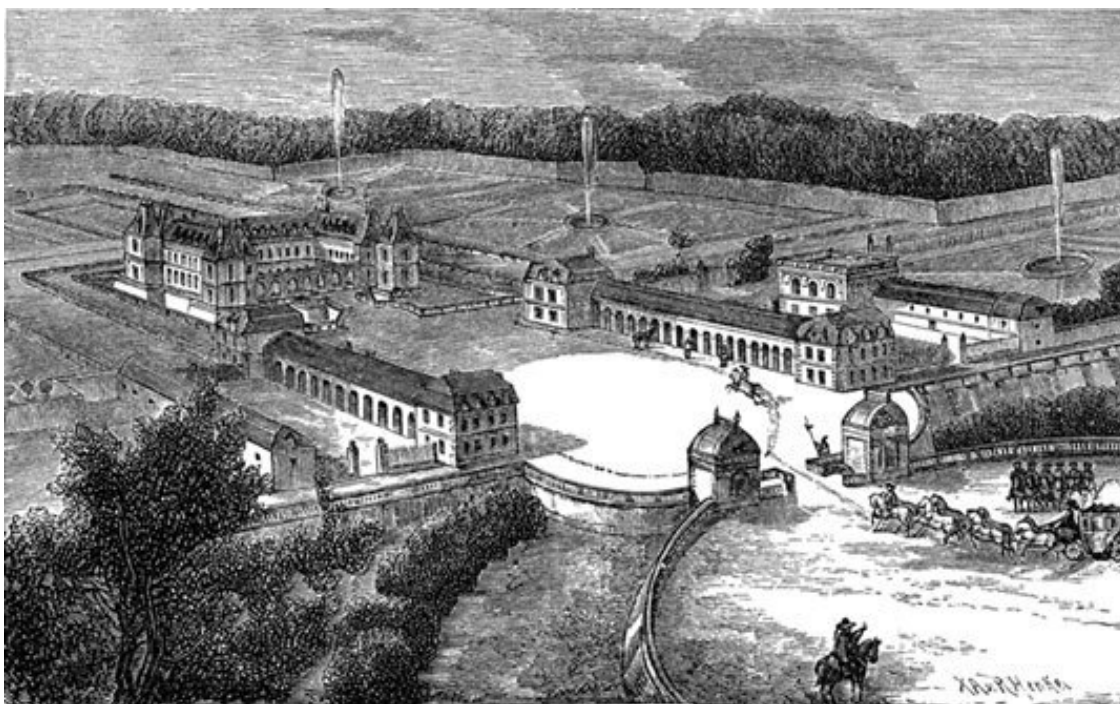
Зимой Петр отправился в Голландию, прожил некоторое время в Амстердаме, занялся там осмотром всего, что относилось к мореходству и торговле, обозревал с любопытством корабельную мастерскую, адмиралтейство, запасные магазины Ост-Индской компании и заведения знатнейших негоциантов. Царь съездил в Саардам и с особенным удовольствием посетил домик, где он жил во время первого своего путешествия по Европе.

Печать Голландских Штатов

Из Амстердама в марте царь с царицей прибыл в Гаагу, остановился в помещении русского посла князя Куракина. Там ему был оказан почет от представителей Соединенных Нидерландских Штатов, но тут же в начале апреля 1717 года ему пришлось неприятное известие. В Англии открыли заговор, тайно руководимый голштинским министром бароном Герцем и

графом Гилленборгом, находившимся в Лондоне в качестве чрезвычайного посла шведского короля. Датский двор прислал в Англию письма Гилленборга, отысканные на взятом в Норвегии шведском корабле. Гилленборг был арестован в Лондоне, были захвачены все его бумаги, и по требованию английского короля Голландские Штаты арестовали находившегося в Голландии барона Герца и молодого сына Гилленборга. Бумаги их были не только захвачены, но немедленно опубликованы: оказывалось, что у них было тайное намерение произвести в Англии возмущение с целью низвергнуть ганноверскую династию с английского престола и возвести претендента из дома Стюартов. Карл XII готовился сделать высадку в Англию с 10 000 пехоты, 4000 конницы и со значительным запасом артиллерии. Из тех же бумаг видно было, что заговорщики рассчитывали на русского царя и старались подействовать на него через его домашнего медика шотландца Эрскина. Последний, как выяснили англичане, писал английскому лорду Мару, что царь готов помириться со шведским королем и желает помогать ему в предприятии возвести претендента на престол. Петр, узнав о том, что говорят о нем в Англии, приказал своему посланнику Веселовскому подать английскому королю и напечатать от имени царя мемориал: в нем русский государь оправдывался от возводимого на него обвинения, указывал на очевидную нелепость такого вымысла, приводил, что России не может быть никакой выгоды вступить в союз со шведским королем против английского, сообщал, что доктор Эрскин, 13 лет находясь в службе, не привлекался ни к каким государственным делам, а знал только свою специальность. Сам Эрскин послал от себя английскому правительству письменное оправдание. Веселовскому отвечали на его мемориал, что доверяют объяснению русского государя, однако требовали, чтобы царь вывел свои войска из Мекленбургского герцогства. Тем на время и пресеклось это недоразумение с Англией, оставившее, однако, глубокое влияние в последующие годы.

Вид Версаля в начале XVIII столетия. С современной французской гравюры

В начале апреля 1717 года Петр выехал из Гааги и, оставив Екатерину в Амстердаме, отправился через Брюссель и Гент во Францию. Вечером 26 апреля он прибыл в Париж, где его давно уже ждали: несколько месяцев тому назад велись сношения о желании русского царя посетить французский двор. Царя поместили сначала в Лувре, но помещение показалось ему

слишком великолепным; Петр любил показать свою любовь к простоте и к отсутствию всякой пышности и роскоши. По своему желанию царь на другой же день перешел в Hotel de Lesdiguières, и его тотчас посетил регент Франции герцог Орлеанский, управлявший Францией при малолетстве короля Людовика XV. 29 апреля (10 мая нового стиля) приехал к русскому царю с визитом маленький французский король, провожаемый своим дядькой герцогом Вильроа. Царь, просидев с ним некоторое время, взял его на руки и с нежностью поцеловал. «Здесьний король, – писал Петр царице, – пальца на два выше нашего карлика Луки, но дитя изрядное образом и станом и по возрасту своему довольно разумное». На следующий день царь приехал с визитом к королю в присланной за ним королевской карете. Маленький король вышел к царю навстречу. Петр, выскочив из кареты, взял короля на руки и понес по лестнице во дворец посреди расставленной и вооруженной гвардии из швейцарцев и французов. В тот же день купеческий голова и старосты (echevins) в сопровождении маркиза де Дреля, великого церемониймейстера, поднесли царю подарки от имени города. Затем в следующие дни царь осматривал городские площади, арсенал, фабрику ковров Гобелена, королевскую гвардию, обсерваторию, а 14 мая (нового стиля) царь посетил Пале-Рояль, заплатив визит регенту герцогу Орлеанскому. Регент стал было показывать гостю картинную галерею, но русский государь, как заметили французы, мало пленялся предметами искусства, как и роскоши. В тот же день герцог Орлеанский пригласил его в оперу, и Петр был не в состоянии высидеть до конца спектакля, зато он с жадностью бросался на обзор вещей, относившихся к мореплаванию, торговле и разным ремеслам. С большим вниманием осматривал он механические кабинеты и зоологический сад и много нашел для себя примечательного в Инвалидном доме, который посетил 5 мая (16-го нового стиля), здесь он все осматривал до мельчайших подробностей, в столовой попросил себе рюмку вина, выпил ее за здоровье инвалидов, которых назвал своими товарищами. Несколько дней спустя после этого Петр ездил в Фонтенбло, где ночевал, а на другой день был приглашен к нарочно устроенной охоте с королевскими собаками и во время охоты обедал в павильоне. 1 июня (нового стиля) он возвращался на гондоле в Париж и завернул по дороге к принцессе Конти, которая показывала ему свои великолепные сады и покои. Прибыв в Париж, Петр проплыл под всеми парижскими мостами, потом, сев в свою карету, обогнул укрепления города, заехал в один склад оружия и закупил большой запас ружей и ракет; последние он истратил на фейерверки в своем саду при том отеле, где помещался. 2 июня (нового стиля) Петр посетил королевское аббатство Св. Дионисия, осматривал церковь, ризницу и новые постройки, в которых бенедиктинцы приготовили ему отличный ужин, выбрав келью, откуда открывался пленительный вид. 3 июня царь со всей свитой отправился в Версаль. Из Версаля Петр ездил в Трианон, осматривал большой водопровод, оттуда проехал в Марли, где королевский дворецкий Девертон приготовил для царя блистательный фейерверк, сопровождавшийся музыкальным концертом, а ночью был дан бал. Царю в этот вечер оказали большую любезность, и он пробыл на бале более того времени, в какое обычно уходил спать. 1 июня (нового стиля) царь посетил сенсирскую женскую школу, устроенную г-жой де Ментенон, и остался очень доволен как удобным и великолепным помещением, так и способом воспитания девиц. Царь после этого пожелал видеть саму престарелую г-жу де Ментенон, которая приняла его в постели, чувствуя себя в то время больной. Наконец, 12 июня (нового стиля) Петр вернулся в Версаль и осмотрел его со всеми достопримечательностями. Отсюда он съездил в Шальо и нанес визит английской королеве, вдове Иакова II. Затем, возвратившись в Париж 14 июня (нового стиля), Петр посетил королевский типографский дом, коллегия четырех народов, основанную кардиналом Мазарини, и там долго беседовал со знаменитым тогдашним математиком Варильоном. Потом Петр посетил дом Пижона, устроившего движущуюся планетную сферу по системе Коперника; его изобретение так понравилось Петру, что он сторговал его за две тысячи крон. Посетив Сорбонну, Петр был принят с большими почестями докторами этого учреждения и любовался красивым надгробным памятником кар-

динала Ришелье. В следующие дни царь опять посетил фабрику ковров Гобелена, где очень похвалил вышитую историю Дон Кихота, которую и получил в подарок от имени короля. Потом он в сопровождении регента осматривал помещение жандармов, шеволежеров, мушкетеров и королевских телохранителей, которые нарочно были выстроены в линию на Елисейских полях. 17 июня (нового стиля) царь провел два часа в обсерватории, а на следующий день (18 июня) послал пригласить к себе знаменитого географа того времени Делиля, долго разговаривал с ним через переводчика о положении и пространстве своего государства, рассказывал ему о расположении новой крепости, которую устраивал в татарских пределах. С любопытством царь смотрел на разные химические опыты, произведенные для него ученым Жоффруа, и пожелал видеть одну из операций, выполняемых знаменитым английским окулистом Уолессом: больного, шестидесятилетнего инвалида, нарочно привезли в отель, где жил Петр, чтобы показать русскому царю образец европейского врачебного искусства. Сначала, когда окулист запустил иглу в глаз больного, царь невольно отвернул голову, но любопытство взяло над ним верх, и он смотрел на операцию до конца, а потом поднес к глазам инвалида свою руку и с удовольствием заметил, что тот увидел ее, тогда как до операции не мог ничего видеть. Похвалив окулиста, царь обещал прислать к нему ученика, чтобы тот мог приобрести подобное искусство под руководством такого великого оператора. 19 июня (нового стиля) царь посетил заседание парламента, бывшего тогда верховным судебным местом. Все члены были одеты в парадные платья красного цвета, а президент – в меховое одеяние, что составляло, по местным обычаям, особую почесть, оказываемую высокому гостю по поводу его посещения. В тот же день посетил царь Академию наук; члены разговаривали с ним о новых машинах и о разных ученых опытах. Петру здесь понравилось все, что он видел и о чем говорил, и впоследствии по возвращении в Петербург он поручил своему доктору Эрскину изъяснить президенту Академии аббату Биньону желание быть записанным в число членов этого ученого общества. Академия изъявила согласие и прислала царю диплом на звание члена и благодарность за предложенную честь. С тех пор до самой своей смерти Петр как член Французской Академии получал издания ее трудов. 21 июня (нового стиля), отслушав в греческой церкви литургию по случаю наступившего в этот день по старому календарю праздника Пятидесятницы, Петр уехал в Спа, где намеревался пользоваться водами. Перед отъездом из Парижа Петр щедро одарил сопровождавших его придворных и служившую ему королевскую прислугу¹⁹⁴. Король при прощании поднес своему высокому гостю в дар меч, усыпанный бриллиантами, но Петр не хотел брать в подарок ни золота, ни драгоценных камней, а попросил четыре ковра превосходной работы из королевского гардероба. Во все продолжение своего пребывания в Париже русский царь удивлял французов своей простотой в одежде и своими привычками, не сходящимися с тогдашним французским этикетом. Так, например, он обедал в 11 часов утра, ужинал в 8 часов вечера и не любил стеснять себя ни в чем: во время беседы уходил прочь, не дослушав речей, когда они представляли для него мало любопытного, с чрезвычайной подвижностью приказывал вести себя то туда, то сюда, так что правительство распорядилось расставлять в разных местах экипажи, чтобы гость имел возможность ехать повсюду, куда ему вздумается. Зато при всем соблазне, который делал русский царь несоблюдением обычаев местного этикета, он поражал французов своим умом, знаниями и находчивостью; они изумлялись, видя, что уроженец страны, считаемой ими самой дикой и невежественной в мире, по ясности взгляда на предметы, касавшиеся знаний и наук, превосходил государей, имевших счастье быть рожденными в образованных странах. Будучи в Париже, царь заключил дружественный договор с Францией, включив в этот договор и прусского короля, и в угоду Франции дал обещание вызвать свои войска из Мекленбурга.

¹⁹⁴ Маркизу Деливри, Тессе и герцогу Дантену – каждому свой портрет, осыпанный бриллиантами, стоящий 40 тысяч ливров, 10 тысяч было роздано прислуге, а 15 тысяч подарено садовникам в Версале и в других королевских садах.

Встреча Петра I с Людовиком XV

Петр ехал из Парижа через Суассон, Реймс, Шарлевиль, Живе и Бовин до Намюра, куда прибыл 25 июня (нового стиля) и был там отлично принят администратором провинции; царь осматривал укрепления города; его угощали; Петр пил за здоровье всех присутствовавших и с увлечением рассказывал о всех сражениях и осадах, в которых сам лично участвовал. Оттуда Петр проехал через Льеж (Люттих), где его угощали от имени кельнского курфюрста, потом прибыл в Спа. Там он месяц пользовался водами, а 2 августа (нового стиля) приехал в Амстердам, где царица Екатерина с нетерпением ожидала его возврата.

Барон Герц освобожден из-под ареста и в Амстердаме начал переговоры с царем при посредстве Понятовского. Герц обещал, что шведский король пошлет своих уполномоченных в Финляндию, а по заключении договора сам пожелает видеться с царем. И царь желал уже прекращения войны с Карлом: эта война ставила ему препятствия к занятиям внутренними делами государства; Петр объявил Герцу через Куракина, что съезд уполномоченных должен начаться через два или три месяца на Аландских островах; Герц с этим ответом уехал в Швецию. По его убеждениям и Карл склонился к мысли о мире и союзе с Россией. Шведский король ненавидел и презирал остальных своих врагов, но Петра как личность он не мог презирать и потому с ним одним способен был вступать в переговоры, как равный с равным. Петр имел причину быть так же мало довольным своими союзниками, датским и польским королями, и готов был предпочесть отдельный мир с давним врагом вялому союзу с союзниками, всегда способными изменить ему.

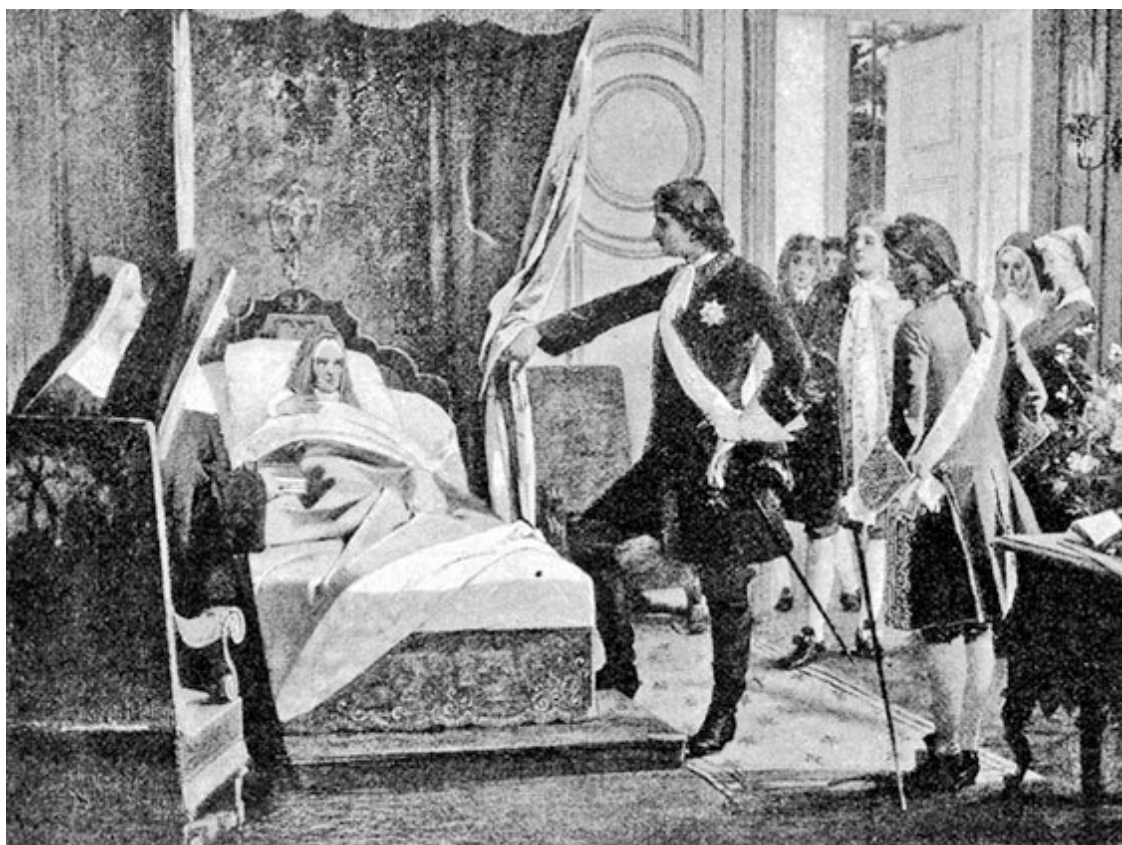
19 сентября (нового стиля) царь прибыл в Берлин, за ним через три дня явилась туда Екатерина; пробыв в Берлине три дня, царственная чета через Данциг вернулась в Петербург, куда прибыла 9 октября 1717 года, после шестнадцатимесячного путешествия за границей. Царь через своих министров сообщил прусскому королю, что он намерен сноситься со Швецией о мире, но будет сохранять интерес своего союзника, прусского короля, и не заключит мира до тех пор, пока Пруссия не получит Штетин с округом.

В ноябре Герц, возвратившийся из Швеции, дал знать в Петербург, что Карл XII вышлет своих уполномоченных, как скоро получит известие, что царские уполномоченные уже нахо-

дятся в Финляндии. Петр назначил от себя уполномоченными генерал-фельдцейхмейстера Брюса и тайного советника Остермана. Государь велел Брюсу объявить министрам союзников – прусскому, польскому, ганноверскому и датскому, – что по предложению шведского короля царь, со своей стороны, посылает уполномоченных, но не вступит в окончательный договор без согласия с союзниками.

В мае начались конференции на одном из Аландских островов, по названию Ло. Россия требовала уступки Ингрии, Ливонии, Эстляндии, также города Выборга в Финляндии, остальное же Великое княжество Финляндское до реки Кюмени уступала шведскому королю, предлагая свободу торговли и мореплавания между Швецией и Россией. Для своих союзников царь ставил такие условия: оставить короля Августа в полном обладании польским престолом, а прусскому королю уступить Штетин с его округом; Дании и Англии Петр предоставлял только право приступить к трактату, замечая, что датский король должен возвратить все завоевания, доставшиеся ему в последнее время от Швеции, и приобрести земли в ином месте. Шведские уполномоченные требовали возвращения всего завоеванного. Потом начали говорить об эквиваленте, то есть о вознаграждении иными способами уступленного Швецией России. Остерман по приказанию Петра заявил, что Россия не может давать никакого эквивалента из принадлежащих ей земель, но не откажет в помощи Швеции, если последняя начнет искать себе эквивалента в чужих землях. Петр соглашался даже помочь и английскому претенденту, если шведский король будет стараться возвести его на английский престол. Герц, оставив конференцию, летом 1718 года ездил в Стокгольм для сношения со своим королем и, возвратившись на Аландские острова, стал податливее к уступкам, но объявил о непременном желании своего короля утвердить Станислава Лещинского на польском престоле, а для вознаграждения Швеции за уступаемые России земли Герц предполагал присоединить к Швеции мекленбургские земли, дав мекленбургскому герцогу какое-нибудь иное владение; он предлагал послать шведские и русские силы в Мекленбург в помощь намерениям этого герцога. Петр готов был пожертвовать Августом, который в своих прежних отношениях к своему союзнику показал достаточно вероломства. В сентябре русские уполномоченные узнали, что в Стокгольме существует сильная партия, удерживающая короля от уступок, партия, чернившая Герца обвинениями в продажничестве во вред королевским интересам. Герц, чтобы рассеять сомнения против себя и доказать свою преданность Швеции, просил Петра освободить пленного шведского генерала Реншильда. Петр согласился с тем, чтобы шведы освободили двух пленных русских генералов – Головина и князя Трубецкого. Остерман, человек хитрый, понимал слабые стороны врагов, с которыми вел переговоры, понимал и всех соседей, дела которых соприкасались с Северной войной. «Король шведский, – писал он Петру, – человек, по-видимому, в несовершенном разуме; ему лишь бы с кем-нибудь драться. Швеция вся разорена, и народ хочет мира. Королю придется с войском куда-нибудь выступить, чтоб за чужой счет его кормить; он собирается в Норвегию. Ничто так не принудит Швецию к миру, как разорение, которое причинило бы русское войско около Стокгольма. Король шведский, судя по его отваге, должен быть скоро убит; детей у него нет, престол делается спорным между партиями двух германских принцев: гессен-кассельского и голштинского; чья бы сторона ни одержала верх, она будет искать мира с вашим величеством, потому что ни та, ни другая не захочет ради Лифляндии или Эстляндии потерять своих немецких владений».

К.Н. Горский. Петр I посещает госпожу Ментенон в 1717 году

Гавриил Иванович Головкин

Зимой Герц опять уехал в Стокгольм; к концу декабря ждали его возвращения на Аланд, но вместо него прискакал курьер с известием, что Карл XII убит 30 ноября при осаде Фридрихсгала в Норвегии. Предсказание Остермана сбылось: в Швеции тотчас же возникли две партии – одна желала дать престол младшей сестре Карла XII Ульрике Элеоноре, бывшей в замужестве за гессен-кассельским принцем; другая держалась молодого герцога голштинского. Первая взяла верх: Герц и его земляки-голштинцы, в последнее время получившие сильное влияние на Карла XII, были арестованы. Но возникла еще и третья партия – дворянско-либеральная; она хотела воспользоваться неясностью прав на престол и находила удобное время для ограничения королевского самодержавия в Швеции. Эта партия готова была отдать престол тому, кто больше сделает уступок. Нерешительный и неопытный голштинский герцог не воспользовался временем; тотчас после смерти Карла XII он мог бы привлечь на свою сторону войско и заставить провозгласить себя королем, но не сделал этого. Тетка предупредила его: она дала сенату обещание ограничить королевскую власть и получила корону в марте 1719 года. Голштинский герцог уехал из Швеции. Либералы, ненавидевшие Герца как чужеземца, постарались погубить голштинского дипломата. Он был казнен в Стокгольме (ему отрубили голову).

Ульрика Элеонора, однако, не отказалась продолжать переговоры с царем и отправила новых уполномоченных: Лилиенстедта и прежнего товарища Герца – Гилленборга. Шведские уполномоченные изменили тон и начали поугивать русских уполномоченных возможностью приступить к более выгодным для Швеции соглашениям с другими соперничающими державами. Но проницательный Остерман не поддался на эти запугивания: он хорошо понимал

состояние дел в Швеции. «Швеция, – писал он царю, – дошла до такого состояния, что ей более всего необходим мир и особенно с царским величеством, как сильнейшим неприятелем; с кем бы другим шведы ни заключали мира – это не спасет их от войны с Россией, а другие державы, войдя со шведами в союз, при всем недоброжелательстве к России не станут проливать крови своих подданных и губить свою торговлю ради того, чтобы Швеции возвращена была Лифляндия. Если бы теперь царь нанес пуще разорение обнищавшей Швеции, то этим бы принудил шведское правительство к миру». Остерман в переговорах со шведскими уполномоченными стоял твердо на уступке России Эстляндии, Лифляндии, Ингерманландии, Выборга и части Корелии с включением крепости Кексгольма, соглашаясь со стороны России заплатить в продолжение двух лет миллион рублей. Швеция между тем примирилась с курфюрстом ганноверским, уступив ему Бремен и Верден, и пыталась склонить к особому миру и прусского короля.

Андрей Иванович Остерман

Так продолжалось до июля 1719 года. Тогда по настоянию Остермана царь снарядил флот под начальством адмирала Апраксина из 30 военных кораблей, 130 галер и значительного числа малых судов. Он послал на нем войско под начальством генерал-майора Ласси для высадки в Швецию. Между тем в Балтийское море вошла английская эскадра, командуемая адмиралом Норрисом, под видимым предлогом охранять английскую торговлю, но на самом деле, как справедливо подозревал Петр, в помощь Швеции против России в случае необходимости. Петр прямо написал об этом Норрису, стоявшему со своей эскадрой на копенгагенском

рейде. Английский адмирал в своем ответе русскому царю изъявлял удивление, что царь имеет такие подозрения. Петр остался при своем подозрении, но не показал страха перед английским королем, твердый в намерении принудить Швецию к миру своими военными действиями. Петр издал манифест, в котором главной причиной войны России со Швецией выставлялось событие в Риге, когда шведский губернатор граф Дальберг оскорбил русского царя, не допустив его осматривать городские укрепления. Петр указывал на свое миролюбие, с которым он в последнее время согласился начать переговоры с Карлом XII, но жаловался, что по смерти Карла XII шведская корона не показывает прежней склонности к миру, напротив, желает войны, нарочно предъясняет такие требования, на которые Россия не может согласиться, и в то же время ищет враждебных для России союзов с другими государствами; это обстоятельство побуждает царя с Божьей помощью внести войну в сердце шведского королевства.

Война началась и велась очень опустошительным образом. Русские плавали по шхерам вдоль шведского берега, нападали в разных местах на города и селения, не щадили ни государственного, ни частного достояния, а более всего старались разорять шведские рудники и заводы, составлявшие важнейшее богатство Швеции. Так, на северном берегу они разорили Фурстенар и Ортулу, а 7 августа 5000 русских напали на важнейший шведский завод в Лоште, захватили там 13 000 тонн железа на свои суда, а все заведения и постройки уничтожили. На всех шведских заводах русские находили такое множество железа, что не в силах были наполнить им свои суда и бросали в море. Они повсюду истребляли хлебное зерно, убивали и угоняли скот и лошадей, уводили пленников, перебили множество безоружного народа, не успевшего спастись бегством. Апраксин истребил шесть больших городов, более сотни дворянских усадеб, 826 деревень, три мельницы и десять магазинов, разорил два медных и пять железных заводов. Генерал-майор Ласси, со своей стороны, сжег два города, двадцать одну владельческую усадьбу, 535 сел и деревень, сорок мельниц, шестнадцать магазинов и девять железных заводов, в числе которых были такие богатые, что шведы предлагали 300 тысяч рейхсталеров за спасение их от разорения. Знаменитый мануфактурный город Норчопинг был предан пламени самими жителями, лишь бы он не достался неприятелю. Самому Стокгольму угрожала опасность: 27 июля казаки достигли Вестергалинга, что в 4 милях от столицы. Муж королевы выступал против русских, но не сделал им никакого зла; они разоряли шведские берега, налетом появляясь и исчезая то в том, то в другом месте.

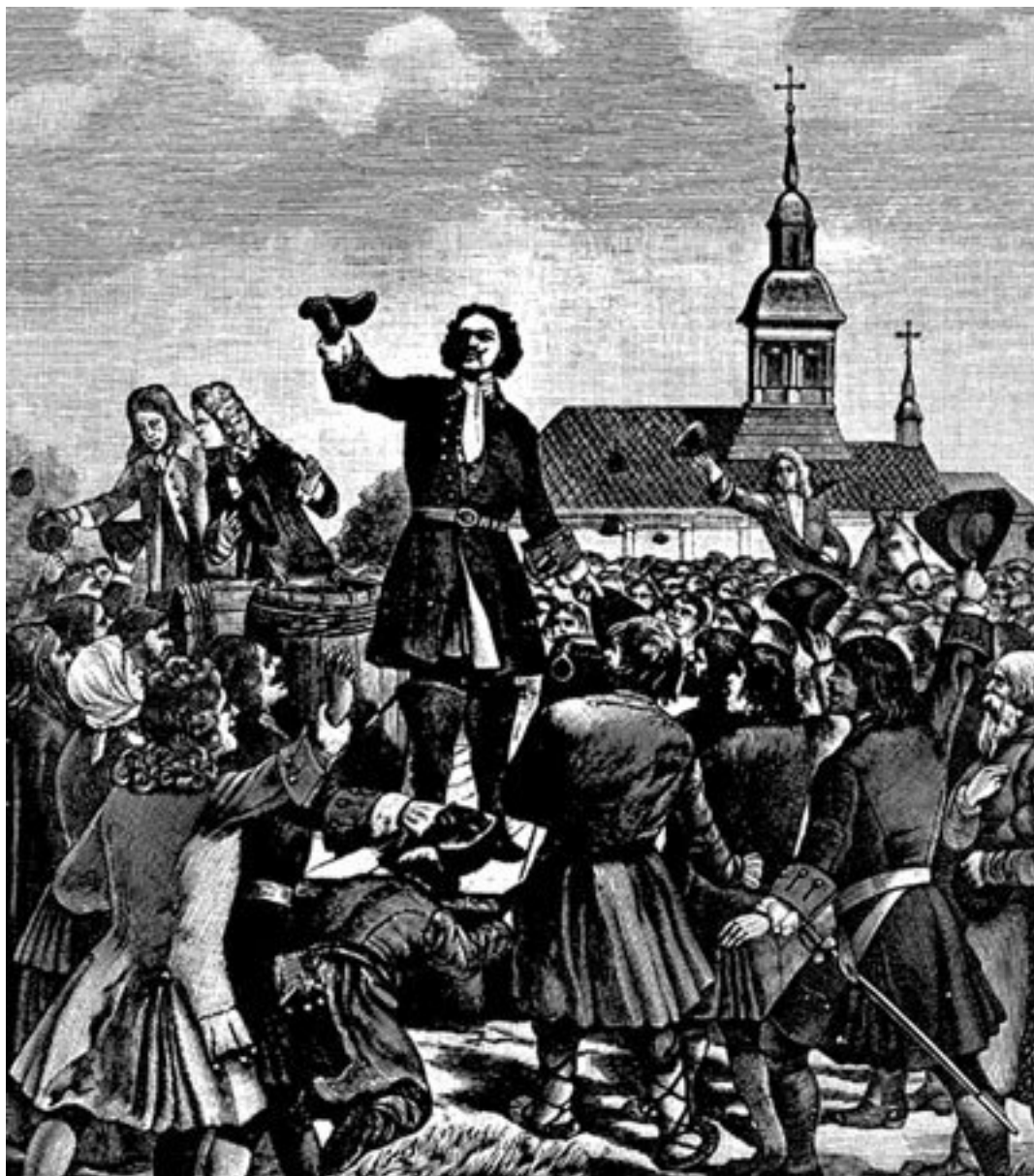
В сентябре прекратились нападения; у шведов вся надежда была на английскую помощь адмирала Норриса, но он, не имея повеления своего короля, не решался начинать неприязненных действий против русских. После ухода русских английский уполномоченный при шведском дворе лорд Картерет прислал царю депешу, извещая, что по распоряжению английского короля адмирал Норрис не только покровительствует торговле английских подданных, но и поддерживает посредничество английского короля к окончанию войны, так долго нарушающей спокойствие северных стран. Со своей стороны, Норрис доводил до сведения царя, что английский король принимает на себя посредничество, убеждал царя прекратить все враждебные действия и показать свое искреннее расположение к миру. Петр из этого понял, что он в особе английского короля, помирившегося со Швецией в звании ганноверского курфюрста, наживал себе нового врага; он написал королю Георгу письмо, поручив своему посланнику Веселовскому подать его. Петр указывал на древнюю дружбу, существовавшую издавна между Россией и Англией, на пользу, которую извлекала Англия от этой дружбы, напоминал, что предшественники короля Георга всегда дорожили союзом с Россией, и жаловался на последние заявления Картерета и Норриса, доказывающие, что Англия по отношению к России становится во враждебное положение. На это письмо 11 февраля 1720 года государственный секретарь Стенгоп подал Веселовскому от имени английского короля ответ. Английский король указывал русскому государю на то, что до сих пор предложения союза и дружбы давались со стороны России как бы с непременным условием, чтобы Англия действовала враждебно про-

тив шведов, тогда как в то же время царь заводил тайные интриги во вред английскому королю и в пользу претендента из дома Стюартов. Королю Георгу, говорилось в ответе, неизвестны были по этому поводу сношения английских противников царствующей династии, между прочим Фернегана, Гуго, Петерсона, герцога Ормонда, проживавшего инкогнито в Митаве, наконец, известна была королю корреспонденция, которую царь через посредство Фернегана завел с Испанией по вопросу о предполагаемом вторжении в Шотландию претендента, не говоря уже об интригах барона Герца, намерения которого явно открылись из захваченных у него бумаг. В другом ответе короля Георга, данном собственно по его званию ганноверского курфюрста, Петру выставлялось на вид, что царь не допускал чужих послов к участию в аландских переговорах и делал это затем, что у царя был план втайне соединить свои силы с силами шведского короля, внести войну в германские владения и устроить нашествие на Шотландию. В заключение всего король Георг заявлял желание установить мир, но если бы все его старания по причине царского отказа остались бесплодны, то предоставлял себе право, по силе договора со Швецией, принять меры, не совсем приятные для царя.

После военной прогулки русского флота по шведским берегам, царь послал в Стокгольм под белым флагом Остермана, надеясь, что, испытав разорения, Швеция станет податливее. Шведская королева, ее супруг и шведские аристократы показали тогда вид раздражения, говорили, что теперь, после нанесенных русскими опустошений, мир заключить труднее, чем прежде. Остерман этим не обманулся и сказал одному шведскому аристократу: «Если у нас с вами будет война, то настоящая ваша форма правления недолго простоит, и дело окончится народным восстанием». Его уверяли, что весь народ не хочет мира. «Сегодня не хочет, завтра горячо захочет, – сказал Остерман, – народ непостоянен». Королева, подстрекаемая дворянством, рассерженным на Россию, приказала Либиенстедту уехать с Аландских островов. Итак, конгресс был сорван в сентябре 1719 года.

Во время аландского конгресса у Петра не ладилось с польским королем. Август поддавался внушениям императора и французскому влиянию, так как его ласкали надеждой сделать польский престол наследственным в его доме. В самой Польше между панам образовалась партия, хотевшая полного освобождения польских земель от русского войска; с этой партией сблизился король. Петр приказывал своему послу Долгорукому внушать полякам, что русские войска посылаются в Польшу для охранения от коварных намерений короля Августа, который при помощи венского двора полагает установить наследственное правление в Польше и ограничить шляхетскую свободу в пользу самодержавной королевской власти. Чтобы не дать полякам сойтись с королем и постановить что-нибудь, противное русским планам, из России присылались соборы и камки для раздачи сеймовым послам Речи Посполитой за то, чтобы они, служа видам России, не доводили сеймов до конца; так, на гродненском сейме, начавшемся в октябре 1718 года, король Август начинал было приобретать влияние, но подкупленный Россией посол сорвал этот сейм. В Польше происходили между тем религиозные недоразумения, подававшие повод России вмешиваться в ее внутренние дела. Варшавский сейм, окончивший смуту по поводу спора между королем и Тарногородской конфедерацией, постановил под видом утверждения древних прав уничтожить все не католические церкви, в последнее время построенные, и дал запрещение всем иноверцам заводить сходбища, где бы в них говорились проповеди или пелись духовные песни; за несоблюдение этого запрещения угрожали судом, пенями, тюремным заключением и, наконец, изгнанием из отечества. В январе 1718 года все мужские и женские православные монастыри принесли царю жалобу на притеснения со стороны католиков. Петр в марте 1718 года обратился с ходатайством о православных к Августу, и Долгорукий от имени своего государя объявлял, что Россия не может долее сносить, чтобы вопреки мирному договору была гонима и искореняема православная вера в Польше. Русские представления и протесты не расположили поляков к веротерпимости. В сентябре того же года с такой же просьбой обратились к Петру польские протестанты, носившие в Польше название дисси-

дентов, а вопрос о свободе православной веры поднят был между Россией и Польшей в 1720 году. Польский король заключил прелиминарный договор со Швецией, и полномочный посол Августа, мазовецкий воевода Хоментовский, приехал в Россию требовать от царя возвращения Лифляндии и уплаты обещанных по договору субсидий. Насчет субсидий Петр отвечал, что такие субсидии обещаны были только на войска, действующие против общего неприятеля – шведов, но король Август со своими войсками против него не действовал. Что же касается Ливонии, то царь не отрекался от того, что прежде обещал возвратить этот край королю и Речи Посполитой, но не может теперь исполнить своего обещания потому, что Ливония будет Августом возвращена Швеции, так как прелиминарный договор, заключенный между Польшей и Швецией, постановлен на основании Оливского мирного трактата, а по этому трактату Ливония была уступлена Швеции. Тут подали Хоментовскому многозначительный мемориал, где излагался целый ряд оскорблений, нанесенных в Польше православной церкви и ее последователям. Царь требовал, чтобы вперед дозволено было православным строить новые церкви и монастыри, и все те епископии, монастыри и приходские церкви, духовенство которых приняло и вперед примет унию или католичество, должны оставаться в православном ведомстве. Православные епископы должны заседать в сенате, и мирские люди православной веры должны пользоваться наравне с католиками одинаковым правом вступать в государственную службу. Наконец, Петр требовал установления закона о наказании тем, кто начнет чинить препятствия к отправлению православного богослужения. Сейм, собравшийся в Варшаве и долженствовавший, по планам царя, утвердить его требования, сразу стал подпадать под влияние врагов России, английского и шведского посланников, хотевших вооружить поляков против Петра. Сам Долгорукий увидел тогда необходимость постараться, чтобы этот сейм разошелся, не окончив своего дела.

Петр Великий объявляет народу о заключении Ништадтского мира. Рисунок по картине Сафонова

После прерывания аландских трактатов некоторое время Англия своими дипломатическими интригами препятствовала примирению Швеции с Россией. Она успела примирить со Швецией прусского короля, гарантировать ему обладание Штетинном. В июне 1720 года также по ходатайству Англии подписан был мирный договор Швеции с Данией. Опасение насчет согласия Петра с планами Герца – низвергнуть короля Георга и возвести на его место претендента из дома Стюартов – заставило английского короля смотреть на Петра, как на своего тайного врага, и в 1720 году на балтийских водах опять появился английский флот. Петр не испугался этой эскадры и в виду ее готовился снова разорвать шведские берега.

В это время в Швеции Ульрика Элеонора уступила престол своему супругу, герцогу гессен-кассельскому. Новый король прислал в Петербург своего адъютанта Виртенберга известить о своем вступлении на престол и изъявить надежду на будущий мир и союз. Петр показывал этому посланцу свое адмиралтейство и познакомил его со всеми приготовлениями к предполагаемому новому походу русских на Швецию. В августе царь выслал эскадру под начальством князя Голицына, который счастливо привел в Петербург четыре шведских фрегата, взятых в

плен со значительным числом людей. Постоянный любитель всяких торжеств, Петр и по этому поводу устроил в Петербурге праздник, одарил щедро участвовавших в войне русских моряков и самому Голицыну дал саблю, осыпанную бриллиантами; потом царь отправил в Стокгольм своего генерал-адъютанта Румянцева с предложением разменять пленных и заключить перемирие на зимнее время. Шведские министры не сошлись в этом с Румянцевым, хотя и приняли его почтительно и радушно. В начале 1721 года явился в Петербург французский посланник Кампредон, бывший до того времени посланником в Стокгольме. Он привез в Россию предложение посредничества Франции между Россией и Швецией. Царь согласился. Французский посредник сначала попытался было предлагать годичное перемирие. Петр сразу отверг его предложение и сказал, что ни за что не отступит от прежних требований, заявленных при переговорах на Аландских островах, а потому, если Швеция искренно хочет мира, то может вместо кратковременного перемирия установить с Россией полный вечный мир. Петр понял, что перемирие может быть полезно для Швеции и вредно для России: шведы будут иметь время поправиться, сойтись с союзниками и приготовиться к новой войне против России. Упорство Петра повело к тому, что французский посредник отказался от мысли о перемирии; положено было прямо начать переговоры о мире, но военных действий во время этих переговоров не прекращать. Петр, чтобы понудить шведов к податливости, отправил генерала Ласси опустошать шведские берега Ботнического залива. У русских было до 5000 регулярного войска и 360 казаков. Они взяли и сожгли шесть шведских галер, 27 купеческих судов, а также нашли значительный запас оружия, овладели оружейным магазином, разорили несколько кузниц и мельниц, разграбили и сожгли четыре города, несколько сотен селений и дворов.

Между тем ввиду возобновленных переговоров со Швецией голштинский герцог через своего посланника Штамкена хлопотал о том, чтоб Россия при мирном договоре стояла за его наследственные права на шведский престол. Петр благосклонно отнесся к домогательству голштинского герцога, пригласил его в Петербург и принял очень радушно. Два обстоятельства – разорение, причиненное русскими на шведских берегах, и покровительство, оказываемое голштинскому герцогу как претенденту на шведский престол, – сделали шведов уступчивее. 30 августа 1721 года был заключен царскими послами окончательный Ништадтский мирный договор, прекративший долготетную Северную войну. Швеция уступила России в вечное владение Лифляндию, Эстляндию, острова Эзель, Даго и Мен, Ингерманландию, часть Корелии и Выборг в Финляндии, а остальная Финляндия, завоеванная Россией, возвращена была Швеции. Со своей стороны, Россия выплачивала два миллиона ефимков по срокам, обязывалась не вмешиваться в домашние дела Шведского королевства и не помогать никому в достижении наследственных прав, вопреки воле чинов государства; все военнопленные освобождались без выкупа, кроме добровольно принявших в России православную веру. Трактат был подписан с русской стороны Брюсом и Остерманом, а со шведской – графом Лилиенстедтом и бароном Стрельфельдом. Молодой герцог голштинский должен был отказаться от надежды получить шведскую корону при помощи России. Находясь в то время в Петербурге, он должен был удовольствоваться доводами, сообщенными ему от имени царя Шафировым, о невозможности Петру вести далее его дело. Герцог должен был участвовать во всеобщем торжестве России, показывая удовольствие об окончании пролития крови как русской, так и шведской.

П. Иванов. Царь Петр I принимает титул Всероссийского Императора

22 октября в Петербурге в соборной церкви Св. Троицы отправлялось торжество мира, окончившего долголетнюю и тяжелую Северную войну. Сначала был прочитан мирный трактат, потом архиепископ псковский изрек поучение, вслед за тем канцлер Головкин проговорил государю речь, после которой все бывшие тут сенаторы воскликнули: «Виват, виват, Петр Великий, отец отечества, император Всероссийский!» Обильная пальба из петербургской крепости, адмиралтейства, судов, стрельба из ружей, производимая 23 полками, – все возвещало всеобщую радость. Петр говорил: «Зело желаю, чтоб наш весь народ прямо узнал, что Господь прошедшей войною и заключением мира нам сделал. Надлежит Бога всей крепостью благодарить; однако, надеясь на мир, не ослабевать в воинском деле, дабы с нами не так случилось, как с монархией греческой. Надлежит трудиться о пользе и прибытке общем, который нам Бог кладет перед очами как внутрь, так и вовне, отчего облегчен будет народ». Торжественный праздничный обед был устроен в здании сената; приглашенных к обеду было до тысячи персон. По окончании стола был бал, продолжавшийся до ночи, а ночью – фейерверк, изображавший храм Януса, из которого появился бог Янус с лавровым венком и масличной ветвью; из крепости дана была тысяча выстрелов, и вся Нева иллюминирована была потешными огнями. Царский пир окончился в три часа ночи «обношением всех гостей преизрядным токайским». Для простого народа устроены были два фонтана, из которых лилось белое и красное вино. Меншиков и два архиерея от имени сената и Синода за все попечения и старания о благополучии государства, за то, что государь «изволил привести Всероссийское государство и народ в такую славу через единое свое руководство», просили царя принять титул «Отца Отечества, Императора Всероссийского, Петра Великого». Государь отрекался от этой чести и принял ее как бы по усиленному прошению сенаторов. Вслед за тем от сената установлена была форма титула: «Божьей милостью, мы, Петр Первый, император и самодержец Всероссийский», а в челобитных: «Всепресветлейший, державнейший император, самодержец Всероссийский, отец отечества, государь всемилостивейший». Несколько дней после этого продолжались веселые празднества. Царь устроил шумный маскарад, на который приглашено было более пятисот особ обоего пола. Сам царь со своей семьей участвовал в этом маскараде и был одет голланд-

ским матросом-барabanщиком, а Екатерина была одета голландской крестьянкой с корзиной в руке. Ее придворные дамы изображали нимф, пастушек, арапов, монахинь и шутов. Шутовской князь-кесарь был одет в горностаевую мантию и окружен служителями в старорусской боярской одежде, а его жена явилась в красном, вышитом золотом летнике, с толпой женщин в одежде старых боярынь. Князь-папа был на этом маскараде со всем своим всепьянейшим собором. Веселое многодневное празднество в Петербурге было прервано 4 ноября большим наводнением Невы. Вода снесла мосты, опустошила с корнем деревья в садах, выбросила на сушу суда и шлюпки, затопила погреба и нанесла большие убытки купцам. Наводнения повторялись потом несколько раз, но уже не были так сильны, как в первый раз. Неизвестно, скольким человекам стоили жизни эти наводнения, но после них при дворе опять возобновились празднества, пиры, балы, концерты и великолепные разъезды по городу. Так было до самого отъезда царя в Москву.

Медаль, выбитая в честь заключения Ништадтского мира

В силу договора всех шведских военнопленных приказано препроводить как можно скорее в военную коллегия, кроме поступивших на царскую службу или принявших православие. Шведов, женившихся на русских, но не принявших православие, приказано было отпустить в отечество без жен, дав им, однако, срок на год или на два одуматься и возвратиться в Россию¹⁹⁵. По всей России приказано было праздновать торжество заключения мира молебствиями. В ознаменование своей радости 4 ноября император высочайшим указом объявил генеральное прощение всем осужденным, а также сидящим в тюрьмах за государственные долги, амнистия не простиралась только на осужденных за неоднократные разбои. Все каторжники, у которых не были вырваны ноздри, могли определяться на службу и жить где угодно в России; прочие оставались в Сибири, но на свободе; тех, которые Тайной канцелярией были

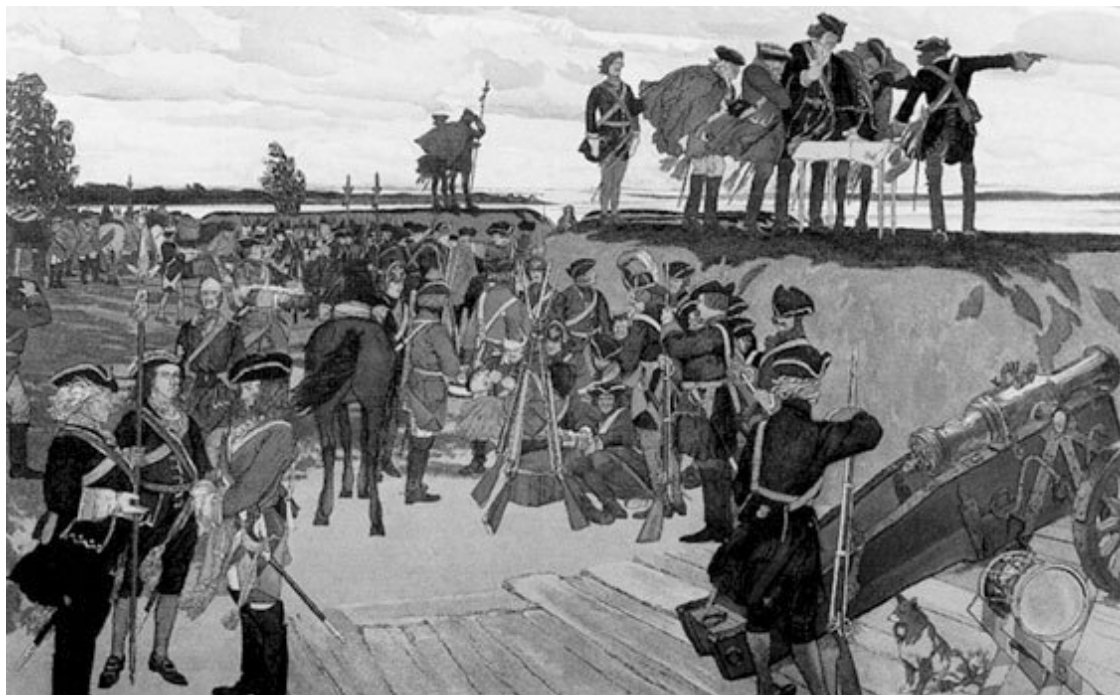
¹⁹⁵ Надобно заметить, что во все продолжение многолетней Северной войны положение шведских пленников было неотрадным. Русское правительство заботилось только о том, чтобы держать их построже, но не принимало никаких мер к поддержанию их существования в плену. По старым русским понятиям, военнопленный был рабом того, кто его пленил. Русские так и смотрели на шведских пленников. Иные пленники уходили от господ, женились на русских женщинах, господа, поймав их, разлучали с семьями, иных за самовольный уход тащили к суду, сажали в тюрьму, держали в кандалах, морили голодом, иных господа насильно крестили в православную веру и женили на своих крепостных. Много раз подавались царю жалобы, но все без пользы. Между тем, по признанию самого царя, шведы были полезными людьми для России. Многие принимались за разные рукоделия и искусства: из них были кузнецы, золотых и серебряных дел мастера, сапожники, портные, токари, столяры, делатели игральных карт, живописцы, музыканты; иные завели гостиницы, а некоторые, получившие на родине образование, заводили в России школы и обучали детей своих единоземцев – в эти школы и русские стали отдавать своих детей. Простые солдаты занимались черной работой. Шведские пленники были расселены по всей России, но более всего было их в Сибири, где им вообще было лучше благодаря добродушию Гагарина. В Сибири они занялись, между прочим, рудокопством, и посланный туда по рудокопным делам капитан Татищев доносил Петру, что без этих иноземцев горнозаводские работы не могут двигаться. На госпитали отдавались сверх того имущества духовных особ, осужденных по делам тайной канцелярии, туда же обращалась и выручка с проданного имущества осужденных раскольников.

сосланы в дальние города, приказано перевести в ближайшие. Попов и дьяконов, осужденных по суздальскому делу, соприкосновенному к процессу царевича Алексея, велено поставить у церквей в новопостроенных городах. Раскольников положено было оставить на прежнем основании, пока не обратятся в православие. В начале декабря царь со всем двором отправился в Москву, для чего велено было заготавливать подводы по дороге, а в самой Москве к царскому приезду построить трое триумфальных ворот: на Тверской, в Китай-городе у Казанского собора и на Мясницкой. Восемь дней шло празднество, устроено было катанье на санях, на которых поставлены были изображения разных морских судов. Весь поезд начинался колесницей, на которой сидел Бахус; за этой колесницей ехали одни за другими сани в шутовской обстановке: одни запряжены были медведями, другие – свиньями, третьи – собаками. Шутовской патриарх сидел на подобии трона и раздавал направо и налево благословения, а перед ним сидел отец Силен на бочке. Около колесницы патриарха ехали в кардинальских одеждах члены сумасброднейшего собора, сидя верхом на оседланных быках, а за ними следовал князь-кесарь в комическом виде, представлявший московского царя прежних времен. Сам царь Петр, одетый моряком, сидел на изображении двухпалубного фрегата, установленного на санях, запряженных шестью лошадьми. За ним – 24 саней, связанных одни с другими. Нагруженные людьми, они представляли огромную змею. Далее ехала государыня в одежде фрисландской крестьянки в сопровождении придворных, разодетых африканцами. Затем следовали сани за санями, на которых поставлены были изображения судов, и на них сидели вельможи и иностранные посланники, приглашенные гостями на праздничное торжество. Все были одеты в маскарадное платье китайцами, персиянами, черкесами, индейцами, сибирскими инородцами, турками и разными европейскими народами всякого звания и сословия. Весь этот поезд отправился к Меншикову во дворец Лефорта, и гости прогуляли так целую ночь. После этого праздника недели две кряду отправлялись подобные гулянья. Кроме царя угощали гостей пирами, балами, маскарадами и фейерверками Меншиков и голштинский герцог, ухаживавший в то время за дочерью царя. Все дела остановились во время всеобщего гулянья.

23 декабря сенат с Синодом порешили именовать царицу Екатерину – императрицей, а царских дочерей – цесаревнами.

VI. Внутренние события после Ништадтского мира

После Ништадтского мира Петр последние годы своего царствования занимался с прежней энергией делами внутреннего устройства. 5 февраля 1722 года был издан новый закон о престолонаследии, который, можно сказать, уничтожал в этом вопросе всякое значение родового права. Всякий царствующий государь сообразно этому закону мог по своему произволу назначить себе преемника: «Кому оный хочет, тому и определит наследство, и определенному, видя какое непотребство, паки отменить».

Л. Карловский. Солдаты Петра Великого

Почти одновременно (24 января) издан был знаменитый указ, заключавший табель о рангах, послужившую основанием новому порядку государственной службы. И здесь видно было желание поставить верховную царскую волю выше всяких прав и предрассудков породы. Местничество давно уже уничтожилось, повышение личностей в служебной лестнице оставалось на произвол власти. Новый указ был дальнейшим развитием этого принципа. Петр не уничтожал преимуществ рождения вовсе, но выше их ставил достоинство государственной службы. Заслуги, оказанные в государственной службе, сообщали недворянину потомственное дворянское звание. Всем, считавшимся до того времени дворянами, вменялось в обязанность в полторагодовой срок доказать, когда и от кого пожалована им дворянская честь; те, которые докажут, что их род пользовался дворянством не менее ста лет, получали дворянские гербы. Герольдмейстер должен был вести списки дворян по именам и чинам и вносить в эти списки их детей. Таким образом положено начало родословным книгам и герольдии. Царь предоставлял себе право жаловать недворян дворянством за службу и лишать дворянства за преступление. По закону 24 января 1722 года вся государственная служба разделялась на воинскую, статскую и придворную, и в каждом таком разряде устанавливалась лестница из 14 ступеней. Воинская служба разделялась на 4 отдела: сухопутная – армейская, гвардейская, артиллерийская – и морская. Верховный чин или первый класс для всей армии, гвардии и артиллерии был генерал-фельдмаршал, для морской – генерал-адмирал. Ко второму классу принадлежали

как в армейской, так и в гвардейской службе полные генералы от инфантерии и от кавалерии; в артиллерийской службе – генерал-фельдцейхмейстер, в морской – адмиралы прочих флагов. В третьем классе в армии, гвардии и артиллерии числились генерал-лейтенанты, генерал-кригскомиссар и кавалеры Св. Андрея, а в морской – вице-адмиралы. В четвертом как в армии, так и в артиллерии – генерал-майоры, а в гвардии с этого класса начинается преимущество над армией: армейскому генерал-майору равнялся гвардейский полковник; в морской службе – шаутбенахты и обер-цейхмейстер. В пятом: армейские бригадиры, обер-штеркригскомиссар, генерал-провиантмейстер, в артиллерии – полковник, в гвардии – подполковник, а в морской – капитаны, командир над портом кроншлотским и некоторые хозяйственные должности. В шестом: в армии – полковники, в гвардии – майоры, в артиллерии – подполковники, в морской – капитаны 1-го ранга. В седьмом: в армии – подполковники, генерал-аудиторы и некоторые другие должности, в гвардии – капитаны, в артиллерии – майоры, в морской – капитаны 2-го ранга. В восьмом: в армии – майоры, генеральские адъютанты, в гвардии – капитан-лейтенанты, в артиллерии – инженер-майоры, в морской – капитаны 3-го ранга. В девятом: в армии – капитаны, в гвардии – лейтенанты, в артиллерии и в морской – капитан-лейтенанты. В десятом: в армии – капитан-лейтенанты, в гвардии – унтер-лейтенанты, в артиллерии и в морской – лейтенанты. Одиннадцатого класса не было, исключая для морской службы – секретари корабельные. Двенадцатого: в армии – лейтенанты, в гвардии – фендрики, в артиллерии – унтер-лейтенанты, в морской – унтер-лейтенанты и шкиперы 1-го ранга. Тринадцатого: в армии – унтер-лейтенанты, в артиллерии – штык-юнкеры, в гвардии и в морской этого класса не было. Наконец, четырнадцатого: в армии – фендрики, в артиллерии – инженер-фендрики, в морской – шкиперы 2-го ранга и констапели. В статской службе: 1-го класса был один только канцлер, 2-го – действительные тайные советники, 3-го – генерал-прокурор, 4-го – президенты коллегий и тайные советники. Затем остальные классы, за исключением 11-го, которого вовсе не было, выражали разные должности гражданской служебной деятельности, и в этом отношении табель Петра имела несколько другой смысл, чем та, которая удержалась до нашего времени, и представляет сходство с современной только по принадлежности должностей, размещенных в их достоинстве по лестнице классов. Придворные должности, начиная со 2-го класса, к которому принадлежал обер-маршал, шли также на 14 степеней, но, за исключением 10-го и 13-го, выражали собой придворные обязанности, в иных случаях постоянные, как, например, тайный кабинет-секретарь, лейб-медик, в других – относившиеся только к придворным церемониям, например, обер-шенк, камергеры. «Ранг» при Петре означал право на известную почесть, и всякий, кто самовольно займет место, дающее ему право на почесть выше его ранга, подвергался вычету двухмесячного жалованья или же уплате той суммы, которая равнялась жалованью, получаемому другими, равными ему по рангу, лицами. «Сие осмотрение каждого ранга не в таких оказиях требуется, когда некоторые яко добрые друзья и соседи съедутся или при публичных ассамблеях, но токмо в церквах при службе Божьей, при дворовых церемониях, при аудиенциях послов, в торжественных столах, в чиновных съездах, при браках, погребениях и тому подобное». Так пояснял значение рангов государев указ. И женский пол пользовался подобным отличием по рангам. Замужние женщины считались в рангах сообразно своим мужьям, а девицы – сообразно своим отцам, но между замужними и девицами устанавливалось отношение, дававшее преимущество первых перед последними. Например, девицы, дочери отцов 1-го ранга, до своего замужества, считались выше тех замужних, мужья которых состояли в 5-м ранге, дочери отцов 2-го ранга считались выше жен чиновников 6-го ранга. У фискалов теперь явилась новая обязанность – наблюдать, чтобы все пользовались почетом сообразно своему рангу и не присваивали себе высшего почета. В статской службе потомственное дворянство давали первые 8 классов, а в военной – все (как штаб и обер) офицерские чины.

Каждый должен был иметь свой убор, ливрею для служителей и экипаж сообразно своему рангу. «Понеже знатность и достоинство какой особы часто умаляется, когда убор и прочий поступок чем не сходствует».

Этот новый закон устанавливал порядок должностей, но предоставлением разных почетов по чинам вводил в общественную жизнь пустое чванство и самопредпочтение, тем более достойное порицания, когда по общечеловеческой слабости чины не всегда могли достигаться по достоинству и заслугам, а часто могли добиваться в силу связей, пролазничества и низкопоклонства младших перед старшими.

Ф. Мартенс. Петропавловская крепость

Так как Петр желал поставить государственную службу выше предрассудков породы, то и другие, последовавшие затем узаконения Петра носили тот же характер. 27 апреля 1722 года состоялся указ о цехах, приводивший в порядок ремесленных людей. Закон этот заимствован, как и все учреждения и нововведения Петра, из чужеземных образцов. Ремесло или занятие собирало всех, занимающихся им, в одну корпорацию, называемую цехом (польское слово, с немецкого *Zunft*). Все могли свободно вступать в цех: не запрещалось это и крепостным. Цехи находились под управлением выборных ольдерменов или старшин из настоящих мастеров. Всякий, занимавшийся каким-нибудь мастерством, должен был являться к ольдермену, подвергнуться от него испытанию и получить свидетельство на звание мастера. Только мастерам, получившим такие свидетельства, позволялось выпускать в продажу свои произведения с наложением своего клейма. За продажу без наложения клейма брались большие штрафы, а старшина за неправильную выдачу свидетельства или за неправильное клеймение после двукратного штрафа подвергался ссылке на галеры. Старшина имел право приказывать вновь переделывать представляемое ему для одобрения произведение мастера или же уничтожать его вовсе, когда находил негодным. В цехи принимались и иностранцы, но те из них, кто принял православную веру, лишались права отъезда за границу.

Царь ограничивал до некоторой степени произвол старейших над меньшими, родителей над детьми и владельцев над рабами. Узнав, что родители принуждают к браку своих детей, а господа – рабов, он (5 января 1724 года) постановил, чтобы перед венчанием родители и господа вступающих в брак давали присягу, что они не неволят к браку, первые – детей, а последние – рабов. Царю стало известно, что сыновья помещиков делались их наследниками по правам рождения, хотя бы по своим умственным качествам представляли полную неспо-

способность пользоваться родительским достоянием. Несмотря на глупость таких богатых людей, многие ради их богатства отдавали за них дочерей; глупцы расточали свое богатство и управляли жестоко своими подданными. Царь приказал всем, у кого есть такие «дураки» в семье, подавать о них сведения в сенат. Сенат обязан был их свидетельствовать, и если находил негодными ни к учению, ни к службе, то запрещал жениться, а девицам – выходить замуж, самих же «дураков и дур» отдавал ближним родственникам для прокормления.

Для устройства быта сельского сословия в этот период Петровой деятельности не видим ничего важного. На крестьян смотрели как на рабочую силу, годную государству для снабжения войска рекрутами и для содержания размещенных по империи войск; с последней целью и были учреждены ревизия и подушная подать. Установилась паспортная система (указом 26 июня 1724 года). Крестьяне могли брать отпуска для своего прокормления за рукой помещика или приказчика только в своем уезде и не далее 30 верст; если же отлучались в другой уезд, то должны были от земского комиссара брать вид вместе за подписью начальника полка, постоянно квартировавшего в том уезде, или от офицера, которому начальство этого полка поручало такие дела.

С учреждением Синода явился ряд замечательных узаконений по устройству церкви.

Указом от 22 февраля 1722 года священнические убылые места велено замещать по выбору прихожан, а кандидатов представлять архиереям. Последние должны были давать ставленникам книжицы о вере и христианском законе, а перед посвящением заставлять их проклинать все раскольничьи секты и согласия и давать присягу, что они не будут укрывать таких раскольников, которые обнаружат свое отщепенство от веры удалением от исповеди и св. причащения. Обычно ставились на священнические места дети духовных, но 4 апреля 1722 года Синодом указано всех детей церковно- и священнослужителей, если они не будут ходить в школы, записывать в оклад наравне с прочими крепостными крестьянами того села, где они жили. В старину было принято, что вдовы попы и дьяконы не могли оставаться на приходах, но шли непременно в монахи; царь (указ 30 апреля 1724 года) побуждал тех из них, которые сами учились в школах, вступать во вторичный брак и быть учителями духовных училищ. Священники обязаны были надзирать, чтоб их прихожане посещали церкви в воскресные дни, в двенадцатые праздники, в дни рождения и именин государя и государыни, в день полтавской победы и в Новый год 1 января. С этого времени священник делался слугой государственной власти и должен был ставить ее интересы выше церковных правил. Указом 17 мая 1722 года вменено в обязанность всем духовным отцам доносить о тех лицах, которые на исповеди сознаются, что они имели злой умысел против государя. Те, на кого последовал такой донос, отсылались в Тайную канцелярию, но и доносителей требовали туда же, только под «честным арестом». Кто отступал от православия или своих детей крестил в иную веру, тот от Синода подвергался увещанию, если же увещания не действовали, то отдавался суду сената, а сенат предавал его воле государя. Еще прежде велено было упразднить все домашние церкви, но в 1722 года дозволено было престарелым персонам иметь в домах церкви, однако не иначе, как с особого синодального позволения и с тем, что после смерти этих особ антимины будут взяты в Синод и самые церкви уничтожатся. Петру не нравилось, что в России много церквей, особенно их изобилием славилась Москва, и он приказал там переписать их, обозначить время их основания, показать число дворов, состоявших в каждом приходе, и расстояние одной церкви от другой, а затем все лишние церкви упразднить. Постановлено было, чтобы вообще в приходе было от двухсот до трехсот дворов, и где было только двести дворов, там полагался один священник, а где было дворов больше – там два священника. Указ 30 апреля 1722 года запрещал строить церкви во имя икон Богородицы, например Владимирской, Казанской и т. п., можно было основывать храмы Богородицы только в честь какого-нибудь богородичного праздника, например Благовещения, Рождества и т. д. Изданы были разные правила о благочинии в храмах. Издавна по обычаю благочестивые люди приносили в церковь собственные иконы и там

молились перед ними. 31 января 1723 года Синод запретил такой принос в церковь домашних икон и велел все уже находившиеся в церквях возвратить хозяевам. Запрещено также привешивать разные вещи к образам в церквях, как-то: монеты и т. п., а где такие вещи найдутся, то следовало продать их и вырученные за них деньги употребить на покупку чистой пшеничной муки для просфор и на церковное вино, но если среди привесок найдутся старые монеты и разные старинные вещи, то доставлять их в Синод. Богатые люди держались обычая приглашать духовенство служить в своих домах вечерни и заутрени. И этот обычай Петр велел Синоду запретить, находя, что он происходил от суеверия и тщеславия богатых, которые «хотят разниться от прочей христианской братии». 29 июля 1723 года Синод указал во время богослужения в церквях сбор подаваний собирать в два кошелька: в один – на церковные нужды, а в другой – на содержание больных и неимущих в госпиталях¹⁷. Духовные часто вели себя неприлично: неблагочинно отправляли богослужение, напивались пьяными до того, что валялись по улицам, сошедшись где-нибудь на обеде или поминках, ссорились между собой по-мужичьи, таскались по кабакам в безобразном виде и показывали свою храбрость в кулачных боях. Все это строго воспрещалось. Царь заметил (18 апреля 1724 года) Синоду, что русские всю надежду кладут на церковное пение, пост, поклоны и на приношение в церковь свеч, ладана и пр. Он приказал написать книгу, где изъяснялось бы различие между непременным законом Божиим и тем, что составляет предания отеческие и что учреждено только для обряда. Написать эту книгу следовало двояким способом: для поселян и для горожан. Царь хотел ознакомить русских с другими вероисповеданиями и иными верами и приказал в начале 1723 года перевести лютеранский и кальвинский катехизисы на русский язык. В то же время прилагалось старание об умножении православных. Иноверцев Казанской губернии, изъявивших желание креститься, велено не брать в солдаты. В 1724 году сибирский архиерей доносил, что в Сибири новокрещенных татар отдали в холопство; царь приказал немедленно объявить их свободными, а сибирскому губернатору вместе с тобольским архиереем учинить розыск о том, кто этих татар обратил в неволю. 10 октября 1723 года состоялся важный указ, сохранивший свою силу и до настоящего времени: не погребать умерших при церквях, а погребать их только на кладбищах или в монастырях.

М.М. Антокольский. Петр I

В течение 1722 и 1723 годов давались распоряжения о монастырях, служившие как бы предварительными узаконениями к полному преобразованию иноческого чина, предпринятому позже. Запрещено было заводить новые скиты и монастыри. Запрещалось постригать военных людей без увольнения их начальства, крепостных – без отпускного письма их господ, лиц, состоящих в брачном союзе, – когда другое лицо еще находилось в живых, детей – без воли родителей или по обещанию, данному заранее родителями, посвятить детей своих в иноческий чин, наконец, вообще всех, не достигших тридцатилетнего возраста. Женские монастыри становились совершенно ни для кого непроницаемыми заведениями. В некоторых женских монастырях были св. мощи и чудотворные иконы, привлекавшие туда народные толпы: теперь приказано было помещать их в церквях, построенных на монастырских воротах с крыльцами, выходящими за пределы монастырской ограды. Таким образом, богомольцы были лишены всякого предлога вступать внутрь женского монастыря.

Новые подробные правила о монастырях были начертаны 31 января 1724 года. За основу взято такое положение: в древности монастыри насыщались не чужими трудами, а собствен-

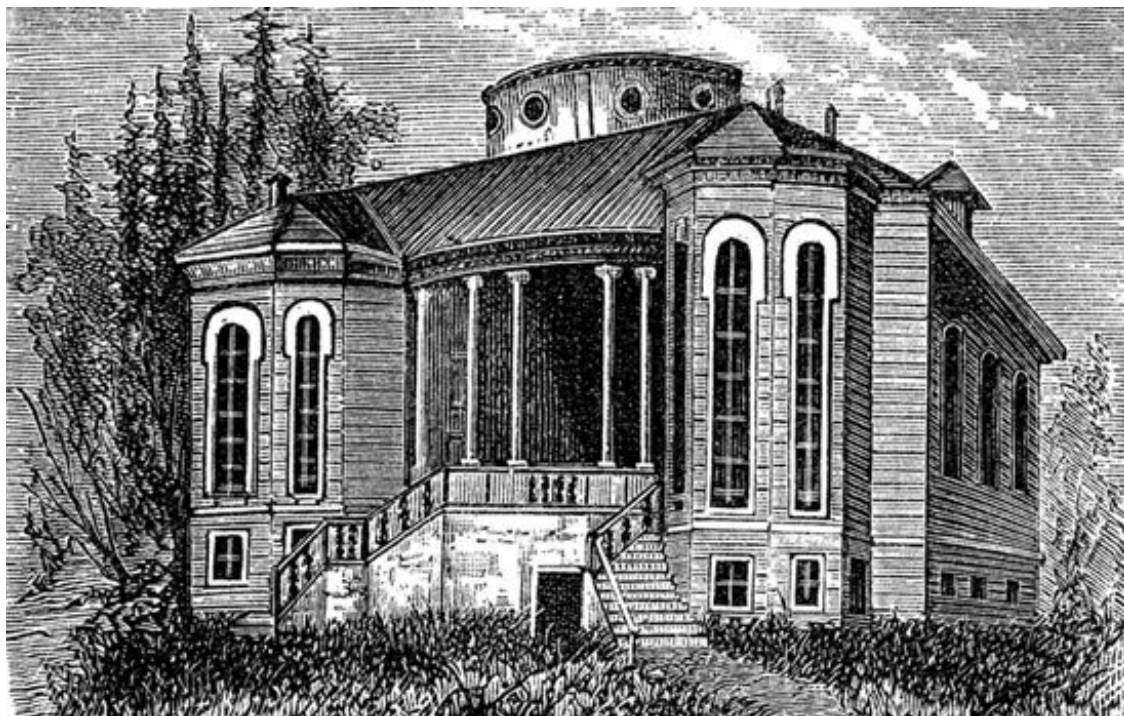
ными, но потом ленивые монахи и ханжи стали ложно толковать слова Христовы. Иные из них подделались к греческим императорам, а более всего к их женам и стали заводить монастыри не в пустынях, а в многолюдных городах, и много имений перешло в их руки. На Руси делалось то же. Но у нас климат не позволяет оставаться без труда и монастыри нельзя содержать так, как в теплых краях. В настоящее время большая часть монахов – тунеядцы и лишь по наружности как будто хотят угождать только Богу, отрекаясь от мира, на самом же деле они уходят в монастыри ради доброго и привольного житья. Большая часть монахов – из поселян, которые, постригаясь в монашество, избегали тройных повинностей: государству, помещику и своему дому и находили в монастыре все готовое. Они бежали от труда, чтоб даром хлеб есть. Но монашество нельзя уничтожить, во-первых, для удовлетворения совести желающих монашеского житья, во-вторых, ради посвящения архиереев, потому что уже давно вошло в обычай, чтобы архиереи были из монахов, хотя 300 лет после Христа и не так было. С таким основным взглядом на иночество положено расписать по монастырям отставных солдат и всяких убогих, не могущих работать, монахи должны им служить, а тем из монахов, кто окажется лишним за числом служащих, отвести монастырские земли для обработки. В женских монастырях велено воспитывать подкидышей или сирот, остающихся без призрения, – мужского пола до 7 лет, после чего отдавать в школы, а девочек оставлять в монастырях и там обучать грамоте и разного рода рукоделиям, сделав, однако, для мальчиков и девочек особые помещения с особыми ходами.

С целью подготовки архиереев из монашеского звания предположено устроить в Петербурге и в Москве семинарии, где они могли сначала обучаться, а потом заниматься обучением других до 30 лет своего возраста. Затем желающие могли вступать в Невский монастырь на испытание, а через три года быть пострижены. Постриженные должны были находиться там в виде упражненья, проповедовать в Невском монастыре и в соборных церквях и переводить книги. Каждый день они должны были находиться четыре часа в библиотеке для изучения учителей церкви. Они жили под начальством архимандрита и директора с лучшим содержанием против обыкновенных монахов, а за дурное поведение отсылались в простые монастыри, в больничные служители. Из этих-то привилегированных иноков выбирали архиереев и архимандритов, но не иначе, как с утверждением государя по синодскому докладу. Для заведования монастырями и их именами в 1724 году 18 сентября учреждена была камер-контора, которая обязана была делать раскладку, сколько в каждом монастыре можно было содержать нищих, сирот и монахов. Монастырские доходы положено было разделить на 5 частей: одна часть предназначалась монастырским чиновным людям, вторая – на церковные потребности и на починки, третья разделялась на 3 части – две трети шло на больницу и одна треть – прислуживавшим монахам, затем четвертая часть доходов – на содержание постелей, белья и больных, а пятая – на престарелых, сирот и младенцев.

Вид Серпуховского владычного девичьего монастыря с юго-западной стороны

Петр с обычной своей жестокостью и теперь продолжал вести борьбу со множеством суеверий, издавна укоренившихся под покровом святости. В 1722 году за распространение всякого нового суеверия или вымышленного чуда государь велел ссылать в вечную каторжную работу, с вырыванием ноздрей. 17 мая того же года было вменено в обязанность священникам доносить о том, кто у них сознался на исповеди, что вымыслил чудо, принятое народом за истину. В указе 11 июля того же года Синод обличал глубоко укоренившееся в русском благочестии мнение, что страдания приятны Богу. Это учение, как известно, поддерживало в народе ревность к расколу, и главным образом по этому-то поводу Синод счел нужным опубликовать свое увещание, в котором объяснял, что, по слову Христа, страдания могут быть приятны Богу только тогда, когда совершаются правды ради, то есть за догматы и закон Божий, но «такового правды ради гонения в Российском государстве опасатися не подобает». Синодальный указ замечал, что являются люди, считающие богоугодным делом злословить власти и славиться своим мнимым мужеством. Указывался на свежий тогда пример монаха Варлаама Левина с его товарищами. Левин был полоумный изувер, страдавший меланхолией и падучей болезнью. Он служил прежде в военной службе, потом шатался странником; признанным раскольником он не был, но отличался некоторыми старообрядческими чертами благочестия. Он постригся на своей родине в Пензе, а потом из желания пострадать за правду вышел на площадь в Пензе и всенародно кричал, что Петр – антихрист и скоро начнет налагать на всех клейма между указательным и большим пальцами руки, а после этого последует преставление света. Несчастного сумасброда по доносу одного из посадских потащили в Тайную канцелярию, привлекли к его делу нескольких попов, бывших его духовными отцами, в том числе и духовника князя Александра Даниловича Меншикова, Никифора Лебедку. Обвиняемых предали жестоким пыткам и в июле 1722 года приговорили к смертной казни.

Дворец Петра Великого на Петровском острове в Петербурге. С современной гравюры

Мысль о богоугодности страдания не искоренялась в русском народе от синодских увещаний, напротив, чудовищно проявлялась множеством случаев добровольного сожжения раскольников, застигнутых преследованием правительственных властей. Таких примеров в те времена было очень много, особенно в Сибири, и они тем более располагали Петра к суровым мерам против раскола, в котором он видел выражение народного противодействия своим намерениям. Правительство не хотело знать раскольнического крещения, и обращающиеся из раскола в православие, хотя бы они были крещены, но от простого мужика, а не от духовного лица, вновь подвергались обряду крещения. Крестить детей у раскольников приказано не иначе, как православным обычаем. При совершении браков раскольников с православными с первых прежде брали обещание под присягой об отречении от раскола, а если женатые заявляли себя уже состоящими в раскольничьем браке, то их допрашивали, кто их венчал, и в случае заперательства брали в розыск. Кроме двойного оклада в казну раскольники обязаны были еще платить приходскому священнику по гривне с души да сверх того по гривне от рождения, по гривне от брака и по гривне от погребения, хотя бы по нежеланию раскольников не были над ними исполняемы эти обряды; раскольниками государь приказал считать не только тех, кто откровенно объявлял себя состоящим в расколе, но записывать в число раскольников и тех, кто, посещая церкви и не уклоняясь от исповеди и причащения, клал на себе двуперстное крестное знамение. Обвиненные по суду раскольники наказывались ссылкой в каторжные работы в Рогервик. Зато самый заклятый раскольник, принимая православие, освобождался от двойного оклада и от всяких поборов, взимаемых с раскольников, хотя бы за ним числились этого рода недоимки за многие годы. Синод преследовал раскольничью литературу и 15 октября 1724 года указал раскольничьи книги и тетради доставлять духовным властям, которые, в свою очередь, должны отсылать их в Синод.

В 1722 году опять повторилось преследование бород. Все бородачи должны были носить особый зипун со стоячим клееным козырем или однорядку с лежащим ожерельем. Раскольники для отличия от обычных бородачей, должны были носить козырь красный. За бороду следовало платить 50 рублей. Если кто придет в судебное место с бородой не в указном платье, от

того не принимали челобитных и тотчас с него взимался штраф 50 рублей, хотя бы он уже заплатил прежнюю годовую плату. Всякий, увидав бородача не в указном платье, мог задержать его и вести к коменданту или воеводе для взятия с него штрафа, из которого половина давалась приводившему бородача. Только пашенные крестьяне не преследовались за бороды, когда не занимались постоянно промыслами. Если бородачу нечем было заплатить штраф, виновного ссылали на работу в Рогервик (Балтийский порт), а сибиряков – на сибирские заводы, но сосланный отпускаясь на свободу, как скоро давал подписку, что обречет бороду и вперед не будет носить ее. Некоторые с намерением избегнуть пени, назначенной за ношение бороды, подрезывали себе бороды, но не обривали совершенно (указ 12 июня 1722 года). Однако этой уловкой не провели государя. Таких велено считать за бородачей и одеваться им в указное платье, а караульным урядникам и солдатам приказывалось ловить их и представлять начальству в губернии и провинции; фискалам велено наблюдать за ними. В июне 1723 года оказалось множество бородачей из купеческого и мещанского звания, сидевших под караулом, потому что по бедности они не могли заплатить требуемого штрафа. Царь велел им всем выбрить бороды и освободить на поруки. В 1724 году для отличия бородачей придумали обязать их носить медные знаки, а женам – опашни и шапки со старинными рогами.

Не ослабевали в последние годы царствования Петра его заботы о народном образовании. В 1724 году в инструкции, данной магистратам, этим городским учреждениям вменялось в обязанность учить читать, писать и считать детей не только зажиточных, но и бедных родителей и с этой целью устроить при городских церквях школы. Но это оставалось только в предположении. Школ не заводили. В Голландию были посланы для изучения архитектуры несколько молодых людей. Осенью 1724 года по их донесению, что им нечего было делать, велено было собрать их вместе и учить разведению, содержанию и украшению огородов, а по мере надобности – и железному делу. После поездки Петра в Париж и знакомства с французскими учеными у него родилась мысль составлять ученые описания, касающиеся своего отечества, и он разослал учеников Петербургской морской академии по губерниям для составления географических карт, а губернаторам и воеводам предписал надзирать за ними и оконченные работы присылать в сенат и камер-коллегию. Плоды этого дела вышли в свет уже после кончины императора, когда был издан первый русский атлас. Двух навигаторов, Евреинова и Лужина, царь отправил в отдаленные места Сибири, между прочим, для решения вопроса: соединяется ли Америка с Азией. При содействии одного из поселившихся в Сибири шведского пленного, голландца Буша, эти царские посланные посетили Камчатку, Охотск и плавали между Курильскими островами, но вопроса о соединении Америки с Азией они не решили, и Петр незадолго до своей кончины отправил с этой же целью другую экспедицию – знаменитого Беринга, совершившего свое путешествие через пролив, оставшийся в географии под его именем, и вернувшегося из своего путешествия уже при преемниках Петра. Петр в это же время отправил в Сибирь доктора Мессершмидта «для изыскания всяких “раритетов”, вещей, зверей, трав, руд и прочее». Этот ученый немец не знал ни слова по-русски, объяснялся только через переводчика и потому встречал большие затруднения. «Кого ни спрошу, – доносил он, – всяк отговаривается неведением». Тем не менее этот путешественник нашел «удивительного зверя» – мамонтову голову, два рога, часть его зуба и кость ноги – и привез в Петербург со многими естественными достопримечательностями монгольские, тунгусские и китайские рукописи.

Петр давно уже сознавал необходимость переводов с иностранных языков книг, касавшихся разных наук и искусств, нередко поверял эти переводы духовным лицам, получившим воспитание в Киевской коллегии. Но оказалось, что иные из них брались за перевод, не зная или языка, с которого переводили, или самого художества, о котором шла речь; царь приказывал таких переводчиков отдавать учить либо языку, либо художеству, смотря по тому, в чем переводчик оказывался слаб. Из замечательных переводов, появившихся в конце царствования Петра, следует упомянуть «Введение во всеобщую историю Самуила Пуффендорфа»,

переведенное с латинского Гаврилой Бужинским. Тем же Бужинским переведено сочинение «Theatrum historicum», под названием «Феатрон, или Позор исторический». Сочинение это в подлиннике написано было в протестантском духе и потому переведено на русский язык с некоторыми замечаниями.

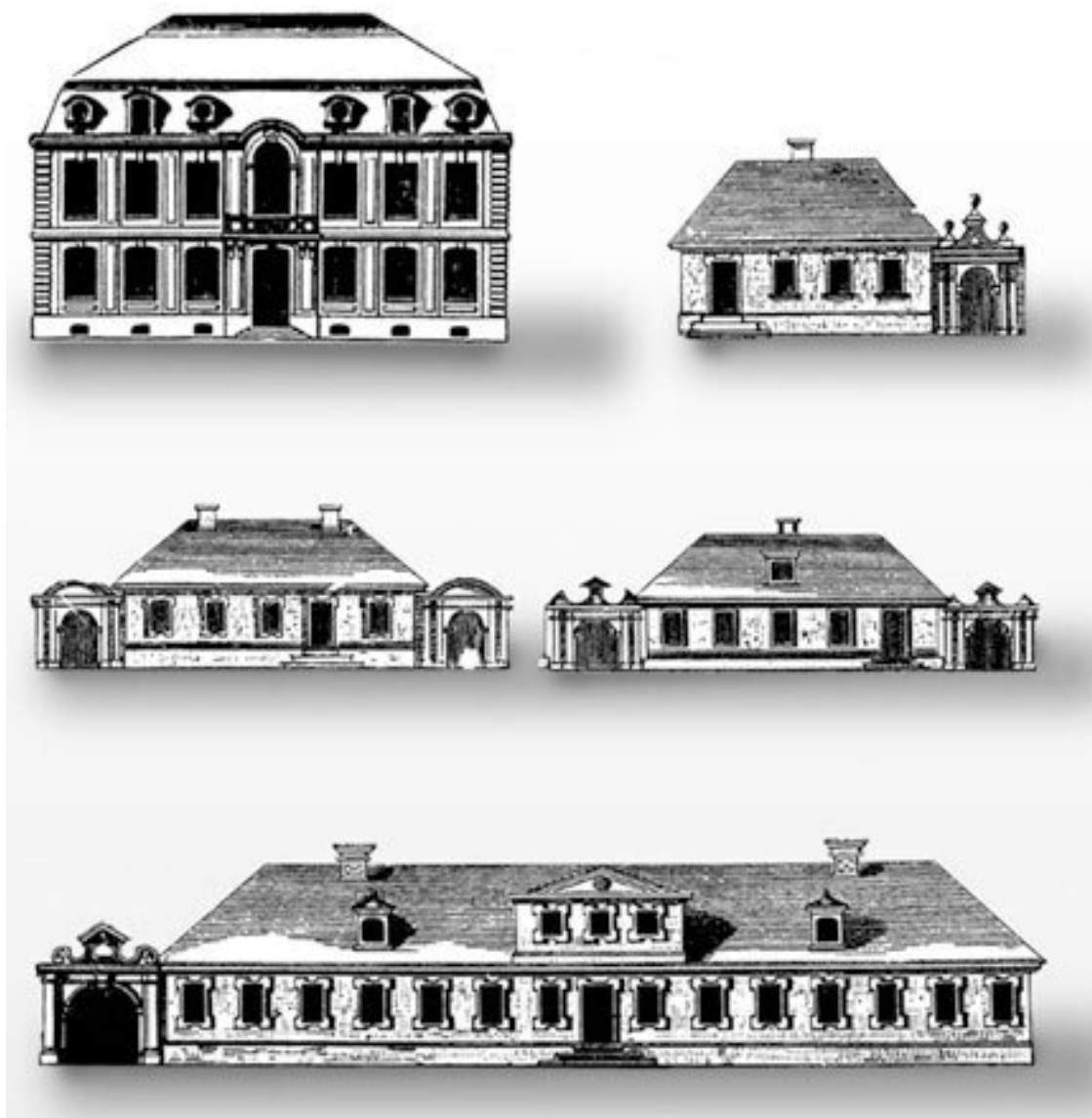
Заглавный лист издания по географии петровского времени

Еще прежде, в 1719 году, в молодой русской литературе явился перевод церковных летописей Барония, с католическим направлением. По царскому повелению была переведена в 1723 году и напечатана «История о разорении Иерусалима Титом и о взятии Константинополя турками». Кантемиром составлена была книга «Система или состояние магометанской религии», а для руководства в математико-навигационных школах переведены были с голландского языка «Горизонтальные северные и южные широты». Более важное значение имел для современников перевод с написанной по-итальянски рагузинским архимандритом Мавро Урбином «Историографии початие имене, славе и расширения народа славянского». Этот перевод, как думают, сделан был Саввой Владиславичем Рагузинским. С польского языка переведено было собрание образцов древнего красноречия под названием «Апофегмата». Одной из характеристических особенностей тогдашней литературы были календари или месяцесловы, в которых кроме астрономических сведений были известные астрологические бредни, которым в те времена верили. Заботясь о введении между русскими приемов европейского обращения, Петр приказал в 1719 году, а потом в 1723 году напечатать книгу «Юности честное зеркало, или показание житейского хождения». Это был переводной сборник разных правил о благопристойности в обращении с людьми.

16 февраля 1722 года государь повторил прежнее предписание о собрании и доставке в столицу старых русских летописей и хронографов. Только на этот раз царь обращался уже не к светским властям, как прежде, а к духовным и приказывал посылать уже не списки, а самые оригиналы, не в сенат, но в Синод, и там переписать их. По окончании шведской войны государю пришла мысль составить ее историческое описание, не без того, что Петром руководило самолюбивое желание увековечить в потомстве славу своих деяний. Сам государь каждую субботу посвящал утро этому делу, вписывая в хронологическом порядке известия о сражениях, победах и потерях русских войск и о разных внутренних учреждениях, начатых в его царствование. В 1723 году государь поручил ведение этого дела барону Гюйссену, изъявляя желание, чтоб «история эта при жизни государя в совершение пришла». Тем же занимались Шафиров и Феофан Прокопович, обращая внимание, по воле Петра, преимущественно на войну со Швецией.

Театра Петр не любил, хотя и не преследовал его, зная, что его допускают и покровительствуют в европейских государствах. Театр при Петре существовал в Москве в самом жалком виде. Из переводных драматических произведений того времени можно указать на перевод «Дон Жуана» с польской переделки и на перевод Мольеровой комедии «*Precieuses ridicules*», названной по-русски «Драгия смеянья». Оба плохи. Но Петр, равнодушный к театру, любил всякие торжества, празднества и восхваления собственных подвигов. От этого в его царствование печатались разные слова, поздравительные речи и песнословия, прославлявшие подвиги великого государя.

Типы петербургских домов времен Петра Великого. С современных рисунков

Указом 27 января 1724 года повелено устроить Академию наук, «где бы учились языкам, наукам и знатным художествам». Академия предполагалась таким заведением, где бы ученые люди публично обучали молодых людей наукам, а некоторых из них воспитывали бы особо при себе с тем, чтобы те, в свою очередь, могли обучать молодых людей первым основам знаний, стараясь, чтоб от этого имели пользу вольные художества и мануфактуры. Академия разделялась на три класса. В первом преподавали бы 4 персоны: одна – математику, другая – астрономию, географию и навигацию, третья и четвертая – механику. Второй класс, физический, – с 4 персонами – преподавателями анатомии, химии, физики теоретической и экспериментальной и ботаники. Третий класс – с 3 персонами, которые преподавали: элоквенцию, древности, древнюю и новую историю, натуральное и публичное право, политику и этику; полезным считалось преподавание экономии. Академики должны были изучать авторов по своей науке, рассматривать новые изобретения и открытия. Каждый академик должен был написать курс своей науки по-латыни с переводом на русский. При Академии следовало завести библиотеку и натуральных вещей камеру, иметь своего живописца и гравировального мастера. Три раза в год в Академии должны происходить публичные ассамблеи, на которых один из членов должен читать речь по своей науке. На содержание Академии определены доходы с городов

Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга, всего 24 912 рублей. Но академикам в целях улучшения их обстановки предоставлялось читать еще и партикулярные лекции. Петр заметил, что ученые люди, занятые своей наукой, мало заботятся о жизненных средствах, поэтому предполагал необходимость таких лиц, которые пеклись бы о материальных нуждах ученых; с этой целью он положил учредить директора, двух товарищей и одного комиссара, заведовавшего денежной казной. Самостоятельный университет в смысле высшего учебного заведения признавался невозможным в России, пока в ней не существовало еще среднеучебных заведений: гимназий и семинарий. Петр, однако, тогда же объявил о намерении учредить со временем университет с тремя факультетами: юридическим, медицинским и философским, а при университете – гимназию. Ревизская перепись, начатая в 1718 году, была совершенно окончена к 1722 году. Оказалось, что во всех 10 губерниях и 48 провинциях было дворов 888 244. Самой населенной губернией была Московская – 259 281 двор. В дополнение велено было указом 10 мая 1722 года сделать перепись малороссиянам слободских полков, поселенным на помещичьих землях, но объявив им, что они переписываются только для сведений, а не для поборов. Иностранцев – астраханских и уфимских татар, как равно и сибирских ясачных и лопарей – ревизская перепись не касалась вовсе.

По окончании ревизии введена была (11 января 1722 года) подушная подать по 80 копеек с души на 500 000 крестьян и деловых людей. Все, которые были не за помещиками, но входили по ревизии в подушный оклад, обязаны были платить еще прибавочных 4 гривны с души; дворовые люди не принимались в раскладку по сборам. 26 июня 1724 года были установлены правила, которыми надлежало руководствоваться при взимании подушной подати. Подушные деньги собирались выборными от местного дворянства в три срока в течение года: в первые два срока по 25 копеек, а в третий срок – по 24 коп. Комиссары, собиравшие подати, брали по одной деньге с души на себя за свой труд. С крестьян, вышедших в подушный оклад, положено не править недоимок (указ 25 января 1725 года).

Лица, посланные по государеву повелению в губернии, должны были созвать дворян и расписать поставленных по селам и деревням солдат, разместив их сообразно количеству крестьянских душ так, чтобы на каждого пешего приходилось крестьянских $35\frac{1}{2}$ душ, а на конного – $50\frac{1}{3}$ душ. Дворянам объявлено, что они будут платить со всякой души мужского пола на содержание войска 8 гривен.

Затем повторены прежние распоряжения о постройке слобод на известном расстоянии одна от другой для избежания постоев солдат в крестьянских дворах. Составлены были более подробные правила об отношениях к помещикам и крестьянам войсковых команд, стоявших на квартирах. Военные не должны были вмешиваться в помещичьи работы, могли пасти лошадей и рубить дрова только там, где помещик укажет. Офицерам и рядовым позволялось держать свой скот, но они не должны были требовать от помещиков фуража. Полковник и офицеры должны наблюдать, чтобы крестьяне, приписанные к их полкам, не бегали, а если проведуют о намерении бежать, то должны посылать в погоню и пойманных передавать помещикам для наказания; военные должны были также в тех округах, где квартировали, ловить разбойников и воров. Поставленных на вечные квартиры военных полагалось брать на канальные работы по мере близости их постоя, впрочем, выбирая для этого преимущественно из гарнизонов, а для пополнения гарнизонов определяя в то же время из армейских полков на место взятых. Кроме двухсот тысяч регулярного войска, таким способом размещаемого, царь в 1722 году велел из однодворцев южных провинций составить отряд конных гусар с карабинами и пиками, а в 1724 году из тех же однодворцев образовать 5187 человек ландмилиции (одного из 16). Ландмилиция эта распускалась по мере ненадобности в ней и собиралась вновь по востребованию. Это была мера охранения русских пределов от вторжения крымцев, и в тех же целях устраивалась на юге линия пирамид высотой в три сажени на таком расстоянии одна от другой, чтобы с одной пирамиды можно было видеть все, что делается близ другой. На этих пирамидах ставились

смоляные бочки и зажигались в случае тревоги, и таким образом на расстоянии нескольких сотен верст мог сделаться известным татарский набег.

Маскарад в Москве в 1722 г. по случаю празднования Ништадского мира

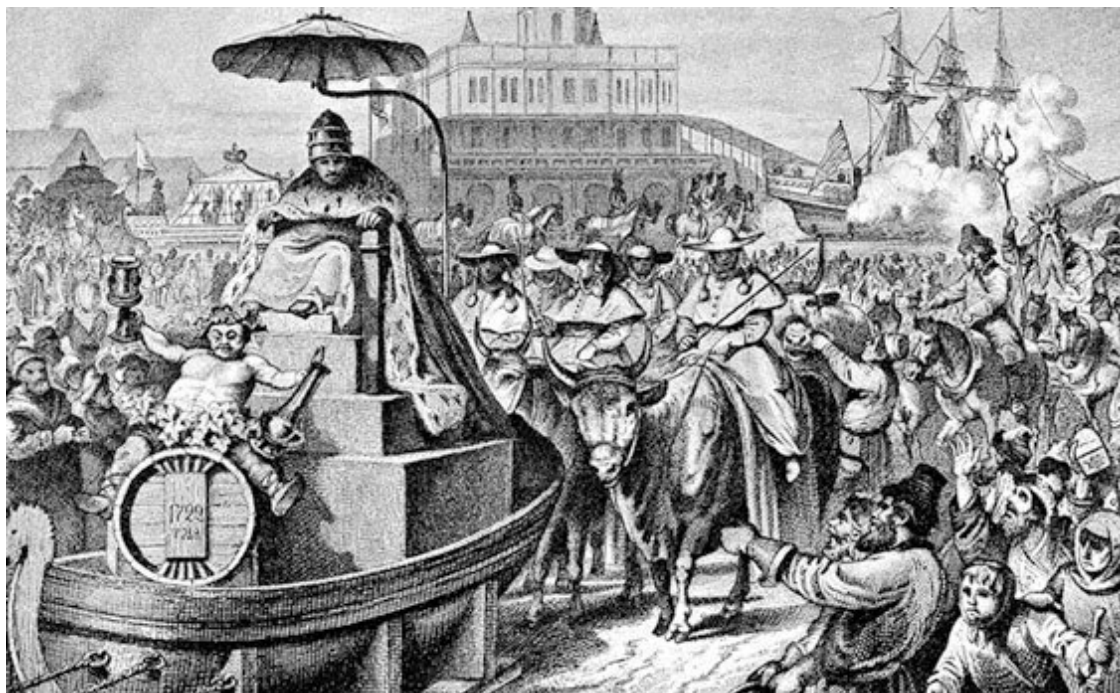
Рекрутская повинность, ложившаяся таким тяжким бременем на тогдашнее народонаселение, в конце царствования Петра расширилась: татары, мордва, черемисы, прежде освобожденные от рекрутчины, в 1722 году сравнены были в этом отношении с другими жителями государства. Малолетних татар велено брать в гарнизоны и употреблять в денщики. В 1722 году был отменен закон, позволявший крепостным людям определяться в солдаты помимо воли помещиков, но в том же году опять возобновлен, однако с тем различием, что поступивших таким образом в службу велено засчитывать за рекрутов их господам. Солдатские дети брались в рекруты, если оказывались годными (указ 19 января 1723 года). Купечество не несло рекрутской повинности натурой, но платило 100 рублей за рекрута. Система подушного оклада, тесно связанная с установлением ревизии и новоучрежденным порядком воинского постоя, вместо облегчения народа, как обещалось, послужила источником большего отягощения для крестьянского сословия. Русские крестьяне попали под зависимость множества командиров и начальников, часто не зная, кому из них повиноваться. Каждый военный, начиная от солдата до генерала, помыкал бедным крестьянином; его тормозили фискалы, комиссары, вельдмейстеры, а воеводы правили народом так, что, по выражению одного указа, изданного уже после смерти Петра, «не пастырями, но волками, в стадо ворвавшимися, называться могут». Наконец, тяготела над крестьянством власть их помещиков, ничем почти не сдерживаемая и особенно тяжело отзывавшаяся там, где помещики не находились в своих имениях, а вместо них управляли крестьянами приказчики. «Можно всякому легко рассудить, – говорится в том же вышеприведенном нами указе, делающем обзор учреждений петровского времени, – какая народу оттого тягость происходит, что вместо того, что прежде к одному управителю адресоваться имели во всех делах, а ныне к десяти и может быть больше. Все те разные управители имеют свои особливые канцелярии и канцелярских служителей, и особливый свой суд, и каждый по своим делам бедный народ волочит, и все те управители, так и их канцелярии и канцелярские служители, жить и пропитания своего хотят, умалчивая о других беспорядках, которые от бессовестных людей, к вящей народной тягости, ежедневно происходят».

Продолжительные войны и всякие преобразования в государстве требовали денег больше, чем могло платить тогдашнее бедное народонаселение России. При всем усиленном старании увеличить государственные доходы Россия получала перед концом царствования Петра от девяти до десяти миллионов ежегодного дохода. Недоимки прогрессивно возрастали, и в 1723 году они представляли следующие цифры: недоимка таможенных сборов доходила до суммы 402 523 рубля, канцелярских и оброчных по смете назначалось собрать 714 756 руб., не собрано 309 322 рубля; пчелиного налога вместо следовавших 35 414 рублей собрано только 15 330 рублей, с мельниц вместо 71 704 рублей собрано 33 696 рублей, с рыбных ловель вместо 89 083 рублей – 43 942 рубля, с пашенных земель и сенокосов вместо следуемых по окладу 18 812 рублей собрано 7637 рублей, с мостов и перевозов вместо 40 469 рублей – 23 598 рублей¹⁹⁶.

Самые разнообразные окладные и неокладные налоги, существовавшие при Петре, не были поставлены в соответствие с действительной платежной способностью, оттого во все царствование Петра не переводились неоплатные должники казне. Еще прежде приказано было отправлять их на казенные работы, но закон этот не исполнялся: подьячие за взятки выпускали их на волю, а властям показывали, будто колодники ушли из тюрьмы; взыскание падало потом на тюремных сторожей. Государь (4 апреля 1722 года) указал предавать виновных подьячих смертной казни, если окажется, что они делали потачку колодникам. Подтверждалось под опасением денежного штрафа должников не держать в тюрьмах, а немедленно отправлять на галеры.

---

¹⁹⁶ В 1724 году была составлена камер-коллегией табель разным оброчным статьям, кроме подушного собора. Самую крупную цифру из всех налогов представляли таможенные – 982 722 рубля и кабачные – 973 292 руб., соляной сбор (за три года дал) 662 118 руб., денежные двory – 216 808 руб., с рыбных ловель – 89 197, с мельниц – 73 261, с приезжих возов в Москве положенного сбора – 58 018, с инородцев – 54 969, с дворцовых волостей – 94 490, Лифляндии и Эстляндии контрибутивных и арендных – 87 032, с письма крепостей неокладный сбор – 45 438, с дел пошлин – 44 940, с домовых бань разночинцев – 40 293, с церковников – 40 294, конских пошлин – 40 841, мелких канцелярских и харчевых сборов – 30 273, с пчелиных ульев – 29 110, с крестьянских бань – 26 609, с имений синодальных ведомств – 29 443, с найма извозчиков – 29 926, с попов за драгунские лошади – 27 523, с оброчных земель – 26 263, с церквей данных – 22 780, печатных пошлин от запечатывания указов – 21 832, с гербовой – 17 134, почтового сбора – 16 261, с вечных памятей – 9409 и другие налоги. Всего таких сборов 4 040 090 руб. Государь, выслушав в сенате 12 августа 1724 года окладную табель всех сборов, постановил отставить следующие виды налогов: 1) с церковников и монастырских слуг (40 254 руб.), 2) с пчелиных ульев и с бортей, 3) с попов за драгунские лошади, 4) с приказных людей (12 546 руб.), 5) с крестьянских бань, 6) поземельный сбор (5967 руб.), 7) с мастеровых и работных людей, с лавочных сидельцев и с ходячих продавцов (5329 руб.), 8) с клеймения платья, шапок, сапог (389 руб.), что составило всего 146 631 руб.

Маскарадное шествие в Москве по случаю Ништадского мира 1722 г. С немецкой гравюры по рисунку Шарлеманя

В последние годы царствования Петра в разных городах учреждены были (6 апреля 1722 года) вальдмейстеры для сбережения лесов. Главное внимание обращено было, как и прежде, на окрестности больших рек и озер, особенно на линии от устья Оки вниз по Волге и по рекам, впадающим в Волгу; во всех дачах, чьи бы они ни были, владельцам запрещалось рубить лес даже для собственных нужд. После тяжелых пеней за две последовательные порубки лесов за третью следовали наказание кнутом и ссылка на галеры на 20 лет.

В 1722 году к предшествовавшим коллегиям прибавлено еще две: Малороссийская и вотчинная. Первая была в Глухове и выражала собой орган центральной власти в крае, которому предоставлялись еще права отдельного самоуправления. Во вторую стекались все дела о поземельных владениях, которые ведались до этого времени в упраздненном тогда Поместном приказе.

С учреждением юстиц-коллегии по городам были определены зависевшие от этого учреждения судьи, и тем был положен как бы зачаток разделения власти административной от судебной. Но 12 марта 1722 года такие судьи были отменены и правосудие в провинциях по-прежнему было вверено воеводам, творившим суд вместе с двумя ассессорами из отставных офицеров или дворян. Там, где города отстояли верст на 200 и более один от другого, воеводы могли иметь еще лишних ассессоров и посылать их вместо себя с правом судить до 20 рублей, а потом сумма была возвышена до 50 рублей. Надворные суды, где такие находились, не подчинялись ни губернаторам, ни воеводам. При всех беспрестанных нравоучениях Петра и угрозах за несоблюдение правосудия продолжали совершаться дела, возбуждавшие гнев государя. И в 1722 году он приказал напечатать и выставить в сенате и во всех присутственных местах наставление о том, как следует обращаться с законами. «Всеу законы писать, – говорится в том указе, – когда их не хранить или ими играть, как в карты, прибирая масть к масти». Но предусматривая, что могут быть замедления и упущения и от малого понимания смысла законов и нововведенных учреждений, Петр в том же своем наставлении (17 апреля 1722 года) прибавил: «Буде же в тех регламентах что покажется темно или такое дело, что на оное ясного решения не положено: такие дела не вершить, ниже определять, но приносить в сенат выписки

о том». Сенат обязан был «собрать все коллегии и об оном мыслить и толковать под присягой, однако ж не определять, но, положа например свое мнение, объявлять государю». Вместо двух штаб-офицеров, находившихся прежде в сенате, наблюдателем над ходом дел в сенате назначался генерал-прокурор. Он должен был смотреть, чтобы все исполняли свое дело, протестовал, делал замечания и наставления, получал от фискалов донесения, предлагал их сенату и должен был смотреть за самими фискалами. Генерал-прокурор имел под своим ведением обер-прокуроров и прокуроров в областях. Это учреждение не подлежало никакому суду, кроме самого государя. Генерал-прокурор имел право арестовать сенаторов, поверять производимые ими дела иным лицам, но не имел права ни пытаться их, ни наказывать. «Сей чин, – говорится в указе 27 апреля 1722 года, – яко око наше и стряпчий в делах государственных и на нем первом взыскано будет, если в чем поманит». Впрочем, генерал-прокурор не отвечал за ошибки, «понеже лучше дополнением ошибиться, нежели молчанием». Институт прокуроров сплеталась с институцией фискалов. В коллегиях и надворных судах фискалы доносили прокурорам, а в случае медленности прокурора по этим доношениям фискал через своего обер-фискала доносил генерал-прокурору. Последнему каждый фискал мог подавать донос и на своего обер-фискала.

По-прежнему важнейшими делами считались те, которые прямо относились к оскорблениям чести государя. Кроме фискалов и прокуроров всякому дозволялось подавать доносы о таких делах, надеясь за то царской милости, а за сокрытие чего-нибудь вредного государевой чести назначались смертная казнь и отобрание в казну всего имущества. Поощряя доносительство, Петр, однако, в указе 22 января 1724 года заметил, что иные делали доносы, находясь сами под розыском, и положил таким доносчикам, в уважение к сделанному ими доносу, не облегчать наказания, следуемого за собственные их преступления, а приниматься за их донос, уже покончив с ними самими. После указа о сжигании подметных писем охотники к ним приискали другие способы их распространять; они разносили эти письма сами или передавали через прислугу. 9 ноября 1724 года Петр отменил прежний свой указ об истреблении подметных писем без их прочтения, а велел их разносителей представлять в полицейскую канцелярию.

В начале 1724 года состоялось новое положение, до этого времени не существовавшее: никто из служащих не мог отговариваться незнанием закона. Военные люди должны были знать воинский артикул, а статские – генеральный регламент (25 сентября 1724 года). Никто не имел права отговариваться неведением, в какой суд обратиться по своему делу (13 ноября 1724 года).

Дела о злоупотреблениях должностных лиц по-прежнему влекли за собой мрачные и кровавые зрелища казней. В 1722 году производилось дело воронежского вице-губернатора Колычева: за ним открылись большие злоупотребления и лихоимства, начет на него доходил до 700 000 рублей. Его наказали кнутом. Громче было дело о подканцлере Шафирове, человеке, давно уже пользовавшемся доверием государя. Возникло дело о том, что Меншиков, владея в Малороссии местечком Почепом, населил у себя много лишних людей и захватил в свое владение лишние земли. Шафиров в сенате был против Меншикова вместе с Голицыным и Долгоруким. Обер-прокурор сената Скорняков-Писарев был за Меншикова против Шафирова. Вскоре этот человек, злобясь на Шафирова, придрался к нему по другому делу, в котором Шафиров покушался учинить незаконное постановление ради своих интересов: Шафиров хотел, чтобы его брату Михайлу при переходе с одной службы на другую выдали лишнее жалованье, и подводил его под закон об иноземцах. Скорняков-Писарев колко заметил ему, что Шафиры не иноземцы, а жидовской породы, и дед их был в Орше «шафором» (домоправителем), отчего и произошло их фамильное прозвище. Колкое замечание раздражило Шафирова, а враг его, озлобившись пуще, через несколько дней опять зацепил его. В сенате слушалось дело о почте – почтой управлял Шафиров. Обер-прокурор потребовал, чтобы Шафиров

вышел из сенатского присутствия, потому что царский указ предписывал судьям выходить прочь из присутствия, когда слушаются дела, касающиеся их самих или их родственников. Шафиров не послушался, обругал Скорнякова-Писарева вором, а потом наговорил колкостей канцлеру Головкину и Меншикову. Тогда оскорбленные сенаторы сами вышли из заседания и затем подали мнение, что Шафиров за свои противозаконные поступки должен быть отрешен от сената. Царя в то время не было, он находился в персидском походе, а возвратившись в январе 1723 года, назначил в Преображенском селе высший суд из сенаторов и нескольких высших военных начальников. Суд этот приговорил Шафирова к смертной казни. 15 февраля 1723 года приговор должен был совершиться в Москве в Кремле. Когда в назначенный день осужденный положил голову на плаху, тайный кабинет-секретарь Макаров провозгласил, что государь в уважение прежних заслуг Шафирова дарует ему жизнь и заменяет смертную казнь ссылкой в Сибирь. Позор эшафота расстроил Шафирова до такой степени, что хирург должен был пустить ему кровь. «Лучше было бы, – сказал тогда Шафиров, – если бы пустил мне кровь палач и с кровью истекла моя жизнь». Потом ссылку в Сибирь царь заменил Шафирову отправкой на жительство в Новгород вместе с его семейством. Шафиров, лишенный своего достоинства, жил там в крайней бедности и под строгим надзором; русские вельможи и даже иностранные министры посылали ему милостыню. Императрица Екатерина просила государя помиловать его. Петр был неумолим.

Свадьба карликов в 1710 г. С современной голландской гравюры

Но и Скорнякова-Писарева Петр тогда же отрешил от должности обер-прокурора, отобрал у него пожалованные деревни, однако в следующем году назначил его смотрителем работ на Ладожском канале. Двух сенаторов, державших сторону Шафирова, – князя Долгорукого и Дмитрия Голицына – Петр наказал денежным штрафом и шестимесячным тюремным заключением, но через четыре дня простил их по просьбе императрицы. Ссора Скорнякова-Писарева с Шафировым повлекла к новому закону о наложении штрафов за неприличное поведение в присутственном месте.

Обер-фискал Нестеров, который много лет отличался ревностным преследованием всяких злоупотреблений, наконец и сам попался. Его оговорил ярославский провинциал-фискал Попцов, обвиненный в нарушении инструкции, данной фискалам, и за это после казненный смертью. Но после казни Попцова государь велел устроить суд над Нестеровым; этот суд, состоявшийся под председательством генерал-прокурора Ягужинского, подверг Нестерова пытке и нашел, что Нестеров брал с Попцова взятки деньгами и вещами, брал взятки с других лиц по поводу определения их на воеводские места, наконец, брал и по кабачным откупам. На Нестерова начли 300 000 рублей. Нестеров был приговорен к смерти и казнен в январе 1724

года на площади напротив Коллегий. Петр, любивший зрелища подобного рода, стоял у окна камер-коллегии. Старик Нестеров, взойдя на эшафот, увидел государя, поклонился и закричал: «Виноват». Но помилования ему не было оказано, палачи тотчас начали его колесовать – ломали сперва одну руку, потом ногу, потом другую руку и другую ногу; истерзанный еще был жив в страшных страданиях. Майор Мамонов от имени государя, подойдя к нему, сказал, что ему отрубят голову и прекратят его мучения, если он все покажет. Нестеров отвечал, что он уже все показал. Его потащили к плахе и положили лицом в кровь, вытекшую из голов двух казненных перед ним товарищей, а потом отрубили голову. Головы казненных были воткнуты на железные кольца, их обезглавленные тела навязали на колеса. Тогда с Нестеровым было казнено девять человек, еще несколько наказаны кнутом и сосланы на галерные работы, а четверем из них вырвали ноздри. Петр приказал согнать на эту казнь всех подьячих, дабы они видели, что бывает за злоупотребления по должности. Вслед за тем Меншиков, бывший до того сильным, что сенаторы, вздумавшие сопротивляться его воле, подвергались опасности потерять жизнь, принужден был по делу о незаконном присвоении земель и людей к своему владению в Малороссии повиниться перед Петром и просить «милостивого прощения и отеческого рассуждения». «Он в беззакониях зачат, во грехах родился и в плутовстве скончает живот свой», – сказал о Меншикове Петр, однако простил его и опять ездил к нему обедать и пировать.

В 1723 году возникло знаменательное дело о малороссийском наказном гетмане Полуботке и малороссийской старшине. Учрежденная в 1722 году Малороссийская коллегия, состоявшая из шести штаб-офицеров под председательством бригадира Вельяминова, очень не понравилась малороссам, и гетман Скоропадский, находившийся временно в Петербурге, представлял царю, что таким поступком нарушается смысл договора с Хмельницким, по которому Малороссия соединилась с Россией. Петр не внял этой жалобе, а Скоропадский уехал на родину и скончался в июле 1722 года. До избрания нового гетмана по старым малорусским обычаям следовало назначить наказного гетмана из полковников, и таким наказным гетманом сделан был черниговский полковник Павел Полуботок. Петр недолюбливал его и не хотел, чтобы он был гетманом, а намеревался устроить в Малороссии другое правительственное учреждение вместо гетманства. Не решив вопроса о малороссийском правительстве, государь уехал в персидский поход. В его отсутствие старшина жаловалась в сенат на малороссийскую коллегия за то, что она, помимо старшины, рассылала по малороссийским полкам универсалы, в которых предоставляла черни, то есть простым казакам и посполитому народу, приносить в коллегия жалобы на несправедливость и утеснения, причиняемые первым от казацких чиновников, а второму – от их помещиков. Эти универсалы, как и следовало ожидать, стали тотчас сигналом к беспорядкам. Крестьяне не повиновались помещикам, буйствовали, и одному из казацких старшин и помещиков, Забеле, нанесли побои. Полуботок со старшиной в целях сохранения спокойствия выдал со своей стороны универсалы, внушавшие крестьянам долг повиновения к владельцам тех земель, на которых крестьяне проживали. Этот поступок наказного гетмана и старшины был формально противен царскому указу, запрещавшему посылать универсалы без согласия с Малороссийской коллегией, и тем более казался недозволительным, когда универсалы, разосланные Полуботком, по своему содержанию, прямо были направлены против универсалов коллегии.

По возвращении Петра в Москву из похода, царю была прислана из Малороссии просьба об избрании настоящего гетмана. Петр не исполнил желания малороссов, но издал указ о назначении в малороссийские казацкие полки вместо выборных полковников, как было прежде, новых полковников из великороссов, а сенат по царскому приказанию секретно поручил Вельяминову побудить малороссиян просить у царя, как милости, чтобы суд в Малороссии производился по великорусскому Уложению и по царским указам. Затем Полуботка с генеральным писарем Савичем и генеральным судьей Чарнышем потребовали в Петербург к ответу. Здесь в Тайной канцелярии сделан был им придирчивый допрос. Малороссияне оправдывали

свою рассылку универсалов о повиновении подданных владельцам тем, что посольство, возбуждаемое дозволением жаловаться на властей, начало уже волноваться; необходимо было остановить своеволие простонародья и не допустить до всеобщего мятежа. Кроме того, в Тайной канцелярии Полуботку и старшинам показали разные жалобы, последовавшие на них от разных малороссов. Жалобы эти, лишенные улики, были совершенно бездоказательны, однако 10 ноября 1723 года государь приказал препроводить в крепость Полуботка, Савича и Чарныша с толпой казаков и служителей, приехавших с ними в Петербург. Петру по политическим соображениям, как видно, хотелось обвинить малороссийских старшин в государственном преступлении: он был ими недоволен за то, что они добивались выбора гетмана и сохранения прав Малороссийского края. Явилось письмо от черниговского епископа Иродиана к епископу псковскому Феофану. Иродиан писал, что слышал от какого-то Борковского о сношениях Полуботка с изменником Орликом, приходившим с ордой в Украину. Но розыск, сделанный об этом киевским губернатором князем Трубецким по указу из Тайной канцелярии, не привел дела в ясность: «понеже за страхом от Полуботка не объявляют правды». Петр отправил в Малороссию майора Румянцева, приказал ему собирать казаков и всяких людей и сказать им, чтобы они без всякой опасности для себя ехали обличать Полуботка; вместе с тем Румянцев должен был заручиться от малороссийских казаков заявлением, что ни они, ни малороссийское посольство вовсе не желают избрания гетмана, что челобитная об этом государю составлена без их ведома старшиной, что они желают, чтобы у них полковниками были великороссы. Румянцев, оказавший уже вместе с Толстым важную услугу Петру доставкой из Неаполя беглого царевича, и теперь в Малороссии исполнил царское поручение так, как только мог угодить Петру. Он извещал, что в разных малороссийских городах он собирал сходки и везде слышал отзвывы, что простые казаки не знают о челобитной, гетманства не хотят вовсе и очень довольны тем, что им назначают в полковники великороссов вместо природных малороссов. Заключенные в крепость малороссы, Полуботок с товарищами, не были уже освобождены Петром. Полуботок умер в тюрьме, а товарищи его получили свободу уже при Екатерине I¹⁹⁷. Наши историки представляют это дело в таком виде, как будто Петр заступался здесь за многих обижаемых и утесняемых в Малороссии Полуботком и старшиной, но из дела не видно ни малейших доказательств виновности этих лиц в чем бы то ни было, и они представляются скорее жертвами государственных соображений правительства, желавшего всеми средствами уничтожить отдельную самостоятельность Малороссии и теснее соединить ее с другими частями империи.

Побеги в этот период времени не уменьшались, и распоряжения о беглых следовали прежним порядком. В 1722 году беглым давался срок добровольной явки на год, с объявлением помилования, если они воспользуются сроком. Однако охотников воспользоваться милосердием государя было немного. Народ толпами уходил за границу, и по указу 26 июня 1723 года устроены были по границе заставы; польскому правительству написано было, чтоб оно, со своей стороны, назначило комиссаров для поимки и отсылки в Россию бежавшего в Польшу русского народа. Расставленные на границах драгунские полки не могли совладать с беглыми, которые уходили за рубеж с ружьями, рогатинами и, встречая на рубеже драгун, готовы были биться с ними, как с неприятелями; другие же толпами успевали проходить мимо застав. Государь велел стрелять в упрямых беглецов. Беглые селились в Польше, а потом переходили за рубеж вооруженными шайками, били, мучили и грабили людей по дорогам, особенно в Псковской провинции они навели большой страх, тем более что там была недостача военных команд. Строгий для беглых во всех краях Руси, Петр делал в этом отношении послабление для Ингер-

¹⁹⁷ О смерти Полуботка (17 декабря 1724 г.) в Малороссии сохранилось предание, что Петр, услышав о его безнадежной болезни, сам посетил его в заключении, и Полуботок, сознавая скорую смерть свою, предрек государю и его кончину, сказав: «Скоро Петр и Павел предстанут перед судом Божиим!»

манландии, которую хотел заселить русскими. Беглые крестьяне, поселившиеся в этом крае из других русских областей, не отдавались своим прежним помещикам. Если у владельцев были собственные земли в Ингерманландии, то беглые приписывались на эти земли, а если не было, то их владельцам позволялось продавать бывших в бегах тем помещикам, за которыми числились земли в Ингерманландии, или получать от казны за мужчину по 10 рублей, а за женщину – по 5 рублей. Беглые всякого рода толпились во множестве в Пензенской, Тамбовской провинциях и на юге России – в Киевской губернии и на Дону. Многие из них показывали себя непомнящими родства; царь приказал таких отправлять в Петербург для поселения на ингерманландских землях, принадлежавших государю. Стараясь о развитии горного промысла, Петр дозволил на заводах принимать беглых крестьян без отдачи прежним владельцам с тем, чтоб эта льгота не простиралась на уклоняющихся от военной службы.

Объявление указа Петра Великого (1699 г.) считать «Новый год» с 1 января

Побеги умножались тогда по причине свирепствовавшего в России голода. Летом 1722 года был большой хлебный недород, люди стали умирать от голода, и царь указом 16 февраля 1723 года приказал рассчитать, сколько нужно на год или на полтора каждому помещику для себя и для крестьян на обсеменение полей, а затем весь хлеб отобрать и раздать неимущим на пропитание, однако с условием, чтобы последние после возвращали без всякой отговорки. Велено было отбирать хлеб у купцов и промышленников, которые скупали его для продажи по высокой цене; царь приказал этот хлеб продавать народу в Петербурге и Москве так, чтобы сверх покупной цены и пошлин приходилось купцам, у которых отобрали этот хлеб,

прибыли не более одной гривны на рубль. Придумали и другую меру для облегчения народного бедствия: со всех служащих, исключая военных иностранцев, из получаемого ими жалованья вычиталась одна четверть. У губернаторов, вице-губернаторов и комендантов, владевших деревнями, велено было на время неурожая отобрать все их хлебное жалованье, упразднено было, сверх того, всякое двойное и прибавочное жалованье, хотя бы получаемое в виде награды сверх действительных окладов по чину. Но в августе того же года оказалось, что служащие в канцеляриях и коллегиях, не получая полного своего жалованья, пришли в крайнюю нужду, и потому сенат приказал выдавать им, за недостатком денег, сибирскими и прочими товарами, а вместо муки – рожью. По случаю голода дозволено было привозить хлеб из-за границы, сначала за половинную пошлину, а затем совсем беспошлинно (указы июня 1723 года, 13 января и 28 августа 1724 года), и в силу такого дозволения в апреле 1724 года привезено было иностранного хлеба на 200 000 рублей; русские купцы могли продавать повсюду, но брать прибыль для себя не более гривны с рубля за зерно и не более двух – за муку. Дороговизна хлеба продолжалась до конца царствования Петра и побудила устроить при камер-коллегии особую контору для принятия мер на будущее в случаях неурожая. Уже за две недели до своей кончины Петр установил правила против повышения цен съестных припасов, охранявшие покупателей от стычек между алчными торговцами.

Между тем голод и побегі приводили к умножению разбоев. Летом 1722 года дошло до царя, что на Оке и на Волге разбойники убивают хозяев, грабят товары, а наемные работники на купеческих судах не только не обороняют своих хозяев, но еще сами подговаривают разбойников. Около самого Петербурга не было проезда из-за разбойничьих шаек, а одна из этих шаек, доходившая, как говорят, до 9000, под командой отставного полковника помышляла напасть на столицу, сжечь адмиралтейство и все военные склады и перебить всех иностранцев. Тридцать шесть разбойников были схвачены, посажены на кол и повешены за ребра.

Государь продолжал заботиться о заселении любимого Петербурга. В марте 1722 года приказано взять на житье в Петербург из разных северных городов и уездов 350 плотников с их семьями, потом для той же цели в 1724 году приказано в Архангельске набрать 1000 семей плотников. 5 января 1724 года царь указывал поселяться на Васильевском острове помещикам: они обязаны были строить себе дома, занимая разные пространства сообразно количеству числящихся за ними по ревизии душ. Те, у кого было 5000 душ, должны были строить каменные дома на 10 саженьях, у кого было от 2500 душ – на 8 саженьях, у кого 1500 – на 5 саженьях, а те, у кого было от 500 душ, должны были строить мазанки или деревянные дома. Все они обязаны были приехать к будущей зиме и под страхом лишения всего движимого и недвижимого начать постройку. Каждый дом должен быть готов к 1726 году под страхом конфискации половины имения. Вменялось в обязанность строящимся делать кирпич за собственный счет, каждый обязывался выработать не менее миллиона кирпичей под опасением штрафа, равного цене полумиллиона кирпичей. Те, у кого уже были дома на Московской стороне и на Петербургском острове, должны были их продать или сделать загородными дачами, а сами перебраться на Васильевский остров. Жители Петербурга были стеснены в своем образе жизни: не смели пускать к себе приезжих постояльцев, обязанных останавливаться в новопостроенных нарочно постоялых дворах, а владельцы пригородных дач должны были для прорубки и просек испрашивать дозволения.

Петр возымел желание дать своему Петербургу местного патрона и избрал для этой цели святого князя Александра Невского. 4 июня 1723 года государь приказал перевезти его мощи из Владимира в Александро-Невский монастырь. За счет монастырских доходов положено построить раку в ковчеге с балдахинном, возить ее на переменных лошадях от города до города посадским, ямщикам и всяким крестьянам и прибыть в Петербург к 25 августа. Воеводы в городах и сельские начальства должны были встречать с подобающей честью эти мощи во время провоза их в Петербург. Мощи были встречены за несколько верст от Петербурга самим

царем и доставлены на судне в Александро-Невский монастырь, где положены были в наглухо запертой позолоченной раке. По этому поводу новгородский епископ делал пиршество для всего двора в монастыре, потом князь Меншиков делал вечер, ужин, а адмирал Апраксин – маскарад, на котором присутствовал государь.

Обращалось внимание и на другие города. В старой столице началась усиленная деятельность по благоустройству города. 19 января 1722 года учреждена была должность московского обер-полицеймейстера. В 1722 году велено московским обывателям в продолжение четырех лет выстроить каменные дома и покрыть их гонтом; для этого приказано собрать в Москву из Малороссии мастеров, умеющих делать гонтовые крыши. Они должны были бесплатно обучать крестьян, которых помещики пожелают отдать в учение. Черных изб без труб или с деревянными трубами отнюдь не дозволялось более строить, а существующие велено сломать; приказано мостить Москву камнем вместо прежней деревянной мостовой, непрочной, неудобной для езды и опасной во время пожаров. Запрещалось бросать на улицу падаль и помет, заваливать реки нечистотами, на рынках торговцам продавать вонючее мясо и рыбу, продавцам съестного приказано покрывать свои шалаши рогожами и полки холстом, а хлебников обязали для опрятности носить балахоны.

Для предупреждения опасности от пожаров, постоянно опустошавших русские города, издавались правила, касавшиеся постройки во всей России. В 1722 году в Новгороде после бывшего там пожара приказано возводить хоромные строения регулярно, как в Петербурге, и улицы разбить по плану, стараясь сделать их широкими и прямыми. В том же году по России погорело множество сел. Государь приказал отстроить погоревшие села не иначе, как по прежде изданным правилам о сельских постройках, оставляя между дворами пустое место в 5 сажен. Но царский указ не исполнялся, крестьяне строились по-прежнему, как попало, и 3 апреля 1724 года издан подтвердительный указ, чтобы помещики непременно принуждали крестьян строиться по плану.

В 1722 году учреждена была почт-дирекция, которой отдавался весь Ямской приказ, иностранные купеческие почтамты и все почтовые станы. Дорожная повинность пала на всех обывателей по целой России. Государь указал для починки и проложения дорог обложить особым налогом купечество и все обывательские дворы. Для первого примера приказано проложить перспективную дорогу от Волхова до Москвы и сгонять к этой работе помещичьих и дворцовых крестьян, живущих в стороне на 50 верст. Готовясь в поход в Персию, государь приказал устроить дорогу от Москвы до волжского Царицына и поставить верстовые столбы, а во время зимы вымерить по льду реки весь речной путь от Москвы до Астрахани, и от одного города с пристанью до другого такого же поставить столбы, по которым можно было знать между ними расстояние. Намерение устроить пути сообщения занимало Петра в конце жизни, он думал и в этом отношении принимать за образец Швецию. Но государь с жалостью замечал, что все делалось не так, как он хотел и предписывал.

Постройка Ладожского канала не была совершенно окончена до конца царствования Петра. В феврале 1723 года на работы по Ладожскому каналу начали высылать малороссиян, и сразу их было послано пять тысяч человек. Со всей России на тот же предмет велено было назначить по две гривны с двора, а с купечества – по десяти денег с рубля. Предположено прорыть канал от Нази до Волхова. Это дело поручено Миниху с жалованьем по 100 рублей в месяц, велено дать ему для работ 16 000 солдат и драгун, а 28 августа 1724 года из армейских полков прибавлено еще 4000 человек. В зимнее время они отпускались на зимние квартиры, часть их оставалась при канале, и для тех строились избы.

В 1722 году Петр обратил внимание на то, что в России количество фальшивых денег не уменьшалось, а все увеличивалось. Чтобы прекратить их обращение в народе, приказано делать монету по новому рисунку, а старые деньги приносить для переделки на монетный двор до апреля 1724 года. Но никто не спешил исполнять это предписание, напротив, прятали ста-

рую монету, надеясь со временем получить за нее барыши. И в самом деле, уже в конце февраля 1724 года за один старый рубль давали пять новых. Дозволялось приносить на денежные дворы золото и серебро и получать за него определенную плату¹⁹⁸. Гербовая бумага по важности считалась наравне с монетой, за ее подделку казнили смертью.

Торговля с Европой шла сухопутным путем через Малороссию и Польшу, а морем – через балтийские и архангельские порты. В Малороссии по-прежнему производилась торговля товарами, которые опять были причислены к заповедным: пенькой, юфтью, поташем, смольчугом, салом, воском, льняным семенем, щетиной, икрой, золотом и серебром. 10 марта 1723 года дан указ, чтобы на Васильковской заставе близ Киева осматривать и арестовывать купцов с этими товарами; кроме того, к товарам, недозволенным к отпуску за границу, причислены овечья шерсть, пеньковые веревки, узкие холсты, овчины и хлеб, а из-за границы запрещалось ввозить игральные карты, коломенки, полуколоменки, полотна ниже рубля за аршин и стамед. В самой Малороссии начал тогда производиться табак, составлявший предмет вывоза в великорусские области и доставлявший казне доход, так как с него бралась 1/10 часть натурой. 31 января 1724 года издан был морской торговый устав, где были начертаны правила: о приходе иностранных торговых судов, о способе их выгрузки, о погрузке на них русских товаров и о платеже казенных пошлин.

---

¹⁹⁸ За фунт золота высшего достоинства 96-й пробы – 243 рубля, а 75-й пробы – 195 рублей, за пуд серебра низшей 70-й пробы – 560 рублей, а высшей 96-й пробы – 768 рублей.

В.А. Серов. Петр I в Монплезире

По тогдашним понятиям наибольшее благосостояние страны измерялось наибольшим приливом денег, поэтому Петр 8 ноября 1723 года дал указ камер-коллегии, чтобы товары, шедшие за границу, продавались больше на чистые деньги, чем менялись на товары.

В том же году 20 декабря указано с купцов, приезжающих из Китая, не брать пошлины за привозимое золото и серебро, привозить то и другое можно было сколько угодно, но под страхом смертной казни запрещалось продавать где бы то ни было, кроме денежного двора.

Русского государя тогда особенно занимала торговля с Францией. Главный продукт этой страны, желаемый Петром для ввоза в Россию, было вино, так как, по его взгляду, французское вино было лучше вин других стран. Дозволено было иностранцам продавать французское вино оптом, с платежом обыкновенных пошлин и с уплатой 2 рублей акциза за анкер. Но 16 июля 1723 года этот двухрублевый акциз отменен и позволено продавать враздробь. В ноябре того же года назначен русский консул в Бордо, главным образом для надзора за виноторговлей. 20 августа 1723 года назначен был русский консул в Кадикс. Русские товары, туда привозимые, приказано продавать на золото и серебро или менять на шерсть, кошениль, сандал и деревянное масло. Занимала Петра также и торговля с Испанией и Португалией. Для развития духа торговой предприимчивости Петр 8 ноября того же года предписал коммерц-коллегии посылать в чужие края детей купеческих, группами не менее 15 человек, и по 20 человек в Ревель

и Ригу. Объявлялось: если кто выдумает новый источник прибыли без народного отягощения, тому давать 1/3 или 1/4 прибыли ежегодно.

Когда в 1723 году Россия получила в свое владение от Персии новые области, Петр тотчас приказал собирать сведения, где можно добывать сахар, мед, разводить плодовые деревья, завести шелководство, и для этого хотел выписывать итальянских мастеров, предполагал из персидских провинций сбывать в Польшу шафран и фрукты, рассчитывая, что поляки будут их употреблять в кушанья. Правительство обратилось к армянской компании и побуждало ее привозить в Россию шелк, открыв для нее свободную торговлю между Астраханью и Гилянью.

Для суконных фабрик, которыми так дорожил Петр во все свое царствование, до сих пор шерсть выписывалась из-за границы. Петр с целью развести домашнее овцеводство указал в мае 1722 года многовотчинным помещикам раздать овец, обязав их принимать, хотя бы не хотели, и содержать овчаров, а шерсть продавать на суконные заводы компанейщикам. Русского сукна было мало до самой смерти Петра: в 1724 году выписано было из Англии 300 000 аршин, а прусский посланник предложил привозить прусское сукно, которое оказалось уже, но добротнее английского. Высший сорт продавался по 66 копеек, а низший – по 48 коп. за аршин. Шерсть, получаемая с русских заводов тонкорунных овец, продавалась по 2 рубля 20 коп. за пуд и должна была идти на русские фабрики. В Малороссии, где лучше всего могло идти овцеводство, распоряжение Петра исполнялось дурно.

В декабре 1723 года был составлен регламент мануфактур-коллегии. Всем дозволялось заводить фабрики с ведома мануфактур-коллегии. Этому учреждению вменялось в руководство не закрывать одних в пользу других и иметь в виду, что от соперничества между заводчиками зависели не только умножение мануфактур, но также достоинство и дешевизна произведений. Заводчикам давалось право беспошлинной торговли на несколько лет, предоставлялось приобретать населенные имения к заводам с тем, чтобы они не продавали людей от завода, а сами заводы могли продавать только с разрешения мануфактур-коллегии. В начале каждого года мануфактуристы должны были представлять образчики своих изделий. Вместе с тем Петр находил полезной мерой повышение пошлин с привозимых из-за границы предметов, которые уже производились в России, хотя бы и в небольшом количестве. Петр пришел тогда к убеждению в невыгодности казенных фабрик, поэтому рекомендовал коллегии отдавать их частным лицам, хотя постоянно жаловался, что фабрик заводится мало и указы его, относящиеся к фабричному делу, исполняются дурно. «Наш народ, – говорит государь в своем указе, – яко дети неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но, когда выучатся, потом благодарят, что явно из всех нынешних дел». По-прежнему Петр старался привлекать в свое государство чужеземных мастеров, но приказывал их немедленно свидетельствовать, знают ли они свое дело; если окажется, что не знают, то отпускать их без всякого оскорбления, а если окажутся годными, то содержать их в довольстве, предоставляя им право беспошлинной торговли своими изделиями, свободу от поборов, служб и разных повинностей, и всегда, когда пожелают, отпускать их за границу, чтобы не было на Россию жалоб. Мануфактур-коллегия должна была, однако, иметь в виду, что полезнее посылать русских людей для обучения за границу, давая им содержание и обеспечивая их семейства во время их отлучки в чужие края.

Продажа соли продолжала производиться от казны выборными целовальниками с прежними злоупотреблениями. Если кто покупал соль пудами, с тех брали взятки, а бедных, покупавших на малые суммы, целовальники, желая от них отделаться, отсылали к своим товарищам, и случалось, что бедняки нигде не могли достать соли на какие-нибудь 10 копеек. Узнав об этом, 11 мая 1722 года государь велел продавать соль на всякую сумму, на какую кто может купить, а воров-целовальников, обличенных в бездельничестве, казнить смертью.

При постоянной заботе Петра о горных промыслах к концу его царствования правительством учреждено еще несколько горных заводов. В апреле 1722 года царь поручил генерал-май-

ору Генингу осмотреть, исправить и привести в хорошее состояние медные и железные заводы в уездах Кунгурском, Верхотурском и Тобольском. Он должен был определить количество деревень и сел, нужных для приписки к заводу, и на обзаведение требовать людей от губернаторов и воевод. Освобожденных от каторжной работы и поселенных в дальних местах Сибири велено было отправить в Даурию на тамошние серебряные заводы. Туда же пересылали по назначению от сибирского губернатора и пашенных крестьян. В 1723 году положено завести заводы в Усольском уезде и на работы высылать туда людей, собранных из Соликамской провинции и явившихся из бегов рекрутов, а к заводу приписать деревню Строгоновых, вместо которой дать последним другую из дворцовых волостей. Осенью 1723 года окончена Генингом постройка екатеринбургского медного завода. Кроме екатеринбургского были основаны тогда медные заводы в Кунгуре, на реке Ягужихе, близ Верхотурья на реке Ламе и при Пыскорском монастыре. Железо выдывалось на ултуйских, алопаевских и каменных заводах: там лились пушки, но фузей и другого ручного оружия не делали. В январе 1724 года открыт был сестрорецкий литейный завод, и туда приказано было присылать из Сибири годное железо. Игольный промысел производился в большом изобилии в Рязанском уезде, на сумму 330 000 рублей: изготовлялось столько игл, что не только доставало их на Россию, но отправлялось еще за границу; владельцы завода получили право на беспошлинную торговлю в течение 18 лет.

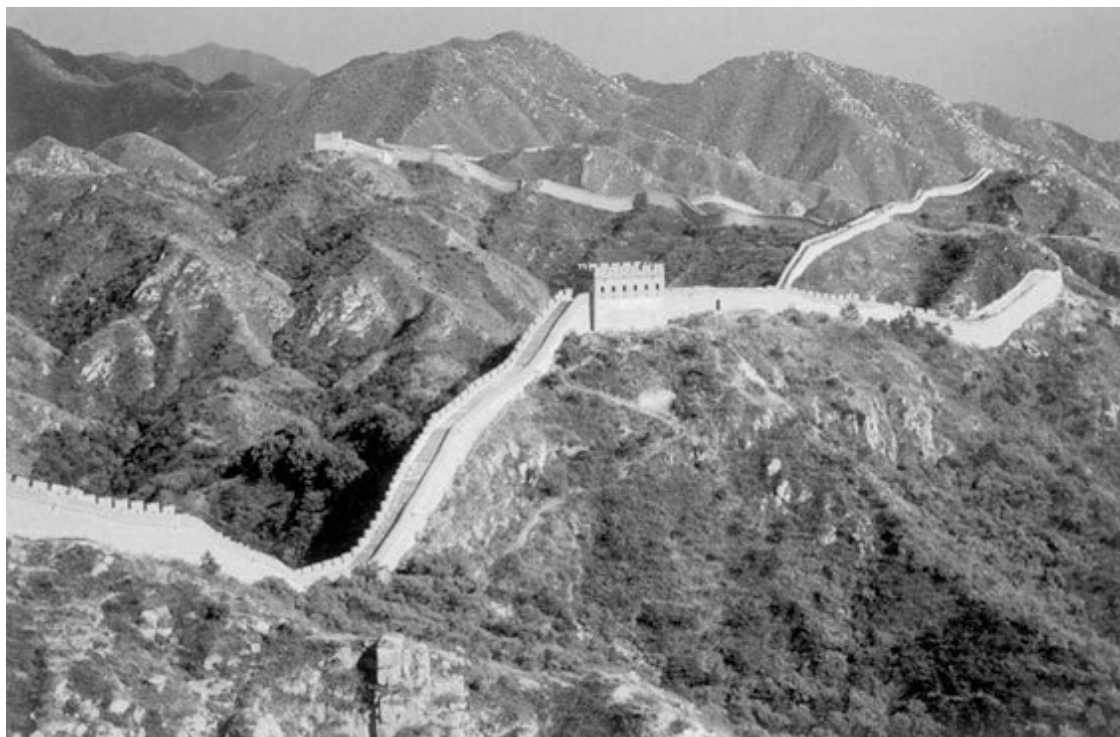
При относительном развитии заводской и фабричной деятельности государь, желавший сохранить леса в России, стал заботиться о добывании другого топлива, кроме дров. По донесению подьячего Капустина, Петр велел отправить людей на Дон в казачьи городки, в Синие Горы и Белогорье, для раскопки каменного угля на трехсаженной глубине и более. Указом 11 сентября 1723 года приказано делать разведки каменного угля по Днепру и его притокам. В том же году дана десятилетняя привилегия Фонармусу на добывание торфа с воспреещением другим лицам добывать его и продавать.

До конца своего царствования Петр не оставлял преследования судов древней русской постройки. В сентябре 1722 года посланы на озеро Ильмень и на берега соединяющихся с ним рек «эверсного дела ученики» для постройки торговых судов новым способом, и на каждое новопостроенное судно велено налагать клейма. Но в то же время государь издавал и распоряжения, позволявшие временное существование староманерных судов при некоторых условиях. В 1724 году на староманерных судах позволено было привозить в Ладожский канал бревна и доски.

VII. Политические события после Ништадтского мира до кончины Петра Великого

Ништадтский мир прекратил военные отношения России к Западу. Главная цель была достигнута: в руках России были берега Балтийского моря и земля, на которой поставлен был любезный Петрову сердцу Петербург, признана вечной принадлежностью России. Теперь деятельность Петра могла уже совершенно свободно обратиться в иную сторону. Внутренние учреждения, которыми и так, можно сказать, лихорадочно занялся Петр в последние перед тем годы, не могли наполнить его предприимчивой натуры: у него была потребность во внешней деятельности, потребность войны и приобретений. Счастливое окончание шведской войны, после многолетних усилий и беспрестанных утрат и потрясений, возбуждало его к воинственным предприятиям в другую сторону. Уже прежде обращал он внимание на Восток: он чувствовал и понимал, что по отношению к Востоку созданная им военная русская сила и русская политика имеют нравственное и материальное предпочтение. Дела с Востоком не угрожали опасностью России, особенно после того как Россия успела выйти победоносной из борьбы с европейской державой, даже при множестве затруднений, которые делала ей остальная Европа. Течение обстоятельств влекло Петра к намерению поживиться для России за счет Персии.

Великая Китайская стена

Петр мог явиться не завоевателем, нападающим на соседа с хищническими целями, а добрым соседом, оказывающим помощь законной власти, и потом потребовать себе уступки земель как бы в вознаграждение за оказанную помощь. На персидском престоле сидел шах Гуссейн IV, занявший престол еще в 1694 году. Он был одним из таких государей, которые как будто судьбой посылаются для того, чтобы привести в расстройство и разрушение свое государство. Сам он проводил дни в гареме, управление государством предоставлял визирям и питал полнейшее отвращение ко всяким заботам, а тем более к войне. Все восточные государства с незапамятных времен древности подчинялись одному неизменному закону: сильный и дея-

тельный государь легко завоевывал своих соседей, присоединял край за краем к своим владениям и так образовывал обширное государство. Но его части соединялись между собой только механической связью династий, обитатели держались в повиновении только рабским страхом, никакой нравственной связи не могло возникнуть между ними. У наследников счастливого завоевателя естественно ослабевала военная предприимчивость их предка, когда более воевать было не с кем или становилось неудобным. Они начинали пользоваться плодами, собранными их прародителями-завоевателями, отдавались мирному житию, которое выражалось не в каких-нибудь заботах о внутреннем устройении и о благосостоянии подвластных, а в преданности чувственным утехам, и последствиями этого всегда бывали лень и нерассудительность. Плохо сплоченные части государства начинают расползаться: подвластные, почуяв, что над ними нет тяжелого бича, поднимают бунт за бунтом; ловкие и смелые правители провинций провозглашают себя независимыми, государство распадается, и если вовремя не явятся сильные руки, умеющие остановить на время его окончательное разложение, оно легко становится добычей какого-нибудь предприимчивого соседа, который на его развалинах создает иное государство. Такой процесс беспрестанно повторялся на Востоке и в отдаленный период язычества, и после распространения магометанства, которое в этом отношении мало изменило судьбу Востока, потому что не заключало в себе никаких стихий для нравственной переработки народов, принявших эту религию. То же грозило Персии в эпоху царствования Петра Великого в России.

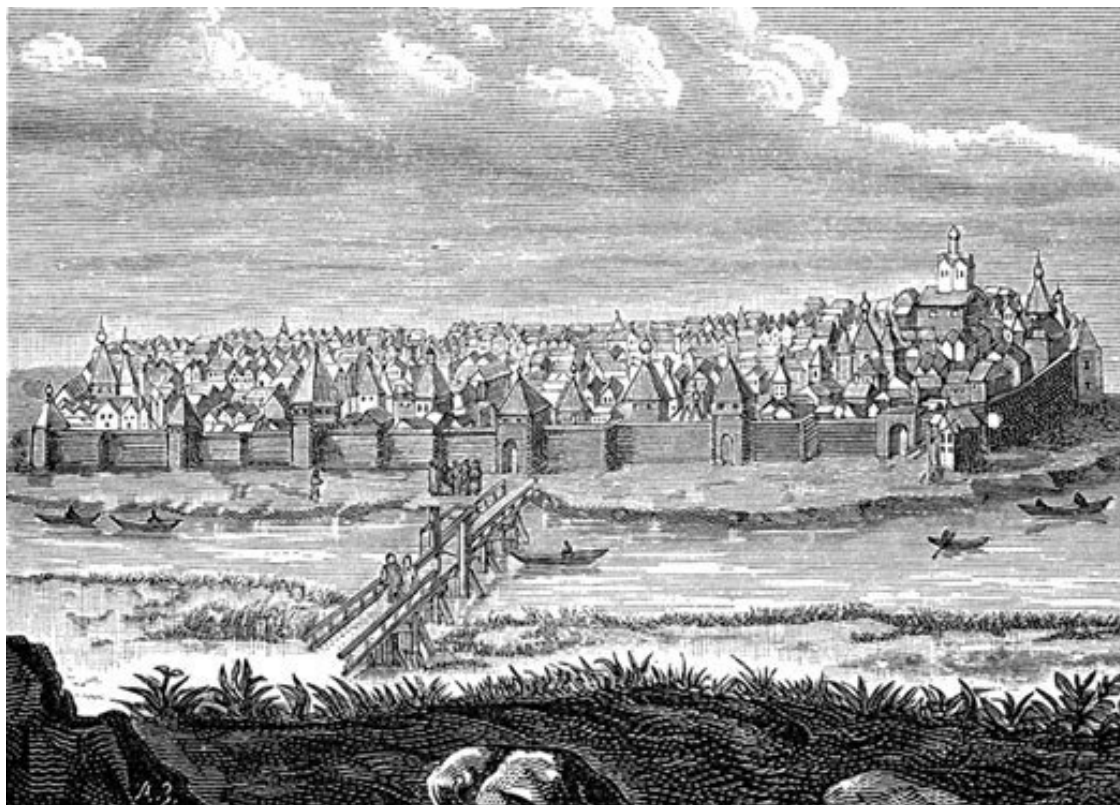

Город Дербент в XVIII столетии. С гравюры Оттенса 1726 г.

Распад Персии начинался уже с ее восточных пределов. Поднялись против власти персидского шаха авганы, данники Персии, управляемые наместниками шаха. Некто Миривес, бывший в этой земле собирателем даней, следуемых персидскому государю с покоренного народа, в 1710 году попытался сделаться независимым. Он умертвил грузинского князя Георгихана, посланного от шаха наместником в Авганистан, и утвердился в авганской столице Кандагаре. Персия была не в состоянии принудить его к повиновению. Он умер в 1717 году независимым властителем. Его сын Мир-Махмуд наследовал отцу, умертвив своего дядю. Он захватил провинцию Кирман и привлек на свою сторону всех последователей секты суннитов в Персии, враждебной шиитскому толку магометанства, которого держался двор и истари исповедовали все персидские шахи, включительно до Гуссейна IV. В государстве началось всеобщее междоусобие под знаменем двух магометанских вероисповеданий. Гуссейн поручил свое войско Луфти-Али-хану, брату своего визиря Атемат-Булета. Этот полководец действовал удачно

против мятежников, но враги нашли способ очернить перед малоумным шахом и визиря, и его брата-полководца. Шах Гуссейн приказал своему визирю выколоть глаза, а Луфти-Али-хана посадить в тюрьму. Тогда Мир-Махмуд, не имея против себя опытного и даровитого врага, повел свои дела так удачно, что собрал более 60 000 войска, двинулся на столицу Персии Испагань и принудил шаха Гуссейна признать себя великим визирем, начальником всего персидского войска и настоящим правителем государства. Униженный таким образом, Гуссейн отрекся от престола, назначив своим преемником одного из своих сыновей – Тохмас-мирзу.

Из Кандагара подан был сигнал: за Мир-Махмудом начали возмущаться правители других провинций. Взбунтовались лезгины, народ, живший в Кавказских горах и плативший ежегодную дань Персии. Лезгинский владелец Дауд-бек напал на Шемаху; лезгины и их союзники казы-кумыки разорили и разграбили город, перебили и обобрали торговавших там русских купцов, награбили у них товаров ценой на полмиллиона. Богатейший русский купец Евреинов разорился тогда вконец. В то же время грузинский князь Вахтанг, незадолго перед тем принявший магометанство в угоду шаху, затевал также освободиться от персидской власти и искал содействия России. Он обращался к астраханскому губернатору Волынскому, уверял, что отрекся от Христа поневоле, притворно, и теперь снова желает обратиться к христианству, поступив под власть русского царя. Вахтанг уговаривал русское правительство воспользоваться крайним положением Персии и, со своей стороны, обещал русским 40 000 войска для содействия против Персии. Кроме обиды, нанесенной русским купцам в Шемахе, Петр был недоволен тем, что караван русских купцов, возвращавшийся из Китая, был разграблен на дороге хивинскими татарами, которые находились в союзе с Мир-Махмудом.

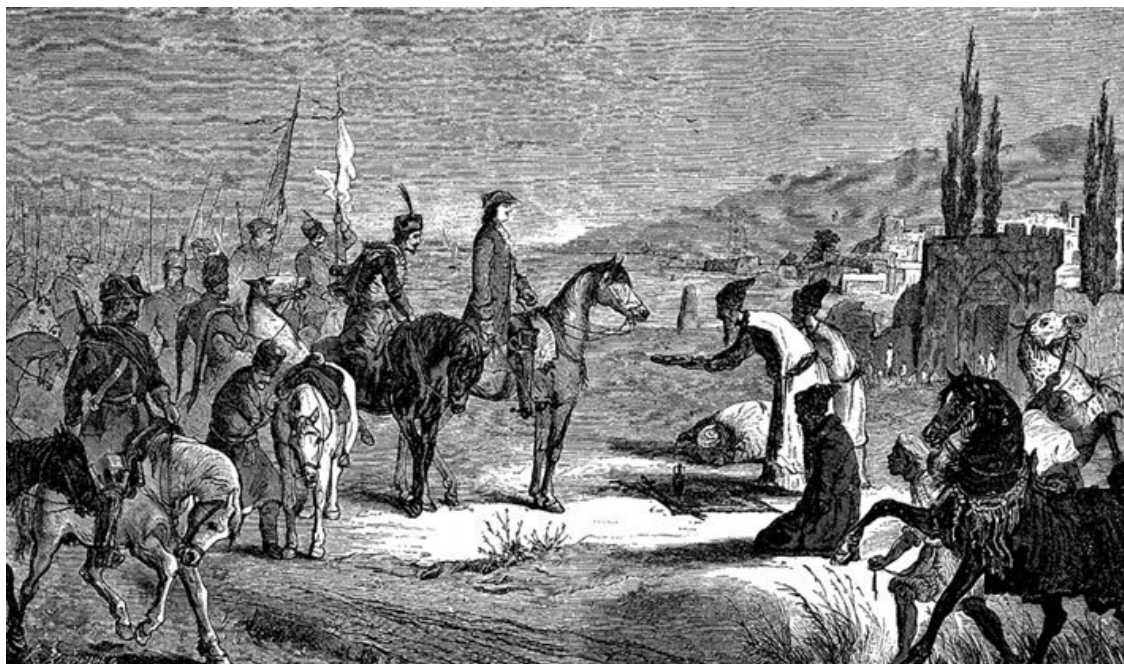
Город Терки в XVIII столетии

Петр увидел, таким образом, превосходный случай вмешаться в персидское дело под предлогом защищать законную верховную власть, потрясенную Мир-Махмудом, и спасти Персию от совершенного распада, так как после отречения Гуссейна молодой и неопытный Тох-

мас-шах был государем только по имени. Авганы и их союзники курды опустошали государство. Вдобавок Турция имела виды овладеть Персией. Даже самой государственной религии в Персии грозила беда: лезгины и авганы были сунниты, курды – огнепоклонники.

После сильных понуждений со стороны астраханского губернатора Вольтынского, решив идти в поход, русский государь хотел предупредить Турцию, чтобы она не воспользовалась разложением Персидского государства и не овладела персидскими областями: это было бы страшным для России событием, оно усилило бы издавна враждебную России державу, всегда готовую ей вредить. В начале 1722 года Петр прибыл в Москву и оттуда приказал снаряжать на Волге суда для перевозки войска к Каспийскому морю. В мае государь вместе с Екатериной отправился в путь водой по Москве-реке и Оке. В Нижнем он праздновал день своего рождения (30 мая), был великолепно угощаем богатейшим из русских промышленников Строгоновым, а потом из Нижнего отправился вплоть до Астрахани, останавливаясь на короткое время в поволжских городках для их осмотра. Между тем турецкий двор, узнав о намерении русского государя, предусмотрел с его стороны умысел завоевать и присоединить к своим владениям области шаха и прислал к Петру в Астрахань грамоту с увещанием оставить предприятие. Петр отвечал, что идет в Персию не завоевателем, а союзником шаха, чтобы избавить его от мятежников и принудить Мир-Махмуда покориться своему законному государю. 18 июля Петр с пехотой в числе 22 000 и с 6000 матросов, пустился на судах по Каспийскому морю по направлению к Дербенту, а конница шла туда же сухопутным (регулярной русской конницы было 9000, кроме того, 40 000 казаков и калмыков и 30 000 татар).

Петр разослал по сторонам манифест ко всем, считающимся подданными шаха, называл себя союзником их повелителя и требовал от них мирного подчинения, объявляя в то же время, что он строго запретил русскому войску всякие неприязненные поступки над персидскими подданными, покорными своему государю. 12 августа Петр прибыл в Тарки. Тамошний владелец, или шевкал, как он титуловался, по имени Адель-Гирей, считавшийся данником шаха, принимал Петра и Екатерину униженным образом, хотя внутренне был очень недоволен прибытием непрошенных союзников. Хуже поступил другой данник шаха, утимишский султан Мугаммед. Петр отправил к нему трех донских казаков – требовать покорности; султан приказал побить их и со своими силами ударил на русское войско, но русские отбили его, разорили его столицу Утимиш, пожгли и пограбили его владения; сам Петр в возмездие за трех своих убитых казаков приказал побить 21 пленника, затем целую толпу других пленников отправил к утимишскому султану с обрезанными носами и ушами.

Сдача города Дербента 23 августа 1723 г. Наиб города подносит городские ключи Петру I

23 августа царь подошел к Дербенту; комендант его, называемый по-персидски «наиб», вышел навстречу к царю с серебряными городскими ключами и сдал город. Петр простоял здесь до сентября; приближалась осень; подвоз припасов по Каспийскому морю становился затруднительным; сообразив это, Петр оставил в Дербенте гарнизон под начальством полковника Юнкера, а сам повернул назад к Астрахани и на возвратном пути на реке Сулаке заложил крепость, назвав ее крепостью Св. Креста. Из Астрахани Петр выслал для дальнейших военных действий в Персии генерал-майора Матюшкина в Баку, а полковника Шипова – к Рящу, сам же, пробыв некоторое время в Астрахани, уехал в Москву. 13 декабря он имел торжественный въезд в старую русскую столицу. Его склонность к торжественным праздникам и к риторическим восхвалениям своих подвигов находила себе желанную пищу в том представлении, что он завоевал город, построение которого приписывали Александру Македонскому. В Москве царь пробыл до весны и накануне своего отъезда в Петербург собственноручно сжег свой деревянный дворец в Преображенском. Он сказал бывшему при этом голштинскому герцогу: «Здесь задумал я впервые войну против Швеции, пусть вместе с этим домом исчезнет всякая мысль о вражде с нею, пусть она будет вернейшею союзницею моей империи!»

Памятник Петру I в Дербенте

Отряды, которым Петр поручил окончание военных действий в Персии, исполнили свое поручение хорошо. Шипов утвердился в Ряще. Персидские власти были не рады чужеземцам и именем шаха требовали, чтобы русские выходили из города; Шипов не уходил под разными предложениями и достоял до весны 1723 года. За это время туземцы до того невзлюбили пришельцев, что в марте, когда Шипов, отправив часть своего отряда на судах, остался с малочисленными силами, напали на него с оружием в караван-сараях. Русские отбили персиян, несмотря на то что последних было, может быть, в десять раз больше. И другой посланный с отрядом в персидские владения, Матюшкин, прибыв в Баку летом 1723 года, встретил совершенное нежелание принимать русских. Персияне хотели воспрепятствовать высадке русского войска на берег, но Матюшкин отбил их и принудил город к сдаче. Впрочем, действия Матюшкина

и Шипова не имели важных последствий, потому что и без этих дел 12 сентября 1723 года присланный от Тохмас-шаха посол Измаил-бек в Петербурге заключил от имени своего государя союзный договор с русским императором: русский государь обещал со стороны России оказывать шаху помощь против бунтовщиков, а шах – для возможности содержать войско, которое император пошлет ему против мятежников, уступил России города Дербент и Баку с побережьем Каспийского моря, заключающим провинции Гилян, Мазандеран и Астрабад. Договор этот был ратифицирован русскими послами, отправленными в Персию в апреле 1724 года. Таким образом, почти без войны, воспользовавшись обстоятельствами, Петр приобрел для России полосу южного края, богатого различными произведениями, и тогда же русский государь начал думать о приглашении христианских поселенцев в новоприобретенный край. Этими поселенцами, по предположениям Петра, должны были быть армяне, которые давно уже побуждали русского государя к овладению Прикавказским краем. В начале 1724 года началось переселение армян из турецких владений, но оно шло довольно медленно, потому что турки неохотно выпускали их из своих областей. Приобретение Прикаспийского края не осталось без неудовольствия со стороны Турции. Сначала великий визирь в сношениях с русским резидентом Неплюевым долго твердил, что Порта одна имеет полное право овладеть Персией, тем более что Мир-Махмуд и лезгинский владетель Дауд-бек признали над собой верховное первенство турецкого падишаха. Турки между тем успели овладеть Тифлисом. Английский посланник старался вооружить Турцию против России, а французский, Дебонак, держал сторону России и пытался не допустить до войны. В январе 1724 года дело повернулось так, что можно было со дня на день ожидать объявления России войны, и Неплюеву приходилось уезжать из Константинополя. Но французский посол настроил визиря так, что тот сам предложил французскому послу быть посредником в переговорах с русским резидентом. Дело, однако, потянулось еще на полгода. Пошли споры, толки. По известию Неплюева, французский посол начал было склоняться на сторону Турции, но 12 июня 1724 года все уладилось в пользу России: порешили оставить Шемаху под владением турецкого данника, лезгинского князя Дауд-бека, а пространство от Шемахи до Каспийского моря разделить между Россией и Дауд-беком, так что последнему отдавалась меньшая часть этого пространства, чем России. Петр настаивал, чтобы Турция не воспрещала своим христианским подданным, армянам и грузинам, переходить в новоприобретенные от Персии провинции, обещая за это не воспрещать и магометанам перехода в Турцию. Несчастный грузинский царь Вахтанг, бывший поневоле и по слабохарактерности мусульманином, возвратился к христианству, но его начали теснить в одно время и турки, и персияне; явился претендентом ему другой грузинский князь, владелец Кахетии. Вахтанг вынужден был покинуть свое царство и уехать в Россию на вечное житье.

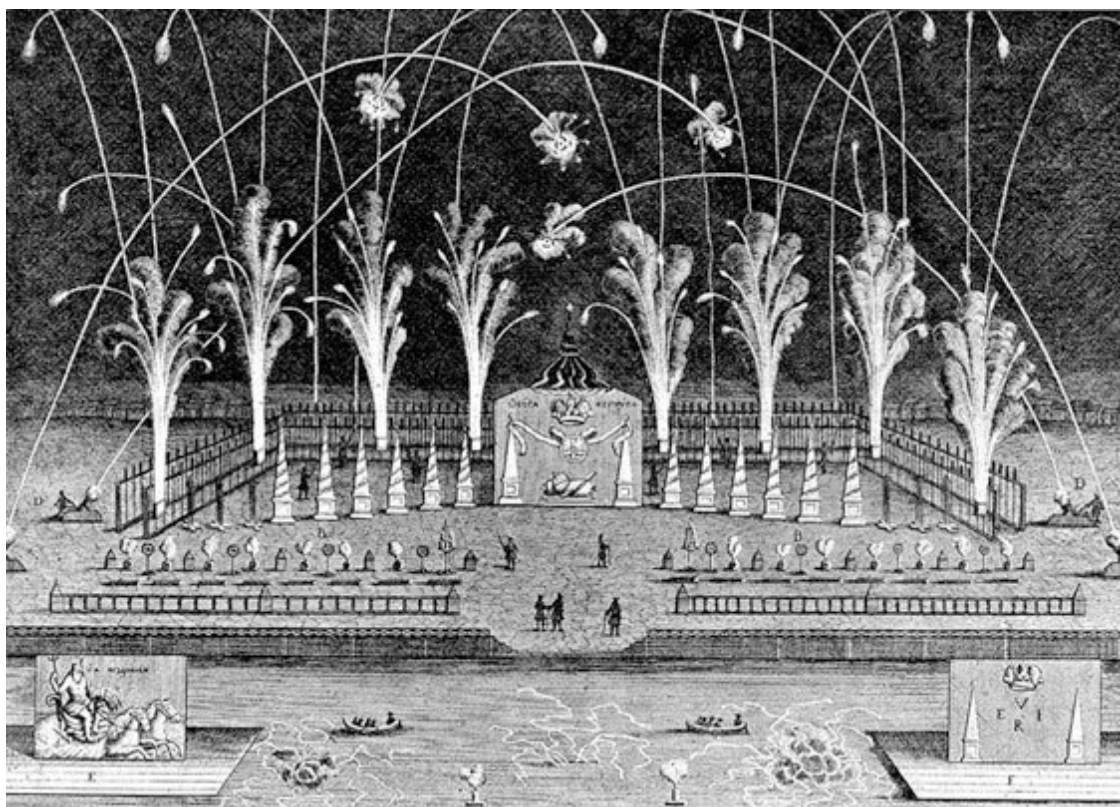
Экспедиция Петра в Персию имела важное значение в русской истории. Она была начальным шагом к тому движению России на юго-восток, которое, то останавливаясь, то снова возобновляясь, впоследствии привело Россию к приобретению закавказских грузинских земель и всего Кавказского хребта. Петр, думая сделать из России морскую державу и открыть ей путь к занятию подходящего ей места в ряду европейских держав, в то же время понимал, что как география, так и история наметили ей и другую дорогу – дорогу на Восток, где Россия, получая от Запада плоды европейской цивилизации, могла в собственной переработке сообщать их восточным народам, стоявшим в сравнении с нею на меньшей степени культурного развития.

В отношениях к западным державам важнейшее дело этого времени было заключение в феврале 1724 года оборонительного союза со Швецией. После продолжительной войны оба государства вступили в самую искреннюю дружбу между собой. Это важное дело совершено старанием русского посла в Стокгольме Бестужева и отчасти министра голштинского Бассевича, поставившего своего герцога снова в добрые отношения к Швеции. Перед этим временем Петр, с целью сделать шведского короля уступчивее, вознамерился поугагать его и пустить свой флот в Балтийское море, но герцог написал к Бассевичу, своему послу, бывшему тогда в

Стокгольме, письмо, в котором выражался, что лучше откажется от всяких прав на шведскую корону, чем купит ее ценой шведской крови. Бассевич показал это письмо шведскому министру Горну, главному недоброжелателю герцога, и тронул Горна до того, что тот изменил свои чувства к племяннику Карла XII. Состоялся такой договор Швеции с Россией: обе державы обязывались поддерживать друг друга военной силой, сухопутной и морской, и не заключать ни с кем договоров, противных этому союзу. Голштинский герцог отказывался от всяких притязаний на шведский престол при жизни тогдашнего короля и его прямых потомков, а Швеция вместе с Россией обещала добиваться утверждения за ним его герцогских наследственных владений. Обе державы постановляли, кроме того, не допускать внутренних беспорядков в Польше, а поддерживать ее старинную вольность и избирательное правление. Это последнее условие определило на долгое время взгляд на политику, которую должны были соблюдать соседи в отношении к Польской республике; соседям выгодно было поддерживать старинную польскую шляхетскую вольность, потому что такой государственный строй вел Польшу рано или поздно к гибели и давал надежды на возможность сделать приобретение в эпоху неизбежного падения Польской республики. С французским двором Петр последние годы своего царствования находился в дружелюбных отношениях; у Петра было даже намерение отдать одну из своих дочерей за малолетнего французского короля, но этот план не удался, потому что регент Франции постарался дать королю другую невесту, малолетнюю испанскую инфантину, которой, однако, не суждено было стать французской королевой. С Францией соединяло Россию еще обоюдное участие в судьбе проживавшего во Франции претендента на английский престол Иакова Стюарта, к которому Петр благоволил, тем более что с тогдашним английским королем Георгом у него уже несколько лет кряду были натянутые отношения. Но дело претендента не довело Россию ни до каких предприятий в его пользу, главным образом оттого, что его постоянная союзница и покровительница, Франция, сочла за лучшее примириться с королем Георгом, ограничив свои отношения к претенденту только одними любезностями. При посредстве Франции, Петр был уже готов помириться и подружиться с английским королем, однако не успел этого сделать при своей жизни. Летом 1723 года Петр в сопровождении своих вельмож ездил морским путем в Рогервик и положил там основание длинного мола с закрытой дорогой наверху и с батареей. У государя тогда рождалось желание перенести туда и свой военный порт, так как в Кроншлоте замечалась большая примесь пресной воды, способствовавшая скорой порче кораблей. В Рогервике море образует большую бухту, окруженную отвесными скалами, и до того широкую, что в ней могло вместиться до 1000 больших судов. Она была очень глубока и не принимала в себя отнюдь пресных вод. По возвращении из Рогервика в августе 1723 года, Петр обозревал в Кронштадте флот и любовался своим делом, совершенным им с любовью в течение всей своей жизни. Весь флот в 1723 году состоял из 24 кораблей и 5 фрегатов, на нем было 1730 орудий и до 12 500 человек экипажа. В это время Петр вспомнил о том небольшом ботике, на котором в молодости он начал учиться плаванию по Яузе и по северным русским озерам. Петр приказал привести его в Петербург, поставил его в Кронштадте между кораблями, нарек Дедушкой русского флота и потом с торжеством перевез в Петербургскую крепость, где назначил для хранения как национальную святыню. Это событие послужило поводом к торжественному многодневному празднеству, сопровождавшемуся и пальбой из пушек, и фейерверками, и обильными попойками.

Государь чувствовал, что силы его крепкой природы подламывались, он постепенно опускался, сыновей у него не было, да если бы и были – объявленный им манифест о будущем порядке престолонаследия разрушал всякие права рождения и давал царствующему государю право назначать себе кого угодно преемником. Внука своего, сына несчастного царевича Алексея, Петр явно недолюбливал: вероятно, ему приходило на ум и то, что если со временем этот внук станет царем, то по родительской связи его окружают сторонники старых русских порядков, и партия, враждебная преобразованиям, поднимет голову. Кажется, уже тогда у Петра блеснула

мысль передать после себя престол своей жене Екатерине. Правда, этого нигде не высказал Петр прямо, но такое предположение можно удобно вывести из его тогдашних поступков. Весной 1724 года Петр задумал короновать ее. Она носила уже титул императрицы, но только по мужу, как законная супруга императора. Петр захотел дать этот титул ее особе, независимо от брака. В манифесте, изданном по этому поводу, Петр извещал целый свет, что Екатерина была его постоянной помощницей в государственных делах, и признавал за ней какие-то особенно важные услуги, оказанные во время прутского похода. Коронование Екатерины должно было происходить не в Петербурге, но в Москве, не переставшей в глазах русского народа быть законной столицей и центром национального единства. 7 мая 1724 года совершилось в московском Успенском соборе это коронование государыни с большим торжеством. Обряд совершал новгородский митрополит, а псковский епископ Феофан Прокопович, самый близкий к Петру из духовных сановников, произнес тогда речь, понравившуюся государю. Петр собственноручно возложил на Екатерину корону. Несколько дней после того поили и угощали народ, а потом продолжительное время отправлялись при дворе праздники, маскарады и попойки. Событие было новое для России: до сих пор ни одна из русских цариц не удостоилась такой публичной чести, кроме Марины Мнишек, о которой в памяти народной осталось не отрадное воспоминание. Как бы в свидетельство того, что Петр готовил Екатерине власть, равную своей собственной, он поручил ей вместо себя пожаловать графское достоинство Петру Андреевичу Толстому.

Фейерверк в Москве по случаю коронации Екатерины I 7 мая 1724 г. С современной гравюры

Коронование Екатерины породило разные предположения о престолонаследии. Одни думали, что, короновав свою супругу, Петр намеревается объявить ее после себя преемницей, другие делали предположения, что Петр предоставит престол одной из дочерей, за неимением от Екатерины детей мужского пола. Большинство русских расположено было в пользу внука Петра, малолетнего сына царевича Алексея. Сам Петр, как видно, колебался: он то оказывал

расположение к внуку, то как будто не хотел знать его. Замечали тогда, что характер Петра менялся. Он постоянно имел задумчивый вид, часто искал уединения, с ним боялись заговаривать о делах, когда он оказывался угрюмым. Иногда он требовал к себе священника, иногда доктора, а иногда вдруг по-старому предавался разгулу и окружал себя шутами и членами всепьянейшего собора. Среди праздников и веселья, господствовавшего при дворе после коронации Екатерины, Россия представляла совсем непроезжий вид. Повсюду раздавались жалобы на бедность, недавние неурожаи произвели большую скудость необходимых средств к жизни, хлебные магазины, которые давно уже приказал устроить царь по всей России, существовали только на бумаге: на самом деле никто не спешил исполнять в этом повеление своего государя. По улицам городов и по большим дорогам сновали толпы нищих, хотя государь много раз уже приказывал, чтобы в его царстве не было нищих, и под угрозами пеней и суровых наказаний запрещал своим подданным раздавать милостыню. Голодные пускались на грабежи и убийства; около самого Петербурга бродили разбойничьи шайки. Казенные недоимки все более и более возрастали; в военной коллегии и в адмиралтейств-коллегии совсем недоставало денег на содержание войска и флота. Между тем тягости народу не облегчались, продолжали переселять русских людей в ненавистный для них Петербург, а множество неоплатных должников казне отправляемо было на тяжелую работу в Рогервик и Кронштадт. В то время, когда при дворе отправляли маскарады и веселились, в народе слышны были проклятия, за которые неосторожных тащили в Тайную канцелярию и предавали варварским мукам.

Петр с Екатериной возвратился из Москвы в Петербург, готовились устраивать новое торжество, долженствовавшее совершиться через полгода, – обручение молодого голштинского герцога, родного племянника Карла XII, с дочерью Петра и Екатерины, цесаревной Анной Петровной. Петр между тем неусыпно занимался своими обычными разнообразными делами, переходя от усиленных работ к своим обычным забавам. Так, в конце августа он присутствовал при торжестве освящения церкви в Царском Селе. Пиршество после этого продолжалось несколько дней, выпито было до трех тысяч бутылок вина. После этого пира государь заболел, пролежал в постели шесть дней и едва только оправился – как уехал в Шлиссельбург и там снова устроил пиршество, празднуя годовщину взятия этой крепости. Из Шлиссельбурга Петр поехал на олонечские железные заводы, выковал там собственноручно полосу железа в три пуда весом, оттуда поехал в Новгород, а из Новгорода – в Старую Русу, осматривал в этом городе соляное производство. Из Старой Русы государь повернул к Ладожскому каналу; Петр был очень доволен работами, происходившими тогда под начальством Миниха. В предыдущие пять лет едва вырыто было только на 12 верст канала и число рабочих простиралось до 20 000 человек, при Минихе же вырыто было в течение одного года уже 5 верст. Миних надеялся до следующей зимы вырыть еще 7 верст, у него было, кроме 2900 человек солдат, вольнонаемных рабочих только до 5000. Рытье кубической сажени земли при Минихе стоило 60 копеек, тогда как прежде оно обходилось в один рубль 50 копеек, вообще, по расчету Миниха, верста канала с деревянными постройками, которыми укреплялись стены канала, должна была обходиться в 7500 рублей, тогда как прежде одни земляные насыпи по смете, представленной государю, обходились в 10 000. В конце октября Петр возвращался в Петербург водой, но потом, раздумав, намеревался плыть в Систербек, чтоб осмотреть учрежденный там литейный завод. Приближаясь в своем плаваньи к селению Лахте, недалеко от устья Невы, государь увидел судно с солдатами и матросами, плывшее из Кронштадта и носимое во все стороны ветром и непогодой. На глазах государя это судно стало на мель. Петр не утерпел, велел плыть к судну, бросился по пояс в воду и помогал вытаскивать судно с мели, чтобы спасти находившихся на нем людей. В глазах Петра несколько человек, работавших вместе с ним, были унесены водой. Царь проработал целую ночь в воде и успел спасти жизнь двадцати человек. Но утром он почувствовал лихорадку, отложил свое намерение посетить систербекские заводы, а поплыл в Петербург.

Тогда совершилось событие, которое способствовало нравственному потрясению Петра. Был у Екатерины любимец и правитель канцелярии, заведовавший ее вотчинами, – Виллиам Монс, брат той самой Анны Монс, которая некогда была любовницей Петра. Он находился в большой доверенности, а его сестра Матрена Балк была любимой фрейлиной у Екатерины. Пользуясь такой близостью к государыне, брат и сестра зазнались и вообразили, что они через то стали могущественными особами. Виллиам Монс надменно принимал всяких просителей, хвастал, что он своим ходатайством у государыни может всякому сделать многое. Петр стал обвинять и брата, и сестру в том, что, управляя доходами Екатерины, они ее обкрадывают, но это был только предлог, на самом деле Петр приревновал Монса к императрице. Вскоре после своего возвращения в Петербург, Петр проводил вечер с Монсом и в 9 часов вечера отпустил его и других бывших с ним придворных, сказав, что идет в свою спальню. Ничего не подозревая для себя худого, Монс прибыл домой, разделся и стал курить трубку. Вдруг к нему входит страшный генерал-майор Андрей Иванович Ушаков, начальник Тайной канцелярии, требует от него шпагу и ключи, потом опечатывает его бумаги и приказывает ехать с собой. Ушаков привез его в свой дом. Монс увидел там Петра. «И ты здесь», – сказал Петр, бросив на него презрительный взгляд. Монса арестовали и на другой день подвергли допросу в канцелярии собственного императорского кабинета. Монс опять увидел здесь государя и пришел в такое ослабление сил, что лишился чувств, ему принуждены были пустить кровь. На следующий день повели его снова к допросу и стали угрожать пыткой. Монс, чтобы не допустить себя до мучений, сознался, что обращал в свою пользу оброки с некоторых вотчин императрицы и взял с крестьянина взятку, обещая сделать его стремянным конюхом императрицы. Монса препроводили в крепость (26 октября), а потом высший суд 14 ноября приговорил его к смертной казни. Рассказывают, что царь сам приехал к нему проститься. «Жаль тебя мне, очень жаль, да делать нечего, надобно тебя казнить», – говорил ему Петр. Императрица осмелилась было ходатайствовать перед Петром о пощаде виновных, но Петр пришел тогда в такую ярость, что на глазах государыни разбил дорогое зеркало. «Видишь ли, – сказал он многозначительно, – вот прекраснейшее украшение моего дворца. Хочу – и уничтожу его!» Екатерина поняла, что эти слова заключали намек на ее собственную личность, но с вынужденной сдержанностью сказала государю: «Разве от этого твой дворец стал лучше?» Петр все-таки не исполнил просьбы жены. 16 ноября в 10 часов утра Монса вывезли с сестрой в саних в сопровождении приготовлявшего его к смерти пастора. Монс бодро кланялся на обе стороны, замечая своих знакомых в огромной толпе народа, отовсюду согнанного смотреть казнь. Монс смело взошел на эшафот, снял шубу и выслушал прочитанный секретарем суда приговор, которым обвиняли его во взятках, поклонился народу и положил голову на плаху под удар топора. Его сестру Матрену Балк наказали одиннадцатью ударами кнута и сослали в Тобольск. Домашний секретарь Столетов после четырнадцати ударов кнутом был отправлен на десятилетнюю каторжную работу в Рогервик; пострадал тогда и дворцовый служитель Иван Балакирев, потешавший Петра и весь двор остроумными шутками. Ему дали шестьдесят ударов батогами и сослали в Рогервик на три года, поставив ему в вину, что он, «отбывши инженерного учения», при посредстве Монса втерся во дворец и занимался там вместо дела шутовством. На следующий день после казни Монса Петр катался с Екатериной в коляске. Он приказал проехать мимо столба, на котором была воткнута голова казненного. Екатерина не показала никакого вида смущения и, как говорят, посмотрев прямо в глаза царю, произнесла: «Как грустно, что у придворных может быть столько испорченности!»

Вслед за Монсом раздражили Петра Меншиков, а потом кабинет-секретарь Макаров; на последнего донесли, что он не доводил до сведения государя о многих важных делах, возникших по фискальским доношениям, и представлял несправедливые доклады по челобитным о деревнях, взяв с просителей взятки. Царь отрешил Меншикова от должности президента военной коллегии. Эти неприятности усиливали болезненное состояние здоровья Петра, которое

уже пострадало после приключения на Лахте. Между тем 24 ноября, в день именин государыни, совершено было обручение голштинского герцога с цесаревной Анной. Цесаревна при обручении отказалась за себя и за свое потомство от всяких притязаний на русский престол. У Петра, видно, были насчет преемства какие-то свои предположения, которых он не открывал. Но отказ Анны законно сходил с прежним указом Петра, которым государь предоставлял право всякому царствующему государю назначать по себе преемника. Судьба устроила наперекор отказу, подписанному тогда цесаревной: именно ее потомству, а не потомству кого-либо другого суждено было утвердиться на русском престоле, который Петр так странно предавал произволу всякой царствующей особы.

Здоровье государя после этого не поправлялось, но становилось со дня на день все хуже: у него открылись признаки каменной болезни. Петр преодолевал себя, бодрился, занимался государственными делами, уделял время и на свои обычные забавы. В конце декабря он задумал выбор нового князя-папы, главы шутовского собора. Бутурлина не было уже в живых, несколько месяцев тому назад он окончил свою жизнь вполне достойно своему званию: умер вследствие своего обжорства и пьянства. День для избрания был назначен 20 декабря. Избрание происходило в доме умершего князя-папы. В избирательной зале был поставлен трон, обитый пестрой материей, о шести ступенях, на котором стояла бочка с двумя кранами и на бочке сидел Бахус. По бокам поставлены были места для членов всепьянейшего собора. В другой комнате, где собирался избирательный конклав, было устроено четырнадцать лож, посредине комнаты стоял стол с изображениями медведя и обезьяны, на полу стояли бочка с вином и посуда с кушаньем. После торжественного церемониального шествия в этот дом государь запер кардиналов в комнате конклава и приложил к ее дверям свою печать. Кардиналы не смели выходить оттуда, прежде чем не выберут нового папу, и должны были через каждую четверть часа хлебать по большой деревянной ложке водки. Петр на следующий день утром в 6 часов явился выпустить их. Оказалось, что кардиналы долго спорили между собой о выборе и не могли согласиться, наконец решились покончить дело баллотировкой. Жребий пал на одного провиантского комиссара (Строгоста?), который был посажен на троне, и все должны были целовать ему туфлю. После этого производились над ним церемонии по установленному прежде чину. На пиршестве, которое в этот день последовало, подавали кушанья из волчьего, лисьего, кошачьего, медвежьего и мышиноного мяса.

А.П. Рябушкин. Петр Великий перевозит в ботике через Неву императрицу Екатерину Алексеевну, князя Меншикова, адмирала Головина и Макарова

Настал 1725 год, царь захворал, но пересиливал себя и занимался делами до 16 января. В этот день его болезнь усилилась, он слег в постель. Государя лечил доктор Блюментрост. 22 января Петр исповедовался и причащался Св. Тайн, 26-го подписал манифест, освобождавший всех сосланных в каторжные работы, объявил всем осужденным прощение, исключая тех, которые судились по первым двум пунктам или уличались в смертоубийстве. Екатерина выпросила прощение Меншикову.

27 января Петр изъявил желание написать распоряжение о преемстве престола. Ему подали бумаги; государь стал писать и успел написать только два слова: «отдайте все» – и более писать был не в силах, а велел позвать свою дочь Анну Петровну с тем, чтобы она писала с его слов, но когда явилась молодая цесаревна, Петр уже не мог произнести ни одного слова. На следующие сутки в четвертом часу пополуночи Петр скончался. 2 февраля его тело было выставлено на бархатной, расшитой золотом, постели в дворцовой зале, обитой теми самыми коврами, которые он получил в подарок от Людовика XV во время своего пребывания в Париже.

Петр как историческая личность представляет своеобразное явление не только в истории России, но в истории всего человечества всех веков и народов. Великий Шекспир своим художественным гением создал в Гамлете неподражаемый тип человека, у которого размышление берет верх над волей и не допускает осуществляться на деле желаниям и намерениям. В Петре не гений художника, понимающий смысл человеческой природы, а сама природа создала обратный тип – человека с неудержимой и неутомимой волей, у которого всякая мысль тотчас обращалась в дело. «Я так хочу, потому что так считаю хорошим, а чего я хочу, то непременно должно быть», – таков был девиз всей деятельности этого человека. Он отличался непостижимой для обыкновенных смертных переимчивостью. Не получив ни в чем правильного образования, он желал все знать и вынужден был многому учиться не вовремя, однако русский царь был одарен такими богатыми способностями, что при своей недолговременной подготовке приводил в изумление знатоков, проводивших всю свою жизнь за тем, что Петр изучал только мимоходом. Все, что он ни узнавал, стремился применить к России с тем, чтобы преобразовать ее в сильное европейское государство. Эту мысль он лелеял искренно и всецело в продолжение всей своей жизни. Петр жил в такое время, когда России невозможно было оставаться на прежней избитой дороге и надобно было вступить на путь обновления. Как человек, одаренный умственным ясновидением, Петр сознал эту потребность своего отечества и принялся за нее со всей своей гигантской волей. Петр был самодержавен, а в тот момент истории, в который тогда вступила Россия, только самодержавие и могло быть пригодным. Свободный республиканский строй никуда не годится в то время, когда необходимо бывает изменять судьбу страны и дух ее народа, вырывать с корнем вон старое и насаждать новое. Понятно, что, привыкнув к старому порядку вещей, участники правления не расстанутся с тем, что считают добрым и выгодным. Подобный пример наглядно выказался в Польше: эта страна никак не могла выбиться из-под нравственной плесени, потому что ее полноправные граждане, люди, решавшие судьбу своего края, дорожили стариной и не могли спеться между собой, когда приходилось для общей пользы жертвовать выгодами, в которых многие лично были заинтересованы. И современная Англия оттого так консервативна и туго податлива к переменам, что ее судьба зависит не от воли одного лица, а от согласия многих: эта страна только по форме монархия, а по духу – более республика. Только там, где самодержавие безгранично, смелый владык может отважиться на ломку и перестройку всего государственного и общественного здания.

Петру помогло больше всего его самодержавие, унаследованное им от предков. Он создает войско и флот, хотя для этого требуется бесчисленное множество человеческих жертв и плодов многолетнего народного труда, – все приносится народом для этой цели, хотя соб-

ственно народ этого ясно не понимает и потому не желает; все приносится оттого, что так хочет царь. Налагаются невероятные налоги, высылаются на войну и на тяжелые работы сотни тысяч молодого здорового поколения для того, чтобы уже не возвратиться домой. Народ разоряется, нищает, зато Россия приобретает море, расширяются пределы государства, организуется войско, способное меряться с соседями. Русские издавна привыкли к своим старинным приемам жизни, они ненавидели все иноземное; погруженные в свое внешнее благочестие, они оказывали отвращение к наукам. Самодержавный царь заставляет их одеваться по-иноземному, учиться иноземным знаниям, пренебрегать своими дедовскими обычаями и, так сказать, плевать на то, что прежде имело для всех ореол святости. И русские пересиливают себя, повинуются, потому что так хочет их самодержавный государь.

Но здесь и предел самодержавной власти Петра. Много новых учреждений и жизненных приемов внес преобразователь в Россию, но новой души он не мог в нее вдохнуть – здесь его могущество оказалось столько же бессильным, каким было бы оно и тогда, когда бы у него явилось намерение превратить дно моря в пахотную землю или плавать на корабле по степи. Нового человека в России могло создать только духовное воспитание общества, и если этот новый духовный человек где-нибудь замечен в деяниях и стремлениях русского человека настоящего времени, то этим мы обязаны уже никак не Петру.

Во все продолжение своего царствования Петр боролся с предрассудками и злонравием своих подвластных, преследовал казнокрадов, взяточников, обманщиков, скорбел, что в России совершается не так, как бы ему хотелось. Сторонники его искали и теперь еще ищут причину всему этому в закоснелых пороках и недостатках старого русского человека. Но, приглядевшись к делу беспристрастнее, придется многое приписать и самому характеру действий Петра. Нельзя человека делать счастливым против собственной его воли и, так сказать, насиловать его природу. История показывает нам, что в обществе, управляемом деспотически, чаще и сильнее проявляются пороки, мешающие исполнению самых похвальных и спасительных предначертаний власти. Какие же меры употреблял Петр для приведения в исполнение своих великих преобразований? Попытки Преображенского приказа и Тайной канцелярии, мучительные смертные казни, тюрьмы, каторги, кнуты, рвание ноздрей, шпионство, поощрение наградами за доношничество. Понятно, что Петр такими путями не мог привить в России ни гражданского мужества, ни чувства долга, ни той любви к своим ближним, которые выше всяких материальных и умственных сил и могущественнее самого знания, одним словом, натворив множество учреждений, создавая новый политический строй для Руси, Петр все-таки не мог создать живой новой Руси.

Задавшись отвлеченной идеей государства и принося ей в жертву временное благосостояние народа, Петр не относился к этому народу сердечно. Для него народ существовал только как сумма цифр, как материал, годный для построения государства. Он ценил русских людей настолько, насколько они были ему нужны для того, чтобы иметь солдат, каменщиков, землекопов, матросов или своей трудовой копеейкой доставлять царю средства к содержанию государственного механизма. Сам Петр своей личностью мог быть образцом для управляемого и преобразуемого народа только по своему безмерному неутомимому трудолюбию, но никак не по нравственным качествам своего характера. Он не старался удерживать своих страстей, нередко приводивших его к бешеным и кровавым поступкам, хотя за подобные поступки он жестоко казнил тех, над кем властвовал. Петр позволял себе пьянство и лукавство и, однако, преследовал эти же самые пороки в своих подвластных. Много совершено им возмутительных деяний, оправдываемых софизмами политической необходимости. До какой степени он был свиреп и кровожаден, показывает то, что он не побоялся унижить свое царское достоинство, взяв на себя обязанность палача во время дикой казни стрельцов; во все его царствование кровавый пар замученных и казненных в Преображенском приказе заражал воздух Руси, но, как видно, не тревожил покойного сна ее государя, – несчастный Алексей Петрович замучен

родным отцом после того, как этот отец выманил его из безопасного убежища царским обещанием прощения, затем вспомним страдания царицы Евдокии и множества жертв, погибших большей частью невинно по делу ее сына, вспомним поступок с Полуботком и малороссийскими старшинами, бывшими жертвой политических целей, вспомним дело Монса, которого государь обвинил совсем не за то, за что на самом деле на него сердился! Сам Петр оправдывал свои жестокие казни потребностью правосудия, но факты показывают, что не для всех он был одинаково неумолим в правосудии и не в пример другим делал поблажки Меншикову, своему любимцу, которому сходили с рук такие беззакония, за которые другие расплачивались жизнью. Самые его дела внешней политики не отличаются безукоризненной честностью и прямо-той. Северная война никак не может быть оправдана с точки зрения справедливости. Нельзя назвать честными уловки Петра перед английским королем Георгом, когда он вопреки явным уликам уверял его в своей преданности и непричастности к замыслам претендента. До какой степени Петр уважал права чужих соседних наций, когда только не имел повода их бояться, показывает его дикий поступок с униатскими монахами в Полоцке – поступок, за который, вероятно, он сам казнил бы смертью всякого из своих подданных, осмелившегося сделать такое самоуправство на чужой земле.

Все темные стороны характера Петра, конечно, легко извинять чертами века; нам справедливо могут указать, что подобных сторон найдется еще в большей степени в характере других современников Петра. Несомненным останется, что Петр превосходил современных ему земных владык обширностью ума и неутомимым трудолюбием, но в нравственном отношении был не лучше многих из них; зато и общество, которое он хотел пересоздать, возникло не лучшим в сравнении с теми обществами, которыми управляли прочие Петровы современники. До Петра Россия погружена была в невежество и, хвастаясь своим ханжеским обрядовым благочестием, величала себя «новым Израилем», а на самом деле никаким «новым Израилем» не была. Петр посредством своих деспотических мер создал из нее государство, грозное для чужеземцев войском и флотом, сообщил высшему классу ее народа внешние признаки европейского просвещения, но Россия после Петра все-таки в сущности не сделалась «новым Израилем», чего ей так хотелось до времен Петра. Все Петровы воспитанники, люди новой России, пережившие Петра, запутались в собственных кознях, преследуя свои личные эгоистические цели, погибли на плахах или в ссылках, а русский общественный человек усваивал в своей совести правило, что можно делать все, что полезно, хотя бы оно было и безнравственно, оправдываясь тем, что и другие народы то же делают.

При всем этом Петр, как исторический государственный деятель, сохранил для нас в своей личности такую высоконравственную черту, которая невольно привлекает к нему сердце: эта черта – преданность той идее, которой он всецело посвятил свою душу в течение своей жизни. Он любил Россию, любил русский народ, любил его не в смысле массы современных и подвластных ему русских людей, а в смысле того идеала, до которого желал довести этот народ, и вот эта-то любовь составляет в нем то высокое качество, которое побуждает нас помимо нашей собственной воли любить его личность, оставляя в стороне и его кровавые расправы, и весь его деморализующий деспотизм, отразившийся зловредным влиянием и на потомстве. За любовь Петра к идеалу русского народа русский человек будет любить Петра до тех пор, пока сам не утратит для себя народного идеала, и ради этой любви простит ему все, что тяжелым бременем легло на его память.

Царевич Алексей Петрович

Преобразовательные намерения Петра Великого возбуждали множество недовольных, готовых противодействовать царю всеми мерами внутри России; но из всех противников его духа первое место по достоинству породы занимал его родной сын, царевич Алексей. Он был рожден от первой супруги Петра, Евдокии Лопухиной, 18 февраля 1690 года. Петр никогда не любил вполне свою жену, а сошедшись в Немецкой слободе с Анной Монс, почувствовал отвращение к своей супруге. Это неприязненное чувство развивалось по мере пристрастия государя к иноземчине, которое толкало его к решительным мерам против старинных русских порядков и обычаев. Евдокия не только не сочувствовала в этом Петру, но, как бы назло ему, была ревностной поклонницей старины заодно со своей близкой родней – Лопухиными. Петр пытался сначала убедить жену свою добровольно вступить в монастырь, но все его старания достигнуть этой цели оказались безуспешными. Тогда Петр приказал отправить Евдокию против ее воли в Суздальский Покровский девичий монастырь, и там она была насильно пострижена под именем Елены. Ее восьмилетний сын Алексей был разлучен с матерью; его воспитание было поручено сначала Никифору Вяземскому, потом – немцу Нейгебауеру, а когда этого немца за дерзость и высокомерие царь удалил, учителем царевича стал другой немец, Гюйсен. Он выучил царевича говорить по-французски и преподавал ему научные предметы на французском языке. В 1705 году Петр отозвал Гюйсена к дипломатическим поручениям. Царевич остался без учителя с одним своим воспитателем Никифором Вяземским; кроме того, наблюдение над ходом учения поручено было Меншикову, которому, однако, некогда было следить за царевичем, постоянно жившим в Москве, тогда как Меншиков пребывал в Петербурге и часто отвлекался на разные военные, морские и административные предприятия.

И.-Г. Таннауэр. Портрет Алексея Петровича

Москва, старая столица России, естественно, стала тогда важнейшим средоточием врагов преобразований, начатых Петром. Царевич, по чувству сердечной памяти о матери, не питал нежных чувств к родителю, а суровое и грозное обращение отца с сыном еще более охладило Алексея к Петру. Он редко мог видеть родителя, постоянно занятого военными делами. Царевича окружили люди, недружелюбно относившиеся к затеям государя. Это были четверо Нарышкиных, пять князей Вяземских, домоправитель царевича Еварлаков, сын царевичевой кормилицы Колычев, крутицкий архиерей Илларион и несколько протопопов, из которых один – Яков Игнатьев – был духовником царевича и имел на него громадное нравственное влияние. Однажды в Преображенском селе, в своей спальне, пред лежащим на стольце Евангелием, царевич дал своему духовнику клятвенное обещание слушать его во всем, как ангела Божия и Христова апостола, считать его судьей всех своих дел и покоряться во всем его советам. Царевич проводил время сообразно старинным приемам русской жизни: то слушая богослужение и занимаясь душеспасительными беседами, то учреждая пиры, постоянным участником которых был и его духовник. Подобно тому как родитель царевича устроил ради потехи всепьянейший собор и раздавал разные клички членам этого собора, царевич Алексей составил около себя такой же кружок друзей и всех их наделил насмешливыми прозвищами (отец Корова, Ад, Жибанда, Засыпка, Захлюста, Молох, Бритый, Грач и пр.). Они хвастались своим пьянством. «Мы вчера повеселились изрядно, – писал однажды царевич своему духовнику. –

Отец духовный Чиж чуть жив отошел до дому, поддержим сыном», а в письме царевича один из его собеседников, Алексей Нарышкин, приписал: «Мы здесь zelo в молитвенных подвигах пребываем, я уже третий день не маливался, и главный наш не умножает».

Но забавы царевича не походили на забавы его родителя в том, что царевич всегда относился с сердечным уважением ко всему церковному и не позволял себе делать таких кощунских выходок, какие замечаются в чиноположении Петрова всепьянейшего собора. Зато не менее родителя царевич при случае показывал жестокость и грубость в обращении со своими собеседниками; самого духовника своего, которого называл своим первейшим другом, царевич не раз пугал и за бороду драл. «И другие, – писал ему этот духовник, – от милостивого наказания твоего и побой изувечены и хрычат кровью». Своего наставника Вяземского царевич также драл за волосы и бил палкой. Несмотря на такие грубые вспышки, царевич Алексей, будучи по природе бесхарактерным, находился под влиянием своих друзей и особенно Якова Игнатьева, который служил ему тайным посредником по отношению к заточенной матери. При его посредстве царевич однажды съездил к ней в Суздаль, но царевна Наталья, любимая сестра Петра, проведала об этом и донесла брату. Царь сильно разгневался и потребовал сына к себе в Польшу, где он в то время находился. Царевич обратился к Екатерине и только ее ходатайству обязан был тем, что получил от родителя прощение.

Царевич Алексей Петрович и его супруга, принцесса Софья-Шарлотта Брауншвейг-Вольфенбюттельская

В 1709 году царевич по воле родителя был оторван от московского круга друзей, отправлен в Дрезден учиться геометрии и фортификации, а через два года женился на сестре супруги

немецкого императора Карла VI, вольфенбюттельской принцессе Шарлотте. Брак был совершен в Торгау 14 октября 1711 года в присутствии Петра. Алексей не чувствовал никакой любви к этой особе и женился на ней единственно из угождения воле родителя, не смея ему противиться по трусости и слабости характера. Супруга его была совсем не такая женщина, чтобы впоследствии расположить к себе сердце мужа и оказать на него доброе нравственное влияние. Это была немка до костей, до глубины души, она окружила себя исключительно единоземцами, не терпела русских и всей России. Молодая чета поселилась в Петербурге, в особом дворце, но жила не роскошно, и кронпринцесса, как титуловали в то время жену царевича, беспрестанно жаловалась, что ей дают мало средств. Петр пытался приучить своего сына любить то, что сам любил, и посылал его по разным поручениям, например, наблюдать за постройкой судов в Ладого, но царевич повиновался нехотя, из-под палки, и не показывал ни малейшего расположения следовать туда, куда направлял его отец. Алексей боялся родителя, сам родитель впоследствии объявлял, что, желая приучить сына к делу, не только бранил его, но и бивал палкой. Однажды Петр хотел проэкзаменовать сына из геометрии и фортификации. Царевич боялся, что царь заставит его при себе чертить планы, и чтобы избавиться от такого неприятного испытания, выстрелил себе из пистолета в ладонь; пуля не попала в руку, но рука была обожжена. Отец увидел обожженную руку сына и допрашивал его, что это значит. Алексей чем-то отолгался, но избавился от угрожавшего ему испытания. Все в нем составляло противоположность отцу: Петра занимали кораблестроение, военное искусство, всякого рода ремесла и промыслы; царевич с любовью углублялся в чтение благочестивых книг, в рассказы о чудесах и видениях, которым Петр не верил. Чем более Петр всматривался в поведение своего сына, тем более приходил к убеждению, что он не годится быть его преемником на престоле, к чему готовило Алексея право рождения. Петр перестал им заниматься и в продолжение многих месяцев не говорил с ним ни слова, но не решался отстранить его от престолонаследия, потому что некем было его заменить.

Царевич Петр Петрович

В 1714 году Екатерина стала беременной, но в то же время была уже во второй раз беременной и супруга Алексея Шарлотта. Кронпринцесса разрешилась от бремени 12 октября сыном Петром, а через десять дней скончалась. Тогда Петр в самый день погребения невестки вручил сыну письмо, в котором укорял его за то, что он не показывал никакой охоты к занятиям делами правления, а наиболее за то, что царевич «ниже слышать хочет о воинском деле, чем мы от тьмы к свету вышли». Царь убеждал его исправиться, а в случае неисправления грозил отрешить от наследства. Письмо это было подписано задним числом, за 16 дней до его отдачи, а на другой день после отдачи Екатерина родила Петру сына, Петра. Царевич советовался с близкими лицами, Вяземским и Александром Кикиным, обращался также к людям сильным: адмиралу Апраксину и князю Василию Владимировичу Долгорукому. Кикин и Вяземский прямо советовали ему удалиться на покой, а князь Василий Долгорукий говорил ему двусмысленные слова: «Давай писем хоть тысячу, еще когда-то будет; старая пословица: “улитка едет, когда-то будет”; это не запись с неустойкой, как мы прежнее меж себя давали». Хитрый боярин дал царевичу понять, что, по его соображениям, как он ни вывертывайся, а ему несдобровать. Через три дня после получения письма царевич послал царю ответ, в котором сознавался, что «памяти весьма лишен и всеми силами умными и телесными от различных болезней ослабел и непотребен стал к толикого народа правлению». Он отрекся от наследства, предоставляя его своему новорожденному брату, и призывал в свидетели Бога, что не станет более претендовать на корону.

Петр после этого заболел так тяжело, что даже исповедовался и причащался в чаянии кончины. По выздоровлении, уже в 1716 году, царь написал царевичу письмо, служившее как

бы ответом на то, которое царевич писал до болезни родителя. Петр написал сыну, что не верит клятве, и привел изречение Давида: «всяк человек ложь». «Да, наконец, – выражался Петр, – если бы ты и истинно хотел хранить клятву, то возмогут тебя склонить и принудить большие бороды, которые ради тунеядства своего не в аванже обретаются, к которым ты и ныне склонен зело». Затем Петр дал ему на выбор: или изменить свой нрав и сделаться достойным наследником престола, или постричься в монахи. «Иначе, – заканчивал свое письмо Петр, – я с тобой, как со злодеем, поступлю».

Испуганный царевич обратился опять за советом к Вяземскому и Кикину. Оба советовали ему идти в монастырь. Кикин прибавил при этом: «Ведь клобук не гвоздем к голове прибит, можно его и снять, а вперед что будет – кто знает!» Сообразно этому совету царевич написал Петру: «Желаю монашеского чина и прошу о сем милостивого позволения».

Но Петр через неделю посетил сына и сказал ему: «Это молодому человеку нелегко, одумайся, не спеши, подожди полгода».

Вскоре Петр уехал за границу. Алексей остался в Петербурге в томительной нерешительности. Его приятель Кикин уехал за границу высмотреть для царевича какое-нибудь убежище в случае крайней опасности.

В августе 1717 года Петр из-за границы прислал сыну письмо и требовал: или ехать к нему, не мешкая более недели, или постричься и уведомить отца, в каком монастыре и в какое время он пострижен. Это до того испугало царевича, что он решился бежать. «Я вижу, – говорил он, – что мне сам Бог путь правит. Мне снилось, что я церкви строю».

Заняв у Меншикова и у некоторых других лиц несколько тысяч червонцев, Алексей поехал как будто к отцу по его приказанию, а на самом деле – с намерением укрыться от его гнева и найти защиту у кого-нибудь из иноземных государей. На дороге в Либаве Алексей свиделся с Кикиным, возвращавшимся в отечество. Кикин советовал ему ехать в Вену и отдаться под покровительство цезаря. Так царевич и поступил. Он поехал в Вену под вымышленным именем польского шляхтича Коханского.

21 ноября старого стиля в 9 часов вечера царевич, оставив свой багаж и прислугу в гостинице, находившейся в Леопольдштадте, сам поехал во Внутренний город¹⁹⁹, остановился на площади в трактире «Bei Klapperer» и отправил оттуда своего служителя к вице-канцлеру Шенборну с просьбой допустить его по важному делу. Шенборн был уже раздет и объявил посланному, что он оденется и пойдет к царевичу сам; но не успел Шенборн одеться, как царевич явился к нему, и первым его делом было попросить удалиться от всех и выслушать его наедине.

– Я пришел искать протекции у императора, моего свояка; пусть он спасет жизнь мою; меня хотят погубить и моих бедных детей – лишит короны.

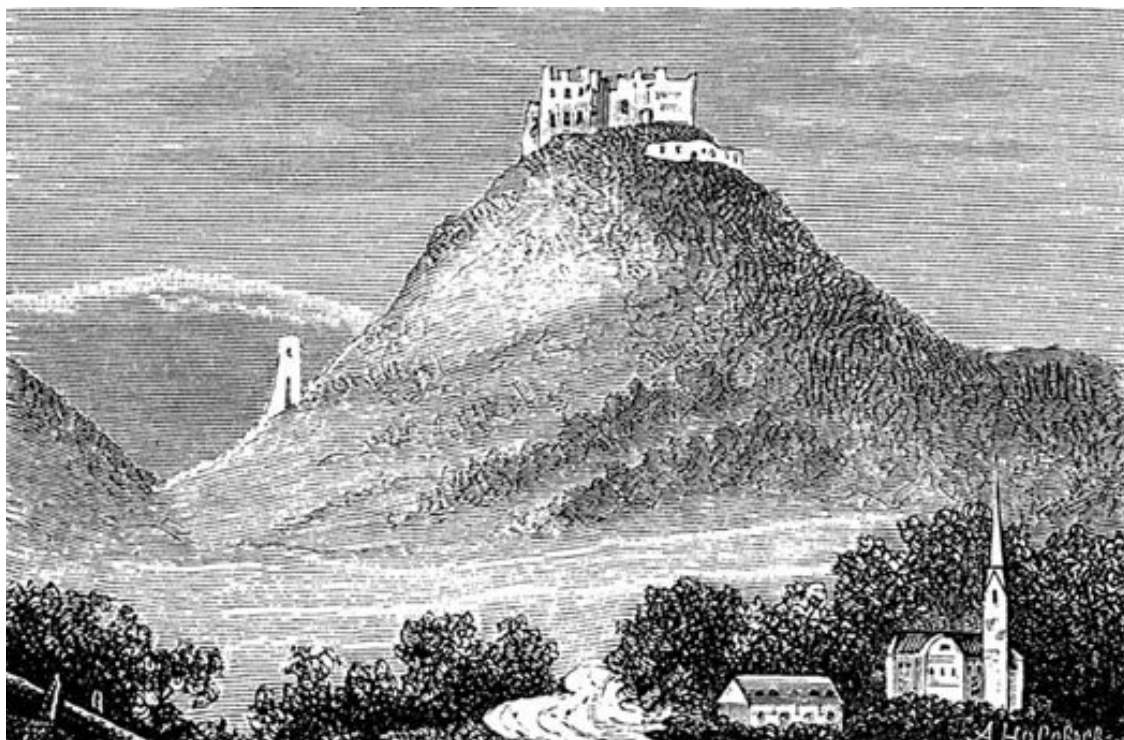
– Успокойтесь, – сказал ему Шенборн, – вы здесь в совершенной безопасности. Расскажите спокойно, в чем ваше несчастье и чего вы желаете.

Царевич продолжал:

– Отец хочет меня погубить, а я ни в чем не виноват. Я не раздражал его, я слабый человек. Меня Меншиков так нарочно воспитал; меня споили, умышленно расстроили мое здоровье; теперь отец говорит, что я не гоюсь ни к войне, ни к правлению, хочет меня постричь и засадить в монастырь, чтоб отнять наследство... Я не хочу в монастырь... Пусть император охраняет мою жизнь.

---

¹⁹⁹ Так называются части города Вены.

Развалины замка Эренберга

Царевич, говоря эти слова, не мог стоять на одном месте, бегал по комнате, перевернул кресло, потом остановился и попросил пива; но пива близко не было – ему подали мозельвейну. Царевич выпил и сказал:

– Ведите меня сейчас к императору. Шенборн сказал ему:

– Теперь поздно, прежде надобно представить его величеству правдивое и основательное изложение вашего дела, тем более, что мы ничего не слышали подобного относительно такого мудрого монарха, как ваш родитель.

– Отец был ко мне добр, – сказал царевич, – пока не родились у жены моей дети и она умерла... С тех пор пошло все хуже и хуже, особенно после того, как новая царица родила сына... Она с Меншиковым настроила против меня отца; у них нет ни Бога, ни совести; я ничего отцу не сделал, люблю и почитаю его, как велят заповеди Божии, но не хочу постригаться и тем делать вред моим бедным малюткам. Я никогда не имел охоты к солдатчине, сидел дома тихо, вдруг прошлого года отец стал принуждать меня отказаться от наследства и постричься, а недавно прислал с курьером приказание, чтобы я или постригался, или ехал к отцу; я постригаться не хочу, а ехать к отцу – значит ехать на муки; так я написал отцу, что приеду, а сам по совету добрых друзей приехал к императору: он государь великий и великодушный, притом же он мне свояк. Я знаю, говорили, будто я дурно обращался с моей женой, сестрой ее величества императрицы. Это неправда; не я, а отец мой и царица обращались с нею, как с девкой. Я предаю себя и своих детей в защиту императору и умоляю не выдавать меня отцу; он окружен злыми людьми и сам – человек жестокий и свирепый, много пролил невинной крови, даже собственноручно казнит осужденных; он гневен и мстителен, думает, что имеет над людьми такое же право, как сам Бог. Если император меня выдаст ему, то это все равно, что на смерть. Шенборн сказал ему:

– Неудовольствие между отцом и сыном – вопрос щекотливый; я нахожу, что вы поступите благоразумнее, если для избежания толков в свете не будете требовать свидания с их величествами, а предоставите оказать вам явную или тайную помощь и найти средства примирить вас с отцом.

– Примиришь меня с отцом нет никакой надежды, – сказал царевич, – если отец будет ко мне и добр, то мачеха и Меншиков уморят меня оскорблениями или опоят ядом. Пусть император позволит мне жить у него либо открыто, либо тайно.

Вице-канцлер уговорил его подождать ответа до завтрашнего дня – и царевич ушел на свою квартиру.

На следующий день после секретного разговора с императором, вечером, вице-канцлер сообщил царевичу, что император будет стараться примирить его с родителем, а до того времени признает за лучшее содержать его втайне.

Царевич согласился и был отправлен в Тироль под видом государственного преступника. Его поместили в крепости Эренберге, лежащей посреди гор на высокой скале. Коменданту приказали содержать его прилично, на сумму от 250 до 300 гульденов в месяц, и чтобы сохранить тайну его пребывания, запретили солдатам и их женам выходить за ворота крепости, а караульным – вести с кем бы то ни было разговоры о том, кто привезен в крепость; на всякие вопросы приказано им отзываться незнанием.

Между тем Петр, находившийся в Амстердаме, не дождавшись сына, смекнул, что царевич убежал, и сразу догадался, куда он направил свой путь. Петр вызвал из Вены своего резидента Веселовского, дал указ разведать о царевиче и написал императору Карлу VI письмо, в котором просил императора: «Если бы непослушный сын русского царя оказался явно или тайно в его владениях – выслать его под караулом для отеческого исправления».

Вид Ст. – Эльмо

Веселовский подал императору письмо Петра, но ни император, ни его министры не объявили тайны Веселовскому. Зато Веселовский сам напал на след царевича и известил Петра, что он находится в Тироле. Об этом узнал император и послал к царевичу совет переехать подальше – в Неаполь. У царевича была любовница, уехавшая с ним из России, крепостная девушка Вяземского по имени Евфросиния. Оставив свою прислугу в Эренберге, царевич отправился с нею в Неаполь и 17 мая н.с. 1717 года был помещен в замке Сент-Альмо, господствующем на холме над городом.

Недолго пришлось проживать ему в этом убежище. Когда царевича везли туда, следом за ним ехал капитан Румянцев и потом сообщил все царю. Петр вместе с этим Румянцевым отправил в Вену своего приближенного Петра Толстого требовать у императора выдачи царе-

вича, обещая ему от имени отца прощение; если же император не согласится на выдачу, то по крайней мере добиться свидания с царевичем и убедить последнего возвратиться в отечество. Император не согласился на выдачу, но дозволил Толстому и Румянцеву уговаривать Алексея вернуться на родину. Много способствовала этому теща императора, мать умершей жены царевича, которая не хотела доводить до крайности раздор между отцом и сыном, чтобы это не повредило ее внукам. Отпустив доверенных Петра в Неаполь, император поручил управлявшему его южноитальянскими владениями в звании вице-короля Дауну содействовать, чтобы царевич добровольно согласился вернуться к отцу; но если царевич не поддастся никаким убеждениям, то уверить его, что он может оставаться в безопасности в императорских владениях.

Толстой с Румянцевым приехали в Неаполь 24 сентября 1717 года. Вице-король Даун тотчас пригласил царевича к себе, чтобы доставить возможность посланцам Петра видеть его. Толстой передал царевичу письмо отца. Петр писал: «Обнадеживаю тебя и обещаю Богом и судом Его, что никакого наказания тебе не будет, но лучшую любовь покажу тебе, если ты воли моей послушаешься и возвратишься».

Царевич не поддавался ни на что. Через два дня Даун опять устроил у себя свидание царевича с присланными русскими. Толстой начал пугать царевича. Трусливый Алексей обратился к Дауну и спрашивал его, будет ли защищать его император, если отец станет требовать его вооруженной рукой. Даун отвечал:

– Император очень желает, чтобы вы примирились с родителем; но если вы считаете небезопасным для себя возвращение на родину, то извольте оставаться: император настолько силен, что может охранить тех, кто отдается под его протекцию.

Ободренный царевич опять не поддавался на увещания Толстого, но по своей слабохарактерности прибегнул к уловкам: сказал, что повременит, подумает, и после этого уже не поехал в третий раз на разговор с Толстым и Румянцевым в дом вице-короля.

Тогда Толстой подкупил за 60 червонцев секретаря Дауна, Вейнгардта, с тем, чтобы тот лично от себя попугал царевича и тем убедил его к возвращению. Вейнгардт поехал к Алексею в замок и стал ему говорить: «Императорская протекция не совсем для вас надежна: царь объявляет, что прощает сына, а сын не едет; если царь вздумает вести войну, то император не хотя выдаст сына отцу». Слова Вейнгардта так растревожили царевича, что он сам написал записку к Толстому и просил приехать к нему, только без Румянцева, которого он особенно боялся. Толстой приехал к нему и сказал:

– Вот я получил от государя письмо; он собирает войско, хочет его вести в Силезию и доставать оружием своего сына, а сам собирается ехать в Италию. Не думай, что он тебя видеть здесь не может: кто ему запретит?

Царевич поколебался и сказал: «Я бы поехал к отцу, если бы у меня не отняли Евфросинию и позволили жить с нею в деревне».

Н.Н. Ге. Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе

Затем он обещал еще подумать. Толстой приступил к Дауну и начал просить поупугать царевича разлукой с Евфросинией. Даун на самом деле не смел отнять Евфросинию у царевича, но поупугать его разлукой с нею считал дозволительным, потому что царевичу от лица императора уже было заявлено, что если отец сердится на него за то, что он возит с собой какую-то женщину, то царевич должен знать, что императору кажется неприличным заступаться за поступки, достойные порицания. Вице-король велел сказать царевичу, что прикажет отлучить от него женщину, которая ездит с ним в мужской одежде. Испуганный царевич посоветовался с Евфросинией, а Евфросиния сказала ему, что лучше всего покориться отцовской воле и просить у отца прощения. Это обстоятельство решило все. Царевич на другой день объявил Толстому, что согласен ехать в отечество, если ему позволят жениться на Евфросинии и жить с нею в деревне. Толстой, как царский уполномоченный, дал от имени царя согласие. Царевич прежде поехал в Бар на поклонение мощам св. Николая; Толстой и Румянцев следовали за ним неотступно, а по возвращении с богомолья 14 октября царевич выехал из Неаполя по дороге на Рим со своими неразлучными дядьками. Толстой и Румянцев очень боялись, чтобы царевич под какими-нибудь впечатлением не изменил своего решения, пока не выедет из императорских владений, а потому не стали останавливаться в Вене, проехали ее ночью и спешили поскорее убраться за пределы императорских владений. Но в Брюнне они были задержаны генерал-губернатором Моравии, графом Колоредо, который получил от императора приказание не пропускать путешественников, прежде чем узнает от царевича причину, почему он не представился императору в Вене, и пока не удостоверится, что царевича везут не по неволе. 23 декабря Колоредо виделся с царевичем и получил от него ответ, что он не явился к императору единственно по причине дорожных обстоятельств, не имея приличной обстановки. В это время Толстой сообщил царевичу новое письмо отца, в котором Петр изъявлял согласие на брак Алексея с Евфросинией и проживание с нею в деревне. Это обещание вполне успо-

коило царевича. Колоредо отпустил его. За ним медленно следовала беременная Евфросиния другой дорогой – вместо Вены на Нюрнберг и Берлин. Царевич со своими дядьками направлялся прямо в Москву и во время проезда по России видел в народе знаки расположения к себе. «Благослови, Господи, будущего государя нашего», – кричал народ. 31 января царевича привезли в Москву.

3 февраля было первое свидание Алексея с родителем. Царь приказал собраться в ответной палате Кремлевского дворца духовным сановникам, сенаторам, всяких чинов людям, «кроме подлого народа», и сам стоял в этом собрании. Вошел царевич вместе с Толстым и, как только увидел государя, повалился к нему в ноги и с плачем просил прощения своей вине. «Встань, – сказал царь, – объявляю тебе свою родительскую милость». Петр начал припоминать, как он обучал его, готовя сделать своим наследником, но сын презрел это и не хотел обучаться тому, что было нужно для его будущего сана, потом выговаривал его последнее преступление – бегство из отечества и обращение к иноземному государю. Царевич не мог принести никакого оправдания, просил только простить его и даровать жизнь, а от наследства отказывался.

«Я покажу тебе милость, – сказал Петр, – но только с тем, чтобы ты показал самую истину и объявил о своих согласниках, которые тебе присоветовали бежать к цезарю».

Царевич Петр Алексеевич

Алексей Петрович хотел было что-то говорить, но царь перебил его и приказал стоявшему близ него Думашеву во всеуслышание читать приготовленный печатный манифест. По окончании чтения царь сказал: «Прощаю, а наследия лишаю».

После этих слов царь вышел, и за ним последовали все присутствовавшие в Успенский собор. Здесь царевич Алексей произнес присягу перед Евангелием в том, что никогда, ни в какое время не будет искать, желать и под каким бы то ни было предлогом принимать престола, а признает своим истинным наследником своего брата Петра Петровича. Царевич подписался на присяжном листе. За ним присягали и также подписались все присутствовавшие.

Из собора царь вместе с царевичем отправились в Преображенское село на обед. В 3 часа пополудни туда съехались министры и сенаторы, пили и веселились. В этот же день был опубликован манифест, обращенный ко всему русскому народу, уже прежде прочитанный во дворце Думашевым. В этом манифесте объявлялось о давней и постоянной неохоте царевича к воинским и гражданским делам, о его безнравственности, о том, что он еще при жизни своей жены «взял некую бездельную и работную девку» и с оной жил явно незаконно, что это способствовало смерти его жены; потом излагалась история его побега, сообщалось, между прочим, что императорский наместник в Неаполе объявил царевичу, что цезарь не станет держать его в своих владениях²⁰⁰, наконец, объявлялось, что царь «отеческим сердцем о нем соболезнует», прощает его и от всякого наказания освобождает, но лишает наследства после себя, «хотя бы ни единой персоны царской фамилии не оставалось», а вместо отрешенного от наследства назначает своим наследником другого своего сына, Петра, которого все подданные должны признать в качестве наследника престола посредством целования креста. Затем все, которые станут признавать Алексея наследником престола, объявлялись изменниками.

На следующий день после объявления манифеста царевичу задали вопросные пункты, требовали от него показаний не только о действиях, но и о словах, которые он произносил сам и которые слышал от других в разное время. Вопросные пункты оканчивались такими зловещими словами:

---

²⁰⁰ Против этого известия впоследствии протестовал Даун.

Царевич Алексей Петрович

«Ежели что укроешь, а потом явно будет, то на меня не пеняй, понеже вчерась пред всем народом объявлено, что за сие пардон не в пардоне».

Мелкая, эгоистичная натура Алексея проявилась во всей силе. Царевич настроил показание, в котором прежде всего очернил Александра Кикина, как главного советника к побегу, показал, что говорил своему камердинеру Ивану Большому Афанасьеву о своем намерении бежать, но не получил одобрения; показал на Дубровского, которому передавал деньги для своей матери; показал на своего учителя Вяземского, на сибирского царевича, на Ивана Кикина, на Семена Нарышкина, на князя Василия Долгорукого и на свою тетку, царевну Марию Алексеевну; оговорил Кейля, секретаря имперского канцлера Шенборна, будто он принуждал его писать письма сенаторам и архиереям, хотя эти письма и не были им посланы. Показание царевича не заключало, однако, полной искренности: он раскрывался только наполовину, так что его показания могли притянуть других в беду, а о себе всего не сказал.

Александра Кикина вместе с Большим Афанасьевым схватили в Петербурге, привезли в Москву и подвергли страшным истязаниям в Преображенском приказе. Его пытали четыре раза. Кикин упорно запирался, отрицал справедливость показаний царевича, наконец, после новых невыносимых мучений, сказал: «Я побег царевичу делал и место сыскал в такую меру – когда бы царевич был на царстве, чтоб был ко мне милостив». Его приговорили к колесованию.

На следующий день после казни истерзанный Александр Кикин лежал на колесе еще живой; царь подъехал к нему, слушал, как он стонал, вопил и молил отпустить душу его на покаяние в монастырь. Петр приказал отрубить ему голову и воткнуть на кол.

Камердинер Иван Большой Афанасьев оговорил многих, но не спас себя: и его приговорили к смерти, но приговор отложили. То же сделали и с Дубровским, сообразно показаниям царевича.

Charlotte

Кронпринцесса Шарлотта

Сенатора князя Василия Долгорукого привезли из Петербурга в Москву скованным. Этого человека никак не могли обвинить в соучастии с царевичем, которого он хорошо понимал, но ему поставили в вину некоторые остроты, произнесенные им неосторожно. Так, например, когда начали говорить, что царевич возвращается в Россию, князь Василий сказал: «Вот дурак, поверил, что отец посулил ему жениться на Афросинье! Жолв ему, а не женитьба, черт его несет; его, дурака, обманывают нарочно». Василия Долгорукого отправили в Петропавловскую крепость, а потом сослали в Соликамск. Учитель Вяземский отписался, показав, что ничего не знал об умыслах царевича, который давно уже не любит его и теперь наговорил на него по злобе. Вслед за тем в Петербурге арестовали человек двадцать и отправили в ножных кандалах в Москву. Всем жителям Петербурга объявлено было запрещение выезжать из города по Московской дороге под опасением смертной казни.

В тот же день Петр послал Григория Скорнякова-Писарева за бывшей своей женой Евдокией. Скорняков-Писарев привез ее в Москву и донес, что нашел ее не в монашеском, а в мирском платье. Этот человек, впоследствии сам испытавший горькую участь от Петра, угождая царю, давал советы хватать того и другого, чтоб открывать «воровство». По его совету вслед за несчастной царицей потащили в Преображенский приказ целую толпу мужчин и женщин духовного и мирского чина.

Тогда открылось, что отверженная царица после долгого томления в монастыре завела любовную связь с майором Степаном Глебовым – человеком женатым, уже немолодым и имевшим взрослого сына. Попались ее письма к этому человеку. Царица на допросе созналась в связи с ним. Сознался в том же и Глебов, но не хотел сознаться ни в писании, ни в произнесении хульных слов на Петра и Екатерину, чего от него домогались. Улик не было. Сознания от него не добились ни посредством кнута, ни жжения горячими углями и раскаленным железом и все-таки посадили на кол на Красной площади. Испытывая невыразимые мучения, он был жив целый день, затем ночь и умер перед рассветом, испросив причащение Св. Тайн у одного иеромонаха. Говорят, что Петр подъезжал к нему и потешался его страданиями. Тогда же был колесован ростовский епископ Досифей за то, что поминал Евдокию царицей, утешал ее разными вымышленными откровениями, гласами от образов, чудесными видениями и тому подобными суевериями, пророчил ей, между прочим, что она снова станет царицей и Петр опять сойдется с нею. Казнили смертью духовника Евдокии, который был у нее посредником в сношениях с Глебовым; наказали кнутом нескольких монахинь, угождавших Евдокии. Саму Евдокию царь сослал в Староладожский женский монастырь, а свою сестру Марию Алексеевну приказал заточить в Шлиссельбург; спустя некоторое время она была переведена в Петербург и оставлена в особом доме под надзором.

Во время страшного розыска по этому делу, происходившего в Преображенском приказе, государь 2 марта, в соборное воскресенье, был у обедни. Здесь подошел к нему неизвестный человек и подал бумагу, в которой было написано следующее:

«За неповинное отлучение и изгнание от всероссийского престола царского Богом хранимого государя царевича Алексея Петровича христианскою совестью и судом Божиим и пресвятым Евангелием не клянусь и на том Животворящего Креста Христова не целую и собственною рукою не подписуюсь; еще к тому и прилагаю малоизбранное от богословской книги Назианзина могущим внять в свидетельство изрядное, хотя за то и царский гнев на мя произметя, буди в том воля Господа Бога моего Иисуса Христа, по воле Его святой, за истину, аз раб Христов Илларион Докукин страдати готов. Аминь, аминь, аминь».

Бумага, на которой подписаны были эти слова, была присяжным листом на верность новообъявленному наследнику престола царевичу Петру Петровичу. Этот присяжный лист раздавали во множестве экземпляров, приводя русских к присяге. Человек, подавший Петру эту бумагу, был подьячий Докукин. Его три раза подвергли жесточайшей пытке. Он никого не выдал, хулил Петра и Екатерину и кричал, что пришел добровольно пострадать за правду и имя Христово. Его колесовали. Но Петр понял, что среди сторонников его сына есть люди, о которых можно было сказать, что они не чета жалкому, ничтожному царевичу и что они гораздо опаснее самого Алексея. «О, бородачи, бородачи! – восклицал тогда Петр в разговоре с Толстым. – Всему злу корень – старцы да попы! Отец мой имел дело с одним бородачом, а я – с тысячами!»

В изобилии лилась человеческая кровь за этого царевича, а он сам тешился уверенностью, что страданиями преданных ему людей купит себе спокойствие и безмятежную жизнь со своей дорогой Евфросинией. «Батюшка, – писал он к Евфросинии, – поступает со мною милостиво; слава Богу, что от наследства отлучили! Дай Бог благополучно пожить с тобою в деревне».

И. Н. Никитин. Портрет царевны Натальи Алексеевны. Не позднее 1716 г.

18 марта Петр уехал в Петербург. С ним отправился и царевич. 12 апреля была Пасха. Царевич, явившись к мачехе с поздравлением, валялся у нее в ногах и умолял ее ходатайствовать о дозволении ему жениться на Евфросинии. И это делалось после того, как его родная мать, публично опозоренная, была осуждена на увеличенное, тяжкое страдание!

Давножданная Евфросиния наконец приехала в Петербург 20 апреля, но царевич не встретил ее и не обнял при свидании. Ее, беременную, засадили в Петропавловскую крепость и там задали ей вопросные пункты: кто писал царевичу во время его пребывания за границей, кого хвалил царевич, кого бранил, что о ком говорил. Испуганная Евфросиния дала такое показание: «Царевич писал не раз цезарю жалобы на отца, писал письма к русским архиереям с тем, чтобы эти письма подметывать в народе, постоянно жаловался на родителя, очень прилежно желал наследства, изъявлял радость, когда читал в “Курантах”, что его брат Петр Петрович болен, и говорил такие слова: “Хотя батюшка и делает то, что хочет, только, чаю, сенаты не сделают того, чего хочет батюшка”. Когда слышал о видениях и читал в “Курантах”, что в Петербурге тихо и спокойно, то говорил: “Тишина недаром, может быть, отец мой умрет, либо бунт будет. Отец надеется, что по смерти его вместо малолетнего Петра будет управлять мачеха; тогда бабье царство будет, и произойдет смятение: иные станут за брата, а иные за меня. Я, когда стану царем, то всех старых переведу, а новых наберу себе по своей воле. Буду жить зиму в Москве, а летом в Ярославле. Петербург будет простым городом; я кораблей дер-

жать не стану и войны ни с кем вести не буду; буду довольствоваться старым владением». Когда услышал царевич, будто в Мекленбурге бунтует русское войско, то очень обрадовался».

Евфросиния показала также, что царевич из Неаполя хотел бежать в Рим к папе; но она его удержала.

Когда царевичу было предъявлено показание Евфросинии, он заперся. Но отец подверг его тайной пытке. Уже после смерти царевича были осуждены на казнь трое крестьян за то, что были свидетелями, как на мызе повели царевича под сарай и оттуда были слышны его стоны и крики. После таких мер царевич написал показание, в котором наговорил на себя столько, сколько даже не был вынужден говорить, например: «Когда я слышал о мекленбургском бунте русского войска, как писали в иностранных газетах, то радовался и говорил, что Бог не так делает, как отец мой хочет, и когда бы так было и бунтовщики прислали бы за мною, то я бы к ним поехал». Он наговорил на многих государственных людей, притянул к делу киевского митрополита, заявив, что он ему друг, что писал к этому архипастырю и просил всем сказывать, что царевич убежал от принуждения вступить в монастырь. Петр по этому показанию отправил Скорнякова-Писарева в Киев сделать у митрополита обыск и самого его препроводить в Петербург. Престарелый митрополит Иосиф Кроковский был отправлен в Петербург, но не доехал и умер на пути в Твери. Предание говорило, что его отравили.

Вынужденное пытками признание царевича в том, что он готов был пристать к бунтовщикам, дало Петру повод не стесняться своим прежним обещанием помилования, данным виновному сыну. 13 июня Петр приказал собрать суд из духовных и светских лиц и объявлял печатно, чтобы судьи вершили это дело, «не флатируя и не похлебуя ему, государю; не рассуждайте того, что тот суд ваш надлежит вам учинить на сына вашего государя, но, несмотря на лицо, сделайте правду и не погубите душ своих и моей души, чтоб совести наши остались чисты в день страшного испытания и отечество наше безбедно».

Петр Великий в год Полтавской битвы

14 июня царевич был посажен в Петропавловскую крепость, а 17-го потребован в суд к допросу. Царевич оговорил своего дядю Авраама Лопухина и своего духовника Якова Игнатьева, будто последний, узнав от царевича на исповеди, что царевич желает отцу смерти, сказал: «Бог тебя простит, и мы все желаем ему смерти». Пытали Лопухина, расстригли и пытали три раза протопопа Якова. 19 июня пытали самого царевича и дали ему 25 ударов кнутом.

22 июня Толстой взял с царевича показание, в котором излагались причины его непослушания отцу. Показание это явно было написано так, как от него требовали. Он приписывал все своему обращению с попами, чернецами и ханжами, а в конце оговорил императора, будто тот обещал ему вооруженную помощь: «И ежели бы цезарь начал то производить в дело, как мне обещал, то я бы, не жалея ничего, доступал наследства, дал бы цезарю великие суммы

денег, а министрам и генералам его великие подарки. Войска его, которые бы он мне дал в помощь, чтобы достигнуть короны российской, взял бы на свое иждивение и, одним словом сказать, ничего бы не пожалел, только чтобы исполнить в том свою волю».

24 июня царевича снова подвергли пытке и дали ему 15 ударов кнутом. В этот самый день решился суд над ним. Духовенство дало уклончивый, но замечательно мудрый приговор. Выписав разные места из Священного Писания об обязанностях детей повиноваться родителям, оно предоставило на волю государя действовать или по Ветхому, или по Новому Завету: хочет руководствоваться Ветхим Заветом – может казнить сына, а если хочет предпочесть учение Нового Завета – может простить его по образцу, указанному в евангельской притче о блудном сыне, и в поступке самого Спасителя с женой-прелюбодейницей. «Сердце царево в руце Божией есть; да изберет тую часть, амо же рука Божия того преклоняет!» Так сказано было в конце приговора духовных.

Церковь в лице своих представителей исполнила свое дело; она указала дух, в каком должна действовать мирская власть, признающая себя христианской; более ничего не могла сделать церковь, не имевшая никакого оружия, кроме слова, никаких побудительных мер, кроме указаний на слова и пример Спасителя.

Светский суд не сохранил своего достоинства в равной степени, в какой сохранило его духовенство. Светские судьи могли бы напомнить государю, что он дал свое царское обещание сыну через Толстого в Неаполе, что ему наказания не будет, если он возвратится. Сын поверил слову царя-родителя, и теперь его можно было судить только в таком случае, когда бы он сделал что-либо преступное уже после своего возвращения в отечество. Но светские судьи так не сделали, во-первых, потому, что во главе их находился Меншиков, личный враг царевича, во-вторых, потому, что они желали угодить Петру и ясно видели, какого решения ему хочется. Царевичу был подписан смертный приговор 120 членами суда.

26 июня в 6 часов пополудни царевич скончался. Царь опубликовал о его смерти, что он, выслушав смертный приговор, пришел в ужас, заболел недугом вроде апоплексии, исповедался, причастился, потребовал к себе отца, испросил у него прощения и по-христиански скончался. Этому описанию не все верили; пошли слухи, что царевич умер насильственной смертью, но какой – неизвестно. Из книг «Гарнизона», то есть Петропавловской крепости, видно, что в день смерти царевича, утром, Петр с девятью сановниками ездил в крепость и там «учинен был застенок», то есть производилась пытка, но над кем – о том не говорится.

На следующий день, 27 июня, была годовщина Полтавской битвы. Царь обедал на почтовом дворе, в саду, и вечером веселился. 29 июня государь праздновал свои именины, обедал в Летнем дворце, присутствовал при спуске корабля, а вечером были фейерверк и веселый пир до глубокой ночи. Тело царевича, перенесенное из Петропавловской крепости, лежало в церкви Св. Троицы. 30 июня, вечером, в присутствии царя и царицы оно было предано земле в Петропавловском соборе, рядом с гробом покойной кронпринцессы. Траура не было.

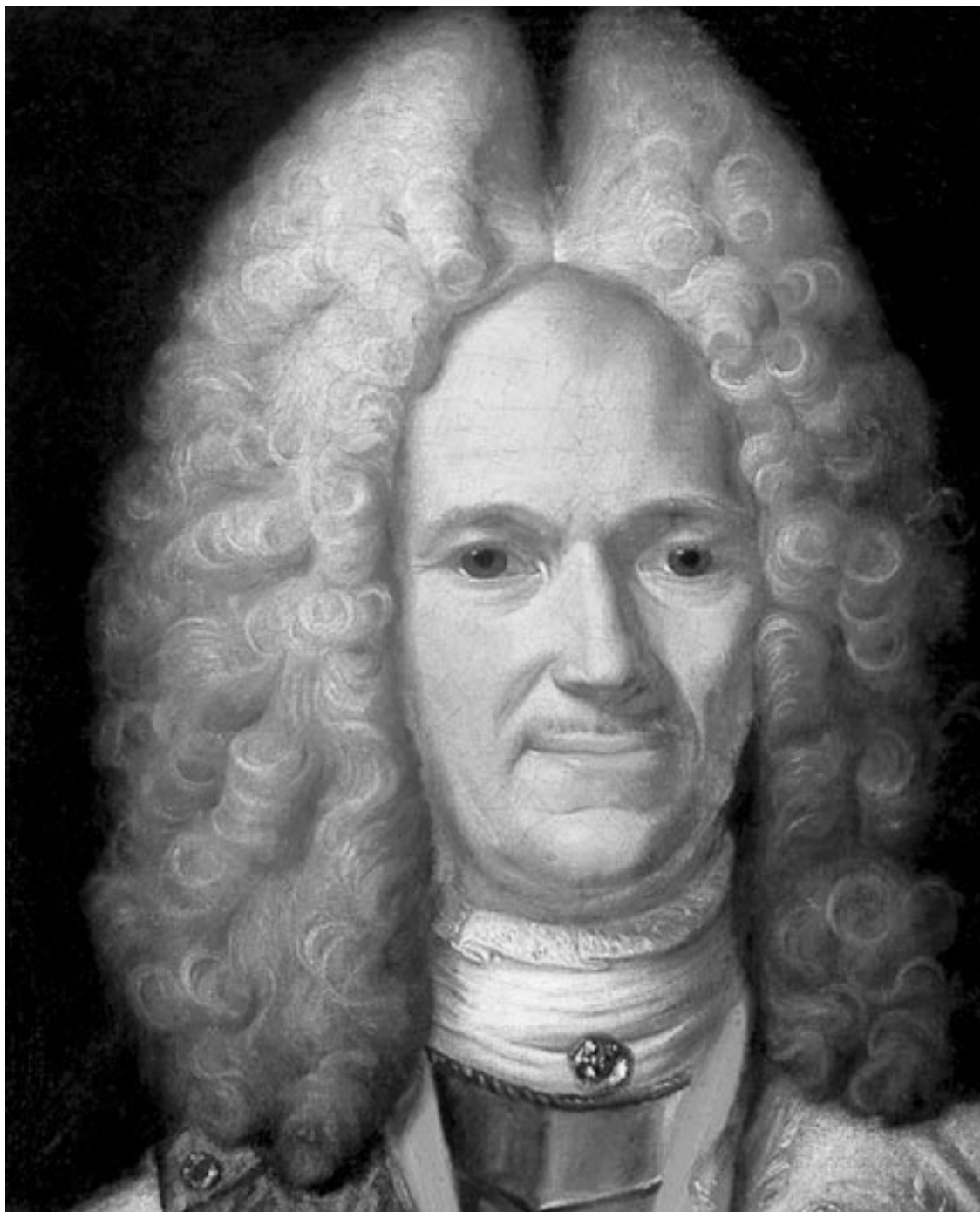
Царевич гнил в земле, а его дело все еще продолжалось, и 8 декабря были казнены смертью обвиненные показаниями царевича его духовник Яков Игнатъев, его дядя Авраам Лопухин, камердинер Иван Большой Афанасьев, Дубровский и Воронов. Других били кнутом и вырезали им ноздри.

Безусловные почитатели Петра видели в поступке с сыном великий подвиг принесения в жертву отечеству своего родного сына и оправдывали царя крайней необходимостью. В самом деле, царевич Алексей был такой личностью, которая непременно по своей бесхарактерности сделалась бы орудием врагов Петра и всех его преобразований. Его отречение от наследства ни в каком случае не имело бы силы после смерти Петра, как бы государь ни распорядился престолом. Всегда бы нашлась могущественная партия, которая подвинула бы Алексея вернуть себе потерянные права, и тогда погибель грозила бы всем сподвижникам Петрова и всему тому, что Петр готовил для Русского государства. Но нельзя не видеть, что Петром руково-

дили не только государственные цели, но и семейные побуждения. Он не любил Алексея, как сына ненавистной, отверженной им жены, и хотел доставить престол потомству Екатерины; от этого-то он стал налегать на Алексея настойчивее тогда, когда родился сын от Екатерины. Если бы у Петра не было такого побуждения, то, отрешив Алексея от наследства, он мог бы назначить по праву первородства своим наследником внука, Алексева сына, который был так же мал, как и рожденный через несколько дней после внука сын Петра, царевич Петр Петрович. Петр мог воспитать себе достойного преемника и в малолетнем внуке, как в малолетнем сыне. Чтобы оправдать свой поступок и придать ему законный вид, Петр установил закон, по которому царствующий государь может отдавать после себя престол кому угодно, помимо всякого права рождения. Несостоятельность и неудобоприменимость такого порядка вещей проявилась в истории самого Петра: ему пришлось умереть, не воспользовавшись изданным им же законом, не указав после себя преемника престола.

Князь Александр Данилович Меншиков

Из всех современников Петра, окружавших его, не было никого ближе к государю, как Меншиков; не было другой личности, которая возбуждала бы до такой степени всеобщее внимание Европы странными поворотами своей судьбы. По общему мнению, составившемуся еще при жизни Меншикова, он происходил из простолюдинов и в этом отношении составлял в ряду государственных русских лиц замечательное исключение, олицетворявшее стремление Петра создать новых деятелей, не связанных с общественными преданиями старой Руси. По одним сказаниям, его отец был православный пришелец из Литвы, поселившийся в Москве, по другим – он был уроженец берегов Волги, но и в том и в другом случае – простолюдин. В 1686 году двенадцатилетний Александр Меншиков, отданный отцом к московскому пирожнику, продавал в столице пироги. Мальчишка отличался остроумными выходками и балагурством, что долго было в обычае у русских разносчиков; этим он заманивал к себе покупателей. Случилось ему проходить мимо дворца знаменитого и сильного в то время Лефорта; увидя забавного мальчика, Лефорт позвал его к себе в комнату и спросил: «Что возьмешь за всю свою коробку с пирогами?» – «Пироги извольте купить, а коробки без позволения хозяина я продать не смею», – отвечал Алексашка – так звали уличного мальчика. «Хочешь у меня служить?» – спросил его Лефорт. «Очень рад, – отвечал Алексашка, – только надобно отойти от хозяина». Лефорт купил у него все пирожки и сказал: «Когда отойдешь от пирожника, тотчас приходи ко мне». С неохотой отпустил пирожник Алексашку и сделал это только потому, что важный господин брал его в свою прислугу. Меншиков поступил к Лефорту и надел его ливрею. Он показывал большую сметливость, замечательную верность интересам своего хозяина и умел угодить Лефорту. Веселый и шутливый нрав Алексашки очень пришелся по вкусу Лефорту, который, как француз, отличался всегдашней добродушной веселостью, любезностью и уживчивостью. Лефорт часто шутил с Алексашкой и восхищался его остроумными выходками, хотя при всей своей природной способности Алексашка был тогда круглый невежда и не умел порядочно подписать собственного имени.

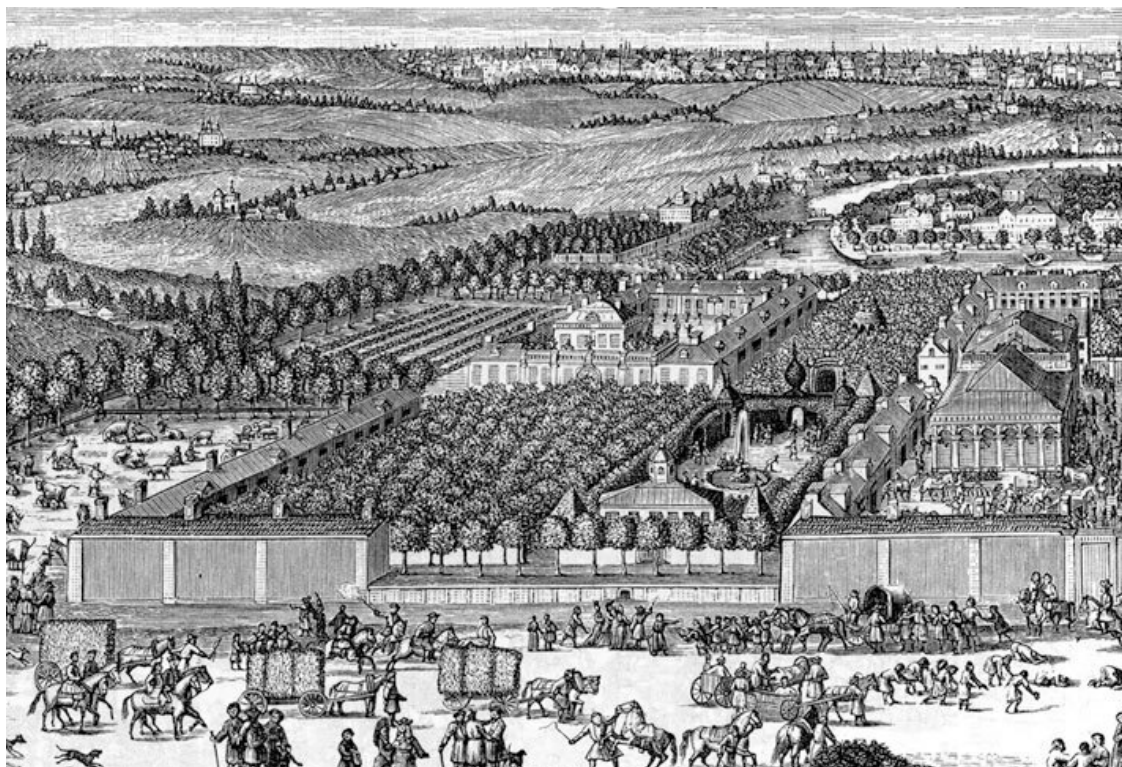
Неизвестный художник. Портрет А.Д. Меншикова. 1716–1720 гг. Фрагмент

Между тем значение Лефорта все более и более возрастало, и он сделался задушевным другом и постоянным собеседником молодого царя Петра. Часто проводя веселые вечера в доме Лефорта, царь увидел там Алексашку. Ему сразу понравился бывший пирожник, а Лефорт описал Петру в самом пленительном виде сметливость, живость и служебную верность Алексашки. Царь пожелал взять Алексашку к себе в прислугу.

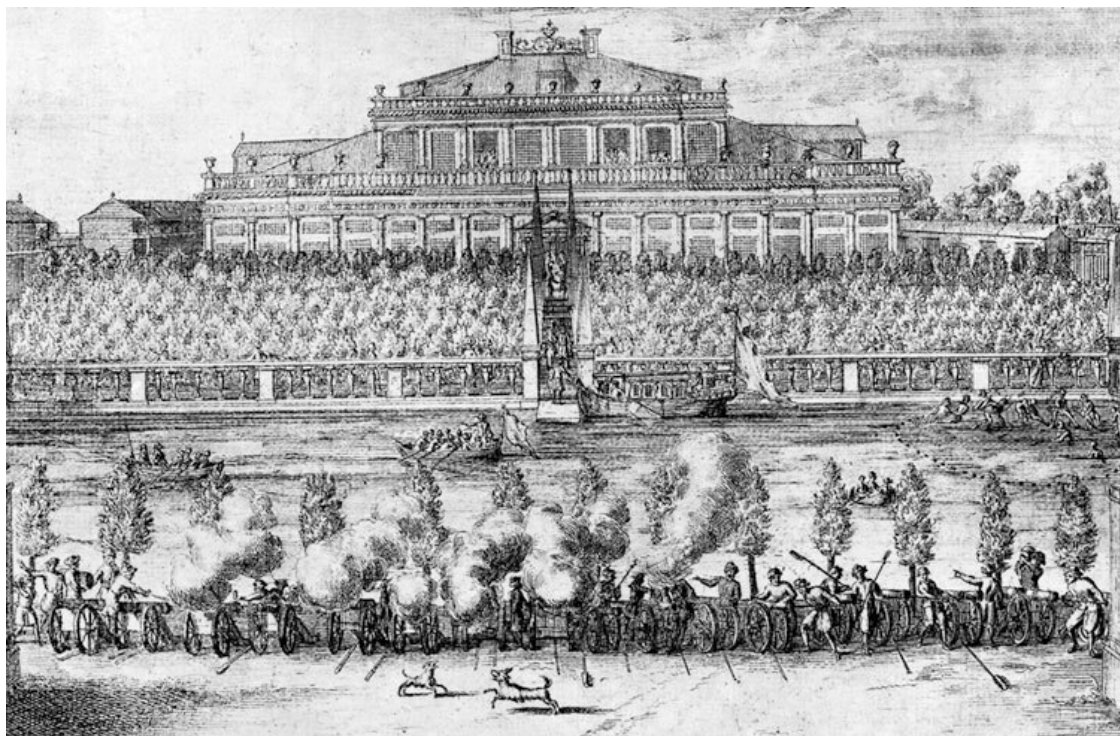
Так рассказывали современники о ранней судьбе этой замечательнейшей личности русской истории. В последнее время опровергали это сказание главнейшим образом тем, что в то время, когда Меншиков уже был в большой милости у царя, Петр, ходатайствуя у императора немецкого грамоту Меншикову на сан князя Римской империи, именовал его происходящим из шляхетской литовской фамилии. Но этот довод для опровержения целого ряда современ-

ных сказаний довольно слаб, тем более что прямые потомки Меншикова не могли представить никаких объяснений о темном происхождении своего предка, отзываясь пропажей фамильных документов во время московского пожара 1812 года.

Поступив в царскую прислугу, Алексашка сначала был простым лакеем, а потом царь записал его в число своих потешных, где почти все юноши были из дворянского сословия. Это был первый шаг к возвышению Меншикова, но важно было для него то, что, считаясь потешным, Меншиков несколько лет продолжал исполнять близ царской особы должность камердинера: Петр, ложась спать, клал его у своих ног на полу. Тогда-то чрезвычайная понятливость, любознательность и большая исполнительность Меншикова расположили к нему царя. Меншиков как будто заранее угадывал, чего царю нужно, и во всем спешил угодить его желанию. Случалось, запальчивый царь ругал его и даже бивал, – Меншиков все переносил безропотно и терпеливо. И Петр привязался к Меншикову до такой степени, что чувствовал потребность в его постоянной близости. Скоро многие, заметив, что Меншиков делается царским любимцем, стали обращаться к нему о ходатайстве и заступничестве перед царской особой. Меншиков сопровождал царя в азовский поход и получил офицерский чин, хотя не ознаменовал себя ничем в военных действиях. Петр нашел в нем большого поклонника любимой царской мысли – преобразовать Русское государство на иноземный лад; Меншиков во всем казался Петру ненавистником старых русских жизненных приемов и обычаев и с жадностью готов был походить на западного европейца, а это было в такую пору, когда Петр встречал ропот и суровые лица своих князей и бояр, боявшихся грозившего России господства иноземщины. Понятно, как этот простолюдин по породе казался Петру достойнее многих потомков воевод и наместников.

Немецкая слобода. С гравюры Генриха де-Витта. Начало XVIII в.

А. Шхонебек. Усадьба Ф.А. Головина в Немецкой слободе. Главный фасад дворца. 1705 г.

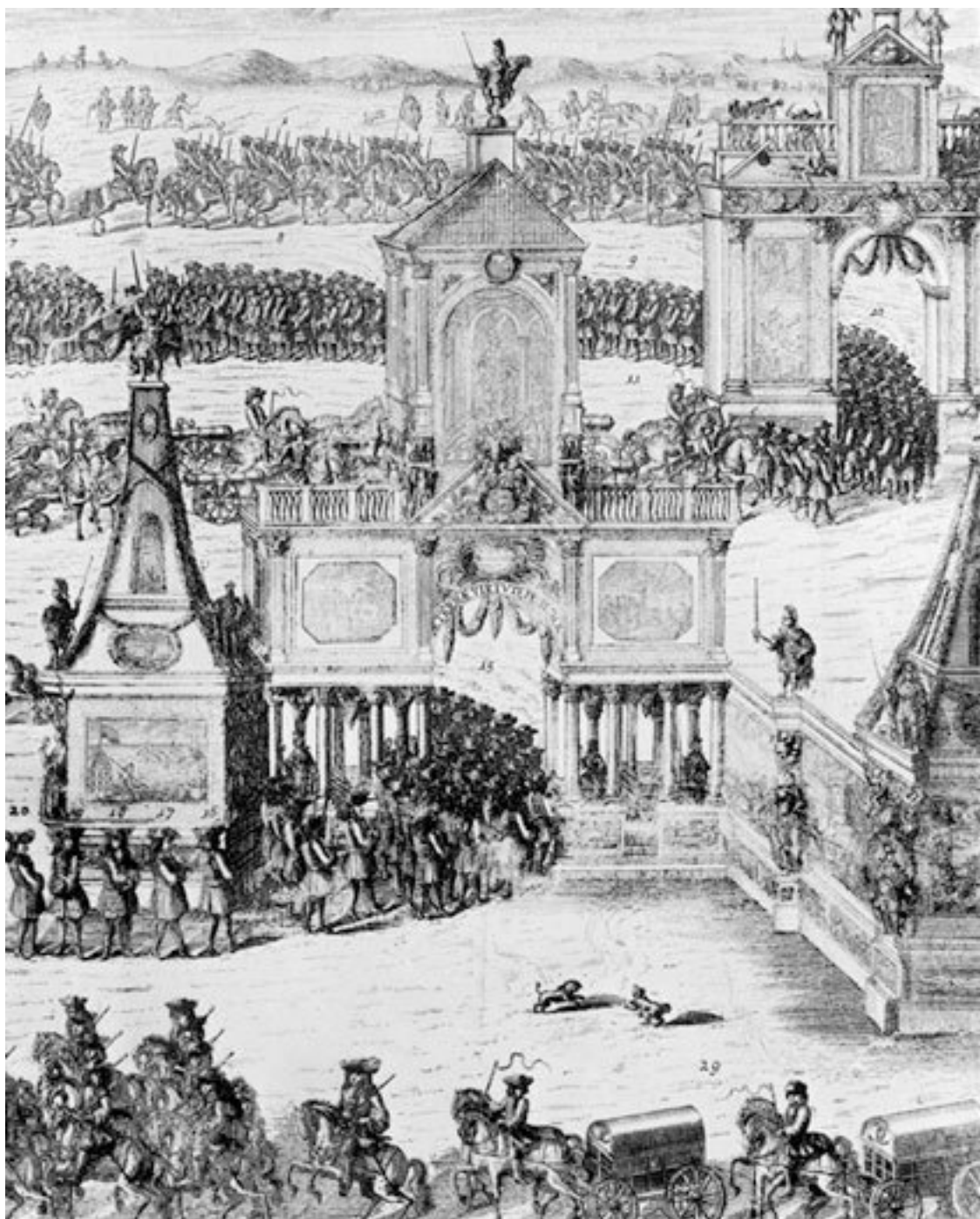
Когда, собираясь в путешествие за границу, царь пировал в доме Лефорта, и в это время тайные враги готовили ему внезапную гибель, человек, узнавший о заговоре, был Меншиков: он получил, как говорят, сведения о тайных замыслах через посредство одной девушки, дочери участника в заговоре.

Наступило первое путешествие Петра за границу под именем Петра Михайлова. Меншиков был неразлучен с Петром; с ним он работал на амстердамской верфи, с ним посещал университетские кабинеты и мастерские художников. Меншиков заранее еще в России подучился по-голландски и по-немецки, а находясь за границей, на глазах Петра быстро освоился с этими языками. Везде и во всем умел он нравиться властелину, разделял с ним и трудные работы по кораблестроению, и буйные попойки, и оргии. Когда из трудолюбивой мещанской Голландии Петр переехал в аристократическую Англию, Меншиков с удивительной понятливостью присмотрелся к приемам придворной и дипломатической жизни. На возвратном пути через Вену Меншиков присутствовал с царем на блестящем придворном маскараде, устроенном для Петра императором в своем дворце, и осваивался с приемами большого европейского света. По возвращении в отечество началась страшная расправа с мятежными стрельцами; Меншиков постоянно был с государем и в угоду ему собственноручно рубил преступникам головы. В это время царь разошелся со своей женой Евдокией и заточил ее в монастырь; она чрезвычайно не терпела Меншикова, и все сторонники старых порядков Руси разделяли отвращение к любимцу, имевшему, по их понятиям, зловерное влияние на царя. Началось бритье бород и переодевание русских в иноземное платье. Меншиков был самым ревностным хвалителем царских затей и этим глубже входил в душу царя; не было ничего, в чем бы Петр отказал своему другу Александру Даниловичу, или просто Данилычу, как он называл его. В это время Меншиков имел уже чин генерал-майора и начальствовал над целым драгунским полком, носившим его имя.

В 1700 году, в самом начале шведской войны, Меншиков женился на девице Дарье Арсеньевой.

Во всех переменах, счастливых и несчастных, сопровождавших шведскую войну, Меншиков постоянно находился при царской особе и не мог самостоятельно проявить собственной личности без участия самого царя. Где был царь, там был и Меншиков. Когда немец Нейгебауер, бывший воспитатель молодого царевича Алексея, потерял свое место, главным руководителем образования своего сына Петр назначил Меншикова; но это руководство могло быть только номинальным, потому что Меншиков не переставал сопровождать царя в его подвижной жизни. 24 августа 1702 года фельдмаршал Шереметев взял город Мариенбург, и в числе пленных, сдавшихся жестокому полководцу на милость, был пастор Глюк со своей воспитанницей или служанкой Мартой; последнюю Шереметев передал жене полковника Балька, а у нее взял ее к себе Меншиков и подарил своей жене, у которой в услужении было уже несколько ливонских и шведских пленниц. Марта, переименованная свое имя на Екатерину, сразу сумела понравиться Меншиковой.

После взятия Шлиссельбурга Меншиков был возведен в звание губернатора Ингерманландии, Корелии, Эстляндии и всего края, доставшегося России оружием от Швеции. В 1703 году в глазах Меншикова была взята и уничтожена крепость Ниеншанц. Когда шведы выслали против русских по Неве свои суда, а Петр счастливо отбил покушения и овладел двумя фрегатами, Меншиков был участником этого дела и награжден от царя орденом Андрея Первозванного. 27 мая 1703 года в Троицын день совершена была закладка Петербурга, и Меншиков, как уже нареченный царем губернатором края, назначен был надзирать за делом постройки. Во все царствование Петра Меншиков был главнейшим исполнителем задушевных замыслов Петра, касавшихся основания, построения и заселения Петербурга. Новая столица обязана своим созданием столько же творческой мысли государя, сколько деятельности, сметливости и уменью Меншикова. Он наблюдал и над привозом строительных материалов, и над приводом рабочих, отправляемых беспрестанно со всех краев России, и над доставкой провианта для их содержания. Царь, оставив Меншикова строить новый русский город, уезжал в Москву и устраивал празднества по поводу своих побед и завоеваний. Ему без Меншикова чего-то недоставало, и он вызывал его быть участником в торжествах. В один из таких вызовов, проводя время за веселыми пирушками в московском доме своего любимца, Петр увидел Екатерину. Она понравилась государю: в это время он уже разошелся со своей любовницей Анной Монс, изменившей Петру. Петр взял Екатерину к себе; она тогда уже порядочно освоилась с русским языком и изъявила охоту принять православную веру. Ее крестным отцом был молодой Алексей, сын Петра. Екатерина овладела сердцем Петра и этим обязана была своему кроткому, веселому нраву и своей безропотной покорности не только перед волей, но и перед своенравными выходками Петра; сознавая свое положение как бы рабы, она не показывала ни малейших признаков ревности, когда Петр позволял себе в виде развлечения сходиться с другими женщинами. Зато у Петра развлечения эти случались без участия сердца, а потом, с годами, совершенно прекратились; Екатерина осталась единственным предметом его сердечной привязанности, и можно сказать, что, за исключением одного Меншикова, никто никогда не был так близок сердцу государя во всю его жизнь, как Екатерина. Передав своему государю Екатерину, Меншиков опять обратился к наблюдениям за постройкой Петербурга; его вниманию предоставлено было также построение Кроншлота и Кронштадта на острове Ретузари, назначенного Петром быть местопребыванием создаваемого военного флота.

А.Ф. Зубов. Торжественное вступление русских войск в Москву после Полтавской победы 21 декабря 1709 г. Фрагмент. 1711 г.

Занимаясь неустанно делом построения Петербурга, Меншиков не забывал и себя, воздвигал себе в Петербурге красивый дворец, стараясь сделать его удобным для веселой жизни и приема гостей, а в 50 верстах от Петербурга заложил себе дачу, назвав ее «Ораниенбаум». В Москве у него оставался прежний, подаренный ему царем дом, красиво убранный; при доме было множество прислуги и музыкальная капелла: в этом доме проживала жена Меншикова, не любившая Петербурга.

Наблюдение над постройкой Петербурга и Кронштадта, порученное ингерманландскому губернатору, прерывалось самим царем, который брал с собой Меншикова повсюду, куда сам направлялся в своей подвижной жизни. Меншиков принужден был участвовать и при осадах

и штурмах ливонских городов, и в конференциях с польскими панами, и наблюдать за воспитанием царевича, ездившего в походах за царем со своим воспитателем Гюйсенем. В Полоцке, по мановению царя, Меншиков приказывал в его присутствии убивать униатских монахов.

В конце 1705 года он вместе с царем приехал в Москву; там они устроили себе победные празднества и торжественный въезд через триумфальные арки; царский любимец носил тогда титул графа Римской империи, губернатора Эстляндии и Ингерманландии, кавалера ордена Св. Андрея Первозванного, кавалера польского ордена Белого Орла, капитана гвардейских бомбардиров, полкового командира двух ингерманландских полков и обер-гофмейстера при царевиче. Поляки удивлялись тесным дружеским отношениям, существовавшим между царем и его подданным. Когда в Гродно Меншиков праздновал свои именины, у него присутствовали царь и король Август. Царь хотел еще более возвысить своего любимца и отправил в Вену царевичева наставника Гюйсена хлопотать у цезаря для Меншикова титул светлейшего князя Римской империи. Гюйсен исполнил это поручение счастливо для высокомерного временщика, хотя, как говорят, отсутствие Гюйсена вредно отразилось на воспитании царевича, оставшегося тогда без наставника.

В 1706 году Меншиков был командиром целого корпуса войск от 12 000 до 15 000, посланных на помощь Августу в Польшу и Саксонию, одержал над шведами победу, но был близким свидетелем измены Августа общему с царем делу войны против шведов, когда Август постановил со шведским королем особый Альтранштадтский мир.

Потом Меншиков опять был постоянным спутником царя и был отправлен с важными военными поручениями. В 1708 году он командовал в несчастной битве при Головчине. После этого царь узнал, что Карл двинулся с частью войска вперед, а позади себя оставил корпус Левенгаупта.

Г.Н. Адольский. Центральная часть росписи потолка в Ореховой комнате (кабинете А. Д. Меншикова). 1711–1712 гг. (Дворец А. Д. Меншикова на Васильевском острове, Санкт-Петербург)

Петр предпринял напасть на последнего. Меншикову поручено было вести передовой отряд. 28 сентября произошло сражение под Лесным. Левенгаупт потерпел совершенное поражение и потерял почти половину своего войска. Царь приписывал Меншикову важное содействие в одержанной победе.

Затем последовали вторжение Карла в Малороссию и измена Мазепы.

Меншиков по царскому приказанию разорил Батурин, потом находился с царем в Лебедине, съездил с ним в Воронеж и присутствовал там при спуске построенных судов. В Полтавской битве Меншиков по распоряжению государя не допустил неприятеля овладеть Полтавой и в самое время сражения сопутствовал царю, а после бегства Карла XII со шведским войском

преследовал его до Переволочны и, одержав там другую победу, взял в плен генерала Левенгаупта. Когда после этого Меншиков возвратился к Полтаве, царь дал ему чин генерал-фельдмаршала, а сам принял чин генерал-майора. От Полтавы Меншиков сопровождал царя в Киев, а в следующую зиму присутствовал в Москве при торжестве, устроенном Петром в честь Полтавской победы.

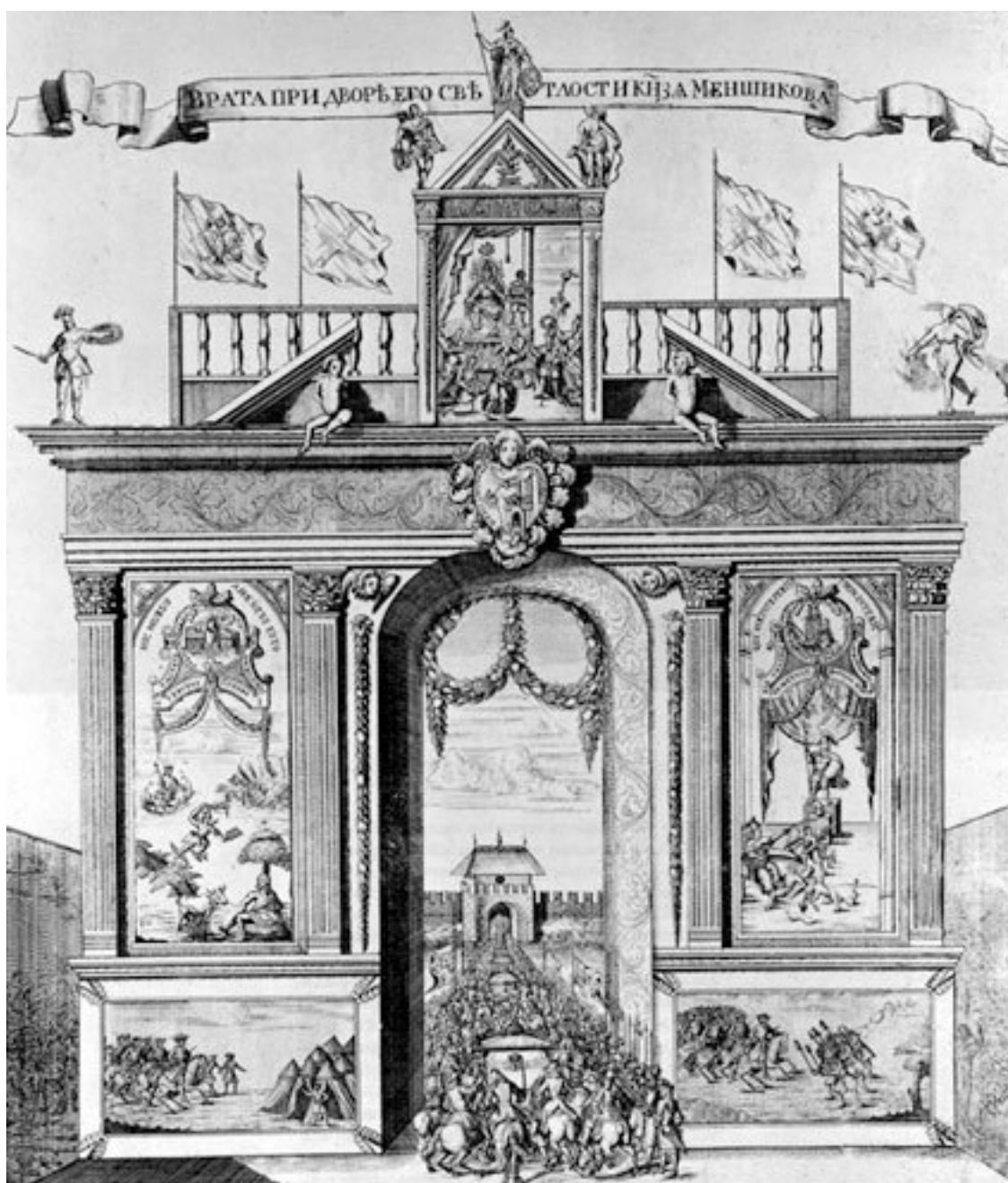
В 1710 году Меншиков получил поручение окончить покорение Ливонии и исполнил его счастливо благодаря печальному положению края, терявшего по случаю свирепствовавшей заразы значительнейшую часть своего народонаселения. В ноябре этого года Меншиков был в Петербурге, и там в его дворце совершилось бракосочетание царевны Анны Ивановны с герцогом курляндским, удивлявшее современников пышностью обстановки. По этому поводу Меншиков давал бал с разными вычурами: например, подан был большой пирог, из середины которого выскочила карлица и начала танцевать менуэт на столе. Через несколько дней после этого торжества для забавы устраивалась свадьба карликов, и для этой цели из разных сторон привезены были 72 карлика, отличавшихся крайним безобразием. Неожиданная кончина сына Меншикова нарушила веселость этого торжества, а через 12 дней постигла двор новая печаль: курляндский герцог, молодой супруг Анны Ивановны, скончался по дороге в Курляндию в местечке Дудергоф от горячки.

В 1711 году, когда Петр отправился в Молдавию, Меншиков оставался в Петербурге, занимаясь постройками города и делами по управлению своей губернии. В это время (в мае) сгорел его великолепный дворец в Москве. Когда Петр после этого ездил за границу, где совершил бракосочетание сына своего Алексея с принцессой Шарлоттой, Меншиков оставался в Петербурге, и в честь сочетавшегося браком за границей царевича устроил великолепное празднество, пригласив на него всех высокочинных лиц, живших в Петербурге. Но вслед за тем Дания и Саксония открыли военные действия в Померании. Меншиков получил команду над русскими войсками, назначенными в тот край для вспоможения союзникам. В апреле 1712 года Меншиков явился к войску и на дороге чуть было не потерял свою жену, сопровождавшую его: она едва было не попала в плен шведам близ Штетина и была спасена ловкостью генерала Бауера. В июле Меншиков съехался с государем, который сам принял команду над войском. В начале 1713 года Петр оставил войну, поручив Меншикову вместе с датчанами добывать шведского генерала Штейнбока в Шлезвиге. Осада Штейнбока продолжалась почти год, после чего Штейнбок сдался датчанам. Летом 1714 года Меншиков занят был осадой Штетина вместе с саксонцами и не ранее сентября принудил шведского коменданта к капитуляции. Меншиков возвратился в Петербург, и с этих пор его военная карьера приостановилась.

Он занимался управлением своей огромной губернии. Но в это время на Меншикова начали наступать тучи, грозившие затмить его необыкновенное счастье, и только чрезвычайной привязанности к нему царя он обязан был тем, что избежал судьбы, постигшей многих государственных деятелей в царствование Петра, навлекших на себя гнев и нерасположение царя. По делу вице-губернатора Курбатова открылись за Меншиковым злоупотребления в управлении губернией. В январе 1715 года царь назначил розыск. Меншиков, Апраксин и Брюс были обвиняемы в произвольном обращении с казенным интересом. Дело тянулось несколько лет. На Меншикове оказалось большое взыскание, но государь, неумолимо строгий ко всяким преступлениям подобного рода, был так милостив к своему любимцу, что велел счесть с него большие казенные суммы. Меншиков, со своей стороны, нашел удобный случай понравиться царю и расположить его к снисходительности. Русское войско в Финляндии терпело большой недостаток, а провиант, следуемый к доставке из Казани и прилегавшего к ней восточного края, не поспел; у Меншикова в его имениях был большой запас муки, крупы; Меншиков поспешил все это вовремя пожертвовать для нуждавшегося войска и заслужил от царя благодарность. Но главным образом розыск над Меншиковым приостановился из-за возникшего дела о царевиче Алексее. В какой степени и какую роль занимал Меншиков в трагической судьбе

Алексея, можно видеть из жизнеописания царевича. После смерти царевича Меншиков был у государя в милости и в 1719 году с чином контрадмирала белого флага был назначен президентом военной коллегии. Доверие государя к нему было так велико, что в том же году он поручил ему находиться в верховном суде для открытия и преследования всякого рода злоупотреблений по управлению. Председателем суда был генерал Вейде, находившийся по коллегиальному управлению товарищем Меншикова. Виновными в злоупотреблениях снова оказались важнейшие государственные люди и в их числе сам Меншиков. Меншиков попросил прощения у государя, и царь ограничился только наложением на него большого штрафа, 100 000 червонцев, а потом пригласил его по-прежнему к дружеской попойке. Много помогало Меншикову заступничество перед царем Екатерины, сохранявшей уважение и привязанность к человеку, бывшему некогда, во времена ее ничтожества, ее господином. 5 сентября 1721 года Меншиков в своем петербургском дворце отпраздновал обручение молодого польского пана Петра Сапеги со своей девятилетней дочерью Марией, которой судьба, как увидим, предназначила другой жребий. Вскоре после этого вся Россия праздновала Ништадтский мир и окончание тяжелой Северной войны; несколько дней ликовал Петербург. Меншиков не пожалел издержек, чтобы принять в этом празднестве блестящее участие. Когда Петр по окончании празднеств в Петербурге отправился праздновать тот же мир в Москву, Меншиков сопровождал государя и во время торжественного въезда в столицу шествовал о бок государя по правую руку. В феврале 1722 года государь издал закон о новом способе престолонаследия, предоставляя воле всякого царствующего государя назначать себе преемника. Меншиков был первый, присягнувший этому закону, и тем показал пример всем гражданским и военным чиновникам. Издание этого закона сопровождалось большим праздником в Москве, состоявшим в катанье на санях с поставленными на них фигурами морских судов. В том же году Петр отправился с государыней в персидский поход, а Меншиков был оставлен в Петербурге во главе правительства вместе с другими вельможами. По возвращении из похода Петр застал соблазнительный спор Скорнякова-Писарева с Шафировым, спор, возникший из такого дела, которое близко касалось Меншикова; Шафиров был давний враг Меншикова и теперь очень нерассудительно пошел против царского любимца. До какой степени силен был этот любимец, показывает то, что голова Шафирова уже лежала на плахе и чуть было не слетела; он обязан был жизнью только влиянию Екатерины, испросившей ему помилование государя. Вскоре, однако, Меншиков опять навлек на себя немилость государя. В продолжение многих лет он до крайности бесцеремонно употреблял казенное достояние в свою пользу, покупал на казенные деньги в свой Васильевско-Островский дворец мебель, всякую домашнюю рухлядь, содержал за казенный счет своих лошадей и прислугу и позволял своим клеветам разные злоупотребления, прикрываемые его покровительством. Открылись за ним какие-то противозаконные поступки по управлению Кроншлотом. Петр отнял у него выгодный табачный откуп, звание псковского наместника, подаренные ему в Малороссии имения Мазепы, и, кроме того, Меншиков заплатил 200 000 рублей штрафа. Современники говорят, что Петр вдобавок отколотил его собственноручно палкой и некоторое время после этого не допускал к себе на глаза; но влияние Екатерины опять помогло временщику, и в сентябре того же 1723 года Меншиков снова был в приближении у царя. Говорят, что Петр, приехав к нему, увидел в доме на стенах вместо прежних великолепных обоев плохие и дешевые. На вопрос царя о такой перемене Меншиков сказал: «Я должен был продать свои богатые обои, чтоб расплатиться с казной». Но Петр, зная, что у Меншикова осталось еще большое состояние, взглянул на него строго и сказал: «Мне здесь не нравится; если я приеду к тебе на первую ассамблею и не найду твой дом убраным прилично твоему сану, ты у меня заплатишь еще больший штраф». Когда Петр по своему обещанию снова приехал к Меншикову, нашел в его доме все по-прежнему, был очень весел и ласков и не вспоминал уже о прошлом. Так возобновились между ними добрые отношения. Меншиков участвовал на пире, данном государем персидскому послу, прибывшему для заклю-

чения мира. В марте 1724 года Меншиков отправился с царем в Москву, где в мае государь совершил коронацию своей жены в сан императрицы. Во время церемонии Меншиков шел по правую руку царя и по старому русскому обычаю раскидывал народу золотые и серебряные монеты. По возвращении в Петербург Меншиков опять подвергся царской немилости: Петр лишил его губернаторской должности, передав ее Апраксину. С точностью неизвестно, что было причиной такой перемены, но Петр, постоянно болевший и приближавшийся к смерти, сделался тогда чрезвычайно раздражителен и вспыльчив: он нередко собственноручно бивал палкой приближенных и всякого встречного, на кого имел причину рассердиться; в Петергофе, например, разводился у него сад, и Петр то и дело бил палкой офицеров, надзиравших над рабочими. Перед смертью, в начале 1725 года, Петр опять помирился с Меншиковым и допустил своего старого друга к своей смертной постели.

П. Пикарт. Врата при дворе его светлости князя Меншикова. 1710 г.

В истории мы видим частые примеры, что со смертью государей меркнет счастье их любимцев, но с Меншиковым случилось не так. Петр скончался, не выразив ни на письме, ни на словах своей воли о престолонаследии. Его новый закон, предоставлявший царствующей особе право назначить себе преемника, не мог быть исполнен самим учредителем этого закона. Еще тело усопшего императора лежало не погребенным, а уже вельможи толковали о том, кто будет над ними царствовать. Меншиков, Толстой и Апраксин указали на Екатерину как на личность, по самой воле покойного царя носившую уже императорскую корону. Толстой рассыпался перед вельможами во всевозможнейших похвалах добродетелям и доблестям императрицы. Спор мог быть продолжительным, так как люди, все еще дорожившие древними обычаями, заявляли о правах первородства, принадлежавших сыну покойного царевича Алексея, малолетнему Петру. Но приверженцы Екатерины заранее распорядились наводнить дворец гвардейскими офицерами, а около дворца поставить два гвардейских полка, пугавших барабанным боем собранных во дворце сенаторов. Это обстоятельство было поводом к тому, что спор прекратился, и собранные во дворце сенаторы провозгласили Екатерину императрицей и самодержицей. Вслед за тем был издан манифест от имени правительствующего сената, Святейшего Синода и всего генералитета, гласивший, что сообразно с объявленным в 1722 году законом, подтвержденным присягой всех чинов государства Российского, все люди духовного, воинского и гражданского чина должны верно служить государыне императрице Екатерине Алексеевне, так как сам покойный государь короновал ее императорской короной. В Петербурге все присягнули безропотно. В Москве и в других городах явились ослушники, которых за то подвергали пытке кнутом и огнем. Но как ни много, казалось, должно было находиться в России недовольных мерами Петра и его перестройкой государства на иноземный образец, кончина государя, если верить официальным донесениям, везде возбуждала такую же скорбь, какая показывалась около его гроба в Петербурге. Председатель сенатской канцелярии в Москве граф Матвеев писал, будто при панихиде, которую служили по покойном государе, был в Москве такой «воплъ, вой, крик, какого я от рождения моего не слыхал». Самый протест по поводу присяги Екатерины проявлялся везде как явление исключительное. Русский народ в продолжительное царствование покойного государя был так запуган его жестокими мерами, что не смел проявлять свои чувства, если они шли вразрез с видами и приказаниями верховной власти.

Правление Екатерины было только по одному имени ее правлением. Всем заправляли Меншиков и с ним те вельможи, которые старались ему угодить, те, которые ненавидели его, таились, надеясь дожить до такого времени, когда можно будет учинить с ним расправу. Одним из важнейших его врагов был генерал-прокурор Ягужинский. Сначала он пошел было открыто против Меншикова, но потом при содействии голштинского герцога попросил у него прощения за свою вспыльчивость и притворно помирился с ним. Герцог голштинский выпросил прощение Шафирову и детям казненного Гагарина. Недовольные Меншиковым вельможи задумали было возвести на престол великого князя Петра с ограничением монархической власти. Но Меншиков и Толстой со своими приверженцами противодействовали им проектом учреждения нового государственного места – Верховного Тайного совета, который должен был состоять под председательством самой государыни. Указ о таком учреждении состоялся в феврале 1726 года. Его членами были тайные действительные советники: генерал-фельдмаршал Меншиков, генерал-адмирал граф Апраксин, государственный канцлер граф Головкин, вице-канцлер барон Остерман, граф Толстой и князь Дмитрий Голицын. Немного времени спустя после утверждения Верховного Тайного совета по воле государыни в число его членов был допущен и герцог голштинский. Сенат и Синод потеряли значение верховных правительствующих мест; на них можно было подавать апелляцию в Верховный Тайный совет. Под непосредственным ведением последнего находились три коллегии: иностранная, воинская и морская.

Важнейшим делом Верховного Тайного совета было облегчение крестьян в способе платежа податей, почему были преданы суду и казни в разных местах чиновники, провинившиеся в притеснениях крестьян. Но вообще, хотя в Верховном Тайном совете и затрагивались всякие стороны государственного и экономического быта, однако он не произвел никаких радикальных преобразований, кроме некоторых бюрократических, как, например, изменен порядок воинского постоя – постановлено полковым дворам быть в городах; упразднена мануфактур-коллегия, а вместо нее учреждался совет фабрикантов, подчиненных коммерц-коллегии; установлена доимочная коллегия для сбора накопившихся недоимок и пр.

Меншиков, опираясь на силу, которую имел при Екатерине, затевал проект сделаться курляндским герцогом с тем, чтобы Курляндия, находившаяся в отношениях ленной зависимости от польской короны, поступив во власть Меншикова, перешла в ленную зависимость России. Еще прежде, при жизни Петра, он высказывал эту мысль и даже хотел подкупить польского короля и его придворных, чтоб они помогали его предприятию. Теперь курляндский герцогский престол оставался вакантным. Весной 1726 года польский король Август начал проводить на Курляндское герцогство своего побочного сына принца Морица (знаменитого впоследствии полководца, известного под именем Морица Саксонского). Мориц хотел утвердиться в Курляндии, во-первых, через избрание курляндских чинов, во-вторых, через вступление в брак со вдовой покойного герцога, вдовствующей герцогиней Анной Ивановной. Мориц имел большой успех: он понравился Анне Ивановне и вскоре приобрел расположение курляндцев и был уже избран герцогом. Меншиков всеми силами старался устранить эту опасную для него кандидатуру, против которой восставали разом из политических соображений и прусский король, и чины польской Речи Посполитой, не хотевшие допускать своего короля до усиления монархической власти. Русский посланник в Польше князь Василий Лукич Долгорукий старался за Меншикова в Польше, располагая подарками корыстолюбивых панов. Сам Меншиков 8 июля 1726 года, пригласив в Ригу Анну Ивановну, пытался убедить ее отказаться от планов, проводимых Морицем, но не преуспел в этом. После этого Меншиков приехал в Митаву и, прикрываясь государственными интересами России, начал обращаться высокомерно и с Морицем, и с курляндскими членами. От имени своей государыни он угрожал курляндцам военным принуждением, если они не произведут нового выбора. Но его высокомерный тон только повредил ему: курляндское дворянство ни за что не хотело изменять прежнего решения, а Меншиков, не отваживаясь приступить на деле к сильным мерам, которыми угрожал на словах, уехал из Митавы. Польский сейм не утвердил Морица в герцогском достоинстве, но и Меншиков принужден был расстаться с высокомерным желанием сделаться курляндским герцогом. Императрица Екатерина охладевала к нему и не стала поддерживать его видов. Анна Ивановна, ненавидевшая Меншикова, приехав в Петербург, была принята Екатериной очень любезно и отпущена в Митаву; ее сопровождала почетная гвардия из 300 человек, должностовавшая оставаться постоянно в Митаве.

После неудачи в Курляндии Меншиков начал помышлять устроить себе величие в собственном отечестве. В России чувствовалось, что Екатерина не прочна на престоле. Был жив несовершеннолетний внук Петра, сын царевича Алексея Петровича, и общественное мнение в народе признавало за ним право престолонаследия. Меншиков, как известно было всем, не только не принадлежал к сторонникам несчастного царевича Алексея, но признавался даже одним из виновников его несчастья: говорили, что Меншиков возбуждал против царевича его отца. Как только малолетний Петр вырастет, тотчас станет требовать свои права, а если добудет их так или иначе, то Меншикову грозили падение и, может быть, эшафот. Так думали и надеялись враги и недоброжелатели Меншикова. Положение его в это время походило на положение Годунова, и Меншикову ради спасения собственной жизни надобно было или известить великого князя Петра, как изведен был по желанию Годунова царевич Дмитрий, или расположить к себе молодого Петра и сделать его для себя своим человеком. Меншиков избрал последний, очень

скользкий путь. В соумышлении с цезарским посланником Рабутином он составил план отдать за великого князя Петра свою дочь Марию: она прежде была сговорена с Сапегой, но императрица расстроила это сватовство, устроив дело так, что Сапега вознамерился вступить в брак с племянницей императрицы Скавронской. Меншиков обратился со своим проектом о браке Петра со своей дочерью к Екатерине и получил ее согласие. Напрасно две дочери Екатерины – голштинская герцогиня Анна и посватанная за другого голштинского герцога, Карла, великая княжна Елисавета – просили мать отказать Меншикову, так как обе царевны имели честолюбивые планы на наследство; к ним присоединился и Толстой, державшийся прежде стороны Меншикова, а потом изменивший ему. Меншиков взял перевес у Екатерины. Он помирился и сошелся с князем Дмитрием Михайловичем Голицыным, бывшим киевским губернатором, умным и энергичным человеком, на которого особенно надеялись все недоброжелатели Меншикова. За Меншикова был вице-канцлер Остерман. Меншиков был обставлен хорошо. Но его новый враг Толстой составил заговор против Меншикова с Бутурлиным, графом Девиером, Григорием Скорняковым-Писаревым, Александром Львовичем Нарышкиным, князем Иваном Алексеевичем Долгоруким и генералом Андреем Ушаковым. Герцог голштинский благоприятствовал видам заговорщиков, добивался, чтоб ему отдали в управление военную коллегия и сделали главнокомандующим над войском. Цель заговора была во что бы то ни стало помешать браку великого князя с дочерью Меншикова. Заговорщики думали под предлогом воспитания спровадить великого князя за границу, а тем временем склонить императрицу Екатерину назначить наследницей престола цесаревну Елисавету. Быть может, этот заговор протянулся бы на долгое время, но вдруг в апреле 1727 года императрица заболела опасной горячкой. Ввиду ее кончины, которую все тогда считали возможной, члены Верховного Тайного совета, сената, Синода, президенты коллегий и штаб-офицеры гвардии собраны были во дворец для совещания о престолонаследии. Враги Меншикова заговорили было о возведении на престол одной из цесаревен, но большинство высказалось за великого князя Петра, который должен был до 16-летнего возраста находиться под опекой Верховного Тайного совета и обязаться присягой не мстить во все свое царствование никому из подписавших смертный приговор его родителю. Это происходило 16 апреля. Меншиков увидел тогда, кто его недоброжелатели, и тотчас именем больной императрицы приказал назначить следственную комиссию над генерал-лейтенантом Девиером, подавшим к этому повод неосторожным поведением во дворце. Девиера предали пытке, и он открыл всех своих соучастников. Их всех разослали: Девиера и Толстого с лишением дворянства и имений, первого поосле наказания кнутом – в Сибирь, второго – в Соловки; Скорнякова-Писарева, лишив чинов, дворянства и имущества и наказав кнутом, отправили также в ссылку; Нарышкина и Бутурлина, лишив чинов, послали на безвыездное житье в деревни, Долгорукого и Ушакова понизили чинами и определили в полевые полки. Голштинский герцог, увидя, что его дело проигрывается, постарался заранее сойтись с Меншиковым через посредство своего министра Бассевича. Меншиков поставил условие, что голштинский герцог и обе цесаревны не станут препятствовать вступлению на престол великого князя Петра, а Меншиков соглашался выдать на каждую цесаревну по миллиону рублей, из которых герцог давал Меншикову взятку по 80 000 с каждого миллиона. Здоровье императрицы стало несколько лучше, но потом у нее сделалось воспаление легких, и 6 мая в девятом часу вечера Екатерина скончалась. В тот же день состоялся за ее именем указ о наказании Девиера и его соумышленников. На следующий день во дворце при членах Верховного Тайного совета, Синода, сената и генералитета прочтено было завещание, будто бы подписанное скончавшейся государыней. Престол, по этому завещанию, предоставлялся великому князю Петру, а цесаревнам отдавалось то, что было обещано Меншиковым голштинскому герцогу, и сверх того им предоставлялось по старшинству со своим потомством право на престолонаследие только в случае, если после великого князя Петра не останется потомства.

Император Петр II. Гравюра 1850 г.

После смерти Екатерины Меншиков, нареченный тесть императора, стал всемогущим человеком на Руси. Петру II было всего 11 лет. Меншиков под предлогом надзора за его воспитанием перевез малолетнего императора в свой дом на Васильевском острове. 13 мая Меншиков получил сан генералиссимуса и через то сделался полноправным главой всего русского войска. 25 мая совершенно было обручение императора с княжной Марией Меншиковой, отец которой назначил 34 000 на содержание особого двора и приказал поминать ее в церквах вместе с императором в качестве нареченной невесты и с титулом великой княжны.

Меншиков поручил воспитание императора Петра вице-канцлеру Остерману, дав ему звание обер-гофмейстера. Меншиков не проник в глубину души этого человека и считал его самым преданным себе и послушным своим видам и желаниям. Меншиков продолжал показывать дружбу к Дмитрию Голицыну и ласкался к знатной и влиятельной фамилии Долгоруких, думая обезопасить свою особу на их счет. Алексей Григорьевич Долгорукий сделан гофмейстером императорской сестры, великой княжны Натальи Алексеевны. Его сын Иван Алексеевич, удаленный от двора по делу Девиера, был снова приближен ко двору; братья Михаил и Василий Владимировичи Долгорукие, люди уже пожилые, были также обласканы. Василий

унижался перед Меншиковым, Михаил сделан был сенатором. Герцога голштинского вместе с женой удалили из Петербурга; они уехали в Голштинию. Меньшой брат герцога, Карл, жених Елисаветы, до отъезда брата с невесткой скончался в Петербурге. Меншиков, чтобы не вызвать впоследствии неприязненных чувств в императоре, приказал освободить бабу императора, бывшую царицу Евдокию, содержащуюся по воле Петра Великого в Шлиссельбурге, и назначил ей местопребывание в московском Новодевичьем монастыре. Допустить ее в Петербург Меншиков опасался, чтоб она не оказала на царя влияния; с той же целью он старался удалить от государя и тетку, принцессу Елисавету. Курляндской герцогине Анне Ивановне Меншиков не позволял приезжать в Петербург.

26 июля состоялся указ Верховного Тайного совета об отобрании и уничтожении манифестов по делу царевича Алексея и Петровского указа о престолонаследии 1722 года.

Одним из видных дел, совершенных Меншиковым во время его кратковременного правления государством, было восстановление гетманства в Малороссии. Малороссийская коллегия с самого своего основания возбуждала ненависть в малорусском крае; жалобы на ее президента Вельяминова и на всех ее членов не прекращались. Меншикова малороссы не любили при Петре Великом и считали главным наущником государя во вред Малороссии. Теперь он рассчитал, что ему будет выгодно приобрести себе благодарность и расположение малороссиян, и в этих целях именем государя приказал уничтожить Малороссийскую коллегия. Дан был указ выбрать гетмана и всю генеральную и полковую старшину, дозволялось и наперед выбирать их вольными голосами из малорусских жителей, только никак не из жидов. Все доходы в Малороссии велено собирать не иначе, как на основании договора, по которому Малороссийский край присоединился при Богдане Хмельницком. Все дела, касавшиеся Малороссии, по уничтожении Малороссийской коллегии переданы были по-прежнему в ведомство иностранной коллегии.

Меншиков был вполне самодержавен, Верховный Тайный совет и сенат должны были исполнять его волю, никто не смел ему противоречить, все страшились его, у всех в памяти был грозный пример Девиера и его соумышленников. Но так продолжалось только четыре месяца – не более.

Меншиков, воспитанный в школе Петра Великого, был умен, но недостаточно проницателен: он не умел вовремя распознать ловких и хитрых людей. Он доверился Остерману более, чем кому-нибудь, и не подозревал, что от этого человека, более чем от кого-нибудь, угрожала ему гибель.

Случилось, что Меншиков заболел лихорадкой и кровохарканьем. Во время своей болезни он не мог следить за своим нареченным зятем и во всем положился на Остермана.

Молодой император был мальчик ленивый, любивший более гулять, играть и ездить на охоту, чем учиться и заниматься делом, и притом чрезвычайно своенравный. Ему исполнилось только 12 лет, а он уже почувствовал, что рожден самодержавным монархом, и при первом представившемся случае показал сознание своего царственного происхождения над самим Меншиковым. Петербургские каменщики поднесли малолетнему государю в подарок 9000 червонцев. Государь отправил эти деньги в подарок своей сестре, великой княжне Наталье, но Меншиков, встретив идущего с деньгами служителя, взял у него деньги и сказал: «Государь слишком молод и не знает, как употреблять деньги». Утром на следующий день, узнав от сестры, что она денег не получала, Петр спросил о них придворного, который объявил, что деньги у него взял Меншиков. Государь приказал позвать князя Меншикова и гневно закричал: «Как вы смели помешать моему придворному исполнить мой приказ?» – «Наша казна истощена, – сказал Меншиков, – государство нуждается, и я намерен дать этим деньгам более полезное назначение; впрочем, если вашему величеству угодно, я не только возвращу эти деньги, но дам вам из своих денег целый миллион». – «Я император, – сказал Петр, топнув ногой, – надобно мне повиноваться». Когда после этого Меншиков заболел, Остерман

сговорился в это время с Долгорукими, отцом и сыном, и внушил им честолюбивое желание устранить Меншикова от государя, разорвать предполагаемый брак с дочерью Меншикова и свести Петра с княжной Долгорукой. Пользуясь тем, что Петр имел тогда летнее пребывание свое в Петергофе и не видался с Меншиковым, Остерман сблизил Петра с Иваном Долгоруким, заметив, что молодой государь уже оказывал большое сердечное расположение к этому человеку. Вскоре Остерман довел свое дело до того, что Петр II ложился спать в Петергофе не иначе, как вместе с князем Иваном Долгоруким, а дни проводил с ним и со своей теткой, великой княжной Елисаветой, молодой и веселой 17-летней девицей. Вместо того чтобы сообразно воле Меншикова понуждать молодого государя учиться, Остерман потакал его праздности, склонности ко всяким развлечениям и особенно к охоте, на которую молодой государь часто ездил в окрестностях Петергофа. И Долгорукий, и тетка государя Елисавета постоянно вооружали Петра против Меншикова, представляя ему, что Меншиков зазнается и не оказывает своему государю должной почтительности. Около государя в числе сверстников был сын Меншикова. Петр в досаде против его отца мстил сыну и бил до того, что тот кричал и молил о пощаде. По выздоровлении у Меншикова опять возникли несогласия с государем. Меншиков давал служителю Петра деньги на мелкие расходы государя и требовал от служителя отчета. Узнав, что служитель давал эти деньги в руки государя, Меншиков обругал служителя и прогнал, а государь поднял из-за этого шум и наперекор Меншикову принял к себе обратно в службу прогнанного служителя. Через некоторое время государь послал взять у Меншикова 500 червонцев для подарка сестре; тот дал деньги, а потом, разгорячившись, отнял их у великой княжны. Наконец, в день именин великой княжны государь стал обращаться с Меншиковым презрительно, не отвечал на его вопросы, поворачивался к нему спиной и сказал своим любимцам: «Подождите, вот я его образумлю!» Меншиков выговорил царю, что он неласков со своей невестой, а государь сказал: «Я в душе люблю ее, но ласки излишни; Меншиков знает, что я не имею намерений жениться ранее 25 лет». Меншиков все это перенес. Вскоре после этого он приглашал государя к себе в Ораниенбаум на освящение церкви. Петр сначала обещал приехать, а потом сказал, что у него явились дела, не позволяющие ему отлучиться из Петергофа, где двор имел тогда летнее пребывание. Меншиков, не заманив государя к себе в Ораниенбаум, 7 сентября сам приехал в Петергоф, но Петр не хотел его видеть и уехал на охоту, а его сестра Наталья, чтоб избавиться от неприятности видеться с Меншиковым, выпрыгнула из окна. Тогда Меншиков обратился к тетке государя Елисавете и начал перед ней лукавить: он распространился о своих прежних заслугах, жаловался на неблагодарность государя и говорил, что теперь ему при дворе нечего делать, что он хочет уехать на Украину и начальствовать там над войском. Вечером в тот же день государь послал собственноручно им подписанное предписание Верховному Тайному совету перевезти из дома Меншикова все его вещи в Петергофский дворец и сделать распоряжение, чтобы казенные деньги никому не выдавались без указа, подписанного самим государем. «Я покажу, – кричал Петр, – кто из нас император – я или Меншиков!»

Остерман показывал вид, что старается успокоить Петра, хотя собственно сам же и довел его до такого состояния. Меншиков попробовал было послать к государю свою дочь, его невесту, с ее сестрой, но государь принял их дурно, и они должны были удалиться. На следующий день, в пятницу 8 сентября, Петр послал генерал-лейтенанта Салтыкова к Меншикову с приказанием оставаться дома как бы под арестом; велено снять с его жилища почетный караул, который давался ему сообразно чину генералиссимуса. Сам Петр, дав такой приказ, отправился в церковь. По возвращении из церкви в свой дворец он встретил княгиню Меншикову с сыном и с ее сестрой Арсеньевой. Княгиня пала на колени и умоляла пощадить ее мужа. Отрок-государь, настроенный врагами Меншикова, не хотел слушать. Княгиня обратилась к Елисавете, потом к великой княжне Наталье, но и те отвернулись от нее. Княгиня бросилась к Остерману и целых три четверти часа валялась в ногах у коварного барона, так что ее с трудом смогли под-

нять. Царь отправился обедать с членами Верховного совета, Сапегой и князем Долгоруким. После обеда государь приказал опубликовать указ не слушать ни в чем Меншикова и в то же время послал приказ гвардейским полкам повиноваться исключительно его повелениям, которые будут передаваться через майоров гвардии Юсупова и Салтыкова. В заключение государь отправил курьера вернуть высланного из Петербурга Ягужинского, врага Меншикова. Воспоминания о страданиях родителя, возбужденные в государе врагами Меншикова, запали ему в душу, и он сказал: «Меншиков хочет обращаться со мной, как обращался с моим отцом, но этого ему не удастся, он не будет давать мне пощечин, как давал». Приказано не допускать во дворец ни семейства, ни прислуги Меншикова. Меншиков попробовал было написать к царю письмо и просил позволения уехать на Украину. В ответ на это письмо Меншикову сообщено, что он лишается дворянства и орденов, а у царской невесты отбираются экипажи и придворная прислуга. 11 сентября (22 нового стиля) Меншикову дано приказание ехать со всем семейством под конвоем в свое поместье Раненбург.

Дом князя Меншикова. Гравюра 1716 г.

12 сентября Меншиков отправился в обозе, состоявшем из четырех карет и сорока двух повозок, с женой, свояченицей, сыном, двумя дочерьми и братом княгини Арсеньевым. С ним была толпа прислуги; его провожал отряд в 120 человек гвардии под начальством капитана. Громадная толпа народа собралась глазеть на падшего князя, который за день перед тем был самодержавным властителем всей России.

Едва Меншиков отъехал несколько верст от Петербурга, как его догнал курьер с царским приказанием отобрать все иностранные ордена; русские были отобраны у него в Петербурге. Меншиков отдал их все, со шкатулкой, в которой они хранились. Когда Меншиков достиг Твери, его догнал новый курьер с приказанием высадить его и всю семью из экипажей и везти в простых телегах. «Я готов ко всему, – сказал Меншиков, – и чем больше вы у меня отнимете,

тем менее оставляете мне беспокойств. Сожалею только о тех, которые будут пользоваться моим падением». И его, и всех его семейных повезли из Твери в Раненбург в простых телегах. Он старался казаться спокойным, и, где приходилось ему при перемене лошадей говорить со своими семейными, он ободрял их и убеждал с христианским терпением покориться воле Божьей. Но, пересиливая свое душевное горе, Меншиков с трудом мог охранять свое тело от припадков болезни – возобновившегося кровохарканья.

Враги Меншикова не давали ему покоя в изгнании. В Петербурге пошли ходить о нем разные обвинения, отчасти справедливые, отчасти вымышленные злобой. Рассказывали, что он сносился с прусским двором и просил себе 10 миллионов взаймы, обещая отдать вдвое, когда достигнет престола. Уверяли, что, пользуясь своим могуществом, он с честолюбивыми целями захвата верховной власти хотел удалить гвардейских офицеров и заменить их своими любимцами. Толковали, что от имени покойной императрицы он составил фальшивое завещание, подписанное великой княжной Елисаветой, которая по неграмотности матери всегда за нее подписывалась. Ему ставили в вину, что он ограбил своего малолетнего государя и, заведя монетным делом, приказал выпускать деньги плохого достоинства, обращая в свою пользу не включенную в них долю чистого металла. Припоминали и прежние его грехи, как, пользуясь доверием Петра Великого, он обкрадывал казну и через то нажил несметное богатство. Говорили, что вещи, которые он взял с собой, стоили, по мнению одних, пять миллионов, по мнению других – двадцать. Обвиняли Меншикова в недавних тайных сношениях со Швецией в ущерб интересам России: еще при жизни императрицы Екатерины I он будто бы писал шведскому сенатору Дикеру, что у него в руках военная сила и он не допустит ничего вредного для Швеции, причем просил, чтобы шведский король не забыл его за такое приятельское предупреждение, а шведскому посланнику Зюдеркрейцу Меншиков сообщал о том, что происходило в России, и за то взял с него взятку в количестве пяти тысяч английских червонцев. Арестованные секретари Меншикова, спрошенные по этому делу, не показали ничего во вред Меншикову. Падший временщик обвинялся еще в том, что, выдавая голштинскому герцогу пожалованные последнему 390 000 рублей, взял с него для себя взятку – 60 000 рублей. Это подтвердил и герцог. Верховный Тайный совет послал к Меншикову в Раненбург 120 вопросных пунктов, а в марте 1728 года в Москве у Спасских ворот найдено подметное письмо, составленное в оправдание Меншикова: это письмо окончательно ему повредило, потому что сочтено было делом самого Меншикова, прибегавшего таким образом к средствам, непозволительным для своего спасения. Решено было конфисковать его достояние, тем более, что тогда из разных коллегий и канцелярий поступали требования о возвращении денег и материалов, незаконно захваченных Меншиковым. Верховный Тайный совет указал отправить Меншикова с семейством в Березов, давая всем членам его семейства и их прислуге по шести рублей кормовых денег в день, а свояченицу Меншикова Варвару Арсеньеву приказано было постричь в женском Сорском монастыре в Белозерском уезде. У Меншикова было конфисковано 90 000 душ крестьян и города Ораниенбаум, Ямбург, Копорье, Раненбург, два города в Малороссии: Почеп и Батурин, капиталу до 13 000 000 рублей, из которых 9 000 000 находились на хранении в иностранных банках, да сверх того на миллион всякой движимости и бриллиантов, и одной золотой и серебряной посуды – более 200 пудов.

Собираясь по этому указу отправлять в заточение павшего временщика, у него отняли все приличное платье, одели в сермягу и простой тулуп, а голову его прикрыли бараньей шапкой. Такое же переодевание постигло и членов его семьи, и в таком виде повезли их всех в далекий путь. Княгиня Меншикова, женщина слабого здоровья и с молодости изнеженная, с самых первых дней постигшего их несчастья беспрестанно плакала и теперь не вынесла последнего горя и унижения. Она ослепла и, не доехав до Казани, умерла. Меншиков сам похоронил ее, но ему не позволили слишком долго плакать над ее могилой и торопили следовать в дальнейший путь. В Тобольске губернатор дал ему 500 рублей – то было царское жалованье

на скудное содержание изгнанника. На эти деньги Меншиков приказал закупить разных запасов – хлебного зерна, вяленого мяса, разных орудий, как, например, пил, лопат, рыболовных сетей, также всяких необходимых вещей для своих детей, а лишнее, что затем оказалось из этой суммы, велел раздать бедным. Из Тобольска изгнанников повезли в открытых телегах, подвергая всяким неудобствам сибирского климата. С ним было восемь слуг, согласившихся разделять изгнание своего господина. Они служили ему при постройке дома, впрочем, сам старик господин помогал им: недаром Петр Великий приучил его владеть топором и молотком. Построенный в Березове дом Меншикова состоял из четырех покоев: в одном жил он сам с сыном, во втором – его дочери, в третьем – прислуга, четвертый служил кладовой. Из его дочерей старшая, бывшая невеста императора, занималась стряпней в кухне, а вторая – стиркой белья; им помогали в работе две прислужницы. Меншиков кроме дома построил еще деревянную церковь. Из вельможи, избалованного долгим счастьем и изобилием, Меншиков преобразился в крепкого духом чернорабочего русского человека и переносил с примерной твердостью лишения ссылки и свое унижение. Через шесть месяцев заточения его постигло новое горе: его старшая дочь, бывшая невеста императора, скончалась от оспы. Меншиков сохранял присутствие духа, сам читал над покойницей Псалтирь и пел над ней погребальный канон. Ее похоронили в церкви, построенной отцом и недавно перед тем освященной. Тогда старик указал детям место, на котором и сам желал быть погребенным близ своей дочери.

После этого удара чуть было не пришлось Меншикову потерять двух других детей, также заболевших оспой. Заботы родителя спасли их: они выздоровели, но сам Меншиков заболел. Он скончался 22 ноября 1729 года от прилива крови: в Березове не было никого, кто бы умел сделать кровопускание.

Оставшиеся в сиротстве его дети после восшествия на престол Анны Ивановны были возвращены из ссылки и вступили во все права русского дворянства.

Императрица Анна Ивановна и ее царствование²⁰¹

I. Анна Ивановна до призвания на царство

Семья Анны Ивановны. – Ее мать, царица Прасковья Федоровна, урожденная Салтыкова. – Предсказания. – Переезд царицы Прасковьи с дочерьми в Петербург. – Замужество Анны Ивановны. – Свадебное торжество. – Смерть ее супруга. – Вдовство и пребывание ее в Митаве. – Петр Бестужев. – Василий Салтыков, дядя Анны Ивановны. – Неудовольствия с матерью. – Немилость к Петру Бестужеву и к его родным.

По смерти царя Федора Алексеевича осталось несколько сестер его и двое братьев: Иван и Петр. Тогда, как известно, преемником умершему царю был объявлен меньшей из царственных братьев, Петр. Старшего обошли, как «скорбного главою» (недостаточно умного). Но по интригам их сестры Софьи в Москве произошло смятение; устранение от престола старшего из братьев приписали козням Нарышкиных, родственников с матерней стороны меньшого брата; стрельцы произвели переворот, который привел к тому, что оба брата вместе были провозглашены царями и должны были нераздельно царствовать. Несмотря на то что их происхождение от разных матерей уже прежде возбуждало недоразумения и послужило поводом к стрелецкому восстанию, оба брата не ссорились между собой, как ни старалась поселить между ними рознь царевна Софья, рожденная от одной матери с Иваном. Петр скоро показал свои необыкновенные способности и вступил в управление делами. Иван сознавал свою духовную скудость, ни во что не вмешивался, ни в чем не перечил брату и спокойно прозябал в своих кремлевских дворцах и в своем подмосковном селе Измайлове. В 1684 году 9 января он соединился браком с девицей Прасковьей Федоровной Салтыковой. Ее прадед был знаменитый в русской истории Михайло Глебович Салтыков. В Смутное время он держался стороны поляков, горячо стараясь о воцарении в Московском государстве польского королевича Владислава, но не встретил сочувствия в русском народе и в 1612 году, когда дело поляков явно казалось проигранным, перебрался со всем семейством в Польшу. Его внук Александр (сын Петра Михайловича Салтыкова) во время завоевания Смоленска царем Алексеем Михайловичем присягнул московскому царю и перебрался в его владения, где оставалось немало лиц, носивших одно с ним

²⁰¹ При составлении настоящей монографии служили главными источниками: 1. Полное Собрание Законов Российской Империи, тома VII–XI. 2. Сборник Императорского Русского Исторического Общества, тома III, V, VI, XV, XX (Депеши иностранных министров, находившихся при рус. . . . ском дворе). 3. Buschings Magazin fur die neue Histoire und Geographie. T. III, VI, IX, XVI. 4. Архив князя Воронцова. 1870, 1871 гг., тома I, II. 5. Исторические бумаги К. Арсеньева, изданные Пекарским. 1872. 6. Записки Манштейна о России, изд. 1875 г. 7. Записки фельдмаршала Миниха, изд. 1874 г. 8. Записки Миниха, сына фельдмаршала, изд. 1817 г. 9. Записки леди Рондо, супруги английского посланника, изд. 1874 г. 10. Записки Якова Шаховского, изд. 1810 г. 11. Записки Нащокина, изд. 1842 г. 12. «XVIII век», Бартенева, 4 т., изд. 1862–1869 гг. 13. «Отечественные Записки», 1825 г. Примечания на Записки Манштейна. 14. Hermanns, Geschichte des Russischen Staats, том V, изд. 1853 г. 15. Соловьева «История России», тома XVIII–XXII, изд. 1868–1872 гг. 16. «Воцарение Анны Ивановны» Корсакова, изд. 1880 г. 17. Чтения Имп. Моск. Общества Истории и Древностей, годы: 1858, тома II (Записки о Вольнском) и III (Протоколы Верховного Тайного Совета); 1862, тома I и IV (Дело Бирона и материалы, относящиеся до жизни его); 1864, том I (показание кн. Долгорукого и дело о Столетове и других); 1867, том III (рапорты Миниха). 18. «Маркиз де ля Шетарди», Пекарского, изд. 1862 г. 19. «Русская Старина», ежемесячное историческое издание 1870–1884 гг. В нем помещены: в 1870 г. «Записки бриллианщика Позье» и «О повреждении нравов» кн. Щербатова; в 1872 г.: 1) «Из истории Тайной канцелярии», 2) «Сказания иноземцев – герцога де Лирия и леди Рондо о России», 3) «Императрицы Анна Ивановна и Елисавета Петровна»; в 1873 г.: «Императрица Анна Ивановна, ее придворный быт и забавы»; в 1875 г.: «Карл Леопольд герцог Мекленбургский»; в 1878 г.: 1) Императрица Анна Ивановна и ее современники, примечания к Запискам леди Рондо»; 2) «Убийство Синклера»; в 1879 г.: «Замечания графа Панина на Записки Манштейна». 20. «Русский Архив», издаваемый Бартеньевым, 1866, 1867, 1871, 1878 и 1883 гг. 21. Исторические статьи Хмырова, изд. 1873 г. 22. «Царица Прасковья», М. Семевского, изд. 1883 г. 23. Вейдемейра «Обзор главнейших происшествий с кончины Петра Великого до вступления на престол Елисаветы Петровны», изд. 1848 г. 24. Бумаги Государственного Архива, в числе которых были собственные письма Анны Ивановны к разным лицам, письма Бирона, Миниха, Головкина, Шаховского и других современников, приказы и распоряжения.

родовое прозвище, и некоторые из них занимали в государстве важные места. Устроившись на родине своих предков, Александр Петрович Салтыков служил некоторое время воеводой в Енисейске, был вызван оттуда царевной Софьей Алексеевной и сделан воеводой в Киеве. Тогда он переименовал свое имя Александра на имя Федора в честь царя Федора Алексеевича. У него был сын Василий и две дочери: Прасковья и Анастасия. Первая стала супругой царя Ивана Алексеевича.

Л. Каравак. Портрет императрицы Анны Иоанновны

Нам не сохранилось подробностей о совершении этого брака, но, без сомнения, он совершился так, как совершались царские браки того века: собирали со всего государства девиц дво-

рянского звания, царь делал им смотр и выбирал из них ту, которая ему больше других нравилась. Есть предположение, что в этом выборе царя Ивана Алексеевича было участие царевны Софьи: это подтверждается, во-первых, тем, что Софья уже прежде относилась благосклонно к родителю Прасковьи, перед тем пожалованному званием боярина; во-вторых, тем, что по своему слабоумию царь Иван Алексеевич едва ли был способен без чужого влияния решиться на важный шаг в жизни. Молодая царица оказалась плодотворной матерью семейства. В супружестве с царем Иваном Алексеевичем у нее было пять дочерей – две из них умерли в младенчестве, три достигли совершенных лет: Екатерина (род. в 1692 году), Анна (род. в январе 1693 года) и Прасковья (род. в 1694 году).

Царь Иван Алексеевич пребывал в царском сане до 1696 года, пользуясь почестями, личными этому сану, являлся народу в торжественных случаях в царском облачении, участвовал в приемах иностранных послов, и его имя ставилось с именем брата во всех государственных актах. Но власти у него не было никакой. Всем управлял Петр, оказывая старшему брату подобающие знаки уважения. Так дожил царь Иван Алексеевич до 29 января 1696 года и в этот день, в третьем часу пополудни, скоропостижно скончался.

Петр остался единственным государем России не только по власти, но и по титулу. Неумолимо преследовавший всякого, кто бы он ни был, если встречал от него малейшее сопротивление своей воле, Петр всегда был милостив и родственно любезен с теми из своих кровных, которые подобно брату его Ивану сознавали свою малость пред ним, не вмешивались ни в какие политические дела и даже в делах, касавшихся их домашнего быта, поступали так, как было угодно ему, заранее стараясь узнать или угадать его желание. Такова была вдова его брата Ивана Алексеевича. Петр оставил ее жить в подмосковном селе Измайлове, где она прежде жила с мужем, допустил управлять всем тамошним хозяйством и сверх того назначил ей оклад деньгами и запасами в том размере, в каком получали другие члены царского рода. Кроме села Измайлова царица Прасковья Федоровна владела вотчинами, находившимися в краях Новгородском, Псковском и Нижегородском, но постоянным местом ее жительства было село Измайлово – одно из любимых летних местопребываний царя Алексея Михайловича. Родной брат царицы Прасковьи, Василий Федорович Салтыков, был ее дворецким, но через несколько лет потом Петр приставил к ней еще в качестве близкого лица стольника Юшкова. Царица Прасковья не была этим недовольна. У нее в Измайлове было множество прислужников, составлявших ее штат; тут были стольники, стряпчие, ключники, подключники, подьячие, конюхи, сторожа, истопники; женский персонал был еще многочисленнее мужского. Царица Прасковья Федоровна была набожна и проявляла это качество сообразно обычаям своего века: она окружала себя ханжами, юродствующими, калекими, гадателями и гадальщицами – подобная челядь проживала в подклетьях Кремлевского дворца и являлась по зову в село Измайлово. Татищев, передовой по мысли человек своего времени, посещавший царицу в селе Измайлове, говорил, что ее двор походил на госпиталь, устроенный для калек и помешанных. Из юродствующих пользовался изрядной благосклонностью царицы подьячий Тимофей Архипыч, выдававший себя за пророка.

Петр, не терпевший старомосковского обихода с ханжами и юродивыми, смеялся внутренне над двором своей невестки, и в случае его приезда в село Измайлово все уроды прятались по чуланам, чтоб не попадаться ему на глаза; но он все-таки снисходительно смотрел на неприятный для него образ жизни царицы Прасковьи Федоровны, потому что она во всем была ему покорна и ни в чем ему не возражала. Петру хотелось, чтобы все члены его семьи показывали подобно ему доброе расположение к иноземцам, – и царица Прасковья Федоровна по царской воле отправлялась в Немецкую слободу и присутствовала там на двухдневном свадебном торжестве одного из Петровых приближенных. Там все было по-иностранным, устраивались танцы, и в них принимали участие дочери Прасковьи Федоровны, одетые в немецкое платье; царица, постоянно у себя водившаяся с архиереями, паломниками, иноками и юриди-

выми, в угоду царю преодолела в себе отвращение, какое должно было в те времена возбуждать в благочестивой душе истинно русской госпожи сближение с некрещеной иноземщиной. Живописец де Брюин по царской воле приезжал в Измайлово снимать портреты с царицы и с ее дочерей, – и она не только дозволила ему беспрепятственно исполнить царское поручение, но с обычным гостеприимством угощала его вином и рыбным столом, хотя в то время был Великий пост, когда строгое православное благочестие воспрещало употребление рыбы в пищу. Но более всего послушания оказала царица Прасковья Федоровна своему деверю и государю тогда, когда царь потребовал, чтоб она перебралась из села Измайлова в Петербург на жительство. Это требование обращено было не к одной царице Прасковье, но также и к другим особам царского рода. Царица Марфа Матвеевна, вдова царя Федора Алексеевича, и царские сестры – царевны Наталья, Мария и Феодосия – должны были также отправляться в Петербург, куда царь уже волей-неволей переселял именитейших своих сановников с их семьями. В марте 1708 года двинулся из Москвы громадный поезд колымаг, карет и повозок с особами царского дома и с их многочисленной прислугой. Разом с царицами и царевнами ехал тогда из Москвы в Петербург князь Федор Юрьевич Ромодановский, заведовавший Преображенским приказом, одно имя которого наводило всеобщий страх. Этот господин вместе с тем играл в некотором смысле и роль забавную: царь наименовал его князем-кесарем и приказал оказывать его особе наружные царские почести, не соединяя с этим никакого серьезного значения. Он ехал со своей женой Анастасией, родной сестрой царицы Прасковьи. По царской прихоти это путешествие особ царской семьи должно было совершаться наполовину водным путем. Страстный любитель воды, Петр говорил тогда: «Я приучу семью свою к воде, чтобы вперед не боялись моря и чтоб им понравился Петербург, окруженный отовсюду водою. Кто хочет со мною жить, тот должен бывать часто на воде!» Петр встретил флотилию с членами своей семьи в Шлиссельбурге и 25 апреля вместе с ними прибыл в Петербург.

Несколько дней царь возил свою родню по Петербургу и его окрестностям, хвалился новыми постройками, проектированными площадями, улицами, каналами, плавал вместе с царицами и царевнами в Кроншлот, потом приказал им проехать с ним до Нарвы, откуда по причине военных действий против шведов он намеревался ехать в Смоленск. Петр показал своим гостям новопостроенные городки – Копорье и Ямбург, отпраздновал вместе с ними день своих именин в Нарве и уехал по своему намеченному пути, а царские родственницы возвратились в Петербург, где им приходилось оставаться на новоселье.

Царица Прасковья Федоровна получила в дар от царя дом в полную собственность на Петербургской стороне на берегу Невы, близ Петровского домика²⁰².

Там была самая нарядная часть города, там жил государь, там были дома его ближайших сановников – Меншикова, Головкина, Шафирова, Остермана и других знатных лиц, как русских, так и иностранцев.

Три дочери царя Ивана Алексеевича удостоились родственного участия их дяди Петра I. Воспоминание о брате Иване, не показавшем во всю жизнь свою ни тени строптивости против младшего брата, постоянная покорность вдовы Ивана – все располагало Петра относиться к племянницам в качестве второго отца и благодетеля. Старшая из Ивановен, как их звали в Москве, Екатерина, впоследствии была выдана дядей-царем за герцога мекленбургского, с которым, однако, не жила в согласии; третья, меньшая, Прасковья, не бывши замужем – по крайней мере явно²⁰³, умерла в 1731 году, будучи уже не в слишком юных летах. Средней Ивановне – Анне – судьба готовила такой жребий, которого ни она сама, ни близкие к ней люди не могли ожидать. Очень часто о людях, путем слепого случая достигших, помимо собствен-

²⁰² Другой дом, построенный впоследствии, известен был под ее именем на Васильевском острове и после ее смерти отдан под Академию наук.

²⁰³ В книге Шмитта Физельдека «Materialen zu der Russischen Geschichte seit dem Tode des Kaisers Peters des Grossen» есть известие, что она была тайно обвенчана с генералом и сенатором Иваном Ильичем Дмитриевым-Мамоновым.

ных желаний и усилий, высокого значения в свете, сочиняются легенды, как будто им еще ранее были предсказания, предзнаменования и пророчества. Подобное сложилось, вероятно, уже впоследствии, об Анне Ивановне. Говорили, будто ей предрекал в загадочных выражениях ее будущую судьбу юродивый Тимофей Архипыч; говорили также, что когда царица Прасковья Федоровна, посещавшая с участием и любовью разных духовных сановников, приехала вместе со своими дочерьми к митрополиту суздальскому Илариону и в разговорах обнаружила беспокойство о том, что станется с ее дочерьми, преосвященный Иларион, о котором уже ходила молва, что он обладает даром прорицания, предсказал царевне Анне Ивановне в будущем скипетр и корону.

Пока, разумеется, ничего подобного никто ожидать не мог, да и не дерзнул бы, – царь Петр хотел пристроить племянниц, выдав их в замужество за подходящих женихов, какими могли быть принцы иностранных владетельных домов. Начали не со старшей, а со средней. В 1709 году в октябре царь Петр с прусским королем при свидании в Мариенвердере сговорились соединить русскую царевну с племянником прусского короля, молодым Фридрихом-Вильгельмом, герцогом курляндским. При этом брачном союзе принимались в расчет и политические соображения: и русскому царю, и прусскому королю было выгодно между собой породниться – они были уже друг с другом политические союзники. В 1710 году прибыли от герцога курляндского в Россию послы и 10 июля этого года заключили договор, в котором было постановлено, что русская царевна, став герцогиней курляндской, будет иметь право для себя и для своей русской прислуги держать церковь, где будет отправляться богослужение по обряду греко-восточной церкви; ее будущие дочери должны быть религии материнской, но сыновья будут воспитываться в лютеранской вере, исповедуемой их родителем. При выходе в замужество царевна Анна получит в качестве приданого 200 000 рублей, а если бы случилось, что герцог умрет, не оставив по себе наследников, то вдова его получит на свое содержание ежегодно 400 000 рублей и сверх того ей дастся в пожизненное владение вдовье имение с замком. В августе 1710 года прибыл в Петербург сам жених в сопровождении русского фельдмаршала Шереметева. Бракосочетание совершилось 31 октября того же года в палатах князя Меншикова на Васильевском острове, в полотняной походной церкви. Совершал обряд венчания архимандрит Феодосий Яновский, будущий митрополит новгородский, и по окончании обряда произнес на латинском языке назидательное слово к жениху. Затем несколько дней кряду шумные пиршества происходили в двух залах Меншиковских палат, из которых главной была та, где ныне устроена церковь Павловского военного училища²⁰⁴. В одно из таких пиршеств царь Петр устроил для гостей такой сюрприз: на стол подали два огромнейших пирога высотой пять четвертей. Когда царь сам вскрыл эти пироги, из них выскочили две разряженные карлицы и на свадебном столе протанцевали менуэт. 14 ноября царь устроил еще новую затею – свадьбу карлика Евфима Волкова, на которую, как на особое торжество, выписано было со всей России семьдесят две особы карликов обоего пола: в те времена таких уродов не трудно было достать, потому что при дворах особ царского рода и знатных господ было в обычае вместе с шутами держать карликов и карлиц. Венчание происходило в церкви Петропавловской крепости; оттуда со всеми церемониями, наблюдавшимися при свадьбах, новобрачных повезли на судне по реке в палаты Меншикова и там посадили за торжественный стол, за которым уже рассажены были гости – все такие же карлики и карлицы. По окончании пира уроды увеселяли танцами сановную публику, а потом новобрачных с торжеством повели в опочивальню, куда последовал и сам царь²⁰⁵.

²⁰⁴ В то время, когда была написана настоящая монография, Павловское военное училище помещалось в бывшем доме кн. Меншикова. (Прим. изд.).

²⁰⁵ Этот брак имел роковые последствия. Замужняя карлица, не разродившись, умерла.

Григорий Федорович Долгорукий

Несчастливый конец постиг брак царской племянницы. Новобрачные уехали в Курляндию, где должны были жить, но на дороге в Митаву, и даже в 40 только верстах от Петербурга, на мызе Дудергофе, герцог вдруг скончался. Причиной неожиданной смерти было неумеренное употребление спиртных напитков при отъезде из царской столицы. Так сердечно и так неосмотрительно угостили его царственные свойственники.

В политических целях Петр хотел, чтобы его овдовевшая племянница жила во владениях своего мужа. Этого мало. Ему хотелось даже мать ее, царицу Прасковью Федоровну, с прочими дочерьми заслать в Митаву на постоянное там пребывание, но эта мысль была им оставлена. Петр ограничился водворением в Курляндии одной Анны Ивановны в качестве вдовствующей герцогини курляндской и через то находил путь управлять по своей воле судьбой Курляндского края. Анна Ивановна, впрочем, много раз посещала Россию и проживала в материнском подмосковном Измайлове, но должна была возвращаться в свое герцогство. Она не была довольна

своим содержанием, получаемым в Курляндии, и много раз писала об этом царю²⁰⁶. В 1722 году она испросила себе у царя в диспозицию на десять лет амбты (земельные участки вроде наших оброчных статей) и обещала уплатить в казну всю сумму, истраченную казной на их покупку, внося по частям погодно. Из ее письма к дяде-царю видно, что более чем через десять лет после своего замужества Анна Ивановна не считала себя достаточно обеспеченной. То же усматривается из некоторых письменных памятников, касающихся более раннего времени ее пребывания в Митаве. Так, ее мать, царица Прасковья Федоровна, еще в 1714 году жаловалась царю, что ее дочери в Курляндии «не определено, чем жить там и по обыкновению княжескому прилично себя содержать».

Но вскоре царица Прасковья Федоровна разгневалась на дочь. Бестужев, которого царь Петр держал своим резидентом в Митаве, управлял всеми делами Анны Ивановны и умел своей распорядительностью и заботливостью о ней внушить к себе расположение герцогини. У Анны Ивановны явился надсмотрщик над ее поступками и доносчик на нее: то был ее родной дядя, брат царицы Прасковьи Федоровны, Василий Федорович Салтыков, посланный сестрой в Митаву. Это был человек во всех отношениях дурной. Сочетавшись вторичным браком с дочерью князя Григория Федоровича Долгорукого, бывшего царским посланником в Варшаве, он невзлюбил своей жены и стал обращаться с нею зверски. Его жена обратилась к Анне Ивановне. Герцогиня приняла участие в ее судьбе, взяла ее к себе, и при содействии герцогини Салтыкова уехала к отцу в Варшаву²⁰⁷. Отсюда-то возникла вражда Салтыкова к племяннице Анне Ивановне. Он стал доносить своей сестре, царице Прасковье Федоровне, на ее дочь. Мать пришла в такое негодование, что угрожала дочери даже материнским проклятием. Она писала царю, упрасывая его отозвать из Митавы Петра Бестужева. По поручению Петра от имени Екатерины дан был письменный ответ царице Прасковье, «что Бестужев отправлен в Курляндию не для того только, чтоб ему находиться при дворе Анны Ивановны, но для других многих его царского величества нужнейших дел, которые гораздо того нужнее, и ежели его из Курляндии отлучить для одного только вашего дела, то другие все дела станут, и то его величеству зело будет противно»²⁰⁸. В самом деле, Анна Ивановна была владелицей Курляндии только по имени – всем управляла воля русского государя, который посылал свои указы и получал необходимые ему сведения через посредство Бестужева. Даже домашнее хозяйство герцогини находилось в распоряжении этого господина, и он обязан был во всем до мелочей отдавать отчет своему государю.

²⁰⁶ Описывая свое скудное житье-бытье в Курляндии, племянница пишет дяде, что «с собою она ничего не привезла в Митаву, ничего не получила и стояла некоторое время в пустом мещанском дворе того ради, что надлежало до двора, поварни, конюшни и лошади и прочее все покупать вновь. А приходу мне с данных деревень деньгами и запасами всего 12 680 талеров, и с того числа в расходе по самой крайней нужде к столу в поварню, в конюшню и на жалованье на Либерию служителям и на содержание драгунской роты всего 12 254 талера, а в очистке всего только 426 талеров. С таким остатком как себя платьем, бельем, кружевами и по возможности алмазами, серебром, лошадьми и прочим в новом пустом доме, не только по своей части, но и против прежних вдовствующих герцогинь курляндских весьма содержать себя не могу, также и партикулярные шляхетские жены ювели и прочие уборы имеют неубогие, из чего мне в здешних краях не бесподозрительно есть. И хотя по милости Вашего Величества пожалованными мне в прошлом 1721 году деньгами управляла я некоторые самые нужные домовые на себя уборы, однако имею еще на себя долгу за крест и складень бриллиантовый, за серебро и за обои камор и за нынешнее черное платье 10 000 талеров, которых мне ни на каком образе заплатить невозможно, и впредь для всегдашних нужных потреб принуждена в долг больше входить, а не имеючи платить, и кредиту нигде не буду иметь. А ныне есть в Курляндии выкупные амбты, за которых из казны Вашего Величества заложено 87 850 талеров, которые отданы в аренду от 1722 за 14 612 талеров в год, имеют окупаться в шесть лет. Я всепокорно прошу Ваше Величество сотворить милость: на оплату вышеписанных долгов пожаловать вышеписанные амбты мне в диспозицию на 10 лет, в которые годы в казну Вашего Величества я заплачу все выданные за них деньги погодно, а мне будет на вышеписанные мои нужды оставаться по 5875 талеров в год» (Государственный Архив. Письма Анны Ивановны).

²⁰⁷ Князь Гр. Фед. Долгорукий заступился за дочь. Возникло дело, которое не окончилось, прежде чем царь Петр Алексеевич успел умереть. Окончилось оно только в 1730 году разводом Салтыковой с мужем и пострижением ее в Нижегородском девичьем монастыре.

²⁰⁸ Государственный Архив. Переписка Анны Ивановны.

Княжна Е. А. Долгорукая

Самое дружеское взаимное участие соединяло несколько лет герцогиню с ее управляющим; никакие козни Василия Федоровича, никакие знаки неудовольствия от злой матери, настроенной против дочери, не в силах были нарушить их согласия; но пришло время – и оно рушилось иным путем, когда уже на свете не было ни суровой матери Прасковьи Федоровны, ни грозного дяди, царя Петра I. Петр Бестужев неосторожно оказал покровительство одному немцу, по имени Эрнсту Иоганну Бирену: это был сын одного из служителей прежних герцогов курляндских, как говорят, конюха. Бестужев представил его герцогине. Случилось, что скоро потом Бестужев поехал в Петербург по делам и там пробыл некоторое время. В его отсутствие Бирен приобрел расположение герцогини. Он был молод, ловок, красив собой и овладел сердцем Анны Ивановны. Бестужев, возвратившись из России в Митаву, с ужасом увидел, что его место занято другим. На первый раз Анна Ивановна приняла Бестужева внешне вежливо, но вскоре началось от нее систематическое гонение и на него, и на его родных. В числе последних испытала гнев герцогини его дочь Аграфена Петровна, по мужу княгиня Волконская, прежде пользовавшаяся дружеским расположением Анны Ивановны. Теперь по настоянию последней ее обвинили в каких-то «продерзостях» и приказали жить безвыездно в деревне. Холопы ее донесли, что она ездит тайно в Москву для свидания с некоторыми лицами и ведет тайные переписки, между прочим со своим отцом, от которого получает письма зашитыми в подушках. Аграфена Петровна была подвергнута обыску: нашли у нее письмо родителя, в котором тот жаловался, что «отменилась к нему любовь его друга Анны Ивановны», отзывался с горечью и

досадой о Бирене, а сама княгиня в перехваченном письме к своему двоюродному брату Талызину называла Бирена «каналиею» и просила поразгласить о нем дурно²⁰⁹. Бирен был чрезвычайно мстителен и, узнав, как о нем отзываются, настраивал Анну Ивановну против Бестужева и всей его родни.

Иван Алексеевич Долгорукий – фаворит Петра II

Верховный Тайный совет, управлявший Россией при царе Петре Втором, угождая герцогине – русской царевне, обвинил княгиню Волконскую и ее приятелей в том, что они при царском дворе делали интриги «и теми интригами искали для собственной своей пользы причинить при дворе беспокойство». Присудили сослать ее в монастырь на житье, а ее приятелей удалили от занимаемых ими должностей по службе. Ускользнул тогда от наказания брат княгини Волконской, Алексей Петрович Бестужев (впоследствии знаменитый канцлер); несмотря на то что он оказался причастным к делу своей сестры, он удержался на своем дипломатическом поприще. Вслед за тем Анна Ивановна обвинила своего бывшего управляющего и друга в присвоении ее доходов и насчитывала на него большие суммы.

Учреждена была в Петербурге комиссия по этому делу. Обвинял и уличал Бестужева поверенный герцогини курляндской, Корф. Дело это затянулось на несколько месяцев, а тут

---

²⁰⁹ «В слободе побывай и поговори о известной персоне, чтоб сколько возможно и где того каналию рекомендовал курляндца, а он уже от меня слышал и проведаль бы от каналии каких происков к моему родителю, понеже ему четко можно знать от Александра и чтоб поразгласил о нем, где пристойно, что он за человек» (Государственный Архив. Дело княгини Волконской).

успел умереть Петр II – и Анна Ивановна взошла на всероссийский престол: тогда Петр Бестужев был сослан на житье в дальние деревни, его дочь княгиня Волконская содержалась под крепким караулом в Тихвинском монастыре.

Занявший при Анне Ивановне прочное положение, Бирен до такой степени сблизился с нею, что стал ей необходимейшим человеком. Сначала он старался как можно чаще находиться при ней и скоро достиг того, что она сама, еще более чем он, нуждалась в его сообществе. По известиям современников, привязанность Анны Ивановны к Бирену была необычная. Анна Ивановна думала и поступала сообразно тому, как влиял на нее любимец. Все, что ни делалось Анной, в сущности исходило от Бирена. Все так разумели и в Курляндии, когда она была герцогиней, и в России, когда она стала императрицей. Неограниченную власть над нею Бирен приобрел еще в Митаве. Опираясь на покровительство Анны Ивановны, Бирен из суетного честолюбия принял фамилию Бирона, изменив только одну гласную в своем настоящем фамильном прозвище, и стал производить себя от древнего аристократического французского рода Биронов. Действительные члены этого рода во Франции, узнав о таком самозванстве, смеялись над ним, но не сопротивлялись и не протестовали, особенно после того, как со вступлением на престол российский Анны Ивановны Бирен, сын курляндского придворного служителя, под именем Бирона стал первым человеком в могущественном европейском государстве.

II. Избрание Анны Ивановны на престол

Мысль об участии народа в правлении. – Князь Димитрий Михайлович Голицын. – Совет вельмож о престолонаследии по кончине императора Петра II. – Подложное завещание. – Выбор Анны Ивановны. – Ограничение самодержавной власти. – Отправление в Митаву князя Василия Лукича Долгорукого. – Интриги Левенвольда и Ягужинского. – Прибытие Анны Ивановны в Россию. – Шляхетство. – Партия за сохранение самодержавия. – Гвардейцы. – 25 февраля 1730 года. – Провозглашение Анны Ивановны самодержавной государыней.

В России в умах, не чуждых политических и правительственных вопросов, уже не первый год ощущался важный поворот. Возникла мысль о том, что русские подданные должны иметь участие в правлении государством, в делах как внутренней, так и внешней политики. Было время, когда и сама высшая власть не казалась противной этой идее. В 1727 году 21 марта дан был указ князю Димитрию Голицыну об учреждении комиссии «о сухопутной армии и флоте с целью устроить их с наименьшей тягостью для народа». В эту комиссию предполагалось избрать «из знатного шляхетства и из посредственных персон всех чинов рассмотреть состояние всех городов и земель, и, по рассуждению, наложить на всех такую подать, чтобы было всем равно». Таким образом, само правительство признавало полезным созывать представителей Русского государства для совета о важных финансовых вопросах. Иностранцы, бывшие в то время в России представителями своих государств, замечали в этом событии начатки свободолюбия в России и возникавшее стремление положить предел произволу самодержавной власти.

Но события пошли своим чередом. Возведенная после смерти Петра I его вдова Екатерина скоро умерла. На ее место возведен был Петр II, сын казненного царем Петром I царевича Алексея. Не достигший совершеннолетия, он находился под опекой сначала князя Меншикова, потом князей Долгоруких. В январе 1730 года он заболел и умер.

С ним прекращалась мужская линия дома Романовых. Оставалась дочь Петра Первого, Елисавета; ей не решались предлагать короны. Теперь наступало удобное время произвести изменение в образе правления, чего хотели многие, и во главе этих многих был князь Димитрий Михайлович Голицын, которому уже прежде, при Екатерине I, поручалось устроить созвание выборных людей. Теперь верховная особа могла быть только по выбору, и потому всего подручнее было предложить ей условия, при которых она могла получить престол. Тотчас по кончине императора Петра II, умершего в Лефортовском дворце в Москве, сошлись в том же дворце на совещание важнейшие сановники государства: трое членов Святейшего Синода²¹⁰, пять членов Верховного Тайного совета, иначе министров²¹¹, и несколько знатнейших особ из генералитета и сената. Были ли на том совещании остальные члены генералитета и сената²¹² – неизвестно, но, вероятно, там были многие из них, носившие, кроме того, придворные чины.

Покойный государь Петр II, находясь совершенно в руках князей Долгоруких и сблизившись дружески с князем Иваном Алексеевичем, собирался жениться на сестре своего любимца, княжне Екатерине Алексеевне. По смерти Петра Второго князья Долгорукие составили от имени покойного государя подложное завещание. В нем значилось, будто умирающий государь отдавал после себя престол своей невесте. Это соответствовало закону Петра Первого,

²¹⁰ Феофан Прокопович, митрополит новгородский, Георгий Дашков, митрополит ростовский, и Феофилакт Лопатинский, архиепископ тверской.

²¹¹ Канцлер граф Головкин, вице-канцлер и старший гофмейстер барон Остерман, гофмейстер князь Алексей Григорьевич Долгорукий, князь Василий Лукич Долгорукий, князь Димитрий Михайлович Голицын. С ними заседал, но без звания министра, сибирский губернатор князь Михайла Владимирович Долгорукий.

²¹² Три фельдмаршала: кн. Василий Владимирович Долгорукий, князь Михайла Михайлович Голицын и князь Иван Юрьевич Трубецкой; трое князей Долгоруких: сенатор Иван Григорьевич, камергер Сергей Григорьевич и обер-камергер Иван Алексеевич, любимец императора Петра Второго; генералы Иван Иванович Дмитриев-Мамонов и Лев Васильевич Измайлов.

по которому царствующий государь имел право назначить себе преемника мимо всяких родовых наследственных прав. Благодаря этому закону проделка Долгоруких могла бы удалиться, но между членами этого княжеского рода не было тогда согласия и единства. В то время, когда одни Долгорукие хотели выставить особу своего рода с правом наследовать престол, другие Долгорукие были против этого и готовы были обличить плутню первых. Когда члены Верховного Тайного совета с лицами из генералитета стали рассуждать о престолонаследии и соображать, что им теперь начать, князь Димитрий Михайлович Голицын держал перед ними такую речь:

«Преждевременная кончина государя Петра Второго есть истинное наказание, ниспосланное Богом на русских за их грехи, за то, что они восприняли много пороков от иноземцев, за то Господь лишил нас молодого государя, на которого, по всей справедливости, мы возлагали великие надежды. Ныне, господа, угасло прямое законное потомство Петра Первого, и мужская линия дома Романовых пресеклась. Есть дочери Петра Первого, рожденные до брака от Екатерины, но о них думать нечего. Завещание, оставленное Екатериной, не может иметь значения. Нам надобно подумать о новой особе на престол и о себе также».

– Покойный государь оставил завещание, – отозвался кто-то из Долгоруких.

– Завещание подложное! – произнес князь Дим. Мих. Голицын. – Невеста покойного государя не успела еще стать его женой, и потому на нее не может переходить никакого права на престол. Император не составлял завещания, предоставляющего жене своей наследство престола, потому что и жены еще у него не было.

Князь Василий Лукич Долгорукий собрался было возражать, как вдруг фельдмаршал князь Василий Владимирович Долгорукий резким движением остановил его и энергично произнес:

– Да, да! Это завещание подложно! Никто не вправе вступать на престол, пока еще находятся в живых особы женского пола, законные члены императорского дома. Было бы всего справедливее и разумнее провозгласить государынею на престол царицу Евдокию: ведь она – бабка покойного императора!

На это кн. Дим. Мих. Голицын сказал:

– Я воздаю должную дань уважения вдовствующей царице, но она только вдова государя. Есть прямые наследницы – царские дочери. Я говорю о законных дочерях царя Ивана Алексеевича. Я бы не затруднился без дальних рассуждений указать на старшую из них, Екатерину Ивановну, если б она уже не была женой иноземного государя – герцога мекленбургского, а это неподходящее для нас обстоятельство. Но есть другая ее сестра – Анна Ивановна, вдовствующая герцогиня курляндская. Почему ей не быть нашей государыней? Она родилась среди нас, от русских родителей; она рода высокого и притом находится еще в таких летах, что может вступить вторично в брак и оставить после себя потомство. Нам всем известны ее доброта и прекрасные качества души. Говорят, будто у нее тяжелый характер, но столько лет она живет в Курляндии – и не слышно, чтобы там против нее возникали какие-либо неудовольствия.

Фельдмаршал князь Василий Владимирович Долгорукий первый подал голос согласия. Он сказал:

– Князь Димитрий Михайлович! Сам Бог тебе внушил такую мысль. Она исходит от чистосердечной любви твоей к отечеству. Виват императрица Анна Ивановна!

За ним присоединился к князю Димитрию Михайловичу и князь Василий Лукич Долгорукий. Он был когда-то близок к герцогине и теперь надеялся снова сблизиться с нею.

За Василием Лукичем и другие стали изъявлять одобрение выбора на престол Анны Ивановны.

Тогда князь Димитрий Михайлович Голицын стал так говорить:

– Выберем кого изволите, господа, только во всяком случае нам надобно себе полегчить.

– Как это – полегчить? – спросил у него кто-то, кажется, канцлер.

– А так, полегчить: воли себе прибавить! – отвечал кн. Димитрий Михайлович.

– Хоть и затеем, да не удержим этого! – произнес кн. Василий Лукич.

– Право, удержим! – ответил кн. Димитрий Михайлович. Об этом важном вопросе далее не распространялись, только все произнесли согласие вручить корону Анне Ивановне. Но князь Димитрий Михайлович опять обратился к вопросу об ограничении самодержавной власти.

– Будет во всем воля ваша, господа, – произнес он, – только нам следует сейчас же составить пункты и послать их государыне Анне Ивановне.

В это время постучались у дверей, вошел вице-канцлер барон Андрей Иванович Остерман. Все считали его необыкновенно умным государственным человеком. Прежде, когда его приглашали совещаться о престолонаследии, он отделался тем, что указал на свое иноземное происхождение и обещал принять все, что решит большинство русских сановников. Теперь, когда ему сказали, что все единодушно изъявили желание пригласить на престол герцогиню курляндскую, Остерман, без запинок, одобрил такое решение.

Было ли тогда в присутствии Остермана сказано что-нибудь князем Димитрием Михайловичем Голицыным о «прибавке воли» и, если было сказано, как к этому отнесся Остерман – мы не знаем. Было уже четыре часа утра. Верховники вышли в другую залу того же Лефортовского дворца. Там происходило другое совещание между членами генералитета и сената. Павел Иванович Ягужинский, занимавший должность генерал-прокурора и, вероятно, уже знавший мысли Димитрия Михайловича Голицына насчет «прибавки воли», стоял поодаль от других у окна с камергером князем Сергеем Григорьевичем Долгоруким и говорил о совещании, происходившем в другой комнате у верховников.

– Мне с миром не убыток! – окончил речь свою Ягужинский. – Долго ли нам терпеть, что нам головы секут! Теперь такое время, что самодержавию не быть!

– Не мое то дело, – отвечал князь Сергей Григорьевич, – я в таковое дело не плетусь, ниже о том думаю!

Тут вошли все члены Верховного Тайного совета, числом восемь. Князь Димитрий Михайлович оповестил всем бывшим в зале, что Верховный Тайный совет положил быть на престоле российском герцогине курляндской Анне Ивановне. Все изъявили одобрение.

Тогда Ягужинский подошел к князю Василию Лукичу Долгорукому и с чувством сказал:

– Батюшки мои! Прибавьте нам как можно воли!

– Говорено уже о том было, но то не надо, – отвечал князь Василий Лукич.

Ягужинский притворно показывал себя сторонником ограничения самодержавия, чтоб скрыть от всех образовавшийся у него план повредить этому предприятию. Может быть, князь Василий Лукич понял это вполне и, желая отстраниться от Ягужинского, дал такой сухой ответ. Впрочем, с точностью мы не знаем этого.

Так как время далеко зашло за полночь, то все стали расходиться. Князь Димитрий Михайлович бросился за толпой уходящих и стал упрашивать их вернуться для обсуждения важного дела. Несколько особ послушалось и возвратилось назад. Князь Димитрий Михайлович стал сообщать им о намерении составить условия, на которых должна принять правление новоизбираемая государыня. Мы не знаем подробностей – кто из слушавших и как заявлял свои мысли об этом, но более всех горячим сторонником предприятия князя Димитрия Михайловича явился тогда все тот же Павел Иванович Ягужинский. Не он один, а многие подобно ему нашли для себя удобным, не противясь верховникам, наружно мирволить их замыслам, а мимо них оказать тайную услугу государыне и предупредить ее, будучи в уверенности, что она не примет искренне предложений, которые преподнесет ей Верховный Тайный совет.

Верховники, отпустив собрание сенаторов и генералитета, отправились в другую комнату, рядом с той, где скончался император Петр II, и усадили за маленький столик правителя дел Верховного Тайного совета Василия Петровича Степанова, а сами стали диктовать ему. Но

Степанов не мог записывать, потому что диктовало их несколько лиц сразу и при этом каждый говорил свое. Тогда канцлер Головкин и фельдмаршал князь Михайла Михайлович Голицын обратились к Остерману с просьбой диктовать, потому что, как говорили о нем, он лучше других знал «штиль».

Осторожный Остерман увидел себя в крайне неловком положении: приходилось стать явным участником замысла ограничить самодержавную власть. Он считал для себя это очень опасным. Конечно, немец, вестфальский уроженец, он не питал пламенной привязанности к старинному московскому самодержавию, но он хорошо изучил русское общество и был убежден, что в России не может сложиться и укрепиться иной образ правления; все попытки ввести его будут неудачны, а участники таких попыток могут потерпеть, как враги правительства. Сначала он прибегнул к прежней уловке: представлял, что он по происхождению иноземец, и по этой причине ему не под стать решать судьбы Русского государства. Но министры стали его уговаривать и понуждать; он, наконец, согласился и стал словесно редактировать пункты, но не в виде диктовки. Вероятно, барон Остерман в этот раз поступил так, как он поступал не раз и прежде, и после в затруднительных обстоятельствах. По известиям знавших его близко современников, он, когда нужно было, выражался так темно, что смысл его речи трудно было сразу уразуметь и легко было давать ей какое угодно значение. Как бы то ни было, словесное редактирование Остермана оказалось ненужным: предполагаемые пункты продиктовал Степанову князь Василий Лукич. В то время эти пункты были написаны в таком виде:

«Государыня обещает сохранить Верховный Тайный совет в числе восьми членов и обязуется – без согласия с ним не начинать войны и не заключать мира, не отягощать подданных новыми налогами, не производить в знатные чины служащих как в статской, так и в военной сухопутной и морской службе выше полковничьего ранга, не определять никого к важным делам, не жаловать вотчин, не отнимать без суда живота, имущества и чести у шляхетства и не употреблять в расходы государственных доходов».

Составив эти пункты, верховники разошлись. Они не приложили своих подписей к написанному и условились к десяти часам утра съехаться в Кремле в Мастерской палате: то было тогда обычное место заседаний Верховного Тайного совета. Верховники пригласили к этому времени в Кремлевский дворец членов Синода, сенат, генералитет и прочих военных и статских чинов, и из коллегии немалое число, до бригадира. Верховники составили с ними единое собрание. Речь к ним держал кн. Димитрий Михайлович. Он известил, что, по мнению Верховного Тайного совета, по кончине императора Петра Второго никто так не достоин занять престол, как герцогиня курляндская Анна Ивановна, дочь блаженной памяти царя Ивана Алексеевича: она происходит от одного корня с прежними царями и обладает высокими качествами, необходимыми для царского сана. Если кто с этим согласен, того приглашали выразить свое согласие громким произнесением: виват!

Все собрание три или четыре раза сряду единогласно крикнуло: виват!

Верховники снова удалились в особый покой и занялись окончательным изготовлением пунктов в том виде, в каком они должны быть представлены Анне Ивановне. Ко всему, что уже было изложено в черновой редакции, прибавили слова: «а буде чего по сему обещанию не исполню и не додержу, то лишена буду короны российской!»

Тогда назначили посольство к избираемой на престол государыне. Выбраны были по предложению кн. Димитрия Михайловича Голицына князь Василий Лукич Долгорукий и меньшой брат князя Димитрия Михайловича – князь Михайла Михайлович Голицын. Канцлер Головкин предложил еще третьего посла от генералитета: выбор пал на генерала Леонтьева. Фельдмаршал князь Василий Владимирович Долгорукий предлагал присоединить к ним еще посла от духовного чина.

Послам вручили тогда же составленную инструкцию. Им вменялось в обязанность вручить Анне Ивановне пункты, или кондиции, наедине, без посторонних, объявив ей, что в них

изложено желание всего русского народа. Когда государыня их подпишет, они должны быть отосланы в Москву с одним из послов. Послы должны были следить, чтоб мимо их ей не было доставлено каких-нибудь вестей из России, и настаивать, чтоб Анна Ивановна не медлила своим отъездом и непременно ехала бы вместе с послами; послы при этом должны были сообщить ей, что до ее приезда не будет объявлено в народе о кончине императора Петра Второго и о воцарении новой особы. Верховники опасались, чтоб лица, не сочувствовавшие их планам «прибавить воли», не успели предупредить государыню и настроить ее против Верховного Тайного совета: они дали приказание оцепить всю Москву караулами и кругом ее поставить на расстоянии тридцати верст по одному унтер-офицеру с отрядом солдат, чтоб не пропускать из Москвы никого иначе, как только с паспортом, выданным из Верховного Тайного совета. Всем вольнонаемным извозчикам в продолжение нескольких дней запрещено было подряхаться с едущими куда бы то ни было из столицы.

Изготовив все надлежащие бумаги, верховники в тот же день вечером вручили их князю Василию Лукичу Долгорукому и князю Михайлу Михайловичу Голицыну. Остерман подписал только один из этих документов – письмо к государыне от Верховного Тайного совета, а прочих бумаг не стал подписывать: он извинялся болезнью. Все тогда понимали, что это болезнь притворная.

Как ни старались верховники, чтобы до поры до времени Анна Ивановна не получила каких-либо сведений из Москвы, но принятые меры оказались бесплодными. Левенвольд, живший в Москве, сообщил о всем происходящем там своему брату, проживавшему в своем поместье в Лифляндии, а последний поехал в Митаву и лично передал Анне Ивановне, что затевают русские бояре, дабы она могла принять заранее свои меры, тем более что, как докладывал Левенвольд, шляхетство и народ не сочувствовали затеям вельмож. Ягужинский, со своей стороны, отправил в Митаву с такими же известиями гвардейского офицера Сумарокова. Посольство это было не так успешно, как Левенвольдово. Прежде чем Сумароков явился к герцогине курляндской, его увидал и узнал князь Василий Лукич; он приказал тотчас его арестовать. Посланный из Митавы в Москву с подписанными государыней пунктами генерал Леонтьев привез с собой Сумарокова закованным. Иные говорили, будто Сумароков успел-таки сообщить Анне Ивановне все, что следовало, но государыня сама выдала его послам, чтоб убедить их в искренности, с какой принимает предлагаемые пункты.

Императрица Анна Ивановна. Гравюра 1850 г.

Леонтьев возвратился в Москву 1 февраля. Подписание государыней пунктов очень обрадовало верховников. 2 февраля собрали членов сената и генералитет. Прочли письмо новой государыни. Она писала: «Так как во всех государствах руководствуются благими советами, то мы пред вступлением нашим на престол по здоровом рассуждении изобрели за потребно для пользы Российского Государства и к удовольствованию наших верных подданных, написав, какими способами мы то правление вести хошем, и подписав нашею рукой, послать в Верховный Тайный совет, а сами сего месяца в 29 день конечно из Митавы к Москве для вступления на престол пойдем».

Прочитали во всеуслышание всего собрания «кондиции», уже одобренные высочайшей властью и потому получившие силу закона. Кн. Дмитрий Михайлович Голицын пристально приглядывался к лицам слушателей, стараясь угадать впечатление, произведенное на них прочитанной бумагой. Никто не откликнулся с одобрительными возгласами; те, говорит современник²¹³, которые вчера от этого собрания надеялись великой пользы, теперь опустили уши, как ослики». Князю Дмитрию Михайловичу пришлось самому воздать хвалу прочитанному писанию. «Видите ли, – произнес он, – как милостива наша государыня: какового мы от нее наде-

---

²¹³ Феофан Прокопович, «Сказание».

ялись, таковое показала она отечеству нашему благодеяние! Бог сам подвинул ее к сему писанию! Отселе счастливая и цветущая Россия будет!» И много он говорил в этом роде, но, не слыша себе никакого ответа, остановился и спросил: «Для чего никто ни единого слова не проговорит? Изволил бы сказать – кто что думает; хотя и нет ничего говорить, только благодарить той милостивой государыне».

Тут кто-то тихим голосом, вероятно, затрудняясь, произнес: «Не ведаю, удивительно, отчего это государыне пришло на мысль так писать».

На это замечание не последовало от князя ответа. Неизвестно, кто был смельчак, так внезапно обливший холодной водой восторг сторонников свободы. Тогда кн. Дмитрий Михайлович обратился к Ягужинскому, как будто не зная о его проделке, хотя, конечно, хорошо знал о ней, и спросил: «Как вам кажутся кондиции?» Ягужинский замялся. Тогда князь Дмитрий Михайлович попросил его войти в другую комнату, а там фельдмаршал князь Василий Владимирович Долгорукий приказал Ягужинского арестовать и посадить в тюрьму. 10 февраля приехала новая императрица, неотступно провожаемая князем Василием Лукичем. Она остановилась в селе Всесвятском и располагала пробыть там до дня 15 февраля, когда назначен был ее торжественный въезд в Москву. Нужно было только в Москве сделать некоторые приготовления к этому торжеству и вместе с тем похоронить прах покойного императора. Погребение совершилось 11 февраля. Анна Ивановна проживала в селе Всесвятском, во дворце имеретинского царевича Арчила. Верховники уже не могли держать ее в изолированном положении и должны были дозволить посещать государыню сестрам и близким особам. Сам Верховный Тайный совет назначил для торжественной встречи императрицы князя Алексея Михайловича Черкасского и генерал-майора Льва Васильевича Измайлова, а Синод – двух архиереев, новгородского митрополита Феофана и крутицкого – Леонида, да архимандрита Чудова монастыря Арсения.

Э.И. Бирон

Между тем затеи Верховного Тайного совета возбудили толки между шляхетством. В разных домах столицы стали по ночам собираться и толковать о текущих событиях. Возникло недовольство замыслами Верховного Тайного совета. «Это значит, – объясняли тогда, – что верховники станут настоящими властелинами, и вся Россия подпадет под иго временщиков». Иные доходили до такого ожесточения, что говорили: «Нам бы собраться, напасть на них с оружием и перебить их, если не оставят своих умыслов». Другие были сдержаннее и злобу свою против верховников ограничивали мнением, что следует наотрез напомнить им, что не смеют они сами переделывать государство. Такие господа, став противниками Верховного Тайного совета, собственно не все были сторонниками древнего самодержавия, но, главное, их всех мучила досада – зачем это помимо их воли над ними воцаряется какое-то новое прави-

тельство; они говорили, что если власть верховная должна быть разделена и кто-то, кроме государя, будет еще представлять ее, то уж никак не кружок знатных бояр, а все шляхетство в лице своих выборных. Толки стали увеличиваться после того, как 2 февраля подписанные государыней «кондиции» были прочитаны в собрании сената, генералитета и разных высоких чинов. Слушавших было приблизительно более пятисот особ, и все подписали свое согласие, даже сам Феофан Прокопович, который в своем повествовании сообщает, что «тогда все слушавшие содрогнулись». Но вслед за тем стали подавать в Верховный Тайный совет проекты и замечания. Верховный Тайный совет не противился таким заявлениям, напротив, 5 февраля положил пригласить в сенат для совещания из знатных фамилий шляхетство, «которые в рангах и без рангов». Подавались мнения коллективные и отдельных лиц по уполномочию своих согласников. Датский посланник Вестфален, бывший свидетелем тогдашних событий, сообщал в депешах своему правительству, что двери Верховного Тайного совета целую неделю были открыты всем желающим высказаться за или против по поводу предполагавшегося преобразования правления Российской империи. Это право предоставлялось генералам, бригадирам и полковникам, также всем членам сената и государственных коллегий, носившим чин не ниже полковника; подавали также мнения и духовные сановники группами, состоявшими каждая из трех архиереев и трех архимандритов²¹⁴. Проекты, которых насчитано в книге г. Корсакова двенадцать, мы не считаем нужным здесь излагать, так как они не были приняты и могут иметь значение только материалов для истории умственного движения русского общества того времени. Все они были подписаны более чем тысячею ста лицами из шляхетского звания, начиная от потомков Рюрика до «худородного» шляхетства, в недавнее время получившего службой свое шляхетское звание. Все проекты выражали в себе одну общую мысль – вырвать правление из рук нескольких высокородных фамилий и передать шляхетству, или «общенародию», как тогда выражались, признавая полноправным народом только привилегированное сословие. Особенного внимания заслуживает план, или проект, князя Димитрия Михайловича Голицына, но он не сохранился вполне и известен только по депешам представителей иностранных государств. По этому проекту императрице предоставлялась полная власть только над своим двором, на расходы которого она получала бы ежегодно суммы из государственной казны, да над отрядом гвардии, назначенным для охранения ее дворца. Вся политическая власть по внутренним и иностранным делам должна была принадлежать Верховному Тайному совету, составленному из десяти или двенадцати членов, принадлежащих по рождению к знатым фамилиям. Этот Верховный Тайный совет ведал бы вопросами о войне и мире, назначал начальствующих над всеми войсками, определял по своему усмотрению государственного казначея, который обязан был отдавать отчет одному Верховному Тайному совету по всем финансовым делам. Кроме Верховного Тайного совета предполагалось учредить: 1) сенат из тридцати шести членов, обязанность которого будет рассматривать предварительно дела, следующие к окончательному решению в Верховный Тайный совет; 2) шляхетскую палату из двухсот выборных для охранения прав шляхетского сословия, и 3) палату городских представителей для заведования торговыми делами, для соблюдения интересов простого народа и для его защиты от всяких несправедливостей. Вообще прилагалось старание расширить права знатного шляхетства старинных родов, которым нарочно полагали давать преимущество в получении должностей и рангов по службе перед прочим шляхетством. Шляхетство по-прежнему не оставалось сословием герметически замкнутым, и гражданские чиновники могли приобретать шляхетское достоинство, но не иначе, как дослужившись до значительных чинов, а затем приказные люди – только за какие-нибудь особенно важные заслуги, показывавшие верность всему шляхетскому обществу, могли быть причислены к шляхетству; люди же боярские и крестьяне не допускались ни к каким делам, пролагавшим путь к возвышению. План был чисто в

²¹⁴ Корсаков, «Воцарение Анны Ивановны», стр. 135. Депеша Вестфалена.

боярском духе и не мог нравиться всему шляхетству, в среде которого числились и «худородные». Все должны были увидеть в этом проекте намерение сузить благородное сословие только древними родами, а прочих унижить. В самом деле, была только призрачная свобода, на вид предоставляемая этим проектом шляхетству. Недаром князь Димитрий Михайлович прожил много лет в Киеве, близко к Польше и к польскому обществу. В его проекте ощутимо влияние той современной ему Речи Посполитой, где величались свободой и шляхетским равенством и где, однако, в сущности равенства не было: управляли знатные роды, а громады шляхетства состояли из их покорных слуг и исполнителей их затей. Между тем этот проект, составленный князем Димитрием Михайловичем и разделяемый многими, был последним выражением попытки примирить стремление Верховного Тайного совета со стремлениями шляхетства.

В Верховном Тайном совете просматривались поступавшие отовсюду проекты; вся Москва готовилась встречать императрицу, а во Всесвятском стали делаться шаги, подававшие для одних опасение, для других надежду, что подписанные государыней пункты не сделаются незыблемыми узаконениями. Сообразно этим пунктам Анна Ивановна, как мы уже сказали, отнюдь не могла назначать начальствующих в войске лиц, как в гвардии, так и в армии: это право принадлежало Верховному Тайному совету. Вдруг Анна Ивановна 12 февраля объявляет себя полковником Преображенского полка и капитаном кавалергардской роты. И преображенцы, и кавалергарды были этим очень довольны; в публике слышались и ропот, и одобрение. Вообще шляхетство, не сочувствуя изменениям в правлении, исходившим от Верховного Тайного совета, сохраняло в себе качества, усвоенные от прежних поколений. Положение служилых людей в России уже издавна было таково, что каждый более думал об узких интересах своего личного быта, чем о вопросах, касавшихся всего общества. «Лишь бы я был цел, да не дурно мне было, а там – хоть волк траву ешь!» – таков девиз был у российского шляхетства. Если подчас иной в дружеском кругу отваживался рассуждать о расширении общественных прав, то не иначе, как озираясь вокруг себя, и при малейшем признаке опасности съезживался и, как улитка, вползал в свою скорлупу. Русский человек способен легко воспламениться и отважиться на подвиг истинно геройский, требующий почти нечеловеческого терпения, но он мало способен последовательно идти по пути, избранному однажды и одобренному рассудком. В старых наших судебных архивах мы встречаемся с изумительными примерами отваги и терпения лиц, которые часто не за поступки, а за неосторожно произнесенные слова выносили тяжкие муки, но мало видим случаев выносливости и терпения, когда приходилось крепко стоять за давно обдуманый план перемен в общественном строе. И теперь при избрании Анны Ивановны случилось то же явление. Многие из шляхетства с первого раза увлеклись идеей новизны, но когда стали думать об этом, тотчас же стали соображать – что будет согласнее с их ближайшими личными выгодами. Нужен был только умный руководитель, который бы соединил разнovidные, но однородные побуждения и направил их к одной цели по старой дороге. Нашелся такой руководитель. Это был Остерман, притворявшийся болящим, находившийся день и ночь в постели, облепленный пластырями, обвязанный примочками. Он работал неутомимо, внушал лицам, посещавшим его, мысль, что для всего государства и для каждого лица в особенности лучше всего будет возвратиться к прежнему самодержавию. По изысканиям г. Корсакова, Остерману для воздействия на гвардию послужили тогда молодой Антиох Кантемир, сын изгнанного турками молдавского господаря, и граф Федор Андреевич Матвеев, внук знаменитого Артамона Матвеева, боярина, погибшего во время первого стрельцкого бунта. Им откликнулся целый ряд гвардейских офицеров; видное место из них занимали родственники царицы Салтыковы, князья Черкасские (главой всего их рода считался тогда князь Алексей Михайлович, чрезвычайный богач), Степан Апраксин (впоследствии полководец, воевавший против прусского короля Фридриха II), князья Волконские, Иван Михайлович Головин, потомок знатного рода, в молодости заслуживший внимание и милость Петра I, князь Борятинский, полковник Еропкин, приятель Василия Никитича Татищева, и сам Васи-

лий Никитич, составивший себе громкое имя государственными и учеными трудами. Сторонники самодержавия сносились с Анной Ивановной через близких государыне дам. То были сестра императрицы Екатерина Ивановна, герцогиня мекленбургская, княгиня Черкасская, княгиня Трубецкая (урожденная Салтыкова), Ягужинская, Екатерина Ивановна Головкина, Наталья Федоровна Лопухина, находившаяся в сердечных отношениях к Левенвольду. На этот кружок имел влияние новгородский митрополит Феофан Прокопович. Говорят, что он прислал тогда государыне в подарок столовые часы с потайной доской, на которой был начертан план действий в пользу самодержавия. В гвардии с каждым часом возрастало недовольствие против верховников, в особенности против Долгоруких, которых считали главными зачинщиками преднамеренного переворота. Толковали так: Долгорукие взяли верх при покойном государе, и теперь им не хочется потерять своей силы, вот они и выдумывают, чтоб новая царица была государыней только по имени, а вся власть была бы у них в руках. Фельдмаршал князь Василий Владимирович предложил было Преображенскому полку присягнуть государыне и разом с ней Верховному Тайному совету. На это преображенцы закричали, что они ему изломают ноги, если он еще раз осмелится заикнуться об этом. Князь Алексей Григорьевич, нареченный тесть императора Петра II, удаляясь от всеобщего ропота против своего рода, уехал со своим семейством в подмосковную вотчину Горенки. Шляхетство почти все разделяло с гвардейцами ненависть к роду Долгоруких. Говорили, что по смерти императора Петра Второго Долгорукие ограбили дворец, перевезли к себе драгоценную мебель, экипажи и охотничьи принадлежности. Распускали заранее слух, что князя Алексея Григорьевича сошлют в Сибирь, а его сына Ивана, бывшего фаворита, – в Дербент. Эти слухи выражали общее желание гибели Долгоруких и предупреждали их роковую судьбу.

Неизвестный гравер. Вид Никольских Триумфальных ворот с частью Цейхгауза (Арсенала). 1765 г. По рисунку М.И. Махаева 1763 г.

14 февраля во Всесвятском представлялись новой императрице члены Верховного Тайного совета. Анна Ивановна приняла их вежливо, но сухо, и когда Головкин поднес ей орден св. Андрея Первозванного, Анна Ивановна сказала: «Ах, правда, я позабыла его надеть!»

Она приказала надеть на нее этот орден постороннему лицу, а не одному из членов Верховного Тайного совета. Государыня этим хотела показать, что она считает за собой право носить этот знак высшего достоинства по своему рождению, а не по чьей-либо милости, точно так же, как и корону получает по рождению, а не по вине верховников. На следующий день, 15 февраля, она переехала в Москву. Все чины присягали ей на верность в Успенском соборе.

Императрица Анна Ивановна

Вступив в Москву, императрица не сразу избавилась от докучливой опеки верховников. По выражению современника, князь Василий Лукич продолжал еще и здесь стеречь ее, как дракон. Между тем в обществе продолжалось умственное волнение по поводу вопроса – самодержавное или ограниченное правление должно быть в России. До нас дошли характеристические письма сторонников того и другого направления. Вот письмо сторонника свободы бригадира Козлова казанскому губернатору:

«Теперь у нас прямое правление государства стало порядочное, какого нигде не бывало, и ныне уже прямое течение делам будет, и уже больше Бога не надобно просить... чтоб только между главными согласие было. А если будет между ними согласие так, как положено, то, конечно, сего никто опровергнуть не может. Есть некоторые бездельники, которые трудятся и мешают, однако ж ничего не сделают; а больше всех мудрствует со своею партией князь Алек-

сей Михайлович (Черкасский)... однако ж, ничего не успевают. И о государыне так положено, что хотя в малом чем не так будет поступать, как ей определено, то ее, конечно, вышлют назад в Курляндию; и для того – будь она довольна тем, что она государыня российская, полно и того! Ей же определяют на год сто тысяч, и тем ей можно довольной быть, понеже дядя ее император и с теткой довольствовался только шестьюдесятью тысячами в год; да сверх того неповинна она брать себе ничего, разве с позволения Верховного Тайного совета, также деревень никаких, ни денег неповинна давать никому, и не токмо того – ни последней табакерки из государевых сокровищ не может себе взять, не только отдавать кому, а что надобно ей будет, то будут давать ей с расписками. А всего лучше положено, чтоб ей при дворе свойственников своих не держать и других ко двору никого не брать, кроме разве кого ей позволит Верховный Тайный совет; и теперь Салтыковых и духу нет, а впредь никого не допустят. И что она сделана государыней – и то только на малое время помазка по губам».

До иностранных послов доходили толки русских, в то время осуждавших вредоносное для народа мотовство самодержавных лиц, которые самовольно распоряжались народным достоянием и не обращали внимания на вопиющие нужды народа. О Екатерине I говорили, что за ее короткое царствование (два года с небольшим) истрачено семьсот тысяч рублей на венгерское вино и сто шестьдесят тысяч рублей на гданьскую водку, тогда как при неурожае многие тысячи подданных питались сухим хлебом и только им кормили своих детей²¹⁵.

Сторонники самодержавия от той эпохи оставили также письменные памятники, где выражалась тогдашняя их точка зрения. Замечательна записка, ходившая тогда по рукам у шляхетства; автор ее, не подписавший своего имени, неизвестен.

«Слышно здесь, – пишет он, – что делается или уже и сделано, чтобы быть у нас республике... Боже сохрани, чтобы не сделалось вместо одного самодержавного государя десяти самовластных и сильных фамилий; и так мы, шляхетство, совсем пропадем и принуждены будем, горше прежнего, идолопоклонничать и милости у всех искать, да еще и сыскать будет трудно, понеже ныне между главными людьми (родословными), как бы согласно ни было, однако ж впредь, конечно, у них без раздоров не будет, и так один будет миловать, а другие, на того злобствуя, вредить и губить станут. В то время потребно будет расположить обществом или рекрутский набор, или прочий какой сбор для пользы и обороны государства; для того надлежит тогда всякому понести самому на себе для общей пользы некоторую тягость: в том голо-сов сообразить никак невозможно будет, и что надобно будет вперед сделать и расположить в неделю, того в полгода не сделают».

Автор записки вступает в полемику со своими противниками по поводу обязательной службы шляхетства, которую последние не одобряли. «Народ наш, – говорится в записке, – не вовсе честолюбив, но паче ленив и нетрудолюбив, и для того, если некоторого принуждения не будет, то, конечно, и такие, которые в своем доме один ржаной хлеб едят, не похотят получать через свой труд ни чести, ни довольной пищи, кроме, что всяк захочет лежать в своем доме; разве останутся одни холопы и крестьяне наши, которых принуждены будем производить и своей чести надлежащие места отдавать им, и таких на свою шею произведем и насажаем непотребных, от которых самим нам впредь места не будет, и весь воинский порядок у себя, конечно, потеряем; притом же под властью таких командиров, Боже сохрани, так испотворованы будут солдаты, что злее стрельцов будут». По мнению автора записки, можно дозволить выходить в отставку после определенного числа лет службы только таким шляхтичам, у которых «не менее от тридцати до пятидесяти дворов крестьянских»²¹⁶.

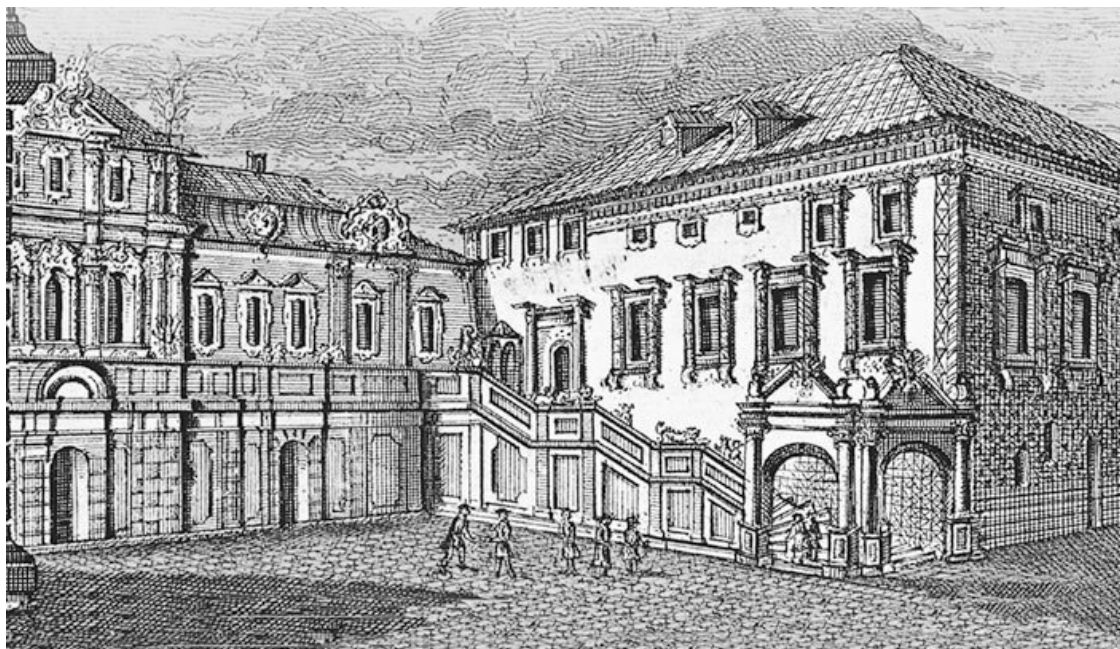
Нам теперь трудно определить, куда в то время клонилось большинство умов шляхетства: к ограничению ли самодержавной власти или к ее удержанию в прежней силе. Собственно

²¹⁵ Корсаков, «Воцарение Анны Ивановны». Приложение 6, стр. 75–76. Делеша Вестфалена.

²¹⁶ Корсаков, «Воцарение Анны Ивановны», стр. 264–265.

за самодержавие ясно и положительно стояли гвардейцы: они были обласканы императрицей и могли надеяться еще большего к себе внимания, после того как послужат ей теперь в трудных обстоятельствах. Все остальное шляхетство, строго говоря, колебалось. Оно собиралось в разных местах Москвы на совещания, и на этих совещаниях не додумались ни до чего более, как только до того, чтобы подать государыне челобитную о дозволении составить из генералитета и шляхетства комиссию для пересмотра условий, предложенных от Верховного Тайного совета государыне. На этом порешили две сходки, собиравшиеся 23 и 24 февраля в двух местах Москвы: одна в доме князя Черкасского на Никитской улице, другая в доме князя Борятинского на Мясницкой. Обе сходки сносились между собой и на вышесказанном взаимно оставались.

Утром 25 февраля явилась во дворец толпа из шляхетства. По одним известиям, число явившихся простиралось до восьмисот человек²¹⁷, по другим – до ста пятидесяти²¹⁸. Во главе их был князь Алексей Михайлович Черкасский. Он подал государыне челобитную; в ней сначала изъяснялась благодарность за высокую милость ко всему государству, выраженную в подписанных ею пунктах, а далее сообщалось, что «в некоторых обстоятельствах тех пунктов находятся сумнительства такие, что большая часть народа состоит в страхе предбудущего беспокойства, хотя они, с благорассудным рассмотрением, написав свои мнения, представляли Верховному Тайному совету, прося безопасную государственного правления форму учредить; однако ж об этом не рассуждено, а от многих и мнений подписанных не принято и объявлено, что без воли императорского величества того учинить невозможно». На этом основании челобитчики просили, «дабы всемилостивейше по поданным от нас и от прочих мнениям соизволили собраться всему генералитету, офицерам и шляхетству по одному или по два из фамилий: рассмотреть и все обстоятельства исследовать, согласным мнением по большим голосам форму правления сочинить и вашему величеству к утверждению представить». Эта челобитная была подписана восьмьюдесятью семью лицами. В конце ее было оговорено так: «Хотя к сему прошению не многие подписались, понеже собою собраться для подписи опасны, а согласуют большая часть, чему свидетельствуют подписанные от многих мнения, о которых выше показано было, что иные еще не приняты».

²¹⁷ Лефорг. Депеша 13 марта, в «Сборнике Русского Исторического Общества», т. V.

²¹⁸ Корсаков, «Воцарение Анны Ивановны». Приложение 13, стр. 82–83, депеша Вестфалена.

И.С. Стрижов. Красное крыльцо и Грановитая палата. 1766 г. По рисунку М.И. Махаева 1763 г.

Когда эта челобитная была подана²¹⁹, в зале произошло волнение. Гвардейские офицеры стали громко кричать о восстановлении самодержавия; со стороны шляхетства послышались возражения. Князь Черкасский по прочтении челобитной произнес краткую, приличную случаю, речь.

Тогда Василий Лукич приглашал собрание успокоиться и, обратившись к князю Черкасскому, спросил:

– Кто позволил вам, князь, присвоить себе право законодателя? Князь Черкасский отвечал:

– Вы вовлекли государыню в обман; вы уверили ее величество, что кондиции, подписанные ею в Митаве, составлены с согласия всех чинов государства. Это неправда. Они составлены без нашего ведома и участия.

Князь Василий Лукич стал советовать Анне Ивановне удалиться в другой покой и там на досуге обсудить шляхетскую челобитную. Анна Ивановна уже было согласилась. Но тут подошла к ней ее сестра Екатерина Ивановна, держа чернильницу с пером, и сказала:

– Нет, государыня, нечего теперь рассуждать! Вот перо – извольте подписать!

Императрица на челобитной подписала: «Учинить по сему»²²⁰. Потом, возвратив князю Черкасскому челобитную, она поручила шляхетству обсудить предмет своего прошения немедленно и в тот же день сообщить ей результат своих совещаний.

В это время расходившиеся гвардейцы стали кричать: «Мы не дозволим, чтобы государыне предписывались законы. Она должна быть такою же самодержавною, как были ее предки!»

Государыня, стараясь укротить волнение, стала даже грозить, но гвардейцы не переставали волноваться, кланялись в ноги императрице и вопили: «Государыня! Мы верные рабы вашего величества. Мы служили верно вашим предшественникам и теперь готовы пожертвовать жизнью, служа вашему величеству. Мы не потерпим ваших злодеев. Повелите только – и мы к вашим ногам сложим их головы!»

Анна Ивановна, оглядываясь кругом себя, произнесла:

– Я здесь не безопасна. – Потом, обратясь к капитану Преображенского полка, она сказала: – Повинуйтесь генералу Салтыкову, ему одному только повинуйтесь!

До сих пор начальствовал над гвардией фельдмаршал кн. Василий Владимирович Долгорукий; назначение Салтыкова было отрешением князя Долгорукого²²¹.

Шляхетство сообразно повелению императрицы удалилось в другую комнату для совещания, Анна Ивановна отправилась обедать с членами Верховного Тайного совета.

---

²¹⁹ По другому известию, чтение челобитной должен был исполнить кн. Трубецкой, но так как он заикался, то исполнил это вместо него Татищев (Pierre Dolgorouki: Memoires, I, 325).

²²⁰ Tourgueneff, «La Russie et les russes», III, 278. Дешеша Маньяна.

²²¹ Корсаков, «Воцар. Ан. Ив.», 273–274. – «La cour de la Russie il a y cent ans», 36.

Шеле. Императрица Анна Иоанновна разрывает акт ограничения самодержавия в 1730 г.

Совещалось шляхетство недолго. Не время было совещаться, да уж и не было о чем. Весь дворец наполнен был гвардейцами, которые продолжали кричать, шуметь и провозглашали Анну Ивановну самодержавной государыней, а всем противникам самодержавия грозили, что всех их повыбрасывают за окна. Слишком явно было, что собрание, которому поручили совещаться как будто свободно о своих делах, находится под стражей. Оно напоминало собой басню, в которой кот пойманного соловья убеждает запеть и показать свое искусство. В четвертом часу пополудни шляхетство, окончив свое дело, вошло снова в аудиенц-зал. Императрица, окончив обед, вошла туда; за ней вошли обедавшие с нею верховники. Князь Никита Трубецкой подал ей новую челобитную: на этот раз она была подписана ста шестьюдесятью шестью лицами. Прочел ее кн. Антиох Кантемир, ее составитель, так как на сходке, происходившей у князя Черкасского, сторонники самодержавия ему поручили составить ее. И эта челобитная, как и прежняя, начиналась благодарностью императрице за подписание кондиций, поданных Верховным Тайным советом, но потом она гласила так: «Усердие верных подданных побуждает нас по возможности не показаться неблагодарными; для того в знак нашего благодарства всеподданнейше приносим и всепокорно просим всемилостивейше принять самодержавство таково, каково ваши славные и достохвальные предки имели, а присланные к вашему импера-

торскому величеству от Верховного Тайного совета пункты и подписанные вашего величества рукою уничтожить». Затем далее в челобитной излагалась просьба о восстановлении сената в том значении, какое дал ему основатель Петр Великий, дополнив число сенаторов двадцать одной особой, а на будущее время в звание сенаторов, губернаторов и президентов коллегий должно определять по баллотировке от шляхетства. В заключение в челобитной говорилось: «Мы напоследок, вашего императорского величества всепокорнейшие рабы, надеемся, что в благорассудном правлении государства, в правосудии и облегчении податей по природному вашему величеству благоутробию презрены не будем, но во всяком благополучии и довольстве тихо и безопасно житие свое препровождать имеем. Вашего императорского величества все-нижайшие рабы...»

Выслушав эту челобитную, государыня произнесла такие слова:

– Мое постоянное желание было управлять моими подданными мирно и справедливо, но я подписала пункты и должна знать: согласны ли члены Верховного Тайного совета, чтобы я приняла то, что теперь предлагается народом?

Члены Верховного Тайного совета молча склонили головы и тем выразили свое согласие²²².

«Счастье их, – замечает современник, – что они тогда не двинулись с места; если б они показали хоть малейшее неодобрение приговору шляхетства, гвардейцы побросали бы их за окно»²²³.

– Стало быть, – продолжала императрица, – пункты, поднесенные мне в Митаве, были составлены не по желанию народа!

– Нет! – крикнуло несколько голосов.

– Стало быть, ты меня обманул, князь Василий Лукич? – сказала государыня, обратившись к стоявшему близ нее князю²²⁴.

Затем императрица приказала одному из правителей дел Верховного Тайного совета, Маслову, доставить ей подписанные ею в Митаве кондиции и письмо, писанное ею к Верховному Тайному совету. По приказанию, переданному Масловым от имени императрицы, граф Головкин, который как великий канцлер хранил важные государственные документы, принес государыне требуемое. Императрица в присутствии всего шляхетства изодрала оба документа и объявила, что желает быть истинной матерью отечества и доставить своим подданным всевозможные милости²²⁵.

Шляхетство вереницей подходило целовать руку государыни. Члены Верховного Тайного совета должны были, скрепя сердце, делать то же, хотя событие дня их всех как громом ошеломило²²⁶.

Наконец Анна Ивановна дала приказание немедленно освободить Ягужинского и пригласить его во дворец.

Ягужинский явился. Императрица приказала фельдмаршалу князю Василию Владимировичу Долгорукому встретить его с почетом у дверей; потом, при полном собрании шляхетства, возвратила ему шпагу и орден св. Андрея Первозванного. Вдобавок императрица публично объявила ему похвалу за верность и защиту самодержавных прав царских²²⁷.

Обрадованный Ягужинский преклонил колена. Государыня нарекла его генерал-прокурором восстанавливаемого сената²²⁸.

²²² Корсаков, «Воцарение Анны Ивановны», стр. 276. Деша Мардефельда.

²²³ «La cour de la Russie il y a cent ans», 37. Деша Маньяна.

²²⁴ Протоколы Верховного Тайного совета. «Чтения Моск. Общ. Истор. и Др.», 1858 г., № 3.

²²⁵ Корсаков, «Воцар. Ан. Ив.», стр. 277.

²²⁶ «La cour de la Russie il a y cent ans», 39.

²²⁷ Ibidem, 40.

²²⁸ Корсаков, «Воцар. Ан. Ив.», стр. 277.

Вечером того же дня стало видно на небе северное сияние. Не чуждый суеверий народ пустился по этому поводу в толки о предзнаменованиях. Впоследствии, когда в царствование Анны Ивановны совершилось немало жестокостей, которые русские главным образом приписывали – справедливо и несправедливо – ее любимцу Бирону, вспоминали об этом небесном явлении, происходившем в день, когда императрица приняла самодержавное правление, и говорили: «Недаром тогда весь край неба казался залитым кровью: много крови пролилось в царствование, начавшееся в этот день». В этот же самый день Анна Ивановна дала повеление доставить к ней любимца Бирона, хотя при подписании условий Верховный Тайный совет вынудил у нее обязательство не приглашать в Россию этого человека²²⁹.

В тот же вечер князь Димитрий Михайлович Голицын в кругу своих приятелей произнес такие знаменательные и пророческие слова:

«Пир был готов, но гости стали недостойны пира! Я знаю, что стану жертвою неудачи этого дела. Так и быть! Пострадаю за отечество. Я уже и по летам близок к концу жизни. Но те, которые заставляют меня плакать, будут проливать слезы долее, чем я»²³⁰.

---

²²⁹ «Записки Манштейна», 333.

²³⁰ Ibidem.

III. Анна Ивановна в домашней жизни

Характер государыни. – Забавы. – Куртаги. – Шуты. – Ледяной дом. – Переписка Анны Ивановны.

Со дня объявления самодержавия начинается царствование Анны Ивановны. Возведенная на степень такого могущества, какого никогда себе не ожидала, она оказалась вовсе не подготовленной ни обстоятельствами, ни воспитанием к своему великому поприщу. На престоле она представляла собой образец русской барыни старинного покроя, каких в то время можно было встречать повсюду на Руси. Ленивая, неряшливая, с неповоротливым умом и вместе с тем надменная, чванная, злобная, не прощающая другим ни малейшего шага, который почему-либо ей был противен, – Анна Ивановна не развила в себе ни способности, ни привычки заниматься делом и особенно мыслить, что было так необходимо в ее сане. Однообразие ее повседневной жизни нарушали только забавы, которые вымышляли прислужники, но забавы те были такого рода, что не требовали ни большой изобретательности, ни изящества. Анна Ивановна любила лошадей и верховую езду, заимствовав эту склонность от своего любимца Бирона, который издавна был большой охотник до лошадей. Ей нравилось также забавляться стрельбой, и это делалось внутри дворца, из окон которого она часто стреляла птиц. Ей привозили также во дворец зверей и птиц для примерной охоты. Газеты того времени сообщали публике об охотничьих подвигах ее величества во дворце: то она убила дикую свинью, то – оленя, то – медведя или волка, то такую или иную птицу. Для того, чтобы для царской потехи не оказалось недостатка в животных, запрещалось подданным на расстоянии ста верст от столицы охотиться за всякой дичью, даже за зайцами и куропатками, под страхом жестокого наказания. Анна Ивановна любила наряды и, следуя вкусу Бирона, предпочитала яркие краски, так что никто не смел являться во дворец в черном платье. Сама государыня в будни одевалась в длинное, широкое одеяние небесно-голубого или зеленого цвета, а голова у нее была повязана красным платком таким способом, каким обычно повязывались мещанки. По воскресеньям и четвергам во дворце отправлялись так называемые куртаги, куда съезжались вельможи, разодетые в цветные одежды, танцевать или играть в карты и в другие игры и где каждый должен был корчить улыбающуюся и довольную собой физиономию. Иногда давались спектакли, играли немецкие и итальянские пьесы, и в 1736 году императрица ввела первый раз в России итальянскую оперу. Но более всего она любила шутов и шутих. В числе придворных привилегированных шутов государыни известны Балакирев, исполнявший эту обязанность еще при Петре Великом, португальский жид Лякоста и итальянец Педрилло, прибывший в Россию в качестве скрипача и нашедший для себя выгодным занять должность царского шута. Кроме этих специальных царских шутов были еще трое шутов, принадлежавших к аристократическим родам: князь Михаил Алексеевич Голицын, князь Никита Федорович Волконский и Алексей Петрович Апраксин. Волконского императрица обратила в шуты по давнишней злобе к жене его Аграфене Петровне, дочери Петра Бестужева. Князь Михаил Алексеевич Голицын за границей женился на итальянке и принял римско-католическую веру: за это после его возвращения в Россию императрица приказала разрушить его брак, а его самого заставила исполнять должность шута в ее дворце. В последний год своего царствования Анна Ивановна женила его на калмычке Анне Бужениновой, одной из своих шутих, женщине очень некрасивой, а свадьбу приказала устроить в нарочно выстроенном на Неве ледяном доме, где стены, двери, окна, вся внутренняя мебель и посуда были сделаны из льда. В таком-то ледяном доме отправлялся свадебный праздник, горело множество свечей в ледяных подсвечниках, и брачное ложе для новобрачных было устроено на ледяной кровати. На этот праздник выписаны были участники из разных краев России: из Москвы и ее окрестностей доставили деревенских женщин и парней, умеющих плясать; из Восточной России повелено было прислать инородцев по три пары

мужского и женского пола – татар, черемис, мордвы и чувашей – «с тем, чтобы они были собою не гнусны и одеты в свою национальную одежду, со своим оружием и со своей национальной музыкой».

А.П. Рябушкин. Императрица Анна Иоанновна в Петергофском зверинце на охоте; при ней герцог Бирон и обер-егермейстер А.П. Вольнский

Алексей Петрович Апраксин был зять Михаила Голицына и под влиянием своего тестя так же, как и он, принял римско-католическую веру: в наказание за этот поступок императрица и его обратила в шуты.

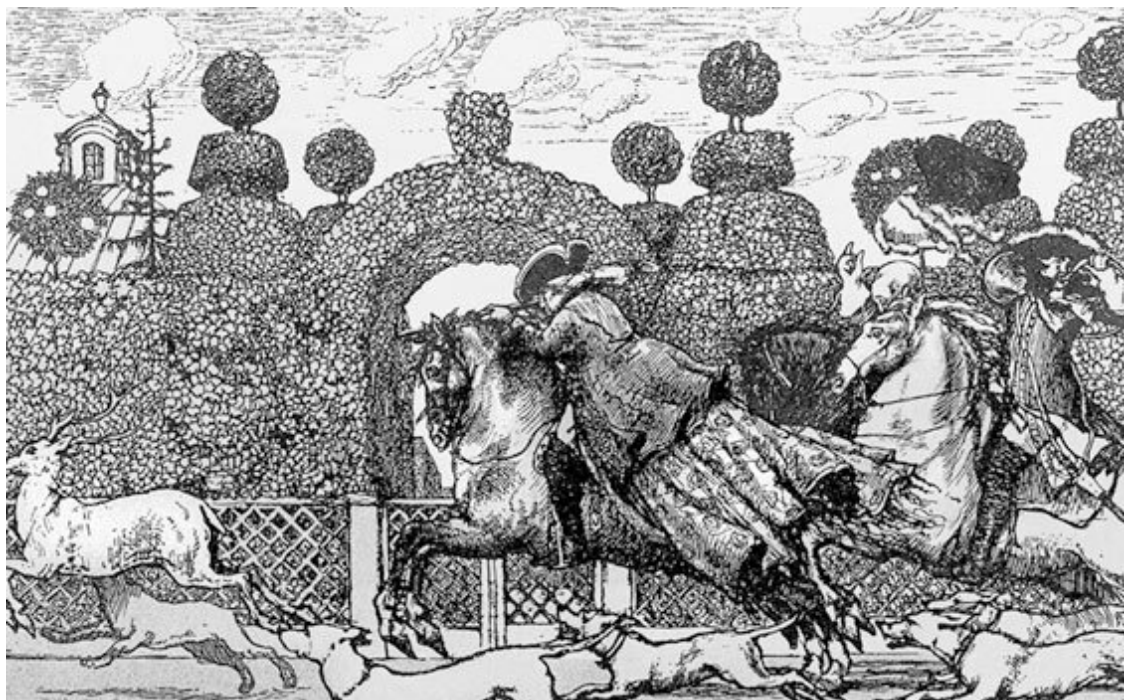
Все три сиятельных шута каждое воскресенье забавляли ее величество: когда государыня в одиннадцать часов шла из церкви, они перед ней представляли из себя кур-наседок и кудахтали. Иногда государыня приказывала им барахтаться между собой, садиться один на другого верхом и бить кулаками друг друга до крови, а сама со своим любимцем Бироном потешалась таким зрелищем. Обычно стрельбищные и шутоломные забавы происходили перед обедом; после обеда императрица ложилась отдыхать, а встав, собирала своих фрейлин и заставляла их петь песни, произнося повелительным голосом: «Ну, девки, пойте!» А если какая из них не умела угодить своей государыне, за то получала от нее пощечину.

Осталась довольно обширная переписка Анны Ивановны с разными лицами, преимущественно с ее родственником Семеном Андреевичем Салтыковым, который после переезда двора из Москвы в Петербург остался в Москве генерал-губернатором и начальником Тайной канцелярии. Переписка эта превосходно выказывает личность государыни. Выше было замечено, что Анна Ивановна представляла собой образчик русской барыни-помещицы старого времени. Одной из черт такого рода была склонность государыни к сплетням. Это много раз видно в ее письмах. Вот несколько писем к Семену Андреевичу, касающихся вмешательства в чужие семейные дела: «...Отпиши – женился ли камергер Юсупов; здесь слышно, что у них расходится и будто у него невест много было, об этом я тебе пишу тайно, чтоб он не знал». Или: «Когда ты сие письмо получишь, то чтоб тайно было и никому не сказывай, только мне отпиши – когда свадьба Белозерского была, и где, и как отправлялась, и княгиня Мария Федоровна Куракина как их принимала, весела ли была? обо всем о том отпиши». Или: «Января 24 1734 года... По приложенной при сем записке вели сыскать Давыдову невесту и пришли ее сюда одну по почте с солдатом, а родни ее никого не посылай, и матери ее также с нею не посылай, а как ее одну по почте с солдатом сюда привезут, то тому солдату, который с нею поедет, приказать, чтобы он ее прежде привез к моему секретарю Полубояринову, где бывала старая полиция, а сам бы явился ему, чтоб Давыдов не ведал, куда ему не скажут. Что ей надобно, то вели все взять, только отправь ее в один день, чтоб она не могла Давыдову никакой вести дать, а в дороге вели везти бережно без всякого страху». Императрицу занимала семейная распря супругов Щербатовых, и по этому поводу она писала тому же Салтыкову: «...Осведомись, возьмет ли князь Федор Щербатов свою жену с собою добровольно; ежели он взять ее не похочет, то ты объяви ему, чтоб он без отговорок ее взял». В другом письме к тому же Салтыкову государыня уполномочивает его проведать о поведении жены своего шута Апраксина: «...Осведомись, как можно тайно, о жене Алексея Петровича Апраксина: смиренно ли она живет; а здесь слух носится, что будто она пьет и князь Алексей Долгорукий непрестанно у нее; только бы никто, кроме тебя и того, кому осведомиться прикажешь, не ведал, а как осведомишься подлинно, о том к нам отпиши».

Анна Ивановна собирала вокруг себя всякого рода болтушек, забавниц, которые потешали ее. Этот женский персонал служил дополнением к мужскому персоналу шутов. В переписке императрицы есть несколько писем, относящихся к этому предмету. Вот императрица пишет Семену Андреевичу Салтыкову: «...Живет в Москве у вдовы Загряжской Авдотьи Ивановны княжна Пелагея Афанасьевна Вяземская девка, и ты прежде спроси о ней у Степана Грекова, а потом ее сыщи и отправь сюда ко мне, так, чтоб она не испужалась, то объяви ей, что я ее беру из милости, и в дороге вели ее беречь. А я ее беру для своей забавы: как сказывают, она много говорит. Только ты ей того не объявляй. Да здесь, играючи, женила я князя Никиту Волконского на Голицыной и при сем прилагается письмо его к человеку его, в котором написано, что он женился вправду; ты оное сошли к нему в дом стороною, чтоб тот человек не дознался, а о том ему ничего сказывать не вели, а отдать так, что будто прямо от него писано». Другой особе Анна Ивановна поручала найти для себя забавницу в Переяславе: «Авдотья Ивановна! Поищи в Переяславе у бедных дворянских девок или из посадских, которые бы похожи были на Новокшенову; хотя, как мы чаем, уже скоро умрет, то чтоб годны были ей на перемену.

Ты знаешь наш нрав, что мы таких жалуем, которые были бы лет по сороку и так же говорливы, как та Новокщенова, или как были княгини Настасия и Анисья, и буде сыщешь хоть девки четыре, то прежде о них отпиши к нам и опиши, в чем они на них походить будут».

А вот чрезвычайно интересное и оригинальное поручение в письме императрицы к Семену Андреевичу Салтыкову от 10 октября 1734 года: «Прилагается шелковинка, которую пошли в Персию к Левашову, чтобы он по ней из тамошнего народа из персиянок, или грузинок, или лезгинок сыскал мне двух девочек таких ростом, как она есть, только б были чисты, хороши и не глупы, а как сыщешь, вели прислать к себе в Москву».

А.Н. Бенца. Императрица Анна Иоанновна верхом преследует оленя в сопровождении свиты в Петергофском зверинце

Тому же Семену Андреевичу Салтыкову Анна Ивановна поручала приобретать в Москве разные предметы нарядов и пр., например: «Объярей старинных у купцов поищи, которые, чаю вы помните, что бывали крепкие, а не такие, как ныне, а также чернобурых лисиц и позументов». Она также поручала узнавать, где есть персидские лошади, и приказывала отбирать их у владельцев с обещанием уплаты. Узнав, что у Василия Аврамовича Лопухина есть гусли, императрица поручает Семену Андреевичу взять их и доставить ей в Петербург... «и ты их возьми, и буде можно, ныне сюда пришли, увязав хорошенько, чтоб не разбились, а буде их довести ныне немочно, то по первому зимнему пути пришли».

В числе собственноручных писаний Анны Ивановны остались записки относительно мытья белья. Заметна старинная боязнь порчи через белье, входившая в круг старинных московских суеверий. Императрица стала недовольна, узнавши, что у кастелянши прачки в тех же посудах, где «моют наши и принцессы сорочки и прочее белье, – и других посторонних лиц белье моют». Государыня порицает за это кастеляншу и на будущее время дает такое правило: «...Для мытья нашего и принцессина белья иметь особливую палату и держать ее всегда под замком, и отмыкать только тогда, когда мытье будет, и для того мытья иметь особливых прачек, человек семь или сколько будет потребно, и смотреть, чтоб те прачки ни на придворных, ни на посторонних, ни на кого отнюдь ничего не мыли, также в упомянутых судах ни вместе, ни после нашего белья ничьих не мыли, и во время мытья в ту палату никого не пуцали, кому тут

дела не будет, чего накрепко смотреть и исправлять по сему, только в тех судах нашего белья мыть рубашки матери безножки».

Масса таких писем рисует нам госпожу, всем сердцем и душой погруженную в узкий мирок своего домашнего угла. Никак нельзя подумать, что этим всем так прилежно, так сердечно занимается властительница огромнейшей империи. Много пошлости найдется в письмах Анны Ивановны, но иногда просвечивает в них и природное остроумие. Вот, для примера, письмо к казанскому архиерею: «Письмо ваше из Казани мы получили, в котором пишешь, что ты приехал туда в самый Благовещеньев день, и даешь знать, что то есть марта 25 числа. За то мы благодарствуем, что научили нас здесь в Петербурге знать, в котором числе оный день бывает, а мы до сих пор еще не знали, однако уповали, что как в Казани, так и здесь в одно время прилучается. Впрочем, пребываем к вам в нашей милости».

Это письмо перепугало казанского архиерея. И было отчего. Страшно было навлечь на себя не только немилость, но даже одно невнимание высочайшей особы. Судьба киевского митрополита Ванатовича, упустившего отслужить молебен в царский день и за то протомившегося в заточении все царствование Анны Ивановны, судьба духовных сановников Георгия Дашкова, Юрлова и других, пострадавших по злобе Феофана Прокоповича, пользовавшегося при дворе милостью, достаточно показывают, что сан архиерейский не слишком служил защитой от царской опалы в царствование Анны Ивановны. Но теперь по отношению к казанскому архиерею государыня показала доброту и снисходительность; узнав, что ее письмо произвело на архиерея тревожное впечатление, она писала Салтыкову: «Из приложенного при сем письма казанского архиерея можете усмотреть, что он очень печалится. Того ради отпишите к нему от меня, что я тогда к нему нарочно писала без всякого гнева и чтобы он больше не сумлевался. Обнадежьте его нашею милостью и, написав письмо, пришлите к нам, которое мы, подписав, велим послать к нему по почте».

IV. Ход государственной жизни при Анне Ивановне

Государственное управление. – Кабинет министров. – Сенат. – Тайная канцелярия. – Ушаков. – Тайная контора в Москве. – Салтыков. – Дело Долгоруких. – Дело смоленского губернатора князя Александра Черкасского. – Дело кабинет-министра Вольнского. – Характер дел, производившихся в Тайной канцелярии над лицами, менее знатными.

При большом количестве писем Анны Ивановны чрезвычайно мало таких, содержание которых относилось бы к важным предметам. Судя по оставшейся переписке этой государыни, приходится признать справедливость приговора современников, что она проводила время в пустых забавах и вовсе не занималась делами. Верховное управление государством предоставлено было Кабинету министров, состоявшему из четырех главных руководителей: канцлера графа Головкина, князя Алексея Черкасского, барона Андрея Ивановича Остермана и графа Миниха.

Из них мы можем яснее определить деятельность только последнего – во-первых, потому, что он был талантливее других, во-вторых, потому, что он заведовал военной частью и был вместе главнокомандующим российских военных сил, а такого рода деятельность представляется сама собой выпуклее всякой другой. О прочих кабинет-министрах трудно указать, какие законоположения и распоряжения исходили от того или от другого: все издавалось от имени императрицы, но точно так же, как если бы вместо нее сидел на престоле младенец. Все, что происходит в области государственной внутренней и внешней политики, везде представляется исходящим от царствующей особы, и часто настоящие заправщики дел ускользают от наблюдения истории.

Тотчас по вступлении Анны Ивановны на престол с самодержавной властью был уничтожен Верховный Тайный совет и восстановлен сенат в том значении, в каком учредил его Петр Первый. Он разделился теперь на пять департаментов: 1) духовных дел, соприкасающихся с мирскими, 2) военных сухопутных и морских сил, 3) доходов и расходов, 4) юстиции и 5) мануфактур и торговли. Сенат был верховным местом над всеми коллегиями и канцеляриями и посылал инструкции должностным лицам. Восстановлены должности генерал-прокурора и обер-прокуроров, хотя не упраздненные, но позабытые после Петра Первого. В Москве учреждены приказы Судный и Сыскной – последний для уголовных дел, которых накопилось нерешенными тысяч до двадцати. Вместо уничтоженного при Петре Втором Преображенского приказа в марте 1730 года учреждена была Тайных розыскных дел канцелярия, отданная под управление генерала Андрея Ивановича Ушакова, который своей суровостью приобрел такую же славу, как и Ромодановский. Впрочем, в законодательстве Анны Ивановны являются правила, свидетельствующие о сравнительно большей внимательности к судьбе несчастных жертв доносов; так, при Петре I доносчик отвечал жизнью только за такой донос, который был затеян ложно по злобе, а при Анне Ивановне – за всякий донос, если он оказывался ложным, по какому бы побуждению он ни возникал; таким образом, здесь как будто видно желание уменьшить доносничество. Но это была мера только кажущаяся: в том же указе, где говорится о каре за лживые доносы, угрожают смертной казнью всякому, кто, услышав слова, произнесенные неуважительно о царской особе, не донесет о них. Притом способы допросов, производившихся секретно с неизбежными пытками, зависели от произвола судей.

Нам осталось несколько дел, производившихся в Тайной канцелярии над важными государственными лицами. Как только государыня укрепилась в самодержавии, опала от нее прежде всех и паче всех постигла род Долгоруких и отчасти Голицыных: то было мщение за попытку ограничить самодержавие. Долгоруких преследовали с какой-то утонченной злобой, сначала как будто при наказании показывая и снисхождение, а потом постепенно увеличивая над ними жестокость кары. 8 апреля 1730 года постиг этот род первый удар, по сравне-

нию с последующими еще незначительный; фельдмаршалов Василия и Михаила Владимировичей предназначали удалить губернаторами, первого в Сибирь, второго в Астрахань, князя Ивана Григорьевича – воеводой в Вологду, Алексею же Григорьевичу и его брату Сергею со всеми членами их семейств повелевалось безвыездно жить в своих родовых имениях. Но через несколько дней, 14 апреля, последовал иной указ: в нем князя Алексея Григорьевича с сыном Иваном и с братьями обвиняли в том, что они «покойного государя Петра Второго под предлогом забав и увеселений отлучали от честного и доброго обхождения и привели на сговор супружества с дочерью Алексея Григорьевича, княжной Екатериной, мало заботились о здоровье молодого государя, сверх того, скарб царский в дорогих вещах ценой в несколько сот тысяч себе забрали». Хотя за это их признавали «подлежащими жестокому истязанию», но государыня, милуя их, наказывает их так: князьям Алексею и Сергею Григорьевичам повелевает с женами и с детьми жить безвыездно в дальних деревнях, их братьев Ивана и Александра – определить в отдаленные города воеводами. У всех у них повелено отобрать чины и кавалерии. О князе Василии Лукиче в царском указе сказано: «За многие к нам самой и государству нашему бессовестные противные поступки, за то, что дерзнул нас весьма вымышленными и от себя самого составными делами безбожно облыгать, лишить чинов и орденов, сослать в дальнюю его деревню и там жить ему безвыездно за крепким караулом». Это был второй шаг. В исходе лета того же 1730 года последовал третий шаг: князя Алексея Григорьевича с детьми повелено сослать в Березов, князя Василия Лукича – в Соловки, князя Сергея Григорьевича – в Ораниенбург вместе с его матерью, а князя Ивана Григорьевича – в Пустозерск.

Фельдмаршала Василия Владимировича, который не вступил в предполагавшуюся для него губернаторскую должность, тогда не тронули и оставили при его прежнем сане, только государыня при каждом удобном случае показывала к нему свое невнимание, а в конце 1731 года обнародован был указ, который от имени императрицы сообщал во всеобщее сведение, что «фельдмаршал Василий Долгорукий дерзнул не токмо наши полезные государству учреждения непристойным образом толковать, но и собственную нашу императорскую персону поносительными словами оскорблять». Собранными на тот конец министрами и генералами он был осужден на смертную казнь вместе с гвардии капитаном князем Юрием Долгоруким, прапорщиком князем Алексеем Борятинским и Егором Столетовым, которые все «явились в некоторых жестоких государственных преступлениях». Государыня смягчила такой приговор: фельдмаршала Долгорукого она повелела заточить в Шлиссельбургскую крепость, а прочих – сослать «вечно» в каторжную работу. Велено при этом лишить их всех чинов, орденов и всего движимого имущества. Фельдмаршал был потом перемещен из Шлиссельбурга в другое место заточения – в Иван-город, а из сосланных в то время в Сибирь – Столетов – по доносу, был снова привлечен в Тайную канцелярию, обвинен в произнесении непристойных слов против высочайшей особы, пытан и обезглавлен.

Бурхард Христофор Миних

Бывший сотоварищ Долгоруких по замыслу об ограничении самодержавия князь Дмитрий Михайлович Голицын был долго щадим, считался в звании сенатора, но редко посещал сенат и проживал постоянно в своем подмосковном имении в селе Архангельском, где у него была многотомная библиотека. Но наверху у государыни не забыли его дел, совершенных при вступлении на престол Анны Ивановны. Несколько лет его не трогали, а в 1736 году придрались по поводу его прикосновенности к тяжбе, которая велась между его зятем, князем Кантемиром, и родственниками последнего об имении. Князю Дмитрию Михайловичу поставили в вину, что он отговаривался болезнью, не хотя императрице и государству служить, уклонялся от возлагаемых на него поручений и настроил чиновника Перова, чтоб он, получая из казны жалованье, занимался не делами службы, а делом его зятя Кантемира, а когда Перов сказал ему: «Надобно по совести рассуждать», – князь Дмитрий Михайлович на это ответил: «Совесь подлежит суду Божескому, а не человеческому»; когда же князя Дмитрия Голицына призвали в высший суд, он там произнес такое выражение: «Если б сатана из ада говорил мне что-нибудь полезное, я бы и его послушал!» Все такие выражения признаны выходками, противными Богу и государыне. Князя Дмитрия Михайловича отправили в Шлиссельбургскую крепость для содержания там за крепким караулом. Это произошло в начале 1737 года, а в апреле 1738 года он скончался в заточении.

Казалось, участь тех Долгоруких, которым для житья был назначен Березов, была окончательно решена. Помучив постепенным усилением кары, их, наконец, сослали в ледяные пустыни, где они должны были истаять, забытые всем миром – и друзьями, и врагами. Вышло не так.

Их повезли в Березов в июле 1730 года. Позволили им взять с собой пятнадцать человек прислуги. Капитан Максимов с отрядом солдат в 24 человека провожал их до Тобольска. Вдруг на дороге догоняет их посланный вслед за ними прапорщик Любовников для описи их пожитков. Оказалось, что князь Алексей Григорьевич взял с собой три образа в золотых окладах, два золотых креста с алмазами и золотую чашу, подаренную его отцу в Польше. Бывшая невеста Петра II везла с собой много разных драгоценностей и новых платьев, сделанных в ожидании свадьбы. У всех Долгоруких был запас дореформенного платья старинного покроя, так как в домашнем быту бояре еще продолжали в нем ходить, хотя официально одевались в иноземную одежду, введенную Петром I. Все это отобрали. Из Тобольска сосланных Долгоруких доставил в Березов капитан Шарыгин с двадцатью четырьмя солдатами. В Березове сосланных поместили на житье в остроге и выпускали их только в церковь. Ради унижения их обяжали есть деревянными ложками и пить из оловянных стаканов, как бы простолюдинов. Князя Долгорукие с первых дней поселения своего в Березове жили между собой несогласно. Князь Алексей Григорьевич упрекал сына Ивана, зачем он не дал Петру Второму подписать духовную. «Разрушенная» (как называли ее) невеста царская, гордая и надменная, никак не могла снести судьбы своей, капризничала и производила смуту между своей родней. Привезший Долгоруких в Березов капитан Шарыгин уже послал на них донос об утайке пожитков против описи, но последствием такого доноса на первый раз был только царский указ о том, чтобы Долгорукие вели себя смиренно и непристойных слов никаких не произносили.

Жена Алексея Григорьевича жила в ссылке недолго, в ноябре 1730 года ее не стало. Князь Алексей Григорьевич скончался в 1734 году, и его сын Иван, бывший фаворит Петра II, остался главой семьи. Супруга Ивана, обрученная с ним еще во дни его величия, Наталия Борисовна, урожденная Шереметева, дочь знаменитого фельдмаршала Петровских времен, уже после опалы жениха своего сдержала данное прежде слово, обвенчалась с ним и последовала в ссылку, несмотря на недовольство всей своей родни и, между прочим, своего брата Петра, который при своем огромном богатстве показывал мало участия к несчастной сестре. Женщина эта была нравственно выше своего супруга, который во время своего величия вел рассеянный и даже безнравственный образ жизни, и хотя на время был приведен в чувство бедствиями всего своего рода, но, будучи в ссылке, скоро снова показал прежнюю ничтожность души. Спознавшись с окружавшей его средой, он заводил приятельские беседы с офицерами местного гарнизона, с местными священниками и обывателями и от скуки вместе с ними пьянствовал, а этому пороку он и прежде был причастен. Он особенно подружился с флотским поручиком Овцыным, постоянно становился с ним рядом в церкви и ходил вместе с ним в баню. Молва сделала Овцына любовником бывшей царской невесты. Майор Петров в качестве пристава при Долгоруких вместо строгого надзирательства над ссылкой стал приятелем князя Ивана Алексеевича. Березовский воевода Бобровский сблизился с Долгорукими, из участия к их печальной судьбе посылал им от себя съестное и дарил песцовыми мехами, а Наталия Борисовна подарила ему сукна на одежду и золотые часы. Все это само по себе было бы безвредно, но Иван Алексеевич под влиянием вина не умел сдерживать языка своего и в кругу своих березовских знакомых рассказывал о разных придворных событиях. Замечательно, что хотя вообще принято полагать, будто Бирон преследовал Долгоруких, но Иван Алексеевич, жалуясь, что Анна Ивановна погубила весь род их, никаким намеком не обвинил в этом Бирона. Напротив, он в числе своих врагов указывал на цесаревну Елисавету, которая впоследствии, заняв престол, восстановила падшую знатность рода Долгоруких. Между тем, находясь в ссылке в Березове, Иван Алексеевич приписывал свое несчастье, между прочим,

наговорам на него Елисаветы, которая будто бы мстила ему за то, что при Петре Втором он проводил мысль заточить ее в монастырь за легкомысленное поведение.

Г. Гзель (?). Портрет А.П. Волынского

Иван Алексеевич возымел было надежду на облегчение участи всего своего рода. Один из братьев князя Алексея Григорьевича, Сергей, был зятем барона Шафирова, бывшего тогда в силе при дворе. По особенному ходатайству тестя ему дозволили переселиться в свое имение Замоторино в Касимовском уезде, а вслед за тем Шафиров ходатайствовал перед императрицей о допущении своего зятя служить по дипломатической части. Но у рода Долгоруких при дворе было немало врагов, которые боялись, чтоб этот род, поднявшись на прежнюю высоту, не стал вредить им. Такими противниками Долгоруких были Андрей Иванович Остерман, начальник Тайной канцелярии генерал Ушаков и обер-егермейстер Волынский, недавно входивший в силу. Они подействовали на Бирона и внушили ему мысль, что Долгоруким опасно давать свободу и значение. Всех враждебнее к Долгоруким относился Ушаков, и он-то взялся найти путь погубить их окончательно и сделать навсегда безвредными. Это было нетрудно при неосторожности и болтливости Ивана Алексеевича. Уже были на них доносы. В 1737 году последовал донос офицера Муравьева об утайке вещей против описи, произведенной над имуществом ссыльных. Долгорукие, извещалось в доносе, припрятали два патента за подписом императора Петра II и книгу о коронации того же императора. Сообщалось, кроме того, что майор Пет-

ров, поставленный над ними приставом, дает им послабление: у них много лишней вещей, они пожертвовали в церковь парчу, они свободно посещают березовских обывателей и к ним допускают последних. По этому доносу присланный капитан Рагозин произвел новую опись их имущества, над ссыльными усилили караул. Но вскоре за тем приехал в Березов как будто по делам службы тобольский подьячий Тишин. Подозревали, не без основания, что это был нарочно подсланный шпион. Тишин подделался к Долгоруким и стал бывать у них в сообществе с другими знакомыми. Ему приглянулась княжна Екатерина, и раз, пьяный, он стал выказывать свою любовь к ней в слишком грубых формах. Екатерина отвернулась от него и сказала о его назойливости другу своего брата, Овцыну. Овцын, согласившись с казачьим атаманом Лихачевым и сыном боярским Кашперовым, отколотили Тишина. Тогда последний, из мщения за свою обиду, послал на Ивана Алексеевича донос о его болтовне, доносил также на майора Петрова и на воеводу Бобровского, что они мирволили Долгоруким. Вслед за тем в мае 1738 года приехал в Березов тобольского гарнизона капитан Ушаков, родственник генерала Андрея Ивановича. Ему поручено было стороной разузнать о поведении сосланных Долгоруких, а им самим ласково объявить, что государыня желает улучшить их положение. Ушаков познакомился с березовскими обывателями и узнал многое, что ему было нужно. Он уехал из Березова, а вслед за тем пришел царский указ – отделить Ивана Алексеевича от прочих членов его рода. Его заперли в землянке. Наталия Борисовна выпросила у майора Петрова дозволение приносить мужу и подавать через окно пищу, потому что его стали содержать на казенном хлебе скудно и грубо.

В сентябре того же 1738 года в бурную ночь приплыла по реке Сосьве лодка с солдатами и с царским указом. Всех ссыльных Долгоруких велено было отправить в Тобольск. Разом с ними туда же препроводили оговоренных Тишиным и Ушаковым лиц: майора Петрова, воеводу Бобровского, Овцына, Лихачева, Кашперова, пять священников и одного диакона. В Тобольске их всех засадили в тюрьму и подвергли допросам. Иван Алексеевич упорно молчал, и несколько дней от него не могли добиться ни слова. Его засадили в темное, сырое подземелье; надели на него ручные и ножные кандалы и приковали к стене. Тогда он впал в нервное расстройство, близкое к умопомешательству, и стал наговаривать на себя то, о чем его даже не спрашивали. Он рассказал неизвестным правительству подробности составления фальшивой духовной от имени императора Петра II в пользу преемства по нем на престоле его невесты. Излагая эту историю, он обвинил своих дядей Сергея и Ивана Григорьевичей, князя Василия Лукича и фельдмаршалов князей Василия и Михаила Владимировичей. Производили следствие капитан Ушаков, бывший доносчик на него, и Суворов (отец знаменитого Александра Васильевича). Они предложили обвиненным 16 пунктов: «О вредительных и злых словах в поношении чести ее императорского величества и цесаревны Елисаветы, о разговорах, веденных с Тишиным, о майоре Петрове, об Овцыне, о Бобровском и других, и о книге, будто бы напечатанной в Киеве, где изображалось уже совершившимся бракосочетание Петра Второго с княжною Екатериною Долгорукою». Иван Алексеевич и себя самого, и других оговорил, но уверял только, что книги киевской печати о бракосочетании Петра Второго не видел, а была у него книга о коронации этого императора, но его брат Николай эту книгу сжег. Несколько раз его водили к дыбе и подвергали жесточайшим истязаниям, наконец, Ивана Алексеевича отправили из Тобольска в Шлиссельбург, а меньших его братьев Николая и Александра – в Вологду. Указом 31 января 1739 года в Шлиссельбург были собраны все оговоренные Иваном Алексеевичем князья Долгорукие.

Между тем с отправкой Ивана Алексеевича в Тобольске не прекратилось следствие над лицами, причастными к делу о Долгоруких. Таких набралось до пятидесяти особ. Тут были офицеры, солдаты, подьячие, отставные дворяне, дети боярские, священники, дворовые боярские люди и разного звания березовские обыватели. Девятнадцать из них потерпели казнь. Майору Петрову отрубили голову, священников били кнутом и разослали по дальним сибир-

ским городам, одному из них, Федору Кузнецову, бывшему духовником Ивана Алексеевича, после наказания кнутом вырезали ноздри. Офицеры и дворовые люди Ивана Алексеевича и некоторые из березовских обывателей были записаны рядовыми в сибирские полки. Березовский воевода Бобровский неизвестно каким образом ускользнул от кары.

Офицер и рядовой кирасирского полка с 1732 по 1742 г.

В Шлиссельбурге следствие над Долгорукими производили Остерман, Ушаков и Волынский. Следствие это, начавшись с октября 1738 года, тянулось целый год; наконец, по царскому повелению Долгоруких отвезли в Новгород и 8 ноября 1739 года за городом на Торговой стороне, близ Скудельничьего кладбища, их казнили. Князя Ивана Алексеевича колесовали, потом ему отрубили голову; князьям Сергею и Ивану Григорьевичам прямо отрубили головы; меньшому брату Ивана Алексеевича Николаю отрезали язык; двух других братьев, Алексея и Александра, высекли кнутом и заслали в Камчатку. Иван Алексеевич, как бы думая загладить свое прежнее мелкодушие, перенес мучительную казнь с поразительным геройством. Бывшая невеста Петра II была сослана в Горицкий монастырь, на берегу реки Шексны, и там была под-

вергнута строжайшему заключению. Надменность и там ее не оставляла. Игуменья, происшедшая из простонародья, вздумала показывать над ней начальническое первенство. Княжна Екатерина сказала ей: «Ты должна уважать свет и во тьме: я все-таки княжна, а ты холопка, не забывай этого!» Судьба ее облегчилась уже по вступлении на престол Елисаветы, когда было восстановлено достоинство князей Долгоруких. Освобожденная из заточения, она была выдана замуж за графа Александра Брюса, но после свадьбы жила недолго и умерла в Новгороде, куда приезжала поклониться праху казненных родичей. Потомки казненных в Новгороде Долгоруких построили близ церкви Рождества Христова церковь Св. Николая и там поместили гробы злополучных предков, покрытые на верхней крышке слоем извести.

В числе дел Тайной канцелярии не лишено интереса также дело смоленского губернатора князя Черкасского. Некто молодой человек, служивший прежде у недавно скончавшейся цесаревны Екатерины Ивановны, герцогини мекленбургской, смоленский помещик Милашевич-Красный 29 сентября 1733 года явился в Гамбурге к российскому резиденту Алексею Петровичу Бестужеву и подал донос, что смоленский губернатор дал ему совет ехать в Голштинию и служить голштинскому герцогу, сын которого есть истинный наследник российского престола, будучи по матери единственным внуком Великого Петра. Доносчик присовокуплял, что многие местные дворяне расположены признать царем голштинского принца, а смоленский губернатор при первом удобном случае употребит для его воцарения все средства, которые представляет для этого управление краем. По этому доносу генерал Ушаков сам поехал в Смоленск, арестовал губернатора и привез в Тайную канцелярию. Донос Милашевича-Красного был очень неискусен: он оговорил в соумышлении с Черкасским таких лиц, о которых тотчас оказалось, что они не могли быть соучастниками, и от многого сам доносчик отказался. Тем не менее в Тайной канцелярии страхом привели Черкасского к тому, что он сам оговорил себя, был осужден на смертную казнь, но в виде милости и внимания к его родственнику кабинет-министру князю Алексею Михайловичу Черкасскому смертная казнь была заменена для виновного вечной ссылкой в Камчатку, в Жиганском зимовье. Но в 1739 году тот же Милашевич-Красный, попавшись в преступлении, объявил, что прежде на Черкасского доносил ложно, что князь Черкасский никаких писем через него герцогу голштинскому не давал, никаких поручений не сообщал, а только искал предлога удалить его куда-нибудь подальше, потому что боялся, чтобы Милашевич-Красный не помешал ему в его ухаживании за девицей Корсак. Сосланный князь Черкасский был освобожден уже после смерти Анны Ивановны, а при Елисавете Петровне занимал очень видное место по службе.

Самое последнее в царствование Анны Ивановны и самое громкое политическое дело, производившееся в Тайной канцелярии, было дело кабинет-министра Артемия Петровича Волынского. При вступлении Анны Ивановны на престол он губернаторствовал в Казани, считался по справедливости замечательно умным и способным человеком своего времени, но также прославился взяточничеством, всякого рода грабительствами и озорничеством. Это был один из тех господ, у которых, по выражению одного архиерея того времени, «от их чрезвычайных забав люди божии лишаются сего света безвременно». После Волынский был в Москве председателем комиссии для устройства конских заводов, ревностным исполнением по занимаемой им должности он успел понравиться Бирону. В 1734 году он находился в действующей армии в Польше, где его постигла продолжительная болезнь. По возвращении в отечество ему поручили ехать в Немиров и быть там уполномоченным со стороны России на конгрессе, собравшемся для улаживания политических недоразумений на севере Европы. По прибытии назад он, уже носивший звание обер-егермейстера, получил по случаю кончины Ягужинского место кабинет-министра. Это важное место он получил по воле всемогущего любимца государыни Бирона, который, не доверяя дружелюбию к себе Остермана, хотел ввести в Кабинет нового члена, чтобы тот в делах оказывал противовес Остерману. Бирон думал найти в Волынском покорную себе креатуру, но ошибся. Будучи по званию кабинет-министра часто вхожим

с докладом к государыне, Волынский успел ей понравиться и как умный, сведущий в делах человек становился ей так необходим, что Бирон опасался, как бы Волынский не оттеснил его самого от государыни. Притом скорое возвышение вскружило голову самому Волынскому, он стал невнимателен к своему благодетелю Бирону и перессорился со многими важными и влиятельными лицами. Так, он стал непримиримым врагом Остермана, князя Куракина, адмирала Головина; вступил в неприязнь с Минихом и самой императрицей стал недоволен. «Правду говорят о женском поле, – произносил он на ее счет в кругу друзей, – что нрав имеют изменчив, и когда женщина веселое лицо показывает, тут-то и бойся! Вот и наша государыня: гневается, иногда сам не знаю за что; резолюции от нее никакой не добьешься, герцог что захочет, то и делает!»

Вид усадьбы в окрестностях Москвы. Середина XVIII в.

Зазнавшийся Волынский, став кабинет-министром и ощущая милости к себе императрицы, перестал считать свою судьбу зависящей от благорасположения Бирона. По воле сильной российской императрицы с прекращением мужской линии наследственных герцогов династии Кетлеров курляндское дворянство избрало своим герцогом Бирона. Насколько тут было искреннего желания видеть его своим властителем, показывает то, что во время происходивших выборов русское войско под командою Биронова свояка, генерала Бисмарка, вступило в Курляндию, и курляндское дворянство из угождения повелительнице обширного государства решилось признать верховным главой своего края такого человека, которого несколько лет тому назад не считало достойным ввести в среду дворянского сословия. Став герцогом курляндским и оставаясь по-прежнему обер-камергером двора российской императрицы, Бирон хотел, чтобы Россия соотносила свою политику с выгодами его герцогства. Курляндия считалась в ленной зависимости от польской Речи Посполитой, и курляндскому герцогу был расчет находиться с Речью Посполитой в дружеских отношениях, тем более что польский посол в Курляндии Кайзерлинг от имени своего короля ходатайствовал перед курляндским дворянством о выборе в герцоги Бирона. Теперь поляки домогались от России удовлетворения за убытки, причиненные русскими войсками во время их прохода через польские владения, когда велась война России с Турцией. Бирон настаивал, чтобы Россия заплатила Польше по

ее требованию, а Волынский в Кабинете министров доказывал, что платить не следует, и по этому поводу произнес, что он, не будучи ни польским паном, ни вассалом Польши, не имеет причины задабривать народ, издавна враждебный России. Напоминание о вассале пущено по адресу Бирона не в бровь, а прямо в глаз; герцог был взбешен и тогда же решил во что бы то ни стало отомстить за это Волынскому. Тут присоединилось еще обстоятельство, усиливавшее вражду между герцогом и Волынским. Бирон задумывал женить своего сына Петра на племяннице императрицы Анне Леопольдовне, будущим детям которой Анна Ивановна заранее назначала преемство российского престола. Бирон хотел воспользоваться беспредельной привязанностью к нему императрицы и проложить своему потомству путь к царской короне. Много недоброжелателей встречал при дворе Бирон своему проекту – и главным из них был Волынский. Собственно ни Волынский, ни иной кто-либо не могли помешать видам Бирона, потому что сама принцесса Анна Леопольдовна не терпела его сына Петра. Но для злопамятного, не прощавшего своим врагам Бирона было достаточно, что Волынский изъявлял нежелание успеха его плану. Между тем Волынский, зазнаваясь все более и более, отважился подать императрице «генеральное рассуждение о поправлении внутренних государственных дел», где излагались разные предположения, касавшиеся укрепления границ, церковного устройства, правосудия и торговли. К своему проекту Волынский приложил записку о том, что государыня окружает себя лицами недостойными и отдаляет достойных. Императрица спросила, кого он считает недостойным? Волынский назвал Остермана, князя Куракина и адмирала Головина. «Ты даешь мне советы, как будто молодому государю», – сказала Анна Ивановна. Из этих слов Волынский должен был заключить, что ему может быть худо.

Была еще более свежая причина несогласия между Волынским и Бироном. В феврале 1740 года устраивался ледяной дом, о котором было упомянуто выше. Приготовлялись ко всеобщей потехе; главным ее распорядителем был Волынский. Он послал одного кадета привезти к нему Василия Кирилловича Тредьяковского, академика, впоследствии носившего звание «профессора элоквенции и хитростей пиитических», за тем, чтобы заставить его написать и на празднике прочитать стихотворение, приличное событию. Кадет, явившись к Тредьяковскому, объявил, что его требуют в Кабинет, а потом повез его на «слоновый» двор, где находился тогда Волынский. Тредьяковский жаловался Волынскому на кадета, что он его перепугал, сказав, что его требуют в «кабинет», а кадет, со своей стороны, жаловался на Тредьяковского, что тот дорогой бранил его. Тогда Волынский, не слушая оправданий и объяснений Тредьяковского, начал бить его по щекам и велел при себе делать с ним то же и кадету. Наконец, Тредьяковский спросил – что ему далее делать. Волынский приказал спросить об этом у архитектора и полковника Еропкина. Последний, спрошенный Тредьяковским, указал ему писать стихи на предстоящий праздник. Тредьяковский, избитый по щекам, умытый собственной кровью, отправился домой и всю ночь сочинял стихи. Но свежие воспоминания обиды не давали ему покоя, и, дождавшись утра, он, наскоро одевшись, отправился к герцогу курляндскому просить милости и обороны. На его беду, прежде чем он дождался появления герцога, чтобы припасть к его ногам, вдруг вошел в переднюю Волынский, сам приехавший с утренним визитом к любимцу. Увидев Тредьяковского, он сразу понял, что тот пришел на него жаловаться, но, скрыв это, спросил: «Ты зачем здесь?» Тредьяковский собирался с духом – что ему ответить, но Волынский, не допустив его произнести ни слова, ударил его в щеку, потом вытолкал в зашей и передал ездovому, приказав отвезти его в комиссию под караул. Через несколько минут прибыл туда и сам Волынский, приказал снять с Тредьяковского шпагу, разложить на земле и, обнажив спину, бить палкой. Тредьяковский получил 70 ударов. После этого Волынский приказал поднять его и о чем-то его спросил. Тредьяковский, как сам после говорил, не помнил, что тогда отвечал ему, а помнил только, что Волынский опять приказал положить его и закатить еще 30 ударов палкой.

Его не отпустили домой, а оставили в комиссии под арестом до утра. Тредьяковский под караулом всю ночь твердил стихи, которые должен был читать перед публикой «в потешной зале», «хотя мне, – замечает Тредьяковский в своем рассказе об этом событии, – уже не до стихов тогда было». Вечером его повезли в маскарадном платье под маской в потешную залу, там он прочитал наизусть перед публикой свои стихи и тотчас был отведен под караулом опять в комиссию, где ночевал и другую ночь, а на следующий день в 10 часов утра его опять привезли к Волынскому. Вельможа сказал ему: «Я не хочу с тобою расстаться, еще раз на прощанье не побив тебя». Бедный пиит плакал, умолял не бить его, потому что он и так уже изувечен, но, по выражению Тредьяковского, «не преклонил сердца его на милость». Волынский приказал вывести пиита в переднюю и велел там караульному офицеру отсчитать ему еще 10 ударов палкой. «Жалуйся на меня теперь кому хочешь, – сказал он Тредьяковскому, – а я свое уже взял с тебя; если вперед станешь сочинять песни, то тебе и паче того достанется!» Из этих слов видно, что Волынский был уже сердит на Тредьяковского за сочинение какой-то песни, оскорблявшей вельможу.

Это вопиющее поругание человеческого достоинства осталось бы для Волынского без последствий, потому что, по тогдашним понятиям, академик Тредьяковский был чересчур ничтожной личностью в сравнении с кабинет-министром. Но лицо, которое стояло выше всех кабинет-министров, любимец императрицы, нашел в этом предлог насолить своему сопернику. Бирон подал государыне жалобу, вменяя себе в личное оскорбление поступок, который дозволил себе Волынский с Тредьяковским в приемной герцога. При этом он припомнил, как Волынский еще в прошлом году подавал государыне записку, в которой хотел привести в подзрение приближенных к ее величеству особ. Пусть Волынский разъяснит то, что он в своей записке изложил в темных и двусмысленных выражениях, иначе он, Волынский, должен быть признан виновным в поступке, крайне непристойном и дерзостном, так как он осмелился наставления, годные для малолетних, давать мудрой государыне, которой великие качества и добродетели весь свет превозносит. Так выражался герцог и требовал, чтобы Волынский немедленно был предан суду. Императрица уважала Волынского и отнюдь не была расположена губить его, отдать же Волынского под суд – значило наверно погубить его, потому что все судьи поступят так, как желательно любимцу. Анна Ивановна отказала в просьбе своего любимца. Тогда Бирон категорически заявил государыне: «Либо он, либо я! Если Волынский не будет предан суду, я принужден буду навсегда выехать из России. Уже при всех иностранных дворах стало известно, что Волынский сделал с Тредьяковским в покоях курляндского герцога. Если он не будет судим, то на мне останется вечно бесчестие». Государыня слишком свыклась с Бироном, слишком любила его, чтоб не пожертвовать для него кем бы то ни было. После усиленных просьб Бирона, сопровождавшихся то коленопреклонениями, то порывами досады, она согласилась на все и приказала нарядить суд над Волынским.

В апреле 1740 года составила судная комиссия. 12 числа этого месяца объявлен был Волынскому домашний арест, а 15-го его потребовали к суду. Членами судной комиссии были генерал Григорий Чернышев, генерал Андрей Ушаков, Александр Румянцев, князь Иван Трубецкой, князь Репнин, Михайло Хрущов, Василий Новосильцев, Иван Неплюев и Петр Шипов. Потребовали, чтобы Волынский назвал поименно тех лиц, о которых в поданной императрице записке только намекал, называя их опасными. Волынский указал на Остермана, князя Куракина, адмирала Головина, прибавил к ним также уже подвергшихся царской опале Долгоруких и Голицыных. Потом 17 апреля он дал отзыв, что «все прежде он написал по злобе на Остермана, князя Куракина, Ягужинского и Головина», сознавался о себе самом, что, получив место кабинет-министра, он «возомнил, что стал очень умен, а ныне видит, что от глупости он все врал со злобы». Волынский совершенно потерялся, становился на колени, кланялся в землю, просил пощады. Председательствующий в комиссии Чернышев сказал: «Вот как в плутовстве тебя обличили, так ты и повинную принес». Волынский на это произнес: «Не поступай со мной

сурово: ты так же горяч, как и я; но у тебя есть дети, воздаст Бог детям твоим!» Относительно поступка с Тредьяковским Волынский без всякого оправдания признал себя виновным. Вместе с прочим он сознавался, что позволял себе дерзкие отзывы об императрице, хотя и уверял, что при этом злого намерения сделать что-нибудь худое у него на уме никогда не было. Этим сознанием Волынский себя погубил. Сознавшись в предрозостных отзывах о высочайшей особе, он стал уже преступником пред законом. «Ты сам знаешь, – говорили ему, – как ты мучил жестокими побоями полицейских служителей за то, что, идучи мимо твоего двора, не сняли шапок! И нам за твои злодейственные слова и рассуждения про ее императорское величество тебя без наижесточайшего наказания оставить невозможно». Его потащили на дыбу, дали сперва восемь, потом шестнадцать ударов кнутом. Он под пыткой ничего нового на себя не показал, но открыл несколько своих прежних дурных дел; так, он признавался, что брал взятки с купцов товарами и деньгами, что, бывши еще в Казани губернатором, он наживался взятками и нахватал таким способом тысяч на шесть или на семь. Двое членов судной комиссии, враги Волынского – адмирал Головин и князь Куракин, – вышли из комиссии. В числе оставшихся всем делом заправляли Ушаков и Неплюев.

Назначен был верховный суд из сенаторов и пятнадцати особ по указанию императрицы. Ушаков и Неплюев, производившие следствие над подсудимыми, были в числе судей, хотя это было противно основным, везде господствующим правилам юриспруденции.

М.В. Рундальцев. Костюмированное утро императрицы Анны Иоанновны. Офорт с картины В.И. Якоби

Этот суд приговорил Волынского к смертной казни через посажение на кол. Прикосновенные к его делу друзья, которым он читал свой проект, поданный потом государыне, и слышал от них одобрения, приговорены: президент коммерц-коллегии Мусин-Пушкин – к лишению языка и ссылке в Соловки, архитектор Еропкин и Хрущов – к отрублению головы, Соймонов, секретарь Кабинета Эйхлер и де ля Суда – к наказанию кнутом и к ссылке в каторжную работу. Когда пришлось подписывать смертный приговор, у Анны Ивановны проснулось чувство жалости к человеку, которого так недавно она любила и уважала, но Бирон опять

заявил, что если Волынский останется жив, то его, Бирона, не будет в России. Анна Ивановна снова поддалась любви и привычке к Бирону – она подписала приговор.

27 июня совершился жестокий приговор. Эшафот для казни был устроен под распоряжением Ушакова и Неплюева на Сытном рынке близ крепости. Прежде всего в тюрьмах отрезали языки Волынскому и Мусину-Пушкину. Последний, будучи другом Волынского, призванный на суд, начал порицать слабость императрицы и ее пристрастие к немцам, а когда от него требовали указания таких черт в поступках Волынского, которые послужили бы к его обвинению, Мусин-Пушкин сказал: «Я вам не доносчик!» По совершении этих операций Ушаков и Неплюев повели Волынского на казнь. Кровь лилась ручьем из отрезанного языка. Ему устроили повязку – род намордника, чтобы остановить течение крови, но кровь, не находя исхода через рот, хлынула в горло. Волынский стал лишаться чувств, так что двое служителей втащили его под руки на эшафот. При виде ужасных орудий казни, ожидавшей его, он задрожал, но тут был прочитан указ, в котором было сказано, что государыня смягчает ему казнь, заменяя посадение на кол отрублением головы. Это приободрило несчастного в последние минуты.

После совершения казни над Волынским, Еропкиным и Хрущовым тела казненных были оставлены в продолжение часа на эшафоте для зрелища всему народу, потом отвезены во двор церкви Сампсона Странноприимца и там погребены в одной могиле. Соймонова, Эйхлера и де ля Суду, после наказания кнутом на том же эшафоте, отправили в тот же день в Сибирь. Через три дня после этого сын казненного Волынского и две его дочери были отправлены в Сибирь; дочери были насильно пострижены. Брат Волынского без всякого повода был посажен в крепость. Уже по смерти Анны Ивановны правительница Анна Леопольдовна освободила их всех и приказала признать пострижение девиц незаконным и недействительным. При императрице Елисавете обе дочери Волынского вышли за знатных особ. Кроме этих лиц, пострадавших по суду вместе с Волынским, было обвинено еще несколько – и среди них Бланк и Смирнов – за то, что рассказывали, как Бирон на коленях просил у Анны Ивановны о казни Волынского. Их засадили в тюрьму. Правительница Анна Леопольдовна их освободила.

В числе жертв Тайной канцелярии при Анне Ивановне был также Макаров, бывший при Петре Первом начальником «кабинета». Было время, когда этот человек был в приближении к государю, а потому в силе; тогда многие искали его расположения, и в числе таких была и Анна Ивановна, не смеявшая тогда и подумать о том, чтобы когда-нибудь достичь верховного сана. Тогда ее и ее сестру Екатерину в Москве звали неуважительно Ивановнами; тогда и она обращалась к сильному Макарову с разными просьбами. Но время изменилось. Анна Ивановна стала императрицей и потребовала от Макарова свои прежние письма. Естественно, Анна Ивановна недолюбливала этого человека, свидетеля ее прежнего унижения. Его затянули в какое-то дело по отчетности, подозревали в каких-то злоупотреблениях. Его содержали под арестом в Москве два года и девять месяцев. За это время его домашние дела пришли в беспорядок. Заключение письменно умолял государыню о милости. По этому прошению от ареста его совершенно не освободили, а только дозволили посещать церковь и заниматься некоторыми домашними делами. Но ему запрещено было ездить «по компаниям» и съезжать из Москвы: в этом его обязали подпиской.

В числе политических дел, которые решала тогда Тайная канцелярия, бросается в глаза дело самозванца, принявшего имя царевича Алексея Петровича. Это был польский шляхтич Миницкий; двадцать лет назад он прибыл в Россию, то служил в солдатах, то проживал по монастырям, преимущественно в Малороссии, потом пристал к ватаге рабочих дровосеков, которые проходили через село Ярославец, близ Басани в Киевском полку. Здесь он объявил, что он – царевич Алексей и уже многие годы ходит нищим. Ему поверили – священник этого села, как видно, по глупости, и несколько солдат, стоявших на почтовом стане по пути, устроенному для сообщения столицы с действующей армией. Священник допустил его в церковь, приказал зажечь свечи и звонить; народ подходил, самозванец стоял в царских дверях и держал

крест. Но тут вдруг вбежал в церковь сотник с казаками, приказал самозванца вытащить вон из церкви, а оттуда в кандалах отправил в полковую канцелярию в Переяслав. Переяславский полковник препроводил его в кандалах в Москву в Тайную контору. Самозванца и священника, признавшего его царевичем, посадили на кол, некоторых из солдат четвертовали, другим головы порубили²³¹.

Кроме дел, более или менее с политическим смыслом, в Тайной канцелярии и в ее московской конторе производилось множество дел совершенно ничтожных и тем не менее по способу их производства ужасных. Довольно было того, если кто подслушал, как две бабы-торговки болтали между собой и пересказывали одна другой ходившие в народе сплетни, в которые замешивалось имя императрицы или ее любимца: слушавшему стоило закричать «слово и дело» – его тащили в «Тайную», за ним тянули оговоренных им баб, бабы наговаривали сперва одна на другую, потом наименовывали разных лиц; отыскивали указанных бабами лиц, подвергали допросу и чаще всего тут же жесточайшим пыткам – дыбе, кнутам, вождению по спицам, жжению огнем. Обыкновенно дело не представляло той важности, какой от него ожидали, но попавшийся в Тайную канцелярию редко выходил из нее, а обвиненный почти никогда не возвращался домой: при страшных пытках всегда находились виновные, потому что один вид орудий, терзающих человеческое тело, способен был побудить большинство людей принять на себя какие угодно преступления и оговорить хоть родного отца. Зачастую случалось, что суд Тайной канцелярии признавал злоумышленниками против высочайшей особы таких лиц, которые годились только для больницы умалишенных. Впрочем, эти ужасные черты следует приписать веку, а не характеру Анны Ивановны и вообще не характеру ее царствования, так как эти же черты встречались и прежде нее, особенно при Петре Первом, и немалое время после нее.

---

²³¹ Соловьев, т. XX, стр. 418.

V. Внутренняя политика при Анне Ивановне

Уничтожение майоратов. – Законы о поземельных владениях. – Недоимки. – Ход колонизации государства. – Окраины. – Юго-восток Европейской России. – Сибирь. – Остзейский край. – Малороссия. – Почтовое устройство. – Учреждение полиции в городах. – Пожары в Петербурге и в Москве. – Суровые меры против поджигателей. – Нищенство. – Беглые. – Разбойники. – Сухопутное войско на вечных квартирах. – Морское дело при Анне Ивановне.

С восстановлением сената приказано было выбрать из шляхетства, духовенства и купечества доверенных лиц для составления нового Уложения, чем предполагали окончить дело, начатое Петром Первым. Но это намерение отложено было в долгий ящик, и вместо составления нового Уложения перепечатали старое – царя Алексея Михайловича, и велели им руководствоваться в судебной практике. Однако в тогдашней жизни возникло много явлений, где Уложение старого Московского государства было неудовлетворительно. Уже Петр I изменил многое. Но не во всем нужно было продолжать и начатое Петром. Иное теперь приходилось изменять из того, что великий преобразователь вводил у себя, увлекшись тем, что замечал на Западе Европы. Многие шло вразрез с вековыми понятиями и обычаями русского народа. Таков был закон 1714 года о майоратах. Со смерти Петра Первого правительство за много лет могло присмотреться к вредным последствиям этого закона. Родители, желая наделить поровну всех сыновей своих, отягощали крестьян, чтоб извлечь более дохода из своих имений, или прибегали к разным изворотам: иные написывали на себя небывалые долги и обязывали старшего сына, своего преемника по владению, выплачивать своим меньшим братьям и сестрам, откуда возникали злоба и семейные ссоры; другие оставляли по закону все недвижимое имение старшему сыну, а всю движимость отдавали меньшим сыновьям, – и выходило так, что одна сторона со скотом и с земледельческими орудиями не знала, что делать без земли, а другая затруднялась с землей без скота и без орудий. Такие-то явления и подобные им побудили правительство Анны Ивановны отменить майоратство. В марте 1731 года уничтожено было давнее различие, существовавшее между поместьями и вотчинами; и те, и другие слились в одно понятие о дворянском недвижимом имении.

Эрнст Иоганн Бирон

Обязательная дворянская служба не была упразднена, как того хотел Верховный Тайный совет; только дворянам, у которых было несколько взрослых сыновей, дозволялось оставлять одного из них в имении для экономии, однако непременно обучая его грамоте. Собственно право владения населенными недвижимыми имениями издавна составляло принадлежность дворянского сословия, но в последнее время стали владеть такими имениями боярские люди, монастырские слуги и вообще люди «подлого» происхождения. Велено было всем таким продать незаконно приобретенную собственность в течение полугода и вперед ничего подобного не приобретать. В отдаленных местах, например в Сибири, люди «холопского» происхождения, отданные в солдаты и дослужившиеся до офицерского чина, получали должности воевод, — и это было запрещено при Анне Ивановне, а на будущее время указано назначать в воеводы только людей, происходивших из знатного шляхетства: надеялись, что такие лица будут менее падки к незаконной наживе и покажут более радения в собирании государственных доходов.

Но правительство здесь ошиблось. При таком новом порядке немало было случаев злоупотреблений по должности, и между прочим, один губернатор за взятки был казнен смертью. В делопроизводстве была также путаница: приказные позволяли себе делать подчистки, прибавки и убавления в приходо-расходных и крепостных книгах; в народе ходили даже фальшивые высочайшие указы, при повальной безграмотности во всех слоях общества нетрудно было грамотным плутам обманывать темный народ.

В целях охранения общества от таких обманов в 1735 году указано было считать подлинными высочайшими указами только такие, на которых окажется подпись императрицы и трех ее кабинет-министров.

На всем народе накопилось еще от прежних царствований много недоимок всякого рода, а в царствование Анны Ивановны они все более увеличивались, правительство не могло добиться не только уплат, но даже возможности точно узнать, сколько в государстве недоимок и по какой части: на беспрестанные требования губернские и провинциальные начальства медлили доставлением сведений. В 1739 году из девяноста четырех городов ведомостей о недоимках не прислано вовсе, а в ведомостях, доставленных тогда из ста девятнадцати городов и уездов в камер-коллегию, недоимка составляла в итоге сумму 1 692 908 рублей. Между тем правительство Анны Ивановны оказывало народу большие льготы в этом отношении. По вступлении на престол императрицы была сложена в государстве недоимка всего подушного оклада, доходившая до четырех миллионов рублей; в 1735 году по поводу большого неурожая была сложена во всем государстве полугодичная недоимка всего подушного оклада, а в тех краях, где ощутительнее чувствовался голод, указано давать крестьянам заимообразно хлебное зерно. Но в предпоследний год царствования Анны Ивановны пришли к такому убеждению, что не следует слагать недоимок, потому что через такие милости выигрывали только те, которые не спешили платить податей; те же, которые были исправны, не могли воспользоваться этими милостями. Так было выражено в указе 1739 года. Многие помещики запустили в своих имениях недоимки; из таких помещиков обязали не состоящих в государственной службе внести недоимки в течение шести недель, а служащих – в течение трех месяцев под страхом двойного штрафа. На торговом классе накопилось тогда недоимок 800 070 рублей, и замечено было, что здесь убогие были отягощены платежами, а богатые, владевшие промышленными заведениями, увертывались от платежа; поэтому постановили вперед разложить недоимки так, чтобы большая часть платежей приходилась на богатых купцов. Все недоимки собирались в канцелярию конфискаций, учрежденную еще ранее, но в 1730 году получившую от Анны Ивановны инструкцию. Эта канцелярия, кроме недоимок, заведовала всеми конфискованными по всякому поводу движимыми и недвижимыми имуществами, а также и выморочными имениями.

В царствование Анны Ивановны постоянно была нужда в деньгах. Россия впуталась в войны – и одна из них, турецкая, была продолжительна. Расходы государственные простирались до суммы около восьми миллионов в год. Скудость средств побуждала правительство прибегать к таким чрезвычайным мерам, как, например, в 1736 году гражданским чиновникам вместо наличных денег выплачивали жалованье сибирскими мехами и китайскими товарами, а в 1739 году чиновникам, служащим в Москве и в городах (в губерниях и провинциях), платили половинное жалованье по сравнению с петербургскими²³².

В ходе колонизации России в это время произошло несколько замечательных явлений. Последовало заселение пространства между Днепром и Донцом, где поселено было двадцать полков ландмилиции²³³.

---

²³² Соловьев, т. XX, стр. 195.

²³³ Об этом излагается в нашем сочинении «Фельдмаршал граф Миних», так как эта колонизация была предпринята со стратегическими целями по его инициативе.

В 1737 году пожаловано было генерал-майору Тарakanову 4000 десятин²³⁴ земли между Доном и Донцом, в пространстве, которое запустило после укрощения Булавинского бунта. Тараканов мог владеть этой землей потомственно и заселить ее пришлыми людьми, но исключительно малороссиянами. Восточнее предпринято было заселить нижние берега Волги и берега рек Иловли, Хопра и Медведицы – донскими казаками и малороссиянами. Тогда положено было из таких переселенцев основание казацкому волжскому войску под начальством атамана Персидского. Приказано было составить опись землям Юго-Восточной России, начиная от Саратова вдоль Волги до Царицына и до Дона, а от Дона по Хопру вверх до Саратова. Явно было намерение наполнить жителями этот плодородный край. В Сибири с 1730 года велено всех ссыльных, туда отправляемых, записывать в подушный оклад со льготами на два года.

Остзейский край во время господства Бирона, любимца государыни, пользовался особым вниманием и благорасположением правительства. Тамошнему дворянству подтверждены прежние привилегии, а городам даны жалованные грамоты.

Граф А.И. Остерман

---

²³⁴ Вероятно, с обычной прибавкой в две потому ж, что составляло 12 000 десятин.

Малороссия, окраинная область Российской империи, все еще в принципе сохраняла ту автономию, с которой поступила некогда в круг владений Московского государства, хотя после неудавшегося покушения Мазепы отделиться от московской власти там почувствовалось сильное давление центрального управления. Петр I по смерти гетмана Скоропадского жестокой расправой с Полуботком и его товарищами, приезжавшими просить о новом выборе гетмана, показал уже, что ему не хотелось допускать в Малороссии местное выборное правление, но Петр не решился еще высказать прямо окончательное уничтожение гетманского достоинства. При Петре II избран был в гетманы миргородский полковник Апостол, человек старый и скоро за тем умерший в 1733 году. С тех пор в виде временной, но бессрочной меры учреждено в Малороссии правление, состоявшее из главного правителя с двумя великороссийскими и тремя малороссийскими товарищами. Князь Шаховской был назначен этим главным правителем края. Все полковые и сотенные суды оставлены на прежнем основании; выше их был войсковой суд, а выше его – канцелярия гетманского уряда, на которую апелляция могла подаваться в правительствующий сенат. Доходы собирались двумя подскарбиями: один был из великороссиян, другой – из туземцев. В июле 1734 года велено было собрать со всей Малороссии депутатов в Москву с целью привести в порядок существующие в Малороссии права и законоположить новые, но наблюдение над их работами поручалось одному из великороссиян. Вообще правительство, помня эпоху Мазепы, не слишком доверяло преданности малороссийских старшин и секретно приказывало князю Шаховскому строго смотреть за кандидатами в малороссийские должности, дабы не определить какого-нибудь беспокойного человека. Ему поручалось отрешать от должностей тех особ, которых он признает недостойными, и наказывать «являющихся в непристойных словах, касающихся императорской чести». По укоренившемуся прежде обычаю малороссийского народа то и дело появлялись жалобы казаков и мещан на старшин, что они разными путями захватили в свое владение казацкие и мещанские уголья и самих казаков подчиняли себе в подданство. В целях предупреждения этого в 1739 году запрещено было малороссийским казакам отчуждать свои земли и грунты (усадебные земли): с них они должны были служить казацкую службу, выставляя по надобности со всей Малороссии 20 000 конных вооруженных воинов.

Винокурение было постоянно свободно в Малороссии, и только во время войны с турками его постигало кратковременное стеснение в тех целях, чтобы для армии возможно было достать провиант по умеренной цене. Евреям еще прежде запрещено было держать корчмы в Малороссии, и Меншиков хотел их всех выслать из края; при Анне Ивановне не решались на такую меру из опасения, что высланные станут шпионами в неприятельском войске. По заключении мира с турками в 1740 году решено было выслать их, но тут государыня скоро скончалась. Всем иностранцам вообще запрещалось без особого высочайшего дозволения приобретать земельную собственность в Малороссии. В 1740 году незадолго до своей кончины государыня повелела расселить там выехавших в Россию грузинских князей и дворян, пожаловав их деревнями и снабдив пособиями для обзаведения. Хотя Малороссия освобождалась от военного постоя, но как пограничная страна подвергалась беспрестанному проходу войск во время турецкой войны, а это бывало для жителей тяжелее постоянного пребывания у них войск. Проходившие забирали у них бесплатно подводы и съестные припасы, присваивали себе даже грунты, сады и уголья на будущее время, вымучивая у вдов и сирот документы себе на владение.

Два важных нововведения последовали в Малороссии в царствование Анны Ивановны: учреждение почт и употребление гербовой бумаги. Почтовое устройство в царствование Анны Ивановны во всех русских краях получило широкое развитие, вызванное обстоятельствами. В начале крымско-турецкой войны указано было устроить от Москвы до тех мест, где будет находиться действующая армия, почтовые станы, таким образом, это было как бы временной

мерой для удовлетворения временной необходимости; потом по тому же пути учреждена была постоянная правильная почта от Москвы до Киева через Калугу, Севск и Глухов. Станции располагались одна от другой на расстоянии около 25 верст, на каждой станции следовало содержать по 25 лошадей. Но это распоряжение не вполне соблюдалось, там и сям оказывались недостатки: там станционный дома не выстроили, в другом месте затруднялись довести количество лошадей до узаконенного числа. В 1740 году последовал указ о заведении почт по всей империи между губерниями и провинциями. Турецкая война тогда уже окончилась, и ввиду наступающего мирного времени сочтено достаточным содержать по пути от Москвы до Киева на каждой станции по пяти лошадей, а по пути воронежскому – только по четыре лошади. На первых порах почтовому делу препятствовали два обстоятельства: первое – плохие дороги, исправлять которые правительство возлагало на владельцев земель, куда шла дорога, второе – наглость и своевольство ездивших по казенным делам, загонявших до смерти почтовых лошадей, наносивших побои и увечья ямщикам и почтовым комиссарам.

Важным явлением в царствование Анны Ивановны было учреждение полиции в городах, состоявшееся по указу 1733 года. Оно последовало по докладу генерала князя гессен-гамбургского: бывши в Астрахани, он был поражен тяжелым воздухом, смрадом и всякими нечистотами, валявшимися по улицам; после этого он представил проект о принятии мер для сохранения здоровья и безопасности обывателей русских городов. Сообразно этому проекту указано было завести полицейские управления в двадцати трех больших городах. До того времени полицейские управления существовали только в столицах.

Обстройка Петербурга и заселение новой царской столицы, так усиленно проводимые Петром Первым, по смерти его оставались в небрежении, и так продолжалось в первые годы царствования Анны Ивановны, когда царица жила в Москве и там пребывал весь двор. Выселенные Петром Первым в Петербург помещики покинули отведенные им в столице места жительства и разъехались по своим имениям. На Васильевском острове торчали то фундаменты, то полувозведенные каменные стены без окон и крыш, иные дома были уже отстроены, но их хозяева, выехав сами из Петербурга, в домах оставили прислугу без всяких способов содержания, и правительству приходилось понуждать этих господ давать своим людям содержание. Когда Анна Ивановна перебралась из Москвы в Петербург, северная столица стала опять люднеть и цены на квартиры, пред тем значительно упавшие, вдруг поднялись так высоко, что правительство своими указами должно было сдерживать произвол домовладельцев. Но тут скоро Петербург, начинавший снова приходить в нарядный вид, постигли пожары, возникавшие от поджогов; они начались в 1735 году и продолжались в следующие года. В 1736 году был сильнейший пожар в Петербурге. Тогда толпы народа под предлогом тушения огня производили грабежи и похищения. Обличенные поджигатели были казнены сожжением на месте преступления, а грабители и воры – жестоко наказаны кнутом и сосланы в каторжную работу. В 1737 году в предупреждение пожаров устроены были во всем городе караулы и патрули, а при полиции стали содержать печников и трубочистов; те и другие обязаны были смотреть за исправностью печей и чистить раз в месяц дымовые трубы в каждом доме. Чтобы у всех всегда наготове была вода для гашения огня, повелено во всяком дворе устроить колодезь. Для бедных, разоренных пожаром и лишенных приюта, отводились бесплатно казенные здания и конфискованные дома. В 1738 году повелено все каменные строения крыть не иначе, как черепицей или железом, а гзымзы и карнизы делать непременно из камня или кирпича. Все удобовозгораемые вещества указано содержать только в нарочно устроенных для того сараях на Петровском острове, а на судах, стоявших на Неве, запрещалось зажигать свечи, курить табак и готовить кушанье; вообще разводить огонь в случае нужды можно было только на особых назначенных для того судах. Петербургские пожары, впрочем, побуждали к лучшей застройке города. В 1737 году Петербург был разделен на пять городских частей, сделано несколько

новых мостов, открыты новые площади, посажены на пустых местах деревья и построен новый Гостиный двор на Адмиралтейском острове.

Не в одном Петербурге – и в других городах происходили пожары от злоумышленных поджогов. В Москве был сильный пожар в июне 1736 года, потом еще сильнейший – 23 мая 1737 года, погубивший в один день 50 церквей и более 2500 домов. После этих истребительных пожаров положили расширить московские улицы и в обывательских дворах завести колодцы, по примеру Петербурга. Нескольких человек, обличенных в поджогах, сожгли живьем всенародно. И по всей России свирепствовавшие поджоги вызывали такие же строгости. Даже таких, кто сам не поджигал, а только легкомысленно болтал о пожарах, жестоко наказывали кнутом. В 1740 году опубликован был указ, угрожавший смертной казнью каждому, кто хотя сам не участвовал в поджоге, но заведомо продавал вещи, украденные с пожара.

Распоряжения против скорой езды в городах повторялись при Анне Ивановне так же безуспешно, как при Петре Первом; в декабре 1737 года на улице дышлом чуть было не убили фельдмаршала Миниха.

В целях сохранения народного здоровья обывателям городов строго предписывалось не бросать трупов падшей скотины по улицам, а зарывать в землю, отнюдь не снимая кожи. В 1738 году повсюду были разосланы офицеры с лекарями, чтобы там, где торговали мясом, не продавали бедным людям худого и нездорового мяса.

Медицинская часть во всей России состояла под ведением медицинской канцелярии, где учреждена была из пяти докторов коллегия, заведовавшая всеми аптеками в России. В 1737 году указано было в городах Пскове, Новгороде, Твери, Ярославле и в других значительных городах завести врачей из старых военных лекарей, а обыватели должны были давать им свободную квартиру и платить жалованья по 12 рублей в месяц. Учреждались также в этих городах аптеки, где можно было за плату получать медикаменты. Но, к сожалению, этот благотельный указ долго исполнялся на Руси нерадиво. В 1738–1739 годах опасность вторжения эпидемических болезней побудила к устройству застав по границам Персии и Польши, что тогда останавливало ход торговых сношений с этими странами.

Несмотря на строгие указы Петра I против нищенства, при его преемниках, и в том числе при Анне Ивановне, по всей Руси шаталось множество нищих. Некоторые из них лукавством выманивали себе приют в богадельнях и оттуда все-таки уходили просить подаяния по улицам. Указы за указами следовали против нищенства – все было напрасно. В 1734–1736 годах шатались по дорогам толпы помещичьих людей и выманивали у проезжающих на дневное пропитание, рассказывая, будто господа их не кормят; а в городах по улицам сновали колодники, посаженные в тюрьму за казенные и частные долги. Уже издавна велось на Руси так, что, посадив неисправного должника в тюрьму и понуждая уплатить долг, его не кормили, а посылали по миру просить подаяния; тем же способом пропитывались и уголовные преступники, которых водили в кандалах на цепях просить подаяния. Это были тощие фигуры, одетые в отрепья, с кровавыми следами правежа и пыток на теле. Чрезвычайное накопление такого рода нищенствующих колодников подало правительству повод издать указ – отдавать их в работы частным лицам с платой им по 24 рубля в год, а если таких частных охотников пользоваться их трудом не найдется, то на казенные работы за 12 рублей в год. Вслед за тем, однако, нищенство увеличилось до такой степени, что от шатающихся повсюду попрошаек не было ни проезда, ни прохода, и тогда издан был новый указ – ловить нищенствующих, из них молодых и здоровых отдавать в солдаты и в матросы, а негодных отсылать в каторжные работы; тех же, которые сидели в заключении за частные долги по иску челобитчиков, кормить за счет последних, но не пускать просить милостыни.

В.И. Быстренин. Последнее заседание в Кабинете министров обер-егермейстера А.П. Вольнского. Офорт с картины В.И. Якоби

Вместе с нищенством преследовалось бродяжничество. Оно увеличивалось при каждом рекрутском наборе, так как значительное количество бродяг состояло из убежавших от военной службы. Часто рекруты, еще до привода их в прием, учиняли себе членовредительство в надежде, что будут сочтены негодными к службе. Если заранее открывалась такая хитрость, то их наказывали шпицрутенами, но иные успевали провести начальство и в приеме были признаны действительно калеками; такие после того просили милостыню и сочиняли про себя небывалые приключения, чтобы разжалобить сострадательных. Во время войны в Польше многие русские солдаты бежали из армии и селились в польских владениях; кроме солдат бежало туда же немало помещичьих людей и крестьян из краев, сопредельных с польскими владениями, – таких нередко сманивали к себе польские помещики, обещая им в своем отечестве всякие блага. Из таких беглецов иные скоро соскучивались на чужой стороне и находили, что в Польше их положение не лучше, чем в России; они возвращались в Россию и думали найти себе безопасный притон в Ингерманландии, так как прежде смотрели сквозь пальцы на поселение там беглого народа, но при Анне Ивановне их стали высылать оттуда в места прежнего жительства. И теперь, как при Петре Первом, давались беглым милостивые сроки, в которые дозволялось воротиться с побега и остаться без наказания. Но охотников на такие милости и при Анне Ивановне, как и при прежних государях, являлось немного.

Более смелые и отважные из беглых всякого рода составляли разбойничьи шайки. При самом вступлении Анны Ивановны на престол замечали уже, что разбойничьи шайки в России растут не по дням, а по часам, и жители способствуют этому злу, давая пристанище всякого рода бродягам. Когда двор пребывал в Москве, в окрестностях столицы происходили разбои и грабежи, удалые как будто вовсе не стеснялись близости верховной особы. После переезда двора в Петербург Семену Андреевичу Салтыкову, московскому губернатору, то и дело присылались указы о принятии мер против разбоев в Подмосковном крае. Разбойники, однако, были так смелы, что посылали знатым лицам письменные требования положить им в назначенном месте деньги и делали угрозы на случай отказа. Около самого Петербурга до того умножились

разбойничьи шайки, что правительство принуждено было отправлять отряды солдат вырубать леса на расстоянии тридцати сажен по обе стороны дороги из Петербурга в Москву. В 1735 году, после двухлетних неурожаев, обеднел везде народ и повсюду умножились разбойничьи шайки. Составлялись из отставных солдат команды для преследования и поимки разбойников, но главный начальник этих команд подполковник Редкин задерживал не столько виновных в разбоях, сколько невинных с целью брать у них взятки. Ему дали выговор – тем дело окончилось, а разбойники в следующем 1738 году самым безобразным способом давали о себе знать на Волге и на Оке: они грабили плававших по этим рекам торговцев, нападали на помещичьи усадьбы и мучили жестокими истязаниями владельцев и их дворовых, не давали спуска также и казенным таможням и кабакам, убивали целовальников и голов и забирали казенные сборы. Они как будто не сознавали большого греха в своих поступках: жертвовали в церкви материи, награбленные у купцов, покупали колокола и нанимали священников служить панихиды по умерщвленным на разбоях. На низовьях Волги обязанность ловить разбойников, плававших в лодках и грабивших встречные купеческие суда, возложена была на волжское казачье войско, а ограбленные купцы обязаны были платить казакам по три процента со ста за возвращенные товары. И в других краях империи велась борьба с разбойниками. В 1739 году их шайки появились в уездах Кексгольмском и Олонецком; указано было преследовать их оружием и пойманных отсылать в Выборг, где казнить смертью. В том же году дозналось правительство, что толпы русского народа убежали в Польшу из провинций Великолукской, Псковской и Новгородской с намерением составить в чужой земле разбойничью шайку и явиться в российских пределах: отправлен был в Великие Луки полк – не пропускать из-за границы русских беглецов. Но в 1740 году, уже перед кончиной императрицы, в самом Петербурге распространились кражи, грабежи и убийства – в Петропавловской крепости убили часового и похитили несколько сотен казенных денег.

Сухопутное войско, расставленное на так называемых вечных квартирах, служило для водворения гражданского порядка и безопасности жителей края. Военные по распоряжению местных начальств тушили пожары, преследовали разбойников и отправляли казенные работы, но строго воспрещалось употреблять их, под каким бы то ни было предлогом, на работы частные. Однако пребывание войск на вечных квартирах не обходилось без беспорядков и недоразумений между военными чинами и обывателями городов и сел: чаще всего они возникали по поводу постоянной повинности и временного передвижения войск. Расположенное на вечных квартирах сухопутное войско не состояло в своем надлежащем комплекте: постоянно в бегах считалось тысяч до двадцати и более.

Морское дело при Анне Ивановне совершенно приостановилось и, так сказать, было забыто. Кораблестроение, которым с таким жаром занимался Петр Великий, было покинуто, хотя и назначали отпускать из казны в год на морское дело немалые суммы и определяли строить число кораблей разных размеров. Но все это оставалось только на бумаге. О мореплавании мало помышляли государственные мужи России, и Миних, занимаясь укреплением Кронштадта, докладывал, что в кронштадтской гавани лежат кучами ветхие военные суда, которые остается выкинуть и истребить как ни к чему не годные, но для этого потребуется чрезвычайное множество рабочих рук. Достойно замечания, что Миних, приобретший себе историческую славу как полководец, едва ли не более русских людей признавал важность кораблестроения для величия и безопасности Русского государства.

VI. Образованность, промышленность и торговля

Обучение юношества. – Кадетский корпус. – Училище в сенате. – Академия наук. – Ученые экспедиции. – Литературные труды. – Другие училища. – Лесоразведение. – Хлебное производство. – Конские заводы. – Рыбные промыслы. – Селитра. – Поташи. – Ревень. – Пенька. – Черепица. – Металлы. – Кожевенное производство. – Суконные и шелковые фабрики. – Купечество. – Меры правительства по отношению к торговле. – Монетное дело.

В деле народного образования в век, описываемый нами, обращалось внимание на образованность одного дворянского класса. С целью доставить воспитание дворянскому юношеству учрежден был сухопутный кадетский корпус. Хотя его специальное назначение было выпускать годных к военному званию людей, но допускалось, что государству нужны и люди, посвящающие себя гражданской деятельности, поэтому кадетский корпус, будучи заведением специально учебным, был в то же время и общеобразовательным²³⁵. Приготовлявшиеся к морской службе получали образование в морской академии. Правительство покровительствовало грамотности и между низшими воинскими чинами. При гарнизонных полках заведены были школы, где на казенном иждивении обучали солдатских детей, но туда принимали также и мелких дворян. Неграмотных солдат не производили в унтер-офицеры. Что касается дворянства, то рождение в этом звании служило уже обязательством быть грамотным человеком. Лица шляхетского звания по указу 1737 года должны были своих достигших семи лет сыновей привозить в столицах к герольдмейстеру в сенат, а в губерниях – к губернатору для отдачи их в обучение, и в 16-летнем возрасте юноши сами должны были являться в сенат в Петербург или Москву для экзамена из арифметики и геометрии. Тех недорослей, которые, будучи представлены в сенат, не оказывали ни охоты, ни способности к военной службе и не могли быть приняты ни в кадетский корпус, ни в морскую академию, оставляли при сенате для приготовления к гражданской службе. Они два дня в неделю являлись в сенатскую камеру для обучения арифметике, геодезии, геометрии, географии и грамматике, они не должны были посещать «вольных домов» (трактиров) и играть в карты и кости, каждый день они обязаны были пудрить голову и в известные праздники вместе с кадетами ходить ко двору. Если у кого из них не оказывалось никакой охоты к учению – того отдавали в солдаты. Вообще охоты к образованию у всего российского дворянства было очень мало: несмотря ни на какие царские указы, дворяне не хотели отдавать детей в учение – и на смотр их возить уклонялись, и дома их ничему не обучали.

Высшим образовательным заведением была Академия наук, при которой с 1735 года заведен был семинарий для тридцати пяти юношей шляхетского звания и, кроме того, велено было из московского училищного монастыря присылать туда молодых людей для обучения наукам. Академия наук руководила учеными экспедициями. Так, в 1732 году снаряжена была вторая экспедиция к камчатским берегам; она имела и административное значение, потому что ей поручали заселение Охотска и вообще всего восточного берега. Беринг должен был послать сухим путем и водой к Северному морю сметливых людей для узнавания края, а самому Берингу поручалось проведывать, какие земли находятся между полуостровом Камчаткой и Америкой, и отысканные земли подчинять России, не касаясь, однако, прав европейских государств, а также прав Китая и Японии; но с этими последними государствами он должен был завести торговые сношения. В 1736 году отправлена была от Академии наук другая экспедиция под начальством Муравьева и Овцына, для отыскания путей по Ледовитому морю от Архангельска до устья Оби, а в 1740 году отправлен был от той же академии профессор Делиль для астрономических наблюдений в Обдорск.

---

²³⁵ О кадетском корпусе подробнее излагается в жизнеописании фельдмаршала Миниха.

Русский крестьянин в XVIII столетии. С современной гравюры Дальстена

Внимание Академии наук обращено было и на отечественную историю. По докладу академии в июне 1736 года указано было по всей России собирать рукописи и документы, относящиеся к царствованию Ивана Васильевича Грозного, Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, и отсылать их в сенат, а сенат должен был все, что в них относилось собственно до истории, посылать в Академию наук; то же, что по соображениям сената еще подлежало тайне, отправлять в Кабинет. Тогда-то появились первые труды Миллера, иностранца, прибывшего в Россию в 1720 году и оказавшего бесценные услуги русской истории и вообще русскому просвещению. Еще не зная основательно русского языка, он начал собирать материалы по русской истории и издал по-немецки «Сборник статей по русской истории» (Sammlung der russischen

Geschichte), который до сих пор не потерял своей цены. В 1732 году Миллер был командирован от Академии наук в Сибирь для изучения тамошнего края и пробыл в этой командировке десять лет, а по возвращении много лет, до конца своей жизни, приводил в порядок собранные им материалы, относящиеся к географии, истории, этнографии и естествознанию России. Это собрание до сих пор хранится в московском Архиве Иностранных Дел, известное в ученом мире под названием «Портфелей Миллера», и представляет такую неисчерпаемую сокровищницу для науки, что ее станет еще на целое столетие, несмотря на то что редкий, занимавшийся русской историей, не пользовался этим собранием.

При первом насаждении ростков знания в России, понятно, что хотя по мысли преобразователя царя и основана была Российская Академия наук, но она была наполнена иностранцами. Впрочем, вскоре уже стали появляться и чистокровные русские люди, работавшие в области знания и литературы. По русской истории старейшее место из них принадлежит Василию Никитичу Татищеву. Его специальностью было собственно горное дело, и для изучения его Петр отправил Татищева за границу, где тот пробыл много времени и потом всю свою жизнь в России посвящал этого рода деятельности. Но в то же время он полюбил отечественную историю и первый написал по-русски обширную историю России, к сожалению, оставшуюся неоконченной.

В числе русских писателей той эпохи нельзя без уважения привести имен Ададунова (физика), Манкиева, сатирика Кантемира, Тредьяковского и знаменитого Михаила Васильевича Ломоносова, творца нового книжного русского языка. Эпоха царствования Анны Ивановны в отношении русского просвещения представляла подобие того времени дня, когда утренняя заря разгоняет темень, остававшуюся от ночи, и готовит выход на горизонт дневному светилу. Для нас теперь сочинения того времени представляются далеко не в том значении, какое они имели в свое время. Сатиры Кантемира и оды Ломоносова кажутся нам чересчур тяжелыми, а сочинения Тредьяковского – образцом бездарности. Между тем и последний был одним из передовых людей своего века: в подтверждение этого достаточно указать, что он ранее всех понял превосходство тонического размера перед силлабическим для русского языка и первый стал писать этим размером стихи, открывая путь грядущим русским поэтам.

Гренадеры: обер-офицер и рядовой пехотного армейского полка с 1732 по 1742 г.

Нельзя сказать, чтобы в царствование Анны Ивановны правительство вовсе не думало о просвещении в России. Оно, бесспорно, желало, чтобы в ней существовало и процветало высшее учебное заведение, хотя бы члены этого заведения писали не по-русски за неготовностью русского языка к выражению предметов высших наук. Правительство не отказывало этому учреждению посильно и в материальных средствах, и в привилегиях. В 1735 году Академия наук, по повелению назначить себе штат, проектировала на свое содержание 64 086 рублей в год; сенат уменьшил эту сумму до 53 298 рублей, но во все царствование Анны Ивановны она с трудом могла достаться академии: ограничивались единовременными пособиями, из которых самое крупное в 20 000 рублей выдано было в 1739 году. Специальной привилегией Академии наук было издание календаря, а в Киеве и во всей Малороссии приказано было отбирать и жечь календари, привозимые из Польши, потому что правительство замечало в них «зловымышленные и непристойные пассажи». Академии наук дано было исключительное право печатать книги религиозного содержания и церковно-служебные на языках грузинском и калмыцком и

посылать их предварительно, до выпуска в свет, на проверку сведущим в этих языках лицам, которых нарочно держали при Синоде.

Академия наук была не только ученое, но и учебное заведение, где русские могли получить литературное или энциклопедическое образование. Такое же образование можно было получать в Московской славяно-греко-латинской академии и в славяно-греко-латинских школах, основанных по инициативе белгородского епископа Епифания в Харькове, при Покровском монастыре.

Об образованности простонародья заботились мало. Существовал даже такой взгляд, что простой народ незачем учить грамоте, чтобы не отвлекать от черных работ; в таком именно смысле выразился указ 12 декабря 1735 года, состоявшийся по просьбе заводчика Демидова, хлопотавшего, чтобы обывательских детей не принуждали к учению. Только в целях распространения христианства в Астрахани в 1732 году заведено было училище для новокрещеных, а в 1735 году с той же целью в четырех городах Казанской губернии основано по школе, и в каждую назначалось по два учителя и комплект в 30 человек учеников. В малороссийские школы, существовавшие издавна в Малороссии по приходам, правительство не вступалось вовсе, но в сентябре 1738 года оно указало учредить в Малороссии школу для пения, и в этой школе следовало рядом с пением обучать струнной музыке, игре на скрипке и на малороссийской бандуре. Из этой школы ежегодно посылалось десять лиц ко двору и, по отсылке, их заменяли в школе другими десятью.

В области хозяйства, промышленности и торговли царствование Анны Ивановны было продолжением царствования Петра Великого. Такие же распоряжения, какие издавались Петром Первым о сбережении лесов, появлялись и при Анне Ивановне, хотя с меньшей суровостью. Их повторение казалось тем необходимее, что русские люди со смертью Петра I перестали бояться взыскания за невнимание к сбережению лесов и начали истреблять их. Кроме произвольной, хищнической порубки леса истреблялись от пожаров на широкие пространства. Около самого Петербурга лесные пожары свирепствовали в таком размере, что императрица принуждена была писать генералу Ушакову, начальнику тайной полиции, чтоб он принял меры к избавлению ее величества от дыма и копоти в ее дворцах петербургском и петергофском, и сенат выслал отряды солдат тушить пылавшие леса. Что касается прекращения самовольной рубки лесов, то в 1730 году составлена была опись всем заповедным лесам в государстве, которые предположено было сберегать для казенных построек. Положено было считать заповедными леса, растущие вдоль Волги, вниз от Нижнего Новгорода на обе стороны от берегов расстоянием на сто верст, а также и в других местах около больших рек и озер. По селам и деревням возобновлены надсмотрщики, состоявшие под начальством вальдмейстеров, дававшие разрешения обывателям на рубку для домашних нужд. Были деревья заповедные, дуб, ясень, клен, вяз, илим, лиственница и сосна, имеющая в диаметре 12 вершков, прочие деревья не причислялись к заповедным, можно было рубить их, хотя бы и в заповедном лесу. За самовольную рубку наказывали большими денежными штрафами за два раза, а за третий – виновный подвергался кнуту и ссылке в каторгу. Там, где замечалось оскудение лесов или где нуждались в их избытии, там полагалось отводить помещикам участки, обязывая засеивать их лесами.

Фузелер армейского пехотного полка с 1732 по 1742 г.

Хлебное производство подчинено было таким же правилам, как и при Петре Первом. Торговля хлебом была то стесняема, то расширяема, смотря по урожаям. В 1734 году постиг Россию страшный неурожай; тогда у всех купцов, торговавших хлебным зерном, велено было отбирать товар и продавать без платежа пошлин в казну так, чтобы хозяину доставалось не более десяти процентов барыша. Губернским и провинциальным властям, а также штаб-офицерам войск, расположенных на вечных квартирах, поручено было наблюдать, чтобы помещики продавали хлеб только лишний, остающийся у них от продовольствия людей и крестьян. Из провинций, страдавших от неурожая, запрещалось возить хлеб для продажи в столицы, а Петербург должен был снабжаться хлебом из той полосы империи, которая не терпела тогда от неурожая. В 1737 году после пожаров вздорожали строительные материалы, а вслед за ними поднялись цены на жизненные потребности и в том числе на хлеб; правительство издало указ, запрещавший дальнейшее повышение цен. Много хлебного зерна истрачивалось на винокурение помещиками, получившими привилегию свободного производства вина в своих имениях и провозившими это вино повсюду под предлогом, что оно делается для своего обихода. Для

массы простого, или «подлого», как тогда говорилось, народа хлебное вино продавалось в кружечных дворах, в кабаках и в вольных домах, составляя казенный доход. Продажа виноградного вина, кваса, пива, уксуса и сушла отдавалась на откуп, а с 1735 года откупа были сняты, и торговля этими произведениями стала вольной. В Малороссии и в Слободской Украине, как уже было сказано выше, винное производство было вольное.

Забота о разведении конских заводов была своеобразной чертой царствования Анны Ивановны под влиянием ее любимца Бирона. В 1731 году учреждена была конюшенная канцелярия, или Конюшенный приказ. Он получил в 1733 году особый регламент, где были означены разные должности – шталмейстер, провиантмейстер, фуражмейстер, экипажмейстер, рейтаней и конюхи. В ведомство этого нового учреждения были отданы город Скопин, а потом город Раненбург с несколькими волостями и селами; в последующие годы в губерниях Нижегородской, Казанской, Воронежской и в провинциях Алатырской, Тамбовской, Севской и Курской положено отвести пустопорожные земли для основания конских заводов; в дворцовых волостях, лежавших более всего около Москвы, велено выписывать немецких и датских лошадей и обучать конюхов и коновалов. Всем остзейским обывателям вменялось в обязанность разводить у себя в крае лошадей и дозволялось беспошлинно торговать ими на двух конских ярмарках, учрежденных в Риге и в Киеве. В 1739 году положено завести конские заводы в Малороссии и в Слободской Украине – раздать по полкам маток и выписывать для них немецких заводчиков. В том же году указано сделать то же во всех имениях церковного ведомства. До самой своей кончины Анна Ивановна оказывала большое попечение к успеху коннозаводства в России.

Рыбный промысел, процветавший тогда преимущественно в низовьях Волги, составлял государственное достояние и отдавался на откуп за 3500 рублей в год. Достоянием казны при Анне Ивановне, как и в предшествовавшие ей времена, были: селитренное и поташное производства, ремень и пенька. В 1736 году заведены были близ Саратова на старом Увекском городище селитренные заводы, и с этой целью туда отправлялись офицеры с солдатами для производства казенных работ. Но потом правительство стало недовольно тамошним ходом работ и в 1740 году предоставило всем желающим частным людям заниматься селитренным производством, а выработанную ими селитру обязало представлять в казну по установленной цене. Порох в вольной продаже не был допущен, его можно было покупать только из артиллерийского ведомства и притом в количестве не более десяти фунтов в одни руки, но знатным особам давалось дозволение покупать пуда по два и по три. Закон, стеснявший продажу пороха обычным путем торговли, не мог воспрепятствовать, однако, доставать его разбойникам.

Казенные поташные заводы были в уездах Нижегородском, Арзамасском, Саранском, Кадомском, Шацком, Верхнеломовском и Нижнеломовском. Всех их было восемнадцать; к ним были приписаны крестьяне, которые все происходили из мордвы и ведались в Починковской конторе. Поташ с места производства доставляли в Петербург в бочках, обшитых рогожами, и там его сбывали английским купцам в присутствии русского браковщика. Казна всегда высоко ценила торговлю этим товаром.

Ремень доставлялся в Петербург из Сибири. Каждый год привозили его до тысячи пудов. Его продавали английским купцам не ниже ста рублей за пуд. Никто из частных лиц не смел привозить ремень из Сибири под страхом смертной казни.

Пеньку привозили в Петербург из разных мест, а с 1737 года – из Малороссии. Соляная продажа всегда была свободна, но ограничивалась назначением таксы, выше которой продавец не должен получать барышей.

Обращено было внимание на выделку черепицы, которую сочли лучшим материалом для кровли церквей, дворцов и домов в целях безопасности от пожаров. В 1737 году черепичное дело в России отдано было голландцу Дикоту с обязанностью продавать черепицу в частные

руки по той цене, по которой она будет продаваться в казну. Выделялось два сорта черепицы: красная выгибная – для кровли домов и зеленая – для кровли церквей.

Металлическое производство в царствование Анны Ивановны стало переходить из исключительно казенного достояния в общедоступное.

Рядовой драгунского полка с 1732 по 1742 г.

В 1731 году было замечено, что в Вятской провинции отыскивается так много железной руды, что нет возможности казне обрабатывать ее за недостатком капитала. Поэтому дозволено было частным людям основывать железные заводы: таким обещано давать из царских волостей по сто и по сто пятьдесят дворов к каждой домне с тем, чтобы каждая домна, по миновании своих льготных лет, вырабатывала ежегодно до 35 000 пудов чугуна. В 1735 году в Сибири

оказалось чрезвычайное множество разных руд, отысканных 7 частными лицами, и тогда было дозволено каждому по желанию основывать рудопромышленное заведение с разрешения сената. В 1738 году все казенные горные заводы, исключая Гороблагодатских на Урале и медных в Лапландии, отдали компании, составленной как из русских, так и из иностранцев. Затем всем дозволено было составлять такие компании, основывать новые заводы и брать от казны пособие. Золото и серебро за границу не отпускались, равно как и свинец, который шел на приготовление боевых запасов для русского войска. Золото и серебро добыватели должны были доставлять в казну, получая за золотник золота два рубля тридцать копеек, а за золотник серебра – четырнадцать копеек. Прочие металлы можно было продавать всякому, но с продаваемой меди отдавать в казну две трети по ходячей цене, а с других металлов и минералов – по десять процентов. Хозяевам заводов дозволено было выписывать из-за границы мастеров. Гороблагодатские и лапландские медные заводы, составляя казенное достояние, отдавались на откуп. Оружейные заводы сестрорецкие и тульские находились в казенном ведомстве и в 1737 году были соединены в одно управление. При них в Туле и Сестрорецке устроены были фабрики зеленой меди с тем, чтобы прекратить барышничество подрядчиков на вещи, потребные на мундирное строение. Тульских оружейных мастеров было налицо 2158 человек, но около Тулы крестьяне в кузницах стали заниматься железными изделиями: правительство нашло эти изделия плохими и запретило этот вольный промысел.

Гренадер драгунского полка с 1732 по 1742 г.

Еще Петр I обратил внимание на производство кожаных вещей. При обилии кожаного материала русские не обрабатывали его сами, а продавали в сыром виде иностранцам и покупали у последних изделия из русской кожи по высокой цене. Петр запретил вывоз кож в сыром виде за границу, но этот указ после Петра плохо соблюдался, хотя несколько раз повторялся снова. В 1736 году учреждена была компания владельцев новоманерной кожаной фабрики и получила привилегию на поставку для армии своих изделий по установленным ценам.

Производство шерстяных тканей, так покровительствуемое Петром I, равным образом пользовалось вниманием и при Анне Ивановне. В 1733 году дали привилегию фабриканту Полуярославцеву, владевшему фабриками в Москве и в Путивле и овчарным заводом. Из Малороссии запретили вывозить овчины за границу и обязали доставлять их ему на фабрики.

Он поставлял сукно в казну на солдатскую обмундировку. В 1736 году купец Евреинов с компанией из купцов выхлопотал привилегию на открытие в Москве суконной фабрики, дано было этой компании заимообразно из казны 10 000 рублей без процентов, с обязательством выплатить их в течение трех лет мундирными сукнами. Дано было право беспошлинного привоза материала на десять лет и освобождение домов, принадлежащих членам компании, от военного постоя навсегда. В том же году двум астраханским купцам-армянам дана была привилегия на открытие суконной фабрики и овчарного завода на собственный их счет с правом беспошлинно привозить материалы в течение пятнадцати лет.

Производство шелковых тканей сосредоточивалось отчасти в руках того же купца Евреинова с компанией. Для успеха своего предприятия он в 1737 году выхлопотал привилегию ежегодно покупать на 10 000 рублей китайского шелка, выплачивая за него сибирскими меховыми товарами.

Кроме него в 1740 году астраханские армяне, владевшие собственными плантациями, испросили право на заведение в Астрахани и Кизляре шелковых и бумажно-хлопчатых фабрик с правом привозить из Персии материалы беспошлинно.

Нельзя сказать, чтобы правительство Анны Ивановны показывало мало желания к расширению промыслов и торговли в Российском государстве. Ряд узаконений в пользу хозяев промышленных заведений и купцов показывает, что эти господа находили себе опору у правительства. Так, в 1736 году указано было всех, обучавшихся какому бы то ни было мастерству и поступивших на фабрики, оставлять при них навсегда, выписывая их из подушного оклада, а всех бродяг, объявивших себя не помнящими родства, приписывать на жительство к фабрикам и заводам. Таким образом, эти люди делались крепостными фабрикантов и заводчиков. Купечеству давалось важное право покупать людей и крестьян для отдачи их в рекруты. Все торговые люди ведались в ратуше, губернаторы и воеводы не смели вмешиваться в их управу и в их сборы. Сами купцы несли выборную службу в ратушах и в таможах, но те из них, кто владел фабриками и заводами или входил в договоры с казной, освобождались от выборной службы.

Пользуясь ласками правительства, купцы, однако, были связаны тем, что должны были торговать непременно в гостиных дворах и в лавках, а не в собственных жилых дворах, и в розницу могли торговать только в своих городах, а в чужие города им дозволялось ездить с товарами для оптовой торговли. Иностранцы с 1731 года получили от правительства право торговать по всей России, продавая свои товары только оптом, а не враздробь. Таким же правом пользовались евреи в Малороссии и Смоленщине. Английские купцы перед всеми другими иностранцами пользовались предпочтением и вниманием правительства; их дворы в Петербурге были освобождены от военного постоя. Некоторым лицам, не принадлежащим по званию к торговому классу, давали торговые привилегии. Так, граф Гаврило Владиславлев в 1735 году приобрел право торговать по всей России беспошлинно, а в 1737 году по челобитью цесаревны Елисаветы Петровны крестьянам ее волостей даровано было право торговать без записания в купеческое звание. Это был исключительный случай: правительство того времени не поощряло простолюдинов к торговым занятиям; напротив, в 1739 году в Петербурге запрещено было здоровым и годным к черной работе людям заниматься продажей плодов и овощей по улицам.

По устройству монетного дела царствование Анны Ивановны богато правительственными распоряжениями. В 1730 году указана постоянная цена русскому червонцу – два рубля 20 копеек. В 1731 году уничтожены мелкие серебряные деньги, и их владельцам предоставили право представлять их для переделки в монетную контору и получать из казны по 18 копеек за золотник чистого серебра. Вместо прежней мелкой денежной монеты стали чеканить более крупную, в размере рублевиков, полтинников и гривенников – 77-й пробы. В том же году была уничтожена вовсе медная монета, но бывшая уже прежде в обращении продолжала ходить в народе до 1737 года, когда всем дозволили, по желанию, переливать ее в медную посуду.

Важным узаконением в царствование Анны Ивановны было учреждение ссудной казны при монетной конторе, откуда желающим выдавали деньги под залог серебра по восемь процентов в год. Это учреждение последовало во внимание к тому, что частные лица, нуждаясь в наличных деньгах, делали займы и платили обычно по двадцати процентов в год. Таким образом, правительство пресекало вредную деятельность ростовщиков и соблюдало пользу своих финансов.

VII. Церковь

Политика правительства по отношению к церкви. – Влияние немцев. – Дело Феофилакты Лопатинского. – Попытки иноверцев. – Отступничество. – Раскол. – Рационально-мистические секты. – Суеверия. – Меры к образованию духовенства. – Монастыри. – Управление монастырскими имуществами.

Дух Петра Великого продолжал руководить политикой правительства Анны Ивановны и по отношению к вере. Оно издавало распоряжения, клонившиеся к распространению христианской веры и к охранению господствующей православной церкви от иноверия, но разом издавало и такие, которыми хотело оградить православную церковь от ханжества.

Еще Петр I повелевал отбирать поместья у татарских мурз, не хотевших креститься. 6 марта 1730 года Анна Ивановна подтвердила этот указ своего дяди, указав при этом – отобранные уже прежде у татарских мурз поместья передавать тем из их родственников, которые согласятся креститься, или же самим прежним владельцам, если они перестанут упорствовать и примут крещение. При таких мерах сразу накопилось множество новых христиан, но, оставаясь в сообществе со своими некрещеными соотечественниками, они только по имени считались христианами, а на самом деле держались приемов своей прежней религии, иные же открыто отрекались от христианства и возвращались к магометанству или к язычеству, смотря по тому, какую веру исповедовали прежде крещения. В конце царствования Анны Ивановны отправлен был в Казань учитель иноверцев – московской духовной академии архимандрит Димитрий Сеченов с пятью духовными лицами, знавшими языки тамошних инородцев. Они должны были новокрещенам излагать основания христианской веры, учить их главнейшим молитвам и отвращать от языческих и мусульманских обычаев, отнюдь не делая принуждений тем, кто еще не изъявлял желанья креститься. Чтобы утвердить новокрещеных в принятом ими вероисповедании, сочли нужным отделить их от некрещеных и положили отвести крещеным удобные для поселения земли поблизости к Саратову и к Царицыну, так, чтобы при каждом 250 дворах построить деревянную церковь и определить в нее по два священника, по одному диакону и по три церковника, назначив им денежное и хлебное жалованье²³⁶. Каждый новокрещен по совершении над ним крестного обряда получал в дар крест, белье, кафтан и несколько денег. На новоселье новокрещенам давалась льгота на три года, а повинности за них в эти льготные годы должны были отбывать их некрещеные братья. Новокрещенам дозволялось поступать внаймы и заниматься торговлей. Для них учредили специальное ведомство – новокрещенскую контору. Для обучения инородческих детей указано было завести четыре школы: в Казани, Елабуге, Цивильске и Царевококшайске; там надлежало обучать русскому чтению и письму, десятисловию, часослову, псалтири и катехизису, но вместе с тем предписывалось наблюдать, чтоб ученики отнюдь не забывали своих природных языков.

Иностранцам других христианских вероисповеданий была предоставлена свобода строить свои церкви и в них отправлять богослужение. В Петербурге были церкви лютеранская и армянская. В некоторых местах по украинской линии, где было много иностранцев рабочих из немцев, велено было построить лютеранские церкви. Правительство узнало, что иностранные духовные, не довольствовавшиеся свободой своего богослужения, начинали совращать в свою веру православных; издан был манифест, строго запрещающий такие совращения...

Эпоху царствования Анны Ивановны считают обычно эпохой господства немцев-протестантов в России. Такой взгляд не лишен основания, но преувеличено мнение тех, которые замечали со стороны немцев стеснение православной веры, издавна здесь господствующей.

---

²³⁶ Священнику – 60 рублей в год, диакону – 40, причетникам по 30 и по числу четвертой хлеба соразмерно с числом жалемых рублей. Это выселение и отделение крещеных от некрещеных впоследствии не удержалось.

В этом отношении немцы, занимавшие в России высокие места, были благоразумны и сдержанны, да и сама императрица, как ни тесно сблизилась с немцами, оставалась все-таки приверженной к отеческой вере. Обычно ставят на вид историю Феофилакта Лопатинского, архиерея, потерпевшего за то, что вступил в неприязненные отношения к протестантству. Он издал книгу покойного Стефана Яворского «Камень веры» – книгу, направленную против протестантского учения вообще. За границей, в Лейпциге, некто Буддей напечатал опровержение на эту книгу; автор восхвалял новгородского архиепископа Феофана Прокоповича и порицал Феофилакта Лопатинского. Феофилакт изъявил подозрение, что Буддей выставлен как псевдоним, настоящий же автор опровержения на «Камень веры» – не кто иной, как сам Феофан Прокопович, а последнего давно уже обвиняли в расположении к протестантству. Феофилакт спрашивал у двора разрешения писать возражение на книгу Буддея и не получил его по интригам князя Алексея Черкасского, друга Феофана.

В.И. Суриков. Императрица Анна Иоанновна в Петергофском «Темпле» стреляет оленей

В это время другой какой-то протестант написал другое сочинение против Феофилакта под названием «Молоток на Камень веры», и этого «Молотка» опровергать Феофилактору не дозволили, только архимандриты, члены Святейшего Синода, перевели книгу иезуита Рибейры против протестантства: в этой книге резко укоряли Феофана Прокоповича за пристрастие к протестантству в предосуждение православию. Феофан был человек злой и мстительный, он всегда преследовал своих противников, пользуясь влиянием, которое получил и сохранял при дворе со вступления на престол Анны Ивановны. И теперь по его стараниям переводчики книги Рибейры были засажены в крепость, а Феофилакту вытребовали в Синод к ответу. Феофан умер прежде, чем это дело окончилось, но его соперник, Феофилакт, и после смерти своего врага потерпел не меньше, как мог бы потерпеть и при его жизни. Его лишили сана и подвергли жестокому тюремному заключению в Выборгском замке. Это событие произошло как бы в угоду протестантам; его приписывали силе немцев, заправлявших тогда делами в Рос-

сии. Скорее, однако, тут следует видеть известную злобу Феофана Прокоповича, который уже не одного из тех, кого считал своими врагами, замучил без сострадания, и в том числе своего предшественника в сане архиепископа Феодосия Яновского. Что касается правительства с немцами во главе, так жестоко поступившего с Феофилактом уже после смерти Феофана, то и оно, кажется, здесь руководствовалось намерением показать политическое благоразумие, не допускаясь разыгрываться страстям под возбуждением религиозных прений.

По соседству России с Польшей католики предпринимали попытки своей пропаганды в России. При Анне Ивановне правительство указало прибывавших в Россию из Польши католических духовных прогонять обратно в польские владения, если существовало подозрение, что они ехали в Россию с целью совращать православных в свою веру, напротив – принимать являвшихся из польских владений православных обывателей как духовного, так и мирского звания, искавших убежища и новоселья в России по поводу возникшего гонения на православие и насильственного понуждения народа к унии. Прибывших таким образом православных обязывали произносить присягу на верность императрице, после чего позволяли им водворяться и избирать род жизни по своему желанию, а пришельцев духовного сана повелено было по возможности определять на вакантные места.

Сурово преследовали тех русских, которые отрекались от православной веры и принимали чужую. Так, в 1738 году сожгли живьем флота капитана Возницына разом с иудеем Борохом Лейбовичем, совратившим его в иудейскую веру, а в 1740 году казнен смертью сибирский казак Исаев за принятие магометанства. С переменявшими православное исповедание на другое христианское поступали не так сурово, но все-таки и это считалось большим преступлением. Были подобные примеры с людьми высшего класса; мы уже знаем, что за свое отступничество они подвергались нравственному унижению от высочайшей особы.

Правительство Анны Ивановны по отношению к расколу старообрядства держалось основной политики Петра I. Не преследовали раскол по религиозному убеждению, а не терпели его из-за политических соображений, находя бесполезным для государства, если жители станут отпадать от господствующей церкви и составлять свои особые вероучения. Старообрядство, жестоко гонимое в середине государства со времени своего появления, давно уже искало спасения в отдаленных окраинах. Верное древнему преданию, оно поставляло высшим нравственным идеалом иночество. Где поселялись гонимые старообрядцы, там тотчас возникали пустыни и скиты с иноками и инокинями, хранившими старинные дониконовские обряды. Множество старообрядцев селилось в сибирских дебрях и тундрах, и в этих негостеприимных странах появились раскольничьи монастыри, около которых селились и их семейные единоверцы. Много таких монашеских обителей было около Екатеринбурга и около заводов Демидова. Приказано было разорять эти обители и отысканных в них монахов отсылать к тобольскому архиерею для размещения по монастырям. Но тобольский архиерей доносил, что многие из таких иноков и инокинь разбежались, и по этому донесению правительство нашло более сообразным посылать таких монашествующих раскольников вместо монастырей на казенные заводы в работу, а тех, кто прежде приписался на частные заводы, – обложить двойным подушным окладом, как уже прежде при Петре I все раскольники были обложены таким окладом. Такая судьба постигла раскольников, поселившихся в Сибири. Другой приют нашли себе раскольники в другом конце государства – у подножия Кавказа, в Астраханской епархии. В 1738 году Синод получил сведение, что гребенские казаки по примеру своих отцов держатся двоеперстного крестного знамения, не хотят знать церкви и не слушают никаких увещаний. По всей империи помимо двойного оклада раскольники-старообрядцы стеснены были лишением права брать плакатные паспорта; тех же из них, кто дерзал совращать православных в свое вероучение, указано ссылать вечно на галеры. Таким же наказанием угрожали помещикам, старостам и бурмистрам за укрывательство противозаконных покушений совращать православных. Не доверяя вовсе безопасности в пределах Русского государства, многие раскольники уходили в

Польшу и там поселялись, но русское войско, вступив в эту страну в 1733–1734 годах, забирало этих беглецов и гнало назад в Россию. Сперва их поселили было в Малороссии, а потом с 1735 года стали возвращать на прежние места жительства, из которых они ушли за границу; объявивших же себя монахами указано было отсылать в монастыри внутри государства и там содержать их скуднее против обыкновенных монахов, давая двоим из них по одной монашеской порции. Иные раскольники, чтобы избежать гонения за свою веру, оставаясь на своих местах жительства, притворно посещали православные храмы, крестили и венчали детей своих по православному обряду, а на самом деле оставались раскольниками. В 1736 году указано было тех, кто исполнял православные обряды, но придерживался раскольничьего вероучения, наказывать строго, наравне с теми, кто вновь совратится из православия в раскол.

Кроме старообрядческого раскола при Анне Ивановне возникали и рационально-мистические секты. В Москве и около Москвы появлялись сборища людей обоего пола, сходящихся вместе с молитвенной целью, из них находились такие, кто заявлял, что чувствует на себе наитие Духа Святого, – они дрожали, кривлялись, вертелись, говорили странные речи, а слушатели искали в этих речах пророческого смысла. Такие сборища назывались согласиями. На этих согласиях показывались признаки склонности к старообрядству, потому что на одном из них в качестве пророческого вдохновения говорили, что надобно креститься двумя перстами. Они почитали грехом половое совокупление, хотя бы и между состоящими в браке, наравне с пьянством, матерной бранью и ложью, что в одинаковой степени признавалось противным Богу. Одно такое сборище было открыто в Москве в доме мастера парусной фабрики Ипполитова, где между прочим какой-то монах раздавал присутствующим кусочки хлеба, а какая-то монахиня давала запивать это квасом из ковша, и это вменялось как бы в причастие. На других сборищах проповедовали, что Христос не единожды только должен являться на земле, а может снова воплощаться в человеческом образе: находились такие, что сами себя выдавали за пришедшего вновь на землю Христа. Таких Христов появлялось несколько в разных краях: в Москве какой-то отставной стрелец Лубкин выдавал себя за Христа, учеников своих называл апостолами и причащал их разрезанными ломтиками калачей; на Дону казак Мирон выдавал себя за Христа Бога, а в Ярославском уезде, в селе Ивановском, поп Иван Федоров говорил своему отцу: «Ты мне не отец, я зачат во чреве матернем от Св. Духа, благовестил о мне ангел, я рода царского»²³⁷. По открытии таких сборищ некоторые их участники были казнены смертью, другие – биты кнутом и сосланы в Сибирь. Мы еще подлинно не знаем – были ли это давние народные суеверия, случайно ставшие известными при Анне Ивановне, или они порождены были сравнительно в недавнее время; равным образом не можем сказать – есть ли это произведение чисто русского фанатизма или плод чужеземного влияния.

Разом с нарушением православного благочестия путем отречения от господствующей церкви правительство преследовало всякие суеверия, хотя бы и прикрывавшиеся личиной православной религии. Следуя политике Петра I, оно не терпело появления юродивых, пророков, трудников, паломников и всякого рода ханжей, а равно и тех, которые им потворствовали. По городам и селам бродили нищие в безобразном виде, с колтунами на головах, и выдавали себя за одержимых бесами. Таких приказано было ловить и отсылать к суду. В 1739 году близ Новгорода появились двое трудников, живших в шалашах подле городской стены. Народ считал их святыми, получившими от Бога дар пророчества, и ходил к ним за советами. Правительство приказало взять их без огласки и, не подвергая истязаниям, заслат в монастыри, а вперед, если где явятся подобные пророки, то из них стариков отправлять в монастыри, а молодых отдавать в солдаты, женщин же и девиц препровождать на места их прежнего жительства и отдавать под надзор местных начальств. Особенно строго наказывали тех, которые выдавали себя за волшебников, умеющих причинять зло людям и портить их. Несколько таких плутов

²³⁷ Соловьев, «Ист. России», т. XX, стр. 307–308.

было сожжено живьем, а тех, кто приглашал их портить людей, били кнутом и, вырвав ноздри, ссылали в каторжную работу.

Как ни сурово относилось правительство Анны Ивановны к расколу и к религиозным заблуждениям, но оно все-таки было мягче и снисходительнее, чем того желали некоторые ревностные духовные сановники. Так, например, в 1737 году рязанский архиерей доносил Синоду, что ему при его старости трудно разглагольствовать с раскольниками, и находил, что лучше бы смирять их постом и плетью. На это он получил такой ответ: «Надобно раскольников наставлять по-пастырски, словом учительским, и за трудность оно не почитать, ибо всякое дело труду есть подлежательно, а кольми паче надлежит приложить труд свой о человеке, гиблющем душою, к чему его преосвященство призван и таковым характером почтен»²³⁸.

У правительства ранее, чем у русского народа, наступило сознание той простой истины, что недостаточно ограничиваться полицейскими способами устрашения, чтоб удержать народ в верности православной церкви. Оказывалась настоятельная нужда в умных, ученых и высоко нравственных священниках, которые были бы способны внушать уважение к своей личности и доверие к своим речам. Выступило на очередь важное предприятие завести семинарии и училища со специальной целью подготовки к духовному званию. При новгородском архиерейском доме с самого вступления на престол Анны Ивановны существовала школа для образования духовных, основанная Феофаном Прокоповичем и за его счет содержимая. По кончине этого иерарха в 1736 году указано было эту школу содержать по-прежнему в таком довольстве, в каком находилась она при покойном архиерее. В Казани существовала семинария, основанная архиепископом Сильвестром, который в 1731 году попал в опалу и был отправлен в заточение. Он заранее назначил доходы с некоторых архиерейских вотчин на эту школу, и преемник Сильвестра Иларион продолжал давать эти доходы на школу, платя исправно жалованье преподавателям, но со вступлением на архиерейскую кафедру Гавриила эта школа расстроилась. К счастью, скоро прибыл в Казань Димитрий Сеченов с миссионерами для обращения в христианство языческих инородцев и оживил вообще дело духовного обучения в Казанской епархии. При Троице-Сергиевом монастыре положили основать в 1738 году духовную семинарию для обучения языкам латинскому, греческому и, если возможно, еврейскому, и наукам, начав от грамматики, чрез риторику и философию, до богословия; для того предположили набрать учеников, числом двести. Разом с этим при Троице-Сергиевом монастыре указано учредить сиротский дом для воспитания сирот и для приема «засорно рожденных» младенцев. В 1739 году последовал важный указ – основать во всех епархиях духовные семинарии. Но этот указ долго не мог быть приведен в исполнение: из архиереев не нашлось никого, кто бы показал об этом деле старание. «Все, – выражается современный документ, – отважно и нечувственно пребывали, как бы собственного их долга в том нимало не зависит». На первых порах дело ограничилось тем, что положили разослать по всем епархиям «учительных священников» с целью готовить детей духовных лиц к духовному званию. Было желание удерживать детей духовных лиц в звании их отцов, хотя не воспрещалось окончившим учение детям священно- и церковнослужителей вступать в гражданскую службу и записываться в цехи и в посады. Только праздноживущих из них брали в военную службу. Дети лиц духовного звания не были вовсе изъяты от воинской повинности, но могли вместо себя ставить наемных рекрутов. Доступ к духовному званию лицам, не происходящим из духовенства, был очень труден; только в Малороссии, по старому обычаю, возводили в духовный сан лиц всякого происхождения. Впрочем, подобное является и на противоположном пределе Русского государства: в Сибири, в Иркутской епархии, по недостатку лиц по происхождению из духовенства дозволено было посвящать и мирян, свободных от гражданской службы, а в 1740 году прислано в Синод 45 юношей из инородцев с целью дать им образование и подготовить к званию пастырей своего народа.

²³⁸ Ibidem, 305.

Все монастыри в духовном отношении зависели от местных епархиальных начальств. Исключение составляли монастыри ставропигиальные, зависевшие непосредственно от Синода: их было числом четыре – Киево-Печерский, Межигорский, Троице-Сергиев и Александро-Невский. Все монастыри были приютами овдовевших священно- и церковнослужителей, неимущих отставных офицеров и чиновников, солдат, безродных и увечных; монахи должны были заботиться о содержании помещенных у них лиц и ухаживать за недужными. Отчасти монахи занимались и делом воспитания: по крайней мере по прошению киево-печерского архимандрита в 1738 году дозволили принять в монастырь приходящих из польских владений православных духовных, сведущих в латинском языке, и поручать им воспитание юношей. Прежний указ Петра Первого, воспрещавший без царского указа постригать в монахи кого бы то ни было, был подтвержден в царствование Анны Ивановны; дозволялось безусловно, не испрашивая царского указа, постригать только вдовых священнослужителей и бессемейных отставных офицеров и солдат; за пострижение же всякого иного лица полагался штраф 500 рублей. Повелено было по всей империи возобновлять обветшалые храмы и учреждать при них богадельни и школы, а на содержание тех и других определен был сбор с венечных памятней. Указ о построении богаделен и школ был несколько раз повторяем, но плохо исполнялся – богаделен было мало, а школ еще меньше.

Главным доходом на содержание церквей и монастырей были добротные даяния, совершавшиеся как наличными деньгами, так и вкладами, состоящими в капиталах и недвижимой собственности. Доход с продажи восковых свеч также предоставлялся в пользу церквей. Все духовные вотчины ведались в одном правительственном месте, называвшемся «коллегия экономии». Сначала она находилась в Москве, потом в Петербурге, но в 1739 году снова была переведена в Москву, так как большая часть монастырских вотчин находилась в середине государства, ближе к Москве, чем к Петербургу. При коллегии экономии существовала раскольничья контора: самое ее название показывает, какими делами она заведовала. Число мужских монастырей простиралось до семисот восьми, а в них монашествующих считалось 7829 человек. Женских монастырей было 240, а в них монашествующих 6452 особы.

VIII. Внешняя политика России при Анне Ивановне

Отношения европейских государств к России при вступлении на престол Анны Ивановны: Австрия, Пруссия, Дания, Швейцария, Англия, Франция. – Польское дело. – Интриги французов против России в Константинополе. – Персидские дела. – Спор России с Турцией. – Крымцы. – Турецкая война. – Белградский мир. – Недовольство Миниха. – Возобновление сношений Франции с Россией. – Маркиз де ля Шетарди.

При вступлении Анны Ивановны на престол обстоятельства подавали надежду, что в грядущее царствование Россия найдет себе союзников среди иностранных государств. Вступление государыни на престол соседи приветствовали дружелюбными заявлениями. Император немецкий заявил русскому посланнику, что он с новой царицей будет соблюдать те же обязательства, в каких находился с ее покойными предшественниками. Прусский король, узнав о восстановлении самодержавия в России, пил за столом здоровье новой русской государыни, восхвалял ее решимость и заявил между прочим, что теперь она свободно будет распоряжаться в делах курляндских, не ожидая одобрения от Польши. В Дании радовались восшествию на престол Анны Ивановны, потому что не желали утверждения в России голштинской династии, которая могла бы там воцариться в особе сына Петровой дочери. Дания давно уже спорила с Голштинией за Шлезвиг. Король шведский также сразу изъявил желание усилить дружбу с русским престолом. Англия, находившаяся в союзе с Австрией и во вражде с Францией, также дружелюбно отнеслась к перемене правления в России. С Францией уже не было дружбы с тех пор, как разрушился план соединить браком русскую принцессу Елисавету с французским королем Людовиком XV. Враждебная по старинной традиции с Австрией, Франция не могла смотреть одобрительно на союз, заключенный еще Екатериной Первой с императором, готова была при всяком удобном случае вредить России, но пока еще соблюдала внешнее согласие. Надобно сказать, что все государства не питали уважения к России, но боялись ее возраставшей материальной силы, а особенно после удара, нанесенного Россией Швеции. Никто не верил в политический ум русского правительства: каждое государство надеялось обмануть русских и сделать их державу орудием для своих целей, но союз с ней давал всем большую приманку, чтобы иметь возможность располагать ее большими военными силами и вести, так сказать, ее на буксире за собой. Это желание проявили сразу Австрия и Франция. При русском дворе были два государственных человека, склонные к союзу с той и другой. Сторонником союза с Австрией и вообще с Немецкой империей был Остерман, а сторонником союза с Францией – фельдмаршал Миних, питавший любовь к французам со времен юности, когда, взятый в плен, он испытал на себе великодушие, приветливость и любезность французов. Предстоял вопрос, когда России приходилось выбирать союз или с Австрией, или с Францией. Это случилось по поводу польского преемства. Король польский Август, долговременный союзник Петра Великого, склонялся к могиле и в начале 1733 года скончался. Франция хотела возвести на польский престол Станислава Лещинского, посаженного там некогда Карлом XII и принужденного уступить корону Августу. Австрия вместе с Россией сначала хотела, чтобы избран был кто-нибудь из природных поляков рода Пястов, но так как увидали, что при выборе произойдут несогласия и борьба партий, то предпочли посадить на польский престол иностранного принца. Австрия выставила курфюрста саксонского, сына бывшего польского короля Августа. Россия некоторое время колебалась. Остерман взял верх над Минихом, и Россия пристала к Австрии. Русское войско вступило в Польшу под начальством фельдмаршала Ласси, и под давлением силы русского войска избран был Август Саксонский. Но другая партия провозгласила Станислава, надеясь на покровительство Франции. Возникла война. Станислав ушел в Гданьск и заперся там с поляками своей партии и со вспомогательным отрядом французов. Миних, хотя и не сочувствовавший делу, должен был взять команду над русским войском, осаждавшим

Гданьск, и принудил его к сдаче. Взятые в плен французы отосланы были в Россию, императрица приняла их ласково и великодушно и отпустила в отечество.

Голишинский генерал

Эта любезность, однако, не изменила хода политики в отношении к Франции: последняя все-таки продолжала действовать против России. Сначала она поддерживала Станислава до тех пор, пока он сам не отрекся от притязаний на польскую корону и не удовольствовался владением в Лотарингии, данным ему Францией по родству его с французским королем: его дочь Мария была французской королевой, женой Людовика XV. Потом Франция стала вредить России и союзной с нею Австрии с другой стороны, именно со стороны Турции. У Немецкой империи с Турцией была уже давняя вражда. И Россия не в состоянии была забыть унижения, нанесенного ей Прутским миром, и всегда искала случая отомстить Турции. Повод к этому представился России через посредство Персии. Два претендента на персидский престол спорили между собой: Тахмасиб и Эшреф. Последний поддерживаем был турками, Тахмасибу помогала Россия. Не уладив примирения с турками мирным путем, Россия побуждала Тахма-

сиба к войне с турками, обещала со своей стороны помощь, заключила с ним 25 января 1732 года дружественный договор и уступила Персии полосу земли, завоеванной Петром Великим. Между тем у России с Турцией был еще и свой предлог к вражде. Турция считала, что страна, называемая Кабарда, истари принадлежит Крыму, зависимому от Турции; русские ссылались, что этот край по договору был объявлен независимым и князья кабардинские отдались России. Сверх того калмыцкий хан Дундук-Омбо, находившийся под властью России, отпал от нее и отдался под покровительство крымского хана.

Отношения Персии к Турции все более и более обострялись. Персидский визирь Тахмас-Кулухан свергнул Тахмасиба, возвел на престол его сына, но с Турцией пришел еще в большую вражду. Крымский хан Каплан-Гирей, как турецкий данник, двинулся со своей ордой на войну против Персии, и не только захватил Кабарду, но провел свои военные силы через русские владения – Кумыцкую землю. Татары встретили поставленные там русские войска, бывшие под главным начальством генерала принца гессен-гамбургского, вступили с ними в бой, и хотя были побеждены, но успели прорваться через Кавказские горы, возмутили тамошних туземцев против русских, соединились с турками и с ними вместе пошли на Персию, в то же время один крымский султан вступил с войсками в Кабарду и там тоже сражался с русскими. Эти события сочтены были поводом объявления формальной войны Турцией.

Россия вела эту войну в союзе с Австрией. Но когда русские войска под предводительством Миниха разорили Крым, завоевали Молдавию, одержали блестящую, еще небывалую, победу над турками при Ставучанах²³⁹, союзники их австрийцы ввели у себя на Дунае войну неудачно. Между тем французский посол в Константинополе Вильнёв постарался устроить примирение Турции с немецким императором. Австрия при своих военных неудачах могла почитать счастьем для себя возможность помириться с Турцией, но она склонилась также и Россию разом с нею заключить мир с Турцией при посредстве того же французского посла, хотя России заключать такой мир было вовсе не под стать. 18 сентября 1739 года состоялся Белградский мир, не только невыгодный, но даже постыдный для России: потеряв много людей в битвах, она не получила никакой выгоды для себя и воевала только в пользу Австрии. Когда французский парламентар приезжал к Миниху от имени своего начальства требовать выступления русского войска из Молдавии, Миних сказал ему: «Я давно уже пытался соединить союзом Россию с Францией. Я всегда был того мнения, что император более нас имеет повода вести войну, а мы, став его союзниками, останемся в убытке. Я уже представлял, что император всегда привык обращаться со своими союзниками, как с вассалами: свидетели тому англичане и голландцы, которые вовремя узнали весь вред от этого союза и удалились от него как умные политики. Мои представления не приняты! Но теперь они оправдались событиями, после того как император, с которым мы вошли в союз, совершенно покинул нас, может быть, по вероломству, а может быть, по слабости: во всяком случае плохое дело – союз с вероломными и малосильными. Вот теперь настало время возобновить первый наш проект союза России с Францией».

---

²³⁹ Подробности тогдашней войны с Турцией изложены в жизнеописании Миниха.

Ледяной дом и шутовская свадьба в нем в царствование Анны Ивановны. Гравюра середины XVIII в.

Миних был чрезвычайно раздражен Белградским миром, но делать было нечего: всемогущий любимец императрицы Бирон был совершенно на стороне Австрии, а с ним и императрица. Французская политика на этот раз должна была по крайней мере уразуметь, что нельзя презирать Россию, как страну варварскую. Пусть она с европейской точки зрения была и варварской, но опыт последней войны показал, что она – страна сильная, ее многочисленное войско способно совершать дела истинно великие, которые не под стать было совершать западным державам, давно уже привыкшим трепетать перед страшной мусульманской силой, водворившейся в Европе. Французские политики избрали теперь несколько иной путь – показывать России дружелюбие, льстить ей, а между тем, в уверенности в ее простоте и недостатке смекалки, обманывать ее. Нужно было только выбрать подходящего человека в посланники. Управлявший тогда делами во Франции кардинал Флери поручил это маркизу де ля Шетарди, который был назначен в Россию на исходе 1739 года в звании уполномоченного Франции. Трудно было выбрать человека более способного занять эту важную, трудную должность. Это был француз в полном значении этого слова, со всеми достоинствами и пороками, отличавшими французского дипломата XVIII века. Необыкновенно любезный в обращении, с необыкновенной способностью вкрадываться в душу, всегда веселый, неистощимо остроумный и вместе с тем умевший всегда кстати и сказать, и смолчать, – он был именно таков, что мог очаровать молодое высшее общество в России, недавно еще начавшее усваивать пленительные признаки европейского обхождения и способное увлекаться всяким наружным блеском. До того времени он был посланником своей нации при берлинском дворе, и молодой наследный принц, будущий король Фридрих Великий, называл его «конфектою» за его любезность, нередко доходившую до слащавости. Де ля Шетарди прибыл в Петербург с таким огромным количеством посольской свиты и прислуги, что подобной пышности русские еще не видали ни с одним иностранным послом. Все это рассчитано было, чтобы внушить уважение и удивление к величию Франции. Французский посол представлялся Анне Ивановне в Тронной зале и с первого раза очаровал императрицу и все окружающее своей любезностью. После представления императрице со всей свитой он представился ее племяннице, а потом цесаревне Елисавете Петровне. Это было самое важное его представление. Во Франции уже знали, что императрица не любит цесаревны, цесаревна не любит императрицы, и многие русские смотрят на Елисавету как на законную наследницу, несправедливо удаленную от трона. Елисавете в то время было 28 лет, она была в расцвете своей красоты, ее голубые глаза с поволокой давали ей невыразимую прелесть. Она

превосходно говорила по-французски, и в самом ее живом и легкомысленном характере было что-то французское. «Казалось, – выражался о ней польский посланник Лефорт, – она родилась не в России, а во Франции». Она составляла в ту пору совершенный контраст с императрицей, а еще более с Анной Леопольдовной, столько же ленивой и апатичной, как была жива и подвижна Елисавета. В тайной инструкции, с которой прибыл де ля Шетарди, ему вменялось в обязанность узнать наверное, справедливы ли вести насчет желания русских видеть государыней Елисавету. После блестящих приемов де ля Шетарди жаловался на томительную скуку в России, постигшую его. Он увидел себя посреди чопорного немецко-русского общества, отзывавшегося парадом. Ничего похожего не было на светское французское общество, с которым свыкся посол в своей юности и которое для француза было необходимо, как свежий воздух для птицы и вода для рыбы. Каждый день у него накрывали обеденный стол для званых и незваных гостей, и посланник замечал, что русские чуждаются его хлеба-соли, а если и посещают, то трудно бывает вести с ними душевную беседу, потому что все как-то не доверяли ему, зная, что при дворе властвующие немцы недолюбливают французов. Внезапная кончина Анны Ивановны дала возможность показать французскому послу свою необыкновенную деятельность и сделаться решителем судьбы русского престола.

IX. Окончание царствования Анны Ивановны

Принцесса мекленбургская Анна Леопольдовна. – Жених для нее. – Брак с Антоном-Ульрихом, принцем брауншвейг-беве́рнским. – Неудавшиеся планы Бирона. – Бирон сходится с Бестужевым. – Рождение принца Ивана Антоновича. – Недуги императрицы. – Припадок 5 октября 1740 года. – Вопрос о престолонаследии. – Объявление принца Ивана Антоновича наследником престола. – Вопрос о регентстве. – Уловки Бестужева в пользу Бирона. – Позитивная декларация. – Кончина Анны Ивановны. – Оценка ее царствования.

Еще в 1732 году Анна Ивановна гласно объявила, что наследство престола после нее должно перейти в мужское потомство ее племянницы, дочери старшей сестры императрицы, Екатерины Ивановны, герцогини мекленбургской. Муж последней, Карл Леопольд, в свое время приобрел репутацию тирана, был прогнан выведенными из терпения своими мекленбургскими подданными и осужден имперским сеймом. Он был таким же плохим семьянином, как и правителем. Первая жена не вынесла его дурного нрава и начала процесс о разводе с ним. Еще не был окончен этот процесс, как герцог посватался к русской царевне. Находясь в зависимости от дяди, царя Петра I, царевна Екатерина Ивановна по его воле вышла за мекленбургского герцога, но скоро не ужилась с ним, как и первая его супруга. В 1719 году она удалилась от него в Россию вместе с малолетней дочерью Елисаветой-Екатериной-Христиной. Дочь эта, принужденная проводить в России свое детство, в 1733 году, за месяц до кончины своей матери, была принята в лоно православной церкви и наречена Анной Леопольдовной. Лишившись матери, принцесса осталась на попечении своей тетки, императрицы Анны Ивановны, которая любила ее как родную дочь до тех пор, пока принцесса, достигнув совершеннолетия, не стала выказывать в своем характере такие черты, которые не совсем нравились тетке. Принцесса не обладала ослепительной красотой, но была миловидная блондинка, добродушная и кроткая, вместе – сонливая и ленивая, она не любила никакого дела и проводила праздные часы со своей любимой фрейлиной Юлианией фон Менгден, к которой питала чувство редкой дружбы. Императрица, хотя не переставала любить свою племянницу, стала отзываться о ней неодобрительно. Но так как другой ближайшей родни у императрицы не было и в случае ее смерти престол мог достаться цесаревне Елисавете Петровне, которую Анна Ивановна не терпела, то государыня торопилась найти племяннице жениха, чтоб доставить ее потомству и своему роду наследство престола. Немецкая империя заключала в себе богатый запас принцев и принцесс для брачных связей в России. Отыскивать подходящего жениха для принцессы Анны Леопольдовны отправлен был шталмейстер Левенвольд. В Вене он подпал под влияние императорского дома и по указаниям, полученным оттуда, остановил внимание на принце брауншвейг-беве́рнском, сыне сестры супруги императора Карла VI. Это был молодой человек, едва вступивший на жизненное поприще. Его родные – император и императрица – уговорили его согласиться на предложение Левенвольда, и он дал слово прибыть в Россию и поступить в русскую службу. Он явился в Петербург, был обласкан императрицей Анной Ивановной, определен в русское войско и участвовал с Минихом в турецкой войне. Несколько лет кряду в столице обращались с ним, как с будущим женихом племянницы Анны Ивановны, но с браком медлили, считая принцессу не совсем достигшей зрелого возраста. Между тем у Бирона возникла мысль женить на принцессе Анне Леопольдовне своего старшего сына Петра, еще очень молодого, и тем проложить своему потомству путь к российскому престолу. Бирон так привык встречать безграничную к себе преданность императрицы, что, казалось, нельзя было сомневаться в ее согласии, но императрица уже несколько раз заявляла, что предоставляет племяннице полную свободу располагать своим замужеством. Всем при дворе стало заметно, что принцесса Анна Леопольдовна не слишком-то любила намеренного ей в женихи принца, и это придавало Бирону смелость подставить на его место своего сына. Он начал показывать

любезное внимание к принцессе и старался сводить с ней своего сына. Но если принцессе мало нравился навязываемый ей теткой жених, то к Петру Бирону она чувствовала полнейшее равнодушие, которое вскоре превратилось в отвращение, по мере того как Петр Бирон надоедал ей своим ухаживанием. Бирон не смел резко противодействовать принцу Антону-Ульриху Брауншвейгскому, потому что боялся раздражить против себя австрийский императорский дом. Он полагал для себя надежду в том, что сама принцесса покажет нежелание выходить за принца и он таким образом избавится от соперника своему сыну. Государыня вовсе не знала о намерениях своего любимца и поручила ему выведать от принцессы – расположена ли она выходить за принца Антона-Ульриха. Исполняя волю своей государыни, Бирон говорил об этом с принцессой и услышал такой ответ – что она не терпит брауншвейгского принца и лучше ей положить голову на плаху, чем выходить за него. Такой ответ очень обрадовал Бирона, но он на первых порах должен был перед государыней показывать вид, что так же, как и она, недоволен упрямством принцессы. Затем Бирон обратился к придворной даме и любимице императрицы, Чернышевой, урожденной Ушаковой, дочери начальника Тайной канцелярии. Бирон сообщил ей о своем желании женить сына на принцессе и поручил ей расположить к этому принцессу. Чернышева начала об этом речь принцессе и услышала такой ответ, какого уж никак не хотелось услышать Бирону. Принцесса с негодованием выслушала Чернышеву и сделала ей упрек, как могла она предлагать ей такой брак. Принцесса напомнила о низком происхождении Бирона и дала понять, что ее достоинство оскорбляется подобным предложением. Чтобы избавиться навсегда от притязаний царицына любимца и его сына, принцесса категорически объявила Чернышевой: «Я много думала и испытывала себя. Во всем готова слушаться императрицу и соглашаюсь выходить за брауншвейгского принца, если ей так угодно».

В.И. Якоби. Ледяной дом

Принц Антон-Ульрих Брауншвейгский

Чернышева сообщила такой ответ императрице, не сказав ей, что ходатайствовала за Биронова сына. Императрица обрадовалась, а Бирон поневоле должен был притаиться со своими желаниями и притворяться перед императрицей, что разделяет ее удовольствие. Брак принцессы с брауншвейгским принцем состоялся в июле 1739 года. С тех пор Бирон возненавидел новобрачную чету и при всяком удобном случае рад был ей делать неприятности, хотя и должен был скрывать свои чувствования, чтоб не раздражить императрицы. Что касается принцессы, то, став женой нелюбимого человека, она продолжала оказывать к нему холодность. Впоследствии принцесса укоряла кабинет-министров, устроивших этот брак в политических целях, и говорила Волынскому: «Вы, министры проклятые, на то привели, что за того пошла, за кого не думала, и все вы для своих интересов к тому привели». Волынский ответил ей, что «действительно, принц Антон-Ульрих очень тих и несмел в своих поступках: это его недостаток; но это может послужить ей же к пользе: он будет ей послушен, а хуже было бы, если бы она вышла за Петра Бирона и находилась вместе с мужем под несносным гнетом его отца, любимца государыни. И сам Петр Бирон – человек запальчивый и сердитый, не менее как родитель его». Зная, что между супругами нет любви, Бирон, может быть, из чувства мщения, хотел раздуть между ними несогласие, чтоб насолить им обоим. Желая избавиться от постоянного надоедливого наблюдения над собой любимца императрицы, принцесса испросила у тетки-государыни назначить 80 000 рублей для устройства особого двора для нее и ее супруга. Но Бирон убедил принца брауншвейгского отказаться от такого намерения, представляя ему, что тогда он будет

находиться в зависимости от своей жены, которая его не любит; а в доказательство того, что она его не любит, Бирон открыл принцу Антону-Ульриху, что принцесса отвечала ему, Бирону, когда он по поручению императрицы говорил о браке с принцем.

Бирон в это время начал расходиться с Остерманом. До этого времени, хотя полной искренности между ними никогда не было, Остерман дорожил благосклонностью такого могучего лица, каким был Бирон, и долгое время старался угождать ему. В последнее время Бирон в разговорах с приятелями обвинял Остермана в двуличности и хитрости, иными словами – Бирон раскусил, наконец, Остермана и стал остерегаться его, хотя и был уверен, что в том высоком положении, в котором сам находился, Остерман не в силах повредить ему. Удаляясь мало-помалу от Остермана, Бирон сошелся с другим человеком, недавно возведенным на высокую ступень. Это был Алексей Петрович Бестужев, заступивший в Кабинете министров на оставшееся праздным место казенного Волынского. Алексей Петрович был сын Петра Михайловича Бестужева, бывшего некогда управителем двора в Курляндии и любимцем Анны Ивановны, впоследствии потерпевшим от нее опалу. Алексей Петрович посвятил себя дипломатическому поприщу, но в царствование Анны Ивановны несколько лет кряду его держали в тени. Когда он находился резидентом в Гамбурге, донос, поданный ему Милашевичем-Красным на смоленского губернатора, дал ему возможность выдвинуться и повыситься. В 1734 году Алексей Петрович был переведен из Гамбурга в Данию. Кабинет-министр князь Алексей Михайлович Черкасский негодовал на Бестужева, который дал ход доносу Милашевича-Красного, и вследствие этого родственник кабинет-министра – смоленский губернатор – был сослан в Камчатку. Бестужев, впрочем, ничуть не был виновен в опале смоленского губернатора, потому что не сделал ничего более, как только переслал поданный ему донос в Тайную канцелярию. Негодование кабинет-министра князя Черкасского против Бестужева должно было смолкнуть после того, как Милашевич-Красный в 1739 году сам сознался, что оклеветал напрасно смоленского губернатора. После падения Волынского Алексея Петровича перевели в Петербург. Тонкий и искусный дипломат, зная могущество герцога курляндского, он подделался к нему и вскоре сблизился с ним самым тесным образом. При всесильном покровительстве Бирона Бестужев получил место в Кабинете министров. Бирон думал иметь в нем противовес Остермановым хитростям, иными словами – надеялся найти в нем именно то, чего искал и не нашел в Волынском.

Иван Антонович

В августе 1740 года принцесса Анна Леопольдовна разрешилась от бремени сыном, который при крещении был наречен Иваном. Событие это для многих показалось неожиданным, так как при дворе знали, что принцесса удалялась от своего нелюбимого супруга. Рождение этого младенца доставило радость императрице, но на ее любимца навело такое уныние, что он несколько дней никого не допускал к себе и ни с кем не говорил.

Вскоре за тем произошло другое важное и роковое событие. Уже давно императрица страдала недугом; как кажется, у нее была каменная болезнь. Предшествовавшее лето она провела в Петергофе, и к концу лета ей становилось хуже. По возвращении в Петербург, 5 октября, в воскресенье в 2 часа императрица по обычаю села обедать со своим любимцем. Вдруг ей стало дурно, и она упала без чувств. Ее подняли и уложили в постель.

Первым делом окружавших государыню сановников было подумать о престолонаследии. Воля государыни была известна: она уже объявляла, что желает назначить себе преемником сына принцессы Анны Леопольдовны, двухмесячного ребенка – Ивана Антоновича. Но вопрос был в том – кто будет в качестве регента управлять государством до совершеннолетия нового государя, еще лежавшего в колыбели. Первый Бестужев заявил, что всего подручнее эту важную обязанность возложить на герцога курляндского. Несколько дней прошло в размышлениях и толках: приходилось повозиться с Остерманом, а тот уклонился прямо заявить свое мнение об этом и только тогда, когда увидал, что большинство сановников склоняется на сторону Бирона, – сам подал голос за него. Миних, хотя не терпел курляндского герцога, не только объявил себя в пользу его назначения, а еще сам упрашивал его принять на себя этот сан. Больная государыня удержала у себя представленный ей манифест о престолонаследии и проект о регентстве Бирона. Она давно уже страшилась смерти и отклоняла от себя все, что могло

ей напоминать о смертном часе. Таким образом, уже давно было запрещено провозить и проносить покойников мимо дворца, чтоб не беспокоить государыню видом, возбуждающим в ней мысль о собственной кончине. Тогда Бестужев составил так называемую «позитивную декларацию» в согласии с другими сановниками и положил ее в Кабинете министров: в ней выражено было, будто вся нация желает, чтоб не иной кто, а непременно герцог курляндский в случае преждевременной кончины императрицы стал регентом государства впредь до совершеннолетия будущего императора. Стали приглашать к чтению и к подписанию этой декларации всех наличных особ первых четырех классов. Набралось таким образом 197 подписей. Не следует думать, что это число состояло из искренних приверженцев герцога курляндского. Большинство подписывалось, следуя примеру подписавшихся прежде их; те же, кто подписался, не повинаясь примеру других, делали это из страха: нельзя было положительно сказать — умрет ли государыня или выздоровеет. Врачи находили ее болезнь очень опасной, но и не уничтожали надежду на возможность ей поправиться. Все соображали, что если Анна Ивановна выздоровеет, то не простит тем, кто не показал любви и доверия к ее любимцу: судьба Волынского представляла тому свежий пример. Фельдмаршал Миних поступил по такому же соображению, как о том свидетельствует его сын в своих записках.

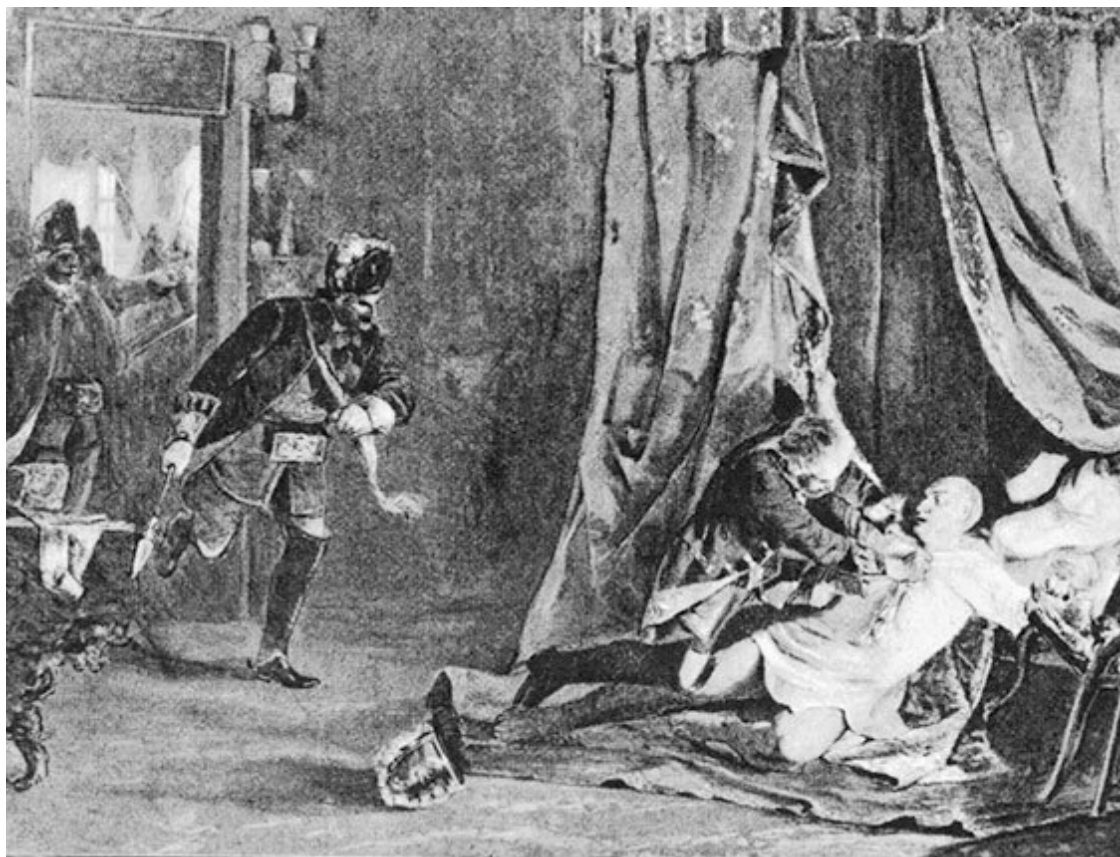

Император Иван VI и его мать, правительница Анна Леопольдовна

Впоследствии Бирон в своей записке, писанной с места своего заточения в Ярославле императрице Елисавете Петровне, уверял, будто он вовсе не думал и не хотел принимать на себя регентства, будто на коленях просил государыню освободить его от такого бремени, но источники современные говорят совсем иное, а именно – что Бирон, хотя внешне и отказывался от предлагаемой ему чести, но прежде тайно направлял Бестужева, который первый произнес о том слово в собрании сановников, да и сам герцог курляндский в этом собрании доказывал, что нельзя давать регентства ни матери, ни родителю будущего императора. По всему видно, между Бироном и Анной Ивановной происходил разговор о регентстве, но Бирон не представил его в своей записке в настоящем виде. Есть основание полагать, что Анна Ивановна сама не хотела давать регентства принцессе Анне Леопольдовне и ее супругу из опасения, что они подпадут под влияние отца принцессы, герцога мекленбургского, и даже допустят его водвориться в России, а судя по тому, что случилось с ним в его Немецкой земле, можно было справедливо опасаться, что его появление в России не будет полезно для Российского государства.

16 октября с больной, уже не встававшей с постели императрицей сделался припадок, подавший опасение скоро наступающей кончины. Анна Ивановна приказала позвать Остермана и Бирона и в их присутствии подписала обе бумаги – о наследстве после нее Ивана Антоновича и о регентстве Бирона. Первую бумагу она вручила Остерману, последнюю – отдала своей придворной даме Юшковой, постоянно находившейся при ней во время болезни, приказав открыть ее после ее смерти. Юшкова спрятала эту бумагу в шкаф с драгоценностями. Императрица, отпуская Остермана, приказала объявить всем сановникам, что теперь все уже окончено.

Настал следующий день – 17 октября. Истощались последние силы императрицы. Она приказала пригласить к своей постели принцессу Анну Леопольдовну с супругом, цесаревну Елисавету, кабинет-министров и всех важнейших сановников. В 9 часов вечера среди такого собрания Анна Ивановна отошла в вечность.

В.И. Якоби. Арест Бирона

Общий голос современных источников единомысленно утверждает, что Анна Ивановна во все свое царствование находилась не только под влиянием, но даже, так сказать, под властью своего любимца. Основываясь на таких известиях, вошло в обычай приписывать Бирону и группировавшимся возле него немцам весь жестокий и крутой характер ее царствования. Эпоха этого царствования издавна уже носит наименование бироновщины. Но если подвергнуть этот вопрос беспристрастной и строгой критике, то окажется, что к такому обвинению Бирона и с ним всех вообще правительствовавших немцев недостает твердых оснований. Невозможно приписывать весь характер царствования огулом немцам уже потому, что стоявшие во главе правительства немцы не составляли согласной корпорации и каждый из них преследовал свои личные интересы, один другому завидовал, один к другому враждовал. Сам Бирон не управлял делами ни по какой части в государственном механизме, и притом он вовсе не показывал склонности заниматься делами; точно так же, как и императрица, он не любил России и вообще мало интересовался тем, что в ней делалось: Бирон был эгоист довольно узкий, не успевший расположить к себе никакого кружка, его сила опиралась исключительно на личную милость императрицы, и оттого, как только Анна Ивановна закрыла навеки глаза, ее бывший любимец остался совершенно без почвы, и как ни обеспечила его положение покойница, он без нее не продержался и месяца. Нет никакого современного указания, чтобы масса тех жестокостей, которые ознаменовали царствование Анны Ивановны, исходили от Бирона и совершались по его инициативе. Единственный пример, где показывается прямое участие Бирона, представляет дело Волынского. Здесь видно ясно, что мстительный Бирон преследовал Волынского неумолимо, потому что обер-егермейстер становился поперек дороги любимцу и покушался занять его место в милости у императрицы. Что касается множества других лиц, подвергшихся опале при Анне Ивановне, то приписывать бедствие, постигшее того или другого из них, всеильному любимцу государыни можно только гадательно, основываясь на изве-

ствиях, что все доходившее до государыни и исходившее от нее проходило через ее любимца. Но, допустив, что Анна Ивановна ничего не делала без участия своего любимца, все-таки нельзя наверное сказать, чтобы всякий, потерпевший от правительства именем Анны Ивановны, действительно терпел прямо от высочайшей власти. Высочайшая власть часто делает приговоры на основании доверия к тем, кто докладывает ей дело: иначе и быть не может при разнородных делах, доходящих до единого центра. Есть еще более важное соображение: жестокости и вообще крутые меры, которыми отличалась эпоха царствования Анны Ивановны, не были исключительными свойствами этой эпохи; не с нею начали они появляться в России, не с нею и прекратились. Правление Петра Великого ознаменовалось еще более жестокими, крутыми преследованиями всего противного высочайшей власти. Поступки князя Ромодановского в Преображенском приказе ничуть не мягче и не человечнее поступков Андрея Ивановича Ушакова в Тайной канцелярии. С другой стороны, те же черты жестокости и презрения к человеческому достоинству являются и после Анны Ивановны, при Елизавете Петровне. Поэтому мы не затруднимся сказать, что приписывать все, что возмущает нас в царствовании Анны Ивановны, следует не самой императрице, не любимцу ее, герцогу курляндскому, а всему веку, в котором происходили излагаемые здесь события. Напротив, если из того, что принадлежит веку, мы отделим то, где с большим правом можем усматривать деятельность самой императрицы и государственных лиц ее эпохи, то придем к заключениям более в пользу и в похвалу правительству той эпохи, чем в его осуждение. Мы уже представили перечень всего, что было сделано в области внутренней политики. Многие распоряжения тогдашнего правительства были совершенно в духе Петра I, и недаром Анна Ивановна поручала государственные дела умным и даровитым «птенцам Петровым». Благодаря им царствование Анны Ивановны во многих отношениях может назваться продолжением славного царствования ее великого дяди: вообще жизнь русская двигалась вперед и не была в застое. В это царствование русский народ терпел от неурожая, кроме того, от разных случайных бедствий, как, например, от пожаров и от разбойников; во всем этом, конечно, нельзя прямо винить тогдашнее правительство: несомненно, оно принимало зависевшие от него меры к облегчению народа. В делах внешней политики правительство Анны Ивановны, если не во всем удачно, то во всяком случае старалось поддерживать честь и значение Русского государства. Война с Турцией при Анне Ивановне имела важный, всемирно-исторический смысл. От собственного неискусства молодой еще русской дипломатии и коварства союзников Россия не окончила эту войну таким выгодным для себя миром, на какой бы имела право. Белградский договор, который, конечно, ни за что бы не утвердил Петр Великий, был плодом податливости Анны Ивановны своему любимцу. Но все-таки блестящие победы Миниха дали Русской державе то высокое политическое значение, которое заключало в себе зародыши дальнейших ее успехов в вековой борьбе христианства с магометанством, Европы с Азией. Миних с русским войском первый показал миру пример, что возможно с военными силами вступить в пределы грозной Оттоманской империи и там одержать над нею победу. Мусульманская сила, до тех пор представлявшаяся ужасной и непобедимой, сразу лишилась своего всеустрашающего престижа.

Императрица Елисавета Петровна

I. Цесаревна Елисавета

Детство Елисаветы. – Красота ее. – Воспитание. – Планы выдать ее в замужество за французского короля или за французского принца крови. – Епископ Любский. – Отношения Елисаветы к Петру Второму. – Елисавета при избрании Анны Ивановны. – Жизнь цесаревны в царствование Анны Ивановны. – Елисавета во время регентства Бирона и правительницы Анны Леопольдовны. – Приготовления к перевороту. – Маркиз де ля Шетарди и доктор Лесток.

Елисавета родилась в селе Коломенском 18 декабря 1709 года. День этот был днем торжественным: Петр въезжал в Москву; за ним везли шведских пленных. Государь намеревался тотчас праздновать полтавскую победу, но при вступлении в столицу его известили о рождении дочери. «Отложим празднество о победе и поспешим поздравить с восшествием в мир дочь мою, яко со счастливым предзнаменованием вожденного мира», – сказал он. В Успенском соборе отслужено было благодарственное молебствие; прослушав его, царь отправился в село Коломенское, где находилось его семейство. Он нашел Екатерину и новорожденного младенца здоровыми, и на радостях устроил пир. Коломенский дворец, хотя деревянный, был очень обширен и заключал в себе 270 покоев с тремя тысячами окон: было где собраться большому стечению гостей. К пиру приглашены были привезенные царем шведские пленники. Вне дворца угощали нижних чинов и народ; им выкатили несколько бочек с вином и поставили на столах закуски.

Будучи только восьми лет от роду, принцесса Елисавета уже обращала на себя общее внимание своей красотой. В октябре 1717 года царь Петр возвращался из путешествия за границей и въезжал в Москву. Обе царевны – Анна и Елисавета – встречали родителя, одетые в испанские наряды. Тогда французский посол заметил, что меньшая дочь государя казалась в этом наряде необыкновенно прекрасной.

Императрица Елизавета Петровна

В следующем 1718 году введены были ассамблеи, и обе царевны являлись туда в платьях разных цветов, вышитых золотом и серебром, в головных уборах, блиставших бриллиантами. Уже тогда принцесса Елисавета обратила на себя внимание в танцах. В то время в ассамблеях в ходу были танцы: английский кадрили, менуэт и польские танцы. Елисавета кроме легкости в движениях отличалась находчивостью и изобретательностью, беспрестанно выдумывая новые фигуры. Наряду с ней славились в танцах ее сверстницы по летам, девочки: Головкина, княжны – Черкасская, Кантемир и Долгорукая – будущая невеста Петра II. Но из них преимущество все отдавали Елисавете: так решали шведские офицеры, учившие танцевальному искусству; так говорил французский посланник Леви, заметивший, что Елисавета могла бы

назваться совершенной красавицей, если бы у нее волосы не были рыжеваты. По обычаям того века танцы начинались в 3 часа пополудни и продолжались до ночи. В ассамблеях посетители не стеснялись присутствием дам и девиц; в тех же покоях, где танцевали, пожилые люди играли в карты и в шахматы, курили табак, пили вино, закусывали, шумели, а иногда и бранились между собой. В следующие за тем годы обе царевны являлись в публике на прогулках, зимой в санях, а летом – на Неве, в лодках, одетые в наряд сардинских корабельщиков – в канифасных кофтах, красных юбочках и небольших круглых шляпах. У обеих на спине были крылышки: так в обычае было одевать девочек до их совершеннолетия.

Воспитание царевны Елисаветы не могло быть особенно удачным, тем более что ее мать была совершенно безграмотная. Но ее учили по-французски, и мать ей твердила, что есть важные причины на то, чтобы она лучше других предметов обучения знала французский язык. Рассказывают, что однажды, застав свою дочь за чтением французских книг, Петр сказал: «Вы счастливы, дети, вас в молодых годах приучают к чтению полезных книг, а я в своей молодости лишен был и книг, и наставников». Царю Петру пришла мысль и засела в голове на многие годы – отдать дочь Елисавету за французского короля. Мысль эта зародилась у него в 1717 году, когда он посещал Францию и видел малолетнего Людовика XV. Он уже тогда сообщал близким к себе людям предположение, как было бы кстати отдать за французского короля свою среднюю дочь. Первый раз русский царь через посредство князя Куракина заявил об этом французскому посланнику в Гааге Шатонёву, но тогдашний регент королевства Французского, руководимый своим первым министром Дюбоа, искал союза с Англией и опасался родственным союзом с Россией причинить неудовольствие английскому королю. Затем в последующие годы, когда шведский министр Герц хотел устроить примирение двух ожесточенных врагов – Петра I и Карла XII – с планами, клонившимися к ущербу Англии и Австрии, регент Франции еще более сблизился с английским королем и уклонился от союза с Россией. После Ништадтского мира, заключенного Россией со Швецией в 1721 году, Петр снова занялся мыслью отдать Елисавету за французского короля, но тут узнал, что Людовика XV собрались сочетать браком с испанской принцессой; тогда у Петра возникла мысль сочетать Елисавету с каким-нибудь другим лицом французского королевского дома, и сначала он предлагал французскому посланнику Кампредону отдать ее за герцога Шартрского, сына герцога Орлеанского, а по случившейся вскоре кончине самого этого герцога – за герцога Бурбонского Кондэ, который после смерти регента, герцога Орлеанского, стал первым министром во Франции. В намерении навязать Елисавету французскому королю укрепляло Петра то, что испанская принцесса, намеченная в жены Людовику XV, была удалена в Испанию. Но Петр умер в январе 1725 года – и Елисавета, достигшая шестнадцатилетнего возраста, провожала прах родителя в могилу.

Великая княгиня Екатерина Алексеевна в 1748 г.

Мысль отдать Елисавету за французского короля преследовалась и преемницей Петра, Екатериной Первой, и Меншиков от имени своей государыни заявил об этом желании Кампредону. Он указывал на старинный пример родственной связи французских королей с русскими государями, когда король Генрих I сочетался браком с дочерью великого князя Ярослава Киевского; Меншиков представлял важные выгоды, какие получит Франция от союза с Россией, указывал, что, женив короля на русской принцессе, можно будет дочь Станислава Лещинского отдать за герцога Бурбонского и при содействии России посадить его на польском престоле; наконец, Меншиков обещал в силу союза с Францией военную помощь со стороны России во всяком деле, касающемся Франции. Кампредон, со своей стороны, посылал в своих депешах из Петербурга известия, клонившиеся в пользу союза с Россией. Но в предположении, что выдать Елисавету за Людовика XV не удастся и король обратится за невестой в другую страну, Екатерина, между прочим, заранее изъявляла согласие отдать Елисавету за герцога Бурбонского и доставить ему польскую корону. Все эти предположения развеялись как по ветру. Герцог Бурбонский вежливо отклонил от себя родственные связи с Россией, а французский король вступил в брак с дочерью Станислава Лещинского, проживавшего изгнанни-

ком в Германии. Таким образом, прекратились попытки выдать Елисавету за французского короля или за какого-нибудь принца французской королевской крови. Пришлось искать для нее женихов в других странах.

В октябре 1726 года прибыл в Петербург принц Карл-Август, носивший титул епископа Любского, двоюродный брат герцога голштинского, только что женившегося на старшей дочери Петра I, царевне Анне Петровне. Императрица Екатерина стала прочить этого приезжего принца в женихи своей второй дочери, Елисавете. Между тем Остерман составил смелый, и, можно сказать, дикий план иначе устроить судьбу Петровой дочери. Он заявил членам Верховного Тайного совета мысль сочетать принцессу Елисавету с ее племянником, Петром Алексеевичем. Но, сознавая, что такая мысль противна православной церкви, Остерман прибегнул к такому извороту: «Супружеское сие обязательство, предпринимаемое между близко сродными персонами, может касаться только до одних подданных, живущих под правительством, но не до высоких государей и самовластной державы, которая не обязана исполнять во всей строгости свои и предков своих законы, но оные по своему изволению и воле отменять свободную власть и силу имеют, особенно когда от того зависит благополучие столь многих миллионов людей»²⁴⁰. Государыня приказала узнать мнение Святейшего Синода: может ли племянник вступить в брак с теткой? Синод отвечал, что это не может быть дозволено ни божескими, ни человеческими законами. Для успокоения совести думали было отнестись с таким вопросом ко вселенским патриархам, но тут Екатерина умерла. После ее смерти открыто было ее (сомнительное) завещание, в котором она, оставляя престол сыну казенного царевича Алексея, Петру, и назначая правителем государства во время его малолетства Меншикова, обеим дочерям, кроме приданого в триста тысяч рублей и единовременной выдачи по миллиону рублей, определила во все время их пребывания в России выдавать им ежегодно на содержание по сто тысяч рублей, а Елисавета, по воле матери, должна была сочетаться браком с принцем епископом Любским.

Но епископ Любский умер в Петербурге в июне 1727 года, а в следующем году скончалась старшая дочь Петра I, герцогиня голштинская Анна Петровна, и Елисавета Петровна осталась одна, без близких родных и руководителей, – ей было 18 лет. Двое знатных женихов искали руки ее – Мориц, принц саксонский, и Фердинанд, герцог курляндский, человек уже очень старый для такой женитьбы. Елисавета отказала им обоим.

Молодой Петр II некоторое время был дружески расположен к своей тетке, и Елисавета совершенно было овладела его сердцем. Английский посол Рондо писал, что Елисавета умела показать любовь ко всему, что нравилось царю; таким образом, Петр пристрастился к псовой охоте – и Елисавета также интересовалась этого рода забавой. Но скоро князь Алексей Долгорукий и его сын Иван, успели охладить взаимную привязанность между теткой и племянником. Молодой камергер Бутурлин приобрел особенное расположение Елисаветы. Сначала Петр сам полюбил его и пожаловал ему орден св. Александра Невского и чин генерал-майора, но потом ему представили в дурном свете отношения Бутурлина к принцессе, и Петр возненавидел его. Он стал обращаться с Елисаветой холодно. Когда в сентябре 1728 года Елисавета праздновала свои именины, царь не прибыл к обеду, не дождался бала и уехал прочь. Тогда все заметили, что царь сердит; но Елисавета, казалось, не обращала на это внимания, весь вечер танцевала и была отменно весела. В следующем месяце того же года прусский посол Вратиславский предложил Елисавете брак с Карлом, маркграфом бранденбургским. Петр отказал ему, даже не сносясь с теткой. Весной следующего 1729 года Петр покончил с Бутурлиным, отправив последнего с полками на Украину.

Елисавета проживала в селе Покровском, теперь уже вошедшем в черту города Москвы, но временами ездила в село Измайлово к царевне Екатерине Ивановне, которая там усердно

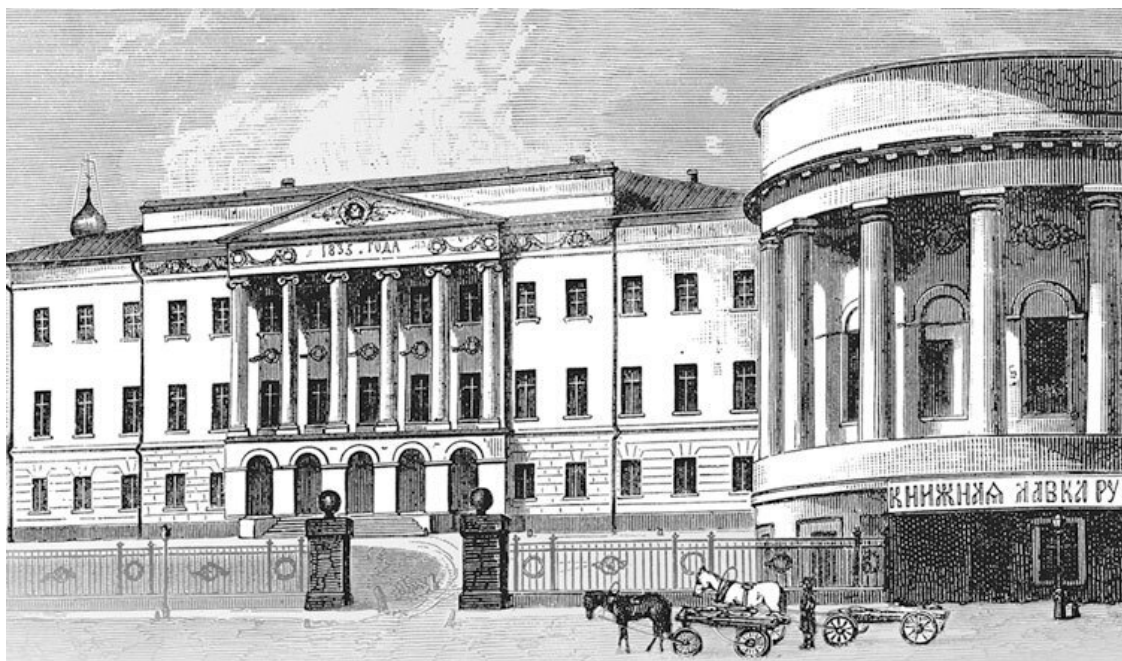
²⁴⁰ Бантыш-Каменский, Словарь достоп. людей Рус. земли, ч. IV, стр. 68.

занималась женским хозяйством; под ее наблюдением ткались холсты, вышивались церковные облачения. Что касается Елисаветы, то ее любимым занятием было собирать сельских девушек, заставляя их петь песни, водить хороводы, и она сама принимала в них участие со своими придворными фрейлинами; зимой она каталась по пруду на коньках и ездила в поле охотиться за зайцами. Она также часто ездила в Александровскую слободу и полюбила это место, известное в русской истории тем, что там Иван Васильевич Грозный совершал большую часть своих мучительств. Елисавета приказала построить там себе два деревянных дворца на каменном фундаменте, один зимний, другой летний; близ летнего у ворот была построена церковь во имя Захария и Елисаветы, где Елисавета Петровна часто слушала богослужение. Проживая в Александровской слободе, она занималась соколиной охотой и ездила в пригородное село Курганиху, где был большой лес, там производили ей в забаву травлю волков. О масленице собирались к ней слободские девушки кататься в салазках, связанных между собой ремнями; Елисавета заставляла их петь песни и угощала цареградскими стручками, орехами и маковой сбиной. У некоторых жителей она воспринимала детей от св. купели, и были такие, что ей в угоду переменяли свои родовые прозвища. Елисавета развела там фруктовый сад, и то место, где был этот сад, теперь уже застроенное домами, до сих пор носит название Садовни. За пять верст кругом слободы царевна потешалась охотой на лосей и оленей, и долго глубокие старики вспоминали о ее житье-бытье в этом тихом приюте.

В эпоху воцарения на русском престоле Анны Ивановны Елисавета Петровна, по словам иностранных источников, жила в совершенном отчуждении от современных политических дел. Но в ту самую ночь, когда умер Петр II, ей было искушение предъявить свои права на корону. Был у нее придворным врачом Лесток. Он был уроженец из Ганновера, вступил в русскую службу при Петре I и был им за что-то сослан в Казань, а при Екатерине I возвращен и определен к ее дочери, Елисавете. Как врачу по его специальности ему был всегда открыт доступ к особе цесаревны. И вот, в два часа ночи, он вошел к ней в спальню, разбудил и советовал ехать в Москву, показаться там народу и заявить о своих правах на престол. Елисавета знать ничего не хотела, по-видимому, ее тогда еще не увлекало обаяние царствовать, а между тем у нее уже тогда была большая партия. Правда, знатные вельможи не слишком ее уважали, припоминали увлечения и, кроме того, считали ее незаконной дочерью, не имевшей права ни на какое наследство после того, кого она почитала своим родителем. Но многие гвардейские офицеры не смотрели на это, видели в ней плоть и кровь Петра Великого и толковали, как было бы кстати возвести Елисавету на престол, устранив Анну Ивановну с ее курляндскими друзьями. Елисавета считалась русской по душе и по сердцу, – и все, которые ненавидели иноземщину и стояли за русский дух, находили в ней своего идола. Если б Елисавета послушалась этого голоса ее сторонников, то, конечно, Анне Ивановне не пришлось бы царствовать. Но цесаревна не сделала тогда ни малейшего шага в свою пользу, и Анна Ивановна воцарилась. Эта государыня не терпела Елисаветы; Елисавета это знала и первые годы царствования Анны Ивановны продолжала удаляться от двора и проживала в своей подмосковной. Только по воле императрицы она должна была переселиться в Петербург, где у нее было два дворца – один летний загородный, близ Смольного, другой зимний, в середине города²⁴¹. Она должна была являться на балы и куртаги императрицы, и там она блистала, как необыкновенная красавица. Когда китайскому послу, первый раз прибывшему во дворец, сделали вопрос – кого он находит прелестнее всех женщин, он прямо указал на Елисавету. По описанию часто видевшей ее жены английского посланника, леди Рондо, у нее были превосходные каштановые волосы, выразительные голубые глаза, здоровые зубы, очаровательные уста. Говорили, правда, что ее воспитание отзывалось небрежением, но тем не менее она обладала внешними признаками хорошего воспитания: она

²⁴¹ По одним источникам, он находился на Царицыном Лугу, близ Павловских казарм, по другим – на Садовой, где ныне пажеский корпус.

превосходно говорила по-французски, знала также итальянский язык и немного по-немецки, изящно танцевала, всегда была весела, жива и занимательна в разговорах. Как в своем отрочестве, так и в зрелом возрасте она при первом своем появлении поражала всех красотой, особенно когда была одета в цветной «робе» с накрахмаленным газовым чехлом, усеянным вышитыми серебром цветами. Ее роскошные волосы не обезображивались пудрой по тогдашней моде, а распускались по плечам локонами, перевитыми цветами. Когда императрица угощала у себя пленных французов, которые были привезены из Гданьска, Елисавета Петровна очаровала их всех своей любезностью, непринужденной веселостью и знанием французского языка. Решительно неподражаема была цесаревна в русской пляске, когда в веселые часы забавлялась императрица со своими шутами и шутихами в отечественном пошибе. Императрица всегда обращалась с цесаревной вежливо и любезно, но от Елисаветы не укрывалось, что Анна Ивановна не терпит ее, как своего тайного врага. Приближенные Елисаветы, особенно ее лейбхирург Лесток, постоянно твердили о ее правах на престол, и хотя она уклонялась от всяких заявлений со своей стороны в этом роде, но ею невольно должна была усваиваться мысль, что Анна Ивановна царствует неправильно и корону следовало бы возложить на голову дочери Петра I. Притом обращение с нею императрицы Анны стало отзываться высокомерием, так что Елисавета уже неохотно являлась в ее дворец, и когда хотела туда ехать, то прежде посылала справиться, пожелают ли принять ее. Когда у императрицыной племянницы, Анны Леопольдовны, родился сын, принц Иван Антонович, еще прежде своего рождения предназначенный быть наследником престола, с Елисаветой случилось событие, которое должно было утвердить ее в мысли, что русские люди ее любят более своего правительства. Елисавета, по обычаю, должна была сделать подарок родильнице. Она послала своих придворных в Гостиный двор купить вазу для этого подарка. Купцы, узнав, что ваза покупается для цесаревны, не взяли денег и предложили от себя ей в подарок требуемую вазу: Елисавету считали руководительницей русской национальной партии и полагали на нее надежду возрождения Руси²⁴².

Московский университет

²⁴² Вейдемейер, «Обзор», т. II, 96. – Царствование Елис. Петр., т. I, 127–128. – «Русская Беседа», 1857 г., т. I, стр. 6. – Записки Желябужского, стр. 213.

В последнее время царствования Анны Ивановны наступило для России сближение с Францией. Долгое время эти державы находились в неприязненных друг к другу отношениях. Но после того как французский посланник в Турции Вильнёв принял на себя посредство заключения мира Турции с Австрией и Россией, императрица Анна Ивановна возобновила дипломатические сношения с Францией и отправила в Париж посланником князя Кантемира, а Франция назначила своим посланником в Петербург маркиза де ля Шетарди. Это был тип французского аристократа XVIII века, как бы самой природой созданный быть посланником в России. Врожденная французам любезность в обращении была в нем развита воспитанием и с детских лет салонами высших кругов; остроумный, щедрый до расточительности, всегда изящно одетый, напудренный – куда только он ни являлся, везде оставлял по себе самое приятное впечатление. Он особенно годился для тогдашнего высшего русского общества, которое легкомысленно увлекалось наружностью и способно было сразу принять ее за внутреннее содержание. Он был отправлен не столько официальным послом, сколько агентом и наблюдателем; во Францию доходили слухи, что в России существует национальная партия, недовольная управлением Россией в руках немцев; де ля Шетарди должен был узнать о ней в точности, сблизиться с ее главными вожаками и настраивать их к произведению переворота, который бы свергнул немецкое господство и установил другое, благоприятное для Франции. Де ля Шетарди в январе 1740 года в первый раз представился императрице Анне Ивановне, а затем цесаревне. При свидании с последней оба произвели друг на друга приятное впечатление. Французский посланник открыл у себя в отеле самое широкое гостеприимство. Но немцы, везде не любившие французов как чуждую и по характеру противоположную им расу, старались внушить недоверие русским сановникам; те, зная, что при царском дворе вообще недолюбливают французов, держали себя осторожно по отношению к де ля Шетарди, и немало труда и терпения стоило ловкому дипломату победить такую к себе недоверчивость. Он преуспел, однако, настолько, что в последние месяцы своего царствования уже сама Анна Ивановна лично склонялась на сторону Франции.

Но умерла Анна Ивановна, с которой в день ее смерти Елисавета прощалась как сестра. Наступило короткое время регентства Бирона. Регент назначил принцессе Елисавете на содержание по пятидесяти тысяч в год. Он часто к ней ездил и беседовал с нею. Однажды в присутствии других Бирон произнес, что если принцесса Анна Леопольдовна сделает какую-нибудь попытку к перевороту правления – он вышлет ее вон из России вместе с мужем и сыном и пригласит голштинского принца, внука Петра Великого. Толковали тогда, будто у Бирона в голове вертелась иная мысль – женить своего сына Петра на Елисавете и доставить ей престол.

Но Бирон был низвергнут, правление перешло в руки Анны Леопольдовны и ее супруга и не перестало по-прежнему быть немецким. Гвардейцы не любили принца Антона, офицеры кричали: «Когда низвержен был Бирон, мы думали – немецкому господству приходит конец, а оно и до сих пор продолжается, хотя с другими особами». Составлялись и расходились соблазнительные анекдоты о правительнице насчет ее дружбы с саксонским посланником Линаром; рассказывались также анекдоты о высокомерном обращении немцев-начальников с подчиненными русскими, сожалели об унижении России, вспоминали с сочувствием времена Петра Великого и обращались сердцем к его дочери, лаская свое воображение надеждой, что с ее воцарением настанут иные, лучшие времена. И войско, и народ забывали на время тягости Петрова царствования и любили дочь сурового, но умного царя; а Елисавета вела себя так, чтобы заставить любить себя и надеяться от нее всякого добра. Она не пряталась в глубину царских палат, как Анна Леопольдовна, она то и дело каталась по городу в санях и верхом и повсюду встречала знаки восторженной, непритворной любви к себе. В ее дворце был открыт доступ не только гвардейским офицерам, но и рядовым; она сама ездила в казармы, воспринимала у солдат детей при крещении, при этом щедро их одаривала, хотя такая щедрость была для нее нелегким делом и вводила ее в долги. Лесток продолжал трубить ей в уши свою одну и

ту же многолетнюю песню, что ей следует заявить свое право на наследственный престол. Этот ревностный сторонник цесаревны явился в дом французского посольства, выпросил свидание с де ля Шетарди, открыл ему, что гвардия и народ расположены к цесаревне и есть возможность возвести ее на престол, а брауншвейгскую династию со всеми преданными ей немцами прогнать; цесаревна, став императрицей, войдет в союз с Францией и всегда будет готова к услугам этой державы, тем более что она сохранила сердечное воспоминание о том детском времени, когда родители готовили ее быть супругой французского короля; хотя она никогда не видала в глаза Людовика XV, но тяготеет к нему душой, как к давнему другу юности. Узнав об этом от Лестока, де ля Шетарди сообразил, что для него теперь сам собой открывается путь осуществить переворот, о котором ему сделан был намек в инструкции в общих, неопределенных чертах. Надо было во что бы то ни стало посадить Елисавету на престол, и тогда французскому королю можно будет легко заключить с ней дружеский союз и, таким образом, оторвать Россию от политического союза с прирожденным врагом Франции – Австрией – и образовать новый союз Франции с Россией, Пруссией и Швецией против ненавистного Габсбургского дома.

Не смея идти далее в своих замыслах без указания свыше, де ля Шетарди говорил, что посланник без инструкции походит на незаведенные часы. Он отнесся к своему министру иностранных дел, сообщил о слышанном от Лестока и о подмеченном им самим в России и просил более точных указаний своему делу. В ответ на свое представление он получил поручение уверить принцессу Елисавету в готовности французского короля помочь ей. Тогда Франция задумала втянуть Швецию в предприятие в пользу Елисаветы. Швеция была уже накануне разрыва с Россией, управляемой брауншвейгской династией. В России образовалась партия, желавшая низвергнуть брауншвейгскую династию и возвести на престол Елисавету Петровну; поэтому не было ничего естественнее, как Швеции объявить войну с целью доставить престол Елисавете Петровне, а Елисавета Петровна должна будет за это уступить Швеции часть земель, завоеванных ее отцом. Такой проект от имени Франции тогда был представлен цесаревне, но она отвергла его: «Лучше, – сказала она, – я не буду никогда царствовать, чем куплю корону такой ценой». Услышав такую речь, французский посланник не настаивал более, оставляя времени и обстоятельствам содействовать разрешению этого вопроса.

Вскоре после этого де ля Шетарди получил от своего правительства две тысячи червонцев (22 423 франка) при посредстве дяди, служившего при французском посольстве в Петербурге, некоего Маня (Магне). Часть из этой суммы Лесток выдал двум немцам, Грюнштейну и Шварцу, для раздачи гвардейским солдатам от имени цесаревны²⁴³. Первый из них служил солдатом в гренадерской роте Преображенского полка, второй был прежде придворным музыкантом, а теперь занимал какую-то должность в Академии наук за небольшое жалованье. Они сразу набрали тридцать преображенских гренадеров, готовых хоть в огонь, хоть в воду «за матушку цесаревну Елисавету Петровну». Обо всем этом Лесток сообщил французскому посланнику при свиданиях, устраиваемых в роще, соседней с дачей, на каком-то из петербургских островов, где посланник нанимал себе летнее помещение.

Слух об этих затеях преждевременно дошел, однако, до Зимнего дворца. Польско-саксонский посланник Линар, которого тогда правительница собиралась женить на своей любимице Юлиании фон Менгден, советовал правительнице не церемониться с Елисаветой, арестовать и заточить в монастырь. «Никакой пользы из этого не произойдет, – сказала Анна Леопольдовна, – разве не останется чертенок, который нам не будет давать покоя?» Она разумела принца голштинского, сына Анны Петровны, старшей дочери Петра Первого. Тогда Линар советовал арестовать и выслать из России французского посланника, который заводит все пружины против брауншвейгского дома. И на это не согласилась Анна Леопольдовна. Кто-то из прислуги подслушал этот разговор, его передали Елисавете Петровне, а Елисавета

²⁴³ Вандаль, Louis XV et Elisabeth de la Russie, стр. 145.

Петровна, разумеется, предупредила маркиза де ля Шетарди. Тогда французский посланник вооружил всю свою посольскую прислугу, сжег бумаги, которые могли повредить ему при обыске, и готовился выдерживать ночное нападение. Никто, однако, к нему не являлся. Утром он был у Елисаветы, от нее поехал в Зимний дворец, весь вечер там веселился, любезничал, шутил и уехал на новое ночное свидание с Лестоком и Воронцовым.

Лесток, мало сдержанный на язык, где-то проболтался и высказал ожидание, что скоро цесаревна сделается императрицей. Весть об этом дошла до Остермана. Остерман поехал объясниться с правительницей; но Анна Леопольдовна, желая устранить толки о грядущих опасностях, сказала: «Все это сплетни, мне давно уже известные». Тотчас она стала показывать Остерману платья, сшитые для малолетнего императора.

Не более внимания имели у правительницы представления от ее супруга, который советовал арестовать Лестока и заметил при этом, что гвардейские офицеры смотрят на него, принца, как-то исподлобья, а между тем оказывают уважение и любовь к Елисавете, и солдаты величают ее «матушкой». И на эти предостережения Анна Леопольдовна махнула рукой. Тогда последовало еще одно предостережение. Граф Левенвольд, собираясь ужинать, получил от кого-то сведения о замыслах цесаревны и ее приверженцев, записал полученные сведения на бумаге и, хотя было уже поздно, поспешил в Зимний дворец. Правительница уже легла спать. Левенвольд передал записку ее камер-юнгфере и поручил довести ее до сведения правительницы. Камер-юнгфера вошла в спальню со свечой и подала записку. Полусонная Анна Леопольдовна пробежала ее и произнесла: «Спросите графа Левенвольда, не сошел ли он с ума?» Левенвольд возвратился домой в отчаянии, а наутро поехал к правительнице и стал уговаривать ее не пренебрегать грозящей опасностью. «Все это пустые сплетни, – сказала правительница, – мне самой лучше, чем кому-нибудь другому, известно, что цесаревны бояться нам нечего»²⁴⁴.

В самом деле, между правительницей и цесаревной господствовали полное согласие и нежнейшая родственная дружба. В день рождения цесаревны, в декабре 1740 года, правительница послала ей в подарок дорогой браслет, а от лица малолетнего императора – осыпанную камнями золотую табакерку с гербом, и тогда же к довершению внимания к делам цесаревны указано было из соляной конторы выдать сорок тысяч рублей на уплату долгов цесаревны. Когда у правительницы родилась дочь, ее восприемницей при св. крещении была цесаревна вместе с герцогом мекленбургским, отцом правительницы, особу которого за отсутствием представлял при совершении обряда князь Алексей Михайлович Черкасский.

Между тем начались в Финляндии военные действия между русскими и шведами. Вначале выгоды были на русской стороне: фельдмаршал Ласси одержал над шведами победу и овладел крепостью Вильманстрандом. Но де ля Шетарди, услышав об этом, послал курьера к шведскому главнокомандующему Левенгаупту с проектом манифеста в таком смысле, что Швеция предприняла войну с целью освободить Россию от господства ненавистных для нее немцев и доставить престол дочери Петра Первого. Левенгаупт издал такой манифест. Правительница читала его – и все-таки придавала более веры наружному дружелюбию Елисаветы, чем явно угрожающим ей обстоятельствам. Этого мало. Граф Головкин уговорил правительницу на смелый и опасный шаг – объявить себя императрицей. Анна Леопольдовна легкомысленно приняла этот совет и стала готовиться к торжеству, которое было назначено на 9 декабря, день именин правительницы. Но и сама Елисавета не слишком торопилась в своем предприятии и отложила его до 6 января будущего 1742 года. Она предполагала тогда явиться перед гвардейцами во время крещенского парада на льду Невы-реки и там заявить свои права.

Французский посланник, узнав о таком колебании и откладываниях, понял, что если люди, затевая что-нибудь важное, начнут откладывать свое предприятие на дальние сроки, то могут, охладев к своему предприятию, покинуть его вовсе. Де ля Шетарди спешил объяснить

²⁴⁴ Вейдемейер, «Обзор», т. II, стр. 50.

с цесаревной. Он приехал к ней во дворец в то время, когда она вернулась с прогулки в санях. Это было 22 ноября.

– Я, – сказал французский посланник, – приехал вас предупредить об опасности. Я узнал из верного источника, что вас хотят упрятать в монастырь. Пока это намерение отложили, но ненадолго. Теперь же наступает пора действовать нам решительно. Положим, что успеха не будет вашему предприятию. Вы в таком случае рискуете ранее подвергнуться той участи, которая неизбежно постигнет вас месяцем или двумя позже. Разница в том, что если вы теперь ни на что не решитесь, то лишите смелости друзей ваших на будущее время, а если теперь покажете со своей стороны решимость, то сохраните к себе расположение друзей, и в случае первой неудачи они отомстят за нее и могут поправить дело.

– Если так, – произнесла Елисавета Петровна, – если уж ничего не остается, как приступить к крайним и последним мерам, то я покажу всему свету, что я – дочь Петра Великого.

II. Достижение престола

Вечернее свидание цесаревны с Анной Леопольдовной. – Предостережение принца Антона-Ульриха. – Лесток в трактире. – Осмотр окон в Зимнем дворце и в палатах вельмож. – Сборы приверженцев Елисаветы в ее дворце. – Поезд к Спасским казармам. – Шествие к Зимнему дворцу. – Арест брауншвейгской фамилии. – Арест вельмож. – Признание Елисаветы императрицей. – Милости новой государыни. – Суд и расправа над Остерманом, Минихом и другими приверженцами брауншвейгской династии.

23 ноября цесаревна отправилась в Зимний дворец в гости к правительнице. Был куртаг. Вечером гости уселись за карточные столы; цесаревна тоже стала играть в карты. Вдруг Анна Леопольдовна вызвала Елисавету Петровну из-за карточного стола, пригласила в другую комнату, сказала, что получила из Бреславля письмо: ее предостерегают, извещая, что цесаревна со своим лейб-хирургом Лестоком при содействии французского посланника замышляет произвести переворот; ей советуют немедленно арестовать Лестока. Цесаревна показывает вид изумления, уверяет, что ей в голову не приходило ничего подобного, что она ни за что не нарушит клятвы в верности, данной малолетнему императору, что Лесток ни разу не бывал у французского посланника, что, если угодно, могут его арестовать и через то уяснить только ее невиновность. Цесаревна расплакалась, бросилась к правительнице в объятия, Анна Леопольдовна по своему добродушию расплакалась сама и рассталась с цесаревной при взаимных уверениях любви и преданности²⁴⁵.

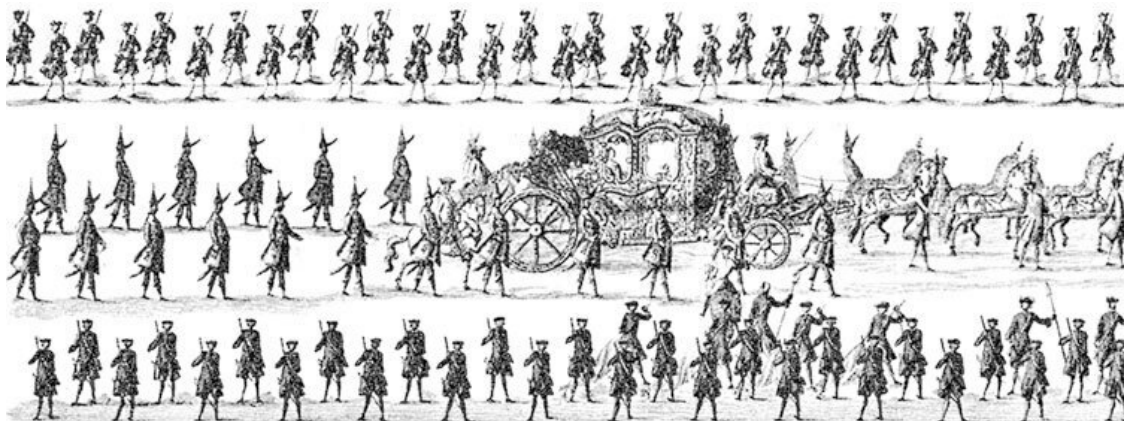
Утром 24 ноября в 10 часов Лесток явился к Елисавете Петровне и застал ее за туалетом. Он показал ей два сделанных им карандашом рисунка; на одном была представлена цесаревна с короной на голове, на другом – та же цесаревна в монашеской рясе, а кругом нее – орудия казни. «Желаете ли, – спросил он, – быть на престоле самодержавной императрицей, или сидеть в монашеской келье, а друзей и приверженцев ваших видеть на плахах?»

В Зимнем дворце принц Антон-Ульрих возобновил в последний раз свои предостережения супруге и просил ее приказать расставить во дворце и около дворца усиленные караулы, а по городу разослать патрули, одним словом, принять меры насчет опасных замыслов Елисаветы. «Опасности нет, – отвечала Анна Леопольдовна, – Елисавета ни в чем не виновна; на нее напрасно наговаривают, лишь бы со мной поссорить. Я вчера с ней говорила; она поклялась мне, что ничего не замышляет, и когда уверяла меня в этом, то даже плакала. Я вижу ясно, что она не виновна против нас ни в чем».

В тот же день, вечером, Лесток собрал своих единомышленников на сходку, назначив трактир савояра Берлина, находившийся неподалеку от дворца цесаревны, а между тем дал приказание въехать во двор ее дворца двум саням. В трактире Лесток встретил какого-то подзрительного человека, зазвал его играть на бильярде, чтобы занять время, пока соберутся его единомышленники. Когда один из последних вошел, Лесток переглянулся с ним, оставил своего партнера и вышел из трактира с пришедшим; кажется, то был де Вальденкур, секретарь маркиза де ля Шетарди, передававший Лестоку червонцы для раздачи гвардейцам²⁴⁶. На улице они встретили еще двоих господ своего кружка, и Лесток отправил одного к дому Остермана, другого к дому Миниха – осмотреть, что там делается, а сам пошел к Зимнему дворцу, осмотрел с улицы окна, где, по его соображениям, должны были находиться опочивальни правительницы и принца, нашел, что везде уже темно, встретил на площади возвращавшихся из домов Остермана и Миниха, и узнал от них, что в этих домах также все темно и все там спят покойно.

²⁴⁵ La Cour de la Russie il y a cent ans, стр. 85. – Вейдемейер, «Обзор», т. III, стр. 51. – Записки Манштейна, стр. 251. – Пекарский, «Маркиз де ля Шетарди», стр. 398.

²⁴⁶ Поэзе, Записки. «Русская Старина» 1870 года, т. I, стр. 87.

Въезд императрицы Елисаветы Петровны на коронацию в Москву. С гравюры И. Соколова

Тогда Лесток отправился к цесаревне – объявить, что никто в городе не предвидит настоящей тревоги и пришло время действовать. Елисавета не ложилась. Было два часа ночи. Она молилась на коленях перед образом Богоматери, прося благословения своему предприятию, и тут-то, как говорят, дала обет уничтожить смертную казнь в России, если достигнет престола. В ее дворце собрались уже все главные приверженцы и знать: любимец Разумовский, камер-юнкеры Шуваловы – Петр, Александр и Иван, камергер Михаил Илларионович Воронцов, принц гессен-гамбургский с женой, Василий Федорович Салтыков, дядя покойной Анны Ивановны и тем самым близкий к ее роду, но в числе первых перешедший на сторону Елисаветы. Были здесь и другие особы, знавшие о заговоре, и в том числе родственники Елисаветы, попавшие из крестьян в графы – Скавронские, Ефимовские, Гендриковы. Лесток, явившись к цесаревне, заметил, что она как-то опускается духом, стал ободрять ее и подал ей орден Св. Екатерины и серебряный крест. Она возложила на себя то и другое и вышла из дворца. У подъезда стояли приготовленные для нее сани. Елисавета Петровна села в сани, с нею поместился Лесток, на запятках стали Воронцов и Шуваловы. В других санях поместились Алексей Разумовский и Василий Федорович Салтыков, три гренадера Преображенского полка стали у них на запятках. Сани пустились по пустынным улицам Петербурга к съезжей Преображенского полка, где ныне церковь Спаса Преображения. Там были казармы, которые строились не так, как теперь: тогда это были деревянные домики, назначенные исключительно для помещения рядовых; офицеры жили не в казармах, а в обывательских домах, по квартирам. Когда сани подкатили к съезжей, стоявший там на карауле солдат ударил в барабан тревогу, увидев неизвестных приезжих, но Лесток соскочил с саней и распорол кинжалом кожу на барабане. Тридцать гренадеров, заранее знавших о заговоре, бросились в казармы скликать товарищей именем Елисаветы. На этот зов многие бежали к съезжей избе, сами не зная, в чем дело. Елисавета, выступив к ним из саней, произнесла:

– Знаете ли, чья дочь я? Меня хотят выдать насильно замуж или постричь в монастырь! Хотите ли идти за мной?

Солдаты закричали:

– Готовы, матушка! Всех их перебьем! Елисавета произнесла:

– Если вы так намерены поступать, то я с вами и не иду!

Это охледило порыв солдат. Елисавета подняла крест и произнесла:

– Клянусь умирать за вас, и вы присягните за меня умирать, но не проливать напрасно крови.

– На том присягаем! – завопили солдаты.

Арестовали дежурного офицера, иностранца Гревса. Все солдаты подходили к Елисавете Петровне и целовали крест, который она держала в руке. Наконец она произнесла:

– Так пойдемте же!

Все двинулись за ней в числе трехсот шестидесяти человек через Невский проспект на Зимний дворец. Лесток отделил четыре отряда, каждый в 25 человек, и приказал арестовать Миниха, Остермана, Левенвольда и Головкина. Шествие тянулось через Невский проспект, а в конце этой улицы, уже у Адмиралтейской площади, Елисавета почему-то вышла из саней и решила ехать остальную дорогу до Зимнего дворца пройти пешком, но не поспела за гренадерами. Тогда ее взяли на руки и донесли до Зимнего дворца²⁴⁷.

Прибыв ко дворцу, Елисавета неожиданно вошла в караульное помещение и сказала:

– И я, и вы все много натерпелись от немцев, и народ наш много терпит от них; освободимся от наших мучителей! Послужите мне, как служили отцу моему!

– Матушка! – закричали караульные, – что велишь – все сделаем! По одним известиям²⁴⁸, Елисавета вошла во внутренние покои дворца, прямо в спальню правительницы, и громко сказала ей:

– Сестрица! Пора вставать!

По другим известиям, цесаревна не входила сама к правительнице, а послала гренадеров: те разбудили правительницу и ее супруга, потом вошли в комнату малолетнего императора. Он спал в колыбельке. Гренадеры остановились перед ним, потому что цесаревна приказала не будить его прежде, чем он сам не проснется. Но ребенок скоро проснулся; кормилица понесла его в караульную. Елисавета Петровна взяла младенца на руки, ласкала и говорила: «Бедное дитя! Ты ни в чем невинно, виноваты родители твои!» И она понесла его к саням. В одни сани села цесаревна с ребенком; в другие сани посадили правительницу и ее супруга. Антон-Ульрих некоторое время после того, как его разбудили, был как ошеломленный, а потом стал приходить в себя и начал выговаривать супруге – зачем не слушала его предостережений.

Елисавета возвращалась в свой дворец Невским проспектом. Народ толпами бежал за новой государыней и кричал «ура». Ребенок, которого Елисавета Петровна держала на руках, услышав веселые крики, развеселился сам, подпрыгивал на руках у Елисаветы и махал ручонками. «Бедняжка! – сказала государыня. – Ты не знаешь, зачем это кричит народ: он радуется, что ты лишился короны!»²⁴⁹

В то же время арестовали в своих домах и помещениях Остермана, фельдмаршала Миниха, его сына, Левенвольда, Головкина, Менгдена, Темирязева, Стрешневых, принца Людвига Брауншвейгского – брата Антона (которого прочили в мужа цесаревне), камергера Лопухина, генерал-майора Альбрехта и еще некоторых других²⁵⁰. Остерман потерпел от арестовавших его солдат оскорбления за то, что стал было обороняться и позволил себе неуважительно отозваться о цесаревне Елисавете. Говорили также, что с Минихом обошлись грубо, а также с Менгденом и его женой. Всех их привезли во дворец Елисаветы Петровны, а в 7 часов утра отправили в крепость. Людвига Брауншвейгского не сажали в крепость, предполагив заранее выслать его за границу.

---

²⁴⁷ Вандаль, Louis XV et Elisabeth de la Russie, 157.

²⁴⁸ Записки фельдмаршала Миниха, стр. 82.

²⁴⁹ Chantereau, Voyage fait en Russie, 1794 г., т. II, стр. 75–76.

²⁵⁰ Пекарский, Маркиз де ля Шетарди, стр. 401.

Л. Токе. Портрет графа К.Г. Разумовского. 1758 г.

Тотчас по возвращении Елисаветы Петровны к себе во дворец Воронцов и Лесток распорядились собрать знатнейших военных и гражданских чинов, и с рассветом стала являться тогдашняя знать на поклонение восходящему светилу, показались – генерал-прокурор князь Трубецкой, адмирал Головин, князь Алексей Михайлович Черкасский, кабинет-секретарь Бревен, Алексей Петрович Бестужев, начальник Тайной канцелярии Ушаков... О фельдмаршале Ласси сохранилось такое известие: на рассвете разбудил его посланный от цесаревны и спрашивал: «К какой партии вы принадлежите?» – «К ныне царствующей», – был ответ. Такой благоразумный ответ избавил его от всяких преследований, и он тотчас отправился к новой

императрице. Он поступил, как прилично было поступить иностранцу в чужой земле. Другой иностранец, генерал принц гессен-гамбургский, как уже выше было сказано, примкнувший к заговорщикам заранее, до такой степени приобрел доверие новой императрицы, что она поручила ему заведовать военными силами столицы и охранять в ней порядок. Не так поступил тогда Петр Семенович Салтыков, бывший дежурным генерал-адъютантом в ночь переворота. Он знал о замыслах Елисаветы, но не был уверен в успехе и потому не пристал открыто, а сохранил видимую верность правительнице. Его арестовали и доставили во дворец Елисаветы: он упал перед нею на колени. Его родственник, Василий Федорович, уже прежде заявивший свою верность новой государыне и сидевший в санях с Разумовским во время похода к Зимнему дворцу, сказал ему: «Вот ты теперь на коленях, а вчера глядеть бы не захотел на нас и всякое зло готов был нам сделать». Елисавета Петровна приказала Василию Федоровичу замолчать, она не намерена была делать попреков за медленность тем, которые, хотя не так рано, как другие, покорились ей. Тогда граф Бестужев занялся составлением манифеста от имени государыни и присяжного листа. Сенат, Синод, генералитет в полном составе собрались во дворце цесаревны и принесли по этому листу присягу на верность. Новая государыня, надев на себя Андреевский орден, вышла на балкон. Внизу, перед дворцом, толпился народ, горели костры, возле которых грелись люди. Тут Елисавета Петровна приняла присягу от конногвардейцев и других гвардейских полков. Возвратившись в свои внутренние покои, государыня принимала приехавших к ней с поздравлением знатных дам и на принцессу гессен-гамбургскую собственноручно возложила орден Св. Екатерины.

В начале третьего часа пополудни Елисавета Петровна села в сани и поехала в Зимний дворец. Кругом ее саней бежали, как и прежде, толпы народа с радостными восклицаниями. В придворной церкви дворца отправлено было благодарственное молебствие при пушечных выстрелах, а потом был прочитан составленный наскоро Бестужевым манифест, отпечатанный на шести листах довольно серой бумаги. Это был, так сказать, манифест предварительный, за которым должен был последовать другой, полнейший. В нем от имени новой императрицы объявлялось во всеобщее сведение, что «все духовные и мирские чины, верные подданные, особливо лейб-гвардии полки, для пресечения всех происходивших и вперед спасаемых беспокоейств и беспорядков, просили нас, дабы мы, яко по крови ближняя, отеческий престол воспринять изволили».

Тогда гренадеры Преображенского полка просили императрицу принять на свою особу сан капитана их роты. Елисавета Петровна не только соизволила на это, но даровала дворянское достоинство всем состоящим в ее роте и вдобавок обещала наделить всех их населенными именами. Вся эта рота, состоявшая тогда из трехсот шестидесяти человек, наименована Лейб-компанией.

Сенат сделал распоряжение о приведении к присяге всех чинов людей во всей империи и о переделке во всех присутственных местах печатей. По всем городам империи приказано было в церквах с утра до вечера приводить к присяге народ всех сословий, кроме пашенных крестьян. За совершением обряда присяги посланы были наблюдать штаб- и обер-офицеры гвардии; им вменялось в особую обязанность смотреть, чтобы люди духовного чина непременно были приведены к присяге, а о неприсягнувших, какого бы они звания ни были, приказано было доносить.

Неизвестный художник. Портрет А.Г. Разумовского. XVIII в.

Тогда последовали разные награды. На одних были возложены ордена, иные были повышены в чинах. Вызваны были на свободу пред новую государыню опальные прежнего царствования Анны Ивановны князья Долгорукие – фельдмаршалы Василий и Михайло Владимировичи; томившиеся долго в шлиссельбургских казематах, потом отправленные в Соловки, они привезены были в Петербург еще по повелению Анны Леопольдовны, а явившись к Елисавете после ее воцарения получили прежние ордена и почести. Тогда императрица повелела возвратить из ссылки и восстановить в их правах князей Долгоруких: Николая, лишённого языка, Алексея и Александра, сосланных в Камчатку и Березов, кроме того, были приглашены ко двору: бывшая невеста Петра II княжна Екатерина Долгорукая и Наталья Борисовна, вдова казненного князя Ивана Алексеевича Долгорукого. Первая выдана была за генерала Брюса; последняя отреклась от чести быть при дворе и воспользовалась освобождением только для того, чтобы удалиться в Киев и поступить там в монастырь. Императрица освободила из заточения несчастного киевского митрополита Ванатовича, томившегося десять лет в Кирилло-Белозерском монастыре за то, что по незнанию не отслужил молебствия в годовщину вступления на престол Анны Ивановны. Тогда же освободили Скорнякова-Писарева, графа Девиера,

сосланных в Охотск Меншиковым в 1727 году. Девиер снова сделан был генерал-полицеймейстером. Возвращены были также Сиверс и Флэк, сосланные в Сибирь за то, что не пили за здоровье Анны Ивановны, не получив верного сведения о ее вступлении на престол; возвратили свободу также и Соймонову, бывшему обер-прокурору сената, пострадавшему по делу Волынского и сосланному в Охотск. Не без труда нашли одного опального времен Анны Ивановны – человека очень близкого новой императрице. То был Алексей Яковлевич Шубин, сержант гвардии, цальмейстер Елисаветы Петровны в те годы, когда она была цесаревной. При дворе Анны Ивановны стали говорить, будто он был любимцем цесаревны, и Анна Ивановна приказала сослать его в Сибирь. По кончине Анны Ивановны Елисавета, будучи еще цесаревной, стала стараться о его освобождении, и по ее настоянию последовало о том два указа – один от курляндского герцога в короткое время его регентства, другой – от правительницы. Но долго не могли отыскать, где Шубин находился; наконец, по приказу, подписанному Минихом, его нашли где-то в Камчатке. Надобно было промерять 15 000 верст, пока Шубин успел бы воспользоваться своим освобождением и прибыть в столицу. Но тогда уже совершился переворот: императрицей стала Елисавета. Он был принят приветливо, назначен майором гвардейского Семеновского полка и генерал-майором по армии. Лесток был очень недоволен появлением этого человека при дворе, потому что Лесток не был безгрешен по отношению к Шубину в то время, когда Анна Ивановна наводила справки о Шубине с намерением отправить его в ссылку. Но теперь Елисавета не могла относиться к Шубину, как прежде. Притом и Шубин был уже не прежний: он одичал за несколько лет жителя в камчатской пустыне, хотя и сохранил еще следы прежней красоты. Украшенный орденом Александра Невского, награжденный пожалованными ему имениями в Нижегородской губернии, он уехал туда на покой, уразумев, что ему нечего больше ждать при царском дворе²⁵¹. В конце 1741 года послано предписание возвратить из ссылки герцога курляндского Бирона; императрица назначила ему жить вместо Пелыма в Ярославле, определив ему содержание в 8000 рублей в год; было приказано возвратить ему право на владение имениями в Силезии, отобранными у него во время ссылки и отданными Миниху. Братья герцога курляндского, Густав и Карл, сначала помещены были вместе с ним на житье, но вскоре потом Густав получил дозволение вступить на службу, а Карл – жить в своих имениях в Курляндии.

Сыпались милости на изгнанников и опальных прежних царствований, но на смену им последовало осуждение других опальных, бывших сторонников и деятелей царствования Анны Ивановны. Брауншвейгской фамилии – Антону-Ульриху, его супруге Анне Леопольдовне и детям их, в числе которых находился и бывший малолетний император Иван Антонович, – обещана была полная свобода и отпуск за границу. Так по крайней мере было объявлено в царском манифесте 28 ноября. В этом манифесте вся вина слагалась – как на главного козла отпущения – на Остермана: он сочинил определение о престолонаследии и поднес подписать императрице Анне Ивановне, бывшей уже в крайней слабости, он вместе с Минихом, Головкиным и другими побудил мекленбургскую принцессу взять незаконно в свои руки правительство, и ей внушаемо было намерение при жизни своего сына сделаться императрицей всероссийской. Императрица Елисавета, «не хотя причинять принцессе и ее семейству никаких огорчений, по своей природной милости, с надлежащей им честью, предав все их предосудительные поступки крайнему забвению, – всех их в их отечество отправить всемилостивейше повелела». Проводить отъезжающих до границы должен был Василий Федорович Салтыков. Ему секретно приказано ехать медленно, и он привез брауншвейгских принцев в Ригу только 9 марта. Здесь неожиданно получено было новое распоряжение: открылось сведение, что принцесса Анна Леопольдовна, будучи правительницей, хотела заключить в монастырь принцессу Елисавету – и за это велено было задержать их за караулом. Затем из Риги императрице прислали доне-

²⁵¹ Helbig, Russische Gunstlinge, 221–222.

сение, будто принцесса Анна Леопольдовна собиралась убежать из Риги в крестьянском платье; тогда императрица послала приказание всех их посадить в крепость и никуда оттуда не выпускать.

Обер-офицеры Преображенского, Семеновского и Измайловского лейбгвардии полков с 1742 по 1762 г.

После этого опала постигла Остермана, Миниха, Левенвольда, Головкина, Менгдена и второстепенных лиц, арестованных в одно время с первыми. Остерман, арестованный в своем доме у Исаакиевского собора, по отвозе в крепость был помещен там очень дурно; бедный хилый старик, постоянно страдавший болью в ногах, заболел еще чем-то вроде горячки. Императрица, как бы сжалившись над ним, приказала перевезти его в Зимний дворец и содержать там под строжайшим караулом. Над ними над всеми учреждена была следственная комиссия под председательством князя Никиты Трубецкого. Остермана обвинили в целом ряде пре-

ступлений. Важнейшими из них были: зачем по кончине Петра Второго содействовал вступлению на престол герцогини курляндской Анны Ивановны, а не цесаревны Елисаветы Петровны; зачем был главным виновником казни Долгоруких в Новгороде; зачем подал проект учинить правительницей государства герцогиню мекленбургскую, а нынешнюю императрицу предлагал посадить в монастырь и устранить от наследства молодого герцога голштинского. Остерман на все это отвечал только одно, что он был связан долгом и присягой соблюдать интересы существовавшего правительства и предпочитать их всему на свете. Князь Трубецкой обвинял Миниха и, между прочим, ставил ему в вину большую трату людей во время веденных им войн. Миних приводил в свое оправдание свои донесения, сохранившиеся в военной коллегии, и укорял себя только в том, что не повесил за казнокрадство Трубецкого, бывшего во время турецкой войны главным кригс-комиссаром и уличенного в похищении казенного достояния. Императрица Елисавета присутствовала на допросе, сидя за ширмами, и, услышав слова Миниха, приказала тотчас отвести его в крепость и прекратить заседание.

Остермана и Миниха присудили к жестокой каре: Остермана – колесовать, Миниха – четвертовать; прочих осудили на вечное заточение в разных местах Сибири. Когда Остерману поднесли обвинительный акт, он сказал: «Я ничего не стану представлять в свое оправдание. Несправедливо было бы требовать изменения приговора над собой: повинуюсь воле государыни».

В день, назначенный для исполнения приговора, 18 января 1742 года, на Васильевском острове, близ здания Двенадцати коллегий (где ныне университет), устроен был эшафот. Шесть тысяч солдат гвардии и армейский Астраханский полк составили каре для удержания толпы. Привезли на крестьянских дровнях больного Остермана. Позади его шли пешком восемнадцать осужденных; при каждом из них – по солдату со штыком. Все они имели печальный вид; один Миних между ними шел бодро, шеголем, был выбрит, напудрен; на нем был серый кафтан, а сверху красный фельдмаршальский плащ, в котором его не раз видели в походах.

Четыре солдата внесли Остермана на эшафот и положили его наземь. Сенатский секретарь прочитал приговор; палачи подтащили осужденного к плахе, как вдруг тот же секретарь вынул из кармана другую бумагу и громко произнес: «Бог и великая государыня даруют тебе жизнь». Палач грубо оттолкнул Остермана ногой. Старик упал; солдаты снесли его с эшафота и посадили в извозчичы сани.

За Остерманом Миниха взвели на возвышение. Готовясь к смерти, он отдал провожавшему его унтер-офицеру кошелек с червонцами. Но и ему объявили пощаду, и он вместе с прочими возвращался с места казни в крепость так же спокойно и беззаботно, как шел на казнь.

Остермана сослали в Березов – место заточения Меншикова. Он прожил до 1747 года. Его сыновья, Федор и Иван, бывшие при отце подполковниками гвардии, были удалены Елисаветой капитанами в армию. Впоследствии, при Екатерине II, один был сенатором, другой получил должность канцлера. Дочь сосланного Остермана была выдана Елисаветой за подполковника Толстого, и их дети положили начало фамилии Остерманов-Толстых.

Левенвольда сослали в Соликамск, оттуда в 1752 году перевели в Ярославль, где он и умер. О нем сохранились противоречивые известия: по одним – он показал себя трусом, по другим – переносил свое несчастье со стоическим терпением. Также и о нравственных качествах этой личности говорят различно. Дюк де Лириа называет его коварным и корыстолюбивым, Манштейн – человеком честным.

Михайло Головкин сослан в Германк (?) – так сказано в манифесте; но поскольку такого места нет, то одни полагают, что это – Горынская слобода Туринского уезда, в шестидесяти верстах от Пельма. По другому толкованию²⁵², его сослали в Собачий Острог Якутской области (ныне Среднеколымск). Менгдена увезли в место, которое у Галема и у Бюшинга названо

²⁵² Хмыров, Исторические статьи. Примечания, стр. 398.

Алимо. Объясняют, что это должен быть Нижнеколымск. Там и умер Менгден; там умерли его жена и дочь, а сын был возвращен и явился в Петербург уже в царствование Екатерины II. О других осужденных известно, что Темирязева послали в Сибирь без обозначения места, куда именно; бывшего секретаря Кабинета Яковлева разжаловали в гарнизон, в писаря. Миниху судьба благоприятствовала более прочим. Протомившись двадцать лет в чрезвычайно тяжелом заточении, он, будучи уже глубоким стариком, с восшествием на престол преемника Елисаветы был возвращен к прежнему почету и прожил несколько лет на свободе.

Кроме сосланных в Сибирь были еще лица, потерпевшие вследствие близости с обвиненными. Так, капитан гвардии Остен-Сакен был разжалован рядовым в ревельский батальон и там через тринадцать лет умер без повышения на службе – за то, что пользовался расположением Миниха. Иван Иванович Неплюев, известный при Петре Великом своим посольством в Константинополе, во время случившегося переворота управлял Малороссией и был вызван за то, что находился в дружественных отношениях с Остерманом. Князь Никита Юрьевич Трубецкой хотел было спровадить его в Сибирь, в ссылку, но Елисавета Петровна отправила его в Оренбургский край, где он потом был сделан правителем.

III. Эпоха силы и влияния Лестока

Приезд в Россию голштинского принца, будущего наследника престола. – Поездка государыни в Москву. – Коронование императрицы. – Пребывание двора в Москве. – Шведская война. – Вмешательство Дании. – Абовский мир. – Пребывание ангальт-цербстской принцессы с дочерью. – Лопухинское дело. – Лесток и Бестужев. – Высылка де ля Шетарди из России. – Высылка принцессы ангальт-цербстской.

Тотчас после своего вступления на престол Елисавета пригласила из Голштинии молодого племянника, Карла-Ульриха, сына герцогини голштинской, царевны Анны Петровны. В день его приезда в Петербург на него возложили орден Св. Андрея Первозванного, императрица подарила ему дворец в Ораниенбауме и несколько богатых поместий в России. Преподавание закона Божия и приготовление к принятию православия поручено было отцу Симеону Тодоровскому; обучение русскому языку – Ивану Петровичу Веселовскому, исполнявшему при Петре I разные секретные поручения, а профессор Академии Штелин назначен был преподавать принцу математику и историю. 15 февраля нареченного наследника престола возили в Академию, где Ломоносов поднес ему оду в 340 стихов, написанную по случаю дня его рождения.

Объявлено было во всенародное сведение, что в будущем апреле в Москве будет отправлено священное коронование государыни, и 23 февраля императрица со всем двором выехала из Петербурга в Москву. Начальства городов и сел высылали рабочих людей на дорогу, по которой должна была следовать государыня, и эти рабочие расставляли по обеим сторонам пути елки, а в некоторых местах устраивали из них подобие проезжих ворот. На ночь зажигались смоляные бочки. В Новгороде, Валдае, Торжке, Твери и Клину расставляли по пути императрицы обывателей – по правую сторону мужского, по левую – женского пола. С приближением государыни, проезжавшей через эти города, они должны были падать ниц. В таком торжественном шествии Елисавета доехала 26 февраля до Всесвятского, а 28 февраля был ее торжественный въезд в старую столицу прародителей; устроили пять триумфальных ворот: у Земляного города, на Тверской, на Мясницкой, в Китай-городе и на Яузе, у дворца императрицы. Государыня ехала в карете, запряженной восемью породистыми лошадьми, по бокам кареты следовали ее верные лейб-кампанцы, и за ними – вереница камергеров, камер-юнкеров, служителей и гайдуков. Вслед за государыней ехал наследник престола, за ним – придворный штат.

Приходилось до Кремля ехать среди еще свежих следов пожара, нанесшего Москве в 1737 году страшное опустошение: еще много домов и церквей стояло без крыш. У кремлевской решетки встретил государыню преосвященный архиепископ Амвросий с духовенством. В приветственной речи он восхвалил Елисавету Петровну как восстановительницу попорченного православного благочестия и напомнил, что до ее вступления на престол «не токмо учителей, но и учение и книги их вязали, ковали и в темницы затворяли, и уже к тому приходило, что в своем православном государстве о вере своей и отворить уста было опасно». После обычного хождения высочайшей особы по церквам и поклонения кремлевской святыне государыня уехала в свой Яузский дворец, где наступили балы, куртаги, маскарады, а по вечерам зажигались потешные огни.

Скоро за тем наступил Великий пост. Прекратились веселости. Запрещено было даже быстро ездить, и если у кого замечали слишком горячих лошадей, то их отбирали на царскую конюшню. Государыня проживала не в одном Яузском дворце, но иногда в Кремлевском, а иногда в своем селе Покровском. В продолжение Великого поста она посещала то одну, то другую церковь. Праздник Пасхи государыня встретила в Покровском селе, в новой церкви, только что оконченной постройкой. 23 апреля императрица переехала в Кремлевский дворец, а 25-го совершилось коронование по общепринятому чину. Тогда последовало множество

производств в чины, пожалований орденами, а родственники императрицы по матери – графским достоинством. При покойной государыне Анне Ивановне они были в большом загоне: им запрещалось даже владеть именьями. Двоюродный брат Елисаветы, Скавронский, человек без малейшего воспитания, назначен ею в камергеры; двоюродная племянница государыни, Гендрикова, выдана была за Чоглокова и этим браком сразу подняла фамилию мужа. Бутурлин, бывший еще при жизни Петра II любимцем Елисаветы, произведен в полные генералы и послан управлять Малороссией, хотя, кроме внешности, в нем никто не замечал никаких достоинств. 29 апреля императрица поместилась в Яузском дворце, и с того дня пошли там ежедневно парадные балы и маскарады. Гости являлись туда по билетам, и каждый день выдавалось по девятьсот входных билетов.

А.П. Лосенко. Портрет Ивана Ивановича Шувалова

В Москве праздник Пасхи прошел спокойно и весело, но в Петербурге произошел беспорядок. Гвардейские солдаты за что-то повздорили на улице с армейскими; офицеры стали их разнимать, и один унтер-офицер из немцев толкнул гвардейца; тот начал скликать товарищей. Узнав, что толкнувший гвардейца был немец, ожесточенные солдаты ворвались в дом, куда скрылся унтер-офицер, застали там собравшихся офицеров-немцев и ни за что избили их. Начальствовавший столицей в отсутствие верховной власти фельдмаршал Ласси умиротворил волнение и послал донесение императрице; она дала приказание наказать своевольников, но очень слабо; от этого своеволие гвардейцев усилилось, и Ласси принужден был для удержания порядка в Петербурге расставить по городу пикеты из армейских солдат. Жители Петербурга несколько дней были в большом страхе – боялись отпирать свои дворы, а иные стали даже покидать свои дома и выбираться из Петербурга. К гвардейцам и особенно гренадерам Преображенского полка благоволила государыня, потому что им обязана была своим вступлением на престол, и когда Лесток стал было говорить императрице о крайней необходимости обуздать лейб-кампанцев, Елисавета Петровна раздосадовалась даже на Лестока²⁵³. Вскоре, однако, своевольство отозвалось злой выходкой, направленной против личности самой государыни. В июле 1742 года камер-лакей Турчанинов, Преображенского полка прапорщик Ивашкин и Измайловского полка сержант Сновидов составили заговор умертвить Елисавету Петровну, а с ней и наследника престола, голштинского принца, и снова возвести на престол Ивана Антоновича. Дело странное, тем более что заговорщики были русские, а между тем в низвержении брауншвейгской династии русское национальное самолюбие играло главную роль. По делу, производившемуся над ними в декабре, оказалось, что они признавали Елисавету Петровну незаконнорожденной и, следовательно, неправильно овладевшей престолом. Их наказали кнутом с вырезанием ноздрей, а у Турчанинова отрезали, кроме ноздрей, еще и язык, и всех сослали в Сибирь²⁵⁴.

Весь 1742 год императрица проживала в Москве, которая была ей ближе к сердцу, чем кому-либо из царствовавших особ, потому что там она провела лучшие годы своей молодости. Между тем в Финляндии велась война со шведами. В марте этого года, посылая туда свои войска, Елисавета Петровна обнародовала манифест, в котором оправдывала себя в настоящей войне и обещала финляндцам относиться к ним дружелюбно, если они, со своей стороны, не будут показывать вражды к русскому войску. Кроме того, если финляндцы пожелают освободиться от владычества шведов и организовать в независимое государство, то Россия будет этому содействовать и охранять их своими военными силами; если же финляндцы не примут такого мирного предложения русской государыни и станут помогать шведскому войску против русских, то императрица прикажет разорять их страну огнем и мечом. Шведским войском командовал Левенгаупт, сын известного сподвижника Карла XII, воевавшего в России, человек вполне бездарный. 28 июня (1742 года) русские взяли город Фридрихсгам. Шведы бежали. Из некоторых финляндских волостей к русскому главнокомандующему явились депутаты с просьбой принять их в подданство России²⁵⁵. Но это были единичные случаи. В большинстве финляндцы оставались верны Швеции и в конце 1742 года затевали учинить резню над русскими войсками, разместившимися в их крае. Между тем в Швеции, где государство раздиралось враждебными друг другу политическими партиями, возникла мысль заключить мир с Россией, предоставив, после недавно умершей королевы Ульрики Элеоноры, престол ее мужу, а наследником ему избрать на шведский престол голштинского принца, племянника русской императрицы. Предложение это первый раз сделано было шведским генералом Лагеркроном, приез-

²⁵³ Hermann, т. V, стр. 185.

²⁵⁴ Hermann, т. V, стр. 23. – Соловьев, т. XXI, стр. 200.

²⁵⁵ «Петербургские Ведомости», 1742 г.

жавшим для этого нарочно в Москву, а по возвращении двора в Петербург туда снова с этой целью отправлена была шведская депутация, но голштинский принц в качестве наследника русского престола 7 ноября 1742 года принял православие и наречен великим князем Петром Федоровичем, а тем самым лишился своего права на шведский престол, так как по коренным шведским законам шведский король должен был исповедовать лютеранскую веру. Впрочем, самое соединение русской короны со шведской в видах европейской политики ни для кого не было желательно. Таким образом, шведское посольство уехало, не достигнув своей цели, а Елисавета Петровна предложила в короли шведские другого принца голштинского, Адольфа-Фридриха, носившего титул любского епископа, брата того, который умер в России, будучи женихом Елисаветы Петровны. За этого принца в Швеции образовалась многочисленная партия, но там явился и другой кандидат на шведскую корону – сын датского короля Христиана VI, Фридрих, датский кронпринц (наследник). И у него в Швеции явилось немало сторонников, особенно в Далекарлии, где за него было крестьянское население. Партия голштинского принца, покровительствуемая Россией, взяла верх, потому что в случае выбора принца голштинского императрица обещала Швеции возвратить часть Финляндии, захваченной русским оружием. 27 июня 1743 года принц Адольф-Фридрих избран был наследником шведского престола, а в августе того же года в городе Або был заключен мир с Россией, по которому Россия приобрела в Финляндии крепости Фридрихсгам, Вильманstrand, Нислот с провинцией Кименегердской, приход Пильтен и все места при устье реки Кимене, с островами к югу и западу от этой реки. Затем во всем остальном с обеих сторон положено хранить условия Ништадтского мира²⁵⁶.

Датский двор долго еще не оставлял своих притязаний. Датский кронпринц опирался на довольно значительную партию в Швеции. Поэтому русская императрица, охраняя права избранного по ее желанию кронпринца Адольфа-Фридриха, отправила флотилию с десантом, вверенную генералу Кейту. Русские войска вступили на шведский берег и расположились в Зюдерманландии и Остроботнии, заняв самый Стокгольм. Так стояло русское войско, готовое действовать оружием против датчан и против шведов, не покорившихся новоизбранному будущему королю, пока, наконец, в феврале 1744 года датский кронпринц отказался от притязаний на шведскую корону и Дания признала права Адольфа-Фридриха.

Торжество принца голштинского, получившего шведскую корону, было противно намерениям вице-канцлера Бестужева, который держался датской стороны и старался о предпочтении датского кронпринца голштинскому. Но он не мог победить родственного расположения Елисаветы Петровны, находившейся в делах политики под сильным влиянием Лестока. Мир со Швецией на абовском конгрессе был заключен по стараниям Лестока, который хотя лично там не был, но заправлял всем делом из России. Лесток прежде находился в самых дружеских отношениях с Бестужевым; рекомендации Лестока был обязан Бестужев своим вторичным возвышением при Елисавете, но дружба их скоро охлаждалась, чему содействовали различные их направления по отношению к внешней политике. Первый раз они столкнулись в датско-шведском вопросе. Еще более разъединило их то, что Лесток был сторонником Франции и как домашний врач всегда имел доступ к государыне; пользуясь этим, он постоянно твердил ей о выгоде союза России с Францией – это не мешало, однако, тому же Лестоку получать пенсией от Англии, находившейся в то время в войне с Францией. Бестужев был сторонником Австрии и Англии, ненавидел прусского короля, ненавидел и Францию и, ссылаясь на депешу русского посланника при французском дворе, князя Кантемира, старался уверить императрицу, что Франции доверять ни в чем не следует. Бестужев вооружал против Лестока любимца государыни Разумовского, Воронцова и некоторых духовных сановников. Лесток, со

²⁵⁶ Hermann, т. V, стр. 62. – Соловьев, т. XXI, стр. 273.

своей стороны, выискивал случая насолить Бестужеву и его родным. Такой случай Лестоку скоро представился.

Кирасирский поручик Бергер, родом курляндец, получил назначение находиться в качестве пристава над Левенвольдом, пребывавшим в ссылке в Соликамске. Узнав об этом, придворная дама Лопухина, бывшая некогда в близких отношениях с Левенвольдом, поручила своему сыну, бывшему камер-юнкером при правительнице Анне Леопольдовне, передать через Бергера, что граф Левенвольд не забыт своими друзьями и не должен терять надежды, что не замедлят наступить для него лучшие времена. Бергер сообщил об этом Лестоку, а от последнего получил приказание изведать подробнее, на чем это Лопухины основывают надежды, что участь Левенвольда переменится к лучшему. Тогда Бергер вместе с другим офицером, капитаном Фалькенбергом, зазвали молодого Лопухина в трактир, напоили – и у Лопухина развязался язык. Он начал говорить о государыне: «Она ездит в Царское Село и берет с собой дурных людей... любит она чрезвычайно английское пиво. Ей не следовало быть наследницей на престоле, она ведь незаконнорожденная – родилась за три года до венчания своих родителей. Нынешние правители государственные – все дрянь, не то что прежние – Остерман и Левенвольд, один Лесток только проворная каналья у государыни. Императору Иоанну прусский король пособит, а рижский гарнизон, что стережет императора и мать его, очень расположен к императору Ивану Антоновичу. Нынешней государыне с тремястами канальями лейб-кампанцев что сделать? Скоро, скоро будет перемена! Отец мой писал моей матери, чтоб я никакой милости у нынешней государыни не искал».

– Нет ли тут кого побольше? – спросил Фалькенберг.

– Австрийский посол, маркиз Ботта, императору Иоанну верный слуга и доброжелатель, – отвечал Лопухин.

Поставленный к допросу пред генералом Ушаковым, Трубецким и Лестоком, Лопухин во всем повинился. Он оговорил свою мать, что к ней в Москве приезжал маркиз Ботта и сказывал, что будет оказана помощь принцессе Анне, и король прусский также обещался.

Приведенная к допросу Наталья Федоровна Лопухина оговорила Анну Гавриловну, жену Михаила Бестужева, урожденную Головкину, бывшую прежде вдовой Ягужинского. Бестужева во всем повинилась, что на нее наговорили Лопухина и сын последней, Иван. Призвали к допросу отца Иванова, Степана Лопухина, он показал, что маркиз Ботта говорил: «Было бы лучше и покойнее, если бы принцесса Анна Леопольдовна властвовала». Сознавался и сам Степан Лопухин, что и ему самому было желательно, чтобы принцесса по-прежнему была правительницей, потому что он недоволен государыней за то, что оставлен без награждения чином; он сознался и в том, что говорил: «государыня-де рождена до брака», и прочие непристойные слова произносил.

Подвергли пытке на дыбе Степана Лопухина, его жену, сына их Ивана и Бестужеву. К этому делу привлечено было еще несколько лиц, обвиненных в том, что слышали непристойные речи и не доносили.

Учрежденное в сенате генеральное собрание с участием трех духовных сановников постановило такое решение: всех троих Лопухиных колесовать, предварительно вырезав им языки. «Лиц, слышавших и не доносивших – Машкова, Зыбина, князя Путятина и жену камергера Софию Лилиенфельд – казнить отсечением головы; некоторых же, менее виновных – сослать в деревни». Императрица смягчила тягость кары, определив – главных виновных, Лопухиных и Бестужеву, высечь кнутом и, урезав языки, сослать в ссылку, других – также высечь и сослать, а все их имущество конфисковать. София Лилиенфельд была беременна. Государыня приказала дать ей время разрешиться от бремени, а потом высечь плетью и сослать. По поводу Софии

Лиленфельд Елисавета Петровна собственноручно написала: «Плутоф наипаче желеть не для чего, лучше чтоб и век их не слышать, нежели еще от них плодоф ждатель»²⁵⁷.

Но так как в это дело вмещали иностранного посла, то приходилось обвинять его перед иностранной державой. Императрица поручила своему послу Лончинскому представить венгерской королеве о непозволительном поведении ее посла и просить учинить над ним взыскание. Мария-Терезия некоторое время защищала Ботту, указывая на его прежнюю, верную и добросовестную службу, но потом в угоду российской императрице, нуждаясь притом в добром согласии с ней, приказала отправить Ботту в Грац и держать там под караулом. Спустя год после этого российская императрица сообщила венгерской королеве, что совершенно довольна правосудием, учиненным над Боттой, и не желает для него строжайшего наказания, предоставляя воле венгерской королевы прекратить его заточение, когда ей то будет угодно. Прусский король Фридрих II, у которого Ботта был посланником от венгерской королевы, узнав, что русская императрица обвиняет Ботту в коварных замыслах против России, дал Ботте совет самому оставить свой пост в Берлине, а через бывшего при нем российского посла Чернышева приказать сообщить императрице Елисавете дружеский соседский совет: для предотвращения на будущее время зловредных затей удалить из Риги куда-нибудь подальше в глубь империи низложенного императора Ивана Антоновича и всю его фамилию. По этому совету последовало высочайшее повеление перевести брауншвейгскую фамилию в Ораниенбург, город, принадлежавший тогда к Воронежской губернии, а некоторое время спустя, в 1744 году, летом указано было отправить ее в Холмогоры и там содержать Ивана Антоновича отдельно от прочих членов семьи. Через два года после этого скончалась бывшая правительница Анна Леопольдовна, тело ее было привезено в Петербург и погребено в Александро-Невской лавре. Императрица присутствовала при ее погребении и плакала.

---

²⁵⁷ Соловьев, т. XXI, стр. 290. – «Лопухинское дело», см. «Русская Старина», т. XII, 1874 год, сентябрь, стр. 1–42. – Нерманн, т. V, стр. 66, 72.

Г.Х. Гроот. Портрет императрицы Елизаветы Петровны на коне с арапчонком. 1743 г.

Причины, побудившие Фридриха II так отнестись к брауншвейгской фамилии, связанной с ним родственными узами, состояли в том, что Фридрих хотел отвести от себя опасность союза России с Марией-Терезией и, напротив, предупредить это и самому войти в союз с российской государыней; он думал укрепить этот союз браком какой-нибудь преданной ему принцессы с наследником русского престола. Фридрих через своего посланника в Петербурге Мардефельда подкупил бывшего при великом князе в качестве воспитателя Брюммера и лейб-медика Елисаветы Петровны Лестока, чтобы они старались отклонить брак великого князя с саксонской принцессой Марианной, что хотел тогда устроить Алексей Петрович Бестужев. Фридрих II предложил тогда в супруги преемнику Елисаветы дочь находившегося у него на службе в качестве коменданта города Штетина князя ангальт-цербстского, пятнадцатилетнюю принцессу Софию-Августу-Фридерiku. Кстати, мать этой принцессы, Иоанна-Елисавета, была урожденная голштинская принцесса, сестра шведского кронпринца, которому покровительствовала Елисавета Петровна, и другого принца, умершего некогда в России женихом цесаревны. Эта родственная близость служила одним из побудительных средств расположить Елисавету к этому брачному союзу. Третий брат принцессы ангальт-цербстской, Фридрих-Август, приехал в Россию по рекомендации прусского короля и привез портрет своей племянницы. Изображение очень понравилось Елисавете, и когда Бестужев все еще думал расположить ее к мысли женить наследника на саксонской принцессе, она объявила ему, что находит луч-

шим избрать для наследника российского престола невесту не из знатного владетельного дома: тогда с невестой приехало бы в Россию много иностранцев, которых недолюбливают русские. Императрица говорила, что не знает более подходящей невесты своему племяннику, как дочь принцессы ангальт-цербстской. Так сумел настроить Елисавету Лесток. Бестужев должен был замолчать. В феврале 1744 года принцесса ангальтцербстская с дочерью прибыла в Россию и получила приглашение ехать в Москву, куда в начале 1744 года переехала императрица со своим двором. Приехал в Россию снова и де ля Шетарди, пробравшись в Петербург через Швецию и Финляндию.

Принятая императрицей любезно, по-родственному, молодая невеста будущего ее преемника отдана была для приготовления к принятию православной веры отцу Симеону Тодоровскому, а учить ее русскому языку приглашен был профессор Академии Одадунов. Де ля Шетарди, приглашенный в Москву, был принят так же ласково, как и прежде. С ним были документы, подававшие ему право объявить себя уполномоченным послом Франции, но ему дана была секретная инструкция поудержаться с выступлением на официальном поприще и некоторое время оставаться простым посетителем России, чтобы, пользуясь расположением императрицы, выведать пути, которыми можно было бы сломить противника союза с Францией, вице-канцлера Бестужева. По-видимому, Лесток успел подготовить для французского посланника поле действия. Лопухинское дело, в которое была замешана невестка вице-канцлера, направлено было во вред обоим Бестужевым: вице-канцлеру Алексею Петровичу и его брату Михаилу. Однако вышло не так, как бы хотелось Лестоку. Императрица не усомнилась в верности братьев Бестужевых и считала их обоих людьми умными и в дипломатической сфере незаменимыми. Притом, когда против Бестужева был влиятельный у императрицы ее лейб-медик, за вице-канцлера стояли горой любимец государыни Разумовский и Михаил Илларионович Воронцов, которому государыня оказывала все более и более доверенности. Проницательный дипломат Алексей Петрович Бестужев видел, что главный его враг – де ля Шетарди, и потому на него должен быть направлен главный удар. Легкомысленность и неосторожность француза помогли интриге вице-канцлера. В России тогда вошло в обычай, взятый от прусского короля, перехватывать на почте и просматривать корреспонденции, делая это так ловко, чтобы не навлекать никакого подозрения. На официальном языке это носило название «перлюстрации». Вице-канцлер прибегнул к такому средству; он вскрыл депеши, отправляемые де ля Шетарди из России во Францию, и в них нашел, что французский посланник отзывается неуважительно об императрице и обо всех ее правителях. «Мы здесь, – писал де ля Шетарди, – имеем дело с женщиной, на которую ни в чем нельзя положиться. Еще будучи принцессой, она не желала ни о чем бы то ни было мыслить, ни что-нибудь знать, а сделавшись государыней – только за то хватается, что при ее власти может доставить ей приятность. Каждый день занята она различными шалостями: то сидит перед зеркалом, то по нескольку раз в день переодевается – одно платье скинет, другое наденет, и на такие ребяческие пустяки тратит время. По целым часам способна она болтать о понюшке табаку или о мухе, а если кто с ней заговорит о чем-нибудь важном, она тотчас прочь бежит, не терпит ни малейшего усилия над собой и хочет поступать во всем необузданно; она старательно избегает общения с образованными и благовоспитанными людьми; ее лучшее удовольствие – быть на даче или в купальне, в кругу своей прислуги. Лесток, пользуясь своим многолетним на нее влиянием, много раз силился пробудить в ней сознание своего долга, но все оказалось напрасно – что в одно ухо к ней влетит, то в другое прочь вылетает. Ее беззаботность так велика, что если сегодня она как будто станет на правильный путь, то завтра опять с него свихнется, и с теми, которые у нее вчера считались опасными врагами – сегодня обращается дружески, как со своими давними советниками». Из тех же депеш оказывалось, что прусский посол Мардефельд сообщил ему, де ля Шетарди, внушение своего короля работать для свержения Бестужева вместе с принцессой цербстской, которая дала в том обещание Фридриху II перед отъездом своим из Берлина в Россию. Де

ля Шетарди в своей депеше писал, что Лесток предан ему душой, и для того, чтобы Лестока более подогреть, он выпросил у Дальона (французского официального посла в России) сделать Лестоку прибавку в 2000 рублей к годовому пенсиону, получаемому от Франции. Еще писал де ля Шетарди, что во внимание к госпоже Румянцевой, преданной принцессе ангальт-цербстской, нужно давать ей пенсион в 1200 рублей, а кроме нее – госпоже Шуваловой, в 600 рублей. Де ля Шетарди находил, что полезно было бы подкупить знатнейших духовных сановников и духовника императрицы. Достав эти депеши, Бестужев представил копии с них на воззрение государыни. Елисавета сначала не поверила и произнесла: «Это ложь, это выдумка врагов его, из них же вы первый». Но Бестужев тут же показал ей подлинники – и государыня ничего не могла возразить. Бестужев подал ей совет поступить с де ля Шетарди как с простым иностранцем, совершившим преступление, а отнюдь не так, как с полномочным лицом от французского короля, потому что он не предъявлял своих доверительных писем. Воронцов, случившийся тут же, принял мнение Бестужева. Государыня, взволнованная и оскорбленная, ничего не сказала, отошла прочь, но через сутки дала приказание выпроводить де ля Шетарди из России в 24 часа. По приказанию императрицы 6 июня в 6 часов утра явился к де ля Шетарди генерал Ушаков с несколькими другими особами и объявил ему высочайший приговор. Де ля Шетарди стало было объясняться, но ему показали экстракт из его депеш. Тут он смешался и не знал, что отвечать. Его немедленно увезли, к большой радости Бестужева и английского посланника Тирюли, которому внимание российской императрицы к французскому дипломату стояло костью в горле²⁵⁸.

К делу о де ля Шетарди явилась прикосновенной принцесса ангальтцербстская. Ее невзлюбила с первого приезда императрица, не полюбили ее вообще русские люди, да, как кажется, и ее собственная дочь не очень нежно ее любила. После высылки де ля Шетарди из России Елисавета вела с ней наедине крупный разговор, после которого принцесса вышла от императрицы с заплаканными глазами, и все подумали тогда, что ей придется теперь убраться из России; подозревали даже, как бы такая же участь не постигла ее дочь-невесту, и тем более, когда заметили, что ее нареченный жених, великий князь, относится к ней довольно холодно. Однако этого не случилось. 21 августа 1745 года совершена была свадьба великого князя Петра Федоровича с необыкновенным великолепием и роскошью. Торжество продолжалось десять дней, но после свадьбы, в сентябре того же года, принцессу цербстскую попросили уехать за границу. Последний случай, побудивший к высылке ее из России, было несогласие между ее братьями. Один из них был кронпринц шведский, он жил в Швеции, но не оставался без участия в делах, хотя еще жив был король, преемником которого он считался. Под влиянием своей жены, сестры прусского короля, он перешел к партии, не расположенной к России и искавшей союза с Францией и Пруссией. Другой его брат, Август, приехал в Россию искать места администратора в Голштинии. Дать это место ему или кому другому зависело от наследника русского престола – настоящего герцога и владетеля Голштинии. А это место до сих пор временно занимал брат Августа, шведский кронпринц. Принцесса ангальт-цербстская, расположенная более к брату-кронпринцу, чем к Августу, приняла последнего худо, а между тем Бестужев перехватил переписку между принцессой и кронпринцем; из нее видно было, что принцесса выражала недовольство милостями российской императрицы и ее дарами. 20 сентября того же 1745 года выпроводили принцессу ангальт-цербстскую, дав ей на дорогу 50 000 рублей и два сундука с разными драгоценностями, а великий князь от себя послал подарки тестю. Вслед за тем Бестужев удалил многих голштинцев, приехавших в Россию вслед за великим князем. Удален был (в 1746 году) и принц Август, впрочем, добившись своего и получивший место администратора в Голштинии, ради чего он и приезжал в Россию.

²⁵⁸ Vandal, Louis XV et Elisabeth de la Russie, стр. 191–196. – Соловьев, т. XXI, стр. 334.

IV. Могущество Бестужева

Бестужев – великий канцлер. – Вице-канцлер Воронцов. – Причины доверия императрицы к Бестужеву. – Великий князь и великая княгиня. – Два двора в России – старый и молодой. – Два направления тогдашней политики. – Договор России с Австрией и Англией. – Поход русского войска в Европу. – Заключение Ахенского мира. – Удаление Воронцова. – Бестужев действует против Лестока. – Охлаждение Елисаветы к Лестоку. – Неосторожный поступок Лестока. – Арест, пытка и ссылка Лестока. – Сила Шуваловых.

Бестужев просил об определении Воронцова в прежнее свое звание вице-канцлера, сам получив от государыни звание великого канцлера. Бестужев надеялся найти в нем полезного сотоварища, так как Воронцов, издавна близкий к государыне как камергер ее двора и содействовавший вступлению ее на престол, мог видаться с ней чаще и подавать ей доклады. Но Воронцов, давно уже расположенный к Франции, которую Бестужев ненавидел, должен был на дипломатическом поле рано или поздно стать противником Бестужева; однако видимая размолвка между ними еще не наступила. Бестужев достиг полного могущества в России. Нельзя сказать, чтобы императрица любила этого человека и находила приятность в беседе с ним. Он держался в силе при Елисавете единственно только тем, что государыня, преданная забавам и удовольствиям, была довольна, что находился человек, способный взять на себя всю тяготу долго думать о важных делах и тем самым освободить ее от этого бремени. Знавшие близко тогдашний двор и образ жизни государыни сообщают согласно, что проходили целые месяцы, пока министр мог быть допущен к докладу, но и тогда государыня, бросаясь на иностранные депеши, искала, нет ли в них чего-нибудь любопытного или интересного; иногда оставляла важные бумаги у себя и обещала повнимательнее прочитать их – на самом же деле никогда не читала и даже забывала про них. Каждый вторник устраивался во дворце маскарад, в котором для забавы мужчины наряжались женщинами, а женщины – мужчинами; в другие же дни игрались спектакли: императрица очень любила французские комедии и итальянские оперы. Все имевшие доступ ко двору, хотя бы и не занимавшие должностей по военной и гражданской службе, обязаны были являться в маскарадные вторники, и когда однажды государыня заметила, что гостей у нее что-то мало, то разослала гоф-фурьеров узнать, что за причина такого отсутствия, и приказала заметить, что за подобное невнимание виновные будут обложены пеней 50 рублей с персоны.

Если в ком Бестужев мог встретить себе опасное соперничество, то разве в молодой великой княгине, которая отличалась необыкновенным умом, неподражаемым искусством со всеми уживаться и всем вокруг себя управлять. Ее супруг, великий князь, наследник русского престола, капризный до наивности и человек ума чрезвычайно мелкого, принужден был, сам того не сознавая и не желая, находиться во власти своей жены. С детства воспитанный в лютеранской религии, он принял православие по крайней необходимости, в качестве преемника российской императрицы на престоле, но в своей наивной откровенности не удерживал перед другими своих мыслей и чувствований и часто позволял себе отзываться с пренебрежением об обрядах православной церкви, сверх того, кстати и некстати, твердил о превосходстве немцев перед русскими. Когда он услышал о кончине старого шведского короля, престол которого должен был занять кронпринц Адольф-Фридрих, он перед русскими с соболезнаванием вспоминал, как шведские чины хотели было избрать будущим королем его, Петра Федоровича, и громко жалел, что не удалось ему быть королем в цивилизованной стране, вместо того чтобы изнывать в России, где он постоянно чувствует себя как бы в неволе. Совсем не такова была его супруга. Приняв православие, конечно, также по необходимости, она вела себя так, что никто не осмеливался говорить, что она приняла его неискренне. Она не только не показывала, подобно своему супругу, презрения к русской народности – напротив, основательно выучилась

русскому языку, любила говорить и писать на этом языке, все русское ее занимало, все, что было хорошего в России, было для нее мило и любезно. Она как будто вся переродилась в русскую женщину, и уже в ту пору просвечивалась в ней та могущественная Екатерина, которой она стала впоследствии в глазах всего мира.

Образовались в России два царских двора: один – императрицы, носивший название старого или большого, другой – называемый малым или молодым – двор наследника престола, а на самом деле – его супруги. Бестужев сначала принадлежал к большому двору и был как бы противником великой княгини. Но Екатерина была так умна и так хитра, что способна была провести десять Бестужевых при всей их дипломатической тонкости. Никто, подобно ей, с такой сдержанностью и самообладанием не умел, когда нужно, скрывать свои чувства и находить удобное время, когда можно проявить их. Со временем, как мы увидим, Екатерина совершенно овладела старым канцлером и сделала его своим покорным слугой.

Неизвестный художник. Портрет Алексея Петровича Бестужева-Рюмина. XVIII в.

Два направления тогдашней политики разделяли государственных людей на две стороны: одни желали союза России с Австрией и Англией, другие наклонны были к союзу с Францией и даже с Пруссией, находившейся тогда с Францией в союзе. Бестужев принадлежал к первой стороне, Воронцов и Лесток – к последней. Бестужев в ту пору подружился с австрийским посланником и в то же время находился в приятных отношениях ко всем представителям Англии, которые в Петербурге быстро сменяли один другого. Бестужев представлял императрице о выгодах предпочесть всяким другим союзам союз с Австрией и Англией и на ту пору взял верх; Россия в 1747 году заключила оборонительный договор с Австрией и Англией, и российская императрица обязалась отправить тридцать тысяч вспомогательного войска на помощь венгерской королеве против прусского короля, Франции и Испании. Это войско снаряжено было в Лифляндии и вступило в Германию под главной командой князя Репнина. Поход этот не ознаменовался военными подвигами, но имел то важное значение, что содействовал скорейшему заключению Ахенского мира, прекратившего в Европе войну за австрийское наследство, которая уже широко разыгралась не только в Европе, но и в отдаленных краях Нового Света.

Бестужев, поставив на своем в делах внешней политики, стал всемогущим человеком в России и захотел удалиться от государыни и от влияния на дела Воронцова и Лестока. Воронцова устранили на время очень деликатно: он получил дозволение путешествовать по Европе с целью совершить свое образование; то было его собственное давнее желание. С Лестоком у Бестужева расправа была резче: Бестужев не забыл, какие неприятности учинил Лесток близким родным канцлера по лопухинскому делу. Сначала Бестужев сумел подействовать на императрицу так, что она, вообще очень изменчивая в своих симпатиях и антипатиях к людям, стала обращаться с Лестоком холоднее прежнего и так мало ценить его, что, когда Бестужев доложил ей, что Лесток получает пенсию от Франции, Елисавета Петровна насмешливо сказала: «Вольно французам тратить деньги по-пустому, Лестока я совсем не слушаю, да и говорить себе слишком много не позволяю». Когда же ей донесли, что Лесток часто видится с прусским посланником и получает от него пенсию, императрица приказала надзирать за Лестоком, но все-таки не решалась придаться к нему без явных улик. Тогда Бестужев прибегнул к другой уловке: он представил государыне, что считает небезопасным оставлять при высочайшей особе в качестве врача человека, способного сделать ей вред. Императрица не рассердилась за это на канцлера, но не придала и ему полной веры, а только сказала ему, что будет с большой осторожностью принимать лекарства от Лестока. К более решительным мерам против Лестока канцлер все еще не мог побудить императрицу: видно, воспоминание о прежних услугах Лестока останавливало ее. Наконец, сам Лесток неожиданно подал против себя повод.

20 декабря 1748 года Лесток вместе со своей третьей женой, Анной Менгден (сестрой Юлиании Менгден), был в гостях у одного прусского купца. Там же были гостями: секретарь Лестока капитан Шапюзо, шведские послы при петербургском дворе, Волькенстиерна и Гепкен, и жена прусского посла графиня Финкенштейн. После обеда, в наступающие зимние сумерки, Шапюзо вышел из дома и приметил одетого дурно, в ливрее, неизвестного ему человека; уже несколько дней Шапюзо замечал, что этот человек постоянно бродит около дома. Шапюзо, угрожая ему шпагой, принудил его войти с собой в дом того купца, где находился Лесток с другими гостями. Лесток предложил неизвестному 50 рублей, если он откровенно скажет, кто он такой и кто его посылает шпионить. Неизвестный упорствовал и уверял, что ни от кого не получал поручения шпионить. Лесток приказал позвать из своего караула унтер-офицера и гренадера и хотел заставить батогами неизвестного открыть – кто он такой. Тогда неизвестный объявил, что он – человек какого-то гвардейского офицера, который поручил ему наблюдать за каждым шагом Лестока и Шапюзо. Лесток тотчас поехал во дворец, упал к ногам императрицы, уверял в своей всегдашней верности и преданности и просил удовлетворения

за оскорбление. Елисавета выслушала его ласково, просила потерпеть и обещала исследовать дело. Успокоенный Лесток отправился от государыни в дом того же прусского купца, где оставил других собеседников, и пробыл там до полуночи.

И.Н. Никитин. Портрет девочки (Елизаветы Петровны?). 1712–1713 гг.

Между тем Елисавета дала приказание арестовать и отвезти в крепость Шапюзо и четырех служителей Лестока, о которых предполагалось, что они могут сообщить сведения о поведении Лестока. Императрица говорила своим приближенным, будто считает преступным уже то, что эти господа взяли на себя роль судей над чужим человеком, и если они совершенно невиновны, то им нечего страшиться шпионства над собой. 22 декабря Лесток попытался еще раз явиться к государыне, но его не допустили, а 24 декабря, в 11 часов утра, генерал Апраксин со ста пятьюдесятью солдатами явился в дом Лестока и объявил ему арест в его доме, причем от него удалили употребление ножа и всякого острого орудия. Жена Лестока была в церкви и в тот день причащалась: по возвращении домой и она получила приказание оставаться в своем доме под арестом. В этот самый день при дворе устраивалась помолвка фрейлины Салтыковой; государыня была отменно весела, а сам Лесток был назначен в числе шаферов невесты, но,

разумеется, теперь не явился. Наконец, 26 декабря императрица оставила столицу и переехала в Царское Село, а Лесток вечером того же дня вместе с женой был отвезен в крепость. Александр Шувалов, заменивший недавно умершего Ушакова в начальстве Тайной канцелярией, вел допрос над Лестоком и его участниками. К Шувалову был придан граф Апраксин, большой приятель Бестужева. Лесток с необычайным терпением несколько дней отказывался от пищи, позволяя себе глотать только немного минеральной воды, на задаваемые ему вопросы не отвечал ничего. Но Шапюзо ввиду пыток, которыми его стали пугать, объявил, что Лесток получал от прусского короля пенсию и вел ночные беседы с посланниками прусским и шведским, назвал, кроме того, приятелями Лестока вице-канцлера графа Воронцова, генерал-прокурора князя Трубецкого и генерала Румянцева, но о смысле бесед их между собой отозвался незнанием, говоря, что Лесток давно уже не показывает к нему откровенности. Елисавета, не узнав ничего от Лестока и Шапюзо, приказала прибегнуть к пыткам, как к неизбежному в те времена средству доискаться правды, в случае запирательства обвиняемого. Лестока вздернули на дыбу. Этот человек, уже одиннадцать дней не принимавший никакой пищи, с равным присутствием духа вынес мучение на дыбе и показал столько духовной крепости, что, снятый с дыбы, сам пошел в свой каземат. Он отрицал все, в чем думали обличить его, и клялся, что ни в чем не погрешил против государыни. «Все мое несчастье, – говорил он, – случилось по злобе великого канцлера. Но придет время – правда всплывет наверх, и государыня начнет сожалеть, что оказывала доверенность этому человеку».

К нему подослали его жену, научив ее убедить мужа сознаться, и обещали пощаду и возвращение милости государыни. «Кто раз побывал в катовских (палача) руках, тот уже не может желать никакой к себе милости», – отвечал Лесток.

Лестоку не трудно было запереться. После того как арестовали Шапюзо, у Лестока осталось еще четыре свободных дня; в это время он успел передать все компрометировавшие его бумаги шведскому послу Волькенстиерну, а тот с ними тотчас уехал в Стокгольм, и во время процесса, производившегося над Лестоком, невозможно было отыскать никаких письменных доказательств к его обвинению. Тем не менее процесс над ним затянулся более чем на год и окончился уже в 1750 году. Все имущество его было конфисковано, из него взято на судебные издержки так много, что на одни письменные материалы выставлена была невероятная сумма – 800 рублей. Его дом в Петербурге подарен был графу Апраксину, производившему над ним следствие вместе с Шуваловым. Лестока сослали в Углич и там содержали очень строго и скудно, а в 1753 году в виде облегчения перевели в Устюг Великий и дозволили жить с ним его жене. Там он пробыл до кончины Елисаветы.

В конце сороковых годов (приблизительно в 1747 году) в жизни императрицы произошла перемена, отразившаяся на делах внутренней и внешней политики. До сих пор влиятельнейшим лицом при Елисавете Петровне был Алексей Григорьевич Разумовский. Он был сын простого казака в селе Лемешах, Киевского полка, близ города Козельца. Убежав мальчиком от пьяного и драчливого отца в село Чемеры, он проживал там у дьячка, учился грамоте и пел на клиросе. Проезжавший по дороге в Венгрию покупать вино для двора полковник Вишневецкий заехал в церковь, услышал прекрасный голос Алексея и взял его с собой в Петербург для придворного хора певчих. Это было в 1730 году. В том же году цесаревна Елисавета, посетив церковь в Зимнем дворце, упросила обер-гофмейстера Левенвольда уступить Алексея для ее придворной церкви. Чрезвычайно красивый и статный, Алексей Разумовский понравился цесаревне. По восшествии своем на престол Елисавета Петровна по убеждениям своего духовника Дубянского тайно сочеталась браком с Разумовским в селе Перове, близ Москвы, и вслед за тем немедленно осыпала его богатствами и почетом. Из ничтожного казака, до того бедного, что его мать собиралась просить подаяние под окнами, Разумовский по знатности своего положения и по громадному богатству стал первым вельможей в России и принимал льстивые поклонения от родовитых особ. Из благоволения к нему императрица вывела в знать всю

его близкую родню, его матери она оказывала большое почтение, меньшого брата, Кирилла, отправила для образования за границу, а по возвращении назначила президентом Академии и потом приказала избрать гетманом в Малороссии. Елисавета ревниво оберегала честь этого возвышенного ею рода. В архивах сохранилось множество дел, производившихся в Тайной канцелярии по распространению отзывов, оскорбительных для любимца государыни и для его родичей. Все разбирательства по этим делам оканчивались трагически – застенком, дыбой, кнутом, плетью, батогами, шпицрутенами и, наконец, ссылкой на каторгу²⁵⁹. Но сам Алексей Разумовский ничему этому не был причастен. По единогласным известиям современников, это был человек в высшей степени добросердечный, прямодушный, хотя подчас и вспыльчивый, но никак не заносчивый, не спесивый, и потому всеми любимый, несмотря на то что его низкое происхождение должно было возбуждать у одних зависть, а у других – досаду. Много лет провела императрица в невозмутимом согласии с Разумовским. Но вот государыня приблизила к себе новое лицо – то был молодой и лучше воспитанный, чем Разумовский, Иван Иванович Шувалов. Вся семья Шуваловых принадлежала к родовому русскому дворянству и возвысилась только при вступлении на престол Елисаветы Петровны. Один из Шуваловых, Петр Иванович, женился на Мавре Егоровне Шепелевой, большой любимице Елисаветы Петровны, – и это был первый шаг к подъему фамилии Шуваловых. Брат Петра, Александр, сделан был начальником Тайной канцелярии по кончине генерала Ушакова. Рекомендация и ходатайство той же Мавры Егоровны возвысили родственника Петра и Александра Шуваловых, Ивана Ивановича: он получил при дворе сначала звание камер-пажа, потом камер-юнкера, наконец, камергера. Разумовский не утратил милости государыни и не только не показывал огорчения, но относился дружелюбно к Шувалову. Возвышение, или, как тогда говорилось, «случай» Шувалова возымел то важное последствие, что с этих пор он сам, а с ним и прочие Шуваловы составили при дворе партию с большим влиянием на дела империи, тогда как прежде скромный, мало развитой Алексей Григорьевич и вся его родня, на которой слишком резко выказывались признаки престолярного происхождения, почти никаких дел не касались, исключая брата Алексева, Кирилла, получившего образование за границей.

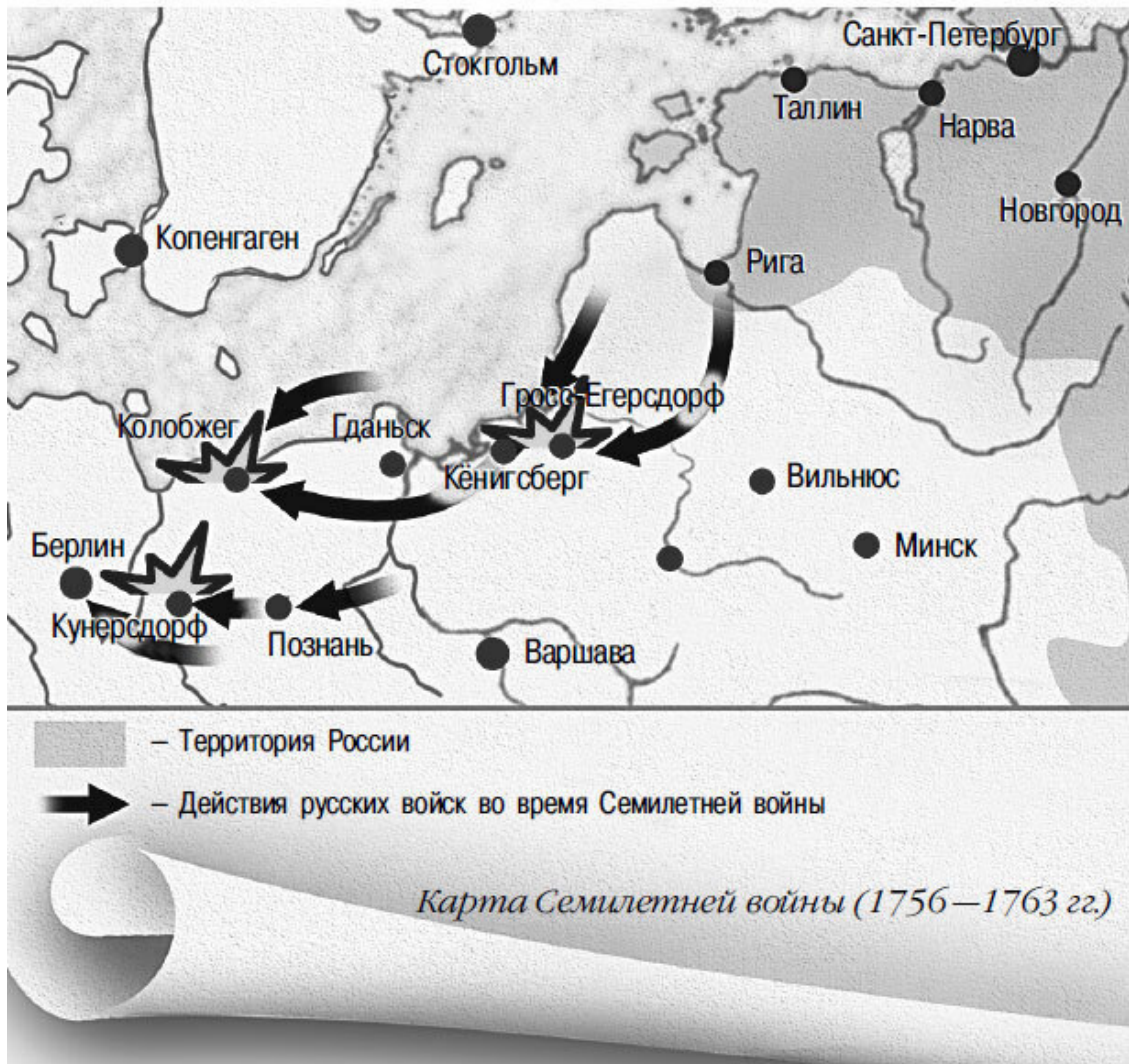
²⁵⁹ Васильчиков, Семейство Разумовских, т. I, стр. 106.

V. Эпоха событий, подготавливавших Семилетнюю войну

Франция и Россия. – Франция сближается с Австрией. – Усилия Бестужева удержать Россию в союзе с Англией. – Прибытие в Россию Дугласа и кавалера д'Эона. – Ненависть Елисаветы к прусскому королю. – История Зубарева. – Дипломатические неудачи Бестужева. – Союз Англии с Пруссией. – Союз Франции с Россией.

Между Францией и Россией много лет существовало охлаждение. Россия смотрела на Францию как на державу, которая во всяком предприятии готова была России, как говорится, подставить ногу, и Франция в самом деле всегда благопритствовала тому, что было враждебно России. В Швеции, в Турции и в Польше наиболее выказывался дипломатический антагонизм двух этих держав. Французские послы везде старались сойтись с партией, неприязненной отчего-нибудь России, и везде, где только могли, возбуждали против нее правительственные власти других держав. Между тем с обеих сторон оставались воспоминания прежних добрых отношений. Не говоря уже о том, что у Елисаветы осталось в памяти ее детство, когда ее готовили в жены тогда еще малолетнему Людовику XV, не могла у нее изгладиться из памяти более действительная услуга, оказанная Францией содействием при ее вступлении на престол, хотя последняя размолвка с де ля Шетарди и стирала у нее с сердца прежнее приятное впечатление. И во Франции, при всем политическом антагонизме французской дипломатии к России, просвечивала мысль о дружбе с этой страной. После того как предположения о браке Елисаветы с Людовиком совершенно испарились, его родственник, принц Конти, в 1742 году сделал попытку предложить руку Елисавете, уже ставшей всероссийской императрицей. На его предложение Елисавета Петровна отвечала, что не намерена выходить замуж. Тогда принц Конти стал доискиваться пути получить по смерти польского короля Августа польскую корону. Некоторые польские паны являлись в Тампль, во дворец, где жил тогда Конти, с изъявлением готовности содействовать его кандидатуре в свое время. Но такой выбор в короли, если бы он и наступил, зависел бы не от одних этих панов, но также и от большого числа таких господ, которые не думали тогда обращаться к французскому претенденту и, может быть, при избрании не подали бы за него своего голоса. Притом такая кандидатура встретила бы противодействие со стороны Австрии, России и даже Пруссии, союзной тогда с Францией. Не удавалось французам и в Турции, где французское посольство силилось поссорить Турцию с Россией, но успело единственно настолько, что турецкий визирь подал ноту, заявлявшую нерасположение Турции к занятию русскими Финляндии. Эта нота не имела дальнейших последствий. После неудачных попыток вредить России то здесь, то там французская политика начала склоняться к мысли вступить в союз с Россией в надежде, что этот путь будет полезнее для Франции. В это время в Европе совершался крутой переворот в дипломатической сфере. Франция была в вековой вражде с Немецкой империей, и такое направление перешло и на Австрию, так как австрийские владетели преемственно были избираемы в немецкие императоры. Недавно еще Франция вела против Марии-Терезии упорную войну, оспаривая наследственность ее владений. Тогда Франция, будучи враждебна Австрии, находилась в союзе с прусским королем. Мир, окончивший войну за австрийское наследство, лишил Австрию Силезии и передал эту богатую область во власть Пруссии. Теперь Австрия уже не казалась опасной и сильной, как прежде. Напротив, возвышение Пруссии стало внушать опасность, особенно когда воинственный и талантливый Фридрих II показывал целому свету, что стремится к территориальным захватам и не остановится ни перед какими путями. Поэтому Франция стала сближаться с Австрией. Со своей стороны, императрица-королева Мария-Терезия желала отомстить прусскому королю за поражения и возратить своей державе утраченную Силезию, что повело бы к возвращению прежнего политического значения австрийской короны. Австрия первая обратилась с предложением союза против Пруссии к Франции. Первое предложение было сделано

Кауницем, бывшим посланником во Франции, потом получившим должность австрийского канцлера. Предложение это было неудачно, оставалось после этого опасение, что если откроется война между Пруссией и Австрией, Франция, как и в предшествовавшую войну, снова явится союзницей Пруссии. Австрия по-прежнему стала готовиться к союзу с Англией, но на этот раз не сошлась с нею, и Кауниц поручил своему преемнику на посту посланника во Франции – Штаренбергу – обратиться к фаворитке короля, маркизе Помпадур, и к аббату Берни, руководившему тогда внешней политикой. Сама императрица-королева Мария-Терезия обратилась с собственноручным письмом к маркизе Помпадур. Дело пошло на лад.

Карта семилетней войны (1756—1763 гг.)

Англия с Францией уже находились в войне за американские владения. Как только возникла вражда между Пруссией и Австрией, то происходившая в Америке война Франции с Англией должна была перенестись на почву Старого Света. В этих целях Англия предложила субсидный союз с Россией: Россия в ограждение интересов английского короля должна была выставить войска 55 000, Англия же – внести России субсидную сумму в 500 000 фунтов за диверсию российского войска и сверх того доставлять ежегодное содержание на это войско. Относительно размера последней суммы происходили споры: Россия хотела 200 000 фунтов, Англия думала сократить эту сумму до пятидесяти тысяч. Долго шли споры. Два английских посланника переменялись после этого. Задержки главным образом происходили, по известиям

англичан, от крайнего бездействия русских властей: императрица будто бы показывала более и более охлаждения к государственным занятиям, Бестужев никогда почти не видал государыни и передавал свои доклады через Ивана Ивановича Шувалова, да и тогда эти доклады лежали у государыни целые месяцы забытыми. Такое отчуждение великого канцлера от государыни испортило и обленило его самого. Он перестал быть деятельным, каким был прежде, и по утрам до двенадцати часов оставался в постели. Английский посланник Чарльз Генбюри Вилиамс изображал тогдашнее высшее общество чрезвычайно подкупным. Сам Бестужев выпрашивал у английского короля годичный пенсioen в 2500 фунтов и обязывался работать в пользу Англии, представляя императрице о выгодах для России союзного договора с Англией. «Надобно дать ему, – писал Вилиамс, – так как он чистосердечно служит в пользу нашего короля». Олсуфьев, друг Воронцова, имевший на него влияние, получал от Англии 500 червонцев наличной монетой и в таком же размере пенсioen. Англичане жаловались на то, будто бы из сумм, которые выданы были Англией на содержание вспомогательного войска, часть употребили на постройку дворцов. Спорный вопрос о размере содержания на войска решили на половину суммы – в сто тысяч фунтов. Бестужев подал государыне записку, в которой доказывал, как выгодно будет во многих отношениях заключение оборонительного союза с Великобританией²⁶⁰.

Но Бестужев, несмотря на то что всегда славился своей проницательностью, не заметил, как попался впросак. Он не спохватился, как против него составила враждебная партия в лице канцлера Воронцова и Шуваловых. К ним примкнул немалочисленный кружок сановников. Тогда как Бестужев с давней неприязнью к прусскому королю соединял давнюю же неприязнь к Франции, его противники, хотя в равной степени, как и он, не любили прусского короля, но склонялись к дружбе с Францией, особенно после того как Франция начала сблизиться с Австрией и становиться во враждебное положение к прусскому королю. Тогда партия русских любителей всего французского (а этим отличались и Шуваловы, и Воронцов) рада была с распростертыми объятиями встретить дружбу с Францией; к этому настраивали императрицу. В это время Франция, испытав столько неудач в своих планах вредить России, приняла решительное намерение подружиться с ней. Король в соумышлении с принцем Конти решил отправить в Россию тайного агента для узнавания политической почвы: выбор пал на шотландского эмигранта Мэкензи Дугласа – сторонника Стюартов, товарища последнего претендента, и в качестве гонимого английским правительством проживавшего во Франции. Этот господин в 1755 году отправился в путь под видом английского туриста, под предлогом изучения в разных странах рудокopного производства, проехал через австрийские владения и Польшу и прибыл в Петербург. Чтобы получить разные необходимые сведения о России, он, в качестве англичанина, обратился к английскому посланнику Вилиамсу, но тот сразу разгадал, какая птица прилетела к нему, и Дуглас поспешил поскорее убраться из России, опасаясь быть засаженным в Шлиссельбургскую крепость по подозрению в шпионстве, как уже недавно случилось с другим французским проходимцем. Современные рассказы повествуют, что Дуглас успел тогда через посредство Воронцова ввести к императрице своего секретаря, кавалера д'Эона: женоподобное лицо последнего дозволило будто бы одеть его в женское платье и поместить в качестве фрейлины близ императрицы. Устроив свою проделку, Дуглас возвратился во Францию с тем, чтобы снова явиться в Россию при лучших условиях. Он недолго был во Франции и снова прибыл в Петербург 26 апреля 1756 года, получив в этот раз совсем иной, более радушный прием. Этому он обязан был искусству д'Эона, который, отлично играя роль женщины, вошел в доверенность к Елисавете и, наконец, открыл ей свой пол. Елисавета простила эту проделку и поручила сказать королю Людовику XV, что рада находиться с ним в дружеском союзе. Д'Эон тотчас возвратился в отечество и вскоре опять приехал в Петербург уже не простым туристом, а в качестве секретаря при Дугласе, который теперь явился официальным лицом, уполномочен-

²⁶⁰ Архив Воронцова, т. IV, стр. 69–85.

ным от короля. Сказка о мужчине, помещенном у Елисаветы в виде девицы, долго составляла предмет романических рассказов, а в последнее время опровергнута историческими исследованиями. На самом деле кавалер д'Эон первый раз явился в Россию только во второе прибытие туда Дугласа и был таким новичком в чужой земле, что не знал, как ему и повернуться. Дуглас и д'Эон приютились у своего соотечественника Мишеля, богатого негоцианта, близко известного Воронцову и уже два раза ездившего с согласия последнего во Францию с политическими соображениями²⁶¹.

Императрица Елисавета уже давно ненавидела прусского короля. «Этот государь, – говорила она о нем, – Бога не боится, в Бога не верит, кощунствует над святыми, в церковь никогда не ходит и с женой по закону не живет». Когда русские гренадеры, служившие в Пруссии, возвратились в отечество, они рассказывали слышанное ими от королевских прислужников в Потсдаме, что Фридрих с пренебрежением отзывался о русской государыне и порицал ее. Это огорчало Елисавету. Но были причины, затронувшие еще за более живое место сердце государыни. По внешним признакам могло всем казаться, что корона досталась Елисавете легко. Стоило только вывезти из Зимнего дворца брауншвейгскую чету, а самой взять на руки и увезти с собой младенца-императора – и все пойдет спокойно. И в самом деле, по внешним признакам могло и должно было казаться, будто все обстоит благополучно и престол дочери Петра Первого стоит так же твердо и незыблемо, как престол ее предков. На самом же деле катастрофа, доставившая Елисавете корону, отразилась тяжелым бременем на все правление Елисаветы. Император, так легко сведенный с престола, так заботливо заключенный и для всего мира неведомый, во всю жизнь Елисаветы стоял перед ней привидением до ее кончины. Это привидение не давало ей надолго забыться в своем величии. То здесь, то там появлялся страшный призрак и появлялся в разных видах, при различной обстановке. То внутренние заговоры грозили Елисавете Петровне возвращением на свет низверженного императора, то из-за границы пугало ее опасение, что враждебные ей государи поднимут против нее знамя с именем императора Иоанна с тем, чтобы в самое роковое время отклонить от нее русский народ, так скоро и так покорно признавший ее власть над собой. И такое привидение стал выставлять Елисавете Фридрих II, который несколько лет тому назад так обязательно давал русской государыне советы припрятать подалее брауншвейгскую фамилию. Теперь времена были не те. Елисавета не ценила союза с Фридрихом, предпочла ему союз с его соперницей Марией-Терезией. И он не простил этого Елисавете, он стал иначе относиться к ней и к России.

Попался в то время в Тайной канцелярии какой-то проходимец, пробиравшийся в Пруссию через русские раскольничьи слободы, заселившиеся в Польше. Это оказался тобольский посадский человек Иван Зубарев. Он был уже известен русскому правительству плутовскими проделками и еще ранее заявлял, что будто нашел он золотые прииски и серебряные руды, но потом сознался, что лгал в надежде обмануть правительство и выпросить себе привилегию на устройство заводов: Зубарева эта привилегия соблазняла тем, что влекла за собой право владеть населенным имением. В 1754 году Зубарева отослали в Сыскной приказ, но оттуда он успел бежать. В январе 1756 года этот Зубарев вместе с другими лицами был задержан в малороссийском селе Милушках по обвинению в краже лошадей, сказал за собой государево «слово и дело» и был доставлен в Тайную канцелярию. Здесь он рассказал целую повесть о своих приключениях в Пруссии и о свидании с самим прусским королем. В его повествовании правда перепуталась с ложью. Он рассказывал, что в начале 1755 года находился извозчиком у русских беглых купцов для отвоза товаров в прусский город Королевец (Кёнигсберг). Там его пригласили в трактир и стали вербовать в прусское войско. Он рассказывал далее, как он был у фельдмаршала прусского Левальда (перекрещенного рассказчиком в Ливонта), как потом с прусским офицером поехал под крепким присмотром в Берлин, а оттуда в Потсдам, в коро-

²⁶¹ Vandal, «Louis XV et Elisabeth de la Russie», стр. 261–271.

левскую резиденцию, и там увидел двух генералов. Из них один назвался дядюшкой бывшего императора Ивана Антоновича, а другой – генералом Манштейном, бывшим когда-то в русской службе с чином полковника и находившимся адъютантом при фельдмаршале Минихе. Сам Зубарев перед ними выдавал себя за бывшего гвардейца, который хочет скрыть себя и представиться купцом. Манштейн ввел его к королю, а король дал поручение ехать сперва в раскольничьи слободы и расположить раскольников признать государем Ивана Антоновича, когда тот будет освобожден. В благодарность раскольников за сочувствие он должен был обещать им в царствование Ивана Антоновича полную свободу вероисповедания, а до того времени сообщить им от короля прусского обещание выхлопотать у патриарха посвящение раскольничьего епископа. Затем поручалось Зубареву из раскольничьих слобод съездить в Холмогоры и подать весть принцу Антону-Ульриху, что весной 1756 года явятся к Архангельску прусские корабли под видом купеческих, чтобы освободить принца с сыном, низверженным императором. Тут Зубареву показали капитана корабля, которому будет поручено взять Ивана Антоновича с отцом. Зубарев прибавлял (вероятно, он лгал), будто его пожаловали полковником прусской службы и вручили тысячу червонных и две золотые медали, которые велели зашить в сапог под подошву. Манштейн давал Зубареву совет – перейдя русскую границу, добыть себе фальшивый паспорт, под видом крестьянина или купца пробраться в Холмогоры, там подкупить какую-нибудь бабу портомойку или солдата и таким путем увидаться с Антоном-Ульрихом, вручить ему медали и сказать, что прислан от прусского короля и от братьев Антона-Ульриха: пусть Антон-Ульрих с сыном готовится к уходу из России на корабле, который будет дожидаться его у города Архангельска, а сам Зубарев, передав все это Антону-Ульриху и осмотрев место, где он содержится с семейством, должен идти к Архангельску, встретить там знакомое ему лицо – капитана с командой – и с ним уговориться, как увезти Антона-Ульриха с сыном. Если окажется, что караульные стерегут пленников слабо, то подкупить их деньгами либо напоить пьяными, а если караул окажется строгим, то подкупить каких-нибудь бурлаков и при их содействии провести капитана с командой в Холмогоры, разбить караул, освободить Антона-Ульриха с сыном и доставить их на корабле в Пруссию. Снаряженный таким образом Зубарев сообщил обо всем в Польше монахам раскольничьего монастыря – Лаврентьевского, а оттуда, отправившись в Россию с намерением следовать в Холмогоры, был задержан и препровожден в Тайную канцелярию.

В пояснение этого признания Зубарева некто дворовый человек помещика Загряжского, Василий Иларионов, шатавшийся по раскольничьим скитам, основанным в Польше беглыми русскими раскольниками, заявил, что лично видел этого Зубарева в Лаврентьевском монастыре и потом слышал, что он ездил извозчиком с товарами в прусский город Королевец в одном обозе с другими беглыми людьми под именем Ивана Васильева и, приехав в Королевец, спрашивал у прусских солдат, где у них ратуша, и когда ему ратушу показали, то, обратясь к своим товарищам, сказал: «Прощайте, братцы! Я буду просить, чтобы меня повезли к прусскому королю: мне до прусского короля нужда!» С этими словами он пошел с прусскими солдатами в ратушу, и с тех пор никто из бывших с ним в обозе его не видал²⁶².

²⁶² Исторические бумаги, собранные Арсеньевым, изданные академиком Пекарским, стр. 380–399.

А.Е. Коцебу. Сражение у Кунерсдорфа 1 августа 1759 г.

Несмотря на ложь, впутанную в правду, из этих известий можно заключить, что Зубарев действительно ездил в Пруссию к королю Фридриху II агентом от поселившихся в Польше раскольников, которые уже не в первый раз обращались к прусскому королю хлопотать, чтобы через его посредство добыть себе от патриарха собственного раскольниковьего епископа: сам Зубарев в своем показании говорит, что уже прежде приезжал к королю от раскольников какой-то поп, но пруссаки почему-то не поверили ему. В показании Зубарева, данном в Тайной канцелярии и, конечно, вынужденном страхом, не совсем точно рассказаны его приключения в Пруссии, как всегда бывало в показаниях попавшихся в Тайную канцелярию. Плуты, к которым, без сомнения, принадлежал Зубарев, обычно уже сознаваясь, все-таки до последней возможности лгали, даже и тогда, когда их ложь не могла нимало доставить им спасения. История этого Зубарева в свое время имела немаловажное значение в ряду причин, решивших тогдашнюю политику России по отношению к Пруссии, а еще более по отношению к судьбе несчастного Ивана Антоновича. Фридрих II ухватился за самое чувствительное место для своей соперницы – Елисаветы Петровны. Он увидел в расколе слабую сторону России и хотел явиться при случае покровителем гонимых Елисаветой раскольников, соединив их дело с делом брауншвейгского принца. Вот почему тотчас после зубаревской истории последовало секретное распоряжение переместить Ивана Антоновича из Холмогор в Шлиссельбургскую темницу. И тогда же Елисавета Петровна, не колеблясь более, дала обещание Дугласу отправить во Францию своего уполномоченного посла, принять у себя французского посланника и ввести Россию в союз Франции с Австрией против Фридриха II.

Бестужев был посрамлен. Ему ничего более не оставалось, как притворяться, что разделяет мнение тех, которые, без совета с ним, нашли выгодным для России союз с Францией. Бестужев сознавал свое бессилие перед любимцем Елисаветы. «Наше несчастье, – говорил Бестужев английскому послу, – состоит в том, что он говорит по-французски и любит французские моды. Ему страх как хочется иметь при дворе француза-посланника. Власть его так велика, что нам тут невозможно ничего поделать»²⁶³.

Между тем Англия, в добром расположении которой Бестужев так уверял императрицу, вдруг неожиданно для России 19 января 1757 года заключила союзный договор с Пруссией.

²⁶³ «La cour de la Russie il y a cent ans», 144.

Вилиамс старался перед Бестужевым доказывать, что такой договор Англии с Пруссией не должен нарушать дружеских отношений между Англией и Россией, однако Бестужев тут же сообщил ему, что императрица, услышав о таком договоре, очень раздражена и недовольна. Как бы в отместку Англии за это Елисавета, не отказываясь ратифицировать уже составленный прежде договор Англии с Россией, приписала оговорку, что обещаемые в пособие Англии русские войска обязаны будут действовать только против прусского, а отнюдь не против каких-либо иных неприятелей английского короля. В договоре с Францией обеим сторонам пришлось также употребить подобные предостережения друг против друга. Французский король был недоволен Дугласом за слишком широкий смысл помощи, обещаемой Францией России, и при ратификации договора писал Елисавете, прося освободить его от обязательства оказывать России содействие в случае ее войны с Турцией. Елисавета согласилась, но выговорила для себя условие никак не вмешиваться в войну между Францией и Англией. 1 мая 1757 года в Версале был заключен окончательный оборонительный договор между Францией, Австрией и Россией, направленный прямо против прусского короля, а 22 сентября того же года к этому договору присоединилась и Швеция²⁶⁴.

---

²⁶⁴ Vandal, Louis XV et Elisabeth de la Russie, 278.

VI. Эпоха Семилетней войны

Вступление российского войска в Пруссию. – Главнокомандующий Апраксин. – Неловкое положение Апраксина и Бестужева. – Покорение Мемеля. – Жестокий характер войны с обеих сторон. – Гросс-Егерсдорфская битва. – Победа русских и отступление. – Арест и смерть Апраксина. – Проект Бестужева. – Болезни императрицы. – Опала, постигшая Бестужева. – Неудовольствия между императрицей и великой княгиней. – Ночное свидание между ними. – Главнокомандующий Фермор. – Курляндское дело. – Цорндорфская битва. – Главнокомандующий Салтыков. – Кунерсдорфская битва. – Поражение Фридриха. – Покушение русских на Берлин. – Завоевание и оставление Берлина. – Неудачные попытки к миру. – Генерал Румянцев. – Осада и взятие приморского города Кольберга.

Летом 1757 года русское войско было отправлено на войну против Пруссии. Начальство над ним поручено было генерал-аншефу Степану Федоровичу Апраксину. Этот человек в военном деле не ознаменовал себя ничем блестящим в предшествовавшее время, кроме разве того, что, будучи еще не в слишком высоких чинах, участвовал в войнах Миниха против турок. Это был тщеславный, изнеженный, обленившийся боярин, хотя не без природных способностей. Английский посол Вилиамс, знавший его лично, сообщает, что он был большой шеголь и, отправляясь в поход, послал своего адъютанта в свой дом привезти ему двенадцать полных костюмов, точно так, как будто он собирался не воевать, а рисоваться перед дамами. По приговору другого англичанина, Мичеля, Апраксин, несмотря на свои огромные богатства, был очень расточителен и способен на подкуп, что и подавало прусскому королю повод говорить, что стоит послать ему значительную сумму денег, чтобы побудить его замедлить свой марш под какими-нибудь предложениями²⁶⁵. Его обоз везли более пятисот лошадей, а когда приходилось стоять, тут добывались и ставились великолепные, обширные палатки, где отправлялись шумные пиршества с музыкой и пальбой²⁶⁶. Подчиненные говорили о нем, что он привык более пировать за сытными обедами и валяться в пуховиках, чем довольствоваться походной пищей и неприветливым ночлегом под дождем. Положение, в котором очутился Апраксин, будучи призван волей императрицы к начальству над войском, было критическое, и это сознавали как он, так и Бестужев. Императрица ненавидела прусского короля, но малый двор во главе с великим князем и великой княгиней относился совсем иначе к Пруссии и Англии. Великий князь постоянно восторгался прусским королем и старался копировать его, а великая княгиня казалась более расположенной к Англии, чем к Франции. Случись смерть императрицы – а при частых припадках ее болезни этого можно было ожидать, – и вся политика России изменилась бы. Вместо союза против Пруссии образовался бы в Европе союз за Пруссию, и Россия, управляемая новым государем, приняла бы в таком союзе первенствующее значение. Апраксину нужно было искусно лавировать – идти вперед на войну, исполняя волю государыни, и в то же время оглядываться – что делается позади, в Петербурге.

Русское войско, вступившее в Пруссию, по одним известиям, состояло из ста тысяч²⁶⁷, по другим²⁶⁸ – его численность доходила до ста тридцати четырех тысяч. Русские вступили в Пруссию 22 июля. Прусский король лично был занят войной в Саксонии и Богемии, а на русской границе оставил корпус под начальством фельдмаршала Левальда. Количество войска, бывшего под его начальством, пруссаки простирают до двадцати четырех тысяч; из русских

²⁶⁵ «La cour de la Russie il y a cent ans», 154.

²⁶⁶ Щербатов, О повреждении нравов, 102.

²⁶⁷ Военная История, кн. Голицына, стр. 141.

²⁶⁸ Русск. Старина, 1870 г. Приложение: Записки Болотова, т. I, стр. 481.

источников одни полагают его в 28 300 человек²⁶⁹, другие – в 40 000²⁷⁰. Как только русские вошли в Пруссию, так города стали сдаваться отдельным их отрядам. Генерал Фермор покорил Мемель, хотя мемельский гарнизон сдался на капитуляцию с правом беспрепятственного выхода, но русские многих из прусских солдат завербовали в свою службу, употребляя и принуждения, что, впрочем, было повсеместно в обычае в тот век²⁷¹. Кроме солдат русские забрали тогда многих мирных обывателей, промышленников и земледельцев, и отправили их в Россию для заселения пустых мест.

Михаил Илларионович Воронцов

Простой народ при вступлении неприятеля во владения прусского короля не остался равнодушным и стал оказывать помощь своим войскам. Русский фельдмаршал издал манифест, в котором убеждал прусских подданных не оказывать неприязненных действий и, со своей сто-

---

²⁶⁹ Военная История, кн. Голицына, стр. 141.

²⁷⁰ Записки Болотова, т. I, стр. 461.

²⁷¹ Her mann, т. V, стр. 142.

роны, обещал не позволять своим подчиненным делать вред мирному населению. Несмотря на этот манифест, поселяне стреляли по русским солдатам из-за кустов и лесных деревьев. Апраксин отправил нарочного к прусскому главнокомандующему, просил запретить такие нападения и в противном случае угрожал наказывать поступающих с русскими по-неприятельски. Но Левальд не издал такого запрещения, и русский фельдмаршал дал своим войскам дозволение поступать как с неприятелями с теми селениями, где обыватели начнут нападать на русских. Как только провели о таком дозволении иррегулярные войска – казаки и калмыки, – тотчас, не разбирая, кто прав, кто виноват, стали обращаться с поселянами самым варварским образом. Они не только грабили крестьянские пожитки, кололи для своего прокормления и угоняли для продажи своему войску крестьянский скот, но самих людей подвергали страшным, бесчеловечным мукам: одних удавливали петлей, других живьем потрошили, похищали у матерей малых детей и убивали, – сжигали дотла крестьянские жилища, и те поселяне, которые успевали спастись от их зверства, лишившись своих домов, прятались в лесах, а выходя из своих убежищ, просили своих земляков давать им вместо милостыни ружья, порох и свинец, чтобы мстить врагам. Регулярные войска не одобряли такого способа ведения войны с мирными жителями, но и они сами во время похода не держались дорог, а шли по полям, засеянным хлебом, и это озлобляло жителей; они продолжали вести партизанскую войну, нападая на русских отдельными партиями, а русские за это, поймав в таком деле поселян, отрубали им на руках пальцы и потом отпускали²⁷². Так показали себя тотчас по вступлении в Пруссию, с одной стороны, русские, с другой – мирные обыватели прусских владений, большей частью литовцы по происхождению. После нескольких стычек, заканчивавшихся то с пользой, то с вредом для русских, русские перешли реку Прегель и на Гросс-Егерсдорфском поле (близ деревень Гросс- и Кляйн-Егерсдорф) встретились с прусской армией под командой Левальда. Здесь произошло первое генеральное сражение. Сначала пруссаки одолевали русских и приперли их к лесу, но за этим лесом стояло остальное русское войско; из него отряд под начальством генерала Румянцева пробрался через лесные заросли на выручку стесненному пруссаками русскому отряду. Пруссаки попятнулись, и вскоре их отступление превратилось в настоящее бегство. Русские потеряли в этой битве до пяти тысяч убитыми и ранеными, и в их числе генерала Василия Абрамовича Лопухина, которого чрезвычайно любили все подчиненные и разнесли о нем такую громкую славу, что его имя до сих пор осталось в народной песне, несмотря на множество последующих войн и геройских подвигов русских полководцев. Смерть его очень напоминает смерть древнего греческого героя Эпаминонда. Раненый смертельно и схваченный в плен, он был отбит своими уже полуживым и спокойно испустил дыхание, когда узнал, что русские побеждают. Пруссаки в Гросс-Егерсдорфской битве потеряли до трех тысяч убитыми и ранеными²⁷³.

До 22 августа войско стояло на поле победы и праздновало свое торжество над неприятелем. Когда, наконец, в вышеозначенный день на заре забили генеральный марш, все были уверены, что фельдмаршал двигается для овладения Кёнигсбергом. Фельдмаршал хотя и двинулся, но чрезвычайно медленно, беспрестанно останавливался и напрасно мучил солдат невыносимой жарой, господствовавшей в ту пору года. Русские проходили в сутки не более как от четырех до пяти верст. Дойдя до речки Ааля, фельдмаршал созвал на военный совет генералов и представил им, что за скудостью провианта и фуража нельзя идти далее в неприятельской стране – и остается вернуться назад в Россию. Против этого сильно протестовал командир союзного саксонского войска Сибильский, недовольны были офицеры и в русском войске, но не смели противоречить воле начальника, предполагая, что он руководствуется высочайшим приказанием. 13, 14 и 15 сентября русские переправились обратно через Неман. Возвратный

²⁷² Записки Болотова, т. I, стр. 479, 491–492.

²⁷³ Военная История, кн. Голицына, стр. 145.

их путь по неприятельской земле ознаменован был разорениями. «Мы, – говорит очевидец, – поступали как сущие варвары²⁷⁴: жгли повсюду села, дворянские усадьбы и деревни; по нашим следам днем курился везде дым, а ночью повсюду виднелись пожарные зарева. И все это ради того, что два эскадрона неприятельской конницы следовали за нами для примечания наших движений, а наш фельдмаршал не мог того рассудить, что нам они ничего важного сделать не могут, и вместо того чтобы послать часть войска и прогнать их, он рассудил за лучшее опустошать огнем и мечом все остающиеся позади нас места».

Фельдмаршал получил от государыни строгий приказ не возвращаться в Россию, а продолжать воинственный поход в Пруссию. В таком же смысле писали ему Бестужев и великая княгиня. Тем не менее Апраксин снова доносил о невозможности немедленно продолжать поход. Его потребовали к отчету в Петербург, но на половине дороги, когда он доехал до Нарвы, ему послали приказание оставаться в этом городе. Туда прислана была комиссия для производства над ним следствия. Через некоторое время его потребовали в Петербург, но на дороге опять остановили, послав приказание жить в селении Четыре-Руки – небольшом царском летнем доме. Там он и умер от апоплексического удара.

Общее мнение за границей о поступках Апраксина было таково, что он совершил свое отступление в соумышлении с канцлером Бестужевым. Некоторые прямо обвиняли их обоих в подкупе. Иностранные источники²⁷⁵ прямо говорят, что английский посланник Вилиамс убедил Апраксина принять от Фридриха II сто тысяч талеров. Было в ходу и другое объяснение его поступков. Бестужев и Апраксин знали, что великий князь слишком расположен к прусскому королю, и если государыня умрет, а ее наследник станет императором, то немедленно объявит себя на стороне прусского короля; о великой княгине также было можно надеяться, что и она не расположена враждебно к Пруссии и к Англии. Между тем Елисавета Петровна беспрестанно хворала; ее припадки угрожали возможностью внезапной смерти. Поэтому Бестужев и Апраксин рассчитывали действовать так, чтобы в случае перемены не оставаться перед новым правительством заклятыми врагами прусского короля, который тогда станет союзником русского государя.

Такое толкование поступков Бестужева и Апраксина имело несколько оснований, но не было в точности верно, потому что европейские политики не вполне знали, что делается в России. Дело было вот в чем. Молодая высокая чета – великий князь и великая княгиня – жили между собой в крайнем несогласии. Екатерина старалась обратить к делу своего супруга – но ей это решительно не удавалось. Он грубо оскорблял жену и часто доводил ее до заявления, что она покинет и его, и Россию. Что касается Елисаветы, то она хотя вполне понимала характер своего преемника, но горячо любила его, и к Екатерине относилась также с видимой любовью и желала, чтобы между этими супругами утвердилось согласие. Влияние тетки не переделало племянника. Екатерина в своих записках представляет странное обычное времяпрепровождение великого князя в ту эпоху.

Понятно, что такой преемник Елисаветы на престоле не мог подавать хороших надежд. По свидетельству Екатерины, Елисавета и четверти часа не могла пробыть с ним наедине и часто жаловалась, что считает для себя великим несчастьем, что Бог послал ей такого преемника. Она даже подчас из презрения к нему давала ему различные прозвища. Тем не менее, однако, как подчас ни сердилась на него тетка, а все ему прощала, потому что никак не могла побороть в себе любви к нему, как к сыну умершей любимой своей сестры. Никого столько не беспокоило такое положение дел в России, как Бестужева, человека с таким же государственным умом, как и с безмерным самолюбием. Болезни императрицы с каждым месяцем все более и более усиливались, после каждого припадка она дня два находилась в таком истощении

---

²⁷⁴ Записки Болотова, т. I, стр. 602.

²⁷⁵ Raumer, «König Friedrich II und seine Zeit», стр. 398, 399. – Hermann, т. V, стр. 133.

сил, что не могла не только говорить, но и слышать говорящих в ее присутствии. Об одном из таких припадков, случившемся в сентябре, уведомили Апраксина – по одним известиям, Бестужев²⁷⁶, по другим – дочь Апраксина, Куракина, и Апраксин, опасаясь, что императрица может внезапно умереть и война примет иной оборот, решился отступить под благовидными предложениями. Бестужев думал поправить ошибку Апраксина и упросил великую княгиню написать фельдмаршалу письмо, убеждающее сообразно воле императрицы идти с войском вперед для уничтожения неблагоприятных слухов, которые распускали о нем его недоброжелатели. Австрийский посол Эстергази, полагая, что все это делается по желанию великого князя, советовал последнему просить у тетки прощения и сознаться, что действовал по внушению дурных советников, разумея под такими советниками главным образом Бестужева. Великий князь так и поступил. Елисавета приняла племянника очень ласково и, слушая его обвинения, озлобилась на последнего²⁷⁷.

Из опасения, что с внезапной кончиной императрицы престол достанется в обладание Петру, Бестужев составил проект, по одним известиям – объявить преемником Елисаветы ее внука, трехлетнего великого князя Павла Петровича, поручив на время его малолетства регентство его матери²⁷⁸, по другим известиям – оставив подобающий Петру Федоровичу императорский титул, устранить его от действительной власти и предоставить публичное участие в правительстве великой княгине²⁷⁹. Вместе с тем Бестужев знал, что Петр Федорович не терпит его и, став императором, непременно так или иначе постарается удалить его. Поэтому Бестужев в своем проекте написал, чтобы при таком предполагаемом по кончине Елисаветы образе правления все сановники оставались на своих местах и сам он, Бестужев, был бы назначен подполковником четырех гвардейских полков и председателем трех коллегий: военной, адмиралтейской и иностранных дел. Видно было, что, ограждая самого себя, канцлер ясно предвидел будущее и хотел в наиболее легком для великого князя компромиссе заранее учинить то, что действительно случилось в России после смерти Елисаветы, но не так удобно для великого князя. Бестужев признавал уже тогда, что при том положении, в котором стояли дела в русской правительственной сфере, было единственное лицо, способное по уму и по талантам, захватив в свои руки власть, укрепить расшатанную с кончиной Петра Великого Россию: таким лицом была Екатерина. Проект свой канцлер предполагал при удобном случае, выбрав подходящее время, поднести Елисавете Петровне, но императрица беспрестанно болела, а канцлера к себе не допускала, и он долго не мог найти удобного времени и средства сделать это, тем более что тут была сторона щекотливая: Елисавете Петровне беспокойно было слышать о мерах в случае ее смерти, да и умирать ей вовсе не хотелось. Бестужев сообщал свой проект Екатерине через посредство лица, близкого тогда к ее особе, – польского уполномоченного графа Понятовского (будущего польского короля Станислава-Августа). Екатерина на словах поручила передать канцлеру благодарность, но объявила, что считает этот проект пока трудноисполнимым. Бестужев несколько раз переписывал свой проект: то сжигал, то снова составлял, пока, наконец, 26 февраля 1758 года не стряслась над ним беда.

Елисавета, как мы уже говорили, никогда не любившая канцлера, безгранично доверяла ему все важные государственные дела, хотя она несколько лет и в глаза его не видела, и все доклады от канцлера доставлялись ей через Шуваловых или через вице-канцлера Воронцова. Но мало-помалу все стали замечать, что и заглазно императрица не терпела Бестужева, и слышать о нем ей было противно. В сентябре 1757 года французский посланник де Лопиталь доно-

²⁷⁶ Пекарский, Военный Сборник 1858 г. Статья – «Поход русских в Пруссию», стр. 289–350 – защищает Бестужева очень основательно: если б канцлер сделал это, угождая наследнику престола, то Петр III тотчас по вступлении своем на престол награждал бы Бестужева; а Петр в течение полугода не подумал даже облегчить заточения, в котором он находился.

²⁷⁷ Деша Эстергази у Шефера: *Geschichte des Siebenjährigen Krieges*, т. II, стр. 545.

²⁷⁸ Hermann, V, 139. – Васильчиков, «Семейство Разумовских», т. I, стр. 178–179.

²⁷⁹ Записки имп. Екатерины II, русский перевод, стр. 227. – Вейдемейер, «История Елисаветы», т. II, стр. 17.

сил своему правительству, что Бестужев едва-едва держится только потому, что императрица еще не найдет человека, который так, как он, был бы знаком с политическими делами²⁸⁰.

25 февраля 1758 года Бестужева потребовали во дворец, в конференцию. Сначала он стал отговариваться болезнью, но тут последовало вторичное повеление государыни – без всяких отговорок прибыть немедленно. Бестужев поехал, но едва у крыльца дворцового подъезда вышел из коляски, как ему была объявлена немилость государыни, у него отняли шпагу и препроводили в собственный дом, где он должен был оставаться под строгим караулом. Назначили следственную комиссию из фельдмаршалов – князя Никиты Трубецкого и Бутурлина и графа Александра Шувалова, начальника Тайной канцелярии; секретарем этой комиссии был Волков, человек, долго покровительствуемый Бестужевым и пользовавшийся его доверием. Разом с Бестужевым арестовали Одагурова, бывшего наставника великой княгини в русском языке, Елагина, бывшего адъютантом у графа Алексея Разумовского, большого приятеля Понятовскому, и бриллианщика Бернарди, ловкого итальянца, постоянно бегавшего по знатым домам с поручениями. На следующий же день после своего ареста через управлявшего голштинскими делами великого князя, Штамбке, Бестужев дал знать Екатерине, чтобы она ничего не опасалась – что все сожжено: он разумел свой проект. Действительно, в пересмотренных его бумагах этот проект не был найден, хотя все, и даже сама императрица, знали о том, что канцлер составлял его. Бестужев условился со Штамбке вперед вести переписку, а записки класть в груды кирпичей, находившуюся возле дома, где содержался арестованный Бестужев. Но вскоре переписка была открыта: схвачен был музыкант, приходивший класть записку в кирпичи.

---

²⁸⁰ Stuhr, «Forschungen über Hauptpunkte des Siebenjährigen Krieges», стр. 303–304.

Гренадер Лейб-кампании с 1742 по 1762 г.

Бестужеву в комиссии задавали такие вопросы: зачем он искал предпочтительно милости у великой княгини, а не у великого князя? Зачем скрывал от императрицы переписку, которую вела великая княгиня с Апраксиным? Допрашивали кроме того, что значит написанный им и открытый в гряде кирпичей совет великой княгине «поступать смело и бодро с твердостью и помнить, что подозрениями ничего доказать нельзя». Бестужев отвечал, что он особой милости у великой княгини не искал, – напротив, пока великая княгиня была предана прусскому королю, он вскрывал ее письма, но потом это оказалось излишним, потому что великая княгиня возненавидела прусского короля; в ее письмах к Апраксину предосудительного ничего не было, и в таком смысле он писал великой княгине, что одними подозрениями ничего доказать нельзя. Проекта о престолонаследии никак не отыскали и, не имея в руках этого документа, который мог служить доказательством государственной измены, старались изыскать окольные

пути к его обвинению; допрашивали, например: какие тайные конференции были у Бестужева со Штамбке и с Понятовским, были ли другие письма великой княгини к Апраксину, кроме уже открытых. О сношениях с Понятовским Бестужев объявил, что он думал через него оградить себя от интриг австрийского посланника Эстергази и французского – маркиза де Лопиталья. «Я хотел, – говорил Бестужев, – найти в Понятовском хотя одного к себе расположенного иностранного министра, который бы меня уведомлял об их кознях». Волков явился врагом Бестужева и обличителем: он высказывал в комиссии разные подробности, которыми пользовались враждебные Бестужеву следователи, но за неимением в руках проекта все-таки не могли Бестужева погубить окончательно. Продержали Бестужева под арестом 14 месяцев, он сидел безвыходно в своем доме, постоянно стесняемый караульными солдатами. Через полтора месяца по его заточении приезжал к нему его личный враг князь Трубецкой, председатель учрежденной над Бестужевым комиссии, осведомляться – строго ли содержат арестанта, и дал приказание не отлучаться из его покоев сержанту и часовым, не давать ему ножей, никого к нему не допускать, кроме его служителя Редкина. Жена его беспрестанно плакала, сын сердился, а старик Алексей Петрович только стонал и воображал, что вот скоро наступит его последний час. Наконец, в апреле 1759 года состоялся над ним приговор: его обвинили в том, что он старался вооружить великого князя и великую княгиню против императрицы, не исполнял письменных высочайших указов, а своими противодейственными происками мешал их исполнению, знал, что Апраксин не хочет идти против неприятеля, – не доносил о том государыне, а вместо донесения хотел все исправить собой «при влечении в непозволенную переписку такой персоны, которая не должна была принимать участия, и тем нечувствительно в самодержавное государство вводил соправителей и сам соправителем делался». Наконец, его обвинили и в том, что, «будучи под арестом, открыл письменно такие тайны, о которых и говорить под смертною казнью запрещалось»²⁸¹. За все эти вины комиссия приговорила его к смертной казни, но Елисавета Петровна смягчила судьбу своего бывшего великого канцлера и определила сослать его в одну из его деревень в Можайском уезде, под названием Горетово, с оставлением ему в собственности недвижимого имущества с тем, однако, чтобы с него взысканы были все казенные долги. Там в уединении прожил этот государственный человек, читая Библию и совершенствуя изобретенные им капли, которые он рассылал соседям против недугов. Впоследствии Екатерина, помня, что он собственно за нее потерпел, освободила его с большим почетом, отправив к нему курьера в первый же день своего воцарения. Признанных его соучастниками – Штамбке выслали за границу, Бернарди сослали в Казань на житье, Елагина – в его казанскую деревню. Одагурова наказали почетной ссылкой, назначив товарищем губернатора в Оренбурге.

Во время продолжительного нахождения Бестужева за караулом, Екатерина оставалась в самом ложном положении. Великий князь обращался с ней холодно и даже презрительно. Императрица также сердилась на нее и не видалась с нею. Наконец Екатерина решилась написать императрице письмо по-русски, в котором благодарила за милости, оказанные ей с ее приезда в Россию, но сожалела, что навлекла на себя ненависть великого князя и явное нерасположение императрицы, а потому просила положить конец ее несчастьям и отослать ее к ее родственникам. Она просила продолжать попечения об остающихся ее детях, которых она и без того не видит, несмотря на то что живет с ними под одной крышей: все равно для них, если она будет жить от них на расстоянии многих сотен верст. Письмо это вручено было для передачи государыне Александру Шувалову, который потом словесно сообщил Екатерине, что императрица назначит личное свидание с великой княгиней.

²⁸¹ В приговоре, вероятно, сочиненном Волковым, глухо и неясно говорится: «Между взятыми его письмами найдены проекты, писанные собственною его рукою и содержащие в себе такие дальновидные замыслы, которыми он явно показывает свое недоброжелательство к нашей особе и к нашему здоровью, но о том и о других его тайных преступлениях и найденных вредительных замыслах пространно изображать было бы излишне». Мы не понимаем, о чем собственно здесь говорится.

Обещание свидания было дано, но дни за днями проходили, а оно не исполнялось. Наконец одна из служительниц Екатерины, Шарогородская, посоветовала обратиться к духовнику императрицы, а также и великой княгини. По поручению последней Шарогородская отправилась к этому священнику, который приходился ей дядей. Духовник посоветовал Екатерине сказатьсь больной и позвать его для напутствия. Она так и поступила. Духовник явился; великая княгиня рассказала ему о своем положении, жаловалась на любимцев императрицы Шуваловых, которые восстанавливают против нее государыню, сказала о письме, посланном ею к императрице, и просила священника содействовать к получению желаемого решения. Священник отправился от нее к императрице. Он сумел так заговорить к сердцу Елисаветы Петровны, что та послала к великой княгине Александра Шувалова сказать, что в следующую же ночь хочет говорить с нею. В эту назначенную ночь опять явился к Екатерине Шувалов и проводил ее к императрице. Входя в покои государыни, они встретили идущего туда же великого князя.

Вошли в длинную комнату с трех окнами, в простенках стояли столы с золотыми туалетами императрицы. В комнате были: императрица, великий князь, Александр Шувалов и великая княгиня. Екатерина подозревала, что за занавесками спрятались Шуваловы – Иван и его двоюродный брат Петр. Впоследствии Екатерина узнала, что в своих догадках ошиблась только наполовину: там не было Петра, но был Иван Шувалов.

Великая княгиня, увидев императрицу, припала к ее ногам и со слезами стала просить отпустить ее из России.

– Как мне отпустить тебя, – сказала Елисавета Петровна, и при этом слезы блеснули у нее на глазах, – у тебя ведь здесь есть дети!

– Дети мои у вас на руках – и им нигде не может быть лучше, – ответила Екатерина, – я надеюсь, что вы их не оставите.

– Что же сказать обществу, по какой причине я тебя удалила? – возразила императрица.

– Ваше императорское величество объявите, если найдете приличным, чем я навлекла на себя вашу немилость и ненависть великого князя, – отвечала Екатерина.

– Чем же ты будешь жить? – спросила Елисавета.

– Тем же, чем жила прежде, пока не имела чести быть здесь, – был ответ.

– Твоя мать в бегах, она принуждена была удалиться из дома и отправилась в Париж, – говорила государыня.

– Король прусский преследует ее за излишнюю приверженность к русским интересам, – сказала Екатерина.

Императрица велела ей встать, подошла к ней и говорила:

– Бог мне свидетель, как я о тебе плакала, когда ты была при смерти больна вскоре по приезде твоём в Россию; если б я тебя не любила, я тогда же отпустила бы тебя.

Екатерина в ответ на это снова рассыпала благодарности и сожалела о том, что навлекла на себя немилость государыни.

В то время как императрица говорила с великой княгиней, великий князь переговаривал с Шуваловым. Государыня подошла к ним и вмешалась в их беседу. Екатерина не могла ничего расслышать до тех пор, пока ее супруг не возвысил голоса. Она услышала такие его слова:

– Она зла и чересчур много о себе думает. Екатерина подошла и произнесла:

– Если вы говорите обо мне, то я очень рада сказать вам в присутствии ее величества, что я действительно зла против тех, кто советует вам делать несправедливости, и стала к вам высокомерна, потому что ласковым обращением с вами ничего не сделаешь, а только пуще навлекла на себя вашу неприязнь.

Елисавета заметила племяннику, что слыхала от Екатерины о его дурных советчиках по голштинским делам, а когда тот выразил свое негодование на жену, императрица прервала его и завела речь о сношениях Штамбке с Бестужевым, и подойдя ближе к великой княгине, сказала:

– Ты мешаешься во многие дела, которые тебя не касаются, я не смела этого делать во время императрицы Анны. Как, например, осмеливалась ты посылать приказания фельдмаршалу Апраксину?

– Никогда мне в голову не приходило посылать свои приказания, – возразила Екатерина.

– Как ты можешь записывать в переписке с ним! – сказала Елисавета. – Твои письма вон там на туалете! – Она указала на туалет и прибавила: – Тебе запрещено было писать.

– Правда, – сказала Екатерина, – я писала без позволения, и за это прошу простить меня, но так как мои письма здесь, то из этих трех писем ваше величество можете видеть, что я никогда не посылала ему приказаний, но в одном письме передавала ему то, что здесь говорили о его поступках.

– Зачем же ты писала ему об этом? – прервала ее Елисавета.

– Затем, – ответила Екатерина, – что принимала в нем участие. В этом письме я просила его исполнять ваши приказания. Из двух остальных писем, в одном – я поздравляю его с рождением дочери, в другом – с Новым годом.

Императрица заметила:

– Бестужев говорит, что было много еще писем.

– Если Бестужев это говорит, – ответила Екатерина, – то он лжет!

– Хорошо же, – сказала тогда Елисавета, – так как он обличает тебя, то я велю его пытать.

Екатерина поняла эту угрозу в смысле желанья напугать ее и сказала:

– По самодержавной своей власти ваше величество можете делать все, что найдете нужным, а я все-таки утверждаю, что писала к Апраксину только три письма.

Императрица ничего не сказала, стала прохаживаться по комнате, обращаясь то к великой княгине, то к племяннику, то к Шувалову. В чертах лица и в голосе государыни Екатерина заметила более озабоченности, нежели гнева.

Екатерина повернула опять на просьбу отпустить ее из России – она не будет, со своей стороны, препятствовать великому князю взять себе иную жену. По замечанию Екатерины, великому князю этого очень хотелось, чтобы посадить на место ее Воронцову, но императрица не могла бы согласиться на это, да и не допустили бы этого и Шуваловы, которые ни за что не пожелали бы очутиться со временем под властью Воронцовых.

В заключение всего государыня сказала Екатерине вполголоса:

– У меня много еще о чем поговорить с тобой, но теперь не могу, потому что не хочу, чтоб вы еще больше рассорились. Идите к себе: уже поздно – три часа!²⁸²

Вышли великий князь и великая княгиня. Государыня позвала к себе Шувалова.

Когда Екатерина пришла в свои покои, к ней вошел Шувалов и сказал, что государыня будет иметь с ней еще один разговор наедине. Это ночное свидание Елисаветы с Екатериной происходило 23 апреля 1758 года²⁸³.

На другой день Екатеринына прислужница Шарогородская доставила ей сведения, полученные от ее дяди, духовника императрицы. Государыня сказала священнику, что ее племянник неумен, а великая княгиня очень умная женщина и любит истину и справедливость²⁸⁴.

Екатерина дождалась обещанного второго свидания, однако не считала нужным показывать перед другими, что оставила мысль об отъезде из России. 29 мая она опять написала императрице письмо, в котором изъявляла желание прежде своего отъезда «иметь благополучие увидеть очи ее императорского величества и повергнуть себя к ножкам государыни с крайнейшей благодарностью»²⁸⁵. Великая княгиня в то же время сносила с изгнанным по

²⁸² Записки имп. Екатерины II, русский перевод, стр. 243–249. – La Cour de la Russie il y a cent ans, 176. – Соловьев, История России, т. XXIV, стр. 187–200.

²⁸³ Сборник Русск. Истор. Общ., т. VII, стр. 74.

²⁸⁴ Записки имп. Екатерины II, стр. 250.

²⁸⁵ Сборник Историч. Общ., т. VII, стр. 74.

делу Бестужева в казанские деревни Елагиным, послала ему триста червонцев и утешала его надеждой на друзей, между прочим на Разумовского и на Понятовского, которых в письмах своих означала загадочными именами.

Новый главнокомандующий российскими военными силами, заменивший Апраксина, был генерал-аншеф Фермор, человек очень скрытный; он говорил о своих планах один раз то, другой – иное и двигался к Бранденбургии на соединение против пруссаков с австрийскими и шведскими союзными силами, хотя, по замечанию современников, плоха была надежда на прочность дружелюбия русских с австрийцами и шведами²⁸⁶.

В Петербурге между тем разрешался вопрос о Курляндии. Эта страна считалась по государственному праву ленным владением Польши, но после Анны Ивановны попала в зависимость от России, и судьба ее не могла уже решаться без участия последней державы. Герцог Бирон не лишился ни своего права на герцогское достоинство, ни титула, но содержался в ссылке в Ярославле: его не отрешали от власти над Курляндией, но и не пускали править своим герцогством. Курляндия отдана была во временное управление выбранному от местного дворянства комитету главных советников, которые должны были слушаться российского резидента, а к нему в помощь, на случай, придавалось расставленное в Курляндии русское войско. Россия действовала там неограниченно еще и потому, что Курляндия с того времени, как герцогиней была Анна Ивановна, задолжала России значительную сумму, по русскому счету 2 532 016 рублей²⁸⁷. Так как русская государыня ни за что не думала восстанавливать власть Бирона и отпускать его в Курляндию, то Август III, король польский и курфюрст саксонский, задумал отдать Курляндию своему сыну, принцу Карлу, и с этой целью отправил его представиться русской императрице. Прибыв в Петербург весной 1758 года, принц Карл очень понравился Елисавете Петровне, хотя не приобрел того же расположения от великого князя и его супруги, бывших под влиянием Понятовского – противника короля Августа. Елисавета Петровна обещала помогать вступлению на Курляндское герцогство принца Карла русскими военными силами, если только его избрет в герцоги курляндское дворянство; кроме того, она повелела своим уполномоченным в Польше Гроссу и Симолину стараться, чтобы сейм Речи Посполитой отнесся благосклонно к таковому избранию. Но собравшийся в Гродно польский сейм был сорван, и русские уполномоченные из-за невозможности вновь собрать сейм настояли, чтобы курляндский вопрос разрешен был без сейма в сенате. Шестнадцать сенаторских голосов из двадцати решили его в пользу Карла, и Август III дал сыну инвеституру на герцогство Курляндское²⁸⁸.

Принц Карл, оставив Петербург 31 июля 1758 года, поспешил к русской армии, чтоб находиться там в качестве союзника при главнокомандующем Ферморе. В августе 1758 года Фермор осадил крепость Кюстрин, жестоким и упорным бомбардированием истребил весь прилежавший к крепости город, но комендант крепости на требование русского главнокомандующего не сдавался, ожидая с часу на час выручки. Фридрих II, находившийся тогда с войском в Богемии, услышав о критическом положении Кюстрина, поспешил на выручку. Когда до Фермора дошла весть, что король приближается, русский главнокомандующий оставил осаду Кюстрина и выступил навстречу королю. Неприязненные войска сошлись 14 августа при деревне Цорндорфе, верстах в шести или семи от Кюстрина. Произошло сражение чрезвычайно кровопролитное. Фермор устроил свое войско продолговатым четвероугольником, в середине которого расположил обоз и конницу. Такой способ устройства войска был, кстати, в войнах Миниха против турок и татар, у которых вся военная сила состояла в коннице, но он не годился против дисциплинированной прусской пехоты. Фермор заметил слабость левого крыла

²⁸⁶ Stuhr, «Forschungen», т. II, стр. 153–157.

²⁸⁷ Hermann, т. V, стр. 151.

²⁸⁸ Соловьев, т. XXIV, стр. 230–232. – Hermann, т. V, стр. 153–154.

прусского войска и выпустил на него из четвероугольника свою конницу, чтобы она врубилась в прусские ряды. Но прежде чем конница эта достигла неприятельского войска, она подняла такую пыль, что русские ничего не видели и стали палить в собственную конницу. Пруссаки, заметив смятение в русском войске, ударили всей силой на его правое крыло, прорвали четвероугольник и стали овладевать русским обозом. Тут на беду русские солдаты в полурастрепанном своем обозе напали на бочки с вином и перепились. Все правое крыло русского войска было смято и уничтожено. Но на левом крыле русские не были пьяны, там они защищались с отчаянным мужеством и прогнали в болото атаковавшую их прусскую пехоту. Обе стороны дрались с равным ожесточением, растратив весь порох, работали шпагами и штыками, доходило дело до рукопашной; по окончании битвы и уборки тел нашли одного русского солдата, смертельно раненного: он лежал на умиравшем от ран пруссаке и грыз его зубами. Ночь прекратила битву. Войска так перемешались, что половина прусских пушек очутилась у русских, а половина русских – у пруссаков, и на первых порах трудно было решить – какая сторона одолела, обе себе приписывали победу, пока, наконец, число погибших в бою не решило вопроса в пользу пруссаков. Русские потеряли более двадцати тысяч человек убитыми; взято было в плен несколько русских генералов, немало штаб- и обер-офицеров, более ста пушек и тридцать знамен. Пруссаки потеряли двенадцать тысяч человек и двадцать пушек. Бывший в битве сын польского короля принц Карл прислал в Петербург к Воронцову донесение, в котором выставил ошибки Фермора²⁸⁹. Согласно с ним и другие отзывались об этой битве²⁹⁰.

---

²⁸⁹ Архив Воронцова, т. IV, стр. 113–124.

²⁹⁰ Записки Болотова, т. I, стр. 783–790. – Соловьев, т. XXIV, стр. 206–221.

Офицер полевой артиллерии

Дальнейшие движения Фермора с войском до конца 1758 года были безуспешными. Правительство было им недовольно, и в начале 1759 года он был вызван в Петербург и сменен, хотя и оставлен при своем новом преемнике в войске, а в марте того же года назначен был другой главнокомандующий – генерал-аншеф Петр Семенович Салтыков, начальствовавший украинской ландмилицией, человек уже немолодой и до сих пор нигде не показавший ничем своих военных талантов. Он был, так сказать, в загоне, потому что считался сторонником брауншвейгской династии в прежнее время. Когда он прибыл к армии в Пруссию, то русские смеялись над ним и прозвали его «курочкой»: это был седенький, низкорослый старичок, ходивший всегда в белом ландмилиционном мундире без украшений и чуждый всякой пышности и церемонности, что русские привыкли тогда видеть у своих главнокомандующих²⁹¹. В июле он соединился с австрийским отрядом Лаудона. Русские выгнали пруссаков из Польши и достигли Франкфурта-на-Одере. Салтыков хотел соединиться с австрийской главной армией под началь-

---

²⁹¹ Записки Болотова, т. I, стр. 871–872.

ством Дауна, но прусский король не допустил до соединения союзных войск и напал на русское войско, расположенное близ Франкфурта-на-Одере, при деревне Кунерсдорфе.

Утром рано Фридрих II переправился через Одер, думал окружить русское войско с трех сторон и прижать его к реке, но по причине лесов и буераков не мог поспеть ранее полудня. Заметив, что слабее других сторон русского войска было его левое крыло, он направил на него все силы, а его артиллерия, уставленная на близлежащих высотах, метала туда же свои заряды. Пруссаки легко овладели русскими батареями; а русские, выстраиваясь маленькими рядами, отстреливались, пригибаясь к земле, и все пятились назад, уступая место победоносному неприятелю, так что деревня Кунерсдорф, бывшая сначала в середине русского войска, очутилась позади пруссаков. В 6 часов вечера пруссаки овладели уже всеми русскими батареями, захватили 180 пушек и несколько тысяч пленных. Победа прусского короля казалась несомненной, и Фридрих отправил об этом радостное известие в Берлин и в Силезию, а между тем думал окончательно доконать русских. Напрасно прусские генералы предостерегали его, что войско изнемогает от продолжительного боя при утомительном зное. Король слушал только одного генерала Веделя, который старался говорить королю то, что последнему нравилось.

Битва возобновилась на этот раз за русскую батарею, построенную на еврейском кладбище и покинутую. Пруссаки хотели овладеть ею, но Лаудон с австрийцами поспел ранее занять ее. Не удалось пруссакам взобраться на высоту, называемую Шпицберген, очень крутую, опоясанную оврагом, через который пруссакам приходилось перелезать. Несколько раз они повторяли приступы, но были отгоняемы градом пуль и картечи. Прусские генералы были переранены, сам король был на волосок от смерти, и только золотая «готовальня», бывшая у него в кармане, не допустила пули просадить ему грудь. В это время на ослабевших уже пруссаков напал с двух сторон Лаудон с конницей. Это решило победу над пруссаками. Все их войско побежало в лес и на мосты, где произошли давка и смятение. Пруссаки потеряли не только все взятые у русских орудия, но покинули и собственных шестьдесят пять. Фридрих II чуть сам не попал в плен и был обязан своим спасением ротмистру Притвицу, который с отрядом гусар вступил в бой с русской погоней, задержал ее и тем дал время Фридриху II ускользнуть от опасности. Фридрих, за несколько часов перед тем веривший в свое торжество и рассылавший курьеров с вестью о победе над русскими, пришел в такую скорбь, что желал себе смерти. «Из сорока восьми тысяч воинов у меня осталось не более трех тысяч, – писал он тогда Финкенштейну, своему министру в Берлине, – все бежит, нет у меня власти остановить войско; пусть в Берлине думают о своей безопасности. Последствия битвы будут еще ужаснее самой битвы. Все потеряно. Я не переживу гибели моего отечества!» В России, напротив, известие о победе принесло великую радость и торжество. В церкви Зимнего дворца отправлялся благодарственный молебен, звонили в колокола, палили из орудий. Салтыков произведен был в фельдмаршалы, прочие генералы повышены в чинах и получили земли в Лифляндии; Мария-Терезия, со своей стороны, прислала Салтыкову и другим русским генералам подарки, состоявшие в дорогих вещах и червонцах. Русским стоила эта победа 2614 человек убитыми, 10 863 ранеными; неприятельских тел похоронено на месте битвы 7627; взято в плен 4542, дезертиров прусских было 2055; у Лаудона убито было 893 человека, ранено 1398. Победители взяли 28 знамен и 172 пушки²⁹².

После победы Салтыков некоторое время не предпринимал движений ни вперед, ни назад, ни в сторону. Его недоверие к Дауну простиралось до того, что он говорил французскому агенту, бывшему в русском войске: «Австрийцы за тем призвали русское войско, чтоб его сгубить. Дауну хочется, чтоб русские дрались, а он со своим войском делал бы только

²⁹² Соловьев, т. XXIV, стр. 264. – Hermann, т. V, стр. 163–164. – Записки Болотова, т. I, стр. 911–923. – Schoffer, Geschichte des Siebenjährigen Krieges, т. I, стр. 309–314.

диверсии»²⁹³. Недоверие между полководцами перешло на неприятные отношения и между их правительствами: тогда из Петербурга посылались в Вену жалобы на Кауница и на Дауна, а по Европе стало распространяться мнение, что медлительность Салтыкова после Кунерсдорфской битвы есть плод тайных предписаний петербургского правительства, которое будто бы подпадало под сильное влияние новоприбывшего английского посланника Кейта и стало действовать не в пользу своих союзников австрийцев²⁹⁴. На самом деле между австрийской политикой и русской ощутимо выказалось различие принципов, с которыми обе стороны смотрели на союз между собой. Австрийцы представляли русскому правительству, что русское войско в Пруссии должно действовать только как вспомогательная сила для Австрии, но императрица Елисавета Петровна отвечала, что это неверно, и сам Фридрих II давно объявил, что считает Россию главнейшим из своих неприятелей²⁹⁵.

В 1760 году Салтыков отступил в Польшу и расположил свое войско там на квартирах. Продолжались переговоры с австрийскими генералами о способах ведения войны, но из этого ровно ничего важного не выходило. Салтыков был болен: он подвергался припадкам ипохондрии и, кроме того, часто страдал лихорадкой. 12 сентября он подал в отставку и сдал команду генералу Фермору. Фермор и Даун продолжали спорить между собой насчет движения военной силы. Наконец, 15 сентября получено из Петербурга предписание послать отряд на Берлин, о чем уже прежде представлял Фермор. В то же время предпринята была вместе со шведами осада прусского города в Померании, Кольберга, но пошла неудачно. Русские, высадившись на берег, услышали, что на выручку Кольбергу идет прусское войско, наскоро посадили на суда свои силы и отплыли²⁹⁶.

Предприятие Тотлебена и Чернышева, отправленных на Берлин, было удачное: 22 сентября Тотлебен стал перед берлинскими воротами. Фермор с главной армией отошел к Франкфурту-на-Одере. Берлин на левой стороне Шпрее огражден был стеной, на правой – палисадом и охранялся гарнизоном в три батальона. Комендант генерал Рохов находил невозможным чинить отпор и готов был сдаться на великодушие победителей, но приглашенные на военный совет генералы Левальд, Зейдлиц и принц Вюртембергский уговорили его защищаться. Устроили у ворот шанцы, забрали в службу инвалидов и выздоравливающих солдат. Тотлебен приблизился к воротам Котбусским и Галльским и в 2 часа пополудни открыл огонь. Пруссаки дали отпор. Тотлебен увидал, что Берлина скоро взять нельзя, и отступил, оставив у города казаков с двумя орудиями, а сам овладел замком Кепеником, но после сильного сопротивления. В это время в Берлин вошли еще девять батальонов пехоты. Услышав о таком усилении гарнизона в Берлине, дано было знать Фермору, с тем, чтоб просить помощи. Фермор прислал отряд конницы и пехоты с частью артиллерии. 26 октября Тотлебен и Чернышев снова явились под Берлином, один на левой, другой на правой стороне реки Шпрее. Тотлебен начал нападение с юга, против него защищался генерал Зейдлиц. Тут казаки узнали, что на подмогу Берлину из Потсдама идет прусский генерал Гюльзен. Тотлебен выслал против него отряд, но Гюльзен пробился сквозь него и расположился у Галльских ворот. Тотлебен отступил в Юстенгауз.

Ввиду усиления прусских сил в Берлине Чернышев был того мнения, что придется оставить покушение овладеть Берлином, как получилось известие, что в содействие к русским подходит австрийский фельдцейхмейстер Ласси с восемнадцатью тысячами войска. И так под Берлином вдруг очутилось сорок тысяч неприятельского войска. По этой причине в ночь с 8 на 9 октября н.с. (27–28 сентября стар. ст.) в Берлине решили сдать город и гарнизон перевести в Шпандау.

²⁹³ Stuhr, «Forschungen», т. II, стр. 258.

²⁹⁴ Ibidem, 274.

²⁹⁵ Raumer, «Konig Friedrich II und seine Zeit», 462.....

²⁹⁶ Schoffer, Gesch. des Siebenjahr. Krieges, III, 27.

В 4 часа утра комендант Рохов вручил капитуляцию Тотлебену. Последний принял ее, не сносясь с Ласси и даже с Чернышевым, на условиях, чтобы гарнизон объявлен был военнопленным, все воинские запасы и государственное имущество поступали в распоряжение победителей, а частная собственность объявлялась неприкосновенной и всем обывателям Берлина предоставлялась личная безопасность.

Тотлебен вошел в Берлин с тремя полками, назначил комендантом Берлина бригадира Бахмана и тотчас вступил в продолжительные толки с местными властями о контрибуции. Тотлебен запросил четыре миллиона талеров, но к вечеру сошлись на полутора миллионах талеров. Часть этой контрибуции должна быть уплачена в течение восьми дней, а другая – в течение двух месяцев. Город, сверх того, дал войску подарок, так называемые *douceur-Gelden*. Квартир в городе не положено, торговля должна была невозбранно идти своим порядком. Русские взяли из королевской кассы 60 000 талеров – более не было. Из цейхгауза было взято 143 орудия, 18 000 штук огнестрельного оружия и достаточное количество боевого запаса. В Потсдаме разорена была королевская оружейная фабрика, взорвана пороховая мельница, разрушен литейный двор, вся запасная амуниция брошена была в реку Шпрее, но королевские дворцы остались неразграбленными, только одну картину взял себе граф Эстергази. Фермор дал приказание истребить все королевское, но купцу Гацковскому удалось спасти лагерьгауз, золотые и серебряные мануфактуры и вообще постараться, чтобы посещение неприятелей обошлось Берлину наименьшим вредом. Русские, в числе пленных с гарнизоном, взяли 2152 человека и кадетов со служителями 265 человек. Найдено в Берлине пленных австрийцев, немцев и шведов 4501 человек – все они получили свободу²⁹⁷.

---

²⁹⁷ «С.-Петербургские Ведомости» 1760 года.....

Генерал гоштинских войск в 1756–1762 гг.

Русские генералы показывали мало внимательности к австрийским, которые и не принимали участия в капитуляции. Тем не менее Ласси настоял у Чернышева, чтобы караулы у Потсдамских и Бранденбургских ворот были поручены австрийцам. Им досталось из добычи только 12 орудий, да и то бывших их же собственных, и одна четвертая часть *douceur-Gelden*, другая четверть досталась Чернышеву, а половина – Тотлебену с его отрядом.

Но Ласси взял Потсдам и Шарлоттенбург; первый заплатил 60 000 талеров контрибуции, частью наличной монетой, частью же векселями на Гамбург; другой – 15000 талеров; Ласси взял, кроме того, 5427 талеров *douceur-Gelden*. Ласси не обуздывал своих воинов, и только по ходатайству голландского посланника не дошло до полного разграбления. Услыхав, что король прусский приближается с войском, русские 12 октября н.с. (1 октября стар. ст.) ушли к Франкфурту-на-Одере, а австрийцы – в Торгау²⁹⁸.

---

²⁹⁸ Schoffer, «Gesch. des Siebenjahr. Krieges», III, 80–86.

Уже всем воюющим сторонам война стала тяжела и несносна. И Франция, и Австрия, и Россия тратили громады людей и большие суммы денег, а дело их мало подвигалось. Не достигалась цель, с которой война была предпринята – ослабить и унижить прусского короля. При всех неудачах он, казалось, чем был несчастливее, тем выше вырастал в глазах не только своих подданных, но и тех наций, с которыми воевал. Во Франции сочувствие французской публики склонялось к Фридриху, внушавшему уважение своим необычайным геройством, и величайший писатель Франции – идол своего века, Вольтер, в своих произведениях восхвалял не французского короля и его полководца, а Фридриха II, врага Франции и своего личного друга. В России, как ни упорно держалась императрица Елисавета ненависти к прусскому королю, но русский молодой двор относился к нему иначе: наследник престола Петр Федорович благоговел перед Фридрихом, а великая княгиня, если и не разделяла приверженности своего супруга к прусскому королю, не была, однако, так неприязненно настроена, как императрица; по ее воззрениям, России лучше всего было не мешаться в прусские дела. Господствующим побуждением великой княгини было собственное властолюбие, ее идеалом было достижение верховной власти, которую впоследствии она и приобрела, но Семилетняя война ни в каком случае не входила в расчет ее целей. Нельзя сказать, чтобы русские вообще желали этой войны, даже и те, кто находился тогда в войске и бился против Пруссии. Современники говорят, что все желали мира и возвращения в свое отечество. Когда разнесся слух о проезде через Данциг какого-то курьера с мирными предложениями, слух этот произвел моментальную радость в войске. Россия вытягивала все и без того скудные экономические силы своего народа на содержание войск. Хотя Елисавета Петровна, показывая упорную ненависть к прусскому королю, говорила, что будет продолжать войну, если бы ей даже пришлось продать половину своего гардероба и своих бриллиантов²⁹⁹, но она не могла не чувствовать и не знать всей тяжести войны для подвластного ей народа. О финансовой тяжести для России этой войны можно судить уже по тому, что каждый год не досылалось по несколько сотен тысяч рублей до суммы, необходимой на содержание войска. Война, происходившая в середине Европы, ни для кого из европейцев не могла быть приятна: она задерживала торговлю и всякое мирное обращение людей между собой, а потому желание мира стало повсеместным.

Первые шаги к желанию примирения сделаны были Францией. Французская дипломатия стала входить с правительством австрийским в соглашение, как устроить мир, откровенно сознавая, что для ее государства война делается нестерпимой. Австрия в благодарность за пособие, оказанное Францией к возвращению Силезии, уступила Франции часть Фландрии, состоявшей до того в австрийском владении: это постановлялось секретной статьей, которую хотели скрыть от России³⁰⁰. Между тем с Россией у Франции велись довольно странные сношения: мимо собственного официального посланника де Лопиталья Людовик XV в продолжение целого года вел с Елисаветой Петровной тайную дружескую переписку через посредство секретаря своего посольства, кавалера д'Эона. Предметами этой переписки отнюдь не были политические вопросы, да и вообще она не заключала в себе ничего важного. Половина всего написанного друг к другу высокими особами состоит из комплиментов и уверений в искренне дружеском расположении. Императрица жаловалась на свою болезнь, и Людовик XV послал ей своего придворного врача Поассонье, но этот врач не сошелся с бывшим уже при императрице врачом, греком Кондоиди, который не хотел с французом советоваться, потому что последний был чином ниже его. Елисавета Петровна просила своего венчанного друга прислать к ней для развлечения двух знаменитых тогда во Франции артистов театра Французской Комедии – Лекэна и госпожу Клерон, но Людовик XV отказал в этой просьбе под предлогом невоз-

²⁹⁹ Деша Кейта в «La cour de la Russie il y a cent ans», 1 января 1760 г., стр. 163. – Raumer, «König Friedrich und seine Zeit», 469.

³⁰⁰ Vandal, Louis XV et Elisabeth de la Russie, 336.

возможности лишить французскую публику ее любимцев. Елисавета Петровна просила французского короля быть вместе с ней восприемником ребенка, рождения которого ожидали тогда от великой княгини, и на это последовал отказ, под тем предлогом, что поскольку этот ребенок будет воспитан в греко-восточной религии, то король-католик не в состоянии будет брать на себя обязанность крестного отца, который, по церковному праву, делается наставником своего крестника³⁰¹. Таким образом, эта переписка была в свое время какой-то игрой высоких особ в интимность. Между тем, узнав о секретных переговорах Франции с Австрией, императрица высказала де Лопиталю свое неудовольствие на то, что Франция сносится с Австрией, устранив Россию.

Мушкетеры гвардейских полков

---

³⁰¹ Ibidem, 335.

Но во Франции произошла перемена главного министра: вместо Берни сделался министром Шоазель, который продолжал в принципе ту же мирожелательную политику, как и его предшественник, но был отважнее. Он находил, что роль России в вопросе о европейском мире очень важна, и поручил де Лопиталю в июле 1759 года передать Воронцову, что Россия заслужит благодарность всей Европы, если примет на себя посредничество к примирению Австрии с Пруссией, а это не так трудно, потому что обе державы в равной степени истощены войной. Вслед за тем последовала кунерсдорфская победа – и это событие дало России право, со своей стороны, заговорить более высоким голосом. 26 октября того же года подана была от канцлера Воронцова записка, а 1 декабря последовала в таком же смысле другая: их содержание было таково, что если Австрия приобретет Силезию, а Франции уступит часть Фландрии, то Россия, как союзная с ними держава, за участие в войне имеет также право на вознаграждение и желает приобрести Восточную Пруссию вдоль балтийского побережья от Мемеля до устья Вислы, в целях разменяться этой территорией с Польшей, от которой за это Россия желает получить правобережную Украину, уступленную Польше после присоединения Малороссии к России. Такое заявление не понравилось Франции, которая явно желала, чтобы Россия, посылая свои военные силы и растратившая свои финансы, осталась в конце концов с пустыми руками, тогда как ее союзники будут получать выгоды³⁰². Версальский двор не доверял России; впрочем, такое недоверие в Европе было всеобщее. Уже не один год привыкли в Европе находить в действиях России жадность к территориальным захватам. Англия, так же как и ее соперница Франция, неодобрительно отнеслась к желанию России приобрести Восточную Пруссию, хотя бы и временно, с целью промена ее на правобережную Украину. Когда Иван Иванович Шувалов заговорил об этом с английским посланником в России, Кейтом, англичанин отвечал, что с таким требованием нельзя мыслить о прекращении войны: король прусский скорее погребет себя под развалинами своего государства, чем согласится на такое унижительное условие, и все другие государства до этого не допустят, потому что ясно увидят намерение России овладеть всей торговлей Севера. Дания и Швеция также не соглашались на проект России, даже Австрия, нуждавшаяся в союзе с Россией и потому не смевшая слишком резко отказывать ей, соглашалась очень уклончиво, чтобы о вознаграждении России было условлено с Австрией секретно, в общих выражениях и притом только тогда, когда Австрия уже получит то, чего желает³⁰³.

Де Лопиталь, слишком старый и притом казавшийся расточительным, был уволен с почетом, а посланником в Петербург назначен двадцатисемилетний барон Бретель, красивый, любезный, годный для дамского общества, хотя уже женатый и горячо любивший свою жену. Ему дали секретное поручение склонить на сторону Франции великую княгиню, которой стали приписывать важное влияние на политические дела. Все знали, что до сих пор Екатерина была не расположена к Франции, но приписывали это тому, что по французским интригам в Польше был отозван из Петербурга Понятовский, которого великая княгиня желала видеть при русском дворе. Бретель тут-то и ошибся. Если великая княгиня благоволила к Понятовскому, то императрица не терпела этого человека и написала о том Людовику XV, а король французский, ей в угоду, отправил в Варшаву своему посольству приказание стараться, чтобы в Петербург Понятовского не посылали³⁰⁴.

Между тем у французского министра Шоазеля с английскими дипломатами возникли переговоры, на которых заявлена была мысль решить вопрос о мире посредством созвания вместо одного конгресса, как хотели прежде англичане, двух конгрессов: один бы занялся спорными вопросами, породившими войну между Англией и Францией, и всецело относился

³⁰² Ibidem, 362.

³⁰³ Соловьев, т. XXIV, стр. 333–340.

³⁰⁴ Vandal, «Louis XV et Elisabeth de la Russie», 380.

бы к американским владениям, второй – посвящен был установлению мира между прусским королем, с одной стороны, и между Австрией, Россией и Саксонией – с другой, тем временем предположили заключить всеобщее перемирие. Такое предложение послано было Бретелю для представления российскому правительству. Предложение, поданное Бретелем в январе 1761 года, рассматривалось в конференции Воронцовым и камергером Шуваловым, голос которого должен был считаться голосом самой государыни, уже не занимавшейся по болезни никакими делами. Великий князь, которого сильно обвиняли в пристрастии к прусскому королю, не был допущен. Мысль о двух конгрессах была одобрена, но перемирие допускалось Россией только на короткое время. Императрице-королеве предоставлялось получить Силезию, – увеличить владения короля польского и курфюрста саксонского, Швеции отдать часть Померании, а Россия, хотя имеет право на Восточную Пруссию, уже завоеванную у такого государя, который первый объявил войну, но так как главная цель России – ослабление и усмирение прусского короля, то Россия жертвует своими правами, лишь бы улучшены были мирные условия для ее союзников, особенно для Франции, поэтому государыня объявит английскому правительству, что если она ради всеобщего мира сделает уступку своих прав, то надеется, что взаимно и Англия окажет пожертвование в своих претензиях на французские владения. О такой своей умеренности сообщила императрица французскому королю и просила секретно поддерживать на польском сейме запросы России касательно исправления украинских границ³⁰⁵. Не было ничего неблагоразумнее со стороны России такого неуместного великодушия: этим воспользовались в Европе и растолковали такое великодушие бессилием России.

---

³⁰⁵ Vandal, 392–393. – Соловьев, т. XXIV, 371–374.

Прусский император Фридрих II

Шоазель, воодушевляемый патриотической идеей сохранения за Францией ее заморских владений, вполне одобрил русский проект и писал Бретелю, что следует воспользоваться выгодами, которые предоставляет петербургский двор, оставляя Пруссию, и убедить венский двор, что земли, завоеванные французами у прусского короля, должны остаться в вознаграждение Франции. 13 мая того же года Шоазель прислал Бретелю ноту иного содержания: «Теперь не время распространяться о видах России на польскую Украину, можете ограничиться общими уверениями, что король, насколько возможно, покажет свое доброе расположение к интересам России». Это произошло оттого, что, во-первых, Людовик XV стал мало ценить силу России, во-вторых, не хотел огорчить поляков допущением русских завладеть Украиной. В июне того

же года сам король написал Бретелю: «Русские годятся быть союзниками только ради того, чтобы не приставали к нашим врагам; они делаются заносчивы, когда видят, что у них чего-нибудь ищут. Если я стану одобрять намерение русских овладеть Украиной, я могу возбудить к себе охлаждение со стороны турок. Слишком дорого придется мне заплатить за союз с государством, где интрига день ото дня берет более и более верх, где остаются неисполняемыми повеления высочайшей власти и где непрочность преемства лишает доверия к самым торжественным обязательствам». Следуя инструкции, присланной от короля, Бретель в разговорах с Воронцовым тщательно избегал всего, что касалось Польши и Украины, а когда Воронцов заговорил о дружественном союзе с Францией, который тотчас после конференции предлагала государыня в частном письме к Людовику XV, то Бретель представился ничего не понимающим и стал распространяться о союзе торговом. Тогда Россия, видя, что ее добрые предположения не ценятся, покинула обещанное свое посредничество в примирении Франции с Англией. Правда, посол русский в Лондоне, князь Голицын, раз заикнулся об этом вопросе, но уже более не повторял ничего о нем, а тогдашний первый английский министр Питт, враг Франции, объявил французам категорически, что Англия иначе не приступит к миру, как удержав в своем владении все свои завоевания в Америке и в Индостане³⁰⁶.

Положение Фридриха II не улучшалось. Потеряв в боях столько войска, он не видал, чтобы его враги от равного истощения уменьшили против него злобу, – напротив, желал мира он сам, а императрица-королева оттягивала собрание конгресса в Аугсбурге, с явным намерением продолжать войну, в надежде еще более унижить своего соперника. Англия стала медлить в присылке ему субсидий после смерти английского короля Георга II, французские, австрийские и русские войска не выходили из Германии. Россия с таким упорством, казалось, хотела вести войну, что не ладила с Австрией по поводу перемирия, которое допускала Австрия, а Россия долго его не хотела и согласилась только на короткий срок до 1 июля. По истечении этого срока война открылась со всех сторон. В Вестфалии, то есть в прирейнских прусских владениях, явились французские военные силы под начальством Субиза и Броглио (на счастье Фридриху II, не ладивших между собой). На восточной стороне из прусских областей не выходили русские и австрийские войска. Уже Фридрих II перестал вести наступательную войну и ограничился оборонительной, избегал больших сражений и расположил свои войска в разных сторонах своего государства, откуда ждал нападения: против французов он отправил своего родственника, принца Фердинанда и наследного принца брауншвейгского; против Дауна, стоявшего с имперскими войсками в Саксонии, отрядил своего брата Генриха, а сам с наилучшими силами стал в Силезии и намеревался отражать русских³⁰⁷. В то же время Фридрих узнал, что между русскими распространилось недовольство войной, и это подало ему повод попытаться – нельзя ли склонить Россию к отдельному миру. Но его надежды скоро рассеялись, когда он услышал, что Елисавета Петровна отзывается самым неприязненным тоном о прусском короле и изъявляет охоту воевать против него до крайней возможности³⁰⁸.

Главнокомандующий русским войском Бутурлин отрядил 27 000 человек под командой генерала Румянцева в Померанию для покорения приморского укрепленного города Кольберга, а сам с четырьмя дивизиями (Фермора, кн. Голицына, кн. Долгорукого и Чернышева), расположился в Познани. Современник свидетельствует, что Бутурлин предан был «куликанью»³⁰⁹ и забавлял себя разным безобразием, например, пьяных гренадеров производил в офицерские чины, а потом снимал с них чины. Наконец он двинулся в Силезию к Бреславлю, куда и Лаудон со своим отрядом должен был спешить на соединение с ним. Но прусский король,

³⁰⁶ Vandal, 394–401.

³⁰⁷ Vandal, 402. – Записки Болотова, т. II, стр. 97–98.

³⁰⁸ Raumer, «Konig Friedrich II und seine Zeit», 468–469.

³⁰⁹ Болотов, Записки, т. II, стр. 99–101.

выступив из Бреславля, не допустил соединиться русских с имперцами. Бутурлин подступил к Бреславлю, промедлил несколько дней в бесполезных приготовлениях к осаде, потом у Стригау соединился с Лаудоном, и они вместе пошли к Швейдницу, куда отступил прусский король. Фридрих, расположившись под Швейдницем, в короткое время так укрепил свой стан батареями, что он имел вид постоянной крепости. Полководцы собирались напасть на королевский стан, но провели двадцать дней в бесполезных спорах и толках, наконец Бутурлин оставил при Лаудоне отряд Чернышева в двадцать тысяч, а сам со своим войском отошел в Польшу. Прусский король, простояв еще две недели под Швейдницем, хотел принудить Лаудона вступить с ним в битву или удалиться в Богемию, но Лаудон не решался ни на то, ни на другое, и наконец прусский король ввиду наступавшей для его войска скудости в продовольствии двинулся к Нейсу, где у него были запасные магазины. Тогда Лаудон в совете с Чернышевым решил сделать нападение на Швейдниц. Они выбрали для этого темную ночь: русских было послано только четыре гренадерских роты. На счастье русским и австрийцам, комендант Швейдница давал по какому-то поводу бал: русские и австрийцы ворвались в Швейдниц в два часа пополуночи, переходя по фашинам через ров, многие попадали в глубину, а в самом городе прусский артиллерист зажег пороховой магазин, взорвал на воздух триста русских солдат, но вместе с ними погубил немало и своих пруссаков. Лаудон запретил своим подчиненным грабить, однако не в силах был остановить рассвирепевших солдат. Русские вели себя там умереннее и воздержаннее, чем австрийцы.

Е.Е. Лансере. Императрица Елизавета Петровна в Царском Селе

На севере, в Померании, воевал с отдельным корпусом генерал Румянцев. Уже два раза в эту войну русские пытались покорить город Кольберг, но безуспешно. На этот раз русский флот, состоявший из сорока больших и малых судов, в соединении со шведским, действовал

против кольбергской крепости с моря, а Румянцев – с сухого пути. Под самым Кольбергом расположились защищать город пруссаки под командой генерала принца Вюртембергского и укрепили свой стан окопами и батареями; местоположение, избранное ими, было выгодно: с одной стороны – речка, с другой – болото, позади – город, откуда можно было доставать съестные и боевые запасы. Начались драки и схватки с переменной удачей то для тех, то для других. В один день русские взяли в плен храброго прусского генерала Вернера, зато на другой день в кровопролитной пятичасовой битве они потеряли до трех тысяч убитыми и в том числе генерал-майора князя Долгорукого. Но ретраншемент, ограждавший стан принца Вюртембергского, не сдавался ни против каких решительных русских приступов, и русские чувствовали, что с наступлением глубокой осени станет им еще труднее. Правда, Румянцеву была прислана помощь от Бутурлина, но и прусский король, со своей стороны, прислал в подмогу принцу Вюртембергскому генерала Платена, и русские при всех усилиях не могли помешать ему.

Наступил месяц ноябрь; началась стужа. В войске принца Вюртембергского был такой недостаток топлива, что прусские солдаты ломали в городе деревянные дома для своего обогрева. Недостаток фуража был так велик, что у конницы лошади получали только по полуфунту соломы в сутки; город был так стеснен, что нельзя было провезти туда ни одного воза с продовольствием. Зная такое положение неприятелей, Румянцев несколько раз посылал к принцу Вюртембергскому предложение сдаться; принц отвергал такие предложения и, наконец, отважился на смелое и, можно сказать, отчаянное дело: позади города было обширное плесо, которое соединялось с морем узким, но глубоким протоком; русские не предприняли там никаких предосторожностей, кроме того только, что истребили суда, стоявшие близ берега. Принц Вюртембергский приказал построить на козлах мост, а мужик, знавший местность, указал места, где в плесе вода была не так глубока; сделали наскоро мост, провели через него пехоту, а конница переправилась вплавь. Этот подвиг совершен был 14 ноября в темную ночь, и притом так тихо и удачно, что русские узнали о том, что их неприятель ускользнул, когда прусское войско уже совершенно переправилось через воду. Принц Вюртембергский и Платен полагали снабдить крепость продовольствием, но взять его было неоткуда; между тем сделался такой жестокий мороз, что замерзло более сотни пруссаков. Тогда Румянцев послал к кольбергскому коменданту Гейдену убеждение сдаться, но комендант отказал – и повелел облить водой крепостные валы и стены, чтобы они, обледенев, стали неприступны на случай штурма. И действительно, несколько попыток приступа окончилось неудачно. Между тем и русским пришлось также чрезвычайно круто. Солдаты помещались в палатках и землянках под снегом, покрывшим землю уже более, чем на целый аршин. Обе стороны выжидали, чтобы их противники склонились под неудобствами зимы и всяких лишений: пруссаки надеялись, что русские прежде изнемогут и отойдут, русские ожидали, что холод и голод таки принудят Кольберг сдаться. Промедлили еще до 6 декабря. Русские взяли верх в этом взаимном ожидании беды противникам. Кольберг сдался³¹⁰. Русские взяли в покоренной крепости 2903 человека военнопленных и 146 орудий. Комендант хотел было выговорить более снисходительные условия – выйти гарнизону с оружием и с запасами, но Румянцев настоял, чтобы все положили оружие, а запасу дозволил взять столько, сколько каждый солдат может поместить у себя в сумке на три дня. Офицерам дозволено ехать в экипажах с семьями в определенные места в сопровождении русских обер-офицеров. Оставив оружие, прусский гарнизон удалился в Штетин³¹¹. Но когда донесение Румянцева о победе прибыло в Петербург – императрица Елисавета Петровна уже лежала мертвой.

³¹⁰ Записки Болотова, т. II, стр. 122.

³¹¹ «Петербургские Ведомости» 25 декабря 1761 г.

VII. Государственное управление при императрице Елисавете Петровне

Сенат. – Его деятельность для водворения порядка в империи. – Ревизии. – Губернаторы. – Окраины. – Южная Русь. – Переселение сербов в российские владения. – Крепостное право в России. – Побег. – Крестьянские бунты и волнения. – Разбои. – Тайная канцелярия. – Управление городов. – Благодичиние. – Пожары. – Войско.

В управлении государством с воцарением Елисаветы Петровны не стало уже Кабинета высшей власти, посредствующей между Высочайшей особой и сенатом. Но около государыни всегда были близкие люди, чаще других видевшие и слышавшие ее, а потому имевшие большую власть пред другими, и хотя Кабинет по форме был уничтожен, но в сущности он продолжал быть при государыне, не имея, впрочем, прежнего названия. В первые годы своего царствования императрица сама часто посещала сенат и обращала внимание на дела, но год от году такие посещения становились реже, и мало-помалу императрица стала утомляться, так что, исключая близких людей, редко кто удостоивался ее видеть.

Одной из первых обязанностей восстановленного в своей силе сената было – пересмотреть все до того бывшие указы и отметить из них те, которые признаются противными государственной пользе³¹². Итак, с первых дней царствования Елисаветы Петровны сенат получил как бы власть законодательную. Высочайшая особа составляла главу этого законодательного органа, государыня была тогда для всех доступна: в январе 1742 года всем и каждому было дозволено подавать лично государыне челобитные, и для этого назначался определенный в неделю день. Но это продолжалось недолго, и 28 мая того же года указано было подавать челобитные не иначе, как в соответственное присутственное место. Сенат имел, кроме того, высшую судебную власть: никто без утверждения сената не мог быть приговорен к политической смерти³¹³. До 1753 года, хотя смертной казни и не было, но преступникам, осужденным на политическую смерть, отсекали правую руку, а с вышеприведенного года ограничили наказание – кнутом и рванием ноздрей. В это же время последовало облегчение для женского пола: жен преступников не приневоливали идти с мужьями в ссылку; им позволяли жить в своих приданных имениях и домах либо выделяли им на содержание часть движимого имущества мужа, а в 1757 году женщины, приговоренные к телесному наказанию, освобождаются от рванья ноздрей и наложения клейм.

Бывшая при Анне Ивановне доимочная канцелярия возбудила к себе всеобщую ненависть и ввиду этого была уничтожена тотчас по вступлении на престол Елисаветы Петровны. Но недоимки от этого не уменьшились, а в сентябре следующего года возросли в государстве до пяти миллионов. Тогда сенат для искоренения беспорядков подал в докладе проект – через каждые пятнадцать лет возобновлять ревизию. Этой мерой полагали пресечь повсеместные побег и пристанодержательство беглых, а также облегчить судьбу помещиков, которые за недоимки часто содержались под караулом. Государыня утвердила поданный проект только в следующем году, и тогда же было указано всем разночинцам и боярским людям, находящимся в отлучке, явиться к своим местам к 1 июня 1744 года для записки в ревизию. Для производства ревизии посылались по губерниям генералы со штаб- и обер-офицерами, которые прежде всего должны были собрать сказки, а потом на них же возлагалась обязанность ездить самим для проверки беглых и отсылки живущих у чужих помещиков к своим законным владельцам. У помещиков безземельных оставляли их крепостных, но обязывали платить за них подати. Малороссияне, если оказывались у помещиков записанными в крепостных, получали все без

---

³¹² Указ 12 декабря 1741 г.

³¹³ Указ 6 августа 1746 г.

изъятия полную свободу. Неслужащих лиц духовного звания, незаконнорожденных и вольноотпущенных, если окажутся годными в солдаты, велено отсылать в военную коллегию, иначе – записывать в посады или цехи, либо же – по их желанию – за помещиками, прежних служб служилых людей – однодворцев, рейтар, копейщиков, затинщиков, пушкарей – переписать особо и отвозить на украинскую линию. Из этого видно, что ревизия имела последствием большое перемещение народа с места на место. Высший класс – шляхетство – в подушный оклад не включалось, но для порядка велено было и его переписать, а несовершеннолетних отсылать в столицу на смотр. Поступившие в оклад по ревизии крестьяне платили подати различно, смотря по ведомствам, но в 1760 году (указ 12 октября) сравняли черносошных (впоследствии казенных) с дворцовыми и синодальными, прибавив к прежнему четырехгривенному окладу еще 60 копеек, и ввели общий для всех рублевый оклад.

Под властью сената в губерниях управляли губернаторы, жившие в губернских городах. В 1749 году указано строить им за казенный счет дома о восьми покоях с хозяйственными пристройками и, кроме того, губернскую канцелярию с конторой для сбора подушных. В провинциях, на которые делились губернии, правили воеводы, для них также строились в провинциальных городах дома о пяти покоях с хозяйственными пристройками и, кроме того, дом для провинциальной канцелярии. В 1744 году (указ 14 января) учреждены две новые губернии: Финляндская – из завоеванных от Швеции земель, и Оренбургская, которая делилась на провинции Исетскую, Уфимскую и Зауральскую землю башкир. Оренбургская губерния заселена была в большинстве инородцами мусульманской веры. Русские, считая и малороссиян, которых приглашали тогда по охоте селиться, составляли меньшинство. Туземцы, хотя были почти одной веры между собой, но различны по языку: тут были мешеряки, татары, каракалпаки, черемисы, чуваша, мордва, вотяки, башкирцы. Число последних простиралось до 106 176 человек³¹⁴. Кроме них временами из-за Яика прикочевывали киргиз-кайсаки, и сверх того поселялись там преимущественно с торговыми целями хивинцы, бухарцы, ташкентцы, туркмены, персияне и арабы в небольшом количестве. Русские вообще не ладили с некрещеным населением края. Давнее стремление распространить христианство делалось таким неумелым и притом таким нехристианским способом, что возбудило повсюду ненависть к русским. В Оренбургском крае, управляемом тогда Неплюевым, явился между башкирцами некто Батырша, фанатик мусульманства и ожесточенный ненавистник всего христианства. Это был человек умный, с железной волей, с неутомимой деятельностью, обладавший врожденной способностью увлекать за собой толпы. Странствуя по Башкирской земле, он успел поднять через мусульманских духовных массу своих единоверцев и возбудить к восстанию. Губернатор сначала думал укротить башкирцев суровыми, жестокими мерами, но только озлобил их более; всякого попавшегося в их руки русского они изрубливали в куски. Неплюев прибегнул тогда к такой мере: зная о том, что киргиз-кайсаки, хотя и единоверцы башкирцам, но издавна враги между собой, он вооружил киргиз-кайсаков и настроил их перебить бежавших к ним башкирцев. Таким образом погибло от киргизов, как сказывают, до пятидесяти тысяч человек. Потом Неплюев уговаривал башкирцев мстить киргизам. Неплюев писал, что это событие надолго положит вражду между этими народами и облегчит Россию. Батырша после долгих странствований и разных покушений сам отправился в Петербург объясняться за свой народ в Тайной канцелярии. Его посадили в Шлиссельбургскую крепость, и там он погиб во время попытки убежать оттуда, успев даже убить одного из своих сторожей³¹⁵.

К малороссийскому народу правительство Елисаветы Петровны относилось особенно милостиво, и это следует приписать влиянию Алексея Разумовского. Сложены были с малороссийского народа все недоимки в войсковую казну в числе трехсот тысяч, отпущены были

³¹⁴ Дубровин, «Пугачев и его сообщники», т. I, стр. 251.

³¹⁵ Дубровин, *ibid.*, т. I, стр. 270. – Соловьев, т. XXIV, стр. 110.

по домам казаки, наряжаемые на посты по украинской линии. В Запорожье стали отпускать денежное и хлебное жалованье, как делалось в старину, в слободских полках уволили малороссиян от посылки в Бахмут на соляные работы и от всякой рядовой службы, кроме поставки конных казаков в числе пяти тысяч, все таможни, мосты и перевозки отдавались им на откуп без перекупки, упразднялась бывшая канцелярия над слободскими полками, возвращался свободный суд полковым канцеляриям, а над бывшей комиссией о слободских полках, возбудившей недовольство малороссиян, назначено строгое следствие. Всем малороссийским посполитым людям дозволялось переселяться куда хотят: от этого в слободских полках много казаков и подсоседков, а еще более посполитых стало двигаться к востоку на переселение, и Ахтырский полк чуть не обезлюдел; желающим ехать за границу для собственного образования малороссиянам велено было из иностранной коллегии выдавать беспрепятственно паспорта³¹⁶. Самым наглядным изменением порядка в Малороссии было возобновление гетманства. Указ об этом дан был в 1747 году, но выбор гетмана по всем давним правам совершился не ранее января 1750 года. Собственно говоря, это был вольный выбор только по форме. Казаки были довольны, что у них восстанавливается старинный образ правления, но выбирать им довелось того, кого им сверху указывали, – Кирилла Разумовского, брата Алексея. Казаки утешали себя по крайней мере тем, что с таким гетманом будут иметь защиту и покровительство перед царским престолом, так как все знали о чрезвычайной силе брата Кириллова и о его сердечной привязанности к родине и любви ко всем землякам.

В следующих за тем годах в Южной Руси произошло важное событие переселения туда сербов. Служивший в австрийской службе полковник Хорват-Одкуркич от имени своих соплеменников просил дозволения сербам вступить в русскую службу и для этого получить выгоды для поселения земли. Хорват сначала обещал набрать из сербов два полка: один – в 1000 человек, конный гусарский, другой – в 2000 человек, пехотный пандурский, а потом, прибыв в Киев с 218 офицерами и их семьями, – четыре полка, обещая служить с той земли, которая сербам пожалуется для водворения. Он не просил для своих сербов никаких особых привилегий, кроме свободной торговли внутри всей России и свободных поездок для торговых целей в Польшу, Крым и Молдавию. Им отвели землю для водворения от фортеции Каменки вдоль польской границы, а с другой стороны – вдоль владений Запорожской Сечи до границ татарских и турецких. Генерал-майору Глебову поручено было водворить там сербов и построить в крае, который с тех пор будет называться Новой Сербией, крепость Св. Елисаветы (нынешний Елисаветград)³¹⁷. Новопоселенные сербы составляли полки, каждый из которых делился на двадцать рот, и подчинялись военной коллегии. В 1753 году по следам Хорвата явились в Россию полковники Шевич и Депрерадович с иными сербами, и они получили для поселения край между Бахмутом и Луганью. Шевич был уже знаком русским, он оказал услуги Петру Первому при Пруте и теперь легко приобрел милостивое внимание царствовавшей в России дочери Петра. Сначала в отведенном для сербов крае не было никого, кроме природных сербов, но в 1761 году (указ 14 августа) дозволено было в Новой Сербии водворяться малороссиянам из польских пределов и волохам, прибывающим из Молдавии, и приписываться к крепости Елисаветы под именем казаков, но при этом было оговорено, что малороссиянам из Русского государства там селиться не дозволялось. В церковном отношении поселенцы Новой Сербии причислены были к Переяславской епархии³¹⁸.

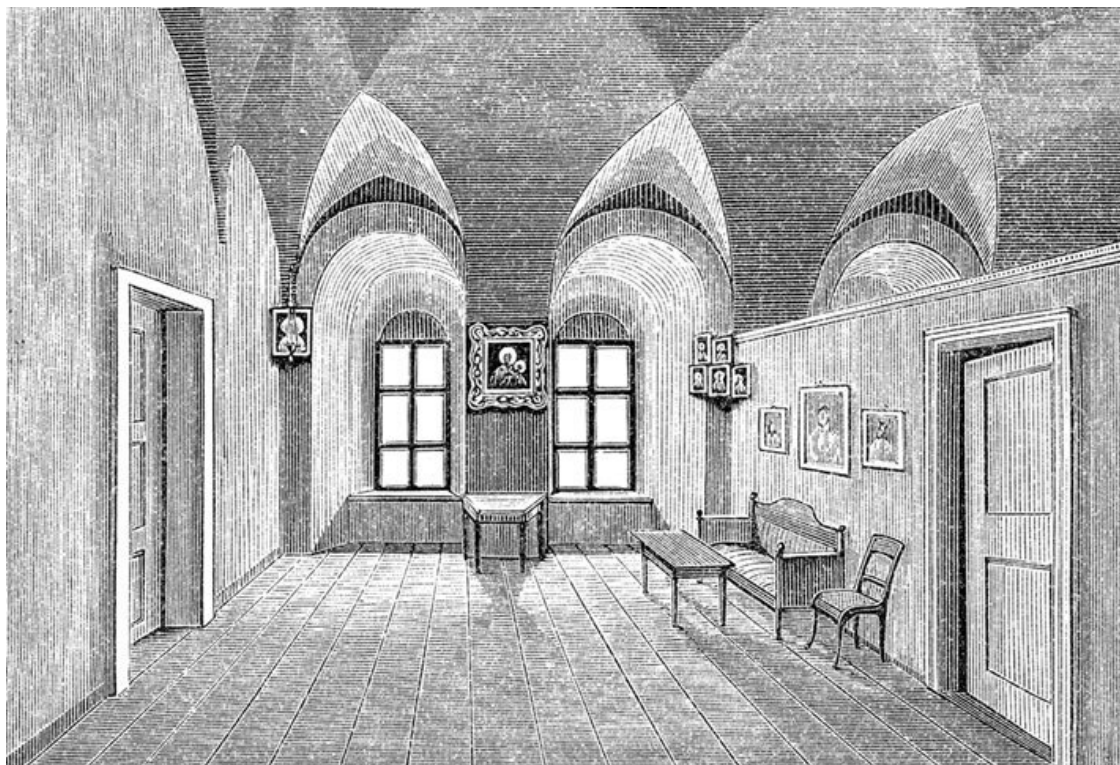
В Малороссии правительство энергично не допускало крепостного права и даже устранило то, что могло вести к нему. Но в Великой России крепостничество укоренилось вполне, и правительственные распоряжения систематически клонились исключительно к пользам дво-

³¹⁶ Указы 1742, 1743 и 1745 годов.

³¹⁷ Указ 29 декабря 1751 г.

³¹⁸ Указ 17 января 1760 г.

рянского сословия. Так, допускались случаи, когда закон обращал в крепостного человека легально свободного: если вольноотпущенный поступал к кому-нибудь в услужение, то по желанию последнего мог быть обращен в его крепостные. У правительства была мысль, чтобы никто не уклонялся от взноса подушных денег, и крепостное право признавалось лучшим к тому способом; от этого у дворян, не имеющих никакой недвижимой собственности, оставляли поступавших к ним каким бы то ни было способом крепостных людей, лишь бы владельцы обязались платить за них подушное. Но владение крепостными составляло исключительную привилегию только дворянского сословия, и в 1746 году издан был указ, по которому следовало всех записанных за лицами недворянского сословия крепостных людей отобрать и отдать помещикам из дворян, если пожелают их принять и платить за них подушное. Дворяне, следовательно, имели возможность совершенно без всяких расходов приобретать крепостных людей даже целыми деревнями и селами. Злоупотребление этим способом приобретения оказалось ощутимым в Сибири: там губернаторы записывали в дворяне разночинцев всякого рода. Но как ни старалось правительство оставить исключительно за дворянами крепостное право, его старания и усилия встречали противодействие в жизни и привычках общества. После строгого запрещения лицам недворянского звания владеть людьми, в 1749 году сенат дознался, что многие посадские, лишенные своих крепостных, которыми владели неправильно, прибегнули к такой проделке, продали своих крепостных дворянам, а потом на этих самых крепостных людей побрали от дворян закладные письма. Сенат подтвердил запрещение, а заложенных посадскими крестьян признал государственными. Но и в этот раз не установилось ничего прочного. В 1758 году оказалось, что многие недворяне, произведенные в обер-офицерские чины, – протоколисты, регистраторы, бухгалтеры, актуариусы – не получив дворянского достоинства, владеют населенными именьями; опять последовал указ: продать незаконновладеемых в течение полугода, а вперед никаким приказным служителям, не имеющим дворянского звания, не владеть крепостными людьми под страхом конфискации. Были, однако, примеры, когда сама власть отступала от общего правила: например, в 1746 году (указ 11 сентября) на основании прежних старинных царских грамот дозволено было смоленским мещанам держать крепостных, а в 1751 году, также на основании старинных жалованных грамот, дозволили устюжским купцам владеть землями, с содержанием живущих на этих землях половников.

Комната Анны Леопольдовны в здании Успенского монастыря в Холмогорах

Во все царствование Елисаветы Петровны по всей империи происходили крестьянские бунты и возмущения как в помещичьих, так и в монастырских владениях. Распространился дух своеволия между крестьянами всех ведомств: крестьяне не повиновались властям, не шли на работы по приказу помещиков, вмешивались в назначение управителей и приказчиков, нередко отделяясь тем, что платили после этого взятки воеводам. Но случалось, что для их усмирения являлись военные команды, и если крестьяне чувствовали, что у них хватает силы, то прогоняли и команды. Если же приходилось им уступать, то они изъявляли готовность во всем слушаться властей своих³¹⁹. Вместе с этими крестьянскими возмущениями шли крестьянские побеги, дела о которых до того накопились, что правительство вынуждено было устанавливать сроки, ранее которых не принимать исков о беглых, и всеми средствами сократить бесконечные дела о побегах. С крестьянскими бунтами и побегами связывались разбои, так как замечалось повсюду, что разбойнические шайки состояли в тесной органической связи с крестьянскими бунтами. Ареной разбойничьих шаек были, как и прежде, реки, и нападения разбойников происходили чаще всего на прибрежные поселения трех самых больших рек великорусского края: Волги, Камы и Оки. Удалые жгли помещичьи усадьбы, не щадили и крестьянских дворов более зажиточных, истребляли даже церкви, вымучивали у людей всякого звания деньги и что ни попадалось, подвергая свои жертвы варварским истязаниям. В Сибири образовывались разбойничьи шайки из колодников, которых везли в ссылку по рекам. Везде замечалось одно и то же явление: появление разбойничьих шаек и крестьянские бунты умножались тогда, когда военные обстоятельства обращали деятельность войска от внутренних губерний к границам империи. В 1747 и 1748 годах проявилось сильное своеволие в разных краях России. Близ Олонца, на севере, в уездах Новгородском и Порховском, и в середине государства, в уездах Калужском и Белевском, разом закипели разбойничьи шайки, составленные из разных беглых, преимущественно из помещичьих крестьян. Они были так дерзки, что не оста-

³¹⁹ Соловьев, т. XXI, стр. 313–314.

навливались перед святыней храмов, хватали священнослужителей в облачении и мучительно били³²⁰. Атаманом разбойников в Брянском уезде явился помещик Зиновьев: он ловил купцов по дорогам, завозил к себе в имение и держал на цепи, а когда после этого обиженные подавали на него иск, Зиновьев по своему родству с обер-президентом главного магистрата был оправдан и после находил способ мстить своим противникам³²¹. В 1749 году появилось множество мелких шаек в пограничных областях, а также близ Москвы, по большим дорогам, и в муромских лесах, были шайки человек в 20, 30, 50; на севере, в Каргопольском уезде, в этом году отыскана была шайка, жившая в избах, построенных в дремучих лесах. В следующем 1750 году в Белогородской губернии захвачена была шайка разбойников, состоявшая под покровительством отставного прапорщика Сабельникова, который держал разбойничий притон, отпускал своих удалцов на разбой, делился с ними добычей, а иногда и сам с ними ездил. В Новгородском уезде около этого же времени прославилась знаменитая Катерина Дирина, дворянка и помещица: вместе со своим братом и с родственниками Дириными она, собрав шайку из своих и чужих беглых людей и крестьян, нападала на помещичьи усадьбы, производила убийства и грабежи³²². В делах, касающихся усмирения бунтующих крестьян, сенат предписывал не только не подвергать виновных пыткам, но и не пристраживать ими³²³; местным властям вменялось в обязанность доносить в сенат о каждом из виновных, подлежащих розыску, и ожидать решения. В 1759 году, в разгар Семилетней войны, замечено было, что в числе солдат, находившихся в войске, были беглые, и тогда постановили не преследовать их и не наказывать, равно как и тех, которые неправильно сдавали рекрутов. Такое послабление отозвалось тотчас в Восточной России: там увеличилось число беглых, а из них появились разбойничьи шайки в уездах Пензенском, Петровском и Шацком, разбивали помещичьи усадьбы, жгли и резали людей, а около Нижнего Новгорода явились плававшие по Оке лодки с разбойниками, у которых были и пушки. Провинциальные города оставались с малым числом солдат в гарнизоне, да и те часто были дряхлы и увечны, пороха и свинца недоставало, огнестрельное оружие было ветхое и плохое. Понятно, что при таких средствах поддерживать благоустройство разбойникам не трудно было врываться в города и брать себе казенные деньги, сколько их найдется в правительственных местах. И крестьянские бунты в эпоху Семилетней войны приняли более отважный характер. В Шацком уезде взбунтовались монастырские крестьяне. Прибыл усмирять их драгунский капитан с командой; крестьяне, собравшись в числе около тысячи человек, избили дубьем драгунов, а капитана за то, что выстрелом убил одного крестьянина, избили без милости и привязали к телу убитого им мужика. Там даже деревенские бабы отличались жестокостью и, подойдя к уже попавшимся в плен и скованным драгунам, били их по щекам.

В 1760 году к духовным начальствам поступило множество жалоб от крестьян разных монастырей уездов Кашинского, Белевского, Шацкого, Муромского на дурное управление монастырских властей, а крестьяне Саввино-Сторожевского монастыря подачей таких жалоб не ограничились, а отважились сами чинить расправу: они собрались сначала в числе трехсот, стали ломиться в монастырь и требовали выдачи лиц, на которых злобствовали; их им не выдали; тогда толпа, увеличиваясь, дошла тысяч до двух человек и пошла на приступ к монастырю. Подоспевший на защиту монастыря капитан с командой приказал было стрелять по мятежникам, но крестьяне бросились на солдат и человек тридцать из команды ранили³²⁴.

Как между помещиками происходили усобицы, в которых принимали участие их крестьяне, так и между монастырями происходило подобное. Проживавший в Новоспасском

³²⁰ Указ 9 марта 1748 г.

³²¹ Соловьев, т. XXIII, стр. 21–22.

³²² Ibidem, 18–20.

³²³ Ibidem, 213.

³²⁴ Соловьев, т. XXIV, стр. 361.

монастыре в Москве отставной поручик приносил жалобу от имени своего монастыря, что наместник соседнего Андреева монастыря с монастырскими служителями и крестьянами напал на служителей и крестьян Новоспасского монастыря; некоторым из последних проломили головы. Прощения этого не приняли, так как уже давно между этими монастырями происходила обоюдная вражда за угоды, подававшая поводы к беспрестанным дракам. Крестьянские волнения появлялись даже в отдаленной Сибири: в Ялуторовском уезде крестьяне отказывались от казенной пахоты, а когда для их усмирения послана была команда, то крестьяне поколотили дубьем прапорщика, начальствовавшего этой командой. Сенат приказал заводчиков бунта сослать в Нерчинск на работы.

Все такие дела, касавшиеся благочиния в государстве, решались сенатом. Существовало одно учреждение, совершенно не подведомственное сенату, – Тайная канцелярия. Она навредила ужас в царствование Анны Ивановны под управлением Андрея Ивановича Ушакова; при Елисавете Петровне она находилась в его же управлении до его смерти в 1746 году, после чего перешла в ведение Александра Шувалова. Государыня по восшествии своем на престол ограничила деятельность Тайной канцелярии тем, что не велела отсылать туда виновных в ошибках по написанию императорского титула³²⁵, но зато самое производство дел в этой канцелярии облеклось еще более, чем прежде, непроницаемой тайной. Запрещалось давать куда бы то ни было, хотя бы в Синод или в сенат, какие-либо справки из Тайной канцелярии, без собственноручного указа государыни. Из дел, производившихся в Тайной канцелярии, кроме таких крупных дел, как, например, дело лопухинское, дело Лестока, дело Алексея Бестужева, производилось множество дел, которые до сих пор остались неизвестными по незнатности лиц, причастных к этим делам. Дела в Тайной канцелярии производились преимущественно по оскорблению императорского величества или по поводу заговоров. Елисавета, как мы уже заметили, все свое царствование оставалась под страхом брауншвейгской фамилии. Ей хотелось, если бы то было возможно, уничтожить самую память о прежнем времени, когда она, будучи цесаревной, не смела предъявлять своих родовых прав; но особенно были ей ненавистны времена правительницы Анны Леопольдовны и регента Бирона. Все указы и распоряжения, состоявшиеся в этот период, были признаны не имеющими легальной силы³²⁶. Однако, несмотря на все это, вблизи самой Высочайшей особы обнаруживались намерения восстановить брауншвейгскую фамилию. В июле 1742 года, как уже было сказано, составилась заговор убить императрицу и наследника престола, выписанного ею из Голштинии, и вручить правление Анне Леопольдовне. Заговорщиками были: камер-лакей Турчанинов и два гвардейских офицера. Тайная канцелярия, где это дело производилось до декабря того же года, осудила виновных к наказанию кнутом; сверх того, Турчанинову урезали язык, а прочим вырвали ноздри³²⁷ и сослали навечно в Сибирь. Весной 1743 года, как узнаем мы из депеши польско-саксонского уполномоченного в Петербурге, Петцольда, происходило следующее: четырнадцать лейб-кампанцев с досады, что перестали их так ласкать, как то вначале было, замыслили умертвить Лестока, камергера Шувалова и обер-шталмейстера князя Куракина, которых они тогда возненавидели, затем – устранить от престола императрицу и ее племянника и снова призвать на престол низверженный брауншвейгский дом. К заговорщикам пристали комнатный тафельдеккер государыни и один придворный лакей. Но заговорщики неосторожно открыли свои замыслы жене Грюнштейна, а та сделала донос. Не успели заговорщики совершить ничего важного, были наказаны и сосланы, – но навели при дворе великий страх. Князь Куракин несколько ночей сряду не решался ночевать у себя в доме, а императрица не ложилась до пяти часов утра, окру-

³²⁵ Указ 7 марта 1742 г.

³²⁶ Указы 15 октября 1742 г. и 13 февраля 1745 г.

³²⁷ Hermann, т. V, стр. 23–24, Anmerkungen II.

жала себя обществом, а днем отдыхала, отчего, по замечанию Петцольда, происходили беспорядки в делах³²⁸.

Неизвестный художник XVIII в. Вид Аничкова дворца и Невского проспекта от Фонтанки к Адмиралтейству

Кроме громкого дела Зубарева, содержание которого было изложено выше, было несколько других дел, относящихся к брауншвейгскому дому, но неважных, ограничивавшихся болтовней. Так, крестьянин Каргопольского уезда Иван Михайлов был судим за то, что болтал, будто сверженный император Иван Антонович проживает в «негреной» пустыни казначеем и со временем свергнет Елисавету Петровну с ее наследником. Поручик канцелярии от строений Зимнинский и магазин-вахтер Седестром обвинялись в Тайной канцелярии за то, что порицали Елисавету Петровну за пристрастие к малороссиянам, бранили малороссийских архиереев за их немонашеский образ жизни и изъявляли надежду, что короли – датский, английский, прусский – и венгерская королева по родству их с брауншвейгским домом помогут Ивану Антоновичу снова взойти на престол: за Ивана Антоновича – князь Никита Трубецкой, многие знатные господа и все старое дворянство. «Дай Бог, – говорил Седестром, – чтобы Иван Антонович стал императором: его мать и отец были к народу милостивы, и челобитные от всех принимали, и резолюции были скорые, а нынешняя государыня и челобитных не принимает, и скорых резолюций нет. О, если бы у меня было много вина, – прибавлял Седестром, – я бы много добра наделал! Наш народ российский слаб – только его вином напои, так он Бог знает что сделает!» – За такие беседы Зимнинский и Седестром были наказаны кнутом и сосланы в дальние сибирские города³²⁹.

В Тайной канцелярии производилось множество дел, касавшихся оскорбления Алексея Разумовского и даже родни его³³⁰. Целый ряд дел производился в Тайной канцелярии по поводу непочтительных и непристойных отзывов о Высочайшей особе и о близких к ней лицах. Очень часто кричавшие по такому поводу «слово и дело» – были простолюдины, беглые солдаты и матросы и разных ведомств колодники; желая как-нибудь отдалить срок ожидавшей их кары за какое-нибудь совершенное прежде преступление, они начинали клеветать то на того, то на другого. Оговоренного ими в оскорблении величества, хотя бы одним только словом, тотчас хватили в Тайную канцелярию и предавали розыску. Розыски всегда сопровождалась пытками:

³²⁸ Hermann, т. V, стр. 188.

³²⁹ «Русская старина», 1875 г., март, т. XII, стр. 534–537.

³³⁰ Эти дела пересчитаны в книге Васильчикова: «Семейство Разумовских», т. I, стр. 107.

вели человека в застенок, за ним шел кат (палач) со своими инструментами. Два столба с перекладиной вверху составляли то, что называлось дыбой, палач клал преступнику руки в шерстяной хомут, выворачивал назад руки, а к хомуту привязывал длинную веревку. Эту веревку перекидывали через перекладину и поднимали ею вверх преступника, так что он, не касаясь земли, висел на руках; потом связывали ему ремнем ноги и били кнутом, а сидевший тут подъячий делал вопросы и записывал речи преступника. Это была хотя и самая убийственная, но простая пытка; были еще и другие, считавшиеся более жестокими: клали ручные и ножные пальцы в железные тиски и винтили до тех пор, пока боль не заставит преступника повиниться, или же, наложив на голову веревку, вертели висящего на дыбе так, что он лишался сознания («изумленным бывает»), и тогда говорил такое, чего и сам не понимал. К такому же состоянию приводила и третьего рода пытка: простригали или пробривали макушку и пускали на лишенную волос голову холодную воду по капле. Когда этими пытками не могли ничего допроситься, тогда прибегали к пытке огнем: водили по телу висящего на дыбе веником зажженным или водили босиком по раскаленным угольям³³¹.

Бывали случаи, когда в Тайной канцелярии судили за суеверия, считавшиеся опасными для Высочайшей особы; так, один солдат показывал, что какой-то польский ксендз дал ему порошок, с тем, чтобы для повреждения здоровья императрицы он насыпал по пути ей, когда она будет идти. Солдат, как он сам показывал, побоялся сделать такое дурное дело, а посыпал порошок курам, и как скоро куры на этот порошок наступили, тотчас у них оторвало ножки. Солдата наказали кнутом и сослали в каторжную работу в Рогервик до смерти³³². Были также доносы крепостных людей на помещиков, что они в разговорах своих оскорбляли Елисавету Петровну. И за это расправа была коротка: оговоренных дворян били кнутом и отправляли в каторжную работу. Такому же наказанию подвергались люди, обвиняемые в неуважительном отношении к портретам государыни и даже к ее изображениям на монетах. Попадались люди в неосторожных разговорах о великом князе: иные заявляли ожидание, что великий князь, вступив на престол, уничтожит и искоренит всех временщиков, но производились также дела об умыслах сделать великому князю зло: на одного иеромонаха Свияжского монастыря был донос, что он хвалился отравить великого князя, когда тот приедет в их монастырь, другие болтали, что великий князь – незаконный наследник, что он «добыт гайдуком», и пр. Битье кнутом, рванье ноздрей и ссылка в каторгу были обычными последствиями такой болтовни. В 1753 году в народе распространился слух, что Разумовские ненавидят великого князя и делают ему вред посредством волшебников, призываемых из Малороссии, которая почему-то во всей России считалась краем всяких волшебств; а между раскольниками, терпевшими во все царствование Елисаветы Петровны жесточайшее гонение, составились толки, будто великий князь – сторонник древнего благочестия, что он желал бы царствовать, но приближенные императрицы не допускают его. Такими толками воспользовался подпоручик Бутырского полка Батурич: подобрал себе людей из войска и из придворной царской прислуги, через царских егерей испросил у великого князя дозволение представиться ему на охоте. Петр Федорович согласился, но когда Батурич, встретив великого князя в лесу без свиты, упал перед ним на колени и стал клясться, что желает одного его признавать своим государем, великий князь, сидевший верхом, стремительно ускакал от него, а Батурина схватили и отдали в Тайную канцелярию, там Батурич выдал своих соумышленников, сознался, что хотел взбунтовать московских сукошников, думал убить Разумовского и принудить архиереев силой венчать на царство Петра Федоровича. Батурина засадили в Шлиссельбург, других сослали в Рогервик и в Сибирь³³³.

³³¹ «Русская Старина», 1875 г. март, т. XII, стр. 523, статья: «Тайная канцелярия в царствование Елисаветы Петровны». Также «Русская Старина», 1873, т. XIII, стр. 58–59.

³³² «Русская Старина», 1875 г., т. XII, стр. 524.

³³³ Соловьев, XXIII, стр. 208–211.

О благочинном содержании городов в царствование Елисаветы Петровны сохранилось несколько указов, сообщающих, однако, отрывочные сведения. О Петербурге мы знаем, что в 1751 году произведена была чистка реки Фонтанки и обделаны камнем ее берега, и также берега реки Кривуши или Глухой – протока, соединяющего Фонтанку с Мойкой. В 1753 году устроены были мосты – Тучков, с Васильевского острова на Петербургскую сторону, Самсоновский с Петербургской стороны на Выборгскую, и еще два моста – один с Петербургской стороны на Аптекарский остров, а другой с Аптекарского на Каменный остров. В 1755 году стали перестраивать Зимний дворец³³⁴, и на это предприятие взято из кабинетских доходов 859 553 рубля; тогда же вытребованы были по наряду для такого дела из разных краев России каменщики, плотники, столяры, слесари, кузнецы, литейщики, а через канцелярию строений командировано было в Петербург на работы 3000 солдат из разных полков с переменными штаб- и обер-офицерами. Наблюдение над постройками поручено было генерал-аншефу Фермору. В целях благочиния и благоприличия последовал ряд указов как для Петербурга, так и для других городов. Подтверждены были прежние указы ходить непременно в немецком платье, русское и малороссийское платье, как и борода, считались непристойным явлением, и только раскольникам указывалось ходить в присвоенном им наряде и платить за ношение бород³³⁵. Повторялось уже много раз издававшееся правило – не ездить по улицам слишком шибко, держаться правой стороны, не бить встречных, не петь, не свистать, не стрелять на улицах³³⁶, не браниться публично непристойными словами³³⁷, не париться вместе обоим полам в банях. Ездить цугом и четверкой запрещалось всем, исключая чужестранных послов или помещиков, уезжающих к себе в имения. Запрещалось не только в трактирах, но и в частных домах играть в карты на большие суммы³³⁸. По улицам петербургским запрещалось бродить нищим и увечным, а велено было содержать их в богадельнях, устроенных на Васильевском острове, и никак не на больших улицах. Но колодников из острога, по прежним обычаям, водили на сворах по улицам просить подаяния, а в Москве происходили прежние вековые безобразия: нищие и бесноватые валялись и шатались по улицам около церквей, а выпущенные для прошения милостыни колодники показывали возмутительные следы пыток на своем теле, желая разжалобить человеколюбцев. Относясь вообще неодобрительно к нищенству, правительство, однако, в виде исключения давало право просить по всей России милостыню грузинам на выкуп родных своих из плена у черкесов³³⁹.

Преследуя нищенство, правительство не одобряло и излишнюю роскошь. Под благовидным предлогом приучить знатное дворянство к бережливости запрещено было при погребениях обивать дома черным сукном и убирать таким же сукном экипаж и лошадей, а гербы, знамена и траурные флёры допускались только в день погребения покойника. Во всяких нарядах не одобрялось излишество, только по поводу бракосочетания наследника престола дозволялось в виде исключения золотое и серебряное убранство, но и то только для первых четырех классов, и с этой целью служащим из них выдавалось годовое жалованье³⁴⁰.

Москва продолжительное время оставалась в прежнем неряшливом виде. Уже в первый приезд туда государыни, в 1742–1743 годах, было замечено, что московская полицеймейстерская канцелярия не заботится о порядке: по улицам происходят драки и бесчинства, везде накиданы нечистоты, не починиваются мосты, слабо содержатся караулы и в городе расширилось воровство. В 1753 году, когда двор вознамерился пребывать в Москве, дано было рас-

³³⁴ Указ 7 марта 1755 г.

³³⁵ Указ 19 февраля 1743 г.

³³⁶ Указы 25 января 1744 г., 27 декабря 1752 г., 20 декабря 1759 г.

³³⁷ Указы 17 декабря 1745 г. и 31 августа 1746 г.

³³⁸ Указ 18 апреля 1752 г.

³³⁹ Указ 29 января 1757 г.

³⁴⁰ Указ 16 марта 1745 г.

поряжение сделать некоторые перестройки и перемещения в Кремле, где в те времена кроме царских палат находились разные правительственные ведомства. Сломаны были палаты, пристроенные к столовой палате для сенатской конторы; вотчинная коллегия, контора главного комиссариата и Судный приказ были перемещены в другие места, хотя в том же Кремле, а Сыскной приказ с острогом, в котором содержались судимые колодники, выведен был к Калужским воротам, конторы же ямская и раскольничья переведены в Охотный ряд³⁴¹.

Барабанищик Лейб-кампании с 1742 по 1762 г.

Кремль находился уже несколько лет в крайнем небрежении: возле соборов и у Красного крыльца навалены были груды щебня и сора, так что не только проезжать, но и проходить было затруднительно. И на этот раз императрица поместилась, как прежде, не в Кремлевском, а в Головинском дворце. В Кремле дворец осмотрели архитекторы и нашли, что в

---

³⁴¹ Соловьев, XXIII, 202.

нем нужно сломать до основания некоторые покои. Приказано было сломать все деревянные здания в Кремле и Китай-городе и новых не строить, особенно налегли тогда на снятие деревянных построек около церкви Казанской Богородицы, где обычно гнездились воры. В этих видах сенат решил усилить производство кирпича на московских заводах, а за недостатком кирпича стали употреблять кирпич из разобранных стен Белого города. Приняты были меры к очищению Москвы от грязи, приказано было сломать каменные лавки и ступени, загромождавшие проезд к Спасскому монастырю, а также обветшалые каменные лавки в других местах, и сломать старое каменное и деревянное строение, которое во многих местах безобразно выдавалось на улицу. Императрица заметила, что Покровский собор (Василия Блаженного) содержится крайне неопрятно, и дала повеление Синоду – во всех московских церквях поновить иконостасы и иконы.

В то время, когда собирались перестраивать и обновлять Кремлевский дворец, деревянный Головинский дворец, где поместилась государыня со своим двором, сгорел в течение трех часов, и императрица переехала во дворец Покровский. Для возобновления Головинского дворца собрали в Москве плотников, а каменщиков, печников и штукатуров выписали из Ярославля, Костромы и Владимира.

Страшные пожары свирепствовали тогда в Москве и разом в других городах. В Москве 10 мая сделался большой пожар, истребивший 1202 дома и 25 церквей, от огня погибло 96 человек. Затем, в том же месяце, пожары повторились 15 числа за Яузой, 23 мая в Покровском селе и в Новонемецкой слободе, где сгорело 196 домов, 24 мая на Остоженке и на Пречистенке сгорело 72 дома и три церкви, а 25 мая сгорела вся Покровка, и оттуда пожар пошел за Земляной город – сгорело 62 дома, триумфальные ворота и Комедиальный дом. Такие каждодневные пожары подали подозрение, что существуют поджигатели; но когда чиновники стали чинить сыск, то народ чуть не избил их. Пожары не ограничивались Москвой: в тот же день, когда в Москве свирепствовал пожар, 10 мая, в Воронеже истреблен был пожаром 681 дом; из всего города уцелели только соборная Благовещенская церковь, две приходские церкви, архиерейский дом и небольшое количество обывательских домов. 24 мая в Глухове истреблено было пожаром 275 дворов, а в июне сильные пожары свирепствовали в Можайске, в Мценске, где сгорело 205 дворов и найден был в соломе с пухом и хлопьями зажженный трут, что произвело между жителями всеобщий страх. Затем происходили ужасные пожары в Ярославле, Бахмуте, Михайлове, Сапожке и Волхове, где было истреблено разом 1500 дворов. Переяслав Южный в Малороссии и Венден в Остзейском крае истреблены были огнем вовсе. Кроме того, в городах Рыльске, Костроме, Севске, Орле и Нижнем были пожары. Вероятно, подобная участь постигла бы и Петербург, если бы там не предпринято было нужной предосторожности и не расставили по площадям и улицам пикетов. Эта страшная пожарная эпидемия побудила правительство учредить комиссию для исследования причин пожара. Комиссия эта послана была в Москву под председательством Федора Ушакова, а по другим городам с той же целью разосланы были гвардейские офицеры.

Во всех городах хозяйственной частью заведовал главный магистрат, а благочинием в городе – полицейское управление. Между этими учреждениями происходили частые пререкания, отзывавшиеся дурно на порядке в городе. Из разных городов от полицейских контор поступали в главную полицеймейстерскую канцелярию донесения, что магистраты не доставляют по своей обязанности сотских и десятских по выбору в полицейские должности, не содержат караулов, а между тем сами вступают в не подлежащее им заведование полицией и полицейским конторам чинят препятствия. Такие жалобы поступили из Нижнего Новгорода, Архангельска, Калуги, Одоева, Белева, Порхова и других новгородских городов, отовсюду доносили, что при слабости и недостаточности караулов в городах не прекращаются грабежи и убийства. Из Киева присылались сведения, что там на Подоле скот бьют в рядах, а не в бойнях, мясо продают тухлое, невыносимый смрад господствует в воздухе по всему городу, у полиции

мало команды, а магистрат решительно не хочет ни в чем ей помогать. Но если полиция жаловалась на магистраты, то и магистраты не оставались в долгу и обличали полицию: так, московский главный магистрат доносил сенату, что присутствующий в московской полиции Воейков берет взятки и делает обиды купечеству, – купца Тимофеева так избил плетью, что тот через два часа умер³⁴². В Орле ссора полицеймейстера Бакеева с президентом магистрата Уткиным произвела в городе беспорядок: жители, настроенные Уткиным, отбивали силой пойманных полицией в драке людей, а стоящие по наряду от магистрата при рогатках на караулах торговцы нарочно не ловили озорников, чтобы не водить их в полицию, беспрестанно днем и ночью по городу происходили драки и раздавались неистовые крики³⁴³.

Взглянем теперь на состояние военной части при императрице Елизавете Петровне.

Л.О. Пастернак. Торжественная встреча императрицы Елизаветы Петровны графом А.Г. Разумовским в Гостилицах в июле 1745 г.

Военная часть во всей империи находилась, как и в прежние царствования, под верховным управлением военной коллегии. Важнейшим нововведением в этой сфере было учреждение Лейб-кампании, где все рядовые получили дворянское достоинство и имения с крепостными людьми, так что средним числом на каждого нового дворянина приходилось 29 душ, а офицеры Лейб-кампании, бывшие дворянами по своему рождению, получили их по несколько сотен³⁴⁴. Всем пожалованным в чины в прежнее царствование сначала дозволили носить эти чины, но отобрали от них пожалованные им деревни, а потом и оставление за ними чинов

³⁴² Ibid., XXII. 235–239.

³⁴³ Ibid., XXIII. 134–135.

³⁴⁴ Указы 31 декабря 1741 г. и 25 ноября 1742 г.

отменилось³⁴⁵. В мирное время войско занималось преследованием разбойнических скопищ и усмирением крестьянских бунтов, и поэтому, как только начиналась внешняя война, отвлечавшая войско к границам империи, так усиливались разбои и бунты. В 1750 году военная сила умножилась учреждением конного полка в Астрахани, составленного из казачьих сыновей и из новокрещенов, а в 1753 году войско увеличилось еще тем, что тогда велено брать всех празднующихся в военную службу, если только они хотя мало окажутся способными. В 1756 году ввиду начинавшейся войны поручено было Петру Шувалову сформировать новый корпус войск числом в тридцать тысяч человек. Главным способом восполнения военных сил были рекрутские наборы, определяемые по одному рекруту на различное число душ, смотря по надобности в войске. В 1757 году по представлению Петра Шувалова введен был новый порядок в отправлении рекрутской повинности. Все десять великороссийских губерний разделены были на пять частей, и эти части по очереди должны были укомплектовывать войско, а губерния Архангельская с провинциями Вологодской, Устюжской и Галицкой – флот и адмиралтейство. Рекрутов набирали из записанных в подушный оклад возрастом от 25 до 30 лет, а ростом в 2 аршина 6 вершков, для флота же двумя вершками менее. Для предупреждения побегов введен был обычай, надолго вошедший в употребление: брить лоб принятым в военную службу. Помещики могли по своему произволу сдавать своих крепостных в рекруты с зачетом и без зачета, а беглых предоставлялось помещику или сдавать в рекруты, или ссылать в Нерчинск. Отдача рекрутов в других крестьянских ведомствах подчинялась правилам, и если оказывалось, что рекрут отдан неправильно, то увольнялся. После беспорочной восьмилетней службы рядовой, по своему желанию, отпускался на прежнее место жительства. Унтер-офицеры из дворян после десятилетней беспорочной службы производились в прапорщики и определялись к статским делам. Наказанных шпицрутенами рядовых ссылали на работу в Нерчинск³⁴⁶. О строгости наказания можно судить по такому случаю, что в 1757 году за оскорбление священника драгун подвергся шестикратному прогнанию сквозь строй в 1000 человек. Солдатские дети, рожденные после отдачи их отцов в военную службу, до десяти лет содержались при матерях, а потом отдавались в училища, впрочем, помещик мог оставлять их у себя до четырнадцатилетнего возраста, обязавшись подпиской, что не обратит их в крепостных крестьян. Солдатские дети пятнадцати лет должны были поступать на службу, и те, кто будет проживать вне службы долее, признавались за беглых. Принятым рекрутам выдавалось жалованье по 50 копеек в месяц, по два четверика муки, по одному гарнцу круп и по два фунта соли, что вначале доставлялось на счет отдатчиков, а потом уже на казенный счет. Определено было в городах обучать рекрутов военным упражнениям, но не в стужу и не в ненастье. Вести рекрутов в хорошую погоду полагалось от двадцати до тридцати верст в день, а в дурную – от десяти до пятнадцати, и третий день пути посвящать отдыху. Все начальства на пути обязаны были давать марширующим рекрутам провиант. На случай болезней полагались на тысячу человек рекрутов один подлекарь и три фельдшера. Полковые командиры распределяли их на роты, а ротные – на артели, перемешивая старых солдат с молодыми, но должны были наблюдать, чтобы старые у молодых не выманивали денег и не водили их в кабаки³⁴⁷.

Для раненых вместо прежней отсылки в монастыри в 1758 году устроен в Казани инвалидный дом, а в 1760 году учреждены богадельни в губерниях Казанской, Воронежской, Нижегородской и Белгородской, так как в этих губерниях вообще находили изобилие мяса и рыбы. В этих богадельнях предположено помещать отставных и раненых с их женами и детьми в особых избах, по десяти человек в избе, а для надзора за ними определять надежных обер-офицеров. В том же 1760 году в пользу этого предприятия учреждалась лотерея в 50 000 билетов, из

³⁴⁵ Указы 31 декабря 1741 г. и 8 января 1742 г.

³⁴⁶ Указы 7 июля 1757 г. и 7 декабря 1760 г.

³⁴⁷ Указ 23 декабря 1757 г.

которых выигрышных полагалось 37 500; весь капитал определялся в 550 000 рублей, самый крупный выигрыш был 25 000 рублей, самый меньший – 6 рублей³⁴⁸.

---

³⁴⁸ Указы 10 января 1758 г., 15 июня 1760 г. и 6 ноября того же года.

VIII. Церковь и просвещение

Меры к распространению христианства между восточными народами. – Дмитрий Сеченов. – Новокрещены и некрещеные. – Недоразумения с мордвой и чувашами. – Монастыри. – Преследование раскола. – Хлыстовщина. – Недостатки духовного воспитания. – Академия наук, ее члены. – Сухопутный кадетский корпус и морская академия. – Основание Московского университета.

Императрица Елисавета Петровна с самого вступления на престол показывала большую набожность, и все ее распоряжения клонились более или менее к расширению между ее подданными православной веры и к унижению иноверства. Посланный еще при Анне Ивановне для обращения восточных инородцев Дмитрий Сеченов доносил, что новокрещены не хотят выселяться на новые места, отдельно от своих некрещеных единоплеменников, остаются на прежних местах и даже ропщут, говоря, что как будто их за крещение наказывают, выгоняя из тех дворов, где жили их деды и предки. На такое представление последовал указ – не понуждать новокрещеных к переселениям, а объявить им другие милости, например, трехлетнюю льготу от всяких податей и повинностей, которые за них повелено собрать с некрестившихся, сверх того, крепостной магометанин делался свободным, приняв св. крещение, но если мурза, его помещик, принимал крещение, то подданные снова поступали к нему в зависимость. Трудно было выдумать закон более неудобный, потому что нет ничего несправедливее и опаснее, как объявить рабам свободу и тут же ставить их в возможность потерять ее снова. В числе льгот для новокрещеных была и такая, что арестованный по уголовному делу магометанин мог избавиться от наказания принятием христианства³⁴⁹.

Новокрещены не ладили с некрещеными, да и русские военные команды не всегда соблюдали привилегии новокрещеных. Некрещеная мордва сильно была недовольна ревностной деятельностью Дмитрия Сеченова: в Терюшевской волости избили священника, приехавшего их крестить, а команду, посланную для собрания недоимок, которые приходилось платить некрещеным за крещеных, настрашали до того, что она находилась некоторое время в уверенности близкой смерти. Так доносило духовенство, мордва же, напротив, жаловалась, что Дмитрий Сеченов принуждает креститься силой, держит непокорных в кандалах и колодках и подвергает побоям, крестят их, погружая связанными в купель, архиерей пожег их кладбище, и многие, спасаясь от таких разорений, скитаются по лесам, отчего нечем платить им казенных доходов и помещичьих оброков. Подобные жалобы последовали от чувашей Ядринского и Курмышского уездов на игумена, протопопа, дьячков и монастырских крестьян³⁵⁰.

Легче шло распространение христианства между калмыками, потому что между ними одна ханша, вдова Дундука-Омбо, с детьми приняла св. крещение; от нее происходит фамилия князей Дондуковых. При ставропольской крепости поселены были крещеные калмыки, и у них были поставлены священники, отправлявшие православное богослужение по-калмыцки. Заведенные еще при Анне Ивановне калмыцкие школы имели от 20 до 30 учеников каждая. Все крещеные калмыки состояли по гражданской части под ближайшим управлением ставропольского командира, подчиненного оренбургскому губернатору, и могли заниматься земледелием, ремеслами и торговлей, а некоторые наравне с некрещеными вели и кочевой образ жизни. Калмыкам дозволялось кочевать в своих кибитках только до левой стороны Волги, а на правый берег не переходить. Каждый калмык, принимавший крещение, если был зайсанг, то

---

³⁴⁹ Указ 28 сентября 1743 г.

³⁵⁰ Соловьев, т. XXII, стр. 28–29.

есть господин, получал по пяти рублей с семьей, а рядовой – по 2 рубля 50 копеек, холостой же – только половину этой суммы³⁵¹.

Сенат по жалобам инородцев несколько раз подтверждал распоряжение, чтобы их не крестили насильно, но, как видно, такие распоряжения не исполнялись в точности, потому что в 1750 году татары Казанской губернии опять подавали жалобы, что их крестят насильно. В губерниях Казанской, Астраханской и Воронежской запрещено было строить новые мечети, хотя в этих губерниях было много исповедовавших мусульманство. В Сибири такое запрещение последовало в 1744 году относительно селений, где некрещенные были перемешаны с новокрещеными, но потом дозволили строить мечети в полуверсте от жилых мест. Не только мечети, но и неправославные христианские церкви подвергались такому же гонению: так, по всей России, кроме Астрахани, указано было уничтожить армянские церкви.

Постройка православных церквей везде и всячески поощрялась. Дозволялось помещикам созидать в своих вотчинах новые храмы, починивать и обновлять обветшалые, но с тем, чтобы храмостроители снабжали эти церкви серебряными сосудами, алтарными принадлежностями и священнослужительскими облачениями, по крайней мере шелковыми, и отводили в пользу клира пропорцию пахотной земли и покосов. Дворы духовных лиц, находившиеся при церквях, освобождались от постоя и полицейских повинностей. Петр I запретил носить иконы из монастырей и церквей в частные дома. Елисавета Петровна сняла это запрещение, но с тем, чтоб священнослужители, принося в дом икону, не оставались там обедать и не брали в рот ничего опьяняющего. В числе милостей духовному сану было дозволение записывать в подушный оклад за священно- и церковнослужителями незаконных детей и подкидышей. К числу признаваемых непристойными отнесены были привозимые из-за границы изображения страстей Господних и св. угодников Божиих на фарфоре. Преследовались также в частных домах забавы с кошунским пошибом, как, например, наряживания на святках в одежды духовного сана. Во время богослужения в воскресные и праздничные дни запрещено было отворять кабаки и вести торговлю, запрещены были также кулачные бои.

Монастыри пользовались особым уважением императрицы. Более всех милость государыни была оказана Троице-Сергиевому, возведенному тогда в почетное наименование лавры. Все его многочисленные подворья освобождались от постоя и полицейских повинностей, но эта привилегия давалась с оговоркой, что она пожалована не в образец другим монастырям. За монастырями признавалась правоспособность исправлять нравственность несовершеннолетних, впадших в преступление. Уголовного преступника, не достигшего семнадцатилетнего возраста, по наказании батогами или плетью отдавали на исправление в монастырь на 15 лет³⁵². При Елисавете Петровне в Петербурге основано было два женских монастыря – Смольный, на месте при царском Смольном дворце, и Воскресенский, или Новодевичий; в Москве возобновлен был Ивановский монастырь, назначаемый для содержания вдов и дочерей заслуженных людей. Закон Петра Великого о непострижении в иноческий сан молодых людей при Елисавете Петровне соблюдался долго, исключая Малороссии, где по старине допускалось постригаться каждому лицу, достигшему 17-летнего возраста. Но в 1761 году всем без изъятия безбрачным мужчинам, вдовам и девицам дозволено постригаться по желанию.

---

³⁵¹ Указ 1 июля 1746 г.

³⁵² Указ 23 августа 1742 г.

Спасо-Преображенский собор и Успенский монастырь в Холмогорах

Набожность императрицы выказывалась и в повелениях читать в церквах во время литургии молитвы об отвращении постигающих край естественных бедствий. Так делалось в 1649 году по поводу скотского падежа, а потом, когда в некоторых местах России появлялись насекомые, истреблявшие цветы и листья в садах и огородах, указано было Святейшему Синоду составить подходящие молитвы об избавлении от такого зла. Самым благочестивым подвигом императрицы было печатное издание Библии, которое стоило многолетних трудов ученым духовным и поступило в продажу по пяти рублей за экземпляр³⁵³.

Особенно важный в кругу церковного устройства указ Елисаветы Петровны был дан в 1753 году. Крестьянам архиерейских и монастырских вотчин, долго перед тем находившимся в ведомстве Монастырского приказа, а потом коллегии экономии, было повелено пребывать в послушании у архиереев и монастырских начальств, куда они вначале были приписаны, а в 1757 году издан был новый указ: в монастырских имениях отправлять хозяйственные должности не монастырским служкам, а отставным штаб- и обер-офицерам, которые должны будут с этих имений собирать доходы и из них употреблять в расход столько, сколько положено по штатам, остальное же хранить особыми суммами, из этих сумм государыня оставляла за собой раздачу пособий на строения в монастырях и на учреждение инвалидных домов.

В XVIII веке ни одно царствование в России не ознаменовалось такой нетерпимостью к раскольникам, как описываемое. Религиозное настроение императрицы побуждало ее поддаваться известным влияниям, и она дошла в своей ненависти к расколу до полной нетерпимости. Со своей стороны, гонимые раскольники впали в такое безумное отчаяние, что начали возводить самоубийство в религиозный догмат. Гонение на раскольников старообрядческого толка является уже в первый год царствования Елисаветы Петровны. Дозналось духовенство, что в отдаленной окраине, близ Ледовитого моря, в Мезенском уезде завелись скиты, куда

³⁵³ Указ 27 февраля 1752 г.

приютились раскольники не только из простолюдинов, но и из купечества и из шляхетства. Правительство послало туда военные команды забрать расколоучителей и разогнать их последователей. С тех пор раскольники прогрессивно возбуждали против себя мирскую власть, потому что их скиты стали обычным убежищем беглых. В 1745 году всем вообще раскольникам запрещалось именовать себя староверцами, скитскими, общежительными, обязывали их платить двойной оклад, не совращать в свои толки православных и не придерживать беспаспортных. Тогда же думали действовать против раскола и путем убеждения, Синод напечатал книги Димитрия Ростовского и Феофилакта Лопатинского, обличавшие заблуждения раскольников. Но посланки военных команд для разорения раскольничьих скитов не вязались с мирными средствами убеждения и довели раскольников до ужасного и дикого явления – саможжения, которое происходило иногда и прежде, но теперь получило, так сказать, эпидемический характер. Слыша о приближении войска, раскольники запирались в избах, где устроены были у них свои молельни, подкладывали огонь и погибали в чаянии сохранить истинную веру и добровольным самопожертвованием достигнуть Царствия Небесного. Так, в окрестностях Каргополя сожглось разом 240 человек, потом в другой раз 400 человек. В Олонецком уезде добровольно сожглась толпа в 3000 человек, в Нижегородских пределах – 600 человек, затем на реке Умбе сожглось еще 38 человек со своим учителем Филиппом, который учил не молиться за царей и был основателем толка филиппонов. Правительство, слыша об этом обо всем, полагало уничтожить изуверство строгостью и учредило комиссию для отыскания и жестокого наказания расколоучителей на севере, но гонение возбудило такой страшный фанатизм, что там до шести тысяч человек в один раз добровольно погибло в огне, и, по известию раскольничьего историка, чуть не сожглась сама Выгореция – скит, служивший главным рассадником поморской секты беспоповцев³⁵⁴.

---

³⁵⁴ См. Павла Любопытного. Историч. моногр. Костомарова, т. XII, стр. 390.

И.И. Бельский. Архиерей во время служения литургии

Никакие строгости не истребляли фанатизма сектантов. Случаи самосожжения повторялись то в том, то в другом углу России. Так, в Устюжской провинции в Белослудском стане сожглось 70 человек, а тотемский воевода доносил, что в девяти избах сожгли себя разом 172 человека, желая пострадать за веру Христову и за двоеперстное сложение. Пожитки сгоревших продавались с публичного торга, а их скот отдавался на продовольствие преследовавшим их военным командам. В 1760 году из Сибири снова донесено было в Синод, что раскольники составляют сборища, запираются в пустых избах и сожигаются. Поэтому строго предписано было отыскивать такие сборища и виновных в подстрекательстве к самосожжению наказывать без всякого милосердия.

Остатки хлыстовской ереси, открытой в царствование Анны Ивановны в Москве и ее окрестностях, преследовались и при Елисавете Петровне. В шестидесяти верстах от древней столицы, у строителя Богословской пустыни, в пустой избе, выстроенной в саду, происходило сборище мужчин и женщин. На лавках с одной стороны сидели мужчины, с другой – женщины, и между ними находилась княжна Дарья Хованская. Все пели, призывая имя Иисуса Христа. Потом купец Иван Дмитриев затрясся всем телом, стал вертеться и кричал: «Верьте, что во мне Дух Святой и что я говорю, то говорю не от своего ума, а от Духа Святого». Он подходил то к тому, то к другому и произносил такие слова: «Братец (или сестрица)! Бог тебе помощь! Как ты живешь? Молись Богу по ночам, а блуда не твори, на свадьбы и крестины не ходи, вина и пива не пей, где песни поют – не слушай, а где драки случатся, тут не стой!» – Если он кого не знал по имени, тому говорил: «Велмушка, велмушка, помолись за меня!» – а отходя от каждого, говорил: «Прости, мой друг, не прогневил ли я в чем тебя?» – Тот же Иван Дмитриев резал в кусочки хлеб, клал на тарелку с солью и наливал воды в стакан, подавал хлеб, приказывая есть ломтики на руке и прихлебывать воду из стакана, а потом, творя крестное знамение, прикладываясь к стакану. Наконец, все, взявшись за руки, вертелись кругом посолонь, подпрыгивая, и при этом били друг друга обухами и ядрами, объясняя, что это означает сокрушение плоти. Эта пляска носила у них название «корабль». Княжна Хованская испугалась и уехала, а прочие продолжали вертеться, бить друг друга и уже на рассвете разошлись. Схваченный строитель Богословской пустыни Димитрий показал на участие некоторых лиц, а один из последних, ученик штофной фабрики Голубцов, показал, что он научился этому еще в 1732 году в Андрониевском монастыре. Голубцов говорил, что первое крещение было водой, а теперь совершается второе крещение, и кто вторым крещением не крестится, тот не войдет в Царствие Божие. Строитель Димитрий сознался, что во время действий они бились между собой не только обухами, но даже ножами, вставленными в палки. Еретики учили, что брак – дело противное спасению души, грех, начавшийся от грехопадения Адамова, однако учитель Сапожников жил в связи с согласницей сборища Федосьей Яковлевой. Эта Федосья Яковлева говорила: «Слышала я от согласников наших, что есть у нас в Ярославле государь батюшка, крестьянин Степан Васильев, который содержит небо и землю, и мы его называем Христом, а жену его Евфросинью – госпожею Богородицею; учителем же того Степана и жены его был крестьянин Астафий Онуфриев»³⁵⁵.

Что-то подобное этой «хлыстовщине» или «христовщине» упоминается в царствование Елисаветы Петровны под названием квакерской ереси³⁵⁶. Ересь эта возникла еще в 1734 году; некоторые из ее упорных последователей казнены были смертью, другие же притворно воспользовались позволением покаяться. Таких явилось 112 человек; но в 1745 году в Москве открылось существование этой секты снова: захватили 416 человек. Они почти все были наказаны кнутом и сосланы на работы, 216 оставлены до времени на прежних местах жительства, а 167 человек, известных по именам как участники, не отысканы. Всякий, вступающий в эту секту, давал клятву не открывать о ней под страхом наказания в будущей жизни ни родителям, ни родным, ни духовному отцу, ни перед судом. Сектанты крестились двумя перстами, называли троеперстное крестное знамение антихристовой печатью, переменяли себе имена, не возбраняли для вида исповедоваться и причащаться, но брачное сожитие называли блудом, толкуя, что, по апокалипсису, только девственники войдут «в Царствие Небесное агнца». Что эта секта была видоизмененная хлыстовщина, доказывает уже то, что главный ее учитель был вышеупомянутый Григорий Сапожников, состоявший в сожительстве с Федосьей Яковлевой, которая и донесла на него и на его соучастников. Сенат публиковал, чтобы скрывшиеся после-

³⁵⁵ Соловьев, т. XXI, стр. 316–318.

³⁵⁶ Указ 9 декабря 1756 г.

дователи этой ереси в течение полугода явились с повинной, – иначе с ними поступят как с волшебниками.

Просвещение мало-помалу переставало быть тогда исключительной привилегией духовного класса и становилось из церковного светским. Это было важнейшим явлением русской жизни в царствование Елисаветы Петровны, и этого нельзя приписывать ни деятельности тех или других лиц, ни тем или иным мероприятиям правительства, а главное – духу времени. Образование, получаемое в заведениях церковного ведомства, было крайне недостаточным уже и потому, что учебных заведений было мало, духовные, которых можно было назвать учеными, составляли незначительный процент в многочисленном сословии духовенства, осужденном на безысходное невежество и способном вместо всякого вероучения проповедовать народу одни суеверия и предрассудки. Грубость духовных того времени превосходила всякую меру, в церкви они ни о чем не считали нужным заботиться, как только о соблюдении наружных обрядов и вымогательств за них вознаграждения от прихожан. Каждое утро в Москве на Крестце можно было встретить толпу священнослужителей, нанимавшихся служить обедни, панихиды и молебны и торговавшихся самым бесстыдным образом. Немногие, получившие какое-нибудь образование в школах, стояли на высоте своего сана; их учили тому, что ни для них самих, ни для других не было нужно; все научное воспитание состояло в пустой схоластике и в риторических упражнениях, которые никого из них не делали проповедниками и витиями. Обращение с духовными было также самое грубое и жестокое: не только архиереи сажали их на цепь, били плетью, посылали на унижительные работы, но и светские особы, чувствовавшие за собой силу, били их по щекам, рвали им бороды, секли их и надругались над ними, как хотели. Единственный способ поднять русское общество, которого руководителями были долго духовные, было распространение научного, а не схоластического образования; но для этого нужно было образование не церковное, каким оно было спокон века в России, а светское, мирское. Петр Великий понял эту необходимость и завел разные специальные училища и Академию наук, долженствовавшую быть главным светилом научной образованности в России. Мы указали ее деятельность при Анне Ивановне. Первые годы царствования Елисаветы Петровны ознаменовались в ней спорами библиотекаря и академика Шумахера с профессором Делилем и с Андр. Конст. Нартовым – вторым советником Академии, начальником механической экспедиции, учрежденной при Академии. Споры эти были более чиновнического, чем ученого характера. К ним заодно примкнули против Шумахера недовольные деспотизмом последнего студенты, канцеляристы и мастеровые. На Шумахера подана была в сенат коллективная жалоба, направленная не против одного Шумахера, но и против немцев вообще. Жалобщики надеялись, что после низложения немецкого господства с брауншвейгской династией не трудно будет выиграть при русском национальном направлении правительства. Императрица сначала арестовала Шумахера и назначила комиссию для рассмотрения возникших на него жалоб, но Шумахер приобрел покровительство сильных господ, составлявших комиссию, и комиссия оправдала Шумахера. В конце 1743 года императрица приказала освободить его и дозволила занять прежнее место в Академии наук, о бок с его соперником Нартовым. Профессор Делиль был так недоволен решением в пользу Шумахера, что собирался покинуть Россию, но Елисавета Петровна уговорила его остаться из уважения к памяти родителя, выписавшего Делиля в Россию. Тогда Делиль подал императрице проект регламента Академии, по которому Академия подразделялась на департаменты по наукам с тем, чтобы директор каждого департамента был из профессоров, и главный президент был бы также из профессоров и вступал в должность президента по выбору товарищей. Императрица одобрила этот проект, кроме выбора в президенты, потому что уже наметила на это место не ученого профессора, а брата своего любимца, Кирилла Разумовского, в детстве бывшего пастухом в своем селе, а потом отправленного за границу для образования. Этот Кирилл Разумовский возвратился из-за границы в 1745 году, а в следующем 1746 году сделан был президентом Академии наук, ему было только 19 лет от

роду. Ему представили дело Шумахера. Находясь под влиянием своего наставника Теплова, Разумовский «усмотрел, что советник Шумахер прав перед профессорами и ненависть от них только тем заслужил, что по ревности своей к пользе и славе государственной принуждал профессоров к отправлению должности и к показанию действительных трудов, за которые им столь важное жалованье определено». Новый президент дал огульную аттестацию о профессорах, что «между ними ничего не усматривается, как желание одно стараться всегда о прибавке своего жалованья, как бы получить разными происками ранги великие, ничего за то не делать и не быть ни у кого в команде, а делать собой все, что кому вздумается, под тем прикрытием, что науки не терпят принуждения и любят свободу». В 1747 году издан был регламент Академии наук, соединенной тогда с Академией художеств и с университетом. По этому регламенту Академия наук, как собрание ученых, разделялась на три класса. Первый – астрономов и географов, от которых предполагалась та польза государству, что будут из них мореплаватели, которые станут описывать земли, открывать до сих пор неизвестные страны и подчинять их Российской державе. Второй класс – физический, из которого должны были выходить физики, химики, ботаники, геологи и приносить пользу государству, отыскивая новые руды, камни и растения. Третий класс – физико-математический: польза от него государству ожидалась та, что выйдут люди, которые станут изобретать мануфактурные искусства, машины, полезные для армии и флота, для архитектуры, для очистки рек и каналов, для земледелия, садоводства и прочего. Из этого видно, что правительство смотрело на Академию преимущественно с утилитарной точки зрения. Собственно академики занимались учеными работами, академики же профессора читали лекции студентам и готовили из них будущее ученое общество. Таким образом, еще до основания университета в нынешнем смысле это название было уже известно в качестве составной части Академии наук. Профессора обучали студентов только наукам, а студенты должны были поступать в университет с достаточным знанием латинского языка. В студенты допускались лица всякого происхождения, исключая записанных в подушный оклад: в университете они получали содержание и квартиру в одном доме для всех. При университете полагалось учредить гимназию, из учеников которой отбирать двадцать человек, – более годных из них определять в университет, а менее годных отправлять в Академию художеств. Профессора должны были преподавать бесплатно. Они могли быть всякого вероисповедания, как и студенты, но при университете полагался духовник из ученых иеромонахов, который каждую субботу должен был преподавать катехизис. При особе президента полагалась канцелярия в целях управления всем академическим корпусом. Члены этой канцелярии должны были быть сведущи в науках и иностранных языках настолько, чтобы разуместь, о чем будет идти речь. При Академии устроены были кунсткамера для хранения редкостей и музей древностей, так как со всей России еще со времен Петра I все местные власти обязаны были отысканные старинные вещи и монеты доставлять в сенат, а сенат препровождал их в Академию наук. В 1747 году сгорели академические здания, где помещались кунсткамера с музеем и библиотека, но самонужнейшие вещи были спасены, и государыня повелела, до указа, под кунсткамеру и библиотеку дать две кладовых.

М.В. Ломоносов

В 1746 году Академия наук в число своих членов приобрела в тот век важнейшую европейскую знаменитость – Вольтера. Он сам через посредство Делиля заявил желание поступить в члены Академии и выпросил себе поручение писать историю Петра Великого. В те времена вообще в Петербургской Академии оригинальных сочинений писалось мало, а больше переводилось на русский язык с иностранных языков. Так, с французского языка переводились фортификационные сочинения Вобана и сочинения других французских писателей по военной науке и по истории. От Академии последовала публикация, чтобы желающие переводили с разных языков книги и доставляли свои переводы в Академию: за это переводчик в вознаграждение своего труда получал сто экземпляров своего перевода, отпечатанного на иждивение Академии. По мысли асессора Академии Теплова, положено было основать в Москве книгопродавческую палату, где надлежало продавать книги, ландкарты и газеты российские и немецкие.

Двое деятелей Академии занимали тогда видное место по своим талантам и по деятельности: Ломоносов и Миллер. О трудах Ломоносова мы будем говорить в его отдельном жизнеописании³⁵⁷. Миллер заявил свою ученую деятельность еще при Анне Ивановне. Отправленный в сибирскую экспедицию, он пробыл в Сибири десять лет, привез оттуда громаду записанных им сведений по русской географии и истории, определен был при Академии наук историографом и обязался вместе с Фишером составить и издать сибирскую историю, а по окончании этой работы заняться составлением российской истории. Но как только он с Фишером представил свою сибирскую историю на рассмотрение академического собрания, так тотчас стал получать неприятные замечания. Ломоносов оскорбился за честь Ермака, о котором Миллер сообщил исторические сведения, что тот до своего похода в Сибирь разбойничал. Теплов придирался за родословные, называя их неверными и сочиненными. Шумахер находил, что прилагать к сибирской истории предисловие и печатать при ней жалованные грамоты вовсе не нужно. Академическая канцелярия упрекала Миллера за то, что в его историю внесено много ложных басен, чудес и церковных сказаний, недостойных доверия, хотя Миллер признавал все это нужным в качестве образчиков народного мирозерцания. Ему воспретили на будущее время прилагать выписки на старом языке, который стал уже неудобопонятен. Еще тяжелее обрушилась на него неприятность по поводу его латинской речи о происхождении Варягов – Руси, где он разделял мнение Байера о скандинавском происхождении этого народа и наших первых князей. Комиссар Крекшин первый стал распускать слух, что в речи Миллера есть унижительные для России выходки. Шумахер поручил членам Академии рассмотреть эту речь. Тредьяковский, прочитав ее, объявил, что в сочинении Миллера он не находит ровно ничего предосудительного для чести России, но Ломоносов обратил на нее внимание не с ученой, а с псевдопатриотической точки зрения. Он ставил Миллеру в осуждение, что тот пропустил удобный случай похвалить славянский народ, не признает славянами скифов, очень поздно определяет прибытие славян в здешние места, что полагает расселение славян в России гораздо позже времен апостольских, тогда как церковь ежегодно вспоминает прибытие апостола Андрея в Новгород, где и крест был им поставлен, что такое мнение недалеко до критики и на орден Св. Андрея Первозванного, что первых русских князей Миллер производит от неизвестных скандинавов в отличие от свидетельства Нестора-летописца, о котором он дозволил себе отозваться неуважительно, выразившись: «ошибся Нестор», что Миллер производит имя Российского государства от чухонцев и дает предпочтение готическим басням пред повествованием преподобного Нестора – и, наконец, приводимые им описания частых побед скандинавов над россиянами – «досадительны». Канцелярия Академии по таким отзывам определила уничтожить диссертацию Миллера.

³⁵⁷ Н.И. Костомаров не успел написать жизнеописания Ломоносова. – *Изд.*

Академия наук во времена Ломоносова

Затем Теплов всячески преследовал Миллера. Его заставили читать лишние лекции, грозя вычетом из жалованья. Миллер жаловался на Теплова президенту, но президент принял сторону Теплова и заявил в канцелярии, что некоторые члены Академии препятствуют его стараниям на пользу учреждения. Делиля и Крузиуса Разумовский уже удалил – оставался Миллер. Теплов представлял президенту, что Миллер, пробыв десять лет в Сибири, ничего не привез оттуда, кроме кое-каких летописей, грамот и старых канцелярских бумаг, что все это можно было добыть с меньшими затратами. Теплов обвинял Миллера, что он бил студента Крашенинникова, что он клеветал на него, Теплова, и самого президента осмеливался осуждать в неосмотрительности. Миллера разжаловали из профессоров в адъюнкты, но вскоре возвратили ему прежнее звание, вынудив признание, что он был наказан достойно. Президент и Теплов знали, однако, что Миллер по своей учености и трудолюбию никем незаменим, и потому ему было поручено издание академического журнала. В декабре 1753 года Миллер в академическом собрании прочитал предисловие к первой книжке журнала, которому он предположил дать название «С.-Петербургские Академические Примечания». Возражений в то время не последовало, но через месяц Ломоносов заявил, что название журнала и предисловие к нему, написанное Миллером, не понравились при дворе, и потому их надобно переменить. Вместо первого названия дано было журналу другое: «Ежемесячные сочинения». В первом номере Миллер поместил свою статью о Несторе, где обличал собственные ошибки, допущенные им

прежде, при недостаточном еще знании русского языка. Во всяком случае Миллер в ряду деятелей науки в России остается звездой первой величины, несмотря на то что, к сожалению, с его противниками связалось имя человека, которого Россия привыкла уважать как патриарха русского просвещения.

Академия наук не оставляла также российской географии и археологии. В 1755 году она потребовала присылки подробного описания монастырей и церквей с их историческим значением, но Святейший Синод, к которому было обращено это требование, отвечал, что в его ведомстве нет людей, способных к составлению таких описаний, а в 1760 году состоялся указ, которым предписывалось из всех городов доставлять в Академию наук географические сведения в виде ответов на вопросы, присылаемые от Академии. Были, впрочем, и добровольные географические экспедиции, предпринимаемые частными лицами; таким образом, устюжские купцы Быков и Шалауров спросили себе дозволение на собственных судах совершить морское плавание для открытия пути от устья Лены вдоль Чукотского Носа до Камчатки.

Академия художеств составляла, как мы уже сказали, часть Академии наук. Но в 1759 году она была преобразована в отдельное учреждение и получила свой особый регламент и штат. Впрочем, на содержание ее положено было отпускать в год из штатс-конторы умеренную сумму – 6000 рублей.

Сухопутный кадетский корпус после ссылки Миниха находился под ведением принца гессен-гамбургского, а потом князя Репнина. Из учеников этого заведения некоторые были представляемы в сенат, а сенат препровождал их для экзамена в Академию наук, и когда там они по экзамену оказывались достойными, сенат определял их в секретарские должности.

Из морской академии посылались в Англию молодые люди для ознакомления с английским языком, который считался нужным для моряков.

В эти два заведения поступали лица исключительно дворянского происхождения, но кроме них воспитание юношества в дворянском классе в царствование Елизаветы Петровны, особенно в первые годы, шло замечательно дурно. Множество учителей, прежде живших в дворянских домах, уже несколько лет кряду вело праздную жизнь за невозможностью учить кого бы то ни было, потому что в благородном сословии внедрялись отвращение ко всякой образованности и даже какое-то презрение к людям воспитанным. Во всех школах империи было учащихся только 709 человек, а из посадских людей не было в них ни одной души. Существовавшие с Петра Великого арифметические школы закрылись по недостатку учеников. Оставались еще гарнизонные школы специально для солдатских детей, куда допускались учиться и дети дворян на собственном иждивении, но и эти школы по большей части находились в запустении. В школу, учрежденную при сенате для молодых дворян, предназначавших себя к гражданской службе, никто уже не ходил, хотя в 1750 году был дан подтвердительный указ, обязывающий записанных туда ходить в определенные дни для ученья. Из новоучрежденных при Елизавете Петровне школ основалась одна в Оренбурге в 1748 году по инициативе губернатора Неплюева, а в 1752 году положено учредить школы для ландмилиции, поселенной на украинской линии.

Покровительствуя вообще книжному и письменному образованию в России, правительство вместе с тем ограждало свою власть от таких плодов книжного просвещения, какие для него были нежелательны. Так, в целях ограждения православного благочестия запрещено было без дозволения Синода издавать книги духовного содержания, а также привозить из-за границы всякие русские книги без присмотра синодского; в 1750 году запрещено было привозить в Россию и книги на иностранных языках, где упоминались имена лиц предшествовавших царствований. По невежеству этот указ повел к тому, что в Синод стали представлять книги исторические и географические, не заключающие в себе вовсе ничего противного правительству. Поэтому указано было такие книги возвратить, а вперед считать предосудительными только те книги, которые были «дедикованы» на имена известных особ прошедшего царствования, а

также молитвенники на немецком языке, где упоминались имена особ, которых правительство хотело заставить позабыть в России.

В 1755 году в истории образованности в России произошло важное явление – основание первого российского университета. Он был назначен в Москве, при нем полагались две гимназии приготовительного характера. В указе говорилось, что «Петр Великий погруженную в глубину невежества Россию к познанию истинного благополучия приводил, и по тому же пути желает следовать дочь его, императрица Елисавета Петровна». В тех видах, что дворянство российское лишено средств к воспитанию своего юношества и часто приглашает в дома к себе учителей из иностранцев, вовсе не приготовленных к своему высокому призванию, по докладу камергера Шувалова, учреждался в Москве университет для дворян и разночинцев и при университете две гимназии: одна для дворян, другая для разночинцев. Государыня желала, чтобы главное начальство над университетом поручалось двум кураторам: один будет учредитель камергер Шувалов, другой – лейб-медик Блюментрост. Проект утвержден был государыней 12 января 1755 года. Сенат определил на содержание университета и двух гимназий 15 000 рублей в год и, сверх того, на покупку книг и прочих ученых пособий единовременно 5000 рублей. Университет хотя и подчинялся сенату, но находился под протекцией императрицы. Ему предоставлялся собственный суд. Все принадлежащие к университету освобождались от постоя, сборов и всяких полицейских тягостей. Университет разделялся на три факультета. Первый – юридический, в котором полагались профессора: натуральной юриспруденции, народных прав и узаконений и политики, излагающей прошедшее и настоящее положение отношений государств между собой. Второй факультет – медицинский, где полагались профессора: химии физической и аптекарской, натуральной истории, которые будут показывать на лекциях травы и животных, – и анатомии, которые будут показывать строение человеческого тела в анатомическом театре. Третий факультет – философский, то есть логики, метафизики и нравоучения, физики экспериментальной и теоретической, красноречия, то есть ораторства и стихотворства, и истории универсальной и российской. Каждый профессор обязан каждодневно, исключая воскресные и праздничные дни, читать в университете публичные лекции по своему предмету, не требуя от слушателей платы; но дозволяется профессору читать и приватные лекции за умеренную плату. Лекции читаются по-латыни и по-русски, согласно с авторами, которые будут указаны в профессорском собрании и кураторами. По субботам должны в присутствии директора отправляться собрания профессоров для совета о всяких распорядках, касающихся наук и студентов. При окончании месяца, в субботу, профессора устраивают диспуты для студентов, и за три дня вперед к дверям университета прибывается тезис, а в конце академического года устраиваются диспуты публичные, на которые приглашаются любители наук. В апреле раздаются золотые и серебряные медали, числом восемь, за лучшие сочинения, написанные по-латыни и по-русски. Назначаются две вакансии: одна зимняя – от 15 декабря по 6 января, другая летняя – от 10 июня по 1 июля. Курс студентов определяется трехлетний. В университет студенты вступают по экзамену из всех сословий, кроме крепостных, «понеже науки не терпят принуждения и между благороднейшими упражнениями считаются», однако дворянин мог обучать своего крепостного в университете на своем иждивении, но уволив его от крепостной зависимости; если же такой студент будет уличен в дурных поступках, то возвращается снова под прежнюю власть господина. Во время курса студенты находятся под исключительным ведением университетского суда.

Место, где находился дом Ломоносова в деревне Денисовке

В гимназиях, учреждаемых при университете, предположено было четыре трехклассных школы: первая – российская, вторая – латинская, третья – оснований наук и четвертая – главнейших европейских языков, которыми считались немецкий и французский, каждому ученику предоставлялось учиться обоим этим языкам вместе или одному из двух. Родители, заранее желавшие определить со временем своих сыновей в купечество, в художество или в военную службу, должны были объявлять об этом предварительно, дабы можно было при воспитании руководить детьми сообразно родительским желаниям. Каждый класс подвергался полугодичному экзамену, а в конце курса производился экзамен публичный, после чего достойные производились в студенты университета. При этом директор раздавал ученикам в виде награды книги рублей на пятнадцать или на двадцать. Учиться греческому языку считалось нужным, а восточные языки предположено было преподавать тогда, когда увеличатся университетские доходы и найдутся достойные преподаватели. Дворянам дозволено было записывать своих недорослей в университет, а по достижении возраста семи лет возить на первый смотр. Обучаться в университете предполагалось до возраста шестнадцати лет, но тем, которые показывали особую большую склонность к наукам, дозволялось оставаться и до двадцати лет. Все окончившие курс в университете и получившие об окончании свидетельство при поступлении в гражданскую или военную службу пользовались старшинством.

Московскому университету, как и Петербургской «де сианс академии» дано право состоящих учителями иностранцев подвергать экзамену и выдавать им свидетельства на право учительствовать; а без этого свидетельства никто не должен был держать домашнего учителя, под страхом уплаты пени ста рублей³⁵⁸.

В 1758 году (июля 21) указано учредить в Казани такие же гимназии для дворян и разночинцев, которые были учреждены при Московском университете. В 1760 году Иван Ив. Шувалов представлял о необходимости завести такие же гимназии во всех «знатных» городах Рос-

³⁵⁸ Указ 7 мая 1757 г.

сийской империи, разделив учеников на казеннокоштных и своекоштных, а в городах меньших учредить школы, где бы обучали арифметике и первым основаниям других наук; из этих школ по окончании там курса поступали бы в гимназии, из гимназий – в университет, в кадетский корпус и в Академию наук, а из этих трех мест поступали бы уже в службу.

Медицинская часть находилась в заведовании медицинской канцелярии. В 1754 году указано было сделать набор врачей из малороссийских семинарий, находившихся в Киеве, Переяславе и Чернигове. Они являлись в медицинскую канцелярию или в медицинскую контору с аттестатами, подписанными их ректорами и префектами. Их определяли в госпитали в Петербурге или в Кронштадте для практического обучения врачебной науке, а других – в аптеки, чтобы впоследствии приготовить из них аптекарей. И те, и другие учились, состоя на казенном содержании; по окончании учения получавшим в госпиталях звание лекаря давали жалованья от 10 до 25 рублей в месяц. Учившиеся же в аптеках по окончании курса получали от трехсот до шестисот рублей в год. Аптекари состояли под ведением докторов. В Москве было два доктора: один для дворян, с жалованьем 600 рублей в год, другой – для разночинцев и купечества, с годовым окладом жалованья в 500 рублей³⁵⁹. Повивальные бабки свидетельствовались в познаниях в Петербурге и Москве докторами и лекарями и получали аттестаты, дававшие право на практику. Лучшие из бабок оставлялись в Петербурге и Москве и назывались присяжными; для Москвы полагался им комплект пятнадцать, для Петербурга – десять, прочие рассылались по губерниям. Для образования повивальных бабок существовали в Петербурге и Москве специальные школы, на содержание которых назначалось в год по три тысячи рублей. Каждая роженица сообразно своему рангу и достатку обязана была платить в узаконенном размере повивальной бабке, оказывающей ей помощь.

Приезжие в Россию из-за границы врачи определялись по госпиталям с годичным жалованьем по семисот рублей на их содержание и находились под наблюдением определенных при госпиталях докторов. Не получив свидетельства на право лечения от медицинской канцелярии, никакой чужеземец в Русском государстве не мог заниматься врачеванием³⁶⁰. Когда в 1755 году в Петербурге свирепствовали эпидемические сыпные болезни – оспа, корь и лопуха, то через посредство Святейшего Синода было опубликовано, чтобы больные не общались со здоровыми и для этого не носили бы детей причащаться в церкви, исключая особо отведенных для этого церквей, а мимо Зимнего дворца запрещено было провозить мертвых.

В 1756 году явилось в России еще новое просветительное учреждение: указано завести русский театр для представления трагедий и комедий. Для этого учреждения пожертвован был конфискованный каменный дом Головкина, находившийся на Васильевском острове близ Сухопутного кадетского корпуса. Акторов положили набирать из певчих и обучавшихся в кадетском корпусе ярославцев, а дополнять их число охотниками из неслужащих людей. На содержание театра положено отпускать в год 5000 рублей. Директором театра назначен бригадир Сумароков³⁶¹.

---

³⁵⁹ Указы 14 марта 1754 г. и 11 марта 1756 г.

³⁶⁰ Указ 16 марта 1758 г.

³⁶¹ Указ 30 августа 30 1756 г.

IX. Внутренний быт при Елисавете Петровне. Хозяйство, ремесла и торговля

Лесное и соляное богатство. – Селитра. – Китоловный промысел. – Звериные и рыбные промыслы. – Хлебное производство. – Винокурение. – Металлическое производство. – Фабрики: суконные, шелковые, кружевные, шляпные, красочные, италерные. – Необходимость образования в купечестве. – Препятствия торговле. – Торговые иноземцы. – Права купеческие. – Уничтожение внутренних пошлин. – Новый торговый устав. – Ввозная и вывозная торговля. – Банк для купечества. – Контрабанда.

Правительству преемников Петра Великого приходилось только повторять его узаконения о лесах. В царствование его дочери мы встречаем ряд распоряжений в этом смысле. В целях сбережения лесов запрещено было в 1744 году в Москве строить вновь деревянные дома, а в 1748 и 1755 годах около Москвы на двести верст кругом изгоняли стеклянные и железные заводы и даже винокурни, содействовавшие уменьшению лесов. Выделка смолы, хотя издавна приносила немалый доход казне, но признаваемая вредной для лесов, допускалась только в Малороссии, около Чернигова и Стародуба, и в Северной земле, в брянских лесах. Она составляла исключительное казенное достояние, а торговля смолой, производившаяся у Архангельска, отдана была на откуп обер-егермейстеру Нарышкину с обязательством отпускать за границу не менее трех тысяч бочек смолы³⁶². Для сбережения лесов уничтожили соляные промыслы в Балахне и Соль-Галиче, оставили только тотемскую и элтонскую соль. Элтонская соль пошла тогда в ход, и промыслы на Элтонском озере день ото дня получали большее развитие. Для складов элтонской соли положено было построить городки: на Элтонском озере, на Камышенке, близ Димитриевска и напротив Саратова на Волге, и в них соляные амбары; в городе же Саратове учреждено соляное правление³⁶³. Привозом соли с места нахождения к местам хранения занимались солевозы, которые все были из малороссиян, и они-то, поселившись на берегу Волги (большой частью на левом), дали начало существующим там и теперь многолюдным малороссийским слободам. Строгановская соль, до сих пор главным образом снабжавшая всю Россию, принуждена была выдержать большую конкуренцию. Большое затруднение для успеха элтонской соли состояло в том, что на солевозов нападали калмыки и на защиту солеводства приходилось держать воинские команды, провожавшие партии соли. Немало беспокоили солепроизводство отыскиватели беглых, кроме того, немало вредило успешному производству промыслов то, что соль добывалась подрядчиками, нанимавшими рабочих, а эти рабочие, взяв вперед деньги, убегали прочь, хотя по жалобам подрядчиков за такие побегі угрожали виновным каторжной работой. Сначала цена элтонской соли колебалась, а с 1749 года установлена была везде цена соли 35 копеек за пуд, в Астрахани же и в Красном Яру – 17½ копеек. Дозволялось возить соль по деревням, но не брать барыша более двух копеек с пуда. В 1750 году управляющий соляными складами в Саратове Чемадунов стал отправлять элтонскую соль по Волге во все низовые и верховые города. В год добывалось элтонской соли 1 064 859 пудов. Строгановская соль решительно уступила элтонской, а старорусское производство соли, снабжавшее солью Северо-Западную Россию, было закрыто в 1753 году вовсе. Для всей Сибири вырабатывалась соль на собственных промыслах, а в гор. Тобольске учреждено было главное соляное комиссариатство³⁶⁴.

Селитренные казенные заводы были на реке Ахтубе и отдавались на откуп разным лицам с обязательством доставлять в казну за пуд по 3 рубля 20 копеек; излишек дозволялось прода-

³⁶² Указ 31 марта 1748 г.

³⁶³ Указ 9 апреля 1749 г.

³⁶⁴ Указы 21 декабря 1750 г. и 25 октября 1759 г.

вать заграничным купцам. Порох разрешено было продавать каждому в неопределенном количестве.

Зверинные промыслы, оскудевая в Сибири по мере распространения народонаселения, процветали еще в восточной окраине и на островах Восточного океана. Купец Югов с товарищами получил в 1748 году право ловить зверей на пустых островах близ Камчатского побережья, с платежом одной трети дохода в казну.

По скотоводству сделаны были распоряжения, чтобы рогатый скот стараться сбывать за границу, а овец не выпускать, потому что их шерсть нужна для русских фабрик.

Весь китоловный и тюлений промысел отдан был на откуп Петру Ив. Шувалову, и мимо его конторы промышленники не смели добывать и продавать ворвани и тюленьего сала. Астраханские рыбные ловли (осетровые и белужьи) со вступлением на престол Елисаветы Петровны взяты были в казенное содержание, и работы производились служилыми людьми; но так как это побудило многих недовольных, лишившихся заработков, бежать за границу, за Яик и в Бухару, то в 1745 году эти промыслы по-прежнему стали отдавать в откуп, а откупщики производили работы вольнонаемными. На протяжении от Саратова до Астрахани определенные бурмистры, ларечные и целовальники собирали прибыль в казну, которой ежегодно должно было доставляться не менее пятидесяти тысяч рублей. Они же смотрели за приготовлением икры и за солением рыбы. Все рыбные промыслы на Волге состояли под ведением астраханской рыбной конторы, и под ее начальством состояли конторы в Саратове и в Гурьеве-городке на Яике. Но в 1760 году яицкому казачьему войску пожаловано было право добывать у себя и продавать по всей империи икру, не подчиняясь астраханскому откупу.

А.П. Лосенко. Портрет актера Ф.Г. Волкова

Производство хлебного зерна и торговля им принимали более широкие размеры во время урожая и стеснялись при неурожаях. Так, в 1744 году по случаю плохого урожая во всей России запрещен был вывоз хлеба за границу. В 1749 и 1750 годах произошли неурожаи в губерниях Белгородской, Смоленской, а отчасти и Московской. Тогда предписывалось на семена и на прокормление крестьянам выдавать ссуду из казенных магазинов, а потом приказано было переписать у помещиков наличный хлеб и, по свидетельству приставленных к этому делу штаб- и обер-офицеров, выдавать нуждающимся займы без процентов. В 1761 году указано было владельцам частных имений с начальством дворцовых и синодальных властей содержать у себя хлебные запасные магазины на случай необходимости для продовольствия крестьян.

Много выработанного хлебного зерна шло на винокурни. Казенное производство хлебного вина отдавалось на откуп с подрядов: откупщики, взявшие подряд, курили вино или на казенных, или на собственных заводах. Помещики-дворяне имели право курить у себя вино и доставлять его в казну либо оставлять у себя для домашнего обихода, платя за то в казну по три копейки с ведра простого и по шести копеек с ведра двойного вина. Казенное вино при Елисавете Петровне продавалось ведрами по 1 рублю 88 копеек, а кружками – по 1 рублю 92 копеек за ведро³⁶⁵. Малороссия и войско донское пользовались по старине правом свободного винокурения, в 1750 году то же право дано и яицкому войску. Малороссияне могли повсюду прово-

---

³⁶⁵ Указ 15 февраля 1755 г.

зять с собой свое вино, но только для собственного обихода, а не для продажи. Варение пива и меда для своего обихода не подлежало никаким поборам. В большей части империи казенное вино отдавалось на откуп в срок 1 ноября. Корчемство строго преследовалось и наказывалось большими штрафами; кроме того, «подлых людей» подвергали еще и телесному наказанию. Корчемные дела ведались в корчемной канцелярии, находившейся под управлением камер-коллегии, а в губернских городах, кроме губерний Остзейской, Сибирской и Киевской, устраивались корчемные конторы. В Петербурге и Москве устраивались «герберги», или трактирные дома, где кроме вин можно было требовать чай, кофе, шоколад, курительный табак и комнаты с постелями. За право содержать такой «герберг» платилось в казну от пятисот до тысячи рублей в год³⁶⁶. С 1758 года откупщики обязаны были при каждом взносе откупной суммы давать еще пожертвования на университет. Иностранные напитки не подчинялись налогам. Туземного виноградного вина в России не было, только в Киеве была сделана проба заведения виноградников. Это казалось новизной, но тогда уже позабыли, что в XVII столетии там были виноградники в изобилии, и Печерская лавра угощала своих гостей собственным виноградным вином. Тутовые деревья, с надеждой завести со временем шелководство, насаживались также в Киеве, но без большого успеха.

Табачное производство отдавалось в откуп при Елисавете Петровне на четыре года. Первым откупщиком был купец Матвеев за 428 рубль 91 копейку. Черкасский, то есть малороссийский, табак позволялось возить в Великороссию и Сибирь беспошлинно, но не променивать сибирским инородцам на рухлядь. Табачное производство в короткое время так поднялось, что уже в 1753 году курительный картузный табак отдан был на шесть лет на откуп за 63 662 рубля. Иностраным табаком можно было торговать свободно.

О металлическом производстве есть сведения от начала царствования Елисаветы Петровны. При Анне Ивановне все заводы были отданы в частное владение, за исключением Гороблагодатских, которые были оставлены в собственность казны и сдаваемы на откуп, но в 1744 году один из казенных заводов в Уфимской провинции был отдан в подряд купцу Твердышеву с припиской к заводу крестьянских дворов. На других заводах, сданных при Анне Ивановне с казенного содержания в частные руки, происходили нестроения, частые бунты крестьян, приписанных к заводам. Казенные оружейные заводы – сестрорецкие, чернорецкие и тульские – зависели от оружейной канцелярии, находившейся в ведении военной коллегии.

В 1745 году главный магистрат обратил внимание на возобновление серебряного черного и финифтяного дела, которое некогда процветало, но теперь пришло в упадок. За это дело взялся содержатель Троицких медных заводов Турчанинов и выдумал делать металлические вещи цветов голубого, малинового, пурпурного и зеленого. Стальных изделий фабрика заведена была в 1758 году, и ее основателям внушено было, чтобы их произведения были не хуже штирийских, за которые Россия переплачивала Австрии большие деньги. Церковную утварь дозволено было делать исключительно московскому купцу Кункину, а прочим золотых и серебряных дел мастерам таких вещей отнюдь не делать. Единственной фабрикой золотых изделий заведовал сначала купец Ган, а потом приглашенный из Вены мастер Рейнгольд. Заниматься золотыми и серебряными изделиями вне фабрики, по домам, запрещалось под опасением наказания плетью³⁶⁷. В 1753 году составила компания выработки листового и сусального золота и серебра. Ее основателем был некто Федотов с товарищами, основной ее капитал простирался до 30 000 рублей. Этой компании дозволялось купить себе к фабрике 200 душ крестьян.

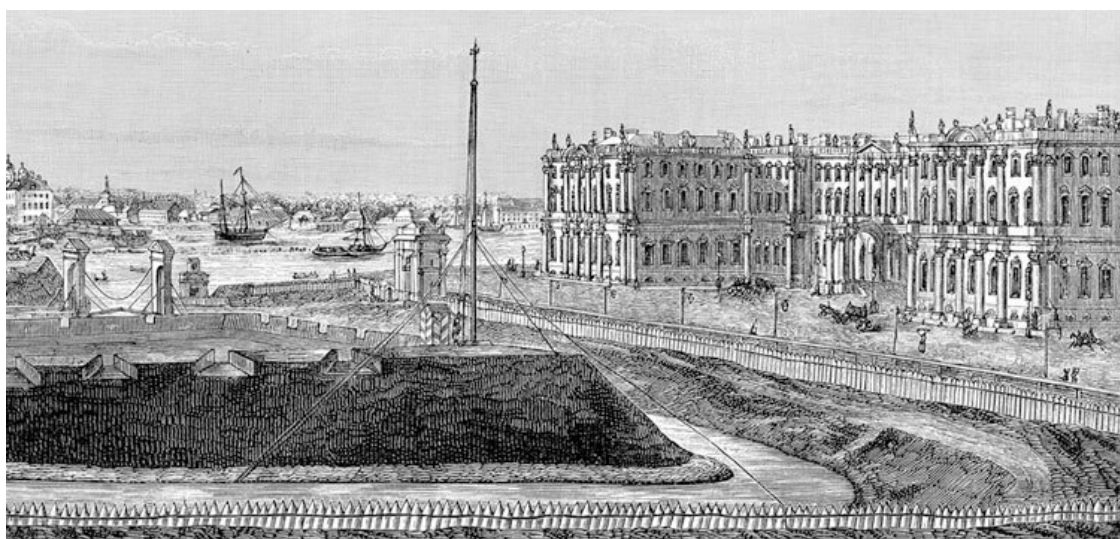
Затем всякие фабрики можно было заводить с разрешения мануфактур-коллегии, а без такого разрешения основанная фабрика подвергалась со всеми своими инструментами конфискации. Суконное производство при Елисавете Петровне стало процветать в Воронеже.

³⁶⁶ Указ 17 сентября 1751 г.

³⁶⁷ Указ 20 сентября 1751 г.

Тамошний купец Постовалов получил привилегию на заведение суконной фабрики, а потом и на заведение бумажной. Ему давалась в Воронеже казенная каменная палата, передавалась бывшая уже суконная фабрика со всеми инструментами, дозволялось купить 50 крестьянских дворов для употребления на фабричные работы, ведать своих крестьян и рабочих, кроме уголовных дел, рубить казенный лес по указанию вальдмейстеров и в течение десяти лет привозить из-за границы материал беспошлинно. Он и его наследники освобождались от всяких податей. За это он был обязан давать ежегодно на армию сукон не менее как на 30 000 рублей и вперед с прибавкой. Дана привилегия всем в России, занимающимся суконным производством: вместо следуемых с их крестьян рекрут – платить сукнами на армию, оценивая каждого рекрута во сто рублей³⁶⁸. Но на суконных фабриках не обходилось без важных столкновений между хозяевами и наемными рабочими. Первые жаловались, что рабочие от них убегают, последние – что хозяева их дурно содержат и притесняют. В таких недоразумениях виноватыми чаще признавались рабочие: их били плетью и ссылали в Рогервик, но фабриканты от этого не выигрывали, а лишившись рабочих, нескоро находили новых, и дело их останавливалось.

Полотняное производство имело свой центр в Новгороде у некоего Шаблыкина. Его ученики по всей России работали для шляхетства скатерти, салфетки и другие вещи. Еще Петр Великий приказывал делать полотна шире тех, которые делались в России, но ни он, ни его преемники, повторявшие его указы, не могли этого добиться и принимали узкие полотна, потому что большее количество русского полотна выдывалось не фабричным, а кустарным способом, и правительство крайне в нем нуждалось для армии³⁶⁹.

Новый Зимний дворец, отстроенный в конце царствования Елисаветы Петровны

Брюссельская уроженка Тереза завела в Москве фабрику нитяных кружев. Ей дозволили ввозить беспошлинно инструменты и купить в России до пятисот душ женского и до двухсот мужского пола, и, сверх того, она получала из казны заимообразно 10 000 рублей без процентов³⁷⁰.

Производство шелковых тканей было любимым желанием императрицы. Посланные Петром Великим за границу дворяне Ивков и Водиллов с целью изучения шелководства по возвращении в отечество при воцарении Елисаветы Петровны, начали делать бархаты, штофы и тафты. Астраханские купцы-армяне Ширванов с товарищами получили в 1742 году привиле-

³⁶⁸ Указы 3 февраля 1743 г. и 20 апреля 1759 г.

³⁶⁹ Соловьев, История России, т. XXII, стр. 36, т. XXIII, стр. 139.

³⁷⁰ Указ 25 августа 1757 г.

гию на содержание в Астрахани и Кизляре фабрик шелковых и бумажных тканей с правом беспошлинно торговать по всей России своими изделиями тридцать лет, а в 1744 году мануфактур-коллегия опубликовала, чтобы желающие заводили в России фабрики для выделки бархатов, штофов и других шелковых тканей, потому что такова воля государыни. Затем француз Антоний Гамбетта получил дозволение построить близ Киева за свой счет шелковичный завод с правом суда и расправы над рабочими в течение восьми лет. Купец Шемякин получил привилегию привозить из-за границы шелк-сырец и обделывать его в разные цвета, а платить за это дозволено сибирскими бобрами и мерлушками, вывоз которых за границу был до сих пор запрещен³⁷¹.

При Елисавете Петровне началось в России шляпное производство. Сначала дали привилегию на устройство шляпной фабрики и на доставку шляп для армии московскому купцу Гусятникову, а потом оказано было покровительство двум другим мастерам, Черникову и Сафьянникову, и кроме этих означенных фабрикантов не дозволялось никому в России выпускать своего изделия пуховых и шерстяных шляп.

Около того же времени завелись в России фабрики для выделки красок. Первый получил право на заведение такой фабрики купец Тавлеев с компанией. Ему дали заимообразно из казны десять тысяч на десять лет и позволили торговать без пошлины в продолжение десяти лет по всей России, а в 1757 году заведены были красочные фабрики в Астрахани и Кизляре, с воспрещением другим лицам заниматься этой промышленностью в течение двадцати лет.

Шпалерная фабрика заведена была сначала в Москве англичанином Ботлером, а потом саксонцем Леманом, который обязался в течение семи лет обучать присылаемых ему учеников из гарнизонных школ.

Знаменитый Ломоносов в 1752 году получил привилегию на основание фабрики разноцветных стекол, бисера и стекляруса. Он основал завод в Копорском уезде, к заводу было приписано 200 душ и дано ему заимообразно 40 000 рублей на пять лет без процентов, а в 1760 году купцу Мальцову дано дозволение на основание стеклянных заводов на расстоянии двухсот верст от Москвы и не ближе Ямбургского уезда от Петербурга. Ему дозволялось купить 50 душ без земли, а его фабричные дома по всей России освобождались от постоя.

---

³⁷¹ Соловьев, т. XXII, стр. 36. – Указ 20 января 1760 г.

Император Петр III

Сообразно взглядам Петра Великого и при императрице Елисавете также признавалось необходимым для преуспевания торговли расширение образованности в купечестве. В этих целях коммерц-коллегия поручила секретарю Академии наук Волчкову перевести с французского языка экстракт из лексикона о коммерции, чтобы доставить купечеству полезное чтение по своей специальности. Торговля везде привлекает в край иностранцев, и в России было то же. Иностранцы толпились в ней. Греки, как единоверцы русским, пользовались вниманием перед другими, их нежинская колония пользовалась правом самосуда и неприкосновенности их национальных обычаев. Сенат докладывал о допущении евреев торговать на ярмарках, но Елисавета Петровна дала ответ, что не желает выгод от врагов Христовых³⁷². Такое строго православное отношение не касалось прочих восточных иноверцев. Дозволено было персидским торговцам жить временно в России для торговли, соблюдать свои обычаи и свои религиозные обряды. В Астрахани разные восточные народы жили особыми слободами, не записываясь в купечество, и отправляли свои богослужебные обряды, будучи свободны от постоя и всяких служб: тут были и армяне, и персияне, индийцы, хивинцы, грузины. Всем иностранцам запрещалась розничная торговля в России, но купцу армянину Макарову дано было право торго-

---

³⁷² Указы 3 ноября 1742 г. и 16 декабря 1743 г.

вать в розницу, и его дворы в Москве, Петербурге, Астрахани и Кизляре были свободны от всяких повинностей. Торговля с азиатами считалась очень выгодной, и в 1747 году основана была компания для отправки в Константинополь мягкой рухляди, железа, полотен, канатов, юфти и холста. Учредителем был купец, составивший компанию на акциях, каждая акция в 500 рублей. Главные конторы этой компании были в Москве и в Темерниковском порте (ныне Ростов-на-Дону). В 1758 году учредилась другая компания, армянина Соханова, в 400 акций, каждая в 150 рублей, а в 1760 году – третья компания, графа Воронцова, для торговли с Хивой и Бухарой с привилегиями на тридцать лет.

Купечеству и крестьянству дозволялось торговать – первому, представляя для торговли собственный капитал не менее как от 300 до 500 рублей, а последнему – вести мелочную торговлю предметами крестьянского быта в ближайших городах. Петербургским купцам дозволялось держать собственные мореходные суда для перевозки товаров из Кронштадта в Петербург. Владеть крепостными крестьянами купечеству запрещалось, исключая фабрикантов, но относительно права владеть холопами, которые в то время еще различались от крепостных крестьян, спрошенный об этом сенат в 1744 году отвечал, что это право на основании старых узаконений предоставляется не только купцам, но также посадским и мастеровым.

В первые годы царствования Елисаветы Петровны торговля стеснялась стремлением правительства уменьшить роскошь, которая непомерно развилась в одежде и домашней обстановке знатных особ при Анне Ивановне. Сообразно прежним распоряжениям Петра Великого в 1743 году состоялся указ о ношении платья по чинам и по классам; так, шелковой парчи платье, в четыре рубля аршин, могли носить только особы первых пяти классов, лицам же VI, VII и VIII классов дозволялось носить парчу только в три рубля за аршин; прочим, ниже классом – только в два рубля, а не имеющие рангов не смели носить даже бархата и класть шелковых подкладок под свои одежды, их жены и дочери подчинялись тому же правилу в своих нарядах. На русских фабриках указано уменьшить производство золотных и серебряных материй, а иностранцам и русским купцам не дозволялось ввозить на продажу тканей и сукон дороже семи рублей за аршин. За несоблюдение этого указа – конфисковать у русских купцов товары, а с покупателей брать штраф на госпиталь. Но в 1745 году дозволено было как русским, так и иностранным купцам привозить на продажу золотные материи, бахромы и позументы, – только по привозе в Петербург объявлять о них царскому гардеробмейстеру, для выбора из них того, что будет признано годным для двора. В 1761 году опять последовало запрещение ввоза некоторых предметов роскоши, как, например, блонд и галантерейных товаров. Но как мало достигали своей цели такие распоряжения против роскоши, показывает то, что когда потребовались для армии железные вещи, то их недоставало, а между тем предметов роскоши изготовлялось немало. Замечено было, что умножалась контрабанда такими товарами, и в Петербурге стали ходить по домам с лотереями, предлагая для выигрыша разные контрабандные вещи. Сенат запретил такие разносы, но, несмотря на все строгие меры, до конца царствования Елисаветы контрабанда находила себе лазейки.

Торговать купцы должны были в гостиных дворах. В Петербурге в 1748 году воздвигнут был новый каменный гостиный двор с погребами и внутренними галереями, с железными дверями и ставнями. В Москве каменный гостиный двор был построен в 1754 и 1755 годах, вследствие чего предварительно были сломаны деревянные лавки, шалаши и харчевни, наполнившие во множестве торговую площадь.

Торговля в России издавна стеснялась множеством мелких внутренних пошлин, но при императрице Елисавете Петровне настала эпоха ее освобождения. Уже тотчас по вступлении на престол Елисаветы камер-коллегия представила проект – все казенные сборы отдать на откуп или в компанию, а в 1753 году по проекту Петра Шувалова уничтожались ряд мелких пошлин, а именно: с найма извозчиков, со сплавных судов, с клеймения хомутов, валечные, подвижные пошлины, пошлины с лошадиных и яловичных кож, с пригонной скотины, привальные,

отвальные, с яйцкой рыбы, десятый сбор с мостов и перевозов, с ледакола, с водопоя, с померных четвериков, с продажи дегтя, с мелких товаров, с жернового камня, с горшечной глины, с проезжих грамот, с объявления выписей торговых людей, вычетные у винных подрядчиков и у обывателей при выдаче денег за поставленное ими вино. Учредилась комиссия для рассмотрения пошлинных сборов, а 23 января 1754 года вышел повторный указ, которым уничтожались все статьи, исчисленные в указе 1753 года, и вместо них вводилась однообразная внутренняя пошлина – 13 копеек с рубля. Шувалов рассчитал, что весь доход прежних внутренних мелких пошлин составлял в итоге 903 537 рублей, а с пограничных таможен привозилось и вывозилось товаров на 8 911 981 рубль, и если сумму 903 537 рублей разложить на означенный товар, то придется на рубль положить по 10 коп. с дробями, а если со всех привозных и отвозных товаров брать по 13 копеек с рубля, то сверх желаемой суммы получится еще излишек 255 020 рублей³⁷³.

Дворец в Ораниенбауме

Вслед за тем последовало распоряжение относительно торговли с Малороссией и с иностранными краями через Малороссию. Ту же внутреннюю пошлину – 13 копеек с рубля – велено брать с доставляемых из Малороссии товаров – рогатого скота, овец, щетины, конопляного масла, а также и с привозимых из польских областей в Малороссию пеньки, воска, сырых воловьих кож и всякого зернового хлеба. Для расширения внутренней русской торговли указом 1755 года прекращен был вывоз за границу из России пеньки, вина, юфти и сала.

³⁷³ Указ 23 января 1754 г. – Соловьев, История России, т. XXIII, стр. 220.

В том же году издан был таможенный устав, где изложены были основания торговли на новых началах и определены доходы казны с торговли. Мы укажем на некоторые важнейшие правила этого устава. Русским дворянам предоставлялась полная свобода возить свои произведения на продажу во все русские города и за границу. Купцы-хозяева могли посылать своих приказчиков по торговым делам с доверительными письмами, засвидетельствованными в магистрате. Ездить с товарами можно было только по большим дорогам, а не по проселочным. Жалобы и доносы приказчиков и сидельцев на хозяев не принимались. Суд между купцами и их рабочими производился даже и тогда, когда между ними не было никаких записей. Иностранцам, не записанным в купечество, не дозволялось торговать между собой внутри России. Все купцы должны были продавать свои товары в лавках, а не в домах, но дозволялось хранить в своем доме, не продавая, такие товары, которые подвергались скорой порче. В случае утайки пошлин и всякого неправильного способа торговли товар подвергался конфискации, а доноситель получал половину; но если донос оказывался неправым, то доноситель подвергался штрафу в 200 рублей. Для разбора дел между купцами учреждались особые словесные суды. Для охранения торговцев от грабительств по дорогам снаряжались команды из близко расположенных полков. Купцы могли ездить за границу с аттестатами о своем добропорядочном поведении и, уезжая за границу, оставлять эти аттестаты в пограничных таможах, чтобы обратно получать их по возвращении. Их обязывали в чужих краях не переменять веры. При Елисавете Петровне числилось в России всего 28 пограничных таможен.

Важным делом для оживления торговых оборотов в России в царствование Елисаветы было учреждение банков – дворянского и купеческого. Еще при Анне Ивановне обратили внимание, что ростовщики берут неимоверно высокие проценты. Тогда открыли кредит в монетной конторе, откуда при обеспечении залогами желающим выдавались займы суммы на срок, потом кроме монетной конторы стали выдавать ссуды из других правительственных учреждений: из адмиралтейской коллегии, из главного комиссариата, из канцелярии главной артиллерии и фортификации. В 1753 году правительство по инициативе Петра Шувалова решило учредить банк для дворянства, приняв все предосторожности, чтобы выданные в ссуду деньги были надежны к возвращению, а в марте 1754 года был учрежден другой банк – для купечества. Дворянский банк образовался вначале из суммы 750 000 рублей, собираемых с вина, а купеческий – из капитальных сумм, находившихся в монетных дворах в количестве пятисот тысяч. Из первого могли получать ссуды только русские дворяне, владельцы недвижимых имуществ, из второго – русские купцы, торговавшие при петербургском порте³⁷⁴. Но купеческий банк вначале шел неудачно, хотя процент с купцов, по шести в год, был невысок; купцов стесняло то, что они должны были давать в залог товаров на четвертую долю более занимаемой суммы. В первый год от марта до августа не обращался в банк никто. Спрошенные об этом купцы объяснили, что опасаются оставлять в залоге в банках свои товары, это возбуждает сомнение у иностранных купцов насчет их кредита, притом же, даваемый им полугодичный срок слишком короток, и они не могут справиться. Они просили, чтобы вместо оставления в хранении банка залогов им позволили представлять надежные поруки и срок бы им давался годичный. Сенат, рассмотрев их просьбу, нашел ее основательной и установил правила по их желанию.

³⁷⁴ Соловьев, Ист. России, т. XXIII, стр. 246.

Х. Болезнь и кончина императрицы Елисаветы Петровны

Императрица Елисавета Петровна уже несколько лет страдала тяжкими болезненными припадками. Такие припадки происходили в неопределенное время, сперва были редки, потом стали учащаться. Это обстоятельство долго от всех скрывалось, и мы не знаем года, когда началась болезнь. Известно только, что она стала явной всем в 1757 году, когда весть о припадке с ней, случившемся в Царском Селе, как бы предвещала близкую кончину государыни и несомненную перемену в политике ее наследника, и побудила генерала Апраксина возвратиться из похода в Пруссию к русским границам. В 1758 году был у государыни другой припадок в том же Царском Селе, впрочем, еще остается сомнительным – происходило ли это в тот же или в предыдущий год. В «Записках Екатерины Второй»³⁷⁵ указывается, что произошло это после того, как в Россию пришло известие о Цорндорфском сражении, – и это заставляет нас отнести припадок болезни, о котором будет речь, к 1758 году. Как бы то ни было, имп. Екатерина рассказывает, что 8 сентября, в день Рождества Богородицы, государыня пошла из Царскосельского дворца пешком к обедне в приходскую церковь, находившуюся в нескольких шагах от ворот дворца. Только что началась обедня, императрица почувствовала себя дурно, сошла по крыльцу и, дойдя до угла церкви, упала без чувств на траву. В церкви было много народа, который сходил туда на праздники из окрестных деревень. С государыней не было никого из ее свиты. Императрица лежала без движения; толпа, окружив ее, смотрела на нее, но никто не смел к ней прикоснуться. Наконец дали знать во дворец: явились придворные дамы, прибыли и два доктора. Ее покрыли белым платком. Она была велика ростом, тяжела и, падая на землю, ушиблась. Хирург тут же на траве пустил ей кровь, но государыня не приходила в чувство. Ей пришлось пролежать таким образом около двух часов, по прошествии которых ее привели немного в чувство и унесли во дворец. Весь двор и видевший это народ пришли в смятение и ужас, тем более что о болезни императрицы мало кто и знал. С тех пор припадки стали повторяться чаще, и после припадков государыня в течение нескольких дней чувствовала себя больной и до такой степени слабой, что не могла внятно говорить.

---

³⁷⁵ Русский перевод, стр. 215.

Екатерина II в траурном одеянии по императрице Елисавете Петровне

Уже давно Елисавета Петровна была в раздумье относительно своего наследника, и только чрезвычайная, материнская любовь к нему останавливала ее и не допускала к решительным мерам. В исходе 1760 или в начале 1761 года Иван Иванович Шувалов в соумышлении с другими лицами задумал подействовать на императрицу и убедить ее изменить распоряжение о престолонаследии. Некоторые из тех, с кем он советовался, думали выслать из России и Петра Федоровича, и супругу его и объявить наследником шестилетнего Павла Петровича; другие находили, что невозможно разлучать малолетнего сына с матерью, и подавали совет выслать из России одного великого князя Петра Федоровича. Иван Ив. Шувалов сообщил об этом Никите Ив. Панину, занимавшему уже должность воспитателя при великом князе Павле Петровиче. Никита Ив. Панин, выслушав это, дал такой ответ: «Все сии проекты суть способы к междоусобной гибели; не можно ничего переменять без мятежа и бедственных средств из того, что двадцать лет всеми клятвами утверждено. Впрочем, – прибавил Панин, – если бы большой императрице представили, чтобы мать с сыном оставить, а отца выслать, то большая в том вероятность, что она на то склониться может». Но придворные скоро изменили свои наме-

рения и, напротив, стали заискивать расположения и милости у будущего императора. Сам же он никогда и не узнал об этом намерении³⁷⁶.

В 1761 году здоровье Елисаветы Петровны становилось день ото дня хуже. Она почти постоянно была в постели, но заставляла читать себе доклады. Ей очень хотелось переселиться в новый Зимний дворец, который тогда отстраивался, но архитектор Растрелли для окончательной его отделки запросил большую сумму, а казна в тогдашних обстоятельствах затруднялась ее выдавать. Во-первых, много издержек шло на продолжавшуюся войну; во-вторых, в Петербурге произошло домашнее несчастье: на Малой Неве сгорели амбары с пенькой и вином, а на реке – много судов, так что купечество понесло убытки на миллион с лишком рублей. Надобно было придумать средство помочь погоревшим; обратились к купеческому банку, но в нем недоставало столько суммы, сколько было нужно, так что сенат решил сделать добавку из других средств³⁷⁷.

В конце ноября Елисавете Петровне стало лучше; она начала заниматься делами и объявляла сенату свое неудовольствие за медленность в решении дел. Но 12 декабря с императрицей сделалась жестокая рвота с кровью и кашлем; медики заметили зловещие признаки скорой смерти. По примеру предков, которые всегда, предчувствуя близкую кончину, делали разные милости подданным, императрица 17 декабря через Олсуфьева объявила сенату именной указ – освободить всех содержащихся во всем государстве людей по корчемству, уничтожить следствия, возвратит ссыльных и изыскать способ заменить другими средствами соляной доход, собиравшийся с великим разорением народа. 20 декабря Елисавета Петровна чувствовала себя особенно хорошо, а 22 числа, в 10 часов вечера, сделалась опять жестокая рвота с кровью и кашлем, и врачи прямо объявили, что здоровье государыни в крайней опасности. Выслушав такое объявление, императрица 23 декабря исповедовалась и причастилась Св. Тайн, а 24-го изъявила желание собороваться. Вечером, накануне праздника Рождества Христова, Елисавета Петровна приказала читать над собой отходные молитвы и сама повторяла их за духовником. Вся ночь после того и все утро следующего дня прошли в агонии. Великий князь и великая княгиня находились неотступно при постели умирающей. В приемной, перед спальней, собрались высшие сановники и придворные. В начале четвертого часа пополудни вышел из спальни старший сенатор, кн. Никита Юрьевич Трубецкой, и объявил, что «императрица Елисавета Петровна скончалась и государствует в Российской империи его величество император Петр III»³⁷⁸.

Обозревая царствование императрицы Елисаветы Петровны, нельзя не отметить двух важных дел этого царствования в области внутреннего управления: распространения просвещения, которому много содействовало учреждение университета и гимназий, и уничтожение внутренних таможен, сильно парализовавших русскую торговлю в продолжение долгого времени. И то, и другое дело, как мы видели, устраивалось представлениями и трудами Шуваловых. Что касается внешней политики, то вмешательство России в Семилетнюю войну ничего не принесло ей, кроме истощения, и возбуждало всеобщее неудовольствие даже в войске.

Обычно ставят в заслугу Елисавете Петровне уничтожение смертной казни и некоторое смягчающее движение в законодательстве относительно употребления пыток при расследованиях; но мы не видим тут смягчения нравов и проявления человеколюбия, потому что в рассматриваемую эпоху продолжались страшные пытки – рвание ноздрей, битье кнутом, урезание языка и тяжелые ссылки, часто даже людей совершенно невинных. Народные массы не наслаждались довольством, спокойствием и безопасностью: несомненным свидетельством этому служат разбойничьи шайки, препятствовавшие не только торговле и промыслам, но даже

---

³⁷⁶ Письмо Екатерины, напеч. в «Русском Архиве», 1863 г.

³⁷⁷ Соловьев, История России, т. XXIV, стр. 416.

³⁷⁸ Соловьев, История России, т. XXIV, стр. 418.

мирному состоянию обывателей, а крестьянские возмущения, постоянно требовавшие укрощения воинскими командами, разразились народными волнениями в близкое этому царствованию время императрицы Екатерины Второй.